

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Механизмы

политической жизни

Opuscula selecta III

STUDIA HISTORICA

STUDIA HISTORICA

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Механизмы
политической
жизни

Opuscula selecta III

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2022

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
С90

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории
Российской Академии наук

Ответственный редактор – доктор исторических наук *С. Г. Карпюк*

Рецензенты:
академик РАН, доктор исторических наук *М. Д. Бухарин*,
кандидат исторических наук *А. А. Синицын*

Суриков И. Е.

С 90 Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III). —
2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 688 с. — (Studia historica.)

ISBN 978-5-907498-01-3 (т. 3)

ISBN 978-5-6040195-9-7

В книге рассматриваются различные вопросы, связанные главным образом с теми политическими процессами в древнегреческом мире, которые не имели строго институционального характера. В частности, ставится проблема групп, интересов, ценностей в общественной жизни; большое место занимает тема места аристократии в эллинской политике, родственных и брачных отношений в среде аристократов (очень активно привлекаются данные просопографии и ономастики); на ряде сюжетов демонстрируется, как в условиях греческого полиса находились в теснейшей, синтетической связи друг с другом самые различные сферы бытия: политика, экономика, право, культура.

Книга предназначена для историков-антиковедов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и всех, кто интересуется историей и культурой Древней Греции.

The book deals with various problems connected mainly with those political developments in Ancient Greek world, which were not of strictly institutional character. In particular, it considers the issue of groups, interests, and values in public life; a major place is given to the topic of the aristocracy's place in Hellenic politics, of kinship and matrimonial ties between aristocrats (the data of prosopography and onomastics are used very actively); the author demonstrates on a number of examples, how very diverse spheres of being, such as politics, economics, law, and culture, were closely and synthetically connected with each other in the conditions of the Greek polis.

The book is for ancient historians, for lecturers and students at universities' humanitarian departments, and for all who take an interest in the history and culture of Ancient Greece.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

В оформлении переплета использовано:

*«Кентавр и лапиф». Метопы № 28 с южной стороны афинского Парфенона.
Школа Фидия. V в. до н. э.*

ISBN 978-5-907498-01-3

9 785907 498013 >

© И. Е. Суриков, 2022
© Издательский Дом ЯСК, 2022

*Светлой памяти
Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010)
посвящается эта книга*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9

Раздел I

Группы, интересы, ценности во внутренней политике

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы)	15
От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н. э. и их «электорат»)	40
Функции института остракизма и афинская политическая элита	67
Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории	103
Между ΙΣΟΙ и ΟΜΟΙΟΙ: Варианты унификации граждан в античной Греции	122
Демонология демократии: Несколько сюжетов из истории Афин V в. до н. э.	137
Аккумуляция латентного варварства в Афинах V в. до н. э., или Путь в бездну	164
Демократия и гетерии: Некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э.	188
«Путч черных капитанов» (Изменения в составе афинской политической элиты V в. до н. э. и их последствия)	196
Некоторые проблемы лаконофильского переворота 404 г. до н. э. в Афинах и правления «Тридцати тиранов»	204
Страх и напряженность в Афинах времен крушения «великого проекта»	214
Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии	224
Сумерки «олимпийца»: О «развенчании» Перикла в одной недавней книге	240

Раздел II

Семья, роды, родство в политической жизни

Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS	251
Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа)	263
Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии	272
Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии)	285
Геродот, Филаиды и Алкмеониды (Несколько слов по старой теме в связи с ее нынешним состоянием)	299
Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: Истоки феминизма или матримониальная традиция?	313
Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: А был ли «нимфейский след»?	320

Раздел III

Политика в свете данных ономастики и просопографии

Острака и афинская просопография	345
Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов	363
К интерпретации имени Арифрона на острака	384
Как звали отца эвбейца Онета (Herod. VII. 214)?	393
Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: О пользе комбинированного использования данных	400
Ономастика и история Афинской морской державы (Некоторые замечания)	412
Друзья и враги Антифонта (Просопографический этюд)	424
Афинские Фанагоры	453
Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи	465

Раздел IV

Политика, экономика, право, словесность: На стыке сфер

Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): Проблемы интерпретации и датировки ..	477
О монетном деле Афин конца периода архаики (Исторический контекст перехода от Warrenmünzen к «совам»)	487
Попытка торговых санкций в классической Греции: Мегарская псефисма Перикла и ее последствия	493
Коллегиальность древнегреческих магистратур: Проблемы, нормы и аномалии	503
Государственность и письменность в античном греческом мире: Некоторые аспекты корреляции двух сфер	518
Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах	533
Фрина, обнаженная Гиперидом, или Риторика жеста в античных Афинах (К вопросу о невербальных элементах дискурса)	539

Раздел V

Антифонт: Личность в политике и культуре

Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта	567
Антифонт-оратор и Антифонт-софист: Два лица или все-таки одно?	597
Судьба оппозиционного интеллектуала: Афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик	614
Антифонт – первый в европейской прозе эксплицитный выразитель коллизии «человек/текст»	639
Этопея в судебных речах Антифонта (К постановке проблемы)	667

ПРЕДИСЛОВИЕ

В политологии весьма значимую роль играют категории *политических институтов* и *политических процессов* – отнюдь не совпадающие друг с другом, но всегда существующие бок о бок, тесно взаимодействующие, дополняющие друг друга. В предыдущей книге этого цикла¹ речь шла об институциональных элементах политической истории античной Греции; в предисловии к ней подчеркивалось, со ссылкой на выкладки М. Хансена², что эти элементы в условиях эллинского полиса занимали очень большое место – большее, нежели в современных обществах.

Однако и в греческой античности, конечно, нельзя всё сводить только к институтам; необходимо уделять внимание также и процессам, не имевшим строго институционального характера. В данной книге будут рассмотрены именно они.

В разделе I, наиболее общем по тематике, ставится проблема групп, интересов, ценностей в политической и – шире – общественной жизни, в основном на материале классических Афин. Группа – понятие достаточно широкое, и здесь будет говориться, в частности, о таких весьма различных по характеру группах, как «демотевты» (понятие предложено нами несколько лет назад и, кажется, имеет определенную эвристическую ценность), «триерархи», «лаконофилы» и др.

Следует отметить особое значение такой группы, как «аристократы». По нашему глубокому убеждению, без учета ее позиции просто невозможно сколько-нибудь адекватное понимание политических процессов в Элладе на протяжении всего архаического периода и части классического (а именно V в. до н. э.). Специально подчеркиваем это, поскольку не можем принять получающую всё большее распространение в современном западном антиковедении тенденцию просто отказываться от понятия «аристократия», подменяя его понятием «элита»³. Это контрпродуктивно, поскольку два данных термина отнюдь не являются полными синонимами. Категория «элиты» вполне

¹ Суриков И. Е. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II). М., 2018.

² Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 263–269.

³ См. сравнительно недавний и очень яркий образчик подобного подхода: Duploux A. Le prestige des élites: Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C. P., 2006.

имеет право на существование, но ее недопустимо отождествлять с категорией «аристократии». Аристократия – один конкретный вид элиты общества, и единственно эффективным подходом будет не отрицать или затушевывать его наличие, а пытаться понять, в чем ключевая специфика именно этого вида в сравнении с другими.

В разделах II и III мы имеем дело именно с такими вопросами. В кругу аристократов, в творимой ими политике исключительно большое место занимали родственные (и связанные с ними брачные) отношения. Родство часто было одним из главных критериев при формировании политических группировок, политические альянсы скреплялись матримониальными узами и т. п. Так, без знаменитых родов, обитавших в Афинах, – Алкмеонидов, Филаидов и др. – вообще невозможно представить себе историю этого полиса в VI–V вв. до н. э. Подчеркнем еще, что сам феномен греческого (во всяком случае, афинского) рода-γένος был феноменом чисто аристократическим (в отличие от реалий Рима, где в систему родов входили все граждане), о чем специально говорится нами в одном из очерков раздела II.

Аристократические роды эллинов часто плодотворно бывает рассматривать с применением просопографического метода. Просопография чем дальше, тем больше становится важной вспомогательной дисциплиной классического антиковедения, равно как и тесно связанная с ней ономастика. Дело в том, что – и это еще одна интересная особенность практики именно знатных семейств – в их среде складывались и существовали устойчивые семейные ономастические комплексы. Причем эти последние (тезис о их наличии мы в последнее время настойчиво проводим из работы в работу) характеризовались постоянным употреблением конкретного набора не только (и, пожалуй, даже не столько) одних и тех же *целых* имен, но и одних и тех же корневых морфем имен – морфем, свойственных именно данной семье.

Этот выявляемый нами принцип должен оказывать существенную помощь в исследовании греческой просопографии, которая, заметим, в целом гораздо более сложна для анализа, нежели римская; последняя куда «прозрачнее» в силу известных особенностей номенклатуры граждан Римской республики, с такими элементами, как praenomina, nomina, cognomina (так что по имени лица, – например, «Публий Корнелий Сципион Эмилиан» – мы фактически «читаем» его родословную). С греками так не получается, и вот тут хотя бы частичной заменой могут служить наблюдения над корневыми морфемами в антропонимии.

Раздел IV демонстрирует на ряде различных сюжетов, как в условиях эллинского полиса – этой «холистской» в своей основе структуры⁴ – находи-

⁴ Murray O. *Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1990. P. 1–25.

лись в теснейшей, синтетической связи друг с другом самые различные сферы бытия: политика, экономика, право, культура... Все они были не отделены друг от друга, как привычно нам, а, напротив, как бы внедрены друг в друга, составляя некую «великолепную тотальность». Последняя, кстати, ощущается не только в функционировании полисных социумов в целом, но и в индивидуальной деятельности многих крупных представителей этой цивилизации, у которых обнаруживаем большое разнообразие личностных проявлений при некоем едином «стержне». Один из таковых – Антифонт, весьма видный политик (одно время, хоть и недолго, даже возглавлявший государство Афинское), но одновременно выдающийся деятель культуры: оратор, философ-софист, правовед. Ему в книге посвящен раздел V.

* * *

Статьи, из которых составила́сь эта книга, по большей части уже видели свет в различных изданиях; во всех таких случаях нами указывалось место первой публикации. Изменений в тексты мы не вносили, давая их в том виде, **в каком они были написаны**. Последние слова мы выделили не случайно: приводимые тут тексты могут иметь (непринципиальные) отличия от тех, которые были ранее опубликованы, поскольку с последними работали редакторы, а здесь мы приводим именно первоначальные авторские варианты.

Естественно, пришлось унифицировать систему ссылок на предшествующую литературу: в первопубликациях они были, понятно, неединообразными, ориентированными всякий раз на стандарты изданий, для которых предназначались (где-то требовались подстрочные сноски, где-то – концевые, где-то – ссылки по иным системам, например указание фамилии автора и года выхода, с выводом библиографических описаний в отдельный список литературы).

Также в этих ссылках нами были элиминированы практически все сокращения (то есть раскрыты до полных названий соответствующих изданий, в основном периодических) – опять же, именно потому, что в разных местах и системы сокращений использовались разные, а теперь необходимо единообразие. Единственное исключение: мы удержали особенно часто встречавшуюся и, конечно, прекрасно известную каждому из коллег аббревиатуру ВДИ («Вестник древней истории»).

Пожалуй, здесь, в предисловии, уместно сделать оговорку-пояснение относительно множественного числа слова «остракон» (читатель, вероятно, уже по оглавлению заметил, что оно образуется двумя разными способами). Проблемами, связанными с этими черепками для голосования на остракизме, автор занимался многократно и в самые разные годы. В более ранних работах мы писали «острака» (не склоняется), ориентируясь на известные нам

прецеденты⁵. Но чем дальше, тем более неблагозвучным казалось нам это словечко. В какой-то момент подумалось: а почему бы не русифицировать его? С тех пор мы пользуемся только нормально склоняемым «остраконы». Именно потому, что в книгу вошли статьи более чем за 20 лет, в ней встречаются оба написания. Прибегать к унификации нам показалось бессмысленным (тем более что оба варианта имеют право на существование, ни один из них не является ошибочным), помимо прочего, потому, что разнбой есть и в названиях статей (см., например, заголовки двух первых в разделе III), а уж их-то никак не унифицируешь: статьи опубликованы. И, в конце концов, каждый понимает, о каких артефактах идет речь, и поэтому неясностей возникнуть не должно.

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность Сергею Георгиевичу Карпюку, любезно согласившемуся стать ответственным редактором книги; Михаилу Дмитриевичу Бухарину и Александру Александровичу Сеницыну, взявшим на себя труд выступить рецензентами; коллегам по отделу сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, которые при обсуждении рукописи книги в деловой, доброжелательной атмосфере высказали ряд ценных замечаний по тексту (но необходимо, конечно же, оговорить, что за недостатки, в нем оставшиеся, – а их, разумеется, масса – несем ответственность только мы).

Автор посвящает книгу памяти безвременно ушедшего от нас А. А. Молчанова – коллеги, друга, единомышленника. Сделать это тем более уместно, что Аркадий Анатольевич был подлинным виртуозом в области вспомогательных (специальных) исторических дисциплин – ономастики, генеалогии, просопографии и особенно нумизматики, – данные которых активно используются на нижеследующих страницах.

⁵ Например: Кошеленко Г. А. Государство Птолемея // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 174.

Раздел I

ГРУППЫ, ИНТЕРЕСЫ, ЦЕННОСТИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА АТТИЧЕСКИХ ДЕМОВ В ПЕРИОД РАННЕЙ КЛАССИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

В политической системе и политической жизни демократических Афин, начиная с реформ Клисфена, чрезвычайно важное место занимал дем (δῆμος)¹. Дем может быть определен, хотя и не без оговорок, с одной стороны, как административно-территориальный округ², а с другой – как локальная община³,

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

¹ Важнейшие работы общего характера об афинских демах: *Eliot C. W. Coastal Demes of Attica. A Study of the Policy of Kleisthenes*. Toronto, 1962; *Osborne R. Demos. The Discovery of Classical Attika*. Cambridge, 1985; *Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C.* Princeton, 1986.

² Необходимая оговорка заключается в следующем. Территориальный фактор был главным критерием при определении границ между демами только в момент первоначального формирования их системы при Клисфене. В дальнейшем же этот критерий стал весьма расплывчатым, поскольку на протяжении всей афинской истории последующих веков гражданин являлся, как правило, членом не того дема, в котором он реально проживал, а того, к которому были приписаны его предки в момент клисфеновских преобразований. Иными словами, статика членства в деме сочеталась с динамикой различных миграционных процессов (переселения сельских жителей в город и др.), что со временем должно было порождать немалое количество несовпадений. Но в то же время нам представляется слишком категоричным и утверждение Р. Осборна, что демы «не имели физических границ как таковых» (*Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N. Y., 1996. P. 297*). Насколько можно судить, каждый дем все-таки устойчиво ассоциировался не только с группой граждан, но и с определенной территорией, где находились его общественные постройки, святилища, а также продолжало обитать – даже после всех демографических пертурбаций – большинство его членов.

³ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 295: «Δῆμος – территориальное и одновременно политическое понятие – обозначает разом и часть земель, и населяющий их народ». Ср. также: *Надь Г. Греческая мифология и поэтика*. М., 2002. С. 356 сл. Это характерно для самых ранних периодов; в дальнейшем происходит определенная семантическая бифуркация первоначально синкретического термина, в результате чего выкристаллизовываются два уже не совпадающих значения: δῆμος (дем) как территориальная община и ὁ δῆμος (демос) как народ, гражданский коллектив полиса. Одним из побочных следствий такого положения вещей стало, кстати,

естественно выросшая или искусственно созданная⁴. В четырехчленной системе «дем – триттия – фила – полис» он являлся, говоря формально, низшим, так сказать, «первичным» звеном. Однако это его кажущееся низким положение не должно вводить в заблуждение. Для реального функционирования афинской демократии дем имел, пожалуй, большее значение, нежели фила или триттия. По своим ключевым параметрам это низшее звено, как ни парадоксально, в наибольшей степени приближалось к высшему, то есть полису в целом. Дем, как и полис, в полной мере представлял собой политическое единство, чего нельзя сказать о промежуточных структурных единицах.

Клисфеновская фила уже в силу своего дисперсного характера в качестве такого единства выступать не могла. Филы выполняли определенные функции в политической системе (в частности, по филам осуществлялись некоторые жеребьевки⁵, проводилось голосование во время ostracismos⁶; на постаментах статуй героев-эпонимов фил на агоре вывешивались важные объявления⁷), но

широкое распространение в греческом мире личных имен с корнем δημ-, причем уже в архаическую эпоху, когда о политическом, «демократическом» смысле подобного именования вряд ли можно говорить (см.: *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 207). Следует полагать, что эти ранние антропонимы коррелировали скорее с δῆμος, а не с ὁ δῆμος.

⁴ Аттические демы (и, соответственно, демотики – обозначения граждан по демам) зафиксированы в источниках еще до клисфеновских реформ: *Raubitschek A. E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge, MA, 1949. P. 467–468; *Jacoby F.* Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 186 ff.; *Whitehead D.* Op. cit. P. 5–16. Демами назывались в то время в Афинах, как и в других ионийских регионах, сельские общины (в дорийском мире применительно к тому же феномену был более употребителен термин «комы», см.: *Arist. Poet.* 1448a36). Однако до конца эпохи архаики демы Аттики не составляли основу административного деления государства и, скорее всего, не охватывали его столицу – сам город Афины. Последнее стало плодом деятельности Клисфена. Понятно, что новые городские демы были общинами, созданными искусственно, по образцу демов сельских.

⁵ В частности, коллегия 9 архонтов (с секретарем) избиралась путем жеребьевки по филам (*Arist. Ath. pol.* 55. 1). Аналогичным образом обстояло дело с булевыми – членами Совета Пятисот (*Arist. Ath. pol.* 43. 2), с некоторыми другими должностными лицами (*Arist. Ath. pol.* 47. 1–2; 48. 1; 48. 4; 53. 1). Более сложным путем, но тоже отталкиваясь от чередования фил, проводили жеребьевку диететов (*Arist. Ath. pol.* 53. 4).

⁶ На время ostracismos часть агоры огораживалась деревянными досками, и в этом ограждении оставались десять входов, по числу клисфеновских фил (*Philochor. FGrHist.* 328. F 30; *Schol. Aristoph. Equ.* 855). Об этих входах см.: *Raubitschek A. E.* The Gates in the Agora // *American Journal of Archaeology.* 1956. Vol. 60. No. 3. P. 279–282.

⁷ Об этих статуях и их функциях см.: *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 73–81. Датировка статуй эпонимов второй половиной IV в. до н. э. (*Knell H.* Überlegungen

не более того. Интересно, в частности, что выборы должностных лиц, как правило, не осуществлялись путем голосования по филам⁸. Здесь, кстати, выявляется значительное различие между функциями афинских фил и структурно аналогичных им римских триб. Эти последние как раз играли весьма значительную роль в процессе голосования в народном собрании⁹. Далее, деление на триттии в афинском полисе могло использоваться при комплектовании войска¹⁰, при распределении дежурящих в Толосе пританов по «сменам» (Arist. Ath. pol. 44. 1). Однако опять-таки о сколько-нибудь видном месте этих объединений демов в общественно-политической жизни говорить не приходится. Кстати, триттии тоже не всегда были едиными в территориальном отношении; известны случаи, когда входившие в них демы даже не граничили друг с другом¹¹, что, естественно, препятствовало непосредственному общению членов триттий друг с другом.

В противоположность всему этому политическая роль демов выступает весьма выпукло. Не говорим уже о том, что статус гражданина полиса обуславливался в первую очередь именно членством в деме, поскольку гражданские списки (ληξιαρχικὰ ὑραμματαῖα) велись по демам; о том, что демотик (то есть обозначение принадлежности именно к дему, а не к триттии или филе)

zur öffentlicher Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 493), очевидно, неверна, коль скоро одна из них (статуя Пандиона) упоминается уже у Аристофана (Pax 1183 cum schol.).

⁸ Правда, члены коллегии стратегов первоначально, сразу после клисфеновских реформ, выдвигались от фил (Arist. Ath. pol. 22. 2: ἐξ ἐκάστης φυλῆς ἓνα). Но, во-первых, выдвижение от фил и голосование по филам – не одно и то же. Голосовали по кандидатурам стратегов на заседании экклесии, то есть совокупностью всего гражданского коллектива (о выборах в экклесии см.: Hansen M. H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 120–123). Во-вторых, даже и практика выдвижения стратегов от фил была впоследствии оставлена (Arist. Ath. pol. 61. 1), причем произошло это, судя по всему, довольно рано, не позже времени Перикла (Fornara Ch. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 26; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 203). М. Хансен без серьезных оснований относит эту реформу к середине IV в. до н. э. (Hansen M. H. The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 69–70), но такая датировка крайне маловероятна. Последняя общая работа о коллегии стратегов в Афинах: Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

⁹ О трибутных комициях в Риме и проводившихся ими голосованиях см.: Staveley E. S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 129 ff.

¹⁰ См. наиболее подробно: Siewert P. Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.

¹¹ Osborne R. Greece in the Making... P. 301.

был неотъемлемым компонентом официального имени каждого афинянина¹². Еще важнее для нас в контексте данной работы, что дем по своему устройству представлял точную копию полиса¹³, был, по сути дела, полисом в миниатюре. Кстати, тем самым Афины в целом парадоксальным образом приобретали некоторые черты федеративного государства, на что, кажется, еще не обращалось внимание. Дем обладал функционировавшим на постоянной основе штатом выборных магистратов во главе с демархом, наделенным довольно значительными полномочиями¹⁴. И самое главное – в демах регулярно созывались народные собрания (характерно называвшиеся *ἄγορα*), на которых принимались псефисмы¹⁵, кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии¹⁶, и, таким образом, существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной.

Более того, для изрядного числа граждан именно этот вид политической жизни был едва ли не единственным, в котором они могли регулярно участвовать. М. Хансен, наиболее детально в мировом антиковедении изучив вопросы, связанные с посещаемостью афинской экклесии¹⁷, пришел к ответственным выводам: примерно треть гражданского населения Аттики ввиду слишком большой удаленности своего места жительства от Афин вообще почти никогда не имела

¹² Правда, изредка встречаются надписи, где отмечается принадлежность граждан к филам. Обычно это списки афинян, погибших в военных действиях. Одна из самых известных надписей такого рода (IG. I². 929) – перечень павших членов филы Эрехтеиды (ок. 460 г. до н. э.). Демотики в памятниках такого рода, напротив, не фигурируют.

¹³ Ср.: *Hurwit J. M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; Osborne R. The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 265 ff.*

¹⁴ Лучшей краткой сводкой прерогатив демарха на русском языке по-прежнему остается: *Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и правовые древности. СПб., 1997. С. 197.* Обратим внимание на то, что принцип обязательной коллегиальности высших магистратур, характерный для афинского демократического полиса в целом, на уровне дема не применялся. Не означает ли это, что в рамках демов сохранились, пережив многочисленные перипетии политических реформ и революций, какие-то более архаичные структуры, восходящие едва ли не к гомеровскому периоду (вспомним: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель...» – *Hom. II. II. 204*) и на полисном уровне давно элиминированные?

¹⁵ Примеры формулировок псефисм, принятых на собраниях демов, см. в книге: *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 32–34.*

¹⁶ *Stanton G. R. The Rural Demes and Athenian Politics // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 217.* Очень ясное представление о том, как проводились эти собрания, какие вопросы на них обсуждались, какого рода политические махинации использовались, дает речь Демосфена «Против Евбулида» (*Demosth. LVII. 7 sqq.*).

¹⁷ *Hansen M. H. The Athenian Assembly... P. 8 ff.*

физической возможности участвовать в работе этого высшего органа власти в полисе, а еще треть могла делать это лишь спорадически. Таким образом, участие в общественных мероприятиях дема, в котором они жили, было для этих лиц главным способом проявить свою политическую активность. Можно сказать, что «политика» в рамках дема оказывалась для них даже важнее, чем политика на общегосударственном уровне; выборы демарха представлялись событием более значимым, чем, скажем, выборы стратегов, поскольку эти последние были далеко и не влияли напрямую на положение дел в деме, а демарх являлся фигурой, с которой каждому из сельских жителей приходилось считаться всегда.

В последнее время в англоязычной историографии модно оперировать применительно к полисным условиям категорией «face-to-face society». Встречая это выражение, исследователь, естественно, сразу с предельной ясностью понимает, о чем идет речь, но в то же время неизбежно сталкивается с трудностью, связанной с тем, что чрезвычайно затруднительно (да, пожалуй, и просто невозможно) подобрать сколько-нибудь адекватный русский эквивалент. В дальнейшем мы будем пользоваться для характеристики данной реалии термином «малое сообщество» (такой перевод представляется нам, скажем так, наименее неудачным, хотя тоже не идеальным). Следует сразу оговорить, что к полису в целом определение «малого сообщества» или «face-to-face society» применимо далеко не во всех случаях. Скажем, такой полис, как интересующие нас Афины, где во второй половине V в. до н. э. только гражданское население превышало 40 тысяч человек¹⁸, никак не удовлетворяет этим критериям¹⁹. А вот дем им прекрасно удовлетворяет. Практически все его члены действительно должны были знать друг друга в лицо²⁰, в результате чего политическая

¹⁸ Hansen M. H. *Three Studies in Athenian Demography*. Copenhagen, 1988. P. 25 (Хансен говорит даже о 60 тысячах афинских граждан в канун Пелопоннесской войны, что, на наш взгляд, все-таки несколько завышено).

¹⁹ Бесспорно, одним из требований, предъявлявшихся политическими теоретиками к «идеальному» полису, было именно знание всеми его гражданами друг друга в лицо (ср.: Hansen M. H. *The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000. P. 172). Однако Афины отнюдь не были ни идеальным, ни даже типичным полисом (о нетипичности и даже исключительности афинского полиса см.: Polignac F. *de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P.*, 1984. P. 85 ss.; Андреев Ю. В. *Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб., 1998. С. 75).

²⁰ На описанном Демосфеном (LVII.9) собрании дема Галимунт присутствовали 73 демота, при том, что решался важный вопрос о проверке гражданских списков. Правда, дело происходило в IV в. до н. э., когда и численность афинян была меньше, чем в предшествующем столетии, да и гражданская активность массы рядового населения, что бы там ни говорили, в целом снизилась (в силу профессионализации политической жизни и поступательного превращения этой сферы деятельности в удел специалистов; см. об этом: Eder W.

борьба в деме не могла не приобретать предельно (и откровенно) личностный характер.

Коль скоро в аттических демах имела место достаточно активная политическая жизнь, в них неизбежно складывалась политическая элита. Можно, таким образом, говорить о двух слоях или уровнях политической элиты демократических Афин – об элите общеполитической, с одной стороны, и об элите локальной, элите демов – с другой. Если первая привлекает пристальное и оправданное внимание исследователей²¹, то вторая и по сей день в полном смысле слова остается в тени. Кто входил в элиту демов и что источники позволяют сказать об этих лицах? Каково было их происхождение, состояние, политические взгляды, какими механизмами пользовались они для достижения и удержания влияния? Как можно охарактеризовать взаимоотношения элиты демов с рядовыми демотами? На все эти вопросы пока нет ответа, потому что они, в сущности, еще всерьез не ставились. «Второй слой» афинской политической элиты остается «белым пятном» в наших знаниях, он фактически еще не найден, поскольку его никто не искал.

А между тем обнаружить и описать элиту демов необходимо. Это будет способствовать значительно лучшему пониманию феномена афинской демократии в целом, системно-структурных связей внутри нее. Определенные результаты приносит, конечно, и изучение «верхушки айсберга», которое имеет место на нынешнем этапе антиковедческих штудий, но никогда не следует забывать и о той (несравненно большей) части айсберга, которая скрыта от наших глаз. Приведем некоторые соображения, которые, насколько можно судить, свидетельствуют об актуальности исследования политической элиты демов.

Демы являлись (автор надеется, что читатели простят ему чрезмерно современное выражение) в известном смысле «кузницей кадров» для общеполитических структур. Иными словами, многие политики начинали свою карьеру именно в демах, с тем чтобы впоследствии, набравшись опыта и получив определенную известность, перейти на более высокий уровень²². Правда, это

Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 23; Mossé C. La classe politique à Athènes au IVeme siècle // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 67 ff.). К тому же собрание, о котором идет речь, ввиду своего экстраординарного характера проводилось в Афинах, а не на территории дема, что тоже должно было воспрепятствовать некоторым демотам прибыть на него.

²¹ См. из важнейших работ последних лет: Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989; Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989; Mossé C. Op. cit.; Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

²² Whitehead D. Op. cit. P. 313; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 98.

суждение требует некоторых уточнений. С одной стороны, политические лидеры самого первого ранга, происходившие из знатнейших семей, не нуждались в подобной «раскрутке». Аристид или Кимон, Перикл или Алкивиад выступали на арену общественной жизни сразу как деятели государственного, а не локального масштаба. Впрочем, понятно, что таковых было заведомое меньшинство, причем меньшинство незначительное. Нарративные источники по вполне объяснимым причинам уделяют преимущественное внимание именно их судьбам, но нам совершенно не обязательно воспроизводить ту же аберрацию. С другой стороны, бесспорно, были и такие политики, которые в течение всей своей жизни так и оставались в рамках дема, не стремясь ни к чему большему²³. Это был, так сказать, высший возможный для них предел. Однако в целом изучение политической элиты демов может способствовать уяснению ее соотношения с элитой всего полиса.

Укажем и еще на одно обстоятельство аналогичного порядка, о котором отчасти уже упоминалось выше. Если дела общеафинские являлись актуальными далеко не для всех граждан (ввиду физической невозможности для многих из них регулярно участвовать в работе экклесии, не говоря о других полисных органах), то дела дема, естественно, были близки каждому. В них чувствовал себя компетентным любой член гражданского коллектива, они воспринимались как нечто свое, родное, как близкая и понятная среда. Соответственно, с магистратами дема, с политической элитой дема жители Аттики сталкивались буквально ежедневно, общение такого рода было имманентной частью их повседневной жизни, а элита общеполисная отнюдь не занимала в ней столь же большого места. Стоит упомянуть в данной связи передаваемый античными авторами (наиболее подробно: Plut. Arist. 7; см. также Nep. Arist. 1; Plut. Mor. 186ab; Philostr. Vita Apoll. VII. 21) известный эпизод с Аристидом и крестьянином, имевший место в 482 г. до н. э. Некий неграмотный житель одного из сельских демов во время остракизма подошел к политику, прозванному «Справедливым», и попросил его надписать черепок против него же самого, что Аристид немедленно и сделал²⁴. При этом выяснилась характерная деталь:

²³ Ср.: Osborne R. Demos... P. 87.

²⁴ Мы не касаемся здесь вопроса о том, насколько историчен этот эпизод. В исследовательской литературе встречаются мнения как в пользу его историчности (Harvey F. D. Literacy in the Athenian Democracy // Revue des études grecques. 1966. Vol. 79. P. 592), так и против нее (Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 50). Чрезвычайно интересен один найденный на агоре остракон, на котором какой-то, очевидно, не слишком хорошо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести имя Аристида, но эти попытки оканчивались фальстартами, а ниже требуемое имя было написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот самый ли это остракон? Его публикацию см.: Lang M. L. Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990. P. 36. Как бы

оказывается, крестьянин не знал Аристида в лицо, собственно, поэтому он и обратился к нему с такой просьбой (вот, кстати, прямой аргумент против представлений об афинском полисе как о «face-to-face society»). Итак, лидера общегосударственного масштаба рядовой гражданин не узнал; а возможно ли представить, что он не узнал бы своего демарха? Вопрос представляется риторическим.

Именно дем, а не полис в целом являлся для многих членов гражданского коллектива и привычной средой обитания, и главным местом приложения сил и способностей, в том числе и в общественной жизни. Сам город Афины, где вершились общегосударственные дела, – этот «мегаполис» по меркам классической Греции с его всегдашней суетой и теснотой – представлялся им чем-то чуждым и даже вызывал неприязнь²⁵. Поэтому крестьяне старались посещать его пореже²⁶. Уместно будет процитировать здесь несколько строк труда Фукидида (II. 14–16), посвященных эвакуации жителей сельских демов в Афины, предпринятой в начале Пелопоннесской войны по инициативе Перикла²⁷.

Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях (ἐν τοῖς ἀγροῖς). Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов (ἐτέρων μᾶλλον), афиняне вели с давних пор... Афиняне еще и до сих пор называют акрополь «городом» (πόλις). Итак, афиняне долго жили на всей своей земле (κατὰ τὴν χώραν) самостоятельными общинами (αὐτονομῶ οἰκήσει)... И для всех них – деревенских жителей – предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом (πόλιν)²⁸.

то ни было, если даже признать, что перед нами всего лишь занятный анекдот, он все-таки должен был соответствовать историческим реалиям эпохи. Плутарх и другие авторы не стали бы включать в свое повествование заведомо неправдоподобный рассказ, которому читатели попросту не поверили бы.

²⁵ Ср. самохарактеристику аристофановского Дикеополя (Ach. 33): «испытывающий отвращение к городу и тоскующий по своему дему (στρυγῶν μὲν ἄστυ, τὸν δ' ἐμὸν δῆμον ποθῶν)». Релевантными в данной ситуации представляются мысли Г. А. Кошеленко о противоречии между полисными и городскими структурами: *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

²⁶ Горожане платили им взаимностью. В некоторых надписях начала V в. до н. э. жители сельских демов названы ксенами, то есть чужеземцами (*Frost F. J.* The Rural Demes of Attica // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 173).

²⁷ О стратегии Перикла в этот период см.: *Allison J. W.* Pericles' Policy and the Plague // *Historia.* 1983. Bd. 32. Ht. 1. S. 14–23; *Ober J.* The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 72–85.

²⁸ Мы пользуемся переводом Г. А. Стратановского, в котором, впрочем, нет терминологической точности (и ἄστυ и πόλις переводятся как ‘город’, хотя эти слова далеко не всегда выступают как синонимы).

Это свидетельство современника и вдумчивого наблюдателя крайне важно для нас. Из него прямо вытекает, что для деревенских жителей подлинным полисом был их дем. В сущности, лишь перикловская эвакуация впервые привела к настоящему смешению горожан и селян в единый политический организм. Влияние этого события на эволюцию политической жизни в Афинах еще не оценено по достоинству; не исключено, что по итогам данной работы можно будет попытаться сделать какие-то предварительные выводы на сей счет.

В рамках краткого текста мы, конечно, никак не можем осветить проблематику, связанную с политической элитой аттических демов, во всей совокупности ее аспектов. Наша задача значительно уже – наметить хотя бы в самом первом приближении наиболее перспективные подходы к изучению этого слоя гражданского коллектива. И прежде всего необходимо попытаться попросту идентифицировать его, что уже само по себе сопряжено со значительными трудностями. Такая идентификация, если она окажется успешной, позволит в дальнейшем более или менее ответственно судить об этих лицах и их деятельности уже не с формальной, а с содержательной стороны. Приходится ограничить и хронологические рамки исследования: преимущественное внимание мы уделим афинскому полису первой половины V в. до н. э., периода ранней классики.

Попытаемся обосновать правомерность обращения именно к этому историческому периоду. Во-первых, в истории демократических Афин он занимает особое место²⁹ и может в полном смысле слова быть охарактеризован как переходный. Он начинается реформами Клисфена, создавшими афинскую демократию, и завершается реформами Эфиальта – Перикла, придавшими ей ее «классическую» форму. И если эти последние реформы действительно со временем повели к преобладанию эгалитарных тенденций в политическом устройстве и вытеснению аристократии из общественной жизни³⁰, то клисфеновские преобразования сами по себе еще не подорвали ведущих позиций аристократической

²⁹ К общей оценке этого периода истории Афин и его значения см., в числе прочих, следующие работы: *Martin J. Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 5–42; Frost F. J. Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. Vol. 1. No. 2. P. 66–75; Kinzl K. H. Athens: Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977. P. 199–223; Fornara Ch. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993 (эта последняя работа, вопреки своему заголовку, посвящена преимущественно политической борьбе в раннеклассических Афинах).*

³⁰ О реформах Эфиальта – Перикла и их влиянии на положение аристократической элиты см.: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 24–27.*

элиты в полисе³¹. Скорее напротив, во времена Греко-персидских войн политика еще в очень большой степени структурировалась вокруг лидеров знатного происхождения. Так было, во всяком случае, на общегосударственном уровне.

Во-вторых, в связи с тем, что наше внимание привлекает элита демов, элита локальная, первая половина V в. до н. э. тоже оказывается особенно интересной, поскольку этот хронологический отрезок непосредственно граничит с предыдущей, архаической эпохой. В VI в. до н. э., до Клисфена, во внутриполитической борьбе весьма важное место занимал региональный принцип³². Иными словами, противостояли друг другу представители аристократии основных регионов Аттики (Паралии, Педиеи, Диакрии), возглавлявшие крупные группировки своих земляков и сторонников. Большинство знатных родов имело достаточно четкую «привязку» к тому или иному региону, например Алкмеониды – к Паралии, Писистратиды – к Диакрии, Этеобутады – к Педиее и т. п. (ср.: Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 13. 4; Plut. Sol. 29)³³. Можно уверенно утверждать, что и элита «второго уровня» точно так же идентифицировала себя в региональном аспекте (соответственно местам своих главных резиденций). Клисфеновские реформы покончили с этим политическим «регионализмом». После них мы уже совсем ничего не слышим о Педиее и Диакрии. Паралия сохранилась и даже увеличилась в размерах³⁴, однако теперь она представляла

³¹ Ср.: Brenne S. Ostrakismos... S. 17: после Клисфена персональный состав правящей элиты остался в целом таким же, каким был и до него.

³² Ср. концепцию «регионализма», выдвинутую Р. Сили: Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155–180; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95 ff. Нам неизвестны работы более позднего времени, авторы которых безоговорочно приняли бы эту концепцию во всех ее деталях, но в то же время, пожалуй, никто из исследователей не избежал в той или иной степени влияния взглядов Сили. Справедливости ради следует отметить, что схожие идеи высказывались в отечественной историографии задолго до Сили: Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Учен. зап. ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Л., 1939. Вып. 4. С. 73–88.

³³ Не вполне ясно, каково было место в этой регионально-политической структуре такого влиятельного рода, как Филаиды (ср.: Hopper R. J. 'Plain', 'Shore' and 'Hill' in Early Athens // Annual of the British School at Athens. 1961. Vol. 56. P. 205–206). По некоторым косвенным данным можно полагать, что теснее всего этот род был связан с Диакрией.

³⁴ Это, кстати, довольно сильный аргумент в пользу того, что Клисфен, проводя свои преобразования, не забыл позаботиться о преимуществах для собственного рода. Обычно для подкрепления данного (в основе своей вполне верного) тезиса приводят не слишком-то весомые доводы, указывая на то, что Клисфен распределил Алкмеонидов по двум тритиям филы Антиохиды и т. п. (Lewis D. M. Cleisthenes and Attica // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 22–40; Eliot C. W. Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 3. S. 279–286; Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 1–53; см.,

собой уже не территориально-политическое, а чисто географическое понятие. А что же с элитой аттических регионов? Следует полагать, что она не ушла в небытие. Наиболее видные ее представители стали политиками общеполитического значения, а остальным, наоборот, пришлось «опуститься» на уровень демонов. Там-то мы и имеем шанс обнаружить их и их потомков.

В-третьих, – и это представляется особенно важным в контексте настоящего исследования, – кажется, теперь в нашем распоряжении есть весьма интересный источник, который содержит (хотя это вроде бы пока еще никем не замечено) информацию по интересующему нас вопросу. Речь идет об остраках – надписанных глиняных черепках, которыми афиняне голосовали в ходе проведения остракизма. На сегодняшний день открыто почти 11 тысяч этих памятников; далеко не все они опубликованы, что, естественно, затрудняет работу с ними. К счастью, в самые последние годы положение значительно улучшилось. Если раньше появлялись лишь разрозненные публикации отдельных комплексов острака³⁵, то ныне существует полный каталог имен афинских граждан, фигурирующих на этих «бюллетенях»³⁶.

Без преувеличения можно сказать, что острака – настоящий клад для историка-просопографиста. На них упоминаются, по самым скромным и минималистским подсчетам, более 150 афинян. Разумеется, лишь незначительное меньшинство из их числа (около 10 человек) было действительно подвергнуто остракизму. Остальные появились на черепках для голосования в известной

соответственно, критику подобных построений: *Osborne R. Greece in the Making... P. 299 ff.*). Но при этом часто забывают о более важном – о том, что из трех регионов Аттики Клисфен ликвидировал Педию и Диакрию, но сохранил Паралию, простатами которой издавна считались Алкмеониды. Их связь именно с этой прибрежной областью афинского полиса осознавалась еще во времена Перикла, который назвал одного из своих сыновей Паралом.

³⁵ Важнейшие из этих публикаций: *Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941. S. 51–87; Lang M. L. Op. cit.; Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 147–156; Camp J. M. Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995 // Hesperia. 1996. Vol. 65. No. 3. P. 233–234; Camp J. M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. Vol. 68. No. 3. P. 268–274. О прочих публикациях см.: *Суриков И. Е. Из истории находок острака в Афинах // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2003. Вып. 8. С. 121–131.**

³⁶ Каталог составлен Ш. Бренне. Он существует в двух вариантах: один (*Brenne S. Ostrakismos... S. 87–314*) снабжен довольно подробным (впрочем, при этом в значительной мере формальным) просопографическим комментарием, а второй (*Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 2002. S. 43–72*) скорректирован с учетом новейших находок, но комментарий в нем значительно сокращен.

мере случайно. Никаких конкретных «кандидатур» на изгнание в ходе остракофории не выдвигалось, и каждый афинский гражданин был волен писать на остраконе по своему усмотрению имя абсолютно любого политического деятеля³⁷. Однако же все эти люди должны были играть какую-то, большую или меньшую роль в общественной жизни: остракон – не артефакт частного характера. По своему хронологическому диапазону комплекс афинских острака практически идеально укладывается в обозначенные выше рамки нашей работы. Подавляющее большинство входящих в него памятников датируется первой половиной V в. до н. э. (480–460-ми годами); только несколько сот экземпляров можно отнести ко второй половине того же столетия.

Работая с острака, можно без труда заметить, что все лица, чьи имена на них значатся, достаточно четко делятся на три группы. В первую входят те политики, которые известны также по данным нарративной традиции. Это – представители общеполисной элиты, лидеры самого высокого уровня. Фемистокл и Аристид, Кимон и Ксантипп, Гиппарх, сын Харма, и Мегакл, сын Гиппократа, – практически все те, кто господствовал в афинской общественной жизни на интересующем нас временном промежутке, упоминаются на черепках для остракизма, и это выглядит вполне естественным.

Ко второй группе относятся те афинские граждане, о которых нарративная традиция сведений не сохранила, но которые, тем не менее, на основании тех или иных косвенных соображений (в основном ономастического характера) могут быть достаточно четко идентифицированы как представители высшей аристократии. Так, Калликсен, сын Аристонида, безошибочно определяется как член рода Алкмеонидов³⁸. Каллий, сын Кратия (с очень большим количеством направленных против него острака – более 700), принадлежал либо тоже к Алкмеонидам, либо к Керикам (а, скорее всего, по различным линиям возводил свое происхождение и к тем и к другим)³⁹; Гиппократ, сын Анаксилея, мог

³⁷ Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Reinmuth O. W.* Ostrakismos // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hlbd. 36. Stuttgart, 1943. Sp. 1676; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. Vol. 48. No. 4. P. 116; *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S. 111; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // *Greece and Rome*. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 26. Иначе считал А. Гомм, который, впрочем, исходил из ошибочного мнения о принадлежности остракизма к категории νόμοι ἐπ' ἀνδράσι: *Gomme A. W.* Ostracism // *The Oxford Classical Dictionary*. Oxf., 1949. P. 630. Уже само огромное количество имен на открытых острака говорит явно против наличия заранее выдвинутых «кандидатов».

³⁸ *Stamires G. A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. Vol. 9. No. 4. P. 376–390.

³⁹ *Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. No. 1. P. 69–73.

быть Алкмеонидом или Писистратидом⁴⁰, а Тисандр, сын Исагора, несомненно, входил в род Филаидов, и отцом его являлся не кто иной, как известный противник реформатора Клисфена⁴¹. Таким образом, в данном случае перед нами – также представители общеполисной политической элиты, вероятно, несколько менее влиятельные, нежели лица, входящие в первую группу, коль скоро их деятельность не получила отражения в письменных источниках.

Наиболее интересна третья группа, к которой относятся афиняне, абсолютно нам неизвестные и никак не идентифицируемые. По количеству входящих в нее персоналий эта группа весьма значительна и превосходит первые две, вместе взятые. Зато она уступает им в другом отношении: если граждане, включаемые нами в первые две группы, нередко упоминаются на большом числе острака (десятках, сотнях или даже тысячах⁴²), то для подавляющего большинства представителей третьей группы наблюдается совершенно иная картина: считанные единицы надписанных черепков, порой – один-единственный остракон⁴³. Иными словами, никто из этих афинян не подвергался реальной опасности десятилетнего изгнания. И тем не менее находились-таки сограждане, хотя и в небольшом количестве, которые голосовали против них. Кто же такие эти лица, не оставившие никакого следа в истории афинского полиса и даже, судя по всему, мало кому известные, но в то же время, несомненно, каким-то образом связанные с политической жизнью (повторим, остракон – не частная надпись)? Насколько нам известно, никто еще не пытался дать ответ на этот вопрос.

Практически единственным возможным и при этом непротиворечивым вариантом такого ответа представляется следующий: перед нами – политики, действовавшие не на уровне полиса, а на уровне демов и потому известные только своим демотам. Поясним свою мысль. Остракофория, проводившаяся не чаще раза год, была важным и отнюдь не ординарным событием афинской политической жизни. Насколько можно судить, в ней принимали участие не только городские жители – завсегдатаи обычных народных собраний. Сходились в Афины в этот день даже полуграмотные и в целом совершенно чуждые общественной жизни полиса крестьяне из отдаленных демов⁴⁴. Таким образом,

⁴⁰ *Shapiro H. A. Hippokrates Son of Anaxileos // Hesperia. 1980. Vol. 49. No. 3. P. 289–293.*

⁴¹ *Phillips D. J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 83. S. 123 ff. О принадлежности Исагора к роду Филаидов см.: Bicknell P. J. Studies... P. 84–88.*

⁴² С именем Мегакла, сына Гиппократ, известно более 4400 острака, с именем Фемистокла – более 2200.

⁴³ Ср.: *Masson O. Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 91. S. 112.*

⁴⁴ Ср.: *Finley M. I. Op. cit. P. 73.*

в день остракизма политическая активность гражданского коллектива должна была быть значительно выше, чем на «рутинных» заседаниях экклесии⁴⁵.

В числе пришедших на остракофорию оказывалось немалое количество граждан, которые, сталкиваясь с необходимостью голосовать против кого-либо из политиков, при этом были совершенно или почти незнакомы с деятельностью политических лидеров общеполисного масштаба, имели о ней смутное или превратное представление (здесь самое время вспомнить вышеупомянутый случай с Аристидом и крестьянином). Тем единственным сегментом политической жизни, который был им в деталях известен, являлась политическая жизнь их дема. От этого-то они и отталкивались при своем волеизъявлении, нанося на черепки имена не Ксантиппа или Фемистокла, а тех, чьи дела им были ближе, к кому у них лично имелись какие-либо претензии, – скажем, своего демарха, или иного магистрата дема, или просто представителя элиты этой локальной общины. Подобного рода сведение «местных счетов» на общегосударственном мероприятии, что и говорить, свидетельствует о не слишком высоком уровне политической сознательности: не будем забывать о том, что в начале V в. до н. э. демократия делала свои самые первые, не всегда уверенные шаги, демос еще только постепенно привыкал к ведущей роли в полисе. Похоже, в частности, что многими не вполне осознавалась цель самой процедуры остракизма: ведь наивно было бы полагать, что политик будет изгнан, если против него подадут 4–5, да даже и 40–50 голосов.

Укажем на одно небезынтересное обстоятельство, которое, возможно, свидетельствует в пользу выдвинутой нами гипотезы. На опубликованном III. Бренне остраконе против некоего Истмоника из дема Кофокиды⁴⁶, датированном 480–470-ми гг. до н. э., читаем: τὸν δὲ[μο]τευτὸν⁴⁷ | ἡισθμόνικος⁴⁸ | Κοθοκίδῃς – «Истмоник кофокидянин из числа демотевтов». Кого следует

⁴⁵ См.: Суриков И. Е. Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 19. Д. Филлипс утверждает, что остракофорию вряд ли посещало более 10 тысяч человек (*Phillips D. J. Op. cit. P. 136*); мы скорее сказали бы, что число присутствовавших на ней редко бывало *меньше* этой цифры.

⁴⁶ Brenne S. Ostrakismos... S. 77; Brenne S. Die Ostraka... S. 86.

⁴⁷ Genetivus partitivus. Заполнение лакуны представляется вполне надежным. Единственная возможная альтернатива – τὸν δε[κα]τευτὸν – должна быть, как справедливо указывает Бренне, отклонена по соображениям исторического контекста. Δεκατευτής означает «сборщик десятины» (Harpor. s. v. δεκατευτής). Десятина взималась с афинян при Писистрате (Arist. Ath. pol. 16. 4), но уже в правление его сыновей этот налог был сокращен до одной двадцатой (Thuc. VI. 54. 5), а после ликвидации тирании полностью отменен.

⁴⁸ По поводу h в надписях на острака см.: Raubitschek A. E. (H)abronichos // Classical Review. 1956. Vol. 6. No. 3/4. P. 199–200.

понимать под упоминаемыми здесь «демотевтами»? Лексема *δημοτευτής*⁴⁹ до сих пор не встречалась ни в нарративных, ни в эпиграфических источниках и, соответственно, не фигурирует в словарях. Однако ее «семантическая ниша» достаточно ясна: она принадлежит к группе слов с корнем *δημ-*. Бренне полагает, что перед нами синоним слова *δημότης*, «демот, член дема», но нам трудно с ним в этом согласиться как по формальным, так и по содержательным соображениям. Во-первых, зачем афинянину, подававшему этот остракон, было употреблять более редкое (и, добавим, более длинное) выражение, если можно было так и написать – *τὸν δῆμोटὸν*? Надписи на острака, как правило, тяготели к как можно более кратким формам (вплоть даже до того, что нередко имена, патронимики и демотики просто оставались недописанными): этому способствовали как небольшие размеры черепков-«бюллетеней», так и определенные сложности, связанные с процарапыванием слов на обожженной глине⁵⁰. Во-вторых, что бы могла означать надпись «Такой-то из числа демотов» и с какой целью она могла бы быть нанесена? Демотами являлись все без исключения афинские граждане, поэтому смысл подобного уточнения оказывается нулевым. Все остальные дополнительные приписки на острака (а их не так уж и мало)⁵¹ вполне осмысленны; почему мы должны делать исключение для рассматриваемой здесь? Создается впечатление, что писавший все-таки имел в виду что-то иное.

Грамматически слово *δημοτευτής* принадлежит к весьма распространенной категории отглагольных существительных на *-της*, обозначающих действующее лицо (ср.: *ποιητής* < *ποιέω*, *δικαστής* < *δικάζω*, *μαθητής* < *μανθάνω* и т. д.). В данном случае в качестве исходного глагола выступает редкий отложительный глагол *δημοτεύομαι*, который в дошедших до нас текстах (Lys. XXIII. 3; Demosth. LVII.49) обычно переводится как «принадлежать к дему, быть демотом». Иными словами, *οἱ δημοτευταί* = *οἱ δημοτευόμενοι*. Однако нельзя ли предположить для глагола *δημοτεύομαι* также и второе, дополнительное значение, опираясь на параллель с гораздо чаще встречающимся глаголом *πολιτεύω* / *πολιτεύομαι*?⁵² Этот последний обозначает «принадлежать

⁴⁹ Нам представляется, что ударение должно стоять на последнем слоге, хотя у Бренне – *δημοτεύτης*.

⁵⁰ Об этих сложностях см.: *Larsen J. A. O. The Origin and Significance of the Counting of Votes // Classical Philology. 1949. Vol. 44. No. 3. P. 173; Harvey F. D. Literacy... P. 592; Burns A. Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 3. P. 382; Harris W. V. Ancient Literacy. Cambridge, MA, 1989. P. 54.*

⁵¹ Наиболее репрезентативную на сегодняшний день их сводку см.: *Brenne S. Die Ostraka... S. 80–141*. Эти приписки имеют, как правило, либо экспрессивный, либо инвективный, либо идентификационный характер.

⁵² Глаголы *δημοτεύομαι* и *πολιτεύω* / *πολιτεύομαι*, образованные по одинаковой модели, вполне соответствуют друг другу: первый из них находится в таком же отношении

к гражданскому коллективу, быть гражданином». Однако начиная с классической эпохи у него появляется (особенно в медиальном залоге) еще одно важное значение – «заниматься государственными делами, участвовать в политической жизни». В частности, субстантивированное причастие οἱ πολιτευόμενοι фактически становится техническим выражением, применявшимся к политической элите полиса⁵³ и противопоставлявшим ее «частным», неполитизированным гражданам (οἱ ἰδιῶται). Представляется вполне вероятным, что аналогичная эволюция могла иметь место также в случае с глаголом δημοτεύομαι и производными от него формами οἱ δημοτευόμενοι и οἱ δημοτευταί.

Итак, мы предполагаем, что первая строка вышеприведенной надписи представляет собой идентификационную приписку, указывающую на принадлежность афинянина, против которого направлен остракон, к слою демотевтов (οἱ δημοτευταί) – представителей политической элиты дема. Подчеркнем, что это лишь предположение, а не категоричное утверждение; со временем оно может оказаться доказанным или, наоборот, опровергнутым, что в любом случае не повлияет на степень аргументированности принципиальных тезисов, выдвигаемых в данной работе. Тем не менее кажется удобным впредь по ходу изложения пользоваться термином «демотефты» для обозначения интересующего нас слоя афинских граждан, – естественно, вполне осознавая определенную условность такого обозначения.

Кстати, на примере Истмоника, фигурирующего на остраконе, о котором шла речь, уже можно попытаться сделать некоторые выводы о социальном статусе демотевтов. Само его имя (переводящееся буквально как «победитель на Истмийских играх») может немало сказать любому исследователю, сталкивавшемуся с проблемами древнегреческой ономастики. Оно явно указывает на то, что семья, к которой принадлежал Истмоник, отличалась определенными амбициями. Эти амбиции распространялись на сферу атлетической агонистики, но вряд ли стоит лишний раз напоминать о хорошо известной истине – теснейшей связи спорта и политической жизни в греческом полисном мире⁵⁴. Побеждая на панэллинских состязаниях, индивид тем самым претендовал

к δῆμος и δημότης, в каком второй – к πόλις и πολιτής. Встречаются, хотя и крайне редко, формы активного залога от глагола δημοτεύομαι (правда, у очень поздних авторов, например: Theophyl. Simoc. Hist. VIII. 7. 10; Theophan. p. 233 de Boor; Cedren. I. p. 678 Bekker). Это позволяет говорить о глаголе δημοτεύω/δημοτεύομαι, что еще больше подчеркивает параллелизм.

⁵³ Mossé С. Оp. cit. P. 67. Правда, К. Моссе, считая термин «элита» не самым неудачным, предпочитает пользоваться словосочетанием «политический класс» (la classe politique), что, в свою очередь, не очень хорошо звучит по-русски.

⁵⁴ См. в наиболее аргументированной форме: Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190–207. Из отечественных исследований в таких случаях

на значимое место в полисе как для себя самого, так и для своей семьи. А с другой стороны, обратим внимание на то, что в данном случае проявляемые амбиции – не самого высокого уровня: истмоник – все-таки не олимпионик. Такая «скромность» более пристала представителям элиты «второго ранга», элиты демов, а не полиса в целом.

В высшей степени интересен и еще один факт. Известны два остракона с именем Истмоника, при этом на одном он назван Истмоником из Кофокидов, а на другом – Истмоником из Скамбонидов. Ввиду исключительной редкости имени Истмоник в Афинах⁵⁵ не может быть и речи о том, что перед нами два разных лица. Почему же один и тот же афинский гражданин фигурирует в надписях на острака с двумя разными демотиками? Принадлежать одновременно к двум демам он, понятно, не мог. Значит, кто-то из писавших ошибся, но какая причина могла вызвать подобную ошибку? Следует учесть и то, что Кофокиды – сельский дем, а Скамбониды, напротив, принадлежали к городской триттии и находились практически в центре Афин.

В высшей степени убедительным выглядит в данной связи предположение, высказанное Ш. Бренне⁵⁶: Истмоник, семья которого в период клисфеновских реформ жила в деме Кофокиды и, соответственно, была к нему приписана, впоследствии переселился на «постоянное место жительства» в город, приобретя там дом⁵⁷. При этом по афинским законам он по-прежнему оставался членом дема Кофокиды, должен был участвовать в его политической жизни, приходя на собрания и иные мероприятия из города, и, судя по всему, принадлежал к его элите. Однако знать об этом могли далеко не все сограждане. Кто-то из голосовавших на остракофории, желая подать свой голос против Истмоника, ошибочно посчитал, что тот приписан к тому дему, в котором живет, и нанес на остракон соответствующий демотик.

принято ссылаться на ставшую классической работу: Зельин К. К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29.

⁵⁵ Известен из надписи еще один Истмоник, живший ближе к концу V в. до н. э., а также одна-две женщины по имени Истмоника; этим исчерпывается весь афинский материал по данной ономастической единице. См.: Osborne M. J., Byrne S. G. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2. Attica. Oxf., 1994. P. 239.

⁵⁶ Brenne S. Ostrakismos... S. 171.

⁵⁷ Переселение состоятельных и политически активных семей из сельской местности в город было характерно практически для всех периодов афинской истории. Оно имело место в архаическую эпоху (Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 53–55), зафиксировано также и в IV в. до н. э. (Hansen M. H. The Athenian Assembly... P. 63–64; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 84). Следует полагать, что та же демографическая тенденция сохранялась и в дальнейшем. Однако со времени клисфеновских реформ реальное место жительства не влияло на принадлежность к дему: демотик передавался по наследству и не мог быть изменен.

Есть еще несколько абсолютно аналогичных примеров. Некий Агасий, сын Арксимаха⁵⁸, чье имя встречается в общей сложности на 42 острака⁵⁹ (это довольно много для лица, не принадлежащего к числу наиболее влиятельных политических лидеров), на части этих черепков идентифицирован как принадлежащий к дему Ламптры, а другая часть называет его Агасием из Агрилы. Ситуация здесь точно такая же, как с Истмоником: Ламптры – сельский дем, а Агрила – городской. Афинянин по имени Филокид, сын Фидела, появляющийся на 20 острака⁶⁰, на одних фигурирует как демот тех же Ламптр, на других – как член городского дема Колон. Очевидно, все эти лица в политических, коммерческих или каких-то иных целях перебрались из сельской местности в город или его ближайшие окрестности, но при этом продолжали поддерживать связи с демами своих предков. Возможно, к той же группе принадлежит Ахарнион из Ксипеты (3 остракона)⁶¹. Дем, к которому он приписан, относится к группе городских, но в имени этого гражданина вполне явственна аллюзия на крупнейший сельский дем Ахарны⁶²; скорее всего, именно оттуда происходила его семья.

А теперь дадим перечень тех из политиков, упоминаемых на острака первой половины V в. до н. э., которых можно с наибольшей вероятностью отнести к категории демотевтов. Помимо вышеупомянутых Истмоника, Агасия, Филокида и Ахарниона, в этот перечень входят (в алфавитном порядке): Андрон, сын Андрокла, из Гаргетта⁶³; Антидорид, сын Федонида; Антикрат, сын Гимерака⁶⁴; Аристехм, сын Тимократа; Аристилл; Аристотель, сын Тимократа; Аркесилай из Гагнунта; Архен; Архий; Боон, сын Касона, из Торики⁶⁵;

⁵⁸ Не исключено, что это тот самый Агасий, который в 479 г. до н. э., незадолго до Платейского сражения, организовал заговор с целью свержения демократии и сдачи Афин персам (Plut. Arist. 13). См.: *Harvey F. D. The Conspiracy of Agasias and Aischines* (Plutarch, Aristeides 13) // *Klio*. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 58–73.

⁵⁹ *Brenne S. Ostrakismos...* S. 89.

⁶⁰ *Ibid.* S. 269.

⁶¹ *Ibid.* S. 88.

⁶² *Masson O. Op. cit.* S. 113.

⁶³ Семья, к которой он принадлежал, в V в. до н. э. еще малоизвестная, в следующем столетии, насколько можно судить, повысила свое влияние и дала как минимум одного видного политика общафинского уровня – Андротиона, политического противника Демосфена (XXII речь Демосфена направлена против Андротиона) и автора известной «Аттиды» (см. о нем: *Pearson L. The Local Historians of Attica*. Ann Arbor, 1981. P. 76–86).

⁶⁴ Патронимик не дописан до конца и, скорее всего, искажен.

⁶⁵ На одном остраконе этот Боон охарактеризован как «живущий в Торике» (Θορικῶν οἰκῶν). См.: *Brenne S. Die Ostraka...* S. 83. III. Бренне полагает, что писавший таким образом желал унизить Боона, приравняв его к метэку: формулировка «живущий в таком-то деме», а не «из такого-то дема» употреблялась именно по отношению к метэкам, чтобы

Бриотент из Колона; Бутал из Эны; Буталион из Марафона; Габрон, сын Патрокла, из Марафона; Гапсифилл, сын Тисия; Гегелох из Эрикии; Гиерокл, сын Герма...⁶⁶; Диитреф, сын Евфена; Дикей, сын Евномиона; Диогнет, сын Эрготима, из Мелиты; Дионисий, сын Корона; Евалк из Проспалта; Евдик, сын Семиона; Евполид из Тор; Евфрастид, сын Эхена; Идонид из Фалера; Исий из Ои; Калликрат, сын Лампрокла; Каннон, сын Сибиртия; Кидрокл, сын Тимократа, из Крии; Клеибул, сын Никодема; Ксанфий; Ксеноклид из Афидны; Лесподий, сын Спудида, из Келы; Ликон; Мелант из Кефисии; Навкрат; Олимпиад, сын Фидела⁶⁷; Олимпих из Гал; Ономаст из Конфилы; Опунтий из Ои; Павсиад с Саламина⁶⁸; Панетий из Агрилы; Панталеонт, сын Гегесия, из Ламптр; Политим из Прасий; Прокл из Евонима; Проксен, сын Тиманакта, из Амфитропы; Симонт, сын Фриней; Феопомп, сын Протия, из Афидны; Феотим, сын Клеена; Филей, сын Деркета; Филипп; Филомел из Пирея; Фитон из Филы; Фрасикл; Фрурарх; Эратилл, сын Каттария; Эретрией; Эхмий, сын Фаррилиона.

Имена перечисленных афинян, повторим, ничего или почти ничего не говорят современным исследователям, но не приходится сомневаться в том, что все они были прекрасно известны их товарищам по демам и, более того, представлялись достаточно влиятельными, чтобы рассматриваться как «кандидаты» на десятилетнее изгнание. Кроме этой мелкой локальной знати⁶⁹, вряд ли широко известной всему полису, можно отнести к демотевам еще одну группу граждан, на этот раз представителей периферийных ветвей по-настоящему могущественных и влиятельных родов. Приведем несколько примеров.

отличать их от граждан. Однако нам представляется возможным и более простой ход мысли: писавший знал, что Боон проживает в Торице, но не знал (или не был уверен), к какому он приписан дему, и идентифицировал своего «кандидата» как мог.

⁶⁶ Части обоих остраконов против этого лица с окончаниями имени и патронимика не сохранились. Для имени возможны и иные восстановления, например «Гиероклид».

⁶⁷ Весьма вероятно ввиду совпадения патронимиков, что это родной брат Филокида, сына Фидела, о котором речь шла выше.

⁶⁸ Обратим внимание, что и этот «кандидат» охарактеризован не по месту приписки, а по месту жительства. Саламин – древнейшая и самая ближняя клерухия Афин (иногда ее не вполне точно называют колонией, например: *Касаткина Н. А.* Солон Афинский и остров Саламин // АКра. Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70; об отличиях клерухий от колоний «классического» типа см.: *Romilly J. de. Rencontres avec la Grèce antique.* Р., 1995. Р. 220) – к началу классической эпохи воспринимался как неотъемлемая часть афинского полиса, но статуса дема тем не менее не имел, и жившие на нем граждане, судя по всему, официально числились в различных демах.

⁶⁹ Антиковеды, изучавшие имена на острака, справедливо отмечают аристократический статус их носителей: *Brenne S. Ostrakismos...* S. 410; *Карпюк С. Г.* Указ. соч. С. 220–221. Но аристократия, как известно, может быть разного уровня.

Имя Мегакл в архаических и классических Афинах как бы маркировало собой принадлежность к Алкмеонидам. Встречая носителя данного антропонима, можно быть практически безоговорочно уверенным, что его носитель принадлежит именно к этому роду. Основные, наиболее активные в общественной жизни семьи, входившие в состав Алкмеонидов, к рубежу VI–V вв. до н. э. проживали в трех городских демах – Алопеке, Агриле и Ксипете; соответственно, к этим демам они были приписаны Клисфеном и с этими демотиками упоминаются в источниках их самые знаменитые в афинской истории члены. Однако разветвленный род Алкмеонидов включал в себя и другие семьи, которые не претендовали на ведущую роль в общеполисной политике. Эти семьи имели свои резиденции в различных частях сельской Аттики, в особенности в прибрежной зоне – Паралии, которая, собственно, являлась их исконной «вотчиной»⁷⁰.

На острака упоминается целый ряд афинян по имени Мегакл. Самый известный из них – Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки, видный политический деятель начала классической эпохи, в 486 г. до н. э. подвергнутый остракизму (Pind. Pyth. VII. 18 sqq.; Andoc. IV. 34; Lys. XIV. 39; Arist. Ath. pol. 22. 5; Harpocr. s.v. Ἀλκμειάδης)⁷¹. В его принадлежности к общеафинской элите, к ее самому высокому слою сомнений не возникает. А что с остальными Мегаклами? Для некоторых из них известны демотики: Анагирунт, Анафлист, Ахарны, Эгилия. Всё это – сельские демы, причем три из четырех относятся к Паралии. Перед нами явно Алкмеониды, но Алкмеониды, так сказать, «захудалые», что, впрочем, не мешало им играть определенную роль в своих локальных общинах (и не более того). Создается впечатление, что интересующий нас род старался иметь своих людей не только на уровне полиса в целом, но и на уровне отдельных демов: это должно было увеличивать эффективность его политической линии. То же можно сказать и о некоторых других аристократических родах. Так, неизвестные из письменных источников, но упоминаемые на острака Эантодор из Агрилы⁷²,

⁷⁰ См. последнюю по времени работу о местах проживания Алкмеонидов в Аттике: Anderson G. Alkmeonid “Homelands”, Political Exile, and the Unification of Attica // *Historia*. 2000. Bd. 49. Ht. 4. S. 387–412.

⁷¹ Об остракизме Мегакла, сына Гиппократа, см.: Bicknell P. J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique*. 1975. Vol. 44. No. 1. P. 172–175 (с необоснованным, на наш взгляд, предположением о том, что его подвергли этой мере дважды); Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. 1997. Vol. 8. Fasc. 2. P. 253–271 (справедливая критика этой гипотезы); Суриков И. Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16–25.

⁷² Носитель этого редкого имени должен был принадлежать к какому-то из аттических родов, возводивших свое происхождение к Аяксу (Эанту), а в числе таковых были как раз

Эсхрей, сын Акесторида⁷³, Кимон из Рамнунта, скорее всего, имеют какое-то отношение к Филаидам.

Возможны ли на основании имеющегося материала какие-либо ответственные суждения о демотевах, помимо чисто идентификационных? Нам представляется, что да. Прежде всего укажем на следующую немаловажную закономерность. Выше говорилось о том, что имена, встречающиеся на острака, распадаются на три группы: первые две соотносятся с политиками общеполитического масштаба, а третья, самая многочисленная, — с демотевами. Демотики известны почти для всех представителей первых двух групп (которые для целей нашего анализа вполне могут быть объединены в одну) и для многих граждан, входящих в третью. При сопоставлении их друг с другом обнаруживается ярко выраженный контраст. Для подавляющего большинства членов первых двух групп (и, следовательно, общеафинской политической элиты) фиксируются городские демы приписки. Едва ли не единственным значимым исключением на хронологическом промежутке, охватывающем первую половину V в. до н. э., является Фемистокл, происходивший из сельского дема (Фреарры). Но этот политик и действительно занимал совершенно особое место в афинской истории, насколько можно судить, существенно опередив свое время; он в течение всей своей карьеры держался несколько особняком от старинной городской знати, как известно, видевшей в нем «чужака» и парвеню⁷⁴.

Что же касается группы демотевов, то в ней мы видим, напротив, значительное преобладание сельских демотиков над городскими. Если взять за основу тот список, который был приведен чуть выше, окажется, что 9 афинян, входящих в его состав, принадлежали к городским демам и 25 — к сельским (демотики остальных неизвестны). Это обстоятельство позволяет уже делать определенные выводы. Очевидно, власть и авторитет демотевов были особенно сильны в отдаленной, сельской части Аттики и ослабевали по мере приближения к городу.

Филаиды. О. Массон считает, что имя Эантодор следует связать скорее с филой Эантидой (*Masson O. Op. cit. S. 115*). Однако носитель этого имени, упомянутый на остраконе, скорее всего, родился до создания клисфеновских фил, одной из которых была Эантида (во время остракофорий 480-х гг. до н. э. он должен был уже быть взрослым человеком).

⁷³ О его принадлежности к кругу Филаидов см.: *Brenne S. Ostrakismos... S. 93*. Имя Акесторид входит в ономастикон этого рода.

⁷⁴ См. об этом: *Суриков И. Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Спец. вып.: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364. Недавно из публикаций острака стало известно, что к сельскому дему (Флия) принадлежал также Миронид — видный полководец, участвовавший в Греко-персидских войнах и Первой Пелопоннесской войне (*Berti M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. Vol. 2. P. 77–109*). Но его вряд ли следует относить к политикам первого ранга.

Последнее вполне поддается объяснению: если для крестьян из какой-нибудь Афидны или Торики, отделенных от Афин несколькими десятками километров⁷⁵ и поэтому бывавших там крайне редко, демотевты как бы воплощали собой всю политическую жизнь, то жители городских и пригородных демов неизбежно были гораздо активнее включены в общеполисные структуры – их кругозор был шире и не ограничивался рамками своей локальной общины.

В то же время самим демотевтам (или, во всяком случае, некоторым из них), как мы видели, было отнюдь не чуждо стремление обосноваться в городе, при этом сохраняя влияние и в своих демах. Это характеризует их как людей достаточно состоятельных и амбициозных. В их ономастиконе, как он выявляется из приведенного выше списка имен, прослеживаются те же амбиции, впрочем, подчеркнем, все же скорее скромные, чем чрезмерные. Ранее это было показано на примере Истмоника с его редким «атлетическим» именем. Характерно, что в целом в именах и патронимиках демотевтов такого рода спортивная семантика представлена в не очень значительном объеме⁷⁶. В частности, такой типичнейший агонально-аристократический элемент, как ἵππ-, в списке практически не представлен⁷⁷. Очевидно, гиппотрофию демотевты не практиковали, а если и участвовали в состязаниях, то в менее затратных (и, соответственно, менее престижных) дисциплинах.

Некоторые имена из интересующего нас комплекса содержат указания на ксенические связи с другими полисами. Так, «Эретрией» означает буквально «эретриец»⁷⁸, а Опунтий явно получил имя от Опунта – главного города Восточной Локриды⁷⁹. Все это говорит о том, что перед нами явно не простолюдины, однако опять же обратим внимание на то, каким конкретным способом в данном случае манифестируется ксения. Если блестящие городские аристократы, входившие в общеполисную политическую элиту, давали детям имена своих столь же знатных ксенов как из греческого, так и из «варварского»

⁷⁵ Как известно, от Марафона до Афин 42 с небольшим километра, а это отнюдь не самый отдаленный аттический дем.

⁷⁶ Имена Олимпиад и Олимпих не обязательно должны иметь отношение к Олимпийским играм.

⁷⁷ Единственное исключение – Филипп, но это имя было настолько распространенным в Афинах и всем греческом мире, что семантике корней в данном случае вряд ли следует придавать существенное значение. О характере имен с корнем ἵππ- см.: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // *Закон и обычай гостеприимства в древнем мире.* М., 1999. С. 122 сл.; *Карпюк С. Г.* Указ. соч. С. 202 сл.

⁷⁸ О связи афинских аристократов с эвбейской Эретрией – городом, процветавшим в эпоху архаики, – см.: *Суриков И. Е.* Остракон Мегакла...

⁷⁹ Возможно, к той же категории относится и имя Касон (от острова Касос – см.: *Masson O.* Op. cit. S. 116).

мира⁸⁰ (таким образом, в частности, лидийское царское имя Крез попало в род Алкмеонидов, а фракийское царское имя Олор – в род Филаидов), то демотевты и здесь поступали скромнее, используя не имена индивидов (очевидно, в данном отношении они мало чем могли похвастаться), а названия общин⁸¹ или же просто фиксируя сам факт ксенических отношений (имя Проксен).

Представляется перспективным осуществить общий анализ имеющегося у нас списка имен демотевтов с точки зрения семантики корней, отражающей определенную систему ценностей. Такой анализ приводит к выводу, который вполне согласуется со сделанными выше: демотевты выступают как слой политически амбициозный, но амбиции его умеренны. Встречаются, но нечасто, такие корни аристократического характера, как ἀγ-/ήγ- (Агасий, Гегелох), ἀνακτ- (Тиманакт), ἀριστ- (Аристехм, Аристилл, Аристотель), ἀρχ- (Арсимах, Архен, Архий, Фрурарх), καλλ- (Калликрат)⁸², κυδ- (Кидрокл, Филокид), крат- (Антикрат, Калликрат, Навкрат, Тимократ), τιμ- (Политим, Тиманакт, Тимократ, Феотим, Эрготим)⁸³. Значительно распространеннее, чем остальные, корень κλε-/κλη- (Андрокл, Гиерокл, Кидрокл, Клеен, Клеибул, Ксеноклид, Лампрокл, Мегакл, Патрокл, Прокл, Фрасикл); не исключено, что этот элемент следует считать особенно типичным именно для демотевтов⁸⁴. Наконец, довольно употребителен достойно звучащий, но в политическом отношении абсолютно нейтральный корень εὐ- (Евалк, Евдик, Евномион, Евполид, Евфен, Евфрастид).

Итак, в первой половине V в. до н. э. политические амбиции демотевтов были, повторим, еще не слишком далеко идущими и ориентированными скорее

⁸⁰ См. об этом: *Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // Classical Quarterly. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363.*

⁸¹ Правда, Филаид Кимон тоже назвал своих сыновей Лакедемонием и Фессалом. Но здесь перед нами – скорее «геополитическая», чем ксеническая ономастика.

⁸² Элемент καλλ- (связанный с гомосексуальными отношениями на симпозиях) совершенно справедливо рассматривается С. Г. Карпюком как один из самых показательных-аристократических, наряду с ἵππ- (*Карпюк С. Г. Указ. соч. С. 205*). Весьма характерно в данной связи, что в группе демотевтов этот элемент практически не представлен (один случай). Демотевты явно не получали в юности в подарок вазы с любовными надписями по формуле ὁ δεῖνα καλός: недостаточно высок для этого был их социальный статус.

⁸³ Впрочем, корень τιμ- не обязательно имеет аристократическую семантику. Здесь многое зависит скорее от ономастического контекста: если имена Тиманакт, Тимократ, бесспорно, указывают на знатное происхождение их носителей, то имя Эрготим пристало скорее ремесленнику (ср. гончара, изготовившего «вазу Франсуа»), а имена Политим, Феотим вполне нейтральны.

⁸⁴ Может быть, не лишен связи с этим тот факт, что во второй половине V в. до н. э. имена с корнем κλε-/κλη- были чрезвычайно популярны в среде так называемых новых политиков (Клеон, сын Клеенета, Клеофонт, сын Клеиппида).

на влиятельное положение в своих демах, чем во всем полисе. Собственно, лидерам локальных общин поневоле приходилось умерять свои властные притязания. Они, даже если и хотели, не могли на равных соперничать с блестящими представителями древних и могущественных родов, которые фактически монополизировали все места в «первом эшелоне» общеафинской элиты, тем более что как раз в это время среди ведущих аристократов появилось необычайно большое количество ярких и неординарных личностей (от Клизфена и Мильтиада до Перикла и Фукидида, сына Мелесия). Демотеуты были вынуждены в подобных условиях довольствоваться статусом «вечно вторых», своеобразного афинского *ordo equester*. На рассматриваемом хронологическом отрезке элита демов еще не являлась (или являлась в очень незначительной степени) резервом для пополнения элиты полиса. Ситуация стремительно и кардинально изменилась в выгодную для них сторону во второй половине столетия, в послеперикловскую эпоху. Но этот сюжет уже выходит за хронологические рамки работы и будет рассмотрен нами в специальной статье.

А пока попытаемся сформулировать некоторые итоговые соображения общего характера. Справедливо отмечалось⁸⁵, что в реальной повседневности функционирования афинской демократии два значения слова δῆμος неизбежно должны были смешиваться. В какой-то степени это было даже плодотворно для политического дискурса, поскольку порождало новые, незапрограммированные смыслы устоявшихся понятий. В частности, демократия могла осмыслиться не только как «власть народа», но и как «власть демов».

Однако такое положение вещей имело и свою обратную сторону. Демократическое устройство полиса предполагает в качестве одной из важных предпосылок разрушение внутрполисных вертикальных и горизонтальных связей-зависимостей, «атомизацию» общества, его превращение в совокупность отдельных, не связанных друг с другом индивидов, для которых существенно лишь одно политическое отношение – отношение к государству как целому⁸⁶. При отсутствии этой предпосылки полисная демократия в своей настоящей развитой форме не могла сложиться, даже если были налицо другие условия, такие как привлечение к политическому участию широких масс гражданства (как было в Афинах начиная с реформ Клизфена). В качестве аргумента а *contrario* можно привести Рим, в котором формированию развитой демократии воспрепятствовала большая прочность традиционных вертикальных связей внутри социума (отношения патроната-клиентелы).

⁸⁵ Osborne R. Demos... P. 83.

⁸⁶ Eder W. Op. cit. S. 16–17; Суриков И. Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 89–99.

Таким образом, как ни парадоксально, наличие в полисе микросообществ политического характера, наиболее значимым из которых был дем, в определенной степени препятствовало развертыванию всех внутренних потенциалов демократии; эти микросообщества стояли на пути унифицирующей, интегративной тенденции, выражавшейся в демократизации афинского государства⁸⁷. Демы, система которых была создана Клисфеном в противовес традиционным типам объединений (фратриям и т. п.), чтобы заменить их в политической жизни, довольно скоро и сами стали воспроизводить ту же парадигму, превращаясь в некие «землячества» со своими местническими интересами⁸⁸.

Ситуация, при которой для многих афинских граждан, как упоминалось выше, дела дема отодвигали на второй план дела полиса, а демарх был едва ли не более важной фигурой, чем общеполитический магистрат, могла в конечном итоге привести к возрождению регионального патернализма и подорвать результаты демократических преобразований. Чтобы это не произошло, в ходе дальнейшего развития политической системы классических Афин необходимо было найти некий механизм нейтрализации (или удовлетворения) амбиций элиты демов, интегрировать ее в полисные институты, побудить действовать в интересах целого, а не отдельных его частей.

⁸⁷ Не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой укрепление уз между членами полисных микросообществ, в том числе демов, способствовало сплочению гражданского коллектива в целом (*Строгоцкий В. М.* Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 135).

⁸⁸ Из одного места у Лисия (XXIII. 3) можно заключить, что члены разных демов имели в Афинах излюбленные места для неформальных сходов (цирюльни, лавки). Так, члены сельского дема Декелея собирались в «цирюльне у гермов» на агоре.

ОТ «ДЕМОТЕВТА» – К ДЕМАГОГУ? (АФИНСКИЕ ТРИЕРАРХИ V В. ДО Н. Э. И ИХ «ЭЛЕКТОРАТ»)*

В статье, опубликованной нами на страницах ВДИ несколько лет назад¹, удалось установить (привлекая в первую очередь такой ценный, лишь недавно в относительно полной мере введенный в научный оборот источниковый материал, как данные остраконов) наличие в афинском демократическом полисе первой половины V в. до н. э. особого, довольно многочисленного слоя политической элиты. Речь идет о той ее части, которая действовала не на общеполисном уровне, а на уровне отдельных демов. Для обозначения этой элиты демов мы тогда же предложили употреблять специальный термин «демотевты» (οἱ δημότευταί) – термин, разумеется, в известной мере условный, хотя он и опирается на реальное греческое слово – гапакс, встречающийся в идентификационной приписке, сделанной голосующим на одном остраконе (τὸν δῆ[μο]τευτὸν | ἡισθμόνικος | Κοθοκίδῆς – «Истмоник кофокидянин из числа демотевтов»)², если, конечно, наша идентификация этой приписки верна.

«Демотевты» в период ранней классики были, так сказать, элитой «второго эшелона». Люди по меркам Афин состоятельные, они имели определенные политические амбиции, однако были вынуждены сдерживать их, поскольку не видели еще возможности на равных конкурировать с блистательными представителями высшей аристократии, задававшими в то время тон на уровне полиса в целом. В отличие от них, «демотевты» либо вообще не имели знатного происхождения, либо принадлежали к побочным, «захудалым» ветвям аристократических родов.

Иными словами, в первой половине V в. до н. э. элита демов еще не являлась резервом для пополнения элиты полиса, так сказать, «кузницей кадров». Или если являлась, то в минимальной степени: кроме наиболее известного примера

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2011. № 3. С. 30–52.

¹ Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

² Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 77; Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von P. Siewert. Stuttgart, 2002. S. 86.

Фемистокла, сумевшего благодаря своим незаурядным организаторским способностям и харизматичности подняться «до самых верхов»³, можно припомнить разве что еще Миронида. Основной же массе политиков этой группы приходилось довольствоваться статусом «вечно вторых», что их вряд ли вполне устраивало. Ведь на уровне своих демов они были весьма почтенными и авторитетными фигурами. Типовой афинский дем был в своем роде замкнутым микросообществом со своими институтами вплоть до народных собраний – таким «полисом в миниатюре», «полисом в полисе»⁴. В особенной степени сказанное относилось к демам достаточно отдаленным – не в ближайшей городской округе, а в сельской местности. Их обитателям по понятным причинам нечасто приходилось посещать народное собрание в Афинах; соответственно, для этих людей дела дема могли отодвигать на второй план дела государства, а демарх оказывался едва ли не более важной фигурой, чем общеполисный магистрат.

Не удивительно в данной связи, что значительное большинство «демотевтов», известных по надписям на остраконах, принадлежали к сельским, а не городским демам. Правда, некоторые из них реально перебирались на жительство в Афины⁵, но при этом сохраняли влияние в своих демах (как известно, по клисфеновской «конституции», действовавшей в классических Афинах, перемена места жительства гражданином не влекла смену демотика).

Всё это порождало определенную коллизию. Одним из важных результатов реформ Клисфена было то, что они разрушили парадигму «регионализма», разьедавшую полисное единство на протяжении VII–VI вв. до н. э.⁶ Афинскому полису на стадии его становления вообще было достаточно трудно сохранять единство ввиду его весьма крупных размеров. Достаточно напомнить, что соседняя Беотия – а ее территория примерно такова же, как и у Аттики, – так никогда и не стала единым полисом, несмотря на все интегративные усилия со стороны Фив.

В Афинах же, – судя по всему, вполне сознательно – на протяжении ряда поколений проводились меры, которые в современной историографии интерпретируют обычно в духе поступательной демократизации, что верно лишь

³ Об этом нюансе политической карьеры Фемистокла, выходца из сельского, а не городского дема, но ставшего при этом одним из лидеров государства (уникальный для первой половины V в. взлет), см.: *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 152 сл.

⁴ Об этом нам уже доводилось говорить: *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 15 сл. См. также: *Whitehead D.* Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607.

⁵ См. примеры: *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 26 сл.

⁶ Концепцию «регионализма» в Афинах, как известно, наиболее детально разработал Р. Сили. См.: *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 155–180; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95 ff.

отчасти и не всегда; преимущественно же они были направлены на укрепление целостности государства. Первым в этом ряду следует назвать закон Драконта об убийстве⁷, который связывал всех жителей Аттики некими общеобязательными процедурами, необходимыми для ликвидации «скверны», вызванной кровопролитием, дабы божественное наказание не обрушилось на полис в целом⁸. Не случайно, думается, закон Драконта – самый ранний известный документ, в котором все жители Аттики фигурируют под общим названием Ἀθηναῖοι⁹.

В дальнейшем самыми разными путями крепили ту же общеполитическую целостность и боролись с «регионализмом» Солон¹⁰, Писистрат и Писистратиды¹¹. Клизфен, как обычно (и в целом вполне справедливо) считается, завершил данный процесс. Собственно, система демов – образований, в известной мере искусственных¹², – и была создана реформатором в противовес традици-

⁷ О нем существует немало исследований, в том числе монографических. Назовем последнее по времени (*Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998*), а из библиографических указаний в ней желающие смогут почерпнуть сведения о предшествующей литературе. Впрочем, уже после этой книги вышла весьма важная статья (*Schmitz W. «Drakonische Strafen». Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // Klio. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 7–38*).

⁸ Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 50.

⁹ Frost F. J. The Rural Demes of Attica // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 173.

¹⁰ Автор одной из недавних монографий о Солоне (*Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003*) вообще считает, что главным в деятельности и мировоззрении Солона была идея полиса.

¹¹ Введение при Писистрате или Гиппии первой афинской монетной чеканки – Wappennünzen (об этих монетах см.: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Wappennünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Т. 12. С. 43–51; Суриков И. Е. От Wappennünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. и сообщений. СПб., 2007. С. 10–12), – безусловно, должно трактоваться в том же контексте.

¹² Правда, демы в Аттике (и, соответственно, демотики – обозначения граждан по демам) зафиксированы в источниках еще до клизфеновских реформ: *Raubitschek A. E. Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge, MA, 1949. P. 467–468; Jacoby F. Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 186 ff.; Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986. P. 5–16*. Демами назывались в то время в Афинах, как и в других ионийских регионах, сельские общины (в дорийском мире применительно к тому же феномену был более употребителен термин «комы», см.: Arist. Poet. 1448a36). Однако до конца эпохи архаики демы Аттики не составляли основу административного деления государства и, скорее всего, не охватывали его столицу – сам город Афины. Последнее стало плодом деятельности Клизфена. Понятно, что новые городские демы были общинами, созданными искусственно, по образцу демов сельских.

онным формам объединений (фратриям, навкрапиям и т. п.), чтобы заменить их в политической жизни¹³.

Парадокс, однако, заключался в том, что демы довольно скоро и сами возымели тенденцию воспроизводить ту же парадигму, превращаясь в некие «землячества» со своими местническими интересами. Подобный ход развития мог в конечном итоге привести к возрождению регионального патернализма (на сей раз – со стороны «демотевтов») и подорвать результаты преобразований. Чтобы этого не произошло, в ходе дальнейшей эволюции политической системы классических Афин должен был найтись (в ходе сознательных усилий или спонтанно) какой-то механизм нейтрализации (или удовлетворения) амбиций элиты демов, который бы интегрировал ее в полисные институты, побудил действовать в интересах целого, а не отдельных его частей.

Именно этим мы завершили статью 2005 г., лишь вкратце оговорив, что во второй половине V в. до н. э. ситуация стремительно и кардинально изменилась в сторону, выгодную для «демотевтов». Почему и как это и произошло – этот вопрос в рамках указанной статьи уже невозможно было рассмотреть, поэтому мы обещали вернуться к нему позже, в отдельной работе¹⁴. Наступило время выполнить обещание, тем более что за прошедший срок у нас появились некоторые соображения, которые, как представляется, помогут разобраться с факторами, действовавшими в ходе процесса. Соответственно, данное исследование следует рассматривать как прямое продолжение статьи «ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ».

* * *

Даже невооруженным взглядом легко заметить резкую смену «политического климата» в Афинах в последней трети V в. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом. В качестве «рубежной» даты иногда принимают начало Пелопоннесской войны, а иногда – смерть Перикла, что, в общем-то, и не принципиально, поскольку два события хронологически почти совпадают друг с другом.

Перемена, надо сказать, была замечена сразу же: она, во всяком случае, не ускользнула от внимания самого проницательного из современников, Фукидида. Один из самых ярких и знаменитых пассажей его «Истории» (II. 65) как

¹³ Разумеется, сказанное не следует понимать в том смысле, что эти старые объединения тут же исчезли. Навкрапии (из работ о них см. последнюю по времени: *Schubert Ch. Die Naukrarien: zur Entwicklung der attischen Finanzadministration // Historia. 2008. Bd. 57. Ht. 1. S. 38–64*) просуществовали еще с четверть века, вплоть до морской программы Фемистокла (см. ниже); фратрий (о них существует монографическое исследование: *Lambert S. D. The Phratries of Attica. Ann Arbor, 1998*) и вовсе никто не отменял. Но элиминирована была именно их *политическая* роль.

¹⁴ Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 32.

раз посвящен сопоставительной характеристике Перикла и его преемников¹⁵. Речь идет прежде всего о радикальных изменениях в составе слоя ведущих политиков – изменениях, которые вряд ли стоит затушевывать. Безусловно, остроумными и отчасти верными являются наблюдения, согласно которым у тех же Перикла и Клеона имелись не только различия, но и общие черты¹⁶. Но, подчеркнем, именно только отчасти. Нельзя же, в конце концов, «за деревьями не видеть леса» и отрицать очевидное.

Важнее другое: как следует характеризовать рассматриваемую смену типа политического деятеля? Согласно наиболее распространенной точке зрения, господствовавшей на протяжении многих десятилетий, да и ныне имеющей своих приверженцев¹⁷, дело заключалось в том, что вместо прежних знатных лидеров бразды власти взяло в свои руки «поколение демагогов» – выходцев из ремесленно-торговой среды, к аристократии не имевших никакого отношения. Клеон, Гипербол, Клеофонт, Лисикл и др. – вот кого, как правило, называют в качестве символов этого нового поколения.

Однако как минимум со времени этапной книги У. Р. Коннора¹⁸ стало ясно, что в действительности картина была намного сложнее¹⁹. Исключительно удачно введенный исследователем термин «новые политики» (с тех пор, кажется, им пользуются все без исключения, кто пишет по данной проблематике) оказался не вполне совпадающим с понятием «демагоги», между ними отнюдь нельзя ставить знак равенства.

¹⁵ По мнению В. Вилля, посвятившего теме «Фукидид и Перикл» специальную обшмистую монографию, именно эта глава (II. 65) является в главе Перикла главной, ключевой, а всё, что историк пишет дальше, – не более чем «подстрочное примечание» (*Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 186*). Но это уже, конечно, явное преувеличение.

¹⁶ Например: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Oxf., 1992. Vol. 1. P. 346*.

¹⁷ Один из последних примеров: *Туманс Х. Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 2010. № 10 (53). С. 140*: «Итак, со смертью Перикла в 429 г. закончилась целая эпоха в истории греческой культуры, политической и не только. Теперь в политику валом повалили так остроумно высмеянные Аристофаном “кожевники”, “колбасники”, да и вообще кто угодно. Это вполне естественно: если сам великий аристократ сделал из себя простолюдина во власти, почему же тогда не взять бразды правления им самим, настоящим простолюдинам?»

¹⁸ *Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971*.

¹⁹ Эта бóльшая по сравнению с представлявшейся ранее сложность ситуации отражена, например, и в работах К. Моссе второго периода ее научной деятельности: *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9–18; Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 67–77*.

Под демагогами в последней трети V в. до н. э. понимали политических деятелей радикально-демократической ориентации²⁰. Прямой увязки с происхождением человека этот термин не содержал. Демагогом вполне могли называть и Перикла, и Фемистокла, особенно на первых порах, когда слово не имело еще негативной окраски и означало, собственно, «вождь народа».

А среди «новых политиков» далеко не все были радикальными демократами. Встречаются в их числе и противники народовластия, такие как лидеры олигархического режима Четырехсот (Антифонт, Фриних, Писандр), а также так называемые умеренные – лица, которые в целом не отрицали демократической политической системы и работали в ее рамках, но при этом ни в коей мере не одобряли нарастающих охлократических тенденций. Среди этих последних – прежде всего Никий, а также, например, Ферамен. Для некоторых из «новых политиков» политическая позиция неясна, или они ее просто не имели. Это, как правило, те люди, которые посвятили себя чисто военной карьере, неоднократно занимая посты стратегов, но не вмешиваясь в борьбу группировок в общественной жизни: Лахет, Демосфен, Формион, Конон и др. Судя по всему, именно в годы Пелопоннесской войны впервые наметился данный феномен (полнее развившийся позже, в IV в. до н. э.): появление специалистов-военных, далеких от гражданской политики.

Даже некоторые из «новых политиков», несомненно принадлежавших к демократическому лагерю, не носили ярлыка демагога. Не применяется этот эпитет, например, по отношению к Фрасибулу, Фрасиллу. Одним словом, далеко не все политические деятели этой генерации являлись выразителями деструктивных, охлократических тенденций, хотя были среди них, безусловно, и такие.

Особенно проблематичным оказался постулат о пресловутой сугубой незнатности «новых политиков». Вольно было комедиографам эпохи Пелопоннесской войны изображать, например, Клеофонта, – пожалуй, самого одиозного из тогдашних демагогов – чуть ли не рабом-варваром. В результате анализа надписей на остраконах неожиданно – но и столь же неопровержимо – выяснилось иное. Клеофонт и его брат Филин²¹ были детьми Клеиппида, сына Диния, – видного политика «Периклова века», который в 444 г. до н. э. был одним из основных «кандидатов» во время остракизма (найдено 124 остракона с его

²⁰ О демагогах как интегральном структурном элементе политической системы афинской демократии см.: *Hammer D. Plebiscitary Politics in Archaic Greece* // *Historia*. 2005. Bd. 54. Ht. 2. S. 126.

²¹ Этот Филин был известен из источников и ранее, но его родство с Клеофонтом выяснилось только из материала остраконов. См.: *Суриков И. Е. Antiphontea III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд)* // *Studia historica*. 2008. Т. 8. С. 88; *Суриков И. Е. Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий)* // *Studia historica*. 2009. Т. 9. С. 3–4, 18–19.

именем²² – очень крупная цифра), а еще в начале Пелопоннесской войны занимал пост стратега (Thuc. III. 3. 3)²³. Вот так «низкое» происхождение! Другой известный демагог, Андрокл (он сыграл видную роль в громких религиозно-политических процессах 415 г. до н. э., а четыре года спустя был убит в процессе подготовки олигархического переворота Четырехсот²⁴), согласно нашим выкладкам, сделанным в другой работе²⁵, мог принадлежать к боковой ветви аристократичнейшего рода Филаидов.

Клеон породнился с семьей тираноубийцы Гармодия – одной из самых почетных в Афинах, принадлежавшей к роду Гефиреев, а Никий – с не менее знатной семьей оратора Андокида²⁶. Часто это трактуется в том плане, что верхушка демоса таким образом стремилась вписаться в аристократический «истеблишмент». Не можем, однако, не заметить, что афинские евпатриды вряд ли пошли бы на совсем уж грубые мезальянсы, на установление брачных связей с лицами, которые заведомо ни в каком отношении не были им «ровней». Известно как раз противоположное: в V в. до н. э. в аристократической среде Афин наблюдаются «эксклюзивные» матримониальные практики²⁷, вплоть до близкородственных браков, – несомненно, с целью «отгородиться» от рядового демоса в условиях, когда в результате демократизации полиса юридические перегородки между социальными группами оказались практически ликвидированными.

С другой стороны, представляется достаточно сомнительным, несмотря на всю свою распространенность, сам тезис о том, что представители демоса так уж рвались породниться со знатью. Ровно никаких дополнительных благ и привилегий это не давало. В ходе клисфеновских реформ, как нам уже приходилось писать²⁸, аристократические привилегии были распространены на весь демос, который тем самым как бы целиком превратился в аристократию. А завершающим этапом этого процесса стал полвека спустя известный закон Перикла о гражданстве 451/450 г. до н. э. Относительно точной цели этого несколько загадочного постановления высказывались различные точки

²² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 546.

²³ К проблеме Клеофонта, Филина и Клеиппида см.: *Vanderpool E. Kleophon // Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Raubitschek A. E. Philinos // Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71; *Суриков И. Е. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та. Сер. История*. 2004. Т. 1 (3). С. 59–60.

²⁴ Об Андрокле см.: *Aristoph. Vesp.* 1187; *Thuc.* VIII. 65. 2; *Arist. Rhet.* II. 1400a10 sq.; *Plut. Alc.* 19.

²⁵ Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *Вопросы эпиграфики*. 2009. Т. 3. С. 103–114.

²⁶ *Connor W. R. The New Politicians...* P. 161 ff.

²⁷ Ср.: *Cox C. A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // Classical Journal*. 1989. Vol. 85. No. 1. P. 34–46.

²⁸ Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 204, 222. Ср.: *Brenne S. Ostrakismos...* S. 20.

зрения²⁹, а в совсем недавней работе Ж. Блок³⁰ предложила, кажется, самое удачное решение проблемы (которое, конечно, не отменяет выдвигавшиеся ранее интерпретации, но весьма удачно и существенно дополняет их): фактически запрещая экзогамные браки, закон как бы превращал весь гражданский коллектив полиса в один огромный γένος, аристократический род³¹.

А теперь остановимся на том аспекте рассматриваемой здесь смены высшей афинской политической элиты, который представляется нам наиболее уникальным и даже поразительным. Обстоятельство, о котором пойдет речь, было замечено уже лет восемьдесят назад таким выдающимся специалистом, как А. Гомм (в его известном демографическом исследовании³²), но почему-то его наблюдение не было в надлежащей степени оценено в последующей историографии, по сути дела, не привлекло почти ничего внимания. Заключается же это наблюдение в следующем.

Как уже отмечалось выше, вплоть до эпохи Пелопоннесской войны все ведущие политики Афин (за редчайшими, единичными исключениями) были выходцами из городских демов. А затем ситуация стремительно, резко и самым радикальным образом меняется: теперь уже как раз представители городских демов становятся исключениями в «верхнем эшелоне» политической жизни. Надо сказать, что сам Гомм не придавал обнаруженному им феномену особо большого значения и дал ему довольно примитивное объяснение: явление было-де обусловлено тем, что многие аттические семьи переселились из сельской местности в город.

На наш же взгляд, в действительности следует говорить о том, что в афинскую политику мощно, большой группой вошли те, кого мы называем «демотевтами», – лица из слоя, члены которого ранее делали свою карьеру на уровне демов.

²⁹ Например: *Will W. Perikles*. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; *Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens* // *Past & Present*. 1997. No. 155. P. 3–33; *Суриков И. Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

³⁰ *Blok J. H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective* // *Historia*. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170.

³¹ Наверное, не будет лишним напомнить, что традиционно афинские роды (в отличие, скажем, от римских) включали в себя не всех граждан, а только аристократов. Этот факт подмечен уже достаточно давно (см. хотя бы: *Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L.*, 1966. P. 45 ff.), но, к сожалению, и по сей день не всегда учитывается в должной мере.

³² *Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Westport, 1986. P. 37–39. (Переиздание книги 1933 г.)

* * *

Однако прежде, чем делать далеко идущие выводы на основании ответственного тезиса, необходимо проверить сам этот тезис. Гомм высказал его мимоходом, декларативно и без специальной аргументации. Для того, чтобы убедиться, так ли всё обстояло на самом деле, нам придется провести небольшое просопографическое исследование. Рассмотрим, из каких демонов (в плане их принадлежности к городу или сельской местности) происходили виднейшие афинские политические деятели периода Пелопоннесской войны³³. Начнем с тех, которых в историографии причисляют к демократическому лагерю³⁴ и традиционно характеризуют как демагогов (если не всех, то, по крайней мере, большинство этих деятелей).

Логичным будет упомянуть самым первым того, кто считается как бы «символом перемен», то есть, разумеется, Клеона. Клеон, сын Клеонета, происходил из дема Кидафины, входившего в городскую триттию филы Пандиониды. Таким образом, в данном отношении мы имеем дело пока еще со старой моделью³⁵. С другой стороны, Клеона роднят с «демотевтами» данные ономастики. Анализируя имена представителей элиты демонов с точки зрения семантики их корневых морфем³⁶, мы пришли к выводу, что наиболее типичным для этой среды, встречающимся гораздо чаще, чем любые другие, был корень κλε-/κλη-. Легко заметить, что этот же корень наличествует как в имени самого Клеона, так и в его патронимике.

³³ Локализация конкретных аттических демонов, принятая нами в дальнейшем изложении, основывается на выкладках, приведенных в одном из важнейших исследований по данной проблематике: *Truill J. S. The Political Organization of Attica*. Princeton, 1975. Оговорим еще, что не для всех крупных политиков рассматриваемого времени известен демотик.

³⁴ Впрочем, об условности подобных определений см. наиболее акцентированно: *Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus?* Bamberg, 1979. Passim.

³⁵ Как известно, существует мнение, – восходящее, в сущности, еще к Гроту, но преимущественно ассоциирующееся с именем Вудхеда (*Woodhead A. G. Thucydides' Portrait of Cleon // Mnemosyne*. 1960. Vol. 13. Fasc. 4. P. 289–317), – согласно которому Фукидид злонамеренно и неправомерно изобразил Клеона первым демагогом – то ли из личной неприязни, то ли из антипатии к демократии как таковой; в действительности же Клеон был политиком перикловского типа. Эта точка зрения подвергалась критике (*Pritchett W. K. The Woodheadean Interpretation of Cleon's Amphipolitan Campaign // Mnemosyne*. 1973. Vol. 26. P. 376–386; *Spence I. G. Thucydides, Woodhead, and Cleon // Mnemosyne*. 1995. Vol. 48. Fasc. 4. P. 411–437), однако остается влиятельной (например: *Baldwin B. Cleon's Strategy at Amphipolis // Acta classica*. 1968. Vol. 11. P. 211–214; *Westlake H. D. Studies in Thucydides and Greek History*. Bristol, 1989. P. 207–208; *Will W. Thucydides...* S. 67–88).

³⁶ Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 31 сл.

Другой знаменитый демагог – Гипербол, сын Антифана, – принадлежал к дему Перифеды; последний входил в филу Энеиду, причем также в ее городскую триттию. А вот упоминавшийся уже выше Клеофонт, начавший свою политическую деятельность, судя по всему, позже Клеона и чуть позже Гипербола, отличался от них в том смысле, что его дем – знаменитые Ахарны – был уже не городским, а сельским (фила Энеида). А с точки зрения ономастики напомним имя этого политика с патронимиком: Клеофонт, сын Клеиппида. В обоих элементах встречается знакомый нам уже корень κλε-/κλη-. У Клеофонта был брат Филин – тоже демагог, но куда менее известный; он, разумеется, тоже являлся демотом Ахарн. Демагог Андрокл, действовавший в то же время, происходил также из сельского дема – Питфа (фила Кекропида). Заметим тот же, уже хорошо знакомый нам корень κλη- в качестве второго элемента имени Андрокла (имя его отца, к сожалению, неизвестно).

Из демократических лидеров чуть более позднего времени, завершающего этапа Пелопоннесской войны, самым знаменитым был Фрасибул (впрочем, как мы отмечали выше, демагогом традиция его обычно не называет, напротив, славит как избавителя Афин от тирании Тридцати). Фрасибул, сын Лика, принадлежал к дему Стирия. Этот дем (входивший в филу Пандиониду) был не просто сельским, а одним из самых окраинных в Аттике.

Помимо демократов, в Афинах рассматриваемого периода часто выделяют группировку «умеренных». Впрочем, нельзя не заметить, что само это понятие представляется достаточно расплывчатым – как с концептуальной точки зрения, так и в смысле персонального состава. Различные исследователи то включают в число «умеренных», например, Архина и Ферамена (опираясь на сообщение Аристотеля – *Ath. pol.* 34. 3), то не включают; в последнем случае Архин оказывается отнесен к стану демократов, а Ферамен – к лагерю олигархов. Все эти разногласия, однако, не имеют для нас столь уж принципиального значения, поскольку нас интересует группа «новых политиков» в целом, а тот факт, что многие ее члены в сложной обстановке тех лет меняли (случалось, что и неоднократно) политическую ориентацию, хорошо известен.

Самый крупный представитель афинских «умеренных» – это, бесспорно, Никий, которого в той же мере, что и вышеперечисленных лиц, следует относить к когорте «новых политиков». Долго говорить об этом видном деятеле древнегреческой истории здесь не приходится; достаточно указать, что дем, к которому он относился – Кидантиды, – являлся сельским (входил в филу Эгеиду).

К «умеренным» может быть со значительной долей вероятности отнесен Феак, сын Эрасистрата, из Ахарн (этот дем, как мы знаем, относился к сельским). Имеет смысл сделать небольшой экскурс о нем и его семье, о которой стало известно значительно больше, чем прежде, благодаря открытиям остраконов.

Начнем с отца. Раньше о нем можно было говорить только в связи с фрагментарно сохранившейся речью оратора Антифонта «Против Эрасистрата о павлинах» (Antiph. fr. 57–59 Blass – Thalheim)³⁷. Однако на Керамике был обнаружен остракон с его именем³⁸. На черепке интересующее нас лицо обозначено как Эрасистрат, сын Астия; демотик не указан. В то же время на двух других остраконах с Керамика фигурирует некий Диокл, сын Астия, из Ахарн. Совпадение патронимика дает повод задаться вопросом: а не братья ли перед нами? Дать на этот вопрос положительный ответ, пусть даже в самой осторожной форме, было бы слишком смело, если бы в нашем распоряжении имелись только эти данные. Однако есть и другие.

Известно, что сын Эрасистрата Феак был одним из видных афинских политиков эпохи Пелопоннесской войны. О нем неоднократно упоминают письменные источники³⁹; он активно исполнял посольские обязанности, а на остракофории 415 г. до н. э. был одним из основных «кандидатов», наряду с Никием, Алкивиадом, Гиперболом (и, похоже, Клеофонтом, хотя этот последний факт в нарративной традиции не отражен). Материалы этой остракофории сохранились очень плохо, но среди них все-таки есть 5 остраконов с именем Феака. Для сравнения: с именем Гипербола дошло лишь 3 остракона (а ведь он подвергся остракизму), с именем Никия – вообще только 1⁴⁰, с именем Алкивиада – 5, с именем Клеофонта – 8.

Совокупность патронимика и демотика не позволяет сомневаться в принадлежности Феака к той же семье. Эта политически активная семья из дема Ахарны теперь оказывается известна нам уже в четырех своих представителях. Это Астий, его сыновья Диокл и Эрасистрат и сын последнего Феак. Но зафиксированы и другие члены той же семьи, принадлежащие уже к следующим поколениям: Эрасистрат, сын Феака (Plut. Ages. 15), и племянник Феака, также носивший имя Эрасистрат (Plat. Eryx. 392a). Кто-то из этих двух последних вошел в состав коллегии Тридцати в 404 г. до н. э. (Xen. Hell. II. 3. 2), но кто

³⁷ Русский перевод фрагментов речи см.: Суриков И. Е. Antiphontea IV... С. 17–18.

³⁸ Brenne S. Ostrakismos... S. 140 (с датировкой 471 г. до н. э., которая представляется в данном случае слишком ранней); Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 550 с прим. 91.

³⁹ Один из источников в античности даже приписывался его авторству: речь «Против Алкивиада», сохранившуюся в корпусе оратора Андокида, Плутарх (Alc. 13) называет речью Феака. Написана речь действительно *от лица* Феака, но не им самим. К проблеме см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 429 сл.

⁴⁰ Долгое время не было известно ни одного, что вызывало некоторый дискомфорт. Когда наконец был открыт на Агоре и опубликован остракон против Никия (Phillips D. J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 83. S. 123–148), это вызвало нечто вроде вздоха облегчения у многих специалистов, занимающихся остракизмом и/или афинской историей этих лет.

именно – судить не представляется возможным, поскольку Ксенофонт сообщает только имена «Тридцати тиранов», без патронимиков.

На Феаке и его родственниках мы намеренно остановились достаточно подробно, поскольку эти афиняне малоизвестны даже специалистам. Совсем другое дело – Ферамен. В рекомендациях он не нуждается; достаточно напомнить, что в афинской политике конца V в. это была одна из самых неоднозначных и даже скандальных личностей, а при всем том Аристотель, например, оценивал Ферамена едва ли не выше, чем Перикла (Ath. pol. 28. 5).

Ферамен происходил из Стирии – сельского, периферийного дема, как мы уже знаем. Таким образом, он являлся земляком Фрасибула; насколько можно судить, они были лично и политически близки, во всяком случае, на протяжении значительных периодов своих биографий⁴¹. Упомянем еще, что отцом Ферамена (стало быть, тоже выходцем из Стирии) был Гагنون, который как политик выдвинулся еще при Перикле⁴², в начале 430-х гг. стал ойкистом афинской колонии Амфиполь⁴³, а в 413 г. до н. э., уже на склоне лет, был избран в коллегию пробулов, которая на тот момент являлась высшей в полисе⁴⁴.

Архин (если его действительно относить к «умеренным») несколько выбивается из общей модели – в том отношении, что его демом была Кела, принадлежавшая к городской триттии филы Гиппофонтиды и находившаяся в городской черте Афин. Заметим, впрочем, что Архин в политической жизни конца V в. до н. э. являлся и в целом фигурой не вполне типичной. Достаточно вспомнить о том, какую гипертрофированную скрупулезность проявил он в борьбе за неукоснительное соблюдение амнистийных соглашений 403 г. до н. э.⁴⁵, или

⁴¹ В начале 410-х гг. до н. э. они вместе были стратегами и командовали флотом на севере Эгейды (*Andrewes A. The Generals in the Hellespont, 410–407 B.C. // Journal of Hellenic Studies. 1953. Vol. 73. P. 2–9.* В злополучной битве при Аргинусских островах оба были триерархами, а потом сообща интриговали против стратегов-победителей (*Xen. Hell. I. 6. 35 sqq.*). В период правления Тридцати Ферамен пытался вступаться перед Критием за Фрасибула (*Xen. Hell. II. 3. 42*).

⁴² Причем скорее всего был политическим противником Перикла, а не сторонником, как чаще считают. См. подробнее: *Braund D. Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD). Exeter, 2005. P. 82 ff.*

⁴³ О некоторых перипетиях основания Гагноном Амфиполя см.: *Asheri D. Studio sulla storia della colonizzazione di Anfipoli sino alla conquista macedone // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1967. Vol. 95. P. 19 ss.; Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63. P. 125 ss..*

⁴⁴ О тождестве Гагнона-ойкиста и Гагнона-пробула см.: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Oxf., 1996. Vol. 2. P. 454–455.*

⁴⁵ «Когда кто-то из возвратившихся начал искать возмездия за прошлое, он (Архин. – И. С.) велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда. Он объяснял, что

о том, что именно он выступил инициатором знаменитой реформы алфавита; последняя назрела уже давно, но приступать к ней не решались (такие вещи всегда довольно болезненны), а вот у Архина хватило на это смелости.

В высшей степени характерную картину обнаруживаем мы, когда переходим к рассмотрению демотиков тех политических деятелей, которых принято относить к олигархической группировке. В частности, все главные лидеры переворота 411 г. и режима Четырехсот происходили из сельских демов.

Так, оратор и софист Антифонт⁴⁶, которого уже Фукидид (VIII. 68. 1) характеризует как идейного вождя переворота, происходил из сельского дема Рамнунт (филы Эантиды), располагавшегося в крайнем северо-восточном «углу» Аттики, очень удаленного от Афин. Из этого ни в малейшей мере не следует, что оратор действительно жил на столь глухой периферии и ходил оттуда в город заниматься общественными делами. Разумеется, он имел дом в городской местности. Его принадлежность к Рамнунту означает то, что в этом деме жили его предки на момент реформ Клисфена, когда были введены демотики.

Фриних, который в правительстве Четырехсот был особенно влиятелен и с наибольшим основанием может считаться фактическим главой режима, принадлежал к Дирадии – сельскому дему филы Леонтиды; этот дем, кстати, находился на восточном побережье Аттики, как и Рамнунт. Писандр, который начинал как демагог, но впоследствии резко изменил политическую ориентацию, был приписан к неоднократно уже упоминавшимся Ахарнам – дему также сельскому. Андрон, также входивший в состав Четырехсот, но после его падения составивший псефисму против Антифонта (очевидно, ради самореабилитации), – из Гаргетта, сельского дема филы Эгеиды. Драконтид, который, возможно, в 411 г. был членом той же коллегии⁴⁷, а в 404 г. стал одним из влиятельнейших лиц при новом олигархическом режиме – «Тридцати тиранах»⁴⁸, – происходил из Афидны, сельского дема филы Эантиды. Вспомним тут и о стирийце Ферамене, который

теперь членам Совета предстоит показать, хотят ли они спасти демократию и соблюдать присягу: если отпустят этого человека, то это будет поощрением и для остальных, если же казнят, это будет примером для всех. Так и случилось. После его казни уже никто никогда потом не искал возмездия за прошлое» (Arist. Ath. pol. 40. 2). Последнее суждение, пожалуй, несколько преувеличенно: попытки такие в несколько последующих лет случались (хотя в основном не напрямую, а «обходным путем», как в случае с Сократом). Но всё же: бывает, что и незаконная по форме мера способствует укреплению законности...

⁴⁶ О соотношении риторики, философии и политики в деятельности Антифонта см.: *Bringmann K. Rhetorik, Philosophie und Politik um 400 v. Chr.: Gorgias, Antiphon und die Dissoi Logoi // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 489–503.*

⁴⁷ В отличие от коллегии Тридцати 404 г. до н. э., состав коллегии Четырехсот далеко не полностью известен персонально.

⁴⁸ Именно он внес псефисму об учреждении коллегии Тридцати: *Lys. XII. 73; Arist. Ath. pol. 34. 3).*

имел самое непосредственное отношение к обоим переворотам 411 г. до н. э.: и крайне-олигархическому (перевороту Четырехсот), и к умеренно-олигархическому (перевороту Пяти тысяч).

Среди лидеров олигархов конца V в. до н. э. имелась, впрочем, в полном смысле слова «знаковая фигура», и это, разумеется, Критий, «олигарх по преимуществу». К сожалению, его демотик точно не известен. Есть предположение, что демом Крития был Фегунт (тоже сельский, относившийся к филе Эрехтеиде), но с уверенностью это утверждать нельзя. В любом случае, Критий не может рассматриваться в контексте данного исследования, поскольку он принадлежал не к «новым политикам», а к древнейшей знати. По той же самой причине мы здесь ничего не говорим и об Алкивиаде (городской дем Скамбониды филы Леонтиды).

Осталось обратиться к еще одной специфической группе, включающей «чистых военных» – лиц, зарекомендовавших себя как полководцы, неоднократно занимавших должности стратегов, но при этом во внутривойсковых делах остававшихся нейтральными или, по крайней мере, не проявлявших эксплицитно свою позицию. «По умолчанию» этих людей обычно относят к «демократам», но это верно только в том смысле, что они были лояльны по отношению к существующей политической системе. Сам феномен появления в Афинах стратегов-профессионалов, далеких от политики в собственном смысле слова, получил окончательное оформление в IV в. до н. э.⁴⁹, но первые случаи такого рода отмечаются именно с 420-х гг. до н. э.⁵⁰, что, вне сомнения, надлежит связывать с началом Пелопоннесской войны – первой «тотальной» войны совершенно нового для эллинского мира типа.

В данной группе начнем с Ламаха. Демотик его в точности не известен. С некоторой долей вероятности предполагают, что он был приписан к Ое – городскому дему филы Энеиды. Относительно Ламаха отметим, что он был военачальником старшего поколения и к 420-м гг. до н. э. имел уже в этой области солидный опыт, – например, принимал участие в понтийской экспедиции Перикла (ок. 437 г. до н. э.) и в ее ходе выполнил ответственную миссию – сверж тиранию Ламаха в Синопе (Plut. Pericl. 20) и основал там афинскую клерухию⁵¹.

⁴⁹ Mossé C. La classe politique... P. 73 ff.

⁵⁰ Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991. P. 137; Spence I. G. Op. cit. P. 436.

⁵¹ Интересно, что в Синопе еще в IV–III вв. до н. э. зафиксировано несколько граждан, носивших имя Ламах (Федосеев Н. Ф. Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132–140), что, конечно, не случайно. Эти лица, несомненно, были потомками ксенов афинского стратега.

Перейдем к полководцам, начавшим карьеру уже в Пелопоннесскую войну. Лахет происходил из Эксоны, сельского дема филы Кекропиды; Демосфен, герой Пилоса, – из Афидны, сельского дема филы Эантиды; Формион – из Пеаннии, сельского дема филы Пандиониды; Конон – из Анафлиста, сельского дема филы Антиохиды.

* * *

Весь этот довольно утомительный (и, наверное, скучноватый для читателя) перечень просопографических данных потребовался для того, чтобы доказательно продемонстрировать: да, наблюдение А. Гомма абсолютно верно, подмеченная им тенденция в период Пелопоннесской войны (особенно с 410-х гг. до н. э.) имела место во всей полноте. В общественной жизни на смену «городским» политикам резко и массово стали приходить «сельские». Пользуясь модной ныне «мир-системной» терминологией, «периферия» во-рвалась в «центр».

Подчеркнем, что далеко не для всех известных афинян последней трети V в. до н. э. в источниках зафиксированы демотики. Те, для кого таковых мы не знаем, поневоле остались «за бортом» нашего анализа. Однако всё же можно уверенно говорить, что тот материал, который нами приведен, репрезентативен и отражает реальное положение дел, поскольку является результатом совершенно случайной выборки, сделанной самим временем.

В некоторых из рассмотренных групп политиков аргументируемая нами смена состава выступает особенно рельефно, а именно в группах «нейтральных военных» и «олигархов». Что интересно, в группе «демократов» картина менее однозначна. В ней даже на самом рубеже V–IV вв. до н. э. продолжали еще периодически появляться политики из городских демов. Назовем, в частности, Агиррия (из городского дема Коллита филы Эгеиды) и Фрасибула, сына Фрасона, из того же Коллита (не путать с «освободителем» Фрасибулом, сыном Лика), а также припомним и о вышеупомянутом Архине.

Черта сходства, объединяющая, насколько можно судить, всех или почти всех лиц, о которых шла речь, – то, что они были людьми состоятельными и, самое главное, активно занимались зарабатыванием денег – различными путями, в том числе и такими, которые современникам казались необычными и даже предосудительными. Многие из них практиковали ремесленно-торговую деятельность; источники пестрят упоминаниями о «кожевнике» Клеоне, «ламповщике» Гиперболе, «изготовителе лир» Клеофонте, а в качестве гиперболизированного символа всего этого типа политиков Аристофан во «Всадниках» выводит своего знаменитого Колбасника.

Антифонт с теми же целями изобрел профессию логографа, а также открыл риторическую школу. В воспоминаниях Ксенофонта он озлобленно

порицает Сократа за то, что тот не берет денег с учеников (Xen. Mem. I. 6); очевидно, в глазах Антифонта философ нарушал корпоративную этику, занимаясь своеобразным «демпингом».

Особым образом поступал Никий. Обладая очень большим количеством рабов, он поступал с ними следующим образом: сдавал в аренду другим лицам (которые использовали их на серебряных рудниках) и получал за это небольшую, но стабильную плату – по одному оболу за человека в день, что давало в год сумму, приблизительно равную 10 талантам⁵². Ему нужны были «чистые деньги», и известно, что значительная часть его огромного состояния имела именно денежную форму (Lys. XIX. 46–48). А требовались ему деньги, естественно, ни в коей мере не для инвестиций в хозяйство, а для трат в политических целях.

Интересно и показательно будет сравнить экономическую стратегию Никия с экономической стратегией виднейшего представителя предыдущего поколения – Перикла. О последнем существует следующий, весьма известный пассаж Плутарха (Pericl. 16):

Для управления состоянием, доставшимся ему от отца на законном основании, он придумал такую систему, которую считал наиболее удобной и точной, чтобы оно не растратилось из-за его нерадения и, с другой стороны, чтобы не доставляло ему, при его занятиях, много хлопот и не отнимало времени: именно, годовой урожай он продавал весь сразу, и потом покупал все нужное на рынке; такого порядка он держался в жизни и в повседневных расходах. Это не нравилось его взрослым сыновьям, и для их жен он был не щедрым давальцем; они жаловались на то, что расходы были рассчитаны по дням и сведены до минимума с величайшей аккуратностью, так что ничего не было лишнего, как должно было быть в большом доме при богатом хозяйстве, а напротив, все расходы и приходы были высчитаны и вымерены. Поддерживал весь этот аккуратный порядок его слуга Эвангел, один, как никто другой, по натуре ли своей способный к хозяйству или приученный к нему Периклом.

Обычно в историографии это трактуется в том смысле, что Перикл, опережая свое время, попытался полностью перестроить свое домашнее хозяйство на «рыночный лад»⁵³. Что же касается современников, то они воспринимали

⁵² О Никии и его рабах см.: Xen. De vect. IV. 14; Plut. Nic. 4; Athen. VI. 272c.

⁵³ *Туманс Х.* Указ. соч. С. 136: «Это был новый, чисто городской и даже современный тип хозяйствования». Периклова экономическая стратегия часто приводится как аргумент в свою пользу теми антиковедами, которые, будучи последователями Эдуарда Мейера, убеждены в широком распространении рыночных отношений в классической Греции (например: *Фролов Э. Д.* Прибыль и предприниматели в древней Греции // *Торговля и торговцы в античном мире.* М., 1997. С. 18).

такое поведение «Перикла-рыночника» как странный каприз. Как видим, оно не находило понимания и желания подражать даже со стороны сыновей-наследников.

Откровенно говоря, в подобном типе ведения хозяйства, хоть он на первый взгляд и может показаться рыночным, в действительности ничего «рыночного» нет; при ближайшем рассмотрении выясняется, что перед нами совершенно иная мотивация. В рамках рыночной экономики главный и фактически единственный критерий оценки эффективности того или иного действия – его доходность, прибыльность. Перикл же, как видим, продавал весь годовой урожай – оптом, а стало быть, недорого, а потом, не оставив себе ничего, оказывался перед необходимостью покупать необходимые продукты – в розницу, то есть заведомо дороже. Быть выгодным это никак не могло. Да, впрочем, Перикл, как ясно из приведенной цитаты, и заботился не о доходе, а о том, чтобы домохозяйство не обременяло его, оставляло как можно больше времени для общественной деятельности: определяющими даже для него и даже в экономической сфере выступали все-таки неэкономические соображения.

Хозяйствование Никия аналогично в том плане, что тоже не имело рыночных мотиваций. Иначе он с такой массой подневольных тружеников, какая у него была, мог бы организовать очень крупное производство, стать настоящим «фабрикантом», еще больше увеличить свое состояние... А он сдавал рабов в аренду, а полученные деньги тратил.

Очевидно, дело обстояло следующим образом. Никерат, отец Никия, не занимавшийся, насколько известно, государственной деятельностью, посвятил всю свою жизнь созданию огромного состояния. Он разбогател на разработке серебряных рудников⁵⁴ и для труда в них накупил огромное количество рабов. Время, когда это происходило, совпало с периодом наибольших успехов в Греко-персидских войнах; в результате победоносных сражений в Афины поступало огромное количество пленных, и рабская сила, соответственно, была особенно дешевой.

Сам Никий, однако, не пошел по стопам родителя, предпочтя политическую, а не экономическую стезю. И отцовский «бизнес» стал для него, по сути, обузой. Активно заниматься рудниками у него не было ни времени, ни желания. Вот он и прибег к иному методу: лично в дела не вникал, рабов сдавал в аренду, а сам лишь расходовал получавшуюся прибыль. Разница же между Периклом и Никием заключается в том, что Периклу было нужно *свободное время*, а Никию (и, чувствуется, всем остальным «новым политикам») – *свободные деньги*. Этот финансовый аспект проблемы нам обязательно нужно будет держать в памяти для дальнейших заключений.

⁵⁴ Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 44.

Итак, ближе к концу V в. до н. э. на самую верхушку политической жизни афинского полиса властно выступили люди, отцы и деды которых были «демотевтами», влиятельными лишь на уровне своих (как правило, сельских) демов. В другом месте⁵⁵ мы попытались показать, что много раньше, в 480–470-х гг. до н. э., уже имела место такая попытка «маргиналов» (во главе с Фемистоклом) выйти на первый план. Но тогда эта попытка (очевидно, еще преждевременная) не увенчалась полным успехом. Старинная городская знать, создав путем политических браков известную «коалицию трех родов»⁵⁶, удержала тогда свои позиции, не дала «высочкам» одержать верх.

Однако интересно, что именно Фемистокл одним из аспектов своей деятельности заложил основы дальнейшей победы «демотевтов». Во всяком случае, так случилось объективно, хотя сам герой Саламина вряд ли предвидел подобный результат собственных действий.

Что мы имеем в виду? Пришло время рассмотреть вопрос о том, какие же конкретные механизмы позволили представителям элиты аттических демов успешно выйти на общеполисный уровень. В данной связи нам хотелось бы указать на один фактор, на который ранее, кажется, почти совершенно не обращали внимания антиковеды. Выявление этого фактора – последняя (и, возможно, самая важная) задача настоящего исследования.

* * *

Хрестоматийно известным фактом является то, что самым важным по своим последствиям (как во внешнеполитическом, так и во внутривластном отношении) деянием Фемистокла была его морская программа⁵⁷, в результате которой в афинском полисе был создан мощнейший в Элладе флот. К чему это привело на внешней арене – прекрасно известно и не нуждается в подробном освещении: к Саламинской победе, предопределившей исход Греко-персидских

⁵⁵ Суриков И. Е. Новые наблюдения... С. 114–127.

⁵⁶ О ней см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 187 сл. (со ссылками на предшествующую литературу вопроса); Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 333 сл.; Суриков И. Е. Античная Греция... С. 123 сл., 178 сл.

⁵⁷ Ей посвящена, разумеется, весьма значительная литература. Наиболее фундаментальным по-прежнему остается исследование: *Labarbe J. La loi navale de Thémistocle*. Р., 1957. Из более новых работ (по ссылкам в которых можно отследить и предшествующие) см., например: *Строгоцкий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // *Античный мир: Проблемы истории и культуры*. Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 69–83; *Ставилюк В. В.* Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004.

войн, к созданию Афинского морского союза, к гегемонии Афин в Эгеиде и т. д. и т. п.

Из внутренних же результатов данной реформы Фемистокла обычно подчеркивается демократизация политической системы государства. Если в ходе преобразований Клисфена в Афинах сформировалась «гоплитская полития», то с созданием флота резко возросла роль гребцов, рекрутировавшихся из беднейших граждан; соответственно, увеличилась и политическая роль последних, – демократия, ранее умеренная, стала более радикальной. Всё это тоже прекрасно известно и многократно освещалось в литературе. А нам хотелось бы привлечь внимание к «другой стороне медали»: отныне в жизни государства появляется такая значимая фигура, как *триерарх*. Вся важность этого обстоятельства пока еще не оценена по достоинству, да и почти никем не замечена⁵⁸, а между тем его самое пристальное изучение представляется весьма перспективным.

Начиная с архаической эпохи и вплоть до 480-х гг. до н. э. афинские военно-морские силы комплектовались по системе навкрарий. Этих подразделений полиса было 48, и каждая предоставляла одно судно. Вследствие этого флот Афин составлял около полусотни единиц. Геродот (VI. 89) называет именно эту цифру – 50 кораблей⁵⁹: очевидно, к 48 кораблям навкрарий прибавлялись два государственных корабля, которые зафиксированы и для более поздних эпох.

По инициативе Фемистокла всё изменилось, что позволило быстро увеличить размер флота в несколько раз. На смену навкрариям пришел совершенно иной принцип – триерархия, юридически оформленная как одна из литургий. Отметим, что недавно вышло первое в отечественной историографии монографическое исследование об афинских литургиях, в котором большая глава специально посвящена триерархии⁶⁰. Автором собран и приведен основной источниковый материал об интересующем нас институте, что позволяет пользоваться этой сводкой данных. Сразу оговорим, что в сообщениях источников встречаются противоречия и некоторые аспекты интересующей нас проблема-

⁵⁸ Так, В. М. Строгоцкий вроде бы посвящает свою статью именно возникновению триерархии как следствию реализации морской программы Фемистокла (*Строгоцкий В. М.* Указ. соч.), но политические последствия появления слоя триерархов им совершенно не рассматриваются. Совсем недавно на эти последствия указал Г. А. Леманн (*Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Strategie im klassischen Athen. Eine Biographie.* München, 2008. S. 43), но затронул вопрос лишь мимоходом, буквально в одной фразе, поскольку его книга написана на совсем другую тему (это биография Перикла).

⁵⁹ Точнее так: 70 кораблей, из которых 20 были по дружбе предоставлены Афинам Коринфом.

⁶⁰ Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 118–163.

тики остаются дискуссионными; в таких случаях мы, как правило, будем ориентироваться на преобладающие в науке точки зрения.

Триерархия, бесспорно, являлась самой обременительной из литургий⁶¹. Если остальные (хорегия, гимнасиархия, архитеория и пр.) сводились к однократной затрате (пусть даже крупной) со стороны литурга, то триерарх обязан был не только оснастить и привести в боеспособное состояние полученный от государства остов судна, но и на протяжении целого года заботиться о нем, а в случае военных действий – лично командовать кораблем, быть, выражаясь современным языком, его капитаном.

Нельзя считать вполне решенным вопрос о том, всегда ли триерарх действительно исполнял эти командные обязанности. Например, на Исократе, который, исходя из всего, что мы о нем знаем, вряд ли годился на роль капитана, триерархия тем не менее возлагалась многократно даже тогда, когда ему было уже за восемьдесят. С другой стороны, Демосфен стал триерархом в двадцатилетнем возрасте⁶². Следует полагать, что в подобных случаях «капитан» был чисто фиктивным и вряд ли даже лично отправлялся в море, а скорее препоручал это какому-нибудь другому лицу как своему представителю. Но приведенные примеры относятся к IV в. до н. э., а для предшествующего столетия (нас здесь интересует только оно) такое вроде бы не зафиксировано.

Весьма важным аспектом деятельности триерарха была выплата жалования экипажу. Официально она должна была осуществляться из государственных средств – через стратегов триерархам выдавались соответствующие суммы. Однако в жизни, естественно, всё было сложнее. Сплошь и рядом случались задержки с выдачей полисных денег. А гребцы и матросы не желали долго ждать, они могли даже поднять бунт. В результате триерарху порой приходилось платить им из собственного кармана – или доплачивать собственную «надбавку» к государственному жалованью, если то казалось недостаточным.

Приведем в связи со сказанным свидетельство Фукидида (рассказывается об отправке флота на Сицилию): «Корабли были построены с большими затратами триерархов и государства. Государство выплачивало каждому моряку по 1 драхме в день и поставило неоснащенные корабли... Триерархи платили

⁶¹ Мы рассматриваем триерархию в V в. до н. э. В следующем столетии были произведены изменения, существенно облегчившие положение граждан, на которых это бремя возлагалось: введены симмории и синтелии (*Leppin H. Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 566 ff.; Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 136 сл.*). Но это развитие уже выходит за хронологические рамки данной работы и потому нас здесь не интересует.

⁶² Соответствующие данные со ссылками на источники см.: *Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 126.*

вдобавок к государственному жалованью корабельным гребцам на верхнем ряду весел и вообще всей команде⁶³ из своих средств. Кроме того, они снабдили корабли разрисованными носовыми значками и украсили дорогой внутренней отделкой, причем каждый триерарх стремился сделать свой корабль самым красивым и быстроходным» (Thuc. VI. 31. 3; перевод Г. А. Стратановского с нашими поправками).

Из приведенного пассажа не вполне ясно, были ли дополнительные выплаты со стороны триерархов добровольными. Судя по общему контексту, – кажется, да: речь в целом идет о духе состязательности, вспыхнувшем в среде афинян. Но почему тогда все триерархи осуществляли единообразные выплаты? Между ними была какая-то общая договоренность? Или государство обязало их платить эти деньги? Вопрос приходится оставить открытым, но, впрочем, для нашего предмета он и не имеет принципиального значения.

В любом случае понятно, что триерарх прежде всего должен был быть богатым человеком, иначе он просто не справился бы со своими обязанностями. Собственно, и критерием назначения лица триерархом была не его компетентность в морском деле, а единственно его материальная состоятельность. Как известно, один из главных общих принципов классической афинской прямой демократии, «демократии непрофессионалов», заключался (особенно в V в. до н. э.) в том, что любой гражданин достаточно компетентен для того, чтобы занимать любой пост. Именно поэтому и магистратам на докимасиях ставились вопросы не о том, являются ли они специалистами в тех областях, которыми будут заниматься, а о том, чистокровные ли они афиняне, почитают ли родителей и святыни и т. п.

Поскольку, естественно, не каждый богатый являлся хорошим потенциальным командиром корабля, то можно заведомо не сомневаться: встречались случаи, когда триерарх хоть и находился на триере, но реально не осуществлял руководство, а фактически оно находилось в руках кормчего-кибернета. Кибернет был по статусу вторым лицом на судне, и при этом, в отличие от триерарха, безусловным профессионалом морского дела. Однако, насколько можно судить, преобладали все-таки ситуации, когда триерарх командовал лично. К тому же, поскольку он в течение жизни исполнял литургию неоднократно,

⁶³ Место сложное для понимания. В оригинале – ταῖς ὑπηρεσίαις, но толкование самого этого термина вызывает серьезные споры. По мнению одних исследователей, ὑπηρεσία – это офицерский состав корабля (преобладающая точка зрения), по мнению других – какая-то категория гребцов. О дискуссии см.: *Бондарь Л. Д.* Указ. соч. С. 124 сл. Во всяком случае, это не «вся команда», как переводит Г. А. Стратановский, однако именно ввиду неясности, кто это на самом деле, мы здесь ничего не меняем в переводе, ограничившись данным замечанием.

порой – из года в год⁶⁴ (а иначе и быть не могло, поскольку количество лиц с необходимым размером состояния было в полисе ограничено), в результате он со временем просто не мог не приобретать соответствующего опыта.

Рекрутировались триерархи, само собой, из представителей высшего солонковского имущественного класса – пентакосиомедимнов⁶⁵. Причем ежегодно требовалось очень немало этих литургов. Первоначальное число триерархов, установленное Фемистоклом, было равно 100 (Arist. Ath. pol. 22. 7), но уже очень скоро возросло до 200. Ведь действовал, естественно, принцип «сколько триер – столько триерархов», а к моменту Саламинской битвы число афинских кораблей уже достигло двух сотен.

В 420-х гг. до н. э., если верить Псевдо-Ксенофону (Ath. pol. 3. 4), ежегодно назначалось уже 400 триерархов. Однако это свидетельство вызывает некоторые сомнения, ибо предполагает для начала Пелопоннесской войны численность афинского флота в 400 триер, а это уж слишком много. Правда, Страбон (IX. 395) называет именно эту цифру (не указывая, к сожалению, какой конкретный период он имеет в виду). Но, несомненно, более реально число, указываемое современником событий Фукидидом (I. 13. 7): «Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер». Может быть, наряду с 300 «регулярными» триерархами назначались еще 100 «запасных» – на случай, если вдруг придется быстро увеличить размер военно-морских сил? Не будем гадать; отметим только, что даже если ориентироваться на цифру 300, а не 400, то и это тоже весьма много. По сути дела, можно предполагать, что все афинские пентакосиомедимны с той или иной степенью частоты назначались триерархами.

Мы считаем, что этим был четко очерчен круг воинских обязанностей класса пентакосиомедимнов. Хорошо известно, что солоновские классы имели несомненные военные коннотации⁶⁶, что видно даже по названиям некоторых из них: о всадниках уж и не говорим, термин «зевгиты» сейчас тоже чаще

⁶⁴ «В V в., скорее всего, и вовсе не существовало установленного законом интервала между двумя триерархиями» (Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 133). Только в IV в. до н. э. был установлен годичный, а затем, похоже, и двухлетний интервал.

⁶⁵ Во всяком случае, в первой половине V в. до н. э. солоновские имущественные классы еще занимали центральное место в социальной градации граждан (Schmitz W. Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit des athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 594). Да и для второй половины столетия еще нельзя говорить об их отмирании.

⁶⁶ См., впрочем, высказанные недавно весьма нетрадиционные взгляды о солоновских классах: Wees H. van. Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 351–389; Raaflaub K. A. Athenian and Spartan *Eunomia*, or: What to Do with Solon's Timocracy? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 390–428. Эти

связывают не с ζευγος (упряжка волов), а с ζυγός (шеренга гоплитов в фаланге). Если всадники служили в кавалерии, зевгиты – в гоплитском ополчении, феты – до реформы флота в основном в легковооруженной пехоте, а затем – гребцами на кораблях, то что можно сказать о высшем классе? Традиционно он мог восходить к слою древних колесничих⁶⁷, но в период от Солона до Фемистокла не имел отчетливых военных функций, теперь же он их получил: класс пентакосиомедимнов стал воистину «классом триерархов».

Заметим еще, что поскольку триерарху на протяжении всего года приходилось тратить значительные денежные средства, то лица, которым поручалась эта литургия, волей-неволей должны были соответствующим образом структурировать свое богатство. Если для более раннего времени крупные состояния заключались преимущественно в недвижимости, то с V в. до н. э. возникала необходимость переводить часть имущества в деньги. Этот процесс давно замечен в историографии (правда, скорее для IV в. до н. э.) и связывался обычно с кризисными явлениями в полисной жизни, со стремлением богатых граждан скрыть истинные размеры своей собственности. Не будем отрицать эту традиционную трактовку, но не будем ее и абсолютизировать: как видим, действовал и еще один фактор, на который ранее не обращалось достаточного внимания.

* * *

Почему мы считаем возможным рассматривать в рамках одной работы «феномен демотефта» и «феномен триерарха», как они связаны друг с другом? Самым прямым образом. Представители элиты аттических демов, как мы отмечали выше, были состоятельными людьми. Явно если не все они, то многие из них принадлежали к классу пентакосиомедимнов. И с учреждением триерархии именно они-то и стали привлекаться к ее исполнению! Это бремя не могла нести на себе только общеполисная элита, старинная городская знать – ее просто не хватило бы количественно. И ей пришлось (видимо, чем дальше – тем больше, с возрастанием флота и соответственно потребности во всё новых и новых триерархах) делиться со «вторым эшелоном», с элитой демов, как обязанностями, так, следовательно, и влиянием. Ведь еще одним принципом полисного социума, действовавшим с завидным постоянством, был следующий: чем выше роль гражданина на полях сражений, тем бóльшим должно стать его политическое значение в мирной жизни.

концепции нуждаются в пристальном осмыслении, но сам тот факт, что они противоречат друг другу, делает их уязвимыми.

⁶⁷ Ср.: Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 47 ff.

А к демократическому полису сказанное относится а fortiori. Поскольку лидеров государства определяла воля демоса, вполне можно говорить о появлении такого феномена, как «электорат»⁶⁸. Впрочем, подчеркнем, пока еще именно только феномена, но не понятия для его обозначения – термина с подобным смыслом в V в. до н. э. мы, кажется, не находим. Поэтому мы, в отличие от Х. Туманса, предпочитаем во избежание модернизации писать применительно к классическим Афинам это слово в кавычках, и впредь будем так делать.

Имели ли триерархи какие-либо преимущества в борьбе за влияние на этот афинский «электорат»? На наш взгляд, бесспорно, имели, и мы сейчас попытаемся показать, какие конкретно это были преимущества. Демос являлся «электоратом» в одной из своих ипостасей, в другой же он был полисным ополчением. Многие должностные лица (и, во всяком случае, самые авторитетные из них, как стратеги) были одновременно военными командирами. М. Финли видит в этом один из главных источников легитимности власти в античном полисе⁶⁹. Мы же, со своей стороны, отметим, что если для демоса как «электората» характерен эгалитаризм (в демократических Афинах на выборах все были равны), то для демоса как ополчения, – напротив, иерархичность: мы видели, что даже каждый из солоновских классов имел свое, строго определенное место в пору войны, и места эти отнюдь не были равными.

Заметим в данной связи, прежде всего, как набирались моряки на суда. «О формировании корабельной команды в лице матросов, гребцов и солдат первое время после введения триерархии заботилось государство. Но позднее и это вошло в круг обязанностей триерарха»⁷⁰. Л. Д. Бондарь указывает, что такой порядок имел место уже к 430 г. до н. э. (в 357 г. до н. э. он был отменен, и вернулись к прежнему). Точное время его введения из источников неизвестно, но ясно, во всяком случае, что он давал триерархам важное средство контактов с согражданами. Причем, надо полагать, триерарх, если он принадлежал к «демотевтам», при наборе команды обращался в первую очередь к своим сотоварищам по дему – поскольку они ближе всего были ему знакомы.

Лицо, набиравшее воинов на службу, и сами эти воины неизбежно вступали по отношению друг к другу в некие особые отношения – не закрепленные юридически, но на уровне личных неформальных связей значившие немало. Это хорошо изучено на других примерах (греческие вожди наемников в IV в. до н. э., римские полководцы со времени военных реформ Мария) и не подлежит сомнению. Думаем, что аналогичная ситуация складывалась

⁶⁸ См.: Туманс Х. Указ. соч. С. 120, 144, прим. 10. Далеко не со всеми положениями этой интересной, смелой и даже провокационной статьи мы вполне согласны. Но как раз данный тезис об «электорате» представляется верным.

⁶⁹ Finley M. I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. København, 1982.

⁷⁰ Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 124.

и в случае с триерархами V в. до н. э. Моряками командир, принявший их на корабль, должен был восприниматься как лидер, которому следует хранить верность.

Это еще более усугублялось тем, что именно триерарх, как указывалось выше, выплачивал экипажу жалованье. В каких-то случаях (реже) – из собственных средств, в каких-то (естественно, чаще) – из государственных, в каких-то – из государственных, но с собственными доплатами... Но главное, что моряки получали деньги непосредственно из рук своего «капитана», что должно было еще больше привязывать их к нему.

Да и в целом сердцу воинов всегда ближе «батяня-комбат», который лично ведет их в бой и делит с ними тяготы и лишения службы, чем более высокое начальство. Триерархов мы неоднократно называли «капитанами», что в целом вполне корректно. Стратеги в этой терминологии оказываются «адмиралами». Для моряков, плававших на большинстве кораблей, они были в целом довольно далекой инстанцией, а «свой» триерарх – всегда рядом. Как в гражданской жизни – мы уже говорили об этом выше – демарх в глазах рядового жителя Аттики мог подчас оказываться едва ли не более важной фигурой, чем общеполитический магистрат, точно так же и во время войны триерарх (а им ведь мог быть и тот же демарх⁷¹) оказывал в каких-то отношениях большее влияние на сограждан, чем командование флота в целом. Как рискнешь ссориться с человеком, от которого в твоей жизни зависит столь многое?

Между стратегом и триерархом имелось еще и то существенное отличие, что разным был их статус: стратег являлся магистратом, триерарх – литургом. Стратеги избирались голосованием в экклесии, затем проходили докимасию. Как формировался корпус триерархов, кем и посредством какой процедуры они назначались – вопрос весьма дискуссионный, из-за скудости и противоречивости данных источников пока не получивший однозначного решения в исследовательской литературе. Есть мнение (пожалуй, его можно назвать преобладающим), что назначение триерархов в V в. до н. э. было прерогативой стратегов или, во всяком случае, осуществлялось под их контролем⁷². Не без колебаний мы также присоединяемся к этой точке зрения. Во всяком случае, в следующем столетии дело обстояло именно так. Аристотель (Ath. pol. 61. 1) пишет: ...Одного (из стратегов. – И. С.) назначают для симморий: он составляет списки триерархов (τοὺς τε τριηράρχους καταλέγει), устраивает

⁷¹ Даже из общеполитических магистратов от триерархии освобождались только архонты (Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 126). О том, что этой литургии не подлежали магистраты демов, в источниках ничего не сообщается, да это и невозможно а fortiori.

⁷² К обоснованию этой точки зрения см.: Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 128–129 (со ссылками на предшествующую литературу).

между ними обмен имущества⁷³ и руководит разбирательством споров между ними».

Правда, описанная здесь ситуация имела место уже после введения симморий. Но о том, что механизм был похожим и в период Пелопоннесской войны, кажется, свидетельствует один намек у Аристофана (Equ. 912 sq. cum schol.). Немаловажный нюанс, однако, заключается в том, что триерархи назначались заранее, до начала гражданского года⁷⁴. А это означает, что стратег набирал подчиненных не себе, а своему преемнику. Назначало триерархов одно лицо, а реально командовать ими доводилось уже другому, что давало этим «капитанам» триер некоторую степень независимости от обоих. С другой стороны, и от демоса, от его капризов триерархи зависели в меньшей степени, нежели те же стратеги, поскольку, повторим, в отличие от последних не избирались народным собранием, да и докимасия к ним, видимо, не применялась.

Всё сказанное убеждает в том, что триерархи находились в весьма выгодной «электоральной позиции». В обстановке почти ежегодно ведущихся военных действий они получали известность, обретали себе «группы поддержки». Одним словом, для граждан из незнатных, но состоятельных семей это был весьма удобный путь в высшие сферы политики. Наша главная гипотеза в том и заключается, что таким путем шли во второй половине V в. до н. э. (особенно в период Пелопоннесской войны) представители элиты демов, составившие ядро группы афинских «новых политиков».

Строго говоря, гипотеза эта не может быть полностью и безоговорочно доказана, поскольку в источниках очень мало материала о персоналиях триерархов V в. до н. э. Несравненно лучше известен состав коллегий стратегов для этого времени⁷⁵, но и в этих данных более чем достаточно пробелов – почти ни для одного года не известны имена всех десяти стратегов. Что уж говорить о триерархах – а их, напомним, ежегодно назначалось несколько сотен!

Тем не менее достоверно известно, что ряд политиков, о которых шла речь в этой работе и которых мы считаем характерными представителями слоя «демотевтов», шагнувших на новую ступень карьеры, действительно привлекались к исполнению триерархии. Это сообщается, например, об Антифонте (Ps.-Plut. Vit. X or. = Mor. 832b–834b; Flav. Philostr. Vit. soph. I. 15). Ферамен и Фрасибул являлись триерархами даже после того, как неоднократно занимали

⁷³ Вопрос о судебных процессах по обмену имуществом, часто случавшихся в связи с наложением литургий, в данной работе разбираться не будет, поскольку он не имеет прямого отношения к ее основной тематике; к тому же такие процессы – реалья, характерная в основном для IV в. до н. э.

⁷⁴ Бондарь Л. Д. Указ. соч. С. 128.

⁷⁵ См. прежде всего: Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; Develin R. Athenian Officials 684–321 BC. Cambridge, 1989.

должность стратега (Xen. Hell. I. 6. 35; I. 7. 5); вполне резонно считать, что эта литургия налагалась на них и до того. Собственно, о Фрасибуле это сообщается эксплицитно: он был впервые избран стратегом необычным путем – моряками на Самосе в ходе антиолигархического восстания 411 г. до н. э. – и на тот момент являлся как раз триерархом (Thuc. VIII. 73. 4).

* * *

Соблазнительно было бы предположить, что и сам термин «демагог» (δημαγωγός) произошел от δήμος не в значении «народ», а в значении «дем» (т. е. демагог – это изначально, в сущности, «глава дема», а не «вождь народа», как обычно переводят). Однако, не удержавшись от того, чтобы высказать подобное предположение, всё же отнесемся к нему со всей возможной осторожностью. Такая этимология не рассматривается и в важнейших этимологических словарях древнегреческого языка⁷⁶.

Кроме того, мы видели, что в годы Пелопоннесской войны удельный вес «демотевтов»-триерархов выше, пожалуй, не среди демагогов (радикальных демократов), а как раз среди политиков олигархической ориентации. В частности, можно сказать, что переворот 411 г. до н. э. был подготовлен и осуществлен всецело именно этими лицами.

Триерархи по самому роду своей деятельности неизбежно чаще и больше, чем кто-либо иной, имели дело со знаменитой афинской «корабельной чернью». Не удивительно, что у многих из них этот «зверь»⁷⁷ не вызывал особых симпатий, оттого-то они и ввязались чрезвычайно активно в «олигархические игры»⁷⁸. Учитывая акцентированный выше статус триерархов как «капитанов», сам переворот Четырехсот можно было бы назвать – если закончить главу на несколько юмористической ноте – «путчем черных капитанов» (по аналогии с «путчем черных полковников» в той же Греции в 1967 г.).

⁷⁶ Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960. S. 280–281; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1. P., 1968. P. 274.

⁷⁷ Буквальное выражение одного исследователя (Knox R. A. “So Mischievous a Beast?” The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece and Rome. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 132).

⁷⁸ Многое в перевороте Четырехсот выдает руку людей военных, например следующее положение программы олигархов: «Деньги, поступающие в казну, воспрещается расходовать на что бы то ни было, кроме войны» (Arist. Ath. pol. 29. 5).

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ОСТРАКИЗМА И АФИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА*

Институт остракизма в Афинах изучен достаточно хорошо¹, однако и по сей день в историографии сохраняются применительно к нему некоторые aberrации, основанные скорее на общепринятых постулатах, чем на доказанных фактах. В частности, стало уже привычным однозначно ассоциировать эту процедуру с демократией. Понимание остракизма как в высшей степени демократического института, формы борьбы, порожденной именно и конкретно демократическими полисами классической Греции, следует признать весьма распространенным. Так, Дж. Ларсен считал, что афинские остракофории V в. до н. э. были проявлением конфликта между демократией и сторонниками олигархии² (это, на наш взгляд, чрезмерно упрощенный подход к истории политической борьбы в Афинах классической эпохи – борьбы, которая отнюдь не разворачивалась по дуальной схеме «демократы – олигархи»³). Автор недавней монографии о ранних греческих демократиях Э. Робинсон высказывает мысль, что остракизм – «в высшей степени демократическая процедура», «одна из яснейших специфических черт демократии»⁴. «Сильным средством борьбы за демократию» называл остракизм Ю. Г. Виноградов⁵, а К. Моссе – «характерной практикой греческой демократии»⁶.

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2004. № 1. С. 3–30.

¹ Представление об обилии исследований по различным аспектам данной темы можно получить хотя бы из историографического обзора: *Martin A. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // Revue des études grecques. 1989. Vol. 102. P. 124–145.* Уже после выхода этого обзора появилось немало новых работ. Указание на важнейшие из них см.: *Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118. Прим. 4.* Впрочем, и приведенный там перечень уже мог бы быть дополнен.

² *Larsen J. A. O. Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to G. H. Sabine. Ithaca, 1948. P. 16.*

³ Ср. важные методологические замечания по этому поводу в работе: *Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56 сл.*

⁴ *Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 40–41, 62.*

⁵ *Vinogradov J. G. Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Mainz, 2001. S. 379–386.*

⁶ *Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 358.*

В действительности, однако, ситуация не так проста и однозначна. В сущности, нет по-настоящему серьезных оснований обязательно связывать остракизм исключительно с демократической формой правления, и только с ней. По сути дела, не существует какого-либо непримиримого противоречия между практикой остракизма и аристократическим или олигархическим государственным устройством. Вопрос заключается лишь в том, в ведении какого органа – народного собрания (при демократии) или Совета (при аристократии или олигархии) – эта процедура находилась⁷. А в этом отношении возможны самые различные варианты. Известно, например, что даже в Афинах остракизм изначально был прерогативой не экклесии, а какого-то Совета, скорее всего Совета четырехсот (Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^{rv})⁸. По большому счету остракизм несовместим, пожалуй, лишь с тиранией, да и тут не обойтись без оговорок. Если тиран желал собласта хотя бы видимость законности и легитимности своей власти в полисе (а именно такова была политика афинских Писистратидов почти до самого конца правления династии), ничто не мешало ему для устранения противников прибегнуть к подобного рода правовой процедуре, тем более что нужный результат голосования в Совете, укомплектованном ставленниками правителя⁹, был заведомо обеспечен.

Не случайно в недавно вышедшей работе Д. Мерхади «Ритуальные истоки афинского остракизма» выдвинута нетривиальная гипотеза: происхождение остракизма значительно лучше укладывается в исторический контекст архаической эпохи с ее острой межаристократической борьбой, нежели в рамки полностью демократического полиса. Остракизм, как считает Мерхади, вообще был более созвучен аристократической, чем демократической культуре¹⁰. Мы со своей стороны укажем на следующее обстоятельство, кажется говорящее в пользу данной точки зрения. Афинская демократия получила свою наиболее полную и законченную форму к началу IV в. до н. э.¹¹ И именно тогда

⁷ Нам уже приходилось высказывать эту мысль: *Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики. Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1999. С. 49, 51.

⁸ Публикацию этого текста см.: *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // *American Journal of Philology*. 1972. Vol. 93. No. 1. P. 87–91.

⁹ Как раз подобным образом обстояло дело в Афинах при Писистратидах, которые проводили на высшие государственные должности своих людей (ср.: Thuc. VI. 54. 6).

¹⁰ *Mirhady D. C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // *Ancient History Bulletin*. 1997. Vol. 11. No. 1. P. 19: «This model was more attuned to an aristocratic than a democratic culture».

¹¹ Ср.: *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 11–28.

остракизм фактически прекратил существование!¹² Предшествующее же столетие, V в. до н. э., в течение которого функционировал этот институт, было по сути дела на всем своем протяжении затянувшимся переходным периодом от аристократического полиса к демократическому, когда ведущую роль в общественной жизни еще играли политические лидеры из знатных родов. Они-то и становились жертвами остракизма¹³. И по мере того, как этих аристократических лидеров демократии становилось все меньше и меньше, к остракизму все реже прибегали, все более он производил впечатление отмирающей процедуры.

Каковы наиболее существенные черты института остракизма – те, что делают его остракизмом как таковым, отличая от прочих форм изгнания? Таких черт, в нашем понимании, три: а) изгнание не в качестве наказания, а, так сказать, «для профилактики», т. е. не в связи с виной, лежащей на гражданине, а просто потому, что он стал «слишком влиятелен», или по какой-либо иной причине; б) изгнание на фиксированный срок; в) изгнание с применением специфической процедуры – голосования надписанными предметами (в Афинах черепками, в Сиракузах листьями и т. п.). Интересно, что третья из перечисленных черт, несмотря на то что в античности она, видимо, осознавалась как самая важная и даже дала название всему институту, в действительности представляется наименее принципиальной. Преимущественное же внимание следует обратить на черту, охарактеризованную нами первой: остракизм как изгнание, в сущности, ничем не провинившегося человека. Подобная практика удаления из полиса невиновных известна в греческом мире и помимо остракизма. Но все случаи, когда к ней обращались, предполагали ритуальный, катартический контекст.

В связи с вышесказанным не удивительно, что рядом исследователей отмечались определенные религиозные коннотации, изначально присущие остракизму¹⁴. Особенно настоятельно они подчеркиваются в статье Л. Холл, скромно

¹² О хронологическом совпадении этих двух фактов, которое вряд ли может быть случайным, см. также: *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S. 116.

¹³ Последний раз этот принципиальный, но при этом, на наш взгляд, вполне очевидный вывод сформулирован, насколько нам известно, в работе: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 407–410.

¹⁴ Например: *Ranulf S.* Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. Copenhagen, 1934. V. 2. P. 280; *Moulinier L.* Le pur et l'impur dans la pensée et la sensibilité des Grecs jusqu'à la fin du IVème siècle av. J.-C. P., 1950. P. 222; *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 269–270; *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929. С. 154; *Молчанов А. А., Сыриков И. Е.* У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 252–260. Отметим, что в эпоху архаики, когда, судя по всему, формировались институты,

озаглавленной «Заметки по поводу закона об остракизме», но являющейся, по нашему глубокому убеждению, одной из наиболее интересных и ценных работ, когда-либо посвящавшихся рассматриваемому институту¹⁵. Исследовательница, пожалуй, впервые в мировой историографии всерьез предложила посмотреть на проблему происхождения остракизма под новым углом, весьма убедительно продемонстрировав, что та форма этой процедуры, которая применялась в Афинах в V в. до н. э. и которая лучше всего известна нам, была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков. В конечном счете мы имеем дело с рудиментарной, секуляризованной формой древнего как мир магического ритуала – изгнания «козла отпущения» (греч. φαρμακός)¹⁶. Фармак по своему положению являлся *sacrosanctus*, т. е. одновременно «проклятым» и «священным», «неприкасаемым» и «неприкосновенным». Именно поэтому лица, подвергнутые остракизму, с одной стороны, удалялись с территории полиса и тем самым отстранялись от соприкосновения со святынями и от общения с согражданами, а с другой стороны, на имущество такого изгнанника запрещено было посягать, оно являлось неприкосновенным. Отнюдь не случайно, что остракофория проводилась ровно раз в год – ни чаще, ни реже, причем весной, в пору обновления природы; изгнанник как бы уносил с собой грехи, накопившиеся в гражданской общине в течение очередного календарного цикла.

Впрочем, во избежание чрезмерного увлечения идеей религиозного происхождения остракизма необходимо сделать ограничительное замечание. Следует четко отделять вопрос этиологии феномена от вопроса его актуальной функции. Каковы бы ни были ритуальные истоки интересующей нас процедуры, в V в. до н. э. в демократических Афинах она, бесспорно, воспринималась уже как вполне секуляризованный институт, а жертвы остракофорий вряд ли

из которых впоследствии вырос «классический» остракизм, вообще трудно ожидать какого-либо явления без религиозных коннотаций: роль религии в мировоззрении была еще очень велика (ср.: *Frost F. J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83*).

¹⁵ *Hall L. G. H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd. 4. S. 91–100*. Выводы Холл обретают все большую поддержку в антиковедении; см., например: *Siewert P. Accuse contro i “candidati” all’ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell’Istituto di storia antica, Milano. 1991. Vol. 17. P. 8*. Мы, со своей стороны, должны констатировать, что прочли ее статью уже после того, как наша концепция о раннем и постепенном происхождении остракизма уже в основных чертах сложилась, и были весьма рады ознакомиться со взглядами единомышленника.

¹⁶ О древнегреческих ритуалах, в которых использовались фармаки, см.: *Frazer J. G. The Golden Bough. V. 6. 3 ed. L., 1920. Passim; Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybackhoi in Athen. München, 1926; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 233*.

напрямую ассоциировались с фармаками (разве что на уровне подсознания). Теперь, после вышеизложенных предварительных наблюдений, мы можем перейти непосредственно к вопросу о функциях остракизма. И прежде всего скажем несколько слов о том, как эти функции понимали античные авторы.

Дж. Кини, один из ведущих в современном антиковедении знатоков нарративной традиции об остракизме, высказал по этому поводу интересную гипотезу¹⁷. По его представлениям, в IV в. до н. э., когда, собственно, было в основе своей сформировано ядро античной историографии об этом институте (позднейшие писатели в большинстве своем опирались на данные авторов позднеклассической эпохи)¹⁸, существовали два основных взгляда на назначение остракизма, которые Кини называет «аттидографическим» и «перипатетическим». Согласно первому (и более раннему) из этих взглядов, остракизм был введен в Афинах для борьбы со сторонниками изгнанных тиранов Писистратидов. Второй, «перипатетический» взгляд представляется более широким: он предполагает направленность остракизма против чрезмерно сильных и влиятельных политиков вообще. Кини считает, что этот расширительный взгляд на остракизм выработал Аристотель в «Политике», поскольку не хотел в своем анализе полисных институтов ограничиваться афинскими рамками и включил в трактат материал об остракизме из других городов Эллады. Что же касается более ранней «Афинской политики»¹⁹, то там цели введения остракизма обозначены еще в чисто «аттидографическом» ракурсе.

¹⁷ Keaney J. J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 261 ff. Следует отметить, что в некоторых основных чертах концепция Кини была несколько ранее предвосхищена А. Раубичеком: Raubitschek A. E. Aristoteles über den Ostrakismos // Tyche. 1986. Bd. 1. S. 169 ff.

¹⁸ В целом по поводу складывания историографии об остракизме см.: Суриков И. Е. Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. 2002. Т. 2. С. 51–74.

¹⁹ Как известно, вопрос о хронологическом соотношении «Политики» и «Афинской политики» остается дискуссионным. С одной стороны, практически сразу же после издания «Афинской политики» было справедливо подмечено, что некоторые факты, упоминаемые в этом трактате, дают terminus post quem для него – 328 г. до н. э. (Sandys J. E. Introduction // Aristotle's Constitution of Athens: A Revised Text with an Introduction, Critical and Explanatory Notes, Testimonia and Indices. 2 ed. L., 1912. P. XLIX). Это делает «Афинскую политику» едва ли не последним произведением Аристотеля, во всяком случае, более поздним, чем «Политика», работа над которой шла в 330-х гг. С другой стороны, несомненно и то, что «Афинская политика» составлялась в ходе сбора эмпирического материала для теоретической «Политики», т. е. стадийно, по содержанию, она должна была предшествовать ей (ср.: Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 46). Найти выход из складывающегося противоречия позволяет предположение, что «Афинская политика» уже после написания основной части текста дополнялась и перерабатывалась

Итак, вычлениаются два подхода к проблеме целей остракизма: один – более узкий и конкретный, восходящий к аттидографам, которые в первую очередь интересовались фактологической историей Афин и не стремились выходить за ее рамки; другой – представляющий собой попытку более широкого взгляда на вещи, впервые использованный, по мнению Кини, Аристотелем. Казалось бы, все правильно. При обзоре нарративной традиции об остракизме начиная с IV в. до н. э. и далее в ней действительно обнаруживается определенная дихотомия. Одни авторы (их меньшинство, и среди них важнейшее место действительно занимают аттидографы) предпочитают говорить о введении остракизма для того, чтобы покончить с афинскими «друзьями тиранов» (Androt. FGrHist. 324. F6; Arist. Ath. pol. 22. 3–6; Philochor. FGrHist. 328. F30; Harpocr. s. v. Ἰππαρχος). Другие же следуют мнению Аристотеля, неоднократно высказываемому в «Политике» (1284a4 sqq.; 1288a15 sqq.; 1302b15 sqq.), и прямо говорят или имплицитно подразумевают, что остракизм был направлен против выдающихся граждан в принципе, безотносительно к Писистратидам (Diod. XI. 54. 5; XI. 86. 2; XIX. 1. 3; Plut. Aristid. 7; Aristid. XLVI. p. 242–243 Jebb = II. p. 316–317 Dindorf; Bekker Anecd. I. 285. 20 sqq.; Etym. Magn. s. v. ἐξοστρακισμός).

Но «изобрел» ли Аристотель эту вторую точку зрения? Позволим себе в этом усомниться. Дело в том, что есть ведь и самые ранние отзывы античных авторов об остракизме, относящиеся к V – началу IV в. до н. э. Они, таким образом, предшествуют как складыванию аттидографической традиции, так и, тем более, появлению перипатетической школы. Уже обращалось внимание²⁰ на то, что в этих свидетельствах остракизм рассматривается как мера, направленная против могущественных, знатных по происхождению лиц, вызывавших опасения у сограждан, а о Писистрате и Писистратидах в данной связи

самим автором в 320-х гг. до н. э. (ср., например: *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 75). Мы не будем сколько-нибудь подробно касаться здесь еще одного спорного вопроса – об авторстве «Афинской политики». Как известно, принадлежность этого сочинения самому Аристотелю все чаще оспаривается в западной историографии. См., в частности: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 27–30; *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 58–63; *Whitehead D.* 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // *Aristote et Athènes.* P., 1993. P. 25–38. Мы не исключаем, что непосредственно над текстом «Афинской политики» мог работать не сам глава Ликее, а кто-то из его учеников (или, может быть, даже группа учеников). Однако, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что Аристотель, во всяком случае, авторизовал трактат и издал его под своим именем. Ведь не случайно вся античная традиция называет «Афинскую политику» именно Аристотелевым произведением.

²⁰ *Schreiner J. H.* The Origin of Ostracism Again // *Classica et mediaevalia.* 1970 (1976). Vol. 31. P. 93.

ничего не говорится. Так, комедиограф конца V в. до н. э. Платон в одном из сохранившихся фрагментов (fr. 187 Kock) говорит об изгнанном остракизмом демагоге Гиперболе: οὐ γὰρ τοιούτων εἶνεκ' ὄστραχ' εὐρέθη («ведь остракизм изобретен не для таких»). Этим подразумевается, что Гипербол, будучи человеком незначительного происхождения, «недостойн» остракизма. Далее, Фукидид (VIII. 73. 3) пишет о том же Гиперболе, что его подвергли остракизму οὐ διὰ δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον, ἀλλὰ διὰ πονηρίαν καὶ αἰσχύνην τῆς πόλεως («не из страха перед его могуществом или влиянием, но из-за его порочности, так как его поведение позорило город»). Таким образом, и для этого историка Гипербол – несомненное исключение, а обычно жертвами остракизма, по его мнению, становились именно люди, вызывавшие страх своим «могуществом и влиянием». Далее, оратор Андокид (IV. 35)²¹ полагал, что закон об остракизме был направлен против тех лиц, которые оказываются сильнее должностных лиц и законов (τοὺς κρείττους τῶν ἀρχόντων καὶ τῶν νόμων), и особенно против тех из них, кто запятнал себя несовместимым с демократией поведением (так, Кимон якобы был изгнан за то, что незаконно сожительствовал с сестрой Эльпиникой – Andoc. IV. 33).

Таким образом, тот взгляд на назначение остракизма, который Кини определяет как «перипатетический» и связывает с именем Аристотеля, в действительности значительно древнее; Стагирит только наиболее подробно развил его. Насколько можно судить, именно этот взгляд и был изначальным, бытовавшим в ту эпоху, когда остракизм был актуально функционировавшим институтом. Позже, когда он вышел из употребления и представления о его действительном происхождении стали расплывчатыми, начались (прежде всего со стороны аттидографов) различные спекуляции, стали появляться теории умозрительного характера. Достаточно легко было сделать умозаключение по принципу *post*

²¹ По дискуссионной проблеме авторства IV речи корпуса Андокида, целиком посвященной остракизму, см.: *Raubitschek A. E.* The Case against Alcibiades (Andocides IV) // *Transactions of the American Philological Association.* 1948. Vol. 79. P. 191–210; *Burn A. R.* A Biographical Source on Phaiax and Alkibiades? ([Andokides] IV and Plutarch's Alkibiades) // *Classical Quarterly.* 1954. Vol. 4. No. 3/4. P. 138–142; *Feraboli S.* Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // *Maia.* 1974. Vol. 26. Fasc. 3. P. 245–246; *Furley W. D.* Andokides IV ('Against Alkibiades'): Fact or Fiction? // *Hermes.* 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 138–156; *Siewert P.* Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // *Innere und äußere Integration der Altertumswissenschaften.* Halle, 1989. S. 226–232; *Heftner H.* Ps.-Andokides' Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussionen nach dem Sturz der 'Dreißig' in Athen // *Klio.* 1995. Bd. 77. S. 75–104. Мы не находим достаточных оснований для того, чтобы исключать принадлежность речи Андокиду. Впрочем, вопрос этот не самый принципиальный; важнее другое – речь была составлена в самом начале IV в. до н. э. и, таким образом, независимо от того, кто бы ни был ее автором, является одним из наиболее ранних источников по афинскому остракизму.

hoc ergo propter hoc: закон об остракизме был издан Клизфеном вскоре после ликвидации тирании Писистратидов, следовательно, эти два события как-то связаны друг с другом. Вывод напрашивался сам собой: остракизм был направлен против тех сторонников тиранов, которые еще оставались в Афинах (Гиппарха, сына Харма, и т. п.). Так и сформировался «аттидографический» взгляд на введение остракизма, по своей природе вторичный и более поздний по отношению к основному.

Впрочем, нам представляется, что в целом вряд ли корректно говорить о двух противостоявших друг другу в античной историографии точках зрения на причины и цели введения остракизма, на его функции. Скорее речь идет о двух различных пониманиях самого института остракизма: более общем и более узком, конкретном. Иными словами, следует отличать друг от друга два аспекта проблемы: с одной стороны, остракизм в широком смысле слова, включая аналогичные ему процедуры, т. е. достаточно распространенная в Греции классической и даже архаической эпох практика изгнания индивида в «профилактических» целях. С другой стороны – частный случай Афин конца VI в. до н. э., когда Клизфеном в совершенно определенной политической ситуации был издан закон, от которого берет начало наиболее известная «демократическая» форма остракизма в народном собрании. Безусловно, рассматривать эти два аспекта тоже следует по отдельности: вначале попытаться определить общие предпосылки, способствовавшие возникновению в полисном мире «остракизмоподобных» институтов в принципе (т. е. пойти по пути, намеченному в «Политике» Аристотеля), а затем разобраться с вопросом о конкретных причинах и целях принятия конкретного клизфеновского закона (иными словами, пойти по «аттидографическому» пути) и выяснить, действительно ли в этом сыграла свою роль (и какую) боязнь перед оставшимися в Афинах сторонниками Писистратидов.

Думается, никто не усомнится в том, что остракизм, где бы и когда бы он ни вводился, был направлен своим острием прежде всего²² против сильных, властных, могущественных аристократических лидеров, против тех из них, кто становился настолько влиятельным, начинал настолько выделяться в среде себе подобных, что воспринимался уже как опасность существующему политическому устройству (подчеркнем, каким бы ни было это устройство). Такая направленность является вообще одной из самых ярких специфических черт

²² Хотя и не исключительно. В принципе остракизму, во всяком случае в Афинах V в. до н. э., могли (хотя и редко) подвергаться лица, сами по себе не расценивавшиеся как опасно влиятельные, но входившие в близкое окружение действительно могущественных политиков (ср.: *Calhoun G. M. Athenian Clubs in Politics and Litigation*. N. Y., 1970. P. 140). Именно таков, судя по всему, случай с остракизмом Дамона (а возможно – также Менона). Однако здесь мы имеем дело уже с явным уклонением от изначальных целей института.

остракизма, и в этом антиковеды, занимавшиеся данной проблематикой, в подавляющем большинстве солидарны²³. Подобная точка зрения на остракизм, по нашему мнению, вполне верная, основывается на нарративной традиции, через которую идея о предназначенности этого института для «обезвреживания» опасно влиятельных политических деятелей проходит буквально красной нитью, оказывается основополагающей для описания феномена. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем это положение цитатами из античных авторов самых разных эпох.

Чуть раньше мы уже видели, что именно так воспринимался остракизм современниками, писателями, которые еще застали функционирование этой процедуры в Афинах (Платоном Комиком, Фукидидом, Андокидом). В IV в. до н. э. эта точка зрения продолжает дальнейшее развитие, а ее главным представителем является, бесспорно, Аристотель. В «Афинской политике» (22. 3) он говорит о том, что остракизм был введен из подозрения к влиятельным лицам (διὰ τὴν ὑποψίαν τῶν ἐν ταῖς δυνάμεσιν), но наиболее подробно развертывает эту тему в указывавшихся выше пассажах «Политики». Деметрий Фалерский, выходец из перипатетической школы, фактически вторит своему учителю (FGrHist. 228. F43). Это как раз не удивительно; более важно то, что схожие мысли мы встречаем у Филохора, крупнейшего представителя аттидографической традиции, который говорит (FGrHist. 328. F30): μόνος δὲ Ὑπέρβολος ἐκ τῶν ἀδόξων ἐξωστρακίσθη διὰ μοχθηρίαν τρόπων, οὐ δὲ ὑποψίαν τυράννιδος («из людей неизвестных один только Гипербол был изгнан посредством остракизма за нечестность своего образа действий, а не из подозрения в тиранических замыслах»). Таким образом, и у него, как у Фукидида и Платона Комика, Гипербол оказывается исключением из правила: незнатным политиком, изгнанным не из подозрения в стремлении к единоличной власти. Значит, обычно остракизму подвергали именно за это. Специально подчеркиваем это мнение Филохора, поскольку оно идет вразрез с тезисом Кини о противостоявших друг другу «аттидографической» и «перипатетической» традициях о целях введения остракизма. В действительности, как выясняется, самый информированный из аттидографов говорит о том же, о чем и перипатетики.

Авторы более позднего времени высказывают то же суждение об остракизме, в сущности, ни в чем не расходясь со своими предшественниками. Диодор (XI. 55. 3) говорит, что остракизм был введен для ослабления высокомерия

²³ Например: *Valeton I. M. J. Quaestiones Graecae. II. De ostracismo // Mnemosyne. 1887. Vol. 15. P. 163; Cawkwell G. L. The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E. M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39 ff.; Thomsen R. Op. cit. P. 51; Christ M. R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43,5 // Classical Quarterly. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 338; Vinogradov J. G. Op. cit. S. 385; Brenne S. Ostrakismos... S. 17; Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 43.*

выдающихся людей (ἵνα τὰ φρονήματα τῶν ὑπερέχοντων ταπεινότερα γένηται διὰ τὴν φυγὴν). Аналогичные суждения встречаем у него и в других местах (Diod. XI. 87. 2–4; XIX. 1. 3): остракизму подвергались «величайшие мужи» (τῶν μεγίστων ἀνδρῶν), «первенствующие граждане» (πρωτεύοντας τῶν πολιτῶν). О наиболее информативном для нашей темы авторе римского времени – Плутархе – нечего и говорить: направленность остракизма против сверх меры возвысившихся граждан – одна из излюбленных идей херонейского биографа, и почти не бывает такого случая, чтобы он заговорил о той или иной остракофории и не высказал бы (мимоходом или более подробно) эту идею. Приведем несколько характерных пассажей. Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уменьшить его авторитет и превосходство (κολοῦντες τὸ ἀξίωμα καὶ τὴν ὑπεροχὴν – Plut. Them. 22), при этом, подчеркивает Плутарх, так поступали со всяким, кого считали слишком «тягостным» в силу его могущества. Перикл боялся остракизма, так как происходил из знатного рода, имел богатство и влиятельных друзей (Plut. Pericl. 7). Остракизмом всегда изгоняли граждан, выдающихся славой и влиянием (ἀεὶ τὸν προὔχοντα δόξῃ καὶ δυνάμει τῶν πολιτῶν ἐλαύνουσι – Plut. Alc. 13), люди же порочные и ничтожные вплоть до Гипербола никогда не становились его жертвами. Остракизм считался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества» (ὄγκου καὶ δυνάμεως βαρύτερας ταπεινώσεως καὶ κόλουσις – Plut. Aristid. 7).

Тот же взгляд на остракизм господствует и в целом в эпоху «второй софистики»; он переходит далее в позднюю античность, а затем и к византийским авторам. Знаменитый ритор Элий Аристид говорит о том, что с помощью остракизма подвергали унижению чрезмерно влиятельных лиц (ἐκόλουον τοὺς ὑπερέχοντας – Aristid. XLVI. p. 242–243 Jebb = II. p. 316–317 Dindorf). Согласно Юлию Полидевку (VIII. 20), остракизмом изгоняли из-за зависти к чьей-либо доблести (δι’ ἀρετῆς φθόνον). Евнапий (Vit. soph. XXI. 1. 6) уже прямо пишет, что «афиняне изгоняли остракизмом тех, кто превосходил других добродетелью» (Ἀθηναῖοι τοὺς κατ’ ἀρετὴν ὑπερέχοντας ἐξωστράκιζον). Таким образом, чем дальше по времени от актуального функционирования института, тем категоричнее становятся суждения о нем.

Мнение о том, что с помощью остракизма предотвращали возрастание выскомерия и властности у чрезмерно влиятельных лиц, встречается и в позднеантичных и византийских лексиконах (Bekker Anecd. I. 285. 20 sqq.; Etym. Magn. s. v. ἐξωστράκισμός; Thom. Mag. p. 264 Ritschel)²⁴. Однако постепенно в этих памятниках появляется и альтернативное представление – о том, что

²⁴ В целом по поводу сведений об остракизме, сохранившихся в византийской традиции, см.: Суриков И. Е. Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137–143.

остракизмом изгонялись противники демократии, лица, враждебные демосу, злоумышляющие против него (οἱ κακονοῦσται τοῦ δήμου ἐξωστρακίζοντο). Эта идея имеет весьма позднее происхождение; она проявляется, во всяком случае, не раньше времени Гесихия (s. v. ὀστρακισμός). Ее затем повторяют патриарх Фотий (Lex. s. v. ὀστρακισμός), анонимный автор словаря «Суда» (s. v. ὀστρακισμός). Перед нами – явно не мнение, основанное на конкретных фактах, а чисто умозрительная идея авторов, весьма далеких хронологически от феномена, о котором они писали. К сожалению, эта идея находит отражение и в современной историографии, где подчас можно встретить указание на то, что остракизм являлся оружием борьбы демократии против ее врагов²⁵. Против подобного – довольно расхожего – мнения справедливо полемизируют Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев, отмечающие, что рассматриваемый институт, в сущности, направлялся не столько против сторонников олигархии или тирании, сколько в принципе против видных политиков, лидеров группировок самого различного характера, представлявших собой в глазах общественного мнения угрозу существующему порядку²⁶. Мы бы, впрочем, сформулировали ту же мысль чуть иначе: остракизм был направлен прежде всего против лиц, которые в силу своей влияния казались опасными для стабильности полиса, политической жизни в нем.

Невозможно отрицать, что страх установления тирании в очень многих случаях играл весьма важную, зачастую решающую роль при введении и применении процедуры остракизма. Судя по всему, отнюдь не случаен тот факт, что практически все полисы, в которых остракизм зафиксирован (нарративными или эпиграфическими данными), на каком-то этапе своей истории прошли через стадию тирании. Это можно сказать об Афинах, Сиракузах, Мегарах, Милете, Аргосе, Кирене²⁷. Закономерно, что Аристотель в «Политике» выдвигает неизбежную в определенных ситуациях полисной жизни дилемму: либо остракизм, либо монарх. Л. Холл в интересной работе, которую мы уже упоминали, оспаривает тезис о связи остракизма с угрозой тирании. В Афинах, замечает она, уже был суровый закон против тирании, по которому лицо, попытавшееся захватить единоличную власть (а также и весь его род), подвергалось атимии²⁸;

²⁵ Например: *Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. An Introduction. Oxf., 1956. P. 119–120; *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia*. 1961. Vol. 30. No. 4. P. 401.

²⁶ Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. 9. С. 42.

²⁷ Анализ данных о внеафинском остракизме см.: Суриков И. Е. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123.

²⁸ *Hall L. G. H.* Op. cit. P. 95. Имеется в виду атимия не в классическом понимании (лишение гражданских прав, чаще всего частичное и временное), а в архаическом (лишение

зачем же тогда еще одна, как бы дублирующая, к тому же более мягкая мера? Однако здесь исследовательница совершает серьезную ошибку в интерпретации исторического факта. Закон против тирании в Афинах действительно существовал (Arist. Ath. pol. 16. 10, где он дословно цитируется), причем был, судя по всему, весьма древним, принятым еще в VII в. до н. э., возможно, в связи с мятежом Килона²⁹; во всяком случае, ко времени Солона он уже действовал (ср. Plut. Sol. 19). Но закон этот, естественно, мог быть применен только *post factum*, т. е. лишь после того, как попытка установить тиранию будет предпринята и подавлена. Нужно ли говорить, насколько опасным было такое положение вещей? Приходилось ждать, пока подозреваемый в амбициозных устремлениях гражданин обнаружит свои планы, подняв мятеж, а потом разгромить этот мятеж, а после этого еще схватить виновного и предать его суду... А если мятеж окажется успешным? Тогда, конечно, наказать претендента на тиранию, добившегося своей цели, не будет никакой возможности, и закон окажется мертвой буквой. Остракизм же, подчеркнем, призван был ликвидировать опасность тирании *ante factum*, т. е. имел, как уже говорилось выше, «профилактический» характер³⁰. Закон об остракизме и древний закон о тирании, таким образом, отнюдь не противоречили и не дублировали друг друга, а, напротив, были взаимодополняющими; более того, закон об остракизме должен был, по идее, создать такую ситуацию, в которой вероятность применения более раннего закона становилась бы минимальной, поскольку потенциальный тиран обезвреживался бы заранее.

И тем не менее связь остракизма с угрозой тирании – это лишь часть истины. Не может не броситься в глаза, что многие из афинских остракофорий V в. до н. э. необъяснимы с данной точки зрения. Такие политики, как, например, Аристид, Алкивиад Старший, Фукидид, сын Мелесия³¹, вряд ли когда-либо в своей жизни имели хоть малейшее намерение стать тиранами, да, скорее всего, не вызывали ни у кого даже и подозрений в таких намерениях. Тем не менее все

защиты государства, объявление «вне закона», фактически – санкция на самосуд). Идею Холл некритически повторяет Ш. Бренне (*Brenne S. Ostrakismos...* S. 25).

²⁹ См.: *Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.*

³⁰ Ср.: *Reinmuth O. W. Ostrakismos // Der Kleine Pauly. Lief. 20. Stuttgart, 1979. Sp. 376.*

³¹ Об остракизме Аристиды см.: *Raubitschek A. E. Die Rückkehr des Aristides // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 127–128; Piccirilli L. Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. Об остракизме Алкивиада Старшего: Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 1. P. 1–8. Об остракизме Фукидида, сына Мелесия: Andrewes A. The Opposition to Pericles // Journal of Hellenic Studies. 1978. Vol. 98. P. 1–8; Krentz P. The Ostracism of Thucydides, Son of Melesias // Historia. 1984. Bd. 33. Ht. 4. S. 499–504 (с неверной, на наш взгляд, датировкой); Hölkeskamp K.-J. Parteigungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn of Melesias // *Historische Zeitschrift. 1998. Bd. 267. Ht. 1. S. 1–27.***

они стали жертвами остракизма. Создается впечатление, что зачастую полное неприятие и желание «осадить» вызывало у сограждан само по себе влиятельное положение того или иного политического лидера, его превосходство, высокий авторитет, безотносительно к опасности захвата этим лидером тиранической власти. Что же перед нами за феномен общественного сознания? Сами античные авторы определяли этот феномен как «зависть» (φθόνος), и именно завистью граждан к «чрезмерно» возвысившимся деятелям объясняли частое применение остракизма. Слова φθόνος, φθονέω и производные от них чрезвычайно часто встречаются в традиции в связи с остракизмом (например: Pind. Pyth. VII. 19; Diod. XI. 54. 5; Plut. Alc. 13; Aristid. 7; Nic. 11; Them. 22; Aristodem. FGrHist. 104. F1. 6; Poll. VIII. 20; Philostr. Vita Apoll. VII. 21; Eustath. ad II. XIII. 689, III. p. 538 van der Valk). Категорию зависти вряд ли можно назвать научной, тем не менее и в современной историографии можно встретить рефлекс подобного рода суждений³².

Здесь нам предстоит выйти на проблему несколько более общего характера. Уже в античности сложилось твердое убеждение, что греки (чаще всего в данной связи речь идет об афинянах, поскольку история афинского полиса наиболее подробно освещена в источниках) в высшей степени подозрительно относились к своим политическим лидерам, за малейшую провинность, а то и без оной, подвергая их опале и преследованиям. Было популярно даже составлять своеобразные «мартирологи» жертв демоса, в которые, как правило, входили одни и те же хрестоматийные примеры: суд над Мильтиадом, обвинение Фемистокла в персидской измене, отстранение Перикла от должности стратега, самоубийство Пахета (полководца эпохи Пелопоннесской войны, не вынесшего нападок и заколовшегося прямо в судебном присутствии) и, конечно же, изгнание остракизмом ряда видных политиков (Аристиды, Кимона и др.). Такого рода «мартирологи» вошли в моду, насколько можно судить, в IV в. до н. э., когда сократики, уязвленные казнью учителя, припоминали демократии всяческие ее «грехи». Следы данной традиции прослеживаются, в частности, у Платона (Gorg. 516d). Ко времени Плутарха она стала весьма распространенной (Plut. Aristid. 26), да и сам этот писатель внес вклад в ее развитие (например, Plut. Nic. 6). Списки лиц, пострадавших подобным образом, составляются и по сей день; один из недавних примеров – работа Р. Нокса³³,

³² Например: *Ranulf S.* Op. cit. Copenhagen, 1933. V. 1. P. 132 ff.: остракизм – продукт зависти.

³³ *Knox R. A.* “So Mischievous a Beast”? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece and Rome*. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 132–161. В отечественной историографии см. трактовку этой проблемы в работе: *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

в которой производятся процентные подсчеты о судьбах афинских политических деятелей классической эпохи и делается неутешительный вывод о том, что судьбы эти в подавляющем большинстве случаев действительно были плачевны.

Сколь бы далеко ни уходить от эмоций, факт остается фактом: если взять, скажем, V в. до н. э., трудно, если не невозможно, оказывается найти политика крупного масштаба, который на том или ином этапе своей карьеры не оказался бы в роли жертвы сограждан, не подвергся бы каким-либо наказаниям, опале, гонениям. У. Рансимен, предпринимая сравнительный анализ древнегреческого и римского политического менталитета, делает остроумное замечание: греки изобрели ostracism, а римляне – triumph, и в этом, как в зеркале, отразилось отношение тех и других к собственным политическим лидерам, отношение, которое во многом обусловило конечную историческую судьбу греческого полисного и римского миров, способствовав поражению первого и победе второго³⁴. Объяснение же для описываемого им феномена Рансимен видит в следующих факторах: в идеологии греческого полиса, не только антимонархической, но и выраженно популистской, и в той же пресловутой «коллективной зависти» демоса к своим вождям.

Однако, если мы не хотим сбиться на утверждение, что греки были просто от природы патологически завистливы и это-де обусловило применение ostracism и прочие прискорбные эксцессы по отношению к политическим лидерам, необходим более внимательный и вдумчивый анализ проблемы. Прежде всего следует учитывать тот факт, что, хотя известные из источников ostracism относятся к V в. до н. э., сама «идея ostracism», насколько можно судить, появилась раньше – в архаическую эпоху, характеризовавшуюся в целом господством аристократических, а не демократических режимов³⁵. К этой эпохе нам и надлежит обратиться в попытке отыскать причины внедрения в политическую практику и в общественное сознание представлений о пользе и даже спасительности устранения влиятельных политиков.

Для политической жизни и – шире – для всего социокультурного бытия эллинского мира времени архаики были характерны два исключительно важных процесса. Один из них мы (конечно, с некоторой долей условности) назовем, следуя определению выдающегося российского исследователя, «рождением

³⁴ *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 366.*

³⁵ О происхождении ostracism (точнее, предшествовавших ему институтов, которые можно объединить под условным названием «протоostracism») в архаическую эпоху нам уже приходилось писать. См. наиболее подробно: *Суриков И. Е. Остракизм и остраконы...; Суриков И. Е. Закон Клизфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 14 сл.*

личности»³⁶, а второй, идя за другим крупнейшим отечественным антиковедом, «рождением греческого полиса»³⁷. На предыдущем хронологическом отрезке, т. е. в гомеровский период, оба указанных феномена находились еще в зачаточном состоянии. Так, героев Гомера, несмотря на всю мощь и яркость их проявлений, в сущности, нельзя еще назвать личностями в полном смысле слова. Дело в том, что не сложилось еще понятия о единстве внутренней духовной жизни индивида, душевные движения и порывы представлялись чем-то внешним, насланным богами³⁸. Гомеровского человека во всем ведут боги, поэтому подчас он производит даже впечатление существа безответственного³⁹. Не иначе обстоит дело и с феноменом полиса. Хотя Ю. В. Андреев и называет гомеровское общество «раннегреческим полисом»⁴⁰, нам все же представляется более обоснованной точка зрения тех исследователей, которые говорят в данной связи не о полисе, а о *протополисе*⁴¹, т. е. тоже о структуре еще зачаточной, не сформировавшейся.

В архаическую же эпоху, в VIII–VI вв. до н. э., складывание обоих указанных феноменов шло полным ходом. Это порождало одновременное существование двух тенденций в менталитете – индивидуалистической и коллективистской. Симптом первой из них – ярко выраженное стремление формирующейся личности заявить о себе в полный голос, проявиться на всех поприщах общественной жизни, желание во всем быть первым, что находило выход в прекрасно известной состязательности греческой цивилизации, в пресловутом «агональном духе», неоднократно и компетентно описанном в исследовательской литературе, в том числе в отечественной историографии – А. И. Зайцевым⁴². Этот агональный дух был замечен буквально во всех сферах, на всех уровнях социума: от войны до поэзии, от атлетики, бывшей уделом знати, до керамического

³⁶ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 101.

³⁷ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

³⁸ Snell B. The Discovery of the Mind. The Greek Origins of European Thought. N. Y., 1960. P. 31. Б. Снелл отмечает также (Ibid. P. 6 ff.), что ко времени Гомера еще не сложилось и представление о телесном единстве человеческого организма: тело воспринималось не как нечто целостное, а как совокупность отдельных членов.

³⁹ К данной проблематике см.: Ярхо В. Н. Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 3–26; Ярхо В. Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 1963. № 2. С. 46–64.

⁴⁰ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.

⁴¹ Фролов Э. Д. Рождение... С. 63 сл.; Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 17 сл. Хорошо известно, что по большинству проблем раннегреческой истории Э. Д. Фролов и В. П. Яйленко выступают как антагонисты. Тем более характерно, что оба они принимают категорию «протополиса».

⁴² Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.

производства, которым, естественно, занимались лица невысокого статуса. Следует специально подчеркнуть, что, когда мы говорим о рождающейся и заявляющей о себе личности, стремящейся к первенству, в рамках данной работы нас интересует прежде всего не творческая личность в области культуры (первые философы, первые скульпторы, первые лирические поэты и т. п.)⁴³, а личность политическая, в архаическую эпоху еще исключительно аристократическая по происхождению. Характерным проявлением личностного начала в политике стала, в частности, свершившаяся уже в начале этого хронологического отрезка почти повсеместно в Греции замена примитивных монархий во главе с басилеями на аристократические режимы, что немедленно повело к началу острой борьбы за власть между группировками, возглавлявшимися знатными лидерами, – в русле той же «агональной» тенденции. Эта борьба, ведшаяся в конечном счете между личностями, зачастую имела результатом многолетнее перманентное состояние стасиса в формирующихся полисах, а в наиболее развитых из их числа – торжество «сверхличности», т. е. тирана. Не приходится сомневаться в том, что феномен старшей тирании был порождением именно «личностной», «агональной» тенденции в политической жизни и политическом менталитете. Как справедливо пишет Ю. В. Андреев, «в тираническом государстве могущество и значимость отдельной, правда, одной-единственной личности намного превышали все допустимые, по греческим понятиям, нормы»⁴⁴. Тирания, таким образом, была отклонением, но отклонением вполне органичным и естественным, следствием одностороннего и чрезмерного развития одной тенденции в ущерб другой.

Что же касается этой второй тенденции, коллективистской, связанной со складыванием полиса, то она тоже очень ярко проявлялась в течение архаической эпохи, вызвав к жизни целый ряд процессов. Обязательно следует назвать, в частности, возникновение гоэлитской фаланги. На смену индивидуальным «мономахиям» и «аристиям», описанным в «Илиаде», пришло согласованное действие на поле боя сплоченного коллектива воинов. Значение этого феномена, его влияние на все стороны полисной жизни и – шире – древнегреческой истории трудно переоценить. Фаланга стала исключительно эффективной формой военной организации, а впоследствии показала свое превосходство над любым древневосточным способом построения войск и во многом способствовала достижению Грецией того высочайшего места в мировой политике, которое она заняла уже в классическую эпоху. Не менее важной была роль фаланги и для внутренней жизни эллинских полисов. Вряд ли нужно лишний раз специально подчеркивать ту достаточно очевидную вещь, что «рождение полиса» и «рождение фаланги» являли собой два теснейшим образом взаимосвязанных

⁴³ Об этом аспекте см.: *Snell B. Op. cit. P. 43–70.*

⁴⁴ *Андреев Ю. В. Цена свободы... С. 142.*

процесса, влиявших друг на друга, и трудно даже судить, что в этой связке было первичным, а что – вторичным⁴⁵. Нам хотелось бы здесь лишь оттенить один нюанс, который обычно недостаточно принимают во внимание. Вопреки распространенному мнению, гоппиты и фаланга не явились порождением возрастания значения демоса. Впоследствии демос (точнее, его верхние слои, те, кто был способен приобрести паноплию) действительно воспользовался этим полезным новшеством. Но изначально, насколько можно судить, гоппитское вооружение предназначалось для аристократов и построение фалангой практиковалось именно ими⁴⁶. Это было проявление своего рода аристократического коллективизма – противовеса аристократическому же индивидуализму.

Коллективистская тенденция видна невооруженным глазом в различных сферах общественной жизни архаических полисов. Безусловно, необходимо сказать в данной связи о деятельности ранних номофетов и об издании первых в греческом мире сводов законов⁴⁷, которые вводили некие единые, обязательные для всех нормы поведения в рамках гражданского коллектива. Кстати, и эти законы вводились отнюдь не «под натиском демоса», как иногда полагают⁴⁸ (демос в VII–VI вв. до н. э. еще не играл значительной политической роли, к тому же его представители в массе своей тогда еще, безусловно, были неграмотными и вряд ли могли получить какую-то непосредственную пользу от появления письменных законодательных кодексов), а скорее для урегулирования межаристократических отношений, для предотвращения вспышек стасиса между знатными вождями⁴⁹. И здесь, таким образом, описываемая коллективистская тенденция противостояла индивидуалистической.

Таким образом, две тенденции, о которых идет речь, были не только взаимодополняющими, но и антагонистическими, находясь в диалектическом противоборстве. Такого рода «единство и борьба противоположностей» во многом обусловили появление самого «греческого чуда», складывание классической

⁴⁵ Об историческом значении формирования гоппитской фаланги см.: *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115 сл.

⁴⁶ Ср. важные замечания по этому сюжету в работе: *Нефедкин А. К.* Основные этапы формирования фаланги гоппитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.

⁴⁷ Об этих сводах см.: *Gehrke H. J.* Der Nomosbegriff der Polis // *Nomos und Gesetz. Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens.* Göttingen, 1995. S. 14 ff.

⁴⁸ Например: *Шушова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 56–57. Ср. также: *Фролов Э. Д.* Рождение... С. 131.

⁴⁹ Ср.: *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // *Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of the Orders.* Berkeley, 1986. P. 262–300; *Humphreys S. C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1991. S. 17–45; *Суриков И. Е.* Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // *Древнее право.* 2000. № 2 (7). С. 12.

полисной цивилизации, полисной системы ценностей⁵⁰. Лишь в очень редких, можно сказать, единичных случаях одной из тенденций удавалось взять верх над другой, достигнуть решительного преобладания. Такие случаи являлись, безусловно, отклонениями от нормы, некими полюсами возможного. Один из этих полюсов прекрасно известен и даже хрестоматиен. Мы говорим о Спарте, где полностью возобладала коллективистская тенденция в ущерб индивидуалистической. В результате спартанский полис на протяжении длительного хронологического отрезка, вплоть до кризиса IV в. до н. э., являл собой образец редкостной стабильности внутри гражданского коллектива. Насколько можно судить, именно эта стабильность в первую очередь и делала Спарту предметом обожания и зависти со стороны политических теоретиков, живших и действовавших в других греческих полисах и постоянно воочию наблюдавших все «прелести» внутриполитических распрей. Однако стабильность, как известно, досталась Спарте весьма дорогой ценой: путем практически полного подавления личностного начала⁵¹, что в конечном счете имело свои важные негативные последствия – «окаменение» полисных структур, отказ от любого прогресса. Была ли Спарта каким-то странным исключением, уродливым наростом на теле греческой цивилизации или же в ней, напротив, следует видеть наиболее полное и законченное воплощение «идеи полиса»? И та, и другая точка зрения высказывалась, но, если уйти от крайностей, весьма верным представляется суждение глубокого знатока спартанского «космоса» Ю. В. Андреева: «В своей основе это государство было воплощением неких глубинных тенденций, заложенных в самой природе греческого полиса. В Спарте эти тенденции были лишь доведены до своего крайнего выражения...»⁵². Если говорить чуть более конкретно, в Спарте мы находим доведенное до *pes plus ultra* проявление одной из двух вышеупомянутых тенденций, сформировавшихся в архаическую эпоху, а именно тенденции коллективистской (и в этом смысле, кстати, в известной мере тоталитарной).

Противоположный полюс, пример торжества другой тенденции, индивидуалистической, порождавшей стасис и тиранию, тоже можно указать в греческом мире. Это полисы Сицилии, и в первую очередь Сиракузы, об истории которых источники дают возможность говорить достаточно детально. В течение

⁵⁰ Ср.: *Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. L., 1962. P. 300 ff.*

⁵¹ Конечно, и в спартанской политической жизни периодически появлялись яркие личности. Однако характерно, что деятельность этих личностей (Клеомена I, регента Павсания, позже – Лисандра) на каком-то этапе, как правило, становилась всецело деструктивной, направленной на слом устоявшейся в Спарте полисной структуры, во всяком случае на серьезные изменения в ней. Яркая личность и спартанский полис *как он есть* были явлениями, в общем, несовместимыми.

⁵² *Андреев Ю. В. Цена свободы... С. 151.*

многих веков, вплоть до римского завоевания в конце III в. до н. э., эта история шла по одному и тому же заколдованному кругу: стасис – тирания – стасис – олигархия или демократия – стасис – тирания – стасис... Создается впечатление, что единственным действительно стабильным фактором в сиракузской истории была перманентная нестабильность. Политическая жизнь протекала в рамках какой-то постоянной смены одних и тех же картинок в калейдоскопе, уподобляясь живой иллюстрации к теориям греческих мыслителей о «круговороте» форм государственного устройства. Не случайно в связи со сказанным о преобладании индивидуалистической тенденции на Сицилии, что тамошние тираны достигли, пожалуй, наибольшей славы и власти среди всех своих коллег в греческом мире; похоже даже, что некоторые из этих правителей уже в классическую эпоху официально принимали царский титул⁵³.

Итак, Спарту и Сиракузы, как мы сказали, можно считать в рассматриваемом здесь отношении двумя противоположащими друг другу «полюсами»⁵⁴. Характерно, что «идея остракизма» ни в одном из этих двух государств не прижилась. Сиракузяне пытались в середине V в. до н. э. под афинским влиянием ввести остракизм (петализм), но там этот институт вызвал отторжение и очень скоро был отменен (Diod. XI. 87. 6). Получается, им легче было переносить стасис, чем остракизм – ущемление статуса личности, – и в этом тоже заметны сильно развитые индивидуалистические начала. В Спарте же в остракизме, в общем-то, не было нужды: существовали более эффективные средства борьбы с возвышением влиятельных индивидов. Главным из таких средств был эфорский надзор над царями (поскольку реальная угроза установления тирании в Спарте если от кого-то и могла исходить, то только от представителей царских родов⁵⁵). Как известно, эфоры своим решением могли даже отстранить чрезмерно «возвысившегося» царя от власти. Это, между прочим, тоже можно назвать одной из форм «протоостракизма», хотя, конечно, формой весьма специфической.

Весь же остальной греческий мир располагался между двумя описанными «полюсами». В типовом полисе индивидуалистическая и коллективистская тенденции сосуществовали и, соответственно, периоды стабильности и стасиса

⁵³ Oost S. I. The Tyrant Kings of Syracuse // *Classical Philology*. 1976. 71. 3. P. 225–236.

⁵⁴ Кстати, характерно опять же диалектическое сближение противоположностей. В Спарте находим «подмороженную», окостеневшую политическую структуру и, как следствие, отсутствие движения вперед; в Сиракузах же – некий политический «циклизм», видимость бурной активности, но при этом, в сущности, вращение на одном месте, и в результате – тоже отсутствие движения вперед.

⁵⁵ Спартанские цари вообще занимали в полисе особое положение, не вполне вписываясь в «ликургов строй». См. в недавней работе: Georges P. *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994. P. 152 ff.

чередовались, сменяя друг друга. Естественно, именно стабильность, «евномия» была желательным состоянием; стасис стремились предотвращать, используя для этого различные средства. Одним из таких средств было, в частности, колонизационное движение. Исследователи, изучающие Великую колонизацию архаической эпохи, чаще всего делают акцент на ее экономические факторы (стенохория и земельный голод как следствие демографического взрыва, поиск сырьевых баз, желание утвердиться на торговых путях и т. п.), но не всегда уделяют должное внимание факторам политическим. Между тем последние, как нам представляется, играли далеко не ничтожную роль. Сплошь и рядом непосредственным поводом выведения колонии являлись перипетии борьбы за власть в полисе. Группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», уходила в апойкию, а ее лидер становился ойкистом, таким образом достигая на новом месте того высокого положения, в котором ему было отказано на родине⁵⁶. Впрочем, колонизация, естественно, не могла стать панацеей, да и в целом являлась вариантом, возможным отнюдь не для любого полиса. Для того, чтобы колонизационное мероприятие осуществилось, была необходима либо совокупность не только политических, но и экономических предпосылок (группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых граждан, заинтересованных в переселении), либо ситуация должна была быть крайне острой, не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине (например, если в ходе борьбы одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось нечасто).

Порой стабильности в полисе удавалось достичь иным способом – установлением умеренной олигархии, в рамках которой члены аристократической элиты, отказавшись от части своих притязаний, находили друг с другом некий *modus vivendi*, а демос, не подвергающийся чрезмерной эксплуатации, был в общем удовлетворен своим положением и не стремился к большему. Именно таков случай Коринфа, где в первой половине VI в. до н. э., после ликвидации тирании Кипселидов, возникло подобного рода олигархическое правление (кстати, отнюдь не входившее в противоречие с высоким экономическим развитием этого города). Коринфская олигархия оказалась весьма стабильной, и, насколько можно судить, случаи стасиса в Коринфе стали крайне редкими. Наиболее известный из них относится уже к IV в., т. е. к эпохе кризиса классического полиса: аристократ Тимофан пытался захватить тираническую власть,

⁵⁶ О роли политических лидеров в колонизационном движении см.: *Starr Ch. G. Op. cit.* P. 328; *Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966. С. 236.

но был убит по инициативе своего собственного брата – знаменитого «тирано-борца» Тимолеонта, впоследствии столь прославившегося на Сицилии⁵⁷.

Прочности и стабильности олигархии, правившей Коринфом, вне сомнения, способствовало то обстоятельство, что вся коринфская высшая знать по сути дела представляла собой один огромный, чрезвычайно разросшийся клан Бакхиадов. Аристократам, ощущавшим себя родственниками (пусть и дальними), было, конечно, легче найти общий язык⁵⁸. Далеко не везде, однако, дело обстояло таким же образом. Так, в Афинах аристократическое правление, установившееся в начале архаической эпохи, не вылилось в господство одного знатного рода, а изначально приобрело форму соперничества различных группировок. Кстати, ситуация в Аттике (а именно этот регион греческого мира, естественно, больше всего интересует нас в связи с остракизмом) осложнялась тем, что, как известно, еще на закате микенской эпохи, в период дорийского нашествия, она стала прибежищем для многих представителей ахейской знати Пелопоннеса, изгнанной дорийцами⁵⁹. Иммигранты практически сразу заняли в Афинах весьма влиятельное положение: именно из их среды выдвинулась последняя афинская царская династия – Медонтиды (Кодриды), а также столь известные аристократические роды, как Писистратиды, Филаиды, Алкмеониды⁶⁰. Наличие большого числа «чужаков» в рядах аристократии, и без того отнюдь не сплоченных, делала политическую борьбу только более острой, а соперничество – более болезненным. Понятно, что, например, лидер

⁵⁷ Схожим образом развивались события в соседних с Коринфом Мегарах. Там тоже после длительного периода стасиса к середине VI в. до н. э. прочно установилась умеренная олигархия, что принесло мегарскому полису долговременную стабильность. См.: *Legon R. P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca, 1981. P. 136 ff.

⁵⁸ Характерно, что Кипсел, ставший в VII в. до н. э. коринфским тираном, был изгоем из этой аристократической среды: к Бакхиадам принадлежала лишь его мать (а не отец), да и от нее отказались собственные родственники. См.: *Herod. V. 92.*

⁵⁹ Ср.: *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 186, где Аттика образно названа «заповедником беглой ахейской знати».

⁶⁰ Об ахейских беженцах, вошедших в состав аттической знати, см. общие работы по афинской генеалогии, довольно давние, но не утратившие своего значения: *Petersen J. C. W. Quaestiones de historia gentium atticarum.* Kiel, 1880; *Toepffer J. Attische Genealogie.* B., 1889, а также *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides.* Oxf., 1950. V. 1. P. 93; *Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society.* L., 1977. P. 42–51; *Shapiro H. A. Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography.* Madison, 1983. P. 87–96; *Колобова К. М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41–55; *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122–130.

группировки педиеев в первой половине VI в. до н. э. Ликург из рода Этеобутов, возводивший свою родословную к первым афинским царям-«автохтонам» (ср. Apollod. Bibl. III. 14. 8), не мог с иным чувством, кроме как с глубокой неприязнью, наблюдать за тем, как рвется к власти «выскачка» Писистрат, чьи предки жили в Аттике «всего лишь» каких-нибудь полтысячелетия⁶¹.

Подобного рода специфические условия и стали питательной почвой для возникновения идеи остракизма как «профилактического» изгнания, а фактически – как приспособления древнего ритуала катартического характера к нуждам политической жизни. Следует подчеркнуть, что практически каждый аристократ (во всяком случае, если говорить о самом верхнем, действительно правящем слое) вполне готов был видеть в себе самом потенциального тирана, но в то же время, естественно, отказывал в таком же моральном праве всем своим собратьям по сословию. Среди афинской знати, насколько можно судить, почти не было принципиальных противников тирании как таковой, тем более что, как убедительно показал И. А. Макаров, сам феномен старшей тирании и по социальным корням, и по своей идеологии был чисто аристократическим⁶². Однако, с другой стороны, в живой реальности эпохи каждый знатный лидер противился установлению тирании – постольку, поскольку он не мог позволить, чтобы тираном стал *кто-то другой*. Архаическое общество аристократов было обществом «равных», своеобразных «пэров», которые старались не допустить существования над ними «первого». Собственно, именно поэтому они и покончили с властью гомеровских басилеев. Отсюда – своеобразный аристократический «республиканизм»⁶³, который, безусловно, внес свой вклад в формирование полисных структур. Одной из манифестаций этого «республиканизма» и должно было стать появление ранних форм остракизма, к которым еще отнюдь не привлекались массы демоса. Аристократы – пока исключительно в своей среде, в укомплектованных ими органах управления (Советах и т. п.) – решали, кто из представителей их сословия стал слишком

⁶¹ Характерно, что Писистрат, случалось, вступал в альянс с другим своим видным соперником – Мегаклом из рода Алкмеонидов, тоже потомком иммигрантов из Пилоса, но ни о каких соглашениях Писистрата с Ликургом источники не сообщают. Очевидно, такие соглашения были просто невозможны.

⁶² Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–42. Значительно более уязвимой представляется концепция, выдвинутая недавно Х. Тумансом, согласно которой для архаической тирании была характерна монархическая идеология, ориентация на «модель древней царской власти». См.: Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12–45.

⁶³ Об этом феномене см.: Greenhalgh P. A. L. Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // Greece and Rome. 1972. Vol. 19. No. 2. P. 190–207.

опасен для других и должен быть заблаговременно (именно заблаговременно, поскольку иначе могло стать уже поздно) удален.

Итак, остракизм (точнее, «протоостракизм») возник в архаическую эпоху на стыке индивидуалистической и коллективистской тенденций политической жизни, в их взаимном противоборстве. Отсюда – его заостренная направленность против конкретных *личностей* из слоя аристократической элиты, а не против каких-либо политических программ. А затем, в конце VI в. до н. э., в ходе реформ Клисфена остракизм был передан в ведение народного собрания, стал прерогативой демоса, который, таким образом, крепко взял в свои руки древний аристократический институт (именно так демос поступал и с многими другими аристократическими по происхождению институтами, упоминавшимися выше, – с гоплитской фалангой, кодексами законов)⁶⁴. К этой новой стадии истории исследуемой процедуры, к классическому остракизму, к причинам и целям его учреждения в Афинах нам теперь и предстоит перейти.

Нам уже приходилось писать⁶⁵, что закон об остракизме, вопреки сообщениям ряда античных авторов (в том числе Androt. FGrHist. 324. F6; Arist. Ath. pol. 22. 4), был принят в Афинах, скорее всего, в перипетиях борьбы Клисфена не с Гиппархом, сыном Харма (о такой борьбе ничего конкретного не известно, и позволительно усомниться в самом ее факте), а с несравненно более опасным для него в ту пору Исагором⁶⁶. Здесь для нас, однако, более важен не этот конкретный факт, а общий контекст закона об остракизме. Время, о котором идет

⁶⁴ Следует подчеркнуть один чрезвычайно важный момент. Специфика афинской (и вообще античной) демократии заключалась, помимо прочего, именно в том, что демос переносил на себя аристократические институты. Если, скажем, Великая французская революция лишила аристократию всех ее привилегий, то «афинская революция» (выражение Дж. Обера, см.: Ober J. *The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999) оставила эти привилегии в силе, но распространила их на всю массу граждан. В первом случае высшие слои опускаются до уровня низших, а во втором – низшие поднимаются до уровня высших. Афинский демос не ликвидировал аристократию, а сам во всей своей совокупности как бы стал аристократией. Нам поэтому кажется очень удачным определение афинского государственного устройства классической эпохи (во всяком случае, V в. до н. э.) как «аристократической демократии». См.: Roberts J. T. *Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government* // *Athenaeum*. 1986. Vol. 64. Fasc. 3/4. P. 355–369.

⁶⁵ Суриков И. Е. Политическая борьба... С. 121.

⁶⁶ Ср.: Stanton G. R. *The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda* // *Journal of Hellenic Studies*. 1970. Vol. 90. P. 180–183; Knight D. W. *Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C.* Wiesbaden, 1970. P. 13 ff.; Thomsen R. *Op. cit.* P. 141; Phillips D. J. *Athenian Ostracism* // *Hellenika. Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 24; Littman R. J. *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N. Y., 1990. P. 150.

речь, – первые годы после окончания достаточно длительной тирании Писистратидов. Именно с точки зрения прошедших, а не будущих событий следует, по нашему мнению, смотреть на причины и цели введения классической формы остракизма. По какому пути пойдут Афины – этого никто из живших тогда людей предсказать, конечно, не мог. Даже сам Клизфен, осуществляя свои эпохальные реформы, вряд ли имел какую-то развернутую теоретическую программу демократических преобразований; он действовал исходя из конкретных обстоятельств. Никто, повторим, не мог знать, что скоро Афины станут самой развитой, мощной и знаменитой в греческом мире демократией и что институт остракизма будет играть значительную роль в политической системе этой демократии, выполняя те или иные конкретные функции. Все знали лишь одно: только что свергнуты тираны, и при этом отнюдь не ликвидирована опасность восстановления тиранического правления. В этом контексте и надлежит рассматривать закон об остракизме, а не телеологически, не с точки зрения тех функций, которые этот институт имел впоследствии.

Два события – ликвидация тирании и принятие закона об остракизме – несомненно близки друг к другу не только хронологически, но имеют и прямую причинно-следственную связь. Схожим образом обстояло дело не только в Афинах. Известно, что сиракузский петализм был введен вскоре после свержения тирании Дейноменидов. Ранее мы уже пытались показать, что аналогичная последовательность событий имела место в Кирене, Эфесе⁶⁷. Афинский случай, таким образом, укладывается в определенную общую закономерность.

Р. Томсен, который наиболее углубленно изучал введение Клизфеном остракизма, предлагает несколько альтернативных вариантов ответа на вопрос о целях этой меры (все эти варианты ранее высказывались другими исследователями): Клизфен либо желал таким образом избавиться от Исагора, либо хотел отгородить самого себя от подозрений в стремлении к тирании, либо намеревался предотвратить возможность возникновения новых стасисов в дальнейшем⁶⁸. Датский антиковед сам не решается сделать выбор между этими альтернативами, предоставляя сделать это читателям. Однако нужно ли обязательно делать выбор? Перечисленные моменты ни в коей мере не противоречат друг другу; скорее их можно назвать взаимодополняющими. С одной стороны, борьба с политическими противниками (в данном случае с Исагором), несомненно, могла побудить реформатора прибегнуть к изданию соответствующего закона. С другой стороны, и самому Клизфену было из-за чего опасаться неприязни сограждан: его политическое прошлое отнюдь не было безупречным. При тиранах он даже занимал пост архонта-эпонима

⁶⁷ Суриков И. Е. Остракизм и остраконы... С. 109.

⁶⁸ Thomsen R. Op. cit. P. 141.

(в 525/524 г. до н. э.)⁶⁹, да и в целом обвинения в намерении незаконно захватить власть, которые он предъявлял своим конкурентам, могли быть легко обращены против него самого. В подобной ситуации вынос Клисфеном на одобрение экклесии законопроекта об остракизме призван был продемонстрировать всем, что он отнюдь не вынашивает планов установления тирании, более того, дистанцируется от таких планов и открыто противостоит им. Наконец, соображения более общего характера также вполне могли сыграть свою роль во введении клисфеновского остракизма. «Отец афинской демократии», несомненно, был заинтересован в том, чтобы учреждаемое им политическое устройство оказалось стабильным, чтобы существовал некий надежный конституционный механизм, предотвращающий раскол гражданского коллектива в результате борьбы за власть, снижающий возможность новых вспышек стасиса. Остракизм, как мера по своей природе «профилактическая», в высшей степени подходил для данной цели⁷⁰.

Кроме того, перенося остракофорию из ведения Совета в ведение экклесии, т. е. делая их прерогативой демоса, Клисфен явно привлекал к активному участию в политической жизни широкие слои афинского гражданства. И впоследствии остракизм всегда оставался одним из наиболее популярных с точки зрения посещаемости политических мероприятий. А постольку, поскольку остракизм был направлен в первую очередь против потенциальных тиранов (во всяком случае, изначально и теоретически; впоследствии его функции значительно расширились и довольно далеко отошли от первичных задач, о чем нам еще предстоит говорить), он задавал демосу достаточно четкую антитираническую парадигму. Это принципиально. Дело в том, что ранее афинский демос, в отличие от аристократов, не испытывал однозначного отторжения от тирании. В течение всего времени пребывания Писистратидов у власти они, насколько можно судить, ни разу не столкнулись с каким-либо протестом со стороны низших и даже средних слоев граждан. Аттические крестьяне вообще прямо-таки боготворили по крайней мере Писистрата (об их отношении к Гиппию сведений не сохранилось, но вряд ли оно было противоположным). Вокруг фигуры первого афинского тирана сложился целый ряд в высшей степени благожелательных анекдотов – о его встрече с крестьянином (Arist. Ath. pol. 16. 6), о явке его на суд Ареопага (Arist. Ath. pol. 16. 9) и т. п. Впоследствии, как известно, крестьяне с ностальгией вспоминали годы правления Писистрата как золотой век, «жизнь при Кроне» (Arist. Ath. pol. 16. 7). Создается впечатление, что мелкие земледельцы видели в нем эдакого «доброго царя», защищающего

⁶⁹ См.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 41–42, 154–155 (с указаниями на предшествующую литературу по вопросу).

⁷⁰ Ср.: Kagan D. Op. cit. P. 401; Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990. P. 5.

простой народ от произвола знати. Отнюдь не случайно, что в конечном счете тирания в Афинах была свергнута только благодаря внешнему вмешательству; если бы не Спарта, народного движения против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать еще очень и очень долго⁷¹.

Вся оппозиция афинским тиранам, все выступления против них исходили только от аристократических родов. Не было исключением и знаменитый заговор Гармония и Аристоклитона. И вызывает сильные сомнения, что демос в массе своей хоть как-то поддерживал эти выступления. К аристократии он относился достаточно настороженно, во всяком случае не ощущал общности с ней. Это показывает, в частности, выбор, сделанный рядовым гражданством во время борьбы Клисфена и Исагора. Исагор был не менее активным участником ликвидации тирании Писистратидов, нежели Клисфен (Herod. V. 70). Однако к нему демос, как показали события 508–507 гг. до н. э., испытывал ярко выраженную антипатию. Очевидно, его рассматривали как представителя аристократии, желающей воспользоваться концом власти Гиппия в своих корыстных целях. Фактически Клисфена поддерживали против Исагора и спартанцев те самые слои, которые еще совсем недавно составляли социальную основу Писистратидов. Возьмем на себя смелость утверждать, что если бы глава Алкмеонидов пожелал в этот период установить собственную тиранию, он вряд ли встретил бы сколько-нибудь массовое сопротивление. Но Клисфен не пошел по этому пути; напротив того, он принял все зависевшие от него меры, чтобы тиранический режим в Афинах больше не возродился. И в этом, кстати говоря, один из показателей величия его как государственного деятеля. «Отец афинской демократии» оказался в данном отношении прямым последователем Солона, который в свое время «тирании власть суровую не взял» (Sol. fr. 23 Diehl), несмотря на то что сподвижники толкали его к этому⁷².

Во всяком случае, хотел того Клисфен или не хотел, но, начиная с его реформ, остракизм стал мощным средством контроля демоса над аристократией⁷³. Ранее, в доклизфеновское время, с помощью подобной меры контролировали друг друга сами аристократы, препятствуя чрезмерному возвышению одних представителей политической элиты над другими, демос же по большей части был более или менее пассивным наблюдателем этих процессов. Отныне же именно на весь гражданский коллектив была возложена конституционная

⁷¹ Ср.: *Строгоцкий В. М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. № 2. С. 99; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, с. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 61.

⁷² Ср.: *Goušchin V.* Pisistratus' Leadership in A.P. 13. 4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // *Classical Quarterly*. 1999. Vol. 49. No. 1. P. 19.

⁷³ Ср.: *Phillips D. J.* Op. cit. P. 21; *Siewert P.* Accuse... P. 13.

защита существующего государственного устройства, борьба с опасностью возрождения тирании. Все это вело, безусловно, к изменению отношений между демосом и аристократией, хотя изменению, конечно, не одномоментному, а постепенному. Изначально новая роль явно была непривычной для рядовых граждан. В этом, судя по всему, одна из причин того, что остракизм в экклесии не применялся почти два десятилетия (до 487 г. до н. э., когда жертвой остракофории стал Гиппарх, сын Харма): народ некоторое время просто не мог освоиться с тем, что в его руках находится столь сильное оружие, что теперь он властен над судьбой своих знатных лидеров. Потребовалось Марафонское сражение, выигранное только совокупными усилиями всего полиса, чтобы на смену этой «кротости» (πραότης) демоса, о которой говорит Аристотель (Ath. pol. 22. 4), пришла более решительная позиция, чтобы с аристократии оказался снятым нимб неприкосновенности. Да и отношение народа к тираническому режиму коренным образом изменилось: слово «тирания» стало настоящим жупелом, каковым ранее оно не было⁷⁴. Демос воистину начинал чувствовать ответственность за политику, которая отныне действительно лежала на нем.

Высказывалось, правда, мнение, что остракизм изначально вообще не имел ничего общего с угрозой тирании, а введен был против персофилов, лиц, подозреваемых в так называемом мидизме⁷⁵. Ошибочность этой точки зрения заключается в том, что она смешивает два разных аспекта – причины и цели введения клисфеновского остракизма и причины и цели конкретных остракофорий 480-х гг. до н. э. В этих последних обвинения в «мидизме» действительно играли весьма важную роль⁷⁶, но это могло случиться, естественно, только после начала Греко-персидских войн. А в 500-х гг., когда остракизм вводился, отношения между Афинами и Персией еще отнюдь не были враждебными. Приверженность персидскому образу жизни, даже персидскому стилю в одежде, была достаточно распространенной в аристократических кругах⁷⁷. Позже, конечно, подобная приверженность стала чем-то крайне предосудительным и даже инкриминируемым, но это было тогда, когда остракизмом уже начали пользоваться не по его изначальному назначению, а в интересах политической борьбы (στρασιαστικῶς, по выражению Аристотеля, Pol. 1284b22), когда остракизм, задумывавшийся как средство *предотвращения* стасиса, стал одним из способов *ведения* стасиса.

⁷⁴ Этот процесс изменения отношения к тирании Писистратидов удачно прослежен в работе: Lavelle B. M. Op. cit. Passim.

⁷⁵ Schreiner J. H. Op. cit. P. 84.

⁷⁶ См.: Суриков И. Е. Политическая борьба... С. 129.

⁷⁷ Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 195–200.

Следует отметить в связи с целями остракизма еще один нюанс, на который обратил внимание С. Г. Карпюк⁷⁸. Введение остракизма в его «классической» форме означало в известной степени внесение «правил игры» в политическую борьбу. Невозможно не согласиться с тем, что остракизм, в сущности, был весьма мягкой и гуманной мерой⁷⁹. Он предусматривал лишь временное изгнание, причем без конфискации имущества, без последующего ущемления в политических правах и, что немаловажно, без каких-либо преследований семьи и родственников изгнанного. На общегреческом фоне (да и на фоне любого другого древнего общества), где зачастую царили самые жестокие методы расправы с политическими противниками, остракизм выглядит, как ни парадоксально, даже каким-то светлым явлением. Это необходимо учитывать, давая общую оценку исследуемому институту: он был мерой, не ожесточавшей, а, напротив, смягчавшей нравы в общественной жизни.

Итак, подведем предварительные итоги, очертим основные выводы, к которым мы на данном этапе пришли, разбирая вопрос о целях введения остракизма и тех функциях, которые этот институт первоначально нес. Идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса – индивидуалистической и коллективистской. Ранние формы остракизма («протоостракизм») являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию. После принятия в конце VI в. до н. э. закона Клисфена об остракизме данная процедура стала прерогативой народного собрания, т. е. перешла из рук аристократии в руки всего гражданского коллектива. Демос, переняв аристократический по происхождению институт остракизма, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве.

Однако такого рода ситуация сохранялась далеко не всегда. Если демос в целом в течение какого-то времени продолжал воспринимать остракизм как меру, направленную против «чрезмерно» усилившихся политиков, контролирующую и держащую в необходимых рамках их положение в полисе, то сами члены властной элиты, аристократические лидеры, конкурировавшие друг с другом за влияние в государстве, по справедливому замечанию ряда антиковедов⁸⁰, уже

⁷⁸ Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 24.

⁷⁹ Ср.: Sinclair R. K. *Democracy and Participation in Athens*. Cambridge, 1991. P. 170.

⁸⁰ Строецкий В. М. Полис и империя... С. 42–43; Jones J. W. Op. cit. P. 119–120; Guarducci M. *Epigrafia greca*. Roma, 1969. Vol. 2. P. 524; Mossé C. *De l'ostracisme aux procès*

очень скоро стали пользоваться остракизмом как инструментом политической борьбы. Судя по всему, именно это изменение функций остракизма, отклонение его от первоначального предназначения имеет в виду Аристотель (Pol. 1284b20), когда проницательно замечает: οὐ γὰρ ἔβλεπον πρὸς τὸ τῆς πολιτείας τῆς οἰκείας συμφέρον, ἀλλὰ στασιαστικῶς (курсив наш. – И. С.) ἐχρῶντο τοῖς ὀστρακισμοῖς⁸¹. Повторим и подчеркнем мысль, которая представляется нам принципиальной: остракизм, задумывавшийся как средство *предотвращения* стасиса, стал одним из способов *ведения* стасиса, во всяком случае в глазах политиков. Остракофория превратилась в поле, на котором развертывалась деятельность конкурирующих гетерий⁸². Насколько можно судить, начало этому положил Фемистокл, на продолжении 480-х гг. до н. э. чрезвычайно активно прибегавший к остракизму именно для дискредитации и удаления своих политических конкурентов; впрочем, впоследствии аналогичный удар был нанесен и по нему самому.

Демос со временем тоже воспринял новое положение вещей. Причем случилось это достаточно скоро, что можно проиллюстрировать несколькими примерами. Остракизм Фемистокла, имевший место в конце 470-х гг. до н. э., уже явно нельзя расценивать как меру борьбы против слишком могущественного лидера, имеющего амбиции захватить единоличную власть. К указанному хронологическому рубежу пик влияния Фемистокла был уже далеко в прошлом. Если когда-либо от него и могла исходить угроза тирании, то это было в 480-х гг., но ведь как раз тогда-то его остракизму и не подвергли. Еще более показательна в данном отношении остракофория 444 г. до н. э. На ней граждане должны были сделать выбор между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия. Если исходить из идеи о первоначальном назначении остракизма как «профилактического» средства против тирании, то изгнанным должен был быть, безусловно, Перикл: ведь он, а не кто-либо другой, мог в то время считаться наиболее влиятельным политиком (и действительно, после остракофории он едва ли не монополизировал властные рычаги в полисе и был ближе, чем кто-либо до него в истории демократических Афин, к статусу

politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 17; Mossé C. La démocratie grecque. P., 1986. P. 147; Mossé C. Dictionnaire... P. 359; Sinclair R. K. Op. cit. P. 170.

⁸¹ Данный пассаж следует признать труднопереводимым – именно ввиду наличия в нем наречия στασιαστικῶς. Перевод С. А. Жебелева («Прибегая к остракизму, они имели в виду не выгоду для соответствующего государственного устройства, а преследовали при этом выгоду для своей партии») в целом приемлем, но мы исключили бы из него упоминание о «партиях» и конец фразы перевели бы так: «...а преследовали при этом интересы политической борьбы».

⁸² Calhoun G. M. Op. cit. P. 136.

тирана), а Фукидид был фигурой значительно меньшего масштаба. Тем не менее остракизму подвергся именно этот последний, хотя вряд ли кому-нибудь могло даже в голову прийти, что он когда-либо пожелает или сможет захватить тираническую власть.

Итак, в условиях эволюции демократического афинского полиса V в. до н. э. функции остракизма изменились. Представители аристократической элиты стали рассматривать его как орудие в борьбе за власть, средство избавиться от наиболее серьезных конкурентов, удаляя их из полиса⁸³. Соответственно и демос, гражданский коллектив, стал видеть в остракизме не только профилактику тирании (не столь уж и велика была опасность тирании в Афинах V в. до н. э., во всяком случае меньше, чем когда-либо в их истории⁸⁴) и даже не только способ контроля над аристократами, а едва ли не в первую очередь процедуру, с помощью которой можно было сделать выбор между конкурирующими политическими лидерами и между политическими линиями, которые они выражали. Эта мысль уже высказывалась в историографии⁸⁵, и нам лишь хотелось бы дополнить ее двумя нюансами. Во-первых, речь идет прежде всего о выборе между линиями в области внешней политики. Этот фактор вообще был одним из наиболее важных в борьбе группировок, протекавшей в Афинах. Во-вторых, чаще всего на остракофории афиняне оказывались в ситуации выбора между двумя политическими лидерами. Это не было как-то закреплено официально. Никаких формальных «кандидатов» на остракизм заранее не выдвигалось⁸⁶, и надписи на острака показывают в целом достаточно значительный разброс голосов. Тем не менее, если отбросить некоторый (в количественном отношении не столь уж большой) процент проголосовавших по случайным причинам, в целом типичная остракофория де-факто оказывается, как правило, все-таки противостоянием двух лиц. И интенсификация применения остракизма

⁸³ Ср.: *Reinmuth O. W.* Op. cit. Sp. 376; *Camp J. M.* The Athenian Agora. Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986. P. 57.

⁸⁴ Следует отметить, что V в. до н. э. в масштабах не только Афин, но и всего греческого мира был периодом, если так можно выразиться, в наибольшей степени «чуждым» тирании. Старшая тирания, сопутствовавшая формированию полисных структур, отошла в прошлое, а младшая, ставшая симптомом кризиса классического полиса, еще не появилась на свет.

⁸⁵ *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 2. P. 369; *Rhodes P. J.* The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 92.

⁸⁶ Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. 2 ed. Oxf., 1946. P. 16; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism // Classical Journal. 1953. Vol. 48. No. 4. P. 116; *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 111; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 40; *Mitchell L. G., Rhodes P. J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // Greece and Rome. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 26.

обычно происходила тогда, когда расклад политических сил временно приобретал «биполярный» характер, а кроме того, важную роль в политической жизни начинали играть спорные вопросы межгосударственных отношений.

Мы уже отмечали в своих работах, что именно так обстояло дело в период первых остракофорий в V в. до н. э. (серия из пяти остракофорий на временном отрезке между Марафонской битвой и походом Ксеркса), а также при последнем остракизме в 415 г. до н. э., когда соперничали между собой Никий и Алкивиад, однако парадоксальным образом изгнанным оказался Гипербол⁸⁷. Работая над монографией об афинском остракизме, которая на сегодняшний день уже почти завершена, мы провели специальное исследование эмпирического материала, относящегося к остальным известным из источников остракофориям, и обнаружили, что аналогичным образом ситуация развивалась практически всегда, когда в Афинах вставал вопрос о голосовании черепками. Здесь мы, разумеется, не можем привести соответствующие факты и аргументы, поскольку это слишком увеличило бы и без того немалый объем данной работы. Мы лишь в иллюстративных целях обобщим полученные результаты в виде таблицы. Сразу отметим, что в этой таблице все остракофории выглядят в известной мере «усредненно», без характерных для большинства из них красочных деталей и нюансов. В результате картина может показаться читателю упрощенной, но, очевидно, это неизбежно.

<i>№</i>	<i>Год до н. э.</i>	<i>Пара противостоящих лидеров</i>	<i>Характер противоречий</i>	<i>Политик, подвергшийся изгнанию</i>
1	487	Гиппарх, сын Харма, – Фемистокл (?)	Отношение к персидской угрозе	Гиппарх, сын Харма
2	486	Мегакл, сын Гиппократа, – Фемистокл (?)	То же	Мегакл, сын Гиппократа
3	485	Каллий, сын Кратия (?), – Фемистокл (?)	То же	Каллий, сын Кратия (?)
4	484	Ксантипп – Фемистокл (?)	То же	Ксантипп
5	482	Аристид – Фемистокл	То же	Аристид
6	470	Фемистокл – Кимон (?)	Афино-спартанские отношения (?)	Фемистокл

⁸⁷ Суриков И. Е. Политическая борьба...; Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.

<i>№</i>	<i>Год до н. э.</i>	<i>Пара противостоящих лидеров</i>	<i>Характер противоречий</i>	<i>Политик, подвергшийся изгнанию</i>
7	461	Кимон – Перикл (?) или Алкивиад Старший (?)	Афино-спартанские отношения	Кимон
8	Ок. 460	Алкивиад Старший – Менон (?)	То же	Алкивиад Старший
9	Начало 450-х	Менон – Перикл (?)	То же (?)	Менон
10	Начало 450-х (?)	Каллий, сын Дидимия, – ?	?	Каллий, сын Дидимия
11	444	Фукидид, сын Мелесия, – Перикл	Вопрос об основании Фурий	Фукидид, сын Мелесия
12	430-е (?)	Дамон – ?	?	Дамон
13	415	Никий – Алкивиад	Вопрос о Сицилийской экспедиции	Гипербол

Подчеркнем, что остракизм, как правило, был для гражданского коллектива последним, крайним средством выбора между двумя лидерами и двумя политическими линиями. Потому-то к этому средству по большей части и обращались нечасто. Нет сомнений, что в целом разногласия между соперничающими группировками и видными политиками – по поводам важным и не слишком важным – возникали часто, если не постоянно, но отнюдь не в каждом случае эти разногласия приводили к остракофории. «Суд черепков» вступал в свои права тогда, когда демос уже не видел другого способа разрешить назревшее противоречие, кроме временного удаления одного из конкурентов.

На материале тех остракофорий, обстоятельства которых известны более или менее детально, можно судить о том, что в принципе остракизм мог приводить к следующим результатам: *а)* сталкивались два примерно равных по силе политика, в итоге один из них изгонялся, а другой побеждал и получал возможность беспрепятственно проводить свою линию (случай Аристиды и Фемистокла, 482 г. до н. э.); *б)* лидер, ранее пользовавшийся безусловным авторитетом, подвергался остракизму, на смену ему приходил другой (или другие), и, соответственно, политическая линия государства менялась, порой весьма существенно (случай Кимона, 461 г. до н. э.)⁸⁸; *в)* прежнему лидеру удавалось

⁸⁸ О таком варианте развития событий ср.: *Tarkiainen T.* Op. cit. S. 114; *Sinclair R. K.* Op. cit. P. 170.

отстоять свое первенство, а в изгнание отправлялся конкурент, рискнувший бросить ему вызов и попытаться занять его место (остракофория 444 г. до н. э., когда Перикл не только сохранил имевшееся у него влияние, но, более того, еще и упрочил собственное положение); 2) изгнанным оказывалось третье лицо, а оба основных соперника и после остракофории оставались в полисе; соответственно, существовавшая напряженность не снималась. Впрочем, следует сказать, что этот последний вариант развития событий имел место лишь однажды – на последней остракофории. Он был явно нетипичен, а кроме того, прямо противоречил одной из основных функций остракизма и тем самым подрывал этот институт.

Хотелось бы указать еще на одну функцию остракизма, которая, может быть, не столь бросается в глаза, но представляется, тем не менее, немало важной и небезынтересной. В жизни многих обществ, особенно традиционных, весьма значительное место занимал феномен карнавала, представлявший собой периодическое (обычно ежегодное) временное снятие бинарных оппозиций во всех аспектах бытия, «переворачивание» или, если так можно выразиться, «выворачивание наизнанку» всей системы повседневных отношений⁸⁹. Не является исключением и античная Греция, в частности классические Афины⁹⁰. «Карнавальность» в них пронизывала собой многие сферы культуры. Карнавальным началом, в частности, был всецело проникнут жанр древней аттической комедии.

Кажется, есть основания отнести остракизм к институтам карнавального характера. Поясним свою мысль. Остракизм, как мы знаем, проводился раз в год – не чаще и не реже. Выше мы соотносили эту периодичность с его возможным происхождением из ритуала «козла отпущения», который как бы уносил из общины «грехи», накопившиеся в ней за годичный период⁹¹. По сути дела, данный ритуал сам по себе может рассматриваться как одна из карнавальных форм культуры. Далее, остракизм выполнял ярко выраженную медиативную роль при снятии бинарных оппозиций в политической жизни. Собственно, в случае назревания таких оппозиций этот механизм и запускался.

⁸⁹ Об «идее карнавала» см. наиболее подробно: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.

⁹⁰ Нам уже приходилось недавно писать о некоторых проявлениях карнавального начала в афинской культуре классической эпохи: *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 208 сл., 273 сл.

⁹¹ Говорим о «грехах», конечно, *cum grano salis*. В целом древнегреческой религии было чуждо этическое понятие греха. Ср.: *Grube G. M. A.* Euripides and the Gods // Euripides. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs, 1968. P. 37; *Каждан А. П.* Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 184.

Для остракофории в Афинах V в. до н. э. было характерно «переворачивание» обычных политических отношений, причем проявлялось это в различных аспектах. С одной стороны, демос в этот день властно распоряжался судьбами своих политических лидеров (ср. образы афинских политиков – Никия, Клеона и др. – как слуг старика Демоса в карнавальном жанре комедии, во «Всадниках» Аристофана). С другой стороны, применение остракизма часто приводило к реальному «переворачиванию» всей политики, когда один лидер сменял другого (подобно тому, как в карнавальных фольклорных действиях новый царь приходит на смену старому⁹²).

У остракизма, как и подобает на карнавале, была своя смеховая сторона. Мы сейчас имеем о ней достаточно смутное представление, поскольку источники, как правило, не концентрируют свое внимание на этом нюансе, однако о том, что она присутствовала, недвусмысленно дают понять инвективные надписи на остраконах, отличающиеся фольклорным, юмористическим, подчас обценным характером. В ходе пропагандистских кампаний, которые велись перед остракофориями, важное место занимали проходившие как раз в это время года празднества дионисийского цикла, на которых будущие «кандидаты» на изгнание осыпались насмешками. Впоследствии, насколько можно судить, эти насмешки так и перекочевывали из уст комических хоров на острака.

Итак, остракизм можно рассматривать как некую форму политического карнавала? Признаться, мысль слишком нова и нетривиальна, чтобы можно было сразу дать положительный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, идея представляется нам перспективной и требующей дальнейшего осмысления и развития.

Характерно, что любому карнавалу свойственно акцентирование внимания на личностных, а не на абстрактных категориях. Это в полной мере относится и к афинскому остракизму. Справедливо отмечалось⁹³, что на остракофориях, по сути, стиралась грань между политическим противостоянием и личной враждой и мотивы многих голосующих граждан были скорее личными, нежели политическими. Это опять же достаточно ясно из надписей на остраконах.

Во многом резонно (хотя, естественно, пользуясь оборотами, свойственными его времени, которые мы вряд ли сочли бы научными) замечает Плутарх (Aristid. 7), что остракизм был милосердным средством утишить зависть (φθόρου παρὰ μὲν θία φιλόανθρωπος), выразившимся не в чем-то непоправимом (εἰς ἀνῆκεστον οὐδέν), а «всего лишь» в десятилетнем изгнании того, кто

⁹² См. о такого рода действиях: Cornford F. M. *The Origin of Attic Comedy*. 2 ed. Cambridge, 1934.

⁹³ Brenne S. *Ostraka and the Process of Ostrakophoria* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 15; Mitchell L. G., Rhodes P. J. *Op. cit.* P. 26.

вызывал эту зависть. Посредством остракофории афиняне как бы «выпускали пар» своего недовольства в связи с той или иной конкретной ситуацией. Говоря более терминологично, остракизм с социально-психологической точки зрения был средством компенсировать коллективную фрустрацию внутри гражданского коллектива. Характерно, что Плутарх, давая «истинное» определение функции остракизма, тут же отмечает, что для благопристойности эту процедуру называли (ἐκαλεῖτο μὲν δι' εὐπρέπειαν) «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества». Херонейский биограф, таким образом, различает и отделяет друг от друга «мнимое» и «реальное» назначение института остракизма. Наверняка ему с хронологической дистанции в полтысячелетия именно такой и представлялась ситуация. В действительности же речь, очевидно, следует вести не о «мнимой» и «реальной», а о первоначальной и вторичной (модифицировавшейся) функциях. Как отмечалось выше, в первой стадии своего формирования остракизм был действительно направлен против «сильных личностей», выразителей индивидуалистической тенденции. Судя по всему, по традиции и в дальнейшем считалось, что это так, хотя остракизм в течение V в. до н. э. приобрел уже новые функции (способ выбора между конкурирующими политиками и их линиями, средство компенсации фрустрации), и эти функции затмили, отодвинули на второй план первоначальную.

Настало время обозначить окончательные результаты исследования. Говоря о функциях института остракизма, мы разделяем несколько аспектов рассматриваемой проблемы. Дело в том, что эти функции не оставались неизменными, а, напротив, подвергались достаточно существенным модификациям. Сама идея остракизма как «профилактического» изгнания влиятельных индивидов зародилась уже в архаическую эпоху, на стыке двух тенденций политической жизни времен формирования полиса – индивидуалистической и коллективистской⁹⁴. Ранние формы остракизма (которые мы условно называем «протоостракизмом», дабы отличать их от «классического» афинского остракизма V в. до н. э.) являлись средством взаимного контроля членов аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию.

Что же касается закона Клизфена об остракизме, принятого в Афинах на рубеже архаики и классики и сделавшего данную процедуру прерогативой

⁹⁴ В менталитете эпохи эти две тенденции нашли отражение соответственно в категориях ὕβρις и σωφροσύνη. Об этих важнейших для древнегреческой цивилизации категориях см.: *Del Grande C.* Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica (da Omero a Cleante). Napoli, 1947; *North H. F.* A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // *Transactions of the American Philological Association.* 1947. Vol. 78. P. 1–17; *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 40 сл.

народного собрания, этот закон прекрасно укладывается в рамки всего комплекса клисфеновских реформ, передававших верховную власть в полисе из рук аристократии в руки демоса. Демос, переняв аристократический по происхождению институт, становился отныне гарантом против возрождения тирании, против острых вспышек стасиса, а также осуществлял с помощью остракизма общий контроль над деятельностью знатной элиты, что соответствовало его новой роли в государстве. Кроме того, остракизм, как достаточно мягкая и гуманная мера, служил и цели упорядочения политической борьбы, ранее зачастую принимавшей весьма жесткие формы.

Однако со временем, в течение V в. до н. э. остракизм обрел ряд новых функций, которые в известной мере стали даже главными, отодвинув на второй план первоначальные. Конкурирующие политические лидеры использовали остракизм как один из мощных инструментов ведения борьбы друг с другом⁹⁵, а для демоса он стал способом выбора (в ситуации биполярного противостояния) между этими лидерами и их линиями (прежде всего внешнеполитическими). Можно говорить также о том, что остракизм являлся удобным и гуманным средством компенсации фрустрации внутри гражданского коллектива в условиях прямой демократии полисного типа.

Остракизм, аристократический по происхождению институт в демократическом полисе, по традиции сохранил свою направленность на представителей высшего слоя знатной элиты и в этом смысле может рассматриваться как мера если не почетная, то, во всяком случае, подчеркивавшая высокое значение и авторитет политика, который ей подвергался.

⁹⁵ Ср.: *Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 55.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ В НАЧАЛЕ V В. ДО Н. Э. И ПЕРВЫЕ ОСТРАКОФОРИИ*

Первые десятилетия V в. до н. э. — один из наиболее важных и интересных и в то же время наиболее загадочных периодов истории политической жизни Афин. После реформ, проведенных в конце предыдущего столетия Клисфеном, делала свои первые шаги афинская демократия. Сам «политический климат» стремительно менялся¹, претерпевали радикальную ломку условия политической деятельности, механизмы политической борьбы. Такого рода переломные моменты истории не могут не привлекать внимания исследователей, особенно если скудные и противоречивые свидетельства источников оставляют свободу для множества самых различных интерпретаций.

Автору данной работы уже доводилось затрагивать один из аспектов политической борьбы в раннеклассических Афинах, а именно — роль Ареопага в событиях начала V в.² Ниже будет рассмотрен еще один вопрос, связанный с политическими перипетиями этого времени, — первые остракофории (480-е гг. до н. э.) в контексте современной им борьбы группировок. Специфика данной проблемы заключается в том, что для ее решения, помимо свидетельств нарративной традиции, могут быть привлечены уникальные вещественные и эпиграфические памятники — острака, т. е. глиняные черепки, на которых в день остракофории афинские граждане писали имя того или иного неугодного им политика с целью добиться его изгнания.

Анализ острака в настоящее время становится, без преувеличения, одним из наиболее перспективных направлений в изучении афинской истории³.

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

¹ Frost F. J. Tribal Politics and the Civic State // *American Journal of Ancient History*. 1976. Vol. 1. No. 2. P. 66–75. Ср.: Connor W. R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971. P. 18–22; Ober J. *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989. P. 84–86; Littman R. J. *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N. Y., 1990. P. 165–191; Пролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // *Политические деятели античности, средневековья и Нового времени*. Л., 1983. С. 6–22.

² Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 32–35.

³ См.: Суриков И. Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник*. Омск, 1995. Вып. 3. С. 107–114; Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

За последние десятилетия раскопок в распоряжении ученых оказался колоссальный материал⁴. Первый остракон был опубликован в 1870 г.⁵, и с тех пор количество этих памятников постоянно возрастало. Острака исчислялись сначала единицами, затем десятками и сотнями. К середине 1960-х гг. общее число найденных острака составляло 1658 (основными местами находок были Агора и Керамик), а в 1966 г. произошел настоящий переворот: в ходе раскопок в высохшем русле реки Эридан на внешнем Керамике немецкими археологами было обнаружено более 8,5 тысяч острака.

⁴ Исчерпывающая сводка зарубежных исследований об острака и остракизме дана в обзоре: *Martin A.* L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *Revue des études grecques*. 1989. Vol. 102. P. 124–145. Из более новых работ следует называть: *Phillips D. J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd. 83. S. 123–148; *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1991. Bd. 106. S. 137–145; *Siewert P.* Accuse contro i “candidati” all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)*. 1991. Vol. 17. P. 3–14; *Kinzl K. H.* AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // *Klio*. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 28–45; *Mattingly H. B.* The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon*. 1991. Vol. 25. P. 1–26; *Christ M. R.* Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // *Classical Quarterly*. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 336–346; *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1992. Bd. 107. S. 161–185; *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 13–24; *Musti D.* La chronologie du chapitre 22 de l'Ἀθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 251–259; *Keaney J. J.* Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 261–278; *Doenges N. A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // *Historia*. 1996. Bd. 45. Ht. 4. S. 387–404; *Stanton G. R.* A Graffito on a Megakles Ostrakon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1996. Bd. 111. S. 69–73; *Mirhady D. C.* The Ritual Background to Athenian Ostracism // *Ancient History Bulletin*. 1997. Vol. 11. No. 1. P. 13–19; *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. 1997. Vol. 8. Fasc. 2. P. 253–271; *Де Либеро Л.* Ἐκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath.pol. 22,8) и остракон против Мегакла // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 1998. Т. 5. С. 89–95. В отечественной историографии вопрос почти не затрагивался. См.: *Гинзбург С. И.* О дате издания закона об остракизме в Афинах // *Город и государство в античном мире*. Л., 1987. С. 44–55; *Гинзбург С. И.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н. э. // *Государство, политика и идеология в античном мире*. Л., 1990. С. 32–42. Разумеется, отдельные замечания об остракизме можно встретить в работах общего характера (С. Я. Лурье, Л. М. Глускина, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов, В. М. Строгоцкий, С. Г. Карпюк и др.).

⁵ Это остракон с именем Мегакла (IG. I². 908. 1), найденный в 1867 г. на Акрополе. Граффито с именем Менестрата (IG. I². 915), обнаруженное еще в 1853 г., вряд ли является остраконом (*Thomsen R.* The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 70).

Таким образом, общее число найденных острака приближается на сегодняшний день к 11 тысячам. К сожалению, публикация новых экземпляров затянулась и продвигается крайне медленно. Даже теперь, 30 лет спустя после находки, общее количество опубликованных острака (в том числе найденных и до 1966 г.) не превышает двух тысяч⁶.

Для исследователя истории классических Афин информация, содержащаяся на острака, поистине неоценима. Она в значительной мере уточняет и корректирует краткие сведения Аристотеля, Плутарха и других античных авторов⁷ об остракизмах 480-х гг. В этот период едва ли не ежегодно проводились остракофории, почти всегда оканчивавшиеся изгнанием того или иного политика.

Помимо острака, называющих ранее известных лиц (Мегакла, сына Гипократа, Ксантиппа – отца Перикла, Алкивиада Старшего, Аристида, Фемистокла и др.) и уточняющих датировку их остракизмов, есть и группа других, на которых значатся имена прежде неизвестных политиков, бывших, как минимум, «кандидатами» на изгнание. Характерно, что среди них чрезвычайно большую долю составляют представители знаменитого афинского рода Алкмеонидов. Наиболее заметны по числу найденных острака Калликсен, сын Аристонима (280 экземпляров), и особенно Каллий, сын Кратия (763 экземпляра)⁸; последний ныне не без основания отождествляется с не названным по имени в «Афинской политике» Аристотеля (22. 6) политиком, изгнанным в 485 г. до н. э.⁹ Изгнание же Калликсена, если оно имело место (а этого нельзя

⁶ Сравнительно недавно осуществлена полная научная публикация острака с Агоры: *Lang M. L. Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990* (впрочем, со времени этой публикации уже были новые находки; см., в частности: *Camp J. M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. Vol. 68. No. 3. P. 268–274*). Старые публикации острака с Керамика: *Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941. S. 51–87; Willemsen F. Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1965. Bd. 80. S. 100–126*. Для огромного количества находок 1966 г. пока существует лишь перечень (*Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 147–156*) и разрозненные публикации отдельных интересных экземпляров.

⁷ Arist. Ath.pol. 22; Plut. Aristid. 7; Them. 22; Nic. 11; cp. Andoc. IV. 34–35; Androton FGrHist. 324. F 6; Philoch. FGrHist. 328 F 30; Diod. XI. 55. 1–3.

⁸ Цифры приводятся по кн.: *Lang M. L. Op. cit. P. 65–66*.

⁹ *Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64–76; Thomsen R. Op. cit. P. 99; Schreiner J. H. The Origin of Ostracism Again // Classica et mediaevalia. 1976. Vol. 31. P. 88; Williams G. M. E. The Kerameikos Ostraka // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1978. Bd. 31. S. 103–113; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 274; Mattingly H. B. Op. cit. P. 2; Murray O. Early Greece. 2nd ed. L., 1993. P. 285–286.*

утверждать с уверенностью), состоялось в 483 г.¹⁰ Калликсен безусловно был Алкмеонидом; с немалой долей уверенности это можно сказать и о Каллии¹¹. Абсолютным «рекордсменом» по числу упоминаний на острака является также Алкмеонид – Мегакл, сын Гиппократы, изгнанный в 486 г. (4 662 экземпляра).

На многих острака, помимо имени, присутствуют разного рода приписки. Приписки эти весьма важны как современные и безусловно аутентичные свидетельства борьбы в афинском общественном мнении, пропагандистских приемов, применявшихся в политической жизни¹². Так, Калликсен назван на острака «предателем» (προδοτής) и «бесчестным» (ἄτιμος), Каллий – «мидянином» (ὁ Μῆδος или ἐκ Μῆδων; на одном его остраконе изображена карикатура – человек в персидском платье), Аристид – «братом Датиса», персидского полководца (τὸν Δάτιδος ἀδελφόν), и «прогнавшим молящих о защите» (ὃς τοὺς ἰκέτας ἀπέωσεν), Мегакл – «развратником» (μοιχός), Фемистокл обвинен в гомосексуализме (καταπύγων), Кимона попрекают сестрой (Κίμων Μιλτιάδου Ἑλπινίκην λαβὼν ἴτω)... Наконец, один из острака, направленный против Ксантиппа, содержит целую эпigramму (элегический дистих):

Более всех преступен из оскверненных пританов –
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп¹³.

Остракизм был введен в ходе преобразований Клисфена¹⁴, хотя сам этот способ изгнания, скорее всего, не является изобретением реформатора. Античная традиция (правда, достаточно поздняя, но восходящая по меньшей мере

¹⁰ *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. P. 9 ff.; *Bicknell P. J.* Agora Ostrakon P7103 // *L'Antiquité Classique*. 1974. Vol. 43. P. 334–337; *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. S. 35; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 28; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 193–205; *Brenne S.* «Portraits... S. 162.

¹¹ О них см.: *Stamires G. A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. Vol. 19. No. 4. P. 376–390; *Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. No. 1. P. 69–73.

¹² Об этих приемах см.: *Siewert P.* Op. cit.; *Brenne S.* Ostraka...

¹³ Греческий текст см.: *Суриков И. Е.* По поводу новой публикации острака. С. 144. Интерпретации этой надписи посвящена немалая литература. Последние работы: *Merkelbach R.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1986. Bd. 62. S. 57–62; *Figueira T. J.* Xanthippos, Father of Perikles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. Bd. 35. Ht. 3. S. 257–279. Надписи на ряде острака приведены в издании: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 40–47 (No. 21).

¹⁴ Наиболее подробно вопрос о введении остракизма рассмотрен в монографии: *Thomsen R.* Op. cit.

к Феофрасту) называет первым лицом, подвергшимся ostracismу, Тесея¹⁵, и вряд ли совершенно безосновательно. Высказывалось предположение, что ostracismом пользовались еще во времена Писистратидов¹⁶, но процедура была иной, – например, прерогатива в этом вопросе могла принадлежать Совету четырехсот. На это, кажется, указывает один текст византийского времени (XV в.): согласно его свидетельству, вначале вопрос об ostracismе решал Совет (βουλή), а для изгнания требовалось набрать более 200 голосов (ὅτω δὲ ἂν ὑπὲρ διακόσια γένηται τὰ ὀστρακὰ φεύγειν ἔτι δέκα)¹⁷, т. е. простое большинство. Возможно, Клисфен передал ostracism в ведение народного собрания и придал его применению систематический характер¹⁸.

Если верить Аристотелю (Ath. pol. 22. 4), чье сообщение восходит к Андриотиону (FGrHist. 324. F 6), закон об ostracismе был направлен Клисфеном против Гиппарха, сына Харма. Это кажется странным: вряд ли Гиппарх уже в последние годы VI в. до н. э. мог представлять для реформатора серьезную опасность, а закон об ostracismе должен был быть одним из первых в числе клисфеновских нововведений. После злополучного посольства в Сарды (507/6 г.) «отец-основатель» афинской демократии уже не имел достаточной популярности для проведения столь серьезной меры¹⁹. А. Раубичек высказывал,

¹⁵ Schol. Aristoph. Plut. 627; Euseb. Chron. II. 50 Schoene; Suid. s.v. ἀρχὴ Σκυρία (со ссылкой на Феофраста); s.v. Θησεΐοισιν; Eustath. ad Hom. II. IX. 666 (со ссылкой на Феофраста). Для более подробной трактовки вопроса о «предыстории» ostracismа см.: Hall L. G. H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. Bd. 4. S. 91–100; Mirhady D. C. Op. cit.; Молчанов А. А., Суриков И. Е. У истоков ostracismа // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 252–260.

¹⁶ На Агоре найден ostrakon (черепок сосуда геометрического стиля конца VIII в. до н. э.) с именем Писистрата, пока не получивший удовлетворительной интерпретации. О нем см.: Meritt B. D. An Early Archon List // Hesperia. 1939. Vol. 8. No. 1. P. 59–65; Hands A. R. Ostraka and the Law of Ostracism // Journal of Hellenic Studies. 1959. Vol. 79. P. 69–78; Harvey F. D. Literacy in the Athenian Democracy // Revue des études grecques. 1966. Vol. 79. P. 591; Jeffery L. H. Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969. P. 70; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. Vol. 11. P. 10–21; Develin R. Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. Vol. 19. P. 7–15; Arnush M. F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. Vol. 64. No. 2. P. 135–162.

¹⁷ Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^{rv}. Полный текст свидетельства см.: Keaney J. J., Raubitschek A. E. A Late Byzantine Account of Ostracism // American Journal of Philology. 1972. Vol. 93. No. 1. P. 87–91; Pecorella Longo Ch. La bulé e la procedura dell'ostacismo: considerazioni su Vat.Gr. 1144 // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 257–281.

¹⁸ Недавно выдвинутая гипотеза, согласно которой ostracism был передан в ведение народного собрания лишь в 480-х гг. (Doenges N. A. Op. cit.), основывается на ряде неверифицируемых натяжек.

¹⁹ Ср.: Hands A. R. Op. cit. P. 69 ff.

правда, предположение, что престарелый Клисфен возвратился из политического «небытия» после Марафонской битвы именно с тем, чтобы ввести закон об остракизме²⁰. Но эта экзотическая гипотеза, в сущности ни на чем не основанная, не была поддержана, кажется, больше никем из исследователей²¹.

Весьма убедительной представляется, напротив, гипотеза, согласно которой закон об остракизме был направлен Клисфеном против Исагора²². Однако в то время закон не пригодился, поскольку Исагор пал и без применения остракизма, скомпрометировав себя призыванием в Афины спартанского царя Клеомена. Необходимо согласиться и с замечанием С. Г. Карпюка, что процедура остракизма была в определенном отношении внесением «правил игры» в политическую борьбу: изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества и преследованием семьи, не вело оно и к поражению в правах²³.

Сообщение Элиана (Var. hist. XIII. 24) об изгнании остракизмом самого Клисфена представляется совершенно невероятным, противореча всей остальной нарративной традиции и не находя себе подтверждения в материале острака. Но в любом случае встает серьезный вопрос: почему остракизм был впервые успешно применен лишь в 487 г. до н. э.? Возможны два варианта ответа: либо до того он вообще не применялся, либо применялся безуспешно. Соответствующий пассаж Аристотеля (τότε πρῶτον ἐχρήσαντο τῷ νόμῳ τῷ περὶ τὸν ὀστρακισμόν – Ath. pol. 22. 3) в принципе допускает и ту, и другую интерпретацию. Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос с достаточной долей вероятности, необходимо проанализировать внутривнутриполитическую ситуацию в Афинах начала V в. до н. э.

Но предварительно должна быть решена чрезвычайно сложная проблема: что представляет собой число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом, – кворум для признания процедуры состоявшейся или минимальное количество голосов для изгнания? В историографии наличествуют

²⁰ Raubitschek A. E. The Origin of Ostracism // American Journal of Archaeology. 1951. Vol. 55. No. 3. P. 221–229.

²¹ Аргументированную критику гипотезы Раубичека см.: Robinson C. A. Cleisthenes and Ostracism // American Journal of Archaeology. 1952. Vol. 56. P. 23–26; Thomsen R. Op. cit. P. 26 ff.

²² Stanton G. R. The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // Journal of Hellenic Studies. 1970. Vol. 90. P. 180–183; Knight D. W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13–32; Thomsen R. Op. cit. P. 141; Littman R. J. Op. cit. P. 151.

²³ Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 24. О позитивных чертах института остракизма см. также: Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30. No. 4. P. 401; Thomsen R. Op. cit. P. 141–142

обе точки зрения²⁴. В пользу первого предположения (о кворуме) свидетельствует Плутарх (Aristid. 7)²⁵. Однако не менее, если не более авторитетный писатель – аттидограф Филохор (FGrHist. 328. F 30) – дает противоположное толкование этой цифры²⁶. Аналогичное Филохору свидетельство содержит цитировавшийся выше византийский текст, опирающийся, судя по всему, на ранний и аутентичный источник, скорее всего на Феофраста²⁷. Следует добавить, что в сообщении этого источника присутствует внутренняя логика, исключаящая какую-либо путаницу. Действительно, если в связи с остракофориями в Совете фигурирует число 200, то это никак не может быть кворум: кворум для Совета должен составлять значительно большее число. Коль скоро 200 черепков не являются кворумом, то, следовательно, кворумом не могут быть и 6000 для более поздней эпохи²⁸.

Если, доверяя Плутарху, признать, что кворум для остракизма все-таки существовал, то он мог выражаться в какой-то другой, значительно большей цифре, что обусловлено важностью самого мероприятия. На остракофорию, в отличие от обычных народных собраний, собирались отнюдь не только горожане.

²⁴ Например: Brenne S. Ostraka... P. 22; Капнюк С. Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 150 (кворум); Hands A. R. Op. cit. P. 74; Гинзбург С. И. Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л., 1989. С. 41–51 (минимальное число голосов для изгнания).

²⁵ «Сначала архонты подсчитывали, сколько всего (τὸ σύνπαν ἐν ταύτῳ) набралось черепков: если их было меньше шести тысяч (ἑξακισχιλίων ἐλάττωες), остракизм признавали несостоявшимся (ἀτελής). Затем все имена раскладывались порознь (ἰδίᾳ), и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз (τὸν ὑπὸ τῶν πλείστων γεγραμμένον), объявлялся изгнанным на десять лет» (перевод С. П. Маркиша).

²⁶ Попытка А. Раубичека доказать, что на деле у Филохора речь также идет о кворуме (Raubitschek A. E. Philochoros frag. 30 (Jacoby) // Hermes. 1955. Bd. 83. Ht. 1. S. 119–120), не кажется нам убедительной. Поскольку Филохор – автор значительно менее известный, чем Плутарх, его текст представляется необходимым полностью привести в оригинале: δι-αριθμηθέντων δὲ ὅτῳ πλείστα γένοιτο (sc. ὄστρακα) καὶ μὴ ἐλάττω ἑξακισχιλίων, τοῦτον ἔδει... μεταστῆναι τῆς πόλεως ἔτη δέκα – «после подсчета черепков тот, кому выпадало наибольшее их число, причем не менее шести тысяч, должен был... удалиться из города на десять лет».

²⁷ Keaney J. J., Raubitschek A. E. Op. cit. P. 91. Если это действительно так, то у Плутарха, отделенного от описываемых событий временной дистанцией в полтысячелетия и к тому же не указывающего здесь свой источник, оказываются весьма мощные «противники»: Феофраст, специально занимавшийся остракизмом (Raubitschek A. E. Theophrastos on Ostracism // Classica et mediaevalia. 1958. Vol. 19. P. 73–109; Keaney J. J. Op. cit.), и Филохор, который по долгу аттидографа должен был в высшей степени скрупулезно изучить афинскую историю.

²⁸ Ср.: Гинзбург С. И. Малоизвестный византийский источник... С. 47.

Сходились в Афины в эти дни даже полуграмотные крестьяне из дальних деревень; об этом свидетельствуют и Плутарх (Aristid. 7), и тексты на самих остраках, написанные зачастую совершенно неумелой рукой, зачастую, возможно, профессиональными писцами, присутствовавшими на Агоре специально для такого рода надобностей²⁹. В подобных условиях, несомненно, количество присутствующих должно было намного превосходить 6000³⁰.

Впрочем, неясно, существовало ли вообще в Афинах начала V в. до н. э. представление о кворуме для народного собрания (в нашем понимании). Согласно убедительным соображениям О. Меррея³¹, главной целью политики в полисном мире было единство, а не компромисс; политическая жизнь была основана не на балансе противоборствующих интересов и сил, а на формировании единой, целостной воли к действию. В этих условиях ключевым понятием должен был стать не кворум, а именно степень единства, единомыслия (ὁμόνοια), что, видимо, и выражалось в требовании минимума в 6000 голосов, направленных против одного лица.

Как отмечалось выше, внутриполитическая борьба рассматриваемого периода – один из наиболее неясных и дискуссионных моментов всей афинской истории³². Информации, содержащейся в источниках, недостаточно много, чтобы нарисовать однозначную картину, но в то же время недостаточно мало, чтобы просто отказаться от любых реконструкций. К случайным и разрозненным сообщениям Геродота, Фукидида, спорным и не всегда аутентичным сведениям Диодора, Плутарха, Корнелия Непота и других поздних авторов в конце прошлого века прибавился, пожалуй, наиболее ценный источник – «Афинская полития» Аристотеля (или какого-то автора из его круга³³). Именно на этом

²⁹ О методах работы таких писцов см.: Суриков И. Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Т. 6. С. 30–33.

³⁰ Общее число взрослых граждан мужского пола, имевших право участвовать в остракофориях, составляло в Афинах V в. до н. э. никак не менее 30–40 тысяч, а возможно, доходило и до 60 тысяч. См.: Hansen M. H. *Three Studies in Athenian Demography*. Copenhagen, 1988. P. 10, 25–27; Медовичев А. Е. Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер. 5. История. 1998. № 4. С. 26.

³¹ Murray O. *Cities of Reason* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 21.

³² Важнейшую зарубежную литературу по этому вопросу см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 33. Прим. 51. В отечественной историографии вопрос освещен в значительно меньшей степени. См.: Строецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 35–44; Ставнюк В. В. Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н. э. // *Античность и раннее средневековье*. Нижний Новгород, 1991. С. 26–37.

³³ Об авторстве «Афинской политии» см.: Rhodes P. J. *Op. cit.* P. 58–63. Широкому кругу источниковедческих проблем, связанных с трактатом, посвящен сборник: Aristote

трактате в течение долгого времени основывалась реконструкция афинской внутренней политики рассматриваемого периода.

Однако со временем отношение к памятнику стало – и не без основания – значительно более критичным. Естественно, Аристотель, не будучи непосредственным свидетелем описываемых им событий, вынужден был черпать информацию из предшествующей традиции. Несомненна его значительная зависимость от риторической историографии IV в. до н. э. (прежде всего от аттидографов), сложившейся под влиянием политической публицистики конца V – первой половины IV в.³⁴ При этом автор «Афинской политики» дает порой упрощенную и одностороннюю картину событий. Он в определенной степени модернизирует ситуацию, судит о более ранней эпохе с помощью категориального аппарата своего времени (во многом чуждого реалиям ранней классики), сквозь призму дихотомии «демократы – олигархи»³⁵. Есть все основания полагать, что реальная картина политической борьбы была намного сложнее, чем «двухпартийная схема», предлагаемая Стагиритом: политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной³⁶.

Уже давно не нуждается в доказательствах то положение, что политические группировки этого периода не были «партиями» в современном смысле слова³⁷. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав, фиксированное членство, аппарат и т. п.), сколько в том, что они опирались не на какие-либо принципиальные идейные убеждения, а на личную, семейную, локальную основу, на связи и соперничество отдельных

et Athènes. Études rassemblées par M. Piérart. P., 1993. См. нашу рецензию на этот сборник (ВДИ. 1995. № 4. С. 209–212).

³⁴ Лучшие работы о складывании аттидографической традиции: *Jacoby F.* *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens.* Oxf., 1949; *Pearson L.* *The Local Historians of Attica.* Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

³⁵ Ср.: *Day J., Chambers M.* *Aristotle's History of Athenian Democracy.* Berkeley, 1962; *Schreiner J. H.* *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography.* Oslo, 1968.

³⁶ Кстати, тот же полицентризм, «сегментация политической жизни» обнаруживается даже в Афинах эпохи самого Аристотеля (*Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134).

³⁷ Следует отметить, что применительно к Афинам политические группировки анализировались в литературе преимущественно на материале IV в. до н. э., например: *Strauss B. S.* *Athens after the Peloponnesian War.* Croom Helm, 1986. P. 11–41; *Hansen M. H.* *The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes.* Oxf., 1987. P. 72–86; *Ober J.* *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory.* Princeton, 1999. P. 18–31; *Маринович Л. П.* Указ. соч. Однако всё, что будет сказано, не в меньшей, если не в большей мере относится к группировкам V в. К характеристике последних см. также: *Суриков И. Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н. э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 89–99.

аристократических групп и их окружения³⁸. Однако нельзя отрицать, что все же имело место различие позиций этих группировок, иначе становилось бы бессмысленным само их существование. Но в таком случае это различие должно было лежать в сфере не внутренней, а внешней политики³⁹.

Действительно, отдельные знатные семьи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного (в том числе, возможно, и экономического) характера именно во внешнеполитическом плане. Один аристократический род имел тесные связи со Спартой, другой – с Ионией, третий – скажем, с Аргосом или Фивами. Это и определяло позицию группировки, сложившейся вокруг данного рода. Ключевым вопросом борьбы было отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией.

Какова могла быть в рассматриваемый период суть разногласий по вопросам этой ориентации? Двумя наиболее важными проблемами в данной сфере являлись, безусловно, отношения с Персией и со Спартой. Персия была сильнейшим и опаснейшим восточным соседом, Спарта – главным конкурентом и партнером Афин в самой Элладе. Позиции, занятые той или иной группировкой относительно этих двух центров, и лежали в основе внешнеполитических расхождений.

При внимательном рассмотрении можно обнаружить в Афинах начала V в. (выберем условной точкой отсчета 490 г. до н. э., год Марафонского сражения) по меньшей мере четыре политических группировки. Относительно слабая группировка «друзей тиранов» (φίλοι τῶν τυράννων) возглавлялась после изгнания Гиппия его родственником Гиппархом, сыном Харма (Arist. Ath. pol. 22. 4)⁴⁰. Группировка, вне сомнения, придерживалась выраженной проперсидской ориентации, поскольку бежавший из Афин Гиппий находился в Персии (Thuc. VI. 59. 4). Должны были «друзья тиранов» в какой-то степени симпатизировать и Спарте, так как незадолго до того, около 506–504 гг. до н. э., спартанский царь Клеомен I предпринял попытку восстановить тиранию Гиппия в Афинах (Herod. V. 91–94)⁴¹.

³⁸ Нередко исследователи применяют к этому окружению римский термин «клиентела»: Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 17–18.

³⁹ Ср.: McGregor M. F. The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge, MA, 1940. P. 71–95; Thomsen R. Op. cit. P. 123; Littman R. J. Op. cit. P. 155 ff.

⁴⁰ Высказывалось предположение, что в Афинах в начале V в. находился Писистрат Младший, сын тирана Гиппия (Meritt B. D. Op. cit.; Arnush M. F. Op. cit.), но оно представляется совершенно фантастическим.

⁴¹ Cawkwell G. L. Sparta and her Allies in the Sixth Century // Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. No. 2. P. 364 ff.

Группировка, возглавлявшаяся родом Алкмеонидов, привлекала наибольшее внимание исследователей⁴², поскольку была в это время, судя по всему, наиболее влиятельной. Лидером группировки в начале V в., после Клисфена, был либо племянник реформатора Мегакл, сын Гиппократ, либо, что более вероятно, Ксантипп, тесно породнившийся с Алкмеонидами⁴³. Алкмеониды еще с начала VI в. до н. э. поддерживали контакты с Востоком, с лидийским царством Мермнадов⁴⁴. После превращения Лидии в персидскую сатрапию они были, безусловно, заинтересованы в сохранении этих налаженных и выгодных связей. Именно этой цели, в числе прочих, должно было послужить афинское посольство 506 г. ко двору персидского сатрапа в Сардах (Herod. V. 73)⁴⁵. Клисфен, глава рода, простат демоса и наиболее влиятельное лицо в тогдашних Афинах, никак не мог быть непричастен к этому посольству. Можно с уверенностью утверждать, что именно он явился его инициатором⁴⁶. Впрочем, на том этапе, еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного.

И впоследствии Алкмеониды стремились до последней возможности избежать полного разрыва отношений с Персией и начала прямых военных действий. Их отношение к этому государству в начале V в. диктовалось рядом факторов. Помимо нежелания окончательного прекращения восточных контактов, Алкмеониды должны были рассматривать державу Ахеменидов как своего рода противовес Спарте, стремившейся вернуть Афины в сферу своего влияния. Но в то же время их вряд ли устраивала ориентация персов на реставрацию тирании Гиппия (Herod. V. 96). Таким образом, позиция Алкмеонидов была умеренно персофильской, причем с возрастающим отталкиванием от Персии.

В достаточной мере дружественные отношения Алкмеонидов со Спартой существовали на рубеже 520–510-х гг., хотя и в опосредованной форме, через Дельфы. Именно они повели к изгнанию из Афин Гиппия и возвращению Алкмеонидов (Herod. V. 63–65). Но эти контакты были весьма кратковременными: уже в 507 г. поход Клеомена I на Афины (Herod. V. 72) засвидетельствовал

⁴² *Cloch  P.* La politique des Alc  monides de 507   482 av. J.-C. // *Revue des  tudes anciennes*. 1928. Vol. 30. No. 4. P. 269–279; *Gillis D.* Marathon and the Alcmaeonids // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1969. Vol. 10. No. 2. P. 133–145; *Williams G. M. E.* The Image of the Alcmeonidai between 490 B.C. and 487/6 B.C. // *Historia*. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 106–110; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids. Stuttgart, 1993. P. 27–42.

⁴³ *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды // *ВДИ*. 1997. № 4. С. 18–19.

⁴⁴ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии поздnearхаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 66–70.

⁴⁵ См.: *Berve H.* F rstliche Herren zur Zeit der Persenkriege // *Die Antike*. 1936. Bd. 12. S. 20.

⁴⁶ *Thomsen R.* Op. cit. P. 109 ff.

полный разрыв⁴⁷. На протяжении всего V в. до н. э. Алкмеониды занимают однозначно анτισпартанскую позицию, более традиционную для них.

Сильная политическая группировка создалась вокруг рода Филаидов, главой которого в этот период был Мильтиад Младший. Этот политик, безусловно, придерживался выраженной антиперсидской ориентации, поскольку имел к персам личные счеты: во время карательных экспедиций персидского флота в Эгейде в 493 г. он был вынужден бежать с Херсонеса Фракийского в Афины⁴⁸. К Спарте же Мильтиад, насколько можно судить, питал симпатии. Его сын Кимон впоследствии снискал репутацию едва ли не самого знаменитого афинского лаконофила (Plut. Cim. 16). Такая позиция Кимона не могла, разумеется, возникнуть спонтанно; она должна была быть унаследована им от отца.

Остается охарактеризовать группировку Фемистокла, в начале рассматриваемого периода незначительную, но крайне быстро набравшую силы. В историографии ее было принято обозначать как радикально-демократическую⁴⁹. Для определения ее реальной внешнеполитической ориентации этот вопрос не имеет существенного значения, поскольку само понятие «радикально-демократический» для начала V в. не наполняется определенным содержанием. Задача заключается скорее в том, чтобы, абстрагировавшись от общих дефиниций, по возможности конкретно очертить место данной группировки в заданной выше системе координат.

Антиперсидская направленность деятельности Фемистокла с полной ясностью прослеживается на протяжении двух первых десятилетий V в. до н. э. Но и ориентации на Спарту в его мероприятиях мы не находим, а на основании косвенных данных можно предположить прямое отсутствие таковой. Морская программа Фемистокла⁵⁰ — нечто совершенно не спартанское, в корне противоречащее установкам Лакедемона на приоритет сухопутной мощи, не говоря уже о том, что для чуть более позднего времени враждебность Фемистокла к Спарте зафиксирована вполне определенно (Plut. Them. 20).

⁴⁷ О походе Клеомена см.: *Picard Ch.* Le «presage» de Cléoménès (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // *Revue des études grecques*. 1930. Vol. 43. P. 262–278; *Lenschau Th.* König Kleomenes I. von Sparta // *Klio*. 1938. Bd. 31. S. 412–429; *Trittle L. A.* Kleomenes at Eleusis // *Historia*. 1988. Vol. 37. No. 4. S. 457–460.

⁴⁸ Herod. VI. 41; Marcellin. Vita Thuc. 18–19.

⁴⁹ *Строгецкий В. М.* Полис... С. 36.

⁵⁰ О ней см.: *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957. Из работ о Фемистокле см. также: *Frost F. J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // *California Studies in Classical Antiquity*. 1968. Vol. 1. P. 73–104; *Podlecki A. J.* The Life of Themistocles. Montreal, 1975; *Lenardon R. J.* The Saga of Themistocles. L., 1978; *Piccirilli L.* Themistocle, Aristide, Cimone, Tuciddide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

Таким образом, позицию Фемистокла во внешнеполитических вопросах можно обозначить как «опору на собственные силы». Следует сразу оговорить, что это отнюдь не какая-то принципиальная идеологическая установка. Причины подобной ориентации – проще и прозаичнее. Еще А. Гомм заметил, что Фемистокл – единственный афинский политик вплоть до эпохи Пелопоннесской войны, происходивший не из городского, а из сельского дема (Фреарры)⁵¹. Очевидно, этим и объясняется его положение как *homo novus* в кругу афинской знати, а не его часто постулируемым «неполноценным» происхождением. Отец Фемистокла был аристократом, видимо, из боковой ветви рода Ликомидов⁵², а статус матери до 451 г. до н. э., до закона Перикла о гражданстве, не принимался во внимание, чего не учитывает Плутарх⁵³. Итак, Фемистокл – представитель сельской, неафинской аристократии, которая, в отличие от блестящей городской знати, не имела связей за пределами Аттики. У этого политика не было каких-то традиционных интересов или пристрастий во внешнеполитической сфере, отсюда – его «изоляционистская» позиция.

Ни одна из перечисленных четырех группировок не могла претендовать на безусловное лидерство. Для борьбы за власть приходилось создавать коалиции. Есть основания полагать, что вся политическая борьба рассматриваемого периода есть цепь таких коалиций, порой, на наш современный взгляд, достаточно «беспринципных». Предлагаемая далее реконструкция, безусловно, в значительной мере гипотетична. Но, возможно, она поможет объяснить ряд событий этого времени, в том числе связанных с применением закона об остракизме.

После 507 г. до н. э. Алкмеониды, всецело завладевшие симпатиями демоса, были сильнейшей группировкой⁵⁴. Судя по всему, поначалу к ним примыкал и Фемистокл. Характерно, что в его родном деме, Фреаррах, находились родовые поместья Алкмеонидов⁵⁵. Жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека (Plut. Them. 32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов. Позже Фемистокл, воспользовавшись, вероятно, непопулярностью проперсидской позиции Алкмеонидов, отколол от них значительную часть их сторонников,

⁵¹ Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.

⁵² Plut. Them. 1. Cp.: Harvey F. D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 2. S. 110–111.

⁵³ Кстати, П. Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмендаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракийкой и не карианкой, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском (Bicknell P. J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31. Ht. 2. P. 161–173).

⁵⁴ Thomsen R. Op. cit. P. 129.

⁵⁵ Eliot C. W. Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16. Ht. 3. S. 279–286; Bicknell P. J. Studies... P. 1–53, 74; Littman R. J. Op. cit. P. 81–106.

образовав собственную группировку⁵⁶. Первым значительным успехом этой группировки стало избрание ее лидера архонтом-эпонимом на 493/492 г.⁵⁷

Алкмеониды, видимо, еще несколько раньше были вынуждены вступить в союз с «друзьями тиранов», воспользовавшись общим тяготением к Персии. Результатами союза стали избрание Гиппарха, сына Харма, архонтом-эпонимом на 496/495 г. (Dion. Hal. Ant. Rom V. 77. 6; VI. 1. 1), отзыв военной помощи восставшим ионийцам (Herod. V. 103), наказание трагического поэта Фриниха за поставленную им в год архонтства Фемистокла (и, очевидно, не без его содействия⁵⁸) антиперсидскую трагедию «Взятие Милета» (Herod. VI. 21).

В том же 493 г. в Афины прибывает такая мощная политическая фигура, как бывший тиран Херсонеса Фракийского Мильтиад Младший, вокруг которого не могла не сформироваться группировка антиперсидской направленности. Весьма значительное состояние Мильтиада, его авторитет, богатый опыт – все это естественно выдвигало его в лидеры борьбы с «персидской угрозой». Это предвидели Алкмеониды; наиболее вероятно, что именно они сразу по прибытии Мильтиада возбудили против него судебный процесс (Herod. VI. 104), впрочем, без всякого успеха. Фемистокл в новой ситуации был вынужден на время отойти в тень и стать союзником Мильтиада.

В 489 г. до н. э., воспользовавшись охлаждением демоса к чрезмерно «возгордившемуся» Мильтиаду, Алкмеониды добились временного успеха и избавились от опасного соперника: Мильтиад был осужден по обвинению Ксантиппа⁵⁹. Фемистокл, судя по всему, не препятствовал процессу, ибо не мог не видеть в Мильтиаде заслоняющего его конкурента; к тому же ему не должны были импонировать проспартанская позиция последнего и его опора на сухопутное войско.

Приверженцы Мильтиада, лишившись лидера, автоматически оказывались в лагере Фемистокла как наиболее близкого по ориентации. Тогда же присутствие Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod. VI. 107–109) совершенно скомпрометировало группировку «друзей тиранов». Таким образом, в начале 480-х гг. до н. э. в Афинах оказались две крупные, противостоящие

⁵⁶ Примерно так же несколькими десятилетиями раньше поступил Писистрат: Herod. I. 59; ср.: *Кийв М.* Три «партии» в Аттике в VI в. до н. э. в контексте социально-политической истории архаических Афин // *Античный полис.* СПб., 1995. С. 64–66; *Lavelle B. M.* Op. cit. P. 90–91.

⁵⁷ Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Ant. Rom. VI. 34. 1.

⁵⁸ О связях Фемистокла и Фриниха см.: *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 97.

⁵⁹ Herod. VI. 136. О суде над Мильтиадом см.: *Carawan E. M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1987. Vol. 28. No. 2. P. 192–196; *Суриков И. Е.* Перикл... С. 19.

друг другу группировки: Алкмеониды и сторонники Фемистокла. На какое-то время политическая борьба действительно приобрела биполярный характер.

Теперь-то и была впервые подготовлена почва для успешного применения закона об остракизме. Теперь была надежда на то, что кто-либо из «кандидатов» на изгнание наберет необходимое число голосов – 6000. Если ранее остракофории и проводились (пока мы не имеем данных для однозначного решения этого вопроса⁶⁰), то они в принципе не могли увенчаться успехом ввиду разброса голосов граждан как минимум по четырем группировкам. Так, в современных демократиях при отсутствии устоявшейся двухпартийной системы практически невозможна победа одного из кандидатов в первом туре. После вышеописанных событий вопрос в Афинах фактически стоял в следующей форме: либо Фемистокл, либо кто-то из Алкмеонидов или их сторонников.

Поэтому 480-е гг., время наиболее острого дуального противостояния, и ознаменовались крупнейшей в афинской истории серией остракизмов, в ходе которых Алкмеониды потерпели сокрушительное поражение. Если изгнание Гиппарха, сына Харма, в 487 г. до н. э. было во многом предрешено неким *consensus omnium* (даже Алкмеониды, видимо, пытались отстраниться от столь скомпрометированного союзника), то дальнейшие остракофории продемонстрировали незаурядные тактические способности Фемистокла. Он и вышел из борьбы безусловным победителем⁶¹.

Становится понятным, почему столь велика доля Алкмеонидов среди изгнанных и подвергавшихся опасности изгнания в эти годы. Помимо бесспорно изгнанных Мегакла и Ксантиппа, возможно, подверглись остракизму, как отмечалось выше, Каллий и Калликсен; высказывалось предположение, что к тому же периоду относится гипотетический первый остракизм близкого к Алкмеонидам Алкивиада Старшего⁶². Подвергался угрозе остракизма еще

⁶⁰ Однозначно отрицательный ответ на него Р. Томсена основывается на том факте, что среди тысяч найденных острака нет ни одного, хотя бы с малой долей уверенности относимого к периоду до 487 г. (*Thomsen R. Op. cit.* P. 61–108, с подробным анализом острака). С самим этим наблюдением мы в целом согласны, но не стали бы делать далеко идущих выводов *ex silentio*. Учтем, что на сегодняшний день найдена лишь малая доля существовавших острака, а эти черепки практически неуничтожимы, да, следует думать, никто их и не уничтожал. Иными словами, археологи просто обречены на новые крупные находки острака. А какие сюрпризы преподнесет каждая из подобных находок – об этом можно только гадать.

⁶¹ См.: *Суриков И. Е.* Афинский ареопаг... С. 34–35.

⁶² Лисий (XIV. 39) утверждает, что Мегакла (сына Гиппократы) и Алкивиада Старшего изгоняли остракизмом по два раза (*δὶς ἀμφότερους ἐξωστράκισαν*). До недавнего времени к этому сообщению относились с недоверием; признавали единственный остракизм Алкивиада, который датировали 485 г. (*Carcopino J. L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 111–112; Calderini A. L'ostracismo. Como, 1945. P. 46–48*). Позже на основании начертаний букв на острака с именем Алкивиада датировку его остракизма сместили к 460 г.

целый ряд Алкмеонидов (в письменных источниках они не упоминаются, но стали известны из надписей на острака): Гиппократ, сын Алкмеонида; Гиппократ, сын Анаксиля; Ксантипп, сын Гиппократа; Алкмеон, сын Аристонида; Менон, сын Мегакла; Мегакл, сын Каллисфена; Мегакл из Анагирунта; Мегакл из Анафлиста; Мегакл из Ахарн; Арифрон, сын Ксантиппа⁶³, и др.⁶⁴

Переломный 480 г. принес досрочное возвращение всех изгнанников ввиду персидской опасности⁶⁵. Приблизительно к тому же году относится, пожалуй, самый удачный из политических союзов, заключенных Алкмеонидами. Им удалось породниться со своими старыми соперниками Филаидами; подтверждением союза стал брак Кимона и Исодики из рода Алкмеонидов. К альянсу был подключен и еще один влиятельный афинский род – Керики: его представитель Каллий, сын Гиппоника (будущий знаменитый дипломат), женился на сестре Кимона Эльпинике⁶⁶.

Новая коалиция, направленная, несомненно, против Фемистокла, сразу приступила к действиям. Уже в 479/478 г. архонтом-эпонимом стал Ксантипп, сын Гиппократа (Marm. Par. A52; Diod. XI. 27. 1), а другой Ксантипп – отец Перикла – в качестве стратега (Diod. XI. 27. 3) одержал победу при Микале. Интересно рассмотреть состав афинского посольства в Спарту перед Платейской битвой (Plut. Aristid. 10). В его состав вошли Филаид Кимон и глава группировки Алкмеонидов Ксантипп. Третий член посольства Миронид вполне мог быть

(Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 1. P. 1–8). В настоящее время, однако, некоторые исследователи начинают больше доверять Лисию и, соответственно, постулировать два остракизма Алкивиада, первый из которых падает на начало 470-х гг. (Bicknell P. J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique*. 1975. Vol. 44. No. 1. P. 172–175). Что же касается вышеупомянутого Мегакла, то и его второй остракизм, если он действительно имел место, должен относиться к тому же времени (Rhodes P. J. Op. cit. P. 274; Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale...).

⁶³ Высказывалось мнение (Lewis D. M. Megakles and Eretria // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1993. Bd. 96. S. 51–52), что это сын Ксантиппа, старший брат Перикла. На наш взгляд, данного Арифрона резоннее отождествить с отцом Ксантиппа, дедом Перикла. См.: Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73 сл.

⁶⁴ Имена всех этих персонажей убедительно говорят об их происхождении из рода Алкмеонидов или, по меньшей мере, об их родстве с ним (Bicknell P. J. Studies... P. 64–76).

⁶⁵ Figueira T. J. Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1987. Vol. 28. No. 3. P. 281–305.

⁶⁶ Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 305; Bicknell P. J. Studies... P. 89–95; Littman R. J. Op. cit. P. 190. Об Эльпинике см.: Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // *Античный мир и его судьбы в последующие века*. М., 1996. С. 46–47.

выходцем из рода Кериков⁶⁷, о чем говорит его патронимик – сын Каллия (Diod. XI. 81. 4; имя Каллий в Афинах чаще всего встречается именно у Кериков). Характерно, что Фемистокл в это крайне важное посольство не вошел. Инициатором посольства был Аристид. Нет достаточных оснований утверждать, как иногда делается⁶⁸, что этот политик примыкал к Алкмеонидам, но тот факт, что он был убежденным противником Фемистокла, не подлежит никакому сомнению. Очевидно, Аристид также был привлечен к вновь созданному альянсу. Этому способствовало и его родство с Кериками (Plut. Aristid. 25)⁶⁹.

В дальнейшем, уже в конце 470-х гг. до н. э., борьба объединившихся аристократов против ослабленной группировки Фемистокла привела к его остракизму, а затем – к обвинению в измене и заочному осуждению⁷⁰. Но этот сюжет уже выходит за рамки данной работы.

Впрочем, в целом альянс давних соперников, созданный для конкретной цели, не мог оказаться достаточно долговечным. Выиграл от него в первую очередь Кимон; этот молодой, но уже широко известный благодаря славе отца политик и военачальник в скором времени стал наиболее влиятельной фигурой в Афинах. Алкмеониды же после 480–470-х гг. фактически сошли с политической сцены: их репутация была все же значительно подорвана серией остракизмов и дискредитирующей пропагандой. В ходе борьбы группировок противники предъявляли представителям этого рода самые различные обвинения: в родовом проклятии полуторавековой давности⁷¹, в помощи изгнанным тиранам и особенно часто – в персидской измене. Собственно, слово «мидизм» (μηδισμός) имело широкое значение и могло обозначать не только измену как таковую, сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни. Обвинение в мидизме было одним из наиболее популярных пропагандистских ходов в политической борьбе начала V в. до н. э.

⁶⁷ Ср.: *Строгецкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 48. Ср.: *Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. P. 77–109, где высказывается мысль, что Миронид состоял в родстве с Кериками и Ликомидами (с последним мы не можем согласиться).

⁶⁸ *Bicknell P. J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia*. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146–163.

⁶⁹ Как считается, его отец Лисимах взял в жены одну из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, знаменитого врага Писистрата (*Shapiro H. A.* Op. cit.).

⁷⁰ *Строгецкий В. М.* Полис... С. 42–43; *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 190; *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 3 Aufl. München, 1974. S. 148; *Podleck A. J.* Op. cit. P. 131.

⁷¹ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* По поводу новой публикации острака. С. 143–144.

(да и позже⁷²), применявшимся против разных политиков и по разным поводам⁷³. Однако именно Алкмеониды подвергались наиболее интенсивным нападкам, что, кстати, и побудило впоследствии Геродота (VI. 121–131) выступить с аргументированной апологией-отповедью.

Конкретным деянием, инкриминировавшимся роду, был якобы данный сигнал персам во время Марафонского сражения⁷⁴. Независимо от обоснованности этого обвинения⁷⁵ оно сыграло серьезную роль в изгнании остракизмом ряда представителей рода. Да и позже отпечаток подобных обвинений на Алкмеонидах, видимо, все же лежал, хотя последствий этого не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Известны по меньшей мере два афинских посла в Персию из рода Алкмеонидов, оба – в период Пелопоннесской войны⁷⁶. Трудно представить в роли послов лиц, подозреваемых в склонности к измене и не пользующихся доверием граждан. Но, с другой стороны, примерно в те же годы вышла «История» Геродота с ее апологетическим пассажем об Алкмеонидах, имевшим смысл только в том случае, если старые обвинения были еще злободневны⁷⁷.

В «закате» Алкмеонидов сыграло свою роль и то обстоятельство, что род в течение определенного времени не мог выдвинуть сильного лидера, достойного соперника Кимона. Когда же такой лидер появился в лице Перикла⁷⁸,

⁷² Полвека спустя Анаксагора судили не только за нечестие, но вменяли ему в вину еще и «мидизм» (Diog. Laert. II. 12). О суде над Анаксагором см.: *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 71 ff.; *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // *Aevum*. 1977. Vol. 51. Fasc. 1/2. P. 10–26; *Залюбовина Г. Т.* Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // *Традиционная культура народов Западной Европы*. Благовещенск, 1996. С. 23–42; *Никитюк Е. В.* Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н. э. // *Античный мир: Проблемы истории и культуры*. СПб., 1998. С. 122 сл.

⁷³ О мидизме см.: *Wolski J.* Μηδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // *Historia*. 1973. Bd. 22. Ht. 1. S. 3–15; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39–81.

⁷⁴ Herod. VI. 115; подробнее о событии см.: *Hudson H. G.* The Shield Signal at Marathon // *American Historical Review*. 1937. Vol. 42. No. 3. P. 443–459.

⁷⁵ Современные исследователи в основном не склонны считать его обоснованным: *Cloché P.* Op. cit. P. 279; *McGregor M. F.* Op. cit.; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 203; *Holladay J.* Medism at Athens, 508–480 B.C. // *Greece and Rome*. 1978. Vol. 25. No. 2. P. 174–191; *Williams G. M. E.* The Image of the Alkmeonidai... Значительно реже факт измены признается: *Gillis D.* Collaboration... P. 45–58.

⁷⁶ Мегакл (сын упоминавшегося выше Мегакла) около 430 г. (Aristoph. Ach. 613 sqq. cum schol.) и Евриптолем в начале 400-х гг. (Xen. Hell. I. 3. 12–13).

⁷⁷ Ср.: *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. 2. Oxf., 1912. P. 115 ff.

⁷⁸ О связях Перикла с Алкмеонидами см.: *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // *Perikles und seine Zeit*. Darmstadt, 1979. S. 144–161; *Суриков И. Е.* Перикл... Passim.

расклад политических сил был уже совершенно иным. Былые противоречия, характерные для начала V в. до н. э., остались в прошлом; не в последнюю очередь это было связано с тем, что полностью изменились внешнеполитические условия, расстановка сил на «международной» арене. Соответственно, претерпели перемены и позиции политических групп.

В данном исследовании была предпринята возможная на достигнутом к текущему моменту уровне освоения материала попытка реконструкции одного из сложнейших периодов политической истории Афин, попытка разрешения затруднений, которые возникают при исследовании свидетельств источников о введении и применении процедуры остракизма. Безусловно, многое в предложенных интерпретациях гипотетично, ряд вопросов еще ждет окончательного ответа. Но об одном, думается, можно уже судить с достаточной долей уверенности. Политическая жизнь рассматриваемой эпохи была значительно сложнее, неоднозначнее, нежели это обычно представляется. Она не укладывается в рамки зачастую прилагаемых к ней упрощенных и модернизирующих схем. Многие ее особенности обусловлены общими параметрами самого феномена полиса, ко все более всестороннему, многогранному пониманию которого движется наука об античности⁷⁹.

⁷⁹ О возрастающем значении исследований политической жизни в современных антиковедческих штудиях см.: *Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 52.*

МЕЖДУ ΙΣΟΙ И ΟΜΟΙΟΙ: ВАРИАНТЫ УНИФИКАЦИИ ГРАЖДАН В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ*

Главный девиз процесса унификации – *e pluribus unum*, – ставший известным всему культурному западному человечеству более 200 лет назад, как минимум с тех пор, как появилась однодолларовая банкнота, во всех отношениях переполненная символикой, коренится, естественно, в римских реалиях (неслучайно и в оригинале употреблена латынь). Но какой интересный контекст перед нами! Источник выражения – трактат Цицерона «Об обязанностях»¹, и невозможно не привести здесь соответствующую цитату из него: «То, в чем Пифагор усматривает сущность дружбы – чтобы из многих возник единый» (Cic. De off. I. 17. 56; подчеркиваем, в оригинале именно *единый*, в мужском роде: *ut unus fiat ex pluribus*).

Как бы то ни было, характерен уже тот факт, что великий римский оратор и философ, один из «отцов» западного строя мышления, ссылается на Пифагора – мыслителя, который хотя и прославился в Италии², но являлся все-таки эллином. Таким образом, органично перейдем к тем реалиям древнегреческого мира, которые имели отношение к унификации. И сразу же обнаруживаем, что сталкиваемся с крайне неожиданной ситуацией. Если лозунгом *рах Романа*³ (и, стало быть, всех обществ и цивилизаций, которые в той или иной мере ориентировались на эту уникальную общность) было то самое *e pluribus unum*, то для древнегреческого мира, пожалуй, более подходящей оказалась бы характеристика *unum ac plura*. Когда автор этих строк в своей книге

* Впервые опубликовано в: Феномен унификации в истории. М., 2019. С. 237–257.

¹ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М., 1988. С. 222.

² О влиянии Пифагора и пифагореизма на правовой менталитет римлян см., например: Кофанов Л. Л. Пифагореизм в римском авгуральном праве // ВДИ. 1999. № 2. С. 166–177; Кофанов Л. Л. Древнегреческое право и Законы XII Таблиц: проблема заимствований и влияния // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 38–50; Кофанов Л. Л. Понятия *lex* и *ius* в римском архаическом праве // Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 40–53.

³ Об этой категории см., в частности: Woolf G. Roman Peace // War and Society in the Roman World. L.; N.Y., 1993. P. 171–194; Mot E., Vershuys M. J. Material Culture and Imagined Communities in the Roman World // A Companion to the Archaeology of Religion in the Ancient World. Oxf., 2015. P. 451–461.

о менталитете античных эллинов озаглавил одну из ключевых глав «Единство в многообразии»⁴, он именно это и имел в виду.

Совершенно необходимым представляется указать на такой ключевой нюанс, имеющий прямое отношение к государственному праву, как соотношение граждан и неграждан в эллинских полисах и в державе Рима. В данной сфере при сопоставлении обнаруживается, в общем-то, именно то, что и должно было обнаружиться: римский иерархизм коррелирует с инклюзивностью в плане принятия новых граждан, а греческий эгалитаризм – с эксклюзивностью.

Ярким примером предстанет здесь Спарта, власти которой на протяжении нескольких веков принципиально противились принятию новых граждан. Допущено было чуть ли не единственное исключение (в начале V в. до н. э.): в состав спартанского гражданского коллектива были включены жрец-прорицатель Тисамен из Элиды (в котором спартанцы были чрезвычайно заинтересованы) и его брат Гегий (Herod. IX. 33).

Да и более демократичные афиняне в данном отношении не очень отличались от «тоталитарных» спартанцев. Возьмем хотя бы такую категорию жителей Аттики, как метэки (прибывшие на постоянное место жительства выходцы из иных полисов)⁵. Метэк мог жить в афинском полисе десятки лет, честно трудиться на благо государства, которое стало его «новой родиной», – и все-таки не становился гражданином; более того, его дети, родившиеся уже в Афинах, могли ровно с тем же успехом (или, скорее, без оного) десятки лет жить в полисе – и при всём том им гражданство отнюдь не «светило». Решения о принятии тех или иных метэков в состав гражданского коллектива все-таки время от времени принимались; но такое случалось редко, а главное – в чисто персональном порядке, как награда за личные заслуги, и ни одно из подобных решений ни в каком отношении не получило статус прецедента.

Здесь опять перед нами полный контраст с тем, что было принято у римлян, которые искони включали в состав своей *civitas* новых граждан, и в не малом количестве (собственно, именно так и рос Рим). Происходило в том числе и распространение гражданских прав на всё более обширные территории. Завершился этот процесс известным эдиктом Каракаллы, по которому почти все жители Римской империи получили права гражданства; но данный феноменальный акт находится все-таки за пределами хронологических рамок нашей работы, поэтому здесь уместнее будет сослаться на результаты Союзнической

⁴ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 39.

⁵ См. последние монографические исследования о метэках: Adak M. Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München, 2003; Mansouri S. Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011.

войны 80-х гг. до н. э., по итогам которой союзники-италийцы стали римскими гражданами.

У тех же Афин была своя Союзническая война (359–357 гг. до н. э.), но она завершилась совершенно иначе – фактическим распадом Второго Афинского морского союза. Тогдашним союзникам афинян даже и в голову не пришло бы выдвигать им такое требование, как симполития (уравнение в правах гражданства). Им легче было просто отделиться и оставаться гражданами своих независимых полисов.

Кстати, обратим внимание вот еще на что. Римский вольноотпущенник (либертин) становился гражданином, правда, еще не вполне полноправным, но уже его сын обретал все права *civis Romanus*. Афинский вольноотпущенник становился метэком, и не более того. Известны (единичные) случаи, когда такой бывший раб обретал в конечном счете и гражданский статус (самый характерный пример – богатейший трапезит Пасион⁶), но подобное опять-таки случалось в чисто персональном порядке, не создающем прецедента.

Соответственно, у афинян (равно как и у любых иных эллинов) совершенно не шел процесс расширения гражданских прав на жителей иных, новых территорий. Пожалуй, можно-таки назвать одно исключение. Имеем в виду афинскую практику выведения клерухий⁷, зародившуюся в конце VI в. до н. э. (то есть, в сущности, являющуюся ровесницей самой афинской демократии, тоже, судя по всему, введенную Клисфеном⁸) и существовавшую на протяжении V–IV вв. до н. э.

Клерухии выводились на территории союзников Афин по Архэ (а позже – по Второму морскому союзу), в основном в бассейне Эгейского моря, но случилось, что и дальше (Перикл в 430-х гг. до н. э. основал клерухию в далекой понтийской Синопе). Афинянин-клерух не переставал быть афинским гражданином, а просто получал надел на землях, отторгнутых у другого полиса. В сущности, неясно даже, был ли он обязан отправиться на новое место

⁶ До сих пор не утратил своего значения и с интересом читается очерк о Пасионе в старой книге: *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994. С. 67–75 (репринт издания 1913–1914 гг.).

⁷ О клерухиях см.: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. Не можем не отметить, что указанной работе присущи серьезные недостатки.

⁸ Клисфену, подлинному «отцу» афинской демократии (*Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley, 2007. P. 83 ff.), как-то не повезло ни в античной нарративной традиции (о нем очень мало известно), ни в современной историографии: ему, кажется, посвящено лишь одно монографическое исследование, да и то довольно давнее (*Lévêque P., Vidal-Naquet P.* *Clisthène l'Athénien*. P., 1964), в то время как число монографий о его предшественнике Солоне, наверное, приближается уже к четырем десяткам.

жительства. Похоже, что нет (в отличие от колониста в традиционном смысле), и некоторые клерухи продолжали себе спокойно жить в Аттике, а с выделенных им «заморских» клеров просто получали доходы, например, сдавая их в аренду и т. п.⁹

Можно сказать, все основные «контрасты» между эллинским и римским государственным правом коренятся в некой исходной «неконгруэнтности» двух систем, порожденной, как мы считаем, прежде всего разницей в менталитете. Как отмечалось и выше, эгалитаризму греков противостоит иерархизм римлян, а «эксклюзивности» греческих полисов – «инклюзивность» римского. Две названные черты для обоих сравниваемых социумов тесно, неразрывно связаны друг с другом. Данный момент, кстати, настоятельно подчеркивается в недавнем фундаментальном коллективном труде компаративного характера о греческой демократии и Римской республике¹⁰. В нем, во-первых, как раз активно противопоставляется эгалитаризм греков иерархизму римлян. Во-вторых, в той же степени противопоставляется греческая «эксклюзивность» при принятии новых граждан (как мы видели, спартанцы, наиболее типичные в данном отношении, случалось, веками не допускали в свой гражданский коллектив «чужаков») римской «инклюзивности».

Приведем несколько примеров из работ, вошедших в том, о котором идет речь. К. Морган и М. Йегер¹¹ делают исключительно важное наблюдение. Одной из основ «афинского мифа» являлось представление об автохтонности жителей Аттики; именно импликациями этого представления являются, с одной стороны, эгалитаризм (все афинские граждане – «дети Афины»¹² и уже тем самым равны между собой), с другой же, – так сказать, эксклюзивность (чужак, не являясь автохтоном, не может быть поэтому принят в общину на равноправных условиях). В резком контрасте с этим «римский миф» – миф пришельцев-беженцев (Эней) и даже людей чуть ли не безродных (Ромул с присными), в котором акцентировалось сочетание личного выбора, божественного вмешательства и, самое главное, привязанности к месту; отсюда и роль

⁹ См. в связи с этим вопросом: *Hampf F. Poleis ohne Territorium* // *Klio*. 1939. Bd. 32. S. 1–60; *Gschnitzer F. Abhängige Orte im griechischen Altertum*. München, 1958.

¹⁰ *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by D. Hammer. Malden; Oxf., 2015. Ср. отклик на это издание: *Махлаюк А. В., Суриков И. Е.* Эллада и Рим *sub specie comparationis* // *ВДИ*. 2016. Т. 76. № 2. С. 477–489.

¹¹ *Morgan K. A. Autochthony and Identity in Greek Myth* // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Malden; Oxf., 2015. P. 67–82; *Jaeger M. Agriculture and Identity in Roman Myth* // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Malden; Oxf., 2015. P. 83–98.

¹² *Loraux N. Les enfants d'Athéna. Idées athéniennes sur la citoyenneté et la division des sexes*. P., 1981. В этой монографии идея автохтонности рассмотрена наиболее полно.

сельскохозяйственных занятий и привычек, включая производство и потребление продуктов питания как выражение римских ценностей.

Редактор того же труда Д. Хэммер в заключении к нему приводит следующую чеканную (и совершенно верную) формулировку: «В отличие от Рима, где политическое неравенство отражало социальное неравенство, в Афинах социальное неравенство находилось в драматическом контрасте с политическим равенством»¹³. Таким образом, в очередной раз речь заходит о греческом эгалитаризме и римском иерархизме, о греческой «эксклюзивности» в плане абсорбции новых элементов и римской «инклюзивности» в том же плане, а, кроме того, автор заключения пытается под конец как бы «преподать урок» современным демократиям, указав на те негативные черты, которые присутствуют в них, но не были свойственны демократиям античным. Намерение, допускаем, благое, но, кажется нам, бесполезное, коль скоро полиса не возродить.

Нежелание греков абсорбировать «чужаков» было тесно связано с эгалитаризмом их политий, а иерархизм римлян, напротив, делал их несравненно более терпимыми в данном плане и, кстати, приводил тем самым к росту государства, в то время как эллинские полисы как бы «законсервировались» в своих размерах. Просим прощения за то, что несколько раз в разных формулировках акцентируем, в сущности, один и тот же тезис: он чрезвычайно принципиален.

Впрочем, пресловутый греческий эгалитаризм (ведь эгалитаризм, безусловно, тоже относится к формам унификации) следует проанализировать детальнее, с ним тоже всё не так просто, как представляется на первый взгляд. Известнейший современный классический археолог и историк античности И. Моррис считает эгалитаризм ключевым признаком феномена эллинского полиса (даже архаического)¹⁴. Дж. Альмейда в книге о политической поэзии Солона¹⁵ идет за Моррисом: в его представлениях для полиса также всего важнее эгалитаризм, предполагающий, в частности, справедливое, то есть равное, участие граждан в жизни общины.

В подобном ходе мысли, в принципе, есть немало верного. Ведь не случайно же, что первым на греческой почве певцом справедливости, «богини Дики»,

¹³ *Hammer D. Thinking Comparatively about Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic. Malden; Oxf., 2015. P. 506.*

¹⁴ *Morris I. The Early Polis as City and State // City and Country in the Ancient World. L.; N. Y., 1992. P. 41 ff.; Morris I. Equality and the Origins of Greek Democracy // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources. Oxf., 2004. P. 45 ff.; Morris I. The Eighth-Century Revolution // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 73 ff. Cp. также: Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Op. cit. P. 22 ff.; Farenga V. Liberty, Equality, and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic. Malden; Oxf., 2015. P. 101–112.*

¹⁵ *Almeida J. A. Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden, 2003.*

стал Гесиод – как раз в период формирования архаического полиса. У Солона тоже тема справедливости занимает немалое место. Впрочем, нужно еще разбираться, насколько пресловутая солоновская справедливость была эгалитарной. Знаменитый мудрец – посмотреть ли на его литературное творчество или на практическую деятельность – отнюдь не производит впечатления адепта всеобщего равенства¹⁶.

Ученые, чьи работы рассматривались выше, смешивают понятия полиса и демократии. Для них полисом является только такое античное государство, в котором низшие слои населения уравнины с высшими и пользуются одинаковыми с ними гражданскими правами. А если налицо отсутствие подобного положения дел – то перед нами вроде бы уже и не полис.

Да, в демократических, эгалитарных полисах уравнивание граждан, о котором тут говорится, действительно было реальностью. Но полисы такого типа характерны для классического периода истории Эллады; ранее же, в эпоху архаики, решительно преобладали олигархические¹⁷. Разумеется, таковым следует считать и ранние Афины. А отказывать олигархическому полису в праве являться и называться полисом абсолютно неправомерно; это означало бы – отвергать всю античную традицию во главе с Аристотелем и выдвигать на ее место собственные, в известной мере произвольные выкладки. Если придерживаться подобных критериев, в Древней Греции (на родине полиса!) и полисов-то почти не останется, поскольку лишь очень немногие из них дошли до степени столь радикальной демократии, что предоставляли всю полноту прав, скажем, неимущим беднякам. Нежизнеспособность того или иного выдвинутого в науке положения можно продемонстрировать и так – доведением его до абсурда.

В связи с полисным эгалитаризмом, на котором столь настаивает школа И. Морриса, хотелось бы сказать еще несколько слов. Эгалитаризм отнюдь не тождествен демократии в смысле *всеобщего* равенства. Вполне возможен эгалитаризм как равенство *внутри релевантной группы*. Применительно

¹⁶ Точнее говоря, он был адептом «геометрического» равенства («каждому – по заслугам»), а не равенства «арифметического» («всем – одинаковые права»). Не можем здесь рассматривать этот вопрос подробнее. Во многом (хотя и не во всем) верны суждения, высказываемые в работах: *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 495 сл.; *Туманс Х.* Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2007. № 2. С. 19–39. Правда, Х. Туманс говорит об «элитарной» и «эгалитарной» моделях равенства, но такой способ выражения не слишком удачен, поскольку «эгалитарное равенство» – тавтология, а «элитарное равенство» – *contradictio in adiecto*. Лучше пользоваться терминологией, принятой уже в античности.

¹⁷ Попытка Э. Робинсона отыскать демократии в греческом мире эпохи архаики (*Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens.* Stuttgart, 1997) принесла, конечно, кое-какие результаты, но, честно говоря, не слишком впечатляющие. И в любом случае все эти архаические демократии относятся ко времени не ранее VI в. до н. э.

к архаическим полисам, олигархическим по форме правления и аристократическим по составу правящего слоя, приходится говорить о своего рода «элитарном эгалитаризме» (пусть этот невольный каламбур не покажется содержащим в себе внутреннее противоречие¹⁸).

Эгалитаризм такого типа возник в Элладе намного раньше, чем какие бы то ни было демократические идеи. Собственно, он появился с крушением примитивных протополисных монархий и заменой их на аристократические режимы (последние уже зиждились на коллегиальности управления и равенстве между членами правящей элиты). Иными словами, со складыванием архаического полиса. Сам термин *ισονομία*, несомненно, выковался еще в среде аристократов VI в. до н. э. Это с одной стороны. А с другой – даже и в классическую эпоху ни в одном, хоть самом демократическом греческом полисе не была достигнута полная степень эгалитаризма – до такой степени полная, чтобы распространить принципы равенства, скажем, на женщин, метэков, не говоря уж о рабах... Иными словами, полис, несмотря ни на что, всегда оставался в известной мере элитарной структурой. В олигархических роль элиты играл правящий слой, а в демократических – весь демос, коллектив граждан. Но он все-таки был элитой, если рассматривать отношение этой группы к остальному населению.

Таким образом, признание эгалитаризма как базового принципа полисного социума неизбежно, и тут И. Моррис прав. Но для полной точности необходима оговорка, уточнение: следовало бы говорить не просто об эгалитаризме, а именно об *элитарном эгалитаризме* (с варьирующейся степенью элитарности для различных конкретных случаев). Говоря вообще, ясно, что в архаическом полисе эта элитарность была *ceteris paribus* выражена более ярко, в классическом – менее.

Классический полис¹⁹ не обязательно был демократическим в собственном смысле слова, но в любом случае представлял собой более эгалитарную социально-политическую структуру по сравнению с архаическим, предполагал большую степень равенства граждан²⁰, в связи с чем гораздо более значимым,

¹⁸ Хотя слова «элитарный» и «эгалитарный» часто противопоставляют (например: Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. (проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 6; Ту-манс Х. К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 2006. № 3. С. 93), но тут, кажется нам, сказывается скорее именно желание воспользоваться удачным каламбуром, нежели стремление к терминологической точности. Эти два термина ни в каком отношении не являются антонимами.

¹⁹ Об этой категории (здесь имеется в виду не хронологическая, а стадийная типология) см.: Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2009. С. 5 сл.

²⁰ В связи с некоторыми эгалитарными тенденциями в солоновской деятельности см., в частности: Lape S. Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form // *Classical Journal*. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 135.

нежели прежде, оказывался и сам статус гражданина, в предшествующую эпоху как бы «растворявшийся» в широком спектре иерархически организованных статусов внутри гражданского коллектива.

И вот что еще интересно. Эгалитаризм – это, в сущности, представление, согласно которому все (в рамках данной референтной группы!) равны. Однако должностное лицо полиса – магистрат – оказывается не равным другим уже в силу своих полномочий; характерно уже то, что его пост у греков обозначался такими почетными терминами, как ἀρχή²¹, τιμή и т. п. И тут сограждан начинало «заедать», что называется, чувство неудовлетворенной справедливости (на простом человеческом языке иногда именуемое еще завистью)²².

Еще до того, как сформировалась система взглядов, очерченная Моррисом и его единомышленниками, появилась книга²³, на которую вначале даже не очень-то обратили внимание, но уж когда обратили – то не могли не признать, что это – лучший труд по архаическому эллинскому праву (он и поднесь не превзойден). Ее автор – профессор Техасского университета М. Гагарин. В дальнейшем он написал еще целый ряд трудов, посвященных юридической проблематике в античной Греции²⁴, и на сегодняшний день является, безусловно, крупнейшим из американских специалистов в данной области.

В монографии М. Гагарина «Раннее греческое право» с предельной ясностью было продемонстрировано²⁵, что многие законы в полисах эпохи

²¹ Термином ἀρχή «власть» (по метонимическому признаку) нередко обозначался и сам магистрат, носитель власти (особенно часто подобное словоупотребление во множественном числе). Да ведь и у нас сплошь и рядом говорят о «властях», имея в виду не абстрактные понятия, а конкретных лиц.

²² Собственно, одна из ключевых для «Политики» Аристотеля тем – об ἀρχοντες и ἀρχόμενοι, о двуединстве этих понятий, о связанной с этим двуединством необходимости ротации лиц, находящихся у власти, – в полной мере отражает этот круг понятий. Чуть ли не в еще большей мере отражает его сформировавшийся в демократических Афинах институт ефетов – обязательных отчетов магистратов перед гражданами. В ходе этих (часто крайне нелицеприятно выслушивавшихся) отчетов ἀρχοντες прямо-таки трепетали перед ἀρχόμενοι (ср. Plut. Alc. 7 – сцена с Алкивиадом и Периклом, которая, хотя это мало кем замечено, напрямую опровергает знаменитую сентенцию в Thuc. II. 65. 9: ἐγίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή – «по названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина», пер. Г. А. Стратановского). Кстати, совершенно превратно интерпретировано это место труда Фукидида у Г. А. Леманна, автора одной из последних по времени биографий Перикла: *Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie. München, 2008. S. 20.*

²³ *Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley, 1986.*

²⁴ Важнейшие из них: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002; Gagarin M. Writing Greek Law. Cambridge, 2008.*

²⁵ *Gagarin M. Early Greek Law... P. 90–91, 125–126.*

архаики были направлены на ограничение власти и полномочий магистратов. Собственно, именно таков уже самый ранний из дошедших до нас аутентичных древнегреческих законов (вторая половина VII в. до н. э.), содержащийся на эпиграфическом памятнике из критского города Дрерос²⁶: лицами, против которых он направлен, являются космы – высшие должностные лица. Имеются и другие примеры подобного же рода.

Или обратим внимание на институт народного собрания²⁷. В греческих полисах этот, ключевой для всей системы государственного управления, орган был, как правило, абсолютно эгалитарным. В нем действовало правило «один человек – один голос», то есть при голосовании все были равны между собой; а само голосование было прямым, чаще открытым (в достаточно редких случаях – тайным) и всегда, так сказать, одноступенчатым.

Черты различия между отдельными полисами тоже, естественно, наличествовали. В более демократических эллинских государствах (прежде всего в Афинах) допускались и даже поощрялись активные дебаты при обсуждении всех стоящих на повестке вопросов: любой желающий мог взять слово, выйти на трибуну и говорить про или contra предложенного проекта, стараясь убедить или разубедить сограждан. В более тоталитарной Спарте дебаты не были разрешены: гражданам, пришедшим в апеллу (название спартанского народного собрания), оглашался проект постановления, после чего они должны были просто голосовать.

Последняя черта несет в себе определенное сходство с римскими комициями, также не предусматривавшими дебатов. Но на этом, собственно, сходство и заканчивается. В римских народных собраниях наблюдался уж точно не эгалитаризм, а, напротив, иерархизм. Во-первых, комиции, как всем известно, были нескольких различных типов, слабо коррелировавших между собой: выделяют комиции – если идти, так сказать, в обратном порядке с точки зрения времени их появления – трибутные, центуриатные, куриатные (иногда в отдельную категорию относят даже и калатные). Причем они разнились именно по составу участников.

²⁶ Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 2 (No. 2).

²⁷ Об афинском народном собрании написано много. Но наибольший вклад в его изучение внес, безусловно, М. Хансен. См. его главные работы на эту тему: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983; Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989; Hansen M. H. The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2010. Vol. 50. P. 499–536.

Ничего даже отдаленно похожего в греческих полисах не наблюдается. Уж если в Спарте была апелла – то она всегда была апеллой, предполагающей присутствие всех спартиатов (другой вопрос, что, само собой, нигде и никогда в народное собрание не являлись *все без исключения* граждане: у кого-то имелись уважительные причины, кто-то был абсентеистом по природе...). Аналогичным образом обстояли дела и в Афинах. Там, правда, существовало такое понятие, как ἐκκλησία κυρία, то есть как бы главное заседание экклесии²⁸ в течение данной притании (афинский гражданский год делился на 10 пританий – отрезков несколько больше лунного месяца), на котором решались наиболее важные вопросы. Созывались порой и экстраординарные собрания²⁹. Но состав участников всегда был одинаков.

Во-вторых, если взять центуриатные комиции, роль которых была особенно велика, равенство граждан в них отсутствовало. Реформу Сервия Туллия, повлекшую введение цензовых классов, часто сравнивают с соответствующей реформой Солона. Однако же солоновские классы не оказывали какого-либо серьезного влияния на политическую жизнь уже в классическую эпоху истории Афин³⁰. А сервиевские классы на римскую историю – очень даже оказывали: ведь центуриатные комиции потому и были центуриатными, что созывались по центуриям, а политические центурии с заложенным в них неравенством – прямое порождение реформы предпоследнего римского царя. Наконец, в-третьих, напрямую связана с этими неравенством и иерархичностью двухступенчатая система выборов в центуриатных комициях. Заметим еще, что в последних голосовали путем подачи бюллетеней в урны: это практика для греков очень редкая, хотя и не то чтобы совсем неизвестная³¹.

В результате становления греческого полиса и полисной идеологии был поставлен во главу угла коллектив граждан – полноправных и равноправных «людей первого сорта», противопоставленных по принципу заведомого превосходства лицам всех остальных статусов. Эта своеобразная «эгалитарно-элитаристская» идеология в классических Афинах, где она достигла полного развития, породила, в частности, представление о том, что тело гражданина

²⁸ Об этом институте см.: Errington R. M. Ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135–160.

²⁹ Все эти вопросы детально освещены в работах М. Хансена, ссылки на которые были даны выше.

³⁰ Schmitz W. Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 573–597.

³¹ См. в данной связи интересную статью: Gauthier Ph. Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. Vol. 1. P. 73–99.

неприкосновенно, а вот гражданин, напротив, властен над телами других³². Отсюда – и та ситуация, которую мы встречаем в аттическом судебном процессе: пытка граждан безоговорочно запрещена, но той же самой пытке регулярно подвергают рабов и спорадически – даже свободных неграждан³³.

Принцип, согласно которому политическая функция не выделялась в обособленную сферу и не препоручалась специальному слою, – это вообще ядро идеи греческого полиса, особенно демократического. Идея эта предельно эгалитарна: все могут всё, нет такого государственного дела, которое было бы недоступно для понимания и компетенции *любого* гражданина. Соответственно, нет такой должности, которую не мог бы занимать каждый (ὁ βουλόμενος)³⁴. Отсюда – и поражающая наших современников распространенность жеребьевок при назначении магистратов. Отсюда же – и особенности их докимасии: прекрасно известно, что во время этой проверки должностным лицам, избранным, но еще не приступившим к исполнению обязанностей, задавали вопросы, связанные отнюдь не с их профессиональными качествами, а с их гражданским и личным достоинством (почитают ли родителей и т. п.).

Весьма метко наблюдение У. Рансимена³⁵, согласно которому на фоне Рима любой греческий полис, даже самый олигархический, выглядел чрезмерно демократичным и эгалитарным. Ни в одном из эллинских государств не была достигнута такая степень олигархии, как в республиканском Риме или, скажем, в средневековой Венеции; нигде не удалось добиться эффективной концентрации власти в руках узкого круга замкнутой, наследственной, самовоспроизводящейся элиты. Греческая полисная идеология была в значительной степени популистской, то есть антиэлитарной³⁶.

Рансимен даже считает, что это было едва ли не главным преимуществом Рима, причиной его гораздо большей жизнеспособности по сравнению с «обреченным на вымирание»³⁷ греческим полисом. Но вот здесь нам трудно с ним

³² Ср. интересные соображения в: Kurke L. *Inventing the Hetaira: Sex, Politics, and Discursive Conflict in Archaic Greece* // *Classical Antiquity*. 1997. Vol. 16. No. 1. P. 128 ff.

³³ См. к вопросу: Суриков И. Е. *Antiphontea VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта* // *Studia historica*. 2012. Т. 12. С. 33–60.

³⁴ Магистратуры некоторых казначеев даже в демократических Афинах были доступны только представителям высшего имущественного класса пентакосиомедимнов. Но эта практика имущественного ценза была связана не с мнением, что богачи более компетентны в финансовых делах, а с более прагматическими соображениями: у богача меньше соблазна, чем у бедняка, запускать руку в государственную казну.

³⁵ Runciman W. G. *Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end* // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 364 ff.

³⁶ Греки изобрели остракизм, а римляне – триумф; данный нюанс Рансимен подчеркивает как глубоко символический (Runciman W. G. *Op. cit.* P. 366).

³⁷ «Doomed to extinction» – так он и озаглавил свою статью.

согласиться. На наш взгляд, более важным было то, что каждый греческий полис слишком уж жестко отгораживался от внешнего мира; в частности, его граждане упорно не желали ни с кем делиться гражданскими правами, в то время как римляне в этом отношении были куда более гибкими³⁸.

* * *

Весь древнегреческий мир (включая его колониальные «ответвления», раскинувшиеся уже в архаическую эпоху, скажем, от Гибралтарского пролива до устья Дона) был, с одной стороны, практически изначально глубоко унифицирован – в том плане, что жители всех этих нескольких сотен полисов³⁹ следовали одним и тем же базовым нормам (которые, подчеркнем, им никто «сверху» не навязывал, они порождались спонтанно) буквально во всех отношениях – от читаемой литературы до покроя одежд у мужчин и женщин, от норм воспитания детей⁴⁰ до приемов постройки жилых домов, от культа богов до практикуемых видов спорта.

А в то же время в этом обширном греческом мире воистину не было двух «полисов-близнецов»! Каждый обязательно был хоть в чем-нибудь с «лица необщим выраженьем». Если даже не говорить о самых прославленных (как Афины, Спарта, Коринф, Милет, Сиракузы и т. п.), то, допустим, Кос гордился тем, что создал лучшую школу врачей в Греции, а Абдера – тем, что ее жителей считали самыми глупыми из эллинов, а, допустим, Панопей – своими крохотными размерами... И т. д., и т. п. Крайне немаловажно сочетание этих самых «единства и многообразия» в политических системах полисов, каждый из которых был, подчеркнем, независимым, полностью суверенным государством. С одной стороны, в них варьировались самые различные варианты умеренной и крайней олигархии, умеренной и крайней демократии, тирании и даже изредка легитимной царской власти⁴¹. С другой же стороны, в каждом

³⁸ Этот момент, правда, Рансимен тоже отмечает (*Runciman W. G. Op. cit. P. 348*). А недавно к нему вновь привлёк внимание один из крупнейших итальянских антиковедов: *Капогресси Колоньези Л.* Античный город как город-государство: интерпретация и некоторые проблемы // ВДИ. 2009. № 4. С. 27–41.

³⁹ Точнее, теперь выясняется, что их было даже чуть больше тысячи. См. полный список греческих полисов, известных из источников для архаического и классического периодов, в фундаментальном издании: *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / Ed. by М. Н. Hansen, Т. Н. Nielsen. Oxf., 2004.

⁴⁰ Тут, правда, исключением выступала Спарта, об особенностях воспитания в которой см. наиболее подробно: *Kennell N. M. The Gymnasium of Virtue: Education & Culture in Ancient Sparta.* Chapell Hill; L., 1995.

⁴¹ Последняя обнаруживается преимущественно в греческих полисах Кипра. Об этом институте см.: *Mehl A. Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian*

полисе (и это уже план унификации) существовал набор совершенно неизменных элементов: народное собрание, Совет как постоянно действующий орган, система магистратур и пр.⁴²

Продолжим тему унификации в мире античных эллинов, перейдя теперь на внутриполисный уровень. На оном унификация могла пониматься как в смысле политического равенства граждан, так и в плане их же реального (т. е. затрагивающего все жизненные отношения) равенства. Начнем со второго из указанных вариантов, который в наибольшей степени проявился в Спарте (Лакедемонe).

Спартиаты, полноправные граждане лакедемонского полиса, часто именовались (и даже особенно любили себя именовать) гомями (ὄμοιοι). Очень часто в русских переводах эту лексему передают как «равные», да не иначе обстоит и на Западе: там тоже нередко данный статус характеризуют как equals⁴³. Но всё это не относится к терминологически строго верным вариантам, ибо на самом деле «равные» – ἴσοι. А для ὄμοιος было бы оптимальным эквивалентом латинское *congruens*⁴⁴. Некоторое время назад талантливый екатеринбургский исследователь А. В. Зайков⁴⁵ предложил переводить ὄμοιοι как «одинаковые». Парадоксально, но, на наш взгляд, довольно удачно. Ведь, в сущности, спартанская внутренняя политика с какого-то момента (самое позднее – с середины VI в. до н. э.) ориентировалась на то, чтобы сделать всех граждан именно *одинаковыми*. Буквально во всех отношениях, во всех проявлениях своего жизненного быта: даже, допустим, формы причесок⁴⁶ не являлись предметом

and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21; *Евдокимов П. А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 76–118.

⁴² Davies J. K. *Democracy without Theory* // *Herodotus and his World*. Oxf., 2003. P. 325.

⁴³ Приведем несколько примеров из совсем нового коллективного труда: *Wees H. van*. *Luxury, Austerity, and Equality in Sparta* // *A Companion to Sparta*. Hoboken, 2018. P. 202–235; *Davies P.* *Equality and Distinction within the Spartiate Community* // *A Companion to Sparta*. Hoboken, 2018. P. 480–499.

⁴⁴ Ср. в нашей обобщающей (отчасти провокативной) работе по Спарте: *Суриков И. Е.* О некоторых проблемах спартанского политогенеза (архаическая и классическая эпохи) // *Scripta antiqua*. 2017. Т. 6. С. 75–114.

⁴⁵ *Зайков А. В.* Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // *Историческая наука на рубеже веков*. Екатеринбург, 2000. С. 315–321. Ср. его же анализ традиционного социума Спарты в монографии: *Зайков А. В.* *Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры*. Екатеринбург, 2013.

⁴⁶ Носить длинные волосы, усы обязательно брить, бороду же, напротив, отпускать.

осознанного выбора, а диктовались законами (именно *законами*, знаменитыми спартанскими ретрами, а не, скажем, обычаями и традициями). Равным образом питаться надлежало не у себя дома, а на совместных трапезах – сисситиях (что уже гарантировало единое «меню», в основном известную спартанскую «черную похлебку»). Здесь перед нами типичный образчик навязанной государством унификации граждан.

В Афинах же, если брать эпоху классической демократии, само слово ὁμοίος было не в особом-то почете (хотя, нужно сказать, интеллектуалы – критики демократического режима Спартой откровенно восхищались⁴⁷). Куда более популярны были термины с корнем ἰσ-, как, например, «исегория» – равенство в речи, «исополития» – равенство граждан, а особенно «исономия» – равенство перед законом. Этот последний вообще был ключевым⁴⁸ и даже в первой половине V в. до н. э. просто употреблялся как обозначение демократии (до момента, когда Эсхил и Геродот создали сам композит δημοκρατία).

Если ὁμοίοι унифицированы во всех отношениях (полагаем, спартиаты даже внешность имели в чем-то схожую), то ἱσοί – только в политическом, а в экономическом плане среди них вполне могли быть богатые и бедные, со всеми соответствующими импликациями. Соотношение между афинской и спартанской парадигмами чрезвычайно интересовало величайшего из античных историков Фукидида, он неоднократно обращался в своем труде к этой теме (речь коринфян в Спарте – Thuc. I. 68–71: «Надгробная речь Перикла» – Thuc. II. 35–46). Его сравнения просто-таки блистательны: что лучше – когда граждане равны во всем, от причесок до питания, или когда они просто равны перед законом?

Представляется уместным процитировать дословно несколько характерных мест из вышеупомянутых пассажей.

...Они⁴⁹ сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях. А вы всегда отстае от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. Они подвижны, вы – медлительны. Они странники, вы –

⁴⁷ Ollier F. Le mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque. Vol. 1–2. Lyon; P., 1933–1943; Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 1–2. Stockholm, 1965–1978; Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.

⁴⁸ Shear T. L. Ἰσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποιήσατην: The Agora and the Democracy // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 225–248.

⁴⁹ Везде в этом отрывке «они» – афиняне, «вы» – спартанцы.

домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть (Thuc. I. 70. 2–4).

В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники⁵⁰. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужеземцев⁵¹ из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жесткой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником... Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, – то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам⁵²... Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против⁵³ (Thuc. II. 39. 1 – 40. 2).

Разумеется, нельзя не оговорить, что афинская и спартанская модели были в известном смысле двумя противоположными крайностями, «полюсами возможного», а в остальных греческих полисах имел место широкий спектр разнообразных промежуточных вариантов. В заключение поставим весьма интересный вопрос о том, какой из двух вариантов унификации в Элладе оказался более эффективным. «Первую мировую войну в истории Запада» – Пелопоннесскую войну – Афины всё же проиграли, а выиграла Спарта. Однако, следует отметить, она недолго удержалась на высоте «панэллинского гегемона», ее довольно быстро разрушил тот самый «кризис унификации»⁵⁴: социум не захотел соблюдать всеобщее единство, навязанное сверху, и система Ὀμοιοί распалась, подточенная изнутри.

⁵⁰ А здесь (слова вложены Фукидидом в уста Перикла) «мы» – это афиняне, а «противники» – спартанцы.

⁵¹ Намек на спартанские ксенеласии.

⁵² Имеются в виду постоянные военные тренировки спартиатов.

⁵³ Вновь антитеза со Спартой, где важнейшие решения (в том числе по военной политике) принимались кулуарно высшими властями, а в народном собрании не допускались дебаты.

⁵⁴ См. к проблеме: *Мариневич Л. П., Кошеленко Г. А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21.

ДЕМОНОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИИ: НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ИСТОРИИ АФИН V В. ДО Н. Э.*

Аллитерационный каламбур, не скроем, сознательно введенный нами в заголовок, по понятным причинам не был бы столь же выигрышным, если бы термины давались на древнегреческом языке. Ведь всем известно, что в лексеме «демократия» первый корень – от др.-греч. δῆμος, а в лексеме «демонология» – от др.-греч. δαίμων. Как видим, в оригинале созвучие оказывается достаточно отдаленным.

Отметим также, что само древнегреческое существительное δαίμων (хотя именно от него произошло латинское *daemon* (и, соответственно, *demon*, демон в современных языках) вообще-то изначально не имело в себе ровно ничего «демонического». Для античных эллинов δαίμων, – в сущности говоря, попросту «божество»; это если не полный, то весьма близкий синоним слова θεός, «бог»¹.

Соответственно, семиотическая перспектива древнегреческой демонологии практически безгранична, поскольку, во-первых, античная языческая религия не относилась к религиям откровения; во-вторых, в ее рамках обожествлялись силы природы (как тут не вспомнить, например, пресловутых «демонов плодородия» – типа сатиров и силенов, – столь часто появлявшихся в трудах Дж. Фрэзера и ученых, находившихся под его влиянием); в-третьих, не существовало в этическом плане сколько-нибудь четкого разделения между благи́ми / злыми богами / демонами².

Но, разумеется, ограниченный объем исследования позволяет нам затронуть на эллинском (конкретно – афинском) материале лишь несколько сюжетов, причем они по большей части будут относиться к такому проблемному

* Впервые опубликовано в: In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. М., 2017. Вып. 6. С. 101–140.

¹ См. хотя бы: *François G. Le polythéisme et l'emploi au singulier des mots θεός, δαίμων dans la littérature grecque d'Homère a Platon.* P., 1957. Можно было бы, по большому счету, порассуждать о возможности индоевропейской этимологической близости между θεός и δαίμων (на то дают определенное право некоторые соображения в: *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.* М., 1995. С. 320); но это увело бы нас слишком далеко в сторону от основной нити изложения.

² Ср. известные высказывания О. М. Фрейденберг о «бескачественности» традиционных греческих божеств (например: *Фрейденберг О. М. Миф и театр.* М., 1988. С. 84, 92–94).

кругу, как «религия и политика, их взаимодействие». Вящая близость двух обозначенных сфер бытия в условиях античных полисов, их теснейшая переплетенность друг с другом, вплоть до тождественности в каких-то аспектах – всё это освещалось нами ранее³, так что здесь нет никакого смысла повторяться.

Итак, с учетом вышесказанного обратимся теперь к некоторым конкретным вопросам (которые будут поставлены, смеем надеяться, достаточно парадоксально как с точки зрения истории античности – а специалистом именно по ней является автор этих строк, – так, может быть, и с точки зрения культурологии).

1. *Чудовищные демоны у истоков радикальной демократии.* Одним из ключевых эпизодов в формировании демократического устройства классических Афин стала так называемая реформа Эфиальта (462/461 г. до н. э.). Суть данного преобразования в чисто политическом плане для нас в данном случае не столь важна (если говорить в двух словах – были сильно урезаны полномочия древнего консервативного органа, Совета Ареопага⁴). Гораздо интереснее проследить, как это событие практически сразу же отразилось в одном из замечательнейших памятников античной и мировой литературы, да заодно и разобраться – а при чем тут, собственно, демоны.

В 458 г. до н. э. на афинском театре была поставлена великим Эсхилом драматическая трилогия «Орестея» (кто теперь о ней не слышал, тем более что и поныне предпринимаются попытки ее новых и новых постановок, в самой разной режиссуре⁵), заключительной – и самой шумевшей – трагедией в которой являлись «Эвмениды». Литература об «Эвменидах» колоссальна⁶,

³ Особенно подробно – в: Суриков И. Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 23 сл.

⁴ Подробности см. в: Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V века до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

⁵ Hall E. Aeschylus, Race, Class, and War in the 1990s // Dionysus since 69: Greek Tragedy at the Dawn of the Third Millennium. Oxf., 2004. P. 169–197; Fischer-Lichte E. Resurrecting Ancient Greece in Nazi Germany – the *Oresteia* as Part of the Olympic Games in 1936 // Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin. Oxf., 2008. P. 481–498.

⁶ Укажем, чисто *exempli gratia*, несколько примеров, в основном взятых из относительно недавней историографии вопроса: Dover K. J. The Political Aspect of Aeschylus' *Eumenides* // Journal of Hellenic Studies. 1957. Vol. 77. No. 2. P. 230–237; Milch R. J. Aeschylus' Agamemnon, the Choephoroi & the Eumenides: Notes. Lincoln, 1965; Easterling P. Theatrical Furies: Thoughts on *Eumenides* // Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin. Oxf., 2008. P. 219–236; Revermann M. Aeschylus' *Eumenides*, Chronotopes and the «Aetiological Mode» // Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin. Oxf., 2008. P. 237–261; Bakewell G. W. Theatricality and Voting in *Eumenides*: “ψῆφον δ' Ὀρέσθι τῆνδ' ἐγὼ προσθήσομαι” // Performance in Greek and Roman Theatre. Leiden; Boston, 2013. P. 149–159; Meineck P. Under Athena's Gaze: Aeschylus' *Eumenides*

и колоссальна справедливо: ведь, в сущности, перед нами именно то литературное произведение, которое проливает наиболее яркий свет на становление радикальной демократии в «городе Паллады».

Сама Паллада, кстати, тоже появляется в трагедии. Но – что для нас сейчас наиболее интересно – весьма важную роль в развитии фабулы, помимо Афины, играют существа совершенно иного порядка и притом довольно отвратительного вида. Фигурируют они вначале под именем Эриний – богинь кровной мести⁷ – и появляются у Эсхила в первый раз в конце «Хозфор» – драмы, предшествующей «Эвменидам» в рамках трилогии «Орестея». Этих страшных старух видит Орест (никому иному они в тот момент незримы), после того как убивает свою мать Клитемнестру, мстя ей за умерщвление ее мужа и своего отца – Агамемнона. И вот как он их описывает (Aeschyl. Choeph. 1048 sqq.; произведения Эсхила здесь и далее цитируются в переводе Вяч. Иванова):

А!.. А!.. Кто эти жены в черном рубище?
Клубятся змеи в их власах... Горгоны ли?..
Нельзя при них на месте оставаться мне...
Не бред, не морок – это палачи мои:
Угадываю свору мстящей матери...
О Феб – владыка! Множится их сонмище...
Из глаз их кровь сочится и поганый гной...

Вновь Эринии появляются в самом начале «Эвменид», где их описание (на сей раз даваемое устами дельфийской жрицы, пифии) ничуть не менее выразительно (Aeschyl. Eum. 45 sqq.):

...Сонм старух чудовищных,
Воссевшись важно, дремлет на седалищах.
Не старицами впору, а Горгонами
Их звать; но и Горгоны – не подобье им.
На стенописи хищниц раз я видела,
Финяя сотрапезниц⁸: вот подобье! Лишь
Без крыльев эти; но, как те, страшны, черны.
Уснули крепко; гнусный издалече храп
Приводит в трепет; с кровью гной сочится с вежд.

and the Topography of *Opsis* // Performance in Greek and Roman Theatre. Leiden; Boston, 2013. P. 161–179; Ryneason N. Courting the Erinyes: Persuasion, Sacrifice, and Seduction in Aeschylus's *Eumenides* // Transactions of the American Philological Association. 2013. Vol. 143. Ht. 1. P. 1–22.

⁷ Лосев А. Ф. Эринии // Мифологический словарь. М., 1990. С. 620.

⁸ Имеются в виду гарпии.

Убранство ж их – кощунство пред обличьями
 Богов; обидой было б и в людском жилье.
 Неведом был мне этаких страшилищ род!

Конечно, и школьник знает, что уникальная фантазия античных эллинов наполнила их мифологию немалым количеством самых разнообразных териоморфных и миксантропических образов. Выше уже упоминались силены, сатиры, гарпии, горгоны, а можно бы назвать еще и кентавров, и сирен, и киклопов, и Химеру, и Кербера, и Минотавра, и каких-нибудь там Скиллу и Харибду... Да имя им легион.

Но даже на этом фоне Эриний⁹ как-то особенно демоничны. Они бросаются преследовать Ореста после того, как он совершает, по их понятиям, неискупимое преступление – убийство родной матери. Завершается же трагедия «Эвмениды» тем, что несчастный беглец попадает в Афины, а там Ареопаг, справедливейшее из судилищ, выносит ему (пусть и не без труда¹⁰) оправдательный приговор. Эринии возмущены, но Афина умиротворяет их; бывшие злобные чудовища получают теперь новое название¹¹ – Эвмениды (можно примерно перевести как «благомыслящие») и начинают отныне почитаться афинянами (с культовой эпиклезой *Σεμναὶ θεαί* – «священночтимые»¹² богини), получая, соответственно, святилище в центре города.

Бывшие Эринии, а ныне Эвмениды превращаются из олицетворения уродливой жестокости в покровительниц демократической законности. Так изображает ситуацию Эсхил – верный приверженец Перикла¹³, – и, несомненно он

⁹ В более позднюю эпоху утвердилось представление, что Эриний только три (Мегера, Тисифона, Алектю); именно так, например, у Вергилия (у него, как у римского автора, само название Эриний звучит, естественно, по-латински – Фурии: *Easterling P. Op. cit.*). У Эсхила подобной конкретизации мы не находим; более того, у него в «Эвменидах» появляется целый хор Эриний, а хор в драмах того времени должен был насчитывать уж никак не менее 12 человек (причем, естественно, всё это были мужчины в масках, женщины в древнегреческом театре не играли).

¹⁰ *Bakewell G. W. Op. cit.*

¹¹ *Ryneron N. Op. cit.*

¹² Лексема *σεμνός* весьма весома в религиозном плане. Между прочим, родственно ей *Σέβαστος* – так греки называли Августа, а вслед за ним и римских императоров вообще (напомним, что эти императоры обожествлялись и являлись предметом культа). Отсюда же, кстати, и топоним Севастополь (в поздней античности так назывался нынешний Сухуми); одновременно «город императора» и «священночтимый город».

¹³ *Smertenko C. M. The Political Sympathies of Aeschylus // Journal of Hellenic Studies. 1932. Vol. 52. No. 2. P. 233–235; Macleod C. W. Politics and the Oresteia // Journal of Hellenic Studies. 1982. Vol. 102. P. 124–144; Wallace R. W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore; L., 1989. P. 87–93.*

проецирует мифологическую ситуацию на имплицитно (повсюду в трагедии) подразумеваемую им актуальную современность.

Эринии-Эвмениды у Эсхила порой обозначаются как δαίμονες (Aeschyl. Eum. 150; 302; 802; 920; 929; 948), но это, как уже оговаривалось выше, ровно ничего не означает, поскольку δαίμονες у греков эсхилковского времени – просто «божества». Главное – не в этом, а в том, что, повторим и подчеркнем, один из главных певцов классической афинской демократии в известной степени ставит у ее начала персонажей достаточно страшных (даже не столько в смысле «безобразных», сколько в смысле – внушающих страх). Можно ведь и так понимать эсхиловские авторитетные внушения: подчиняйтесь, граждане, демократическим властям, иначе явятся вам ужасные старухи... Такая вот интересная демонология.

Кстати говоря, переименовав Эриний в Эвменид (т. е. прибегнув, можно сказать, к апотропеическому эвфемизму), афиняне не прекращали-таки их побаиваться. Следует полагать, что средний афинский гражданин испытывал именно некий «священный ужас», проходя мимо святилища этих божеств, располагавшегося на северо-восточном склоне Ареопага (источники: Aeschyl. Eum. 805, 824 sq., 855 sqq.; Eur. El. 1258 sqq.; Iph. Taur. 961 sqq.; Dinarch. I. 64; Paus. I. 28. 6; VII. 25; Lucian. Bis acc. 4; Schol. Aeschin. I. 188¹⁴).

2. *Демос Аристофана и «демоны из бездны»*. Во времена величайшего из древнегреческих комедиографов афинская демократия стала еще более радикальной, нежели при Перикле (Аристофан работал в основном в последней четверти V в. до н. э.), начала перерастать в охлократию, породила целую когорту циничных демагогов¹⁵. Отнюдь не симпатизируя этим последним (и, более того, жестко критикуя их, как увидим ниже), Аристофан при этом мыслит главным героем всех своих творений афинский народ (демос)¹⁶.

Этот самый демос драматургом подчас даже персонифицируется. Особенно рельефно – в комедии «Всадники» (поставлена в 424 г. до н. э.), в которой одно из главных действующих лиц – благодушный старик Демос («Народ»), которого постоянно обманывают недобросовестные слуги – в их образах

¹⁴ Из литературы см.: Judeich W. Topographie von Athen. München: Beck, 1931. S. 43, 299–301; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 110.

¹⁵ Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 204 сл.

¹⁶ По данной проблематике и поныне классической, отнюдь не устаревшей остается монография: Ehrenberg V. The People of Aristophanes. N. Y., 1962. См. также более новое исследование: Sidwell K. Aristophanes the Democrat: The Politics of Satirical Comedy during the Peloponnesian War. Cambridge, 2009.

аллегорически выведены те самые демагоги¹⁷. И как же они представлены? В ярко выраженных демонических, порой откровенно инфернальных чертах. Они отчетливо противостоят «нормальным» людям¹⁸, у них всё наоборот – зло вместо добра, обман вместо правды, предательство вместо патриотизма, извращения – вместо нормальной половой жизни... Изрядная доля незабываемого аристофановского «мата»¹⁹ приходится на долю этих самых демагогов. Одним словом, демонизация Аристофаном всех таких лиц, как Клеон, Гипербол, Клеонфонт, Писандр и т. п., несомненна.

Приведем тут совершенно уморительный пассаж из комедии Аристофана «Птицы» (поставлена в 414 г. до н. э.). В нем (Aristoph. Av. 1553 sqq.; цитируем в переводе С. Апта) речь идет, – как обычно у Аристофана, в грубо-комической форме – о страшноватом античном обряде вызывания душ мертвецов с целью гадания (некромантии²⁰). По представлениям древних греков, для этого нужно было заколоть животное черного цвета (обычно овцу), чтобы души слетелись из подземного царства испить теплой крови, а заодно ответили на вопросы вызывающего. Именно так поступает, например, в гомеровской «Одиссее» заглавный герой. В цитируемом отрывке упоминаются Сократ (в связи с которым см. ниже), его ученик Херефонт, а также демагог Писандр.

Есть в стране зонтиконогих
Неизвестное болото.
Грязный там сидит Сократ,
Вызывает души. Как-то

¹⁷ О демосе и демагогах у Аристофана см.: *Henderson J. Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece.* Austin, 2003. P. 155–179. Здесь необходимо оговорить, что аристофановская комедия (как и в целом комедия его времени, так называемая древняя аттическая комедия) была, с одной стороны, неизбежно политической (*Vickers M. Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays.* Austin, 1997; *Henderson J. A Brief History of Athenian Political Comedy (c. 440 – c. 300) // Transactions of the American Philological Association.* 2013. Vol. 143. No. 2. P. 249–262), а с другой – имела обязательную религиозную составляющую (*Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии.* М., 2002. С. 197 сл.).

¹⁸ *Storey I. Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland.* 1998. Vol. 5. P. 85–134; *Stark I. Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Betrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie.* Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147–167.

¹⁹ Об обценной лексике у этого комедиографа см. известную работу: *Henderson J. The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy.* 2 ed. Oxf., 1991.

²⁰ О которой см.: *Ogden D. Greek and Roman Necromancy.* Princeton, 2001.

За душой, ушедшей в пятки,
Прискакал туда Писандр.
Он верблюду молодому
Перерезал горло бритвой,
Не Писандр, а Одиссей!
Стал он ждать. Упырь явился
И припал к верблюжьей крови,
А упырь тот – Херефонт.

Кстати, раз уж к слову пришлось, упомянем о том, что, пожалуй, можно все-таки в древнегреческом языке отыскать относительно близкий эквивалент к привычному нам понятию демона как субстанции по своей природе злой. Если δαίμων в таком качестве никоим образом не служит, то совсем другое дело – какоδαίμων, композит, в котором к δαίμων прибавляется корень прилагательного какός («плохой, дурной, злой»). Соответственно, в противовес ему достаточно ранее выработалось сочетание ἀγαθὸς δαίμων («доброе божество»), дословно – «добрый демон»).

Весьма показательна история с дифирамбическим поэтом Кинесием (кстати, современником Аристофана, который вывел его в крайне комическом и неприглядном виде в «Лисистрате»²¹); сообщение об этом случае сохранилось в одном из фрагментов Лисия (Lys. fr. 9 Albin). В молодости Кинесий с друзьями создал сообщество, названное ими какоδαίμονισταί («почитатели злого демона»), что явно пародировало название одного из фиасов – ἀγαθοδαίμονισταί («почитатели доброго демона»)²². Члены этого кружка занимались соответствующими вещами, например устраивали пирушки в «тяжелые» в религиозном отношении (ἀποφορᾶδες) дни, когда делать это возбранялось обычаем. Здесь налицо демонстративный эпатаж общественного мнения пренебрежением к культовым установлениям.

Но вернемся к Аристофану. Для него какоδαίμων, создается такое впечатление, – не более чем банальное ругательство, в духе нашего «чёрт побери!». У этого автора практически в любой комедии неоднократно встречаются в разных падежах и какоδαίμων, и ἀγαθὸς δαίμων, – но, называя вещи своими именами, употребляет их драматург не в собственном смысле, а скорее как некие эмфатические междометия.

²¹ Aristoph. Lys. 838 sqq. Соответствующая сцена весьма пикантно обыграна в фильме В. Рубинчика «Комедия о Лисистрате» (1989), где роль Кинесия сыграл Константин Райкин, а роль его жены Миррины – Ольга Кабо.

²² О кружке Кинесия см.: *Decharme P.* La critique des traditions religieuses chez les Grecs des origines au temps de Plutarque. P., 1904. P. 137; *Nilsson M. P.* Greek Piety. Oxf., 1948. P. 75; *Lloyd-Jones H.* The Justice of Zeus. Berkeley, 1971. P. 133.

Vexilla regis prodeunt inferni²³. Погружаемся всё глубже. Среди комедий Аристофана есть такая, действие которой по большей части происходит в подземном мире Аида и которая поэтому воистину может быть названа «инфернальной комедией». Парадоксальным образом она носит забавное название «Лягушки» (поставлена в 405 г. до н. э. и настолько понравилась афинянам, что они попросили в том же году снова им ее показать еще раз, хотя такое вообще не практиковалось).

«Лягушки»²⁴ вообще признавались всей последующей античной литературной критикой лучшим произведением Аристофана. Политическая проблематика и в ней присутствует (о чем будет сказано чуть ниже), но не является основной. Главным героем в ней выступает Дионис.

И это не случайно. Уж если кто из древнегреческих больших богов может быть как-то ассоциирован с демоном в привычном для нас понимании, то это именно Дионис, Вакх. Не случайно ведь вышеупомянутые «демоны плодородия (силены и сатиры) принадлежат именно к Дионисовой свите²⁵.

Тем не менее в Аристофановых «Лягушках» Дионис как раз менее всего демоничен и инфернален. В названной драме он выступает скорее как изнеженный пижон, решивший вдруг спуститься в царство мертвых²⁶, дабы

²³ Из «Ада» Данте.

²⁴ О них см., например: *Lapalus E.* Le Dionysos et l'Héraclès des «Grenouilles» // *Revue des études grecques*. 1934. Vol. 47. P. 1–19; *Segal Ch. P.* The Character and Cults of Dionysus and the Unity of the Frogs // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1961. Vol. 65. P. 207–242; *Borthwick E. K.* Seeing Weasels: The Superstitious Background of the Empusa Scene in the Frogs // *Classical Quarterly*. 1968. Vol. 18. No. 2. P. 200–206; *Rosen R. M.* Badness and Intentionality in Aristophanes' *Frogs* // *Kakos: Badness and Anti-Value in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2008. P. 143–168; *Ford A. L.* Dionysos' Many Names in Aristophanes' *Frogs* // *A Different God? Dionysos and Ancient Polytheism* / Ed. by R. Schlesier. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011. P. 343–355.

²⁵ Ср. интересную работу о трансгендерной природе сатиров (*Surtees A.* Satyrs as Women and Maenads as Men: Transvestites and Transgression in Dionysian Worship // *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H. A. Shapiro*. B.; Boston, 2014. P. 281–293). У сатиров, кстати, и имена какие-то дикие, явно говорящие об их демонической природе; некоторые известны из сохранившейся во фрагментах софокловской сатирической драмы «Следопыты»: Οὐρίας, Δράκις, Γράπις и т. п. (*Antonopoulos A. P.* Named Satyrs in Sophocles' *Ichneutai* // *Philologus*. 2014. Bd. 58. Ht. 1. S. 53–64). Да и говорят-то они у того же Софокла «не как люди», с неким странным произношением (*Redondo J.* Satyric Diction in the Extant Sophoclean Fragments: A Reconsideration // *Shards from Kolonos: Studies in Sophoclean Fragments*. Bari, 2003. P. 413–431).

²⁶ Подробный анализ сюжета «Лягушек» Аристофана – нисхождения Диониса в подземное царство – см.: *Edmonds R. G.* Myths of the Underworld Journey: Plato, Aristophanes, and the “Orphic” Gold Tablets. Cambridge, 2004. P. 111 ff.

вывести из него обратно на землю своего любимца – автора трагедий Еврипида. И, преодолевая страх, для безопасности переодевшись Гераклом, он в сопровождении раба Ксанфия нисходит в аид, а там, естественно, сталкивается и с обитающими в оном месте существами, в частности с чудовищем Эмпусой (этой самой Эмпусой у древних греков няньки пугали детей, как у нас Бабой-Ягой или какой-нибудь букой). Просто невозможно не процитировать соответствующий пассаж (Aristoph. Ran. 278 sqq.; «Лягушки» здесь и далее цитируются в переводе А. Пиотровского):

Дионис: Что ж делать нам?
 Ксанфий: Пойдем вперед, я думаю.
 Ведь мы в местах, где чудища страшнейшие...
 Какой-то шум и странный шорох слышится.
 Дионис: Где, где?..
 Ксанфий: О боги, вижу чудище ужасное.
 Дионис: Какое?
 Ксанфий: Дивное. Оно меняется.
 То бык, то мул, а то – как будто женщина
 Прелестная...
 И вот уже не женщина, а страшный пес.
 Дионис: Эмпуса, верно.
 Ксанфий: Да, ужасным пламенем
 Лицо пылает.
 Дионис: Да, а ноги медные?
 Ксанфий: Одна. Другая же нога – навозная.
 Чудовищно!
 Дионис: Куда бежать?

В свете вышесказанного (кстати, в конечном счете в «Лягушках» Дионис Еврипида из аида не выводит, он в нем разочаровывается) нам даже представляется, что Аристофан издевательски (а в жанре древней аттической комедии всё делалось издевательски) пародирует последнюю прижизненную трагедию Еврипида «Вакханки»²⁷. В этой последней Дионис воистину страшен, он несет

²⁷ Она также часто признаётся лучшей у Еврипида. В любом случае, она была этапным, знаковым произведением (Gakopoulou K. Euripides' *Bacchae*: The End of an Era or the Beginning of a New One? // Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens. B.; Boston, 2012. P. 163–180; Dunn F. Metatheatre and Crisis in Euripides' *Bacchae* and Sophocles' *Oedipus at Colonus* // Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens. B.; Boston, 2012. P. 359–375), в том числе и в культовом плане (Xanthaki-Karamanou G. The “Dionysiac” Plays of Aeschylus and Euripides' *Bacchae*: Reaffirming Traditional Cult in Late Fifth Century // Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens. B.; Boston, 2012. P. 323–342).

только зло: он становится причиной страшной гибели главного героя Пенфея, безумия его матери. Симпатии он не вызывает, но зато вызывает убеждение в своей необоримой силе, противиться которой просто бессмысленно²⁸.

Напомним кратко сюжет «Вакханок». Дионис, странствуя по свету со своей свитой (менады, сатиры, звери и т. п.), в какой-то момент прибывает и в Фивы, т. е. на собственную родину (ведь именно фиванской царевной, согласно мифам, была Семела, столь трагично «не вполне родившая» Диониса от Зевса). Там под его влиянием женщины, как и повсюду, приходят в неистовство²⁹, превращаются в вакханок, убегают из города в горы, в леса и там ведут себя примерно так (даем несколько наиболее характерных цитат: Eur. Bacch. 217 sqq., 690 sqq., 702 sqq., 736 sqq.; драма здесь и далее цитируется в переводе Инн. Анненского):

Домá, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,
И бога Диониса... почитают пляской.
Среди их роев полные вином
Стоят кратеры³⁰...
...Легкий сон стгоня с вежд, вскочили
Вакханки на ноги – все чудо как скромны:
Старухи, жены молодые и девицы...
Сначала кудри распускают по плечам,
А у кого небрида³¹ распустилась,
Те подвязать спешат и пестрой лани
Опять покров змеею подпоясать.
И змеи им при этом лижут щеки.
Те взяли на руки волчонка, сосунка
От лани и к грудям их приложили
Набухшим...

...Венками

Из плюща, из листвы дубовой или тиса
Цветущего украсились потом.

²⁸ Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 194; Versnel H. S. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 383 ff.; Parker R. Gods Cruel and Kind: Tragic and Civic Theology // Greek Tragedy and the Historian. Oxf., 1997. P. 143–160.

²⁹ О склонности именно женщин в античной Греции к подобному девиантному поведению см.: Goff B. Citizen Bacchae: Women's Ritual Practice in Ancient Greece. Berkeley, 2004.

³⁰ Кратеры – употреблявшиеся у греков на пирах-симпосиях сосуды для смешивания вина с водой.

³¹ Небриды – оленьи шкуры, которые надевали на себя вакханки.

Вот тирс³² берет одна и ударяет
Им о скалу. Оттуда чистый ключ
Воды струится. В землю тирс воткнула
Другая – бог вина источник дал,
А кто хотел напиться белой влаги,
Тем стоило лишь землю поскоблить
Концами пальцев – молоко лилося.
С плюща по тирсам капал сладкий мед...
...Там стада
У нас паслись, так с голыми руками
На них менады бросились. Корову
С набрякшим выем и мычащую волочат.
Другие нетелей рвут на куски. Там бок,
Посмотришь, вырванный. Там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо, и сочится кровью...

Молодой фиванский царь Пенфей пытается положить конец этим бесчинствам. Он пытается говорить с Дионисом (который выдает себя за человека, за лидийского жреца), потом приказывает заковать его – но что божеству okay, они спадают с него в тот самый момент, когда он выказывает такое желание. В конце концов Пенфей сам отправляется в лес³³, но там-то его и разрывают на части фиванские вакханки, которых возглавляет, между прочим, Агава – мать Пенфея. В финале драмы она приносит в Фивы голову собственного сына – ей в ее вакхическом безумии представляется, что это голова льва. Потом, разумеется, наступает «отрезвление» (или же, напротив, полное сумасшествие³⁴) – и горе. Дионис же хладнокровно резюмирует (Eur. Bacch. 1340 sqq.):

Я говорю вам это, сын Зевеса,
Не смертным порожденный Дионис.
Вот если б скромно вы тогда почтили
Во мне рождение Зевса, я б теперь
Вам счастье дал, как верный ваш союзник...

³² Тирс – жезл, увитый плющом, символ Диониса. См.: Demulder B., Van Riel G. «Nombreux sont les porteurs de thyrsos, mais rares les Bacchantes». Olympiodore et Damascius sur le *Phédon* // *Ancient Readings of Plato's Phaedo*. Leiden; Boston, 2015. P. 270–292.

³³ Его поведение анализировалось даже с психоаналитической точки зрения (Sale W. The Psychoanalysis of Pentheus in the *Bacchae* of Euripides // *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 1972. P. 63–82).

³⁴ Конкретно применительно к «Вакханкам» см.: Lamari A. Madness Narrative in Euripides' *Bacchae* // *Wisdom and Folly in Euripides*. B.; Boston, 2016. P. 241–255. Анализ в контексте см.: Gagliardi M. Folie et discours de la folie dans la tragédie grecque du Ve siècle avant J.-C. // *Histoire & Mesure*. 1999. Vol. 14. No. 1/2. P. 3–50.

В противовес этому еврипидовскому могущественному и, в общем-то, не-доброму богу-демон³⁵ Дионису (который, тем не менее, почитался в Афинах³⁶, причем являлся покровителем театра) Аристофан – буквально «по горячим следам» – дает совершенно иной образ своего, так сказать, «патрона» – позитивный, куртуазный, гуманный. Закончить играть в «страшилки»? Не такова ли была цель комедиографа? Кстати, напомним, что Афины 405 г. до н. э. (шла Пелопоннесская война) – это примерно как Берлин конца 1944 г. (ситуация накануне поражения).

Мы, таким образом, закономерно возвращаемся (как и обещали выше) к политическому аспекту «Лягушек» Аристофана. В них, в частности, упоминается Алкивиад³⁷ – исключительно популярный афинский политик последней четверти V в. до н. э., причем являвшийся личностью такого типа, что его в известной мере тоже можно именовать «демоническим» деятелем³⁸. О нем говорили, что он превзошел всех в греческом мире как доблестями, так и пороками (Нер. Alc. 1); говорили, что двух Алкивиадов Греция бы не вынесла (Plut. Alc. 16)... Им восхищались и его ненавидели, причем порой одни и те же люди.

В «Лягушках» Аристофана в связи с Алкивиадом есть место, которое заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью (Aristoph. Ran. 1422 sqq.). Дионис в аиде, общаясь с покойными Эсхилом и Еврипидом, в какой-то момент хочет узнать у обоих, что они думают об Алкивиаде (на тот момент еще живом).

Дионис: Скажите же, какого мнения держитесь
Насчет Алкивиада. Город болен им.
Еврипид: Что ж город думает о нем?

³⁵ Места в «Вакханках» Еврипида, где Дионис фигурирует как δαίμων: Eur. Bacch. 22, 42, 200, 219, 256, 272, 298, 377, 413, 417, 481, 498, 769.

³⁶ Литература о почитании Диониса в Афинах настолько огромна, что одно ее перечисление заняло бы несколько страниц. Сошлемся поэтому лишь на несколько новых монографий (Seaford R. Dionysos. London; N. Y., 2006; Isler-Kerényi C. Dionysos in Archaic Greece: An Understanding through Images. Leiden; Boston, 2007; Isler-Kerényi C. Dionysos in Classical Athens: An Understanding through Images. Leiden; Boston, 2015).

³⁷ Marr J. L. Who Said What about Alcibiades? *Frogs* 1422–1434 // *Classical Quarterly*. 1970. Vol. 20. No. 1. P. 53–55.

³⁸ Об Алкивиаде см.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 160–209 (с указаниями на основную литературу об этом персонаже, а из не учтенных там работ см.: Gribble D. Alcibiades and Athens: A Study in Literary Presentation. Oxf., 1999; Rhodes P. J. Alcibiades. Barnsley, 2011; Vickers M. Sophocles and Alcibiades: Athenian Politics in Ancient Greek Literature. London; N. Y., 2014). Намеренно указываем только монографические исследования, поскольку статей об Алкивиаде – колоссальное количество.

Дионис: Что думает?
 Желает, ненавидит, хочет все ж иметь.
 А вы какого мнения, расскажите мне?
 Еврипид: Мне ненавистен гражданин, что медленен
 На помощь государству, на беду же скор.
 Кто ловок для себя, ленив для города...
 Эсхил: Не надо львенка в городе воспитывать.
 А вырос он – себя заставит слушаться³⁹.

Но «тема Алкивиада» закономерно выводит нас на «тему Сократа» (по-скольку близкие отношения между этими двумя афинянами воистину были «притчей во языцех»⁴⁰), и тем самым мы органично «перетекаем» к следующему (и последнему) вопросу, который хотим затронуть в рамках данной главы⁴¹.

3. «Демоний Сократа» или демонический Сократ? «Была ли у древних греков совесть?» – вот так провокативно однажды поставил вопрос наш выдающийся исследователь В. Н. Ярхо (автору этих строк довелось лично знать Виктора Ноевича – еще до того, как он в силу преклонного возраста оставил работу и уехал к родственникам в Бордо, где и скончался); он даже сделал данный вопрос заголовком одной из своих статей, получившей широкий резонанс⁴². И отвечал он на него, в общем-то, отрицательно. Естественно, не в том

³⁹ О нередкой у греческих авторов метафоре льва применительно к политикам, опасным для государства своей чрезмерной влиятельностью, см.: Dyson G. W. LEONTA TE-KEIN // *Classical Quarterly*. 1929. Vol. 23. No. 3/4. P. 186–195. Обратим внимание опять же на териоморфную символику.

⁴⁰ См. об этом: *Planeaux C.* Socrates, Alcibiades, and Plato's TA POTEIDEATIKA. Does the *Charmides* Have an Historical Setting? // *Mnemosyne*. 1999. Vol. 52. No. 1. P. 72–77; *Archie A.* Politics in Socrates' Alcibiades: A Philosophical Account of Plato's Dialogue Alcibiades Major. N. Y., 2015; *Cornelli G.* He Longs for him, he Hates him and he Wants him for Himself: The Alcibiades Case between Socrates and Plato // *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. B.; Boston, 2016. P. 281–295. Данному вопросу была даже посвящена целая коллективная монография, вышедшая несколько лет назад: *Alcibiades and the Socratic Lover-Educator* / Ed. by M. Johnson, H. Tarrant. Bristol, 2012.

⁴¹ Тем более что и по теме «Аристофан и Сократ» написано немало. В первую очередь, конечно, нужно обращаться к концептуальной работе видного американского мыслителя консервативного направления: *Strauss L.* Socrates and Aristophanes. Chicago, 1966. Но см. также: *Okál M.* L'attitude d'Aristophane envers Socrate // *Sbornik filozofickej fakulty Univerzity Komenského*. 1967. Roč. 17. S. 107–124; *Havelock E. A.* The Socratic Self as it is Parodied in Aristophanes' *Clouds* // *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 1972. P. 1–18; *Nussbaum M.* Aristophanes and Socrates on Learning Practical Wisdom // *Aristophanes: Essays in Interpretation*. Cambridge, 1980. P. 43–97.

⁴² *Ярхо В. Н.* Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) // *Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского*. М., 1972. С. 251–264.

плане, что античные эллины были, так сказать, бессовестными, а в том плане, что у них не было даже и лексемы, которая сколько-нибудь адекватно передавала бы привычное нам понятие совести.

Мы в какой-то момент тоже остановились на этом вопросе⁴³. Специалисты по исторической этиологии – науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, – делят все человеческие культуры на «культуры вины» и «культуры стыда»⁴⁴. В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного – то, что в христианской цивилизации называют совестью. Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное – не «ударить в грязь лицом», чтобы не пришлось испытывать стыд.

Античная греческая культура была типичной «культурой стыда». Потому что само понятие «совесть», судя по всему, эллинам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо, даже и слова такого в языке не существовало. Пожалуй, первый грек, у которого мы встречаем некое предвосхищение категории совести, – это Сократ (469–399 гг. до н. э.) с его внутренним «божественным» голосом (демонием, δαίμονιον).

Сразу оговорим некоторые вещи. Понятие, о котором сейчас будет говориться, в литературе о Сократе (или об античной философии в целом) фигурирует как минимум под шестью названиями: «демоний», «даймоний», «демонион», «даймонион», «демон», «даймон». Подобная путаница способна только ввести в заблуждение неискушенного читателя. Поэтому подчеркнем: имеется в виду один и тот же древнегреческий термин, на языке оригинала – δαίμονιον. Согласно устоявшимся нормам транслитерации древнегреческих слов кириллицей, наиболее корректная форма – «демоний»; ее мы и будем придерживаться. Все остальные вышеприведенные варианты – либо менее верны, либо просто ошибочны (так, нужно различать слова «демоний» и «демон», о чем мы еще скажем подробнее чуть ниже).

Путаница усугубляется тем, что иногда то же самое необычное явление в отечественных работах передают, пользуясь латинским (к тому же не оптимальным) эквивалентом соответствующего греческого слова – «гений». Это еще менее точно, тем более что само слово «гений» в нынешнем обиходном дискурсе имеет значение, уж очень отличающееся от того, какое придавали ему древние римляне. Для нас обычно (если, конечно, не брать специфически поэтических словоупотреблений, вроде пушкинского «гений чистой красоты» и т. п.) гений – синоним очень талантливого человека. «Он гений» – говорят

⁴³ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 106 сл.

⁴⁴ См. по проблеме применительно к Греции рассматриваемой эпохи прежде всего: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. СПб., 2000.

о том же Пушкине, или об Эйнштейне, или о Чайковском... А в римском понимании гений – это вообще не человек, а дух-хранитель человека⁴⁵.

Но вернемся к Сократу, а точнее – к его демонию. «Демоний», разумеется, – производное от «демон». В нашей христианской культуре «демон» звучит устрашающе. Демон – это бес, чёрт. А вот в языческой древнегреческой цивилизации, как уже и выше говорилось, демон – божество, бог. Причина подобной эволюции термина вполне ясна. Христианство, особенно в первые века своего существования, постоянно боролось с язычеством, и естественно, что античные боги воспринимались ранними христианами как бесы.

Чтобы конкретнее объяснить суть рассматриваемой здесь проблемы, просто процитируем наиболее важные места о сократовском демонию, встречающиеся в источниках. Обращать внимание в первую очередь будем, разумеется, на те сообщения, которые принадлежат современникам Сократа и самым авторитетным в этом отношении авторам – Платону и Ксенофону. И, кстати, не будем удивляться тому, что увидим между ними определенные разногласия.

Начнем с Платона. В написанной им «Апологии Сократа» содержатся самые, можно сказать, классические пассажи о демонию. Сократ говорит в речи перед судьями:

Мне бывает какое-то чудесное божественное знамение... Началось у меня это с детства: вдруг – какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами. И, кажется, прекрасно делает, что не допускает (Plat. Apol. 31cd).

А уже после смертного приговора философ заявляет:

Со мною... случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещий голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот

⁴⁵ Schäfer H. H. Die Ikonographie des Genius Augusti im Kompital- und Hauskult der frühen Kaiserzeit // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 73–98; Aguilar R. M. La visión del mundo según las revelaciones: De sera 563 E-568 A y De Genio 590 A-592 E) // Tychè et Pronoia: La marche du monde selon Plutarque. Coimbra, 2010. P. 3–12.

я вам скажу: похоже, в самом деле, что всё это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом (Plat. Apol. 40a–c).

И еще спустя некоторое время: «...Для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей» (Plat. Apol. 41d).

Сделаем некоторые предварительные наблюдения. Во-первых, демоний – это некий голос. Во-вторых, «босоногий мудрец» был уверен в его божественном происхождении (или, во всяком случае, говорил так – из-за вездесущей сократовской иронии приходится делать подобную оговорку), считал, что демоний всегда направляет его, Сократа, к благу, и неукоснительно следовал этому голосу. В-третьих, согласно Платону, демоний действовал только, так сказать, в отрицательном смысле. То есть отвращал философа от совершения тех или иных поступков, а вот рекомендаций, как поступать, не давал. Подчеркнем особенно это последнее обстоятельство: как мы увидим ниже, по этому вопросу были и иные мнения.

Информация о демонии, содержащаяся в «Апологии» Платона, подкрепляется и дополняется сведениями из других его сочинений. В них нередко Сократ заводит речь о демонии. Например:

«По воле некоего бога случилось так, что сидел я... в раздевальне, один и уже подумывал об уходе, как вдруг, только я встал, явилось мне мое привычное божественное знамение. Я снова сел, и немного спустя вошли они оба – Евтидем и Дионисодор...» (Plat. Euthyd. 272e). Имеются в виду софисты, беседа с которыми Сократа составляет главное содержание названного диалога. Заметим кстати, что в академических переводах Платона, которые мы цитируем, само слово «демоний» никогда не употребляется. И это вполне естественно: переводчики стремились воспроизвести изящество литературного слога основателя Академии, а это изящество, конечно, пострадало бы от введения чуждых русскому языку терминов. Поэтому «демоний» всегда передается как «божественное знамение» и т. п.

Впервые вступая в беседу с молодым Алкивиадом, Сократ объясняет ему, почему он раньше не делал этого:

Милый сын Клиния и Диномахи, без меня невозможно осуществить... твои устремления: такова моя власть, как я думаю, над твоими делами и тобою самим. Потому-то, полагаю я, бог и запретил мне беседовать с тобой, и я ожидал на это его дозволения. ...Так как ты был очень юн и еще не обременен такими надеждами, то бог, как я думаю, и запрещал мне с тобой разговаривать, чтобы не сказать

тебе что-то впустую. Ныне же он разрешил меня от запрета, и теперь ты меня слушаешь (Plat. Alc. I. 105de).

В приведенных местах, как видим, функция демония та же, что и описанная в «Апологии», – отвращать Сократа от совершения каких-либо поступков. Правда, конец отрывка, процитированного последним, на первый взгляд способен создать впечатление, будто бы демоний что-то и предписывал философу. Комментаторы пишут в данной связи: «Это единственное место в диалогах Платона, где функция сократовского божества (гения) трактуется не как запретительная, а, наоборот, как разрешающая приступить к действию»⁴⁶. Однако здесь нам трудно согласиться. Кажется, из текста вполне ясно, что дело обстояло следующим образом: вначале демоний запрещал Сократу вступать в разговор с Алкивиадом, а потом просто перестал запрещать – «разрешил от запрета», как сказано в самом отрывке. Слово «разрешить» здесь употреблено не в смысле «позволить», а в смысле «освободить». Молчание демония и было воспринято Сократом в том смысле, что запрет снят и теперь можно начать общаться с Алкивиадом.

В беседе с другим своим юным другом – Федром – «босоногий мудрец» рассуждает в уже знакомом нам духе:

Лишь только собрался я, мой друг, переходить речку, мой гений подал мне обычное знамение, – а оно всегда удерживает меня от того, что я собираюсь сделать: мне будто послышался тотчас же какой-то голос, не разрешавший мне уйти, прежде чем я не искуплю некий свой проступок перед божеством. Я хоть и прорицатель, но довольно неважный, вроде как плохие грамотеи – лишь поскольку это достаточно для меня самого... (Plat. Phaedr. 242bc).

Порой нельзя избавиться от ощущения, что Платон в каких-то случаях использует мотив сократовского демония как художественный прием – для того, например, чтобы ввести новую тему, объяснить перелом в ходе беседы, и для прочих подобных целей.

Разговаривая с Теэтетом, Сократ упоминает некоторых своих учеников, которые, увлеченные мирской суетой, уходили от него, но потом сожалели об этом решении. «Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, то некоторым мой гений запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи» (Plat. Theaet. 151a). Получается, сократовский демоний мог воздействовать не только на своего непосредственного «адресата», но и на других людей? Вот это уже что-то новенькое. Нет ли тут какой-нибудь путаницы или натяжки со стороны автора диалога?

⁴⁶ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Примечания // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М., 1990. С. 727.

Нужно сказать, что этот вопрос – о воздействии демония на друзей Сократа – подробнее рассматривается в «Феаге» – другом диалоге платоновского корпуса. Но это произведение, – кстати говоря, очень небольшое по размеру – является одним из тех, для которых авторство Платона наиболее сомнительно. Преобладает точка зрения о том, что «Феаг» был написан не самим основателем Академии, а «в академическом кругу», то есть кем-то из учеников его школы⁴⁷. Иными словами, человеком, который, в отличие от Платона, сам с Сократом знаком не был и о демонии знал лишь понаслышке, из вторых рук, – соответственно, мог исказить картину, написать вещи, не вполне соответствовавшие действительности. И вправду, описание демония в «Феаге» в чем-то похоже, но в чем-то и существенно отличается от характеристики того же явления в других сочинениях Платона.

Сократ говорит юноше Феагу:

Благодаря божественной судьбе с раннего детства мне сопутствует некий гений – это голос, который, когда он мне слышится, всегда, что бы я ни собирался делать, указывает мне отступить, но никогда ни к чему меня не побуждает. И если, когда кто-нибудь из моих друзей советуется со мной, мне слышится этот голос, он точно таким же образом предупреждает меня и не разрешает действовать. Я могу вам представить тому свидетелей. Вы знаете ведь того красавца Хармида, сына Главкона; однажды он советовался со мной, стоит ли ему пробежать ристалище в Немее (то есть участвовать в общегреческих Немейских спортивных играх, в состязаниях в беге. – *И. С.*). И не успел он начать говорить о своем желании состязаться, как я услышал голос и стал удерживать его от этого намерения такими словами: «Когда ты говорил, – сказал я, – мне послышался голос моего гения: тебе не следует состязаться». «Быть может, – отвечал он, – голос указывает тебе, что я не одержу победу? Но даже если я не стану победителем, я использую время для упражнения». Как он сказал, так и сделал. Стоит послушать его рассказ о том, чем для него эти упражнения кончились. А если желаете, спросите Клитодема, брата Тимарха, что сказал ему Тимарх, когда вопреки вещему голосу пошел на смерть он и бегун Еватл, принявший его – беглеца. Скажет вам Клитомах, что тот ему говорил... «Мой Клитомах, мне предстоит вот сейчас умереть, потому что я не захотел послушать Сократа». А почему так сказал Тимарх? Я объясню. Однажды во время пира поднялись со своего места Тимарх и Филемон, сын Филемонида, с намерением убить Никия, сына Героскамандра. Об этом замысле было ведомо лишь им двоим, но Тимарх, вставая, мне молвил: «Ну как, Сократ? Вы продолжайте пить, мне же нужно идти. Я приду попозже, если встречу удачу». А мне в это время был голос, и я ему отвечал: «Ни в коем случае не вставай! Мой гений

⁴⁷ См., например: *Васильева Т. В.* Афинская школа философии: Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 19; *Шичалин Ю. А.* Платон // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 479; *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Указ. соч. С. 701.

подает мне обычный знак». И он остался. Но по прошествии некоторого времени он снова вскочил, чтобы идти, говоря: «Я все же иду, Сократ». И снова мне послышался голос, и я опять заставил его остаться. В третий раз, желая скрыть это от меня, он встал, не говоря мне ни слова, тайком, выждав, когда я был занят другими мыслями. И так он удалился и выполнил то, из-за чего должен был потом умереть. Потому-то он и сказал своему брату то, что я передал вам сейчас, – мол, он умрет оттого, что мне не поверил. А еще вы можете услышать от многих участников сицилийского дела, что я сказал по поводу гибели войска. Но дела, случившиеся когда-то, можно узнать от свидетелей; вы же имеете возможность испытать мое знамение в настоящем – значит ли оно что-то в действительности. Ведь оно явилось мне при выступлении в поход красавца Санниона, а воюет он теперь вместе с Фрасиллом против Ионии и Эфеса. И я думаю, что он либо умрет, либо испытает другую смертную муку, да и за все остальное войско я опасаясь.

Всё это я сказал тебе к тому, что великая сила этого божественного знамения распространяется и на тех людей, что постоянно со мною общаются. Ведь многим эта сила противится, и для таких от бесед со мной нет никакой пользы, ибо я не в силах с ними общаться. Многим же она не препятствует проводить со мной время, но они из этого не извлекают никакой пользы. А те, кому сила моего гения помогает со мною общаться, – их и ты знаешь – делают очень быстро успехи (Plat. Theag. 128d sqq.).

Поневоле пришлось привести во всех подробностях этот очень, очень странный текст. Что бы ни говорить, а те сведения о демонии, которые в нем приводятся, как-то не вполне коррелируют с тем, что мы об этом явлении узнали ранее. Упоминаются какие-то непонятные лица – Тимарх, Саннион и прочие, – нам ни в какой связи не известные. Делаются некие неясные намеки на события, опять же нам ни о чем не говорящие, – а некоторые из них явно имеют просто-таки кровавый характер. Детектив, да и только! Хорошо, если эти зловещие намеки были понятны хотя бы тому юному Феагу, которому Сократ здесь их делает. А суть всех намеков, в общем-то, одна, если пересказать своими словами: слушай, юноша, во всём меня (сиречь моего божественного голоса), иначе как бы не было тебе худо. Станный какой-то Сократ изображен в этом диалоге. Зловещий какой-то, даже демонический (вот сам собой подоспел каламбур, коль скоро рассуждаем о демонии).

Один намек в процитированной речи Сократа (кстати, бросается в глаза, что она еще и не по-сократовски длинная), впрочем, понятен. Это – там, где речь идет о злополучной экспедиции афинян на Сицилию 415–413 гг. до н. э. Этот грандиозный военно-морской поход⁴⁸ возбудил в душах жителей «города

⁴⁸ См. о нем, например: *Caiani G.* Nicia e Alcibiade: il dibattito sull' ἀρχή alle soglie della spedizione in Sicilia (analisi lessicale di Thuc. 6, 9–18) // *Studi italiani di filologia classica.* 1972. Vol. 44. P. 145–183; *Powell C. A.* Religion and the Sicilian Expedition // *Historia.* 1979.

Паллады» самые грандиозные надежды, завершился же катастрофическим, чудовищным провалом.

А каково было отношение самого «босоногого мудреца» к готовящемуся «великому плаванию»? В общих чертах мы видели это из цитированного «Феага»: философ, прислушавшись к своему демонию, предрек поражение. Ровно о том же, но более понятными словами, сообщает автор, живший на несколько веков позже, – Плутарх: «Мудрецу Сократу его гений обычным условным знаком возвестил, что морской поход затевается на гибель городу. Сократ рассказывал об этом своим знакомым и друзьям, и слова его стали известны многим» (Plut. Nic. 13).

Впрочем, далеко не факт, что мы должны слепо доверять писателю, хоть и эрудированному, но отделенному от описываемых событий слишком уж большим хронологическим промежутком⁴⁹. Лучше вернуться к людям, которые были знакомы с Сократом лично. Мы видели, как понимает сократовский демонию Платон. А как понимается то же явление его современником Ксенофонт? Необходимо привести важнейшие свидетельства и с его стороны.

Собственно, свои «Воспоминания о Сократе» Ксенофонт начинает именно с рассуждения о демонию. Причем строит его явно в апологетическом по отношению к учителю духе, желая оправдать «босоногого мудреца» от обвинений в нечестии по отношению к богам:

По всему городу ходили слухи о рассказах Сократа, что божественный голос дает ему указания: это-то, мне кажется, и послужило главным основанием для обвинения его в том, что он вводит новые божества. На самом же деле он так же мало вводит нового, как и все другие, признающие искусство узнавать будущее, которые наблюдают птиц, голоса, приметы и жертвы: они предполагают, что не птицы и не встречаемые люди знают, что полезно для гадающих, но что боги через них указывают это; и Сократ думал так же. Но по большей части люди выражаются так, что птицы и встречаемые их отклоняют от чего-нибудь или побуждают; а Сократ, как думал, так и говорил: божественный голос, говорил он, дает указания. Многим друзьям своим он заранее советовал то-то делать, того-то не делать,

Bd. 28. Ht. 1. S. 15–31; Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981; Buck R. J. The Sicilian Expedition // Ancient History Bulletin. 1988. Vol. 2. No. 4. P. 73–79; Jordan B. The Sicilian Expedition was a Potemkin Fleet // Classical Quarterly. 2000. Vol. 50. No. 1. P. 63–79; Суриков И. Е. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // Antiquitas aeterna. 2007. Вып. 2. С. 30–39.

⁴⁹ В целом в связи с сообщениями позднеантичных авторов о демонию Сократа см.: Roskam G. Socrates' δαιμόνιον in Maximus of Tyre, Apuleius, and Plutarch // Tychè et Pronoia: La marche du monde selon Plutarque. Coimbra, 2010. P. 93–108; Renaud F. Socrates' Divine Sign: From the Alcibiades to Olympiodorus // Alcibiades and the Socratic Lover-Educator. Bristol, 2012. P. 190–199.

ссылаясь на указание божественного голоса, и, кто следовал его совету, получал пользу, а кто не следовал, раскаивался. Однако кто не согласится, что он не хотел казаться друзьям ни дураком, ни хвастуном? А он казался бы и тем и другим, если бы, выдавая свои советы за божественные откровения, потом оказывался бы солгавшим. Отсюда видно, что он не стал бы предсказывать, если бы не был уверен в истине своих слов. А можно ли в этом поверить кому-либо другому, как не богу? Если же он верил богам, то как же он мог не признавать, что боги существуют? (Хен. Мем. I. 1. 2–5).

Сравним это всё с тем, что мы узнали из Платона. Различия налицо. Платоновскому Сократу, как мы видели, демоний только запрещал что-либо делать. В толковании же Ксенофонта божественный голос вполне способен давать философу советы и в позитивном духе, подсказывать ему, как надлежит поступать. Далее, у Платона лишь в нескольких (да и то достаточно проблематичных) местах упоминается о том, что демоний помогал не только самому «босоногому мудрецу», но и его друзьям; Ксенофонт же говорит об этом открытым текстом, не сомневаясь.

Да и в целом по этому первому, программному заявлению Ксенофонта о демонии можно составить впечатление, что этот ученик Сократа – прагматик и реалист – вроде бы не очень-то уж и всерьез относится к самой идее божественного голоса. Похоже, он считал, что Сократ просто пользовался этим образом для доведения до собеседников правильных идей. Так сказать, прикрывался авторитетом божественного, как другие для вящей убедительности ссылаются на приметы, знамения и т. п. Делал, по сути, то же самое, но в несколько иной форме – более тонкой, что ли...

Как согласуются с этим мнением другие замечания Ксенофонта о демонии, разбросанные по его «Воспоминаниям»? Некий молодой человек Аристодем не желает почитать богов. Не то чтобы он в них не верит, а просто считает, что небожители не заботятся о людях, и желает, чтобы они дали ему несомненные свидетельства своего попечения о нем⁵⁰.

Ксенофонтовский Сократ, разумеется, увещевает юношу в противоположном смысле: боги не только существуют, но и делают людям добро и зло. Аристодем возражает: «Я признаю это, когда они будут посылать мне, как, ты говоришь, они посылают тебе, советников для указания, что делать и чего не делать» (Хен. Мем. I. 4. 15).

Речь идет, разумеется, о том же демонии. Что же отвечает Сократ? Банальность: боги и другим тоже являют свою волю, но более привычными средствами – через гадания, предзнаменования и прочие подобные вещи, так чего же,

⁵⁰ Об этом эпизоде и о позиции Аристодема см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания... С. 109 сл.

дескать, тебе еще надо? Ксенофонт, как видим, верен себе. Он и тут тоже, – конечно, из благих целей, для оправдания учителя – старается затушевать уникальность сократовского демония, представить его как одно из вполне нормальных средств общения с высшими силами. И, разумеется, ради этого вновь настаивает на том, что демоний не только отклонял, но и побуждал к поступкам.

А вот еще один пассаж в абсолютно аналогичном духе. Беседуют Сократ и некий Евтидем (не софист, фигурирующий у Платона, а его тезка, какой-то афинянин⁵¹). Тема разговора – опять боги. Сократ утверждает:

Так как мы не можем предвидеть, что нам полезно в будущем, боги и в этом случае нам помогают, указывая вопрошающим их посредством гаданий, какой будет исход дела, и давая наставление, как лучше всего его сделать.

А к тебе, Сократ, сказал Евтидем, боги относятся, по-видимому, еще дружественнее, чем к другим: ты их даже не вопрошаешь, а они тебе дают указания, что делать и чего не делать (Xen. Mem. IV. 3. 12).

Таким образом, концепция сократовского демония, предлагаемая Ксенофонтom, перед нами как на ладони. Главное ее отличие от толкования феномена Платоном, пожалуй, не столько даже в том, действовал ли демоний только в запретительном или также и в побудительном духе, сколько в другом: для Платона божественный внутренний голос Сократа – нечто невиданное, воистину чудесное, а для Ксенофонта – вещь вполне нормальная, которая, в общем-то, и не должна привлекать особенного внимания.

Один специальный случай действия демония Ксенофонт освещает в связи с судом над Сократом. Незадолго до начала процесса, в период, когда тяжущиеся обычно занимались тем, что тщательно готовили свои судебные речи, «бо-соногий мудрец» говорит своему ученику и другу Гермoгену: «...Я уже пробовал обдумывать защиту перед судьями, но мне воспротивился божественный голос» (Xen. Mem. IV. 8. 5).

В маленьком произведении Ксенофонта «Апология Сократа» (в русских переводах иногда передается как «Защита Сократа на суде»), специально посвященном сюжету суда над Сократом и являющемся как бы эпилогом «Воспоминаний» или приложением к ним, эпизод, по сути дела, дублируется, причем еще и интенсифицируется. Сократ заявляет Гермoгену теперь уже следующее: «Дважды уже я пробовал обдумывать защиту, но мне противится бог» (Xen. Apol. 4).

А в самой защитительной речи в передаче Ксенофонта философ говорит: «Мне является голос бога, указывающий, что следует делать». Но тут же поясняет:

⁵¹ В связи с персоналиями из окружения Сократа укажем на весьма важный просопографический труд: Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, 2002.

Ведь и те, которые руководятся криком птиц и случайными словами людей, делают выводы, очевидно, на основании голосов. А гром? Неужели будет кто сомневаться, что он есть голос или великое предвещение? Жрица на треножнике в Дельфах разве не голосом тоже возвещает волю бога? Что бог знает наперед будущее и предвещает его, кому хочется, и об этом все говорят и думают так же, как я? Но они именуют тех, кто предвещает будущее, птицами, случайными словами, приметами, предсказателями, а я называю это божественным голосом и думаю, что, называя так, употребляю выражение более близкое к истине и более благочестивое, чем те, которые приписывают птицам силу богов. Что я не лгу на бога, у меня есть еще такое доказательство: многим друзьям я сообщал советы и ни разу не оказался лжецом (Хен. Apol. 12–13).

Ксенофонт явно не заинтересован сказать полную правду о демонии. И потому так не согласен с Платоном. Точка соприкосновения между двумя описателями суда над Сократом, в сущности, только одна – констатация того, что философ именно под влиянием демонии не подготовил и не произнес защитительную речь традиционного типа, которая могла бы спасти его от смерти.

Кстати, Ксенофонт, который считал себя столь верным и преданным учеником Сократа, однажды не послушался учителя и не то чтобы обманул его, но всё же схитрил. Об этом он сам и рассказывает в другом своем сочинении – «Анабасисе». Друг Ксенофонта пригласил его отправиться на Восток и принять участие в походе персидского царевича Кира Младшего на своего старшего брата – царя Артаксеркса II. Ксенофонт загорелся этой идеей, тем более что ему не очень-то хотелось оставаться в Афинах, где в то время моральный климат был крайне неблагоприятен для аристократов и в целом лиц, не слишком симпатизировавших народовластию.

Внутри себя Ксенофонт уже принял решение, но следовало и посоветоваться с учителем. Сократ отнесся к намерению ученика не без сомнения – как бы это не повредило молодому человеку в будущем. И он порекомендовал Ксенофонту обратиться с запросом к Дельфийскому оракулу. Тот отправился в Дельфы, но вопрос поставил следующим образом: кому из богов нужно приносить жертвы и молиться, чтобы задуманная им поездка оказалась успешной?

Уловка налицо: каков вопрос – таков и ответ. Ксенофонту были названы соответствующие божества. Вернувшись в Афины, он поведал обо всём учителю. Сократ с упреком сказал, что не о том нужно было спрашивать, а о другом – ехать ли ему вообще или не ехать. Но уж раз получилось так, как получилось, – то ничего не поделаешь, нужно поступать, как предписал Аполлон. Ксенофонт с радостью принес нужные жертвы и отправился к Киру (Хен. Anab. III. 1. 5–7). Сократа он больше никогда уже не увидел, это была его последняя встреча с «босоногим мудрецом».

Характерно, что, излагая весь этот эпизод, Ксенофонт ни полусловом не упоминает о сократовском демонии. Хотя без демония тут никак не могло обойтись, – во всяком случае, если следовать логике самого же Ксенофонта в других его произведениях. Напомним: согласно этому автору, демоний всегда подсказывал Сократу, что ему делать, – и не только в отношении его самого, но и в отношении его друзей. И всегда такие божественные советы были полезны.

Мы не будем здесь останавливаться на характеристиках демония Сократа, дававшихся более поздними авторами, лично не знавших этого мыслителя⁵², а лучше обратимся в заключение еще к одной «демонической» теме, связанной с великим афинским философом. Вернемся к упоминавшимся уже выше силенам и сатирам.

В необъятном мире древнегреческой мифологии имелись, помимо многих других, и такие вот странные, причудливые порождения народной фантазии. Эти существа миксантропического облика, входившие в окружение Диониса – бога вина и веселья, – часто характеризуются в научной литературе (это нами уже отмечалось выше) как «демоны плодородия» («демоны» здесь – в значении «низшие божества языческой религии»). Данное их качество выражалось в необычайно похотливом нраве: в мифах они постоянно преследуют нимф и вакханок. Да и в целом ведут себя как-то асоциально, например, воруют скот⁵³.

Сатиры и силены изображались, в общем, похоже. Голова и торс – человеческие (впрочем, на голове небольшие рожки), нижняя же часть тела – как у животного: покрытые густой шерстью ноги с копытами и лошадиный хвост. Черты лица довольно уродливы, но при этом забавны: курносый нос, толстые губы, глаза навывкате...

Если хотели всё же отличать силенов от сатиров, то подчеркивали следующие особенности: сатиры изображались молодыми, а силены – пожилыми, соответственно, плешивыми. Сатиры охочи до женского пола, а силены больше склонны к выпивке, поэтому они часто изображены в обнимку с винным мехом. Впрочем, полной ясности и определенности в мифологии силенов не существовало. Согласно одной из версий, был только один силен (его так и звали – Силен), учитель Диониса, отец многочисленных сатиров. По другой же версии, силенов, как и сатиров, было много.

Не удивительно, что у самих античных авторов встречаются случаи путаницы между этими двумя видами мифологических персонажей. Так, то ли силеном, то ли сатиром считался Марсий, который дерзко вызвал на музыкальное состязание самого Аполлона, но потерпел поражение, и разгневанный бог

⁵² Тем более что они были рассмотрены в нашей книге о Сократе: Суриков И. Е. Сократ. М., 2011.

⁵³ Allan A. L. Cattle-Stealing Satyrs in Sophocles' *Inachos* // Shards from Kolonos: Studies in Sophoclean Fragments. Bari, 2003. P. 309–328.

предал его жестокой смерти. Иногда слова «силен» и «сатир» даже употреблялись как взаимозаменяемые синонимы.

Почему-то образы силенов и сатиров были очень любимы мастерами греческого искусства. Возможно, из-за присущего этим образам комизма. Изготавливались, например, полые внутри скульптурные изображения этих существ, которые открывались и служили своеобразными шкатулками для хранения драгоценностей, умщений или маленьких статуэток божеств.

Весь этот пояснительный экскурс потребовался нам потому, что без него многим осталось бы непонятным то очень яркое и меткое сравнение (фактически – развернутая метафора), которое употребляет подвыпивший Алкивиад в «Пире» Платона, характеризуя Сократа.

Хвалить же, друзья мои, Сократа я попытаюсь путем сравнений. Он, верно, полагает, что я хочу посмеяться над ним, но к сравнениям я намерен прибегать ради истины, а совсем не для смеха.

Более всего, по-моему, он похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов. Так вот, Сократ похож, по-моему, на сатира Марсия. Что ты сходишь с силенами внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать. А что ты похож на них и в остальном, об этом послушай. Скажи, ты дерзкий человек или нет? Если ты не ответишь утвердительно, у меня найдутся свидетели. Далее, разве ты не флейтист? Флейтист, и притом куда более достойный удивления, чем Марсий. Тот завораживал людей силой своих уст, с помощью инструмента... Ты же ничем не отличаешься от Марсия, только достигаешь того же самого без всяких инструментов, одними речами... Слушая тебя или твои речи в чужом, хотя бы и очень плохом, перескаже, все мы, мужчины, и женщины, и юноши, бываем потрясены и увлечены...

Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слезы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими. Слушая Перикла и других превосходных ораторов, я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, душа у меня не приходила в смятение, негодую на рабскую мою жизнь. А этот Марсий приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось – нельзя больше жить так, как я живу...

Вы видите, что Сократ любит красивых, всегда норовит побыть с ними, восхищается ими, и в то же время ничего-де ему не известно и ни в чем он не смыслил. Не похож ли он этим на силену? Похож, и еще как! Ведь он только напускает на себя такой вид, поэтому он и похож на полное изваяние силену. А если его раскрыть, сколько рассудительности, дорогие сотрапезники, найдете вы у него внутри!..

Сократ и в поведении своей, и в речах настолько своеобразен, что ни среди древних, ни среди ныне живущих не найдешь человека, хотя бы отдаленно похожего

на него. Сравнивать его можно, как я это и делаю, не с людьми, а с силенами и сатирами – и его самого, и его речи.

Кстати сказать, вначале я не упомянул, что и речи его больше всего похожи на раскрывающихся силенов. В самом деле, если послушать Сократа, то на первых порах речи его кажутся смешными: они облечены в такие слова и выражения, что напоминают шкуру этакого наглеца сатира. На языке у него вечно какие-то выючные ослы, кузнецы, сапожники и дубильщики, и кажется, что говорит он всегда одними и теми же словами одно и то же, и поэтому всякий неопытный и недалекий человек готов поднять его речи на смех. Но если раскрыть их и заглянуть внутрь, то сначала видишь, что только они содержательны, а потом, что речи эти божественны, что они таят в себе множество изваяний добродетели и касаются множества вопросов, вернее сказать, всех, которыми подобает заниматься тому, кто хочет достичь высшего благодетства (Plat. Symp. 215a sqq.).

Как видим, не обходится здесь Алкивиад без упоминания о внешности Сократа. Об этой внешности долго говорить не приходится, о ней знают все; она, кстати, приходила в разительное противоречие с классическим античным идеалом красоты⁵⁴. Напомним, философ был лысым, курносым, с глазами навывкате, с большим ртом и толстыми губами... И ведь действительно – силен силеном! Особенно это бросается в глаза, когда смотришь на его сохранившиеся античные скульптурные изображения.

С внешностью Сократа связан один в высшей степени интересный эпизод, который был описан его учеником Федоном в диалоге «Зопир», к сожалению, не сохранившемся (Diog. Laert. II. 105). Эта история в античности была хорошо известна, а до нас дошла в изложении Цицерона:

Разве мы не читали, как Сократа охарактеризовал Зопир, физиогномик, претендовавший на то, что он может определять характер и нрав человека по его телосложению, по глазам, лицу, лбу? Этот Зопир определил Сократа как человека глупого и тупого, так как у него ключицы не были вогнуты, а эти части тела, как он говорил, являются помехой и препятствием для ума. Вдобавок он нашел в нем женолюбие, по поводу чего Алкивиад, говорят, разразился хохотом (Cic. De fato 5. 10).

Эпизод с Зопиром тот же Цицерон в другом своем труде рассказывает, добавляя новые детали, причем весьма интересные. Будто бы физиогномик, исследовав внешность Сократа, обнаружил в нем многочисленные пороки; другие никаких подобных пороков в нем не знали и потому осмеивали Зопира, но

⁵⁴ Сократ и сам любил вышучивать эту свою телесную уродливость (например: Xen. Symp. 5. 5–7). См. к вопросу еще: Garver E. Ethos: Socrates Talks Himself out of his Body: Ethical Argument and Personal Immortality in the *Phaedo* // A Companion to Rhetoric and Rhetorical Criticism. Oxf., 2004. P. 206–220.

сам философ с ним согласился и сказал, что, действительно, пороки были ему от рождения присущи, но он силой разума избавился от них (Cic. Tusc. IV. 80).

Правда, в полной истинности этой последней истории позволительно усомниться, тем более что в ней имеются расхождения с предыдущим рассказом. Однако как раз для подобных случаев хорошо подходит итальянская поговорка: *si non è vero, è ben trovato* – «если это и не правда, то хорошо придумано». Сократ здесь предстает человеком, который в буквальном смысле слова сделал себя сам – неустанной работой над собой.

Возможно, именно к Зопиру следует относить и следующее сообщение источника: «По словам Аристотеля, некий маг, пришедший из Сирии в Афины, заранее предсказал Сократу в числе других бедствий и его насильственную смерть» (Diog. Laert. II. 45).

Как бы то ни было, уж чем только пресловутый Сократ не компрометировал себя (или – вариант – был компрометируем своими врагами)! И какими-то непристойными плясками⁵⁵, и какими-то нестандартными отношениями с женщинами-подругами⁵⁶. Действительно, какой-то демон, сатир, силен⁵⁷? И в то же время «злой демон» афинской демократии, ее убежденный и принципиальный противник⁵⁸, был, по его собственному глубокому убеждению (Plat. Apol. 30e–31a), абсолютно необходим этой политической системе, выступая в роли этакого «овода» (Сократ именно это слово и употребляет), не дающего демосу «облениваться», остановиться на достигнутом.

⁵⁵ Huss B. The Dancing Socrates and the Laughing Xenophon, or the Other *Symposium* // Xenophon. Oxf., 2010. P. 257–282.

⁵⁶ Goldhill S. The Seductions of the Gaze: Socrates and his Girlfriends // Xenophon. Oxf., 2010. P. 167–191.

⁵⁷ Кстати, одна из черт Сократа, подмечавшаяся его современниками, заключалась в том, что он пил и не пьянел. Это один из лейтмотивов, проходящих через «Пир» Платона. Напомним, как заканчивается упомянутый диалог. Дело идет под утро; все участники затянувшейся пирушки давно уже пьяны и по большей части спят. Бодрствуют за чашей только Сократ, комедиограф Аристофан и трагедиограф Агафон. Они спорят; Сократ (сам никогда драм не писавший) доказывает двум собеседникам, что один и тот же автор может с успехом писать и комедии, и трагедии. Те возражают (поскольку представление о специализированности жанров было в Греции той эпохи весьма развито, см.: Суриков И. Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М., 2015. С. 621–622), но возражают вяло, и Сократ в итоге оказывается победителем.

⁵⁸ Сократа в современной западной историографии нередко пытаются «обелить», превратить в сторонника демократии (аналогичная процедура проделывается и с Платоном). Оправданный протест против подобной постановки вопроса см. в: Rowe C. J. Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // Journal of Hellenic Studies. 2001. Vol. 121. P. 63–76.

АККУМУЛЯЦИЯ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА В АФИНАХ V В. ДО Н. Э., ИЛИ ПУТЬ В БЕЗДНУ*

Предостережение Геродота. В V в. до н. э. Афины в результате успехов в Греко-персидских войнах небывало усилились. Правда, ключевую кампанию этого многолетнего вооруженного конфликта, пришедшуюся на 480–479 гг. (поход Ксеркса), они провели в качестве лишь одного (правда, влиятельного) члена Эллинского союза, возглавлявшегося Спартой¹. Однако почти сразу после этого, когда оборонительная фаза войн для греков сменилась наступательной, лакедемоняне самоустранились от военных действий и фактически вышли из состава этого союза, что привело если и не к прекращению его существования (был ли он официально ликвидирован или же номинально просуществовал до 462 г. до н. э.² – вопрос, пока не получивший в науке однозначного разрешения), то к утрате им стратегического значения.

Дальнейшее хорошо известно: Афины, создав новую военно-политическую коалицию – Делосский (Первый Афинский) морской союз, – в полной мере пожали все плоды – и славу, и выгоду, – воспоследовавшие от изгнания персов из Эгеиды. Если в 479 г. до н. э. эллины под водительством Спарты только защитили от врагов собственную страну, то затем они, уже под водительством Афин, действовали на вражеской территории, освободили от ахеменидского владычества островные и малоазийские полисы³. Многими современниками это воспринималось как победа над восточной варварской империей.

* Впервые опубликовано в: Цивилизация и варварство: Ловушки, засады и пропасти латентного варварства. М., 2020. Вып. 9. С. 158–191.

¹ Об этом объединении полисов см.: *Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. Bd. 23. S. 43–77.*

² Когда спартанцы нанесли оскорбление афинскому отряду, прибывшему помогать им в подавлении восстания илотов (*Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 89 ff.; Bloedow E. F. Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 BC? // Ancient History Bulletin. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 89–101*), и это вызвало взрыв негодования в Афинах.

³ Почти все, но не все. Так, Магнесия-на-Меандре, находившаяся не на побережье, а в нескольких десятках километров от него, то есть в какой-то степени в глубине материка, не была утрачена Ахеменидами в ходе Греко-персидских войн и даже по Каллиеву миру 449 г. до н. э. осталась в составе их державы (*Rubinstein L. Ionia // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish*

Но на смену ей в регионе вырастала новая: в нее постепенно преобразался Делосский союз. «Империалистические» замашки руководивших им афинян со временем стали настолько очевидны, что, например, в западной историографии Афинскую архэ по большей части именуют не иначе как «Афинская империя»⁴. С одной стороны, Афины, опираясь на колоссальные прибыли от фороса (податей) союзников, смогли позволить себе приступить к реализации «великого проекта», предполагавшего беспрецедентное развитие демократических институтов, превращение «города Паллады» в красивейший в Элладе посредством дорогостоящих строительных программ⁵, а также достижение им лидерства во всем греческом мире, перехват у Спарты статуса гегемона. С другой стороны, создание державы «имперского» типа, нарастающее «закручивание гаек» – всё это таило в себе скрытые угрозы.

Последнее хорошо понимал Геродот, который хотя и прославился прежде всего как главный «певец» Греко-персидских войн, но в то же время был свидетелем всего периода Пентеконтаэтии, пикового для Афин. Создается впечатление, что «отец истории» в своем труде имплицитно предостерегал: Афины, сокрушившие империю персов, рискуют превратиться в некое ее подобие, а это чревато опасностями и даже крахом⁶.

Обращают на себя внимание, в частности, завершающие главы «Истории» Геродота⁷ (Herod. IX. 114–122). Последний связно пересказанный историком эпизод Греко-персидских войн – освобождение от ахеменидского владычества греческого города Сеста (на берегу пролива Геллеспонт) афинским флотом под

National Research Foundation. Oxf., 2004. P. 1081). Там правил Фемистокл – некогда греческий герой, а теперь персидский вельможа (о Фемистокле в связи с проблематикой данной работы см. ниже).

⁴ Это имеет место в работах как традиционного (Meiggs R. The Athenian Empire. Oxf., 1972), так и «ревизионистского» (Mattingly H. B. The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996) направления – см. хотя бы их заголовки.

⁵ Конечно, в литературе постоянно отмечается, что непосредственно на строительство или на развитие демократии форос пускали редко. Но нужно понимать, что он, полностью покрывая собой военные нужды (а это самая затратная статья в расходной части бюджета большинства государств), тем самым высвобождал обильные средства на иные цели. Отметим еще, что реальную, а не имитационную демократию (а классическая афинская демократия была именно реальной) могут позволить себе только очень богатые государства, это «дорогое удовольствие». Афины в период Пентеконтаэтии были чрезвычайно богаты по греческим меркам, и демократия в них развивалась до конечных возможных в античности пределов.

⁶ Здесь опираемся на наши предыдущие выкладки в: Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 271–279.

⁷ О них см., например: Desmond W. Punishments and the Conclusion of Herodotus' Histories // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2004. Vol. 44. P. 19–40.

командованием Ксантиппа в 479/478 г. до н. э. Геродот, как всегда, уснащает рассказ живо описанными подробностями. Артаикт, персидский комендант Сеста, бежал из города, но был схвачен. Он пытался купить свою жизнь, однако Ксантипп подверг его казни, причем весьма мучительной: перса распяли, и, пока он был еще жив, на его глазах побили камнями его сына⁸.

У. Десмонд совершенно справедливо замечает⁹, что столь жестокая форма расправы была, в общем-то, отнюдь не характерна для греков, а вот на Востоке это был распространенный обычай (Herod. III. 125; III. 132; III. 159; VI. 30). Так поступали не только с живыми людьми, но и с телами погибших врагов. Так, после победы при Фермопилах Ксеркс приказал отрубить уже убитому Леониду голову, а тело распять (Herod. VII. 238; IX. 78).

После битвы при Платеях греческому командующему – спартанцу Павсанию – предлагали в отместку поступить так же с телом Мардония, вождя противников, но тот решительно отказался. А Ксантиппу, как видим, никакие моральные принципы не помешали до крайности сурово обойтись с пленным персом. Тот же Десмонд, сопоставляя описание Геродотом поведения Павсания и Ксантиппа, предполагает, что тем самым историк выразил свои преимущественные симпатии к Спарте по сравнению с Афинами¹⁰. Нам, впрочем, представляется, что скорее следует говорить о неприязни Геродота не столько к Афинам в целом, сколько лично к Ксантиппу. Ведь этот последний принадлежал к кругу Алкмеонидов и являлся отцом Перикла. А «отец истории», вопреки распространенному в антиковедении мнению, вовсе не был приверженцем Алкмеонидов и Перикла; напротив, он принадлежал к окружению конкурирующего с Алкмеонидами рода – Филаидов – и его лидера Кимона¹¹.

После эпизода с Сестом в «Истории» есть еще коротенький экскурс о «делах давно минувших дней», главные герои которого – Кир Великий¹² и еще один перс, Артембар. Этот экскурс представляет собой самую последнюю главу труда (Herod. IX. 122). Артембар будто бы посоветовал своим соотечественникам, одержавшим уже ряд громких побед: «Давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю... Так подобает поступать народу – властителю других народов».

⁸ См. в связи с эпизодом: *Rollinger R. Herodotus, Human Violence and the Ancient Near East // The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 137 ff.*

⁹ *Desmond W. Op. cit. P. 34 ff.*

¹⁰ *Desmond W. Op. cit. P. 36, note 34.*

¹¹ *Суриков И. Е. Очерки... С. 362–395.*

¹² Об образе Кира у Геродота, в том числе и в связи с данным пассажем, мы писали на страницах «Цивилизации и варварства»: *Суриков И. Е. «Великий Варвар» как субъект и объект истории: Кир Старший в классической греческой традиции // Цивилизация и варварство. 2017. Вып. 6. С. 49–78.*

Далее галикарнасец продолжает:

Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее он советовал персам готовиться к тому, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине.

Этими словами заканчивается «История», как она до нас дошла. Нетрудно заметить, прежде всего, что процитированный рассказ как-то очень слабо связан с тем, что ему непосредственно предшествует, – с осадой и взятием Сеста. Связь, собственно, заключается только в том, что Артембар был дедом вышеупомянутого Артаикта.

Но ведь для чего-то Геродоту потребовалось вводить этот экскурс? В целом в рамках труда он вовсе не смотрится неорганично, в нем присутствуют ключевые мотивы, характерные для геродотовского повествования в целом. Прежде всего бросается в глаза столь частый у «отца истории» мотив советчика¹³, с помощью которого интересующий нас автор постоянно маркирует особенно дорогие для него идеи.

Да, последняя глава «Истории» насыщена интересными и важными мыслями (как почти всегда у великого галикарнасца), но эти мысли – такого рода, что они больше подходят не для финала сочинения о Греко-персидских войнах, а для начала повествования о их новом периоде – когда афиняне перешли против Ахеменидов в наступление, перехватили у них стратегическую инициативу, сами стали атакующей стороной и начали отвоевывать у противника остров за островом, город за городом в бассейне Эгейского моря. Усиление Афин на этом этапе войн шло не по дням, а по часам; они создали мощный морской союз¹⁴, владычествовали во всей Эгеиде (и не только), накопили неимоверные по греческим меркам богатства и вступили в борьбу со Спартой за гегемонию в Элладе. Борьба привела к Пелопоннесской войне (начало которой Геродот, как известно, совершенно точно застал¹⁵), а в этой последней афинский полис

¹³ О важности этого мотива для Геродота см.: *Solmsen F.* Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam; L., 1974, P. 5; *Суриков И. Е.* Очерки... С. 232–246.

¹⁴ В литературе отмечалось, что, например, сведения Геродота об Ионии нужно рассматривать сквозь призму истории Афинской архэ: *Thomas R.* Herodotus, Ionia and the Athenian Empire // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 27–42.

¹⁵ *Fornara C. W.* Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *Journal of Hellenic Studies*. 1971. Vol. 91. P. 25–34.

потерпел сокрушительное поражение и никогда уже не обрел прежнего могущества.

Афины, в сущности, прошли тем же путем, что Персия до них: от побед, торжества, усиления – к бедам, поражениям и упадку. В их судьбе как будто проявились «основные законы истории», как их видел Геродот, и в первую очередь закон божественного наказания за «чрезмерную» мощь и порожденную ею надменную гордыню (ὑβρις). Между прочим, здесь автор истории опирался на концепцию своего великого предшественника в описании конфликта Востока и Запада – драматурга Эсхила. Последний в трагедии «Персы» увидел главную причину разгрома Ксеркса в том, что персидский царь дерзнул на сверхчеловеческие дела: постройку моста через Геллеспонт и канала близ Афона. Данный мотив (Ксеркс, как бы извращающий природу стихий, заставляющий людей идти «по воде», а суда – двигаться по бывшей суше) впоследствии стал расхожим общим местом. Прочитаем хотя бы эллинистического поэта Ликофрона (Lycophr. Alex. 1412–1416):

Но не уступит мать Эпиметеева¹⁶,
На место всех гиганта одного пошлет,
Персея поросль¹⁷: он пройдет и по морю,
Как по пути сухому, и по тверди он
На веслах поплывет¹⁸...

Не случайно афинский полководец Ксантипп у Геродота, как мы видели, ненужной жестокостью уподобляется варварам-персам. Впоследствии у Фукидида имплицитно встречается аналогичная мысль: Афины в конце концов уподобились Персии, и с этого момента их крах стал неизбежным¹⁹. Но о Фукидиде, заставшем совершенно иную ситуацию, нам говорить пока не время. Что же касается Геродота, он, повторим, хотел завершением своего труда, судя по всему, предостеречь близких и симпатичных ему афинян от повторения персидских ошибок²⁰. Если это действительно так – то его предостережение, увы,

¹⁶ Азия (Эпиметей – брат Прометей).

¹⁷ Речь идет именно о Ксерксе и его грандиозном походе на Элладу. Греки возводили происхождение персов к своему мифологическому герою Персею.

¹⁸ Соорудив мост на Геллеспонте, Ксеркс перевел через этот пролив свое сухопутное войско; прорыв канал на Афоне, он провел флот там, где еще недавно была суша.

¹⁹ Connor W. R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 157; Will W. Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. Bonn, 2006. Passim.

²⁰ Например, от чрезмерного расширения своих владений. Одна из черт персов, как их воспринимали греки, – надменное презрение к границам и пределам (ср.: Franks H. M. Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // Hesperia. 2009. Vol. 78. No. 4. P. 455–480), нарушение их, которое до добра не доводит.

пропало втуне. И в то же время оказалось пророческим: на протяжении V в. до н. э. в афинском полисе и Афинском морском союзе наблюдалась постепенная аккумуляция латентного варварства. Рассмотрим некоторые релевантные эпизоды из политических биографий ведущих государственных деятелей этого столетия.

Чудовищное жертвоприношение Фемистокла.

Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Как говорили, это были дети царской сестры Сандаки и Артаикта... Эвфрантид (прорицатель. – *И. С.*) подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу (эпиклезу можно перевести как «сыроядец», «кровожадный». – *И. С.*). Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем от согласного с ним: все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение. Так рассказывает философ, хорошо знакомый и с историей, – Фаний Лесбосский (*Plut. Them.* 13).

Плутарх относит это описанное им событие к утру перед Саламинской битвой, переломной для хода Греко-персидских войн. Ф. Фрост, написавший комментарий к Плутарховой биографии Фемистокла, высказывает сомнения в достоверности эпизода²¹, но они не кажутся нам обоснованными, тем более что ссылка дается на достаточно авторитетный источник – Фания Лесбосского²², серьезного ученого, представителя перипатетической школы, ученика Аристотеля.

Характерно, что тот же Плутарх вспоминает о данном мероприятии и в другой связи (*Plut. Pelop.* 21), рассказывая, как Пелопид, фиванский полководец IV в. до н. э., планировал было (перед сражением при Левктрах, тоже очень важным) принести в жертву девушку, но в конце концов казуистически заменил ее кобылой, не решившись на ритуальное убийство человека:

...ни одной из вышних сил не может быть угодна столь дикая и незаконная жертва, – ведь нами правит отец всех богов и людей, а не гиганты и не пресловутые тифоны. Нелепо, пожалуй, верить в демонов, которых радует убийство и человеческая кровь, а если они и существуют, не следует обращать на них ни малейшего внимания, считая совершенно бессильными, ибо нелепые и злобные

²¹ *Frost F. J.* Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, 1980. P. 150.

²² О нем см.: *Mühl M.* Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // *Rheinisches Museum für Philologie.* 1955. Bd. 98. Ht. 4. P. 349–354.

их желания могут возникать и сохранять силу только по слабости и порочности нашей души.

Данное суждение в полной мере отражает отношение древних греков к человеческим жертвоприношениям: налицо их отторжение. Тут же Плутарх перечисляет некоторые известные ему случаи таковых, но почти все они без исключения взяты из мифов (самый известный случай – принесение в жертву Агамемноном Ифигении в Авлиде²³), исторический же пример у него фигурирует только один, да и тот не вызывает ни малейшего доверия (якобы спартанцы убили писателя-теолога VI в. до н. э. Ферекида и сняли с него кожу)²⁴.

Вполне закономерно то, что и эпизод с Фемистоклом, и эпизод с Пелопидом имели место перед битвами. Совершение перед сражением жертвоприношения с гаданием по внутренностям жертвы было распространеннейшим обычаем у эллинов, фактически – инвариантной нормой²⁵. Но как для этих, так и для любых других жертвоприношений использовались (если, подчеркнем, вести речь не о мифологии, а о реальной истории), естественно, животные²⁶, в том числе и когда жертва приносилась Дионису²⁷. Говорить о том, что с людьми не поступали подобным образом в принципе никогда, все-таки нельзя, но случалось такое чрезвычайно редко, только в исключительных случаях. Случай с Фемистоклом, насколько можно судить, был вообще самым последним (во всяком случае, из зафиксированных в источниках)²⁸. Для более раннего времени (начало VI в. до н. э.) известно принесение в Афинах в жертву двух юношей по предписанию известного пророка и чудотворца Эпименида, во искупление «Килоновой скверны»; правда, о нем сообщает поздний автор (Diog. Laert. I. 111–112), к тому же из числа не самых надежных.

²³ Об этом мифе см., в частности: *Blume H.-D. Euripides' Iphigenia at Aulis: War and Human Sacrifice // Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens. B.; Boston, 2012. P. 181–187.*

²⁴ Упоминается Плутархом в данной связи еще героическая гибель при Фермопилах Леонида, который «до какой-то степени принес себя в жертву за Грецию»; но ясно, что тут можно говорить только о «жертвоприношении» в фигуральном смысле.

²⁵ *Jameson M. H. Sacrifice before Battle // Hoplitae: The Classical Greek Battle Experience. L., 1993. P. 197–227.*

²⁶ *Bremmer J. N. Greek Normative Animal Sacrifice // A Companion to Greek Religion. Oxf., 2007. P. 132–144; Rives J. B. The Theology of Animal Sacrifice in the Ancient Greek World: Origins and Developments // Ancient Mediterranean Sacrifice. Oxf., 2011. P. 187–202.*

²⁷ *Georgoudi S. Sacrificing to Dionysos: Regular and Particular Rituals // A Different God? Dionysos and Ancient Polytheism. B.; Boston, 2011. P. 47–60.*

²⁸ Некоторые восходящие к глубокой древности ритуалы аттического культового календаря предполагали человеческие жертвоприношения, но в историческое время их, разумеется, проводили имитационно.

Так было у греков. А вот в обществах древнего Ближнего Востока (во всяком случае, в некоторых из них) человеческие жертвоприношения были вполне в норме вещей²⁹, равно как, например, и у скифов³⁰. И греки, конечно, это знали, что прекрасно вписывалось для них в картину варваров как людей жестоких, негуманных. В связи с этим, собственно, и сама лексема βαρβαρος часто приобретала оценочный оттенок, в высшей степени негативный. Закалывая на алтаре родственников персидского царя, Фемистокл как бы и сам уподоблялся варвару. По крайней мере, это однозначно стало восприниматься именно так, когда Фемистокл позже перешел на сторону персов и переселился на территорию державы Ахеменидов³¹. А, между прочим, на складывание образа саламинского героя в последующей античной историографии сильно повлияла эта его последующая измена. Геродот, например³², хотя и не упоминает о ней напрямую (она выходит за хронологические рамки его труда), но очевиднейшим образом относится к Фемистоклу отрицательно³³.

Между прочим, последний вполне ассимилировался на новой родине и, в частности, находясь при ахеменидском дворе, овладел персидским языком, что, с точки зрения греков-современников, тоже было ему в минус: эллины, преисполненные чувства собственного достоинства, обычно не снисходили до изучения чуждых наречий, считая, что это остальные народы должны учить греческий. Впрочем, вполне персом, «варваром» Фемистокл так и не стал. Так, монеты, которые выпускал в качестве правителя Магнесии-на-Меандре вначале он сам, потом его сын-наследник Археполид (а потом, возможно, и внук, Фемистокл-младший)³⁴, абсолютно не имеют в себе каких-либо варварских

²⁹ Ср.: *Grant M. Myths of the Greeks and Romans*. N. Y., 1962. P. 340.

³⁰ См. запоминающееся описание Геродотом достаточно массовых человеческих жертвоприношений в ходе погребальных ритуалов в случае кончины скифского царя (Herod. IV. 71–72).

³¹ *Mayer K. Themistocles, Plutarch, and the Voice of the Other // Plutarco y la historia: Actas del V simposio español sobre Plutarco*. Zaragoza, 1997. P. 297–304; *McKechie P. Themistocles' Two Afterlives // Greece & Rome*. 2015. Vol. 62. No. 2. P. 129–139.

³² См. монографическое исследование об образе Фемистокла у Геродота: *Blösel W. Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert*. Stuttgart, 2004.

³³ *Суриков И. Е. Очерки...* С. 387–390.

³⁴ О монетах династии Фемистокла см.: *Nollé J. Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau*. 1996. Bd. 75. S. 5–31; *Nollé J., Wenninger A. Themistokles und Archepolis: Eine griechische Dynastie im Perserreich und ihre Münzprägung // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1998/1999. Bd. 48/49. S. 29–70; *Sheedy K. A. Themistocles, his Son Archepolis, and their Successors (Themistocles V?): Numismatic Evidence for the Rule of a Dynasty at Magnesia on the Maeander // Text and the Material World: Essays in Honour of G. Clarke*. Uppsala, 2017. P. 65–80.

элементов, будучи отчеканены в полном соответствии с нормами, принятыми в независимых греческих полисах.

«Полуварвар» Кимон и раздетые враги. Кимон, один из самых прославленных полководцев и политических деятелей эпохи Греко-персидских войн, по этническому происхождению являлся полукровкой. Отцом его был не менее знаменитый Мильтиад, марафонский победитель, а вот матерью – знатная фракиянка Гегесипила, вторая жена Мильтиада (Herod. VI. 39; Plut. Cim. 4). Впрочем, возможно, что она была уже эллинизированной фракиянкой (во всяком случае, ее имя, как его передают источники, звучит вполне по-гречески³⁵). И в любом случае Кимон, конечно, получил чисто греческое воспитание, в нем не было ничего специфически варварского. А наличие матери-чужеземки ему нисколько не вредило, пока в 451/450 г. до н. э. не был по инициативе Перикла принят ограничительный закон об афинском гражданстве³⁶.

При этом главным делом жизни Кимона стала как раз борьба с варварами. Именно под его водительством флот Афинского морского союза совершенно вытеснил персидские силы из бассейна Эгейского моря и нанес им ряд чрезвычайно ощутимых поражений. В частности, его победа при Евримедонте³⁷ по степени своей «триумфальности» едва ли не затмила славные победы при Марафоне, Саламине, Платеях и др.

Именно к битве при Евримедонте мы относим³⁸ событие, о котором рассказал в своих мемуарах Ион Хиосский – весьма ранний (V в. до н. э.) автор, современник Кимона, лично знакомый с ним³⁹. Протицируем это сообщение

³⁵ Хотя можно, конечно, допустить, что греки изменили на свой манер варварское фракийское имя. Параллели имеются. Например, сохранился датированный 370-ми гг. до н. э. почетный декрет афинян (Rhodes P. J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxf., 2007. P. 86–91) в честь финикийского (сидонского) царя, имя которого в надписи фигурирует как Стратон. Из этого, разумеется, нельзя делать вывод, что упоминаемый правитель был греком. Ученые не сомневаются, что в действительности он носил финикийское теофорное имя, производимое от «Астарты».

³⁶ Из многочисленных существующих в науке интерпретаций этой достаточно скандальной меры нам представляется наиболее убедительной та, которая содержится в: Blok J. H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170.

³⁷ Датировки этого сражения колеблются от 469 до 466 г. до н. э. (см. к проблеме: Badian E. Op. cit. P. 77 ff.), но они для нас здесь не принципиальны.

³⁸ Аргументацию см. в: Суриков И. Е. О возможном историко-географическом контексте сюжета обобщенного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей. 2013. Т. 7. С. 46–57.

³⁹ О ценности мемуаров Иона как источника, в том числе и в связи с данным эпизодом, см: Суриков И. Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М., 2015. С. 618–634.

Иона (Ion FGrHist. 392. F 13), сохраненное для нас, как часто бывает, Плутархом (Plut. Cim. 9). Рассказывается об обеде в обществе Кимона, на котором присутствовал сам Ион.

...Разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликийи друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны.

Сам по себе этот колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место: он вряд ли мог быть выдуман (выдумать такое просто невозможно), тем более что источником сведений о нем является воспоминание автора-современника, а в конечном счете – сообщение самого главного участника событий, Кимона⁴⁰. Более аутентичный источник просто невозможно себе представить⁴¹. С другой стороны, не оставляет впечатление, что в сообщении вкралась какая-то путаница, что оно приурочено традицией не вполне верно в географическом и временном отношении. Прежде всего, сразу бросаются в глаза некоторые детали, которые следует признать просто невозможными.

Обратим внимание на то, что в рассказе речь идет о Сесте и Византии, где были захвачены персы, которых делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти

⁴⁰ Мы полностью солидарны с резонным замечанием Э. Бадияна: «Вполне очевидно, что это свидетельство не менее надежно, чем многие другие свидетельства об этом периоде: ведь сам Кимон указан в качестве источника по вопросу, который должен был быть хорошо известен в обществе, причем ссылается на Кимона автор, заявлявший, что сам слышал его и, во всяком случае, принадлежавший к его кругу» (*Badian E. Op. cit. P. 211*).

⁴¹ Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила широкий резонанс в греческом мире. Так, под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н. э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными (Xen. Ages. I. 28; Plut. Ages. 9).

два пункта находятся довольно далеко друг от друга, так что они не могли стать объектом единой, общей операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи. Еще важнее другое: Сест и Византий действительно были отвоеваны у персов в разное время и разными контингентами: первый, как отмечалось выше, весной 478 г. до н. э. афинянами под командованием Ксантиппа, второй – осенью 478 г. до н. э. флотом Эллинского союза под командованием спартанского регента Павсания. Кимон же ни в одной из этих кампаний главнокомандующим не был и вопросы о судьбе добычи и пленных не решал.

Есть и другие «нестыковки»⁴², и в совокупности их слишком много, чтобы не порождать проблем. Остается допустить некий *lapsus memoriae* у Иона Хиосского: сам факт он со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. В конце концов, Ион не являлся военным историком и не писал труд о перипетиях Греко-персидских войн. В связанных с ними вопросах он вряд ли гнался за точностью; ему простительно было и ошибиться. А мы должны задуматься о другом, более подходящем и непротиворечивом контексте рассматриваемого инцидента. Собственно, вариантов почти нет. Практически неизбежно приходится предположить, что речь должна идти о битве при Евримедонте. Достоверно известно из источников, что добыча, взятая в этом сражении, была чрезвычайно обильной. Сказанное в особенной степени относится именно к числу пленных персов. Флотом Делосского союза при Евримедонте командовал лично Кимон; соответственно, он же и распоряжался добычей, и урегулировал эти вопросы с союзными контингентами. Кстати, обратим внимание и на то, что впоследствии за пленными прибыли с выкупом их друзья и родственники «из Фригии и Ликии», как указывает Ион, а это (особенно упоминание Ликии) в географическом аспекте тоже гораздо лучше укладывается в контекст дела при Евримедонте, нежели в контекст военных действий в Черноморских проливах⁴³.

Обратим внимание на то, что Кимон приказал обнажить пленных, а это, вне сомнения, по отношению к ним являлось подчеркнуто унижающим жестом. Если греки с их «божественным отсутствием стыда»⁴⁴ в целом ряде ситуаций появлялись в общественных местах обнаженными⁴⁵, то для людей

⁴² Их перечень см. в вышеупомянутой статье: Суриков И. Е. О возможном историко-географическом контексте...

⁴³ В некоторых рукописях иное чтение: не «Ликия», а «Лидия». Но и Лидия тоже от Геллеспонта и Боспора далековата, а к региону Евримедонта гораздо ближе.

⁴⁴ Как удачно выразился Максимилиан Волошин (*Волошин М. А. Лики творчества*. Л., 1988. С. 401).

⁴⁵ Например, на спортивных состязаниях (*Christesen P. Sport and Democratization in Ancient Greece (with an Excursus on Athletic Nudity) // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxf., 2014. P. 211–235).

Востока находиться в таком виде было, безусловно, крайне дискомфортно. Кроме того, похоже, греки по этому поводу учинили сексуальное насилие над пленными. На это намекает обценное изображение на «вазе Евримедонта» – весьма интересной краснофигурной ойнохое 460-х гг. до н. э., опубликованной сравнительно недавно⁴⁶.

Перикл расправляется с самосцами. Перикл стал в значительной мере главным символом эпохи высшего расцвета классической Греции, максимального развития афинской демократии. Обозначение самой этой эпохи как «Периклова века» давно уже стало хрестоматийным, расхожим. Еще Валерий Брюсов писал:

Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!

В результате личность и деятельность Перикла в историографии постоянно идеализировались⁴⁷ (надо сказать, что тенденция этой идеализации восходит к античности, а именно – к Фукидиду, младшему современнику Перикла, лично его знавшему⁴⁸), о любом связанном с ним негативе предпочитали умалчивать. Лишь в последнее время наметились иные подходы, которые, впрочем, приводят уже к крайностям противоположного рода: например, в книгах В. Вилля, направленных на «развенчание» Перикла, на преуменьшение его исторической роли, настойчиво проводится идея, что он был всего лишь морально неразборчивым политиканом и интриганом, шедшим к власти по головам других.

Это, конечно, тоже «перебор». Однако «рыцарем без страха и упрека» Перикл ни в коей мере не был, что мы попытаемся продемонстрировать на одном историческом примере, относящемся ко времени, когда он являлся уже безоговорочным лидером афинского государства. Жесткость и даже жестокость политической линии Перикла была с предельной ясностью продемонстрирована в ходе подавления восстания на Самосе в 440–439 гг. до н. э. Это событие, судя по всему, глубоко врезалось в память современников; соответственно, оно очень неплохо освещено в нарративных источниках (важнейшие свидетельства: Thuc. I. 115–117; Diod. XII. 27–28; Plut. Pericl. 24–28), отражено

⁴⁶ Schauenburg K. ΕΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1975. Bd. 90. Ht. 97–121.

⁴⁷ Этот факт отмечался неоднократно. См., например: Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 8–9; Lehmann G. A. Perikles: Staatsmann und Strategie im klassischen Athen. Eine Biographie. München, 2008. S. 254–255; Туманс Х. Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 2010. № 10 (53). С. 117–154; Tumans H. Pericles Forever (Short Version) // Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012. P. 22–29.

⁴⁸ Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

и в эпиграфике (IG. I³. 48), да и в современной исследовательской литературе неоднократно исследовалось⁴⁹.

Самос был, пожалуй, вторым по значению и силе членом Афинской архэ после самих Афин. Остров гордился своим славным прошлым (в VI в. до н. э., при тиране Поликрате, он принадлежал к числу ведущих держав греческого мира), был богатым и процветающим (построенный при Поликрате колоссальный храм Геры и во времена Перикла оставался самой большой культовой постройкой Эллады), обладал сильным флотом. Тем тягостнее было для него сносить ужесточающуюся афинскую гегемонию, несмотря на то, что Самос являлся одним из немногих привилегированных союзников: фороса не платил, а свою долю в деятельность симмахии вносил непосредственно кораблями. При этом полис сохранял олигархическое правление.

Поводом для восстания самосцев послужил следующий факт. Они находились в состоянии войны с соседями-милетянами из-за спорных территорий. В этом споре Перикл встал на сторону Милета (как поговаривали злые языки в Афинах, он поступил так потому, что милетянкой была его сожительница Аспасия⁵⁰). Он прибыл на Самос с эскадрой кораблей, низложил правящих олигархов и установил демократию. Олигархи бежали, но, не успев Перикл отправиться на родину, прибыли обратно, вернулись к власти и подняли антиафинский мятеж.

Этого полис-гегемон, конечно, никак не мог потерпеть. К Самосу срочно отправился мощный афинский флот. Им командовали все десять стратегов, что показывало важность мероприятия. Даже драматург Софокл, входивший в этом году в коллегия военачальников, тоже участвовал в самосской кампании. Но руководил ею, безусловно, Перикл. Осада острова затянулась. Учитывая его силу и богатство, этого, в принципе, следовало ожидать. Лишь через девять месяцев остров сдался⁵¹. Естественно, на самосцев было наложено суровое наказание. Афиняне обязали их срыть оборонительные укрепления, выдать свой военный флот, заплатить победителю контрибуцию. Кроме того, Самос отныне лишился статуса привилегированного союзника и начинал вносить форос наряду с подавляющим большинством других членов Архэ.

⁴⁹ Отошлем читателя прежде всего к фундаментальной монографии по истории Само-са, в которой эта тема (как и ряд других) рассмотрена наиболее детально и на современном уровне: Shipley G. A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987. В связи с ролью Перикла в рассматриваемых событиях см. также: Węcowski M. In the Shadow of Pericles: Athens' Samian Victory and Organisation of the *Pentekontaetia* in Thucydides // Thucydides between History and Literature. B.; Boston, 2013. P. 153–166.

⁵⁰ Об этой знаменитой женщине см. прежде всего: Henry M. M. Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxf., 1995.

⁵¹ К хронологии событий см.: Fornara C. W. On the Chronology of the Samian War // Journal of Hellenic Studies. 1979. Vol. 99. P. 7–19.

Плутарх (Plut. Pericl. 26–28) повествует о таких странных, вроде бы не свойственных греческому духу жестокостях, которые Перикл, по некоторым сведениям, творил над самосцами в ходе войны и после победы. Так, он приказывал ставить пленным врагам на лбу клеймо. А когда остров был взят, «Перикл привез самосских начальников кораблей и воинов в Милет и там на площади продержал их привязанными к доскам в течение десяти дней и, наконец, когда они были уже в изнеможении, велел их убить ударами палки по голове, а тела бросить без погребения».

Правда, сам Плутарх этому последнему рассказу не слишком-то доверяет, поскольку почерпнул его из сочинения Дурида Самосского – известного эллинистического историка, про которого тут же пишет: «Но Дурид не имеет обычая держаться истины в своем повествовании даже там, где у него нет никакого личного интереса; тем более в данном случае он, по-видимому, представил в более страшном виде несчастья своей родины, чтобы навлечь нарекания на афинян».

Однако последние исследования о Дуриде⁵² в целом демонстрируют, что этот автор отнюдь не заслуживает к себе такого пренебрежительного отношения, какого его удостоил Плутарх. Он был вовсе не каким-то лжецом и любителем дешевых эффектов, а характерным представителем геродотовской традиции в историописании⁵³. Ну как тут не вспомнить, что и самого «отца истории» Плутарх тоже терпеть не мог и посвятил его «изобличению» специальный трактат «О злокозненности Геродота». Однако при чтении этого трактата сразу становится ясным, что перед нами – субъективная, тенденциозная, даже озлобленная критика. Для Плутарха наиболее неприемлемы именно те черты творчества великого историка, которые нам представляются самыми ценными: объективность и непредвзятость по отношению как к грекам, так и к «варварам», нежелание замалчивать нелицеприятные факты, отсутствие морализаторского пафоса и нарочитой патриотической риторики.

И если ранее негативное отношение Плутарха к данному сообщению Дурида нам казалось более или менее обоснованным⁵⁴, то теперь мы в этом сильно

⁵² Pédech P. Trois historiens méconnus: Théopompe – Duris – Phylarque. P., 1989. P. 255–357; Consolo Langher S. N. Polibio e gli storici contemporanei di Agatocle (Duride tra Polibio e Diodoro) // The Shadow of Polybius: Intertextuality as a Research Tool in Greek Historiography. Leuven; P., 2005. P. 165–181. Особо же см.: Baron C. A. Duris of Samos and a Herodotean Model for Writing History // Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond. Leiden; Boston, 2016. P. 59–82.

⁵³ Различия между геродотовской и фукидидовской традициями очень четко прослеживаются в: Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 29–53.

⁵⁴ Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 328–329.

сомневаемся. Да, Дурид был самосцем, но почему из этого обязательно должно следовать, что он придумывал факты из истории Самоса, в действительности не имевшие места? Получается, что, если мы читаем, например, историка-афинянина (скажем, того же Фукидида), мы не должны доверять его информации об Афинах, ибо по отношению к своей родине он-де пристрастен? Но это абсурд. А вот о Плутархе совершенно точно можно сказать, что он принадлежал к плееде апологетов и идеализаторов Перикла. Это как раз его не устраивали нелецприятные штрихи к биографии его героя.

Итак, нет ничего невероятного в том, что Перикл на самом деле проявил подобную варварскую жестокость, подвергнув самосских повстанцев мучительной смерти. Ведь он, без сомнения, был на них чрезвычайно раздражен: восстание Самоса, которое пришлось подавлять, спутало его планы, вынудило на несколько лет отложить решительную конфронтацию со Спартой, к которой, как считал Перикл, Афины были уже готовы.

«Варвар Клеон» у Аристофана. Во времена величайшего из древнегреческих комедиографов, во-первых, шла уже Пелопоннесская война, а, во-вторых, афинская демократия стала еще более радикальной, нежели при Перикле, начала перерастать в охлократию, породила целую когорту циничных демагогов. Отнюдь не симпатизируя этим последним (и, более того, жестко критикуя их), Аристофан при этом мыслит главным героем всех своих творений афинский народ (демос)⁵⁵.

Этот самый демос драматургом подчас даже персонифицируется. Особенно рельефно – в комедии «Всадники» (поставлена в 424 г. до н. э.), в которой одно из главных действующих лиц – благодушный старик Демос («Народ»), которого постоянно обманывают недобросовестные слуги – в их образах аллегорически выведены те самые демагоги⁵⁶. И как же они представлены? В ярко

⁵⁵ По данной проблематике и поныне классической, отнюдь не устаревшей остается монография: *Ehrenberg V. The People of Aristophanes.* N. Y., 1962. См. также более новое исследование: *Sidwell K. Aristophanes the Democrat: The Politics of Satirical Comedy during the Peloponnesian War.* Cambridge, 2009.

⁵⁶ О демосе и демагогах у Аристофана см.: *Henderson J. Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece.* Austin, 2003. P. 155–179. Здесь необходимо оговорить, что аристофановская комедия (как и в целом комедия его времени, так называемая древняя аттическая комедия) была, с одной стороны, неизбежно политической (*Vickers M. Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays.* Austin, 1997; *Henderson J. A Brief History of Athenian Political Comedy* (с. 440 – с. 300) // *Transactions of the American Philological Association.* 2013. Vol. 143. No. 2. P. 249–262), а с другой – имела обязательную религиозную составляющую (*Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии.* М., 2002. С. 197 сл.).

выраженных демонических, порой откровенно inferнальных чертах. Они отчетливо противостоят «нормальным» эллинам⁵⁷, у них всё наоборот – зло вместо добра, обман вместо правды, предательство вместо патриотизма, извращения – вместо нормальной половой жизни... Изрядная доля незабываемого аристофановского «мата»⁵⁸ приходится на долю этих самых демагогов. Одним словом, дискредитация Аристофаном всех таких лиц, как Клеон, Гипербол, Клеонфонт, Писандр и т. п., несомненна. А, между прочим, одним из эффективных средств дискредитации являлось в тогдашней Греции уподобление противника варвару.

В особенной степени это относится именно к «кожевнику» Клеону – первому демагогу, каким он предстает из нарративной традиции. Отношение к нему Аристофана продиктовано и политической, и персональной неприязнью. Клеон – один из самых частых «гостей» в аристофановских комедиях («Всадники», «Осы» и др.), причем повсюду он выведен в абсолютно негативном свете. При этом достоверно известно, что между политиком и комедиографом были личные конфликты⁵⁹.

Остановимся подробнее на «Всадниках». Начинается пьеса с диалога двух рабов старика Демоса. Под личинами этих рабов, по согласному мнению и античных, и современных филологов, драматургами выведены Никий и Демосфен, два политика и полководца «традиционного стиля». Они сетуют на то, что у хозяина появился новый, необычайно наглый раб. По происхождению он – выходец из Пафлагонии, области в Малой Азии, которая, в греческом понимании, была населена, естественно, варварами. Именно как «пафлагонец» он неоднократно упоминается в комедии:

Пусть пафлагонца, эту язву новую,
С его лукавством сгубят всемогущие!
(Aristoph. Equ. 2–3)

⁵⁷ Storey I. Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 1998. Vol. 5. P. 85–134; Stark I. Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Betrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147–167.

⁵⁸ Об obscene лексике у этого комедиографа см. известную работу: Henderson J. The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxf., 1991.

⁵⁹ См.: Halliwell S. Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 48–70; Mann C. Aristophanes, Kleon und eine angebliche Zäsur in der Geschichte Athens // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 105–124; Wallace R. W. Law, Attic Comedy, and the Regulation of Comic Speech // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 359 ff.

...Народ афинский, старикашка глухонький.
На рынке прошлом он себе раба купил,
Кожевника, рождением пафлагонца.
(Aristoph. Equ. 42–44)

Ничто от пафлагонца не укроется!
(Aristoph. Equ. 74)

Ах, горе! Пафлагонец приближается.
(Aristoph. Equ. 234)

А пафлагонец пусть себе провалится.
(Aristoph. Equ. 1260)

Мы привели только некоторые из таких случаев, в тексте же их гораздо больше. И «пафлагонец» этот – не кто иной, как Клеон. Однажды он даже упоминается под собственным именем:

Солнца ясного сладкий луч
Воссияет для граждан всех,
Воссияет для всех гостей
В день паденья Клеона.
(Aristoph. Equ. 973–976)

Почему же данный демагог изображен в виде сугубого варвара? Клеон был политиком «новой формации» В его личности и деятельности, как в зеркале, отразились все те черты, которые и в дальнейшем были характерны для этого типа лидеров, – необразованность, дурные манеры, наглость, распущенность, корыстолюбие, заискивание перед демосом. О взглядах Клеона дает хорошее понятие цитата из его речи, приводимой Фукидидом:

Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные... Простые люди не приписывают себе исключительных способностей и поэтому не считают себя умнее законов. Они не берутся критиковать то, что правильно сказал другой (Thuc. III. 37. 3–4).

Клеон и в целом представлен Фукидидом в однозначно черных тонах, без каких-либо оттенков и нюансов. Вот некоторые из суждений историка о Клеоне: «Этот человек вообще был самым неистовым (βιαιότατος) из граждан и в то время обладал наибольшим влиянием в народном собрании» (Thuc. III. 36. 6). Клеон «опасался, что с установлением мира его злокозненность легче обнаружится и его клеветническим наветам уже не будут доверять»

(Thuc. V. 16. 1). Клеону Фукидид вообще отказывает в каких бы то ни было заслугах и достоинствах, которые у этого политика, бесспорно, были. Даже в тех случаях, когда Клеон проявляет несомненную решительность и энергию, историк характеризует такое поведение как безумный (μᾶνιῶδης) авантюризм. Оценка Клеона Фукидидом постоянна и неизменна, она не претерпевает каких-либо модификаций с течением времени.

И она полностью совпадает с его же оценкой Аристофаном. «Проклеоновских» взглядов в нарративной традиции мы, кажется, вообще не находим. Это тот редкий случай, когда в суждении об историческом деятеле все античные авторы абсолютно солидарны. Их шокировал прежде всего стиль политического поведения Клеона, его пресловутая «неистовость».

Вот как характеризует этого политика Аристотель (Arist. Ath. pol. 28. 3): «Клеон, сын Клеенета... как кажется, более всех развратил народ своей горячностью. Он первый стал кричать на трибуне и ругаться и говорить перед народом, подвязав гиматий, тогда как остальные говорили благопристойно». Аристотелю вторит Плутарх (Plut. Nic. 8), еще более сгущая краски:

...Клеон раздулся от гордости, наглость его стала беспредельной, и он принес городу множество бедствий... Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распушенностью и презрением к долгу, которые вскоре погубили всё.

Таким образом, Клеон – и, вероятно, вполне сознательно – держал себя во всех ситуациях политической жизни совершенно не так, как государственные деятели предыдущих поколений, да и большинство его современников. Вы...ступая с трибуны, внося предложения, ведя полемику с оппонентами, он допускал и даже утрировал элементы буффонады, шутовства. Это особенно бросалось в глаза по контрасту с Периклом, чье политическое поведение, – во всяком случае, в зрелые годы «афинского олимпийца» – отличалось демонстративной сдержанностью. Сравним указание Плутарха (Plut. Pericl. 5): «...Серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление». Здесь перед нами явно противопоставление Перикла Клеону и подражателям последнего.

Развязностью своих манер «первый демагог» должен был в глазах афинян ассоциироваться с варварами – не случайно Аристофан «делает» его пафлагонцем (тут наличествует еще и игра слов: глагол παφλάζω означает «бурлить, кипеть»). Варварам, как они изображаются в драматических произведениях

V в. до н. э. (будь то трагедии или комедии)⁶⁰, приписываются такие черты, как некая несобранность, разболтанность, отсутствие самоконтроля, столь ценной эллинами σωφροσύνη. Они ведут несообразные речи, прибегают к смешной жестикуляции и т. п. Варвары поэтому часто уподоблялись женщинам⁶¹, которым давались подобные же характеристики. Еще одной особенностью, атрибутировавшейся варварам (правда, не всем, а лишь восточным), являлась изнеженность. В этой последней Клеон вроде бы не был замечен; но в связи с ней мы переходим к нашему следующему герою.

Алкивиад, варвары и варварство. Алкивиад, – безусловно, крупнейшая фигура в Афинах эпохи Пелопоннесской войны – слыл как раз изнеженным щеголем, который, например, командуя флотом, приказывал делать для себя «особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче – в постели, уложенной на ремни, а не брошенной на голые доски» (Plut. Alc. 16). С другой стороны, роскошь он отнюдь не возводил в абсолют. Где бы ни оказывался Алкивиад, он тут же, подобно хамелеону, приспосабливался к новым условиям. По словам того же Плутарха (Plut. Alc. 23), «в Спарте он не выходил из гимназия, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам». Корнелий Непот (Nep. Alc. 11) добавляет, что, находясь в Беотии, он превзошел всех «в трудолюбии и телесных упражнениях».

Алкивиада его сложная политическая судьба не раз сталкивала с варварами. Его ксенические связи, например, достигали Фракии. При этом Алкивиад имел в числе своих друзей (φίλοι) таких высокопоставленных фракийцев, как одрисские цари Севт и Медок. По сведениям, сообщаемым Диодором (Diod. XIII. 105. 3), перед роковой для Афин битвой при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) Алкивиад, находившийся в опале и проживавший в качестве частного лица в каком-то укреплении на Херсонесе Фракийском, «пришел к афинянам и сказал им, что фракийские цари Медок и Севт, состоя с ним в дружественных отношениях, обещали предоставить в его распоряжение большое войско, если он захочет воевать с лакедемонянами». Афинские стратеги, однако, предпочли не допустить опального Алкивиада к новому участию в боевых действиях, опасаясь, что это поможет ему восстановить свою популярность.

⁶⁰ Основополагающим по этому вопросу остается труд: Hall E. *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxf., 1991.

⁶¹ Castriota D. *Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile* // *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 2005. P. 89–102.

В период Пелопоннесской войны наместниками двух ближайших к Эллад сатрапий Ахеменидской державы были две довольно яркие в истории греко-персидских отношений фигуры – Тиссаферн (сатрап Лидии) и Фарнабаз (управлявший Даскилейской сатрапией). В то время их карьера только начиналась; насколько можно судить, оба они были амбициозными молодыми вельможами, отнюдь не чуждыми придворной интриге. И с тем и с другим у Алкивиада были довольно оживленные отношения, заслуживающие того, чтобы остановиться на них чуть подробнее.

Историю своеобразной «дружбы» Алкивиада и Тиссаферна передает целый ряд античных авторов, наиболее подробно – Фукидид (Thuc. VIII. 45 sqq.) и Плутарх (Plut. Alc. 24 sqq.). Находясь в 412 г. до н. э. в спартанском флоте у берегов Ионии и опасаясь происков лакедемонских властей, Алкивиад бежал ко двору Тиссаферна в Сарды. Тиссаферн, насколько о нем известно из античных источников, отличался неприязнью к грекам и греческому образу жизни. Тем не менее афинскому изгнаннику за очень короткий срок удалось буквально очаровать сурового перса. Тиссаферн следовал большинству советов Алкивиада, называл его своим другом и даже переименовал в его честь лучший из своих садов. Алкивиад же давал сатрапу разного рода стратегические рекомендации. В частности, по его предложению Тиссаферн значительно урезал финансовую помощь спартанцам. Естественно, эти узы дружбы с Тиссаферном Алкивиад активнейшим образом использовал при своих тайных переговорах с афинянами, имевших целью его возвращение на родину.

Уже позже, когда Алкивиад был призван афинским флотом и избран стратегом (411 г. до н. э.), после первых же блестящих побед над спартанцами в Геллеспонте он не отказал себе в удовольствии похвастаться успехами перед своим высокопоставленным персидским другом (Xen. Hell. I. 1. 9; Plut. Alc. 27) и отправился к нему на единственной триере, везя с собой дары гостеприимства (ξένια καὶ δῶρα – указание на то, что с формальной стороны отношения Алкивиада и Тиссаферна представляли собой ксению). Но на этот раз Тиссаферн встретил Алкивиада более чем холодно и даже заточил его в темницу в Сардах, из которой, впрочем, месяц спустя Алкивиаду удалось бежать, вернувшись на театр военных действий. После описанных событий их контакты, насколько можно судить, оборвались.

По прошествии некоторого времени, после новых успешных сражений против лакедемонского флота в Геллеспонте, в ходе которых спартанцев поддерживал даскилейский сатрап Фарнабаз, Алкивиад, заключив перемирие, установил дружественные отношения и с этим последним. Фарнабаз, управлявший Даскилейской сатрапией около 40 лет, точно так же, как и Тиссаферн, занимал весьма значимое место в греко-персидских отношениях. Но он, очевидно, был настроен более эллинофильски, нежели Тиссаферн, и подобное

отношение к грекам передал своим потомкам. Так, сын Фарнабаза Артабаз породнился со знаменитой семьей родосских полководцев Ментора и Мемнона⁶².

«Дружба» с Фарнабазом (по всей видимости, опять же союз гостеприимства) оказалась полезной для Алкивиада после поражения афинян при Эгоспотамах. Афины подверглись полной блокаде и в 404 г. до н. э. капитулировали. Узнав о сдаче родного города и понимая, что оставаться в пределах мира греческих полисов для него становится опасным, Алкивиад не нашел ничего лучшего, как отдаться под покровительство благоволившего к нему Фарнабаза. Сатрап принял его гостеприимно и поселил в своих владениях, в селении Гриний (в Вифинии). По некоторым сведениям, Алкивиад намеревался даже отправиться ко двору персидского царя (к тому времени Ахеменидской державой правил уже Артаксеркс II)⁶³. Хотел ли он просто спастись от возможных преследований или же, как утверждают Непот и Плутарх, планировал с персидской помощью освободить Афины от лакедемонского владычества – однозначно судить трудно. Впрочем, в конечном счете и эта ксения не принесла Алкивиаду блага: в 404 г. до н. э. Фарнабаз, не желая портить отношений со всемогущим спартанским навархом Лисандром, выполнил его просьбу и подослал к Алкивиаду убийц.

Строго говоря, неизвестно, как Тиссаферн и Фарнабаз рассматривали статус Алкивиада по отношению к ним. Может быть (и даже весьма вероятно), что они не считали его равным себе гостем-ксеном, другом, а скорее вассалом. Но сам Алкивиад, о чем говорит отмеченный выше эпизод с «дарами гостеприимства», понимал эти связи именно как ксенические.

Как видим, Алкивиаду в Персии не предлагали городов (в отличие, скажем, от Фемистокла). Но, возможно, это связано с тем, что его карьера в Ахеменидской державе оборвалась очень рано – фактически даже не успела начаться. Если бы он действительно добрался до Артаксеркса II, как, возможно, планировал, – его,

⁶² В связи с Фарнабазом см. экзотическую гипотезу, выдвинутую в работе: *Lebedev A. Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with Curse Letters from Olbia // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 112. S. 268–278.* По мнению А. В. Лебедева, Фарнабаз, отстраненный от управления сатрапией, на старости лет оказался в Ольвии, где подвизался в качестве нищенствующего мага-прорицателя. Представить высокородного персидского вельможу в подобной роли крайне трудно, чтобы не сказать – невозможно (особенно если учитывать, что сын Фарнабаза оставался сатрапом и, надо думать, не допустил бы, чтобы отец жил подаяниями в периферийном греческом полисе). Жесткую, но справедливую критику пересказанной здесь гипотезы см.: *Vinogradov J. G., Rusjaeva A. S. Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1998. Bd. 121. S. 153–164.*

⁶³ Неп. Алк. 9; Плут. Алк. 37. Персидские владыки, как прекрасно известно, охотно принимали греческих политиков и полководцев, изгнанных или бежавших с родины, и оказывали им различные знаки внимания. Так, в период Греко-персидских войн при их дворе оказался спартанский царь Демарат, а затем – даже Фемистокл, знаменитый победитель персов при Саламине. Оба они получили от персов в управление территории в Малой Азии.

весьма вероятно, тоже ожидали бы почести и соблазнительные в политическом плане предложения. Но Алкивиаду-то больше всего хотелось домой, в Афины!

А была ли ему свойственна такая «варварская» черта, как жестокость? В 416 г. до н. э. афиняне попытались принудить к подчинению им нейтральный дорийский остров Мелос (Южные Киклады), а когда это не удалось, начали военную операцию против него. Мелосцы не могли, конечно, долго сопротивляться значительно превосходящим силам противника; не выдержав длительной осады, они сдались. Афинское народное собрание решило судьбу побежденных островитян с ужасающей жестокостью: было поставлено перебить всех взрослых мужчин и обратить в рабство женщин и детей, а на острове поселить афинских колонистов (Thuc. V. 116. 4). Инициатором этой бесчеловечной (хотя, впрочем, не столь уж и уникальной в годы Пелопоннесской войны) меры был, по сведениям некоторых источников, не кто иной, как Алкивиад (Andoc. IV. 22; Plut. Alc. 16).

Оценка покорения Мелоса как совершенно чудовищной по жестокости акции в современной историографии почти единодушна⁶⁴. Особняком стоит мнение Э. Босуорта. Этот исследователь фактически возлагает вину за происшедшее на самих мелосцев: если бы те сразу приняли условия, предлагаемые противником, то вошли бы в число афинских союзников и стали бы платить форо́с, как сотни других полисов, то есть с ними не случилось бы ничего экстраординарно ужасного. При имевшем место полном неравенстве в силах, не оставлявшем Мелосу никаких шансов, решение граждан острова (точнее, находившегося у власти олигархического правительства) все-таки оказать сопротивление было, можно сказать, вполне осознанным коллективным самоубийством⁶⁵. Воздержимся от комментирования подобной позиции, на наш взгляд, отдающей цинизмом. Заметим только, что если уж искать оправдания для действий афинян, то оно будет заключаться в другом: истребление ими мелосцев отнюдь не было чем-то экстраординарным в контексте Пелопоннесской войны, когда взаимное ожесточение достигло предела. Еще в 427 г. до н. э. спартанцы и их союзники точно так же поступили с жителями Платей, когда этот город был после длительной осады взят.

Конец «великого проекта». Последние годы Пелопоннесской войны стали для Афин воистину временем крушения всех надежд и амбициозных планов⁶⁶.

⁶⁴ См. отражение этого общего мнения в монографии, специально посвященной событию: Will W. Der Untergang von Melos...

⁶⁵ См.: Bosworth A. B. The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // Journal of Hellenic Studies. 1993. Vol. 113. P. 30–44.

⁶⁶ См. общую характеристику этого хронологического отрезка в: Bleckmann B. Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Lpz., 1998.

Геродот предостерегал не зря... Поражение от Спарты стало не в последнюю очередь последствием продолжавшейся долгое время латентной варваризации социума. Этот процесс в его высшей фазе ярко и гневно описал Фукидид, чему мы недавно посвятили специальную статью⁶⁷.

Демагоги этого периода, «наследники Клеона», шли по его стопам, помимо прочего, и в плане поведения, не согласовавшегося с традиционными эллинскими нормами. Самым скандально известным из них был Клеофонт (кстати, отнюдь не простолюдин по происхождению⁶⁸), и вот какой эпизод из его биографии описывает Аристотель:

Когда затем лакедемоняне хотели уйти из Декелеи и предлагали заключить мир на условии сохранения обеими сторонами своих тогдашних владений, некоторые энергично поддерживали это предложение, но народ не послушался, обманутый Клеофонтом, который явился в народное собрание пьяный и одетый в панцирь и помешал заключению мира, говоря, что не допустит этого иначе как при условии, чтобы лакедемоняне вернули все города (Arist. Ath. pol. 34. 1).

Вообще-то приходиться в экклесию при доспехах и оружии строго запрещалось, но дело не только в этом. Народное собрание, естественно, предназначалось для обсуждения государственных дел, а обсуждать государственные дела в пьяном виде считалось отнюдь не эллинским, а именно варварским (конкретно – персидским) обычаем. Об этом эксплицитно пишет Геродот:

Персы – большие любители вина... За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает на утверждение гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю (Herod. I. 133).

Полагают, что применительно к персам в данном случае следует вести речь не о вине в собственном смысле слова, а об излюбленном ими опьяняющем напитке «хаома», восходящем к индоиранской общности (ср. «сома» в арийской Индии). Но это не столь принципиально. Алкоголь в Греции, в принципе, изгонялся из публичной сферы (вспомним, например, закон Солона: «Архонту, если его застанут пьяным, наказание – смерть», Diog. Laert. I. 57) и был исключительно атрибутом сферы частной, играя всем известную большую роль на пирах-симпозиях.

⁶⁷ Суриков И. Е. Латентное варварство у Фукидида // Цивилизация и варварство. 2019. Вып. 8. С. 215–237.

⁶⁸ О происхождении Клеофонта (с учетом просопографических данных, почерпнутых из надписей на остраконах) см.: Vanderpool E. Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.

Жест Клеофонта символичен. Некоторые решения афинской экклесии последних лет Пелопоннесской войны (чего стоит хотя бы поведение по отношению к Алкивиаду, которого то экстраординарно возвышали, то подвергали опале, или смертный приговор стратегам, выигравшим Аргинусское сражение!) производят впечатление принятых как бы нетрезвыми людьми. Хотя на самом деле, конечно, они таковыми не были.

Афины, «уподобляясь» разгромленной Персии, в чем-то превзошли жестокостью и ее самое. Завершим главу эпизодом, к которому недавно было привлечено внимание в литературе⁶⁹. В период Греко-персидских войн спартанцы однажды послали двух своих сограждан, Сперфия и Булиса, ко двору Ксеркса на казнь: они должны были своей кровью искупить вину умерщвления в Спарте персидских послов (Herod. VII. 134–137). Однако варварский царь не стал казнить этих спартиатов, – напротив, он помиловал их и отпустил домой. А вот сыновья этих героев в начале Пелопоннесской войны (в то время как они исполняли, подчеркнем, посольскую миссию) были захвачены в плен афинянами, которые «распорядились по прибытии в Афины казнить пленников в тот же день без суда, даже не выслушав их, и тела бросить в пропасть» (Thuc. II. 67).

⁶⁹ Sheehan S. A Guide to Reading Herodotus' *Histories*. L., 2018. P. 24.

ДЕМОКРАТИЯ И ГЕТЕРИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АФИН V В. ДО Н. Э.*

Отправным пунктом данной работы послужило интересное замечание о сущности античной (в частности, афинской) демократии, высказанное недавно немецким антиковедом В. Эдером¹. По мнению Эдера, не считающего демократию закономерным итогом эволюции полисных институтов, демократическое устройство полиса предполагает в качестве обязательной предпосылки разрушение всех внутриполисных вертикальных и горизонтальных «зависимостей», «атомизацию» общества, его превращение в совокупность отдельных, не связанных друг с другом индивидов. При отсутствии этой предпосылки полисная демократия в своей развитой форме не может сложиться, даже если налицо другие важнейшие условия, такие как расширение политического участия на широкие массы гражданства. В качестве аргумента а *contrario* приводится Рим, в котором формированию развитой демократии воспрепятствовала большая прочность традиционных «вертикальных» связей внутри социума (отношений патрона – клиентелы).

Данная характеристика феномена афинской демократии представляется в основе своей глубоко верной. Действительно, даже беглый взгляд на политические процессы, происходившие в Афинах в VI в. до н. э. и повлекшие в качестве результата «рождение» афинской демократии, позволяет заметить однозначную тенденцию именно к ликвидации внутриполисных «зависимостей», особенно вертикальных, составляющих аналогию римской клиентеле (некоторые авторитетные исследователи считают возможным говорить о «клиентеле» в архаических Афинах²). Деятельность Солона, Писистрата, Клисфена, независимо от их конкретно-политических целей, объективно вела к подрыву традиционных связей, подготавливая «атомизированный» социум, готовый

* Впервые опубликовано в: Власть, человек, общество в античном мире: Докл. конференций. М., 1997. С. 89–99.

¹ *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 16–17.

² *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. VIII–IX; *Littman R. J.* Kinship in Athens // *Ancient Society*. 1979. Vol. 10. P. 10; *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1994. P. 44–47; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 55–60.

к восприятию демократического устройства³. Эта деятельность увенчалась безусловным успехом: к началу V в. до н. э. в афинском полисе не осталось «вертикальных» объединений, игравших сколько-нибудь значительную политическую роль. В частности, клисфеновские реформы покончили с крупными региональными группировками (наличие которых еще в середине VI в. до н. э. убедительно показал Р. Сили⁴), представлявшими собой едва ли не «государства в государстве».

Однако для обеспечения окончательной победы демократии, для ее упрочения и стабилизации необходимо было ликвидировать и «горизонтальные» типы связей-зависимостей. Именно борьбу с этими связями мы и наблюдаем в течение V в. до н. э. – борьбу, завершившуюся лишь к началу следующего столетия. В результате победы демократического принципа над «горизонтальными» группировками в IV в. до н. э. афинская демократия становится действительно «демократией атомов», индивидов, для которых существенна лишь одна политическая связь – связь с полисом как с целым. Кстати, это повело к редкостной стабильности афинской политической жизни IV в. до н. э., к полному отсутствию вооруженных гражданских конфликтов⁵.

В свете изложенных общих положений (отчасти и для их подкрепления конкретными аргументами) далее будет предпринята попытка анализа деятельности афинских гетерий как ведущего типа «горизонтальных» политических формирований внутри демократического полиса. Мы не ставим перед собой задачу детально осветить все стороны бытия гетерий, тем более что этому феномену уже посвящен ряд серьезных работ⁶. Наша цель уже – определить, в каком отношении гетерии находились к демократическим структурам в Афинах V в. Это побуждает нас остановиться на трех аспектах проблемы – времени возникновения афинских гетерий, принципах их формирования, направленности их деятельности.

При предельной прозрачности этимологии термина *ἑταιρεία* (от *ἑταῖρος*) следует отметить определенную методологическую сложность, возникающую при его трактовке. Эта сложность проистекает из необходимости различать в источниках употребление слова «гетерия» в широком смысле, как вообще всякое «товарищество» (в этом смысле в разных регионах греческого мира

³ Этот процесс подробно рассмотрен в книге: *Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N. Y., 1990. P. 49–164.

⁴ *Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C.* Berkeley, 1976.

⁵ Ср.: *Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 44.

⁶ *Calhoun G. M. Athenian Clubs in Politics and Litigation.* Austin, 1913; *Sartori F. Le eterie nella vita politica ateniese del VI e V secolo A.C. R., 1957; Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros.* P., 1974.

гетериями могли называться и внутривойсковые подразделения гражданства, аналогичные афинским фратриям, как на Крите, и культовые союзы, как на Делосе, и философские сообщества, как у пифагорейцев⁷), и в узком смысле, как *terminus technicus* для вполне определенного вида объединений, а именно политических «клубов» или кружков. Нас интересуют гетерии именно в этом втором смысле.

Фукидид (Thuc. III. 82. 6) фиксирует гетерии как распространенное явление в греческих полисах эпохи Пелопоннесской войны. Существуют упоминания источников о гетериях в отдельных городах – Фивах (Xen. Hell. V. 2. 35; Hell. Oxy. 12. 2), Абидосе (Arist. Pol. 1306a3) и др. Наиболее известны гетерии в Афинах.

Возникновение афинских гетерий в узком смысле слова, на наш взгляд, с наибольшим основанием следует отнести к первой половине 440-х гг. до н. э., связав их оформление с личностью Фукидида, сына Мелесия (Plut. Pericl. 11). Такой датировке, казалось бы, противоречит ряд упоминаний гетерий в связи с более ранними временами. Поэтому необходимо проанализировать важнейшие из этих упоминаний.

Геродот в экскурсе о мятеже Килона (Herod. V. 71) сообщает, что Килон опирался на гетерию сверстников (*προσπονησάμενος δὲ ἑταιρηϊήν τῶν ἡλικιωτέων*). Вряд ли следует рассматривать «килоновский» пассаж Геродота (вообще в высшей степени темный и неоднократно бывший объектом дискуссий) как свидетельство существования в Афинах гетерий уже в 636 г. до н. э. «Отец истории» либо применил к событиям прошлого политическую терминологию своей эпохи, либо, что еще более вероятно, просто употребил слово «гетерия» в широком смысле.

Аристотель (Arist. Ath. pol. 20. 1) пишет о событиях конца VI в. до н. э.: *ἡττώμενος δὲ ταῖς ἑταιρείαις ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον*. Однако данное место, безусловно, представляет собой парафразу соответствующего пассажа Геродота (Herod. 66. 2): *ἑσσοῦμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσῆταιρίζεται*, из чего и находит объяснение упоминание гетерий в данном контексте. Наконец, сообщение Плутарха (Plut. Aristid. 2) о гетериях, будто бы действовавших в Афинах во времена Клисфена, Аристида и Фемистокла, является собой аналогичный случай. Таким образом, наличие античной традиции о существовании гетерий (в узком, «техническом» смысле слова) до середины V в. до н. э. не подтверждается.

Естественно, не приходится сомневаться в том, что в Афинах более ранней эпохи имелись политические группировки, членами которых были и Килон, и Клисфен, и Фемистокл, и все другие политики. Однако к ним вряд ли

⁷ Ziebarth E. Hetairia // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hlbd. 16. Stuttgart, 1913. Sp. 1373–1374.

правомерно применять слово «гетерия» в том его употреблении, которое отмечается для второй половины V в. до н. э.; вернее будет называть их более общим словом *στάσις* (Herod. I. 59. 4; I. 60. 2; Arist. Ath. pol. 13. 4; 14. 4). Безусловно и то, что слово *ἑταῖρος* (не исключено, что и *ἑταιρεία*) употреблялось в эпоху архаики в политическом контексте. Об этом свидетельствует сколий конца VI в. до н. э., приводимый Аристотелем (Arist. Ath. pol. 19. 3), в котором Липсидрий назван *πρωτοστάσιον*. Однако прямого отношения к деятельности тех гетерий, которые интересуют нас здесь, это не имеет.

Итак, гетерии как политические «клубы» бесспорно засвидетельствованы для второй половины V в. до н. э.; максимальное их распространение относится к периоду Пелопоннесской войны. Их существование и политическая роль в IV в. до н. э. весьма проблематичны. Несколько упоминаний у Демосфена (например, Demosth. XXI. 139 – *μαρτύρων ἑταιρεία*) говорят только о взаимопомощи членов гетерий в судебных процессах, если слово «гетерия» вообще не употреблено здесь в расширительном или переносном смысле. VIII-я речь корпуса Лисия, даже если считать ее подлинным произведением оратора, вполне может относиться еще к концу V в. до н. э.⁸ К тому же и в ней нет никакого намека на политическую активность гетерий.

Состав и структура гетерий – вопрос, на который нет однозначного ответа. Вряд ли следует считать, что членами гетерий были исключительно аристократы. Характерно и, думается, не случайно, что период наибольшего расцвета гетерий – это одновременно и период, когда в Афинах пресекается политическая традиция аристократического лидерства. Необходимой предпосылкой для членства в гетерии являлась скорее не знатность, а богатство⁹. Мнение некоторых исследователей (П. Бикнелл, Р. Литтман), согласно которому в гетерии входили также «клиенты» аристократов, не кажется вполне убедительным; говорить о «клиентах» в послеперикловских Афинах в какой-то степени означает впадать в анахронизм.

В каждой отдельно взятой гетерии определяющую роль играли связи родства и «политической дружбы» (выражение У. Р. Коннора). Родственники и друзья, в сущности, даже не отделялись друг от друга; те и другие обозначались термином *φίλοι*¹⁰. Причем родство, учитывавшееся при формировании гетерий – это *ἀγχιστεία*, то есть не патрилинейное, а когнатное родство¹¹, «горизонтальное» родство, если так можно выразиться, что вполне согласуется с характером гетерий как «горизонтальных» политических объединений.

⁸ Соболевский С. И. Лисий и его речи // *Лисий*. Речи. М., 1994. С. 41.

⁹ Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 25–29.

¹⁰ Ibid. P. 30–32.

¹¹ Littman R. J. Kinship and Politics... P. 193–223.

То немногое, что известно о гетериях, позволяет заключить, что объединялись они обычно вокруг отдельных политиков, причем не только принадлежащих к «первому эшелону», как Алкивиад или Критий, но и куда менее известных – Леогора, Тевкра¹² или даже поэта Кинесия (Lys. fr. 143 Sauppe). Такой лидер гетерии мог называться, например, ἀρχηγός (как в Фивах, ср. Xen. Hell. V. 2. 25). Сама гетерия обычно обозначалась по имени своего руководителя.

Что касается структуры гетерий, можно согласиться с предположением¹³, что они стремились имитировать организационные принципы, характерные для «официальных» объединений, например для демов, при этом не исключено, что в отдельных случаях принятая практика подвергалась сознательному искажению ввиду «подрывного» характера деятельности этих групп. Стремление гетерий институционализировать свою деятельность по традиционным полисным образцам заметно в событиях, предшествовавших олигархическому перевороту 404 г. до н. э. Гетерии сформировали коллегию пяти эфоров (своего рода квазимагистратов), а затем даже поставили своих уполномоченных во все филы (Lys. XII. 43–44).

Наконец, затронем вопрос о формах и направленности деятельности гетерий. Эту деятельность, бесспорно, следует рассматривать как политическую; шире того – гетерии участвовали в коллективной деятельности (κοινόν) полиса, одним из видов которой была деятельность политическая¹⁴. Говоря более конкретно, в период мирной политической борьбы главными функциями гетерий были (Thuc. VIII. 54. 4) взаимопомощь на выборах и взаимная защита членов в суде (ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς). Недавно О. Меррей справедливо отметил ранее остававшийся несколько в тени, но тем не менее очень важный аспект деятельности гетерий – организацию и проведение симпозиев, которые в эту эпоху имели еще в значительной степени политическую окраску¹⁵.

В кризисной же обстановке гетерии открыто выходили на политическую арену, прямо влияя на ход событий. Они играли ведущую роль в период подготовки Сицилийской экспедиции, в олигархическом перевороте Четырехсот, наконец, в период установления тирании Тридцати¹⁶. На практике усиление их

¹² Aurenche O. Op. cit.

¹³ Osborne R. The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 277.

¹⁴ Scmitt-Pantel P. Collective Activities and the Political in Greek City // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 205.

¹⁵ Murray O. The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Symptica. Oxf., 1990. P. 149–161.

¹⁶ Об этих переворотах см.: Hackl U. Die oligarchische Bewegung in Athen am Ausgang des 5. Jahrhunderts v. Chr. München, 1960; Lehmann G. A. Überlegungen zu den oligarchischen

роли выражалось в следующем. Во-первых, происходила резкая интенсификация их деятельности. Во-вторых, гетерии объединялись, чтобы создать весомый политический альянс. В 411 г. до н. э. Писандр «обошел» гетерии, убедив их объединиться (Thuc. VIII. 54. 4); в 404 г. до н. э. объединяющей силой служила коллегия эфоров, добившаяся примирения ради «общего дела» даже враждующих гетерий (гетерии Крития и гетерии Фидона, ср. Lys. XII. 54–55). В-третьих, осуществлялся переход к «неконституционным» методам, порой – к прямому насилию (Thuc. III. 82. 8). Так, перед переворотом 411 г. до н. э. были убиты демагог Андрокл и ряд других лиц (Thuc. VIII. 65). Конечная цель всех этих действий очевидна – прямо взять власть в свои руки.

Были ли гетерии «тайными» обществами, как их обычно характеризуют? На этот вопрос нельзя дать однозначно положительного ответа. Безусловно, они не афишировали свою деятельность; однако следов какой-то особой конспирации в их действиях тоже не обнаруживается. Гетерии можно было законодательно запретить или распустить (Thuc. VIII. 81. 2; Aristoph. Equ. 862), чего в принципе невозможно проделать с тайными организациями. Скорее гетерии были просто неофициальными, т. е. не санкционированными полисом, объединениями.

Рассмотрев вышеперечисленные аспекты деятельности гетерий, мы можем предпринять попытку ответа на вопрос, какое место они занимали в политической жизни демократического полиса. Распространено мнение, согласно которому гетерии были группировками олигархическими κατ' ἐξοχήν (хотя характерно, что выражений типа «олигархическая гетерия» или «демократическая гетерия» в источниках найти не удастся). В связи с этим утверждением необходимо сделать две существенные оговорки.

Во-первых, дихотомия «демократы – олигархи» для рассматриваемой эпохи, судя по всему, является издержкой модернизаторских представлений. Политическая жизнь Афин V в. до н. э. была не биполярной, а полицентричной. Существовало большое количество малых политических групп, из которых формировались коалиции в связи с конкретной ситуацией¹⁷. Во-вторых, принципиальная политическая ориентация (в том числе олигархическая) была, видимо, скорее исключением, чем правилом. Из видных политиков, ассоциирующихся с гетериями, по-настоящему «идейными борцами» можно назвать, пожалуй, лишь двух – софистов Антифонта и Крития. Что касается остальных, трудно сказать, имели ли они вообще какие-то «убеждения» в нашем смысле слова. Ферамен даже от своих соратников получил прозвище Котурна (Xen. Hell. II. 3. 30); Писандр и Фриних в течение своей политической карьеры успели

Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 139–150.

¹⁷ Connor W. R. Op. cit. P. 30–32.

побывать и в демократическом, и в олигархическом лагерях. Алкивиад выступал то как инициатор переворота Четырехсот (Thuc. VIII. 48. 2), то как его противник (Thuc. VIII. 81. 2). Список примеров можно было бы продолжать.

Дело, думается, не в принципиальном «олигархизме» гетерий, а в несколько ином факторе. Скорее следует говорить об их принципиальной *оппозиционности* по отношению к демократии, т. е. к существующему полисному устройству. Вне зависимости от политической позиции лояльность демократии и членство в гетерии были вещами несовместными.

Характерен в этом отношении интересный эпизод биографии Перикла, пересказанный Плутархом (Plut. Pericl. 7). Связав свою деятельность с афинской демократией, Перикл «переменил весь свой образ жизни», едва ли не демонстративно порвав с друзьями и родственниками, иными словами, отказался от услуг гетерии. Мы относим этот разрыв «афинского олимпийца» с ближайшим политическим окружением (в том числе с Алкмеонидами) к середине 440-х гг. до н. э., т. е. к тому периоду, когда он, заняв исключительное положение в полисе, уже не нуждался в существенной поддержке какой-либо группировки и мог опираться на собственные силы, выступая от имени всего демоса. Традиция сохранила заявление Перикла, что он не поступится ради дружбы законностью и общественной пользой (Plut. Mor. 186b; 531c; 808a).

Именно в этот период главный политический противник Перикла – Фукидид, сын Мелесия, – опирался в своей деятельности именно на созданные им гетерии. Перикловскую стратегию можно истолковать как демонстративную антитезу действиям конкурента. Эта антитеза (скорее именно «демократия – гетерии», чем «демократия – олигархия» или тем более «демократия – аристократия») прослеживается и в дальнейшем (Plut. Lys. 13).

Итак, гетерии *ipso facto* противоречили принципам античной демократии. В чем причина такого положения вещей? Ответ на этот вопрос позволяет дать наиболее интересный пассаж о гетериях, принадлежащий Фукидиду (Thuc. III. 82. 6–8). Историк отмечает, что целью этих объединений было не «благо общества», а «распространение собственного влияния в своекорыстных целях».

Здесь и лежит ключ к решению проблемы. Гетерии противоречили интересам целого своим существованием. О. Меррей, анализируя особенности политической жизни в полисном мире, отмечает, что главной целью политики было единство, а не компромисс. Внутренний конфликт, разделение общества на политические группировки для нас являются естественным состоянием; для полиса же стасис был губителен, несовместим с возможностью полноценной гражданской жизни¹⁸.

С наибольшей ясностью эта особенность видна в демократическом полисе, что во многом объясняется приведенными выше соображениями В. Эдера.

¹⁸ Murray O. Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 21.

В V в. до н. э. окончательная «атомизация» афинского общества еще не произошла, а значит – стабильность демократического устройства не была достигнута. На пути унифицирующей, интегративной тенденции, выражавшейся в демократизации, стояли гетерии – несанкционированные внутриполисные объединения «горизонтального» типа, возникновение которых, по сути, явилось стихийной реакцией сил дезинтеграции, сил энтропии. Трудно сказать, насколько сами члены гетерий осознавали эту свою роль; сознательные кошунства, практиковавшиеся ими на симпозиях¹⁹, не позволяют исключать такую возможность.

Противостояние демократии, а не приверженность олигархии следует считать основой политической позиции гетерий. «Олигархическими» их можно назвать лишь в рамках упрощенной бинарной модели. Кстати, режим, установившийся гетериями в случае их прихода к власти, имел черты скорее не олигархии и тем более не «гоплитской политики», а корпоративной тирании. Так характеризует власть Тридцати Э. Д. Фролов²⁰; судя по всему, аналогичные тенденции проявлял и режим Четырехсот.

В свете всего вышесказанного поддаются объяснению и хронологические рамки функционирования гетерий. Сложились они именно тогда, когда афинская демократия предпринимала решающие шаги по своему оформлению (реформа Ареопага 462/461 г. до н. э., закон Перикла о гражданстве 451/450 г. до н. э., сведение к минимуму значения солоновских имущественных классов, датируемое серединой V в. до н. э.²¹). В период Пелопоннесской войны, на волне внутренней нестабильности они дали демократии «последний и решительный бой», завершившийся их поражением в 403 г. до н. э. и уходом с политической сцены. Только после этого демократическое устройство Афин обрело внутреннюю прочность и стабильность.

¹⁹ Murray O. The Affair of the Mysteries... Passim.

²⁰ Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972. Ч. 1.

²¹ Schmitz W. Reiche und Gleiche // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 573–597.

«ПУТЧ ЧЕРНЫХ КАПИТАНОВ» (ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ АФИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ V В. ДО Н. Э. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ)*

Хрестоматийно известным стало выражение «черные полковники». Так называют военную хунту, осуществившую в Греции в 1967 г. государственный переворот и несколько лет продержавшуюся у власти. А кто такие «черные капитаны»? Сразу оговорим, что это словосочетание – не термин. Оно придумано нами – в порядке аналогии (и не без доли юмора), а относится к другой «хунте», также осуществившей переворот и возглавившей государство. Речь идет об олигархическом режиме Четырехсот, возникшем в той же Греции, в Афинах, но почти две с половиной тысячи лет назад, еще в античности (411 г. до н. э.)¹. Этот режим был еще более эфемерен, и уже через несколько месяцев его ликвидировали.

Конечно, самого слова «капитан» тогда еще не существовало. Командиры военных кораблей (триер) в классической Греции именовались *триерархами*, однако это полностью соответствует современному понятию «капитан». Назначение триерархов в демократических Афинах V–IV вв. до н. э. происходило совершенно необычным для нас образом. Эта обязанность относилась к кругу так называемых *литургий* – общественных повинностей, налагаемых государством на наиболее состоятельных граждан². Каждый из триерархов должен был оснастить и привести в боеспособное состояние полученный от властей остов судна, на протяжении года заботиться о нем, а также набрать экипаж – гребцов, матросов, офицеров (всего до 200 человек) – и в случае военных действий лично командовать кораблем.

Какова связь между афинскими триерархами и переворотом Четырехсот? Начнем издалека. Приведем вначале список из нескольких имен: Фемистокл,

* Впервые опубликовано в: Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2010 года. М., 2011. Вып. 14. С. 450–457.

¹ Наиболее фундаментальное исследование об этом режиме: *Heftner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen.* Frankfurt am Main, 2001.

² Недавно появилось первое в отечественной литературе монографическое исследование об афинских литургиях: *Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э.* СПб., 2009. В нем большая глава специально посвящена триерархии и триерархам.

Аристид, Кимон, Перикл, Алкивиад. Упомянутые здесь лица хорошо известны если не всем, то многим образованным людям: это – выдающиеся деятели древнегреческой истории V в. до н. э., крупнейшие политики и полководцы³.

Теперь – другой список: Истмоник, Филокид, Архий, Буталион, Евдик, Гегелох, Клеибул... (его можно было бы многократно увеличить). Далее ожидается что-нибудь вроде «А вот эти лица известны только специалистам». Однако на самом деле ситуация сложнее. Только что перечисленные имена ничего не говорят *даже* специалистам. О людях, которые их носили, мы знаем только одно – они были современниками и земляками тех, кто назван в первом перечне, то есть тоже жили в Афинах в V в. до н. э.

Что же общего между этими двумя группами афинских граждан – в одном случае знаменитых, в другом безвестных, почему мы помещаем их рядом? И те и другие фигурируют в надписях на афинских *остраконах*, черепках-«бюллетенях» для остракизма.

Процедура остракизма была введена в Афинах в ходе демократических реформ Клизфена, в конце VI в. до н. э.⁴ Согласно соответствующему закону, раз в год афиняне, сойдясь на главную площадь города – Агору, – проводили голосование о том, кто из политических лидеров представляет наибольшую опасность для государства. Каждый должен был написать на глиняном черепке (остраконе) имя нелюбезного ему политика. Черепки затем собирали, подсчитывали, и тот, кто получил наибольшее количество голосов, изгонялся из полиса – безо всякой вины!⁵ – сроком на десять лет. Остракизму подвергались в течение своей деятельности и Аристид, и Фемистокл, и Кимон...

Глиняные черепки – артефакты практически неуничтожимые. Давно закончилась античная эпоха, прошли тысячелетия, а они мирно лежали в земле и ждали своего часа – когда их коснется лопата археолога. Со второй половины XIX в. остраконы стали понемногу находить в результате раскопок. Вначале единицами, потом десятками, позже – сотнями и даже тысячами! На сегодняшний день общее количество открытых остраконов превышает 10 000. Вначале они, как и следовало ожидать, обнаруживались в основном на Агоре⁶. Но в 1960-х гг. внезапно был найден колоссальный комплекс остраконов – более 8,5 тысяч экземпляров – в афинском квартале Керамик.

³ Научные биографии большинства этих деятелей см. в нашей книге: *Суриков И. Е.* Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.

⁴ Об остракизме см.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.

⁵ Поэтому один современный исследователь остроумно называет остракизм «наказанием без преступления»: *Dreher M.* Verbannung ohne Vergehen: Der Ostrakismos (das Scherbengericht) // *Große Prozesse im antiken Athen.* München, 2000. S. 66–77.

⁶ Полное, образцовое издание остраконов с Агоры: *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990.

Очевидно, там была своеобразная свалка для использованных и более не нужных «бюллетеней».

Открытие на Керамике стало сенсацией. Жаль только, что тамошние остраконы пока еще ждут полной публикации. Впрочем, в последние годы их материал наконец начали вводить в научный оборот⁷. Теперь хотя бы известны все имена, упоминающиеся на этих черепках, что уже немаловажно.

Для историка-просопографиста, занимающегося личностями и личными связями людей минувших эпох, остраконы – настоящий клад⁸. На них упоминаются, по самым скромным и минимальным подсчетам, более 150 афинян. Разумеется, лишь незначительное меньшинство из их числа (около 10 человек) было действительно изгнано из Афин. Остальные появились на черепках для голосования в известной мере случайно. Никаких конкретных «кандидатур» на изгнание в ходе остракофории не выдвигалось, и каждый афинский гражданин был волен писать на остраконе по своему усмотрению имя абсолютно любого политического деятеля⁹. Однако же все эти люди должны были играть какую-то, большую или меньшую, роль в общественной жизни: остракон – не надпись частного характера. По своему хронологическому диапазону подавляющее большинство памятников, входящих в корпус афинских остраконов, датируется первой половиной V в. до н. э. (480–460-ми годами); только несколько сот экземпляров можно отнести ко второй половине того же столетия.

Изучая остраконы, можно без труда заметить, что все лица, чьи имена на них значатся, достаточно четко делятся на три группы. В первую входят те политики, которые известны также по данным письменных источников. Это – представители общеполитической элиты, лидеры самого высокого уровня. Фемистокл и Аристид, Кимон и Ксантипп, Гиппарх, сын Харма, и Мегакл, сын

⁷ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001; Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 2002. S. 36–166.

⁸ См., например, наши просопографические исследования на материале остраконов: Суриков И. Е. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2004. Вып. 1 (3). С. 51–65; Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127.

⁹ Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: Reinmuth O. W. Ostrakismos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hlbd. 36. Stuttgart, 1943. Sp. 1676; Raubitschek A. E. Athenian Ostracism // Classical Journal. 1953. Vol. 48. No. 4. P. 116; Tarkiainen T. Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S. 111; Mitchell L. G., Rhodes P. J. Friends and Enemies in Athenian Politics // Greece and Rome. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 26. Уже само огромное количество имен на открытых остраконах говорит явно против наличия заранее выдвинутых «кандидатов».

Гиппократ, – практически все те, кто господствовал в афинской общественной жизни на интересующем нас временном промежутке, упоминаются на черепках для ostracism, и это выглядит вполне естественным.

Ко второй группе относятся те афинские граждане, о которых письменные источники сведений не сохранили, но которые, тем не менее, на основании тех или иных соображений могут быть достаточно четко опознаны как представители высшей аристократии (например, Калликсен, сын Аристонима, Каллий, сын Кратия, Гиппократ, сын Анаксилея, Тисандр, сын Исагора, и др.). Таким образом, в данном случае перед нами – также представители общеполитической элиты, вероятно, несколько менее влиятельные, нежели лица, входящие в первую группу, коль скоро их деятельность не получила отражения в нарративной традиции.

Наиболее интересна третья группа, к которой относятся афиняне, абсолютно нам неизвестные и никак не идентифицируемые. По количеству входящих в нее персоналий эта группа весьма значительна и превосходит первые две, вместе взятые. Зато она уступает им в другом отношении: если граждане, включаемые нами в первые две группы, нередко упоминаются на большом числе ostrakon (десятках, сотнях или даже тысячах¹⁰), то для подавляющего большинства представителей третьей группы наблюдается совершенно иная картина: считанные единицы надписанных черепков, порой – один-единственный ostrakon¹¹. Иными словами, никто из этих афинян не подвергался реальной опасности десятилетнего изгнания. И тем не менее находились-таки сограждане, хотя и в небольшом количестве, которые голосовали против них. Кто же такие эти лица, не оставившие никакого следа в истории афинского полиса и даже, судя по всему, мало кому известные, но в то же время, несомненно, каким-то образом связанные с политической жизнью (повторим, ostrakon – не частная надпись)?

Автор этих строк несколько лет назад высказал следующее предположение¹²: перед нами – политики, действовавшие не на уровне полиса, а на уровне *демов*. Демы со времен реформ Клисфена являлись наименьшими административными подразделениями афинского государства. Вся Аттика делилась на демы, которых насчитывалось более сотни. При этом каждый дем был как бы полисом в миниатюре. Он обладал штатом выборных должностных лиц во главе с демархом (старостой); в демах регулярно созывались народные

¹⁰ С именем Мегакла, сына Гиппократа, известно более 4400 ostrakon, с именем Фемистокла – более 2200.

¹¹ Ср.: Masson O. Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 91. S. 112.

¹² Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

собрания, на которых кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии¹³, и в целом существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной.

Более того, для изрядного числа граждан именно этот вид политической жизни был едва ли не единственным, в котором они могли регулярно участвовать. М. Хансен, наиболее детально в мировом антиковедении изучив вопросы, связанные с посещаемостью афинской экклесии¹⁴, пришел к ответственным выводам: примерно треть гражданского населения Аттики ввиду слишком большой удаленности своего места жительства от Афин вообще почти никогда не имела физической возможности участвовать в работе этого высшего органа власти в полисе, а еще треть могла делать это лишь sporadически. Таким образом, участие в общественных мероприятиях дема, в котором они жили, было для этих лиц главным способом проявить свою политическую активность.

В особенной степени сказанное относится к сельским демам. Можно сказать, что «политика» в рамках своего дема оказывалась для них даже важнее, чем политика на общегосударственном уровне; выборы демарха представлялись событием более значимым, чем, скажем, выборы стратегов, поскольку эти последние были далеко и не влияли напрямую на положение дел в деме, а демарх являлся фигурой, с которой каждому из сельских жителей приходилось считаться всегда.

Остракизм, проводившийся не чаще раза год, был важным и отнюдь не ординарным событием афинской политической жизни. Насколько можно судить, в нем принимали участие не только городские жители – завсегдатаи обычных народных собраний. Сходились в Афины в этот день даже полуграмотные и в целом совершенно чуждые общественной жизни полиса крестьяне из отдаленных сельских демов. Таким образом, в день остракизма политическая активность гражданского коллектива должна была быть значительно выше, чем на «рутинных» заседаниях экклесии.

В числе пришедших на остракизм оказывалось немалое количество граждан, которые, сталкиваясь с необходимостью голосовать против кого-либо из политиков, при этом были совершенно или почти незнакомы с деятельностью политических лидеров общеполисного масштаба, имели о ней смутное или превратное представление. Тем единственным сегментом политической жизни, который был им в деталях известен, являлась политическая жизнь их дема. От этого-то они и отталкивались при своем волеизъявлении, нанося

¹³ *Stanton G. R. The Rural Demes and Athenian Politics // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 217.* Очень ясное представление о том, как проводились эти собрания, какие вопросы на них обсуждались, какого рода политические махинации использовались, дает речь Демосфена «Против Евбулида» (*Demosth. LVII. 7 sqq.*).

¹⁴ *Hansen M. H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 8 ff.*

на черепки имена не Ксантиппа или Фемистокла, а тех, чьи дела им были ближе, к кому у них лично имелись какие-либо претензии, – скажем, своего демарха, или иного магистрата дема, или просто представителя элиты этой локальной общины.

Итак, на материале остраконов удалось установить наличие в афинском демократическом полисе первой половины V в. до н. э. особого, довольно многочисленного слоя политической элиты, а именно элиты демов. Для ее обозначения мы, опираясь на приписку на одном из остраконов¹⁵, предложили употреблять специальный термин «демотевты» (*demoteutai*).

«Демотевты» в период ранней классики были, так сказать, элитой «второго эшелона». Люди по меркам Афин состоятельные, они имели определенные политические амбиции, однако были вынуждены сдерживать их, поскольку не видели еще возможности на равных конкурировать с блистательными представителями высшей аристократии, задававшими в то время тон на уровне полиса в целом. В отличие от них, «демотевты» либо вообще не имели знатного происхождения, либо принадлежали к побочным, «захудалым» ветвям аристократических родов.

Во второй половине V в. до н. э. ситуация резко изменилась в сторону, выгодную для этих лиц. Время после смерти Перикла вообще характеризуется радикальной сменой «политического климата», появлением так называемых новых политиков¹⁶. Особенно важен следующий нюанс. Вплоть до эпохи Пелопоннесской войны все ведущие политики Афин (за редчайшими, единичными исключениями, как Фемистокл) были выходцами из городских демов. А затем картина стремительно становится совершенно иной: теперь уже как раз представители городских демов являются исключениями в «верхнем эшелоне» политической жизни¹⁷. А виднейшие деятели, причем всех направлений – и радикальные демократы (Клеофонт, Андрокл, Фрасибул), и олигархи (Антифонт, Фриних, Писандр), и «умеренные» (Никий, Ферамен), – принадлежат в большинстве своем к демам сельским. На наш взгляд, это может говорить только об одном: в общеполитическую политику мощно, большой группой вошли и заняли в ней лидирующие позиции те, кого мы называем «демотевтами», – афинские граждане из слоя, члены которого ранее делали свою карьеру только на уровне демов.

Какие механизмы позволили им это сделать? Вот тут-то мы и возвращаемся к вопросу о триерархах, поднятому выше. В результате реализации

¹⁵ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 77; Brenne S. Die Ostraka... S. 86.

¹⁶ Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

¹⁷ Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Westport, 1986. P. 37–39.

знаменитой морской программы Фемистокла¹⁸ в 480-х гг. до н. э. Афины создали мощнейший в Элладе флот. К чему это привело на внешней арене – прекрасно известно и не нуждается в подробном освещении: к Саламинской победе, предопределившей исход Греко-персидских войн, к созданию Афинского морского союза, к гегемонии Афин в Эгейде и т. д. и т. п.

Из внутренних же результатов данной реформы Фемистокла обычно подчеркивается демократизация политической системы государства. Если в ходе преобразований Клисфена в Афинах сформировалась умеренная демократия, опиравшаяся на среднезажиточных гоплитов, то с созданием флота резко возросла роль гребцов, которые рекрутировались из беднейших граждан; соответственно, увеличилась и политическая роль последних – демократия стала более радикальной. Всё это тоже прекрасно известно и многократно освещалось в литературе. А нам хотелось бы привлечь внимание к «другой стороне медали»: отныне в жизни государства появляется такая значимая фигура, как триерарх. Вся важность этого обстоятельства пока еще не оценена по достоинству, да и почти никем не замечена.

По мере увеличения флота возрастало и количество триерархов. Первоначально их насчитывалось 100, а к 420-м гг. до н. э. уже 300–400. И всё это были богатые люди: ведь статус триерарха предполагал очень значительные денежные траты. Афинский «капитан» прежде всего должен был быть весьма состоятельным человеком, иначе он просто не справился бы со своими обязанностями. Собственно, и критерием назначения лица триерархом была не его компетентность в морском деле, а единственно его материальное положение. Как известно, один из главных общих принципов классической афинской прямой демократии, «демократии непрофессионалов», заключался (особенно в V в. до н. э.) в том, что любой гражданин достаточно компетентен для того, чтобы занимать любой пост.

«Демотевты», представители элиты аттических демов, как раз были состоятельными людьми. И с учреждением триерархии, насколько можно судить, именно они-то и стали привлекаться к ее исполнению! Это бремя не могла нести на себе только общеполисная элита, старинная городская знать – ее просто не хватило бы количественно. И ей пришлось (видимо, чем дальше – тем больше, с возрастанием флота и соответственно потребности во всё новых и новых триерархах) делиться со «вторым эшелоном», с элитой демов, как обязанностями, так, следовательно, и влиянием. Ведь еще одним принципом

¹⁸ См. о ней: *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957; *Спрогезикий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: Проблемы истории и культуры. Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 69–83; *Ставнюк В. В.* Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004.

полисного социума, действовавшим с завидным постоянством, был следующий: чем выше роль гражданина на полях сражений, тем бóльшим должно стать его политическое значение в мирной жизни.

И вот, в афинской политической борьбе, в конкуренции за голоса избирателей триерархи находились в весьма выгодной «электоральной позиции». В обстановке почти ежегодно ведшихся военных действий они получали известность, обретали себе «группы поддержки». Ведь они набирали моряков на свои суда, выплачивали им жалованье, чем, конечно, привязывали этих граждан к себе. Да и в целом сердцу воинов всегда ближе «батяня-комбат», который лично ведет их в бой и делит с ними тяготы и лишения службы, чем более высокое начальство. Триерархов мы неоднократно называли «капитанами», что в целом вполне корректно. Стратеги, командовавшие флотом в целом, в этой терминологии оказываются «адмиралами». Для моряков, плававших на большинстве кораблей, они были в целом довольно далекой инстанцией, а «свой» триерарх – всегда рядом.

Одним словом, для граждан из незнатных, но состоятельных семей триерархия была весьма удобным путем в высшие сферы политики. Наша главная гипотеза в том и заключается, что таким путем шли во второй половине V в. до н. э. (особенно в период Пелопоннесской войны) представители элиты демов, составившие ядро группы афинских «новых политиков».

Интересно, что многие из политиков такого рода отнюдь не являлись радикальными демократами, а, напротив, имели олигархическую ориентацию. В частности, можно сказать, что переворот 411 г. до н. э. был подготовлен и осуществлен всецело именно этими лицами. Главные лидеры путча – Антифонт, Фриних, Писандр, Ферамен – все как один принадлежали к вышедшим на общеполитический уровень потомкам «демотевтов», к людям, отцы и деды которых были влиятельны лишь на уровне своих (как правило, сельских) демов.

Дело, как нам представляется, в следующем. Триерархи по самому роду своей деятельности неизбежно чаще и больше, чем кто-либо иной, имели дело с той частью афинского демоса, которую многие античные авторы называют «корабельной чернью». Речь идет о беднейших и наиболее радикально настроенных гражданах, служивших гребцами на военных кораблях. Именно с этим социальным слоем справедливо связывают охлократические тенденции, нараставшие в Афинах в период Пелопоннесской войны. Не удивительно, что у многих богачей-триерархов подобные тенденции, мягко говоря, не вызывали особенных симпатий, оттого-то они и ввязались чрезвычайно активно в «олигархические игры»: организовали антидемократический переворот 411 г., но, впрочем, вскоре же потерпели поражение. Позже, в 404 г. до н. э., олигархи попытались взять реванш: новый переворот привел к власти подчеркнуто репрессивный режим «Тридцати тиранов». Но это могло бы стать темой отдельной работы.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛАКОНОФИЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 404 Г. ДО Н. Э. В АФИНАХ И ПРАВЛЕНИЯ «ТРИДЦАТИ ТИРАНОВ»*

Последние годы V в. до н. э. оказались в Афинах чрезвычайно тяжелыми не только с точки зрения внешнеполитической обстановки (шла Пелопоннесская война), но и в аспекте ситуации внутри полиса. Это было воистину время «кризисов, конфликтов и беспорядков». Достаточно упомянуть, что за какие-нибудь восемь лет (411–403 гг. до н. э.) афиняне стали свидетелями шести (!) государственных переворотов (переворот Четырехсот в 411 г. до н. э.; переворот Пяти тысяч в том же году; восстановление демократии в 410 г. до н. э.; переворот Тридцати в 404 г. до н. э.; отстранение Тридцати и переход власти к коллегии Десяти в 403 г. до н. э.; новое восстановление демократии в том же году). Особенно резко заметен контраст, если учесть, что до того переворотов в Афинах не было почти век (507–411 гг. до н. э.) и после того – восемьдесят лет (403–322 гг. до н. э.), то есть в целом афинская демократия отличалась стабильностью.

В рамках данной краткой работы будут рассмотрены лишь несколько эпизодов, связанных с переворотом 404 г. до н. э. и лаконофильским олигархическим режимом Тридцати, установившимся в ходе этого переворота¹. События, о которых пойдет речь, происходили на фоне поражения Афин в Пелопоннесс-

* Впервые опубликовано в: Античный мир и археология. Саратов, 2015. Вып. 17. С. 31–41.

¹ Из специальных работ о правлении Тридцати см.: Жебелев С. А. О «тирании тридцати» в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 27–33; Глускина Л. М. Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э. // ВДИ. 1958. № 2. С. 70–89; Никитюк Е. В. Свержение Тридцати тиранов в Афинах в 403 г. до н. э. и деятельность коллегии полетов // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 352–357; Roos A. G. Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // Klio. 1920. Bd. 17. Ht. 1/2. S. 1–15; Lewis D. M. The Epigraphical Evidence for the End of the Thirty // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 223–229; Stem R. The Thirty at Athens in the Summer of 404 // Phoenix. 2003. Vol. 57. No. 1/2. P. 18–34; Wolpert A. The Violence of the Thirty Tyrants // Ancient Tyranny. Edinburgh, 2006. P. 213–223. Наиболее подробно этот сюжет рассмотрен в монографии: Krentz P. The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.

ской войне, резко усугубившего внутривойного кризис и пошатнувшего доверие к демократии в рядах гражданского коллектива².

Согласно одному из условий мирного договора со Спартой, в Афины были должны вернуться политические изгнанники, то есть, разумеется, противники демократии. Возвратился, в числе прочих, такой крупный представитель этого лагеря, как Критий (в 407 г. до н. э. он был изгнан из полиса по инициативе лидера радикальных демократов – демагога Клефонта³, Arist. Rhet. 1375b32), а с ним – и ряд его единомышленников. Резко активизировалась деятельность антидемократических гетерий, причем на сей раз, в отличие от более ранних периодов, они имели мощную поддержку извне в лице Спарты. Лидер радикальной демократии – Клефонт – был привлечен к суду и казнен. Одним словом, явно шла подготовка почвы для олигархического переворота⁴.

Этот последний произошел тем быстрее, что успеху афинских лаконофилов всячески способствовал всемогущий Лисандр. Вскоре после заключения мира, в том же 404 г. до н. э. он прибыл в Афины и созвал народное собрание, на котором гневно и резко упрекал граждан в том, что условия мира выполняются недостаточно быстро (в частности, «Длинные стены» еще не были скрыты, как предписывалось договором). Тут-то он и выдвинул требование ликвидации демократии. Эkklesia volens nolens вынуждена была подчиниться. Выступивший затем умеренный олигарх Ферамен⁵ предложил учредить новый

² Об общих условиях в Афинах после Пелопоннесской войны см.: *Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. Croom Helm, 1986; *Spielvogel J.* Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v. Chr. Frankfurt am Main, 2001.

³ О Клефонте см.: *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.

⁴ *Юделевиц А. И.* Подготовка олигархии 404 г. (Устранение оппозиции умеренных) // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 25–36.

⁵ О Ферамене см., например: *Ferguson W. S.* The Constitution of Theramenes // *Classical Philology*. 1926. Vol. 21. No. 1. P. 72–75; *Stevenson G. H.* The Constitution of Theramenes // *Journal of Hellenic Studies*. 1936. Vol. 56. P. 49 ff.; *Hatzfeld J.* La fin du régime de Thérémène // *Revue des études anciennes*. 1938. Vol. 40. P. 113–124; *Munro J.* Theramenes against Lysander // *Classical Quarterly*. 1938. Vol. 32. No. 1. P. 18 ff.; *Usher S.* Xenophon, Critias and Theramenes // *Journal of Hellenic Studies*. 1968. Vol. 88. P. 128–135; *Andrewes A.* Lysias and the Theramenes Papyrus // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1970. Bd. 6. S. 35–38; *Razzano G., Carla M.* Teramene di Stiria // *Parola del passato*. 1973. Vol. 28. P. 397–425; *Harding Ph.* The Theramenes Myth // *Phoenix*. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 101–111; *Bearzot C.* Teramene tra storia e propaganda // *Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche*. 1979. Vol. 113. P. 195–219; *Bearzot C.* Per una nuova immagine di Teramene // *L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità*. Milano, 1991. P. 65–87; *McCoy W. J.* The Political Debut of Theramenes // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan*. Claremont, 1997. P. 171–192;

чрезвычайный орган – коллегия из тридцати человек, которой и была бы передана вся полнота власти. Тогда же был сформирован персональный состав коллегии: десять членов были предложены лично Фераменом, десять были «назначенцами» антидемократических гетерий, остальных десять народное собрание избрало голосованием. Только после этого спартанское войско покинуло территорию Аттики.

Известны все члены коллегии Тридцати, поскольку ее полный перечень сохранил современник, свидетель и даже участник событий – Ксенофонт (Hell. II. 3. 2). Последующая работа исследователей с этим весьма интересным в ряде отношений документом позволила структурировать список, определить, что в новом правительстве были, – очевидно, намеренно – на равноправных началах представлены все десять аттических фил.

В результате переворота – происшедшего, заметим, мирным путем, без кровопролития, – у власти оказалась самая жесткая олигархия во всей афинской истории, и ее лидеры не случайно снискали в последующей античной традиции эпитет «Тридцати тиранов». Опираясь на спартанский гарнизон, который был по их просьбе поставлен на Акрополе, а также на кавалерию, в которой в Афинах по традиции служили далеко не самые демократически настроенные граждане, Тридцать начали свое правление. Они назначили новый состав Совета Пятисот и должностных лиц, включая архонтов. Характер режима был ближе даже не столько к олигархии (даже в ее самой крайней и узкой форме), сколько к настоящей корпоративной тирании. Впрочем, эта последняя тенденция в деятельности властвующей коллегии проявилась не сразу, а по мере того, как на первую роль в ней выдвинулся Критий⁶ – вначале лишь один из ее влиятельных членов, – а с ним получили преобладание наиболее убежденные олигархи-лаконофилы.

Вначале же тон в новом правительстве задавал его фактический «отец» – Ферамен. Несомненно, именно с этим связан тот факт, что на первых порах

Ungern-Sternberg J. von. «Die Revolution frißt ihre eignen Kinder»: Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 144–156.

⁶ О Критии см., например: *Nestle W.* Kritias // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur.* 1903. Bd. 11. S. 81–107, 178–199; *Wade-Gery H. N.* Kritias and Herodes // *Classical Quarterly.* 1945. Vol. 39. No. 19–33; *Fuks A.* Kritias, Pseudo-Herodes, and Thessaly // *Eos.* 1956. Vol. 48. Fasc. 2. P. 47–50; *Usher S.* Op. cit; *Momigliano A.* Lebensideale in der Sophistik: Hippias und Kritias // *Sophistik.* Darmstadt, 1976. S. 465–477; *Rosenmeyer T. G.* The Family of Critias // *American Journal of Philology.* 1949. Vol. 70. No. 4. P. 404–410; *Sutton D.* Critias and Atheism // *Classical Quarterly.* 1981. Vol. 31. No. 1. P. 33–38; *Ungern-Sternberg J. von.* Op. cit.; *Панченко Д. В.* Еврипид или Критий? // ВДИ. 1980. № 1. С. 144–162; *Панченко Д. В.* Платон и Атлантида. Л., 1990; *Фролов Э. Д.* Критий, сын Каллехстра, афинянин, – софист и тиран // ВДИ. 2003. № 4. С. 67–89.

Тридцать, взяв курс на столь популярное в политическом дискурсе тех лет «отеческое государственное устройство»⁷, провели ряд мер, которые были встречены многими гражданами сочувственно. «...Они, первым делом, арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе было известно, что они сикофанты и тягостны добрым гражданам. Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения, да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе» (Хен. Hell. II. 3. 12). Ксенофонту вторит Аристотель (Ath. pol. 35. 2–3), который даже более подробен:

Первое время они проявляли умеренность по отношению к гражданам и делали вид, что стремятся к восстановлению отеческого строя. Они велели убрать... из законов Солона те, которые возбуждали спорные толкования, а также отменили предоставленное судьям право окончательного разрешения спорных вопросов. Этим самым они как будто восстановили государственный строй и делали его свободным от всяких споров... чтобы не было повода для придирок со стороны сикофантов... Так вот с самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев, и государство радовалось этому, думая, что они делают это во имя высших интересов.

Но с укреплением позиций Крития и его группировки становилось всё яснее, что радикальным олигархам – точно так же, как и радикальным демагогам, – нужны отнюдь не стабильность в обществе, не восстановление мира и порядка в полисе, только что с тяжелейшими потерями вышедшем из затяжного вооруженного конфликта, который к тому же закончился его поражением. Из самого этого поражения Критий и такие, как он, похоже, вынесли только один-единственный урок: демократия вообще никуда не годится, единственный приемлемый строй – лакедемонский, поскольку, живя по его законам, Спарта выиграла войну, и стало быть, нужно копировать этот строй так близко, как только возможно. Конечно, крайне нелегко (и, по сути, утопично) было в кратчайший срок превратить Афины в Спарту, поскольку два государства уже много веков шли совершенно разными историческими путями; однако афинские лаконофилы постарались сделать в этом направлении всё, что только могли⁸. Они даже пытались ввести в Аттике подобие илотии!

⁷ Об этой идее см.: *Fuks A.* The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971; *Finley M. I.* The Ancestral Constitution. Cambridge, 1971.

⁸ В частности, экклесиастерий на Пниксе был перестроен так, что с него теперь открывался вид не на море, а на сушу, – в высокой степени символический жест. См. об этой перестройке: *Krentz P.* The Pnyx in 404/3 B.C. // *American Journal of Archaeology.* 1984. Vol. 88.

На этом моменте следует остановиться более подробно, поскольку он пока не освещался в литературе (во всяком случае, в той степени, в какой он того заслуживает). Более того, сам тезис на первый взгляд звучит парадоксально, поэтому нуждается в подкреплении свидетельствами источников. Ксенофонт (Hell. II. 3. 18) указывает, что Тридцатью был составлен список трех тысяч афинян; только они отныне и должны были составить коллектив полноправных граждан. Новая олигархия, таким образом, пошла по пути сокращения гражданского коллектива даже дальше, чем режим 411 г. до н. э., при котором соответствующая цифра была определена в пять тысяч.

Что особенно интересно, не похоже, что гражданская община «трех тысяч»⁹ была сформирована на основе имущественного ценза, как в «нормальных» олигархиях. Очень небогатый Сократ в этот список вошел¹⁰, а вполне состоятельные люди, такие как Алкивиад, Фрасибул, Анит, не вошли. Очевидно, исходили не из социальных, а из чисто политико-идеологических соображений; за единственный критерий принадлежности к гражданам принималась лояльность режиму. В их число не должны были попасть лица, от которых можно было ожидать актуального или потенциального недовольства, противостояния. Во всём подобном подходе чувствуется твердая рука Крития...

Чрезвычайно важно то, что произошло дальше. «Правители послали лакедемонских солдат и своих приверженцев из числа граждан отобрать оружие у всех афинян, кроме трех тысяч, попавших в список, снести его на Акрополь и сложить в храм» (Xen. Hell. II. 3. 20). «Они (Тридцать. – И. С.) закрыли для лиц, не вошедших в список, доступ в город; кроме того они арестовывали и сгоняли этих людей с усадеб вне города, желая завладеть их землею, а также раздать ее своим друзьям. Изгнанники бежали в Пирей, но и там они подвергались той же участи...» (Xen. Hell. II. 4. 1). Но, с другой стороны, им запрещалось также и удаляться за пределы государства, там их разыскивали, чтобы вернуть (Lys. XII. 95; Demosth. XV. 22; Iustin. V. 9. 4). Спартанцы с подачи

№ 2. Р. 230–231. Если иногда реконструкцию относят не к периоду правления Тридцати, а ко времени на несколько лет позже, т. е. около 400 г. до н. э. (например: Hansen M. H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. Р. 12–13; Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. Р. 143–153), то это не более чем проявление распространенной тенденции отказывать олигархам вообще в какой-либо позитивной деятельности. Тридцатью были также отменены постановления Эфиальта об Ареопаре: Hall L. G. H. Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // Classical Quarterly. 1990. Vol. 40. No. 2. Р. 319–329.

⁹ Рассуждения (впрочем, вполне гипотетические) о том, почему было выбрано именно это число, см.: Brock R. Athenian Oligarchs: The Number Game // Journal of Hellenic Studies. 1989. Vol. 109. Р. 160–164.

¹⁰ Scholz P. Der Prozeß gegen Sokrates: Ein «Sünderfall» der athenischen Demokratie? // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 160.

Лисандра издали специальный указ: «...беглецы из Афин должны быть отовсюду возвращены назад, а кто этому воспрепятствует, исключается из союза» (Plut. Lysandr. 27). Справедливости ради нужно сказать, что некоторые полисы, даже издавна дружественные Спарте (прежде всего Фивы¹¹), демонстративно отказались выполнять это постановление.

Но что означает вся эта совокупность мер? Планировалось создание специального сословия жителей Аттики, которое имело бы следующие характеристики: а) составляло большинство населения (ведь ясно, что «три тысячи» были лишь незначительным меньшинством); б) не пользовалось гражданскими и политическими правами, обезоруживалось; в) при этом не имело права покинуть полис (то есть оказывалось в положении худшем, чем, например, метэки, которым всегда был открыт путь на родину); г) лишалось своих наделов, то есть теряло собственность на землю; д) не допускалось в город, что отрезало ему пути и для торгово-ремесленной активности.

Просто невозможно видеть в этой массе людей что-либо иное, кроме как «заготовку», из которой предстояло делать самых настоящих илотов. Им надлежало жить на хоре, не имея ни прав, ни земли, и под давлением вооруженной силы, очевидно, на кабальных условиях обрабатывать поля «трех тысяч» — этих доморожденных спартиатов. Ситуация, что и говорить, разительно напоминающая лакедемонскую — за тем принципиальным исключением, что в отличие от древних дорийцев, покоривших юг Пелопоннеса и превративших местных жителей в илотов, Тридцать всерьез вознамерились *завоевать собственных сограждан*.

Могли ли приветствовать такую программу не только демократы (будь то радикальные или умеренные), но даже не самые ревностные сторонники невиданной по крайности олигархии? Происходящее должно было произвести ошеломляющий эффект. Впрочем, протестовать оставалось мало кому — во всяком случае, из числа афинян, оставшихся на родине. Сторонники демократического устройства, такие как Фрасибул или близкий к нему Анит (будущий обвинитель Сократа)¹², были подвергнуты изгнанию, их имущество конфисковано. Изгнанником был объявлен и Алкивиад, который уже не находился на тот момент в Аттике, а впоследствии, как известно, его стараниями Крития и Лисандра просто устранили.

¹¹ В целом об афино-фиванских отношениях этих лет см.: Buckler J., Beck H. Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008. P. 33 ff.

¹² Строго говоря, с Анитом ситуация несколько сложнее. Аристотель (Ath. pol. 34. 3) относит его (а также Архина) к «умеренным» приверженцам «отеческого государственного устройства», соратникам Ферамена. Однако же Ферамен вошел в состав коллегии Тридцати, а Анит с Архином стали изгнанниками, так что вряд ли правомерно относить их к одной и той же политической группировке.

А засевшие в городе «три тысячи», судя по всему, и пикнуть не смели. Они, с одной стороны, дорожили уже тем, что сохранили гражданский статус, который в новых условиях стал привилегированным, и боялись его утратить, поскольку он давал относительную безопасность. С другой стороны, они побаивались и восстановления демократии, поскольку не без оснований полагали, что в таком случае будут сочтены коллаборационистами и разделят ответственность за преступления режима. Поэтому афиняне молчаливо санкционировали всё новые злодейства со стороны правителей.

Злодейств же этих становилось всё больше. Казни, конфискации следовали одна за другой. Над городом нависла атмосфера террора и репрессий. По оценке Аристотеля (*Ath. pol.* 35. 3), «за короткое время они (Тридцать. – *И. С.*) погубили не менее полутора тысяч человек». Ксенофонт не приводит конкретных цифр, но его общая характеристика еще более впечатляет: Тридцать «ради собственной прибыли убили за восемь месяцев чуть ли не больше афинян, чем всё пелопоннесское войско за десять лет войны» (*Xen. Hell.* II. 4. 21). Подобные суждения – особенно последнее из них – не могут, разумеется, не содержать в себе сильное риторическое преувеличение¹³. Ясно, что режиму, впоследствии признанному самым одиозным в афинской истории, «задним числом» могли приписывать большее количество жертв, чем было в действительности. Однако в целом не приходится сомневаться, что ради достижения своих утопических целей Критий и его сподвижники готовы были идти на сколь угодно большую кровь. В этом смысле именно Критий, идеократ в чистом виде, может быть в наибольшей степени из всех деятелей античной истории признан предтечей великих идеократов-преступников XX в. – Ленина, Гитлера, Мао... Он, и только он, а, скажем, не Писистрат или какой-нибудь другой тиран архаического периода.

Впрочем, идеи идеями, но не приходилось забывать и о «хлебе насущном». Казна была пуста после разорительной войны; новых больших доходов в духе форося не имелось и не ожидалось. А ведь приходилось, помимо прочего, оплачивать услуги спартанского гарнизона на Акрополе.

В связи с этим последовала известная акция против богатых метэков. В источниках она описывается опять же с некоторыми разногласиями. Ксенофонт пишет: «Они (Тридцать. – *И. С.*) постановили, что каждый из правителей может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество» (*Xen. Hell.* II. 3. 21). Соответственно, получается, что погибших также было 30 (точнее, 29, поскольку Ферамен от подобной прерогативы отказался).

¹³ Количество жертв афинян в Пелопоннесской войне М. Хансен определяет как 43 тысячи человек (*Hansen M. H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 19*), автор этих строк – как 33–35 тысяч человек (*Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 484*).

Несколько иначе излагается дело у Лисия (XII. 7): «...они решили арестовать десять человек (речь идет о метэках. – *И. С.*), в том числе двоих небогатых, для того чтобы иметь возможность остальным восьми сказать в оправдание этой меры, что не из корыстных мотивов произведены эти аресты...» Согласно данному свидетельству, во-первых, число подвергшихся преследованию метэков оказывается втрое меньше. Во-вторых, не говорится о том, что все они обязательно должны были быть казнены; речь идет только об аресте. В третьих, предполагается некий хитрый ход, который в глазах общественного мнения мог несколько смягчить откровенно аморальный характер этой репрессивной акции.

Сообщение Лисия во всех отношениях вызывает больше доверия. И прежде всего – потому, что он, будучи метэком, тоже стал жертвой в данном инциденте. Был схвачен и казнен его брат Полемарх, а сам будущий оратор сумел в последний момент бежать. Так кому же, как не ему, лучше всех знать обстоятельства дела?

Протест в конце концов раздался изнутри самой правящей коллегии, и возмутителем спокойствия выступил, разумеется, Ферамен. Он прекрасно видел, что в городе творится совсем не то, что хоть в малейшей мере могло бы соответствовать идеалу умеренного «отеческого государственного устройства». Раздражал его, несомненно, и тот факт, что ведущее положение в среде Тридцати как-то незаметно ускользнуло от него и перешло к Критию. Но вряд ли этот личный мотив был ведущим, когда Ферамен начал свои открыто оппозиционные выступления. Хотя враги и дразнили его «Котурном» (то есть, если перевести современным поговорочным выражением, «и вашим, и нашим»), на самом деле его действия никак не напоминали поведение оппортуниста-приспособленца. Совсем наоборот: речь следует вести о неконформизме. Верный своим «центристским» принципам, Ферамен принимал активное, решающее участие и в антидемократических, и в антиолигархических переворотах, если видел, что существующий строй не удовлетворяет его.

Возможно, Ферамен надеялся, что и на этот раз, как и в 411 г. до н. э. (когда он выступил одним из инициаторов вначале установления олигархии Четырехсот, а потом ее же свержения), у него довольно легко получится дать делу «обратный ход». Но теперь он роковым образом просчитался, что в конечном счете стоило ему жизни. Опытный политик недооценил своего главного оппонента – мертвой хваткой вцепившегося во власть Крития – и вступил с ним в открытый конфликт¹⁴. Вначале они вели споры еще как друзья и единомышленники (Хеп. Hell. II. 3. 16), – очевидно, Ферамен считал Крития искренне заблуждающимся относительно целей, которые должно преследовать новое правительство. Но затем их отношения радикально обострились.

¹⁴ Об этом конфликте см.: *Ungern-Sternberg J. von. Op. cit.*

Наиболее подробный рассказ о столкновении двух лидеров Тридцати, уснащенный многочисленными деталями, с приведением довольно длинных речей враждующих политиков, содержится у Ксенофонта (Hell. II. 3. 15–56). Аристотель в «Афинской политике» (36–37), как обычно, более краток, что в каком-то отношении и лучше, поскольку изложение события не тонет в мелочах. Удивительной чертой передачи эпизода Аристотелем является то, что он, повествуя о гибели Ферамена, умудряется ни разу не назвать имя Крития (который и вообще не упоминается в трактате о государственном устройстве афинян).

Комбинируя информацию, содержащуюся у античных авторов, ход инцидента можно описать следующим образом. Очевидно, сразу после урезания гражданского коллектива до трех тысяч человек был принят закон, согласно которому любой афинянин, не вошедший в это число, может быть казнен по усмотрению коллегии Тридцати, без суда и следствия (Xen. Hell. II. 3. 51; Arist. Ath. pol. 37. 1). Аристотель считает, что это был фактически закон *ad hominem*, изданный специально для того, чтобы погубить Ферамена, но он явно ошибается.

Ферамен, как член Тридцати, входил, естественно, и в состав «неприкосновенных» трех тысяч, и для расправы над ним его нужно было вначале исключить оттуда, что и сделал Критий. Посредством какой юридической процедуры это было осуществлено – в данном вопросе Ксенофонт и Аристотель расходятся. У первого (Xen. Hell. II. 3. 51) Критий попросту публично, на заседании Совета, вычеркивает Ферамена из списка («согласно желанию всех тридцати правителей», как он оговаривает) и тут же обрекает его на смерть. А булевтерий при этом окружен вооруженными молодыми людьми, дабы пресечь любое проявление недовольства: ведь не приходится сомневаться, что у Ферамена было немало сторонников.

Согласно же Аристотелю (Ath. pol. 37. 1), всё происходит более легитимным образом. Одновременно с законом о возможности внесудебной казни афинян, не входящих в число трех тысяч, принимается второй закон: не могут состоять в этом числе лица, участвовавшие в свержении олигархии 411 г. до н. э. Ферамен, как мы знаем, не только принимал участие в этом перевороте, но и возглавлял его. Два закона в совокупности давали полную «правовую» почву для устранения Ферамена. Как тут не вспомнить известную дискуссию между Периклом и Алкивиадом о сути закона (Xen. Mem. I. 2. 40–46), в ходе которой сам «афинский олимпиец» запутывается, вынужденный признать, что постановления, принимаемые олигархами или жестоким тираном, могут одновременно быть законом и беззаконием.

Картина, нарисованная в «Афинской политике», впрочем, выглядит слишком «гладкой», чтобы быть истинной. Скорее правдоподобное впечатление

производит более «непричесанный» рассказ Ксенофонта, в котором всё колеблется и неясно для последнего момента, победа Крития долго «висит на волоске», и только благодаря выходу на сцену людей с оружием вопрос оказывается решен. К тому же Ксенофонт явно лично был свидетелем событий.

Подводя итоги, заметим: режим, который не только противопоставил себя большинству гражданского коллектива, но и внутри себя не имел единства, никак не мог оказаться прочным и долговечным. Вполне закономерно, что он не продержался и года. Сложные перипетии ликвидации этой олигархии и восстановления демократии могли бы стать предметом специальной статьи, а в рамках данной работы мы не можем на них останавливаться.

Сделаем напоследок лишь еще одно заключительное замечание – в порядке «информации к размышлению». Нам представляется возможным, что сама численность правящей коллегии, учрежденной в ходе переворота 404 г. до н. э., – тридцать человек – не случайна, а глубоко символична, что и она тоже является еще одним свидетельством подчеркнутого лаконофильства лидеров режима. Напомним, что тридцать членов включала в себя спартанская герусия. Геронты входили в состав этого органа на пожизненной основе. Афинские Тридцать, насколько можно судить, уготовили подобную же судьбу и для себя: не предусматривалось никакого механизма смены членов этой коллегии, кроме смерти кого-либо из них. Так, когда был казнен Ферамен, освободившееся место предложили мятежному Фрасибулу, дабы превратить его из оппозиционера в сторонника власти, но тот отказался (Diod. XIV. 32. 5–6; ср. Iustin. V. 9. 13).

Интересно, что в других греческих полисах, в которых после Пелопоннесской войны установились проспартанские олигархические режимы, правящие коллегии создавались не из 30, а из 10 человек (знаменитые декархии). Как видим, афинские лаконофилы пошли гораздо дальше по пути копирования институтов государства, которое они считали идеалом для подражания.

СТРАХ И НАПРЯЖЕННОСТЬ В АФИНАХ ВРЕМЕН КРУШЕНИЯ «ВЕЛИКОГО ПРОЕКТА»*

Э. Д. Фролов на протяжении своей многолетней и многогранной научной деятельности занимался весьма широким спектром тем, связанных с историей античного греческого полиса – от его формирования на протяжении архаического периода¹ до кризисных процессов в полисном мире, имевших место в эпоху поздней классики². И поэтому, естественно, в его сферу интересов попадали и процессы, имевшие место в Элладе (в частности, в Афинах, о которых источниковый материал особенно обилен) в последней трети V в. до н. э., в это тяжелейшее кризисное время Пелопоннесской войны³, которое лично мы считаем ключевым для трансформации греческого мира, для складывания тех тенденций, которые в конечном счете привели к появлению новых реалий эллинизма⁴. Потому-то нам и хотелось бы посвятить свой текст для сборника к очередному славному юбилею нашего старшего коллеги и фактически заочного учителя⁵ проблематике, связанной именно с данным хронологическим отрезком, который стал для греков воистину травмирующим.

* Впервые опубликовано в: Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2018. Вып. 18. № 1. С. 127–138. В основу исследования лег доклад, прочитанный автором на конференции «Современные методы изучения культуры – VIII» в РГГУ (Москва, апрель 2016 г.).

¹ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

² Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.

³ Этому периоду посвящено, отметим сразу, *самое первое* монографическое исследование Э. Д. Фролова: Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964. В нем, в частности, был помещен великолепный русский перевод речей оратора Андокида, которые являются весьма ценным источником по истории афинского полиса рассматриваемого времени.

⁴ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 9–66; Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 19–66.

⁵ Если бы не Э. Д. Фролов – не было бы антиковеда Сурикова. Автор этих строк впервые всерьез увлекся античностью, когда, только что поступив в МГУ (и планируя в тот момент заниматься Древней Русью или же первобытностью), купил и прочел книгу нашего юбиляра (Фролов Э. Д. Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества

Понятие «травмы» в истории в последнее время становится всё более популярным в научной литературе⁶. Его, например, активно изучал видный немецкий историк Й. Рюзен⁷, вводящий (подчеркнем, не на античном материале) понятие «катастрофического» кризиса. Кризис такого рода «разрушает способность исторического сознания превращать последовательность событий в осмысленное и значимое повествование. В этом случае под сомнение ставятся сами принципы образования смысла, благодаря которым историческое повествование приобретает последовательность. Они должны быть вынесены за пределы культуры или даже быть признаны бесполезными. Поэтому такому кризису трудно найти место в памяти тех, кто вынужден страдать от него. Когда он возникает, язык исторического смысла немеет. Кризис становится травмирующим. Требуется время (иногда даже поколения), чтобы найти слова, которые могут выразить его»⁸.

Легко догадаться, что автор вышеприведенной цитаты, будучи немцем, имел в виду прежде всего поражение Германии в Первой и особенно во Второй мировой войне. Но трудно и отделаться от впечатления, что какие-то аналогичные чувства испытывали афиняне, проиграв Пелопоннесскую войну⁹. Потому-то мы в свое время попытались применить наблюдения Рюзена к проблеме компаративного анализа трудов Геродота и Фукидида¹⁰. Ведь, действительно, если для «отца истории», жившего, так сказать, «на взлете» Греции, характерен ярко выраженный оптимизм, то фукидидовское мировоззрение является откровенно пессимистичным¹¹.

и государства. Л., 1984), из которой узнал о таких ранее неизвестных ему ярких персонажах, как Алкивиад, Ксенофонт, Исократ и др.

⁶ Применительно к античности см. хотя бы: *Mehl A. Individual and Collective Psychiatric Traumas in Ancient Historiographical Literature // Trauma and Traumatization in Individual and Collective Dimensions: Insights from Biblical Studies and Beyond. Göttingen, 2014. P. 244–261.*

⁷ Одна из его главных работ переведена на русский язык: *Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 38–62.*

⁸ Там же. С. 42.

⁹ Об общей ситуации в городе после этой войны см.: *Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L., 1986.*

¹⁰ *Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 60–76.*

¹¹ Последняя по времени работа, в которой на это указывается: *Thorne N. Prediction, Probability and Pessimism in Thucydides // Mouseion. 2017. Vol. 14. P. 45–61.* В ней, впрочем, никаких особенных открытий нет. Пессимизм Фукидида – это нечто само собой разумеющееся для ученых многих поколений.

* * *

Наш доклад на конференции в РГГУ, легший в основу данной работы, был прочитан в рамках секции, носившей оригинальное название: «Животное с невидимым хвостом: чувствительность как предмет культурного анализа». Тут нужно оговорить, что конференция проводилась кафедрой истории и теории культуры РГГУ, а для культурологов в принципе характерны заостренно-необычные формулировки. На сей раз имелось в виду следующее: у каждого человека есть «невидимый хвост», и если на него наступить – становится больно. Эта метафора, само собой, подразумевает предел чувствительности человека и человеческих обществ, которая действительно не является безграничной. Нам данный образ представляется хорошо коррелирующим с замечаниями Й. Рюзена, фигурировавшими выше.

И действительно, если брать конкретно Афины времен Пелопоннесской войны – поколению наших покойных отцов даже трудно было бы представить и с чем-то сравнить всю глубину этой травмы, этой боли, которую испытали тогда афиняне. Нашему поколению уже есть с чем сравнивать: мы пережили 1990-е годы, характеризовавшиеся национальным унижением. Мы почувствовали, что это значит, когда «очень больно наступят на хвост». Афиняне в конце V в. до н. э. тоже это почувствовали (правда, отличие в том, что они потерпели по собственной вине реальное – и крайне тяжелое – военное поражение), им пришлось перенести радикальное изменение ситуации: от лучезарных надежд на скорое завершение «великого проекта» – до его полного крушения.

Понятие «великий проект» мы ввели в одной из своих предыдущих книг¹², подразумевая под ним всё то, что делалось в Афинах начиная с 490 г. до н. э. и кончая 431 г. до н. э. Отцы «великого проекта» – Мильтиад, Фемистокл, Аристид, Кимон, Перикл (роль последнего часто чрезмерно преувеличивают, говорят о «Перикловом веке», но не следует забывать, что Перикл в большинстве отношений шел по стопам своих предшественников, кроме разве что радикальной демократизации полиса, за которую, кстати, его впоследствии не хвалили такие мыслители, как Сократ, Платон и Аристотель).

Греко-персидские войны, окончившись весьма славно для государства афинян, породили своеобразную «вторичную» мифологию, превозносившую «город Паллады». Был создан Делосский союз, впоследствии на его основе – Афинская морская держава; на пике процветания в эту мощнейшую в эллинской истории симмахию входили более двух сотен материковых и островных полисов, ежегодно вносивших Афинам форос, суммы которого в совокупности достигали колоссальных размеров. И уж попав в казнохранилище на Акрополе,

¹² Суриков И. Е. Очерки об историописании... С. 72–73.

далее эти деньги расходовались без какого-либо контроля со стороны «союзников». За счет этого афиняне смогли позволить себе и грандиозные строительные программы, и беспрецедентный расцвет демократии (как известно, реальная, а не имитационная демократия – очень дорогое удовольствие, которое могут позволить себе только богатые государства)¹³.

Афины, скопившие к началу Пелопоннесской войны чудовищную по греческим меркам сумму в 9700 талантов (Thuc. II. 13. 3) и ставшие, по знаменитому выражению Перикла (Thuc. II. 41. 2), «школой всей Эллады», привлекавшие толпы паломников, могли, казалось бы, с гордой уверенностью смотреть в будущее.

Но вдруг всё обрушилось почти в одночасье. В первых книгах истории Фукидида приведено (прямой или косвенной речью) несколько речей Перикла (Thuc. I. 140–144; II. 13; II. 35–46; II. 60–64)¹⁴, и можно очень явственно увидеть, как меняется их тон – от полного уверенности и бодрости до довольно удрученного.

Нашествия пелопоннессцев на Аттику, эвакуация всех ее жителей в связи с оборонительной тактикой Перикла¹⁵, случившаяся в связи с непродуманными действиями по эвакуации эпидемия, унесшая жизни около четверти обитателей

¹³ В литературе неоднократно отмечалось (один из недавних примеров: Макарова О. М. Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009. С. 57–82), что форос напрямую не направлялся на строительные программы и финансирование демократических институтов. В принципе, это верно (хотя случались исключения), однако между данью союзных полисов и общим процветанием афинского демократического полиса в V в. до н. э. была, как минимум, косвенная связь. Афиняне *могли себе позволить* возведение столь роскошных и, естественно, дорогостоящих памятников (а также оплату труда магистратов и т. п.) именно потому, что благодаря форосу их полисный бюджет был освобожден от трат на военные нужды (ведь оные траты являются однозначно самой емкой частью расходной части бюджета любого государства, содержащего боеспособные вооруженные силы). Если бы в каком-нибудь сладком сне представить себе, что, допустим, из расходной части нашего российского бюджета исчезнет вдруг статья «оборона»... Нет, даже ни в каком сне не приснится, насколько громадные деньги тогда можно было бы направить на другие стороны развития страны, например на науку, образование, культуру.

¹⁴ По теме «Перикл у Фукидида» наиболее фундаментальным исследованием является монография: Will W. Thucydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

¹⁵ Дж. Обер очень восхваляет эту тактику, называет ее даже стратегией и утверждает, что Перикл – первый мастер стратегии в античной военной истории, до него-де мастеров стратегии не было, были только мастера тактики (*Ober J. Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defence // The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985. P. 171–188*). Допустим даже, что это так, но к чему привела подобная стратегия? И не стала ли она в конечном счете одним из факторов поражения Афин в Пелопоннесской войне?

полиса¹⁶, – всё это, несомненно, обусловило коренное изменение ситуации уже на первом этапе Пелопоннесской войны. Именно тогда, несомненно, были задуманы написанные позже горько-пронзительные пассажи Фукидида на соответствующую тематику (Thuc. II. 51–54; III. 81–84).

В дальнейшем война, как известно, шла с переменным успехом, а закончилась в конечном счете капитуляцией Афин. Людские потери последних за всё время многолетнего вооруженного конфликта (включая террор «Тридцати тиранов» в 404–403 гг. до н. э.) составили более 30 тысяч человек¹⁷ *только среди граждан* (соответственно, нужно учитывать и жертвы среди других категорий населения). Чтобы продемонстрировать всю чудовищность этих цифр, достаточно заметить: это как если бы наша страна в какой-нибудь войне потеряла 70–80 миллионов своих жителей. Легко представить, какого масштаба катастрофой это стало бы.

В таких случаях общественное сознание, получая трудноисцеляемую травму, с легкостью становится жертвой различных фобий. Опять же, параллели из иных исторических веков изобилуют: достаточно вспомнить о «вьетнамской травме» в США 1970-х гг. или об очень коррелирующей с ней «афганской травме» в СССР, во многом обусловившей «перестройку» и деструктивные процессы 1990-х гг.

Чрезвычайно интересно проследить, какие именно фобии появились в период Пелопоннесской войны. С. Уитмен¹⁸ справедливо отмечает, что в рассматриваемое время на смену религиозному мифологическому комплексу, трактовавшему мир в его целостности, пришли многочисленные, как он выражается, «малые мифы» – мифы о «войне до победного конца» и афинской гегемонии в Греции, о злокозненности и вреде для государства «вольнодумцев»-философов, о разного рода панацеях от внутренних и внешних сложностей, будь то «отеческая политика» или персидское золото. Подобная фрагментация ранее существовавшего единства (если сравнивать уровень общества с уровнем отдельной личности, она может быть уподоблена распаду личности в результате шизофрении), препятствующая видеть правильную перспективу развития событий, в принципе характерна для высококризисных времен.

Для дальнейшего необходимо учитывать тот фактор, что для эпохи, о которой идет речь, характерна пока еще практически абсолютная религиозность.

¹⁶ См. в связи со свидетельством источника (Thuc. III. 87. 3) наши выкладки в: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 482–483.

¹⁷ Суриков И. Е. Остракизм... С. 484. И наши оценки являются еще относительно минималистскими. Так, М. Хансен определяет эти потери как 43 тысячи человек (Hansen M. H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988).

¹⁸ Whitman C. H. Euripides and the Full Circle of Myth. Cambridge, MA, 1974. P. 119–121.

В богов верили все или почти все; представители атеизма или хотя бы религиозного скептицизма, предлагающего усомниться в существовании небожителей, насчитывались буквально единицами¹⁹, причем среди этих единиц почти все были философами, которым ведь и само ремесло велит постоянно сомневаться во всём.

Парадоксальное изменение обстановки заключается в том, что при Перикле такие философы-«ревизионисты» преспокойно подвизались в Афинах и транслировали свои неортодоксальные учения. А вот впоследствии их начали активно преследовать. Судебные процессы против Протагора, Диагора, Сократа вошли в историю, и во всех них в качестве главной обвинительной формулировки фигурировало «нечестие» (ἀσέβεια), кощунство по отношению к божественному²⁰.

На смену Перикловой «просвещенной демократии» как-то уж очень стремительно пришла «непросвещенная». Лидер ее радикального крыла – Клеон – откровенно заявлял: «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться умнее законов» (Thuc. III. 37. 3–4)²¹. Лидер ее умеренного крыла – Никий – хоть и не позволял себе подобных высказываний, но думал, без сомнения, точно так же; во всяком случае, ему гораздо ближе было общество гадателей и прорицателей, чем общество интеллектуалов. Не может не броситься в глаза резчайший контраст с Периклом, который мог провести целый день в беседе с Протагором на довольно абстрактную тему – о принципах причинности (Plut. Pericl. 36).

¹⁹ Единственный известный атеист этого времени – Диагор Мелосский (о нем теперь см.: *Winiarczyk M. Diagoras of Melos: A Contribution to the History of Ancient Atheism*. В.; Boston, 2016). В число скептиков по отношению к религии можно включить несколько большее число лиц, среди которых, например, Протагор и Еврипид. Сократа к этим скептикам относить не следует: он, вопреки предъявленному ему в 399 г. до н. э. обвинению, безусловно, являлся верующим человеком, просто его религиозность была нетрадиционной.

²⁰ Хронологическим исключением, кажется, является процесс против Анаксагора, обычно датирующийся 432 г. до н. э. (то есть временем до Пелопоннесской войны, хотя на самом ее «пороге»). Этот процесс правильно помещают в контекст борьбы против Перикла (*Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum*. 1977. Vol. 51. Fasc. 1/2. P. 10–26), когда на почве ненависти к нему объединились, собрав вокруг себя наиболее консервативную публику, возвратившийся из остракизма Фукидид, сын Мелесия, и набиравший силы Клеон (о взглядах которого будет сказано чуть ниже в тексте данной главы).

²¹ См. в данной связи интересную статью: *Wassermann F. M. Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate* (Thuc. III. 37–48) // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1956. Vol. 87. P. 27–41.

Создается впечатление, что афиняне, вызвав из бутылки джинна релятивизма, теперь сами испугались практических последствий этого поступка. Яркое свидетельство тому – комедия Аристофана «Облака». Началась самая настоящая реакция: отношение к софистам и прочим «безбожникам» радикально ухудшилось, прошел ряд судебных процессов, направленных против них. Соответственным образом изменилась и позиция интеллектуалов. Ясно, что охлократические и обскурантистские тенденции, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны, никоим образом не могли приветствоваться такими рафинированными интеллектуалами, как представители софистического движения (одним из которых был, например, оратор и софист Антифонт²²). Тем более что и в политическом отношении государство, оказавшееся «в плену у демагогов»²³, неуклонно катилось в пропасть. Не будем забывать о том, что переворот 411 г. до н. э., одним из главных деятелей которого стал Антифонт, в сущности, был отчаянной попыткой любой ценой спасти положение и предотвратить крах. Кстати, режим Четырехсот, выросший «изнутри», в отличие от режима «Тридцати тиранов» (откровенно навязанного Лисандром), не имел репрессивного и террористического характера²⁴.

Впрочем, не одни «безбожники» инспирировали фобии. Еще одним «раздражающим фактором» стали полководцы. Даже трудно сосчитать, сколько из них было так или иначе наказано в период Пелопоннесской войны. Один из таких случаев сослужил даже хорошую службу истории мировой культуры: афинский стратег Фукидид, сын Олора, отправленный в изгнание за то, что он допустил ошибки, когда Брасид брал Амфиполь, стал в результате одним из величайших историков «всех времен и народов», а не произойди такого – мог бы остаться рядовым военачальником и политиком, о котором мало кто и вспомнил бы.

Никий провалил Сицилийскую экспедицию 415–413 гг. до н. э. во многом потому, что боялся возвращаться в Афины, прекрасно понимая, что там его ждали бы неизбежные репрессии. Собственно, таковым и были подвергнуты афинские стратеги, руководившие первым на протяжении Пелопоннесской войны плаванием к Сицилии (в 420-х гг. до н. э.)²⁵. Особенно вопиющим является

²² О котором см.: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002; *Суриков И. Е.* Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.

²³ Как мы выразились в другом месте: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 204.

²⁴ *Taylor M. C.* Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // *Journal of Hellenic Studies*. 2002. Vol. 122. P. 91–108.

²⁵ *Cataldi S.* I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana // *Processi e politica nel mondo antico*. Milano, 1996. P. 37–63.

случай со стратегом Пахетом, который «при сдаче отчета о своем походе, тут же, не выходя из судилища, выхватил меч и заколол себя» (Plut. Nic. 6)²⁶.

Если уж в целом говорить об «образе врага», активно создававшимся тогда, то необходимо констатировать следующее: когда дела идут плохо – всегда начинается поиск врагов, преимущественно внутренних (поскольку внешних врагов искать не нужно, они всегда налицо). В числе оных «внутренних врагов» мог оказаться, создается впечатление, вообще кто угодно. Например, Сократ, который хоть и не был адептом радикальной демократии последней трети V в. до н. э.²⁷, но совершенно точно являлся афинским патриотом (даже при всех своих симпатиях к Спарте²⁸), проливал кровь за родной город и пр.

С учетом оговоренной выше практически поголовной религиозности среди населения, конечно, больше всего рисковали попасть в число «внутренних врагов» те люди, которых могли заподозрить в том, что они навлекают на себя и государство немилость богов. К мыслителям это, понятно, должно было относиться в первую очередь; но ведь и полководец, по тогдашним понятиям, терпит поражение именно в тех битвах, в которых ему не спешествуют боги (вся карьера Никия, неоднократно упоминавшегося выше, пронизана именно этим принципом, сограждане даже его имя, происходящее от νίκη, «победы», считали счастливым предзнаменованием) – или же если он сознательно предаст отечество. Не случайно, когда судили незадачливых военачальников, инкриминировали им, как правило, не «преступную халатность» или что-нибудь в этом роде, а конкретно измену; в частности, за (мнимую) измену был изгнан из Афин и Фукидид.

Весьма причудливой предстает на этом фоне судьба Алкивиада, этого то ли «везунчика», то ли «несчастливца». Кончил он, во всяком случае, плохо, но ранее испытывал разного рода неприятные перипетии, начиная уже с 415 г. до н. э., когда, отправившись командовать флотом на Сицилию, он был вдруг отозван на суд по обвинению внешним образом в религиозных бесчинствах (профанация Элевсинских мистерий), а реально, в сущности, ввиду подозрений в антидемократической ориентации²⁹.

²⁶ Об эпизоде с Пахетом недавно появилась весьма дельная работа санкт-петербургской исследовательницы: Кудрявцева Т. В. Процессы в связи со сдачей отчета в Афинах V в. до н. э. и «дело Пахета» // ВДИ. 2013. № 4. С. 74–84.

²⁷ Ср.: Rowe C. J. Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // Journal of Hellenic Studies. 2001. Vol. 121. P. 63–76.

²⁸ Мы и ранее писали, что афинских лаконофилов отнюдь нельзя считать коллаборационистами, для них на первом месте все-таки стоял патриотизм по отношению к родному полису: Суриков И. Е. Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории. Казань, 2015. С. 9–31.

²⁹ Ср.: Seager R. Alcibiades and the Charge of Aiming at Tyranny // Historia. 1967. Bd. 16. No. 1. P. 6–18.

Поиск противников демократии, скрытых сторонников олигархии или тирании, был неотъемлемым элементом истерии, господствовавшей в Афинах времен Пелопоннесской войны. До этого конфликта, как пишет Э. Бадиян³⁰, олигархов по убеждениям среди афинских граждан просто не наблюдалось. А вот теперь, когда «тучные годы» закончились и началась «эпоха бед», таковые появились и, более того, стали действовать весьма активно. Ясно, что, во всяком случае, олигархический «переворот Четырехсот» 411 г. до н. э. стал результатом того, что благонамеренные граждане отшатнулись от нараставшей охлократизации. Впрочем, и эти события для многих не стали вразумлением. Демократия была в 410 г. до н. э. (после промежуточного правления режима «Пяти тысяч», являвшего собой смешение демократии и олигархии, удостоившегося высоких похвал со стороны Фукидида и Аристотеля³¹) восстановлена в полном объеме, причем ее сторонники, как говорится, «ничего не забыли и ничему не научились».

В результате через какое-то время имел место известный демарш Клеофонта, ведущего демагога последних лет войны. Спартанцы после серьезного поражения в Аргинусской битве

...хотели уйти из Декелеи и предлагали заключить мир на условии сохранения обеими сторонами своих тогдашних владений (иными словами, предлагался *status quo*, а главное, был бы выведен спартанский гарнизон из Декелейской крепости, который на протяжении ряда лет буквально парализовал жизнь Аттики³². — И. С.), некоторые энергично поддерживали это предложение, но народ не послушался, обманутый Клеофонтом, который явился в народное собрание пьяный и одетый в панцирь и помешал заключению мира... (Arist. Ath. pol. 34. 1).

Это была уже некая «кульминация позора» (нашим соотечественникам опять же есть с чем сравнивать, припоминая, как некий российский государственный деятель 1990-х гг., разъезжая «по Европам», в пьяном виде дирижировал оркестром, мочился у трапа самолета и т. п.). Следует, кстати, учесть, что, придя в экклесию в панцире, Клеофонт тем самым уже нарушил закон: уже с архаической эпохи посещать подобные мероприятия с какими-либо элементами вооружения настрого запрещалось, под угрозой смертной казни, и сохранился даже рассказ о том, как какой-то из законодателей Великой Греции — то ли Залевк, то ли Харонд, — задумавшись, вошел на агору с мечом, а когда

³⁰ Badian E. The Ghost of Empire. Reflection on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 81.

³¹ Thuc. VIII. 97. 2; Arist. Ath. pol. 33. 2.

³² О влиянии «казуса Декелеи» на последующий подход афинян к обороне своей области см.: Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v. Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 515–548.

спохватился, немедленно закололся этим самым мечом, чтобы другим unavoidно было³³.

Не удивительно, что Клеофонт оказался одним из первых казненных после поражения в Пелопоннесской войне, даже еще до установления правления «Тридцати тиранов». Да и в целом закономерно, что подобные «проделки» радикальных демократов привели в конечном счете к тому, что к власти пришла эта корпоративная тирания Тридцати, один из самых кровавых и террористических режимов в мировой истории³⁴. Только после его свержения и последовавшей вслед за тем амнистии³⁵ афиняне, кажется, нечто осознали, придя очень быстро к идее «власти закона», или «верховенства права» (формулировки могут быть различными, а граждане Афин с рубежа V–IV вв. до н. э. понимали сам смысл реформ так, что отныне не δῆμος κύριος, а νόμος κύριος)³⁶.

О событиях рубежа V–IV вв. до н. э. (поражение в Пелопоннесской войне, тирания Тридцати, казнь Сократа) афиняне в дальнейшем предпочитали не вспоминать; в их исторической памяти в дальнейшие времена по большей части фигурирует «ушедший золотой век Пентеконтаэтии».

³³ Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 98.

³⁴ Ungern-Sternberg J. von. «Die Revolution frisst ihre eignen Kinder»: Kritias vs. Tharmenes // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 144–156; Wolpert A. The Violence of the Thirty Tyrants // Ancient Tyranny. Edinburgh, 2006. P. 213–223; Hefner H. Hoplitens und Hippeis unter dem Regime der «Dreißig Tyrannen» in Athen // Tyche. 2011. Bd. 26. S. 141–163.

³⁵ О событиях этих лет см. теперь фундаментальное исследование: Carawan E. The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf., 2013. Эдвин Кереуэн – ученик крупнейшего ныне в США специалиста по древнегреческому праву Майкла Гагарина, и преддущей его книгой (Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998) Гагарин остался скорее разочарован.

³⁶ Наиболее детальный анализ упомянутых здесь процессов содержится в монографии: Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.

ПАТРИОТИЗМ АФИНСКИХ ЛАКОНОФИЛОВ: СПЕЦИФИКА И КОЛЛИЗИИ*

Хронологические рамки данной работы охватывают классическую эпоху, причем даже не всю, а преимущественно V в. до н. э., поскольку на протяжении большей части следующего столетия (с 371 г. до н. э.¹) в силу ряда хорошо известных причин каких-либо серьезных коллизий между афинским патриотизмом и лаконофильством уже не возникало². Характерен случай с Ксенофонтом, прожившим долгую жизнь³: с молодости он являлся убежденным лаконофилом⁴ (не только в теории, но и на практике), за что, в сущности, и был лишен в Афинах гражданства, а после Левктр он, ничуть не изменив своих взглядов, тем не менее получил разрешение вернуться на родину (которым, впрочем, не воспользовался).

Что же касается предшествующей, архаической эпохи, то применительно к ней, как нам представляется, вообще еще нельзя говорить об афинском лаконофильстве как о каком-то системном явлении, элементе идейной жизни общества. На уровне конкретно-ситуативном, скажем, в VI в. до н. э. дружественная настроенность тех или иных аристократов из Афин к Спарте и спартанцам, несомненно, имела место, но обуславливалась скорее прагматическими, а не ценностными мотивами. Соответственно, подобная дружба не могла быть чем-то прочным и постоянным.

Достаточно вспомнить, как складывались отношения между афинскими Писистратидами и спартанскими властями: очень по-разному. Между ними

* Впервые опубликовано в: Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории. Казань, 2015. С. 9–31.

¹ Об этапном характере битвы при Левктрах 371 г. до н. э. для всей внешнеполитической ситуации в Греции см.: *LaForse B. The Greek World, 371–336 // A Companion to the Classical Greek World. Oxf., 2006. P. 544–559; Buckler J. Epaminondas at Leuctra, 371 B.C. // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World. Oxf., 2013. P. 657–670.*

² Об отношении афинян к Спарте в этот период см.: *Fisher N. R. E. Sparta Re(de)valued: Some Athenian Public Attitudes to Sparta between Leuctra and the Lamian War // The Shadow of Sparta. L.; N. Y., 1994. P. 347–400.*

³ О связи перипетий биографии Ксенофонта с историей его времени см.: *Dillery J. Xenophon and the History of his Times. L.; N. Y., 1995.*

⁴ *Tuplin C. Xenophon, Sparta and the Cyropaedia // The Shadow of Sparta. L.; N. Y., 1994. P. 127–181; Harman R. A Spectacle of Greekness: Panhellenism and the Visual in Xenophon's Agesilaus // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry. Leiden; Boston, 2012. P. 427–453.*

существовал тесный ксенический союз (Herod. V. 63), сменившийся обострением враждебности, дошедшим до свержения Гиппия Клеоменом I (Herod. V. 64–65); а буквально через несколько лет тот же Клеомен I уже был готов вернуть Гиппию власть в Афинах (Herod. V. 91). Можно ли на основе всего этого назвать Гиппия принципиальным лаконофилом? Никак не похоже на то; и, в конце концов, низложенный тиран искал и нашел себе убежище отнюдь не в Спарте, а в Персии⁵.

Положение изменилось в результате афинских революционных событий 508–507 гг. до н. э.⁶ – именно в силу попытки спартанского вмешательства в эти события на стороне одного из враждовавших лагерей. Пожалуй, первым афинским лаконофилом в более или менее строгом смысле слова следует считать Исагора из рода Филаидов⁷ (он, кстати, тоже являлся ксеном Клеомена I: Herod. V. 70). В высшей степени характерно, что и в дальнейшем мы встречаем видных представителей того же рода в лаконофильском стане. В первую очередь мы имеем в виду, конечно же, Кимона, в деятельности которого лаконофильская позиция предстает максимально рельефно. О Кимоне уже вскоре речь пойдет более подробно, а пока – еще несколько предварительных замечаний.

Если Исагор в конце VI в. до н. э. был фигурой еще единичной, то уже для начала V в. до н. э. можно говорить о складывании лаконофильства как некоего течения. Выкристаллизовалось оно в ходе борьбы политических группировок в Афинах того времени. Этой борьбе мы в свое время посвятили специальную работу⁸, в которой наметили «очертания» основных группировок. Ее выводы нам здесь повторять незачем (любой желающий может открыть и посмотреть указанную статью); оговорим лишь, что, во всяком случае, группировка Мильтиада (то есть тех же Филаидов) явно ориентировалась на Спарту.

⁵ Лучшим исследованием непростых спартано-персидских отношений остается: Lewis D. M. *Sparta and Persia*. Leiden, 1977. На русском языке соответствующие сюжеты представлены в: Рунг Э. В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб., 2008.

⁶ Мы считаем, что прав Дж. Обер, определяя эти события, традиционно ассоциируемые с именем Клисфена, как «афинскую революцию»: Ober J. *The Athenian Revolution of 508/7 BC: Violence, Authority, and the Origins of Democracy* // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 95–112; Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley, 2007. P. 83–104.

⁷ О принадлежности Исагора именно к роду Филаидов см.: Bicknell P. J. *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972. P. 84 ff.

⁸ Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

* * *

Итак, почему же вопрос приходится ставить именно так, как мы его поставили выше, в заголовке? По какой причине там фигурирует «специфика» и в чем суть упомянутых «коллизий»?

Всем прекрасно известно, что в полисной Греции и патриотизм был полисным же, локальным – вплоть до появления панэллинистических настроений у Исократ⁹. Что, собственно, значило «быть патриотом (φιλόπατρις, хотя это термин более позднего времени, а в V в. до н. э., например, у Фукидида, обычно употребляется φιλόπολις)»? Разумеется, под сим понималась любовь к *своему* полису, к своему государству (которое подчас можно было обойти из конца в конец за несколько часов или же, поднявшись на какой-нибудь холм повыше, увидеть с него целиком свое государство, да заодно и несколько сопредельных), а отнюдь не ко всей Элладе, которая была в известной степени понятием абстрактным.

Нам даже трудно это понять. Для нас абстрактным понятием является как раз то государство, в котором мы живем (если это, конечно, не Лихтенштейн или Сан-Марино). Как любой из нас воспринимает ту же Россию? В сущности, как некий образ на географической карте, простирающийся «от полярных широт и до южных», от Восточной Пруссии до Чукотки. В остальном же у каждого из нас есть «своя Россия» – или, как выражаются, малая родина (даже и пишущаяся со строчной буквы, в противовес большой Родине).

А вот у эллина была именно малая Родина. Ее и следовало любить, а ко всем остальным государствам относиться так, как ним относится *твой* полис, что всегда было связано с интересами последнего. Если иной полис союжен «нашему» – то к нему нужно питать приязнь, если враждебен – то неприязнь, не так ли? Совместима ли подобного рода прагматика с какой-либо внешнеполитической романтикой? Могла ли в подобных условиях возникнуть с чьей-либо стороны любовь к *иному* полису – любовь без какой-либо чисто прагматической заинтересованности, а только с опорой на этические и даже эстетические критерии? Казалось бы, что нет, да и в целом этике в политике не место, как «много раз твердили миру».

Однако же в Афинах (и характерно, что именно в Афинах) появился в первой половине V в. до н. э. человек, соединивший в своей личности черты афинского патриота и страстного (причем бескорыстного, в отличие от того же Исагора) поклонника Спарты. Этот «великий романтик» был одновременно и неплохим прагматиком, и при нем дела Греции в целом шли, в общем-то, неплохо.

⁹ Специально к образу Спарты у Исократ см.: Gray V. Images of Sparta: Writer and Audience in Isocrates' *Panathenaicus* // The Shadow of Sparta. L.; N.Y., 1994. P. 223–271.

Кимону — а ясно, что речь идет теперь именно о нем, — мы в свое время посвятили достаточно объемную главу в одной из своих книг¹⁰, а о его внешне-политической концепции и до того специально писали¹¹, так что здесь только остается кратко подытожить ранее нами уже сказанное.

Устоявшимся еще со времен античности можно считать взгляд на Кимона как на аристократа-лаконофила, врага народовластия и принципиального сторонника спартанской олигархии, а на его противника Перикла, соответственно, как на убежденного сторонника демократии и тем самым противника Спарты. Этот взгляд не лишен определенных оснований, однако существенно упрощает истинное положение вещей, что уже отмечалось в историографии¹². Кстати, и сам Перикл отнюдь не на всех этапах своей политической карьеры проявлял враждебность к Спарте. Известно, что в его семье существовали ксенические связи со спартанским царским домом Эврипontiдов (Thuc. II. 13. 1; Plut. Pericl. 33)¹³. Зафиксирован по крайней мере один случай (в 446 г. до н.э.), когда Перикл употребил свое влияние на лакедемонскую политическую элиту для того, чтобы предотвратить спартанское нападение на Афины (Plut. Pericl. 22).

Кимон, безусловно, симпатизировал Спарте, но лишь до того предела, пока это не вступало в противоречие с афинскими интересами. В случае же открытого столкновения этих интересов он делал вполне однозначный выбор, как показали, в частности, события перед битвой при Танагре 457 г. до н. э., когда этот лаконофил, к тому же недавно претерпевший обиду от сограждан и подвергнутый ими остракизму, тем не менее явился на поле боя, чтобы сражаться против спартанцев.

Кимона с полным основанием можно назвать панэллински мыслящим государственным деятелем, что проявляется, помимо прочего, в такой неожиданной сфере, как ономастика. Этот политик (кстати, совершенно не следуя укоренившимся в греческом мире традициям¹⁴, выступая новатором) дал некоторым

¹⁰ Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 187–258.

¹¹ Суриков И. Е. Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов (ред.). Казань, 2003. С. 225–230.

¹² В наиболее подчеркнутой, местами не чуждой крайностей форме — в важной работе: Sealey R. The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161.

¹³ О наиболее вероятных обстоятельствах заключения этих ксенических связей (479 г. до н. э.) см.: Суриков И. Е. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. 8. С. 105.

¹⁴ Об ономастических традициях греков см.: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 49–72 (с указаниями на предшествующую литературу); Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 2009.

из своих сыновей имена не по предкам и родственникам, как было принято, а произведенные от различных регионов греческого мира¹⁵. В частности, один из сыновей Кимона (наиболее известный, впоследствии игравший некоторую роль в политической жизни Афин) был демонстративно назван Лакедемони-ем – имя с предельно ясной подоплекой («спартанец»). Другой был назван Фессалом. Имя еще одного Плутарх (Cim. 16; Pericl. 29) не вполне точно передает как Элей, производя его таким образом от области Элиды. Эпиграфически зафиксировано более точное написание имени данного лица – Улий (IG. IV. 2. 672c). Иными словами, к Элиде имя этого сына Кимона не имеет отношения; скорее можно говорить о его ионийском происхождении (в некоторых полисах Ионии Зевс в одной из своих ипостасей носил эпиклезу «Улий»)¹⁶. Рассматривая ономастику семьи Кимона в геополитическом ключе (а именно так и следует делать, поскольку имена столь определенного характера давались вполне сознательно¹⁷), нельзя не прийти к выводу, что интересующий нас политический деятель вынашивал далеко идущие стратегические планы, в которых свое место занимали и Спарта, и северная Фессалия, и греческие земли на Востоке.

Кимон в большей степени, чем кто-либо другой, был создателем системы афино-спартанского дуализма¹⁸. Сам он выразил идею этой системы в красивом (и чрезвычайно характерном для его аристократического склада мышления) образе Эллады как упряжки, ведомой двумя лошадьми – Афинами и Спартой (Plut. Cim. 16). Подрыв дуализма, по его мнению, был чреват тем, что Греция «охромеет». Следует сказать, что его слова оказались пророческими: как только относительно мирное равновесие между двумя крупнейшими греческими полисами оказалось нарушенным, как только на смену дуализму пришел открытый вооруженный конфликт «не на жизнь, а на смерть», положение греческого мира в целом, как внешнее, так и внутреннее, резко ухудшилось;

Вып. 3. С. 102–127; Суриков И. Е. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) // ПОЛУТРОПОС. Сб. науч. статей памяти А. А. Молчанова. М., 2014. С. 105–116 (применительно конкретно к Афинам, со ссылками на наши предыдущие работы в области той же тематики).

¹⁵ Известно, правда, что уже Фемистокл назвал двух из своих многочисленных дочерей Италией и Сибаридой (Plut. Them. 32), что тоже демонстрирует геополитические амбиции. Однако сыновья Фемистокла носили вполне традиционные, подчеркнуто аристократические имена (старший – Архептолид и т. д.).

¹⁶ Об имени Улий в роде Филаидов, к которому принадлежал Перикл, см.: Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 162.

¹⁷ Ср.: Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 198 сл. (с другими примерами).

¹⁸ Об этом дуализме эпохи Пентеконтаэтии наиболее подробно см. в книге: Строгеевский В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

изменившаяся ситуация на межгосударственной арене стала катализатором кризисных явлений.

Нам представляется, что внешнеполитическая концепция Кимона была по своему характеру более широкой, нежели та, которой придерживался его младший современник и антагонист Перикл. Кимон выступал как политик, мыслящий панэллинскими категориями. Борьба греков против Персии до полной победы, поддержание с этой целью прочного общегреческого единства с равно почетным статусом нескольких наиболее сильных государств – таковы были основные элементы его идей на международной арене. Он, конечно, был, как и все современные ему политики Афин, патриотом родного полиса, но для него, помимо Афин, существовала и вся остальная Эллада, в которой были и Спарта, и Фессалия, и другие значительные центры силы, считаться с интересами которых было не просто необходимо, но и составляло неотъемлемую часть аристократического «кодекса чести». Для Перикла же, можно сказать, существовали только Афины – Афины über Alles, как это очень ярко видно в его «Надгробной речи» у Фукидида¹⁹. При подобном афиноцентризме всё остальное неизбежно отодвигалось на второй план. Менее скованный старыми аристократическими этическими ценностями и предрассудками, Перикл вел по отношению к внешнеполитическим партнерам и конкурентам Афин (в первую очередь имеем в виду, естественно, ту же Спарту) значительно более жесткую, временами циничную и беспринципную политику. Следующим шагом на том же пути была деятельность Алкивиада (о котором в связи с лаконофильством см. ниже), у которого на смену афиноцентризму пришел уже эгоцентризм.

Подводя же итоги рассмотрения вопроса о Кимоне, сформулируем их следующим образом. Являлся ли он лаконофилом? Безусловно. Исключало ли это для него афинский патриотизм? Ни в коей мере.

* * *

Уже после Кимона, во второй половине V в. до н. э., лаконофильство стало в Афинах просто-таки модным, особенно в кругах аристократической молодежи. Очередной парадокс заключался в том, что в то самое время, когда количество симпатизировавших Спарте лиц среди афинян увеличивалось (это

¹⁹ Здесь можно было бы дать обширную ссылку на многочисленные работы об этой «Надгробной речи». Мы такую ссылку неоднократно давали в более ранних работах, и повторяться не хочется. А здесь наиболее уместным будет указать книгу (*Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn, 2003), которая отнюдь не вызвала нашего полного согласия (см. нашу рецензию: ВДИ. 2006. № 3. С. 214–220), но мы, тем не менее, должны констатировать, что в целом отношение Фукидида к Периклу в данной монографии охарактеризовано верно.

было обусловлено целым комплексом причин, в частности всё более полной кристаллизацией «спартанского феномена», превращавшегося для сторонних наблюдателей в «спартанский мираж»²⁰, но данный вопрос уже выходит за рамки настоящей работы), межгосударственные отношения афинского полиса со спартанским, напротив, ухудшались и накалялись. После Тридцатилетнего мира 446 г. до н. э. их обострение шло поступательно, и кончилось всё, как известно, Пелопоннесской войной.

Афинское лаконофильство предполагало едва ли в первую очередь подражание образу жизни спартиатов, демонстративно простому и непритязательному. Вспомним хотя бы Сократа – одного из «столпов» подобных настроений. То, что философ испытывал к Спарте и спартамцам самую теплую симпатию, не подлежит сомнению. Вот характерное его высказывание, переданное Платоном:

Раньше и больше всего философия у эллинов была распространена на Крите и в Лакедемонe, и самое большое на Земле число софистов было там же; но критяне и лаконцы... отрицают это и делают вид, будто они невежественны, чтобы не обнаружилось, что они превосходят мудростью всех эллинов; они хотят, чтобы их считали самыми лучшими воинами и мужественными людьми, думая, что, если узнают, в чем именно их превосходство, все станут упражняться в том же, то есть в мудрости. Теперь же, скрывши настоящее, они обманули тех, кто подражает лаконцам в других государствах... усердствуя в гимнастике и нося короткие плащи, как будто именно благодаря этому лаконцы властвуют над эллинами... Они, как и критяне, не позволяют своим юношам отправляться в другие земли, чтобы те не разучились тому, чему они учат их сами. И в этих двух государствах не только мужчины гордятся воспитанием, но и женщины.

А что я говорю правду и лаконцы действительно отлично воспитаны в философии и искусстве слова, это вы можете узнать вот из чего: если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то на первый взгляд нашел бы его довольно слабым в речах; но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком. Вот поэтому-то кое-кто из нынешних, да и из древних догадались, что подражать лаконцам – это значит гораздо более любить мудрость, чем телесные упражнения; они поняли, что уметь произносить такие изречения свойственно человеку в совершенстве образованному (Plat. Prot. 342a sqq.).

²⁰ В связи со «спартанским миражом» см. прежде всего: *Ollier F.* Le mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque. Vol. 1–2. Lyon; P., 1933–1943; ср. также: *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 1–2. Stockholm, 1965–1978.

Разумеется, и в этих словах, как и почти всегда, сквозит знаменитая сократовская ирония²¹, и, по обыкновению, трудно понять, что здесь следует воспринимать как шутку, а что – всерьез. Во всяком случае, высказанная в процитированном пассаже мысль глубоко необычна. Все знали, что в военном и политическом отношении Спарта – самое сильное государство Греции. Жесткое, иерархическое, закрытое, славившееся культом дисциплины.

Все бы согласились с тем, что спартанцы – первые на полях сражений. Но не более того! Никому бы и в голову не пришло считать их образованными, культурно развитыми людьми, разбирающимися, скажем, в той же философии. Напротив, они имели общую репутацию могучих, но довольно грубых и невежественных воинов. А вот Сократ у Платона заявляет, что, напротив, спартанцы-то и есть истинные философы и мудрецы и именно поэтому, а не из-за воинских качеств, они первенствуют в Элладе. А в качестве доказательства приводит пресловутую «лаконическую» краткость их изречений. И не скрывает того, что хочет им подражать.

Всем прекрасно известно, что в общении этот афинский философ предпочитал не монолог, не произнесение пространных речей, а диалог – обмен относительно немногословными репликами. Впрочем, все-таки спартанцы никогда не признали бы Сократа вполне «своим». Они говорили не только кратко, но к тому же еще и мало, редко. Сократа же его недоброжелатели, пожалуй, могли бы назвать самым болтливым человеком в Афинах. Он подходил к людям, даже малознакомым, где угодно – на улице, в лавке, в палестре – и начинал свои беседы...

С другой стороны, наверное, не нужно даже специально оговаривать хрестоматийную неприхотливость сократовского жизненного обихода. И не приходится сомневаться, что «босоногий мудрец» жил так не только (наверное, даже не столько) из-за ограниченности материальных средств (нищим он, во всяком случае, не являлся, поскольку принадлежал к гоплитскому классу), но и по принципиальным соображениям. Он не любил роскошь, был равнодушен к ней. А ориентиром была демонстративная неряшливость спартанцев, ходивших в сильно поношенных, дырявых плащах и т. п. Кто им симпатизировал, тот часто пытался в той или иной мере копировать и эту особенность их поведения.

В среде афинской элиты V в. до н. э. вообще конкурировали между собой два стиля жизни, ориентированных соответственно на персидскую роскошь²² и на спартанскую простоту. Эти стили обозначались терминами «мидизм»

²¹ По поводу которой см. прежде всего: *Vlastos G. Socrates, Ironist and Moral Philosopher*. Ithaca, 1991.

²² В связи с этой последней см.: *Карпюк С. Г. Персидская роскошь в демократических Афинах* // ВДИ. 2012. № 3. С. 58–67.

(Персидскую державу греки чаще называли Мидией) и «лаконизм»; они во многом согласовывались с политической линией того или иного гражданина.

Сократ избрал для себя вполне «спартанский» жизненный стиль, причем довел его до логического предела. Идти по этому пути еще дальше – это означало бы уже перейти за предел, уподобиться сократовскому ученику, основателю кинизма Антисфену, который делал нищету предметом гордыни (как известно, от великого до смешного – один шаг) и прямо-таки «форсил» дырами на своем плаще, чем побудил учителя сказать: «Сквозь этот плащ мне видно твое тщеславие» (Diog. Laert. II. 36). Подобное «смирение паче гордыни» для самого Сократа было, конечно, неприемлемо, поскольку никак не походило на суровую искренность граждан Спарты.

Итак, началась Пелопоннесская война. Как же в ее условиях повели себя аттические лаконофилы? Повторим, что среди граждан Афин имелось немало лиц, едва ли не боготворивших Спарту и тамошние порядки. В их числе был сам Сократ, но особенно отличалась этим аристократическая молодежь. Как восприняла она вооруженный конфликт с государством, которое считала образцовым и достойным подражания? Следует сразу сказать, что в массе своей лаконофилы отнюдь не стали коллаборационистами (особые же случаи будут рассмотрены чуть ниже).

И это не удивительно. Многое здесь пояснит вот такая историческая параллель. В России начала XIX в. представители знати в подавляющем большинстве просто-таки бредили Францией. На светских раутах в Санкт-Петербурге и Москве звучала преимущественно французская речь; считалось не просто хорошим тоном, а чем-то совершенно необходимым нанять для воспитания детей гувернера-француза. В Наполеоне же однозначно видели великого человека, непревзойденного гения всех времен и народов... Как говорится, читайте «Войну и мир».

Но вот он вторгается с армией на территорию России, начинается Отечественная война 1812 г. Какова была в ней позиция русского дворянства? Всем известно: оно грудью встало на защиту страны. Преклонение – преклонением, но когда твой кумир становится врагом твоей родины, о личных чувствах нужно забыть. Вот так же и афинская аристократия. Не переставая уважать Спарту и спартанцев, она мужественно шла сражаться с ними и гибла на полях битв. Как говорится, «на войне как на войне».

* * *

А теперь – об особых случаях, в которых можно с той или иной долей вероятности говорить именно о коллаборационизме с противников. Прежде всего припоминается, конечно, фигура Алкивиада, который на определенном этапе своей крайне непростой судьбы оказался в Спарте и на ее стороне участвовал

в военных действиях против своей же родины. Вопросу о том, был ли он патриотом или предателем (либо, так сказать, «патриотом и предателем»), можно было бы посвятить отдельную, достаточно большую работу. А здесь мы ограничимся очень краткими, буквально тезисными замечаниями.

Во-первых, ситуация с Алкивиадом осложнялась тем, что в Афинах он был приговорен к казни (в общем-то, ни за что), и в родной полис ему на протяжении нескольких лет не было пути. Оставалось владеть жизнь изгнанника. Можно было бы избрать, скажем, путь Фукидида: не ссорясь демонстративно с афинским народом, жить где-нибудь за пределами Аттики и, например, тоже писать исторический труд. Но мог ли подобный удел удовлетворить энергичного, амбициозного, неумного Алкивиада? По особенностям своего темперамента он, вообще говоря, куда больше напоминал не бледного, полумифического Кориолана, с которым его вздумалось сопоставить Плутарху, а скорее Цезаря, руководствовавшегося лозунгом «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме» и вполне закономерно в какой-то момент повернувшего оружие против собственных сограждан.

Во-вторых, до своего перехода на сторону Спарты Алкивиад, строго говоря, в «записных лаконофилах» никак не числился. Собственно, свою политическую карьеру он начал в 420 г. до н. э. тем, что оскандалил своих спартанских ксенов²³. Да и подражание суровому спартанскому быту ни в малейшей степени не было свойственно этому любителю роскоши. Другое дело, что ему был дан редкий дар моментально применяться к обстановке (Nep. Alc. 11; Plut. Alc. 23), и, перебравшись в Лакедемон, он без труда привык и к «черной похлебке», и к угрюмой мине на лице, и к прочим элементам образа жизни своих новых друзей, со всеми свойственными ему трудностями и лишениями. Впрочем, потом он, естественно, столь же быстро вновь отвык от всего этого.

В-третьих, Алкивиад, в общем-то, и убежденным афинским патриотом не был. Впрочем, этот тезис нуждается в определенном уточнении. Этот политик и полководец был, как отмечалось выше, прежде всего эгоцентристом. И, соответственно, Афины были ему дороги в той мере, в какой он мог в них добиться личного успеха.

Предельно ясной именно такая установка становится нам из речи, которую Фукидид влагает в уста Алкивиаду, только что прибывшему в Спарту (Thuc. VI. 89–92). Фукидид и Алкивиад, несомненно, были лично знакомы²⁴ (в частности, неоднократно высказывалось достаточно резонное мнение, согласно которому

²³ Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 184.

²⁴ К проблеме «Фукидид и Алкивиад» см.: *Delebecque É.* Thucydide et Alcibiade. Aix-en-Provence, 1965; *Forde S.* The Ambition to Rule: Alcibiades and the Politics of Imperialism in Thucydides. Ithaca, 1989.

из двух вышеназванных лиц политик был одним из важных информаторов историка при создании последним своего труда). Поэтому, полагаем, Фукидид достаточно адекватно передает взгляды Алкивиада в тех пассажах из данной речи, которые нам представляется уместным процитировать. Пользуемся переводом Г. А. Стратановского, но вынуждены внести в него некоторые изменения (см. ниже), поскольку в нем не всегда соблюдается полная точность, а она-то здесь для нас и важна.

...Я надеюсь, что никто здесь (в Спарте. – *И. С.*) не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе патриотом (φιλόπολις), теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него... Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. *И мой патриотизм (τό τε φιλόπολι) уместен не в то время, когда мне нанесли обиду, а в то время, когда я безопасно пользовался гражданскими правами*²⁵. Впрочем, я полагаю, что даже и теперь не иду против отечества (ἐπὶ πατρίδα), так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его²⁶. Ведь истинный друг своей родины (φιλόπολις) не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее.

Такова-то специфика патриотизма (или «патриотизма») Алкивиада. В сущности, во главе угла для него – не родина как таковая, а только та родина, в которой он первенствует. И он говорит об этом предельно откровенно (его воспроизводимая Фукидидом речь перед спартанцами вообще отличается откровенностью, граничащей с цинизмом²⁷). Можно только сказать по данному поводу, что

²⁵ Выделенную курсивом фразу мы сильно изменили по сравнению с переводом Г. А. Стратановского. У него: «Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того, как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я – уже не патриот». Во-первых, тут много безосновательно дописано переводчиком («в теперешнем моем положении», «тяжелую и несправедливую» – в оригинале всего этого нет, создается впечатление, что ставилась задача «увеличить» текст в гонорарных целях); во-вторых, порядок слов во фразе беспричинно изменен на чуть ли не противоположный; в-третьих – и это главное! – Алкивиад здесь вовсе не говорит «я – уже не патриот». Переводчику попалась типично фукидидовская «тяжелая» фраза (τό τε φιλόπολι οὐκ ἐν ᾧ ἀδικοῦμαι ἔχω, ἀλλ' ἐν ᾧ ἀσφαλῶς ἐπολιτεύθην), и он перед ней, что называется, спасовал.

²⁶ В переводе Г. А. Стратановским этой фразы мы ничего менять не стали, хотя все-таки у Фукидида не на 100 % тот же оттенок. Но не хотелось бы проявлять чрезмерную придирчивость.

²⁷ Цинизм Алкивиада проявлял уже с юности, причем проявлял с умом. См. разбор его известной беседы со своим опекуном Периклом, пересказанной в «Меморабиях»

колоссальная эффективность Алкивиада как военного и политического лидера²⁸, даже просто как личности, давала ему право на явную «самобытность» позиции – причем не только в его собственных глазах, но и, похоже, в глазах современников²⁹.

Констатируя, таким образом, сугубую специфику ситуации, связанной с Алкивиадом, обратимся далее к случаям в какой-то мере более типичным. Скажем несколько слов о тех олигархах, которые ненадолго пришли к власти в Афинах в результате переворота Четырехсот (411 г. до н. э.). Этот переворот, подчеркнем сразу, свершился мирно и бескровно³⁰. Более того, он, в отличие от переворота Тридцати 404 г. до н. э. (о котором еще будет сказано ниже), стал в афинской истории явлением достаточно органичным, порожденным не внешним вмешательством, а внутрисполитическими процессами: радикальная демократия, ко времени рассматриваемого события уже фактически переродившаяся в охлократию, которой манипулировали демагоги, демонстрировала полную неспособность решать сколько-нибудь серьезные проблемы, проигрывала Спарте кампанию за кампанией и в конце концов оттолкнула от себя мощную гоплитскую прослойку гражданского населения, возжелавшую избавления от демократического режима.

Лидеры Четырехсот – Фриних, Антифонт, Писандр, Ферамен – представляли собой весьма пеструю группу. Двумя из них, возьмем на себя смелость утверждать, руководили в большей мере личные мотивы, нежели соображения пользы государства. Имеем в виду Фриниха и Писандра: первый действовал, исходя из своей вражды к Алкивиаду, а второй еще в 415 г. до н. э. находился в когорте радикальных демократов, а буквально через несколько лет оказался среди тех, кто сверг народовластие.

Однако же был в этой группе и человек, которого выделяло наличие собственной позиции, причем подчеркнута лаконофильской. Это – Антифонт, которому мы посвятили немало работ, но здесь сошлемся лишь на одну из них,

Ксенофонта: *Danzig G. Alcibiades versus Pericles: Apologetic Strategies in Xenophon's Memorabilia* // *Greece & Rome*. 2014. Vol. 61. No. 1. P. 7–28.

²⁸ *Verdegem S. De Gloria Alcibiadis. Alcibiades' Military Value and its Relation to his doxa in Plutarch's Alcibiades* // *The Statesman in Plutarch's Works*. Vol. 2: *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden; Boston, 2005. P. 167–178.

²⁹ В связи с общественным мнением, сложившимся об Алкивиаде, см.: *Marr J. L. Who Said What about Alcibiades? Frogs 1422–1434* // *Classical Quarterly*. 1970. Vol. 20. No. 1. P. 53–55; *Gribble D. Alcibiades and Athens: A Study in Literary Presentation*. Oxf., 1999; *Duff T. E. The First Five Anecdotes of Plutarch's Life of Alcibiades* // *The Statesman in Plutarch's Works*. Vol. 2: *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden; Boston, 2005. P. 157–166.

³⁰ *Taylor M. C. Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred* // *Journal of Hellenic Studies*. 2002. Vol. 122. P. 91–108.

которую считаем итоговой³¹ и в которой, с приведением конкретных цитат, как раз подчеркивается очень позитивное отношение этого оратора, философа, политика к Спарте.

Применительно к Антифону вопрос приходится поставить примерно в той же форме, как мы ставили его применительно к Кимону: препятствовало ли ему его лаконофильство быть афинским патриотом? Пусть не столь категорично, но все-таки и применительно к нему приходится дать ответ: нет, не препятствовало. Разумеется, речь идет о «по-своему понимаемом» патриотизме. Но вот перед нами еще одна параллель: Эсхин. Его традиционно кляли как «предателя» (следуя в этом вопросе Демосфену), однако относительно недавно появилась важная книга³², по сути реабилитирующая этого политика, демонстрирующая, что им двигали отнюдь не интересы Македонии, а все-таки интересы Афин, как он их видел.

Возвращаясь же к Антифону, можно отметить, что, во всяком случае, изменником-коллаборационистом он не являлся. Хотя репутация подобного рода у него и сложилась в общественном мнении, но она была не вполне корректной. Правда, Антифонт действительно был одним из участников посольства в Спарту, конечной целью которого было заключение мирного договора. Цель эта, кстати, не была достигнута; уже данный факт свидетельствует о том, что послы отнюдь не стремились к миру на *любых* условиях, а старались добиться приемлемых для афинского полиса формулировок соглашения. Как бы то ни было, попытка окончить войну со стороны Четырехсот выглядит более чем объяснимой в контексте тяжелейшего положения, в котором тогда оказались Афины буквально на всех фронтах (недавнее катастрофическое поражение на Сицилии, отпадение большинства союзников по Архэ, наличие спартанского гарнизона в Декелее, наконец, отказ флота, находившегося на Самосе, подчиняться новым властям).

* * *

Совсем другое приходится сказать о режиме Тридцати (404–403 гг. до н. э.), возглавлявшемся Критием, о позиции которого прежде всего и следует отметить, тем более что она неплохо отражена в источниках³³.

³¹ Суриков И. Е. Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.

³² Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. Oxf., 1995.

³³ Между позицией Крития и позицией Тридцати в целом не следует ставить знак равенства. О разногласиях внутри правящей коллегии см., например: Usher S. Xenophon, Critias and Theramenes // Journal of Hellenic Studies. 1968. Vol. 88. P. 128–135; Ungern-

Этот политический деятель и мыслитель³⁴ был, – во всяком случае, однозначно складывается именно такое впечатление – в такой степени лаконофилом «до мозга костей», что это делало его уже не афинским, а, в сущности, спартанским патриотом. Из поражения в Пелопоннесской войне Критий и такие, как он, похоже, вынесли только один-единственный урок: афинская демократия вообще никуда не годится, единственный приемлемый строй – лакедемонский, поскольку, живя по его законам, Спарта выиграла войну, и стало быть, нужно копировать этот строй так близко, как только возможно. Конечно, чрезвычайно нелегко (и, по сути, утопично) было в кратчайший срок превратить Афины в Спарту, поскольку два государства уже много веков шли совершенно разными историческими путями; однако афинские лаконофилы этого крайнего толка постарались сделать в данном направлении всё, что только могли³⁵. Они даже пытались ввести в Аттике подобие илотии, наподобие спартанской, но за тем принципиальным исключением, что, в отличие от древних дорийцев, покоривших юг Пелопоннеса и превративших местных жителей в илотов, Тридцать всерьез вознамерились *завоевать собственных сограждан*³⁶.

Подобная политика никак не могла быть поддержана даже афинскими лаконофилами более традиционного типа. В высшей степени характерно, что Сократ, которого Критий считал своим учителем, отказался сотрудничать с Тридцатью³⁷, а лаконофил Ксенофонт в своей «Греческой истории» дает исключительно негативный портрет лаконофила же Крития, изображая его неким кровавым монстром и при этом, видимо, несколько преувеличивая и сгущая краски³⁸. Г. Данциг полагает, что Ксенофонт, демонизируя лидера

Sternberg J. von. «Die Revolution frisst ihre eignen Kinder»: Kritias vs. Theramenes // *Große Prozesse im antiken Athen.* München, 2000. S. 144–156.

³⁴ О Критии как мыслителе, одном из младших представителей софистического движения см., например: *Nestle W.* Kritias // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur.* 1903. Bd. 11. S. 81–107, 178–199; *Momigliano A.* Lebensideale in der Sophistik: Hippias und Kritias // *Sophistik.* Darmstadt, 1976. S. 465–477; *Sutton D.* Critias and Atheism // *Classical Quarterly.* 1981. Vol. 31. No. 1. P. 33–38; *Фролов Э. Д.* Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран // *ВДИ.* 2003. № 4. С. 67–89.

³⁵ В частности, эkkлeсиастeрий на Пниксе был перестроен так, что с него теперь открывался вид не на море, а на сушу, – в высокой степени символический жест. См. об этой перестройке: *Krentz P.* The Pnyx in 404/3 B.C. // *American Journal of Archaeology.* 1984. Vol. 88. No. 2. P. 230–231.

³⁶ Подробнее, с приведением аргументов, см.: *Суриков И. Е.* Некоторые проблемы лаконофильского переворота 404 г. до н. э. в Афинах и правления «Тридцати тиранов» // *Античный мир и археология.* 2015. Вып. 17. С. 31–41.

³⁷ *Суриков И. Е.* Сократ и «Тридцать тиранов» // *Scripta antiqua.* 2011. Вып. 1. С. 193–205.

³⁸ *Danzig G.* The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon // *Classical Quarterly.* 2014. Vol. 64. No. 2. P. 507–524.

Тридцати, косвенно «бил» по его родственнику Платону, который в своих сочинениях³⁹ изображал Крития в более благоприятном свете. Впрочем, как раз вот эта интерпретация израильского антиковеда, на наш взгляд, весьма спорна, и соглашаться с ней совершенно не обязательно.

В любом случае, Критий, как известно, кончил очень плохо, скомпрометировав как себя лично, так и свои идеи. Непосредственно после гибели он, возможно, еще пользовался некоторое время популярностью: сообщается (Schol. Aeschin. I. 39), что друзья поставили ему надгробный памятник, на котором имелось символическое изображение – Олигархия, поджигающая факелом Демократию, – а также присутствовала надпись:

Памятник это добрых мужей: всё ж хоть малое время
Наглость в проклятом народе афинском они остужали.

Но это были скорее последние «рудименты» умирающей эпохи. Несмотря на официально объявленную восстановившими свою власть в 403 г. до н. э. демократами амнистию⁴⁰ с ее принципом $\mu\eta\ \mu\upsilon\eta\sigma\iota\kappa\alpha\kappa\epsilon\iota\nu$, уже несколько лет спустя был казнен Сократ – лаконофил умеренный, притом никогда не перестававший быть афинским патриотом (во всяком случае, на практике, хотя в теоретических рассуждениях он немало критиковал свое отечество), а ученик и единомышленник Сократа Ксенофонт спасся от аналогичной судьбы, собственно, тем, что на пару лет раньше отбыл в Персию к Киру Младшему.

Афинское лаконофильство сходило на нет, впрочем, под влиянием целого комплекса причин. Так, уже с начала IV в. до н. э. стал очевиден закат «спартанского космоса»⁴¹, а то, что шло ему на смену, особого желания подражать уже не вызывало. В этом столетии традиционно лаконофилом считается Платон; часто предполагается, что он и свое «идеальное государственное устройство» чуть ли не списал со Спарты. Однако же весьма интересное наблюдение было сделано Дж. Диллоном⁴²: моделью одного идеального государства у Платона скорее является не Спарта, а те режимы, которые установили пифагорейцы

³⁹ Имеются в виду платоновские диалоги «Хармид», «Тимей», «Критий». Впрочем, относительно двух последних недавно был поднят вопрос: не тождествен ли в действительности действующий в них Критий деду известного лаконофила, а не ему самому? См.: Nails D. *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis, 2002. P. 106–107.

⁴⁰ О ней теперь новейшим и полнейшим исследованием является монография: Carawan E. *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxf., 2013.

⁴¹ Cartledge P. *Agisilaos and the Crisis of Sparta*. L., 1987; Hamilton C. D. *Agisilaos and the Failure of Spartan Hegemony*. Ithaca, 1991.

⁴² Диллон Дж. *Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.)*. СПб., 2005. С. 249.

в полисах Великой Греции (например, Архит в Таренте⁴³) и которые сам Платон мог непосредственно наблюдать, когда путешествовал в этот регион: во главе стоят правители-философы, под началом у них находится войско («стражи»), ниже следует простонародье.

Итак – подведем итоги – перед нами прошли некоторые типы афинских лаконофилов. Соответственно, различными были и те коллизии, которые возникали у них между верностью родному полису и искренним почитанием полиса иного.

⁴³ О правлении Архита в Таренте см.: *Huffman C. A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge, 2005. P. 8 ff.

СУМЕРКИ «ОЛИМПИЙЦА»: О «РАЗВЕНЧАНИИ» ПЕРИКЛА В ОДНОЙ НЕДАВНЕЙ КНИГЕ*

Перикл – один из «любимчиков» антиковедения. Невозможно назвать другого политического деятеля классической Греции, которому было бы посвящено не говоря уже такое же, но хотя бы отдаленно сопоставимое количество научных и популярных работ. Если бы мы поставили перед собой задачу дать даже только выборочную библиографию, она одна заняла бы многие страницы убористого шрифта: десятки монографических исследований, сотни, а пожалуй, и тысячи статей... В подобных условиях выход каждой новой книги о Перикле резонно вызывает не столько интерес, сколько некоторое удивление: а зачем?

Однако же не каждый день попадает в руки монография¹, автор которой уже в первой фразе объявляет: «...Руководитель государства и культурный герой Перикл – современная фикция». Читателя, перевернувшего страницу, встречает иллюстрация; но это отнюдь не Перикл, а... Гитлер, позирующий на фоне античной статуи. Такое начало, конечно, интригует, всё говорит о том, что книга обещает быть не традиционным панегириком «афинскому олимпийцу», каких немало; скорее напротив. Поэтому мы с готовностью откликнулись на предложение редколлегии «*Studia historica*» дать краткий отзыв о вышеназванной работе, пусть даже с формальной точки зрения «срок давности» для рецензирования скорее миновал (с момента ее опубликования прошло десять лет).

Монография немецкого ученого Вольфганга Вилля «Перикл», несмотря на небольшой объем, весьма информативна. Она имеет четкую структуру: после введения и обзора источников следуют три главы: «Афины и Перикл (500–452 гг.)», «Перикл и Афины (451–432 гг.)», «Перикл и большая война (431–429 гг.)» – и, разумеется, заключение. Книга написана хорошим, ярким стилем, легко читается. При этом популярность изложения² никоим образом не идет в ущерб научности. В аппарате примечаний автор демонстрирует прекрасное знание источников и основной литературы о своем герое (точнее было

* Впервые опубликовано в: *Studia historica*. Т. 5. М., 2005. С. 171–179.

¹ *Will W. Perikles*. Reinbek bei Hamburg, 1995.

² Которой, кстати, способствует богатая и интересная подборка иллюстративного материала (портрет Гитлера оставим на совести автора).

бы сказать – «антигерое», как мы увидим ниже), сопровождает текст обширным библиографическим списком³. К бесспорным достоинствам работы следует отнести в высшей степени четкую, без «растекания мыслию по древу» формулировку исследователем выдвигаемых и защищаемых им положений. Некоторые из этих положений, правда, даны в тезисной, иногда даже декларативной форме; вероятно, уже упоминавшийся ограниченный объем издания не позволял в ряде случаев развернуть детальную аргументацию.

Что же хочет продемонстрировать В. Вилль, полемизируя (порой достаточно резко) с закрепившимися в мировой историографии представлениями о Перикле? Мы охарактеризовали бы его подход как «предсказуемый парадоксализм». Поясним свою мысль. Автор стремится быть максимально оригинальным, отстаивать повсюду идеи в высшей степени спорные, дискуссионные, в корне отличающиеся от общепринятых. Он блистает парадоксами, но вот, в свою очередь, парадокс (просим прощения за невольный каламбур): вдумчивый и внимательный читатель уже заранее предугадывает каждый очередной «нестандартный ход» В. Вилля. Собственно, уже по цитированной выше первой фразе книги становится ясно многое: исследователь будет доказывать, что роль Перикла в истории классических Афин преувеличена, что это на самом деле – в некоторой степени «раздутая» фигура, реальное значение которой было куда более скромным, чем обычно считают. Предчувствие не обманывает: по прочтении книги оказывается, что ее задача именно такова.

Перикла впервые начинают «поднимать на щит», по мнению автора рассматриваемой монографии, только в науке Нового времени, начиная с XVIII в., с Винкельмана. Именно тогда появляется выражение «Периклов век», античной нарративной традиции еще совершенно чуждое. В дальнейшем Перикл вызывал симпатии представителей самых разных идеологий: как приверженцев либеральной демократии, видевших в нем одного из «отцов-основателей» этой политической системы, так и, скажем, немецких историков, подпавших под влияние фашизма, которые подчеркивали, что Перикл был идеальным вождем (Führer) народа, выразителем «нордического» духа. Великая историческая эпоха требовала своего героя, который стал бы ее, так сказать, персональным воплощением; как казалось, Перикл более, чем кто-либо иной, удовлетворял этим требованиям.

³ Правда, нам показалось, что список этот не очень удачно структурирован. Он построен не по алфавитному, а по тематическому принципу, разбит на 11 разделов («Афинская демократия», «Афинская внутренняя политика периода Пентеконтаэтии», «Внешняя политика», «Экономика и общество» и т. п.); некоторые из них имеют еще и подразделы. А поскольку ссылки на литературу в примечаниях даны по типу «Walser 1984», читателю приходится немало потрудиться, выискивая по всем разделам, скажем, указанную работу Вальзера. Это неудобно, затрудняет использование списка.

Источники же дают существенно иную картину. «Ни об одном другом из знаменитых государственных деятелей или полководцев античности, – пишет В. Вилль, – не известно так мало», как о Перикле⁴. Если об Александре Македонском уже при жизни создавались книги, то Перикл за всю античную эпоху стал героем лишь одной биографии (принадлежащей Плутарху)⁵. Даже Корнелий Непот в своем сборнике жизнеописаний не считал возможным уделить ему место⁶.

Важнейшим источником о Перикле является, бесспорно, «История» Фукидида⁷. Это грандиозное полотно Пелопоннесской войны было завершено после ее окончания и поражения Афин; именно в данном контексте и надлежит рассматривать указанное произведение. Фукидида волнует вопрос о причинах катастрофы; давая весьма высокую оценку Периклу (скончавшемуся, как известно, в начале вооруженного конфликта), историк тем самым выносит по контрасту обвинительный вердикт его политическим преемникам, ввергшим полис в пучину бед. Перикл выступает у Фукидида как последний представитель мощи и величия Афин, как государственный деятель, который, останься он в живых, выиграл бы войну. «Перикл должен был... умереть рано, – пишет В. Вилль, – чтобы возродиться в труде Фукидида в качестве героя».

⁴ На наш взгляд, это – бесспорное преувеличение: например, о Фемистокле известно не больше, а о Мильтиаде – много меньше.

⁵ Здесь необходимы одно частное уточнение и одна принципиальная оговорка. Во-первых, из того факта, что до нас дошла только Плутархова биография Перикла, не вытекает с неизбежностью, что других и не было. Во-вторых, сравнение Перикла с Александром в данном отношении представляется методологически некорректным. Это все-таки фигуры разного масштаба и совершенно разного типа. Александр творил воистину новый мир, что было ясно уже его современникам и породило повышенный интерес к его деятельности; Перикл же развивал и совершенствовал достижения своих предшественников. Первый стоял, если так можно выразиться, на грани эпох, второй – на вершине одной конкретной эпохи.

⁶ Однако Непот составлял жизнеописания выдающихся военачальников, а Перикла к таковым трудно причислить. За всю свою карьеру он практически никак не проявил сколько-нибудь неординарных полководческих способностей (не можем согласиться с высокой оценкой стратегических талантов Перикла, данной в работе: Ober J. *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999. P. 72–85).

⁷ Совсем недавно, уже после выхода рассматриваемой здесь работы, В. Вилль посвятил специальную монографию именно образу Перикла у Фукидида: Will W. *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn, 2003. Мы планируем подготовить рецензию на эту книгу для ВДИ.

Суждение других авторов V в. до н. э. (комедиографов⁸, Стесимброта⁹) о Перикле резко негативно, вплоть до того, что его объявляют тираном – а более серьезного обвинения в эти времена не было. Писатели IV в. до н. э. не испытывали большого интереса к личности и деятельности Перикла; для Платона и Аристотеля он, в сущности, лишь один из многочисленных афинских демагогов, внесший свой вклад в «развращение» демоса, закономерное звено в процессе деградации демократии, оцениваемый ниже, чем его предшественники, но выше, чем позднейшие политики¹⁰. Ситуация мало меняется и в эллинистическую эпоху. В конечном счете Плутарх, составляя жизнеописание Перикла¹¹, вынужден, по большей части, только и делать, что оправдывать своего героя, защищать его от обвинений, столь изобилующих в предшествующей традиции.

Что же, по мнению автора, можно сказать о Перикле на основании объективного и непредвзятого анализа источников? Он практически никак не рекомендовал себя в общественной жизни Афин вплоть до 451 г. до н. э. Достоверно известны, как полагает В. Вилль, только три факта его биографии, относящиеся к более раннему времени: хорегия при постановке «Персов» Эсхила в 472 г. до н. э., участие в качестве одного из обвинителей в суде над Кимоном в 463/462 г. до н. э. и занятие должности стратега в 454 г. до н. э.¹² К демократическим преобразованиям 450-х гг., последовавшим за реформой Эфиальта и придавшим афинскому народовластию его классическую форму, Перикл, вопреки распространенному мнению, не имел никакого отношения.

⁸ Schwarze J. Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971.

⁹ О памфлете Стесимброта «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» см.: Schachermeyr F. Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner. Wien, 1965.

¹⁰ Специально об образе Перикла у Аристотеля см.: Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968.

¹¹ Об этом произведении см.: Meinhardt E. Perikles bei Plutarch. Frankfurt a. M., 1957; Stadter Ph. A Commentary on Plutarch's Perikles. Chapel Hill, 1989.

¹² По этому вопросу В. Вилль следует за Ч. Форнарой (Fornara Ch. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 47). Он категорически не склонен признавать историчность пребывания Перикла на посту стратега около 463 г. до н. э. (об этом факте см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 194–195). Получается, что Перикл впервые был избран на высокую полисную должность лишь в возрасте около 40 лет. А между тем известно, что на протяжении всего V в. до н. э. политики из знатных аристократических семей (будь то Фемистокл, Кимон или Алкивиад), как правило, начинали занимать высшие магистратуры сразу по достижении тридцатилетия. Почему же Перикл стал исключением и начал свою карьеру так поздно, таким «переростком»? Факты вроде бы не дают основания говорить о том, что по политическим способностям он отставал от других современных ему лидеров.

Всё это не очень убеждает. Преобразования, о которых идет речь¹³, несомненно, представляли собой не случайный набор разрозненных мер, а некую целостную программу, элементы которой были тесно взаимосвязаны; реализация этой программы привела к существенному изменению всего облика афинского полиса. Эта программа должна была вначале быть кем-то разработана. Допустим, не Перикл был «мозговым центром» реформ. Но тогда кто же? Относительно такого важнейшего нововведения, как учреждение мистофории (оплаты деятельности должностных лиц), Аристотель (Ath. pol. 27. 3) прямо сообщает, что его инициатором являлся именно Перикл.

Приходится констатировать, что автор рецензируемой книги в своих усилиях «развенчать» Перикла порой обращается к откровенно гиперкритическим приемам, безапелляционно отменяя те свидетельства источников, которые не укладываются в его схемы. Вообще эти приемы, к сожалению, восторжествовавшие на сегодняшний день в западной историографии архаической эпохи истории Греции, начинают все чаще внедряться и в изучение периода классики. Характерный пример: Плутарх (Cim. 17; Pericl. 10) рассказывает о том, как вскоре после битвы при Танagre (457 г. до н. э.) афинское народное собрание по инициативе Перикла приняло решение о досрочном возвращении в полис Кимона, подвергнутого остракизму. Это не соответствует действительности, мимоходом замечает В. Вилль, потому что Кимон вообще не возвращался досрочно из остракизма, а пробыл в изгнании весь положенный десятилетний срок (461–451 гг. до н. э.). Ни одного довода в пользу этого утверждения не приводится. А между тем о досрочном возвращении Кимона повествует вполне аутентичная традиция, восходящая к таким достаточно ранним авторам, как, например, Феопомп (FGrHist. 115 F 88). Нет ровно никаких оснований отрицать этот факт¹⁴.

А в то же время те свидетельства источников, в которых сообщается о разного рода неблагоприятных поступках Перикла, исследователь подчас принимает без всякой критики. Так, он подробно описывает неоправданно жестокую расправу Перикла над жителями покоренного в 439 г. до н. э. Самоса, опираясь при этом на данные такого автора, как Дурид Самосский – а этого историка

¹³ См. их перечисление: *Суриков И. Е.* Из истории... С. 24. Кстати, реформа Эфиальта, вопреки мнению В. Вилля, была не концом, а началом определенного этапа развития афинской демократии.

¹⁴ См. о нем: *Raubitschek A. E.* Kimons Zurückberufung // *Historia*. 1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 379–380; *Суриков И. Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // *Древнее право*. 2003. № 1 (11). С. 17. Кимона возвратили для заключения перемирия со Спартой, а оно состоялось, скорее всего, в 453 г. до н. э. (*Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München, 1962. S. 46).

в данном случае вряд ли можно считать объективным и беспристрастным. Более того, В. Вилль приписывает Периклу даже печально известный, сковывавший свободу мысли декрет, по которому комедиографам запрещалось выводить в своих пьесах афинских граждан под их собственными именами. В действительности этот декрет (так называемая псефисма Сиракосия), если он вообще историчен¹⁵, относится не к «Периклову веку», а к 410-м гг. до н. э.

Автор считает, что первым по-настоящему серьезным шагом Перикла на арене афинской политической жизни был инициированный им закон о гражданстве (451/450 г. до н. э.). Согласно закону, полноправными гражданами Афин могли быть только те лица, у которых и отец и мать принадлежали к гражданскому коллективу. Этот закон о «расовой чистоте», как его называет В. Вилль, понятно, не может вызвать его симпатии: он шел вразрез с панэллинской тенденцией, наметившейся во времена Греко-персидских войн. По мнению исследователя, перед нами, в сущности, популистская мера, с помощью которой политик стремился расширить свою «клиентелу» внутри гражданского коллектива¹⁶. И это ему удалось.

Выскочив с законом о гражданстве, как чертик из табакерки, Перикл благодаря ему сразу стал одним из лидеров афинского полиса, а уже вскоре, после остракизма Фукидида, сына Мелесия¹⁷, безоговорочно вышел на первую позицию. Этого В. Вилль не может отрицать. Однако он постоянно подчеркивает, что не следует связывать все основные события истории Афин даже этого периода (440–430-е гг.) исключительно с именем Перикла. Он не имел никаких конституционных механизмов, чтобы направлять пути государства по своему усмотрению. «В Афинах V в. до н. э. не было ни царей, ни консулов, ни императоров». Перикл был всего лишь одним из десяти стратегов, причем даже не «первым среди равных», а «равным среди равных», поскольку никакой должности «первого стратега», вопреки мнению, иногда встречающемуся в литературе, не существовало¹⁸. Даже знаменитую строительную программу, которую традиционно считают одним из главных «дел Перикла» (τὰ Περικλέους ἔργα), нельзя приписывать всецело ему. Возможно, он был инициатором каких-то

¹⁵ В чем высказывались обоснованные сомнения: *Trevett J.* Was There a Decree of Syrakosios? // *Classical Quarterly*. 2000. Vol. 50. No. 2. P. 598–600.

¹⁶ Ср. иную интерпретацию данного закона: *Суриков И. Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

¹⁷ В 443 г. до н. э., как считает В. Вилль, или в 444 г. до н. э., к чему больше склоняемся мы.

¹⁸ Это совершенно верно. См.: *Dover K. J.* ΔΕΚΑΤΟΣ ΑΥΤΟΣ // *Journal of Hellenic Studies*. 1960. Vol. 80. P. 61–77.

конкретных построек, входил в состав комиссий, руководивших их возведением, но не более того. Перестройка Акрополя стала проявлением возросших гегемониальных претензий Афин и резко увеличившихся финансовых возможностей, а не гениального духа одного человека.

В. Вилль последовательно разоблачает различные мифы, окружающие личность Перикла. Временами это получается у него вполне удачно. Так, он аргументированно показывает, что Перикл, чья внешняя политика имела неоспоримые черты агрессивного империализма, никак не может считаться «миротворцем». Справедливости ради отметим, что таковым его ныне почти никто и не считает – разве что авторы наиболее панегирических биографий этого деятеля¹⁹.

Переходя к вопросу о начале Пелопоннесской войны, автор считает, что ее развязывание можно было предотвратить, если бы Афины пошли на уступки и отменили «мегарскую псефисму», являвшуюся главным камнем преткновения²⁰. Этого не было сделано именно потому, что крайне жесткую позицию занял Перикл. Таким образом, он, бесспорно, является одним из главных виновников войны. Но почему он пошел на нее? В. Вилль отвергает распространенную уже со времен античности версию о чисто личностных причинах такого поступка (после успешных атак политических противников на ряд лиц из окружения Перикла его положение пошатнулось, и он, чтобы упрочить собственное влияние, спровоцировал крупный вооруженный конфликт) и предлагает взамен весьма оригинальную гипотезу. Ее можно вкратце сформулировать следующим образом. К концу 430-х гг. до н. э. государственная казна Афин из-за огромных расходов на строительство и постоянных трат на выплаты гражданам, предполагавшиеся Перикловой демократией, порядком оскудела²¹. Еще несколько лет такой жизни – и финансы полиса могли потерпеть полный крах. В подобных условиях, как ни парадоксально, «война... представлялась Периклу инвестицией в будущее Афин: она препятствовала распаду союза или, по меньшей мере, отсрочивала этот распад, она обещала добычу и несколько

¹⁹ Таких, например, как книга: *Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy*. N. Y., 1991. Характерно, что с этой работой В. Вилль полемизирует по ходу изложения чаще, чем с любой другой.

²⁰ Эта точка зрения уже высказывалась в историографии. См., в частности: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the history and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore, 1993. P. 125–162.

²¹ В этом, может быть, и есть своя доля истины. Обычно считается, что увеличение ставок фороса почти в три раза в 425/424 г. до н. э. – проявление империалистического экспансионизма Клеона. А что, если это была просто вынужденная обстоятельствами мера, направленная на «спасение» бюджета? Не исключено, проживи Перикл еще несколько лет – и эту крайне непопулярную меру пришлось бы проводить ему, а не одиозному Клеону.

ограничивала требования демоса о вспомоществовании». Здесь, как нам кажется, имеет место некоторое преувеличение чисто экономических, финансовых мотивов начала войны. Как известно, в наше время войны действительно почти всегда ведутся из-за столкновения экономических интересов; в античную эпоху, по нашему глубокому убеждению, такой прямой и непосредственной связи между этими двумя сферами не существовало. Древние греки не читали Маркса и не знали, что экономика должна определять политику; у них было скорее наоборот.

«Что же остается?» – спрашивает автор в заключении. И отвечает: история демократических Афин V в. до н. э., вплоть до Пелопоннесской войны, вряд ли сложилась бы существенно иначе, если бы Перикла вообще не было. «Перикл не был учителем, провидцем, демократом, миротворцем или культурным героем; он был (возможно) гениальным оратором, умевшим склонить на свою сторону народ в экклесии²², и (прежде всего) весьма успешным мастером внешней и военной политики, а на взгляд греков из противоположного лагеря – тираном». Кроме того, из книги следует (хотя в заключении это эксплицитно не отражено), что по своим личным качествам Перикл был довольно неприятным человеком: мелочным, мстительным, жестоким, склонным к демагогии и популизму...

Как можно в целом оценить монографию В. Вилля «Перикл» (которую, пожалуй, было бы уместнее назвать «Антиперикл», по образцу «Антикатона» Цезаря)? Такие книги, бесспорно, нужны в историографии. Пусть многие выкладки автора вызывают полное неприятие (не по субъективным, эмоциональным причинам, а потому, что ему далеко не все свои тезисы удалось в должной мере обосновать фактами). И все-таки сама попытка посмотреть на, казалось бы, бесспорные вещи «другими глазами» способствует многомерности познания исторической действительности. От каких-то штампов и стереотипов, связанных с деятельностью Перикла, книга, бесспорно, заставляет отказаться.

Впрочем, нам представляется, что более перспективным был бы несколько иной подход. Может быть, следовало бы делать акцент не столько на то, что масштаб личности Перикла был мельче, чем обычно полагают (что бы там ни говорили, он останется в истории как выдающийся государственный деятель,

²² Как раз с этим тезисом, на наш взгляд, можно и поспорить. Да, античные авторы отзываются о Перикле как о прекрасном ораторе (например: Cic. De orat. I. 216). Но на чем была основана эта его репутация? Перикл, как известно, не записывал и не издавал своих речей, так что до последующих поколений они не могли дойти. Иными словами, о его ораторских способностях могли судить либо понаслышке, либо, скорее всего, опираясь на его речи в труде Фукидида. А эти речи, бесспорно, представляют собой великолепные образцы искусства красноречия (особенно «Надгробная речь»), но вот только автор их – Фукидид, блестящий стилист, а не Перикл.

и выражение «Периклов век» уже не изъять из обращения), сколько на то, что он во всех отношениях являл собой не какое-то недостижимое исключение, идеального руководителя демократического государства, а плоть от плоти своей эпохи, что он типологически был таким же, как и все современные ему политики. Между Периклом и Клеоном обычно проводят непроходимую границу. А между тем у них было больше общих, чем отличительных черт (особенно если взять правильный ракурс сравнения и сопоставить молодого Перикла, атакующего Кимона, с молодым Клеоном, атакующим самого Перикла²³). Об этом в рецензируемой книге говорится, но очень мало. А вопрос заслуживает самого пристального внимания; возможно, здесь и лежит ключ к постижению «истинного» Перикла.

²³ Ср.: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Oxf., 1992. Vol. 1. P. 346.*

Раздел II

СЕМЬИ, РОДЫ, РОДСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

СЕМЬЯ И РОД КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ В АНТИЧНОСТИ: ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ΟΙΚΟΣ И GENOS В СРАВНЕНИИ С РИМСКИМИ FAMILIA И GENS*

Можно ли говорить о семейно-родовых отношениях как о феномене культуры? На наш взгляд – безусловно можно. Более того, в традиционных обществах (в частности, в древнем мире) особенности этих отношений вообще во многом диктовали общую культурную специфику. Автор этих строк – специалист в области античности (преимущественно Древней Греции), поэтому вполне естественно, что в рамках данного небольшого исследования мы обратимся именно к античному материалу.

Наш интерес к древнегреческим родам берет свое начало еще в 1990-х гг., когда нами подготавливалась монография по указанной проблематике¹. Уже тогда нам стало совершенно ясно, что вопрос о древнегреческих родах (а конкретнее – об афинских, поскольку именно применительно к Афинам имеется источниковый материал в количестве, позволяющем адекватно осветить всю тему) совершенно неотрывен от вопроса о древнегреческой аристократии (почему – станет ясно из дальнейшего изложения).

Афинские аристократические роды – действительно серьезная проблема. Прежде всего, что это за роды? Для нас совершенно ясно, что они не имеют никакого прямого отношения к, так сказать, первичным родам, берущим свои истоки из первобытного родо-племенного общества (описанного Л. Г. Морганом, Ф. Энгельсом и др.). Мы однозначно исходим из того, что афинские аристократические роды архаической и классической эпох (Алкмеониды, Филаиды, Керики, Этеобуты, Ликомиды, Писистратиды, Кодриды-Медонтиды и остальные, их несколько десятков) – это вторичные структуры, восходящие

* Впервые опубликовано в: Вестник РГГУ. 2018. № 7 (40). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 126–140. В основу исследования легли доклады, прочитанные автором на конференции «Миусские античные посиделки – IX: Семья, брак и династическая политика в Древнем Риме (и не только)» (РГГУ, март – апрель 2017 г.) и на круглом столе «Центры и периферия древних цивилизаций Востока и Запада: сферы, формы и результаты взаимодействия (IV/III тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)» (Институт всеобщей истории РАН, октябрь 2017 г.).

¹ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.

отнодью не к первобытности, а к раннему железному веку или, если употреблять более принятую в отечественной историографии терминологию, к гомеровскому периоду.

Что такое, в конце концов, род? Это в любом языке крайне расплывчатое понятие, по большей части употребляющееся совершенно не терминологически. Когда у нас в России спрашивают «какого ты роду-племени», естественно, это метафора, и речь не идет ни о каких родо-племенных структурах. Так почему бы не предположить, что ровно так же дело обстоит и в некоторых других традициях? Кажется, всё свидетельствует в пользу этого.

Древнегреческая лексема, которую традиционно переводят как «род», – γένος. Но эта констатация нам пока ровно ничего не дает. Да, от γένος происходят в новых языках «ген», «генетика», «генеалогия», да и очень многое другое, вплоть до личных имен Евгений и Геннадий. Но в сущность понятия γένος это еще не позволяет проникнуть.

Безусловно этапными в плане подходов к феномену афинского (а, стало быть, в чем-то и древнегреческого в целом) рода следует считать две монографии – Ф. Буррио² и Д. Русселя³, – вышедшие во Франции в 1970-х гг., практически одновременно. Особенно фундаментален труд Буррио, представляющий собой два толстых тома; в нем учтены, кажется, все свидетельства источников, какие только существуют. В своих выводах оба французских ученых категоричны: афинский аристократический род – образование вторичное, отнюдь не коренящееся в глубокой древности.

На этом вопросе имеет смысл остановиться, хотя бы кратко, в компаративном аспекте, а именно произвести сравнение древнегреческой и римской систем структурирования общества. На первый взгляд, системы эти крайне близки. Самый низший, первичный уровень в обоих случаях – семья (у греков οἶκος, у римлян familia). Переходя на следующий уровень, встречаем то, что переводят как «род» (у греков γένος, у римлян gens). Следуем дальше – и вновь обнаруживаем вроде бы коррелирующие единицы: греческую фратрию (φρατρία) и римскую курию (curia). Еще выше оказывается крупное подразделение, которое обычно воспринимают как племя: это греческая фила (φυλή) и римская триба (tribus; во многих современных европейских языках именно от этой латинской лексемы происходит термин, обозначающий «племя»). Наконец, всё объединяется в общей категории «народа» (греч. δῆμος, лат. populus) как коллектива граждан полиса во всей совокупности.

² Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique. Lille; P., 1976.

³ Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976.

Таким образом, сколь прекрасная параллель перед нами! Ее обнаружили компаративисты – лингвисты и этнологи, – как минимум, в XIX в., и тут же стали делать на ее основе далеко идущие выводы, видя в прослеживающейся закономерности что-то «общечеловеческое». Тут подоспели работы Л. Г. Моргана об ирокезах (их автор, понятно, и сам исходил в методологическом смысле из вышеуказанной модели, прослеженной на греческом и римском материале).

Венцом стала всем известная работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс не являлся ученым-исследователем (тем паче специалистом по первобытности и древнему миру), он был талантливым популяризатором и действительно умным человеком, что, кстати, позволило ему смягчить ряд крайностей теории Маркса. Мы еще со студенческих (если не со школьных) лет штудировали его вышеназванное произведение и помним, что он чуть ли не полностью отождествлял ирокезскую, римскую и греческую структуры (во всяком случае, в их исторических корнях).

Об ирокезах судить не возьмемся, это не наша сфера компетенции. А вот что касается греков и римлян – такая красивая параллель оказывается ложной почти во всех своих звеньях. Особенно глубокие расхождения имеются на уровне рода. В наличии римского рода (*gens*) усомниться не приходится. Более того, общеизвестным фактом является, что каждый римский гражданин обязательно должен был принадлежать к какому-нибудь роду. Это отражалось, в частности, и в его официальном имени, весьма четко организованном, так что по нему можно, так сказать, прочесть «подноготную» каждого.

Имеем здесь в виду имена римских граждан республиканской эпохи, поскольку в период Империи номенклатура потеряла четкость. Вначале императорами и членами их семей, а затем и прочими лицами стал допускаться полный произвол в данной сфере; в результате в поздней античности стали появляться уже такие немыслимые с традиционной точки зрения комбинации, как «Лициний Лициниан», «Клавдий Клавдиан» и т. п. (да и «Гай Валерий Аврелий Диоклетиан», с двумя *nomina* и ложным *cognomen*, немногим лучше). Мы же, повторим, исходим из системы вполне классической, принятой при Республике, из системы «*praenomen* – *nomen* – *cognomen*». Последний элемент, оговорим, мог не присутствовать вообще, как в «Тит Ливий», а мог, с другой стороны, включать не одно, а два или даже три слова (в подобных случаях употребляют термин *agnomen*; ср., например, имя «Публий Корнелий Сципион Назика Серapiон», в котором наличествуют *praenomen*, *nomen*, *cognomen*, *agnomen* и еще один *agnomen*, причем, кстати, известны обстоятельства появления когномена и обоих агноменов)⁴.

⁴ В процессе обсуждения нашего доклада на эту тему на конференции в ИВИ РАН к. и. н. Е. В. Ляпустина сказала, что мы ошибаемся, что не каждый римский гражданин принадлежал к какому-либо роду и имел *nomen* (*nomen gentis*). Однако на нашу просьбу привести

Автору этих строк всегда было интересно: как же знатные римские граждане республиканского времени обращались друг к другу, как они различали лиц с совпадающими элементами имени? Например, Гая Юлия Цезаря, знаменитого диктатора и предтечу Империи, в источниках обычно обозначают просто «Цезарь» (у Светония он «Юлий», но это потому, что для биографа первых римских императоров «цезарь» – уже скорее титул, чем имя). Но ведь было же и много других Цезарей! Так, одно из главных действующих лиц трактата-диалога Цицерона «Об ораторе» – Гай Юлий Цезарь Страбон, известный знаток приемов юмора; в этом качестве он у Цицерона и выступает, причем постоянно обозначается просто как «Цезарь», как будто бы в цицероновские времена не было другого, куда более прославленного Цезаря. Упоминаются в источниках и Секст Юлий Цезарь, и разные другие Цезари... Да и Августа, первого императора Рима, источники постоянно называют Цезарем. Как же их в быту различали? Для нас это загадка, да, может быть, и не только для нас.

Особым случаем были когномены на -*apus*, они указывали на адаптацию, то есть на официальное усыновление лицом из другого рода. Так, Публий Корнелий Сципион Эмилиан (Африканский Младший), знаменитый разрушитель Карфагена, по рождению являлся, собственно, Эмилием Павлом, но был adoptирован в род Корнелиев.

В республиканском Риме с номенклатурой гражданина, таким образом, дела обстояли как-то тревожаще-сложно. А вот в древнегреческих полисах, напротив, по этой линии всё было как-то тревожаще-просто. Если взять стандартное полное имя афинянина классической эпохи, оно состояло из трех элементов: «Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга», «Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки», «Фемистокл, сын Неокла, из Фреарр», «Сократ, сын Софрониска, из Алопеки», и пр., и пр. Эти три элемента – а) личное имя, данное при рождении; б) патронимик – «отчество», субстантивированное имя отца в родительном падеже (слово «сын» в переводах добавляется для ясности, а еще до революции порой писали «Перикл Ксантиппов» и т. п., как у крестьян в старой России: «Иван Васильев Петров» – здесь «Васильев» – это отчество, оканчивать его на «-ич» долгое время имели право только знатные персоны); в) демотик, обозначение дема, к которому был приписан данный гражданин (но не обязательно в нем проживал; как известно, принадлежность к дему⁵ со времен

конкретные примеры «безродных» римлян она затруднилась с ответом. Нашу позицию поддержал д. ю. н. Л. Л. Кофанов, ответственно заявивший, что таких примеров нет.

⁵ Дем в Афинах – низшая единица административно-государственного деления. Дем представлял собой либо некий сельский округ, либо район столицы полиса – города Афин. Демы в этом качестве были введены Клисфеном, основателем афинской демократии, в конце V в. до н. э. Точное число их неизвестно (более 100, но менее 150). Подробнее по про-

Клисфена являлась пожизненной и даже наследственной, не изменялась в случае переезда лица или семьи на реальное жительство в иной дем).

Так вот, есть ли в этой афинской номенклатуре хоть какой-то намек на род? В отличие от Рима – ни малейшего. Вот в этом-то и состоит главная «загвоздка».

Гражданин греческого полиса, в отличие от *civis Romanus*, отнюдь не обязан был принадлежать к какому-либо роду. Роды у афинян имелись, с этим спорить невозможно, но это были, подчеркнем, только аристократические роды⁶. И на этом рушится весь параллелизм между реалиями римлян и греков, вся симметрия между градационными системами *populus – tribus – curia – gens – familia* и *δῆμος – φυλή – φρατρία – γένος – οἶκος*. И ведь какую красивую картину приходится признать недействительной!

Если перейти к более конкретному сравнительному анализу, уместнее, пожалуй, будет начать с самого нижнего звена, с семьи. Тем более что как раз на его уровне обнаруживается, пожалуй, наибольшее количество элементов сходства. В сущности, между греческим *οἶκος* и римской *familia* по-настоящему принципиальных различий нет. Разве что власть отца семейства (*paterfamilias*) в Риме была сильнее, нежели в Греции, доходя даже до *ius vitae ac necis*, до права полного распоряжения даже жизнью подвластных – сыновей (в том числе совершеннолетних, взрослых) и супруги (если брак был с манципацией).

У греков чего-либо подобного римской *patria potestas* все-таки не встречается. Да, безусловно, и у них возбранялось плохо относиться к родителям. И даже при докимасии избранных, но еще не вступивших в должность магистратов каждому из них задавался вопрос: хорошо ли он относится к своим родителям, не обижает ли он их, не бьет ли?

Но, кстати, сам этот нюанс уже крайне характерен, в нем есть некая соль. В Риме и в голову не пришло бы спрашивать кого-нибудь, не бьет ли он своих родителей, там такое было просто невысказано. Итак, если эллинскому отцу порой угрожала опасность претерпеть побои от собственного сына, то римскому сыну чаще угрожала опасность быть убитым или проданным в рабство собственным отцом.

Сходство между *οἶκος* и *familia*, тем не менее, подчеркнем, налицо. Оно проявлялось, в частности, и в том, что обе лексемы подразумевали не только семью как таковую, но и домохозяйство. В частности, в персональном плане как в *οἶκος*, так и в *familia* входили не только непосредственные члены семейства, связанные родством с его главой (жена и дети), но также и рабы. Всем из-

блеме см.: Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

⁶ Полный перечень тех аттических родов, о которых сохранились свидетельства источников, см. в очень старой, но богатой материалом книге: *Toepffer J. Attische Genealogie*. В., 1889.

вестно, что у римлян рабы делились на *familia urbana* и *familia rustica*. У эллинов же данный оттенок, пожалуй, еще четче был выражен тем, что в их языке οἶκος – не только семья как таковая, но и дом, жилище.

Рассмотрим (в плане «альтернативной истории») случай, который, правда, к Афинам напрямую не относится, но все-таки имеет определенное отношение и к тамошним реалиям. Имеем в виду сюжет второй половины Гомеровой «Одиссеи». Царь Итаки отсутствует на родине 20 лет. У него есть сын – юный Телемах, но «женихи» Пенелопы с ним всерьез не считаются и всячески третируют молодого человека. Представим себе, что Одиссей и вправду не вернулся бы. Тогда Пенелопа вынуждена была бы выбрать себе нового мужа из числа претендентов – и какой тогда оказалась бы судьба бедного Телемаха? Полагаем, что крайне плачевной. А ведь, напомним, на момент разворачивающихся в поэме событий еще жив отец заглавного героя, Лаэрт. Старика «зادвинули» куда-то в деревню.

Если бы дело происходило в Риме, вся ситуация складывалась бы совершенно иначе. Престарелый Лаэрт по-прежнему властно управлял бы общиной, исполнял бы обязанности *paterfamilias*, и никакого кризиса власти, никакой коллизии с «женихами» вообще не возникло бы.

От уровня семьи переходим к уровню рода и фратрии. Здесь контраст оказывается особенно разительным – в связи с тем оговоренным выше обстоятельством, что, в отличие от римлян, далеко не все афиняне принадлежали к родам. Не входивших в состав таковых было даже подавляющее большинство. Каждый афинский гражданин неизбежно был членом какой-либо фратрии, но это иное. Следует упомянуть о «теории пирамид», предложенной еще в 1960-х гг. У. Дж. Форрестом⁷ и приобретшей, без преувеличения, весьма большую влияние.

Аристократическому обществу (а ведь именно таковое было характерно для Греции периода архаики) было свойственно, замечает Форрест⁸, не столько «горизонтальное» деление социума на классы (тут ощущается полемика с марксизмом), сколько «вертикальное» деление: происходила организация по «пирамидам» – группам, возглавлявшимся лидерами-аристократами и включавшим в себя лиц из самых разных социальных слоев (относительно высоких, средних, низших).

Именно такими «пирамидами» виделись Форресту аттические фратрии⁹. Этот институт¹⁰ ведь и на самом деле более сложен, нежели то представлялось, скажем, в XIX в., когда ведущие ученые утверждали (а уж с опорой на их

⁷ *Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966.*

⁸ *Ibid.* P. 48 ff.

⁹ *Ibid.* P. 52 ff.

¹⁰ О нем см., например: *Lambert S. D. The Phratries of Attica. Ann Arbor, 1998.*

мнение утверждал и Энгельс, из труда которого о происхождении семьи, частной собственности и государства мы, повторим, в школьные и студенческие годы, собственно, впервые почерпывали в свой «интеллектуальный багаж» сам термин «фратрия»), что он является пережитком родо-племенного строя, промежуточным звеном между племенем и родом.

В этом плане афинскую фратрию уподобляли римской курии, но о совершенно иной природе курий в Риме было заявлено уже давно¹¹, а вот вопрос об афинской «родо-племенной системе» ждал своего разрешения вплоть до 1970-х гг., когда практически одновременно во Франции вышли упомянутые выше исследования Буррио и Русселя (писавшиеся, насколько можем судить, независимо друг от друга, но тем не менее приведшие авторов к очень похожим результатам), итог которых – в том, что греческие роды (γένη) и фратрии представляют собой организации *вторичного* типа, а не какие-то рудименты, восходящие к первобытности.

Собственно, нас это не удивляет, а, напротив, кажется вполне закономерным. Вообще говоря, термином «первобытность» у нас часто злоупотребляют. В свое время, более двух десятилетий назад, судьба столкнула автора этих строк с Ю. И. Семеновым, замечательным советским специалистом по ранним обществам, одним из зачинателей (еще в конце 1950-х гг.) второй в СССР дискуссии о восточном способе производства. Позже он, правда, удалился в штудии в области историософии, временами достаточно сомнительные; однако его книга по экономической этнологии¹² в свое время была нами прочитана с большим интересом.

Совершенно справедливо указание Ю. И. Семенова на то, что не всякое предклассовое общество¹³ является первобытным. На самом деле налицо довольно широкий спектр социумов, представляющих собой различные градации перехода от «чистой» первобытности к уже вполне сформировавшейся цивилизации. Не хотим в рамках данной работы вдаваться в теоретические рассуждения максимально общего порядка; но обязательно нужно охарактеризовать тот фон, на котором возникала эллинская античность в архаическую эпоху.

¹¹ И. Л. Маяк и говорила нам об этом в своих лекциях, и писала в своих книгах.

¹² Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. Т. 1–3.

¹³ «Классы», «классовый», «предклассовый» – это, понятно, термины из арсенала марксизма. Пользуемся ими просто для удобства. Их бы, конечно, в идеале лучше заменить на какие-нибудь другие, в большей степени адекватные (например, вместо «предклассовый» – «предгосударственный»? «предцивилизационный»?). Безусловно, упущением является то, что со времен крушения «единственно правильной идеологии» у нас как-то любые попытки построить что-то иное в области историософии стали восприниматься как некая ересь и не комильфо, а единственно допустимой стала работа в области чисто идиографических штудий, при заимствовании концептуального «багажа» с Запада.

Формировалась ли она непосредственно из общества с родо-племенной структурой? Никоим образом. Античной греческой государственности предшествовала государственность микенская (это неточная формулировка, наводящая на мысль, будто бы речь идет только о Микенах; лучше бы сказать «ахейская», но и в подобном выражении есть свои минусы, поскольку дворцовые царства во II тыс. до н. э. были созданы не только ахейцами, но и некоторыми ионийцами; мы в последнее время всё чаще применяем в данной связи введенный археологами термин «элладская»). На ее руинах выросли полисы Греции I тыс. до н. э.

Таким образом, родо-племенной строй на юге Балканского полуострова однажды уже уступил место вполне сложившимся государственным единицам, и не мог же он вновь возродиться после крушения этих последних. В частности, напомним о такой хрестоматийной вещи, проходящейся опять же уже в школе (во всяком случае, в наше время было так), как приход на поздних стадиях первобытности соседской общины на смену родовой общине. Для нас совершенно несомненно, что общины греков во II тыс. до н. э., в микенское (ахейское, элладское) время были уже соседскими, а отнюдь не родовыми. Сельские общины Эллады времени античности, – естественно, тоже.

И как тогда надлежит мыслить ситуацию? Родовая община уступает место соседской, потом, во времена коллапса дворцовых царств, опять возрождается родовая, далее вновь возникает соседская? Такой ход рассуждений представляется нам, можно сказать, абсурдным ввиду немотивированного включения явно избыточных звеньев. Несравненно резоннее считать, что община эллинов как стала соседской (не позже середины II тыс. до н. э.), так уж ею и оставалась; посему всякие умозаключения о рудиментах родо-племенного строя еще в архаический период, на наш взгляд, просто бессмысленны.

Возвращаясь к «теории пирамид» Форреста, поясним, что именно этот выдающийся английский исследователь понимал под фратрией. Он исходил из того, что у лексикографов отмечается деление членов любой фратрии на «геннетов» и «оргеонов»¹⁴. Эти две категории можно трактовать, грубо говоря, как знатных и незнатных, аристократов и «чернь». Геннеты (термин, естественно, происходит от γένος) – это те члены фратрии, которые помнят свой род, то есть череду предков, восходящую к мифологическим героям (при переводе из легендарного плана в исторический это означает, что генеалогическая память семьи простирается до II тыс. до н. э.); а оргеоны – это простолюдины, «Иваны, родства не помнящие» (и в этом плане близкие нам: мало кто из нас сможет назвать своих предков более далекой степени, чем прадеды).

¹⁴ Ср.: *Oliver J. H. Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore, 1960. P. 33.*

В результате в построениях Форреста аттическая фратрия – это структура вот какого характера: знатный аристократический род и объединившаяся вокруг него группа его незнатных «клиентов», простолюдинов (которых, естественно, больше). Группа поддержки, так сказать; отсюда и выражение «пирамида». Следует заметить, что уже и предшествовавшими исследованиями было констатировано: во фратрии, как правило, выделяется один знатный род¹⁵.

Кстати, этимология самого слова «фратрия» сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Традиционно его ставили в связь с латинским *frater* «брат», то есть фратрия – это «братство». Однако иногда нам думается: не случайное ли здесь созвучие? По-древнегречески «брат» будет совсем иначе – ἀδελφός (несомненно, субстратная лексема).

Более того, если мы пронаблюдаем, как звучал термин «фратрия» в различных диалектах древнегреческого языка, то обнаружим достаточно неожиданные варианты. «Фратрия» – «фатрия» – «фатра» – «патра»... Последний из перечисленных явно напоминает скорее уж не *frater*, а *pater* (и, соответственно, греческое πατήρ) – «отец». Не является ли именно эта этимологическая связь первичной (а связь с «братом» в таком случае позднейшим домыслом), не должна ли фратрия ассоциироваться все-таки с «отцами»? С «отцами», конечно, не столько в кровнородственном смысле, сколько в смысле, так сказать, социально-политическом – подобно тому, как римские сенаторы именовались *patres*, «отцами», по отношению к остальным римлянам (а с возникновением Империи появился и вовсе *Pater patriae*).

Фратрия в таком смысле может пониматься как объединение простолюдинов-«клиентов» вокруг «отцов»-аристократов, составлявших тот знатный род, вокруг которого оно группировалось. Как бы то ни было, уж и вовсе некорректно проводить какие-то параллели между греческими фратриями и римскими куриями (*curia*, как неоднократно показано у И. Л. Маяк, восходит к **co-viria*, то есть это по истокам своим мужской союз, институт совершенно иного характера).

Наконец, что касается еще более высокого уровня деления древнегреческого общества, уровня фил, в связи с ними есть концепция выдающегося индоевропеиста Э. Бенвениста¹⁶, с которой мы в основном солидарны: филы – не этнические, а опять же социальные категории. Это не племена, а образования наподобие древнеиндийских варн.

Древние греки были индоевропейцами, а у большинства индоевропейских народов все общество делилось на три или четыре крупные сословные группы. Принадлежность человека к одной из этих групп определяла его место среди других людей, его социальный статус и престиж, иногда даже род его

¹⁵ См., в частности, на примере одной из аттических фратрий: *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 116–134.*

¹⁶ *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 175 сл.*

занятий. Лучше всего такое деление на группы известно в Древней Индии; там эти группы назывались варнами. К высшей варне брахманов принадлежали жрецы, к варне кшатриев – воины (включая полководцев и царей), к варне вайшьев – крестьяне и ремесленники, то есть масса простого народа, к варне шудр – слуги, рабы.

Не могло ли быть так, что и древнегреческое общество на заре своей истории делилось на такие же сословия и они-то как раз и назывались филами? Со временем их изначальные функции отмерли, их истинное происхождение стерлось в памяти греков, но сами филы остались.

Как известно, у дорийцев насчитывались три исконные филы: гиллы, ди-маны, памфилы. У ионийцев – четыре исконные филы: аргады, гоплеты, гелеонты, эгикореи¹⁷. Как это соотносится с индоарийским варновым делением? Решающими оказываются тут классические выкладки Ж. Дюмезиля о троичном членении древнейшего индоевропейского общества. Грубо говоря, это слой жрецов, слой воинов, слой производителей материальных благ.

Дюмезиль (ныне он как-то несколько подзабыт, а зря; в свое время его работы производили эффект «разорвавшейся бомбы») находил пресловутую «троичность» в самых разнообразных индоевропейских обществах: индоарийском, римском (триада «Юпитер – Марс – Квирин»), древнегерманском, осетинском (которым он специально занимался) и др. А вот для Греции он не мог найти необходимых корреляций, поэтому мало привлекал в своих трудах материал, происходящий из нее, ссылаясь на то, что там, дескать, слишком силен доиндоевропейский субстрат (что соответствует действительности), который не позволяет реконструировать картину во всей ее чистоте.

Но вот тут-то как раз напрашиваются следующие соображения. В Индии тоже был крайне силен доиндоевропейский субстрат. Вторгшиеся арии подчинили себе местное население. Аналогично на юге Балканского полуострова вторгшиеся греки подчинили себе местное население. Соответственно, должны, по идее, наблюдаться какие-то аналогии и в структуре социума. Они действительно есть!

В Индии древнейшая трехчленная структура (брахманы-жрецы, кшатрии-воины, вайшьи-производители) дополнилась четвертым элементом – «чужаками», уже поэтому поставленными в самое приниженное положение. Это варна шудр. В Грецию же ионийцы пришли, судя по всему, уже в первой половине II тыс. до н. э. и, соответственно, должны были как-то решать проблему покоренного местного населения, включать ее в свою общность. Поэтому у них сложилась система из четырех фил (три слоя «своих» плюс «чужаки», как

¹⁷ Впоследствии во многих полисах, и дорийских, и ионийских, обнаруживается иное (как правило, большее) количество фил. Это продукт различных реформ. А мы здесь говорим именно об исконном делении.

в Индии). Дорийцы явились на юг Балкан позже и вели себя brutальнее, поэтому они свою систему из трех фил оставили неизменной, «чужаков» включать в нее не стали.

Что касается четырех исконных ионийских (следовательно, и аттических) фил, Э. Бенвенист¹⁸ трактует их так. Гелеонты связаны с Зевсом, стало быть, это, скорее всего, жрецы; эгикореи – воины, они связаны с Афиной и ее эгидой, отсюда и название; аргады – земледельцы, здесь связь с ἄργος, что в древнейшие времена означало равнину; гопплеты (не путать с позднейшими гопплитами) – ремесленники, здесь ὅπλα фигурирует не в значении «доспехи, вооружение», а в значении «орудия».

Таким образом, можно постулировать следующую (разумеется, во многом условную и небезоговорочную) корреляцию: гелеонты – брахманы, эгикореи – кшатрии, аргады – вайшьи, гопплеты – шудры, «чужаки» (в Афинах и впоследствии чужакам, метэкам, не позволялось заниматься ничем иным, кроме как ремесленно-торговой деятельностью). Интересно, что у Геродота (Herod. V. 66) доклизфеновские аттические филы перечисляются именно в таком порядке: гелеонты, эгикореи, аргады, гопплеты. В другом раннем памятнике, «Ионе» Еврипида, старые филы перечисляются в несколько ином порядке: гелеонты, гопплеты, аргады, эгикореи (Eur. Ion. 1579 sqq.). Но это, полагаем, связано с соображениями метрики, а древнюю семантику названий и функций фил драматург второй половины V в. до н. э. помнить был совершенно не обязан. Но кстати, даже он утверждает, что Гелеонт, эпоним филы гелеонтов, – «первый» (πρῶτος). Возможно, и тут сохранилась чрезвычайно древняя память о высшей «филе-варне».

Термин «триба» (tribus), в чем совершенно невозможно усомниться (да, в общем-то, никто и не сомневается), тоже имеет самое прямое отношение к праиндоевропейскому числительному, обозначавшему 3. Таким образом, и здесь тройное членение социума налицо.

Выкладки Буррио и Русселя (особенно Буррио) в связи с природой древнегреческого γένος были практически всеми коллегами приняты с огромным энтузиазмом, признаны, можно сказать, неоспоримыми. Те единичные ученые, которые с ними не согласились (среди них, например, Р. Литман¹⁹), не смогли привести достаточно убедительных контраргументов.

Таким образом, всю имеющуюся литературу по проблематике древнегреческих аристократических родов (а в сущности говоря, и вообще крупных персоналий в истории эллинских полисов, поскольку эти личности были исключительно аристократическими вплоть до последней трети V в. до н. э., когда

¹⁸ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 193–194.

¹⁹ Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 5 ff.

появились «новые политики», коих столь удачно обнаружил Коннор²⁰), можно разделить на две группы: «до Буррио» и «после Буррио». К первой относится²¹, помимо фундаментальнейшего компендиума Кирхнера²², чрезвычайно влиятельная монография Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи 600–300 гг. до н. э.»²³. Ко второй – книги М. Шталя²⁴, Э. Штейн-Хёлькескампа²⁵.

Впрочем, можно выделить и третью категорию: «помимо Буррио». Имеем в виду работы, которые, хотя и появились после 1970-х гг., написаны так, как если бы выводов Буррио и Русселя не существовало. Причем подобные опусы существуют отнюдь не только в отечественной историографии²⁶, они вполне встречаются и в западной²⁷. И это, конечно, трудно назвать конструктивным явлением.

²⁰ Connor W. R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971.

²¹ Мы уж не говорим о совсем старых исследованиях, которые теперь представляются во многом курьезными. Так, из одного труда конца позапрошлого столетия мы с интересом узнаем о том, что в досолоновскую эпоху аристократы делились на «либеральную» группировку аттических патриотов и «реакционную юнкерскую партию» (*Wilbrandt M. Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon // Philologus*. 1898. Supplbd. 7. Ht. 1/2. S. 133–228). Автор другого жидет выводы принципиального характера на ошибочной посылке, согласно которой в ионийских Афинах четыре филы делились на 360 родов (включавшие всех граждан) и, таким образом, господствовала «двенадцатеричная» система, как у евреев, в то время как в дорийских полисах – «десятеричная», как в Риме (*Schjøtt P. O. Die athenische Aristokratie*. Christiania, 1906). Примеры подобного рода можно было бы и продолжать.

²² *Kirchner J. Prosopographia Attica*. B., 1901–1903. Bd. 1–2. Второй том LGPN, посвященный целиком Аттике (*A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews*. Vol. 2: Attica / Ed. by M. J. Osborne, S. G. Byrne. Oxf., 1994), все-таки не является полноценной заменой своду Кирхнера, он не столь фундаментален.

²³ *Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxf., 1971.

²⁴ *Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates*. Stuttgart, 1987.

²⁵ *Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit*. Stuttgart, 1989.

²⁶ Например: *Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.)*. СПб., 2003.

²⁷ Например: *Hemmerdinger B. Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594) // Quaderni di storia*. 1984. No. 19. P. 165–170; *Goušchin V. Pisistratus' Leadership in A.P. 13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/560 B.C. // Classical Quarterly*. 1999. Vol. 49. No. 1. P. 14–23 (В. Р. Гущин – пермский ученый, но статья, изданная на английском языке на страницах одного из ведущих мировых антиковедческих журналов, полагаем, автоматически включается в западную историографическую традицию).

ПИСИСТРАТИДЫ – ПОТОМКИ ОТКАЗАВШИХ В ГОСТЕПРИИМСТВЕ (АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИНАСТИЧЕСКОГО МИФА)*

Каждому, кто сталкивается с историей династии афинских тиранов Писистратидов, не может не броситься в глаза обилие личных имен с элементом ἵππ(ο)-, употреблявшихся в этой семье. Как известно, отца Писистрата звали Гиппократом (Herod. I. 59. 1–4). Сам Писистрат дал двум своим старшим сыновьям, будущим наследникам его власти, имена Гиппий и Гиппарх (Herod. I. 55). Известен еще Гиппарх, сын Харма, выходец из того же рода, ставший главой группировки сторонников тиранов после изгнания Гиппия и установления демократии в Афинах (Arist. Ath. pol. 22. 4).

Подобное настойчивое употребление «конных» имен в семье Писистрата вряд ли может быть объяснено только принадлежностью ее к родовой знати. Действительно, в среде последней вообще были достаточно популярны «агонические» и «высокостатусные» по семантике антропонимы с основой ἵππ(ο)-. Однако необходимо сделать две важные оговорки.

Во-первых, изучение ономастики представителей старшей тирании по всем регионам греческого мира позднеархаической эпохи приводит к парадоксальному выводу: количество «конных» имен в этой среде поразительно невелико, несравненно меньше, чем можно было бы предположить. Нам известно не менее полутора сотен имен тиранов и членов их семей, относящихся к этому времени. Имена же с основой ἵππ(ο)- можно в буквальном смысле слова пересчитать по пальцам одной руки (естественно, за вычетом афинских Писистратидов).

Три-четыре примера такого рода можно найти в городах Сицилии (Гела, Акрагант, Гимера)¹, причем все они относятся к более позднему периоду, уже к началу V в. до н. э. Удивляться приходится скорее не тому, что они есть, а тому, что среди сицилийских тиранов, блиставших конными победами в Олимпии и на других панэллинских играх, роль «гиппотрофического» ономастикона оказывается столь незначительной. Что же касается собственно Эгейского региона, то в его рамках (за пределами Афин) при самом тщательном поиске удастся обнаружить один-единственный прецедент «конного» имени тирана. Более того, прецедент этот в высшей степени характерен. Речь идет о Гиппокле,

* Впервые опубликовано в: Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции. М., 1999. С. 122–130. Статья написана в соавторстве с А. А. Молчановым.

¹ Берве Г. Тираны Греции. Ростов, 1997. С. 169, 171, 174, 199.

тиране Лампсака, что на Геллеспонте (Herod. IV. 138. 1). Этот Гиппокл находился в чрезвычайно близких отношениях с афинскими Писистратидами. Гиппий, сын Писистрата, даже выдал свою дочь Архедику замуж за сына Гиппокла – Эантида (Thuc. VI. 59. 3). После изгнания из Афин Гиппий даже некоторое время жил в Лампсаке (Thuc. VI. 59. 4), где снискал себе безупречную репутацию, если судить по приводимой здесь же у Фукидида эпиграмме. Таким образом, мы и здесь остаемся в рамках круга Писистратидов, которые, следует признать, по своим ономастическим предпочтениям являли некое исключение среди архаических тиранов.

Вторая оговорка. Еще не столь странным было бы встретить большое количество «конных» имен в семье, действительно прославленной многочисленными победами в колесничных бегах. Так, имена с основой $\acute{\iota}\pi\pi(o)$ - присутствуют в VI в. до н. э. у Филаидов (Гиппоклид) и Кериков (Фенипп, Гиппоник). Но на счету обоих этих родов – неоднократные первые места в этом виде состязаний в Олимпии². У Алкмеонидов – еще одного рода, славного конными победами, – также периодически появляются подобного типа имена (Гиппократ, Ксантипп), причем происходит это в периоды наибольшего сближения Алкмеонидов с Писистратидами (начало 550-х гг., 520-е гг.)³, и, по-видимому, не случайно (о чем еще пойдет речь ниже).

Писистратиды же колесничными победами отнюдь не блистали. Ни одному из представителей этого рода, похоже, ни разу не удалось стать олимпником или одержать верх в каких-либо других панэллинских играх⁴. Афинские тираны, насколько можно судить, даже ощущали в связи с этим определенный «комплекс неполноценности» и пытались исправить положение не вполне честными способами. Так, согласно Геродоту (VI. 103. 2–3), Кимон, сын Стезагора из рода Филаидов, уступил ($\pi\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma$) Писистрату свою вторую олимпийскую победу, за что ему было позволено возвратиться в Афины из изгнания. Уже после смерти Писистрата, одержав третью победу в Олимпии, Кимон был убит по приказу Гиппия и Гиппарха – возможно, после отказа уступить эту победу им.

Итак, дело не только и даже не столько в общеаристократическом обычае, сколько в каком-то ином факторе. Обращение к предыстории аттического рода Писистратидов и учет некоторых аспектов деятельности самого знаменитого

² Moretti L. *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma, 1957. P. 70, 80 (победы Кериков); p. 71, 72 (победы Филаидов).

³ Raubitschek A. E. *Dedications from the Athenian Akropolis*. Cambridge, MA, 1949. P. 338–340; Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 17.

⁴ Бerve Г. Указ. соч. С. 78. Иногда высказывается предположение о пифийской победе Гиппия и Гиппарха около 540 г. (Макаров И. А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 32), но эта гипотеза не получила серьезного обоснования.

тирана Афин дают, как нам кажется, более полное и логичное объяснение для отмеченных выше «ономастических пристрастий».

Уже неоднократно становилась предметом исследования религиозная политика Писистрата и его сыновей⁵. Справедливо отмечалось внимание афинских тиранов к культам Артемиды Бравронской, Диониса Элевтерия, Аполлона Делосского и Пифийского, Зевса Олимпийского, Элевсинских богинь и, конечно же, Афины Полиады. Но, говоря о последнем, часто забывают об одном существенном обстоятельстве.

В рассматриваемую эпоху культ Афины на Акрополе был неотделим от культа Посейдона. Мифологической основой для их сближения служил известнейший миф о споре указанных богов из-за обладания Аттикой. Этот миф практически без вариантов передается множеством античных авторов (см., например: Herod. VIII. 55. 1; Apollod. III. 14. 1; Strab. IX. 396; Ovid. Met. VI. 70–82; Plut. Mor. 741ab; Paus. I. 24. 5; 26. 5; 27. 2). Не случайно именно эта сцена была впоследствии изображена на западном фронте Парфенона. Именно она прежде всего вставала перед глазами каждого поднимавшегося на афинский Акрополь.

Но особенно важно то, что миф об Афине и Посейдоне, в отличие от многих других, имел в историческую эпоху ярко выраженное культовое наполнение. Источники сообщают, что на Акрополе был общий храм этих двух божеств. Для более позднего времени речь идет, безусловно, об Эрехтейоне (Paus. I. 26. 5; Plut. Mor. 741ab). Афина почиталась в нем совместно с Посейдоном, который носил в Аттике эпиклезу «Эрехтей» (Apollod. III. 15. 1). Пожалуй, даже в классическую эпоху и позже именно Эрехтейон, стоявший на месте дворца афинских царей микенской эпохи, а не Парфенон был сакральным «сердцем» афинского полиса. Именно в нем отправлялись древнейшие культы, находились самые почитаемые святыни, такие, например, как знаменитый Палладий – изображение богини, якобы упавшее с неба (Paus. I. 26. 6). А в более раннее время этот храм был, безусловно, главным святилищем Афин и Аттики.

Дошедшее до нас здание Эрехтейона относится, как известно, к концу V в. до н. э. Однако Геродот (VIII. 55. 1–2) сообщает, что святилище Эрехтея существовало еще до разрушения Афин Ксерксом. С этим древнейшим Эрехтейоном следует, таким образом, идентифицировать монументальный храм Афины и Посейдона, стоявший в архаическую эпоху почти на том же месте и обычно

⁵ Из последних работ см.: Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1977. Bd. 92. S. 99–138; Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions // *Journal of Hellenic Studies*. 1987. Vol. 107. P. 40–50; Залюбовина Г. Т., Щербаков В. И. Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // *Ранние цивилизации: государство и право*. М., 1994. С. 17–33; Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // *Человек и общество в античном мире*. М., 1998. С. 303–309.

называемый Гекатомпедоном. Специалисты по истории античного искусства датируют Гекатомпедон именно временем правления Писистратидов⁶.

Правда, совсем недавно была предпринята попытка пересмотреть датировку храма и отнести его сооружение к 500-м гг. до н. э.⁷ Эта попытка лежит в русле модной в последние годы тенденции приписывать культурные достижения эпохи тиранов клисфеновскому и послеклисфеновскому времени. Однако автор указанной гипотезы У. Чайлдс основывает свои выводы на очень спорных параллелях. Так, привлеченный им для сопоставления храм Аполлона в Дельфах относится, по его мнению, ко времени около 530 г. до н. э. Но большинство специалистов датируют завершение постройки этого храма 500-ми гг.⁸ По этой логике Гекатомпедон следовало бы датировать вообще 480–470-ми гг., а это, кажется, еще никому не приходило в голову.

Итак, мы не видим достаточных оснований для пересмотра традиционной датировки храма Афины и Посейдона. А следовательно, учреждение на афинском Акрополе параллельных государственных культов этих двух божеств произошло при Писистратидах. В древнейших Афинах II тыс. до н. э. культ Посейдона занимал очень важное место, но впоследствии был потеснен культом Афины⁹. А в VI в. до н. э. наблюдается как бы его повторная актуализация. В чем же причина столь подчеркнутого обращения афинских тиранов за покровительством к «владыке морей»?

Как показывают данные греческой мифолого-генеалогической традиции, культ Посейдона был наследственным культом афинского рода Писистратидов. Их легендарный предок по имени Писистрат считался, согласно родовым преданиям (Herod. V. 65; Paus. II. 18. 8–9), внуком прославленного пилосского царя Нестора, воспетого Гомером мудрого старца, через сына последнего – тоже Писистрата. Нестор в свою очередь был сыном владыки Пилоса Нелея, претендовавшего на божественное происхождение: помимо земного родителя тому приписывался и отец из числа бессмертных обитателей Олимпа, роль которого в данном конкретном случае отводилась Посейдону (Paus. IV. 2. 5).

⁶ См., например: *Соколов Г. И.* Акрополь в Афинах. М., 1968. С. 16; *Колтинский Ю. Д.* Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1988. С. 65.

⁷ *Childs W. A. P.* The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 1–6.

⁸ *La Coste-Messelière P. de.* Les Alcéonides à Delphes // *Bulletin de correspondance hellénique.* 1946. Vol. 70. P. 271–288; *Prontera P.* Gli Alcmeonidi a Delfi // *Revue archéologique.* 1981. No. 2. P. 256; *Maass M.* Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // *Ktema.* 1988. Vol. 13. P. 9.

⁹ *Залюбовина Г. Т.* Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992. С. 39–40.

Не случайно культ именно этого божества являлся основным государственным культом в Пилосском царстве Нелеидов. Согласно «Одиссее» (III. 5–10, 40–64), в Пилосе микенской эпохи самым почитаемым божеством, к которому цари и весь народ обращались с мольбами, был Посейдон. Этот факт уже давно отмечен исследователями¹⁰. Стоит еще указать на то, что у Гомера главным хвалителем Посейдона оказывается не кто иной, как сын Нестора Писистрат. Данные эпоса подтверждают и эпиграфические памятники, датируемые около 1200 г. до н. э.: богатые жертвы Посейдону перечислены на табличках линейного письма В из Пилоса¹¹.

Посейдон, согласно мифам, был не только прародителем пилосского царского дома Нелеидов, но его активным покровителем и защитником. Так, когда Геракл, оскорбленный отказом Нелея оказать ему гостеприимство и очистить от скверны убийства, пошел на него войной, старший сын владыки Пилоса Периклимен, получивший от Посейдона дар превращения в различные живые существа, смог некоторое время сопротивляться победоносному герою – совершителю двенадцати великих подвигов (Apollod. I. 9. 9; II. 7. 3; Ovid. Met. XII. 549–572).

Унаследовавший после Нелея пилосский престол Нестор носил почетное прозвище «конник геренский» (эпич.-эолийск. ἵπποτα Γερήνιος), многократно упоминаемое гомеровским эпосом¹². «Конные» ассоциации в данном случае напрашиваются именно в генеалогическом (сакрально-династическом) аспекте. Ведь связь коня с Посейдоном хорошо известна: этот бог почитался греками-ахейцами не только как владыка моря и колебатель земли, но и как повелитель коней¹³. Те же функции отводились ему и позднее (ср.: Ном. Нυμν. XXII. 1–5; Paus. VIII. 25. 5–7). В данной связи уместно вспомнить его эпikleзы Ἴππος, Ἴππιος, Ἴππαρχος и другие подобные им из того же семантического ряда.

Примечательно, что в войне с Гераклом в качестве союзников Нелея выступали, согласно саге, его двоюродный брат Гиппокоонт, царствовавший

¹⁰ Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1963. P. 267 ff.; Dietrich B. C. The Origins of Greek Religion. B.; N.Y., 1974. P. 138 ff.

¹¹ Dyczek P. Pylos in the Bronze Age: Problems of Culture and Social Life in Messenia. Warszawa, 1994. P. 128, 129.

¹² Существует мнение, что гомеровское ἵπποτα, как и микенское e-qe-ta, следует связывать не с ἵππος, а с ἔπομαι (Webster T. B. L. Historical Commentary // A Companion to Homer. L., 1962. P. 457). Однако, независимо от степени вероятности этой гипотезы, нет сомнения, что Гомером и в послегомеровское время эпитет ἵπποτα однозначно воспринимался как «конник».

¹³ Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago; L., 1972. P. 295; Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge, 1976. P. 86.

в Лакедемонe, с сыновьями Гиппотоем и Гиппокористом (Apollod. II. 7. 3; преобладавшую в трудах эллинских мифографов версию о происхождении Гиппокоонта Спартанского и Нелея Пилосского от общего деда, Перииера, сына Кинорта, см.: Apollod. I. 9. 5; III. 10. 3–5), ранее тоже демонстративно отказавшие Гераклу в гостеприимстве (Apollod. II. 7. 3; Paus. III. 15. 3–5). В их именах отчетливо проступает та же «конно-посейдоновская» семантика¹⁴. Как видно, именно опираясь на родственную связь с могущественнейшим богом моря, объединенный клан пилосских и спартанских владык осмелился, по мифу, отказать в гостеприимстве самому грозному Гераклу и поначалу даже успешно противостоять ему вооруженной силой.

Такая престижная версия неизменно сохраняла особую ценность в ряду семейных преданий потомков Нелея и после изгнания их дорийцами под предводительством Гераклидов из Пилоса и переселения в Афины¹⁵. Согласно аттическим генеалогиям, сразу четыре видных евпатридских рода вели свое происхождение от пилосских Нелеидов: Кодриды-Медонтиды, Алкмеониды, Пеониды и Писистратиды (Paus. II. 18. 8–9). Их родоначальниками были соответственно: Мелант, праправнук Периклимена, самого старшего из сыновей Нелея; Алкмеон, внук Фрасимеда, правнук Нестора; дети Пеона, сына павшего под Троей Антилоха и внука Нестора; Писистрат, сын Писистрата, внук Нестора.

Представители первого из перечисленных родов имели возможность на новой родине опереться на помощь и других членов разветвленного Нелеидского клана, прибывших туда же. По-видимому, пилосцы Нелеиды, эвакуируясь из Мессении на кораблях своего внушительного по мощи флота¹⁶, смогли прихватить с собой немалую часть государственной казны. Именно это должно

¹⁴ В локальных аттических мифах также можно найти примеры прямой генеалогической связи с Посейдоном (привязки к Посейдону) персонажа, носящего имя с характерной «конской» семантикой, образованное с участием основы *ἵππ(ο)-*. Так, в роли эпонима одной из афинских фил выступал Гиппофоонт, сын Посейдона и Алопы, дочери побежденного Тесеем элевсинца Керкиона (Demosth. LX. 31; Paus. I. 5. 2; 38. 4; 39. 3; Hygin. Fab. 187). Не менее очевидна еще одна аналогичная «генеалогически-семантическая» связка: Посейдон – Ипполит (через Тесея).

¹⁵ О роли Аттики как «заповедника беглой ахейской знати» см.: Молчанов А. А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 76–78.

¹⁶ В походе ахейских вождей под Трои флот владыки Пилоса был, по свидетельству эпоса, вторым по численности после микенского: под предводительством Нестора находилось 90 боевых судов (Hom. II. II. 591–602). В распоряжении же афинян было лишь 50 кораблей (Ibid. 546–556). Некоторые данные о военном флоте пилосских царей сообщают и таблички линейного письма В: Молчанов А. А., Нерозник В. П., Шарынкин С. Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 56.

было помочь Меланфу, утратившему престол в Пилосе, снова приобрести царский сан – уже в Афинах, устранив находившегося там у власти законного наследника из прежней династии Эрехтеидов – Тесеидов. Но и по мифологической высокородности Нелеиды, весьма кстати для них, оказались равны с последними. Ведь Посейдон (отец и Нелея, и Тесея) считался их общим предком. И это как бы само собой снимало возможные сомнения в «легитимности» перехода власти от Тесеидов к Нелеидам.

Кодр, сын Меланфа, наследовавший своему отцу, сумел отразить наступление дорийцев на Аттику. Он, по преданию, пожертвовал ради спасения страны собственной жизнью (Herod. V. 76; Arist. Pol. V. 8. 5; Strab. IX. 1. 7; XIV. 2. 6; Vell. Pat. I. 2. 1–2; Paus. I. 19. 5; 39. 4; VII. 25. 2; VIII. 52. 1), чем окончательно утвердил за своими потомками право на верховную власть в Афинах (а в дальнейшем и в ионийских городах). Характерно, что и за морем Нелеиды не забыли о старинных связях с богом-покровителем своей прежней родины. Как известно, главным культовым центром союза восточноионийских городов, основанных потомками Кодра, было святилище Посейдона на мысе Микале (Herod. I. 148; Paus. VII. 24. 5).

О том, что память о божественных корнях их родословной бережно сохранялась членами афинской династии Кодридов – Медонтидов, свидетельствует периодическое появление в ее именнике антропонимов, связанных с основой ἵππ(ο)-. Властвовавшие друг за другом в Афинах правнук и праправнук Кодра носили соответственно имена Архипп (согласно традиционной хронологии, он правил как пожизненный архонт на рубеже XI–X вв. до н. э.) и Ферсипп (первая половина X в. до н. э., см.: Castor FGrHist. 250. F4). Отпрыска того же рода, десятилетний архонтат которого относится к 720–710-м гг. до н. э., звали Гиппоменом (Paus. IV. 13. 7; Suid. s.v. Ἱππομένης).

Акцентирование генеалогической связи с древними царями Пилоса и их божественным прародителем у афинских Писистратидов отмечается уже в VII в. до н. э. Архонт-эпоним 669/668 г. до н. э., носивший имя Писистрат (Paus. II. 24. 7), вне всякого сомнения, принадлежит к этой семье. Так же был наречен и будущий знаменитый тиран Афин. Писистрат получил это имя именно в память о своем одноименном предке, сыне Нестора (это обстоятельство специально подчеркивает Геродот: V. 65. 5). Внуку тирана было впоследствии дано то же имя (Thuc. VI. 54. 6–7; IG. I². 761)¹⁷. Следует отметить, что эпические, «гомеровские» имена в целом исключительно редко встречаются в среде афинской аристократии архаической и классической эпох. Таким образом, перед нами – явно не случайное повторение антропонима, а вполне сознательный пропагандистский прием, служивший легитимизации притязаний Писистратидов

¹⁷ Arnush M. F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia*. 1995. Vol. 64. No. 2. P. 135–162.

на верховную власть в полисе. В этом же русле лежит и отмечавшееся выше настойчивое употребление ими «конной» (то есть в данном случае связанной с Посейдоном) андронимии.

Тирану Писистрату, изобретательнейшему политику, возможно, не первому пришло на ум актуализовать генеалогическое предание своей семьи вместе с культом Посейдона. Но он придал этой актуализации воистину государственные масштабы, вплоть до постройки на Акрополе монументального сооружения – Гекатомпедона. Это мероприятие призвано было способствовать еще большему росту его престижа. Аналогичную пользу мог он извлечь и из другого «широкого жеста деятеля общегреческой культуры» – письменной фиксации (заодно с соответствующей афинским интересам тенденцией при редактировании) гениальных поэм Гомера. Ведь в «Илиаде» и «Одиссее» одно из самых видных мест принадлежит предкам Писистрата – Нестору и его сыновьям. И это при том, что они, в сущности, не имеют непосредственного отношения к основным сюжетным линиям поэм и у рапсодов, казалось бы, не было прямой необходимости столь подробно останавливаться на их деяниях.

Именно на время правления Писистрата падает возобновление в Афинах интереса к мифологическому образу Тесея (Plut. Thes. 20)¹⁸. Культ этого героя посвящена огромная литература. Мы же в связи с темой данного доклада хотели бы лишь еще раз напомнить, что Тесей по своему божественному родителю Посейдону оказывается ближайшим родственником Нелеидов и, оказывая ему почести, афинские тираны косвенно действовали и в собственную пользу, тем более что прямых потомков Тесея в архаическую эпоху в Аттике уже не было.

Следует отметить еще и то, что период правления Писистратидов характеризуется большой частотой «нелеидских» сюжетов в памятниках афинского искусства, в частности в вазописи. Специалисты, исследовавшие такого рода сцены, считают даже, что в это время мифы о Несторе и его семье просто-таки носились в воздухе¹⁹.

Примечательно, что отдать дань той же актуализации генеалогического мифа почел за благо и другой претендовавший на власть в Афинах род, имевший тех же отдаленных предков, что и Писистратиды, а именно Алкмеониды. Правда, некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что пилосское происхождение Алкмеонидов фиктивно²⁰. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что оснований для сомнения нет. Местом изначального

¹⁸ *Τιβέριος Μ. Θησεύς καί Παναθήναια* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 135.

¹⁹ *Shapiro H. A. Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids* // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96.

²⁰ *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. Oxf., 1958. P. 106 ff.; *Колобова К. М.* К вопросу о возникновении афинского государства // *ВДИ*. 1968. № 4. С. 43 сл.

проживания Алкмеонидов в Аттике была Паралия, то есть побережье (как и у Писистратидов), в то время как автохтонные роды селились на срединной равнине (πεδίον). Далее, отмечалось, что имена на Алк- в греческой мифологии часто связаны с Посейдоном²¹. Наконец, недавно Дж. Кэмп по совершенно независимым соображениям пришел к выводу, что культовым центром Алкмеонидов было знаменитое святилище Посейдона на мысе Суний²². Если это действительно так, то перед нами еще один знак пилосского наследия в среде афинской знати.

Выше мы уже отмечали весьма показательные имена некоторых Алкмеонидов VI в. до н. э.: Гиппократ, сына Мегакла и Агаристы, брата знаменитого афинского законодателя Клисфена, и его двоюродного брата – тоже Гиппократа (сына Алкмеонида). Особенно логичным заинтересованное соучастие Алкмеонидов в ставшем государственным (а прежде семейно-родовом, общем для всех Нелеидов) культе Посейдона выглядело бы для периода временного политического, и одновременно брачного, альянса Алкмеонидов с Писистратидами.

Актуализировав свое сакрально-генеалогическое предание, афинские тираны с неизбежностью заново приняли на себя вместе с ним и весь «шлейф» соответствующих импликаций, в том числе и негативных, как «потомки отказавших в гостеприимстве». И поэтому как закономерное проявление высшей справедливости мог быть воспринят многими современниками тот факт, что судьба уготовила Писистратидам неожиданное возмездие (а по тогдашним расхожим представлениям – неминуемую расплату «по счетам предков») именно от рук потомка когда-то оскорбленного Нелеидами Геракла. В 510 г. до н. э. спартанский царь Клеомен I, разорвав союз гостеприимства (ксению) с сыновьями Писистрата, двинул войско в Аттику и лишил их власти (Herod. V. 63–65; Arist. Ath. pol. 19).

²¹ *Butterworth E. A. S.* Some Traces of the Pre-Olympian World in Greek Literature and Myth. B., 1966. P. 187–188.

²² *Camp J.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 9.

КСАНТИПП, ОТЕЦ ПЕРИКЛА: ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ*

Афинянин, о котором пойдет речь в данной главе, был, без преувеличения, одной из наиболее заметных фигур в политической жизни своей эпохи – первых десятилетий V в. до н. э. Аристотель в «Афинской политии» (28. 2) ставит Ксантиппа в ряд крупнейших деятелей афинской истории, называя его преемником Клисфена в качестве главы демократической группировки, «простата демоса», и главным противником Мильтиада. Такая характеристика отнюдь не случайна. Ксантипп обладал достаточным политическим весом, чтобы, скажем, добиться вынесения тяжкого приговора самому Мильтиаду, недавнему марафонскому победителю, да к тому же еще и смертельно больному¹. Изгнание Ксантиппа остракизмом также говорит о том, что он «казался слишком влиятельным» (Arist. Ath. pol. 22. 6), о чем свидетельствуют и его участие в чрезвычайно важном посольстве в Спарту после досрочного возвращения из изгнания. Наконец, всем известна его блестящая победа над персами при Микале, за которой последовали успешные военные действия в районе Геллеспонта. Словом, всё говорит нам о том, что мы имеем дело с весьма крупным политическим деятелем и полководцем.

И при всем этом жизнь и деятельность Ксантиппа освещены в современной историографии чрезвычайно скудно. Краткие пассажи о нем можно встретить в работах по аттической просопографии². Несколько статей посвящены отдельным связанным с ним эпизодам, в частности его остракизму³. Единственной

* Впервые опубликовано в: Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. 8. С. 100–109.

¹ О суде над Мильтиадом см.: *Carawan E. M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 192–196.

² *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971; *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972; *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990.

³ *Raubitschek A. E.* The Ostracism of Xanthippos // *American Journal of Archaeology*. 1947. Vol. 51. No. 3. P. 257–262; *Broneer O.* Notes on the Xanthippos Ostrakon // *American Journal of Archaeology*. 1948. Vol. 52. No. 2. P. 341–343; *Schweigert E.* The Xanthippos Ostrakon // *American Journal of Archaeology*. 1949. Vol. 53. No. 3; P. 266–268; *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 1949. Bd. 86. Ht. 12. S. 237–243; *Merkelbach R.*

обобщающей работой о Ксантиппе остается статья в энциклопедии Паули – Виссова⁴. В отечественной историографии работ о Ксантиппе совсем нет.

Такое положение во многом обусловлено крайней скудостью источниковой базы. Целостной античной биографии Ксантиппа в нашем распоряжении нет (похоже, что таковой не было вообще). Всё, что мы имеем, – ряд разрозненных, фрагментарных и зачастую противоречивых сообщений авторов самого разного времени (от Анакреонта до византийских схолиастов). Невнимание античной традиции к Ксантиппу, на наш взгляд, проистекает из того, что ему в определенной мере «не повезло». Эпоха, в которую он жил и действовал, оказалась в Греции необычайно урожайной на политические и военные таланты. Ксантипп был современником Клизфена, Мильтиада, Аристиды, Фемистокла, Кимона, спартанцев Клеомена, Леонида, Павсания... В столь блестящем окружении его личность для последующей традиции оказалась как бы оттесненной на второй план. Не говорим уже о том, что еще более отодвинула Ксантиппа в тень фигура его великого сына.

Однако нам кажется, что задача по возможности максимально полного восстановления биографии Ксантиппа (по крайней мере, попытки такого восстановления) не является невыполнимой. В течение последних десятилетий к данным нарративной традиции прибавился новый материал, в частности эпиграфический (острака)⁵, который позволяет разрешить ряд проблем, встающих при такой попытке. Реконструкция биографии Ксантиппа представляется достаточно важной и актуальной как сама по себе (восполнение пробела в историографии, касающегося весьма значительного деятеля греческой истории), так и для решения вопросов более общего плана, связанных с внутривосточной жизнью раннеклассических Афин, с эволюцией механизмов власти в эпоху становления демократии. Ряд эпизодов биографии Ксантиппа, как мы попытаемся показать, дает интересный материал для такого рода обобщений.

Начнем с «родословной нашего героя». По мужской линии Ксантипп происходил из знатного аттического рода Бузигов (Aristid. XLVI. 130 cum schol. = Eurpolis fr. 96 Kock)⁶. Род этот, вероятнее всего, был элевсинского происхождения

Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1986. Bd. 62. S. 57–62; *Figueira T. J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 3. S. 257–279.

⁴ *Schaefer H.* Xanthippos (6) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Reihe 2. Hlbd. 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343–1346.

⁵ *Суриков И. Е.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник. Омск, 1995. Вып. 3. С. 107–114; *Суриков И. Е.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

⁶ О проблеме происхождения Ксантиппа и Перикла подробнее см.: *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 15–16.

(и связан с культом Деметры Элевсинской), однако одна из его ветвей, а именно та, к которой впоследствии принадлежал Ксантипп, очевидно, уже в весьма раннюю эпоху переселилась в Афины и заняла там достаточно влиятельное положение, даже породнившись (кстати, как и Алкмеониды) с династией пожизненных архонтов Медонтидов (ср. Castor FGrHist. 250. F4). Резиденцией данной семьи рода Бузигов уже тогда, судя по всему, был Холарг (дем, после клисфеновских реформ относившийся к городской триттии филы Акамантиды и находившийся в долине Кефиса, к северо-западу от Афин, по соседству с внешним Керамиком). Именно в Холарге проживал Ксантипп на момент деятельности Клисфена, к этому дему были приписаны и все его потомки (Plut. Pericl. 3). Проживание на аттической равнине (πεδίον), в непосредственной близости от города для знатной и состоятельной семьи не могло не повлечь за собой раннее участие в политической жизни, контакты с другими влиятельными родами.

Один из предков Ксантиппа по имени Арифрон (в настоящее время мы склоняемся к тому, что это был скорее его прадед⁷) являлся, насколько можно судить, достаточно заметной фигурой в Афинах первой половины – середины VI в. до н. э., лицом, близким к тирану Писистрату (ср. Р. Оху. IV. 664, 101–102). В свете дальнейших связей Бузигов с Писистратидами это не кажется удивительным.

Отца Ксантиппа (родившегося около 560–555 гг. до н. э.) тоже звали Арифроном. Этот Арифрон, судя по всему, был еще жив в 480-х гг. до н. э. Именно к нему с наибольшей долей вероятности следует относить надписи на 3 остраконах с Керамика (Αρίφροβν Χσανθίππῳ)⁸, датируемых временем первых остракофорий.

Более сложен вопрос о матери Ксантиппа. Ни ее имени, ни эксплицитных сведений о ней нарративная традиция не содержит. Не столь давно П. Бикнеллом была выдвинута в высшей степени интересная гипотеза⁹, согласно которой мать Ксантиппа происходила из рода Алкмеонидов. Это предположение не является окончательно доказанным, но очень хорошо вписывается в исторический контекст, позволяя непротиворечиво разрешить некоторые дискуссионные проблемы, а в последнее время получает новые косвенные подтверждения.

⁷ Вопрос разбирается нами в статье: Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.

⁸ Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 150. Впрочем, предпринималась попытка отнести эти надписи к сыну Ксантиппа, (старшему?) брату Перикла, которого тоже звали Арифроном: Lewis D. M. Megakles and Eretria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 96. S. 51.

⁹ Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146–163.

В частности, острака показывают, что Ксантипп считался причастным к Килоновой скверне, которая тяготела над Алкмеонидами, и, насколько можно судить, только над ними. Но на острака мы подробнее остановимся ниже.

Реконструкция событий, вытекающая из гипотезы Бикнелла, имеет примерно следующий вид. Связи между Бузигами, Алкмеонидами и близкими к последним в тот период Писистратидами существовали еще в первой половине VI в. до н. э. (все эти роды относились к окружению Солона). После изгнания Писистратом Алкмеонидов в 546 г. Бузиги, судя по всему, остались в Афинах. После же смерти Писистрата (527 г. до н. э.) произошло примирение сыновей тирана с Алкмеонидами и возвращение последних (и ряда других аристократических родов) в Аттику. В этот период Алкмеониды восстанавливают свои старые связи посредством ряда политических браков. С одной стороны, Гиппократ, брат главы Алкмеонидов Клисфена, женится на дочери Гиппия (от этого брака родилась Агариста, будущая жена Ксантиппа и мать Перикла). С другой стороны, тогда же сестра Гиппократа и Клисфена (имя ее неизвестно) была выдана замуж за Арифрона; от этого брака и появился на свет Ксантипп¹⁰.

Этот экскурс в череду событий, предшествовавших его рождению, был сделан не случайно: в рассматриваемую эпоху политические коалиции еще в очень большой степени зиждились на родственных и матримониальных связях, и последующая судьба Ксантиппа, как мы увидим, это подтверждает.

Время рождения Ксантиппа может быть установлено с достаточной точностью. Ранее предлагались датировки как периодом около 520 г. до н. э.¹¹, так и более протяженным хронологическим отрезком в 10–15 лет до 520 г.¹² Для определения по возможности точной даты необходимо принять во внимание, что около 496 г. (см. ниже) Ксантипп женился на Агаристе. Обычным брачным возрастом для мужчин в Греции был тридцатилетний¹³. Сопоставляя этот факт с вышеуказанной информацией о возвращении Алкмеонидов в Афины, мы с достаточной долей уверенности можем обозначить время рождения Ксантиппа как 526 г. \pm 1 год, не больше. У Ксантиппа была сестра, приблизительно его ровесница. Имя ее опять же неизвестно, но ее нам придется иметь в виду для последующего изложения.

В детстве Ксантипп, очевидно, был близок к Писистратидам. Об этом говорит сообщение Гимерия (Or. XXXIX. 2), согласно которому Анакреонт в одном из стихотворений упоминает Ксантиппа. Анакреонт в бытность свою в Афинах занимал положение придворного поэта Писистратидов (Plat. Hipparch. 218bc).

¹⁰ Литературу об указанных событиях см.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды... С. 17.

¹¹ Schaefer H. Op. cit.; Engell R. Xanthippos // Der Kleine Pauly. Ht. 26. 1975. Sp. 1400–1401.

¹² Davies J. K. Op. cit. P. 459 ff.

¹³ Just R. Women in Athenian Law and Life. L.; N. Y., 1989. P. 151.

В этом свете представляется не случайным тот факт, что статуи Ксантиппа и Анакреонта на афинском Акрополе стояли рядом, буквально бок о бок (Paus. I. 25. 1)¹⁴. Г. Хафнер считал, что Анакреонт был другом Ксантиппа. Но мы относимся к этой гипотезе с изрядной долей скептицизма, как и Б. Риджуэй. Слишком уж велика возрастная разница между Ксантиппом и Анакреонтом, родившимся около 570 г. до н. э. Дело, думается нам, не в личной дружбе, а в традиционных семейных, родовых связях, с одной стороны, и не менее традиционном «патронаже» деятелей культуры со стороны аристократов – с другой. Другом Ксантиппа, как будет видно ниже, с большим основанием можно считать другого знаменитого поэта.

В 514 г. до н. э. Алкмеониды были в очередной раз изгнаны из Афин, на этот раз, вероятно, в связи с неудавшимся заговором Гармодия и Аристогонита, к которому они, как небезосновательно полагает П. Бикнелл¹⁵, были причастны. В это изгнание Бузиги (в том числе и Ксантипп, в то время подросток), насколько можно судить, последовали за Алкмеонидами. Их связи продолжали укрепляться. Гиппократ (брат Клисфена и дядя по матери Ксантиппа), брак которого с дочерью Гиппия был расторгнут в связи с изгнанием, около 511 г. женился вторично; его новой супругой стала его же собственная племянница, упоминавшаяся нами выше дочь Арифрона и сестра Ксантиппа (браки между дядей и племянницей были в Афинах достаточно обычным делом). Итак, родственные отношения Алкмеонидов и Бузигов уже весьма тесно переплелись¹⁶, и Ксантипп оказался в центре этого переплетения.

Сын, родившийся от вышеупомянутого брака, также получил имя Ксантиппа (Ксантипп, сын Гиппократа). Этого Ксантиппа, одновременно двоюродного брата и племянника нашего главного героя, мы впредь будем для удобства называть Ксантиппом Младшим.

Близость Ксантиппа к Алкмеонидам должна была оказаться для него весьма полезной после их возвращения в Аттику (510 г.) и фактического прихода во главе с Клисфеном к власти в Афинах (507 г.). Таким образом, молодой политик получал возможность начать свою карьеру в рядах наиболее влиятельной группировки.

Первое известное нам из источников событие, связанное с Ксантиппом, относится, в принципе, к его частной жизни, но имеет, тем не менее, и большое политическое значение. Это – его брак на своей двоюродной сестре Агаристе,

¹⁴ О связях Анакреонта и Ксантиппа см.: *Hafner G. Anakreon und Xanthippos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1956. Bd. 71. S. 1–28; Ridgway B. S. An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // American Journal of Archaeology. 1998. Vol. 102. No. 4. P. 717–738.*

¹⁵ *Bicknell P. J. Studies... P. 34.*

¹⁶ Стемму см.: *Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды... С. 18.*

дочери Гиппократы, представительнице Алкмеонидов (Herod. VI. 131). Таким образом, Ксантипп, очевидно, принципиально продолжил линию своей семьи на все более тесное сближение с Алкмеонидами; в результате всего этого он должен был восприниматься всецело в «алкмеонидовском» контексте. Брак Ксантиппа и Агаристы имел место, по наиболее вероятной датировке Дж. Дейвиса¹⁷, около 496 г. до н. э.; от него родились двое сыновей – Арифрон и Перикл (последний появился на свет около 494 г. до н. э.), а также дочь (Plut. Pericl. 36. 7), которая, вероятно, была несколько моложе (имя ее неизвестно).

В период брака с Агаристой Ксантипп уже был (или становился) видной фигурой в афинской политической жизни. Слова Аристотеля (Ath. pol. 28. 2) о том, что Ксантипп сменил Клисфена в роли лидера демократической группировки (τοῦ δήμου πρῶτος), следует, на наш взгляд, трактовать в том смысле, что он был после Клисфена главой группировки, концентрировавшейся вокруг Алкмеонидов¹⁸. Последнее действительно представляется весьма вероятным. Зачастую считается, что главой Алкмеонидов после Клисфена стал Мегакл, сын Гиппократы, двоюродный брат Ксантиппа¹⁹. Это вряд ли соответствует действительности. Мегакл, любитель колесничных бегов, пифийский победитель 486 г. до н. э. и друг-гостеприимец поэта Пиндара, совершенно неизвестен как политик; к тому же он был, судя по всему, несколько моложе Ксантиппа. Логичнее предположить, что Алкмеонидов в начале V в. до н. э. возглавил именно Ксантипп, связанный с ними теснейшими узами.

Попытка более точной датировки рассматриваемых событий напрямую связана со сложнейшим вопросом о времени окончания политической деятельности Клисфена (в силу ли его смерти или каких-либо иных причин)²⁰. Однозначно ответить на этот вопрос пока не представляется возможным, однако *terminus ante quem*, кажется, все же можно выявить.

Около 496 г. до н. э. (не позже) произошло примирение Алкмеонидов с оставшимися в Афинах сторонниками Писистратидов; лидер последних Гиппарх, сын Харма, благодаря этому стал архонтом-эпонимом на 496/495 г.

¹⁷ Davies J. Op. cit. P. 459 ff. Тот же исследователь датирует рождение Агаристы 510-ми гг. до н. э.

¹⁸ Аргументацию см.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды... С. 18–19.

¹⁹ Например: Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Persenkriege // Die Antike. 1936. Bd. 12. S. 1–28.

²⁰ О проблеме судьбы Клисфена после его реформ см.: Raubitschek A. E. The Origin of Ostracism // American Journal of Archaeology. 1951. Vol. 55. No. 3. P. 221–229; Robinson C. A. Cleisthenes and Ostracism // American Journal of Archaeology. 1952. Vol. 56. P. 23–26; Crome R. D. Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. Bd. 28. Ht. 2. S. 129–147; Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17–35.

В высшей степени маловероятно, чтобы на такой шаг пошел Клисфен, в свое время приложивший немало усилий для изгнания Писистратидов из Афин. Во главе Алкмеонидов в это время должен был стоять политик с более позитивным отношением к «друзьям тиранов». А именно таковым был Ксантипп, еще в детстве, как мы видели, близкий к Писистратидам. Таким образом, к 496 г. Ксантипп, скорее всего, уже стал главой «алкмеонидовской» группировки.

Т. Фигейра высказывает предположение²¹, что Ксантипп участвовал в событиях на Эгине в 492 г. до н. э. (об этих событиях см.: Herod. VI. 88–91), когда афиняне пытались покончить с персофильской группировкой на этом острове. На наш взгляд, достаточных оснований для такого предположения нет, хотя, конечно, нельзя отрицать возможность участия Ксантиппа в указанной операции.

Прибывший в 493 г. в Афины с Херсонеса Фракийского Мильтиад был привлечен «врагами» (οἱ ἐχθροί) к суду как бывший тиран (Herod. VI. 104). Высказывалось резонное предположение, что под «врагами» Мильтиада следует понимать Алкмеонидов²². В таком случае, вероятно, инициатором процесса был их лидер Ксантипп. Вспомним, что именно он был обвинителем Мильтиада во втором процессе против него.

Однако этот первый процесс оказался для Алкмеонидов неудачным, и вскоре Мильтиад стал стратегом и марафонским победителем. В Марафонском сражении, на которое афиняне мобилизовали буквально все свои силы (Paus. I. 32. 3; VII. 15. 7), должен был, безусловно, участвовать и Ксантипп. Характерно, что, в отличие от некоторых других Алкмеонидов (Herod. VI. 115), он не навлек на себя подозрений и авторитет его еще в 489 г. был очень высок. Об этом можно судить по тому, что второй судебный процесс против Мильтиада был им в целом выигран.

Этот второй процесс, в отличие от первого, проходил не в дикастерии, а непосредственно в народном собрании (δῆμος, Herod. VI. 136). Случай такого рода сам по себе достаточно беспрецедентен. Нам известен в V в. до н. э. только еще один подобный случай – процесс стратегов-победителей при Аргинусах (Xen. Hell. I. 7)²³. Очевидно, Ксантипп чувствовал себя достаточно уверенно перед лицом демоса; это была та среда, на которую он опирался, к которой он мог напрямую апеллировать. Напомним в данной связи, что Аристотель (Ath. pol. 28. 2) называет Ксантиппа именно простатом демоса.

²¹ Figueira T. J. Op. cit.

²² Bengtson H. Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939. S. 51 ff.

²³ Об этом процессе см.: Andrewes A. The Arginousai Trial // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 112–122; Németh G. Der Arginusen-Prozess // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. S. 5–57; Lavelle B. M. Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // Classica et mediaevalia. 1988. Vol. 39. P. 19–41.

Еще в конце 490-х гг. у Алкмеонидов появился новый мощный соперник в борьбе за влияние на демос – отколовшийся от их группировки Фемистокл. В ходе политической борьбы в период между Марафоном и походом Ксеркса Фемистоклу удалось одержать убедительную победу над всеми своими конкурентами²⁴, причем наиболее мощным его оружием стала процедура ostracism, в 480-х гг. направленная своим острием против Алкмеонидов. Жертвой четвертой ostracism (484 г. до н. э.²⁵) стал Ксантипп. Характерно, что вначале противники Алкмеонидов обратились против менее значительных членов этого рода. Очевидно, Ксантипп был слишком влиятелен в среде демоса и недостаточно скомпрометирован, чтобы можно было начать прямо с него. Начался, насколько можно судить, сбор «компромата», пропагандистская борьба против Алкмеонидов как рода. Их обвиняли в персидской измене, в близости к бывшим тиранам, в разного рода грехах частного характера²⁶, наконец, что было, пожалуй, наиболее весомым, в старинном родовом проклятии – Килоновой скверне. Это последнее обвинение ранее только предполагалось, но теперь надежно зафиксировано вновь опубликованными ostraka. После нескольких лет такого рода «психологической подготовки» Ксантиппа, наконец, удалось изгнать из Афин.

Материалы ostracism 484 г. пока не обнаружены²⁷. Найдены несколько десятков ostraka с именем Ксантиппа, относящихся к другим, более ранним ostracism²⁸. Среди этих памятников имеется, должно быть, самый интересный из находящихся в распоряжении науки ostraka. На нем написана целая эпиграмма (элегический дистих):

Χοάνθ[ιππον τόδε] φῆσιν ἀλειτῆρῶν πρυτάνειδῶν
τόστρακ[ον Ἀρρί]φρωνος παῖδα μά[λ]ιστ' ἀδικῆν.

²⁴ Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 34; Суриков И. Е. К интерпретации ostraka с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 6. С. 31.

²⁵ Датировку ostracism Ксантиппа см.: Schaefer H. Op. cit.; Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 86; Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 38.

²⁶ Об отражении пропагандистских обвинений на ostraka см.: Siewert P. Accuse contro i «candidate» all' ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell' Istituto di storia antica (Milano). 1991. Vol. 17. P. 3–14.

²⁷ Впрочем, как нам любезно сообщил С. Г. Карпюк, в самые последние годы археологи из Американской школы классических исследований в Афинах нашли на Агоре новые ostraka с именем Ксантиппа (еще не опубликованные), которые они склонны относить именно к его ostracism.

²⁸ По данным на 1990 г. – 26 ostrakon (Lang M. Ostraka. Princeton, 1990. P. 133).

Более всех преступен из оскверненных пританов –
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп²⁹.

Об указанном остраконе существует уже достаточно обширная литература (см. прим. 3), в основном дискутирующая вопрос о том, кто в надписи на нем назван «оскверненными пританами». Термин ἀλειτηρός (в более позднем написании ἀλιτήριος) античная традиция (Thuc. I. 126. 11; Eupolis fr. 96 Kock; ср. Andoc. I. 130–131; Lycurg. Leocr. 117) обычно употребляла в связи с Килоновой скверной Алкмеонидов. Недавно опубликованные острака против Мегакла, сына Гиппократы, также называющие его ἀλειτηρός и даже прямо Κυλώνειος³⁰, свидетельствуют о том же. Упоминание пританов, скорее всего, можно связать с указанием Геродота (V. 71), согласно которому к убийству участников мятежа Килона были причастны «пританы навкратов»³¹. Таким образом, перед нами новое свидетельство того, что Ксантипп в общественном мнении был неразрывно связан с Алкмеонидами.

В 480 г. до н. э. в связи с вторжением армады Ксеркса в Грецию Ксантипп вместе с другими изгнанными остракизмом был досрочно возвращен из изгнания (Arist. Ath. pol. 22. 8; Plut. Them. 11). К моменту эвакуации афинян из города он уже находился в Афинах. Отплыв с афинским флотом на Саламин (Plut. Them. 10; Sato M. 5, с анекдотом о собаке Ксантиппа), он, вне сомнения, принимал участие в Саламинском сражении.

Вскоре после Саламина в политической жизни Афин произошли серьезные перемены. Фемистокл, насколько можно судить, утратил значительную часть своего влияния; на первое место в полисе выдвинулся Аристид, находившийся в союзе с Алкмеонидами (ср. Plut. Aristid. 2). Архонтом-эпонимом на 479/478 г. был избран Алкмеонид Ксантипп Младший (Diod. XI. 27; ср. Plut. Aristid. 5, где он ошибочно назван Ксантиппидом, вероятно, чтобы не спутать его с Ксантиппом Старшим). На судьбе последней перемены в пользу Алкмеонидов также не замедлили сказаться. На тот же 479/478 г. он был избран стратегом (Diod.

²⁹ Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. 2 ed. Oxf., 1989. No. 21.

³⁰ Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24; Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–145.

³¹ Относительно сущности самой этой раннеафинской магистратуры нет полной ясности: Wüst F. R. Zu den πρυτάνεις τῶν ναυκράρων und zu den alten attischen Trittyen // Historia. 1957. Bd. 6. Ht. 2. S. 176–191; Jordan B. Herodotos 5. 71. 2 and the Naukraroi of Athens // California Studies in Classical Antiquity. 1970. Vol. 3. P. 153–175; Lambert S. D. Herodotus, the Cylonian Conspiracy and the πρυτάνεις τῶν ναυκράρων // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 1. S. 105–112; Строецкий В. М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69–83.

loc. cit.), и ему было поручено командование афинским флотом, направленным к побережью Малой Азии (Herod. VIII. 131).

В том же 479 г. Ксантипп по инициативе Аристида вошел в состав важного посольства в Спарту (Plut. Aristid. 10, со ссылкой на постановление народного собрания, очевидно, из сборника Кратера). В этой миссии, помимо него, участвовали Филаид Кимон и Миронид, возможно, выходец из Кериков (ср. Diod. XI. 81. 4, где упоминается патронимик Миронида). Состав посольства, таким образом, отразил существование сформировавшейся около 480 г. коалиции трех крупнейших аристократических родов – Алкмеонидов, Филаидов и Кериков³². Одной из ведущих фигур этой пришедшей к власти коалиции был Ксантипп.

В связи с рассматриваемым посольством возникает хронологическое затруднение. Плутарх помещает его непосредственно перед Платейской битвой. Так же датирует его и Геродот (IX. 6–11), не называющий имен послов. Однако Ксантипп, согласно тому же Геродоту (VIII. 131), еще весной отбыл из Афин с флотом и, следовательно, не мог участвовать в посольстве. Думается, здесь один из тех редких случаев, когда Плутарху следует отдать предпочтение перед «отцом истории». Ксантипп не мог отправиться из Афин весной, поскольку он не вступил еще к этому времени в должность стратега. На деле он, судя по всему, отбыл к флоту и принял командование им сразу после посольства, в то же время, когда сухопутные силы афинян во главе с Аристидом двинулись на соединение с пелопоннесским войском в Элевсин. Кстати, отсюда может проистекать великолепная согласованность военных действий греков, когда сражения при Платеях и Микале состоялись в один день. Очевидно, Ксантипп прибыл к союзному флоту, имея на руках план скоординированного ведения кампании, выработанный в результате посольства.

Мы не будем подробно останавливаться на полководческой деятельности Ксантиппа при Микале и в Геллеспонте. Этот эпизод его биографии наиболее детально освещен в источниках (Herod. IX. 90–106; 114–121; Diod. XI. 34–37; Plut. Pericl. 3; Paus. III. 7. 9; Aristodem. FGrHist. 104. F1. 3. 3; Marm. Par. A52) и практически не ставит проблем, требующих дополнительного выяснения. Отметим лишь несколько немаловажных моментов.

Первое. В ходе своего пребывания во флоте Ксантипп заключил союз гостеприимства (ксению) с главнокомандующим – спартанским царем Леотихидом. Это именно та ксения, которая еще в начале Пелопоннесской войны

³² Об этой коалиции см.: *Davies J. K.* Op. cit. P. 305; *Bicknell P. J.* Studies... P. 89–95; *Littman R. J.* Op. cit. P. 190; *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // *Античный мир и его судьбы в последующие века.* М., 1996. С. 46.

существовала между сыном Ксантиппа Периклом и внуком Леотихида – царем Архидамом (Thuc. II. 13. 1; Plut. Pericl. 33)³³.

Второе. В битве при Микале Ксантипп, похоже, блестяще воспользовался религиозными рычагами для поднятия боевого духа своего войска. Был своевременно пущен «дошедший божественным образом» слух о победе греков при Платеях; на берегу появился жезл глашатая (Herod. IX. 100). По берегу шли именно предводительствуемые Ксантиппом афиняне (Herod. IX. 102); не случайно именно они особенно отличились в сражении (Herod. IX. 105). Ксантипп подобрал и удачное (в моральном плане) место для битвы – близ священного участка Деметры Элевсинской (Herod. IX. 101); характерно, что и Платейское сражение состоялось у храма той же богини. Геродот видит в этом случайное совпадение, но резоннее, кажется нам, рассматривать данный факт опять же как результат прекрасно согласованной заранее стратегии. Напомним, кстати, что род Ксантиппа происходил из Элевсина и был близок к культу Деметры.

Третье. Именно Ксантипп после битвы при Микале выступил вопреки Леотихиду инициатором двух важных, связанных между собой акций: принятия в Эллинский союз ионийских полисов с целью удержать за Афинами почетное положение их «метрополии» (Herod. IX. 106; Diod. XI. 37) и продолжения военных действий в районе Геллеспонта, особенно Херсонеса Фракийского, где афиняне имели форпост уже с VI в. (Herod. VI. 114; Thuc. I. 89; Diod. XI. 37)³⁴. Эти инициативы сыграли впоследствии колоссальное значение, практически предопределив всю историю Греции более чем на полвека вперед (хотя в тот момент, разумеется, никто этого предугадать не мог). В сущности, именно Ксантипп может с полным основанием считаться предтечей основателей Первого Афинского морского союза Аристиды и Кимона, сделавшим первые и решительные шаги в этом направлении.

Четвертое. В этот период Ксантипп имел репутацию государственного деятеля и полководца уже не только афинского, но панэллинского масштаба, одного из главных героев Греко-персидских войн. Родосский поэт Тимокреонт, современник событий, в одном из своих стихотворений (fr. 1, ap. Plut. Them. 21) перечисляет ведущих деятелей греческой истории своего времени в следующей последовательности: Павсаний, Ксантипп, Леотихид, Аристид, Фемистокл. Данный конкретный порядок перечисления может и не иметь принципиального значения. Тем не менее важно уже то обстоятельство, что Ксантипп снискал себе почетное место в «пятерке» наиболее влиятельных греков.

³³ Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды... С. 30.

³⁴ Ср.: Строецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 78 сл. О давних интересах Афин в Геллеспонте см.: Heskell J. The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997. P. 15–16.

Прибытие Ксантиппа с афинским флотом в Афины состоялось, по всей видимости, весной 478 г. до н. э. (Thuc. I. 89. 2); у Геродота (IX. 117 sqq.) взятие им Сеста в Геллеспонте и возвращение флота датируется временем не раньше поздней осени 479 г. Диодор (XI. 37. 5), видимо, ошибочно, дает более раннюю датировку.

После возвращения Ксантиппа в Афины сведения о нем из источников исчезают. Нигде не упоминается время его смерти, которую обычно датируют серединой 470-х гг.³⁵ Попытаемся установить более точную дату.

В 472 г. до н. э. Перикл, сын Ксантиппа, был хорегом при постановке тетралогии Эсхила, в состав которой входила знаменитая трагедия «Персы» (IG. II². 2318. 9–11). Это вообще первое упоминание в источниках о каком-либо мероприятии, связанном с именем Перикла. Последний был в это время юношей 22 лет, и вряд ли столь ответственная литургия, как хорегия на Великих Дионисиях, была возложена на него лично. Скорее первоначально литургом был Ксантипп. Но тот факт, что в качестве хорега выступил уже его сын, показывает, что к весне 472 г. Ксантиппа не было в живых. Таким образом, дата смерти Ксантиппа устанавливается с довольно большой точностью – конец 473 или начало 472 г. до н. э.

В этот период он был еще отнюдь не стар (53–54 года) и вряд ли умер естественной смертью. Логичнее предположить гибель на войне³⁶, а именно на проходившей как раз на этом хронологическом отрезке войне с Каристом на Эвбее (Thuc. I. 98. 3). Косвенно в пользу такого предположения говорит тот факт, что именно в этой войне погиб афинянин Гермолик, снискавший славу лучшего воина в битве при Микале (Herod. IX. 105) и, скорее всего, близкий к Ксантиппу.

Итак, насколько можно судить, последний достоверно известный факт из жизни Ксантиппа – его хорегия с Эсхилом в качестве драматурга. Связи хорега и драматурга не были, как правило, простым совпадением. Они знаменовали личную и политическую близость (как, например, у Фриниха и Фемистокла). Отметим в связи с вышесказанным три обстоятельства. Во-первых, Эсхил, как известно, был родом из Элевсина, откуда происходил род Ксантиппа – Бузиги³⁷. Во-вторых, Эсхил и Ксантипп были практически ровесниками и, вполне возможно, друзьями. В-третьих, впоследствии Эсхил не раз в своих драмах выступал в защиту Перикла и его начинаний³⁸.

³⁵ Davies J. K. Op. cit. P. 459 ff.

³⁶ Ср.: Ridgway B. S. Op. cit. P. 720.

³⁷ Ср.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды... С. 23 (где мы, опираясь на ономастический материал, высказываем гипотезу о давних, унаследованных от предков связях Эсхила и Ксантиппа).

³⁸ Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 37–40 (с литературой по проблеме).

Предпринятая нами попытка реконструкции политической биографии Ксантиппа позволяет перейти к некоторым обобщениям. Время, в которое он жил, было переломной эпохой в истории Афин; это – первые десятилетия после клисфеновских реформ.

Реформы не подорвали раз и навсегда значение древних аристократических родов, но оказали существеннейшее влияние на эволюцию механизмов власти, используемых аристократами³⁹. Под углом этой эволюции и можно рассмотреть деятельность Ксантиппа.

Нетрудно заметить, что те методы, которыми он пользовался для достижения и удержания влияния, распадаются на две категории. Первая принадлежит уже уходящей эпохе. Это – опора на род, на старинные фамильные и локальные связи; политические браки, ведущие к установлению межродовых альянсов; внеафинские контакты, осуществляемые путем союзов гостеприимства – ксений.

Вторая категория – это уже новые механизмы влияния, свойственные демократической эпохе. Это – прямая апелляция к демосу (в народном собрании, суде); занятие магистратур; исполнение литургий. В деятельности Ксантиппа эти две категории механизмов влияния в значительной степени уравновешены и даже перемешаны. Это делает его в известной мере переходной фигурой. Как в этом отношении, так и в ряде других (ориентация на развитие морской мощи Афин, использование религиозного фактора в политике) он является непосредственным предшественником Перикла, в деятельности которого принципы, потенциально характеризовавшие деятельность Ксантиппа, сложились в выверенную систему и достигли апогея.

³⁹ Connor W. R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton, 1971. P. 18–22; Frost F. J. *Tribal Politics and the Civic State* // *American Journal of Ancient History*. 1976. Vol. 1. No. 2. P. 66–75; Ober J. *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989. P. 84–86.

ОСТРАКОН МЕГАКЛА, АЛКМЕОНИДЫ И ЭРЕТРИЯ (ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ АФИНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ)*

Для изучения политической борьбы в Афинах раннеклассической эпохи весьма перспективной методикой представляется комплексное исследование данных нарративной традиции и вещественных источников, попытка найти точки взаимного соприкосновения между ними¹. Для указанного хронологического отрезка такой поход, сам по себе имеющий немало достоинств, является в настоящее время особенно актуальным ввиду массовых находок в последние десятилетия таких замечательных археологических и эпиграфических памятников, как острака (черепки-«бюллетени» для остракизма), зачастую несущих ценнейшую информацию, которую необходимо только должным образом интерпретировать. В данной главе мы попытаемся продемонстрировать возможности очерченной выше методики на одном конкретном примере, связанном с историей знатного аттического рода Алкмеонидов и с тем, как она преломилась в судьбе представителя этого рода Мегакла, сына Гиппократы, из дема Алопеки.

Блестящий аристократ, Мегакл был достаточно видной фигурой в Афинах первых десятилетий V в. до н. э. Он являлся родным племянником (и одновременно зятем) знаменитого реформатора Клисфена и, в свою очередь, родным дядей (и одновременно тестем) еще более знаменитого Перикла, а также дедом (по материнской линии) еще одного выдающегося политического деятеля — Алкивиада². Таким образом, интересующее нас лицо располагалось едва ли не в самом центре сложных генеалогических переплетений афинской аристократии и может в определенной степени рассматриваться как образцовое воплощение евпатрида, *καλὸς καὶ αὔθους*. Впрочем, крупным политиком Мегакл

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2003. № 2. С. 16–25.

¹ Примером удачного применения такой методики является, в частности, статья В. Д. Блаватского «Афинские тиранофилы конца VI – начала V в. до н. э.», впервые опубликованная в 1966 г. в малоизвестном иностранном издании, а впоследствии переизданная на русском языке в кн.: Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 195–200.

² См. генеалогические таблицы в кн.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 249–251.

не был, и если он занимал какое-то время (после Клисфена) положение главы Алкмеонидов и концентрировавшейся вокруг них политической группировки, то чисто номинально. Ему больше по нраву были разного рода аристократические утехы, прежде всего колесничные бега. Известно, в частности, что он был победителем панэллинских Пифийских игр в состязаниях колесниц-четверок; на эту победу, одержанную Мегаклом в 486 г. до н.э., откликнулся одой великий фиванский поэт Пиндар (Pyth. VII)³.

Тем не менее в 480-х гг. до н. э., которые стали временем крупного политического поражения Алкмеонидов (этому роду инкриминировались симпатии к изгнанным из Афин тиранам и дружественная позиция по отношению к Персии), жертвой обстоятельств оказался и Мегакл. В 486 г. до н. э. он подвергся остракизму (Andoc. IV. 34; Lys. XIV. 39; Arist. Ath. pol. 22. 5; Harpocr. s. v. Ἀλκίβιάδης) и был изгнан из Афин на десять лет, но в 480 г., т. е. еще до истечения положенного срока изгнания, ввиду опасности, нависшей над Элладой в связи с началом похода Ксеркса, возвращен на родину вместе с остальными жертвами первых остракофорий (Arist. Ath. pol. 22. 8)⁴. О дальнейшей судьбе Мегакла ничего определенного не известно. В античной традиции существует свидетельство (впрочем, не слишком достоверное) о том, что он

³ Об этой победе см.: *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P. 68.

⁴ По поводу датировки остракизма Мегакла и других остракофорий 480-х гг. до н. э. см.: *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // *Hesperia*. 1938. Vol. 7. No. 2. P. 242; *Burn A. R.* Pericles and Athens. L., 1948. P. 13; *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. Vol. 48. No. 4. P. 119; *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle. P., 1957. P. 103; *Willemsen F.* Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1965. Bd. 80. S. 105; *Guarducci M.* Epigrafia greca. Roma, 1969. Vol. 2. P. 529; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 86; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 186; *Knox R. A.* “So Mischievous a Beast”? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // *Greece and Rome*. 1985. Vol. 32. No. 2. P. 142; *Piccirilli L.* Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. P. 12; *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 165 ff.; *Lang M.* Ostraka Princeton, 1990 (The Athenian Agora. Vol. 25). P. 35; *Mattingly H. B.* The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon*. 1991. Vol. 25. P. 1; *Lavelle B. M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 38; *Doenges N. A.* The Campaign and Battle of Marathon // *Historia*. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 15; *Camp J. M.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // *Hesperia*. 1999. Vol. 68. No. 3. P. 268; *Anderson G.* Alkmeonid “Homelands”, Political Exile, and the Unification of Attica // *Historia*. 2000. Bd. 49. Ht. 4. P. 387. В целом о политической борьбе этих лет и об историческом контексте первых остракофорий см.: *Суриков И. Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

изгонялся остракизмом еще раз. Оратор Лисий (XIV. 39) в крайне пристрастном и субъективном контексте, в речи, направленной против Алкивиада Младшего (сына знаменитого Алкивиада) и произнесенной в начале IV в. до н. э., обрушиваясь с нападка на предков обвиняемого, говорит, помимо прочего, о том, что двух его прадедов – Алкивиада и интересующего нас здесь Мегакла – афиняне дважды обоих (δὶς ἄμφωτέροισι) подвергли остракизму. Некоторые исследователи склонны доверять этой информации и полагают, что Мегакл действительно вскоре после своего возвращения в Афины, в 470-х гг. до н. э., был вновь изгнан остракизмом⁵. Мы не принадлежим к числу сторонников данной точки зрения, считая гипотетический второй остракизм Мегакла в высшей степени сомнительным⁶, и убеждены, что единичный в античной нарративной традиции пассаж Лисия достаточно легко объясняется либо риторическим плеоназмом, либо ошибкой переписчика, либо, наконец, явной тенденциозностью – и не в пользу Алкмеонидов – оратора в данной речи, что могло повести к искажению фактов.

Впрочем, перипетии судьбы Мегакла, сына Гиппократы, интересуют нас не сами по себе, а в связи со следующим обстоятельством. Конец 1960-х гг. ознаменовался сенсационной археологической находкой на афинском Керамике. В высохшем русле речки Эридан⁷ специалистами из Афинского отделения Германского археологического института было обнаружено колоссальное количество острака (более 8,5 тысяч). Этот комплекс, к сожалению, пока не опубликован⁸, но с ним уже работали некоторые исследователи, так что можно

⁵ Lewis D. M. The Kerameikos Ostraka // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1974. Bd. 14. Ht. 1. S. 1 ff.; Bicknell P. J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique*. 1975. Vol. 44. No. 1. P. 172–175; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981. P. 274; Phillips D. J. *Athenian Ostracism* // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 28; Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1992. Bd. 107. S. 162 ff.

⁶ Нам уже приходилось писать об этом (Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146; Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79). Критику теории о двух остракизмах Мегакла см. также в работе: Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. 1997. Vol. 8. Fasc. 2. P. 253–271.

⁷ О местонахождении Эридана (притока Кефиса) см.: Гурова Н. К. Проблемы организации археологического парка в центре Афин // *Археологические вести*. 1999. № 6. С. 440.

⁸ Существует лишь перечень острака с Керамика, распределенных по именам различных афинских граждан: Willemssen F., Brenne S. *Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka* // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1991. Bd. 106. S. 147–156. Совсем недавно появился каталог лиц, упоминаемых на острака: Brenne S.

делать определенные выводы о его составе и датировке. Не считая относительно незначительных вкраплений от более поздних остракофорий, в массе своей он относится к первым десятилетиям V в. до н. э. и может быть практически с безоговорочной уверенностью трактован как продукт «сброса отработанного материала» после какого-то одного конкретного остракизма. Наиболее примечательным было то обстоятельство, что примерно на половине из общего числа найденных черепков стояло имя одного лица, и этим лицом был как раз Мегакл, сын Гиппократы, из Алопеки. Таким образом, он сразу стал абсолютным «рекордсменом» среди афинских политиков по числу известных упоминаний на острака, и более того – «лидирует» с большим отрывом: на сегодняшний день известно около 4,5 тысяч острака с его именем⁹. Иными словами, существуют в высшей степени весомые основания утверждать, что найдены материалы именно той остракофории, жертвой которой стал Мегакл, то есть остракофории 486 г. до н. э.¹⁰ Соответственно, те авторы, которые признают историчность второго остракизма Мегакла, относят острака с Керамика именно к нему, т. е. не к 480-м, а к 470-м гг. до н. э.¹¹ Сразу следует сказать, что по чисто палеографическим или археологическим критериям сделать выбор между этими двумя датами чрезвычайно сложно, чтобы не сказать практически невозможно: слишком уж близко указанные хронологические отрезки примыкают друг к другу. Палеография за столь краткое время измениться никак не могла, а целостный археологический контекст, который мог бы очень помочь при датировании, у находки отсутствует, поскольку, как упоминалось выше, это сброс, причем сброс, возможно, гораздо более (на несколько десятилетий) позднего времени. Вопрос, естественно, только осложняется отсутствием полной публикации острака с Керамика; до сих пор «удостоились» издания лишь отдельные, наиболее яркие экземпляры из этого комплекса.

Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 87–314.

⁹ На втором месте идет Фемистокл (около 2200 острака), на третьем – Каллий, сын Кратия (чуть больше 700).

¹⁰ Именно так датируется комплекс острака с Керамика многими исследователями: *Guarducci M.* Op. cit. Vol. 2. P. 527; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // *The University of Leeds Review*. 1971. Vol. 14. No. 2. P. 288; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 26; *Frost F. J.* Themistocles and Mnesiphilus // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20–25; *Thomsen R.* Op. cit. P. 93; *Williams G. M. E.* The Kerameikos Ostraka // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1978. Bd. 31. S. 103–113; *Hall L. G. H.* Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche*. 1989. Bd. 4. S. 100; *Lang M.* Op. cit. P. 5; *Culasso Gastaldi E.* Op. cit.

¹¹ См. работы, указанные в прим. 5, а также: *Bicknell P. J.* Themistokles' Father and Mother // *Historia*. 1982. Bd. 31. Ht. 2. S. 171; *Parker V.* Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der «Leagros-Gruppe» // *Archäologischer Anzeiger*. 1994. Ht. 3. S. 372.

На одном из этих наиболее интересных острака нам и предстоит остановиться подробнее. Он был опубликован в 1991 г. Ф. Виллемсеном¹² и уже породил довольно обширную для столь небольшого по размеру памятника литературу дискуссионного характера¹³. Данный остракон принадлежит к той категории острака, которые, помимо имени «кандидата» на изгнание, содержат еще и разного рода дополнительные приписки, в основном инвективного характера. Таких острака всего несколько десятков из общей массы в десять с лишним тысяч, и они вполне оправданно привлекают наибольшее внимание антиковедов, поскольку позволяют получить какую-то дополнительную информацию, помимо чисто статистической¹⁴.

Прежде всего воспроизведем текст надписи на остраконе:

[Μεγ]ακλῆς : μεῖ' ῥετρ<ι>αζε
[ηιτ]<π>οκράτῶς
[3-4]λι ἔχσῶ
[3-4]εἰσέλαθῆις

Ст. 3: [πά]λι(v) ἔχσῶ Willemssen, Lewis, Brenne, Stanton; [ἄπο]λι ἔχσῶ Raubitschek.

Ст. 4: [μεῖ] εἰσέλαθῆις Lewis; [τυπ]εἰς ἔλαθῆις Raubitschek; [ὄν?] εἰσέλαθῆις Stanton.

Алфавит надписи чисто аттический, без каких-либо ионизмов. Стойхедон не выдерживается. Слова μεῖ' ῥετρ<ι>αζε написаны чуть ниже общего уровня первой строки. В целом остракон дошел в далеко не идеальной сохранности. Утрачена (обломлена) левая часть черепка, вследствие чего отсутствуют по 3–4 буквы в начале каждой строки. Лакуны следует признать небольшими, но далеко не все они без проблем поддаются заполнению. Существуют определенные (и немалые) трудности, обусловленные прежде всего тем, что надпись, сделанная частным лицом, имеет неофициальный и даже, можно сказать,

¹² Willemssen F. Ostraka einer Meisterschale // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 144.

¹³ Lewis D. M. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. 96. S. 51–52; Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 23; Raubitschek A. E. Megakles, geh nicht nach Eretria! // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 100. S. 381–382; Stanton G. R. A Graffito on a Megakles Ostrakon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 111. S. 69–73; Луберо Л. де. Ἐκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22, 8) и остракон против Мегакла // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 5. С. 89–95.

¹⁴ Наиболее подробно об острака с такими приписками см.: Siewert P. Accuse contro i «candidate» all' ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell' Istituto di storia antica (Milano). 1991. Vol. 17. P. 3–14.

ненормативный, нестандартный характер, и каких-то устоявшихся формулировок ожидать в ней не приходится.

Неясен, в частности, сам порядок нанесения надписи и, соответственно, та последовательность, в которой ее следует читать. Прежде всего, вызывают затруднение слова $\mu\epsilon\acute{\iota}\rho\epsilon\tau\alpha\iota\alpha\zeta\epsilon$, отделенные двумя точками от имени Мегакла и являющиеся таким «довеском» к первой строке. Между именем и патронимиком этим словам, конечно, не место. Перед нами – либо начало второго столбца, и в таком случае его нужно читать после четвертой строки, либо же, как недавно остроумно предположил Г. Стэнтон¹⁵, все на этом черепке, кроме имени и патронимика – основной части остракона – представляет собой нанесенное чуть позже той же рукой граффито, а значит, «довесок» (находящийся, как было отмечено ранее, чуть ниже уровня первой строки) следует читать сразу после патронимика. Оставим пока этот вопрос открытым.

Легче всего в надписи поддаются восстановлению, безусловно, первые две строки, содержащие имя с патронимиком (в переводе на привычный нам ионийский алфавит – $\text{Μεγακλῆς Ἱπποκράτους}$, Мегакл, сын Гиппократ). Причем весьма вероятно, что в имени отца писавшим была пропущена вторая π , как это часто бывает на острака, направленных против Мегакла. Как бы то ни было, не вызывающее сомнения правильное прочтение первых двух строк важно уже тем, что дает возможность рассчитать примерное количество утраченных букв в начале каждой строки. Как видим, таковых очень немного, по три-четыре буквы, причем скорее по три, чем по четыре.

Третья и четвертая строки надписи уже представляют сложности, разрешаемые исследователями по-разному и не без труда. В конце третьей строки отчетливо читается наречие $\epsilon\chi\sigma\bar{o} = \epsilon\chi\zeta\omega$, «вне» или попросту «вон», слово вполне уместное на остраконе – «бюллетене» для изгнания. Перед ним сохранился конец какого-то достаточно короткого слова, оканчивавшегося на $-\lambda\iota$. Большинство исследователей (Ф. Виллемсен, Д. Льюисом, Ш. Бренне, Г. Стэнтоном, Л. де Либери) предложено здесь восстановление $[\pi\acute{\alpha}]\lambda\iota (= \pi\acute{\alpha}\lambda\iota\nu)$ – «снова, опять». И именно на основании этого делается, в частности, вывод, что данный остракон, а стало быть, и все острака этой группы с Керамика принадлежат гипотетическому второму остракизму Мегакла. На наш взгляд, весьма проблематичный ход рассуждения. Дело в том, что наречие $\pi\acute{\alpha}\lambda\iota\nu$ даже перед согласными очень редко утрачивает конечную ν , а перед гласной оно должно было ее сохранить а fortiori. Иными словами, предлагаемое прочтение $\pi\acute{\alpha}\lambda\iota$ ничем не оправдано. Но если не это слово, то какое же? Не так-то уж и просто найти в древнегреческом языке слово, оканчивающееся на $-\lambda\iota$.

¹⁵ Stanton G. R. Op. cit. P. 69 ff.

Весьма импонирующий нам альтернативный вариант предложил А. Раубичек¹⁶. По его мнению, в третьей строке следует читать [ἄπο]λι – вокатив от прилагательного ἄπολις, означающего «лишенный города, изгнанник», а иногда употребляющегося как синоним ἄτιμος – «лишенный гражданской чести». И действительно, ἄπολις представляется в высшей степени подходящим эпитетом для лица, изгоняемого из полиса. Правда, как известно, афиняне, подвергнутые остракизму, не лишались на время своего изгнания гражданских прав, но достаточно сильный эпитет можно отнести на счет горячего темперамента неизвестного нам автора надписи. Можно возразить еще, что слово ἄπολις принадлежит скорее поэтическому, чем прозаическому лексикону; его нередко можно встретить, например, в произведениях драматургов. Однако анализ надписей на острака показывает, что рядовые афиняне, участвовавшие в остракофориях, отнюдь не были чужды высокой поэзии: так, один из них даже написал на остраконе, направленном против Ксантиппа, отца Перикла, целую небольшую эпиграмму¹⁷.

Может быть, стоит обозначить вопрос: коль скоро прилагательное, относящееся к имени Мегакла, поставлено в вокативе, не должно ли стоять в том же падеже и само это имя? Иными словами, не следует ли вместо Μεγακλῆς (= Μεγακλῆς) читать Μεγακλῆς (= Μεγακλείς)? Однако такая возможность кажется нам практически равной нулю. На многих тысячах острака не зафиксировано ни одного случая употребления имени кандидата в звательном падеже¹⁸, и вряд ли следует считать, что рассматриваемый здесь памятник является единственным исключением. Если принять вышеупомянутую точку зрения Стэнтона о нанесении надписи в два этапа (вначале имя с патронимиком, позже – все остальное), ситуация проясняется: прилагательное второй части граффито получает самостоятельное значение и не обязательно должно согласовываться в падеже с существительным из первой части.

В четвертой строке надписи ясно читается εἰσέλθεις (= εἰσέλθης), aoristus coniunctivi activi от εἰσέρχομαι – «входить, приходить». Конъюнктив, вне сомнения, употреблен здесь в значении императива¹⁹ и должен переводиться «войди». А точнее, как мы увидим чуть ниже, в данном конкретном контексте наиболее точным будет перевод «не входи». Перед указанным глаголом

¹⁶ Raubitschek A. E. Megakles... S. 101.

¹⁷ Об этом остраконе см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 173 – здесь же приведен текст надписи и последняя литература о ней.

¹⁸ По подсчетам Ш. Бренне, на 87,4 % острака имена стоят в именительном падеже, на 0,1 % – в родительном, на 9,8 % – в дательном, на 2,7 % – в винительном (Brenne S. Ostraka and the Process... P. 24).

¹⁹ Об употреблении конъюнктива аориста с частицей μή вместо императива (coniunctivus prohibitivus) см.: Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб., 2000. С. 301–302.

на черепке было еще какое-то слово (или часть слова?) небольшого размера, но о том, что это было конкретно, можно только гадать, чем, собственно, и занимаются исследователи. Предлагался, например, такой вариант, как отрицательная частица μή (Д. Льюис), но нам он представляется крайне маловероятным, поскольку, как вскоре будет показано, в надписи уже имеется бесспорное μή, а двойное отрицание (во всяком случае, в таком виде) древнегреческому языку не было свойственно. А. Раубичек предположил, что εἰς в четвертой строке является не глагольной приставкой, а окончанием частично сохранившегося слова τυπείς (participium aoristi passivi от τύπτω – «бить, ударять»), что дает следующий перевод строки: «будучи побитым, войди». Нам представляется наиболее близкой к истине версия Г. Стэнтона, согласно которой в начале четвертой строки могло стоять слово ὄν (= ὤν), причастие мужского рода от глагола εἶμι, которое следует связывать с наречием ἔχοῦ в конце предшествующей строки, и все это сочетание в совокупности должно переводиться: «находясь вне (т. е. вне Афин), войди...» и т. п. Подчеркнем, однако, что и это лишь более или менее вероятная гипотеза.

При всем вышесказанном, как ни парадоксально, наибольшие проблемы для интерпретации представляет лучше всего сохранившаяся часть надписи, а именно – вышеупомянутый «довесок» к первой строке, отделенный двумя точками от имени Мегакл. В этом отрезке граффито имеется только один незначительный дефект: выщербина на месте одной (причем узкой) буквы, скорее всего, представляющая собой скол верхнего слоя глины, происшедший как раз в момент нанесения буквы. Не вызывает никаких сомнений, что утраченной (точнее, так и не написанной) буквой является *йота*. Однако что может означать получающееся в результате ΜΕΡΕΤΡΙΑΖΕ? Перед нами явно слияние двух слов: отрицательной частицы μὲ (т. е. μή, если брать написание в ионийском варианте) и какого-то слова, тоже начинавшегося на букву ε, которая выпала в результате элизии. Восстановление оказывается достаточно прозрачным: μὲ ῥετρ<ι>αζε (= μή ἔρετρίαζε). Но что означает стоящее здесь знаменательное слово? Чаще всего его трактуют (А. Раубичек, Ш. Бренне, Г. Стэнтон) как ῥετρίαζε, ошибочную форму наречия «в Эретрию» (Эретрия – один из двух крупнейших, наряду с Халкидой, полисов острова Эвбея). Правильным должно было бы быть написание ῥετρίαυνδε. Ошибка может объясняться тем, что автор надписи, вне сомнения афинянин, образовал форму соответствующего наречия от топонима Эретрия по аналогии с наречием «в Афины» – Ἀθήναζε (< *Ἀθήνασδε, поскольку топоним Ἀθήναι относится к категории nomina pluralia tantum). Перед нами, таким образом, скорее не lapsus calami, а lapsus linguae; получилось дословно не «в Эретрию», а «в Эретрии» (во множественном числе).

Д. Льюис высказывал, правда, мнение, что в надписи стоит не наречие, а императив от глагола ῥετρίαίω. Такой глагол, действительно, зафиксирован,

но лишь как ἄπαξ λεγόμενον. Он встречается у лексикографа Гесихия (V–VI вв. н. э.) и толкуется этим автором как «шутить, забавляться, насмехаться»²⁰. В принципе, такой вариант, конечно, нельзя считать полностью исключенным. Но, во-первых, основывать какое бы то ни было прочтение на гапаксе по меньшей мере неосторожно. Во-вторых, слово с подобным значением уж очень плохо вписывается в общий контекст надписи, да и употребление императива с частицей μή выглядит странным. В-третьих, от аллюзий на Эретрию все равно уйти не удастся, поскольку сам глагол мог быть образован только от названия этого города.

Итак, нам представляется предпочтительным следующая реконструкция надписи на остраконе Мегакла:

[Μεγ]ακλῆς : μεῖ' ῥετρ<ί>αζε
[ηιτ]<π>οκράτῳς
[ἄπο] λι ἐχσῶ
[ὄν?] εἰσελθῆις

Перевод: «Мегакл, сын Гиппократы, лишенный полиса, находясь (?) за его пределами, не входи в Эретрию».

Безусловно, это лишь один из возможных вариантов прочтения граффито, и мы отнюдь не настаиваем на нем. Важнее для нас другое: можно считать практически несомненным, что афинский аристократ Мегакл каком-то, пока не вполне ясным, образом ассоциируется в надписи с эвбейской Эретрией. О какой связи между Мегаклом и Эретрией может идти речь – вот что интересует нас в первую очередь, и на этом мы наиболее подробно остановимся в дальнейшем, тем более что этот вопрос, насколько нам известно, пока никем всерьез не поднимался. Стоит также задуматься и над тем, почему писавший не рекомендует Мегаклу отправляться в Эретрию.

Дать правильный ответ, не исключено, поможет следующее обстоятельство. На другом остраконе, направленном против того же Мегакла, рядом с именем этого политика упоминается женское имя Кесиры: [Με]γακλῆς [ηι]πποκράτῳς καὶ Κο[ι]σύρας. Кем была эта женщина? Кое-какие сведения на этот счет содержатся в нарративной традиции (в основном у позднеантичных и византийских схолиастов и лексикографов)²¹, но сведения эти противоречивы до фантастичности. У разных авторов, а то и у одного и того же, Кесиры оказывается то женой Мегакла, о котором идет речь в данной работе, то женой афинского тирана Писистрата, жившего почти за век до него, то женой Алкмеона – одного

²⁰ Hesych. s. v. ῥετριάζει· σκώπτει. ἢ παίζει.

²¹ Schol. Aristoph. Ach. 614; Nub. 46, 48, 64, 800; Pax 451; Hesych. s. v. ἐγκεκοισυρῶμένη; Suid. s. v. ἐγκεκοισυρῶμένην; s. v. Κοισύρα.

из основоположников рода Алкмеонидов, действовавшего еще на полвека раньше. При этом настойчиво подчеркивается, что имя Кеси́ра – эретрийского происхождения; на наш взгляд, это и есть ключ к разбираемой проблеме.

В свое время Т. Л. Шир предпринял скрупулезное исследование противоречивой античной традиции о Кесире²², и, кажется, ему удалось расставить все на свои места. Исследователь пришел к убедительному выводу (с которым и мы полностью солидарны), что имя Кеси́ра (Κοισύρα) носили три женщины в афинской истории архаической и классической эпох. Первая из них – богатая и знатная эретриянка, которую на рубеже VII–VI вв. до н. э. взял в жены Алкмеон. С ней-то в афинскую ономастику, а конкретнее – в «именник» рода Алкмеонидов, попало это эретрийское имя. Вторая Кеси́ра – внучка Алкмеона, дочь его сына Мегакла, – была около 557 г. до н. э. выдана замуж за тирана Писистрата, дабы закрепить альянс между Алкмеонидами и Писистратидами. История этого скандального брака, в ходе которого тиран жил со своей юной супругой «неестественным образом», описана и Геродотом (I. 61), и Аристотелем (Ath. pol. 15. 2), но без упоминания имени девушки. Наконец, третья Кеси́ра тоже принадлежала к роду Алкмеонидов. Это – дочь реформатора Клисфена, жена (и одновременно двоюродная сестра) Мегакла, сына Гиппократы, являющегося «адресатом» анализируемого нами остракона²³. Именно эта последняя Кеси́ра, по всей видимости, и упомянута в вышеприведенной надписи.

Правда, надпись эту обычно переводят как «Мегакл, сын Гиппократы и Кеси́ры»²⁴, но с этим мы, несмотря на кажущуюся естественность такого перевода, не можем согласиться. Как нам уже приходилось писать, матерью Мегакла скорее всего была дочь тирана Гиппия²⁵, а ее вряд ли звали Кеси́рой, поскольку это женское имя было употребительно в Афинах исключительно в среде Алкмеонидов. Никаких сведений о четвертой Кесире, матери Мегакла, мы не имеем, и вряд ли стоит ее искусственно «создавать». Остается, на наш взгляд, предположить, что на данном остраконе (а существует еще четыре аналогичного содержания) упомянута, правда несколько экстравагантным способом (в шутливой форме?), именно третья Кеси́ра, жена Мегакла, которая была скандально известна в Афинах роскошным образом жизни. Иными словами, лучше переводить надпись приблизительно так: «Мегакл, (сын) Гиппократы и (муж) Кеси́ры».

²² Shear T. L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. Vol. 17. No. 2. P. 99–112.

²³ Реконструкция Ши́ра была отвергнута Дж. Дейвисом (Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 369 ff.), но позже принята П. Бикнеллом (Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 77 ff.).

²⁴ Например: Lavelle B. M. Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1989. Vol. 30. No. 4. P. 503–513.

²⁵ Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 17.

Таким образом, данные просопографии демонстрируют наличие весьма ранних связей (уже с конца VII в. до н. э.) рода Алкмеонидов с одним из крупнейших эвбейских полисов. О том же свидетельствует и еще один факт аналогичного ряда, а именно, данные просопографии самой Эретрии, в которой обнаруживается много афинских по происхождению имен, типичных именно для Алкмеонидов (пять-шесть Мегаклов, пять Клисфенов, Калликсен, Аристоним и др.)²⁶. Имена же в аристократической сфере древнегреческого общества, как прекрасно известно, никогда не давались без причины. Практически в каждом случае они фиксировали наличие каких-либо связей между знатными родами, ксенических или матримониальных, и таким образом «дрейфовали» из полиса в полис²⁷. «Алкмеонидовских» имен, о которых идет речь, в Эретрии больше, чем в любом другом городе Эллады, в том числе, как ни парадоксально, даже больше, нежели в самих Афинах! А на третьем месте после Эретрии и Афин по количеству этих имен идут Дельфы, при том, что тесные связи Алкмеонидов с этим религиозным центром на всем протяжении VI в. до н. э. надежно зафиксированы источниками²⁸. В остальных полисах имена такого рода единичны.

Факт тесных и ранних отношений Алкмеонидов с Эретрией, насколько нам известно, не рассматривался всерьез никем из исследователей, поскольку прямых свидетельств нарративной традиции об этих контактах не имеется. Однако, сопоставив косвенные данные, можно дать примерно следующую реконструкцию событий. Алкмеониды, отягощенные родовым проклятием (так называемой Килоновой скверной), были в период ближе к концу VII в. до н. э. осуждены на «вечное» изгнание (Arist. Ath. pol. 1; Plut. Sol. 12) и вынуждены покинуть родину. Где они провели годы этого изгнания, продлившегося до времени законодательства Солона, когда (в 594 г. до н. э.) род подпал под амнистию (Plut. Sol. 19)? Иногда считают, что они уже тогда обосновались в Дельфах²⁹, но это не более чем экстраполяция на более раннюю эпоху ситуации,

²⁶ Shear T. L. Op. cit. P. 108; Cromei R. D. Kleisthenes' Fate // *Historia*. 1979. Bd. 28. Ht. 2. P. 145; Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 30.

²⁷ Ср.: Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *Classical Quarterly*. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363; Суриков И. Е. О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти*. М., 2001. С. 173.

²⁸ Наиболее подробно см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 140–150 (со ссылками на предшествующую литературу). Совсем недавно этот вопрос рассматривался вновь: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 195 сл.

²⁹ Например: Williams G. W. The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History // *Hermathena*. 1951. Vol. 78. P. 38; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. V. 1. Oxf., 1956. P. 111.

имевшей место позже. Для конца VII в. «дельфийский» вариант не может соответствовать действительности, поскольку примерно до 595 г. до н. э., до Первой Священной войны, Дельфы находились под контролем враждебной Алкмеонидам «крисейской» группировки³⁰. Более логично предположить пребывание Алкмеонидов в Эретрии, тем более что, как отмечалось выше, тогдашний глава рода Алкмеон как раз в это время, не ранее 600 г., женился на уроженке этого полиса Кесире³¹.

Таким-то образом эретрийское аристократическое женское имя попало в Афины³², прочно в них закрепилось и со временем даже стало нарицательным: еще в конце V в. до н. э. оно обыгрывается Аристофаном (Ach. 614; Nub. 48, 800) как некий символ роскошного образа жизни. Правда, само влияние Алкмеонидов в Эретрии со временем ослабело: во всяком случае, в середине VI в. до н. э. эретрийская знать скорее склонялась уже к поддержке Писистратидов. Эретрийцы вместе с изгнанным из Афин Писистратом приняли участие в основании поселения Рекел на побережье Фермейского залива³³. Да и в целом во время второго изгнания афинского тирана (ок. 556–546 гг. до н. э.)³⁴ Эретрия была едва ли не основной его базой (Herod. I. 61–62; Arist. Ath. pol. 15. 2). В частности, именно оттуда он вторгся в Аттику, чтобы в третий раз захватить там власть. Если учитывать, что в Афинах в то время ведущую роль играли

³⁰ Этот тезис был впервые выдвинут в работе: *Forrest W. G. The First Sacred War* // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1956. Vol. 80. No. 1. P. 33–52. После этого он получил широкое распространение в историографии и может считаться общепринятым.

³¹ Датировка основана на времени женитьбы Мегакла, сына Алкмеона и Кесиры, на Агаристе, дочери тирана Клисфена Сикионского (571 г. до н. э.).

³² Иное объяснение проникновения имени Кесиры в ономастику Алкмеонидов дается в работе: *Lavelle B. M. Koisya and Megakles...* По мнению ее автора, это произошло через посредство Писистратидов, а эретриянка Кесиры была женой тирана Писистрата. Однако достоверно известно о трех браках Писистрата: с афинянкой, имя которой не сохранилось, с дочерью Мегакла, т. е. тоже афинянкой (судя по всему, ее-то и звали Кесирой), и с аргивянкой Тимонассой (см.: *Берве Г. Тираны Греции*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 65). Ни о каком четвертом браке Писистрата сколько-нибудь надежные источники не сообщают, да и места для такого брака в хронологии жизни афинского тирана не находится.

³³ *Viviers D. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization* // *Journal of Hellenic Studies*. 1987. Vol. 107. P. 193–195.

³⁴ Об изгнаниях Писистрата и их датировке см.: *Heidbüchel F. Die Chronologie der Peisistratiden in der Atthis* // *Philologus*. 1957. Bd. 101. Ht. 1/2. S. 70–89; *Bicknell P. J. The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny* // *Historia*. 1970. Bd. 19. Ht. 2. S. 129–131; *Camp J. M. Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 7; *Brandt H. Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen* // *Chiron*. 1998. Bd. 28. S. 201.

враждебные Писистрату Алкмеониды, становится ясным, что влияние этого рода в Эретрии уже вряд ли в большой степени ощущалось.

В 506 г. до н. э., после свержения тирании Писистратидов и установления демократии, афиняне осуществили по инициативе Алкмеонида Клисфена военную экспедицию на Эвбею (Herod. V. 77), в ходе которой влияние Афин в целом и Алкмеонидов в частности в Эретрии было, судя по всему, полностью восстановлено. Напомним, что в начале V в. до н. э. Эретрия даже во внешнеполитическом плане шла совершенно в кильватере демократических Афин, вплоть до отправки военной помощи восставшим против персидского владычества ионийцам (Herod. V. 99). Похоже, эретрийцы на время стали кем-то вроде афинских вассалов. Итак, связи Алкмеонида Мегакла с Эретрией, отражившиеся в надписи на остраконе, имели достаточно глубокие и древние корни. Несомненно, и самому Мегаклу не раз приходилось бывать в этом эвбейском полисе, находившемся к тому же совсем недалеко от Аттики. Насколько можно судить, именно эти связи Мегакла и Эретрии, Алкмеонидов и Эретрии имел в виду «автор» надписи на остраконе, связавший воедино имя афинского аристократа и название эвбейского города. Кстати, отметим, что даже если читать на остраконе $\tau\acute{\alpha}\lambda\iota(v)$, т. е. «снова», это ни в коей мере не может быть доказательством того, что он относится ко второму остракизму Мегакла. Допустим, последнему предписывается «не уходить снова в Эретрию». Но ведь Мегакл мог ранее побывать в ней по какому угодно поводу, и вовсе не обязательно находясь при этом в изгнании!

Осталось рассмотреть последний вопрос: почему же гражданин, сделавший надпись, не рекомендует Мегаклу отправляться в Эретрию и можно ли как-нибудь увязать эту деталь с общим историческим контекстом первых десятилетий V в. до н. э.? Здесь необходимо сразу подчеркнуть: такая увязка оказывается вполне убедительной, если признать, что острака с Керамика относятся к 486 г. до н. э., т. е. ко времени вскоре после известных событий 490 г. Афины тогда смогли отбить натиск персов, нанеся им поражение при Марафоне, а вот их соседям и союзникам – эретрийцам повезло значительно меньше. О несчастной судьбе Эретрии, захваченной персидским войском, повествуют многие античные авторы, наиболее подробно – Геродот (VI. 98 sqq.) и Страбон (X. 448). Вожди карательной экспедиции Датис и Артаферн, взяв город, подвергли его полному разгрому, так что долго после этого, еще во времена Страбона, местные жители показывали любопытствующим фундаменты разрушенных зданий. А после этого персы прибегли к своему излюбленному методу: цепью прочесали всю эретрийскую хору, вылавливая скрывшихся на ней жителей. В отличие от многих островов, где аналогичные операции приводили к полной поимке всего населения (Herod. VI. 31), в данном случае они не дали стопроцентного эффекта, и многим из эретрийцев удалось

ускользнуть. Схваченных же посадили на корабли и отвезли в Персию, где компактно поселили.

Насколько можно судить, персы не оставили от Эретрии буквально камня на камне. Очевидно, именно на это обстоятельство и намекает афинянин, сделавший надпись на остраконе Мегакла, когда он не советует последнему ехать в столь милую его сердцу Эретрию: ехать было, собственно, некуда, Эретрия не существовала. Но прошло несколько лет – и ситуация изменилась. Спасшиеся эретрийцы начали восстанавливать родной город. Уже в 480 г. до н. э. Эретрия вновь фигурирует в источниках и даже выставляет в общегреческие силы, собранные для отражения нашествия Ксеркса, определенное количество военных кораблей и гоплитов³⁵. Завершая работу, хотелось бы особенно отметить следующую мысль: остракон, который многие авторы считали аргументом в пользу датировки основной массы острака с Керамика 470-ми гг. до н. э., в действительности, кажется, косвенно доказывает как раз противоположное, поскольку по вышеизложенным обстоятельствам с большей степенью вероятности может быть датирован 480-ми гг. Таким образом, второй остракизм Мегакла так и остается историографическим мифом.

³⁵ Впрочем, небольшое: 7 триер (Herod. VIII. 1) и менее 600 гоплитов (Herod. IX. 28).

ГЕРОДОТ, ФИЛАИДЫ И АЛКМЕОНИДЫ (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРОЙ ТЕМЕ В СВЯЗИ С ЕЕ НЫНЕШНИМ СОСТОЯНИЕМ)*

Исполняется 2500 лет со дня рождения «отца истории». В связи с этим юбилеем было бы как-то даже грешно автору этих строк, относящемуся к числу ученых, которые в последние годы наиболее интенсивно в России писали о Геродоте¹, не откликнуться на столь славную дату хотя бы небольшой заметкой. Она и предлагается вниманию читателей.

Среди аристократических родов² афинского полиса архаического и раннеклассического периодов резко, рельефно выделяются два: Алкмеониды и Филаиды. Особенное обилие сведений о них находим как раз в труде Геродота. В нем регулярно (но, правда, и спорадически, без какой-либо видимой системы³) приводятся сведения об обоих этих родах, об их виднейших представителях. Напомним, в частности, что из Алкмеонидов происходил Клизфен, «отец

* Впервые опубликовано в: *Метаморфозы истории: Научный альманах*. Псков, 2017. Вып. 10. С. 9–34.

¹ См.: *Суриков И. Е.* Геродот. М., 2009; *Суриков И. Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.

² В своей трактовке рода в античных Афинах мы опираемся на выкладки в: *Bourriot F.* *Recherches sur la nature du genos. Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique.* Lille; P., 1976. Т. 1–2; *Roussel D.* *Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique.* P., 1976. Эти две работы, ставшие (особенно первая из них) важнейшими, этапными (не можем, впрочем, не отметить, что впервые вопрос был поставлен в подобный ракурс в монографии: *Forrest W. G.* *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* L., 1966), окончательно обозначили, что аттический род – это знатная и/или жреческая семья (см. такое же понимание в: *Davies J. K.* *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxf., 1971), а вовсе не какой-то «клан» (как в: *Блаватская Т. В.* *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.).* СПб, 2003). Достаточно аргументированную попытку поспорить с Буррио и Русселом наблюдаем в: *Littman R. J.* *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N. Y., 1990. P. 5 ff. Но и она в конечном счете не слишком состоятельна.

³ Хотя в целом «греческая» часть «Истории» Геродота организована всё же более системно, нежели «персидская»: *Pelling C.* *Herodotus' Persian Stories: Narrative Shape and Historical Interpretation* // *Syllecta classica*. 2016. Vol. 27. P. 65–92.

афинской демократии»⁴; к тому же роду относились (правда, по женской линии) такие значимые фигуры, как Перикл и Алкивиад. С другой стороны, среди представителей Филаидов следует упомянуть обоих Мильтиадов (основателя афинской колонии на Херсонесе Фракийском⁵ и победителя при Марафоне⁶), а также Кимона, величайшего греческого полководца V в. до н. э.

В историографии темы «Геродот и Алкмеониды», «Геродот и Филаиды», следует подчеркнуть, не обойдены вниманием. На первой из них мы останавливались (уже довольно давно) в монографии, посвященной Алкмеонидам⁷, там же сослались и на существующую по вопросу литературу, поэтому здесь нет смысла вновь приводить ее список. Что же касается второй («Геродот и Филаиды»), то к ней мы обратились относительно недавно и рассматривали ее в целом ряде работ, опубликованных как на русском⁸, так и на английском⁹. На выводах, к которым мы пришли в последней из только что упомянутых статей (а она является достаточно объемной и нам представляется принципиальной по высказываемым в ней положениям), нам хотелось бы повторно остановиться (для чего мы возвращаемся к ней – станет ясно из дальнейшего изложения).

Мы попытались оспорить *locus communis*, бытующий в литературе, согласно которому из афинских родов Геродот славит в наибольшей степени Алкмеонидов. Этот тезис, в общем-то, зиждется на постулате о том, что Геродот входил в состав «кружка интеллектуалов», сформированного в 440-х гг. до н. э. Периклом, и чуть ли не специально приехал в Афины, дабы войти в состав этого «кружка». Возражения против данного тезиса вкратце можно сформулировать следующим образом.

⁴ О нем, сколько знаем, и поныне есть только одна специальная монография (пожалуй, и поныне не устаревшая, хотя ей более полувека): *Lévyque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien*. P., 1964. Впрочем, см. теперь также: *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley, 2007.

⁵ О нем см. теперь: *Туманс Х.* Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // *Мнемон*. СПб., 2014. Вып. 14. С. 59–94. Из более ранних исследований см.: *Hammond N. G. L. The Philaids and the Chersonese* // *Classical Quarterly*. 1956. Vol. 6. No. 3/4. P. 113–129.

⁶ Об этом Мильтиаде (Мильтиаде Младшем) см. наш биографический очерк: *Суриков И. Е.* Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 270 сл.

⁷ *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.

⁸ *Суриков И. Е.* Геродот и Филаиды // *Аристей*. 2011. Т. 3. С. 30–64; *Суриков И. Е.* Очерки об историописании... С. 362 сл.

⁹ *Surikov I. E. Herodotus's Histories and Athenian Aristocratic Families* // *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 2012. P. 30–39; *Surikov I. E. Herodotus and the Philaids* // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 2013. P. 45–70.

Во-первых, нет абсолютно никаких позитивных данных, которые свидетельствовали бы о том, что Геродот действительно входил в «кружок Перикла» (равно как и Софокл, который, как бы ни возражал наш коллега и дорогой друг А. А. Сеницын¹⁰, все-таки был так или иначе близок Геродоту). Вообще говоря, «максималистское» понимание этого Периклова «кружка», в рамках которого в него записывают чуть ли не всех тогдашних крупных деятелей культуры, вплоть до Зенона Элейского¹¹, представляет собой, по большому счету, проявление «историографического мифотворчества». Нам гораздо ближе «минималистская» концепция того же кружка¹².

Во-вторых, равным образом нет достаточных оснований утверждать, что визит Геродота в Афины в середине 440-х гг. до н. э. (как раз тогда там утвердился в качестве единоличного лидера Перикл, добившись изгнания остракизмом¹³ своего последнего противника Фукидида, сына Мелесия, происходившего, кстати говоря, из рода Филаидов¹⁴) являлся первым и единственным. Напротив, даже трудно поверить в то, что столь неутомимый путешественник¹⁵, не позже 440-х гг. до н. э. объездивший мир от порогов Нила и почти до порогов Днепра¹⁶, будто бы не мог уже в начале своей карьеры как ученого и литератора совершить очень небольшое плавание от Самоса, где он по большей части жил

¹⁰ См., например: *Сеницын А. А.* Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // *Античный мир и археология*. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 363–405; *Сеницын А. А.* Plut. Mor. 785 b: критические замечания о достоверности источника // *Мнемон*. СПб., 2008. Вып. 7. С. 377–418; *Сеницын А. А.* Софокл и скифский логос Геродота // *Археология Восточно-Европейской степи*. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 269–292.

¹¹ Такое понимание см., например, в: *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 46; *Фролов Э. Д.* Сообщества друзей в политической жизни античной Греции: предварительные замечания // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2001. Вып. 10. С. 11 сл.

¹² Как в работах: *Stadter Ph. A.* Pericles among the Intellectuals // *Illinois Classical Studies*. 1991. Vol. 16. P. 111–124; *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 315 ff.

¹³ О датировке и перипетиях этой остракофории см., естественно, в нашей книге: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.

¹⁴ См. о нем великолепную статью Г. Уэйд-Гери «Фукидид, сын Мелесия» в: *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 239–270. Бывает, что статья стоит иной монографии. Тут перед нами как раз такой случай.

¹⁵ Арнальдо Момильяно указал, что никто из античных авторов не путешествовал так много, как Геродот (*Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 51). Когда автор этих строк упомянул о приведенном суждении в разговоре с крупнейшим ныне в России специалистом по античной географии А. В. Подосиновым, последний задумался, затем спросил «А Страбон?», но в конечном счете все-таки согласился.

¹⁶ О странствиях Геродота см.: *Lister R. P.* The Travels of Herodotus. L., 1979.

после изгнания из Галикарнасса¹⁷, до города, который уже явно начинал становиться «культурной столицей» Эллады. Для нас совершенно несомненно, что «отец истории» впервые побывал в Афинах уже в 460-х гг. до н. э., когда там «первым гражданином» являлся Кимон, представитель рода Филаидов.

В-третьих, совершенно не обязательно столь уж однозначно ассоциировать Перикла с Алкмеонидами. Как мы показали в свое время¹⁸, Перикл довольно рано начал дистанцироваться от рода, к которому имел отношение по матери. «Алкмеонидовское наследие», со скверной, с родовым проклятием, не могло не обременять его.

В-четвертых (last but not least), те пассажи у Геродота, которые традиционно считаются восхваляющими Алкмеонидов, на деле отнюдь не являются панегириками. В частности, главная геродотовская «апология Алкмеонидов» (Herod. VI. 121), как давно уже было продемонстрировано, не содержит никакой сознательно проводимой тенденциозности в пользу упомянутого рода¹⁹. Более того, высказывалось и противоположное мнение: «апология Алкмеонидов» у Геродота – вообще не apologia, а пародия на такие apologii, полная иронии²⁰.

«Отец истории» говорит о благородном происхождении Алкмеонидов – а сразу после этого добавляет смешную (и, конечно, выдуманную!²¹) историю о том, как Алкмеон разбогател, посетив двор Креза и поведя себя там отнюдь не самым благородным образом (сравнение рассказа о Крезе и Алкмеоне с рассказами о Крезе и Солоне (Herod. I. 29 sqq.), о Крезе и Мильтиаде (Herod. VI. 37) – не в пользу представителя рода Алкмеонидов). Геродот называет Алкмеонидов главными противниками тиранов (μισοτύραννοι) в Афинах – и тут же приводит очередную смешную историю о том, как сын Алкмеона Мегакл сватался к дочери сикионского тирана Клисфена и получил ее руку. Противоречия совершенно очевидны; они никак не могли укрыться ни от автора, ни от читателей. Уж если Геродоту нужны были аргументы в пользу ненависти

¹⁷ О пребывании Геродота на Самосе см. статью: Mitchell B. M. Herodotus and Samos // Journal of Hellenic Studies. 1975. Vol. 95. P. 75–91. Неоправданным представляется скептицизм, проявляющийся в: Pelling C. Herodotus and Samos // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. Vol. 54. No. 1. P. 1–18.

¹⁸ Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.

¹⁹ Develin R. Herodotus and the Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985. P. 125–139.

²⁰ Hart J. Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 12 ff.

²¹ Когда Крез вступил на престол в 560 г. до н. э., Алкмеона уже не было в живых. Недавно было высказано мнение, согласно которому Крез начал править уже в 580-х гг. до н. э. (Wallace R. W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // Journal of Hellenic Studies. 2016. Vol. 136. P. 168–181), но аргументация автора совершенно не представляется убедительной.

Алкмеонидов к тирании, то ему ничего не стоило бы именно в этом месте «Истории» привести *ultima ratio* – то есть довод, который является решающим, который уже невозможно опровергнуть.

Имеем в виду совершенно достоверный факт (кстати, первый совершенно достоверный факт истории Афин) – мятеж Килона 636 г. до н. э. Килон как раз хотел установить в Афинах тиранию, а воспрепятствовал ему не кто иной, как архонт Мегакл (дед вышеупомянутого)²², стало быть, представитель того же рода. Напомни Геродот об этом читателям в своей «апологии Алкмеонидов» – и всем бы всё стало ясно относительно «изначальной антитиранической настроенности» упомянутого рода. Однако в том и парадокс, что данный факт как раз в этом-то месте и не указывается, а речь о нем заходит у Геродота совершенно в другой части его труда и в ином контексте (Herod. V. 71).

В самом рассказе о сватовстве к Агаристе, дочери Клизфена Сикионского, у Геродота Мегакл Алкмеонид оказывается только вторым по достоинству среди претендентов, а первым – Гиппоклид из Филаидов. Гиппоклид в конечном счете проигрывает, но автор подчеркивает: он проиграл не потому, что оказался хуже конкурента, а только потому, что вел себя слишком вольно, а Мегакл был более послушен. Послушность же никаким образом не входила в число качеств, особенно ценимых эллинскими аристократами.

Особенно интересно внимательное прочтение завершающей части геродотовской «апологии» (или псевдоапологии?) Алкмеонидов (Herod. VI. 131).

От брака же Мегакла с Агаристой родился Клизфен, который ввел филы и установил демократию в Афинах. Назван он был по имени деда по матери, тирана Сикионского. Так вот, этот Клизфен и Гиппократ были родными сыновьями Мегакла. А у Гиппократа был сын – другой Мегакл и дочь – другая Агариста (названная по Агаристе, дочери Клизфена [Сикионского. – *И. С.*]). Она вышла замуж за Ксантиппа, сына Арифрона. Когда Агариста ожидала ребенка, то имела видение во сне: ей представилось, что она родит льва. Несколько дней спустя она произвела на свет Перикла.

Этот небольшой отрывок полон ценной информации. Геродот освещает некоторые подробности из прошлого Алкмеонидов – и подробности эти таковы, что Алкмеониды, в частности тот же Перикл, охотно забыли бы их. Впрочем, подчеркиваются семейные связи Клизфена Афинского и Клизфена Сикионского. Кстати, Геродот делает это и ранее в своем труде (Herod. V. 67):

²² В целом прекрасным является исследование Р. Девелина об афинских магистратах. Однако в датировке архонтата Мегакла 632/631 г. до н. э. (*Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge, 2003. P. 30*) он, думается, все-таки допустил ошибку (да он и сам ставит при этой дате знак вопроса). Обоснование датировки мятежа Килона (а стало быть, и архонтата Мегакла) 636 г. до н. э. см.: *Суриков И. Е. Из истории... С. 33* сл.

реформу фил «Клисфен (Афинский. – И. С.), мне думается, произвел, подражая своему деду с материнской стороны, тирану Сикиона». Во времена Геродота, когда само слово «тирания» стало одиозным, было, мягко говоря, не слишком деликатно указывать на чьи-либо связи с тиранами; а в случае с Клисфеном, имевшим репутацию «отца демократии», стойкого и потомственного борца с тиранией, такое указание должно было выглядеть просто-таки скандально.

«Отец истории», правда, не упоминает, что Клисфен при Писистратидах занимал даже пост архонта-эпонима²³; но, возможно, здесь перед нами не сознательное замалчивание нелицеприятного для Алкмеонидов факта, а простое незнание этого факта. В конце концов, Геродот не являлся афинским гражданином и совершенно не обязан был знать наизусть всех архонтов Афин; он передавал то, что сообщали ему его информаторы. А стела с перечнем эпонимных магистратов была выставлена на Агоре, судя по шрифту²⁴, явно позже геродотовских визитов к афинянам.

Далее у Геродота упоминается Алкмеонид Гиппократ, брат Клисфена. Казалось бы, незначительная подробность – но и тут есть свои «подводные камни». Имя Гиппократа – не алкмеонидовское, оно принадлежало к ономастическому фонду Писистратидов. Отца самого Писистрата звали Гиппократом. Есть интересная, весьма вероятная гипотеза, согласно которой Мегакл назвал одного из своих сыновей именно в честь того самого Гиппократа²⁵ и это имело место в 550-х гг. до н. э., в период временного союза между Алкмеонидами и Писистратидами²⁶.

У Мегакла и Агаристы были, помимо Клисфена и Гиппократа, также другие сыновья, но Геродот о них ничего не говорит. Ему интересны только эти двое: ведь само упоминание их имен заставляло вспомнить читателей о связях Алкмеонидов с тиранией.

²³ Что первым установил Б. Меритт (*Meritt B. D. An Early Archon List // Hesperia. 1939. Vol. 8. P. 59–65*), опубликовав надпись, опознанную как фрагмент афинского списка архонтов; в дальнейшем были обнаружены и другие куски того же камня, стоявшего на Агоре, что позволило Д. Брадину (*Bradeen D. The Fifth-Century Archon List // Hesperia. 1964. Vol. 32. P. 187–208*) предложить весьма вероятную реконструкцию памятника в целом.

²⁴ К его характеристике см.: *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 9.*

²⁵ *Raubitschek A. E. Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge, MA, 1949. P. 338 ff.* См. к этой ономастико-просопографической проблеме также: *Shapiro H. A. Hippokrates Son of Anaxileos // Hesperia. 1980. Vol. 49. No. 3. P. 289–293.*

²⁶ История тиранической династии Писистратидов в ее взаимоотношениях с другими афинскими аристократическими родами, в том числе и с Алкмеонидами, наиболее детально освещена в монографиях: *Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993; Lavelle B. M. Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and “Democratic” Tyranny at Athens. Ann Arbor, 2005.*

А затем идет родословная Перикла. Был ли Геродот в числе его друзей? Если это так – то в данном случае он поступил не так, как подобало бы другу. Периклу, как уже вкратце упоминалось выше, меньше всего были нужны напоминания о его семейных связях с «оскверненным» родом Алкмеонидов. Он рад бы был избавиться от подобного «наследия» и делал для этого всё. Еще с молодости его попрекали фамильным сходством с Писистратом²⁷, и ясно, что подобные упреки воспринимались им болезненно (Plut. Pericl. 7). И вот теперь родство между двумя афинянами подчеркивается Геродотом. Перикл позиционировал себя как чисто публичную фигуру, стремился отказаться от любых личных отношений (Plut. loc. cit.), даже развелся с женой, которая, исходя из Алкмеонидов, являлась его родственницей²⁸; а теперь его личные связи акцентируются Геродотом. Перикл провел закон, фактически запрещавший афинянам жениться на иноземках²⁹, поскольку дети от таких смешанных браков отныне теряли гражданские права; а теперь, опять же, в «Истории» каждый мог прочесть, что Перикл имеет смешанное, а не чисто афинское происхождение.

Наконец, обратимся к знаменитому эпизоду со сном Агаристы. На первый взгляд рождение льва может восприниматься в позитивном свете, как символ благородства и славы: для нас лев прежде всего животное царственное, геральдическое. Так было и в некоторых древних государствах – но отнюдь не в Афинах! Более того, в этом полисе с его развитой демократией царственная символика была, мягко скажем, не самой приемлемой вещью, неизбежно порождала проблемы.

Дж. Харт совершенно прав, настаивая на двойственной природе образа льва³⁰, связанного не только с храбростью, но и с хищническим насилием. Точное значение сна Агаристы не ясно из геродотовского текста. Возможно, что историк сознательно ввел эту двусмысленность. Как бы то ни было, львиная символика подразумевала некую скрытую угрозу. «Не надо львенка в городе воспитывать», – говорит Эсхил в «Лягушках» Аристофана (Aristoph. Ran. 1431), причем имеется в виду не кто иной, как Алкивиад – родственник и подопечный Перикла³¹.

²⁷ Писистрат и Перикл действительно состояли в родстве см.: *Bicknell P. J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia*. 1974. Bd. 23. S. 146–163.

²⁸ Об этой стороне политического поведения Перикла см.: *Humphreys S. C.* The Family, Women and Dead: Comparative Studies. L., 1983. P. 24.

²⁹ Лучшим исследованием об этом законе считаем большую статью: *Blok J. H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170.

³⁰ *Hart J.* Op. cit. P. 13. К проблеме см. также: *Dyson G. W.* ΛΕΟΝΤΑ ΤΕΚΕΙΝ // *Classical Quarterly*. 1929. Vol. 23. No. 3/4. P. 186–195.

³¹ *Bloedow E. F.* On "Nurturing Lions in the State": Alcibiades' Entry on the Political Stage in Athens // *Klio*. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 49–65.

Интересным и странным выглядит суждение Цицерона в трактате «О дивинации» (I. 121): *et, si mulier leonem peperisse visa esset, fore ut ab exteris gentibus vinceretur ea res publica, in qua id contigisset* – «Если женщине приснилось, что она родила льва, то государство, в котором это произошло, будет покорено внешними племенами». Цицероновские толкования сновидений взяты через посредство Хрисиппа и Антипатра из сонника Антифонта (Ibid. I. 39). Этот Антифонт – автор V в. до н. э., и есть веские основания отождествлять его с Антифонтом – оратором и софистом, видным участником афинской интеллектуальной и политической жизни, лидером переворота Четырехсот (411 г. до н. э.)³².

В таком случае данное толкование перестает казаться странным и становится осмысленным. На самом деле, Антифонт был младшим современником Перикла и, несомненно, читал Геродота. Он застал еще и значительную часть Пелопоннесской войны, вплоть до катастрофически закончившейся Сицилийской экспедиции. После провала последней конечное поражение Афин казалось неминуемым. Было самое время припомнить об образе льва у Геродота. Перикл стоял у истоков Пелопоннесской войны, – собственно, его обвиняли в ее развязывании, равно как и в афинской эпидемии 420-х гг. до н. э., серьезно ослабившей полис. Трудно сказать, были ли в уме у Геродота все указанные импликации, но исключать этого нельзя. Историк совершенно точно был еще жив в первые годы войны. А может быть, и не только в первые: достаточно серьезные аргументы приводились в пользу публикации его труда около 414 г. до н. э.³³ Можно только гадать, кто первым написал о «сне со львом» – Геродот или Антифонт. Последний никаким образом не относился к сторонникам Перикла и его политики. Есть возможность, что именно он, используя символический образ, показывал ее опасность для государства, а Геродот использовал эту информацию.

Итак, чего мы не находим в «Истории» – так это симпатии к Периклу. Вся «апология Алкмеонидов», рассмотренная выше, оказывается пассажем, ни в малейшей мере не защищающим ни Алкмеонидов, ни Перикла (хоть часто ее и воспринимают именно в этом смысле). Еще менее «проалкмеонидскими» являются другие экскурсы Геродота об этом роде. В них мы встречаем такие фигуры, как Мегакл, который то дружит, то враждует с тираном и к тому же грубо обманывает народ, или как Клисфен, который подкупает дельфийскую пифию

³² О тождестве нескольких носителей имени Антифонт и единстве этой личности см. убедительные аргументы в: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002.

³³ *Fornara Ch. W. Evidence for the Date of Herodotus' Publication // Journal of Hellenic Studies*. 1971. Vol. 91. P. 25–34.

в политических целях³⁴, подражает своей реформой фил сикионскому тирану, а также тайно бежит из Афин, страшаясь спартанца Клеомена (кстати, вот опять два симметричных эпизода: бегство Клисфена из Афин и его последующее возвращение афинянами – бегство Мильтиада с Херсонеса и его последующее возвращение долонками). Вообще бросается в глаза уже то, что такой видный деятель, как Клисфен, великий реформатор и «отец демократии», в труде Геродота выступает каким-то очень расплывчатым персонажем³⁵ (поэтому таковым он и остался для всей последующей традиции).

В целом эпизоды с Филаидами в «Истории» выглядят куда более живо и выразительно, чем эпизоды с Алкмеонидами. Члены рода Филаидов изображены с большей детальностью, жизненностью и явно с большей симпатией. Иными словами, родовая традиция Филаидов была для Геродота более значимой и повлияла на него в большей степени. Коль скоро уж определять Геродота как историка «алкмеонидского» или «филайдского» (разумеется, если подобная постановка вопроса вообще может считаться корректной), то верной будет вторая альтернатива.

* * *

Почему у нас возникла потребность вновь обратиться к данной проблематике, которую мы, повторим, уже освещали? Совсем недавно, в 2017 г.³⁶, в весьма авторитетном немецком журнале «Historia» была опубликована статья под названием «Геродот о Кимонидах: союзники Писистратидов в VI в. до н. э.». Ее автор – американский ученый Лорен Сеймонс, на фигуре которого, кстати, небезынтересно будет остановиться. Он подписывает все свои работы таким горделивым, чуть ли не монархическим обозначением «L. J. Samons II», но мы, конечно, не будем следовать этому обыкновению, поскольку считаем его довольно-таки диким (или тогда уж и автору этих строк нужно именовать себя «Суриков III» либо как-нибудь в подобном роде), и римскую цифру повсюду отбрасываем.

Сеймонс – ученик Ч. Форнары и даже в свое время издал в соавторстве с ним книгу очеркового характера³⁷. В дальнейшем он опубликовал монографию

³⁴ «Как говорят афиняне» (Herod. V. 63). Афиняне, которые говорили это Геродоту, уж точно принадлежали не к Алкмеонидам, а к их врагам (скорее всего, опять же к Филаидам).

³⁵ См. к проблеме: *Myres J. L. Cleisthenes in Herodotus // Mélanges Gustave Glotz. Vol. 2. P., 1932. P. 657–666.*

³⁶ *Samons L. J. Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens // Historia. 2017. Bd. 66. Ht. 1. S. 21–44.*

³⁷ *Fornara Ch. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.*

«Держава совы»³⁸ – об Афинской архэ и ее финансах³⁹, а также ряд статей о классических Афинах⁴⁰, выпустил под своей редакцией коллективный труд о «Перикловом веке»⁴¹. И, в общем-то, среди видных специалистов по Геродоту никогда не числился. Он в своей вышеупомянутой статье, по большому счету, не демонстрирует даже полноценного знания литературы по теме. В частности, совершенно не ссылается (даже не упоминает их) на три основополагающие работы о Геродоте – огромную энциклопедическую статью Ф. Якоби⁴² (а ведь от нее так или иначе отталкиваются все остальные исследования по предмету), монографию Дж. Майрса «Геродот – отец истории»⁴³ и относительно недавнюю книгу Ф. Артога «Зеркало Геродота»⁴⁴, положившую начало постмодернистскому подходу к «отцу истории».

Да Сеймонс много на что не ссылается. Так, выше упоминалась англоязычная работа автора этих строк «Геродот и Филаиды»⁴⁵, опубликованная в Штутгарте. Названия двух статей – нашей и Л. Сеймонса, – таким образом, фактически совпадают. Ибо «Филаиды» и «Кимониды» – это, можно сказать, одно и то же. Просто какие-то исследователи предпочитают называть аттический аристократический род, о котором идет речь, так, а какие-то – иначе⁴⁶. Причем мы относимся к тем, кто предпочитает именовать его Филаидами. По крайней мере, есть один случай в нарративной традиции, когда афинянин

³⁸ *Samons L. J. Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance. Stuttgart, 2000.*

³⁹ Она, впрочем, представляется нам уступающей таким работам по той же проблематике, как: *Figueira T. The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire. Philadelphia, 1998; Cohen E. E. The Athenian Nation. Princeton, 2000.*

⁴⁰ Например: *Samons L. J. Kimon, Kallias and Peace with Persia // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 2. S. 129–140; Samons L. J. Revolution or Compromise? // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources. Oxf., 2004. P. 113–122; Samons L. J. Forms and Forums of Public Speech // A Companion to Ancient Greek Government. Oxf., 2013. P. 267–283.*

⁴¹ *The Cambridge Companion to the Age of Pericles / Ed. by L. J. Samons. Cambridge, 2007.*

⁴² *Jacoby F. Herodotos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Stuttgart, 1913. Sp. 205–520.*

⁴³ *Myres J. L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953.*

⁴⁴ *Hartog F. Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre. P., 1980.* Есть, кстати, английский перевод (на случай, если Л. Сеймонс не читает по-французски): *Hartog F. The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History. Berkeley, 1988.*

⁴⁵ *Surikov I. E. Herodotus and the Philaids...*

⁴⁶ Аналогично – с боспорскими Спартокидами, которых иногда называют Левконидами. Название династии «Спартокиды» искусственно образовано антиковедами Нового времени от имени ее основателя – Спартока I, в античной же нарративной традиции мы «Спартокидов» не встретим, а у того единственного автора, где этот владетельный род хоть как-то обозначается (Aelian. Var. hist. VI. 13), он фигурирует как «Левкониды».

эксплицитно назван Филаидом. Правда, этот пассаж принадлежит позднему, не во всем заслуживающему доверия писателю – Диогену Лаэртскому. У него в качестве Филаида фигурирует философ Эпикур (Diog. Laert. X. 1), чья связь с линией Мильтиада – Кимона неясна. Эпикур принадлежал к дему Гаргетт, в отличие от Мильтиада и Кимона, чьим демом были Лакиады. Впрочем, нам недавно удалось выяснить, что одна из ветвей рода Филаидов обитала в Гаргетте уже в V в. до н. э.⁴⁷ А вот никаких «Кимонидов» мы в источниках не встретим.

Но дело, конечно же, не в названиях, а в другом. Л. Сеймонс даже не подозревает о существовании нашего исследования, притом пишет свое ровно на ту же тему. Этот маленький случай дает повод для несколько более серьезных обобщений. Мы, российские антиковеды, по простоте своей душевной считаем: нас не цитируют западные коллеги потому, что, дескать, *Rossica non leguntur*. Пишите, друзья, на английском – и на вас обратят внимание! Как выясняется, всё совсем не так. Даже работа, опубликованная на английском (и притом отнюдь не являющаяся дилетантской⁴⁸), может оказаться совершенно вне круга чтения человека, обратившегося к аналогичному вопросу⁴⁹. Порой создается однозначное впечатление (нам очень хотелось бы надеяться на то, что она является ложной): у многих западных антиковедов есть какой-то свой «круг чтения», подчас достаточно узкий, и за его пределы они не выходят.

Однако вернемся к статье Сеймонса. Этот ученый убежден в том, что Геродот в своем труде отнюдь не служил интересам Филаидов. Да, он получал от них информацию, но не собирался их безусловно оправдывать и при случае приводил данные, для этого рода вовсе не благоприятные. В то же время

⁴⁷ Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 102–127.

⁴⁸ Нам известны как минимум две рецензии на сборник, в котором вышла эта статья: Guth D. [Review:] *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 2013 // *Bryn Mawr Classical Review*. 2014. 01. 24 (<http://www.bmcreview.org/2014/01/20140124.html>); Nesselrath B. B. [Rez.:] *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 2013 // *Sehepunkte*. 2014. Bd. 14. Nr. 9 (<http://www.sehepunkte.de/2014/09/23224.html>). И в них сборник отнюдь не получил низкой оценки.

⁴⁹ Порой не помогают даже и персональные контакты. Помнится, А. Б. Ковельман, специалист по еврейской культуре эллинистического и послеэллинистического времени, сетовал нам (в личной беседе) в связи со следующим: он презентовал свою англоязычную монографию (*Kovelman A. Between Alexandria and Jerusalem: The Dynamic of Jewish and Hellenistic Culture*. Leiden; Boston, 2005) Д. Боярину, крупнейшему ныне в мире исследователю этой тематики, да и в личном разговоре с ним поделился своими идеями. Д. Боярин эти идеи воспринял, транслировал в своих последующих работах, но совершенно не обозначил, кому он этими идеями обязан.

американский исследователь принимает как что-то несомненное апологетическую позицию галикарнасского историка по отношению к Алкмеонидам. Приведем несколько релевантных пассажей из статьи.

«Апологетическая природа эксплицитной защиты историком рода Алкмеонидов... давно признана»⁵⁰. Что значит «давно признана»? И кем «признана», что это за высшая инстанция у нас появилась? Да, Л. Сеймонс в связи с данным своим высказыванием ссылается (сопроводив оговоркой *for example*) на достаточно авторитетные труды. У него фигурируют Р. Томас⁵¹ и Б. Лейвелл⁵². Однако «авторитетный в целом» и «бесспорный по данному конкретному вопросу» — отнюдь не синонимы. Монография Розалинд Томас действительно была признана этапной, но она ведь не посвящена специально ни Геродоту, ни Алкмеонидам, ни Филаидам... И чрезвычайно категоричное выражение Сеймонса «давно признана» в совокупности с парой ссылок *for example* показывают, на наш взгляд, что он просто не ознакомился хорошенько с историей вопроса, которая гораздо сложнее, чем ему кажется: он, видимо, просто не в курсе того, что в литературе в изобилии наличествуют взгляды в пользу как «проалкмеонидовской», так и «антиалкмеонидовской» тенденции Геродотова труда.

«В действительности Геродот явно имел в виду защитить Алкмеонидов от *некоторых* (курсив Сеймонса. — И. С.) обвинений, которые были возбуждены в V в. до н. э.»⁵³. «Рассказ Геродота во многом — но не во всем — следует пути, которым Алкмеониды и их союзники старались защищать свою семью в середине и конце V в. до н. э.»⁵⁴. Подобных пассажей можно было бы и еще немало привести из разбираемой работы, но все они будут в таком же духе, поэтому делать этого не имеет смысла. Иными словами, как видим, оговорки есть, но всё же в общем и целом автор рассматриваемой работы считает Геродота писателем, в целом намеренно встающим на сторону рода Алкмеонидов.

С другой стороны, в статье Л. Сеймонса, в общем-то, верно отмечено, что у Геродота не наблюдается ровно никакого стремления защищать Фемистокла⁵⁵, который тоже был аристократом, выходцем из достаточно знатного рода Ликомидов⁵⁶ (правда, из его боковой ветви, но это не могло иметь

⁵⁰ *Samons L. J. Herodotus on the Kimonids...* P. 21.

⁵¹ *Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens.* Cambridge, 1992.

⁵² *Lavelle B. M. Fame, Money, and Power...*

⁵³ *Samons L. J. Herodotus on the Kimonids...* P. 29.

⁵⁴ *Ibid.* P. 35.

⁵⁵ *Ibid.* P. 36.

⁵⁶ *Frost F. J. Themistocles' Place in Athenian Politics // California Studies in Classical Antiquity.* 1968. Vol. 1. P. 73–104; *Connor W. R. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia.* 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569–574; *Harvey F. D. Neokles, Father of Themistokles // Historia.* 1980. Bd. 29. Ht. 2. S. 110–111; *Bicknell P. J. Themistokles' Father*

принципиального значения). Дело в том, что к внезапно выдвинувшемуся на первые позиции в государстве Фемистоклу испытывали резкую антипатию как Алкмеониды, так и Филаиды; в 470-е гг. до н. э. они даже вступили между собой во временный союз (к которому был привлечен и еще один авторитетный род – Керики), единственной, по сути, целью которого стало избавление от Фемистокла (чего и удалось добиться: этот последний был вначале изгнан из Афин остракизмом, затем заочно приговорен к смертной казни, объявлен в розыск и окончил свои дни на территории Персидской державы).

Обратим внимание еще на один нюанс. На труд галикарнасца, как относительно недавно (и совершенно верно) указал Э. Рушенбуш⁵⁷, оказал весьма значительное влияние ранний историк (представитель первого, догеродотовского этапа античного историописания⁵⁸) Ферекид Афинский (первая половина V в. до н. э.)⁵⁹. А этот автор (авторитетный, имеющий весьма почтенную репутацию: Ф. Якоби называл его «первым афинским прозаиком»⁶⁰) был, несомненно, близок к Филаидам⁶¹; он, в частности, составил их родословную (Pherec. FGrHist. 3. F2).

Обратимся к словам, которыми Л. Сеймонс заключает свою статью:

К счастью для нас, Геродот решил пересказать даже нелицеприятные истории о влиятельных семьях, таких как семьи Кимона и Перикла, а в то же время часто включал в свой труд объяснения или оправдания, которые ему для соответству-

and Mother // *Historia*. 1982. Bd. 31. Ht. 2. P. 161–173; *Ставнюк В. В.* Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004. В связи с образом Фемистокла у Геродота (в целом весьма негативным) см.: *Blösel W.* The Herodotean Picture of Themistocles: A Mirror of Fifth-century Athens // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxf., 2001. P. 179–197; *Blösel W.* Thucydides on Themistocles: A Herodotean Narrator? // *Thucydides and Herodotus*. Oxf., 2012. P. 215–240. В целом о судьбе Фемистокла у античных авторов см.: *McKechie P.* Themistocles' Two Afterlives / *Greece & Rome*. 2015. Vol. 62. No. 2. P. 129–139.

⁵⁷ *Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen // *Klio*. 2002. Bd. 82. S. 335–343.

⁵⁸ Об этом этапе см.: *Суриков И. Е.* «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н. э.) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 168–202.

⁵⁹ Не следует путать его с «протофилософом» Ферекидом Сиросским, жившим раньше, в VI в. до н. э. К вопросу о носителях имени Ферекид см.: *Перевалов С. М.* Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова*. М., 2010. С. 310–317.

⁶⁰ *Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S. 116 ff.

⁶¹ Cp.: *Frost F. J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 1996. P. 87.

ющих событий предоставляли члены этих семей или их союзники. Оправдания предков Кимона, рассказы, которые Геродот слышал от современных ему апологетов или поклонников Кимонидов и затем включал в свои сообщения об истории семьи, безусловно, являются великолепным свидетельством не только о деяниях этой семьи в VI в. до н. э. и о ее репутации в V в. до н. э., но также о нежелании Геродота исключать многие несимпатичные детали из повествования об одном из самых знаменитых афинских кланов⁶².

Применительно к Алкмеонидам подобного рода пассаж был бы совершенно верен, но он-то как раз имеет отношение не к ним, а к Филаидам. В связи же с последними позволим себе сказать: никогда Геродот не дает такой негативной информации о Филаидах, как об Алкмеонидах. Род Мильтиадов и Кимонов как-то практически освобожден у историка от компрометирующих заявлений. Мильтиад Старший у него – благородный противник Писистрата, из неприязни к его тирании даже покидающий Афины (хотя в действительности колония на Херсонесе Фракийском, видимо, все-таки основывалась при сотрудничестве Мильтиада и Писистрата). Кимон Старший у «отца истории» – великий атлет, трехкратный олимпионик, хоть при этом и простак, не участвующий в политике (но это какая-то, так сказать, благородная простота, контрастирующая, например, с хитроумием «высочки» Фемистокла), но все-таки настолько влиятельный, что Писистратидам пришлось его физически устранить. О Мильтиаде Младшем уж и не говорим: на наш взгляд, из всех греческих героев «Истории» он выступает едва ли не самым ярким и значительным. Кимон Младший у Геродота появляется редко, но это обусловлено хронологическими рамками (незавершенного⁶³) труда.

Одним словом, мы пока предпочитаем оставаться при своем мнении, согласно которому великий уроженец Галикарнасса в весьма большой степени симпатизировал Филаидам и в куда меньшей степени – Алкмеонидам.

⁶² Samons L. J. Herodotus on the Kimonids... P. 41–42.

⁶³ На этом настаиваем. Ср.: Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 483–489.

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИХ И РАННЕКЛАССИЧЕСКИХ АФИН: ИСТОКИ ФЕМИНИЗМА ИЛИ МАТРИМОНИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ?*

Рубеж V–IV вв. до н. э., переломный (может быть, даже надломный) для Афин во многих отношениях, стал и временем пересмотра традиционных взглядов на место женщины в обществе, в структуре полиса, временем первых (в европейском, если не в мировом масштабе) робких шагов по направлению к женской эмансипации. Судя по всему, именно на данном хронологическом отрезке в афинской общественной мысли появляется та проблематика, которую принято обозначать как «женский вопрос»¹.

Наиболее ярким свидетельством дискуссий на эту тему, развертывавшихся в публицистике, теории государства, общественном мнении, являются «женские» комедии Аристофана – «Лисистрата», «Фесмофоризасы» (поставлены в 411 г. до н. э.) и в особенности «Законодательницы» (392 г. до н. э.)², где обрисована обширная утопическая (точнее, антиутопическая) программа преобразования социального устройства на основе радикального решения «женского вопроса». Безусловно, рассматривая драмы Аристофана как исторический источник, необходимо учитывать специфику жанра древней аттической комедии, принадлежащего к сфере гротескной «смеховой культуры». Аристофановский «мир наизнанку» имеет зачастую лишь косвенное отношение к окружающей реальности³, что, однако, не мешает комедии оставаться ценнейшим источником по афинской истории. Уже сам факт столь пристального внимания Аристофана к женщинам, полемический пафос многих его суждений демонстрируют важность данной проблематики для его современников.

Последнее подтверждается и рядом других свидетельств. Так, Еврипид (уже отнюдь не в комическом, а во вполне серьезном ключе) поднимает вопросы

* Впервые опубликовано в: Античный мир и его судьбы в последующие века: Доклады конф. М., 1996. С. 43–52.

¹ Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 134.

² Geissler P. Chronologie der altattische Komoedie (Philologische Untersuchungen. Ht. 30). В., 1925.

³ См. нашу статью: Суриков И. Е. Черты народной смеховой культуры в творчестве Аристофана // Античный вестник: Сб. науч. трудов. Омск, 1994. Вып. 2. С. 165–173.

женской эмансипации, реформы института брачных отношений, «общности жен» (ср. Eur. fr. 653 Nauck) и т. п. К этому же времени – рубежу V–IV вв. до н. э. – большинство исследователей относят первый известный нам теоретический труд, предлагающий решение «женского вопроса» на эгалитарных началах. Этот труд, принадлежавший Фалею Халкедонскому, разбирается Аристотелем в «Политике» (Arist. Pol. II. 4)⁴. Впоследствии, в IV в. до н. э., тематика, связанная с положением женщины, занимает видное место у крупнейших мыслителей – Платона, Аристотеля, Зенона-стоика и др.

В свете изложенных фактов представляет интерес взгляд на место женщин в структуре афинского полиса, в частности на их роль в политической жизни, в предшествующую историческую эпоху, в VI–V вв. до н. э. В историографии прочно утвердилось мнение о том, что положение женщины в Афинах этого времени было достаточно принижено (в отличие, скажем, от Спарты) как в правовом, так и в политическом отношении: афинянки практически не имели доступа к общественной жизни (не считая культовой сферы). В нашу задачу отнюдь не входит опровержение данной схемы. Однако, на наш взгляд, некоторые ее нюансы нуждаются в уточнении.

Литература, посвященная положению женщин в античности вообще и в Афинах в частности, достаточно обширна⁵, однако она трактует проблему в основном на общем уровне. Нам же представляется, что немалую услугу здесь могла бы оказать просопография, привлечение фактологического материала о конкретных, известных нам из источников женщинах рассматриваемой эпохи.

В 1933 г. А. Гомм предостерегал против злоупотребления просопографическим методом, ссылаясь, в частности, на крайнюю скудость имеющихся в нашем распоряжении упоминаний женщин⁶. За последние 60 лет комплекс источниковых данных не претерпел в целом значительного расширения; появилось лишь небольшое число новых свидетельств (в основном эпиграфических). Однако в высшей степени успешная работа целой когорты специалистов (Т. Л. Шир, Дж. Дейвис, П. Бикнелл, О. Оранш, Р. Кроми, С. Хамфрис, Р. Литтман и др.) в области аттической просопографии позволила подвергнуть новой интерпретации уже известные факты, найти взаимосвязь между, казалось бы, разрозненными сообщениями, придать большую стройность генеалогическим стеммам ряда афинских родов. В целом прогресс, достигнутый на просопографическом направлении, представляется весьма значительным⁷. Это касается

⁴ Гуторов В. А. Указ. соч. С. 133–134.

⁵ Одна из последних известных нам работ: Schuller W. Frauen in der griechischen und römischen Geschichte // Eirene. 1993. Vol. 28. P. 37–48.

⁶ Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Westport, 1986 (репринтное переиздание книги, впервые вышедшей в 1933 г.). P. 80–81.

⁷ Хотя и поныне есть скептики: Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Lille, 1976.

и женских биографий. Характерно, что даже незнание нами имени той или иной афинянки перестает быть препятствием к исследованию ее судьбы (именно так произошло с первой женой Перикла).

Наиболее прославленной женщиной рассматриваемой эпохи является, безусловно, Аспасия⁸. Ее участие в политической жизни (разумеется, закулисное: «легальных» способов такого участия афинские женщины не имели) не подвергается сомнению. Однако Аспасия – фигура совершенно нетипичная. Она – не афинянка, а уроженка Милета, причем, судя по всему, знатного рода; имя ее отца Аксиох встречается в Афинах в семье Алкивиада. Она – гетера, что освобождало ее жизнь от множества условностей, сковывавших жизнь замужних женщин. Наконец, она – подруга, а впоследствии (примерно с 445 г. до н. э.) и фактическая жена «первого гражданина». Помимо прочего, необходимо отметить, что ее роль в политической жизни Афин, судя по всему, преувеличена авторами древней аттической комедии, нападкам которых она постоянно подвергалась (Plut. Pericl. 24). Противники Перикла приписывали многие его непопулярные меры влиянию Аспасии. Так, ее считали ответственной за войну с Самосом 440–439 гг. до н. э. (Plut. Pericl. 25), за развязывание Пелопоннесской войны (Aristoph. Ach. 524 sqq.; Plut. Pericl. 30). Ей приписывали участие в составлении речей Перикла, в том числе знаменитой «Надгробной речи» (Plat. Menex. 236b). Каково было действительное влияние Аспасии на афинскую политику, определить сложно; безусловно одно – что ее, на взгляд демоса, излишне активная роль вызывала ярко выраженное неприятие и отторжение, вылившееся в судебный процесс против нее (Plut. Pericl. 32; Athen. XIII. 589e). Следует, впрочем, отметить, что на этом ее «карьера» не закончилась: после смерти Перикла Аспасия еще была женой второстепенного политика Лисикла (Plut. Pericl. 24; Schol. Aristoph. Equ. 132).

Характерно, что из коренных афинянок рассматриваемого периода можно указать лишь одну, которую допустимо в какой-то степени сопоставить с Аспасией, являющуюся ее слабым подобием. Это – представительница знатного рода Филаидов Эльпиника, дочь Мильтиада и сестра Кимона. Помимо ее вступления около 480 г. до н. э. в политический брак с Каллием (Her. Cim. 1; Plut. Cim. 4), упрочивший коалицию Кериков и Филаидов (в которой участвовали и Алкмеониды), известны два случая ее политического посредничества между Кимоном и Периклом – в 463/462 и 457 гг. до н. э. (Plut. Pericl. 10; Cim. 14)⁹. Первое привело к оправданию Кимона в возбужденном против него судебном процессе, второе – к досрочному возвращению Кимона из остракизма (по мнению Э. Бадияна,

⁸ О ней см.: *Кравчук А.* Перикл и Аспасия. М., 1990; *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // *Aevum.* 1977. Vol. 51. Fasc. 1/2. P. 10–26.

⁹ Хронологию см.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 101–102.

без восстановления в политических правах вплоть до официального окончания срока изгнания).

Эльпиника, как и Аспасия, подвергалась нападкам со стороны авторов древней комедии (Eupol. fr. 221 Kock; Plut. Cim. 4; 15). Ее обвиняли в инцесте с Кимоном, в близости с художником Полигнотом, в том, что она была «непорядочной» (οὐκ εὐτακτος). Причиной обвинений, судя по всему, являлась ее относительно видная роль в афинской жизни. В результате в традиции об Эльпинике истина настолько переплелась с наветами, что сама эта традиция во многом стала восприниматься как анекдотическая, неаутентичная. Мощным аргументом в пользу ее достоверности стал недавно опубликованный остракон с Керамика с надписью: Κίμων Μιλτιάδου Ἐλπινίκην λαβὼν ἵτω – «Пусть Кимон, сын Мильтиада, взяв Эльпинику, убирается»¹⁰. Он со всей безусловностью демонстрирует, что мотив «Кимон – Эльпиника» современен событиям и что Эльпиника уже во времена первых остракофорий (480-е гг. до н. э.) была лицом, известным широкому кругу афинян. Отметим, впрочем, что Эльпиника родилась и воспитывалась на Херсонесе Фракийском, да и матерью ее была не афинянка, а фракийская царевна Гегесипила.

Афинские женщины, известные из источников, принадлежат по большей части к аристократическим родам. Наибольшее количество просопографического материала дают, бесспорно, Алкмеониды. Только по именам известны восемь женщин из этого рода: три Кесеры, три Агаристы, Исодика, Диномаха. Упоминаются и другие женщины из Алкмеонидов, имена которых не названы.

Самой интересной фигурой из этих «безымянных» является первая жена Перикла, его двоюродная сестра¹¹. Известно о трех замужествах этой женщины: это ее браки с Гиппоником из рода Кериков (их сын Каллий получил из-за матери славу «оскверненного» – ἀλιτήριος, см.: Andoc. I. 130–131), с Периклом (дети Ксантипп и Парал) и с неизвестным афинянином. Р. Кромби предположил, что третьим ее мужем был Клиний из рода Саламиниев, и, таким образом, отождествил ее с Диномахой, матерью знаменитого Алкивиада¹². При всей заманчивости гипотезы Кромби ее приходится отвергнуть. Если Диномаха была первой женой Перикла, в высшей степени странно, что об этом не упоминает ни один источник. Правда, Корнелий Непот (Nep. Alc. 2) называет Алкивиада «пасынком» (privignus) Перикла, но это имеет место, судя по всему,

¹⁰ Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 14.

¹¹ Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 77–83.

¹² Crome R. D. Perikles' Wife: Chronological Calculations // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1982. Vol. 23. No. 3. P. 203–213; Crome R. D. On Deinomache // Historia. 1984. Bd. 33. Ht. 4. P. 385–401.

из-за нередкой у Непота путаницы¹³. Греческие авторы называют Алкивиада ἀνεψιᾶδοῦς Перикла¹⁴, то есть его племянником (строго говоря, двоюродным племянником). Не говорим уже о том, что в построениях Кроми Диномаха оказывается едва ли не старше своего мужа Клиния (такого рода случаи в Афинах не зафиксированы).

Карьера жены Перикла предстает в известной мере уникальной. Трижды она вступала в брак, причем как минимум дважды – с представителями знатнейших родов, игравшими видную роль в политической жизни. Трудно представить, что во всех трех случаях она была чисто страдательной стороной, простым орудием политических альянсов.

Из рассмотренного случая очевидно, что практически единственной институционализированной формой участия в политической жизни было для знатных афинянок, не желавших «потерять лицо», вступление в политический брак¹⁵. Не случайно, что из восьми известных нам по именам представительниц Алкмеонидов о пяти мы знаем исключительно в связи с такого рода браками: Кесиры (I) – жена Алкмеона, Кесиры (II) – третья жена Писистрата, Агариста (II) – жена Ксантиппа, мать Перикла, Исодика – жена Кимона, Диномаха – жена Клиния. Чуть больше информации об остальных трех, но и она тоже связана с матримониальными союзами.

Так, Агариста (I), дочь Клисфена Сикионского и жена Мегакла, вождя паралиев, после оскорбления, нанесенного их дочери Кесире (II), убедила мужа разорвать союз с Писистратом, что привело к изгнанию последнего (Herod. I. 61). Не следует видеть в этом рассказе Геродота простой анекдот: здесь затрагивалась аристократическая честь (τιμή) Мегакла, что было достаточным поводом для разрыва¹⁶. Таким образом, женщина вполне могла оказывать влияние на мужа-политика; это также можно рассматривать как одну из форм участия (зачастую весьма значительного, ср. Plut. Them. 18) в политической жизни в условиях отсутствия у женщин политических прав.

Агариста (III), видимо племянница Перикла, была женой его сподвижника Дамона, а затем – некоего Алкмеонида. В 415 г. до н. э. она донесла на Алкивиада по делу о профанации мистерий (Andoc. I. 16).

Одна из наиболее загадочных женщин – Кесиры (III), дочь законодателя Клисфена и жена своего двоюродного брата Мегакла (пифийского победителя). Источники смешивают ее с двумя другими женщинами, носившими

¹³ Связанной в данном случае, скорее всего, с тем, что Перикл стал опекуном Алкивиада после того, как отец последнего, Клиний, погиб в сражении.

¹⁴ Thompson W. E. The Kinship of Perikles and Alkibiades // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1970. Vol. 11. No. 1. P. 27–33.

¹⁵ О таких браках см.: Humphreys S. C. The Family, Women and Death. L., 1983. P. 24.

¹⁶ Ср.: Littman R. J. Kinship and Politics in Athens, 600–300 B.C. N. Y., 1990. P. 81–106.

то же имя; заслуга «введения» ее в аттическую просопографию принадлежит Т. Л. Ширу¹⁷. В последние годы некоторые исследователи на основании остракона с Керамика с надписью Μεγακλῆς Ἱπποκράτους καὶ Κοισύρας выделяют еще и четвертую Кесиру – мать Мегакла¹⁸. Никаких иных сведений об этой четвертой Кесире мы не имеем; логичнее, на наш взгляд, предположить, что ее и не было, а на данном остраконе упомянута, – правда, несколько экстравагантным способом – именно Кеси́ра (III).

Появление имени Кесиры на острака не случайно; как и в случае с Эльпидикой, оно свидетельствует о широкой известности этой женщины в Афинах. Кеси́ра славилась прежде всего богатством и роскошным образом жизни (Aristoph. Nub. 41–52 cum schol.; Suid. s.v. Κοισύρα). От ее имени даже был образован неологизм ἐγχεκοισυρωμένος (Hesych., Suid., Et. Magn. s.v.) со значением «чванящийся родом и богатством, надменный, высокомерный». Впрочем, не исключено, что этот эпитет пошел еще от первой Кесиры, знатной и богатой эретриянки, жены Алкмеона, одного из основателей рода. Во всяком случае, именно роскошь и чванливость, судя по всему, сделали имя Кесиры известным (попавшим даже на острака) и едва ли не нарицательным. Не избежала Кеси́ра и насмешек комедиографов (Aristoph. Ach. 613–615; Nub. 41–52 cum schol., 800 cum schol.). В частности, она обвинялась в рабском происхождении. Напрасными кажутся попытки некоторых исследователей (Кромби, Лейвелла) найти рациональную подоплеку этого обвинения, «объяснить» рабский статус Кесиры. Перед нами, насколько можно судить, обычная для древней комедии инвектива; так, рабским происхождением попрекается и Алкивиад (Schol. Aristoph. Pax 450–451).

Подведем некоторые итоги вышеизложенного. Участие женщин в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин действительно было весьма затруднено как отсутствием у них политических прав, так и – в еще большей степени – консерватизмом общественного мнения. Практически единственным способом такого участия на протяжении всей рассматриваемой эпохи была матримониальная традиция. С помощью политических браков формировались и распадались коалиции аристократических родов, долгое время лежавшие в основе политических группировок. Роль женщин в этих браках нельзя считать целиком пассивной: так, они могли содействовать заключению или разрыву альянса. Не следует преуменьшать и влияние женщин на мужей-политиков в повседневной жизни (малое количество свидетельств о таком влиянии не должно приводить нас к выводу о его отсутствии).

¹⁷ Shear T. L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. Vol. 17. No. 2. P. 99–112.

¹⁸ Crome R. D. On Deinomache... Brenne S. Op. cit. P. 15; Lavelle B. M. Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1989. Vol. 30. No. 4. P. 503–513 (последний автор признает существование только двух Кесир).

Однако попытки женщин заявить о себе в других сферах политической жизни вызывали, как правило, осуждение, прекрасным индикатором которого являлась комедия. Впрочем, в целом женщины, видимо, довольствовались существующим положением вещей и не добивались большего.

Сказанное относится, безусловно, исключительно к представительницам аристократических родов. Незнатным женщинам путь в политику был закрыт в принципе. По мере демократизации афинского полиса снижается роль аристократии в политической жизни, а с ней – и значение матримониальной традиции. В эпоху господства демоса закрывается последний путь в политику для женщин. В этот период (конец V в. до н. э.) впервые и встает (пока на теоретическом уровне) «женский вопрос», в произведениях афинских авторов начинают прослеживаться некоторые эмансипационные тенденции.

Постепенно меняется отношение к «слабому полу» даже у комедиографов, в прошлом – решительных гинофобов. В эпоху новой комедии (в частности, у Менандра) взгляд на женщин становится куда более позитивным, сочувственным, нежели едва ли не во всей предшествующей литературе¹⁹.

¹⁹ Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 88.

КОЕ-ЧТО О РОДСТВЕННИКАХ ЭСХИНА И ДЕМОСФЕНА («РАБ ТРОМЕТ», «ПРЕДАТЕЛЬ ГИЛОН» И ДРУГИЕ, ИЛИ: А БЫЛ ЛИ «НИМФЕЙСКИЙ СЛЕД»?)*

У афинянина Гилона – своеобразная «историографическая судьба». Многие из зарубежных антиковедов даже не подозревают о его существовании¹. А вот в отечественной науке² эта фигура более чем популярна. Помимо того, что имеются специально посвященные ему исследования, в которых имя Гилона появляется даже в названиях³, – можно еще отметить, что без упоминаний о нем практически не обходится ни одна общая работа по истории Боспора⁴. Причины такого положения дел вполне понятны. Ведь Гилон, как обычно

* Впервые опубликовано в: Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 393–413.

¹ Разумеется, сказанное не относится к тем нашим западным коллегам, которые включают Причерноморье в сферу своих специальных научных интересов. См., например: Braund D. The Sindians of the Taman Peninsula c. 400 BC: Polyaeus' Tirgitaos, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб., 2006. С. 20 сл.

² Наверное, во избежание возможных недоразумений нужно сразу оговорить, что «отечественной» историографией мы – чисто условно, просто для краткости – называем историографию а) российскую дореволюционную; б) советскую; в) российскую постсоветскую; г) постсоветскую в бывших республиках СССР, в 1991 г. провозглашенных независимыми государствами (прежде всего, разумеется, украинскую).

³ Каллистов Д. П. Измена Гилона // ВДИ. 1950. № 3. С. 27 сл.; Жебелёв С. А. Афины, Нимфей и измена Гилона // Жебелёв С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 180 сл.; Кошеленко Г. А., Усачова О. М. Гилон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51 сл.; Мельников О. Н. Нимфей, скифский вожь Саммак и «измена Гилона». Ч. 1 // Нумізматика і фалеристика. 2001. № 2. С. 34 сл.

⁴ Назовем лишь несколько работ, чисто *exempli gratia*: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 175 сл.; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 216; Блаватский В. Д. Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 2. М., 1954, С. 43 сл.; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956. С. 36 сл.; Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959. С. 71; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.,

считается, – это тот персонаж, через которого проходит одна из не столь уж многочисленных связующих нитей между Боспорским государством и Афинами. Причем в данном случае речь идет о связи даже не просто с Афинами, а с одним из наиболее выдающихся деятелей за всю историю славнейшего полиса Эллады – с самим Демосфеном, дедом которого по материнской линии являлся Гилон.

Сведения нарративной традиции об этом последнем весьма скудны. И то сообщение, которое традиционно в наибольшей степени привлекает внимание ученых, – известный пассаж из речи оратора Эсхина против Ктесифонта (а фактически – против Демосфена), произнесенной в нашумевшем процессе о венке, имевшем место в 330 г. до н. э. (Aeschin. III. 171–172). Не сомневаемся, что специалистам пассаж этот знаком едва ли не наизусть. И все-таки, коль скоро далее речь пойдет именно о нем и о сопряженных с ним текстах, – наверное, будет не лишним процитировать интересующий нас отрывок. Даем собственный перевод с минимальным комментарием. Перевод, полагаем, не будет отличаться особым литературным блеском (не в этом его задача), но зато в нем будет по возможности передан ряд немаловажных смысловых нюансов, нередко упускаемых из виду.

1963. С. 80 сл.; *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 1985. С. 109 сл.; *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 19 сл.; *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 40 сл.; *Молев Е. А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 63 сл.; *Завойкин А. А.* Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 262 сл.; *Завойкин А. А.* Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 80; *Завойкин А. А.* Боспор: Пантикапей и территориальное государство // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб., 2006. С. 77; *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 16; *Завойкин А. А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 225, 229; *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 23 сл.; *Сапрыкин С. Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 177 сл.; *Saprykin S.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora und Polis. München, 2004. S. 202.

Был Гилон из керамийцев⁵. Он, предав врагам (τοῖς πολεμίοις)⁶ Нимфей в Понте – тогда наш город владел этим местом (χωρίον)⁷, – оказался изгнанником / беглецом⁸ (φυγάς... ἐγένετο) из полиса из-за исангелии⁹: он не предстал (οὐχ ὑπομείνας) перед судом, и его приговорили к смерти. И он прибывает в Боспор¹⁰, и там получает от тиранов дар – так называемые

⁵ То есть из числа членов афинского дема Керамик, принадлежавшего к городской триттии филы Акамантиды.

⁶ Сложен уже сам по себе вопрос, кто здесь имеется в виду под «врагами» (да еще с определенным артиклем). На момент описываемого эпизода шла Пелопоннесская война, так что наиболее естественно предполагать во «врагах» спартанцев и их союзников. Собственно, именно так и видел ситуацию С. А. Жебелев (*Жебелёв С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 64–65*), но он со своим мнением остался практически в одиночестве. В дальнейшем безоговорочно восторжествовала точка зрения, согласно которой речь должна идти о Пантикапее, что, однако, ставит ряд неразрешимых проблем. Ведь πολέμιοι – это, по определению, те и только те, с кем ведется πόλεμος. Стало быть, нужно бы показать, что в то время Пантикапей находился в состоянии войны с Афинами или, как минимум, состоял в союзе со Спартой.

⁷ Термин χωρίον достаточно расплывчат, но нередко имеет импликации укрепленного места, небольшой крепости.

⁸ Греческая лексема φυγάς совершенно недифференцированно обозначает как изгнанника (человека, удаленного из полиса приговором суда или решением властей), так и беглеца (человека, удалившегося из полиса добровольно, – например, из каких-либо опасений). Подобная недифференцированность вообще характерна для древнегреческой юридической лексики, что связано с особенностями правосознания и правовой культуры эллинов.

⁹ Исангелия – в Афинах тип судебного процесса, применявшийся в случае особо серьезных преступлений (обычно политических). О нем см.: *Hansen M. H. Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; Rhodes P. J. Εἰσαγγελία in Athens // Journal of Hellenic Studies. 1979. Vol. 99. P. 103 ff.; Carawan E. M. Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167 ff.; Bearzot C. Anomalie procedurali ed elusione del «nomos» nei processi per alto tradimento: «eisanghelìa» e «asebeia» // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). 1996. Vol. 22. P. 71 ss.; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 270 сл.*

¹⁰ Считаю более уместным переводить εἰς Βόσπορον «в Боспор», а не «на Боспор», поскольку вероятнее, что здесь имеется в виду не регион, а государство. Не исключаем, что у Эсхина здесь допущен анахронизм. Во всяком случае, речь явно идет о дворе пантикапейских тиранов. Кстати, ни на чем не основано часто встречающееся в литературе допущение, что Гилон после «нимфейского дела» вернулся в Афины, а только потом уехал обратно в Северное Причерноморье. Оно опирается только на не очень точный перевод источника. В действительности у Эсхина, как видим, не сказано, что Гилон бежал из Афин, а сказано, что он «оказался φυγάς» после своего проступка. Согласно афинскому оратору, события развиваются следующим образом. «Предав» Нимфей, Гилон тем самым попал в статус

Кепы¹¹, и берет в жены женщину, клянусь Зевсом, богатую и принесшую с собой [в приданое] много золота, но скифянку родом. От нее у него родятся две дочери, которых он, послав (ἀποστείλας) сюда¹² с большим количеством денег, выдал замуж: одну – неважно за кого (не хочу стать ненавистным многим)¹³, другую же взял в жены, презрев законы полиса, Демосфен-пеаниец; от нее-то у вас и родился сутяга и сикофант Демосфен. Итак, он, может быть, уже из-за своего деда является врагом полиса: ведь вы приговорили его предков (sic!) к смерти. А по линии матери-скифянки он – варвар, говорящий по-гречески. Потому и подлость у него такая, какая здешним людям не свойственна.

Об эпизоде с Гилоном и Нимфеем существуют и другие сообщения источников. Все они – поздние, а самое главное, следует подчеркнуть, заключается в том, что *ни одно из них* не имеет независимой ценности по сравнению с рассказом Эсхина. Иными словами, авторы последующих эпох опираются исключительно на него, а если и говорят что-то новое, то не потому, что они имели доступ к некой неизвестной Эсхину информации, а просто предлагают собственные умозрительные соображения. Чтобы наша позиция не показалась голословной, проанализируем соответствующие пассажи.

Schol. Aeschin. III. 171–172. (К слову «Нимфей»): «Место полиса на Понте: его имели афиняне, а афинянин Гилон предал тиранам Боспора». (К слову φυγάς): «Оказался изгнанником / беглецом и получил от тиранов место, которое называлось Кепы». (К слову «суд»): «То есть наказание. Ведь позволялось уйти

беглеца. Очевидно, сразу же после того, как весть дошла до Афин, там была возбуждена против Гилона исангелгия, и тот прекрасно понимал, что это для него значит. В последний период Пелопоннесской войны страсти в «городе Паллады» были накалены *nes plus ultra* (достаточно вспомнить судьбу Алкивиада или процесс стратегов, победивших при Аргинусах), и если Гилон имел голову на плечах (а ничто не свидетельствует о том, что он ее не имел), он ни за что не отправился бы на родину, где его заведомо не ждало ничего иного, кроме смертного приговора. Он, таким образом, вероятно, прямо из Нимфея отправляется «в Боспор», то есть в Пантикапей (получается, что Эсхин не относит к «Боспору» Нимфей, что вполне естественно, поскольку на момент описываемого эпизода Афины, несомненно, еще не признали официально утрату своего форпоста), и уже там разворачиваются дальнейшие события.

¹¹ Ровно ни из чего не следует, что Гилон был назначен наместником Кеп – тоже точка зрения, весьма популярная в историографии. Уж скорее припоминаются иные аналогии – раздаривание персидскими царями городов своей державы знатным беглецам-эллинам.

¹² Иными словами, по Эсхину получается, что сам Гилон так и остался на Боспоре, в Афины больше не вернулся.

¹³ Эсхин здесь явным образом темнит: уж очень невыгодно было ему говорить, чьей женой была тетка Демосфена (см. ниже). Это привлекло бы к делу крайне нежелательных для Эсхина свидетелей и могло бы разоблачить обвинителя.

в изгнание после первого суда, даже если приговор был смертным, как мы знаем из речи «Против Тимократа»».

Наивно было бы полагать, что спустя много веков после случившегося в распоряжении позднеантичного схолиаста вдруг откуда-то (откуда?!) оказались такие (причем аутентичные) подробности «дела Гилона», какими не располагал и сам Эсхин, отделенный от событий лишь несколькими десятилетиями. Разумеется, анонимный автор схолий, зная локализацию Нимфея и внимательно прочтя комментируемый пассаж, всего-навсего логически рассудил, что Гилон сдал город не кому иному, как боспорским тиранам; в конце концов, именно они упомянуты у Эсхина чуть ниже. Равным образом предположение о том, что Гилон ушел в изгнание «после первого суда» – лишь догадка схолиаста, и догадка ничем не подкрепленная. А дающаяся в связи с этим ссылка на речь Демосфена «Против Тимократа», – похоже, ложная. Во всяком случае, мы в этой речи ничего подобного не обнаружили.

Plut. Demosth. 4. «Что касается утверждения оратора Эсхина, будто мать Демосфена была дочерью некоего Гилона, обвиненного в измене и потому бежавшего из Афин (ἐπ' αἰτίᾳ προδοσίας φεύγωντος ἐξ Ἀθηνῶν), и женщины-варварки, – мы не можем установить, говорит ли он правду, или клеветает (βλασφημῶν καὶ καταψευδόμενος)»¹⁴. Как видим, такой ответственный автор, как Плутарх¹⁵, не знает никаких иных данных по «делу Гилона», кроме эсхиновского выпада, а этому последнему он не слишком-то доверяет.

Ps.-Plut. Vitae X or. (Mor. 844a): «Демосфен, сын Демосфена и Клеобулы, дочери Гилона, а по дему – пеаниец...». Трактат «Жизнеописания 10 [канонических] ораторов» не принадлежит Плутарху, хотя и сохранился в корпусе его сочинений. Но, впрочем, сочинение и не сильно отстоит от времени херонейского моралиста, датируясь II в. н. э.¹⁶ Весьма интересно, что здесь мать Демосфена, дочь Гилона, названа по имени. Что же касается самого Гилона, то о нем, кроме имени, ничего не сообщается.

Liban. Hypoth. Demosth. 2. «С материнской же стороны происхождение оратора, как говорят, не было чисто аттическим, так как дед Демосфена Гилон, изгнанный из Афин по обвинению в измене, проживал на берегах Понта (φυγόντος μὲν ἐξ Ἀθηνῶν ἐπὶ προδοσίας ἐγκλήματι, οἰκήσαντος δὲ περὶ τὸν Πόντον) и там женился на женщине скифского происхождения, от которой у него была дочь Клеобула, мать Демосфена. За это-то и нападали на него

¹⁴ Перевод С. П. Маркиша.

¹⁵ Плутарх – один из самых ответственных античных авторов. См.: Blois L. de. Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 429 ff.

¹⁶ Суриков И. Е. Antiphon I: нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // Studia historica. 2006. Вып. 6. С. 47.

некоторые, в том числе и Эсхин, говоря, будто он – скиф, варвар, только говорящий на греческом языке»¹⁷. Легко заметить, что знаменитый ритор эпохи «третьей софистики» всецело опирается на сведения Эсхина, только на него он и ссылается. Либаний вместо топонима «Боспор» употребляет «Понт», но этому вряд ли следует придавать какое-то значение.

Suid. s.v. Γύλων. «Гилон: он, обвиняясь в предательстве Нимфея, места в Понте, бежал (ἔφυγεν)¹⁸. Придя же в Скифию, женился. Имея же двух дочерей, послал их на родину; одну из них взял в жены Филохар, а другую – Клеобул». В основе изложения у византийского лексикографа лежит тот же рассказ Эсхина, но уже искаженный до степени полной путаницы. Имя матери Демосфена Клеобулы каким-то образом перешло в мужской род и превратилось в имя ее мужа (последним на самом деле был, естественно, Демосфен-старший). А вместо «Филохар» должно было бы быть «Демохар». На подобном фоне уже не удивительно, что в «Суде» регионом, где Гилон нашел прибежище, оказывается вместо Боспора некая абстрактная «Скифия».

Можно еще назвать, даже не цитируя, еще несколько очень поздних свидетельств (Sopat. Schol. ad Hermog. vol. 5, p. 50 Walz; Syrian. Comm. in Hermog. p. 25–26 Rabe; Anonym. Hypoth. Demosth. 27; Schol. Demosth. VIII, p. 18 Dindorf), поскольку все они опираются на рассказ Эсхина и ничего сколько-нибудь существенного не привносят.

* * *

Итак, рассматривая происхождения Гилона в Северном Причерноморье, следует отдавать себе отчет: всерьез считаться, повторим, можно *только* с одним текстом – с инвективой Эсхина¹⁹. Всё остальное – ее пересказы плюс априорные домыслы.

Эсхиновский отрывок неоднократно привлекался в исследовательской литературе для аргументации рассуждений о хронологии и историческом

¹⁷ Перевод С. И. Радцига.

¹⁸ В связи со словом ἔφυγεν, которое может означать как «бежать», так и «быть изгнанным», см. наши комментарии к существительному φυγάς (выше, прим. 8).

¹⁹ У А. А. Завойкина в одном месте, видимо, по недоразумению говорится, что Гарпократион свидетельствует о передаче Гилону Кеп (Завойкин А. А. Боспорская монархия... С. 229). Приведем в связи с этим полный текст свидетельства Гарпократиона: «Нимфей: Эсхин в речи “Против Ктесифонта” говорит “Нимфей в Понте”. Кратер же в 9-й книге “Постановлений” говорит, что Нимфей платил афинянам талант» (Нагрост. s.v. Νύμφαιον). Это всё, т. е. ни о Гилоне, ни о Кехах нет ни слова. Отметим заодно еще одну досадную описку А. А. Завойкина в другой работе, где он называет Гилона дедом Демосфена по отцу (Завойкин А. А. Боспор... С. 77. Прим. 7).

контексте падения Нимфея, о статусе Гилона в этом городе, а впоследствии – в Кечах и т. д. Предлагались самые различные реконструкции событий – от экзотических и даже курьезных²⁰ до стройных и хорошо продуманных²¹. В свое время автор этих строк тоже не избежал аналогичного соблазна и отдал дань такого рода реконструкциям²². Однако ныне мы склонны относиться ко всем подобным выкладкам, в том числе и к собственным, со значительной долей скептицизма. Целый ряд особенностей свидетельства Эсхина мешает относиться к нему как к мало-мальски достоверно описывающему ситуацию, о чем, собственно, далее и пойдет речь.

Дело вот в чём: чем внимательнее вчитываться в рассмотренный отрывок, чем более тщательно учитывать обстановку, в которой эсхиновская речь была написана и произнесена (а это, напомним, афинская гелия и один из самых скандальных политических судебных процессов), тем яснее становится – перед нами свидетельство весьма уязвимое, проблематичное, содержащее противоречия, как внутренние, так и выявляющиеся при сравнении данных Эсхина с внешним, независимым источниковым материалом²³.

Выше уже отмечалось, что несколько смущает употребление оратором лексемы οἱ πολέμιοι, причем, очевидно, всё-таки применительно к Спартокидам²⁴. Враждебность между Пантикапеем и Афинами на интересующем нас

²⁰ Иначе как курьезным не можем назвать, например, желание М. В. Агбунова видеть в Нимфее, упоминаемом Эсхином, не боспорский Нимфей, а некий иной, расположенный в южном Понте (*Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 105 сл.*). Если это так, то с какой бы стати боспорским тиранам было награждать Гилона?

²¹ Так, весьма красивую картину рисует Д. Браунд: в конце V в. до н. э. Кепы являлись форпостом Боспора в его наступлении на таманские земли. Для роли начальника этого пункта Сатиру практически идеально подходил Гилон – опытный командир, прошедший «огонь и воду» Пелопоннесской войны, к тому же заведомо лояльный, поскольку ему, осужденному в Афинах на смерть, отступать было некуда. Именно этими соображениями объясняется щедрая награда Сатиру Гилону, а не его постулируемой изменой (*Braund D. Op. cit. С. 25*).

²² *Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 107 сл.*

²³ Наверное, не случайно, что, пожалуй, наиболее скептическую позицию по вопросу о возможности извлечения из этого свидетельства достоверного материала занимал С. А. Жебелев – антиковед, который начал активно заниматься Северным Причерноморьем, перед тем более чем основательно потрудившись над изучением истории самой Греции.

²⁴ Ведь не можем же мы предположить, что во времена сдачи Нимфея спартанский флот проникал вплоть до Боспора Киммерийского. В пользу такой гипотезы, кажется, ничто не говорит. Если бы отыскились какие-нибудь факты, прямо или косвенно поддерживающие ее, то тогда, конечно, пришлось бы самым серьезным образом пересмотреть всю

хронологическом отрезке не раз постулировалась в литературе²⁵ (причем данное место из Эсхина, как правило, фигурировало в качестве одного из основных аргументов). Но, кажется, никто еще не рискнул предположить, что эти два полиса воевали. А для любых других отношений, даже максимально напряженных и неприязненных, термин οἱ πολέμιοι звучит слишком сильно²⁶.

Но главное – даже не в этой «нестыковке». Данные Эсхина находятся в полном диссонансе с другим, более ранним сообщением о Гилоне, которое принадлежит самому Демосфену. Этот последний, надо полагать, знал дела своих предков и родственников лучше, чем кто-либо иной. При этом, заметим, Демосфен упоминает о своем деде задолго до инвективы Эсхина, вне всякой связи с ней (естественно, в тот момент он не догадывался, что такая инвектива когда-либо последует). Иными словами, перед нами – свидетельство, во-первых, совершенно независимое, во-вторых, вряд ли искажающее факты. Ведь оно было представлено в ходе процесса о наследстве, причитавшемся Демосфену, и в интересах молодого оратора было изложить достоверные факты.

В 364 г. до н. э. (за 34 года до «дела о венке»!) достигший совершеннолетия Демосфен судился со своими родственниками-опекунами, то ли расхитившими, то ли растратившими вверенное им имущество. Против одного из этих

историю региона в конце V в. до н. э. Кстати, не можем не посетовать на то обстоятельство, что, в отличие от проблемы «Северное Причерноморье и Афины», которой в историографии периодически уделяется внимание, вопрос «Северное Причерноморье и Спарта», насколько нам известно, даже и не ставился. Это исследовательское поле еще ждет своего работника. Нам могут возразить, что тема неперспективна, что в результате ее изучения есть шанс вообще ничего не найти. Но даже если и так – всё равно исследование будет оправданным, поскольку, как известно, отрицательный результат есть тоже результат.

²⁵ По сути, эта точка зрения является господствующей. Она прослеживается от старых работ (*Блаватская Т. В. Очерки...* С. 55; *Блаватская Т. В. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н. э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 195 сл.*) до совсем новых (*Молев Е. А. Указ. соч. С. 59; Завойкин А. А. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская...; Завойкин А. А. Образование Боспорского государства... С. 38 сл.*).

²⁶ В принципе возможен, конечно, и следующий ход мысли: осуществив агрессию против Нимфея, союзника Афин, боспорские тираны тем самым поставили себя по отношению к Афинам в положение πολέμιοι. Но получается слишком уж изощренная логическая конструкция, которую мы вряд ли вправе приписывать Эсхину. Приведем также мнение А. А. Завойкина, который в последние годы наиболее интенсивно занимается изучением политической истории классического Боспора: «ок. 410–406 гг. ...Афины пошли на заключение дружественного договора с Спартокидами... Что и развязало руки Сатиру I, который немедленно захватил Нимфей» (*Завойкин А. А. Образование Боспорского государства... С. 40*). В рамках подобной реконструкции употребление термина οἱ πολέμιοι афинянином по отношению к боспоритам оказывается и вовсе поразительным!

опекунов, Афоба, направлены несколько демосфеновских речей; в одной из них и фигурирует Гилон.

Он (Афоб) сказал, что мой дед был должником государственной казны (ὥφειλε τῷ δημοσίῳ), и поэтому отец не велел сдавать хозяйство в аренду, чтобы оно не подверглось опасности... А что дед, оставаясь должником, скончался, он не представил никакого свидетельства... Засвидетельствовано не то, что он должник (ὥφειλε), но что был должником (ὥφλεν)... Деньги были уплачены и долги полису у него были погашены полностью... Демохар, женатый на сестре моей матери, на дочери Гилона, не скрывает свое состояние... (Demosth. XXVIII. 1–3)²⁷.

Прежде всего разберемся, о Гилоне ли идет речь в связи с задолженностью государству. У каждого человека есть два деда – по отцу и по матери, и, например, Ф. В. Шелов-Коведяев полагал, что дед Демосфена, упоминаемый в первых двух параграфах речи, не тождественен Гилону²⁸. Но тогда с какой бы стати в третьем параграфе появился Гилон, прямо названный по имени?

Бесспорно, определенный резон в рассуждении Ф. В. Шелова-Коведяева есть. Обращает на себя внимание оборот в первой фразе источника: дед был должником государства, поэтому отец не велел сдавать хозяйство в аренду. Это и вправду наводит на мысль, что речь тут идет о деде по отцовской линии: иначе зачем бы беспокоиться отцу? Но здесь нужно сделать небольшой экскурс в просопографию семьи Демосфена. Это обширная семья, различные ветви которой в классическую эпоху числились в нескольких аттических демах, известна довольно хорошо. Одной из характернейших черт свойственной ей ономастики являлось настойчивое, – можно сказать, прямо-таки навязчивое – употребление в именах членов корневой морфемы *δημ-*. Эта черта вообще характерна для формирования специфических семейных комплексов имен у античных греков²⁹, но в данной семье она предстает как-то уж особо выпукло. В ней мы встречаем имена Демосфен, Демохар, Демон, Демофонт, Демомел и др.

В свете сказанного не возникает никаких сомнений, что Демохар из Левконой, женившийся на второй дочери Гилона (Demosth. XXVII. 14; XXVIII. 3)³⁰, принадлежал к той же семье, был сородичем оратора Демосфена и его отца. Иными словами, Гилон выдал своих двух дочерей за близких родственников.

²⁷ Перевод Г. А. Тароняна.

²⁸ Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 109.

²⁹ Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. 2007. Т. 11. С. 380 сл.

³⁰ В фундаментальнейшей энциклопедии ошибочно назван Демосфеном из Левконой (Kirchner J. Gylon // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 7. Stuttgart, 1912. Sp. 1969).

Это выводит нас на проблему близкородственных браков, которые были весьма распространены в архаической и классической Греции: родители нередко искали своим детям брачных партнеров в среде своего же рода, дабы не дробить родовое имущество, не отдавать часть его на сторону в качестве обязательно полагавшегося приданого. Всё говорит о том, что здесь перед нами такой же случай женитьбы членов одного же рода на своих же родственниках, какой, например, имел место в роду Филаидов в VI в. до н. э., когда два его представителя – Кипсел и Стесагор – были поочередно мужьями одной и той же женщины, несомненно находившейся с ними в родстве³¹.

Правда, семья Демосфена по знатности не шла ни в какое сравнение с Филаидами, она принадлежала не к аристократии, а к верхушке демоса. Однако известно, что в классических Афинах демос, придя к власти, перенял практически все ключевые ценности и практики, характерные для ранее правившей аристократической элиты³². Если Демосфен, Демохар, Гилон все находились в каких-то родственных отношениях друг с другом, то не приходится удивляться тому, что отец оратора связывал судьбу своего имущества с судьбой имущества своего тестя.

Кстати, теперь становится более ясной «фигура умолчания» у Эсхина, когда он не хочет упоминать в своей речи, за кого же именно Гилон выдал свою вторую дочь. Мы знаем имя этого афинянина – Демохара, сородича Демосфена. Почему Эсхином он не назван? Пикантность ситуации заключалась в следующем. Демосфен еще в молодости, в результате тяжб о своем наследстве и опекунстве, рассорился со своими родственниками. И теперь, в ходе процесса о венке, они (в том числе потомки Демохара) не стали бы помогать оратору, давать показания в его пользу, свидетельствовать, что противная сторона говорит неправду. Они предпочли бы отмолчаться. Совсем другое дело – если бы в эсхиновской речи «всплыло» имя Демохара. Тем самым и на детей этого последнего была бы брошена тень «варварского» и незаконного происхождения. И им поневоле пришлось бы являться в суд, доказывать, что это не так, – естественно, для того, чтобы защитить свою собственную честь, но тем самым они неизбежно защищали бы и честь Демосфена.

Итак, будем исходить из того, что дед Демосфена, упоминаемый в самом начале речи против Афоба, и Гилон – одно и то же лицо. Это принципиально важно, поскольку получается, что Демосфен сообщает совершенно иную информацию о Гилоне по сравнению с той, которую находим у Эсхина. Согласно последнему, Гилон не предстал перед судом по обвинению в измене, был

³¹ От этих двух браков родились соответственно Мильтиад Старший и Кимон Старший. Оба – весьма заметные фигуры в архаических Афинах: первый – ойкист и тиран Херсонеса Фракийского, второй – троекратный олимпиец.

³² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 204.

заочно приговорен к смерти и жил в качестве φυγάς в Боспорском государстве, в Кепях. Причем жил он там долго и, очевидно, вплоть до самой своей смерти; по крайней мере, дочерей своих он только отправил с Боспора в Афины, а сам с ними не приехал.

Демосфен же говорит о принципиально другом. По его данным, Гилон являлся должником государства, но впоследствии погасил свой долг (соответственно, обременение с его собственности было снято). Должниками государства обычно становились те граждане, на которых решением суда налагался крупный штраф, который выплатить сразу было им не под силу³³.

Имея сообщения Демосфена и Эсхина, исследователи не раз пытались как-то примирить, согласовать их друг с другом³⁴. Но, на наш взгляд, ни одна

³³ Позже, в связи с делом Гарпала, Демосфен и сам оказался в категории государственных должников. Он был приговорен к штрафу на фантастическую сумму 50 талантов, которую выплатить заведомо не мог; поэтому его заключили в тюрьму, а он из нее бежал (Plut. Demosth. 26). Такого рода колоссальные штрафы налагались тогда, когда на самом деле хотели устранить подсудимого из политической жизни, поскольку он автоматически оказывался в состоянии пожизненной атимии. В случае с Гилоном, несомненно, сумма штрафа была более реальной, поскольку он смог-таки в конечном счете выплатить долг.

³⁴ Так, Д. П. Каллистов считал, что сам факт обвинения Гилона разногласий источника не вызывает; расхождения касаются только обстоятельств (*Каллистов Д. П. Очерки...* С. 216). Это явным образом означает – затушевывать реально имеющее место противоречия. Далее, по мнению Д. Б. Шелова, сдача Нимфея не рассматривалась в Афинах как государственная измена, и потому Гилон был приговорен не к смертной казни, а к штрафу, но гражданские права сохранил (*Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 37*). По этому поводу можно сказать, что создать из двух несогласных свидетельств некую искусственную комбинацию, в свою очередь не согласную ни с одним из этих свидетельств, – не означает примирить свидетельства. Ф. В. Шелов-Коведяев, как мы видели, идет на то, чтобы необоснованно «расторгнуть» Гилона и деда Демосфена, оказавшегося должником, или еще предполагает, что задолженность эта не была следствием штрафа (*Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 109*). Тогда корни пресловутой задолженности становятся совсем уже непонятными: что, Гилон брал у полисной казны заём? Такого не практиковалось. Е. А. Молев выстраивает настоящую детективную историю о том, как Гилон после нимфейского дела вернулся в Афины, там против него «официального государственного обвинения... выдвигаться не могло», но он тем не менее «вернулся на Боспор, вероятнее всего, вследствие разорения своего хозяйства за годы войны и частных обвинений в свой адрес в связи с долгами или по каким-либо другим причинам личного характера» (*Молев Е. А. Указ. соч. С. 64–65*). Красиво. Но непонятно, на чем основывается реконструкция. Она, в сущности, представляет собой серию натяжек. У очень многих афинян после Пелопоннесской войны хозяйство было разорено, и многие попадали под частные обвинения. По этой логике, они должны бы в массовом порядке отправляться из Афин на Боспор или куда-нибудь еще. С. Ю. Сапрыкин признает факт сдачи Гилоном Нимфея, но игнорирует прямое указание Эсхина на то, что афинянин был приговорен к смерти; он пишет, что «после передачи Нимфея Сатиру I дед Демосфена

из подобных попыток не увенчалась существенным успехом – по той простой причине, что два свидетельства согласовать никак не возможно. Одно из двух: либо Гилон был приговорен к смерти, либо к штрафу. При этом никак нельзя считать, что он вначале был «смертником», а потом перешел в «штрафники». Так предполагает, например, О. Н. Мельников, но подобная гипотеза никак не вяжется с правовыми реалиями классических Афин. Приговор гелиеи, как известно, был окончательным и пересмотру не подлежал. В дальнейшем осужденного могли решением демоса помиловать или амнистировать, но это именно и означало полную отмену наказания, а не замену большего наказания меньшим.

В историографии Северного Причерноморья в целом наблюдается тенденция больше доверять сообщению Эсхина, нежели сообщению Демосфена. Психологически это понятно: Демосфен в связи с Гилоном ничего не говорит о Боспоре, а Эсхин говорит, иными словами, на ставке стоит наличие или отсутствие важного свидетельства, и ясно, что возникает подспудное желание данное свидетельство сохранить, а не отказываться от него. Постоянно повторяющимся рефреном из работы в работу звучит утверждение, что оратор не мог полностью придумать весь эпизод «из головы». Действительно ли не мог и действительно ли такие грубые выдумки не практиковались в судебных речах – об этом как раз пойдет речь ниже. А пока остановимся еще на одном нюансе эсхиновского пассажа, который тоже способен вызвать недоумение.

По Эсхину, женой Гилона стала боспорская скифиянка, и именно она родила ему двух дочерей, которых он затем отправил в Афины и выдал за чистокровных граждан этого государства. Ситуация рисуется заведомо невозможная, поскольку афинские законы подобные браки категорически запрещали. Эсхин это сознаёт и посему добавляет, что отец Демосфена взял в жены дочь Гилона, «презрев законы». Однако поверить, что было совершено столь демонстративное преступление (и даже два преступления, поскольку на другой дочери

по материнской линии мог возвратиться в Афины, прожить там какое-то время, а затем вернуться на Боспор...» (*Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство... С. 24). Столь произвольно выборочный подход к данным источника – что хотим, то берем, чего не хотим, то отбрасываем – вряд ли можно приветствовать. У О. Н. Мельникова получается, что Гилон вначале был приговорен к смертной казни, а затем в Афинах учли обстоятельства, смягчающие его вину, и в результате приговор был пересмотрен, Гилон из «предателя» превратился в «государственного должника» (*Мельников О. Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона». Ч. 2 // *Нумізматика і фалеристика.* 2001. № 3. С. 11). По поводу этой гипотезы см. в основном тексте данной главы, ниже. Обсуждать же «реконструкцию» В. А. Анохина, которая подразумевает сдачу Нимфея Гилоном не кому иному, как фантастическим сам-меотам (*Анохин В. А.* История... С. 40–42), нам даже и не хочется: есть вещи, не имеющие прямого отношения к науке, с которыми поэтому спорить бесполезно.

Гилона женился Демохар), совершенно невозможно. В условиях афинского полиса никак нельзя было «проверить» подобные браки кулуарно, без огласки. Об этом немедленно стало бы известно согражданам. Демосфену-старшему подобный оборот ничем не грозил; просто его женитьба на «нечистой родом» Клеобуле считалась бы не законным браком, а простым сожителем. Но вот сын его в таком случае не получил бы гражданского статуса. За этим в Афинах следили очень строго: за попытку вписать в списки граждан ребенка, не имеющего на это права, каралась очень суровыми наказаниями. Весьма странно (чтобы не сказать – невозможно), что лишь на 54-м году жизни Демосфена, когда он уже занимал прочное место на самых верхах полисной элиты, Эсхин вдруг «открыл» этот факт его биографии.

Или если он и раньше о нем знал, то почему же молчал, хотя ему уже представлялись блестящие возможности нанести этот сокрушительный удар по своему противнику? Напомним, что процесс о венке был вторым «раундом» знаменитого судебного поединка между Эсхином и Демосфеном, а первым являлся процесс о преступном посольстве, происходивший на 13 лет раньше, в 343 г. до н. э. Разоблачи Эсхин уже тогда неправомерность присвоения Демосфеном гражданских прав – и последний был бы незамедлительно этих прав лишен, что уничтожило бы его как политика.

Все названные обстоятельства не могли, конечно, не смущать исследователей. В качестве возможного решения проблемы выдвигалась (например, С. А. Жебелевым) версия, согласно которой между Афинами и Боспором существовала эпитамия; соответственно, и брак Гилона со «скифянкой», и брак Демосфена-старшего с их дочерью Клеобулой были вполне законными³⁵.

Однако такие вещи не могут просто постулироваться, для этого необходимы более чем веские основания. Институт эпитамии весьма редок в греческом полисном мире. И меньше шансов, чем где-либо, встретить его в Афинах. С середины V в. до н. э. демократическое афинское государство было чрезвычайно озабочено «чистотой» своего гражданского коллектива. Если в ряде других полисов Эллады для получения статуса гражданина было необходимо только, чтобы уроженцем данного полиса был отец, а на происхождение матери внимание не обращалось; если именно так было и в Афинах до 451/450 г. до н. э. – то в названном году декретом, введенным по инициативе Перикла³⁶,

³⁵ Жебелёв С. А. Афины, Нимфей... С. 192.

³⁶ Об этом декрете и его мотивациях см.: Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. No. 155. P. 3 ff.; Суриков И. Е. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 сл.

вводились новые нормы: оба родителя потенциального гражданина должны были принадлежать к гражданской общине. Всем известно, как от этого закона впоследствии пострадал сам же его автор (когда от эпидемии в начале Пелопоннесской войны умерли оба его законных сына, он смог лишь с огромным трудом добиться от экклесии решения *ad hominem* о натурализации Перикла-младшего, его сына от Аспасии). Затем, в годы войны, возможно, в исполнении закона были допущены некоторые послабления, но после окончания конфликта со Спартой он был подтвержден во всей своей строгости. И если для Перикла в свое время сделали исключение, то только потому, что понимали: он того заслуживал. Гилон, ничем особо не прославившийся, безусловно, не мог рассчитывать на подобную же милость демоса.

* * *

Мы неизбежно выходим на вопрос о том, насколько допускались в афинских судебных речах серьезные, грубые отклонения от истины. Прежде всего необходимо помнить об общих особенностях процедуры судопроизводства в афинской гелиее. Они описывались неоднократно, но особенно удачной по сочетанию краткости и емкости является статья Г. Тюра³⁷, тем более что она написана на материалах преимущественно именно демосфеновского времени.

Во время суда не было никакой возможности доказать истинность или ложность предъявляемых обвинений, поскольку допрос присяжными тяжущихся сторон не практиковался; судьи просто сидели, внимали их речам и сами определяли – путем чисто логических умозаключений, – кто прав, а кто виноват. Далее, если после вынесения приговора осужденному даже и удавалось отыскать неопровержимые доказательства того, что обвинитель лгал, к пересмотру приговора это не приводило, поскольку решения гелиеи отмене, кассации не подлежали. Самое большее, что мог сделать бедолага, – в свою очередь вчинить иск обвинителю-лжецу, заставить того тоже пострадать, но участь его самого этим никак не облегчалась.

Перечисленные обстоятельства вели к тому, что в афинских дикастериях существовали более чем благоприятные условия для сколь угодно произвольного искажения истины участниками судебного процесса. Протицируем в связи с этим яркое и совершенно верное суждение из недавней работы Т. В. Кудрявцевой. Она опубликовала первое в отечественном антиковедении монографическое исследование о гелиее, в котором, в частности, развивая и детализируя некоторые соображения, ранее уже высказывавшиеся вкратце автором этих

³⁷ Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321 ff.

строк³⁸, сделала интересные наблюдения по поводу обстановки, царившей в коллегиях присяжных.

Современного читателя не может не поражать беззастенчивая ложь многих обвинений и нападок в дошедших до нас речах афинских судебных ораторов: их чрезмерность выглядит сюрреалистическим абсурдом; зачастую они противоречат не только здравому смыслу, но и предшествующим словам самих ораторов, что, впрочем, отнюдь не смущало последних... Остается предположить, что подобный «черный юмор» (ведь не могли же судьи принимать весь этот бред за чистую монету!) помогал оратору через смех и улыбку аудитории сохранять ее внимание, кроме того, разделяя с оратором насмешку, публика становилась своего рода со-участницей его речи и дела³⁹.

Подчеркнем, что в приведенной оценке нет ровно ничего преувеличенного, как это может на первый взгляд показаться тем, кто не штудировал специально памятники афинского судебного красноречия. Именно так оно и было на самом деле, и не учитывать данный факт нельзя, занимаясь определением степени аутентичности *любого* сообщения Эсхина, Демосфена и др. В теории многие это признают, но как только доходит до конкретики, то сплошь и рядом приходится наткнуться на доводы в том духе, что Эсхин не мог бы пойти на откровенную фальсификацию и измышление несуществующих фактов, а разве что мог их, допустим, слегка исказить, «передернуть». Ведь он выступал в суде, где на ставке стоял выигрыш или проигрыш дела, и грубый обман судей, если бы он вскрылся, пошел бы оратору только во вред. К тому же у Эсхина приводятся конкретные детали, боспорские топонимы и др. — как всё это можно было придумать?

Такова логика нашего времени, и в современных судебных заседаниях любой адвокат, конечно, будет руководствоваться именно этими принципами при изложении материала. Так ли обстояло дело в афинских дикастериях?

Конкретный случай с «изменой Гилона» под углом поставленного вопроса не верифицируется, поскольку, как мы видели, иных, независимых данных о нем нет. Но имеются и вполне верифицируемые случаи, на одном из которых мы в сравнительных целях позволим себе остановиться. Дабы этот параллельный пример обладал наибольшей доказательной силой, мы возьмем его не из какого-либо иного судебного процесса, а из того же самого «дела о венке» 330 г. до н. э. Вот что интересно: Эсхин «разоблачал» родственников Демосфена, а чем на это отвечал ему сам Демосфен, в каком свете он представлял биографию сородичей своего оппонента?

³⁸ Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34 сл.

³⁹ Кудрявцева Т. В. Указ. соч. С. 232.

Отцом Эсхина был АтрOMET. Всё, что достоверно известно об этом афиняине⁴⁰, рисует его как человека достойного и почтенного. Он был достаточно знатен (имел какое-то отношение к древнейшему роду Этеобутадов), но небогат, почему и посвятил себя скромной профессии школьного учителя⁴¹. Пройдя почти столетний жизненный путь (437–342 гг. до н. э.), он во всём разделил судьбу родного полиса: разорился в Пелопоннесскую войну, бежал от преследований «Тридцати тиранов» в 404 г. до н. э., принял участие в свержении этого режима и установлении демократии в следующем году...

Что же говорит на процессе о венке Демосфен об АтрOMETе, а также о его супруге Главкофее, матери Эсхина? В это сложно поверить, но он рассказывает *совершенно другую* историю, не имеющую *ничего общего* с действительностью.

Хотя я не вижу трудности относительного того, что мне сказать про тебя и про твоих, – обращается Демосфен к Эсхину, – но я затрудняюсь на счет того, о чем упомянуть в первую очередь – о том ли, что твой отец ТрOMET был рабом у Эльпия, державшего школу грамоты возле храма Тесея, и носил толстые колодки и деревянный ошейник, или о том, что мать твоя, занимавшаяся среди бела дня развратными делами в лачужке возле героя Каламита, воспитала из тебя хорошенького кукленка и превосходного... триагониста? Но об этом все знают, если даже я не буду говорить. Или, может быть, сказать о том, как флейтист с триеры Фермион, раб Диона, фреаррийца, дал ей подняться от этого прекрасного ремесла?.. Ведь он был сыном не обыкновенных людей, а таких, которых народ предает проклятию. Он когда-то поздно – поздно, говорю я? – да нет, всего только вчера, совсем недавно, сделался сразу и афинским гражданином, и оратором и, прибавив два слога, отца своего из ТрOMETа сделал АтрOMETом⁴², а мать очень торжественно назвал Главкофеей – ту, которую все знают под именем Эмпусы; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она всё делала, и всё позволяла с собой делать, становилась чем угодно – иначе от чего же другого? (Demosth. XVIII. 129–130)⁴³.

⁴⁰ Сводку данных см. в: *Kirchner J.* Atrometos // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 2. Stuttgart, 1896. Sp. 2149.

⁴¹ Возможно, моральные установки отца перенял по наследству Эсхин. Во всяком случае, отмечается (*Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 76), что последний – единственный из крупных афинских политиков IV в. до н. э., который никак не был связан с тогдашними «бизнесменами» – трапезитами и эмпорами.

⁴² По-древнегречески в имени ТрOMET (Τρόμης) два слога, в имени АтрOMET (Ατρώμη-τος) – четыре. Важнее совершенная здесь смысловая подмена: якобы отец Эсхина из «Трепещущего» стал «Бестрепетным».

⁴³ Перевод С. И. Радцига.

Всё сказанное здесь просто нельзя назвать иначе, как самой гнуснейшей ложью. Но что особенно обращает на себя внимание? Самоуверенность, с какой эта ложь изрекается. Демосфен ничтоже сумняшеся (фактически «делая хорошую мину при плохой игре») заявляет, будто бы все присутствующие и так хорошо знают факты, которые он приводит (хотя эти факты он сам же и выдумал), а кроме того, обрушивает на аудиторию массу конкретных подробностей – имя хозяина «раба Тромета», место, где находилась школа этого хозяина, место, где занималась проституцией мать Эсхина, имя человека, помогшего ей (видимо, субсидировав какую-то относительно крупную сумму) покончить с этим позорным занятием...

Иными словами, рассказ настолько детален, что производит впечатление абсолютно достоверного. Не будь об Атромете и Главкофее иной информации, кроме этой, все исследователи, без сомнения, были бы уверены в том, что она вполне соответствует действительности: разве можно было бы такое выдумать, так живо и сочно описать?

Но в том-то всё и дело, что живое и сочное описание в данном (далеко не единственном) случае скрывает-таки под собой выдумку самой чистой воды. Как говорится, чем более чудовищной и наглой будет ложь, тем скорее ей поверят. Во всяком случае, поверят исследователи, отделенные от событий двумя с лишним тысячелетиями. На то Демосфен с Эсхином и были подлинными грандами риторического искусства, преуспевшими в любых его тонкостях; ничто не мешало им использовать это мощное оружие в неблагоприятных целях введения в заблуждение – если не современников, то хотя бы потомков.

Сопоставим вариант рассказа Демосфена о родителях Эсхина, представленный на суд публики в 330 г. до н. э., с тем вариантом, который прозвучал из демосфеновских же (!) уст тринадцатью годами ранее, на процессе о преступном посольстве: «...ну, а как же вы отнесетесь к сыну Атромета, учителя грамоты, и Главкофеи, собиравшей сонмища, из-за которых была казнена другая жрица?» (Demosth. XIX. 281)⁴⁴. В этом пассаже Демосфен Эсхина тоже, мягко говоря, «по головке не гладит»; однако же тут не появляются ни «раб Тромет», ни «проститутка Эмпуса».

Иными словами, в двух образчиках судебного красноречия, принадлежащих *одному и тому же* человеку и повествующих об *одних и тех же* людях, – жизнь этих людей изображена в принципиально разном свете. Здесь нужно учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, на момент произнесения речи «О преступном посольстве» отец Эсхина был еще жив, а ко времени процесса о венке уже скончался, что благоприятствовало сочинению разных небылиц о нем и его супруге. Во-вторых, за годы, прошедшие между двумя заседаниями дикастерия, отношения между двумя ораторами и политиками резко

⁴⁴ Перевод С. И. Радцига.

накалились, их нападки друг на друга стали гораздо более ожесточенными и менее сдержанными⁴⁵.

В парных речах Демосфена и Эсхина 330 г. до н. э. особенно много элементов псогоса – античного риторического жанра «хулы», инвективы. О псогосе нам приходилось писать в другом месте и в другой связи: это – «хула, не знающая полутонов, риторический жанр, цель которого – максимально очернить противника, не оставить от его репутации камня на камне, представить дело таким образом, что все в нем – от происхождения до повседневного поведения – противоречит качествам, требуемым от достойного и благонамеренного гражданина»⁴⁶.

В тех эпизодах афинских судебных речей, где они вступали, так сказать, в «градус псогоса», эти памятники ораторского искусства в наибольшей степени сближались с жанром эпидиктического красноречия и, соответственно, начинали особенно активно применять топосы⁴⁷ – «общие места», которые, будучи, подобно шаблонам, применены к конкретным ситуациям, обещали выступающему максимальный успех у слушателей, даже вне зависимости от того, насколько эти шаблоны соответствовали (и соответствовали ли вообще) реальной действительности.

Было несколько считавшихся удачными и исключительно популярных риторических топосов применительно к созданию «образа врага», которое, как известно, является одним из базовых элементов любой пропагандистской деятельности (как на общегосударственном, так и на более узком уровне). Если говорить о мужчинах-гражданах, то самыми частыми из порочащих топосов являлись следующие.

Топос «предателя», который в зависимости от перипетий внешнеполитической истории, естественно, варьировал. Так, в период Греко-персидских войн был отчеканен штамп «мидизма»⁴⁸, причем под последним понимался не только

⁴⁵ Отметим здесь, что не только в речах Демосфена наблюдается столь значительная эволюция при освещении биографии родственников его оппонента. То же самое можно сказать и об Эсхине. Последний в речи 343 г. до н. э. «О преступном посольстве» вообще не упоминает имени Гилона, а только говорит мимоходом, не детализируя, что Демосфен «родом по матери от кочевников-скифов» (Aeschin. II. 78; ср. II. 180). А в его же речи 330 г. до н. э. «О венке» появляются и «измена Гилона», и все прочие разбираемые здесь обстоятельства.

⁴⁶ Суриков И. Е. Остракизм... С. 431.

⁴⁷ Теория топосов как раз в эпоху Демосфена и Эсхина теоретически разработана Аристотелем (в трактатах «Топпика» и «Риторики»). О категории топоса, ее освещении Аристотелем, ее эволюции на различных этапах развития риторики см.: Ассучирова Л. В. Топосы как смысловые модели порождения речи. М., 2002.

⁴⁸ Подробнее о феномене см.: Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14 сл.

прямой коллаборационизм с державой Ахеменидов, но и любая «предосудительная» близость к персам (в том числе, например, даже подражание им в одежде, причёске и т. п.). В работах об афинской внутрисполитической борьбе в начале V в. до н. э., в период первых остракизмов⁴⁹, нам уже доводилось показывать, к сколь многим видным государственным деятелям прилагался тогда ярлык «предателя». В том числе и к тем, которые были заведомо чисты от подозрений, как, например, честнейший и неподкупный Аристид⁵⁰. В дальнейшем образ «предателя» приобретал, подобно Протею, самые разнообразные формы, но всегда оставался (даже будучи абсолютно не доказанным по отношению к тому или иному конкретному лицу) едва ли не самым мощным оружием компромата.

Топос «варвара», тоже обреченный на успех, ввиду уверенности греков в собственной «первосортности» по сравнению со всеми чужеземцами и вытекающей из этого их заботе о собственной «этнической чистоте». Обвинить политика в том, что его происхождение не является чистокровно греческим – тоже означало поставить серьезное пятно на его репутации. Топос «варвара» употреблялся как в сочетании с топосом «предателя», так и по отдельности – в тех случаях, когда топос «предателя» по той или иной причине не мог быть пущен в ход. Особенно страдали от попреков «варварским» происхождением (во всех случаях измышленным, а не реальным) так называемые новые политики⁵¹ начиная с последней трети V в. до н. э. Применительно к первым знаменитым демагогам – Клеону, Гиперболу, Клеофону – мы встречаем подобные попреки просто-таки постоянно. Но и в дальнейшем эта традиция отнюдь не прервалась. Напомним в данной связи, что Демосфен и его враг Эсхин также принадлежали к когорте «новых политиков»⁵².

Топос «раба», принадлежавший к наиболее позорным – из-за всем прекрасно известного отношения к рабам в античном обществе. Поскольку в классическую эпоху понятия «варвар» и «раб по природе» фактически уравнивались, «варварский» и «рабский» топосы часто соседствуют, перетекают друг в друга. Так, тем же Гиперболу и Клеофону приписывали не только варварское, но и рабское происхождение, причем опять же совершенно ложно⁵³.

⁴⁹ Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракизмы // ВДИ. 2001. № 2. С. 118 сл.; Суриков И. Е. Остракизм... С. 326 сл., 358 сл.

⁵⁰ О котором см.: Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. №1. С. 18 слл.

⁵¹ Термин введен У. Р. Коннором (*Connor W. R. The New Politicians of Fifth-Century Athens* Princeton, 1971) и исключительно удачно прижился в историографии.

⁵² Mossé C. Op. cit. P. 67 ff.

⁵³ Суриков И. Е. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2004. Вып.1 (3). С. 59 сл.

Что же касается представительниц «слабого пола», то «варварский» и «рабский» топосы к ним тоже охотно прилагали. Топос «предателя» был к ним применен в значительно меньшей степени, зато имелся специфически «дамский» топос. Это – топос «непорядочной женщины». В V в. до н. э. мы встречаем его применительно, например, к Эльпинике (сестре Кимона), к знаменитой Аспасии. Для IV в. до н. э. памятником, в котором данный топос развернут особенно детально, является речь «Против Неэры», входящая в корпус сочинений Демосфена (Demosth. LIX), но, как ныне считается, ему не принадлежащая, а составленная, скорее всего, Аполлодором, сыном Пасиона. Топос заключался, разумеется, в том, что женщина, которую нужно было опорочить, «уличалась» в том, что она вела развратную жизнь.

* * *

Что можно сказать о рассмотренных, направленных друг против друга пассажах Эсхина и Демосфена с точки зрения приведенной выше систематизации топосов? Не может не броситься в глаза, что обе инвективы просто-таки изобилуют именно теми топосами, которые только что были рассмотрены. Демосфен, говоря о родственниках Эсхина, использует топос «раба» и топос «непорядочной женщины»; Эсхин же, обрушиваясь на сородичей своего противника, прибегает к топосам «предателя» и «варвара». Ну, а там, где в ход пускаются топосы, – говорить о какой-либо исторической истине затруднительно.

Но как же? – могут возразить нам. Ведь в отрывке о Гилоне наряду с топосами присутствует также и обилие конкретики. Здесь и боспорские тираны, и вполне реальные северопонтийские топонимы – Нимфей, Кепы... Да, это так, но в ответном выпаде Демосфена мы встречаем даже не просто топонимы, а прямо-таки афинские микротопонимы, детальнейшее указание тех мест, в которых развертывалась отвратительная деятельность родителей Эсхина. Названы по именам лица, причастные к их делам, и лица эти, несомненно, не вымышлены. А тем не менее в целом нарисованная картина – в корне ложна.

Итак, обилие деталей не должно нас смущать – оно *ровно ничего не означает*. Великие афинские ораторы IV в. до н. э. прекрасно знали, как в интересах *правдоподобия* (отнюдь не *правды*) наполнять общие топосы конкретным содержанием. Собственно, это была одна из тех вещей, которым их тщательно учили в их риторических школах.

М. Л. Гаспаров, комментируя попреки, которые делает Эсхин Демосфену за его «деда-предателя» и «бабку-варварку», пишет: «Демосфен никогда не опровергал этого упрека»⁵⁴. Действительно не опровергал, а почему? Потому

⁵⁴ Гаспаров М. Л. Примечания // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М., 1994. Т. 2. С. 595. Прим. 7.

что признавал его истинность? Конечно, нет. Просто есть столь грубые наветы, которые и опровергать не имеет смысла. Вместо опровержения Демосфен *ответил* на обвинение Эсхина: в пику сказке о предателе Гилоне и его жене-скифянке рассказал еще более смешную сказку – о рабе Тромете и шлюхе Эмпусе. Кстати, эту последнюю повесть, в свою очередь, никак не опровергал Эсхин, и по той же самой причине: есть вещи, всерьез заниматься опровержением которых – только пачкаться.

Поставим вопрос ребром: повествование Эсхина о предках Демосфена и повествование Демосфена о предках Эсхина не должны рассматриваться изолированно, а только во взаимной связи; оба рассказа – явление одного порядка. Иными словами, если мы принимаем за истину историю о «предателе Гилоне», то мы должны точно так же принимать за истину и историю о «рабе Тромете». Готовы ли мы на это? И, с другой стороны, если мы отвергаем побасенки о «рабе Тромете» (а их, разумеется, нельзя не отвергать, поскольку не было никакого «раба Тромета», а был почтенный учитель АтрOMET), то мы должны с тем же скептицизмом отнестись и к откровениям о «предателе Гилоне», женившемся на «скифянке». Ибо нельзя применять двойные стандарты: брать из источников *ad libitum* то, что нас устраивает и позволяет строить различные реконструкции, а то, что не устраивает и не позволяет, – не брать.

Не стоит быть легковверными и ловиться на ту «удочку», которую специально закинул искусный ритор. Возьмем пример в этом смысле хотя бы с современников Эсхина – его сограждан. Вспомним о том, что Эсхин не просто проиграл процесс о венке – он потерпел *катастрофическое* поражение, набрал настолько ничтожно малое число голосов присяжных, что уже не мог больше заниматься политической деятельностью в Афинах и был вынужден удалиться на Родос. Получается, он полностью скомпрометировал себя своей речью, афиняне *ни в чем ему не поверили*. А стало быть, имели основания не поверить.

Подчеркнем под конец: мы ни в малейшей мере не утверждаем, что в переданном Эхином эпизоде вообще нет невыдуманных элементов. Нимфей, бесспорно, находился одно время под афинским контролем; но это известно из независимых от Эсхина источников⁵⁵. Равным образом никто не сомневается, что Демосфен имел прочные (весьма вероятно, наследственные) связи с Боспорским государством, потому и «лоббировал» в Афинах интересы его правителей. Но это тоже известно из независимых от Эсхина источников⁵⁶.

⁵⁵ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 178; Завойкин А. А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 265.

⁵⁶ Завойкин А. А. Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // Древности Боспора. 2008. Т. 12. Ч. I. С. 196 сл.

Названными, заведомо достоверными фактами мы и должны оперировать, не стремясь к их конкретизации любой ценой, коль скоро этого не позволяют объективные свидетельства.

Но что же нового (если говорить о *достоверных* сведениях!) добавляют данные Эсхина к этой имеющейся в нашем распоряжении информации? Вынуждены констатировать: ничего. Мы никак не можем исключить возможности (если учитывать всё сказанное выше об историческом контексте речи, то можно выразиться и сильнее: довольно большой вероятности), что похождения Гилона оратором сочинены. Стало быть, опорой для сколько-нибудь ответственных построений служить они не могут. Имел ли Гилон какое-нибудь отношение к сдаче Нимфея? Получил ли он от пантикапейского владыки Кепы? Мы не знаем. Если исходить из параллели с «Трометом» и «Эмпусой» – то скорее нет, чем да. Пессимистическая позиция? Пожалуй. Однако порой короткое и суровое *non liquet* полезнее, чем самый пышный букет красивых фантазий.

Раздел III

ПОЛИТИКА В СВЕТЕ ДАННЫХ ОНОМАСТИКИ И ПРОСОПОГРАФИИ

ОСТРАКА И АФИНСКАЯ ПРОСОПОГРАФИЯ*

Известно, что история Афин, какой бы ее аспект мы ни взяли, освещена в источниках несравненно полнее и подробнее, нежели история любого другого древнегреческого государства. Это относится ко всем категориям источников – не только к нарративной традиции, но и, в частности, к корпусу эпиграфических памятников. В свете вышесказанного не удивительно, что и просопографические данные о гражданах самого блестящего полиса Эллады исключительно богаты. Афинская просопография уже давно является предметом углубленного изучения, ей посвящен целый ряд фундаментальных трудов. И по сей день не утратила своего значения вышедшая в начале XX в. двухтомная «Аттическая просопография» И. Кирхнера¹, хотя, безусловно, исчерпывающе охватывающей тему ее давно уже нельзя назвать (собственно, уже очень скоро после издания этого свода появилась потребность в дополнениях к нему²). Что же касается просопографических исследований последних десятилетий, то в первую очередь следует упомянуть монографию Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи»³, в которой прослеживается история практически всех сколько-нибудь известных аттических семейных групп, а также работы П. Бикнелла, богатые интересными гипотезами, выдвигаемыми на основе синтетического подхода к свидетельствам источников⁴. Два упомянутых антиковеда возродили интерес к просопографии, в предшествовавшие десятилетия в определенной степени уменьшившийся и даже начинавший казаться несколько опасным после того, как из уст авторитетных специалистов раздалось предостережения против злоупотребления этой дисциплиной⁵. Дейвис

* Впервые опубликовано в: Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2004. Вып. 1 (3). С. 51–65.

¹ *Kirchner I. Prosopographia Attica. Vol. 1–2. B., 1901–1903.*

² *Sundwall J. Nachträge zur Prosopographia Attica. Helsingfors, 1910.*

³ *Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971.*

⁴ Прежде всего укажем книгу: *Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972*, а также ряд статей (*Bicknell P. J. The Euryptolemos at Xenophon Hell. I 3, 12–13 // Mnemosyne. 1971. Vol. 24. Fasc. 4. P. 390–391; Bicknell P. J. Peisianax of IG I² 1022 // Mnemosyne. 1971. Vol. 24. Fasc. 4. P. 392–395; Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146–163; Bicknell P. J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31. Ht. 2. P. 161–173).*

⁵ Например: *Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 80–81.*

и особенно Бикнелл продемонстрировали, что при соблюдении необходимых предосторожностей просопографический метод может принести весьма весомые результаты, как уже стало к тому времени ясно на примере римской истории.

Автор этих строк полностью солидарен с данной позицией. На наш взгляд, не приходится сомневаться в том, что использование данных просопографии является одним из наиболее перспективных направлений в изучении истории позднеархаических и раннеклассических Афин. Думается, не случайно просопографические штудии охватывают ныне самые различные области афинской истории⁶. Ценный материал по просопографии содержится во втором, посвященном Аттике томе издаваемого ныне в Оксфорде «Словаря греческих личных имен»⁷. Однако, несмотря на это, постоянно нарастающее количество научных работ, вряд ли кому-то придет в голову сказать, что тема исчерпана или когда-либо будет исчерпана. Дело в том, что непрерывно происходит и пополнение комплекса источников. Речь идет, разумеется, не о нарративных, а почти исключительно об эпиграфических источниках. Но ведь они-то и оказываются в интересующем нас отношении в высшей степени важными. Открытие новых надписей зачастую знакомит нас с ранее нигде не зафиксированными персоналиями или дает новую информацию об уже известных афинянах.

При этом, следует подчеркнуть, надпись надписи рознь и персоналия персоналии – тоже. Просопография заинтересована в сборе максимально полной информации о каждом из граждан того или иного полиса, но в то же время – постольку, поскольку она не является самоцелью, а связана с историей античности, – обречена на то, чтобы быть дифференцирующей дисциплиной. Вполне естественно, что новые данные о каком-нибудь безвестном крестьянине из отдаленного дема, никогда ничем себя не проявившем в политической жизни, и новые данные, скажем, о Фемистокле или Перикле имеют, мягко говоря, неодинаковую научную ценность. Многие лапидарные надписи (в частности, посвячительного и надгробного характера), в сущности, если взять их просопографический аспект, интересны в большей степени как массовый в количественном отношении материал, чем сами по себе. Совсем иначе следует

⁶ Несколько взятых почти наугад примеров: *Lauffer S.* Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // *Historia*. 1957. Bd. 6. Ht. 3. S. 287–305; *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Lèogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974; *Humphreys S. C.* Kinship Patterns in the Athenian Courts // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1986. Vol. 27. No. 1. P. 57–91; *Hansen M. H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 25–72; *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 67–77; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

⁷ *Osborne M. J., Byrne S. G.* A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2. Attica. Oxf., 1994.

охарактеризовать тот тип надписей, о которых преимущественно пойдет речь в настоящей работе, а именно надписи на острака – черепках, использовавшихся в Афинах⁸ для голосования при остракизме.

Нам уже неоднократно приходилось писать об огромном значении острака как источника по истории Афин V в. до н. э.⁹ Ниже мы акцентированно остановимся на вопросе об их важности специально для аттической просопографии. Действительно, надписи на этих предметах (а количество найденных острака к настоящему времени составляет около 11 тысяч) содержат имена более чем 150 афинских граждан. Среди этих имен – как принадлежащие крупнейшим деятелям афинской общественной жизни, о которых подробно рассказывает нарративная традиция (от Аристиды и Фемистокла до Никия и Алкивиада), так и совсем новые для нас, а порой даже странно звучащие. Лишь в одном не приходится сомневаться – в принадлежности подавляющего большинства людей, бывших «кандидатами» на изгнание остракизмом, к кругу политической элиты Афин: ведь эта процедура применялась именно по отношению к влиятельным политикам, как правило, аристократического происхождения (Thuc. VIII. 73. 3; Plato Com. fr. 187 Kock; Arist. Ath. pol. 22. 3). Конечно, из всякого правила бывают исключения; наверняка имели место и такие случаи, когда тот или иной афинянин писал на черепке имя, скажем, своего соседа – просто из личной вражды. И всё же, на наш взгляд, вполне ясно, что в массе своей лица, упоминаемые на острака, отнюдь не относились к числу ординарных, ничем не примечательных жителей Аттики. А следовательно, изучение просопографического материала, предоставляемого интересующими нас здесь памятниками, позволяет расширить наши знания об афинской аристократии и ее роли в жизни государства.

⁸ Впрочем, не только в Афинах. Острака найдены уже (правда, пока в небольшом количестве) и в некоторых других греческих полисах – Аргосе, Мегарах, Кирене и даже Херсонесе Таврическом. См.: *Pariente A., Piérart M., Thalmann J.-P.* Argos: Agora // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1986. Vol. 110. No. 2. P. 763–767; *Κριτζάς Χ. Β.* Τὸ πρῶτο μεγάρικὸ ὄστρακον // *Horos*. 1987. Т. 5. S. 59–73; *Bacchielli L.* L'ostracismo a Cirene // *Rivista di filologia e d'istruzione classica*. 1994. Vol. 122. Fasc. 2. P. 257–270; *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. P. 111–131; *Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // *Проблемы антиковедения и медиэвистики*. Нижний Новгород, 1999. С. 48–52.

⁹ *Суриков И. Е.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник (Омск)*. 1995. Вып. 3. С. 107–114; *Суриков И. Е.* По поводу новой публикации острака // *ВДИ*. 1996. № 2. С. 143–146; *Суриков И. Е.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // *Античный вестник (Омск)*. 1999. Вып. 4–5. С. 126–143; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 170–174; *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123.

Как мы увидим далее, этот материал, получив всестороннюю интерпретацию, способен внести новые штрихи и в решение проблем более общего плана, связанных с характером афинской политики классической эпохи.

Однако перед тем, как перейти к дальнейшему изложению, нам представляется уместным во избежание возможных недоразумений сделать одну немаловажную оговорку. Изучение острака, к сожалению, значительно затрудняется тем обстоятельством, что далеко не все они должным образом опубликованы. Основными местами находки черепков для остракизма вплоть до настоящего времени были афинская Агора и Керамик (раскопки велись и ведутся соответственно Американской школой классических исследований в Афинах и афинским отделением Немецкого археологического института)¹⁰. Однако с их изданием в этих двух случаях дело обстоит отнюдь не сходным образом. Американские исследователи аккуратно и добросовестно публикуют свои находки; не столь давно М. Лэнг выпустила полный корпус острака с Агоры¹¹. Того же, увы, нельзя сказать об их коллегах из Германии. Раньше и они были вполне пунктуальны в этом вопросе¹². Но грянувшее, как гром с ясного неба, открытие в 1966 г. на Керамике колоссального комплекса острака (более 8,5 тысяч экземпляров, т. е. в несколько раз больше, чем общее количество этих памятников, известных до того), кажется, привело их в некоторое замешательство. После появившегося в 1968 г. в одном из греческих периодических изданий (*Αρχαιολογικὸν Δελτίον*) предварительного сообщения руководителя раскопок Ф. Виллемсена о находке научный мир замер в напряженном ожидании сколько-нибудь подробной публикации. Это ожидание так и продолжается по сей день, иными словами, более трех десятилетий. Временами появлялись лишь

¹⁰ Были относительно немногочисленные находки острака и в других местах, в том числе на северном склоне Акрополя (об этих острака см.: *Суриков И. Е.* К интерпретации острака с северного склона Акрополя // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 1998. Вып. 6. С. 30–33). Кроме того, единичные экземпляры, происхождение которых не всегда известно, хранятся в коллекциях некоторых научных центров, например в Гейдельберге (*Raubitschek A. E.* Drei Ostraka in Heidelberg // *Archäologischer Anzeiger.* 1969. Bd. 84. Ht. 1. S. 107–108; *Németh G.* Ostraka in Heidelberg // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1994. Bd. 100. S. 383–384).

¹¹ *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990. Уже после выхода этого (кстати, на прекрасном научном уровне выполненного) издания на Агоре были новые находки острака. Новые экземпляры (правда, не содержащие никаких новых имен) тоже своевременно опубликованы: *Camp J. M.* Excavation in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // *Hesperia.* 1999. Vol. 68. No. 3. P. 268 ff.

¹² См. старые публикации острака с Керамика: *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941. S. 51–87; *Willemsen F.* Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* 1965. Bd. 80. S. 100–126.

разрозненные издания некоторых, наиболее интересных по своему содержанию остраконов¹³.

Справедливости ради нужно сказать, что столь экстраординарное промедление немецких ученых в чем-то можно понять. Коль скоро предпринятое Лэнг издание острака с Агоры – а это менее 1200 единиц – потребовало увесистого тома, то трудно даже представить, насколько огромен будет объем свода многих тысяч острака с Керамика и сколько времени может занять подготовка такого свода. Или же придется вырабатывать новые принципы публикации этих памятников, издавать их более суммарно и сжато, нежели другие типы граффити, скажем, не давать факсимильную прорисовку для каждого остракона? Но это вряд ли приемлемо, поскольку неполная публикация попросту не удовлетворит специалистов¹⁴. В любом случае, однако, полное издание острака с Керамика давно стало насущной необходимостью. Впрочем, как нам стало известно, в последние годы дело сдвинулось с «мертвой точки»: подготовкой этих черепков к публикации всерьез занялся исследователь из Германии Ш. Бренне. В принципе, нельзя даже исключать, что к моменту выхода в свет данной работы такая публикация уже будет осуществлена.

Как бы то ни было, историк-просопографист уже теперь может активно использовать данные острака с Керамика. В годы, последовавшие за их находкой, немецкие археологи любезно позволяли некоторым ученым из других стран (П. Бикнеллу, Г. Маттингли, Р. Томсену и др.) работать с ними в фондах института. В результате значение некоторых из острака, в том числе и для просопографии, было отмечено в ряде статей¹⁵. Томсен составил список имен, встречающихся на острака¹⁶, правда, на тот момент еще не исчерпывающе полный, но уже позволявший активно применять имеющийся материал в исследовательских целях. В 1991 г. Виллемсен и Бренне опубликовали новый, уточненный и дополненный список того же рода, с указанием количества остраконов

¹³ См., в частности: *Willemssen F.* Ostraka einer Meisterschale // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* 1991. Bd. 106. S. 137–145; *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.* 1992. Bd. 107. S. 161–185; *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 13–24.

¹⁴ К выработке принципов издания острака см.: *Raubitschek A. E.* Athenian Ostracism // *Classical Journal.* 1953. Vol. 48. No. 4. P. 121 ff.

¹⁵ *Bicknell P. J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique.* 1975. Vol. 44. No. 1. P. 172–175; *Mattingly H. B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // *The University of Leeds Review.* 1971. Vol. 14. No. 2. P. 277–297; *Mattingly H. B.* The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon.* 1991. Vol. 25. P. 1–26.

¹⁶ В его книге: *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 71–80.

для каждого имени¹⁷. Наконец, совсем недавно Бренне подготовил наиболее полный и подробный каталог имен на острака¹⁸. Таким образом, теперь в нашем распоряжении находится вся совокупность персоналий, имевших отношение к афинскому остракизму, а следовательно, открыта возможность для ответственных выводов.

После всего сказанного можно перейти к непосредственному рассмотрению некоторых интересных просопографических сюжетов, основанных на данных острака.

«Сын врага народа». Без всякого преувеличения, совершенной неожиданностью стала публикация найденного на Агоре остракона (датируемого 480-ми гг. до н. э.) с именем Тисандра, сына Исагора¹⁹. Об этом человеке ранее ничего не было известно, но сочетание имени и патронимика не оставляет никаких сомнений в том, что его отцом был не кто иной, как Исагор, сын Тисандра – известный политический деятель конца VI в. до н. э., главный противник основателя афинской демократии Клисфена²⁰. В 508/507 г. до н. э. Исагор был даже архонтом-эпонимом, но затем потерпел поражение в борьбе с Клисфеном, после чего призвал в Афины спартанского царя Клеомена I и пытался с его помощью захватить власть в полисе. Этот путч окончился неудачей (Herod. V. 70–73; Arist. Ath. pol. 20), и Исагор вместе с Клеоменом вынужден был покинуть родину и спастись бегством в Спарту²¹. Через некоторое время Клеомен предпринял новую попытку поставить Исагора тираном Афин (Herod. V. 74–76). После провала и этой акции Исагор был заочно приговорен афинянами к смерти, а его имущество конфисковано (ср. Schol. Aristoph. Lysistr. 273). О дальнейшей судьбе Исагора сведений нет²², но совершенно ясно, что в Афинах он с тех пор

¹⁷ Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. Bd. 106. S. 147–156.

¹⁸ Каталог существует в двух вариантах: один (Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 87–314) снабжен обширным просопографическим комментарием, в другом (Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbergericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 2002. S. 43–72) комментарий гораздо короче, но зато учтены новейшие находки.

¹⁹ Phillips D. J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 83. S. 123 ff.; Lang M. Op. cit. P. 101–102.

²⁰ Судя по всему, Исагор был выходцем из знатного рода Филаидов: Bicknell P. J. Studies... P. 84–88.

²¹ О событиях 508/507 г. до н. э., приведших к поражению Исагора, см.: Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 32–52.

²² Вероятнее всего, он вскоре умер; во всяком случае, несколько лет спустя спартанцы, вновь намереваясь установить контроль над Афинами, избрали своим ставленником уже

всегда считался государственным преступником высшего ранга и во всех отношениях *persona non grata*.

Вышеупомянутый остракон открывает крайне любопытное обстоятельство: оказывается, сын Исагора (причем, судя по всему, старший сын, поскольку он носил имя деда) отнюдь не разделил судьбу отца, а, напротив того, оставался афинским гражданином и, видимо, участвовал в политической жизни еще как минимум два десятилетия спустя. И это несмотря на то, что в Афинах действовал старинный, принятый еще в VII в. до н. э. закон о тирании²³: «Если кто восстанет, чтобы быть тираном, или будет содействовать установлению тирании, тот да будет лишен гражданской чести и сам, и его род» (ар. Arist. Ath. pol. 16. 10; перевод С. И. Радцига). Впрочем, нам уже приходилось отмечать, что для афинского демоса классической эпохи (даже в его судебной «ипостаси», когда афиняне заседали в качестве дикастов) закон как таковой не обладал обязательной, абсолютной силой и вполне мог обходиться или попросту не приниматься во внимание²⁴.

Перед нами – убедительное подтверждение тезиса Аристотеля (Ath. pol. 22. 4), писавшего о «кротости» (πρᾶότης) демоса, имевшей место в первые годы после установления народовластия в Афинах и сменившейся более «дерзким» отношением к аристократам лишь после Марафонского сражения. Известно, что в этот период «кротости» даже тем из родственников изгнанного тирана Гиппия, которых сочли лично непричастными к его преступлениям, удалось избежать какого бы то ни было поражения в политических правах; более того, глава оставшихся в городе Писистратидов – Гиппарх, сын Харма, – был избран архонтом-эпонимом в 496/495 г. до н. э. (Dion. Hal. Ant. Rom. V. 77. 6; VI. 1. 1)²⁵. Случай с Тисандром, сыном Исагора, прекрасно укладывается в тот же контекст.

не Исагора, а незадолго до того ими же свергнутого, а следовательно, значительно менее удобного для них бывшего афинского тирана Гиппия, сына Писистрата (Herod. V. 91).

²³ Об обстоятельствах принятия этого закона (после мятежа Килона) см.: *Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77.*

²⁴ *Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 34–42.*

²⁵ На хронологическом отрезке между 510 и 487 гг. до н. э. архонты в Афинах избирались народным собранием (см.: *Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 33–34.* Гиппарх, сын Харма, впоследствии, в 487 г. до н. э., стал первой жертвой остракизма (Arist. Ath. pol. 22. 4). См. об этом остракизме: *Kinzl K. H. AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. Bd. 73. Ht. 1. S. 28–45.* Высказывалось предположение, что в Афинах в начале V в. оставался не только Гиппарх, сын Харма, но даже и Писистрат Младший, сын тирана Гиппия (*Meritt B. D. An Early Archon List // Hesperia. 1939. Vol. 8. No. 1. P. 59–65; Arnush M. F.*

Керики и остракизм. За время функционирования процедуры остракизма (а это около семи десятилетий) ему подвергались представители практически всех наиболее влиятельных аттических аристократических родов – Алкмеонидов (Мегакл, сын Гиппократ, и Ксантипп²⁶), Филаидов (Кимон и Фукидид, сын Мелесия), Писистратидов (Гиппарх, сын Харма), Ликомидов (Фемистокл²⁷), Саламиниев (Алкивиад Старший²⁸). На первый взгляд исключением на этом фоне кажется род Кериков, также принадлежавший к самым верхним слоям политической элиты Афин²⁹. Соответствует ли это впечатление действительности, можно ли сказать, что остракизм никак не ударил по Керикам? Мы попытаемся показать, что это не вполне так и что существуют косвенные, но достаточно весомые данные, позволяющие прийти к противоположному заключению.

Из надписей на острака ученым впервые стало известно имя афинянина Каллия, сына Кратия, из дема Алопека, не встречающееся в нарративных источниках. Необычным оказалось и привлекло поэтому всеобщее внимание очень большое число черепков, упоминающих этого человека, – 763 экземпляра, основная часть которых происходит с Керамика³⁰. Столь крупный массив находок дает почву для ответственного вывода, что Каллий, сын Кратия, не просто являлся одним из «кандидатов» на остракизм, но и был действительно изгнан. Острака с именем Каллия с наибольшей вероятностью датируются

The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia*. 1995. Vol. 64. No. 2. P. 135–162), но оно представляется практически ни на чем не основанным.

²⁶ Ксантипп, отец Перикла, был в течение всей своей жизни тесно связан с Алкмеонидами и, судя по всему, происходил из этого рода по материнской линии. О нем см.: Суриков И. Е. Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. 8. С. 100–109.

²⁷ О происхождении Фемистокла из рода Ликомидов см.: Plut. Them. 1. Ср.: Harvey F. D. Neokles, Father of Themistokles // *Historia*. 1980. Bd. 29. Ht. 2. S. 110–111.

²⁸ О принадлежности семьи Алкивиада к роду Саламиниев см.: Ferguson W. S. The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // *Hesperia*. 1938. Vol. 7. No. 1. P. 1–74; Ellis W. M. Alcibiades. L.; N. Y., 1989. P. 99–102. Остракизм Алкивиада Старшего, деда знаменитого Алкивиада, датируется в современной историографии по-разному – от 480-х до 460-х гг. до н. э. (см.: Carcopino J. L'ostracisme athénien. P., 1935. P. 111–112; Calderini A. L'ostracismo. Milano, 1945. P. 46–48; Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alcibiades // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 1. P. 1–8; Phillips D. J. Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 28; Lang M. Op. cit. P. 31–32), но сомневаться в его историчности нет серьезных оснований.

²⁹ В целом о роде Кериков и его роли в афинской политической жизни см.: Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 101–111.

³⁰ Lang M. Op. cit. P. 65–66; Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 152.

480-ми гг. до н. э.³¹ Таким образом, можно с весьма серьезными основаниями утверждать, что он стал жертвой третьей остракофории (485 г. до н. э.), о которой имплицитно сообщает Аристотель (Ath. pol. 22. 6), не называя имени изгнанного³².

Уже было выдвинуто весьма импонирующее нам предположение, согласно которому Каллий, сын Кратия, происходил из рода Кериков³³. В пользу этого свидетельствуют следующие обстоятельства. Имя Каллий, хотя вообще оно является довольно распространенным в Афинах, чаще всего зафиксировано именно у Кериков. Далее, к дему Алопека, к которому принадлежал интересующий нас афинский политик, была приписана главная семья этого рода. Не исключено также, что Каллий, сын Кратия, имел какие-то родственные отношения с Алкмеонидами³⁴. Однако одно другого отнюдь не отменяет. Известно, что практически между всеми аттическими аристократическими родами к V в. до н. э. существовала тесная сеть матримониальных союзов и любой отпрыск знатной семьи *eo ipso* происходил по различным линиям еще из нескольких³⁵. А между Алкмеонидами и Кериками брачные связи всегда были особенно интенсивными. Нам уже приходилось писать³⁶ об одном небезынтересном факте: на нескольких остраконах Каллий назван «мидянином» (ὁ Μῆδος или ἐκ Μῆδων); на одном остраконе с его именем имеется даже «карикатура» – изображение человека в персидском платье. Это, несомненно, связано с особенностями афинской политической борьбы 480-х гг., когда одним из излюбленных пропагандистских ходов было обвинение соперников в «мидизме» (μηδισμός), т. е. в приверженности к Персии³⁷. Что же касается конкретных причин приложения подобного эпитета к Каллию, сыну Кратия, то есть достаточно весомые

³¹ В данном очерке мы сознательно не касаемся вопроса о критериях датировки острака, поскольку это увело бы нас слишком далеко в сторону от непосредственной темы исследования. Упомянем лишь о том, что существует две основные датировки основной массы острака с Керамика – 480-е и 470-е гг. до н. э. Автор этих строк решительно придерживается более ранней из этих датировок. См.: *Суриков И. Е.* Острака как источник... С. 109.

³² *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. S. 35; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 193–205.

³³ *Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. No. 1. P. 69–73.

³⁴ *Bicknell P. J.* Studies... P. 64–76; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 249.

³⁵ Например, Перикл был потомком Бузигов, Алкмеонидов и Писистратидов.

³⁶ *Суриков И. Е.* Два очерка... С. 103–104.

³⁷ О понятии «мидизм» см.: *Wolski J.* Μηδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // *Historia*. 1973. Bd. 22. Ht. 1. S. 3–15; *Holladay J.* Medism at Athens, 508–480 B.C. // *Greece & Rome*. 1978. Vol. 25. No. 2. P. 174–191; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.

основания связать этого политического деятеля с афинским посольством в Персию в 507 г. до н. э., осуществленным по инициативе Клисфена (о посольстве см.: Herod. V. 73). Каллий, скорее всего, был членом этого посольства, возможно, даже возглавлял его. Таким образом, его следует причислить к ближайшим сподвижникам «отца» афинской демократии. Скорее всего, именно участие в персидском посольстве, которое в целом оказалось неудачным и повело лишь к появлению ненужных претензий Ахеменидов на вассалитет со стороны Афин, стало роковым для Каллия и в конечном счете привело к его изгнанию остракизмом.

Один из источников (Andoc. IV. 32)³⁸ сообщает, что остракизму подвергся и другой афинянин по имени Каллий, а именно Каллий, сын Дидимия, выдающийся атлет-панкратиаст, периодоник (победитель во всех четырех панэллинских играх – Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских)³⁹. К этой информации специалисты долгое время относились со скептицизмом⁴⁰. И действительно, Андокид – не тот автор, который заслуживает безусловного доверия во всех деталях. Однако находка как на Агоре, так и на Керамике определенного числа острака с именем Каллия, сына Дидимия, датируемых серединой V в. до н. э.⁴¹, значительно укрепляет достоверность вышеупомянутого сообщения. Изгнание Каллия, как полагают ныне большинство писавших об этом исследователей, относится к 440-м гг. до н. э. и должно рассматриваться в контексте политической борьбы между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия⁴².

О жизни Каллия, сына Дидимия, практически ничего не известно. В частности, не зафиксировано в источниках название дема, из которого он происходил. Однако недавно был подвергнут интерпретации один фрагмент комедиографа

³⁸ По проблеме атрибуции четвертой речи Андокидова корпуса см.: *Feraboli S.* Ancora sulla IV orazione del Corpus andocideum // *Maia*. 1974. Vol. 26. Fasc. 3. P. 245–246; *Siewert P.* Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle // *Innere und äussere Integration der Altertumswissenschaften*. Halle, 1989. S. 226–232; *Furley W. D.* Andokides IV (“Against Alkibiades”): Fact of Fiction? // *Hermes*. 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 138–156; *Heftner H.* Ps.-Andokides’ Rede gegen Alkibiades ([And.] 4) und die politische Diskussion nach dem Sturz der «Dreissig» in Athen // *Klio*. 1995. Bd. 77. S. 75–104. Автор данной работы придерживается мнения, согласно которому автором данной речи, составленной в начале IV в. до н. э., вполне мог действительно быть Андокид, хоть это обычно и отрицается.

³⁹ О победах Каллия, сына Дидимия, см.: *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. P. 91.

⁴⁰ В частности, остракизм Каллия, сына Дидимия, не признается историчным в работах: *Carcopino J.* Op. cit. P. 112; *Mattingly H. B.* The Practice... P. 25.

⁴¹ *Lang M.* Op. cit. P. 65; *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. S. 152.

⁴² *Raubitschek A. E.* Leagros // *Hesperia*. 1939. Vol. 8. No. 2. P. 157; *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. P. 9; *Phillips D. J.* Athenian Ostracism... P. 28; *Piccirilli L.* L’ostracismo di Callia figlio di Didimia // *Klio*. 1996. Bd. 78. Ht. 2. S. 325–328.

Евполида (fr. 284 Kock), в котором некий Дидимий, судя по всему сын интересующего нас Каллия, назван ἀποπάτημ' ἀλώπεκος, и на основании этого каламбура выдвинута гипотеза о том, что демом Каллия была Алопека⁴³. Если это действительно так и если перед нами еще один Каллий из Алопеки, то и его (как и Каллия, сына Кратия) следует отнести к роду Кериков, во всяком случае, поставить с ним в какую-то связь.

Не будем забывать и о совершенно достоверном, зафиксированном надежными источниками (Herod. VIII. 79; Arist. Ath. pol. 22. 7; Plut. Aristid. 7) остракизме Аристиды, сына Лисимаха, имевшем место в 482 г. до н. э.⁴⁴ Неизвестен род, из которого происходил по мужской линии политик, прозванный «Справедливым», но со стороны матери он находился в родстве с Кериками (Plut. Aristid. 25). Скорее всего, он был сыном одной из дочерей первого известного из источников представителя рода Кериков – Каллия, сына Фениппа (о его дочерях см.: Herod. VI. 122)⁴⁵. Характерно, что демом Аристиды была та же Алопека. В целом в многочисленных остракизмах 480-х гг. до н. э. можно видеть активную и успешную борьбу Фемистокла против крупнейших афинских аристократических родов его времени. Отец афинского морского могущества последовательно и систематически наносил удары по Филаидам⁴⁶, Писистратидам, Алкмеонидам, Керикам и к началу похода Ксеркса занял положение единоличного лидера полиса. Правда, его победа оказалась не столь уж и прочной. Уже около 480 г. все эти противники Фемистокла (выводя за скобки Писистратидов, окончательно выпавших из политической жизни) заключили союз, направленный, насколько можно судить, персонально против него, и в конечном счете добились его изгнания остракизмом⁴⁷.

Итак, нельзя сказать, что представители рода Кериков не подвергались угрозе остракизма. На острака встречаются имена и некоторых других представителей этого рода. В частности, упомянут на них самый знаменитый из Кериков – Каллий, сын Гиппоника, из Алопеки, выдающийся дипломат, вошедший

⁴³ Rapke T. T. The Demotic of Kallias Didymiou // L'Antiquité classique. 1974. Vol. 43. P. 332–333.

⁴⁴ Имеется более сотни остраконов с именем Аристиды: Lang M. Op. cit. P. 35–40; Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 149; Camp J. M. Op. cit. P. 274.

⁴⁵ Ср.: Shapiro H. A. Op. cit.

⁴⁶ Правда, глава Филаидов Мильтиад был осужден в 489 г. до н. э. по обвинению Ксантиппа. Однако, думается, и Фемистокл не был к этому непричастен. О неприязни Фемистокла к Мильтиаду см.: Plut. Them. 3.

⁴⁷ О союзе Филаидов, Алкмеонидов и Кериков и о скрепивших его брачных узах см.: Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 165–191; Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 46.

в древнегреческую историю прежде всего в связи с заключением Каллиева мира, завершившего Греко-персидские войны. Каллий был в высшей степени видной фигурой в общественной жизни Афин, имел немало недоброжелателей, распространявших порочащие его слухи (образчик таких слухов см.: Plut. Aristid. 5) и даже однажды привлечших его к суду (Plut. Aristid. 25). Тем не менее остракизмом изгнан он не был, более того, никогда даже не рассматривался в качестве сколько-нибудь серьезного «кандидата» на такое изгнание⁴⁸. Насколько нам представляется, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что Каллий в течение примерно полувека занимал жреческую должность дадуха – факелоносца в культе Элевсинских богинь (эта должность была пожизненной и наследственной в главной семье рода Кериков). Дадух был религиозным магистратом очень высокого ранга, уступавшим по своему значению, пожалуй, лишь иерофанту. Очевидно, основная масса афинян прекрасно понимала, что десятилетнее отсутствие в городе дадуха нанесет серьезнейший удар по культовой жизни гражданской общины.

На 11 остраконах с Керамика, относящихся к тем же 480-м гг. до н. э., обнаружено имя Миронида⁴⁹ – впоследствии крупного военачальника, участника Платейской битвы (Plut. Aristid. 20) и Малой Пелопоннесской войны (Thuc. I. 105. 4; 108. 2). Нам уже приходилось в другом месте⁵⁰ приводить аргументы в пользу того, что Миронид, сын Каллия, тоже происходил из рода Кериков. В контексте же данной работы обратим внимание на то, что из надписей на острака впервые стало известно название дема Миронида – Флия⁵¹. Это важно, поскольку позволяет практически без каких-либо сомнений считать Миронида отдаленным потомком Мирона из Флии – афинского аристократа VII в. до н. э., выступавшего обвинителем на суде над Алкмеонидами в связи с их кощунством при подавлении мятежа Килона (Arist. Ath. pol. 1; Plut. Sol. 12). А следовательно, упомянутый Мирон также был Кериком (а не Ликомидом, как иногда считают⁵²).

⁴⁸ Известно всего лишь 13 остраконов с именем Каллия, сына Гиппоника (*Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. S. 152), а это, конечно, ничтожная цифра.

⁴⁹ *Willemsen F., Brenne S.* Op. cit. S. 154.

⁵⁰ *Суриков И. Е.* Два очерка... С. 104–105; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 87–88.

⁵¹ См.: *Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. P. 77–109.

⁵² Например: *Радциг С. И.* Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике) // ВДИ. 1964. № 3. С. 3–14; *Вдовин В. Н.* К вопросу о предыстории тирании в Афинах // *Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы*. Нижний Новгород, 1997. С. 13–27.

Брат или дед Перикла? В 1991 г. стало известно, что на трех остраконах с Керамика значится имя некоего Арифрона, сына Ксантиппа⁵³. Вскоре после этого Д. Льюис высказал предположение, что речь идет об известном из письменных источников родном брате Перикла (личное имя и патронимик совпадают)⁵⁴. Автор настоящей работы, однако, придерживается по этому вопросу иной точки зрения, которая совсем недавно была подробно аргументирована в другом месте⁵⁵, что позволяет нам ограничиться здесь краткой сводкой сделанных там наблюдений.

Путем достаточно несложных и очевидных (хотя, кажется, ранее никем не предпринимавшихся) хронологических калькуляций нам удалось установить, что Арифрон, брат Перикла, был практически его ровесником и родился около 495 г. до н. э., никак не раньше⁵⁶. А из этого логично вытекает, что, как бы ни датировать острака с Керамика – 480-ми или 470-ми гг., этот Арифрон просто не мог появиться на них. Кому бы пришло в голову попытаться применить такое мощное политическое оружие, как остракизм, против подростка, самое большее – двадцатилетнего юноши? Очевидно, следует искать более приемлемую идентификацию, причем, естественно, в рамках того же рода Бузигов, к ономастическому фонду которого принадлежали ЛИ Арифрон и Ксантипп, чередовавшиеся из поколения в поколение.

В связи с вышесказанным нами было предположено, что упоминающийся на острака Арифрон тождественен не с сыном, а с отцом Ксантиппа (следовательно, дедом Перикла), которому в период остракофорий 480-х гг. до н. э. должно было быть около 70 лет. Разумеется, из того, что его имя упомянуто на трех остраконах, ни в коей мере не следует, что человек столь преклонного возраста являлся серьезным «кандидатом» на десятилетнее удаление из полиса. Разброс голосов при остракизме, как показывают надписи на острака, был весьма велик. Некоторые афиняне в этих случаях руководствовались даже не столько политическими, сколько чисто личными пристрастиями⁵⁷. Иными словами, те несколько человек, которые написали на черепках имя отца Ксантиппа, могли по той или иной причине испытывать к нему враждебные чувства, которые они таким образом и продемонстрировали, вряд ли всерьез рассчитывая на действительное изгнание своего недруга. Для нас же важно прежде

⁵³ Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 150.

⁵⁴ Lewis D. M. Megakles and Eretria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 96. S. 51.

⁵⁵ Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.

⁵⁶ Сам Перикл появился на свет около 494 г. См.: Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 18.

⁵⁷ Ср.: Суриков И. Е. Институт остракизма... С. 135.

всего то, что удастся пополнить корпус аттической просопографии новой персоналий: раньше об Арифроне, деде Перикла, не было известно ничего, кроме личного имени, даже его патронимик оказался не зафиксированным в нарративной традиции, а теперь, кажется, можно с немалой долей уверенности утверждать, что полностью этот афинский гражданин именовался «Арифрон, сын Ксантиппа, из Холарга».

«*Лицо с двойным гражданством*». Один достаточно поздний автор – лексикограф VI в. н. э. Гесихий (s.v. Μενωνίδα) – в не очень ясной форме сообщает об изгнании остракизмом некоего Менона⁵⁸. Это стоящее особняком сообщение существенно подкрепляется находками (в основном на Керамике) очень большого количества острака (более 700) с именем Менона, сына Менеклида, из дема Гаргетт⁵⁹. Острака датируются серединой V в. до н. э. Кто же такой этот загадочный Менон, о котором вроде бы не сообщают письменные источники, повествующие об афинской истории, но который в то же время был, судя по всему, настолько влиятельной фигурой, что даже подвергся остракизму или, по меньшей мере, реальной опасности такового? Положение усугубляется тем, что, как ни странно, граждане, писавшие на черепках имя Менона, были не очень-то хорошо с ним знакомы; во всяком случае, они нередко искажали компоненты его личного имени. Менона называют то сыном Менеклида, то сыном Менандрида, то сыном Неоклида, то сыном Менекла, то сыном Мегакла. Происходит путаница с его демом: то это Гаргетт, то Колон, то Рамнунт... Случай почти беспрецедентный: гражданская община желает изгнать политика, но при этом толком не знает, как его зовут. Добавим еще, что имя Менон в Афинах встречается редко, зато оно весьма типично для Фессалии.

Раскрыть «загадку Менона» позволил комплексный анализ источников, проделанный в свое время А. Раубичеком⁶⁰. Выяснилось, что Менон был действительно фессалийцем, знатным уроженцем Фарсала. Во время осады афинянами во главе с Кимоном города Эйон на северном побережье Эгейского моря (477/476 г. до н. э.⁶¹) он оказал им существенную помощь деньгами и людьми, за что постановлением экклесии ему были дарованы права афинского

⁵⁸ О значении авторов византийского времени для изучения остракизма см.: Суриков И. Е. Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137–143.

⁵⁹ Peek W. Op. cit. S. 64–77; Lang M. Op. cit. P. 96; Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 154.

⁶⁰ Raubitschek A. E. Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24. No. 4. P. 286–289. Ср.: Helly B. La glose d'Hésychius Μενωνίδα: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1994. Vol. 68. No. 1/2. P. 135–146.

⁶¹ Датировку осады и взятия Кимоном Эйона см.: Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 99.

гражданства (Demosth. XXIII. 199). Сам по себе факт такой награды не уникален; необычным в данном случае является то, что Менон действительно переселился из Фарсала в Афины, был приписан к дему Гаргетт и, очевидно, принимал активное участие в политической жизни. Раубичек даже считает возможным отождествить его с эпонимным архонтом 473/472 г. до н. э. Меноном (Diod. XI. 52. 1); впрочем, на наш взгляд, это маловероятно, хотя и не исключено.

Во всяком случае, Менон как афинский политик, вне сомнения, принадлежал к группировке Филаидов; он должен был, как минимум, со времени дела при Эйоне поддерживать тесные ксенические связи с главой этого рода Кимоном (последний вообще благоволил к фессалийской знати и, в частности, назвал одного из своих сыновей Фессалом, Plut. Cim. 16) и, вполне возможно, даже породнился с ним (ср. Schol. Aristoph. Ach. 703). Поэтому, наверное, не случайно, что, когда в конце 460-х гг. до н. э. противники Кимона одержали над ним победу и добились изгнания его остракизмом, угроза применения аналогичной меры нависла и над виднейшими приверженцами Филаидов. Одной из жертв этой борьбы, по всей видимости, и стал Менон, которому, помимо прочего, инкриминировались какие-то, ближе нам неизвестные, изменнические действия (на одном остраконе он назван Μένων ἐκ προδοτῶν). Давать вслед за Раубичеком точную датировку остракизма Менона (457 г. до н. э.) мы бы при нынешнем состоянии изученности вопроса поостереглись; более взвешенным будет сказать, что это событие, если оно действительно имело место, произошло на рубеже 460–450-х гг.

Будучи изгнан из Афин, Менон, очевидно, возвратился в родной Фарсал. Больше о его судьбе ничего не известно⁶². Прав афинского гражданства остракизм, как известно, не лишал, и не случайно, что потомки Менона продолжали поддерживать с Афинами дружественные отношения. Одним из этих потомков (скорее всего, внуком) был Менон, сын Алексидема, из Фарсала, которого мы застаем в Афинах в самом конце V в. до н. э. беседующим с Сократом (этой беседе посвящен диалог Платона «Менон»), а затем встречаем в греческом войске Кира Младшего. Об этом Меноне подробно говорит Ксенофонт в «Анабасисе», рисуя его образ довольно черными красками. В конце концов он был казнен в Персии по приказу Артаксеркса II.

Таким образом, остракизму в Афинах могли подвергаться не только урожденные граждане этого полиса, но и натурализовавшиеся уроженцы других

⁶² Нам крайне сомнительно, что Менон из Фарсала, командир союзной Афинам фессалийской конницы в 431 г. до н. э. (Thuc. II. 22. 3), является тем же самым лицом, как полагает Раубичек. Даже если Менон участвовал в осаде Эйона совсем молодым человеком, к моменту начала Пелопоннесской войны ему должно было бы быть лет семьдесят. Несравненно вероятнее, что в данном случае речь идет об одном из потомков Менона, носившем такое же имя.

городов, если они оказывались в числе влиятельных политиков или по какой-нибудь другой причине вызывали неприязнь у демоса.

Штрихи к генеалогии афинских демагогов. Три «великих демагога», смежная друг друга и оказывая огромное влияние на государственные дела, действовали в Афинах в период Пелопоннесской войны: Клеон, Гипербол и Клеофонт (ср. Arist. Ath. pol. 28. 3; Schol. Aristoph. Equ. 1304). Старший и самый знаменитый из них – Клеон – ни разу не упоминается в надписях на острака, что вполне объяснимо: во время пика его политической карьеры – в 420-е гг. до н. э. – остракофории не проводились. Что же касается Гипербола и Клеофонта, то их имена встречаются на остраконах в связи с последним в афинской истории остракизмом (415 г.), в результате которого Гипербол подвергся изгнанию⁶³. Эти памятники предоставляют новую и ценную информацию об обоих этих демагогах, об их происхождении и родственных связях.

В античной традиции существуют разногласия относительно патронимика Гипербола. Аттидограф Андротион (ар. Schol. Lucian. Tim. 30) называет этого демагога сыном Антифана, но этой точке зрения противостоит мнение авторитетного историка IV в. до н. э. Феопомпа (FGrHist. 115. F95), который дает иное имя его отца – Хремет. В подобных условиях данные острака должны стать решающим аргументом, а на них недвусмысленно значится полное гражданское имя интересующего нас политика – Гипербол, сын Антифана, из дема Перифеды⁶⁴. Таким образом, Андротион оказался прав, а Феопомп неправ. Впрочем, этого в принципе и следовало ожидать: аттидографы, как правило, скрупулезно исследовали прошлое своей родины, активно используя документальные источники⁶⁵, в то время как Феопомп был в Афинах человеком пришлым и с какими-то деталями истории этого полиса мог быть просто не знаком.

Еще больше нового узнаём мы из надписей на острака о Клефонте, который остракизмом изгнан не был, но в 415 г. до н. э., судя по всему, подвергался такой опасности, а следовательно, был уже достаточно влиятельным лицом в афинской общественной жизни (хотя по-настоящему на первые роли он вышел лишь в самые последние годы Пелопоннесской войны). Нарративные

⁶³ Наиболее подробно об остракизме Гипербола см.: Rhodes P. J. The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 85–98 (с указаниями на обширную предшествующую литературу). Обоснование датировки этого остракизма 415 г. до н. э. см.: Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27. О Гиперболе в целом см.: Карпук С. Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142–156.

⁶⁴ Lang M. Op. cit. P. 64.

⁶⁵ Важнейшие труды об аттидографах: Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949; Pearson L. The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

источники не давали ни патронимика, ни демотика Клеофонта и вообще за редким исключением отзываются о нем крайне пренебрежительно, как о человеке низкого происхождения. Впрочем, попреки «социальной неполноценностью», порой ни на чем не основанные, были весьма распространены и встречаются в связи практически со всеми демагогами. Острака позволили внести в этот вопрос ясность и фактически оспорить сведения античной традиции. Они дали полное имя Клеофонта; стало известно, что он был сыном Клеиппида и происходил из дема Ахарны⁶⁶. Таким образом, теперь можно с полной уверенностью говорить, что отцом Клеофонта был Клеиппид, сын Диния, также из Ахарн, довольно видный политик эпохи Перикла. В начале Пелопоннесской войны Клеиппид был стратегом (Thuc. III. 3. 3). Из тех же острака стал известен и новый факт биографии Клеиппида: оказывается, он был одним из «кандидатов» на изгнание во время остракофории 444 г. до н. э., жертвой которой стал, как известно, Фукидид, сын Мелесия, тогдашний лидер Филаидов. На Керамике найдено более ста остраконов, упоминающих Клеиппида⁶⁷, а это немало.

Итак, Клеофонт, вопреки той репутации, которая у него сложилась, вовсе не был выходцем из низов общества: уже его отец был влиятельным политическим деятелем, занимал высшую военную магистратуру, подвергался опасности остракизма. Интересно, что из надписей на острака (точнее, на одном остраконе) стало известно имя еще одного сына Клеиппида и родного брата демагога Клеофонта, которого звали Филин⁶⁸. Появляются основания говорить о целой политически активной семье, деятельность которой не получила сколько-нибудь заметного отражения в нарративной традиции, но теперь может быть отчасти реконструирована на основании анализа памятников малой эпиграфики.

* * *

В рамках данного исследования, опираясь на разработки других исследователей и на некоторые собственные наблюдения, мы вкратце рассмотрели лишь несколько просопографических сюжетов, порожденных находками острака. Круг таких сюжетов, безусловно, мог бы быть расширен. Можно было бы поговорить о многочисленных представителях рода Алкмеонидов, о которых ранее не встречалось никаких упоминаний в письменных источниках, но

⁶⁶ Vanderpool E. Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; Vanderpool E. New Ostraka from the Athenian Agora // *Hesperia*. 1968. Vol. 37. No. 1. P. 117–120; Lang M. Op. cit. P. 90–91.

⁶⁷ Willemsen F., Brenne S. Op. cit. P. 152.

⁶⁸ Raubitschek A. E. Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71; Lang M. Op. cit. P. 100.

которые стали теперь известны из надписей на черепках для голосования⁶⁹; о связях этого же знатного аттического рода с эвбейским полисом Эретрией, о наличии которых позволяет говорить граффито на одном из остраконов⁷⁰; о сестре Кимона Эльпинике, которая получила скандальную известность и стала предметом разного рода порочащих слухов, отразившихся, помимо прочего, и на острака⁷¹; о настоящем имени (Дамон или Дамонид) известного музыканта, друга Перикла, подвергнутого афинянами остракизму⁷², и др. Однако сказанного, думается, уже достаточно, чтобы по достоинству оценить значение той категории памятников, о которой шла речь, для афинской просопографии, да и для древнегреческой истории в целом.

⁶⁹ См.: *Bicknell P. J. Studies...* P. 64 ff.; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 186–187.

⁷⁰ См.: *Raubitschek A. E. Megakles, geh nicht nach Eretria!* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1994. Bd. 100. S. 381–382; *Stanton G. R. A Graffito on a Megakles Ostrakon* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1996. Bd. 111. S. 69–73; *Суриков И. Е.* Афинянин Мегакл и Эретрия (К интерпретации одного остракона) // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М., 1999. С. 111–112.

⁷¹ См.: *Brenne S. Ostraka...* P. 14; *Суриков И. Е.* Женщины в политической жизни... С. 46–47.

⁷² *Raubitschek A. E. Damon* // *Classica et mediaevalia.* 1955. Vol. 16. P. 78–83.

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В СВЯЗИ С ОНОМАСТИКО-ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ АФИНСКИХ ОСТРАКОНОВ*

О таких замечательных и даже уникальных памятниках малой эпиграфики, как остраконы (острака) – надписанные черепки, употреблявшиеся в качестве «бюллетеней» при голосовании во время остракизма, – автору этих строк не раз уже приходилось писать¹. В числе других вопросов затрагивали мы также проблемы и перспективы, порождаемые информацией просопографического и ономастического характера, которая в изобилии содержится на остраконах². Но данная проблематика, насколько можно судить, практически неисчерпаема. Невозможно переоценить значение остраконов как источника; этот источник в колоссальной степени обогащает – и еще обогатит! – наши знания об истории античных Афин. Необходимо только учиться корректно использовать весь его потенциал.

В рамках настоящей работы вниманию читателей предлагаются несколько небольших этюдов, посвященных интерпретации новых данных по аттической просопографии и ономастике, которые поступают в научный оборот в ходе публикации остраконов³. В каждом из рассматриваемых случаев мы старались

* Впервые опубликовано в: Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127.

¹ Суриков И. Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник: Сб. науч. трудов. Омск, 1995. Вып. 3. С. 107–114; Суриков И. Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 6. С. 30–33; Суриков И. Е. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123; Суриков И. Е. Из истории находок острака в Афинах // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2003. Вып. 8. С. 121–131; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 48–81, 541–552.

² Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146; Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79; Суриков И. Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16–25; Суриков И. Е. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2004. Вып. 1 (3). С. 51–65; Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

³ Последние по времени и важнейшие публикации, содержащие обобщение того, что было известно ранее, принадлежат Ш. Бренне. См.: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001; Brenne S. Die Ostraka

не делать исследование частных вопросов самоцелью, а по возможности выходить на тематику общеисторического характера.

Андрон, сын Андрокла, и континуитет семейных ономастических фондов. Классическая греческая антропонимика – сложный комплекс, но отнюдь не хаотичный комплекс, в рамках которого действовали определенные закономерности. Среди таких закономерностей – в высшей степени устойчивый обычай давать детям имена предков и родственников (чаще всего – деда, реже – дяди, отца либо лица иной степени родства), а также отражать в семейном ономастике матримониальные и ксенические связи; проявление на ономастическом уровне идеологических элементов (прежде всего речь идет об аристократической идеологии и системе ценностей); формирование комплексов имен, употребительных в рамках той или иной семьи. Если уж быть совсем точным, следует говорить о специфических «семейных» комплексах не столько имен как таковых, сколько корневых морфем, формирующих имена⁴.

На последний момент следует обратить особое внимание. У каждого знатного рода существовал свой, достаточно четко очерченный именник. Имена, разумеется, могли переходить от одного рода к другому, но отнюдь не беспричинно и произвольно, а в результате брачных или (реже) ксенических отношений. Подчеркнем: сказанное в наибольшей степени относится именно к аристократии. На более низких уровнях социума указанный критерий терял свою четкость и определенность; здесь могли появляться вполне общераспространенные, неспецифичные имена, такие, например, как Аполлодор и т. п. Но нас в контексте данной работы интересуют именно аристократические слои, поскольку именно представители таких слоев подвергались в Афинах опасности ostrakizma и именно их имена мы находим на ostrakonax.

Теснейшая связь антропонимии с генеалогией нередко позволяет специалистам в области древнегреческой просопографии по одному имени корректно определить родовую и семейную принадлежность того или иного лица, даже если иных, более эксплицитных сведений об этой принадлежности не сохранилось⁵.

(487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien (T 1) // *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 2002. S. 36–166.

⁴ Попытку первичного семантического анализа некоторых из этих морфем на афинском материале см.: *Молчанов А. А., Суриков И. Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. М., 1999. С. 122 сл.; *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 28 сл.

⁵ Наиболее показательный пример – чрезвычайно богатая ценными идеями монография: *Bicknell P. J.* *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden, 1972. См. также в ряде наших работ, указанных в прим. 2 к этой главе.

Высказанные выше соображения общего характера блестяще подтверждаются данными остраконов, что мы сейчас и продемонстрируем посредством анализа одного конкретного сюжета. Среди афинских граждан, чьи имена фигурируют на этих черепках в качестве «кандидатов» на изгнание (а таких граждан около двухсот⁶), встречаем некоего Андрона, сына Андрокла, из дема Гаргетт (Ἀνδρῶν Ἀνδροκλέους Γαργήτιος)⁷. Сразу же обращает на себя внимание созвучие имени и патронимика, обусловленное присутствием и в том и в другом корневой морфемы ἄνδρ-, обозначающей мужественность, доблесть.

Упомянутый здесь Андрон значится на шести остраконах с афинского Керамика. Эти остраконы принадлежат к большому комплексу, открытому в 1960-х гг., который в историографии в последние годы стало модно датировать 470-ми гг. до н. э., для чего, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Мы по-прежнему придерживаемся точки зрения, согласно которой данная группа эпиграфических памятников относится к 480-м гг. до н. э.⁸, но для разбираемого сейчас вопроса это не имеет принципиального значения.

Андрон, сын Андрокла, ранее не был известен из источников, и никаких сведений о его личности мы не имеем. Но в связи с ним нельзя не припомнить двух афинских политиков, отца и сына (последний был еще и видным деятелем культуры), происходивших из того же дема Гаргетт и, что самое главное, носивших имена с тем же специфичным компонентом ἄνδρ-.

Андрон, сын Андроциона, из Гаргетта играл достаточно видную роль в политической жизни Афин конца V в. до н. э. (хотя, безусловно, и не принадлежал к политикам «первого эшелона»). В 411 г. до н. э. он участвовал в олигархическом перевороте, свергшем афинскую демократию, и вошел в состав захватившего власть правительства Четырехсот (Ἡγεμονία τῶν τετρακισχίλων). Но, судя по всему, Андрон примыкал к умеренному крылу этого режима, возглавляемому Фераменом, и, возможно, даже участвовал в осуществленной последней ликвидации олигархии; в результате после восстановления демократии он никак не пострадал, – во всяком случае, на первых порах. Стремясь продемонстрировать свою лояльность демократическому строю, он выступил обвинителем в судебном процессе против оратора Антифонта – наиболее радикального олигарха из лидеров Четырехсот – и добился вынесения ему смертного приговора (Plut. Mor. 833d–834b)⁹.

⁶ См. перечень: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 541 сл.

⁷ Имена афинян на остраконах приводим для большего удобства восприятия читателями в переводе со староаттического алфавита на лучше знакомый ионийский.

⁸ Историю вопроса и нашу аргументацию см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 61 сл.

⁹ Из трактата «Жизнеописания десяти ораторов», входящего в состав «Моралий» Плутарха, хотя в действительности Плутарху не принадлежащего. Выполненный нами русский

Однако впоследствии Андрон все-таки попал в число государственных должников. Не вполне ясно, при каких обстоятельствах, но, скорее всего, при таких же, как и многие другие афинские политики (включая, например, Демосфена): оказался под судом, был приговорен к крупному штрафу и не смог его выплатить. Находится ли этот факт его биографии в какой-либо связи с предыдущей олигархической деятельностью, сказать трудно. Как бы то ни было, Андрона заключили в тюрьму, он долго сидел в ней и в конце концов бежал (Demosth. XXII. 33, 56, 68; XXIV. 125); о его дальнейшей судьбе сведений нет.

Андрон принадлежал к кругу видных софистов, находился в регулярном общении с ними (Plat. Prot. 31c; Gorg. 487c). Поэтому, наверное, не случайно, что он и сыну своему дал прекрасное образование (тот учился, в частности, у знаменитого ратора Исократа). Этот сын – Андротион, сын Андрона, тоже из дема Гаргетт, – занимал весьма значимое место среди афинских политиков IV в. до н. э. Он, как и отец, подвергался различным превратностям судьбы в условиях сложных перипетий борьбы группировок; в частности в конце жизни он был изгнан из полиса. Но особенно прославился этот афинянин как историк, написав одну из самых авторитетных «Аттид» – сочинений по истории Атики и Афин. Жизнь и деятельность Андротиона достаточно хорошо изучена, поэтому мы не будем на ней подробно останавливаться, а отошлем желающих к последнему по времени и наиболее фундаментальному исследованию¹⁰.

Что для нас особенно важно в данной связи? Совпадение ключевой корневой морфемы $\alpha\nu\delta\rho$ - в именах Андрон, Андротион, Андрокл и совпадение демотика («из Гаргетта») в своей совокупности явно не могут быть случайными. Они однозначно говорят о том, что Андрон, сын Андрокла, известный из упоминаний на остраконах, принадлежал к той же семье, что и действовавшие позже Андрон и Андротион. Он являлся их предком (вероятнее всего, дедом Андрона и отцом аттидографа Андротиона)¹¹.

Отсюда вытекает ряд достаточно серьезных импликаций, которые мы теперь попытаемся развернуть. Обычно считается, что Андрон, член правительства Четырехсот, и его сын Андротион принадлежали к когорте так называемых новых политиков¹² – деятелей незнатного, «безвестного» происхождения, выдвинувшихся на первый план на арене общественной жизни

перевод псефисмы Андрона против Антифонта см.: Суриков И. Е. Antiphontea I: нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. М., 2006. Вып. 6. С. 60–61.

¹⁰ *Harding Ph.* Androton and the Atthis. Oxf., 1994.

¹¹ *Brenne S.* Die Ostraka... S. 48; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 542.

¹² Об этом термине см.: *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971; *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 67–77.

начиная с периода Пелопоннесской войны и оттеснивших старую аристократию. Как теперь выясняется, это не вполне так: представитель семьи, для которой зафиксированы имена Андрон и Андротион, зафиксирован уже в начале V в. до н. э., очень задолго до появления «новых политиков». Причем зафиксирован не в каком-то ничего не значащем, банальном контексте, а в надписях на остраконах, что само по себе уже говорит о его определенной влиятельности: иначе он не фигурировал бы в качестве «кандидата» на остракизм, пусть даже в глазах лишь нескольких своих сограждан. В другом месте¹³ мы отнесли Андрона, сына Андрокла, к такому социальному слою, как локальная элита аттических демов, и, соответственно, выдвинули предположение о том, что данная семья сделала неплохую политическую карьеру в течение классической эпохи, постепенно повысила свое влияние с уровня дема до общеполитического уровня.

Еще один интересный момент. Как теперь видим, в ономастическом фонде семьи, о которой здесь идет речь, не только имена Андрон и Андротион, но и родственное имя Андрокл. Это позволяет со значительной долей вероятности считать принадлежащим к тому же семейно-родовому кругу еще одного видного деятеля афинской истории конца V в. до н. э. — демагога Андрокла (о нем см.: Aristoph. Vesp. 1187; Thuc. VIII. 65. 2; Andoc. I. 27; Arist. Rhet. II. 1400a10 sqq.; Plut. Alc. 19). Этот демагог сыграл видную роль в громких религиозно-политических процессах 415 г. до н. э. (дела о гермокопидах и о профанации Элевсинских мистерий), был известен своим враждебным отношением к Алкивиаду и в конце концов в 411 г. до н. э. стал жертвой политического убийства, подготовленного теми же самыми лицами, которые вскоре осуществили переворот и установили режим Четырехсот.

Патронимик Андрокла-демагога неизвестен; дем, к которому он принадлежал, — Питф, а не Гаргетт, но это не может служить серьезным препятствием для сближения этого политика с семьей Андрона и Андротиона: многие аттические знатные роды расселялись не в одном, а в нескольких демах, порой расположенных далеко друг от друга¹⁴. Более весомым аргументом против нашей гипотезы может показаться следующее соображение. Андрокл выступает в источниках как один из лидеров демократической группировки в Афинах, а убит он был олигархами — организаторами переворота 411 г. до н. э.; Андрон

¹³ Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 28.

¹⁴ См. на примере Алкмеонидов: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 52 сл. Андрокл у Аристофана упомянут во вполне аристократическом контексте, что должно свидетельствовать о его достаточно знатном происхождении. Среди демагогов (во всяком случае, демагогов первых поколений, конца V в. до н. э.) были не только представители «новых политиков», но и знатные люди.

же, отец Андротиона, находился в числе этих последних. Возможна ли такая политическая и личная враждебность между родственниками?

Во-первых, вполне возможна. Известны случаи, когда члены одного и того же рода находились в неприязненных отношениях друг с другом, соперничали, входили в состав противостоящих политических группировок¹⁵. Во-вторых, правительство Четырехсот включало в себя весьма разнородный состав участников, что и не удивительно для столь крупного по размеру органа¹⁶. Оно дробилось на внутренние группировки, и совершенно не факт, что Андрон и убийцы Андрокла принадлежали к одной и той же из этих группировок. В-третьих, противопоставление «демократа» Андрокла и «олигарха» Андрона выглядит чрезмерно схематичным, не учитывающим реальную сложность тогдашней ситуации. В тяжелые годы кризисов конца V в. до н. э. политики с легкостью меняли свою ориентацию и переходили из одной группировки в другую¹⁷.

Можно ли идентифицировать тот конкретный род, к которому принадлежала рассматриваемая нами здесь семья, имевшая своими членами Андрона, сына Андрокла, Андрона, сына Андротиона, аттидографа Андротиона и, возможно, демагога Андрокла? Этот род вполне мог быть аристократическим: нам приходилось отмечать, что среди элиты аттических демов были, в числе прочих, представители периферийных ветвей могущественных и влиятельных родов (таких, как Алкмеониды, Филаиды и др.)¹⁸.

С одной стороны, на основании ономастического материала можно предположить, что все перечисленные граждане принадлежали к роду Андроклидов. Такой род в Афинах зафиксирован лексикографом Гесихием (s.v. Ἀνδροκλεῖδαι), причем он являлся ответвлением исключительно знатного общегреческого рода, восходящего своими корнями еще к II тыс. до н. э. Другие ветви того же рода встречаем на властных позициях в Мессении, Ионии (Андрокл, сын Кодра, основатель Эфеса и его первый царь)¹⁹. Но в пользу этого

¹⁵ См. на примере Ликомидов: *Connor W. R. Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry* // *Historia*. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 569–574.

¹⁶ Даже в правительстве «Тридцати тиранов» 404–403 гг. до н. э., несмотря на его меньший размер, отнюдь не было полного политического единства.

¹⁷ *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах... С. 310–311. Там же приведены конкретные примеры: лидеры переворота 411 г. до н. э. Фриних и Писандр (обратим внимание на то, что в имени последнего также присутствует корень ἄνδρ-, но ограничимся констатацией этого факта, поскольку скудость наличной информации не позволяет сделать из него сколько-нибудь далеко идущих выводов). Писандр и Андрокл сотрудничали в период религиозно-политических процессов 415 г. до н. э., но затем их пути разошлись.

¹⁸ *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ... С. 29.

¹⁹ Подробнее о роде Андроклидов см.: *Toepffer J. Androkleidai* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894. Bd. 1. Sp. 2145–2147.

предположения, как бы оно ни было соблазнительно, нет никаких данных, кроме чисто ономастических, а последние являются лишь косвенным доводом и без подкрепления более серьезной аргументацией не могут обладать достаточной доказательной силой.

Более вероятной представляется нам иная версия. А именно – мы склонны считать, что Андрон, Андротион, Андрокл и др. принадлежали к одной из боковых ветвей широко известного, весьма могущественного и влиятельного рода Филаидов. В генеалогии Филаидов, составленной историком и мифографом V в. до н. э. Ферекидом (FGrHist. 3. F2) и представляющейся в целом аутентичной, фигурируют антропонимы с морфемой $\alpha\nu\delta\alpha$ – Агенор²⁰ и Тисандр.

Относительно последнего имени необходим более расширенный комментарий. Тисандром звали отца Гиппоклида – одного из ведущих представителей рода в VI в. до н. э., архонта-эпонима 566/565 г. до н. э., а несколькими годами раньше – неудачливого претендента на руку Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена («соствязание женихов» выиграл тогда другой афинянин – Мегакл из рода Алкмеонидов, см.: Herod. VI. 127–129). Тисандром звали также отца Исагора²¹ – виднейшего политика конца того же столетия, главного соперника «отца афинской демократии» – Алкмеонида Клисфена, сына Мегакла и Агаристы. В целом между Алкмеонидами и Филаидами из поколения в поколение существовала определенная враждебность или, по крайней мере, острая конкуренция.

Сына вышеупомянутого Исагора тоже звали Тисандром. Он остался в Афинах даже после того, как Исагор, осуществив попытку государственного переворота, был вынужден покинуть полис. Этот Тисандр-младший из письменных источников не был известен, но не столь давно его имя прочли на одном остраконе 480-х гг. до н. э.²² Наконец, имя Тисандр носил отец Эпилика – видного дипломата первого периода Пелопоннесской войны²³ – и, возможно, также

²⁰ В данном имени морфема $\alpha\nu\delta\alpha$ с первого взгляда даже не заметна, поскольку здесь она появляется в архаичном варианте $\alpha\nu\omega\alpha$, а кроме того, занимая вторую позицию, находится in crasi с первой корневой морфемой.

²¹ Об этих представителях рода см.: Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 296–297. Принадлежность Исагора к Филаидам не всегда признается, но она весьма убедительно продемонстрирована в работе: Bicknell P. J. Op. cit. P. 84 ff.

²² Подробнее см.: Суриков И. Е. Острака и афинская просопография... С. 53–54.

²³ Об Эпилике см.: Рунг Э. В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96. Его отец Тисандр, скорее всего, тождественен Тисандру, сыну Эпилика, который упоминается на остраконе середины V в. до н. э. Еще на одном остраконе, но уже 480-х гг. до н. э., встречаем некоего Тисандра, сына Стасея, но его родство с вышеперечисленными уже не столь безусловно.

другие представители семьи, выходцем из которой по материнской линии являлся оратор и политик Андокид.

В случае с Филаидами в дополнение к «чистой» ономастике нам на помощь приходят и другие аргументы. Достоверно известно, что одна из семей рода Филаидов действительно была приписана к дему Гаргетт. Это – та самая семья, к которой принадлежал философ Эпикур (Diog. Laert. X. 1). Кстати, Эпикур – единственный афинянин, который в источниках эксплицитно назван членом рода Филаидов. Гаргеттская ветвь рода являлась если и не захудалой, то, во всяком случае, одной из второстепенных и периферийных. Об этом говорит уже тот факт, что местом ее жительства на момент реформ Клисфена и создания новой территориально-административной системы был не городской, а сельский дем (Гаргетт относился именно к таковым). Основная, самая мощная семья Филаидов (та, из которой происходили Мильтиад, Кимон и др.) проживала на то время уже в городском деме – Лакиадах.

Как известно, большим другом Эпикура был драматург Менандр, крупнейший представитель жанра новой аттической комедии. Обратим внимание на то небезынтересное обстоятельство, что в имени Менандра имеется также корневая морфема $\alpha\nu\delta\sigma$ -. А может быть, они с Эпикуром были не только друзьями, но и родственниками, принадлежали к одному и тому же роду? Разумеется, это только гипотеза, но, думается, мы имеем право высказать ее, хотя бы вот в такой, предельно осторожной форме.

Показательно, что именно к дему Гаргетт был приписан в 470-е гг. до н. э. знатный фессалиец Менон, сын Менеклида, из Фарсала, получивший в Афинах права гражданства (насколько можно судить, благодаря ходатайству Филаида Кимона) и переселившийся туда²⁴. Такие новые граждане имели право самостоятельно выбрать себе дем «прописки», и нужно думать, что Менон остановился именно на Гаргетте не случайно. Ведь там обитали близкие ему Филаиды, с которыми он поддерживал тесные дружественные, ксенические контакты и, не исключено, даже породнился.

На это последнее обстоятельство, возможно, косвенно намекает одно не вполне ясное место из схолий к Аристофану. Там говорится, что Фукидидов «было четыре: историк, гаргеттянин, фессалиец и сын Мелесия» (Schol. Aristoph. Ach. 703; ср. также schol. Aristoph. Vesp. 947). Речь идет о носителях имени Фукидид, которое также принадлежало к ономастикону Филаидов. Из названных четырех лиц два хорошо известны. Это великий историк Фукидид²⁵,

²⁴ О Меноне см.: Суриков И. Е. Острака и афинская просопография... С. 57–59.

²⁵ О происхождении Фукидида из Филаидов свидетельствует целый ряд фактов. Это и имена родителей историка – Олор и Гегесипила (ср. фракийского царя Олора, чью дочь Гегесипилу взял в жены Мильтиад, будущий марафонский победитель), и прямые утверждения Маркеллина – позднеантичного биографа Фукидида.

а также его тезка и родственник²⁶ – Фукидид, сын Мелесия, видный государственный деятель середины V в. до н. э., преемник Кимона в руководстве политической группировкой Филаидов и одно время главный соперник Перикла, подвергнутый остракизму в 444 г. до н. э.

Но наряду с ними в цитированном пассаже названы еще два Фукидида. Один из них охарактеризован просто как «гаргеттянин», то есть выходец из дема Гаргетт. И пусть о нем больше ничего достоверного не известно²⁷, но само сочетание имени и демотика – Фукидид из Гаргетта – является еще одним аргументом в пользу присутствия Филаидов в этом деме. И наконец, упоминаемый схолиастом Фукидид-фессалиец, несомненно, является тем же лицом, что афинский проксен из Фарсала в конце V в. до н. э. (Thuc. VIII. 92. 8). Афинское, типично «филайдское» имя Фукидид должно было попасть в Фессалию именно через связи Филаидов с Меноном: он, как мы упоминали, являлся как раз гражданином Фарсала.

Полное подтверждение этому нашему предположению находим у Маркеллина (Vita Thuc. 28), где приведено полное имя этого фессалийца – Фукидид, сын Менона, из Фарсала. Оказывается практически несомненным, что отцом его был тот самый Менон, о котором здесь идет речь. Он, очевидно, женился, будучи в Афинах, на какой-то представительнице рода Филаидов, что и отразилось в ономастическом материале.

Таким образом, афинский род Филаидов и фарсальский род, к которому принадлежал Менон, поддерживали самые активные связи²⁸. Менон в период своего проживания в Афинах не мог не восприниматься целиком в контексте филайдской группировки. Соответственно, он разделил ее судьбу, и афинский период его биографии оказался не столь уж и долгим. Когда в конце 460-х гг. до н. э. опала постигла Кимона, жертвами демоса стали и некоторые из его приверженцев. В частности, несколько лет спустя был подвергнут остракизму натурализовавшийся фессалиец²⁹. Сохранилось более 600 остраконов с его именем – весьма большое количество, лишь для нескольких афинских политиков количество этих «бюллетеней» больше.

Поскольку Менон на тот момент жил в Афинах еще недолго, он был не очень хорошо знаком согражданам, и в надписях на остраконах они иногда допускали ошибки в его патронимике и демотике. Для нас особенно интересна

²⁶ Вероятнее всего, дед. См.: *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. Oxf., 1958. P. 246.

²⁷ Возможно, его следует отождествить с Фукидидом – одним из афинских стратегов во время подавления самосского восстания 440–439 гг. до н. э. (Thuc. I. 117. 2).

²⁸ Глава Филаидов Кимон и в целом был настолько благорасположен к Фессалии, что, как известно, даже назвал одного из своих сыновей Фессалом (Plut. Cim. 16).

²⁹ Об этом остракизме, с разбором проблем его достоверности и датировки, см.: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах...* С. 154 сл.

одна из таких ошибок, когда Менона называют вместо «сына Менеклида» – «сыном Менандрида». Опять появляется имя с корневой морфемой $\alpha\nu\delta\rho$! И, думается, это не случайно, коль скоро Менона ассоциировали с Филаидами, а элемент $\alpha\nu\delta\rho$ -, как мы уже неоднократно видели, принадлежит к ономастике этого рода.

Итак, наблюдения над антропонимикой нескольких остраконов и комбинация содержащихся на них информации с данными нарративной традиции позволили сделать ряд выводов, связанных друг с другом и выстраивающихся в некую систему. Каждый из этих выводов, взятый в отдельности, в достаточной мере гипотетичен, но, будучи рассмотрены в совокупности, они взаимно подкрепляют друг друга с различных сторон. Совпадений слишком много, чтобы все они могли быть чисто случайными. Завершим разбор этого сюжета несколькими итоговыми соображениями. Морфема $\alpha\nu\delta\rho$ -, насколько можно судить, характерна для ономастического фонда Филаидов, а если говорить максимально конкретно – для гаргеттской ветви этого рода. Для ономастики других знатнейших аттических родов эта морфема в целом не характерна. Мы не встречаем ее в именах представителей Алкмеонидов, Писистратидов, Кериков и др.³⁰

Интересно, наконец, что враждебность Алкмеонидов и Филаидов находит определенное отношение и в проанализированном нами здесь материале. Напомним указанное выше обстоятельство: демагог Андрокл был одним из ярко выраженных недоброжелателей Алкивиада. Алкивиад по женской линии принадлежал к Алкмеонидам, Андрокл же, как мы попытались показать, имел «филайдскую» родословную. Другой видный Филаид выступил официальным обвинителем Алкивиада в процессе 415 г. до н. э. И это был не кто иной, как Фессал, сын Кимона (Plut. Alc. 22). Таким образом, Фессал и Андрокл в тот момент кооперировались в борьбе с общим врагом, что наверняка обуславливалось не в последнюю очередь и их родовыми связями, устанавливаемыми просопографическим методом.

И еще одно дополнительное замечание к данному сюжету. Если аттидограф Андротион, как мы здесь предположили, принадлежал к одной из ветвей рода Филаидов, то этим во многом объясняется сочетание им политической деятельности с историческими штудиями. Ведь для Филаидов вообще был весьма характерен интерес к истории (разумеется, рассматриваемой под углом их собственного происхождения)³¹, и Андротион продолжал родовую традицию.

³⁰ Мало имен с корнем $\alpha\nu\delta\rho$ - и на афинских остраконах. Почти все они были названы выше, в тех или иных контекстах данной работы: Андрон, сын Андрокла, три Тисандра, Менандрид (ошибочное написание имени отца Менона). Есть еще некий Филомел, сын (...)андра, из Пирея (патронимик сохранился не полностью), – и это всё.

³¹ Ср.: Суриков И. Е. Античная Греция... С. 296.

Леагр, сын Главкона, и «черные охотники» в раннеклассических Афинах. Выдающийся французский антиковед Пьер Видаль-Накэ более всего прославился реконструированным им образом «черного охотника», который являл собой одну из структурных парадигм древнегреческого менталитета. Статья этого ученого «Черный охотник и происхождение афинской эфебии»³², впервые опубликованная в 1968 г., получила широкий резонанс и впоследствии даже дала название самому известному сборнику статей Видаль-Накэ.

«Черный охотник» – это вечный юноша-эфеб, не завершивший свою возрастную инициацию и не перешедший в класс взрослых граждан, гоппитов. В системе характерных для мифологического мышления бинарных оппозиций он противопоставлен именно гоппиту и, в отличие от последнего, принадлежащего к миру упорядоченного Космоса, центрированного в полисе, воплощает мир внешнего Хаоса. Соответственно, его позиция – тоже внешняя, периферийная, маргинальная, на лоне дикой природы, в лесах и на горах. Маргинален его статус, маргинальны и его занятия, среди которых на первый план выступает охота. Даже когда ему приходится участвовать в военных действиях, он воюет не как гоппит – в честном и прямом лобовом столкновении, – а именно как охотник, прибегая к хитростям и уловкам. Его нежелание включаться в устоявшуюся социокультурную структуру иногда выражается и в том, что он даже не вступает в брак.

Видаль-Накэ рассмотрел этот образ в основном на материале мифологическом (сказания о полубогендарном афинском царе Меланфе) и сказочном (юный охотник Меланион, упоминаемый у Аристофана, *Lysistr.* 781 sqq.³³). Мы же здесь намерены показать, что персонаж, имеющий самое прямое отношение к данному сюжету, присутствует и во вполне реальной афинской истории, причем относящейся не к каким-нибудь отдаленным архаическим временам, а к V в. до н. э. Этот персонаж был известен и раньше, но недавно о нем появились новые, чрезвычайно интересные данные, и принесли их именно находки остраконов. Имеется в виду Леагр, сын Главкона, из дема Керамик (*Λεάγρος Γλαύκωνος ἐκ Κεραμικῶν*).

Леагр³⁴ принадлежал к весьма знатной семье. Весьма возможно, что это была одна из ветвей знатнейшего афинского рода Кодридов, некогда даже являвшегося царским. Во всяком случае, имя Главкон встречается в семье философа Платона, который, несомненно, принадлежал к Кодридам.

³² См. в русском переводе: *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 135–154.

³³ В переводе Адр. Пиотровского (*Аристофан.* Комедии. М., 1983. Т. 2. С. 152) неверное написание: Миланион. В переводе А. И. Иванчика (*Видаль-Накэ П.* Указ. соч. С. 151) – также неверное написание: Меланий.

³⁴ В целом о нем см.: *Raubitschek A. E.* Leagros // *Hesperia*. 1939. Vol. 8. No. 2. P. 155–164.

В афинской политической жизни периода ранней классики Леагр был, условно, далеко не самой влиятельной фигурой. Скорее он принадлежал к деятелям «второго эшелона». Нарративная традиция (Herod. IX. 75; Paus. I. 29. 4–5) упоминает о нем главным образом в связи с обстоятельствами его гибели – во Фракии, в сражении с племенем эдонов, в ходе первой попытки афинской колонизации на месте будущего Амфиополя (известное «дело при Драбеске»³⁵). Леагр в этом бою командовал афинским контингентом вместе с Софаном, сыном Евтихида, из дема Декелея, который участвовал еще в Марафонской битве. У Леагра осталось потомство: не возникает никакого сомнения в том, что он был отцом упомянутого Фукидидом (I. 51. 4) Главкона, сын Леагра, командующего эскадрой, которую афиняне послали на помощь Керкире незадолго до Пелопоннесской войны.

Вопрос о времени рождения Леагра не получил в историографии однозначного решения. Есть мнение, что он родился около 505 г. до н. э.³⁶, но нам эта дата представляется явно слишком поздней. Дело в том, что в так называемых «Письмах Фемистокла» Леагр, сын Главкона, назван сверстником Фемистокла, одновременно с ним находившимся в числе эфэбов ([Themistocl.] Epist. 8). Безусловно, на самом деле «Письма Фемистокла» не являются аутентичными. Этот сборник посланий представляет собой эпистолярное упражнение, составленное в какой-то из риторических школ в период «второй софистики», скорее всего во II в. до н. э.³⁷ Однако о текстах такого рода принято говорить – и, насколько можно судить, с полным основанием, – что их авторы имели в своем распоряжении более ранние и надежные источники, так что их данные никак нельзя сбрасывать со счетов. Во всяком случае, совсем уже грубых искажений фактов их авторы, конечно, не позволили бы себе.

А здесь речь шла бы как раз о весьма грубом искажении, если бы мы приняли позднюю датировку рождения Леагра. Фемистокл – родился около 525 г. до н. э. и уж точно никак не позже 523 г. до н. э. (в 493 г. до н. э. он был избран на должность архонта-эпонима³⁸, а ее нельзя было занимать лицам, не достигшим тридцатилетнего возраста). Как же он мог находиться в числе эфэбов одновременно с Леагром, если последний был примерно на двадцать лет его

³⁵ К полемике о датировке этого события см.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 81 ff. Предлагались различные даты как в 460-х, так и в 450-х гг. до н. э.; предпочтительными нам представляются более ранние из них.

³⁶ *Parker V.* Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der «Leagros-Gruppe» // *Archäologischer Anzeiger*. 1994. Ht. 3. S. 365–373,

³⁷ О «Письмах Фемистокла» и содержащейся в них информации см.: *Миллер Т. А.* Псевдоисторическая эпистолография // *Античная эпистолография*. М., 1967. С. 198–209.

³⁸ *Fornara Ch. W.* Themistocles' Archonship // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 5/6. S. 534–540.

моложе? Ситуация становится абсурдной, если мы не признаем, что Фемистокл и Леагр являлись ровесниками или почти ровесниками.

Откуда же в таком случае взялась эта поздняя датировка рождения Леагра, столь явно противоречащая нарративной традиции? Существует очень интересная группа памятников с именем Леагра – любовные надписи на вазах (Λέαγρος καλός, «прекрасный Леагр»). Надписи такого типа связаны со столь характерными для древнегреческого аристократического образа жизни гомосексуальными отношениями на симпозиях. Их наносили на сосуды в честь юношей безусловно знатного происхождения влюбленные в этих юношей мужчины. Любовные надписи доносят до нас довольно много имен афинян³⁹, но Леагр – едва ли не «рекордсмен» по их количеству. Насколько можно судить, он действительно в юности отличался редкой красотой и был предметом восхищения своих сотоварищей по дему – гончаров и вазописцев с Керамика, которые испещряли свои изделия надписями с его именем.

Традиционно вазы с надписями Λέαγρος καλός относили к клисфеновскому времени. И это полностью согласуется с датой его рождения в середине 520-х гг. до н. э. Но, как известно, не столь давно имела место предпринятая Э. Фрэнсисом и М. Викерсом попытка пересмотреть всю общепринятую хронологию афинской чернофигурной и краснофигурной керамики, «омолодить» датировки произведений соответствующих стилей⁴⁰. В рамках данной ревизии сосуды с именем Леагра были отнесены к периоду Марафонской битвы. Это было некритически принято некоторыми исследователями, что и повело за собой смещение даты рождения интересующего нас афинянина. Однако на самом деле альтернативная хронологическая схема Фрэнсиса – Викерса неприемлема, она уже подверглась в антиковедении жесткой и вполне справедливой критике⁴¹. Итак, нет ровно никаких серьезных оснований отклонять поддерживаемую источниками точку зрения, согласно которой Леагр был сверстником Фемистокла.

Новые данные о Леагре появились относительно недавно – в связи с открытием огромного комплекса остраконов на Керамике. Среди этих остраконов

³⁹ Каталог имен в этих надписях см.: *Robinson D. M., Fluck E. J. A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore, 1937. P. 70 ff.

⁴⁰ Фрэнсис и Викерс развивали свою точку зрения в ряде работ, из которых, в частности, см.: *Francis E. D., Vickers M. Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens // American Journal of Archaeology*. 1982. Vol. 86. No. 2. P. 264; *Vickers M. Attic Symposia after the Persian Wars // Sympotica: A Symposium on the Symposium*. Oxf., 1990. P. 105–121.

⁴¹ *Cook R. M. The Francis – Vickers Chronology // Journal of Hellenic Studies*. 1989. Vol. 109. P. 164–170; *Williams D. Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // Revue archéologique*. 1996. № 2. P. 227–252.

оказались 86 с именем Леагра, сына Главкона⁴². Перед нами весьма значительная цифра. Для сравнения приведем количество остраконов, на которых упоминаются некоторые виднейшие афинские политики. Гиппарх, сын Харма, – 13; Ксантипп, отец Перикла, – 72; сам Перикл – 4; Фукидид, сын Мелесия, его главный соперник, – 67; Алкивиад Старший – 14; Алкивиад Младший – 5, Никий – 1, демагог Гипербол – 3... На этом фоне Леагр предстает как весьма значимая, известная в полисе фигура.

Наиболее интересен тот факт, что на остраконах с именем Леагра оказалось особенно большое количество дополнительных приписок инвективного и эмоционального характера⁴³. Встречаются в их числе довольно расхожие обвинения, например, в измене (ὅτι ἐπρὸδίδωσεν), но обратимся к более оригинальным случаям. Авторы некоторых из этих приписок, если можно так выразиться, упражнялись в остроумии. Так, на одном остраконе имя Леагра написано следующим образом: Λέαγρος Γλύκωνος. Если это не описка, то патронимик искажен с целью пошутить. Имя отца Леагра – Главкон – превращено в «Гликон» (от γλυκύς – «сладкий»), и здесь наверняка содержится намек на «сладостность» «прекрасного Леагра». На другом остраконе Леагр упомянут с эпитетом βάσκανος. По толкованию Ш. Бренне, это не обязательно «клеветник, сплетник» (основное значение данной лексемы в словарях), а вполне возможно – «колдун, чаровник».

Создается впечатление, что Леагр, который в 480-х гг. до н. э. уже не являлся юношей (собственно, юноши и не выступали в качестве «кандидатов» на изгнание остракизмом), тем не менее в глазах многих своих сограждан еще выступал очаровательным предметом любовного влечения. Взрослые афиняне не воспринимали Леагра как равного себе в гендерно-возрастном отношении. Этот «вечный юноша» как бы не перешел в класс ἄνδρες (взрослых мужчин), а остался в категории παῖδικά. Это диктовало, кстати, определенные импликации в плане сексуальной ориентации. Ведь справедливо отмечалось⁴⁴, что в рамках греческой цивилизации фундаментальная гендерная оппозиция пролегла не по линии «гетеросексуальность – гомосексуальность», а по линии, разграничивавшей активную и пассивную роль в половом контакте (так что, собственно, в данном контексте представляется не вполне релевантным само понятие гомосексуализма, столь часто фигурирующее в связи с античными греками). При этом активная роль соотносилась как раз с ἄνδρες, а пассивная

⁴² Brenne S. Ostrakismos und Prominenz... S. 209 ff.

⁴³ Самый полный перечень этих приписок для Леагра см.: Brenne S. Die Ostraka... S. 95 ff. В целом о такого рода приписках на остраконах см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 73 сл.

⁴⁴ Cantarella E. L'omosessualità nel diritto ateniese // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 157.

в абсолютно равной мере с γυναῖκες (женщинами) и παῖδες (подростками и юношами).

И наконец, переходим к самому замечательному остракону из числа направленных против Леагра. На этом черепке к нему применен эпитет μέλας («черный»)! Что бы это значило? С ходу, без достаточно серьезных размышлений сказать трудно; но если греки действительно вкладывали в семантику черного цвета те смысловые оттенки, которые реконструировал Видаль-Накэ (а его построения кажутся достаточно убедительными), то мы – в том же круге образов, связанных с фигурой «черного охотника», вечного эфеба и «антигоплита».

В связи с этим нельзя не отметить, что в самом антропониме Λέαγρος второй корень, ἄγρ-, скорее всего, означает не что иное, как охоту⁴⁵. Итак, если кого-то из реально живших (не мифологических) персонажей древнегреческой истории можно с наибольшим основанием назвать «черным охотником», то это будет именно Леагр, с семантикой охоты в своем имени и с эпитетом «черный» на остраконе.

Леагр и погиб в ходе своей «последней охоты». Ведь скорее охоте, а не правильной, в традиционном греческом стиле, военной гопплитской операции можно уподобить его поход к Драбеску, вглубь Фракии, в гористую местность, где афинский отряд под командованием Леагра был истреблен. Стороны как бы охотились друг на друга; удача в этой охоте выпала фракийцам, а «черный охотник» стал жертвой (типичный «карнавальный» взаимный переход оппозиций, которым на античном материале столь интенсивно и плодотворно занималась О. М. Фрейденберг).

Коллегой Леагра, погибшим вместе с ним, был упоминавшийся выше Софан – тоже не очень-то типичный гопплит. Согласно преданию, приводимому Геродотом (IX. 74), «он носил на панцирном поясе прикрепленный медной цепью железный якорь. Якорь этот он всегда выбрасывал, подходя к неприятелю, чтобы нападающие враги не могли сдвинуть его с места в строю. Если же враги бежали, то он брал якорь и так преследовал их».

Если в этом рассказе есть хоть какое-то зерно истины (а Геродот не был далеко удален во времени от жизни Софана, являлся его младшим современником), то перед нами предстает образ человека, вносящего в тактику фаланги весьма нетипичные новшества. Со своим якорем он похож скорее не на гопплита, а на какой-то «сухопутный корабль». В связи с этим невольно вспоминается, что как раз на годы деятельности Софана и Леагра пришлось реализация морской программы Фемистокла, создание мощного афинского флота – событие, которое внесло важный вклад не только в военную, но

⁴⁵ Cantarella E. Leagros (1) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 23. Stuttgart, 1924. Sp. 1043.

и в социально-политическую историю полиса, а также не могло не оказать влияния на мировоззрение и самосознание его граждан.

Леагр, как мы видели выше, был близок к Фемистоклу. Что можно сказать в данной связи о Софане? Известно (Plut. Cim. 8), что в 490 г. до н. э. он противостоял Мильтиаду. На тот момент в Афинах существовали 4 основные политические группировки: приверженцы бывших тиранов Писистратидов, Алкмеонидов, Мильтиада и Фемистокла⁴⁶. Отнести Софана к первым или вторым (это были проперсидские или умеренно проперсидские группировки) нет возможности. А коль скоро он не находился также в лагере Мильтиада, то остается единственный вариант – принадлежность его к сторонникам Фемистокла.

Сказанное о Леагре и Софане, насколько можно судить, применимо ко многим лицам из окружения Фемистокла, его сверстникам и *συνέφηβοι* (так назван Леагр в 8-м письме Фемистокла). Они образовывали собой нечто вроде «клуба» граждан примерно одного возраста, возникшего еще в пору их юности, когда они проходили эфебию, но не распавшегося и тогда, когда они повзрослели. В сущности, именно о создании этого «клуба» Фемистоклом рассказывает Плутарх (Them. 1):

Незаконнорожденные собирались в Киносарге... Фемистокл стал уговаривать некоторых молодых аристократов (*ἐὺ γεγονότων νεανίσκων*) ходить в Киносарг и вместе с ним заниматься гимнастическими упражнениями. Они стали ходить. Таким лукавством он, говорят, уничтожил разницу между полноправными гражданами и незаконнорожденными.

Херонейский биограф, как это с ним часто бывает, сохранил (получив, несомненно, из хорошего, аутентичного источника) крайне ценную информацию, пусть даже сам он ее не вполне понял и поставил в некорректный контекст. Незаконнорожденные здесь совершенно ни при чем. Фемистокл занимал должность архонта-эпонима, а незаконнорожденные к этому высшему в государстве посту заведомо не допускались. Другое дело, что мать Фемистокла не была афинянкой и, очевидно, даже не была гречанкой. После закона Перикла о гражданстве 451 г. до н. э.⁴⁷ это сыграло бы в судьбе юноши фатальную роль, и он не получил бы гражданских прав в полисе. Но детство и молодость Фемистокла пришлось на время задолго до принятия этого закона, когда происхождение матери не оказывало еще никакого влияния на статус гражданина, оно вообще не учитывалось.

⁴⁶ Подробнее см.: Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.

⁴⁷ Об этом законе см.: Will W. Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; Osborne R. Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. No. 155. P. 3–33; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 26.

В действительности причина отчужденности Фемистокла от основной массы аттической аристократии лежала не в происхождении матери, а в ином. А именно в том, что он происходил с периферии афинского полиса, из сельского дема (Фреарры), а не из городского, как все остальные политические лидеры Афин той эпохи. Именно в этом, и только в этом смысле его можно считать *homo novus*.

Итак, выясняется, что Фемистоклу изначально не чужды были маргинальные черты. А не распространяются ли и на него, как на Леагра, характеристики маргинальной фигуры «черного охотника»? Он не был незнатным выходцем из рядового демоса, а принадлежал к аристократическому роду Ликомидов, но к его периферийной, «младшей» ветви. Семантическими оттенками «младшего», «молодого» отмечены многие сообщения традиции о Фемистокле.

Так, отца Фемистокла звали Неоклом. А имя Неокл (Νεοκλῆς), как достаточно надежно установлено⁴⁸, в данном случае обозначает не «новая слава» (как полагали те, кто относил Фемистокла к незнатным, недавно возвысившимся слоям), а «молодая слава». Далее, Геродот (VII. 143), впервые по ходу своего труда упоминая о Фемистокле, характеризует его так: «...человек, лишь недавно (νεωστὶ) выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан». А между тем речь идет о событиях конца 480-х гг. до н. э.; Фемистокл еще за десять лет до того избирался архонтом-эпонимом, и называть его «недавно выдвинувшимся» было, по меньшей мере, не вполне точно⁴⁹. Очевидно, его, как и Леагра, еще долгое время спустя после выхода из юношеского возраста продолжали воспринимать как «молодого» политика.

В целом нам представляется, что цитировавшееся выше сообщение Плутарха нужно воспринимать как свидетельство о создании молодым Фемистоклом группировки своих сторонников из лиц, которые имели более высокий социально-политический статус, нежели он сам, которые, если так можно выразиться, были старше его по своему «филогенетическому» (не «онтогенетическому»!) возрасту⁵⁰. Соглашаясь войти в его «группу поддержки», они тем самым в каком-то смысле оставались в категории «молодых», «вечных эфэбов» и «антигоплитов». Ведь таковым, в сущности, был и сам Фемистокл: на полях гопплитских сражений он мало чем себя зарекомендовал, зато стал «отцом» афинского флота, более, чем кто-либо, способствовал военному развитию Афин по пути уменьшения значения гопплитской фаланги.

Упомянем еще одного достаточно видного гражданина из окружения Фемистокла – Габрониха, сына Лисикла, из дема Ламптры (Ἀβρωνίχος

⁴⁸ Harvey F. D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 2. S. 110–111.

⁴⁹ Разбор этого вопроса см.: Ставилюк В. В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004. С. 39 сл.

⁵⁰ К трактовке этих понятий см.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 339.

Λυσικλέους Λαμπτρέυς, или Λαμπτροῦθεν). Он, как и Леагр, упоминается в фиктивной переписке Фемистокла, являясь адресатом двух писем этого сборника – 4-го и 10-го. О Габронихе есть некоторые сведения в нарративной традиции. В 480 г. до н. э., когда отряд Эллинского союза во главе с Леонидом стоял у Фермопил, этот афинянин находился при нем во главе небольшого судна, чтобы в случае чего выступить в роли гонца (Herod. VIII. 21)⁵¹. А в 479 г. до н. э. он вместе с Фемистоклом участвовал в переговорах со Спартой по довольно щекотливому вопросу: послы улаживали конфликт, возникший из-за спартанского недовольства восстановлением оборонительных стен в Афинах.

С именем Габрониха имеется тоже относительно не такое уж маленькое количество остраконов – 37. На одном из них этот политик, как и Леагр, обвинен в персидской измене – «мидизме»⁵². Надпись на черепке имеет дословно следующий вид: Ἀβρωνίχῳ Λαμπτρέϊ μηδίζοντι – «Габрониху из Ламптр, совершающему мидизм»⁵³. Ярлык «предателей» как будто неким грузом тяготел над лицами из окружения Фемистокла (а не только, как принято считать, над Алкмеонидами и близкими к ним гражданами). В связи с этим уместно напомнить, что сам Фемистокл в конце концов был уже официально обвинен в изменнических связях с персами, судом приговорен к смертной казни и вынужден окончить свою жизнь на территории Ахеменидской державы.

Фемистокл на остраконах – отдельная большая тема, которую мы не можем подробно рассматривать в рамках данного краткого исследования. Отметим лишь, что его имя присутствует более чем на 2 тысячах черепков-«бюллетеней» и с этой цифрой он прочно держит второе место среди афинян после Мегакла, сына Гиппократы, из рода Алкмеонидов. Но случай с Мегаклом особый и даже уникальный: судя по всему, такое большое количество остраконов, направленных против него, объясняется тем, что археологами открыты на Керамике результаты именно того конкретного остракизма, в результате которого он был изгнан (486 г. до н. э.). Остраконы же против Фемистокла относятся к разным годам и происходят из различных мест Афин – с Агоры,

⁵¹ У Геродота он назван Абронином, с ионийским псилосисом. Но у Фукидида и в «Письмах Фемистокла» приведено верное аттическое написание его имени – «Габроних», что подтверждается и надписями на остраконах. К написанию этого имени см.: Raubitschek A. E. (H)abronichos // Classical Review. 1956. Vol. 6. No. 3/4. P. 199–200.

⁵² О понятии «мидизм» в отечественной историографии см. наиболее подробно: Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.

⁵³ Brenne S. Die Ostraka... S. 84.

с Керамика, из известного колодца на северном склоне Акрополя⁵⁴, с самого Акрополя, из местности близ Ареопага и др.

Упомянем несколько наиболее интересных остраконов с именем Фемистокла, свидетельствующих о том, что некоторые сограждане рассматривали его как человека неполноценного в «социально-гендерном» плане. На одном остраконе он назван «Фемистоклом, сыном Ксенокла» (вместо «Неокла»). Если перед нами не ошибка писавшего, то сознательная шутка: искажение патронимика намекает на маргинальное, «чуждое» происхождение Фемистокла (ξένος – «чуждой»).

На другом остраконе имя Фемистокла сопровождается грубым ругательством *καταπύγων*. Этот неудобопереводимый на русский язык эпитет относили обычно к лицам, которые, выйдя из юношеского возраста, продолжали тем не менее играть «пассивную» роль в гомосексуальных отношениях и – более того – занимались мужской проституцией. Данный термин чрезвычайно часто фигурирует в obscene-инвективных контекстах в памятниках древней аттической комедии (у Аристофана и др.)⁵⁵. Возникают определенные параллели с некоторыми рассмотренными выше надписями на остраконах против Леагра – политика из той же группировки.

Итак, вся эта группировка Фемистокла⁵⁶ воспринималась (и, возможно, воспринимала себя) как некий кружок «вечной молодежи», маргинальной по статусу и восстающей против «отеческих» традиционно-гоплитских порядков. Был, впрочем, в этом кружке и участник, значительно превосходивший возрастом остальных, своего рода «наставник». Речь идет о Мнесифиле из дема Фреарры (*Μνησίφιλος Φρεαρίος*)⁵⁷.

⁵⁴ Того самого, где обнаружены 190 остраконов с именем Фемистокла, надписанных всего лишь 14 почерками, – находка, вызвавшая исключительный интерес. К ее интерпретации см.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах... С. 281 сл.

⁵⁵ *Henderson J.* The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxf., 1991. P. 205 ff.

⁵⁶ В другом месте (*Суриков И. Е.* Античная Греция... С. 289. Прим. 40) мы предположили, приведя ономастико-просопографические аргументы, что к ней же принадлежал Меланфий, в начале V в. до н. э. командовавший афинской эскадрой, которая была направлена на помощь восставшим против персидского владычества ионийцам (Herod. V. 97). Впрочем, не будем настаивать на этой гипотезе. На остраконах трижды упоминается Меланфий, сын Фаланфа, и один раз – Меланфий, сын Неокла. Командующего эскадрой обычно отождествляют с первым из этих лиц (см., например: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 230). В связи с проблематикой «черных охотников» не можем не упомянуть, что имя Меланфий содержит корневую морфему *μελαν-* – «черный».

⁵⁷ По сложной проблеме Мнесифила см.: *Frost F. J.* Themistokles and Mnesiphilus // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20–25; *Lenardon R. J.* The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 22.

Этот афинянин упомянут еще Геродотом (VIII. 57–58) в качестве советника Фемистокла, его, так сказать, «мозгового центра», который подавал «отцу афинского флота» ценные предложения, а тот выдавал их за свои собственные. Подробнее пишет о Мнесифиле Плутарх (Them. 2):

...Фемистокл был последователем Мнесифила Фреаррского. Последний... избрал своей специальностью то, что тогда называли «мудростью», а в действительности было умением вести государственные дела, практическим смыслом. Это учение Мнесифил унаследовал от Солона... С этим Мнесифилом Фемистокл сблизился, когда уже был государственным деятелем.

В последнем утверждении правомерно усомниться: Фемистокл происходил из того же дема Фреарры, что и Мнесифил, и наверняка был с ним знаком уже с юности. Вызывает серьезные вопросы и постулируемая Плутархом связь Мнесифила с Солоном. Кстати, в другом месте (Mor. 154c) херонейский писатель называет Мнесифила «товарищем и приверженцем Солона», выводит их участвующими в общей беседе.

Лицо, являющееся одновременно современником Солона и Фемистокла, — есть в этом некий абсурд, поскольку два названных политика разделены хронологическим промежутком длиной в век. Соответственно, до недавнего времени многие ученые считали Мнесифила попросту вымышленным персонажем. Однако в надписях на 12 остраконах (а более аутентичные памятники трудно представить) прочитано имя Мнесифила из Фреарр. Таким образом, перед нами — вполне реальная личность, соратник, наставник и советник Фемистокла и его окружения. Аберрация же в традиции, ошибочно связавшей Мнесифила с Солоном, порождена, не исключаем, именно его преклонным в начале V в. до н. э. возрастом, в силу которого он воспринимался как «сверстник предков»⁵⁸. Мнесифил в компании фемистокловских «эфебов», людей по сравнению с ним молодых, должен был восприниматься в качестве их «дядьки»-учителя. Позже, в IV в. до н. э., когда институт эфебии достиг своего полного развития, такие лица назывались софронистами (Arist. Ath. pol. 42. 2–3).

Итак, выступление Фемистокла «со товарищи» в начале V в. до н. э., серьезно изменившее общую направленность афинской истории, в известном отношении было выдвижением на первый план в полисе группы «черных охотников», повзрослевших эфебов, которые не желали, как полагалось по традиции, покидать свой маргинальный статус и становиться «нормальными» гоплитами. Они ими и не стали; напротив, повернули развитие своего государ-

⁵⁸ Ср. совершенно аналогичную аберрацию в связи с Критием Старшим, дедом знаменитого Крития, главы «Тридцати тиранов». Критий Старший у Платона назван современником Солона, хотя по хронологическим соображениям это невозможно. В действительности он жил в начале V в. до н. э. и, судя по всему, упомянут на двух остраконах 480-х гг. до н. э.

ства с пути «гоплитской демократии» на путь демократии радикальной, характеризующейся ведущим положением «корабельной черни» (ναυτικὸς ὄχλος). В последующей историографии, как античной, так и современной, этот эпизод воспринимался обычно как социально-политическая борьба прогрессивных демократических сил против сил консервативных, настроенных аристократически и олигархически. В действительности вульгарно понятый социализм тут, видимо, ни при чем. Фемистокл и его сторонники точно так же были аристократами, как, например, Мильтиад и Кимон. Скорее перед нами начало борьбы периферийных (в территориальном и гендерно-возрастном смысле) элементов с элементами «центральными» – борьбы, которая завершилась победой первых и поражением вторых уже ближе к концу рассматриваемого здесь столетия.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ АРИФРОНА НА ОСТРАКА*

Среди почти девяти тысяч острака, или остраконов (глиняных черепков, сохранившихся от знаменитых афинских остракофорий), найденных в 1960-х гг. немецкими археологами на Внешнем Керамике и только теперь понемногу вводимых в научный оборот, имеются, как недавно выяснилось, три остракона, направленных против некоего Арифрона, сына Ксантиппа¹. Д. Льюис идентифицировал этого Арифрона как известного из письменных источников брата Перикла (имя и патронимик совпадают)², что привело его к ряду заключений, действительно закономерно вытекающих из такого отождествления. Прежде всего, имя Арифрона на острака укрепило исследователя в мнении, что острака с Керамика, как уже не раз предполагалось в последние годы³, следует датировать 470-ми гг. до н. э., временем после похода Ксеркса, привязав их к гипотетическому второму остракизму Алкмеонида Мегакла, сына Гиппократата (Lys. XIV. 39). Аргументы, выдвигавшиеся ранее в защиту подобного пересмотра датировки, не казались особенно вескими; ряд специалистов, в том числе и автор этих строк, предпочли придерживаться традиционной хронологии, относя рассматриваемые памятники к 480-м гг. до н. э.⁴

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.

¹ *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1991. Bd. 106. S. 150. В предыдущем перечне острака с Керамика, опубликованном Р. Томсеном (*Thomsen R.* The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972), эти черепки еще не значатся.

² *Lewis D. M.* Megakles and Eretria // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1993. Bd. 96. S. 51.

³ *Bicknell P. J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // *L'Antiquité classique*. 1975. Vol. 44. No. 1. P. 172–175 (при этом Бикнелл отказался от собственных, ранее высказанных взглядов, см.: *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64–76); *Willemsen F.* Ostraka einer Meisterschale // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1991. Bd. 106. S. 144; *Brenne S.* «Portraits» auf Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1992. Bd. 107. S. 162; *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 21–22.

⁴ *Williams G. M. E.* The Kerameikos Ostraka // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1978. Bd. 31. S. 103–113; *Phillips D. J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd. 83. S. 138; *Lang M. L.* Ostraka. Princeton,

Появление на острака имени Арифрона, сына Ксантиппа и брата Перикла, могло бы стать решающим доводом. В самом деле, в 480-х гг. до н. э. Арифрон, будучи несовершеннолетним, никоим образом не мог оказаться в числе «кандидатов» на изгнание. К тому же, по мнению Льюиса, только после смерти самого Ксантиппа возможно было появление среди таких «кандидатов» его сына. Последнее же упоминание о Ксантиппе в источниках (Herod. IX. 120–121) приходится на весну 478 г. до н. э. (Thuc. I. 89. 2)⁵. Еще один вывод, предлагаемый Льюисом, состоит в том, что вначале в качестве политического преемника Ксантиппа – одной из наиболее весомых фигур в афинской общественной жизни начала V в. до н. э. – рассматривался именно Арифрон, а не прославившийся впоследствии Перикл, в то время еще не подвергавшийся угрозе остракизма⁶.

Таким образом, три небольших черепка повлекли за собой целую цепь импликаций. Очевидно, для того, чтобы установить степень их надежности, следует прежде всего выяснить, насколько оправданна сама интерпретация Льюисом имени Арифрона на острака, можем ли (и должны ли) мы безоговорочно отождествить его с братом Перикла (РА. 2204)⁷ или же в нашем распоряжении есть какие-либо альтернативы. Единственным способом такой проверки является анализ источников об Арифроне. Таких свидетельств очень немного; в значительной части они уже собраны в просопографических сводах Кирхнера и Дейвиса, в связи с чем остается лишь обобщить эти данные.

Обычно Арифрон считается старшим сыном Ксантиппа. В пользу этого, действительно, говорит тот факт, что ему было дано имя деда с отцовской стороны. Впрочем, однозначно утверждать, что Арифрон был старше Перикла, мы не можем. В 472 г. до н. э., вскоре после смерти Ксантиппа, Перикл, а не Арифрон, исполнял литургию (хорегию при постановке эсхиловских «Персов», IG. II². 2318. 9–11); видимо, именно он получил основную часть отцовского наследства. По сообщению Платона (Plat. Alc. I. 104b, 118c, 124c; Prot. 320a),

1990. P. 5; Суриков И. Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник. Омск, 1995. Вып. 3. С. 109; Суриков И. Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 145. Не пришел к однозначному мнению по этому вопросу крупнейший специалист по истории остракизма А. Раубичек: Raubitschek A. E. Megakles, geh nicht nach Eretria! // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 100. S. 381–382.

⁵ По мнению Дж. Дейвиса, смерть Ксантиппа приходится на середину 470-х гг. до н. э. (Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 459 ff.).

⁶ Известны четыре остракона с именем Перикла (Lang M. L. Op. cit. P. 98; Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 155), два из которых опубликованы М. Лэнг. Один из этих двух относится к середине V в. до н. э., другой имеет более архаичную палеографию, что пока не получило удовлетворительной интерпретации.

⁷ РА – здесь и далее классический компендиум: Kirchner I. Prosopographia Attica. Vol. 1–2. B., 1901–1903.

Перикл, а не Арифрон, был опекуном осиротевшего в детстве Алкивиада⁸ и его младшего брата Клиния; впрочем, последнего Перикл на некоторое время передал на воспитание Арифрону. Правда, оратор Антифонт (Antiph. fr. 67 Blass, ар. Plut. Alc. 3) называет опекуном Алкивиада Арифрона, однако делает это в крайне тенденциозном, дискредитирующем Алкивиада контексте. «Не следует... верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нимало не скрывал своей ненависти к Алкивиаду», – замечает Плутарх, пересказывая этот анекдот. Сам же биограф (Plut. Alc. 1) называет опекунами Алкивиада обоих – Перикла и Арифрона (именно в таком порядке). Об «опекунах» Алкивиада говорит и Лисий (Lys. XIX. 52).

Итак, невозможно с точностью установить, кто из двух сыновей Ксантиппа был старшим. В сущности, это и не имеет большого значения, поскольку в любом случае ясно, что Перикл и Арифрон были почти ровесниками. Повсюду они выступают вместе, как люди одних лет. В принципе, нельзя исключать даже, что они были близнецами.

Важнее всего для нас было бы знать с возможной точностью время рождения Арифрона. Однако скудные сохранившиеся данные о его жизни (а мы привели решительно все) не позволяют сделать этого. Приходится пойти путем косвенных соображений, прибегнув к ряду хронологических калькуляций. Нам могла бы помочь дата рождения Перикла, будь она известна, но, к сожалению, и в ее отношении полной ясности нет⁹.

Будем исходить из того, что ни Перикл, ни Арифрон не могли родиться ранее брака их родителей – Ксантиппа и Агаристы (Herod. VI. 131). В таком случае первоочередной задачей становится определить время этого брака. Дж. Дейвис относит его приблизительно к 496 г. до н. э., не давая специальной аргументации¹⁰. На наш взгляд, датировка эта верна и аргументы в ее пользу имеются. Как известно, обычным брачным возрастом для мужчины считался тридцатилетний¹¹; более ранние браки вызывали у окружающих некоторое удивление, если они не были вынуждены обстоятельствами (Demosth. XL. 4, 12–13, 56). Жена была, как правило, моложе мужа, зачастую – намного¹².

⁸ Отец Алкивиада Клиний погиб в битве при Коронее в 447 г. до н. э. (Plut. Alc. 1; о дате битвы см.: *Строгоцкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 151–152).

⁹ От 494 г. до н. э. (Дейвис) до 500 г. до н. э. или даже раньше (*Fornara C. W., Samons L. J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 24).

¹⁰ *Davies J. K.* Op. cit. P. 459 ff. Соответственно, рождение Арифрона Дейвис датирует 495 г. до н. э.

¹¹ *Just R.* Women in Athenian Law and Life. L.; N. Y., 1988. P. 151.

¹² Соответственно, рождение Агаристы Дейвис (*Davies J. K.* Op. cit. P. 368 ff.) относит к 520–510 гг. до н. э.

Следовательно, необходимо установить год рождения Ксантиппа. Сделать это возможно, и попытки такого рода уже предпринимались: так, согласно Шеферу и Энгелю, Ксантипп родился около 520 г. до н. э.¹³, Дейвис придерживается более широкой датировки – 10–15 лет до 520 г. до н. э.¹⁴

В свое время П. Бикнелл выдвинул очень интересную гипотезу, согласно которой Ксантипп был по матери Алкмеонидом¹⁵. На эту мысль исследователя навел тот факт, что в тексте эпитафаммы, сохранившейся на самом, пожалуй, известном остраконе с Агоры¹⁶, Ксантипп именуется ἀλειτήρος (оскверненным, проклятым). Этот эпитет (в позднейшей форме ἀλιτήριος) прилагается античными авторами к Алкмеонидам в связи с Килоновой скверной¹⁷. Недавно гипотеза Бикнелла получила новое, очень весомое подтверждение (несомненный Алкмеонид Мегакл назван на нескольких остраках ἀλειτήρος)¹⁸ и может считаться доказанной.

Около 546 г. до н. э. Алкмеониды были изгнаны Писистратом из Аттики и смогли вернуться лишь после смерти тирана, т. е. не ранее 527 г. до н. э., когда Гиппий обратился к политике примирения со знатными родами¹⁹. Семья, к которой позже принадлежали Перикл и Арифрон, при Писистрате оставалась в Афинах и пользовалась расположением правителя, как будет показано ниже. Таким образом, брак Арифрона, отца Ксантиппа, с неизвестной по имени представительницей рода Алкмеонидов мог быть заключен, самое раннее, в 527 г. до н. э. Мы имеем, следовательно, *terminus post quem* для рождения Ксантиппа –

¹³ Schaefer H. Xanthippos // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Reihe 2. Hlbd. 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343–1346; Engel R. Xanthippos // *Der Kleine Pauly*. Ht. 26. Stuttgart, 1975. Sp. 1400–1401.

¹⁴ Davies J. K. Op. cit. P. 459 f.

¹⁵ Bicknell P. J. Studies... P. 83; Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia*. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 162–163.

¹⁶ Этот памятник имеет уже довольно значительную библиографию. Из последних работ см.: Merkelbach R. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1986. Bd. 62. S. 57–62; Figueira T. J. Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. Bd. 35. Ht. 3. S. 257–259.

¹⁷ Thuc. I. 126. 11; cf. Andoc. I. 130–131; Lycurg. Leocr. 117. См.: Raubitschek A. E. The Ostracism of Xanthippos // *American Journal of Archaeology*. 1947. Vol. 51. No. 3. P. 257–262; Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 113–117; Piccirilli L. Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987; Cromei R. D. The Mysterious Woman of Kleitor // *American Journal of Philology*. 1991. Vol. 112. No. 1. P. 87–101.

¹⁸ Brenne S. Ostraka... P. 16–17; Сырников И. Е. По поводу новой публикации... С. 143–144.

¹⁹ Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990. P. 106–117; Camp J. Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 7.

526 г. до н. э., а это-то для нас в данном случае и важно. Прибавив тридцать лет, обнаруживаем, что самая ранняя возможная дата для брака Ксантиппа и Агаристы – 496 г. до н. э. Датировка Дж. Дейвиса оказалась совершенно верной, и, стало быть, Арифрон, даже если он был первенцем, родился в 495 г. до н. э. или позже.

Попробуем проверить полученную дату, так сказать, с другой стороны, рассмотрев хронологию ближайших потомков Арифрона. Единственный известный из источников его сын носил (в честь прадеда с материнской стороны) имя Гиппократ (РА. 7640). Этот Гиппократ в первый период Пелопоннесской войны дважды (в 426/425 и 424/423 гг. до н. э.) входил в коллегия стратегов²⁰. В ходе своей второй стратегии он погиб, командуя афинским контингентом в сражении при Делии²¹. Оставшиеся после его смерти три малолетних сына – Телесипп, Демофонт и Перикл (Schol. Aristoph. Nub. 1001) – по достижении совершеннолетия судились со своим опекуном (очевидно, по вопросу о наследстве), причем речь для опекуна написал Лисий (Lys. fr. 124 Sauppe), начало судебной деятельности которого приходится, как известно, на 403 г. до н. э. (дело Эратосфена)²². Судя по тому, что все трое выступали вместе, как одна тяжущаяся сторона, братья были почти ровесниками.

Срок давности по делам о наследствах и опеках в Афинах ограничивался пятью годами (Demosth. XXXVIII. 17–18)²³, правда, неясно, со времени достижения подопечным совершеннолетия (18 лет) или со времени получения им права возбуждать судебные иски (20 лет).

В целях верификации выдвинутого выше тезиса о дате рождения Арифрона сделаем максимальное количество односторонних допущений не в его пользу. Допустим, во-первых, что процесс детей Арифрона относится к самому началу карьеры Лисия как логографа, т. е. к 403 г. до н. э. Предположим, далее, что срок давности отсчитывался с того момента, когда младшему из братьев исполнилось 20 лет, и, наконец, что иск был возбужден непосредственно перед истечением срока давности. В таком случае рождение младшего сына Гиппократа придется на 428 г. до н. э. Скорее всего, в действительности он родился несколькими годами позже, совсем незадолго до гибели отца, поскольку совпадение всех трех предложенных нами допущений маловероятно. Таким образом, Телесипп, старший из сыновей, родился вряд ли раньше 430 г. до н. э. Это позволяет определить примерное время рождения

²⁰ Fornara C. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 47 ff.

²¹ Thuc. IV. 101. 2; Xen. Mem. III. 5. 4; Plut. Nic. 6; Paus. III. 6. 1; IX. 6. 3.

²² Соболевский С. И. Лисий и его речи // Лисий. Речи. М., 1994. С. 37.

²³ О сроке давности см.: Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи в трех томах. М., 1994. Т. 2. С. 424.

его отца – 460 г. до н. э. или, самое большее, на несколько лет раньше. К той же дате приводит и срок первой известной стратегии Гиппократы – 426/425 г. до н. э. В то время сыну Арифрона должно было быть, согласно афинской практике, тридцать с небольшим.

Брак самого Арифрона, согласно этим вычислениям, должен приходиться на середину 460-х гг. до н. э., что опять-таки подразумевает время его рождения в середине 490-х гг. до н. э. Анализируя хронологию «снизу», мы пришли к той же самой датировке, что и рассматривая ее «сверху».

Итак, Арифрон, сын Ксантиппа и брат Перикла, родился около 495 г. до н. э. и никак не раньше. В таком случае закономерен вопрос: могло ли его имя появиться на острака с Керамика, даже если относить их к неизвестной остракофории 470-х гг. до н. э.? Нижней возможной датой для такой остракофории являлся бы известный из письменных источников остракизм Фемистокла, датировка которого колеблется от 473 г. до н. э.²⁴ до 470 г. до н. э.²⁵

Появление в качестве «кандидата» на изгнание двадцатилетнего юноши, только что обретшего гражданские права, а то и несовершеннолетнего²⁶, в высшей степени маловероятно. Правда, известно, что Кимон, сын Мильтиада, подвергался угрозе остракизма, не достигнув тридцатилетнего возраста²⁷. Но Кимон был фигурой совершенно иного масштаба, нежели Арифрон. В 480-х гг. до н. э., после смерти отца, молодой Филаид, по сообщению Плутарха (Plut. *Сим.* 4), уже «пользовался в городе дурной славой» – по целому ряду причин, на которых здесь не место останавливаться. В частности, играли свою роль сплетни о его сожителе с сестрой (факт существования таких сплетен недавно был подтвержден публикацией остракона с надписью «Пусть Кимон, сын Мильтиада, взяв Эльпинику, убирается»²⁸).

Итак, вряд ли Арифрон, сын Ксантиппа, упоминаемый на острака, идентичен брату Перикла. Следует попытаться найти более приемлемую идентификацию, причем, как показывает ономастика, в рамках той же семьи. Арифрон – исключительно редкое в Афинах имя, вплоть до эллинистической эпохи зафиксированное только у Бузигов. Единственной реальной альтернативой здесь является Арифрон, отец Ксантиппа и дед Перикла (РА. 2203), известный только

²⁴ Lenardon R. J. The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // *Historia*. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 48; Piccirilli L. Op. cit. P. 13.

²⁵ Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 88.

²⁶ Если вслед за П. Бикнеллом датировать острака с Керамика годом-двумя после победы над Ксерксом (Bicknell P. J. Was Megakles... P. 175).

²⁷ Суриков И. Е. По поводу новой публикации... С. 145.

²⁸ Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // *Античный мир и его судьбы в последующие века: Доклады конференции*. М., 1996. С. 46–47.

по имени²⁹. Патронимик этого Арифрона мы не знаем, зато знаем другое: в рассматриваемой нами семье весьма педантично соблюдался обычай называть старшего сына именем деда (помимо приведенных выше примеров напомним еще, что старший сын Перикла носил имя Ксантипп – тоже по деду). Иными словами, очень велика вероятность того, что полное имя деда Перикла было «Арифрон, сын Ксантиппа». Никаких сведений о его жизни и деятельности не сохранилось, но, если исходить из обоснованной нами даты его брака, он должен был родиться около 560–555 гг. до н. э.

Именно к этому Арифрону (единственному в VI в. до н. э. известному из нарративных источников) принято относить³⁰ упоминание в интересном, но редко привлекающем внимание исследователей тексте – фрагменте философского диалога неизвестного автора позднеклассической или раннеэллинистической эпохи, сохранившемся на одном из оксиринхских папирусов (Р. Оху. IV. 664)³¹. Действие диалога происходит при дворе Писистрата, темой, насколько можно судить, являются достоинства и недостатки тирании как формы правления. В качестве одного из действующих лиц наряду с самим тираном выведен некий Арифрон, по его собственным словам, недавно побывавший у Перияндра в Коринфе. К сожалению, сразу после этого связный текст обрывается.

Из некоторых нюансов реплики Арифрона можно заключить, что он был у коринфского тирана (умершего, как известно, в 585 г. до н. э.) в последние годы его правления и вряд ли в ранней молодости. Следовательно, он родился не позднее 620–615 гг. до н. э., но и не раньше, поскольку в 550-е гг. до н. э. он еще беседует с Писистратом. Данный Арифрон, таким образом, никак не может быть отождествлен с дедом Перикла, но, несомненно, происходил из той же семьи и являлся, судя по разнице в возрасте, дедом этого деда, носившим, как и было принято у Бузигов, то же имя, что и внук.

Разумеется, возникает резонный вопрос: насколько корректно использование в целях историко-генеалогической реконструкции такого своеобразного памятника, как философский диалог с его неизбежной *licentia poetica*? Отвечая на этот вопрос, следует указать, что даже в диалогах Платона – мыслителя, не отличавшегося акрибией, характерной для Аристотеля и перипатетиков, – просопографический материал, как правило, абсолютно надежен. Кроме того, если допустить, что автор рассматриваемого фрагмента не имел в своем распоряжении аутентичного источника, совершенно непонятным окажется, откуда вообще появляется у него имя Арифрон, не принадлежавшее ни одному крупному деятелю афинской истории. Прибавим еще, что подразумеваемая

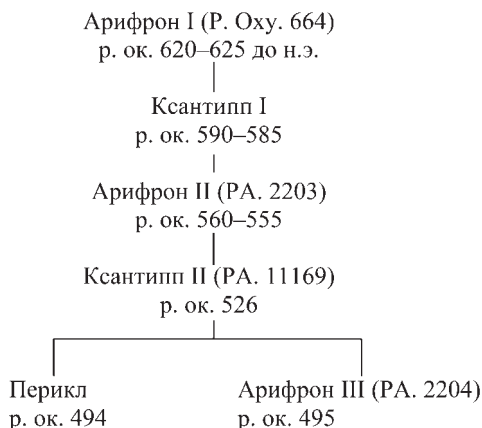
²⁹ Herod. VI. 131, 136; VII. 33; VIII. 131; Arist. Ath. pol. 22. 6; Diod. XI. 27. 3; Paus. III. 7. 9.

³⁰ *Figueira T. J. Op. cit. S. 257 ff.*

³¹ Издатели фрагмента Гренфелл и Хант относят диалог к кругу Аристотеля (*The Oxyrhynchus Papyri / Ed. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt. Pt. IV. L., 1904. P. 72*).

в упоминавшемся тексте близость Бузигов к Писистратидам прослеживается и по другим источникам. Так, согласно позднеантичному ритору Гимерию (Himer. Or. XXXIX. 2), Анакреонт в одном из стихотворений упоминал Ксантиппа (отца Перикла)³². Анакреонт же в бытность свою в Афинах занимал положение придворного поэта Гиппия и Гиппарха (Plat. Hipparch. 218bc).

На основании вышеизложенного можно попытаться построить следующую уточненную стемму предков Перикла:

Попробуем верифицировать предложенную гипотезу. Мог ли Арифрон, дед Перикла, упоминаться на острака? В 480-х гг. до н. э. ему должно было быть около 70 лет – возраст солидный. Однако на острака того же времени есть более сотни упоминаний Гиппократ, сына Алкмеонида³³. А этот Гиппократ, принадлежавший к роду Алкмеонидов, родился, как показал А. Раубичек на основании эпиграфических данных³⁴, около 560–550 гг. до н. э., т. е. точно тогда же, когда и Арифрон. Таким образом, даже политический деятель в достаточно преклонных годах вполне мог оказаться настолько ненавистным некоторым из своих сограждан, чтобы они пожелали его изгнания. Кстати, наряду с именем Гиппократ мы находим на острака и имя его сына – Мегакла, сына Гиппократ, сына Алкмеонида³⁵. Другой пример того же рода – Андокид, сын Леогора, и Леогор, сын Андокида³⁶, вне всякого сомнения, отец

³² Hafner G. Anakreon und Xanthippos // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1956. Bd. 71. Ht. 1. S. 1–28.

³³ Lang M. L. Op. cit. P. 50–61; Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 151.

³⁴ Raubitschek A. E. *Dedications from the Athenian Acropolis*. Cambridge, MA, 1949. P. 338–340.

³⁵ Willemsen F., Brenne S. Op. cit. S. 153.

³⁶ Ibid. S. 149, 152.

и сын, принадлежащие к прославленной в Афинах семье оратора Андокида. Иными словами, вопреки Льюису, представители двух поколений одной семьи *могли* одновременно быть в числе «кандидатов» на остракизм. А вот если мы отнесем острака с Керамика к 470-м гг. до н. э., появление на них Арифрона, деда Перикла, окажется практически невозможным. Если даже он был еще в живых в это время, ему должно было быть больше восьмидесяти лет. Вряд ли столь глубокий старец мог у кого бы то ни было вызывать опасения.

Подчеркнем, что предложенная нами идентификация Арифрона является гипотетичной (хотя, насколько можно судить, имеющей серьезные основания). В случае, если гипотеза подтвердится, она повлечет за собой два немаловажных следствия. Во-первых, несколькими новыми персоналиями пополнится корпус аттической просопографии. При этом речь идет не о какой-то незначительной семье, а о роде Бузигов, конкретно – о той его ветви, к которой принадлежал Перикл. В раннюю историю этого рода будет внесен ряд небезынтересных штрихов. Во-вторых – что особенно важно для автора этой работы, – прибавится весомый аргумент в пользу традиционной, но ныне оспариваемой датировки острака с Керамика 480-ми гг. до н. э. Очевидно, все же наиболее обоснованно относить эти памятники к той остракофории, жертвой которой стал Мегакл, сын Гиппократ (487 г. до н. э.).

КАК ЗВАЛИ ОТЦА ЭВБЕЙЦА ОНЕТА (HEROD. VII. 214)?*

Александр Васильевич Подосинов, создав в «Аристее» раздел «Miscellanea», сам вносит в него, пожалуй, наибольший вклад, регулярно публикуя небольшие, на несколько страниц, заметки по отдельным частным (но тем не менее интересным) вопросам классического антиковедения. Захотелось в какой-то момент и автору этих строк пойти в данном плане по стопам выдающегося российского специалиста.

Скажем даже конкретнее: на написание нижеследующего подвига нас маленькая работа А. В. Подосинова (из того самого раздела «Miscellanea»), написанная на ономастических данных¹. В ней было филигранно продемонстрировано, что имя полководца, политика и писателя ранней эллинистической эпохи, в оригинале пишущееся Δημόδαμος, по-русски должно передаваться как «Демодамант»², а не «Демодам» (ибо это не I, а III склонение) вопреки тому, как это имя часто воспроизводят отдельные отечественные специалисты, например С. В. Смирнов³. Никакого «междialeктного гибрида»! Второй корень здесь – отнюдь не дорийский дублет (δαμ-) ионийского и общегреческого δημ-; нет, он, естественно, идет от δαμάζω. Δημόδαμος – уж точно не «народ народа», а «укротитель народа».

Именно ономастической проблематике хотелось бы и нам посвятить нижеследующий материал. Подчеркнем сразу же, что ономастика, которой часто пренебрегают, является полноценной специальной исторической дисциплиной, способной вносить такой же вклад в изучение античности, как эпиграфика, нумизматика и пр.⁴

* Впервые опубликовано в: Аристей. 2016. Т. 13. С. 193–200.

¹ Подосинов А. В. Демодам или Демодамант? // Аристей. 2013. Т. 7. С. 181–183.

² Собственно, именно так – уже и в старом словаре Папе – Бензелера. См.: *Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3 Aufl., neu bearbeitet von G. E. Benseler. 4 Abdruck. Ht. 1. Braunschweig, 1911. S. 290.

³ К сожалению, последний по непонятной причине не внял аргументации А. В. Подосинова и продолжает употреблять форму «Демодам».

⁴ Нам доводилось демонстрировать это, например, в работах: Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33; Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. 2007. Т. 11. С. 380–393; Суриков И. Е. Новые наблюдения

На современном этапе это стало особенно ясно, когда начал выходить фундаментальный многотомный компендиум «Лексикон греческих личных имен»⁵ (далее – LGPN). Не будем лишним раз его хвалить (хотя он и заслуживает похвал), поскольку и без нас на этой ниве потрудились немало. Об этом издании даже было сказано (и сказано крупным исследователем), что оно играет роль «не столько справочника, сколько первоисточника»⁶. Уж не знаем, как можно было бы еще более высоко оценить тот или иной труд.

Мы даже, скорее, вольем свою «ложку дегтя в бочку меда», укажем на один ощутимый недостаток LGPN. Имена в нем приводятся только в начальной форме, и совершенно не указываются окончания падежей (хотя бы родительного – уж это-то, на наш взгляд, было совершенно необходимо сделать). В результате если кто-то захочет, листая LGPN, узнать, к какому склонению принадлежало имя... да любое, хотя бы то же Δημόδαμας, – он не сможет этого сделать, если уже не обладает таким знанием или не привлечет какой-нибудь дополнительный источник информации.

* * *

А теперь – непосредственно к теме! Ясно ведь, что мы пишем всё это не для того, чтобы похвалить А. В. Подосинова или поругать LGPN. Нет, написать дальнейшее мы были подвигнуты одним местом из работы греческого ученого П. Харалампакиса⁷. Последняя, кстати, явилась, в свою очередь, прямым полемическим ответом на нашу более раннюю статью⁸, в которой мы подвергли ревизии общепринятый тезис о том, что Фанагория была названа в честь ойкиста Фанагора (аналогичные аргументы приводились нами там и применительно к соседней с Фанагорией Гермонассе, но эта последняя здесь нас не интересует).

в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 102–127; Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. 2012. Т. 1. С. 51–67; Суриков И. Е. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) // ПОΛΥΤΡΟΠΟΣ. Сб. науч. статей памяти А. А. Молчанова. М., 2014. С. 105–116.

⁵ A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. I–VA. Oxf., 1987–2010.

⁶ Parker R. Theophoric Names and the History of Greek Religion // Greek Personal Names: Their Value as Evidence. Oxf., 2000. P. 54.

⁷ Charalampakis P. Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ / Английский мир и археология. 2013. Вып. 16. С. 180–189.

⁸ Суриков И. Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 440–469.

Харалампакису на его критику мы отвечаем в другом месте⁹; в любом случае, сделанные им наблюдения заставляют кое о чем задуматься (значимость этих наблюдений, надо сказать, им самим подчас совершенно не оценена и не понята; так, он, привлекая обильнейший ономастический материал из того же LGPN, даже не обратил внимания на уникальный феномен¹⁰ огромной частоты встречаемости в позднеклассических Афинах женского имени Φαναγόρα, которое, кроме того, нигде больше в греческом мире не зафиксировано, и всё это в совокупности, полагаем, с чем-то да связано).

Рассуждает-то он прежде всего, естественно, о древнегреческом мужском имени Фанагор. Это последнее было достаточно популярным. В LGPN зафиксированы в совокупности несколько десятков лиц, носивших его, причем обитавших в различных регионах эллинского мира¹¹: на островах Эгейского моря (Эвбея, Делос, Кеос, Лесбос, Фасос, Хиос, Самос, Родос), в Ионии (Эфес, Смирна, Теос (?), Клазомены, Эрифры), на Пелопоннесе (Гермиона), в зоне Черноморских проливов (Перинф), в Северном Причерноморье (единственный Фанагор встречается во второй половине IV в. до н. э. в самой Фанагории) и, наконец, в Афинах (тоже один-единственный случай, причем, кажется, самый поздний в греческом мире¹²). Велик и хронологический диапазон, на протяжении которого жили эти лица: от VI до I в. до н. э.

Следует отметить, что существуют три варианта написания имени, о котором идет речь: Φαναγόρης, Φαναγόρας, Φαιναγόρας. Несомненно, что в данном случае различия имеют междialeктный характер. Это видно из следующего распределения указанных вариантов по отдельным центрам:

Φαιναγόρας – Родос, Гермиона.

Φαναγόρης – Хиос, Самос, Эфес, Теос¹³, Перинф, Фанагория.

Φαναγόρας – Делос, Кеос, Лесбос, Смирна, Клазомены, Эрифры.

⁹ Суриков И. Е. Еще раз о происхождении названия Фанагории // Боспорские исследования. Керчь, 2015. Вып. 31. С. 325–333.

¹⁰ Этот феномен действительно настолько уникален, что мы посвятили ему специальную статью: Суриков И. Е. Афинские Фанагоры // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 340–350.

¹¹ В связи с дальнейшим перечнем все данные для конкретных персоналий по LGPN мы приводим со ссылками в статье, упомянутой в предыдущем примечании. К ней и адресуем интересующихся, а здесь нет никакой нужды эти данные повторять, перегружая небольшую заметку массой длинных примечаний.

¹² I в. до н. э. Строго говоря, в надписи фигурирует некий Фанаг[...], сын Стесандра. Но вряд ли возможно предложить какой-то иной вариант заполнения лакуны.

¹³ Как помнит читатель, выше при Теосе был поставлен знак вопроса. Это мы сделали потому, что единственный упомянутый в LGPN (а стало быть, и в источниках) теосский Фанагор – это ойкист Фанагории. Но считать его реальным историческим лицом не позволяет ряд обстоятельств, о которых говорилось нами в более ранних работах: Суриков И. Е. Об этимологии названий...; Суриков И. Е. Еще раз о происхождении... Или – выразимся

Если проанализировать вышеприведенное распределение, то получим следующее. Вариант Φαίναγόρας характерен только для ареала обитания дорийцев (к таковому относятся как Родос, так и Гермiona в Аργοлиде). Вариант Φάναγόρης встречается в полисах малоазийской Ионии (Эфес, Теос), на прилегающих – ионийских же – островах (Хиос, Самос), а также в колониях некоторых из этих центров (Перинф – колония Самоса, Фанагория – колония Теоса¹⁴). Во всех этих городах говорили на восточно-ионийском диалекте.

Сложнее ситуация с вариантом Φάναγόρας: тут картина не столь однородная и даже какая-то «клочковатая». Что мы имеем в соответствующей строке? Во-первых, эолийский центр – Лесбос. Во-вторых, острова из группы Киклад (Делос, Кеос), где говорили на западно-ионийском диалекте. Но, в-третьих, попали сюда же несколько полисов из восточно-ионийского ареала (Смирна, Клазомены, Эрифры).

С чем это связать? Признаемся честно, уверенного ответа у нас нет. В случае со Смирной еще можно было бы предположить, что, поскольку она вначале была эолийским городом и лишь потом стала ионийским, в ее языке могли запыездло задержаться некоторые эолизмы¹⁵; но как быть с Клазоменами и Эрифрами? О них ничего подобного сказать нельзя.

Невозможно и говорить о каких-то изменениях в диахронном плане. Скажем, на Хиосе есть Φάναγόρης на рубеже V–IV вв. до н. э., а есть Φάναγόρης же на рубеже II–I вв. до н. э., то есть несколько столетий спустя. В Клазоменах встречается Φάναγόρας в середине IV в. до н. э., а в Эрифрах – Φάναγόρας же в первой половине II в. до н. э.

Абсолютно никакой системы! Ситуация осложняется еще и тем, что на северо-эгейском Фасосе, который мы пока специально не упоминали, зафиксированы лица с обоими этими вариантами написания имени: как Φάναγόρης (пять случаев в V–IV вв. до н. э.), так и Φάναγόρας (один случай в III в. до н. э.).

здесь мягче – историчность этого персонажа остается пока под вопросом. В любом случае, если на Теосе были носители имени Фанагор (а, естественно, могли быть такие, о которых мы не знаем), там оно писалось как Φάναγόρης. Это можно утверждать в связи с Фанагором из Фанагории.

¹⁴ Здесь для нас не имеет значения, была ли Фанагория основана непосредственно теосцами или их апойками абдеритами (см. к вопросу: Кузнецов В. Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 227–236). В любом случае исходной метрополией является Теос.

¹⁵ Да и это объяснение крайне маловероятно. Единственный смирнский Фанагор (Φάναγόρας) жил на рубеже II–I вв. до н. э., то есть намного позже разрушения «Старой Смирны» лидийцами в VI в. до н. э. Здесь речь идет уже о «Новой Смирне», восстановленной в начале эпохи эллинизма, к тому же на другом месте по сравнению с руинами «Старой». Выживание древних эолизмов в подобной ситуации почти исключено.

Тем не менее, хотя неясность и остается, кое-какие закономерности все-таки могут быть установлены. А именно:

- (1) Дорийский вариант написания интересующего нас имени – Φαίνα-γόρας.
- (2) Эолийский вариант – Φαναγόρας.
- (3) Западно-ионийский вариант – тоже Φαναγόρας.
- (4) А вот относительно восточно-ионийского налицо противоречие: имеем как Φαναγόρας, так и Φαναγόρης. Последнее написание более согласно с особенностями данного диалекта, и, наверное, закономерно, что оно появляется раньше (уже в VI в. до н. э. – в Перинфе и, возможно, в Теосе).

Как бы то ни было, сложность, сопряженная с тезисом (4), к счастью, не имеет ровно никакого значения для того главного, что будет сказано далее и ради чего, собственно, пишется данная заметка (вот-вот мы уже перейдем непосредственно к этому); значим для наших наблюдений будет только тезис (3)¹⁶. Мы сознательно зарезервировали для специального рассмотрения еще один случай употребления имени Фанагор, носитель которого на сей раз был родом с Эвбеи, из тамошнего полиса Кариста.

* * *

Геродот, в своем рассказе о Фермопильском деле 480 г. до н. э. упоминая об известном деянии малийца Эпиалта, указавшего Ксерксу потайную тропу, по которой персидский отряд прошел в тыл греков, что и привело к поражению последних, добавляет: «Есть, однако, и другое распространенное предание, будто с таким же предложением к царю обратились Онет из Кариста, сын Фанагора (Ονήτης τε ὁ Φαναγόρεω ἀνὴρ Καρύστιος), и Коридалл из Антикиры и провели персов через гору. Впрочем, я вовсе этому не верю» (Herod. VII. 214; пер. Г. А. Стратановского).

Не важно, верил ли «отец истории» в эту приведенную им вторую версию события (а комментарий именно такого типа очень нередок в его сочинении), но, во всяком случае, упомянутые им тут имена вряд ли могли быть выдуманы (да и кому, и для чего потребовалось бы придумывать никогда реально не существовавших персонажей?). Другое дело, что военное преступление Онету

¹⁶ Коснемся, хотя бы в примечании, ситуации, имевшей место в связи с нашей проблемой в аттическом диалекте. Имя единственного известного афинского Фанагора сохранилось с утраченным окончанием (как уже упоминалось выше, см. прим. 12). Однако совершенно несомненно, что жители Аттики произносили и писали Φαναγόρας (с α ριγum), а не как-либо иначе. Это прямо проистекает из особенностей их диалекта; кроме того, многократно зафиксирован в афинском полисе женский вариант того же имени, и это, естественно, Φαναγόρα.

и Коридаллу приписали, скорее всего, напрасно (возможно, злонамеренно), поскольку вся остальная нарративная традиция единодушна в том, что Ксерксу помог все-таки Эпиалт. Но в том, что сами эти лица существовали, сомневаться не приходится. Оба они с полным основанием включены в LGPN.

Из них нас интересует только Онет. И даже не он, а его отец Фанагор (о котором только то и известно, что он был отцом Онета) – именно потому, что его звали Фанагором. Притом речь идет об одном из самых ранних Фанагоров в Греции: коль скоро Онет действовал в 480 г. до н. э., его родитель должен был появиться на свет и получить имя в VI в. до н. э. (в середине или второй половине этого столетия).

Как писалось имя эвбейского Фанагора в именительном падеже? Геродот приводит только родительный – Φαναγόρεω. В LGPN же он значится как Φαναγόρας¹⁷. Это-то и вызвало резкое удивленное возражение П. Харалампакиса, который пишет по данному поводу: «Довольно странно, что пассаж Hdt. VII. 214 Ὀνήτης τε ὁ Φαναγόρεω ἀνὴρ Καρύστιος рассматривается в LGPN... как свидетельство об имени Φαναγόρας, а не Φαναγόρης!»¹⁸. Как видим, употреблен даже восклицательный знак, что, видимо, должно маркировать сугубое недоумение греческого ученого.

Однако прав ли он? Сейчас мы постараемся показать, что не прав. Из чего исходит Харалампакис? Из того, что форма Φαναγόρεω является восточно-ионийским генитивом и, соответственно, однозначно предполагает номинатив Φαναγόρης.

Вот как раз постулируемой однозначности в рассматриваемом случае и нет. Восточные ионийцы, как было показано выше, не всегда писали Φαναγόρης, а подчас и Φαναγόρας подобно своим западным собратьям; но главное отнюдь не в этом, а вот в чем. Геродот заведомо составил свою «Историю» на восточно-ионийском диалекте, который он либо «впитал с молоком матери» в родном Галикарнассе – городе хоть и дорийском, но с сильным ионийским элементом в населении, – либо позже освоил на Самосе, где жил долгие годы в качестве изгнанника¹⁹.

Соответственно, и все встречающиеся в тексте его труда имена звучат на восточно-ионийский лад и имеют соответствующую форму, а не ту, которую употребляли сами носители этих имен и их соотечественники. Несколько примеров. Известного спартанского царя, который был отстранен своим соправителем Клеоменом I от престола и в результате оказался военным советником

¹⁷ LGPN I. P. 453 (s.v. Φαναγόρας, № 3).

¹⁸ Charalampakis P. Op. cit. С. 184.

¹⁹ Вопрос спорный. В пользу первой точки зрения см.: Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962. P. 30. В пользу второй точки зрения см.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 104.

Ксеркса, мы знаем под именем Демарат. Это – аттическая форма, так сказать, «срединная». Геродот же обозначает его «Демарет» (Δημάρετος). А для самих спартанцев он – «Дамарат» (Δαμάρατος); стало быть, так себя именовал и сам этот лакедемонский царь.

Другой, еще более характерный пример. Выше упоминался настоящий «предатель» при Фермопилах – Эпиальт из Малиды²⁰. Так вот, Эпиальтом (Ἐπιάλτης) его называет Геродот, а на самом деле никаких Эпиальтов в Средней Греции быть не могло: тамошним диалектам не свойствен псилосис. Стало быть, в действительности этого злосчастного грека звали Эфиальтом (Ἐφιάλτης), и именно так – с полным резонансом – он значится в LGPN²¹.

Таким образом, можно сказать, что составители этого свода фактически занимаются переводом с диалекта на диалект, всякий раз воспроизводя имя в его правильной форме взамен той, в которой она фигурирует в источнике. Вот этого-то и не учел П. Харалампакис, что и вызвало его скоропалительное, невзвешенное суждение.

В данном же случае подобный перевод был решительно необходим. Фанагор, отец Онета, являлся каристянином, то есть эвбейцем. А диалект Эвбеи был, естественно, западно-ионийским. Как мы видели выше, для этого последнего характерно написание Φαναγόρας.

²⁰ Слово «предатель» ставим в кавычки, поскольку, как мы показали в другом месте (Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 20–21), предательства в юридическом смысле этому человеку инкриминировать нельзя.

²¹ LGPN III B. P. 171 (s.v. Ἐφιάλτης, № 1).

ПЕРИКЛ, ЛАМАХ И ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ОНОМАСТИКА: О ПОЛЬЗЕ КОМБИНИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ*

Специальные исторические дисциплины представляют собой не механическую совокупность, а единый комплекс; соответственно, наиболее эффективной работа с их данными будет при их согласованном, комбинированном использовании, когда выводы, достигнутые в одной дисциплине, помогают решить какие-то проблемы другой и *vice versa*. Этот тезис вполне тривиален, но от того не становится менее верным. На словах с ним согласятся, наверное, все, но в реальной жизни он не всегда учитывается в полной мере; нередко случаи, когда в различных специальных исторических дисциплинах исследования идут изолированно друг от друга. Среди тех, кто своей работой являл прекрасный образец синтеза этих дисциплин, – безвременно покинувший нас А. А. Молчанов¹. Нумизматика, эпиграфика, геральдика, ономастика, генеалогия, просопография, топонимика, историческая география, сфрагистика... Он воспринимал их как целостность и, как никто другой, умел находить точки соприкосновения между всеми ними. Непревзойденная эрудиция, умение логично и красиво мыслить, великолепная память – всё это помогало ему. Нам хотелось бы посвятить это исследование светлой памяти Аркадия Анатольевича – уникального специалиста, замечательного человека, друга.

* * *

Итак, не будем ограничиваться рассуждениями в отвлеченных тонах, а проиллюстрируем высказанные мысли о необходимости комплексного привлечения материала специальных дисциплин (в данном случае исторической географии и ономастики) вполне конкретным примером. Одной из интересных историко-географических проблем, связанных с греческим миром классической эпохи, является военно-морская экспедиция Перикла в Понт Евксинский (около 437–436 гг. до н. э.); особенно много вопросов возникает касательно ее маршрута.

* Впервые опубликовано: Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.

¹ Суриков И. Е. Аркадий Анатольевич Молчанов (1947–2010) // ВДИ. 2011. № 1. С. 217–220.

Нам уже приходилось писать по этому сюжету², однако назрела необходимость нового обращения к нему – по той причине, что появились соображения, которые, кажется, ранее еще никем не высказывались, по крайней мере в развернутой форме.

Как известно, единственное нарративное свидетельство об экспедиции сохранил Плутарх, и его необходимо привести в первую очередь, как всегда и делается при рассмотрении интересующей нас темы:

Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских городов всё, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским народам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и всё море держат в своей власти. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие; они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тираны (Plut. Pericl. 20).

Как видим, эксплицитно Плутарх сообщает только о посещении Периклом Синопы в Южном Причерноморье. Несмотря на это, ученые, занимавшиеся этим походом, в подавляющем большинстве считают, что афинская эскадра побывала также и у северных берегов Понта Евксинского, в частности в регионе Боспора Киммерийского³. Нам эта точка зрения тоже

² Наиболее подробно – в статьях: *Суриков И. Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114; *Surikov I. E.* Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2001. Vol. 7. No. 3/4. P. 341–366. В более краткой форме, но с некоторыми новыми нюансами см. также: *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 330–334. В указанных работах мы ссылаемся на предшествующую историографию вопроса, так что здесь нет необходимости вновь специально перечислять эту литературу. Назовем, пожалуй, лишь несколько исследований последнего времени: *Mattingly H. B.* Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // *Sur les traces des Argonautes*. P., 1996. P. 151–157; *Anochin V. A.* Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v.Chr.) // *Stephanos nomismatikos*. B., 1998. S. 33–44; *Braund D.* Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421 // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)*. Exeter, 2005. P. 80–99.

³ Пожалуй, единственное значимое исключение – работы И. Б. Брашинского, категорически отрицавшего возможность посещения эскадрой Перикла Северного Причерноморья (см.: *Брашинский И. Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110–121;

представляется верной⁴. Однако, строго говоря, она не основывается на прямых свидетельствах нарративной традиции, а до сих пор являлась плодом логических умозаключений, порой косвенных, что и придавало ей некоторую уязвимость. Здесь мы покажем, как с помощью привлечения ономастических данных удастся поставить решение проблемы на несравненно более прочную почву.

Прежде всего представляется необходимым акцентировать следующее важное обстоятельство. Классическая греческая антропонимика – сложный, но отнюдь не хаотичный комплекс, в рамках которого действовали определенные, достаточно строгие закономерности⁵. Часть этих закономерностей в целом ясна, часть пока остается в тени, но, во всяком случае, можно уверенно говорить, что произвольность имяназвания (столь характерная, например, для наших дней) была минимальной; в большинстве случаев к моменту, когда ребенок рождался, было уже фактически запрограммировано, как он будет назван.

Помимо отражения в ономастике родственных и матримониальных связей, особо подчеркнем момент, который в контексте настоящей работы наиболее

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. С. 56–88). Впрочем, достаточно осторожную позицию занимает и Г. Маттингли (*Mattingly H. B.* Op. cit. P. 151, 157). С другой стороны, встречается и другая крайность – приписывание Периклову флоту плавание в Восточное Причерноморье и проведения там далеко идущих действий (*Высокий М. Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 412 сл.), но в пользу такого предположения нет никаких веских оснований. Также сразу оговорим, что здесь мы вообще не будем рассматривать гиперкритическую точку зрения, согласно которой понтийская экспедиция Перикла в целом – не исторический факт, а фикция (*Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // *Contributi dell'Istituto di storia antica* (Milano). 1974. Vol. 2. P. 7–19). С подобной экзотической гипотезой не имеет смысла даже всерьез дискутировать: настолько однозначно она опровергается источниками.

⁴ *Суриков И. Е.* Историко-географические проблемы... С. 111–113 (с картой реконструируемого нами маршрута экспедиции).

⁵ Об этом нам и ранее неоднократно приходилось в той или иной связи писать, наиболее подробно – в работах: *Суриков И. Е.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 122–130; *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // *ВДИ*. 2005. № 1. С. 15–33; *Суриков И. Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // *Древности Боспора*. 2007. Т. 11. С. 380–393; *Суриков И. Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *Вопросы эпиграфики*. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127. См. также: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 49–86.

важен: ономастические последствия отношений ксении⁶ – столь распространенной в греческом мире ритуальной дружбы-гостеприимства между гражданами различных полисов. Часто грек называл сына в честь своего ксена, и таким образом имени, употребительные в одном полисе, «перекочевывали» в другой⁷.

В свете вышесказанного обратим внимание вот на какой факт. Как указывает Плутарх, среди видных участников понтийского похода Перикла был полководец Ламах. В дальнейшем он еще на протяжении нескольких десятилетий продолжал играть видную роль в военной истории Афин (погиб в ходе сицилийской экспедиции 415–413 гг. до н. э.) и, что характерно, считался, судя по всему, фактически главным в полисе «экспертом по понтийским делам». Во всяком случае, когда в 424 г. до н. э. афиняне проводили едва ли не единственную за время Пелопоннесской войны операцию в Черном море, руководство было поручено именно Ламеху (Thuc. IV. 75).

Теперь отметим, что в южнопонтийской Синопе – а там, как мы уже знаем, флот Перикла (и в его составе Ламах) побывал совершенно точно – в IV–III вв. до н. э. фиксируются носители имени Ламах⁸. Это никак не может быть случайностью; вне всякого сомнения, интересующие нас лица являлись потомками синопских ксенов афинского стратега. Последний же должен был установить соответствующие ксенические отношения именно в период понтийской экспедиции (а когда еще?).

Таким образом, перед нами яркий пример того, как ономастический материал подкрепляет сведения письменных источников. Не поможет ли он нам и в тех случаях, для которых письменные источники информации не дают? Имеем в виду, разумеется, вопрос о том, посещала ли эскадра Перикла Северное Причерноморье. Попробуем рассмотреть на сей предмет ономастические данные из названного региона (задача облегчается тем, что недавно эти данные были сведены воедино в вышедшем в 2005 г. 4-м томе известного компендиума «Лексикон греческих личных имен»⁹, далее – LGPN IV), а в качестве, так сказать, «лакмусовой бумажки» возьмем для начала имя того же Ламаха.

Выясняется, что из северопонтийских полисов это имя засвидетельствовано в двух центрах – Пантикапее (5 примеров) и Херсонесе Таврическом

⁶ О феномене в целом см.: *Herman G. Ritualized Friendship and the Greek City*. Cambridge, 1987; *Konstan D. Friendship in the Classical World*. Cambridge, 1997.

⁷ *Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // Classical Quarterly*. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363.

⁸ *Федосеев Н. Ф.* Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132–140.

⁹ *Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. by P. Fraser, E. Matthews, R. W. V. Catling. Oxf., 2005.

(3 примера)¹⁰. Лица, его носившие (в тех случаях, когда датировка возможна), жили в довольно позднее время (I в. до н. э. – начало II в. н. э.), но это не слишком принципиально, поскольку, повторим, механизмы имянаречения в античном греческом мире были весьма четкими и, главное, стабильными. Предок получал имя в честь «афинского гостя», а впоследствии это имя транслировалось в семье от потомка к потомку, из поколения в поколение¹¹, подчас на протяжении целого ряда столетий¹².

Итак, появляется возможность сделать надежный и ответственный вывод о том, что Ламах побывал в вышеназванных городах Северного Причерноморья и обзавелся там ксенами – а те дали своим детям его имя. Единственным реально допустимым контекстом его визита туда является понтийская экспедиция Перикла. Возможно, имеет смысл специально оговорить (хотя кому-то это уточнение, несомненно, покажется излишним, поскольку речь, в общем, идет о вещи само собой разумеющейся), что налицо следы именно ксенических связей, а не каких-либо иных (т. е. родственных или матримониальных). Сородичам у Ламаха в Пантикапее и Нимфее было взяться неоткуда; равным образом невозможно предположить, что в обоих этих полисах (да, получается, еще и в Синопе) он каким-то образом заключил браки. Да ему и не позволила бы это сделать существовавшая на тот момент в Афинах правовая база, конкретно – закон Перикла о гражданстве 451/450 г. до н. э.¹³ Высказывалось, правда, предположение о наличии между Афинами и Боспором эпигамии (разрешения законных браков между гражданами двух государств)¹⁴, но это – чистая догадка, не основанная ровно ни на каких известных фактах и, более того, противоречащая им¹⁵.

¹⁰ LGPN IV. P. 206, s.v. Λάμαχος, № 1–5, 7–9.

¹¹ Разумеется, с пропусками: в древнегреческой антропонимической традиции обычай наречения внука именем деда решительно преобладал над обычаем наречения сына именем отца.

¹² Примеры подобного многовекового ономастического континуитета на материале афинских аристократических родов см., в частности, в работах: Молчанов А. А. Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150; Молчанов А. А. Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.

¹³ Об этом законе см. новейшее исследование: Blok J. H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170.

¹⁴ Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 192.

¹⁵ Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 393–413.

* * *

Приведем еще некоторые релевантные данные. Типично афинским было личное имя Мегакл, причем оно употреблялось практически исключительно в среде знаменитого аристократического рода Алкмеонидов – того самого, кстати, к которому по материнской линии принадлежал сам Перикл. Без преувеличения можно с полной уверенностью утверждать: если мы встречаем в классических Афинах носителя этого имени (или производных от него, например Мегаклид), то, даже в тех случаях, когда о данном лице ничего больше не известно, всё равно его принадлежность к Алкмеонидам либо, по крайней мере, родственная связь с ними – вне сомнения.

В Северном Причерноморье Мегаклы зафиксированы также в двух центрах¹⁶. Один из них – боспорский Нимфей (1 пример, IV в. до н. э.); особые отношения этого города с Афинами прекрасно известны (в последней трети V в. до н. э. он был главным форпостом афинян на Боспоре, и там, возможно, присутствовали афинские поселенцы), так что вряд ли обязательно об этих отношениях здесь специально распространяться. Второй – тот же Херсонес (2 примера, III в. до н. э.). Укажем тут же, что оба херсонесских Мегакла принадлежали к одной и той же семье, были дедом и внуком, что лишний раз иллюстрирует подмечавшиеся нами выше общие закономерности древнегреческой антропонимии.

Есть их тезки и в Западном Причерноморье¹⁷, а именно в Аполлонии Понтийской (3 примера) и Месембрии (1 пример). Время жизни этих лиц, как и Мегаклов с северных берегов Понта, – тоже достаточно раннее, IV–III вв. до н. э., причем из трех аполлонийских Мегаклов два – члены одной семьи, отец и сын. Аполлония, напомним, входила в состав Афинской архэ (IG. I³. 71. Col. 4. 128)¹⁸, причем ее включение в симмахию имело место с почти безусловной степенью вероятности именно как результат понтийской экспедиции¹⁹.

Вся эта «цепочка» – Аполлония, Месембрия, Херсонес, Нимфей – в высшей степени удачно коррелирует с реконструкцией маршрута плавания Перикла, предложенной нами – по совершенно другим основаниям – более десяти лет назад (см. прим. 4), еще до выхода LGPN IV. Столь оптимального соответствия трудно было бы даже и ожидать. Напомним, одна из главных целей настоящей работы – продемонстрировать, насколько плодотворных результатов

¹⁶ LGPN IV. P. 225, s.v. Μεγακλής, № 1, 5–6.

¹⁷ Ibid. P. 225, s.v. Μεγακλής, № 7–9, 11.

¹⁸ Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxf., 2004. P. 931.

¹⁹ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII–I веках до н. э. М., 1952. С. 67 сл.

можно достигнуть путем комбинированного использования данных, полученных с помощью методов различных специальных исторических дисциплин.

В Афинах носителем рассматриваемого сейчас имени в интересующую нас эпоху был современник и родственник (двоюродный брат) Перикла, представитель основной ветви рода Алкмеонидов – Мегакл, сын Мегакла²⁰. Этот аристократ был лицом известным в полисе: в 436 г. до н. э. он прославился, одержав олимпийскую победу в состязании колесниц (Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth.)²¹. Кроме того, Мегакл занимал и достаточно высокие государственные должности. Так, в 428/427 г. до н. э. мы застаем его на ответственном финансовом посту секретаря казначеев Афины (ὑραγματεὺς ταμῶν τῆς θεοῦ); в этом качестве он фигурирует в нескольких аттических надписях. Наконец, в первые годы Пелопоннесской войны (ранее 425 г. до н. э.) он был послом в Персию (Aristoph. Ach. 614 sq. cum schol.). А послами в афинском полисе становились, как правило, видные политики²².

Похоже, что именно этот Мегакл принял участие в понтийской экспедиции афинского флота. В каком качестве – неизвестно, но надо полагать, представитель блестящей знати и богач не был простым моряком, а, очевидно, входил в число высших офицеров (скорее всего, являлся триерархом – капитаном одного из кораблей²³). И в ходе плавания он, подобно Ламаху, приобрел себе ксенов в ряде городов. Наверняка многие представители элиты полисов Северного Причерноморья желали вступить в отношения дружбы-гостеприимства со столь известной личностью (особенно если на тот момент Мегакл был уже олимпийским победителем, хотя точно знать этого мы не можем, поскольку, как отмечалось выше, датировка понтийской экспедиции несколько колеблется).

Из понтийских же Мегаклов наиболее интересен нимфейский²⁴. О его существовании стало известно относительно недавно, в результате находки надписи, которая была сразу же признана исключительно важным документом

²⁰ Мегакл (V) по генеалогической классификации. О нем см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 210.

²¹ Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. P. 105; Surikov I. E. Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. 2004. Vol. 24. P. 201.

²² Ср.: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 25 ff.; Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 101.

²³ О триерархах и триерархии см. в недавно вышедшем первом отечественном исследовании, специально посвященном афинским литургиям: Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 118–163.

²⁴ LGPN IV. P. 225, s.v. Μεγακλῆς, № 1.

по ранней истории Боспорского государства (в основном в связи с необычной, даже уникальной формулой титулатуры его правителя, фигурирующей в памятнике) и породила обширную литературу²⁵. Но нас здесь этот круг вопросов занимает только с ономастико-просопографической точки зрения, и уже тут выявляется весьма примечательный нюанс.

Сын нимфейского Мегакла, живший в годы правления Левкона I, носил имя Теопротид²⁶. Это последнее имя на Боспоре и в Северном Причерноморье в целом пока больше не зафиксировано на протяжении всей античной эпохи. Однако значимо то, что имя Теопротид производно от имени Теопрот, которое принадлежало брату синопского тирана Тимесилея, свергнутого уже известным нам Ламахом по поручению Перикла. Указанный ономастический факт вносит чрезвычайно пикантные, парадоксальные обертоны, но в рамках настоящей работы они могут быть скорее лишь кратко затронуты, чем трактованы с исчерпывающей полнотой.

Остановимся всё же на вопросе чуть подробнее. Если делать надлежащие выводы из ономастических данных и не считать, что перед нами случайное совпадение (такая возможность реально мала), оказывается, что некая знатная семья из Нимфея поддерживала ксенические отношения как с афинским родом Алкмеонидов²⁷, так и с домом тирана Синопс, изгнанного афинянами. Как это могло получиться? Разумеется, здесь возможны только более или менее вероятные предположения.

²⁵ Вот лишь несколько примеров: *Соколова О. Ю.* Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // *Древности Боспора*. 2001. Т. 4. С. 368–376; *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121 (editio princeps); *Завойкин А. А.* «Две Синдики» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // *Древности Боспора*. 2004. Т. 7. С. 150–162; *Завойкин А. А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 218–243. Должна быть отмечена и блестящая докторская диссертация А. А. Завойкина (см.: *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М., 2007), в которой этот вопрос также поднимается.

²⁶ LGPN IV. P. 166, s.v. Θεοπρωτίδης, № 1.

²⁷ Левкон I правил в 389–349 гг. до н. э., но внутри этого хронологического отрезка датировку надписи Теопротида, кажется, можно далее конкретизировать. По авторитетному мнению А. А. Завойкина, специально занимавшегося вопросом, памятник относится к 360-м гг. до н. э. Стало быть, Теопротид мог родиться на рубеже V–IV вв. до н. э., а его отец Мегакл, соответственно, в 330-х гг. до н. э.; опять возникает оптимальная корреляция с понтийской экспедицией Перикла. Очевидно, данного Мегакла нарекли непосредственно в честь одноименного афинянина.

В свое время Ю. Г. Виноградов в своей этапной (но при этом, конечно, не лишенной целого ряда более или менее спорных положений) статье²⁸ использовал открытый незадолго до того проксенический декрет ольвиополитов в честь Тимесилея и Теопрота (Тимесилей, как мы знаем, был известен уже и ранее, из Плутарха, а вот о наличии у него брата Теопрота ученым впервые поведала именно эта надпись) для обоснования следующей гипотезы: синопский тиран с братом после того, как афиняне изгнали их с родины, перебрались в Ольвию и поселились там. На базе подобного построения ученый делал принципиальный вывод, что и в самой Ольвии на тот момент политическим строем была тирания. Тезис этот зиждется, на наш взгляд, на слишком шаткой опоре, но разбор его здесь никаким образом не входит в наши задачи.

Отметим только, что и сам факт переселения Тимесилея и Теопрота в Ольвию никоим образом нельзя считать доказанным. Хотя ранее мы и сами солидаризировались с Ю. Г. Виноградовым в том мнении, что ольвийский декрет был издан после изгнания Тимесилея (соответственно, после экспедиции Перикла)²⁹, но по здравом размышлении выясняется: абсолютно ничто не говорит в пользу того, что последовательность событий обязательно была именно такова. И эпиграфический памятник не может быть датирован с точностью до года-двух, да и сведения о самой экспедиции, как неоднократно отмечалось выше, тоже не позволяют дать ее предельно точную датировку.

Как минимум не менее вероятно, что дело обстояло противоположным образом: почести были декретированы ольвиополитами Тимесилею тогда, когда он еще правил Синопой (так полагает, в частности, Д. Браунд³⁰). А в таком случае гипотетическое построение, согласно которому он с братом впоследствии оказался в Ольвии, оказывается вообще ничем не подкрепленным и теряет право на существование. Иными словами, мы не знаем, куда отправился низложенный тиран, и возможны самые различные варианты. В том числе и такой: а почему бы ему было не поискать убежища на Боспоре? Причем если наличие тирании в Ольвии, строго говоря, не доказано, то в главном боспорском центре – Пантикапее – как раз в то время утверждается у власти династия тиранов

²⁸ Виноградов Ю. Г. Синоп и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90. Впоследствии исследователь вновь обратился к этому сюжету в своей монографии об Ольвии (Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 109 сл.), причем продолжал отстаивать всё те же, ранее высказанные им положения.

²⁹ Суриков И. Е. Историко-географические проблемы... С. 111–112.

³⁰ Braund D. Pericles, Cleon... P. 83–84; Braund D. Greater Olbia: Ethnic, Religious, Economic, and Political Interactions in the Region of Olbia, c. 600–100 BC // Classical Olbia and the Scythian World: From the Sixth Century BC to the Second Century AD. L., 2007. P. 59. Д. Браунд датирует ольвийский декрет временем около 440 г. до н. э.

Спартокидов³¹. А тираны греческих полисов, как известно, проявляли своего рода «корпоративную солидарность» по отношению друг к другу³². Почему бы было Спартоку I не принять синопского «коллегу»?

Возможен, впрочем, и несколько иной ход размышлений. Почему мы обязательно должны рассматривать судьбы Тимесилея и Теопропа неотрывно друг от друга? Да, они были братьями, но в истории греческого полисного мира есть сколько угодно примеров, когда в тиранических семьях близкие родственники не были близки друг другу и даже враждовали³³. По большому счету, из того факта, что Тимесилей был изгнан афинянами из Синопы, еще нельзя без дополнительной аргументации делать вывод, что с ним был выдворен и Теопроп. А может быть, последний перешел на сторону Перикла и Ламаха и ему позволили остаться в полисе? Если это так, то дружественные отношения нимфейской семьи Мегакла – Теопропида как с афинянином Мегаклом, так и с синопцем Теопропом могут получить объяснение. Разумеется, вопрос в конечном счете приходится оставить пока открытым; цель вышеприведенного экскурса заключалась скорее в том, чтобы продемонстрировать, на какие сложные, трудноуловимые ныне коллизии может порой намекать источниковый материал при комплексном использовании.

* * *

Подведем некоторые итоги. Привлечение ономастических данных для решения историко-географических проблем в нашем случае дает следующие результаты (какие-то из них, несомненно, следует признать достаточно весомыми).

Во-первых, появляется возможность твердо и уверенно (а не предположительно и гадательно, как раньше) утверждать, что флот Перикла посетил Северное Причерноморье.

Во-вторых, в нашем распоряжении оказывается новый материал, свидетельствующий об афинском присутствии в Нимфее и дополнительно подтверждающий оное. Также можно удостовериться в том, что Перикл имел стоянку и в Пантикапее (о чем ранее известно не было).

³¹ В связи с характером их тирании см.: Суриков И. Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Вып. 9–10: К 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.

³² См. хотя бы: Суриков И. Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 51.

³³ Буквально несколько примеров, взятых почти наугад: братья Поликрат и Силосонт на Самосе в VI в. до н. э., братья Тимофан и Тимолеонт в Коринфе в IV в. до н. э. Перечень аналогичных случаев можно было бы множить и множить.

Наконец, третье (но тут как раз тот случай, когда воистину *last not least*; более того, этот вывод мы, пожалуй, обозначили бы как важнейший в данном исследовании): после многолетней дискуссии появляется возможность сказать что-то определенное о времени основания Херсонеса Таврического.

Как известно, долгое время в историографии безраздельно господствовала датировка, впервые предложенная Г. Шнайдервиртом, а наиболее детально разработанная А. И. Тюменевым³⁴; согласно ей, вышеуказанная гераклейская колония появилась на свет в 422–421 гг. до н. э. Есть исследователи, которые и поныне придерживаются того же мнения. Однако некоторое время назад начала складываться (претерпевая по ходу дела некоторые изменения, что вполне естественно в связи с общим развитием науки) альтернативная точка зрения, которая теперь иногда обозначается в историографии³⁵ как «концепция Ю. Г. Виноградова, М. И. Золотарева и И. Е. Сурикова». Суть последней – в том, что Херсонес в действительности был основан много раньше, во второй половине VI в. до н. э.³⁶

С другой стороны, наблюдались и тенденции противоположного характера. Так, в фундаментальной монографии А. В. Буйских высказано предположение, что херсонесский полис вообще возник в IV в. до н. э. и не ранее³⁷. Как и в случае с маршрутом понтийской экспедиции Перикла, до сих пор многое в этом вопросе приходилось обсуждать на слишком гипотетичном уровне.

Теперь же, повторим и подчеркнем, из вышеизложенного прямо следует, что афиняне Ламах и Мегакл были в Херсонесе и вступили в ксенические связи с какими-то из его граждан. Из этого, соответственно, вытекает, что на момент понтийской экспедиции Перикла Херсонес уже существовал. Экспедиция,

³⁴ *Schneiderwirth H.* Das pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1882. S. 16; *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–275.

³⁵ См., например: *Зубарь В. М.* Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. 23. С. 68 и др.

³⁶ Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев развивали данную концепцию в целом ряде работ, из которых назовем итоговые, в которых их построения приобрели наиболее законченную форму: *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. P. 111–131; *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 91–129. Наш вклад в формирование представления о раннем основании Херсонеса см.: *Суриков И. Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12. С. 72–82; *Суриков И. Е.* Черноморское эхо...; *Суриков И. Е.* «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 2009. Т. 9. С. 185–201.

³⁷ *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. К критике ключевых тезисов А. В. Буйских см.: *Зубарь В. М.* Еще раз о времени основания...; *Суриков И. Е.* «Херсонес изначальный»...

напомним, имела место около 437–436 гг. до н. э. Таким образом, применительно к основанию данного полиса как старую датировку Шнайдервирта – Тюменева, так и новейшую датировку А. В. Буйских следует отклонить. В силе могут оставаться только датировки более ранним временем.

И еще одно заключительное замечание. В высшей степени интересно, что в Северном Причерноморье вообще не встречается имя Перикл. И это тоже, думается, отнюдь не случайно. Судя по всему, лидер Афин и командующий плаванием в Понт на протяжении похода воздерживался (в отличие от своих подчиненных) от установления ксенических контактов. Это в полной мере согласуется с известием, согласно которому Перикл, достигнув власти в государстве, сознательно избрал строгий, замкнутый образ жизни, чуждался друзей:

...Перикл переменил и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге – на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только, когда женился его родственник³⁸ Евриптолем, он пробыл на пире до возлияния и тотчас потом встал из-за стола. И действительно, панибратство обладает такой силой, что перед ним не может устоять никакая напускная величавость, и при коротких отношениях трудно было сохранить важность, которая рассчитана на приобретение славы (Plut. Pericl. 7).

Если не обращать внимания на некоторую (вполне естественную) риторическую витиеватость Плутарха, которая отнюдь не мешает ему быть одним из самых ответственных и скрупулезных античных авторов³⁹, то в целом приходится отметить, что всё сказано совершенно верно⁴⁰, а соотнесенность данных реалий именно со второй половиной политической биографии Перикла (с середины 440-х гг. до н. э.) мы показали в другом месте⁴¹.

³⁸ Судя по всему, двоюродный брат – по генеалогической классификации Евриптолем (Π), кстати, родной брат упоминавшегося выше Мегакла (V). В любом случае речь идет о представителе рода Алкмеонидов. См.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 199, 250 (генеалогическая таблица).

³⁹ Blois L. de. Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006 P. 429–440.

⁴⁰ Ср.: Humphreys S. C. The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 24.

⁴¹ Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.

ОНОМАСТИКА И ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ МОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)*

Аркадий Анатольевич Молчанов, памяти которого посвящен данный сборник, был поразительно разносторонним специалистом. В частности, весьма значительное место в сфере его научных интересов занимала проблематика специальных исторических дисциплин¹, среди которых – и ономастика. Между прочим, во многом именно на ономастических данных была написана одна из статей, в свое время подготовленных в соавторстве А. А. Молчановым и автором этих строк². Поэтому нам представляется вполне оправданным в работе, представляемой в мемориальный сборник, сосредоточиться на некоторых сюжетах, связанных с ономастикой.

Настоящая работа является, по сути, прямым продолжением статьи, опубликованной совсем недавно³, в которой на конкретных примерах демонстрировалось, как пристальный анализ ономастического материала оказывает ощутимую помощь при решении ряда дискуссионных проблем политической истории античной Греции. В полной мере это становится ясным именно теперь, когда начал выпускаться (и уже в значительной мере издан) наиболее фундаментальный ономастико-просопографический компендиум по интересующей нас эпохе – «Лексикон греческих личных имен» («A Lexicon of Greek Personal Names»), далее – LGPN⁴.

* Впервые опубликовано в: ПОЛУТРОПОΣ. Сб. науч. статей памяти А.А. Молчанова. М., 2014. С. 105–116.

¹ См. в связи с этим: Суриков И. Е. Слово о коллеге и друге: Аркадий Анатольевич Молчанов // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5. С. 453.

² Молчанов А. А., Суриков И. Е. Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122–130.

³ Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 51–67.

⁴ К моменту написания этих строк вышли тома с 1 по 5А (A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 1: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987; A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 2: Attica / Ed. by M. J. Osborne, S. G. Byrne. Oxf., 1994; A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 3A: The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia.

Собранное в этом эпохальном издании⁵ колоссальное количество данных о древнегреческих именах и их носителях из самых разных регионов эллинского мира (свод и строится по региональному принципу) вывел ситуацию на уровень, когда уже, как говорится, количество переходит в качество. Появляется возможность, с одной стороны, производить статистические подсчеты по отдельным областям, полисам и хронологическим отрезкам, а с другой (что, на наш взгляд, еще более важно) – сопоставлять ономастическую информацию из различных областей, полисов и хронологических отрезков, что позволяет делать достаточно ответственные выводы при поиске закономерностей, параллелей, связей и т. д.

Впрочем, необходимо оговорить (надеемся, это не прозвучит банальностью): следует четко отделять друг от друга сбор материала и его интерпретацию. Для последней LGPN вряд ли чем может быть полезен. Тут каждый ученый руководствуется собственными интерпретативными стратегиями, из которых, кстати, не все могут быть признаны оптимальными. Так, на нас произвело негативное впечатление то, как пользуется данными LGPN греческая исследовательница А. Татаки⁶. Похоже, что она просто не чувствует базовых принципов имянаречения у античных эллинов и подменяет их некими своими, порой довольно сомнительными рассуждениями.

Также вызывают у нас некоторые возражения ономастические работы С. Г. Карпюка⁷. Он, насколько нам представляется, несколько абсолютизирует роль идеологических мотиваций при имянаречении в Древней Греции и в результате приходит к определенной схематизации. Для него, например, имена с корнем $\delta\eta\mu$ - – «демократические», а имена с корнем $\alpha\rho\iota\sigma\tau$ - – «аристократические». Конструкция выглядит простой и ясной, но в действительности всё

Oxf., 2001; A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 3B: Central Greece from the Megarid to Thessaly. Oxf., 2000; A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. P. Fraser, E. Matthews. Assistant Editor R. W. V. Catling. Oxf., 2005; A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. 5A: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia / Ed. T. Corsten. Assistant Editor R. W. V. Catling. Associate Editor M. Riel. Oxf., 2010). В дальнейшем для удобства читателей они будут обозначаться соответственно как LGPN I, LGPN II, LGPN IIIA, LGPN IIIB, LGPN IV, LGPN VA. И прибегать к этим аббревиатурам нам придется довольно часто, поскольку указанное издание сразу стало классическим, таким, без постоянной апелляции к которому уже не обойтись ни в одной работе по вопросам древнегреческой ономастики и просопографии. Конечно, «классическое» – не значит «безупречное», и издание обладает определенными недостатками, но здесь совсем не место их обсуждать.

⁵ О значении этого проекта см., в частности: *Matthews E., Hornblower S.* Introduction // *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxf., 2000. P. 1–14.

⁶ *Tataki A. B.* Frequent Names and Local History // *Tekmeria*. 2011. Vol. 10. P. 233–247.

⁷ См. обобщающую из них: *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 198–253.

было гораздо сложнее. Сделаем хотя бы такое элементарное замечание: куда в рамках подобной дихотомии следует отнести имя Аристодем? В нем присутствуют оба вышеназванных корня. Далее, как объяснить тот факт, что в ономастике спартанских царских династий, гордившихся своим аристократичнейшим происхождением, регулярно встречаются имена с корнем δημ- (точнее, δαμ-, в дорийской огласовке)? Перечень аналогичных замечаний можно было бы множить и множить, но мы не будем здесь это делать.

Правильнее смотрел на вещи А. А. Молчанов⁸, тесно увязывавший ономастику (или антропонимию, как он предпочитал выражаться) с генеалогией, говоривший об именниках родов и семей. В этом мы с ним полностью солидарны. Вообще говоря, наверное, имеет смысл вкратце обозначить те принципиальные тезисы, на которых мы основываем свои концептуальные построения в интересующей нас здесь сфере (причем придется отчасти повторить то, что уже писалось нами в более ранних работах⁹).

Во-первых, древнегреческая ономастика тесно связана с древнегреческой просопографией (это, вероятно, звучит как банальность и, полагаям, относится вообще к любому социуму, но все-таки должно быть оговорено). Во-вторых (а вот это уже специфическая древнегреческая черта, связанная с наличием у эллинов института ксении – ритуального гостеприимства¹⁰), если диффузия имен в рамках одного, отдельно взятого полиса обуславливалась родственными и матримониальными связями¹¹, то в «обмене» ономастическим фондом между полисами ведущую роль играли связи именно ксенические¹². Тесно связан

⁸ См. хотя бы: *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150; *Молчанов А. А.* Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // *Ономастика в кругу гуманитарных наук*. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.

⁹ См. прежде всего: *Суриков И. Е.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // *Antiquitas aeterna*. М., 2005. Вып. 1. С. 122–130; *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // *ВДИ*. 2005. № 1. С. 15–33; *Суриков И. Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // *Древности Боспора*. 2007. Вып. 11. С. 380–393; *Суриков И. Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // *Вопросы эпиграфики*. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127; *Суриков И. Е.* Перикл, Ламах...

¹⁰ Об институте в целом см.: *Herman G.* Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987; *Konstan D.* Friendship in the Classical World. Cambridge, 1997.

¹¹ *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 49–86.

¹² С наибольшей ясностью на это указано в важной статье: *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *Classical Quarterly*. 1990. Vol. 40. No. 2.

со вторым (и отчасти вытекает из него) третий тезис: имяназачение в греческом мире (как, кстати, и в римском¹³), как правило, *не было произвольным*, что резко контрастирует с привычными нам реалиями.

С последним не все соглашаются, но мы уже давно, из работы в работу, отстаиваем это важное положение, будучи глубоко убеждены, что его отрицание происходит из (чаще всего нерефлектированной) модернизации исследователями древних обществ. Ясно, что ныне каждый сам решает, как назвать ребенка, исходя исключительно из каких-то личных соображений; в античности же такое практиковалось только в весьма редких случаях; почти всегда соответствующие нормы диктовались традицией.

* * *

После высказанных выше общих соображений попытаемся применить их к некоторым конкретным проблемам истории Афинской морской державы (архэ) V в. до н. э.¹⁴ Чем при их решении способны помочь ономастические данные, – в частности, те которые собраны в LGPN?

В вышеупомянутой статье¹⁵, которую мы здесь фактически продолжаем, показано, как можно с помощью материала ономастики из Северного и Западного Причерноморья внести ясность в вопрос, казалось бы, крайне далеко отстоящий от этой специальной исторической дисциплины, а именно – уточнить маршрут экспедиции Перикла в Понт Евксинский, а также дату основания Херсонеса Таврического. В качестве «лакмусовой бумажки» мы использовали несколько характерных афинских имен, и в первую очередь – имя видного полководца Ламаха. В этом же направлении нам теперь и хотелось бы продолжить поиск по другим регионам, несколько расширив условия этого поиска.

Р. 349–363. См. также: *Habicht Chr.* Foreign Names in Athenian Nomenclature // *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxf., 2000. Р. 119–127.

¹³ Для римской ономастики (во всяком случае, республиканского времени) этот тезис принимается всеми, поскольку в Риме данный принцип выступает с полной ясностью: хорошо известна четкая система римской номенклатуры (по полным именам граждан, таким как «Гай Юлий Цезарь», «Луций Корнелий Сулла» и т. п., буквально прочитывалась вся «подноготная» их носителей). В греческих полисах ситуация несколько «затуманена» меньшей разработанностью и систематизированностью этой номенклатурной системы, в результате чего нередко подвергается сомнению и сам принцип, а напрасно.

¹⁴ Естественно, литература об Афинской морской державе необъятна. Из исследований, написанных о ней в традиционном ключе, до сих пор остается образцовой книга: *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf., 1972. Из работ же ревизионистского направления прежде всего следует указать на сборник статей Г. Маттингли – главного «еретика» в этой области антиковедения (*Mattingly H. B.* The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996).

¹⁵ Суриков И. Е. Перикл, Ламах...

Ламах¹⁶ (выходец из аттического дема Ои) родился около 470 г. до н. э. (или, возможно, несколько раньше, не исключена даже и дата около 480 г. до н. э.), а погиб в 414 г. до н. э. в ходе злосчастной экспедиции афинского флота на Сицилию. Его отец носил имя Ксенофан¹⁷ – в Греции в целом достаточно распространенное, но конкретно в Афинах почти не зафиксированное. За всю историю Афин, кроме отца Ламаха, известен только еще один Ксенофан, живший много позже, в конце III в. до н. э.¹⁸, и, кстати, возможно, принадлежавший к той же семье: отец этого второго Ксенофана звался Клеомахом, т. е. в его имени наличествовала корневая морфема $\mu\alpha\chi$ -, как и у Ламаха, а ономастические фонды греческих семей характеризовались устойчивым континуитетом не столько набора имен как таковых, сколько именно набора корневых морфем, входящих в состав имен¹⁹.

Имя самого Ламаха можно было бы, пожалуй, перевести как «забияка, задиристый воин»²⁰, и это как раз тот случай, когда имя идеально «подошло» его носителю. Ламах, согласно всем источниковым данным, которые о нем имеются, отличался решительностью, взрывным характером. Характерно, что он и сыну своему дал (презрев на сей раз обычай наречения ребенка в честь деда с отцовской линии) имя Тидей²¹.

Это, напомним, мифологическое имя (а у греков вообще-то было не очень принято называть детей именами героев мифов). Притом знаменитый Тидей, участник похода «Семерых против Фив», слыл едва ли не самым «бесшабашным» героем греческой мифологии. Не случайно в мифологической семантике он устойчиво ассоциировался с вепрем, изображался то в накинутой на плечи шкуре этого животного, то с кабаньей головой на щите. Основные характеристики образа вепря в древнегреческом мифологическом мышлении удачно дал Х. Туманс: «он представляет... могучую и неукротимую силу... Вепри в эпической иерархии – самые сильные бойцы после львов, а также и их достойнейшие противники»²².

¹⁶ LGPN II. P. 278 (s.v. $\Lambda\acute{\alpha}\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$, № 7).

¹⁷ LGPN II. P. 346 (s.v. $\Xi\epsilon\nu\omicron\phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$, № 2).

¹⁸ LGPN II. P. 346 (s.v. $\Xi\epsilon\nu\omicron\phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$, № 1).

¹⁹ См. к этому: *Суриков И. Е.* Новые наблюдения... С. 102 слл.

²⁰ Ср.: *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen (Handwörterbuch der griechischen Sprache in vier Bänden, Bd. 3). 3 Aufl., neu bearbeitet von G. E. Benseler. 4 Abdruck. Ht. 2: Λ – Ω . Braunschweig, 1911. S. 767 (s.v. $\Lambda\acute{\alpha}\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$).

²¹ LGPN II. P. 436 (s.v. $\tau\upsilon\delta\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, № 1).

²² *Туманс Х.* «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах» // Аристей. 2011. Т. 4. С. 30–31. Заметим здесь: мы согласны далеко не со всем, что сказано в этой интереснейшей статье Х. Туманса. Но с тем, что ученый пишет об образе кабана, мы вполне солидаризируемся.

«Могучая и неукротимая сила» – это сказано как будто прямо о Тидее. «Древняя традиция изображает Тидея человеком невысокого роста, подчеркивает его воинственный пыл и дикую свирепость»²³. Он всегда готов броситься в бой или даже просто в драку, не желая слушать никаких уговоров. В любой ситуации его первая естественная реакция – немедленная атака. Мощь его колоссальна: подвергшись нападению пятидесяти врагов из засады, он перебил всех, кроме одного, да и того отпустил просто из жалости (Ном. II. IV. 382–399; V. 801–807). Особенно запоминается последний эпизод из жизни Тидея. При штурме Фив Тидея смертельно ранит тамошний герой Меланипп, но Тидей еще успевает убить противника, а затем, уже умирающий, в ярости раскалывает Меланиппу череп и... выпивает мозги!

Видно, Ламаху был симпатичен подобный поступок (вызвавший отвращение даже у олимпийских богов, которые вообще-то не страдали особой щепетильностью), коль скоро он назвал в честь Тидея своего сына. Заметим, что последний, со своей стороны, оказался бóльшим «традиционалистом», чем его отец, и собственному отпрыску дал вполне ожидаемое имя Ламах²⁴ (тот родившегося у него сына, в свою очередь, назвал Тидеем²⁵, но тут уж он следовал традиции).

Итак, перед нами три имени – Ламах, Ксенофан, Тидей, – составляющие известную нам часть ономастического фонда одной афинской семьи, занимавшей достаточно видное место в политической жизни классической эпохи. Как и в силу каких причин эти имена «кочевали» из Афин в другие регионы? Об этом далее и предстоит поговорить, развивая и дополняя наблюдения, сделанные в статье «Перикл, Ламах и Понт Евксинский». В ней мы, в частности, продемонстрировали появление имени Ламах в Северном Причерноморье²⁶ (имена Ксенофан и Тидей там не зафиксированы) и однозначно объяснили этот факт тем, что афинский полководец, принявший участие в понтийской экспедиции Перикла (об этом известно из независимых данных, см.: Plut. Pericl. 20), в ее ходе побывал в Херсонесе Таврическом и Пантикапее и там обзавелся ксеническими связями. Больше к этому вопросу возвращаться не будем.

Были ли у Ламаха ксены еще где-либо в Элладе? Уже а priori представляется, что ответ на этот вопрос с весьма большой степенью вероятности должен быть положительным. Ксенические контакты, в принципе, не подлежали какому-либо количественному ограничению²⁷. Иными словами, каждый эллин

²³ Ярхо В. Н. Тидей // Мифологический словарь. М., 1990. С. 527.

²⁴ LGPN II. P. 278 (s.v. Λάμαχος, № 9).

²⁵ LGPN II. P. 436 (s.v. Τιδεύς, № 2).

²⁶ Суриков И. Е. Перикл, Ламах... С. 55 сл., с соответствующими ссылками на LGPN IV.

²⁷ В отличие, скажем, от матримониальных. Греки практиковали моногамные браки; правда, ввиду того, что были разрешены разводы, мужчина мог в течение жизни иметь

мог иметь сколько угодно ксенов в разных полисах. И, естественно, у него их было тем больше, чем более мобильным был образ его жизни, чем больше он передвигался, посещал различные регионы. Ламах являлся не купцом, не путешественником, а полководцем. Соответственно, если он появлялся в той или иной части Греции, это происходило, скорее всего, в ходе той или иной афинской военной акции (возможны, впрочем, также дипломатические миссии). Ну, а после установления ксении вступали в действие определенные механизмы имянаречения: один ксен называл своего сына в честь другого (или в честь кого-либо из членов семьи последнего) и *vice versa*.

* * *

Весьма показателен релевантный материал из Южного Причерноморья. Здесь мы встречаем ЛИ Ламах в двух крупнейших центрах региона – Синопе и Гераклее Понтийской, причем в обоих его носители наличествуют в сравнительно немалых количествах: зафиксировано три Ламаха в Синопе²⁸, а в Гераклее – два носителя этого имени²⁹, а также один Тидей³⁰. Представляется совершенно закономерным, что именно в этих полисах Ламах оставил свой «ономастический след». В синопских событиях он сыграл значительную роль: в ходе понтийской экспедиции по поручению Перикла осуществил в городе государственный переворот, сверг тиранию (Plut. Pericl. 20). В Гераклее Ламах тоже бывал (Diod. XII. 72. 44; Iustin. XVI. 3. 10 sqq.; cf. Thuc. IV. 75)³¹, причем, вероятнее всего, не единожды.

несколько жен, но их число в любом случае должно было быть небольшим. Применительно же конкретно к Афинам ситуация осложнялась еще и тем, что с 451/450 г. до н. э. (закон Перикла о гражданстве, о котором см.: *Blok J. H. Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170*) афинским гражданам фактически запрещалось жениться на уроженках других полисов.

²⁸ LGPN VA. P. 263 (s.v. Λάμαχος, № 4–6). На это обстоятельство уже достаточно давно было обращено внимание Н. Ф. Федосеевым (*Федосеев Н. Ф. Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132–140*); собственно, данное его наблюдение в свое время и стало для нас «отправной точкой» для размышлений по соответствующей проблематике. Время жизни синопских Ламахов – IV–III вв. до н.э.

²⁹ LGPN VA. P. 263 (s.v. Λάμαχος, № 2–3). Эти носители имени Ламах датируются эллинистическим временем, но поздние датировки не должны нас смущать (см. соображения, высказанные в: *Суриков И.Е. Перикл, Ламах... С. 55*).

³⁰ LGPN VA. P. 438 (s.v. Τυδεύς, № 3). Время жизни этого Тидея – достаточно раннее (ок. 370–350 гг. до н. э.). Теоретически он даже мог быть непосредственно сыном гераклеяского ксена Ламаха.

³¹ Фукидид говорит об эпизоде мимоходом, а вот свидетельство Юстина весьма информативно: Ламах, собственно говоря, возглавил афинскую карательную экспедицию против Гераклеи и приступил уже к опустошению ее территории, но внезапно потерял флот

В Черное море из Афин (и Эгеиды в целом) всегда направлялись через зону проливов (Геллеспонт, Пропонтида, Боспор), имевшую огромное стратегическое значение³². Афиняне интересовались этим регионом еще с конца VII в. до н. э.³³, позже в ходе Греко-персидских войн включили его в свою морскую державу и старались его надежно контролировать с помощью своих флотов и флотоводцев, одним из которых был Ламах. Возможно, в связи с этим не случайно появление имени Тидей в местечке Бриллий на Пропонтиде³⁴ и имени Ксенофана в Лампсакe близ Геллеспонта³⁵.

Имена Ламах, Тидей встречаются и южнее, в Ионии (Ламах – в Смирне³⁶, Тидей – в Приене³⁷), а также на прилегающих к малоазийскому побережью островах (два Тидея на Хиосе³⁸, один – на Лесбосе, в Эресе³⁹). И это, полагаем,

в результате бури. Полководец оказался в весьма затруднительном положении – во вражеской земле, без кораблей, без шансов безопасно ретироваться. Однако «гераклеоты решили, что будет более благородным поступком с их стороны использовать этот случай для благодеяния, а не для мести. Они отпустили афинян и снабдили их продовольствием и охраной, рассчитав, что опустошение их земель вполне окупится, если они тех, кто был им врагами, превратят в друзей». Необычный «гуманизм» гераклеотов (а ведь это было время Пелопоннесской войны, когда по отношению к врагам господствовала полная жестокость) может быть легче объяснен, если допустить, что у Ламаха в Гераклее имелись ксены (причем это были, естественно, влиятельные граждане, представители элиты полиса), которые и выступили заступниками за него. А приобрел этих ксенов Ламах, скорее всего, еще в ходе понтийской экспедиции Перикла.

³² О значении зоны Черноморских проливов в античности написано очень немало. См. хотя бы: *Данов Х. М.* Борбите на старите гърци за Черно море и протоците // *Годишник на университета Св. Климент Охридски (София)*. 1942/1943. Т. 39. С. 3–17; *Miltner F.* Die Meerengefrage in der griechischen Geschichte // *Klio*. 1935. Bd. 28. Ht. 1/2. S. 1–15; *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986; *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997.

³³ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология*. 2010. Вып. 14. С. 20–48.

³⁴ LGPN VA. P. 438 (s.v. Τυδεύς, № 1). Время жизни этого Тидея – вторая половина IV в. до н. э.

³⁵ LGPN VA. P. 342 (s.v. Ξενοφάνης, № 2). Время жизни этого Ксенофана – начало II в. до н. э. Возможно, безынтересен тот факт, что сыну своему он дал имя Сократ. Намек на афинские связи? Ко II в. до н. э. имя Сократ, безусловно, уже четко ассоциировалось с прославленным философом из Афин.

³⁶ LGPN VA. P. 263 (s.v. Λάμαχος, № 1). Время жизни – вторая половина IV в. до н. э.

³⁷ LGPN VA. P. 438 (s.v. Τυδεύς, № 2). Время жизни – II в. до н. э.

³⁸ LGPN I. P. 448 (s.v. Τυδεύς, № 1–2). Второй из этих Тидеев поздний (датируется рубежом нашей эры), а вот первый – весьма ранний, и о нем будет сказано подробнее чуть ниже.

³⁹ LGPN I. P. 448 (s.v. Τυδεύς, № 3). Время жизни – рубеж II–I вв. до н. э.

тоже не случайно: Иония (включая мыслившуюся в тесной связи с ней Эолиду) являлась важной частью владений Афин. И частью, заметим, весьма беспокойной. Входившие в Афинскую архэ ионийские и эолийские города (особенно островные) нередко поднимали восстания против власти полиса-гегемона. И такие восстания нередко оказывались весьма опасными для афинского владычества (вспомним хотя бы восстания Самоса в 439 г. до н. э. и Лесбоса в 427 г. до н. э.). Эта зона нуждалась в повышенном внимании, войсковое и флотское присутствие Афин в ней было значительным. Вполне естественно, что там доводилось действовать и Ламаху – одному из наиболее опытных и ценных в «городе Паллады» военачальников⁴⁰.

Чрезвычайно интересен один из хиосских Тидеев. Он жил в эпоху Пелопоннесской войны. Фукидид (VIII. 38. 3) упоминает его как лидера проафинской группировки на острове (факт, сам по себе уже показательный), и в 411 г. до н. э. этот Тидей со своими сторонниками был убит теми политиками, которые являлись противниками ориентации Хиоса на Афины. Особенно же важно вот что: Фукидид называет имя отца Хиоса – Ион. И практически нет сомнений в том, что данный Ион тождествен знаменитому Иону Хиосскому, видному деятелю греческой культуры V в. до н. э., писателю-«многостаночнику», как мы его в другом месте назвали⁴¹.

Ион Хиосский был драматургом, лириком, рапсодом и, помимо прочего, едва ли не первым в античном мире мемуаристом. Его воспоминания, к сожалению, сохранились лишь фрагментарно, но даже и в таком виде представляют большую ценность. В них отразились живые впечатления автора, который много путешествовал, был лично знаком с целым рядом выдающихся людей своего времени. В частности, он поддерживал дружеские отношения с выдающимся полководцем Кимоном, с великим трагедиографом Софоклом.

В литературе уже отмечалось то любопытное обстоятельство, что сын Иона и сын Ламаха носили одинаковое имя Тидей, и на основании данного факта делался вполне резонный (хотя, разумеется, и гипотетичный) вывод о возможных связях хиосского поэта и афинского военачальника⁴². Как нам представляется, они были друг другу именно ксенами, чем и можно объяснить процесс обмена между их семейными ономастическими фондами. Кстати, более вероятно, что ЛИ Тидей перешло из семьи Иона в семью Ламаха,

⁴⁰ В 415 г. до н. э. Ламах, несомненно, считался одним из трех лучших тогдашних афинских полководцев, наряду с Алкивиадом и Никием. Соответственно, их троих и поставили во главе грандиозной сицилийской экспедиции.

⁴¹ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008. С. 195.

⁴² Например: *Olding G. Ion the Wineman: The Manipulation of Myth // The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007. P. 150.*

а не наоборот. Ион писал трагедии⁴³, а стало быть, великолепно разбирался в мифах (чего уж точно нельзя сказать о Ламахе, человеке чисто военном). Имя Тидей, напомним, принадлежит именно к сфере мифологии⁴⁴.

Подчеркнем: в ономастических заключениях такого рода, какие мы здесь делаем, всегда необходима сугубая осторожность, мы можем встретиться и со случайными совпадениями. Так, имеются Ламахи и Ксенофаны на Крите, Кипре, в Южной Эгеиде (Родос, Карпатос)⁴⁵, но это вряд ли показательно, поскольку может вообще не свидетельствовать ни о каких связях. С другой стороны, появление имени Ламах на Эвбее, в Халкиде⁴⁶, может уже о чем-то и говорить. Эвбея была с давних пор очень тесно связана с Афинами, и, наверное, мало имелось афинян, которые ни разу в жизни не побывали бы на обширном острове, расположенном совсем рядом с Атикой, за узким проливом. Так что как раз в эвбейских полисах у Ламаха вполне могли быть ксены.

В высшей степени характерно, что зафиксировано имя Ламах в таком важнейшем форпосте афинского влияния, каким был Навпакт на северном берегу Коринфского залива⁴⁷. Как известно, в 456 г. до н. э.⁴⁸ афиняне захватили эту крепость, расположенную исключительно удачно в стратегическом отношении, и разместили там гарнизон, состоявший из их верных союзников – мессенян,

⁴³ Впрочем, интересовался он и политикой, причем отнюдь не стоял на стороне Перикла и радикальной демократии. Подробнее см.: *Geddes A. Ion of Chios and Politics // The World of Ion of Chios. Leiden; Boston, 2007. P. 110–138.* Можно было бы на основании этого попытаться делать какие-то выводы о реальной политической позиции близкого Иону Ламаха, но мы воздержимся от этого, поскольку любые сколько-нибудь ответственные заключения здесь будут неосторожными. Сфера политики и сфера ксенических (равно как и матримониальных) связей не всегда коррелировали. Так, Перикл и Кимон являлись убежденными политическими противниками, и этому отнюдь не мешало то, что они находились в отношениях свойства (см. к этому: *Cox C. A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // Classical Journal. 1989. Vol. 85. No. 1. P. 34–46*).

⁴⁴ Характерно, что и сам Ион носил мифологическое имя (в честь героя – родоначальника ионийцев).

⁴⁵ LGPN I. P. 282 (s.v. Λάμαχος, № 1–2 – Полиррения на Крите; № 3 – Курий на Кипре, но, Впрочем, это лицо жило в VI в. до н. э., так что из рассмотрения его приходится заведомо исключить; № 5 – Карпатос; № 6 – Родос). Имя Ксенофан на островах Эгейского моря вообще встречается весьма часто, см.: LGPN I. P. 282 (s.v. Ξενοφάνης, № 1–29). И именно поэтому использовать данный факт в наших целях не представляется возможным.

⁴⁶ LGPN I. P. 282 (s.v. Λάμαχος, № 4). Время жизни этого Ламаха – III в. до н. э.

⁴⁷ LGPN IIIB. P. 254 (s.v. Λάμαχος, № 1). Хотя тут в LGPN по традиции и поставлен номер носителя имени, но он – первый и единственный. Других Ламахов не зафиксировано во всей Средней Греции. Время жизни навпактского Ламаха – II в. до н. э.

⁴⁸ Это наиболее вероятная дата (*Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; L., 1993. P. 102*).

которые вынуждены были покинуть территорию спартанского полиса после неудачного восстания. Соответственно, в Навпакте постоянно бывали афинские эскадры, использовавшие его порт как пункт промежуточной стоянки при более дальних плаваниях.

А где эскадры, там и флотоводцы. Бывал ли в Навпакте Ламах? Сомневаться в этом не приходится. Правда, эксплицитно письменные источники об этом сообщают, но письменные источники – не единственный вид источников. Биография Ламаха вообще известна лишь с большими лакунами, так что в данном случае ономастические данные удачно дополняют (уже не в первый раз!) нарративные свидетельства.

Западнее Навпакта (что в Озольской Локриде) располагалась Этолия, которую тоже никак нельзя было миновать, направляясь по Коринфскому заливу от Аттики к колониям Великой Греции (в которых Ламах, безусловно, бывал, о чем речь впереди). В населенных пунктах Этолии встречаются лица по имени Ламах⁴⁹.

Главным (и последним) делом жизни афинского стратега Ламаха стало его участие в знаменитой сицилийской экспедиции 415–413 гг. до н. э. в качестве одного из командующих. В ходе этой грандиозной (и не столь уж авантюрной, как обычно считают⁵⁰) военной акции Ламах и погиб при осаде враждебных Сиракуз. Соответственно, в Сиракузах его ксенов искать бесполезно. В упомянутом сицилийском полисе, правда, зафиксирован один Ксенофан⁵¹, но этот тезка отца Ламаха был, в свою очередь, отцом историка Антиоха Сиракузского и явно родился не позже первой половины V в. до н. э.⁵²; поэтому из рассмотрения он должен был исключен а limine⁵³. С другой стороны, некий Ламах, встречающийся в ином сицилийском городе – Тавромении⁵⁴, – может быть, и способен своим именем о чем-то свидетельствовать; однако эти данные мы просто сознательно не хотим привлекать, дабы нас кто-нибудь не обвинил в «неразборчивости».

⁴⁹ LGPN IIIA. P. 266 (s.v. Λάμαχος, № 1–3). Время жизни – III–II вв. до н. э.

⁵⁰ См. к этому: Суриков И. Е. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // *Antiquitas aeterna*. М., 2007. Вып. 2. С.30–39.

⁵¹ LGPN IIIA. P. 336 (s.v. Ξενοφάνης, № 10).

⁵² О времени жизни Антиоха Сиракузского см.: Высокий М. Ф. История Сицилии в архайческую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н. э. СПб., 2004. С. 7.

⁵³ Естественно, по той же самой причине из рассмотрения исключается известный поэт-философ Ксенофан Колофонский, который фигурирует в: LGPN VA: 342 (s.v. Ξενοφάνης, № 1). Он родился еще в VI в. до н. э. Упоминаем об этом Ксенофане именно здесь постольку, поскольку он связал свою жизнь с Великой Грецией, став основателем элейской школы философии (Парменид, Зенон Элейский и др.).

⁵⁴ LGPN IIIA. P. 266 (s.v. Λάμαχος, № 8). Время жизни – I в. до н. э.

Напротив, как может видеть читатель, мы всегда и всюду стремимся к максимальной осторожности умозаключений. В частности, не привлекаем данных из Аргolidy, хотя там, в Эпидавре, зафиксированы и Ламах (даже два)⁵⁵, и Ксенофан⁵⁶. Абстрагируемся от них даже несмотря на то, что на протяжении большей части V в. до н. э. Аргос был Афинам верным союзником, и уж если искать где афинских ксенов в большом количестве, то именно там⁵⁷. А абстрагируемся потому, что имеющаяся информация о носителях упомянутых имен в Аргolidе не обладает каким-либо системным характером, а нам хотелось бы при проведении исследования остаться на почве строгой системности.

Мы очень надеемся, что нам это удалось (как бы ни расценивать любые концептуальные построения, а все-таки строгость к самому себе является одним из главных залогов успеха в науке; именно такая строгость, заметим кстати, всегда в максимальной степени отличала А. А. Молчанова). Мы еще больше надеемся, что нам удалось в той или иной мере продемонстрировать перспективность предлагаемого подхода, который, как нам представляется, может быть успешно реализован и применительно к иным ономастическим единицам. И ведь, в конце концов, LGPN еще не до конца издан! Когда мы будем иметь перед глазами этот свод во всей его полноте, можно даже не сомневаться, что работа с ним породит новые интересные идеи.

⁵⁵ LGPN IIIA. P. 266 (s.v. Λάμαχος, № 4–5). Время их жизни – IV в. до н. э.

⁵⁶ LGPN IIIA. P. 336 (s.v. Ξενοφάνης, № 1). Время жизни – уже начало н. э.

⁵⁷ В первой половине столетия с Аргосом был тесно связан Фемистокл (*Forrest W. G. Themistokles and Argos // Classical Quarterly. 1960. Vol. 10. No. 2. P. 221–241*), во второй его половине – Алкивиад (см. хотя бы: *Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 4–13*).

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ АНТИФОНТА (ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД)*

Отношения как дружбы, так и вражды занимали весьма большое место в жизни грека классической эпохи (да, пожалуй, и человека античности в целом)¹. Кстати, существенная специфика античного менталитета в данном плане заключалась именно в этом признании вражды, а не только дружбы, неотъемлемым элементом бытия. Если по нашим современным представлениям хороший человек в идеале вообще не должен иметь врагов, то для эллина всё было иначе: у достойного человека обязательно должны быть не только друзья, но и враги, без них жизнь не будет полноценной. Иметь врагов – тоже своего рода достоинство. Вполне закономерно, что именно на греческой почве возникло, например, философское учение Эмпедокла, объявлявшего двумя главными миродвижущими силами Любовь, или Дружбу (φιλότης), и Вражду, или Ненависть (νεῖκος)².

Нормативный образ действий по отношению к друзьям и врагам определялся выразительной этической максимой, которая в наиболее общем виде формулируется так: делай другу добро, а врагу – зло, насколько возможно³. Этот принцип действовал как в архаическую эпоху (Sol. fr. 1, 5–6 Diehl: «Так, чтобы сладостен был я друзьям, горек – вражьему сердцу, и, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу»), так и в классическую (Lys. IX. 20: «Так уж заведено, думается мне, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро»). Он не оспаривался и не подвергался сомнению, считался чем-то само собой разумеющимся. Достаточно сказать, что Аристотель в своих логических сочинениях приводит суждение «нужно делать друзьям добро, а врагам зло» в качестве одного из образцов «общего места» (κοινὸς τόπος), могущего служить посылкой в силлогизме (например: Arist. Top. 104a22 sqq.; 112b32 sqq.). Посылка же,

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphontea III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд)») в: *Studia historica*. Т. 8. М., 2008. С. 67–95.

¹ См.: *Mitchell L. G., Rhodes P. J. Friends and Enemies in Athenian Politics // Greece & Rome*. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 11–30. На соображения, высказанные в этой важной работе, во многом опираются положения общего характера в начале данной главы.

² Ср. особенно яркое описание: Empedocl. DK 31 B17.

³ По поводу этого принципа см.: *Snell B. The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought*. N. Y., 1960. P. 166; *Blundell M. W. Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics*. Cambridge, 1991; *Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право*. 1999. № 2 (5). С. 39.

как известно, должна быть безусловно истинной, чтобы силлогизм получился корректным.

Личная вражда выступала, в частности, одним из важных мотивов при возбуждении судебных процессов (в Афинах это всегда делалось частными гражданами, а не государственными институтами). Самым необычным для нашего восприятия оказывается то, что подобного рода вражда ничуть не скрывалась тяжущимися, более того, всячески афишировалась ими. «Порой участники тяжбы, которые не имели личного мотива, пытались его измыслить», – справедливо замечает современная исследовательница⁴.

Вражда, таким образом, сплошь и рядом приобретала политический характер. Ровно то же самое можно сказать и о дружбе в полисных условиях. Правда, только что упоминавшийся Аристотель считал, что самая совершенная дружба (φιλία) – это бескорыстная дружба ради самой себя, а не обусловленная какими-то внешними, прагматичными побуждениями⁵. Однако, надо полагать, взгляды на сей предмет подавляющего большинства граждан эллинских полисов не отличались такой же философской возвышенностью, как у Стагирита⁶.

Дружественные связи сплошь и рядом устанавливались в политических целях. Существовало представление об особом роде политической дружбы – «товарищества» (ἑταίρεία). Это более узкое понятие, нежели дружба-φιλία. Последний термин включал в себя достаточно широкий спектр отношений; в его рамках даже не проводилось четкого разграничения между дружбой в собственном смысле слова и родством (лексема φίλος могла быть применена как к другу, так и к родственнику). А ἑταίρεία, напротив, предполагала вполне конкретный тип сообщества. Гетерии, представлявшие собой, если так можно выразиться, клубы друзей-соратников, получили большое распространение в классических Афинах. Это широко известный факт, на котором вряд ли есть смысл здесь подробно останавливаться. Подчеркнем лишь, что в связи с вышесказанным сколько-нибудь полное и адекватное постижение афинской политической жизни вряд ли возможно без максимального учета интересующих нас отношений дружбы и вражды между политически активными афинянами. Такие отношения как бы опутывали весь их коллектив незримыми нитями – нитями, которые переплелись в довольно-таки запутанный клубок.

«Распутывать» его зачастую очень непросто, и значительную помощь в этом «распутывании» (предполагающем корректную интерпретацию сохранившихся

⁴ Кудрявцева Т. В. Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде // ВДИ. 2008. № 1. С. 5.

⁵ См. прежде всего пространный пассаж о видах дружбы в «Никомаховой этике» (1155a sqq.).

⁶ В целом о дружбе в античной Греции см.: *Herman G. Ritualized Friendship and the Greek City*. Cambridge, 1987; *Konstan D. Friendship in the Classical World*. Cambridge, 1997.

свидетельств, приведение их во взаимную связь друг с другом и создание на их основе целостной, непротиворечивой картины, вписанной в контекст эпохи) должен оказать просопографический метод, которым мы активно пользуемся. По вопросу о «пользе и вреде» просопографии в отечественной исторической науке (не только антиковедческой) и по сей день идут запоздалые споры, высказываются полярно противоположные суждения – от однозначно позитивных⁷ до резко негативных⁸. Впрочем, как нам представляется, это уже «арьергардные бои», а в реальной эмпирии научного поиска жизнь уже давно расставила всё на свои места: в частности, просопографический подход к истории классических Афин оказался перспективным и плодотворным, позволил на протяжении последних нескольких десятилетий получить принципиально новые и интересные результаты⁹. «Закрыть» уже открытое вряд ли под силу даже решительным противникам соответствующих методик.

В антиковедении просопографические данные стали вначале активно использоваться на римском материале. Результаты не заставили себя долго ждать, и стало ясным, что весьма небесполезным окажется перенесение аналогичного метода работы и на Грецию, на Афины. Ведь, как справедливо подчеркивается¹⁰, история афинского полиса вплоть до конца Пелопоннесской войны – это во многих отношениях история его видных политиков, принадлежавших в большинстве своем к аристократическим семьям. Изучение связей между этими политиками и этими семьями позволяет реконструировать многие конкретные механизмы, действовавшие во внутренней политике. И уж, во всяком случае, помогает отрешиться от схематизирующего представления, будто бы политическая борьба в Афинах протекала между «демократическими» и «олигархическими» силами, консерваторами и реформаторами (плюс иногда

⁷ «Важность просопографии как нового научного подхода к исследованию истории... в настоящее время не подвергается сомнению» (*Петрова М. С.* Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 641).

⁸ См., например: *Аксенов А. И.* Генеалогия и просопография // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2. С. 165 сл. В этой работе за просопографией фактически отрицается право на существование.

⁹ См. из работ такой направленности: *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972; *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974; *Littman R. J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N. Y., 1990; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. В целом по проблемам древнегреческой просопографии см. *Fossey J. M.* The Study of Ancient Greek Prosopography. Chicago, 1991 (с хорошим справочным аппаратом).

¹⁰ *Bicknell P. J.* Op. cit. P. VIII.

выделяемыми «умеренными») или кем-нибудь еще в подобном духе. Боролись, разумеется, не по поводу идеологических абстракций, а в результате разногласия по тем или иным совершенно определенным вопросам. Иными словами, возникавшие конфликты имели не принципиальный, а конкретно-ситуативный, прагматический характер¹¹.

В частности, чрезвычайно важное, подчас даже определяющее место во внутривосточной борьбе занимали факторы внешней политики¹². Строго говоря, даже события 411 г. до н. э., которые волею судьбы стали главными и последними в жизни героя нашего очерка, – установление режима Четырехсот и его скорое свержение¹³ – должны быть трактованы именно в этом ключе. Не то чтобы афиняне в массе своей (напомним, что переворот Четырехсот имел мирный и бескровный характер, осуществился путем голосования большинства в народном собрании) вдруг поверили в преимущества олигархии как формы правления над демократией, а потом столь же дружно разуверились в этом. Неверно будет и сказать, что «олигархическая партия» одержала верх над «демократической», а затем – *vice versa*. Нет, тут сыграли основную роль такие обстоятельства, как провал сицилийской экспедиции, последовавший за этим распад Афинской архэ, резкая интенсификация военных действий спартанцами, укрепившими Декелею в Аттике... Одним словом, всё то, что в совокупности характеризуют как перелом в ходе Пелопоннесской войны и переход стратегической инициативы от Афин к Спарте. В этих условиях в среде гражданского коллектива созрело мнение, что демократия просто не может компетентно справиться со всеми перечисленными «вызовами», терпит одно фиаско за другим, что для элементарного выживания государства на внешнеполитической арене необходимо отстранение от власти пресловутой «корабельной черни». Не исключаем также, что имел место определенный успех агитации некоторых мыслителей, прежде всего Сократа, в пользу «правительства специалистов». Некоторые из ведущих деятелей режима Четырехсот (Ферамен, возможно, Каллесхр) были близки к Сократу. Как бы то ни было, уже через несколько месяцев выяснилось (или, по крайней мере, показалось), что олигархия не лучше способна противопоставить что-либо эффективное стоящим перед

¹¹ Этот тезис особенно настойчиво подчеркивается в важной работе: *Ruschenbusch E. Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus?* Bamberg, 1979. Passim.

¹² Этот тезис также четко обозначен в только что упомянутой монографии Э. Рушенбуша. Развиваем его и мы, в частности, наиболее подробно – в книге: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах*. М., 2006. С. 305 сл.

¹³ Об этих событиях см. последнее по времени и самое фундаментальное исследование: *Hefner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt am Main, 2001.

Афинами «вызовам»; наступила фрустрация, и Четыреста были низложены. Низлагали их, в сущности, те же люди (по крайней мере, отчасти), что и приводили к власти.

Следует заметить, что эта коллегия создавалась в весьма авральной обстановке, когда ситуация не терпела каких-либо отлагательств. Тщательно продумывать все нюансы, в том числе и «кадровые», было некогда. В результате в состав Четырехсот вошли весьма неоднородные элементы, представители отнюдь не благорасположенных друг к другу группировок. Даже о несколько более поздней олигархии Тридцати, хоть она и была значительно меньше по численности правящего органа, можно сказать то же самое. Известно, например, об ожесточенной вражде между гетерией Крития и гетерией Фидона (Lys. XII. 55), а между тем лидеры обеих этих гетерий находились в числе «Тридцати тиранов». Ясно, что к правительству Четырехсот это должно относиться *a fortiori*.

Фукидид (VIII. 54. 4) сообщает, что один из инициаторов переворота 411 г. до н. э. – Писандр – в процессе его подготовки «обошел одно за другим все тайные политические общества¹⁴... и убедил их объединиться и общими силами выступить против демократии»¹⁵. Иными словами, альянс был достигнут, собственно говоря, чисто на основе «негативного консенсуса» против охлократии образца 410-х гг. до н. э. и уже поэтому не мог стать прочным. И очень скоро в нем выявились трещины и бреши, от которых олигархический режим, собственно, и погиб: ведь главную роль в его свержении сыграл Ферамен, сам являвшийся одним из Четырехсот.

«Политическая дружба» и «политическая вражда» в классических Афинах были феноменами диалектически противоречивыми. С одной стороны, они зиждились в основном на довольно-таки долгосрочных, прочных семейных связях и противостояниях, иными словами, не возникали немотивированно и в один момент, «по мановению волшебной палочки». С другой стороны, могли тем не менее «выковываться» и новые, ранее не существовавшие дружественные отношения. Часто они демонстративно акцентировались матримониальными узами, которые устанавливались между переходящими от вражды к дружбе родами или группировками¹⁶.

¹⁴ Употребленный историком термин *ἑνωμοσία* в данном контексте вполне равнозначен термину *ἐταίρεία*, разве что носит несколько более негативный оттенок (греч. *συνωμοσία* и лат. *coniuratio*, кстати говоря, образованы по абсолютно одинаковому принципу).

¹⁵ Фукидид цитируется в переводе Г. А. Стратановского.

¹⁶ Примеров тому – легион: от брака тирана Писистрата и дочери Алкмеонида Мекла еще в VI в. до н. э. до крупного матримониального союза между влиятельнейшими родами Филаидов, Алкмеонидов и Кериков в первой трети следующего столетия.

* * *

Всё это необходимо было оговорить, прежде чем приступить к основной тематике данной работы – выявлению просопографического «круга» (как в позитивном, так и в негативном смысле) оратора Антифонта. Кажется, подобное исследование еще не предпринималось, да и задача такая не ставилась – во многом из-за скудости источниковой информации об интересующем нас афинском политике эпохи Пелопоннесской войны. Впрочем, источники все-таки позволяют сделать ряд ответственных суждений по этому сюжету – суждений, на основе которых, не исключено, даже можно будет выдвинуть какие-то тезисы общего характера касательно политической жизни в Афинах. Мы в нашем анализе будем опираться в первую очередь на данные нарративной традиции об Антифонтe, специально разбиравшейся нами ранее¹⁷, а также на дошедшие в цитатах или пересказах фрагменты его речей¹⁸. Также следует сразу оговорить, что мы исходим из положения (аргументированного в одной из статей нашего «антифонтовского» цикла¹⁹) о тождестве Антифонта-оратора и Антифонта-софиста.

Одно из важнейших свидетельств, которое следует привести с самого начала, содержится в «Осах» комедиографа Аристофана. Оно особенно ценно тем, что относится еще к 422 г. до н. э., т. е. ко времени задолго до переворота Четырехсот и до того, как Антифонт «вышел из тени» и стал виднейшей величиной публичной политики.

Καίτοι παρῆν Ἰππύλλος, Ἀντιφῶν, Λύκων,
Λυσίστρατος, Θούφραστος, οἱ περὶ Φρύνιχον.

Компания Фриниха в гостях была: Гиппилл,
Ликон и Лисистрат, Фуфраст и Антифонт...²⁰

(Aristoph. Vesp. 1300–1301)

Несмотря на то что Антифонту на момент постановки «Ос» было уже под шестьдесят, он фигурирует тут скорее не как самостоятельная политическая фигура, а только как один из членов гетерии Фриниха (οἱ περὶ Φρύνιχον –

¹⁷ Суриков И. Е. Antiphontea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. М., 2006. Вып. 6. С. 40–68.

¹⁸ К сожалению, те речи Антифонта, которые сохранились полностью, для изучения политической проблематики практически ничего не дают: они либо целиком относятся к сфере уголовного права («Против мачехи», «Об убийстве Герода», «О хореуте»), либо представляют собой учебные упражнения на вымышленные темы (три «Тетралогии»).

¹⁹ Суриков И. Е. Antiphontea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 28–43.

²⁰ Перевод Н. Корнилова.

техническое выражение). Таким образом, связь между этими двумя афинянами налицо и несомненна.

Фриних, сын Стратонида, из дема Дирадия охарактеризован Фукидидом (VIII. 68. 3) как один из главных лидеров Четырехсот (наряду с Писандром, Антифонтом и Фераменом), выказавший «величайшее рвение во время олигархического переворота». Многое заставляет предполагать особую близость его именно с Антифонтом: не только цитированный выше пассаж Аристофана, но также и тот факт, что как раз Антифонт и Фриних возглавили важное посольство от олигархических Афин 411 г. до н. э. в Спарту «для заключения мира с лакедемонянами на любых сколько-нибудь приемлемых условиях» (Thuc. VIII. 90. 2). По возвращении из посольства Фриних был убит какими-то заговорщиками при крайне неясных обстоятельствах (Thuc. VIII. 92. 2; Lys. XIII. 70–76; Lycurg. Leocr. 112; Plut. Alc. 25); впоследствии, при восстановленной демократии, многие «задним числом» приписывали себе эту честь, объявился целый ряд «убийц Фриниха». Вскоре после его гибели правительство Четырехсот рухнуло. Создается впечатление, что именно этот политик был фактическим главой режима, на котором тот держался, – иными словами, он играл роль, сопоставимую с ролью Крития в 404–403 гг. до н. э.

Фукидид настойчиво подчеркивает, что Фриних был яростным ненавистником Алкивиада. Одним из главных лозунгов, под которыми проходил олигархический переворот 411 г. до н. э., являлось возвращение в Афины этого опального на тот момент полководца. Однако, придя к власти, Фриних сделал всё от него зависящее и не допустил такого развития событий. В результате Алкивиада, как известно, перетянули на свою сторону афинские моряки на Самосе, противостоящие Четырестам. Отношения Фриниха и Алкивиада²¹ нам в дальнейшем придется «держат в уме», ибо они тоже помогут прояснить кое-что в позиции Антифонта.

Об остальных лицах, перечисленных в вышеприведенном пассаже Аристофана как члены гетерии Фриниха – Антифонта, сказать, к сожалению, практически нечего, тем более что неясна даже идентичность некоторых из них. В особенной степени это относится к Ликону и Лисистрату – носителям весьма распространенных имен. Впрочем, относительно Ликона с большой долей уверенности можно высказать предположение, что это тот самый Ликон, который в 399 г. до н. э. выступил одним из обвинителей на суде над Сократом. Правда, между 422 и 399 гг. до н. э. – довольно большой временной промежуток, что вроде бы дает повод для сомнений в предлагаемом отождествлении. Однако Ликон выведен одним из действующих лиц в диалоге Ксенофонта «Пир». Действие этого диалога происходит как раз в 422 г. до н. э., и на этот момент

²¹ О них см.: *Schindell U. Phrynichos und die Rückberufung des Alkibiades // Rheinisches Museum für Philologie. 1970. Bd. 113. S. 281–297.*

у Ликона уже есть сын-подросток (Xen. Symp. 3. 11–13). Иными словами, Сократа Ликон обвинял, будучи уже пожилым человеком.

Что же касается Лисистрата, то, судя по всему, тот же афинский гражданин еще несколько раз упоминается у Аристофана. Он происходил из дема Холарг (Aristoph. Ach. 855), обличается комедиографом в непорядочности (Aristoph. Vesp. 787). В 411 г. до н. э. он фигурирует у того же автора как сторонник мира со Спартой (Aristoph. Lys. 1105). В этом году подобная внешнеполитическая позиция, безусловно, означала принадлежность ее носителя к кругу Четырехсот. Для рассматриваемой здесь эпохи известен еще один Лисистрат (Andoc. I. 52–53; 67–68) – один из участников заговора гермокопидов. Обвиненный по доносу Андокида, он бежал из Афин. Правда, позже он смог вернуться – неизвестно, когда именно. В принципе, нельзя исключать, что уже к 411 г. до н. э. он вновь был в полисе и, таким образом, два упомянутых в этом абзаце Лисистрата (именно как двух разных лиц их рассматривает энциклопедия RE) – на самом деле один.

Перейдем к другим источникам, которые дают прямую или косвенную информацию о политическом окружении Антифонта. У Фукидида (VIII. 90. 1) в числе лидеров крайне олигархического крыла Четырехсот назван, наряду с Фринихом, Антифонтом и Писандром, еще Аристарх, которого историк характеризует так: «с давних пор самый отъявленный враг демократии». В период олигархии он был стратегом, оказал наиболее упорное вооруженное сопротивление Ферамену, когда тот свергал режим Четырехсот (Thuc. VIII. 92. 6–10). Более того, даже после неудачи он – чуть ли не единственный из этого правительства – не сложил оружия, а отступил со своим отрядом в Эною – крепость на севере Аттики, – занял ее и передал беотийцам (Thuc. VIII. 98). Позже (неясно, когда именно) афинским демократам удалось каким-то образом схватить Аристарха, и он был казнен (Xen. Hell. I. 7. 28; Lycurg. Leocr. 115). В дальнейшем в демократической традиции он фигурировал как один из «антигероев» афинской истории, «врагов народа». Его, очевидно, следует считать если не членом гетерии Фриниха и Антифонта, то, во всяком случае, представителем одной из самых близких и дружественных ей гетерий.

Среди коллегии Четырехсот тесными союзниками Антифонта были также Архептолем и Ономакл. Архептолем, сын Гипподама, из дема Агрила, не упоминается Фукидидом. Но из других источников (Lys. XII. 67; Ps.-Plut. Vit. X or. = Mor. 832b sqq.) известно, что после свержения Четырехсот Архептолем и Антифонта судили (и приговорили к смерти) одним процессом. Приговор, приводимый у Псевдо-Плутарха в жизнеописании Антифонта, гласил:

Признаны виновными в измене: Архептолем, сын Гипподама, из Агрилы, в присутствие обвиняемого; Антифонт, сын Софила, из Рамнунта, в присутствие обвиняемого. Приговорили передать их коллегии Одиннадцати, конфисковать их

имущество и посвятить десятину из него богине; дома их разрушить до основания и поставить на развалинах сторожевые камни, а на них написать: АРХЕПТОЛЕМА И АНТИФОНТА, ИЗМЕННИКОВ. Демархи же должны предъявить их имущество и не позволить хоронить Архептолема и Антифонта в Афинах или на любой территории, подвластной афинянам. Предать бесчестью Архептолема и Антифонта, и их потомство – как законное, так и незаконнорожденное; и если кто-нибудь даст гражданские права кому-либо из потомков Архептолема и Антифонта, то давший сам должен быть лишен гражданских прав. Записать это постановление на медной плите и поставить там, где находятся постановления о Фринихе.

(Фриних был посмертно осужден за измену, его останки выкопаны и удалены за пределы Аттики, имущество конфисковано.)

Тот факт, что имена Антифонта и Архептолема поставлены рядом (имя Архептолема, как видим, даже первым), свидетельствует: это были фигуры одного порядка, то есть Архептолем, как и Антифонт, принадлежал к самой верхушке олигархического режима 411 г. до н. э. Этот политик тоже известен с 420-х гг. до н. э.: он опять же упоминается во «Всадниках» Аристофана как человек благородный, но бедный (Aristoph. Equ. 327), как сторонник мира со Спартой (Ibid. 794 sq.). Он, таким образом, тоже не случайно оказался в стане Четырехсот.

В псефисме о суде над Антифонтom, заключительная часть которой только что была процитирована²², упоминается еще один член коллегии Четырехсот – Ономакл. Он тоже, несомненно, принадлежал к кругу Фриниха и незадолго до олигархического переворота командовал вместе с ним афинской эскадрой на Самосе (Thuc. VIII. 25. 1). С Ономаклом связана следующая проблема: он фигурирует в начале псефисмы, где предписывается схватить и представить на суд «Архептолема, Ономакла и Антифонта». Однако в тексте приговора, как видим, Ономакла уже нет. Можно ли сделать из этого вывод, что Ономаклу удалось скрыться от суда?²³ По нашему мнению, это маловероятно. Ведь в таком случае его всё равно судили бы *in absentia*, как было принято в Афинах. И тогда он тоже значился бы в приговоре, но с оговоркой «в отсутствие обвиняемого». Остается предположить, что Ономаклу удалось в ходе процесса оправдаться и ему не был вынесен обвинительный приговор. Это подтверждается тем, что мы и позже встречаем его в Афинах, а именно в 404 г. до н. э., когда он вошел в состав коллегии Тридцати (Xen. Hell. II. 3. 2).

Выше уже несколько раз упоминался еще один из главных вдохновителей переворота 411 г. до н. э. и лидеров Четырехсот – Писандр из Ахарн. Фукидид постоянно ставит имена Писандра и Антифонта вместе (например, VIII. 68. 1;

²² Полный перевод псефисмы см.: Суриков И. Е. Antiphontea I... С. 60–61.

²³ Reincke G. Onomakles // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbd. 35. Stuttgart, 1939. S. 491.

VIII. 90. 1). Это обстоятельство само по себе может еще никакой просопографической информации и не давать, свидетельствуя лишь о том, что оба принадлежали к радикально-олигархическому, а не «умеренному» крылу коллегии. Впрочем, вопрос о Писандре сложен еще и потому, что его политическая позиция не отличалась устойчивостью. Долгое время он считался представителем радикально-демократической ориентации: в 420-х гг. до н. э. входил в окружение Клеона, в 415 г. до н. э. был чуть ли не самым ретивым инициатором расследования дел о гермокопидах и о профанации мистерий, в начале 411 г. до н. э. активно выступал за возвращение в Афины Алкивиада. А потом мы вдруг встречаем его в стане олигархов – вот лишнее доказательство конкретно-ситуативного характера афинской внутривнутриполитической борьбы этого времени, когда смена позиции на полярно противоположную была не столь уж редким явлением²⁴.

Но мог ли Антифонт, чьи убеждения, судя по всему, были более прочными, находиться в искренне близких отношениях с подобным «перевертышем»? Вопрос остается открытым. Помимо факта участия обоих в правительстве Четырехсот, в нашем распоряжении есть только еще одно косвенное и не слишком много проясняющее свидетельство. Среди произведений комедиографа Платона имелась комедия «Писандр». Датировка ее неясна; одни исследователи относят ее к 422 г. до н. э., другие же более осторожно считают, что точнее, чем «до 411 г. до н. э.», время ее постановки определить нельзя²⁵. В данном случае для нас это и не принципиально; важнее то, что по указанию той же псевдо-плутарховой биографии Антифонта оратор упоминался в данной драме, причем высмеивался за сребролюбие.

Появление Антифонта в политической комедии, посвященной Писандру, – случайно ли оно? Дает ли оно повод считать, что речь шла о членах одной гетерии (или по крайней мере двух дружественных)? Очень трудно сказать, поскольку ввиду утраты пьесы Платона неизвестен контекст и можно только гадать, в какой связи в ней говорилось об Антифонте. Одним словом, очерчивая круг ближайших соратников этого оратора, безопаснее и ответственнее будет не принимать Писандра во внимание.

Примерно то же самое можно сказать еще об одном видном члене коллегии Четырехсот (Lys. XII. 66) – Каллесхре, сыне Крития, из ветви знатнейшего рода Кодридов. Сыном этого Каллесхра был столь известный впоследствии лидер «Тридцати тиранов» – Критий. Последний лично не входил в состав Четырехсот, но находился в 411 г. до н. э. в числе сторонников этого правительства и командовал одним из подчиненных Четыремстам оборонительных отрядов (Demosth. LVIII. 67). Можно ли считать Каллесхра и, соответственно, Крития

²⁴ См. (специально в связи с Писандром): Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 311.

²⁵ См. к вопросу: Kraus W. Platon (2) // Der Kleine Pauly. Stuttgart, 1970. Bd. 4. Sp. 905.

друзьями Антифонта? Сам факт одновременной принадлежности к правящим олигархам, как мы видели, об этом еще не говорит.

Может ли в данном случае чем-нибудь помочь следующее сообщение, которое Псевдо-Плутарх приводит в жизнеописании Антифонта: ἐγένετο γὰρ αὐτῷ θυγάτριον, οὗ Κάλλαισχος ἐπιδικάσατο – «Ведь у него (Антифонта) была дочка, которую получил по суду в жены Каллесхр»? Глагол ἐπιδικάζω, впрочем, можно понять также как «потребовал по суду в жены», и неясный контекст данного пассажа не позволяет сделать однозначный выбор между двумя альтернативами. В любом случае речь идет о какой-то акции, предпринимавшейся именно судебным порядком. Интересующий нас глагол часто употреблялся, например, применительно к судам об эпиклерах, «дочерях-наследницах» (LSJ, s.v. ἐπιδικάζω).

Информация, следы которой здесь сохранились, представляется весьма интересной и даже интригующей, но, увы, использовать ее совершенно невозможно из-за полной путаницы в источнике, то есть у Псевдо-Плутарха. Из его сбивчивого изложения, в сущности, вообще почти ничего не возможно понять. Тождественен ли упоминаемый здесь Каллесхр члену Четырехсот и отцу Крития? Даже в этом нет полной уверенности. Критий был примерно сверстником Алкивиада, стало быть, родился в середине V в. до н. э. Значит, рождение Каллесхра следует относить ко времени ок. 480 г. до н. э. Получается, к моменту казни Антифонта он был семидесятилетним старцем – и стал в таком возрасте через суд требовать себе жену? На это обстоятельство еще можно было бы кое-как закрыть глаза, но остается главное: у Псевдо-Плутарха, причем именно в этом самом пассаже, безнадежно смешаны три носителя имени Антифонт – оратор, казненный «Тридцатью тиранами» триерарх и драматург, впоследствии подвизавшийся в Сиракузах у Дионисия Старшего²⁶. О дочери какого из них идет речь? Этого определить вообще нельзя. Таким образом, вопрос о возможных связях Антифонта-оратора и Каллесхра так и остается (и, судя по всему, навсегда останется) непроясненным.

Переходим к перечислению и характеристике других лиц из окружения Антифонта. Нельзя не вспомнить о великом историке Фукидиде, сыне Олора, из дема Галимунт, который был учеником этого оратора и в своем труде (VIII. 68. 1–2) дал ему просто-таки восторженную характеристику. Правда, сам Фукидид не мог принимать активного участия в событиях 411 г. до н. э. и даже быть их очевидцем. Он знал о них только из вторых рук, поскольку в это время находился в изгнании. Фукидид, напомним, принадлежал к одной из ветвей влиятельнейшего рода Филаидов, однако не может считаться его характерным представителем. Так, если Филаиды на протяжении целого ряда поколений находились в состоянии острого соперничества с Алкмеонидами, то Фукидид,

²⁶ Суриков И. Е. Antiphontea I... С. 58–59.

как известно, стал настоящим панегиристом связанного с Алкмеонидами Перикла²⁷ (справедливости ради следует отметить, что и Перикл отнюдь не являлся типичным Алкмеонидом, а в какой-то момент даже фактически порвал с этим родом²⁸). Фукидида, по всей видимости, следует рассматривать как афинянина «новой формации» конца V в. до н. э., когда уже понемногу отходили на второй план распри внутри старой аристократической элиты и на их место выдвигалось противостояние между этой элитой и «новыми политиками». Перикл – парадоксальная фигура, стоящая именно на грани между этими двумя типами государственного деятеля, по сути – одновременно последний аристократ традиционного типа и первый «новый политик»²⁹. Фукидид – точно так же «пограничная» фигура, только не на политическом, а на историческом поприще.

У Аристотеля в «Евдемовой этике» (1232b7 sqq.) упоминается интересный эпизод из последних дней жизни Антифонта. Уже после его осуждения некий Агафон похвалил его защитительную речь, Антифонт же ответил: «Человек, великий духом (μεγαλόψυχος), будет больше заботиться о том, что думает один, но дельный, чем о том, что думают многие, но первые попавшиеся». Иными словами, похвала со стороны одного Агафона была для него важнее, нежели осуждение со стороны демоса. Стало быть, речь идет о людях, симпатизирующих друг другу, находящихся в близких отношениях.

Аристотель не уточняет, о каком Агафоне идет речь. Само отсутствие дальнейшей детализации, видимо, свидетельствует о том, что имелся в виду какой-то всем известный Агафон (иначе было бы разъяснено, кто он). Такой в Афинах последней четверти V в. до н. э. имелся один, и это известнейший поэт-драматург, автор трагедий. Агафон, сын Тисамена, сыграл очень видную роль в эволюции греческого театра. Если бы сохранились полностью хотя бы какие-то из его сочинений, то, несомненно, он был бы поставлен четвертым в ряду вместе с Эсхилом, Софоклом и Еврипидом – как автор, воплощающий следующую после еврипидовской стадию (и фактически последнюю) развития трагического жанра. Он уже писал даже трагедии на вымышленные сюжеты, чего не делал еще Еврипид.

²⁷ Об отношении Фукидида к Периклу см. наиболее подробно в фундаментальной монографии: *Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn, 2003.

²⁸ *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической истории Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 197 сл.

²⁹ Первым «новым политиком» обычно считают Клеона. Однако справедливо отмечалось, что Клеон и его «коллеги» по пользовавшимся им в политической жизни приемам на деле ничем не отличались от Перикла: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides*. Oxf., 1992. Vol. 1. P. 346.

Можно с уверенностью утверждать, что именно этого Агафона изобразил Аристотель беседующим с Антифонтom³⁰. Агафон, насколько известно из фактов его жизни, не был большим сторонником демократии, особенно в той ее максимально радикальной форме, которая установилась в период Пелопоннесской войны. Вскоре после низложения Четырехсот в 411 г. до н. э. и полного восстановления демократического правления в 410 г. до н. э. он эмигрировал из Афин, отправившись ко двору македонского царя Архелая, где и умер.

Агафон выведен одним из главных действующих лиц в знаменитом «Пире» Платона. Собственно, именно в его доме и по случаю его победы в драматическом состязании происходит «философическая пирушка», описанная в этом диалоге. Антифонта нет в числе действующих лиц диалога, из чего, однако, не следует, что его и не было на симпозиис: Платоном названы далеко не все участники сборища³¹. В то же время характерно, например, что на пир к Агафону не пригласили Алкивиада. Тот пировал где-то в другом месте и по другому поводу, а потом, уже в состоянии сильного опьянения, явился к драматургу и буквально прорвался в его дом (Plat. Symp. 212c sqq.). Сократ у драматурга присутствовал, но Сократу удавалось быть «своим» в самых разных компаниях.

* * *

А теперь обратимся к рассмотрению и просопографической характеристике тех афинских граждан, которых можно назвать врагами Антифонта. Прежде всего следует упомянуть Ферамена, сына Гагнона, из дема Стирия – одного из виднейших афинских политиков периода Пелопоннесской войны. Подробно останавливаться на деятельности этой яркой, неоднозначной личности, на той весьма противоречивой роли, которую она сыграла в истории Афин, вряд ли здесь имеет смысл: всё это хорошо известно. Напомним лишь ключевые факты, имеющие прямое отношение к тематике данной работы.

Ферамен находился в числе лидеров олигархического переворота 411 г. до н. э., был одним из самых влиятельных членов коллегии Четырехсот. Он возглавлял ее, так сказать, другую «фракцию», и именно он уже вскоре начал подрывную работу в недрах самого режима. В первую очередь его усилиями Четыреста были низложены, установлена умеренная олигархия Пяти тысяч. При

³⁰ Stoeßl F. Agathon (1) // Der Kleine Pauly. Bd. 1. Stuttgart, 1964. Sp. 120.

³¹ Нежелание Платона упоминать в своих произведениях оратора Антифонта (а это нежелание, судя по всему, действительно имело место), возможно, связано со взглядами великого философа на риторику, одним из основоположников которой являлся Антифонт. Пока это суждение мы можем высказать только скорее на интуитивном, чем на доказательном уровне. Вопрос нуждается в дополнительной разработке; не исключаем, что в будущем мы посвятим ему отдельную статью. Играли роль и личные, просопографические мотивы, о которых см. ниже.

восстановленной демократии он продолжал подвигаться в самых верхах политической элиты, неоднократно избирался стратегом на последнем этапе Пелопоннесской войны. Именно Ферамен вел от лица Афин переговоры со Спартой о прекращении военных действий и подписал капитуляционный для афинского полиса мир. Он же инициировал в 404 г. до н. э. новую ликвидацию демократии и переход власти к правительству Тридцати. Вначале играл в этом правительстве «первую скрипку», но со временем был оттеснен на второй план Критием. Начал интриговать против последнего, обращаясь примерно к тем же методам, что и в 411 г. до н. э.; но этот «политический раунд» был им проигран, и Ферамена казнили по приказу Крития. К Ферамену в нарративной традиции нередко применяется эпитет «Котурн» (актерский башмак, подходивший и на правую, и на левую ногу), то есть он считался абсолютно беспринципным политиканом. На самом деле, конечно, определенными принципами в своей деятельности он руководствовался: стремился выдержать «умеренную» линию, пройти, как между Сциллой и Харибдой, между крайностями радикальной демократии и крайностями радикальной олигархии. Тем не менее, бесспорно, значительная неразборчивость в средствах была ему все-таки свойственна.

К отношениям между Фераменом и Антифонтон имеет прямое отношение следующий пассаж Лисия (XII. 67):

Желая показать свою верность вашей демократии, он (Ферамен. – *И. С.*) выступил с обвинением против своих близких друзей (φιλάτους ὄντας αὐτῷ), Антифонта и Архептолема, которые, по его обвинению, и были казнены, и дошел в своей подлости до того, что одновременно, из верности к ним, он вас сделал рабами, а, из верности к вам, предал на погибель своих друзей.

Данное свидетельство тоже чрезвычайно проблематично по целому ряду причин³². В частности, обязательно нужно помнить, что перед нами – не беспристрастная констатация историка, а крайне тенденциозное суждение судебного оратора, находящееся в контексте обширного псогоса, охуляющего Ферамена. Тяжущиеся стороны в афинских судах в подобных случаях отнюдь не гнушались передергиванием и искажением фактов. Так, здесь у Лисия Ферамен представлен как главный обвинитель Антифонта. На самом деле, как известно из надежного источника – псефисмы против Антифонта, – это не так: обвинителем, разработавшим псефисму, в действительности был Андрон (о нем см. ниже). Правда, вполне можно допустить, что Ферамен тоже принимал активное участие в обвинении и стоял «за спиной» Андрона (как, например, в процессе Сократа «за спиной» мало кому известного Мелета стоял один из ведущих в государстве политиков – Анит, и это ни для кого не было секретом).

³² О сложностях, связанных с употреблением глагольных времен в этом месте у Лисия, см.: Суриков И. Е. Antiphontea I... С. 47–48.

Явным преувеличением, направленным на то, чтобы еще сильнее очернить Ферамена, представляются слова Лисия, что тот был близким другом Антифонта. Ход со стороны оратора безошибочный: выше мы уже упоминали одну из принципиальных максим греческой этики – друзьям нужно помогать при любых обстоятельствах. А Ферамен, получается, стал виновником гибели друга. Фактически, как мы видели, ни о какой личной дружбе между Антифонтом и Фераменом говорить не приходится; они были очень разными людьми, и единственное, что их объединяло, – кратковременное участие обоих в правительстве Четырехсот.

Говоря о Ферамене, следует еще упомянуть, что этот последний принадлежал к числу сторонников Алкивиада (ввиду колоссальной роли, которую Алкивиад играл в Афинах рассматриваемой эпохи – вне зависимости от того, находился ли он в тот или иной момент на территории полиса или нет, – приходится специально оговаривать в каждом конкретном случае отношение к нему фигурирующих в нашей работе лиц, когда это отношение известно). После свержения Четырехсот Ферамен был одним из тех, кто активно ратовал за возвращение Алкивиада из изгнания (Нер. Alc. 5; Diod. XIII. 38. 2; XIII. 42. 2). Впоследствии оба они на протяжении нескольких лет совместно командовали афинским флотом и добились очень значительных успехов³³. Еще в правление «Тридцати тиранов» Ферамен критиковал Крития, в числе прочего и за то, что Алкивиад по-прежнему находится в опале (Xen. Hell. II. 3. 42). Отметим еще, что Ферамен был также близок к Сократу; последний, по некоторым сведениям (Diod. XIV. 5), пытался даже отстоять Ферамена от казни³⁴.

³³ Обычно эти успехи считаются всецело заслугой Алкивиада. Однако см. работу, в которой специально подчеркивается, что вклад его коллег – Ферамена и Фрасибула – ни в коем случае не следует недооценивать: *Bloedow E. F. Alcibiades: A Review Article // Ancient History Bulletin*. 1991. Vol. 5. No. 1/2. P. 24 ff. Справедливости ради отметим, что для этого автора характерна, на наш взгляд, чрезмерно критическая оценка Алкивиада во всех отношениях (наиболее подробно см.: *Bloedow E. F. Alcibiades Reexamined*. Wiesbaden, 1973).

³⁴ Однозначного отношения к традиции об этом эпизоде в историографии нет. Ср., например, полное недоверие С. Я. Лурье (*Лурье С. Я. Комментарий // Ксенофонт. Греческая история*. СПб., 1996. С. 331) и попытку (впрочем, не слишком аргументированную) более позитивного отношения к свидетельству со стороны В. С. Нерсисянца (*Нерсисянц В. С. Сократ*. М., 1977. С. 97). На самом деле в рассказе Диодора нет ничего невероятного. Сомнения вызывает главным образом возможность того, что философ в условиях террористического режима отважился публично заступиться за человека, приговоренного к смерти. Однако Сократ при «Тридцати тиранах» вообще вел себя смело и даже вызывающе: отказался участвовать в аресте Леонта Саламинского, весьма вольно говорил с Критием и т. д. Будучи учителем последнего и, как никак, пользуясь его уважением, Сократ, видимо, чувствовал себя в безопасности, и не без оснований: несмотря на его демонстративное непослушание, никаких санкций против него не последовало, дело ограничилось угрозами и предупреждениями со стороны

Чуть выше был упомянут еще один из врагов Антифонта – Андрон, сын Андротиона, из дема Гаргетт. Он также являлся членом коллегии Четырехсот (Нагрост. s.v. Ἀνδροῶν), но явно принадлежал к ее «фераменовскому», а не «фринихо-антифоновскому» крылу. После низложения Четырехсот именно он составил псефисму, направленную против Антифонта, и выступил, таким образом, главным инициатором казни оратора.

Андрон был выходцем из достаточно известной и знатной аттической семьи. Хорошо известен его сын Андротион, действовавший уже в следующем столетии, – видный политик, но в историю вошедший прежде всего как автор одной из самых известных «Аттид»³⁵. Какой-то другой член той же семьи – Андрон, сын Андрокла, из Гаргетта – уже в 480-х гг. до н. э. появляется на нескольких остраконах для остракизма³⁶. Из этого, кстати, вытекает, что Андрона, члена Четырехсот, нельзя, как может показаться на первый взгляд, относить к когорте «новых политиков», выдвинувшихся только в период Пелопоннесской войны. Происхождение семьи Андрона – Андротиона мы специально разобрали в другом месте³⁷. Не повторяя развернутой там аргументации, констатируем только: мы пришли к выводу, что речь следует вести об одной из второстепенных ветвей рода Филаидов, обосновавшейся в деме Гаргетт, – возможно, той самой ветви, к которой позже принадлежал философ Эпикур (Diog. Laert. X. 1).

Обратимся теперь к перечислению тех врагов Антифонта, которые не входили в состав коллегии Четырехсот. Таких, естественно, больше. Из них в первую очередь следует остановиться на Алкивиаде, тем более что он уже неоднократно упоминался выше. Известно, что у Антифонта было произведение под названием Ἀλκιβιάδου λοιδόριαι – «Поношения Алкивиада» (Antiph. fr. 66–67 Blass – Thalheim). Оно, судя по всему, представляло собой не речь в собственном смысле слова, а политический памфлет, содержащий личные инвективы против Алкивиада³⁸. Вопрос о датировке памфлета неясен³⁹. Во всяком

правителей. Взаимоотношения Сократа и Тридцати – очень интересная тема, заслуживающая специального исследования.

³⁵ Об Андротиионе см.: *Harding Ph. Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.*

³⁶ *Brenne S. Op. cit. S. 101*, с датировкой 471 г. до н. э. Наши соображения о том, что весь этот комплекс остраконов с Керамика следует датировать 486 г. до н. э., см.: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 61* сл. В контексте данной работы вопрос о конкретной датировке не принципиален.

³⁷ *Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 102–127.*

³⁸ О традиции памфлета-инвективы в Афинах этой эпохи см.: *Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 437.*

³⁹ С. Я. Лурье считал, что это то же самое произведение, которое из других авторов известно под названием «Политик» (*Luria S. Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus*

случае, ясно, что он был написан тогда, когда вокруг деятельности Алкивиада уже велась острая полемика в афинском общественном мнении – в 410-х гг. до н. э. Апогея полемика достигла в 411 г. до н. э. в связи с готовящимся олигархическим переворотом. Напомним, последний намечался как будто именно ради примирения с Алкивиадом, но после установления олигархии усилиями ряда лидеров влиятельных гетерий опальный полководец не был-таки допущен в полис. Мы видели, что, с одной стороны, одним из главных врагов Алкивиада из числа Четырехсот был Фриних, а с другой – Фриних и Антифонт давно уже находились в одной политической группировке, что предполагает единство позиции и по этому важному вопросу. Собственно, даже *a priori*, в отсутствие каких-либо иных позитивных данных можно было бы с немалой уверенностью говорить, что Антифонт не был другом Алкивиаду. А наличие среди трудов Антифонта столь откровенно «антиалкивиадовского» сочинения (составленного, скорее всего, именно в контексте дебатов 411 г. до н. э.) в полной мере укрепляет эту уверенность.

О содержании данного памфлета можно судить по информации из него, приводимой Плутархом (Alc. 3). В передаче херонейского биографа, Антифонт рассказывает об Алкивиаде довольно-таки гнусные вещи: якобы тот еще мальчиком однажды убежал из дома к одному из своих любовников, чем едва не опозорил собственных опекунов – Перикла и Арифрона, а в другой раз в палестре ударом палки убил одного из сопровождавших его афинян. Плутарх, впрочем, глубокомысленно прибавляет: «Не следует, однако, верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нисколько не скрывал своей ненависти (ὁτ' ἔχθραν ὁμολογῶν) к Алкивиаду».

Алкивиад, сын Клиния, из дема Скамбониды, принадлежал, напомним, к высшей афинской знати. Вопрос о том, к какому роду он принадлежал по отцовской линии, до сих пор остается предметом дискуссий⁴⁰, но со стороны матери этот политик происходил из Алкмеонидов и через них находился в родстве с Периклом.

От Алкивиада закономерно перейти к его другу и учителю Сократу. Сократ, сын Софрониска, из Алопеки, хотя и не занимался практической политикой, но все-таки был на протяжении довольно длительного хронологического отрезка, в сущности, одной из виднейших фигур афинской общественной жизни. «Босоногий мудрец» Сократ, кстати, отнюдь не был, как зачастую считают, представителем простолюдинов, с которым из какого-то аристократического каприза общались члены прославленных евпатридных родов. С гораздо большим

Rhamnus // Hermes. 1926. Bd. 61. Ht. 3. S. 343 ff.). Но это – лишь догадка, и у нас нет уверенности, что она зиждется на достаточно надежных основаниях.

⁴⁰ См. подробнее: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 211 сл. (с указаниями на предшествующую литературу).

основанием можно считать философа выходцем из обедневшей знати, сохранившим связь со своей исконной средой⁴¹. Имя его супруги Ксантиппы типично именно для аристократов; мужской вариант этого имени, Ксантипп, был популярен в VI–V вв. до н. э. прежде всего в роду Бузигов. За безвестного человека ни один евпатрид, конечно, не выдал бы свою дочь. Согласно устойчивой традиции, представленной целым рядом авторов (Arist. fr. 93 Rose; Demetr. Phaler. FGrHist. 228. F 45; Plut. Aristid. 27; Diog. Laert. II. 26; Athen. XIII. 556a), у Сократа была и вторая жена, по имени Мирто. Перечисленные источники согласны в том, что она принадлежала к семье знаменитого Аристиды, по прозвищу Справедливый. Далее, правда, начинается путаница: Мирто являлась то ли дочерью Аристиды, то ли внучкой, то ли правнучкой... И женой Сократа она была не то до Ксантиппы, не то после, не то даже одновременно с ней. Не можем исключать, что по своему юридическому статусу Мирто была не официальной супругой Сократа, а его наложницей (παλλακή)⁴². Как известно, афинское право отнюдь не запрещало женатым гражданам иметь таких наложниц, которые, более того, вполне могли быть свободными женщинами и даже гражданками, да и дети от них получали права гражданства, хотя и не могли на законных основаниях наследовать отцу.

Следует констатировать только одно: Сократ находился в каких-то близких отношениях с женщиной из потомства Аристиды. Ничего невероятного в этом нет. И Сократ, и Аристид принадлежали к одному дему – Алопеке. Наверное, не случайно, что между их семьями сохранялась наследственная дружба, о чем неоднократно сообщает Платон. Так, друзьями были сын Аристиды Лисимах и отец Сократа Софрониск (Plat. Lach. 180e). А сам философ поддерживал близкие отношения с Аристидом Младшим, сыном этого Лисимаха и внуком Аристиды Справедливого (Plat. Theag. 130a). Вполне естественно, что в круг этих отношений, продолжавшихся на протяжении нескольких поколений, оказалась втянута и Мирто, – скорее всего, дочь или сестра Аристиды Младшего.

Всё это было сказано с целью продемонстрировать, что Сократ может и должен быть рассматриваем в контексте афинской аристократической просопографии. Каковы же были отношения между ним и Антифонтом? Судя по всему, их следует охарактеризовать как соперничество – во всяком случае со стороны Антифонта. Ксенофонт посвятил целую главу своих воспоминаний о Сократе (I. 6) его беседам с Антифонтом. И последний предстает в этих беседах оппонентом философа, раздраженно нападающим на него, а в конечном

⁴¹ Молчанов А. А. Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201–203.

⁴² Об этом статусе см.: Mossé C. La place de la pallakê dans la famille athénienne // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273–279.

счете стремящимся переманить к себе его учеников. Со своей стороны, Сократ, как ему и было присуще, тонко иронизировал над Антифонтom (Plat. Menex. 236a).

Итак, на примере Сократа видим, что не только политикам, но и деятелям культуры тоже должно быть уделено место в нашем рассмотрении. В конце концов, Антифонт сам совмещал в себе эти две ипостаси. Коснемся поэтому фигур нескольких комедиографов. Древняя аттическая комедия, как хорошо известно, имела ярко выраженный политический характер. И взгляд, согласно которому ее авторы просто весело, дурашливо, без всякой задней мысли издевались над своими согражданами, верен лишь отчасти. Напомним, например, что комедиограф Гермипп вначале нападал на Аспасию в своих пьесах, а кончил тем, что возбудил против нее судебный иск (Plut. Pericl. 32).

Выше уже упоминался комический поэт Платон, который в драме «Писандр» высмеивал Антифонта за сребролюбие. Таким образом, вряд ли он симпатизировал оратору. А вот о самом знаменитом представителе древней комедии – Аристофане – этого, пожалуй, сказать нельзя. Упоминание им Антифонта в комедии «Осы» (также цитировалось выше) дано во вполне нейтральном контексте.

Личности некоторых врагов Антифонта можно выявить на основе информации о его судебно-политических речах, не сохранившихся до нашего времени. От ряда этих речей дошли заглавия и фрагменты. Не все речи такого рода были написаны оратором для себя самого; поскольку он занимался ремеслом логографа, то, пожалуй, даже большинство соответствующих текстов составлялись им для клиентов. Но будем исходить из того, что уж если Антифонт писал против кого-либо судебную речь, то вряд ли против лица, находившегося с ним в дружественных отношениях.

Так, Псевдо-Плутарх в своем жизнеописании Антифонта упоминает его речь против некоего Гиппократa. Относительно этого последнего в рукописной традиции сказано дословно следующее: Ἰπποκράτους τοῦ ἰατροῦ στρατηγοῦ, то есть имеет место явная порча текста. Не можем согласиться с К. Довером, считающим, что это – речь против знаменитого врача Гиппократa Косского⁴³. С какой бы стати было называть его стратегом? На наш взгляд, слово ἰατροῦ – ошибочная вставка какого-то переписчика (поскольку в последующие эпохи был прославлен прежде всего Гиппократ-врач, затмивший собой всех остальных носителей этого имени), а в изначальном тексте было просто Ἰπποκράτους τοῦ στρατηγοῦ. Иными словами, здесь имеется в виду, конечно, стратег Гиппократ, сын Арифрона, из Холарга – личность достаточно

⁴³ Dover K. J. The Chronology of Antiphon's Speeches // Classical Quarterly. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 53.

известная в афинской истории, племянник Перикла (об отношении Антифонта к Периклу см. ниже), погибший в сражении при Делии в 424 г. до н. э.⁴⁴

Среди дошедших лишь в незначительных отрывках сочинений Антифонта – защитительная речь (апология) в процессе *γραφῆ παρὰ νόμων*, возбужденном против него стратегом Демосфеном (Antiph. fr. 8–14 Blass – Thalheim). Об этом процессе ближе ничего не известно, но он в любом случае должен быть одним из первых, если не самым первым зафиксированным в Афинах процессом этого типа⁴⁵. Какой Демосфен здесь имеется в виду – сомневаться не приходится. Это, бесспорно, Демосфен, сын Алкисфена, из дема Афидны, военачальник эпохи Пелопоннесской войны – тот самый, который в 425 г. до н. э. захватил Пилос, а в 413 г. до н. э. погиб на Сицилии, один из лучших полководцев своего времени.

Еще одна фрагментарно сохранившаяся речь – «Против Эрасистрата о павлинах» (Antiph. fr. 57–59 Blass – Thalheim). Об этом афиняне в последнее время стало больше известно, поскольку был открыт на Керамике остракон с его именем⁴⁶. Вот пример того, как один-единственный памятник малой эпиграфики может дать очень ценную информацию. На данном примере, кстати, как раз будет удобно вкратце показать «кухню» ономастико-просопографического анализа, поскольку случай этот достаточно прост и прозрачен.

На остраконе интересующее нас лицо обозначено как Эрасистрат, сын Астия; демотик не указан. В то же время на двух других остраконах с Керамика фигурирует некий Диокл, сын Астия из Ахарн. Совпадение патронимика дает повод задаться вопросом: а не братья ли перед нами? Дать на этот вопрос положительный ответ, пусть даже в самой осторожной форме, было бы слишком смелым, если бы в нашем распоряжении имелись только эти данные. Однако есть и другие. Известно, что одним из видных афинских политиков эпохи Пелопоннесской войны был Феак, сын Эрасистрата, из Ахарн. О нем неоднократно упоминают нарративные источники, встречается его имя и на нескольких остраконах с остракизмом 415 г. до н. э. Совокупность патронимика и демотика не позволяет сомневаться в его принадлежности к той же самой семье. Эта политически активная семья из дема Ахарны теперь оказывается известна нам уже в четырех своих представителях. Это Астий, его сыновья Диокл и Эрасистрат и сын последнего Феак. Но зафиксированы и другие члены той

⁴⁴ О Гиппократе, сыне Арифрона, см.: Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 75 сл.

⁴⁵ О *γραφῆ παρὰ νόμων* см. теперь: Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 345 сл. Там же и обильные указания на предшествующую литературу.

⁴⁶ Brenne S. Op. cit. S. 140 (с датировкой 471 г. до н. э., которая представляется в данном случае слишком ранней); Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 550 с прим. 91.

же семьи, принадлежащие уже к следующим поколениям: Эрасистрат, сын Феака (Plut. Ages. 15), и племянник Феака, также носивший имя Эрасистрат (Plat. Егух. 392a). Кто-то из этих двух последних вошел в состав коллегии Тридцати в 404 г. до н. э. (Хеп. Hell. II. 3. 2), но кто именно – судить невозможно, поскольку Ксенофонт сообщает только имена «Тридцати тиранов», без патронимиков. Поскольку отношения дружбы и вражды в классической Греции имели не только чисто личный, но и семейный, наследственный характер, есть основания причислить всю эту семью к лагерю, недружественному по отношению к Антифону.

Павлины, значащиеся в заголовке вышеупомянутой речи, – это те павлины, которых разводил афинянин Пириламп: он вывез их из Персии, где побывал в качестве посла. Пириламп и сам упоминается в речи (Antiph. fr. 57 Blass – Thalheim), именно в связи с павлинами. Неясен эмоциональный контекст этого упоминания – позитивный или негативный, – что вызывает наше большое сожаление, поскольку весьма интересно было бы знать отношение Антифонта к этому достаточно крупному политическому деятелю, носившему столь редкое и звучное имя (Пириламп – буквально «огнесияющий»).

Пириламп – по интересному совпадению сын Антифонта (разумеется, не Антифонта-оратора, а какого-то его тезки) – входил в круг Перикла, даже считался его близким другом (Plut. Pericl. 13). Этого знатного афинянина можно признать характерным представителем той части аристократии, которая в период расцвета демократического строя сознательно встала на его сторону⁴⁷ (вне сомнения, в первую очередь под влиянием примера самого Перикла). Чрезвычайно знаменателен тот факт, что своего сына от первого брака Пириламп назвал не более и не менее как Δῆμος. На русский язык в переводах источников его имя транскрибируют то как Демос, то как Дем. Последний вариант формально правильнее, поскольку исходит из норм русской транскрипции древнегреческих собственных имен, но первый вернее по существу, поскольку ясно, что Пириламп назвал своего отпрыска не в честь какого-нибудь дема, а в честь всего народа афинского.

Лишь сыну от второго брака он дал имя Антифонт – по деду, хотя по афинским традициям в честь деда обычно нарекали первенца. Кстати, второй женой Пирилампа была Периктиона – мать философа Платона, чьим отчимом, следовательно, стал интересующий нас здесь афинский гражданин. Сообщается, что Пириламп был родным дядей Периктионы⁴⁸; соответственно, он тоже принад-

⁴⁷ Об этой «демократически ориентированной части аристократии», вошедшей в состав политической элиты демократического полиса, см.: Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 251.

⁴⁸ Бивар А. Д. Х. Платон и митраизм // ВДИ. 1998. № 2. С. 4.

лежал к знатнейшему роду Кодридов. При Перикле он неоднократно выполнял дипломатические миссии – чаще всего в Персию, слыл большим богачом.

Повторим, однозначно заносить Пирилампа (а следовательно – и его родственников) в число врагов оратора Антифонта нет прямых резонов, а только косвенные. А на основании последних любого рода выводы могут быть только очень осторожными и гипотетичными. Поскольку Пирилампа был другом Перикла, возможно, кое-что позволит прояснить анализ отношения Антифонта к «афинскому олимпийцу» (см. ниже).

Была в корпусе Антифонта (также утрачена) речь «Против Филина» (Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim). Кто такой этот Филин – тоже стало известно только недавно, и опять-таки источником информации оказался остракон, надписанный кем-то на остракофории 415 г. до н. э.⁴⁹ Выяснилось, что это Филин, сын Kleippiда, из Ахарн; сразу же ни у кого не возникло никаких сомнений, что он – родной брат знаменитого демагога Kleoфонта, сына Kleippiда, из Ахарн. А отец их Kleippiд, сын Диния, из Ахарн был довольно видным политиком эпохи Перикла. В начале Пелопоннесской войны Kleippiд являлся стратегом (Thuc. III. 3. 3). А из тех же остраконов стал известен и новый факт его биографии: оказывается, он был одним из «кандидатов» на изгнание во время остракофории 444 г. до н. э., жертвой которой стал, как известно, Фукидид, сын Мелесия, тогдашний лидер Филаидов. На Керамике найдено более 120 остраконов с именем Kleippiда, а это очень немало.

Еще одна речь Антифонта называлась «Против Лесподия» (Antiph. fr. 21–24 Blass – Thalheim). Имя опять же очень редкое, и поэтому не приходится сомневаться в тождестве этого лица с Лесподием⁵⁰, который в 414/413 г. до н. э. занимал должность стратега (Thuc. VI. 105. 2), а в 411 г. до н. э. входил в число сторонников Четырехсот и, хотя неизвестно, был ли членом этой коллегии, но, во всяком случае, был включен ею в состав одного из посольств в Лакедемон (Thuc. VIII. 86. 9). На одном из остраконов первой половины V в. до н. э. упомянут другой Лесподий, сын Спудида (?), из дема Кела⁵¹. Ввиду вышеупомянутой редкости имени можно с большой уверенностью утверждать, что оба Лесподия происходили из одной семьи; следовательно, Лесподий, против которого направлена речь Антифонта, также был приписан к Келе.

⁴⁹ Raubitschek A. E. Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71; Brenne S. Op. cit. S. 267; Суриков И. Е. Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. Нижний Новгород, 2004. Вып. 1 (3). С. 59–60.

⁵⁰ О нем см.: Develin R. Laispodias Andronymios // *JHS*. 1986. Vol. 106. P. 184.

⁵¹ Brenne S. Op. cit. S. 207. Как замечает Ш. Бренне, трудно судить, является ли патронимиком непонятное, искаженное слово Σ{ι}πουδ[ι]δος в третьей строке надписи на остраконе. Постановка патронимика после демотика, во всяком случае, необычна.

Одна из защитительных речей Антифонта (Antiph. fr. 17–20 Blass – Thalheim) произносилась на судебном процессе типа ἐνδειξις⁵², возбужденном неким Каллием. Имя Каллий в V в. до н. э. зафиксировано в Афинах прежде всего в роде Кериков и породнившихся с ним семьях. Что касается данного конкретного Каллия, то по одному имени без каких-либо дальнейших уточнений трудно однозначно идентифицировать его. Но наиболее вероятным представляется, что речь следует вести о самом знаменитом среди носителей имени Каллий, современных Антифону, то есть о Каллии, сыне Гиппоника, из дема Алопека⁵³. Это тот самый Каллий, который неоднократно упоминается в диалогах Платона в качестве экстравагантного богача, восторженного поклонника как софистов, так и Сократа. Политиком «первого эшелона» он не был, однако в общественной жизни полиса все-таки участвовал.

В речах Антифонта упоминается в недружественном контексте еще ряд афинян, но их идентификация уже и вовсе сложна, практически невозможна. Например, имеется речь против Каллистрата (Antiph. fr. 15 Blass – Thalheim), но имя Каллистрат было чрезвычайно распространено в классических Афинах, в том числе и в период Пелопоннесской войны известен ряд его носителей, занимавших различные полисные магистратуры. Ясно одно: что Каллистрат, фигурирующий у Антифонта, – это не знаменитый Каллистрат, сын Калликрата, из Афидны, один из крупнейших политиков-демагогов IV в. до н. э., выдающийся оратор. Тот был еще мальчиком, когда Антифонта казнили. Впрочем, нельзя исключать, что у последнего идет речь о другом, более раннем представителе той же семьи.

Еще меньше можно сказать о «героях» речей Антифонта «Против Никокла» (Antiph. fr. 36–45 Blass – Thalheim), «Против Полиевкта» (Antiph. fr. 47 Blass – Thalheim) и «Против Филиппа» (Antiph. fr. 65 Blass – Thalheim). Кто такие эти Никокл, Полиевкт и Филипп – установить нет никакой возможности. Равным образом это относится к Тимократу, которого в одной из речей Антифонт защищал (Antiph. fr. 16 Blass – Thalheim).

⁵² Об этом типе судебного процесса см.: *Hansen M. H. Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense, 1976.

⁵³ Демотик этой (главной) ветви рода Кериков долго был в науке предметом дискуссий. Впрочем, теперь уже можно практически безоговорочно утверждать, что семья была приписана к Алопеке. См.: *Rapke T. T. The Demotic of Kallias Didymiou // L'Antiquité classique.* 1974. Vol. 43. P. 332–333; *Piccirilli L. L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio.* 1996. Bd. 78. Ht. 2. S. 325–328.

* * *

Представляется необходимым специально остановиться на небезынтересном вопросе об отношении Антифонта к Периклу. Уже а priori представляется вероятным, что оратор-олигарх вряд ли питал большие симпатии к самому знаменитому из лидеров афинской демократии, творцу того политического порядка, который Антифонт низвергал в 411 г. до н. э. Однако априорными рассуждениями, разумеется, никак нельзя ограничиться; нужны более весомые доводы.

Прямых свидетельств по данному сюжету в нашем распоряжении нет, однако имеется ряд косвенных данных, которые в своей совокупности и взаимосвязи помогают выстроить некоторую линию аргументации.

Антифонт был, помимо прочего, еще и известным снотолкователем⁵⁴. Написанный им сонник до нас не дошел, однако в античности пользовался большой популярностью. В частности, его очень высоко оценивает Цицерон (*De div.* I. 39), считая его одним из лучших руководств такого рода. В трактате «О дивинации» этот римский оратор и мыслитель приводит различные толкования сновидений, многие из которых восходят в конечном счете именно к Антифону.

Среди этих толкований привлекает внимание следующий, довольно необычно звучащий пассаж (*Cic. De div.* I. 121): «Если женщине приснилось, что она родила льва, то государство, в котором это произошло, будет покорено внешними племенами» (*si mulier leonem peperisse visa esset, fore ut ab exteris gentibus vinceretur ea res publica, in qua id contigisset*). Тут сразу же не может не вспомниться известное место из Геродота (VI. 131): «Когда Агариста ожидала ребенка, то имела видение во сне: ей представилось, что она родит льва. Несколько дней спустя она произвела на свет Перикла».

Это, кстати, единственное место, где «отец истории» упоминает Перикла. Как данную деталь следует оценивать? На первый взгляд – в весьма позитивном свете. Еще бы, в качестве олицетворения Перикла выступает лев! А для нас символика льва вполне однозначна: благородное, гордое, царственное животное. Во многие эпохи и у многих народов лев – животное геральдическое. Таким он был и в ряде государств древнего мира – но не в Афинах! Для демократического полиса «царственные» символы были, мягко говоря, не очень-то подходящими.

Кроме того, в исследовательской литературе уже указывалось⁵⁵, что образ льва в древнегреческой литературе имеет неоднозначный, двойственный характер. Он несет черты не только храбрости и благородства, но также хищности, склонности к насилию. Точное значение сна Агаристы из текста Геродота

⁵⁴ Суриков И. Е. *Antiphoneta* II... С. 38.

⁵⁵ См.: Hart J. *Herodotus and Greek History*. L., 1982. P. 13.

неясно. Вполне возможно, что эта двусмысленность допущена историком сознательно⁵⁶: пусть, дескать, каждый читатель понимает как хочет. Ясно одно: появление льва в любом случае знаменовало некую скрытую угрозу. Ведь лев – это, помимо прочего, очень опасное животное. Этот аспект «львиной» символики четко проступает в «Лягушках» Аристофана, в связи с Алкивиадом (кстати говоря, родственником Перикла):

Не надо львенка в городе воспитывать.

А вырос он – себя заставит слушаться.

(Aristoph. Ran. 1431–1432)

Итак, львенок ассоциируется с потенциальным тираном; а лев, стало быть, с тираном уже «состоявшимся».

Вряд ли можно установить, у кого львиный образ в связи с Периклом появился раньше – у Антифонта или у Геродота. Оба писателя были современниками и, вне сомнения, читали друг друга. Оба застали первые годы Пелопоннесской войны. У истоков последней стоял не кто иной, как Перикл, и именно его общественное мнение обвиняло в ее развязывании. Опустошительные нашествия спартанцев на Аттику, страшная эпидемия чумы – всё это, как известно, вызвало взрыв озлобления против «первого гражданина» в среде его сограждан, озлобления, имевшего сильный религиозный оттенок («Килонова скверна» и т. п.). В этой ситуации и вспомнили о сне Агаристы; Антифонт актуализовал его в своем соннике, продемонстрировав, что Периклу как бы самой судьбой предречено разрушить государство. Данный им крайне неблагоприятный прогноз, по иронии судьбы, сбывся: Афины действительно потерпели в войне поражение, хотя это случилось уже не при жизни Антифонта и Геродота.

* * *

На основе изложенных просопографических данных можно теперь попытаться сделать некоторые выводы. Первый из них просто-таки бросается в глаза: среди друзей и соратников Антифонта мы практически не находим выходцев из самых знатных, старинных и политически влиятельных афинских родов. Встречаются только два исключения: Каллесхр из рода Кодридов и Фукидид из рода Филаидов. Однако, что касается Каллесхра, мы видели, что предположение о его близости к Антифону основывается только на весьма сомнительном и проблематичном свидетельстве Псевдо-Плутарха. А учитывая, что сын Каллесхра – Критий – был (до определенного момента) дружен

⁵⁶ В рамках характерной для него «диалогичной» установки, о которой см.: Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 28 сл.

с Сократом и Алкивиадом, которых никак нельзя отнести к окружению Антифонта, проблематичность ситуации становится еще больше.

По поводу же Фукидида можно сказать, что великий историк – человек оригинальных и совершенно не традиционных взглядов – вряд ли являлся типичным представителем афинской аристократии. Да мы уже и отмечали, что он позволял себе, например, такие вещи, как восхваление Перикла, резко противоречащее основной политической линии Филаидов в V в. до н. э.

Что же касается врагов Антифонта, то среди них процент выходцев из древней знати как раз достаточно высок. Перикл и Гиппократ из рода Бузигов; Алкивиад из рода Саламиниев (?) или, во всяком случае из какого-то чрезвычайно знатного рода, возводившего свое происхождение к Аяксу Саламинскому; Каллий из рода Керики; Андрон, – судя по всему, из рода Филаидов; Пириламп из рода Кодридов...

Здесь следует обратить внимание на два нюанса. Во-первых, по отношению к Антифону в одном (противоположном) «лагере» оказались члены родов, которые между собой отнюдь не были дружны. Здесь и Бузиги, издавна входившие в окружение Алкмеонидов, и Филаиды, напротив, с Алкмеонидами всегда жестко соперничавшие, и Керики, игравшие роль своеобразного «буфера» между Алкмеонидами и Филаидами. Создается впечатление, что все они откладывали свои взаимные трения на второй план, когда речь шла о противостоянии «новым политикам», одним из которых был Антифонт. Как тут не вспомнить о ситуации 470-х гг. до н. э., когда высшая афинская знать точно так же на время забыла о своей вражде и объединилась – исключительно для того, чтобы сломить первого из «новых политиков», Фемистокла?⁵⁷

Во-вторых, «олигарх» Антифонт выступает в качестве политического противника знатнейших аристократов, сам к их числу не принадлежа. Вот, между прочим, лишний аргумент в пользу точки зрения, которую мы давно уже⁵⁸ отстаиваем в противовес традиционному мнению, отождествляющей на греческой почве аристократов с олигархами. По нашему глубокому убеждению, между ними никак нельзя ставить знак равенства; в частности, в классических Афинах идеология аристократии вовсе не была антидемократической. Достаточно вспомнить выше уже упоминавшийся факт: Пириламп из аристократичнейшего (бывшего царского!) рода Кодридов назвал своего сына Демосом, и, надо думать, вполне сознательно.

Отметим еще, что и сама так называемая олигархическая ориентация оказывается в просопографическом контексте в значительной степени иррелевантной. Так, если взять правительство Четырехсот 411 г. до н. э., то ясно, что

⁵⁷ Об этом альянсе аристократических родов см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 187–188.

⁵⁸ См., например: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 309 сл.

в нем собрались, мягко говоря, не приверженцы демократии. Однако единство базовых политических убеждений не препятствовало, как мы видели, сохранению в среде Четырехсот самых острых личных соперничеств. Среди членов коллегии нами зафиксированы как друзья Антифонта – Фриних, Аристарх, Архептолем, Ономакл, Писандр (?), Каллесхр (??) – так и его отъявленные враги – Ферамен, Андрон, Лесподий. Ферамен и Андрон даже были обвинителями Антифонта на судебном процессе, закончившемся смертным приговором.

Необходимо коснуться еще такого немаловажного момента, как распределение соратников и соперников оратора по аттическим демам. Не для всех из них известны демотики; но даже и на основе той информации, которая имеется в нашем распоряжении, можно делать определенные наблюдения.

В качестве одной из базовых дихотомий внутриафинской политической жизни классической эпохи можно принять разделение всех демов Аттики на городские (находившиеся в самих Афинах и их ближайших окрестностях) и сельские (занимавшие остальную территорию полиса). Последние в свою очередь подразделялись на «прибрежные» (Паралия) и «внутренние» (Месогей), но эта деталь интересует нас уже в меньшей степени⁵⁹.

Сам Антифонт происходил из сельского (прибрежного) дема Рамнунт (филы Эантиды), располагавшегося в крайнем северо-восточном «углу» полиса, очень удаленного от Афин. Из этого ни в малейшей мере не следует, что оратор действительно жил на этой глухой периферии и ходил оттуда в город заниматься общественными делами. Разумеется, он имел дом в городской местности. Его принадлежность к Рамнунту означает то, что в этом деме жили его предки на момент реформ Клизфена, когда были введены демотики.

Как в этом смысле обстоят дела с другими рассмотренными здесь лицами? Для друзей Антифонта имеем следующие данные (демотики приводились в соответствующих местах выше, а здесь мы обобщаем этот материал). Фриних – из Дирадии, сельского (прибрежного) дема (филы Леонтиды); этот дем, кстати, располагался на восточном побережье Аттики, как и Рамнунт. Писандр – из знаменитых Ахарн, самого большого по количеству населения афинского дема; Ахарны являлись также сельским (внутренним) демом (филы Энеиды). Архептолем – из Агрилы, городского дема (филы Эрехтеиды), одного из самых центральных, находившегося в ближайших окрестностях Афин. Лисистрат (если верно его отождествление с Лисистратом, упоминающимся у Аристофана, в чем полной уверенности быть не может ввиду большой распространенности этого имени в Афинах) – из Холарга, также городского дема (филы Акамантиды), но находящегося подальше от столицы. Фукидид-историк –

⁵⁹ Локализация конкретных аттических демов, принятая нами в дальнейшем изложении, основывается на выкладках, приведенных в одном из важнейших исследований по данной проблематике: *Traill J. S. The Political Organization of Attica. Princeton, 1975.*

из городского дема Галимунт (филы Леонтиды), но расположенного на самой границе «городской зоны» Аттики, юго-восточнее Фалера, и фактически тяготившего скорее к Паралии.

Перейдем теперь к врагам Антифонта. Ферамен – из Стирии, сельского (прибрежного) дема (филы Пандиониды) на восточном побережье Аттики. Андрон – из Гаргетта, сельского (внутреннего) дема (филы Эгеиды). Алкивиад – из Скамбонидов, городского дема (филы Леонтиды), в самом центре Афин, одного из немногих демов, локализуемых внутри городских стен. Сократ – из Алопеки, городского дема (филы Антиохиды). Из той же Алопеки – Каллий. Перикл и Гиппократ – из уже упоминавшегося Холарга, городского дема филы Акамантиды. Эрасистрат – из Ахарн, которые также уже упоминались; напомним, что это сельский (внутренний) дем филы Энеиды. Из Ахарн – и Филин. Демосфен – из Афидны, сельского (внутреннего) дема (филы Эантиды). Лесподий – из Келы, городского дема (филы Гиппофонтиды).

В целом картина вырисовывается достаточно хаотичная, в ней трудно уловить какую-то закономерность. Впрочем, на ее материале можно сразу заметить, что принадлежность к одному и тому же дему еще не была залогом личной и политической близости. Например, в демах Ахарны, Холарг встречаются как друзья, так и враги Антифонта.

Проводя исследование, мы питали некоторую надежду, что удастся на основе собранных данных установить противостояние между элитой городских и сельских демов. Эти ожидания, следует констатировать, не оправдались. В обоих «лагерях» обнаруживаются представители как той, так и другой категории, причем примерно в равной пропорции. Это, так сказать, количественная «сторона медали». Однако есть ведь и качественная, заключающаяся в том, что виднейшие, самые влиятельные деятели обоих очерченных нами «просопографических кругов» – выходцы из сельских демов. Исключениями являются Перикл и Алкивиад, которые, по степени влияния принадлежа, бесспорно, к самому верхнему слою, при этом являлись членами городских демов. Однако Перикл – фигура, относящаяся еще к предыдущему поколению по сравнению с Антифонтом и его современниками, а Алкивиад, как нам уже доводилось отмечать⁶⁰, был своего рода «блистательным анахронизмом», уж очень сильно выбивавшимся из общих норм политической жизни его времени.

Вкратце обозначим в данной связи наши общие представления о некоторых особенностях характера внутривнутриполитической борьбы в классическом афинском полисе. Для предыдущей, архаической эпохи был характерен наиболее четко очерченный в работах Р. Сили феномен «регионализма». По наблюдению этого

⁶⁰ Например: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 213 сл.; Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 12 сл.

ученого⁶¹, реформы Клисфена знаменовали победу в региональной борьбе городских демов над сельской частью Аттики. И действительно, давно уже было замечено⁶², что на протяжении большей части V в. до н. э., вплоть до Пелопоннесской войны, почти все ведущие афинские политики – выходцы из городских демов (чуть ли не единственное значимое исключение – Фемистокл, но он и имел репутацию «высочки»).

Сили считал, что это был конец аттического «регионализма». Однако, по нашему мнению, это не вполне так, и данному явлению еще было суждено «второе рождение». В другой работе⁶³ мы показали, что на протяжении V в. до н. э. подспудно зрела, набирала силу политическая элита «второго эшелона» – элита сельских демов. И вот на протяжении последней четверти столетия она властно выходит на первый план и захватывает основные «командные высоты». Просопографическая ситуация с окружением Антифонта отражает именно эту ситуацию. В IV в. до н. э. тип политика, происходящего из сельского дема, становится уже абсолютно преобладающим.

⁶¹ *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 157.

⁶² *Gomme A. W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37 ff.

⁶³ *Суриков И. Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

АФИНСКИЕ ФАНАГОРЫ*

Данная работа представляет собой небольшой этюд из области древнегреческих ономастики и просопографии. Эти две тесно взаимосвязанные вспомогательные исторические дисциплины в антиковедческих исследованиях (сказанное относится и к изучению Северного Причерноморья, в том числе Боспора) получили в последнее время новый мощный импульс в связи с выходом фундаментального многотомного издания «Лексикон греческих личных имен»¹.

Нам не раз уже приходилось указывать², что собранное в этом воистину эпохальном труде³ колоссальное количество данных о древнегреческих именах и их носителях из самых разных регионов эллинского мира (свод и строится по региональному принципу) дает возможность, с одной стороны, производить статистические подсчеты по отдельным областям, полисам и хронологическим отрезкам, а с другой (что, на наш взгляд, еще более важно) – сопоставлять ономастическую информацию из различных областей, полисов и хронологических отрезков, что позволяет делать достаточно ответственные выводы при поиске закономерностей, параллелей, связей и т. д.

Проиллюстрируем высказанный тезис одной недавно сделанной нами находкой, имеющей отношение к античному Боспору. Факт, который далее будет освещен, ранее совершенно ускользал от внимания специалистов, а между тем он, на наш взгляд, может иметь определенное историческое значение и получить соответствующее (пусть и гипотетическое) объяснение.

Несколько лет назад автор этих строк опубликовал довольно большую статью⁴, дабы поставить под сомнение общепринятую точку зрения, согласно

* Впервые опубликовано в: Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 340–350.

¹ A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P. M. Fraser and E. Matthews. Vol. I–VA. Oxf., 1987–2010 (далее для краткости – LGPN I–VA).

² Например: Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 55; Суриков И. Е. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) // ПОЛУТРОПОС. Сб. науч. статей памяти А. А. Молчанова. М., 2014. С. 105–106.

³ О значении этого проекта см., в частности: Matthews E., Hornblower S. Introduction // Greek Personal Names: Their Value as Evidence. Oxf., 2000. P. 1–14.

⁴ Суриков И. Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 440–459.

которой название известной греческой колонии Фанагории (на Таманском п-ове) происходит от имени ее основателя-ойкиста Фанагора (речь в статье шла также и о другой, соседней с ней колонии – Гермонассе, но этот вопрос нас в данном случае не интересует). В качестве альтернативы мы предложили версию о «Фанагоре» как ранее неизвестной эпиклезе некоего божества, скорее всего Аполлона.

В полемику с нами вступил греческий ученый П. Харалампакис, придерживающийся как раз традиционной точки зрения⁵. Его доводы в целом не показались нам убедительными; мы уже достаточно подробно ответили на них в другом месте⁶, так что здесь нет совершенно никакой нужды повторять эти наши контраргументы.

Отметим только: Харалампакис в основном апеллирует к тому обстоятельству, что имя Фанагор относится к числу достаточно популярных в греческом мире, приводит примеры (как раз из LGPN). Оспаривать это невозможно, но суть нашей аргументации лежала в совершенно иной плоскости, так что данное возражение вряд ли имеет хоть какую-нибудь силу. Настаивая на том, что «Фанагор» – не имя реального исторического лица, ойкиста Фанагории, – мы исходили отнюдь не из его распространенности или нераспространенности у эллинов, а делали акцент на то, что в архаической и раннеклассической Греции колониям не давали названия в честь ойкистов; иное было бы беспрецедентно, а стало быть, необъяснимо.

Но при этом П. Харалампакис сделал интересное наблюдение (правда, кажется, сам не заметив его важности). А именно: он обратил внимание на появление антропонима Фанагор и его женского варианта Фанагора в Аттике, то есть на территории афинского государства. Объяснил он данный факт достаточно поверхностно, банально: «Это результат сближения между Афинами и Боспорским царством, чьи отношения стали прочнее после экспедиции Перикла и особенно во времена Сатира I и Левкона I»⁷. На самом деле проблема намного сложнее и значительнее, что мы в полной мере ощутили, углубившись в нее всерьез.

* * *

Мужское имя Фанагор (игнорируем здесь незначительные вариации в его написании на языке оригинала – Φαναγόρης, Φαναγόρας, Φαιναγόρας, – поскольку они совершенно не принципиальны и связаны исключительно

⁵ Charalampakis P. Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // Ан-тичный мир и археология. Саратов, 2013. Вып. 16. С. 180–189.

⁶ Суриков И. Е. Еще раз о происхождении названия Фанагории // Боспорские исследования. Керчь, 2015. Вып. 31. С. 325–333.

⁷ Charalampakis P. Op. cit. С. 184.

с диалектными особенностями) действительно было у античных греков относительно частым. В LGPN зафиксированы в совокупности несколько десятков лиц, носивших это имя, причем обитавших в различных регионах эллинского мира: на островах Эгейского моря (Эвбея⁸, Делос⁹, Кеос¹⁰, Лесбос¹¹, Фасос¹², Хиос¹³, Самос¹⁴, Родос¹⁵), в Ионии (Эфес¹⁶, Смирна¹⁷, Теос (?)¹⁸,

⁸ LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρας № 3. Это один из самых ранних случаев употребления имени Фанагор. Геродот (VII. 214) говорит о некоем Онете, сыне Фанагора, из эвбейского Кариста в связи с событиями 480 г. до н. э. Стало быть, сам Фанагор должен был родиться еще во второй половине VI в. до н. э. (в принципе, не исключена даже и первая).

⁹ LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρας № 1–2. Эти два лица – отец и сын, известные из надписи первой четверти III в. до н. э.

¹⁰ LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρας № 4–6. Все три носителя имени – граждане кеосского полиса Карфеи. Они известны из надписей; первый жил на рубеже IV–III вв. до н. э., второй – в первой половине III в. до н. э. (и был сыном Фениппа – обратим внимание на фактическое совпадение корневой морфемы Φαν-/Φαιν-; это одна из характернейших черт семейных ономастических комплексов у античных греков, см. наиболее подробно: Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009. С. 102 сл.), третий – во второй половине того же столетия. Почти не приходится сомневаться, что это члены одной и той же семьи.

¹¹ LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρας № 7 (Митилена, III в. до н. э.).

¹² LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρας № 8 (III в. до н. э.); s.v. Φαναγόρης № 4–8 (эти пять лиц жили частично на рубеже V–IV вв. до н. э., частично – в IV в. до н. э., в основном в его первой половине; если не все они, то какие-то из них тоже явно принадлежали к одной семье).

¹³ LGPN I. P. 453, s.v. Φαναγόρης № 1–2. Первый из этих двух Фанагоров жил на рубеже V–IV вв. до н. э., а второй – на рубеже II–I вв. до н. э., так что они могут и не иметь друг к другу отношения.

¹⁴ LGPN I. P. 453, Φαναγόρης № 3 (рубеж III–II вв. до н. э.).

¹⁵ LGPN I. P. 452, s.v. Φαιναγόρας № 1 (?), 2. Первый случай – из Камира, рубеж V–IV вв. до н. э., но он несколько проблематичен: в надписи упоминаются просто некие Φαιναγόρειοι. Издатели LGPN считают, что это может быть названием рода, П. Харалампакис видит здесь скорее название фратрии (точнее, патры, по-дорийски): *Charalampakis P.* Op. cit. С. 188. Второй случай (Линд, рубеж III–II вв. до н. э.) бесспорен.

¹⁶ LGPN, VA. P. 443, s.v. Φαναγόρης № 1 (середина IV в. до н. э.).

¹⁷ LGPN, VA. P. 443, s.v. Φαναγόρας № 5 (рубеж II–I вв. до н. э.).

¹⁸ LGPN, VA. P. 443, s.v. Φαναγόρης № 2. Знак вопроса ставим потому, что это тот самый Фанагор, ойкист Фанагории, который, если считать его реальным историческим лицом, родился в первой половине VI в. до н. э. в Теосе. Но как раз считать его реальным историческим лицом не позволяет ряд обстоятельств, о которых говорилось в наших вышеупомянутых статьях.

Клазомены¹⁹, Эрифры²⁰), на Пелопоннесе (Гермиона²¹), в зоне Черноморских проливов (Перинф²²), в Северном Причерноморье (один-единственный Фанагор встречается во второй половине IV в. до н. э. в самой Фанагории²³) и, наконец, в Афинах (тоже один-единственный случай, причем, кажется, самый поздний в греческом мире²⁴). Велик и хронологический диапазон, на протяжении которого жили эти лица: от VI до I в. до н. э.

Совершенно иначе обстоит дело с женским именем Фанагора (Φαναγόρα). Во-первых, оно зафиксировано *только* в Аттике и больше нигде во всем обширном ареале расселения древних греков, что уже само по себе достопримечательно. Во-вторых, в Аттике женщин по имени Фанагора известно 18 (!). Это исключительно большое число, — особенно учитывая, что аттические женщины известны по именам в среднем в 10 раз хуже, чем мужчины²⁵. А мужчина Фанагор, для сравнения, в аттических памятниках представлен, как упоминалось выше, только один.

В-третьих — и это нам представляется самым занимательным, — все эти афинские Фанагоры (женщины) как-то очень «кучно» расположились на хронологической шкале. Первая из носительниц данного имени жила на рубеже

¹⁹ LGPN, VA. P. 443, s.v. Φαναγόρας № 4 (середина IV в. до н. э.).

²⁰ LGPN, VA. P. 443, s.v. Φαναγόρας № 1–3. Первые два эрифрейских Фанагора — современники (упомянуты в одной и той же надписи первой половины III в. до н. э.). Один из них имел сына по имени Аполлодот, другой — отца по имени Аполлодот, так что, скорее всего, эти два Фанагора — дед и внук. Обратим внимание на появление в рассматриваемой контексте теофорного имени Аполлодот («данный Аполлоном»): этот факт очень хорошо укладывается в рамки нашей версии о связи имени Фанагор с культом Аполлона (ср. также то, что будет сказано ниже о Фанагоре из Фанагории). Третий эрифрейский Фанагор жил в первой половине II в. до н. э.

²¹ LGPN IIIA. P. 442, s.v. Φαιναγόρας № 1 (вероятно, II–I вв. до н. э.).

²² LGPN IV. P. 339, s.v. Φαναγόρης № 2 (вторая половина VI в. до н. э.). Также один из самых ранних случаев употребления имени Фанагор. Отметим, что Перинф был колонией Самоса (Tsetskhladze G., Hargrave J. Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 396), в котором это имя, как мы видели, тоже зафиксировано (правда, позже).

²³ LGPN IV. P. 339, s.v. Φαναγόρης № 1 (вторая половина IV в. до н. э.). Это лицо дало своему сыну имя Аполлодор («дар Аполлона»). Опять связь Фанагора и Аполлона!

²⁴ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρας № 1 (I в. до н. э.). Строго говоря, в надписи фигурирует некий Фанаг[...], сын Стесандра. Но вряд ли возможно предложить какой-то иной вариант заполнения лакуны.

²⁵ По подсчетам ученых, из 62 360 известных из источников жителей афинского полиса (за всю его историю) мужчин 56 617, а женщин лишь 5691 (Matthews E. Making the Book Again // A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. II. Oxf., 1994. P. VI).

V–IV вв. до н. э.²⁶ Затем встречаем аж 16 в IV в. до н. э.: кто-то из них – в первой половине, кто-то – в середине, кто-то – во второй половине этого столетия. Приведем данные об этих афинянках. Этот сухой перечень вряд ли будет интересно читать большинству из тех, кто обратится к данной работе; но нам для дальнейшего анализа необходима вся возможная полнота информации.

Будем следовать тому порядку перечисления, который принят во втором (аттическом) томе LGPN, а он таков: вначале идут лица, о которых известно только, что они являлись гражданами/гражданками афинского полиса, затем – те, для кого зафиксирован также и дем, к которому они были приписаны, наконец, те, для кого само афинское гражданство под вопросом (но, впрочем, все-таки наиболее вероятно – потому-то они и попали в этот том).

Итак, в первой из этих трех категорий – пять Фанагор²⁷. Хронологически они распределяются следующим образом: две датируются первой половиной IV в. до н. э.²⁸, одна – временем «до 336/335 г. до н. э.» (то есть, по сути, серединой IV в. до н. э.), одна – просто «серединой IV в. до н. э.»²⁹, одна – временем «после 334/333 г. до н. э.» (иными словами, речь идет о последней части того же столетия).

Далее следуют афинские Фанагоры, для которых известен дем; их четыре. Две из них³⁰ родились в Ахарнах – самом крупном по количеству населения деме Аттики³¹. Время жизни одной – первая половина IV в. до н. э. (ее отца звали Евтидемом), время жизни другой – вторая половина IV в. до н. э. (ее отца звали Эксекием). Одна Фанагора³² происходила из дема Мирринунт, тоже достаточно крупного (вторая половина IV в. до н. э., родители – Каллимедонт

²⁶ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 10 (со знаком вопроса).

²⁷ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 1–5.

²⁸ Для второй из них известно имя сына – Каллител из дема Мирринунт. Демотик сына, естественно, ничего не говорит нам о деме, в котором родилась сама Фанагора.

²⁹ Этот конкретный случай несколько странен. Издатели соответствующей надписи (IG. II². 5228) дают чтение Φαναγόρα. Однако у нас имеется фотография надписи (сделанная в Афинах А. А. Завойкиным и любезно предоставленная им нам для ознакомления). Фото хорошего качества, и на нем в 4-й строке совершенно четко читается ФАНАГОΡΑΣ, а далее видны еще следы каких-то затертых букв (правда, не выдерживающих стойхедона, который в остальном в надписи соблюден достаточно последовательно, хоть и не стопроцентно). Данной загадкой мы не можем здесь заниматься. Даже если окажется, что в афинской истории известны два мужчины по имени Фанагор (а не один) и 17 женщин по имени Фанагора (а не 18), это ничего принципиально не меняет в наших выкладках.

³⁰ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 6–7.

³¹ Dow S. Thucydides and the Number of Acharnian *Hoplitai* // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1961. Vol. 92. P. 66–80.

³² LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 8.

и Клеоптолема), еще одна³³ – из менее значительного дема Потам (середина IV в. до н. э., отец – Никомен).

Остальные Фанагоры значатся во втором томе LGPN с пометкой «Athens?»). Впрочем, можно быть вполне уверенными, что знак вопроса поставлен тут издателями скорее «для перестраховки», ибо, как отмечалось выше, женское имя Фанагора нигде более не отмечено, кроме как в Афинах и Аттике.

Из этих дам, к которым мы теперь переходим, самая ранняя по времени (рубеж V–IV вв. до н. э.) упоминалась выше. Остальные³⁴ распределяются по хронологической шкале следующим образом. Две датируются грубо – IV в. до н. э. Одна – первой половиной IV в. до н. э.; в качестве ее отца обозначен (со знаком вопроса) некий Сатир (!). Четыре – серединой IV в. до н. э. (у одной из них известно имя отца – Херестрат). Наконец, последняя во временном отношении несколько выбивается из общего ряда: она жила в середине III в. до н. э., но в любом случае намного раньше, чем первый и единственный афинский мужчина, которого звали Фанагором (I в. до н. э.; см. выше).

* * *

Что ни говорить, а ситуация воистину уникальная, и, думается, нет повода говорить о каком-то случайном совпадении. Уж очень резко афинская ономастическая динамика – применительно именно к данному конкретному кругу имен – отличается от общегреческой. В целом у эллинов (за пределами Афин) эта динамика, если так можно выразиться, плавная, естественная (это можно было бы при желании показать посредством диаграммы) по мужскому имени Фанагор, а по женскому имени Фанагора – просто нулевая. У афинян же совсем иначе: по мужскому имени Фанагор имеем почти «ноль», а вот по женскому имени Фанагора – ярко выраженная взрывообразная динамика, не имеющая ни малейших черт плавности и естественности.

Создается полное впечатление, что на достаточно кратком хронологическом отрезке (в основном IV в. до н. э.) действовал некий значимый фактор, который побуждал афинских граждан (и только их!) давать своим дочерям редкое, нетрадиционное (как для их полиса, так и в целом) имя Фанагора.

Какого же рода фактор это мог быть? Подчеркнем: то, что будет сказано далее, – всего лишь предположение (в части выводов), и любая аргументация может иметь только вероятностный характер. Напомним, что в своей ранее упоминавшейся статье³⁵ мы настаивали: «Фанагор» – не имя реального исторического лица, ойкиста Фанагории, а эпиклеза некоего божества. Эпиклезы

³³ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 9.

³⁴ LGPN II. P. 440, s.v. Φαναγόρα № 11–18.

³⁵ Суриков И. Е. Об этимологии названий...

(«прозвища»)³⁶ – культовые эпитеты эллинских богов и богинь, каждый/ая из которых имел/а таковых по нескольку, подчас – в немалом количестве.

Точнее будет сказать так: эпиклезы были чем-то бóльшим, чем простые культовые эпитеты, они порождали как бы самостоятельные сущности, отдельные, не совпадающие друг с другом «ипостаси» божества. Для массового религиозного сознания подобный ход мысли вообще очень характерен, что показывает даже и знакомая нам всем практика православного христианства. Так, различные чтимые иконы Богородицы воспринимаются многими рядовыми верующими (не имеем здесь в виду, конечно, ученых-богословов) тоже в какой-то мере как самостоятельные сущности, Богоматерь Казанская – не вполне то же самое, что Богоматерь Владимирская, или Федоровская, или Донская... «Ты какой Богородице свечку ставишь?» – приходилось нам слышать подобно-го рода вопросы в православном храме.

В античном язычестве с его традиционной множественностью божеств описанное тут дальнейшее разделение а fortiori уместно встретить. Так, в Дельфах почитался Аполлон Пифийский, на Делосе – Аполлон Делосский, скажем, в Пантикапее – Аполлон Иатрос (что, видимо, все-таки наиболее резонно понимать как «Врач») и т. д. и т. п. Аркадская Артемида весьма сильно отличалась от Артемиды Эфесской: в изображениях первой подчеркивались ее девственность, стройный, юный облик, а вторую наиболее адекватно воплощает стоявший в ее эфесском храме древний идол, представлявший богиню многогрудой – таким символом материнства³⁷.

Принципиально важным моментом (хотя в большинстве случаев лишь с трудом поддающимся изучению) является именно связь эпиклезы со статуей. Рискнем предположить, что, как правило, статуя божества была первичной. Храм воспринимался как жилище бога (богини), где он (она) обитал(а) именно в облике своей храмовой статуи. Каждая такая статуя была, естественно,

³⁶ Соображения в связи с важностью эпиклез см.: Суриков И. Е. Влияние языческой политеистической религии эллинов на процессы политогенеза в архаической Греции // *Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза*. М., 2014. С. 256–262.

³⁷ Ср.: Burkert W. Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // *100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos*. Wien, 1999. S. 59–70 (со странной теорией, согласно которой это не груди, а «Stierhoden»); Суриков И. Е. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. 2009. № 17. С. 7–39 (с опровержением этой теории). В целом об эволюции представлений об Артемиде см. также: Cole S. G. Domesticating Artemis // *The Sacred and the Feminine in Ancient Greece*. L.; N. Y., 1998; Petrovic I. Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess // *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 2010. P. 209–227; Кузьмина Ю. Н. Синкретичность культа Артемиды Эфесской // *Antiquitas iuventae*. Саратов, 2007. С. 63–68.

единичной и уникальной, из чего выросло и представление об уникальности данной «ипостаси» самого божества.

Вот конкретный пример. В Афинах с незапамятных времен чтился древний кумир Афины, именовавшийся палладием. В связи с ним бытовало предание, что это тот самый палладий, который вывезли из Трои победители-греки, а потом он-де некими окольными путями попал в Афины (некоторые другие полисы, заметим, тоже претендовали на обладание «истинным» палладием). С течением времени этот палладий стал пониматься как Афина Полиада («Грандохранительница»), возник соответствующий культ.

В Афинах и Аттике возникли и другие культы Афины с разными эпиклезами. Так, в Парфеноне почиталась Афина Парфенос – покровительница Архэ, в аттическом местечке Паллена – Афина Палленида³⁸... Примеры опять же можно было бы множить и множить. И все эти Афины, если можно так выразиться, не вполне конгруэнтные фигуры³⁹.

Афинский случай парадигматичен. В Элладе формировались полисы; в них создавались храмы – именно как вместилища чтимых статуй. Сама по себе постройка храма была в некоторой степени легитимацией полиса. Полис выступал в данной связи не только как коллектив граждан, но и как коллектив лиц, коллективно же почитающих конкретное божество в его конкретной ипостаси (воплощенной конкретным идолом), например Афину Полиаду, Артемиду Эфесскую, Аполлона Амиклейского (его архаическая статуя огромного размера была всё время видна спартамцам и тем самым постоянно напоминала о себе) и др.

Но мы несколько отвлеклись; вернемся к основной нити изложения, то есть к постулируемой нами эпиклезе «Фанагор» (в женском варианте – «Фанагора»). Подчеркнем, что существование такой эпиклезы никоим образом не противоречит существованию личных имен Фанагор и Фанагора, которые носили вполне реальные люди.

Кстати, географическое распределение этих ономастических единиц тоже ведь о чем-то может сказать. Как мы видели, женское имя Фанагора встречается только в Аттике; что же касается мужского имени Фанагор, то его география шире, однако и она ограничена в основном ареалом расселения ионийцев⁴⁰. Это, напомним, Иония как таковая, острова Эгейского моря (остров Родос, правда, был дорийским, но дорийцы юго-восточной Эгеиды испытывали сильнейшее ионийское влияние⁴¹), ионийские же колонии (Перинф, Фанагория).

³⁸ *Harrison E. B. Athena at Pallene and in the Agora of Athens // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives. Austin, 2005. P. 119–131.*

³⁹ Об Афине в целом см. монографию: *Deacy S. Athena. L.; N. Y., 2008.*

⁴⁰ Аттика вполне относится к ионийскому ареалу в широком смысле.

⁴¹ Геродот из дорийского Галикарнасса писал на ионийском диалекте как на родном.

За пределами очерченного региона остается только заведомо дорийская Гермiona (Пелопоннес, Аргонида), но единичный (и очень поздний, II–I вв. до н. э.) зафиксированный в ней Фанагор (строго говоря, Фенагор, Φαιναγόρας) остается неким ономастическим гапаксом⁴².

Сказанное дает нам право предполагать, что и эпиклеза «Фанагор» сформировалась в ионийских же местностях. Кто мог стоять за этой эпиклезой? Вновь и вновь повторим, что лучшего «кандидата», чем Аполлон, не отыскивается. Аргументация приводилась нами ранее, «дублирование» ее неуместно. Разве что имеет смысл напомнить пару показательных моментов.

Известна весьма схоже звучащая эпikleза Аполлона Φαναῖος (Achaëus fr. 35 Snell)⁴³. Далее, для Артемиды, сестры-близнеца Аполлона, имеющей с ним целый ряд общих черт (так что фактически ее можно назвать «женским двойником» Аполлона), зафиксирована (на весьма ранних и, подчеркнем, эфесских электровых монетах) эпikleза Φανῶ или Φαινῶ⁴⁴.

⁴² П. Харалампакис в данной связи предлагает слишком уж смелый – и шаткий – тезис: «Согласно очень древней традиции, жители крупнейших родосских городов были переселенцами из Аргониды. Интересно заметить, что имя Фенагор отмечено в Аргониде во II–I вв. до н.э. Вероятно, имя Фенагор – и Фенагории (Φαιναγόρειοι, см. выше в прим. 15. – И. С.) – на Родосе являются лишь памятью о тех, кто переселился туда из Аргониды. Лицо по имени Фенагор могло быть одним из них» (Charalampakis P. Op. cit. С. 188). Итак, нам здесь предлагают считать, что имя Фенагор (т. е. Фанагор) уже существовало на момент дорийской колонизации Родоса (не ранее начала I тыс. до н. э.)? Это, однако, не просто смело, а прямо-таки бесшабашно.

⁴³ Ахей Эретрийский, трагедиограф V в. до н. э., то есть автор ранних.

⁴⁴ Roscher W. Phaino // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 3. Abt. 2. Pasikrateia – Pyxios. Lpz., 1902–1909. Sp. 2232; Radnoti-Alföldi M. Phanes – einige Gedanken zur Person // Studia Paulo Naster oblata. I. Numismatica antiqua. Leuven, 1982. М. Радноти-Альфёльди, детально анализируя монеты, о которых идет речь, приходит к выводу, что есть только два варианта: либо это храмовая чеканка святилища Артемиды в Эфесе, либо эмитент – некий тиран Фанес. Но последний вариант мы вынуждены заведомо отбросить (поскольку тираны архаической эпохи не ставили свои имена на монетах); стало быть, остается только вариант с эпиклезой. В связи с отмеченным сильно удивляет, что в относительно недавно вышедшем «Лексиконе надписей на греческих монетах» никаких иных вариантов по данному поводу, кроме как «Фанес – личное имя», не рассматривается (Lexikon der Aufschriften auf griechischen Münzen. Bd. 1. Geographische Begriffe, Götter und Heroen, mythische Gestalten, Persönlichkeiten, Titel und Beinamen, Agonistik, staatsrechtliche und prägerechtliche Formeln, bemerkenswerte Wörter / Bearbeitet von W. Leschhorn, nach Vorarbeit und unter Mitarbeit von P. R. Franke. Wien. 2002. S. 304–305). Впрочем, этот лексикон и в целом-то выглядит поверхностным; так, в нем вообще не учтена информация, которую предоставляют надписи на монетах греческих полисов Северного Причерноморья, в том числе и Боспора. В нем мы ровно ничего не найдем в связи с такими интереснейшими легендами, как ΑΠΟΛ, ΣΑΜΜΑ, ΣΙΝΔΩΝ и т. п.

Так если «Фанагор» – «Аполлон», то не может ли быть «Фанагора» Артемидой (коль скоро она может быть «Фано»)? Однако, кажется, в Афинах IV в. до н. э. не наблюдается какого-то резкого всплеска интереса к культу Артемиды. Эта богиня занимала определенное место в религии афинян (как и любых других греков), но и не более того.

В интересах дальнейшего поиска вопрос должен быть поставлен иначе. Не был ли в данном случае применен метонимический принцип (т. е. девочек нарекали Фанагорами все-таки в честь Аполлона)? Это представляется нам более вероятным, особенно учитывая очень близкие связи Афин IV в. до н. э. с Боспорским государством, в котором Аполлон традиционно был предметом активного почитания.

Бесспорно, мы не будем придавать особого значения тому факту, что отцом одной из афинских Фанагор, кажется, являлся некто Сатир. Да, для специалистов по Северному Причерноморью Сатир – прежде всего боспорское имя. Однако же в Аттике, по данным LGPN, 129 Сатиров⁴⁵. Цифра слишком колоссальна, чтобы позволить высказать хотя бы самую робкую догадку о боспорских корнях или связях (имена, как известно, могли передаваться не только по родственному, но и по ксеническому принципу, а в Афинах у Спартокидов, бесспорно, имелись ксены; таковым уже в конце V в. до н. э. можно считать, например, отца Мантифея – героя XVI речи Лисия) данного конкретного Сатира⁴⁶.

Говорить сейчас хотелось бы о другом. Нас не очень убеждает точка зрения тех исследователей⁴⁷, которые считают, что на первом этапе правления Спартокидов между Афинами и Пантикапеем имели место отношения враждебности. В куда большей степени импонирует нам взгляд, который наиболее акцентированно изложил, пожалуй, Д. Браунд, говорящий о «примечательном континуитете в добрых отношениях между Афинским государством и правителями Боспора»⁴⁸, о том, что «наши источники демонстрируют согласованную

⁴⁵ LGPN II. P. 394–395, s.v. Σάτιρος № 1–129.

⁴⁶ Вообще говоря, неплохо было бы (разумеется, в рамках отдельного, дальнейшего исследования) поближе познакомиться с хронологией афинских носителей имени Сатир – на предмет уяснения, с какого момента начинает встречаться в Аттике это имя (а также и другие популярные в кругу Спартокидов имена) и нельзя ли в той динамике, которая будет выявлена, проследить боспорское влияние.

⁴⁷ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959. С. 49 сл.; Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013. С. 405 сл.

⁴⁸ Braund D. The Bosphoran Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 205.

картину дружбы и сотрудничества... в течение более столетия, от первых лет Спартокидов вплоть до времени Александра и даже в дальнейшем»⁴⁹. Нам уже приходилось высказывать солидарность с именно такой постановкой вопроса и приводить дополнительные аргументы в пользу ее правомерности⁵⁰.

Всплеск популярности имени Фанагора в Афинах, однако, наблюдается, как можно видеть из вышеприведенных выкладок, не с 430-х гг. до н. э. (это время, с одной стороны, прихода Спартокидов к власти, а с другой – понтийской экспедиции Перикла, в ходе которой лидер Афинской архэ побывал и на Боспоре), а с самого конца V в. до н. э. или с рубежа этого и следующего столетий. Как нам представляется, нужно принять в расчет вот какое соображение.

Сами Спартокиды являлись пантикапейскими гражданами и первоначально к Фанагории не имели никакого отношения. Долгое время считалось, что Фанагория, равно как и другие полисы по берегам Боспора Киммерийского, вошла в состав единого, возглавляемого Пантикапеем политического объединения уже в первой половине V в. до н. э., то есть даже не при Спартокидах, а еще при их предшественниках Археанактидах⁵¹, а то и раньше⁵².

Но недавно А. А. Завойкин предложил пересмотреть датировку присоединения этих полисов к владениям пантикапейских тиранов⁵³, выдвинув новую,

⁴⁹ Braund D. The Bosporan Kings and Classical Athens... P. 198.

⁵⁰ Суриков И. Е. «Молчание агнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н. э.) // Древности Боспора. 2013. Т. 17. С. 280–296.

⁵¹ Режим Археанактидов, похоже, вообще представлял собой не тиранию, а олигархию. Во всяком случае, недавно мы это попытались продемонстрировать (Суриков И. Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 312–314; Суриков И. Е. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 80–96), и вроде бы наша точка зрения нашла поддержку (например: Сапрыкин С. Ю. Постэллинизм на Боспоре: предпосылки и развитие // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 191) или, во всяком случае, была встречена с интересом (Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 40–41).

⁵² Так, например, полагает Е. А. Молев (Молев Е. А. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 5 сл.). Хороший историографический разбор эволюции данной точки зрения см.: Завойкин А. А. Образование Боспорского государства: Археология... С. 21 сл.

⁵³ Ранее в том же направлении работал А. Н. Васильев (Васильев А. Н. Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф.

которая как раз и может быть обозначена, грубо говоря, как рубеж V–IV вв. до н. э.⁵⁴ Его концепция еще нуждается в серьезном осмыслении, и мы пока не готовы принять ее во всей ее полноте и целостности, поскольку есть определенные контраргументы (наиболее важные из них высказаны в нашей рецензии в ВДИ на только что упомянутую книгу А. А. Завойкина).

Однако же применительно конкретно к Фанагории, кажется, не приходится сомневаться: А. А. Завойкин, опираясь на результаты собственных полевых исследований⁵⁵, весьма убедительно показал, что в конце V в. до н. э. этот город был захвачен Сатиром I. Стало быть, тогда-то он и вошел в Боспорское государство.

И именно тогда начинается, как отмечалось выше, всплеск «афинских Фанагор». Как бы его ни трактовать – а версии, естественно, могут быть предложены самые разные (та, которая выводит в конечном счете на эпиклезу, представляется нам все-таки наиболее предпочтительной), – трудно не усмотреть в нем последствия вхождения Фанагории в державу Спартокидов, с которой Афины тогда уже поддерживали добрые, партнерские отношения. Как бы то ни было, мы здесь видели свою задачу главным образом в том, чтобы привлечь внимание специалистов по истории античного Боспора к редкостному (в очередной раз повторим, – без преувеличения, уникальному) положению с женским именем Фанагора в Афинах.

дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Васильев А. Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 1992. С. 111–128), но его выкладки были несколько более умозрительными и, как следствие, менее убедительными.

⁵⁴ *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства: Археология... С. 381 сл.

⁵⁵ Опубликованные в: *Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города»). М., 2004.

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ОБ АФИНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ*

Аристократию античных Афин, внесшую столь большой вклад едва ли не во все сферы истории этого полиса, можно в известной мере назвать «пульсирующим феноменом». Ее роль в общественной, политической жизни не оставалась некой константой, напротив, весьма радикально изменялась. Первым периодом расцвета афинской аристократии была – что вполне естественно – архаическая эпоха, особенно VI в. до н. э., когда соперничавшие между собой знатные аттические роды (Алкмеониды, Писистратиды, Филаиды, Керики, Этеобутады и др.) фактически являлись в полисе главной, если не единственной, определяющей силой. Даже еще и после клисфеновских реформ конца VI в. до н. э., после установления классической демократии καλὸὶ καὶγαθοὶ в течение почти столетия, вплоть до Пелопоннесской войны сохраняли весьма весомые позиции в Афинах¹. Однако в это время, особенно с так называемого Периклова века, уже начинался «закат» афинской аристократии, утрата ею своего былого положения. IV в. до н. э. можно по справедливости назвать едва ли не самой «неаристократической» эпохой в афинской истории. Основные политические лидеры этого времени принадлежали – почти без исключений – уже не к кругу древней знати, а к числу так называемых новых политиков², выдвинувшихся уже в условиях демократии; практически все они могли сказать о себе, подобно известному полководцу Ификрату (Plut. Mor. 187b): «Мой род на мне начинается»³. Лидеры-аристократы, такие как Ликург

* Впервые опубликовано в: *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 122–130.

¹ О месте аристократической элиты в Афинах VII–V вв. до н. э., об изменении роли аристократии в жизни демократизирующегося полиса подробнее см. в нашей работе: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. Там же можно найти указания на литературу по основным аспектам данной тематики.

² Удачный термин, введенный У. Р. Коннором и ставший после этого общеупотребительным. См.: *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

³ Об упадке аристократического лидерства в Афинах IV в. до н. э. см.: *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 67–77; *Суриков И. Е.* Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2001. Вып. 7. С. 142.

из рода Этеобутадов, стали в период поздней классики редкими исключениями; не будем при этом забывать и о том, что влияние того же Ликурга обуславливалась уже отнюдь не его знатным происхождением, как для вождей предшествующих столетий, а совсем иными факторами, прежде всего его личными достоинствами и заслугами.

Итак, казалось бы, афинские евпатриды, сломленные напором поступательной демократизации, окончательно уходили в прошлое как социальная группа и как политическая элита. Это представлялось тем более естественным, что аристократы давно уже не имели никаких юридических привилегий по сравнению с массой рядовых граждан; в условиях демократии действовал, как известно, принцип исономии, «арифметического» равенства всех перед законом, который столь решительно критиковали в своих политических трактатах Платон и Аристотель. Если что-то и позволяло представителям знати в течение определенного времени сохраняться как некая компактная статусная группа — это была в первую очередь их генеалогическая традиция, прокламирование своего происхождения от легендарных героев⁴. Одной из важнейших сфер проявления генеалогической традиции всегда являлась ономастика, по которой зачастую специалист может читать, как по книге, родственные связи важнейших аристократических семейств на протяжении целых веков.

Однако впоследствии, в эллинистическое время, ситуация вновь изменилась. Афины пережили своеобразный «аристократический ренессанс». Государственное устройство афинского полиса эпохи эллинизма по традиции официально именовалось демократией, однако оно имело уже мало общего с классической демократией, ликвидированной в 322 г. до н. э. Антипатром. Реальная власть находилась в руках достаточно узкого круга элиты, сочетавшей в себе знатность и богатство⁵. Естественно, небезынтересно задаться вопросом, в каком соотношении находилась эта эллинистическая знать с блестящей афинской

⁴ Об этой традиции см.: *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция как одно из слабых мест исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения.* М., 2000. С. 193–198; *Молчанов А. А.* Генеалогическая традиция у афинских эвпатридов: просопографический аспект // *Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики.* М., 2000. С. 74–75; *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти.* М., 2001. С. 172–176; *Суриков И. Е.* Демократический полис и родословные аристократов // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.

⁵ Об афинской аристократии эллинистического времени см.: *MacKendrick P.* The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C. Cambridge, MA, 1969; *Молчанов А. А.* Антропонимическая традиция... В целом те достаточно скудные данные, которые имеются о внутреннем устройстве

аристократией архаической и классической эпох. Этот вопрос обычно не получает подробного и непротиворечивого ответа; чаще исследователи ограничиваются суждениями по некоторым частным аспектам, например отмечают сохранение аристократических традиций отдельными древними родами (в частности, Кериками) и в послеклассическое время⁶. Значительно труднее судить о том, как обстояло дело в целом, а не в частностях. Главную роль в складывании подобного положения вещей играет, безусловно, чрезвычайная скудость источниковых данных об эллинистических Афинах, в особенности об их внутриполитической жизни. Эта скудость особенно ощутима по контрасту с тем детальнейшим освещением в источниках, которое имеет место для афинской истории V–IV вв. до н. э. Необходимо, видимо, искать какие-то новые подходы к интересующему нас кругу вопросов, привлекать несколько иные методы, нежели, скажем, простой анализ нарративной традиции. Попытке применения одного из таких возможных подходов посвящена настоящая заметка. При этом, подчеркнем, пока еще мы ни в коем случае не ведем речь о целостной реконструкции истории эллинистической афинской аристократии. Это дело будущего, причем, судя по всему, не столь уж и близкого; на имеющемся уровне освоения материала реальна лишь определенная расстановка акцентов и ракурсов, что, однако, само по себе может оказаться немаловажным.

Весьма ценным источником для Афин эллинистического периода являются так называемые серебряные монеты «нового стиля», чеканившиеся во II–I вв. до н. э.⁷ Их выпуск начался приблизительно в 164/163 г. до н. э. и закончился не раньше чем в 54/53 г. до н. э., а может быть, в 40-е гг. Известно 111 эмиссий этого серебра; допускается, что экземпляры некоторых эмиссий могли не сохраниться, и, таким образом, общее их число оценивается примерно в 120.

эллинистических Афин, обобщены в известной книге: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

⁶ См., в частности: *Arnheim M. T. W.* *Aristocracy in Greek Society*. Plymouth, 1977. P. 156. Характерно, что наиболее репрезентативный современный просопографический компендиум по афинской аристократии (*Davies J. K.* *Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxf., 1971) доведен, как видно уже из заголовка, как раз приблизительно до границы эпох классики и эллинизма, но не дальше.

⁷ Наиболее фундаментальное исследование об этих монетах (хотя избылующее весьма спорными тезисами, подвергшимися критике в историографии): *Thompson M.* *The New Style Silver Coinage of Athens*. Vol. 1–2. N. Y., 1961. Поскольку монография Томпсон труднодоступна, укажем, что монеты «нового стиля» хорошо представлены в издании: *Svoronos J. N.* *Corpus of the Ancient Coins of Athens*. Chicago, 1975 (там же есть и каталог встречающихся на них имен). Важные замечания об этих монетах см. также: *Хабихт Х.* Указ. соч. С. 239 сл.; *Callataj F. de.* *L'histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 303 ss. Благодарим О. Л. Габелко за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этой последней монографией.

Одной из самых главных причин, обуславливающих источниковедческую значимость монет, о которых идет речь, следует считать присутствие в составе их легенд имен должностных лиц, ответственных за чеканку. Этих должностных лиц в науке обычно называют «монетными магистратами» или «монетариями» – в известной мере условно и не вполне корректно, поскольку, строго говоря, мы не знаем, как они именовались на самом деле. Два монетных магистрата сменялись ежегодно, то есть для каждой эмиссии их имена были новыми (впрочем, в дальнейшем эти имена могли и повторяться, поскольку данную должность позволялось занимать не единожды). Вначале, на самых первых выпусках серебра «нового стиля», эти имена появлялись в виде монограмм, но затем стали указываться полностью (или, по меньшей мере, в сокращении, почти всегда позволяющем восстановить полную форму). В период 136/135–88/87 гг. до н. э. к двум именам монетных магистратов прибавлялось третье, причем, в отличие от них, оно сменялось не ежегодно, а еще чаще – ежемесячно. Вряд ли нужно специально подчеркивать тот факт, что этот ономастический материал – копилка неоценимых сведений о жителях эллинистических Афин, точнее, об их высшем слое.

Для определения реальной значимости и функций должности монетного магистрата чрезвычайно интересно следующее обстоятельство. В 87/86 г. до н. э. первым магистратом на монетах стоит «царь Митридат», а вторым – Аристион. Не возникает практически никакого сомнения в том, что первое из этих лиц – царь Понта Митридат VI Евпатор, а второе идентично «тирану» Аристиону, как раз в это время (речь идет о событиях Первой Митридатовой войны⁸) управлявшему Афинами под понтийским сюзеренитетом. Факт занятия магистратуры столь высокопоставленными лицами сразу позволяет сделать два ответственных вывода. Во-первых, эта магистратура была почетной. Иными словами, имена на монетах принадлежат не техническим сотрудникам, реально наблюдавшим за чеканкой на монетном дворе. Понятно, что ни Аристион, ни тем более Митридат в действительности не занимались непосредственно выпуском серебра: у первого были дела поважнее, а второй вообще отсутствовал в Афинах. Перед нами – некие почетные попечители, для вящей авторитетности дававшие эмиссиям свои имена, и не более того. Во-вторых, должность монетного магистрата следует отнести к весьма высокому рангу; очевидно, она была одной из самых значимых в афинском полисе. Следовательно, в обычных условиях (а не в экстраординарной ситуации, как в 87/86 г. до н. э.) она должна была находиться в руках аристократической верхушки, управлявшей государством. Ономастический материал на монетах «нового

⁸ Об этой войне см. в недавних работах (с указаниями на предшествующую литературу): *Молев Е. А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 64 сл.; *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 199 сл.

стиля» оказывается, таким образом, относящимся прежде всего к просопографии эллинистической афинской аристократии, к знатным, влиятельным семьям этого времени.

Пытаясь ответить на поставленный выше вопрос о соотношении этой аристократии эпохи эллинизма с аристократией предшествующих исторических периодов (отделенной от нее цезурой пресловутого IV в. до н. э., что не позволяет современным исследователям построить непрерывные генеалогические цепочки), предложим следующее. Учитывая высокую степень стабильности ономастического фонда в аттических евпатридских родах (да и в целом в гражданском коллективе афинского полиса)⁹, представляется целесообразным произвести сопоставление списка из нескольких сотен известных имен монетных магистратов¹⁰ с каким-либо аналогичным списком более ранней эпохи. При этом искомый список, который послужит для сопоставления, должен удовлетворять нескольким критериям. Желательно, чтобы он, во-первых, содержал действительно аристократические имена, во-вторых, был близок к списку монетных магистратов по объему, в-третьих, имел репрезентативный характер (последнее будет достигнуто в том случае, если он окажется в известной мере случайной выборкой, объективно отражающей существовавшие тенденции) и более или менее равномерно распределялся внутри определенного, по возможности не очень короткого хронологического отрезка.

Всем этим требованиям не вполне удовлетворяют списки архонтов, стратегов и других должностных лиц, известных для VII–V вв. до н. э. Мы не имеем гарантий того, что все имена в этих списках принадлежат к кругу аристократической политической элиты: известно, что в течение V в. до н. э. магистратуры в демократическом афинском полисе, в том числе и высшие, становились все более открытыми для рядового гражданства. В частности, архонтами могли становиться зевгиты, а фактически – даже и феты, а для этих слоев знатное происхождение, естественно, исключено. Далее, ни один из списков афинских

⁹ Ср.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 57. Там мы писали о том, что имена в афинской аристократической среде давались отнюдь не случайно; каждый род имел достаточно устойчивый набор личных имен. Сказанное относится, кстати, не только к знатым родам, но и, насколько можно судить, к семьям обычных граждан; просто о последних мы знаем значительно меньше. Имя могло служить даже аргументом, скажем, в тяжбе о наследстве. Появление нового, ранее не встречавшегося имени в ономастиконе той или иной семьи никогда не бывало произвольным; оно всегда маркировало какое-то событие семейной истории: установление матримониальных контактов, ксенических связей и т. п. (см.: *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // *Classical Quarterly*. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 349–363). Имена как бы «кочевали» из семьи в семью и даже из полиса в полис, но этот процесс подчинялся вполне четким закономерностям.

¹⁰ Исключая из их каталога сокращения, не поддающиеся однозначной расшифровке, а также дублирующиеся имена, получаем 237 единиц.

должностных лиц архаической и классической эпох не сопоставим по количеству имен со списком эллинистических монетных магистратов; все они значительно меньше. Нельзя говорить в данном случае и о репрезентативной, случайной выборке: безусловно, в традиции в наибольшей мере отразились имена тех стратегов, архонтов и т. п., с которыми были связаны какие-то значительные события истории Афин, а лица ничем не примечательные в основном оставались в тени и не сохранялись в исторической памяти. Иными словами, выборка несет явные следы сознательного вмешательства, а это уменьшает ее статистическую ценность. Наконец, известные имена должностных лиц доэллинистических Афин весьма неравномерно распределены хронологически. Скажем, архонты в VII–VI вв. до н. э. зафиксированы лишь для отдельных лет, а в V в. до н. э. – практически для каждого года. Прибавим, что речь идет, как правило, только об архонтах-эпонимах; остальные члены ежегодно сменявшейся коллегии (басилеи, полемархи, фесмофеты) вообще практически никогда не известны. Полных перечней коллегии стратегов тоже нет почти ни для одного года.

В то же время для предлагаемого нами сопоставления по всем критериям в наибольшей степени подходит вводимый в последние годы в науку список имен, сохранившихся на острака – черепках, применявшихся в V в. до н. э. при голосовании в ходе процедуры остракизма. Таких черепков на сегодняшний день найдено почти 11 тысяч, и они принадлежат к наиболее ценным и интересным источникам по афинской истории¹¹. На острака прочтены имена примерно 180 афинян; во многих случаях присутствует и патронимик, что в сумме дает, по подсчетам Ш. Бренне, составившего последний, наиболее полный каталог имен, встречающихся на этих памятниках¹², 272 ономастических единицы. Таким образом, мы имеем список, приближающийся к списку монетных магистратов по объему материала. То же можно сказать о хронологическом охвате. Остракизм применялся в Афинах с 487 до 415 г. до н. э., то есть около трех четвертей века. Открытые археологами острака относятся к разным фазам этого временного диапазона – и к началу, и к середине, и к концу V в. до н. э. Не приходится сомневаться также и в аристократическом характере имен, прочтенных на острака. Остракизм, как известно, был мерой, направленной именно против политиков-аристократов; когда ему подвергся незначительный демагог Гипербол, сам институт, дискредитировав себя, попросту прекратил

¹¹ Об острака и остракизме подробнее см. в наших недавних работах: *Суриков И. Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 103–123; *Суриков И. Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // *ВДИ*. 2001. № 2. С. 118–130. В них же можно найти достаточно полную библиографию предшествующих исследований.

¹² *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 87–314.

существование¹³. Конечно, нельзя полностью отрицать того, что среди сотен афинских граждан, упомянутых на острака, могут оказаться лица случайные, не входившие в круг элиты. Но таких заведомо должно быть незначительное меньшинство, составляющее исключение, а не правило. Помимо всего прочего, известные на данный момент имена на острака представляют собой абсолютно случайную¹⁴, а следовательно, репрезентативную выборку.

Сопоставление двух списков имен – «кандидатов» на остракизм в V в. до н. э. и монетных магистратов II–I вв. до н. э. – насколько нам известно, ранее никем еще не осуществлялось. Мы провели такое сопоставление¹⁵, что дало следующий ряд совпадающих антропонимов: Антифан, Аристотель, Архий, Габрон, Гиппоник, Дамон, Диний, Диокл, Дионисий, Каллиад, Каллий, Лисимах, Мильтиад, Нестор, Никодем, Симон, Сократ, Тимократ, Фемистокл, Феопомп, Филин, Харий. Этот перечень отнюдь не является окончательным или исчерпывающим и может в дальнейшем пополняться, но уже и в нынешнем виде позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Совпадений, как можно видеть, не так уж и много (чуть меньше 10 % списка монетных магистратов), но зато подавляющее большинство их нельзя назвать случайными; напротив, они весьма значимы. Почти все перечисленные имена принадлежат к сфере аристократической ономастики. В ряде случаев даже возможно надежное соотнесение их с конкретным родом или семьей. Это можно проиллюстрировать, дав предельно краткий комментарий к некоторым из имен, составившим список совпадений.

Аристотель. Имя достаточно распространенное и, как показывает корень ἀρίστ-, тяготеющее к аристократическому имени. Из известных носителей этого имени в классических Афинах назовем стратега эпохи Пелопоннесской войны Аристотеля, сына Тимократа (Thuc. III. 105. 3); сочетание имени и патронимика особенно значимо, поскольку ЛИ Тимократ тоже фигурирует в вышеприведенном списке. Аристотелем звали также одного из «Тридцати тиранов» (Xen. Hell. II. 3. 2).

¹³ Об этом событии см.: Rhodes P. J. The Ostracism of Hyperbolus // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Studies Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 85–98; Карпюк С. Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142–155; Суриков И. Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17–27.

¹⁴ Пока что найдена, безусловно, лишь малая часть острака, применявшихся на различных остракофориях в течение V в. до н. э. Поскольку глиняные черепки практически неуничтожимы, не приходится сомневаться, что в будущем нас ждут новые крупные находки.

¹⁵ Предварительные результаты нами уже публиковались в тезисной форме: Суриков И. Е. К просопографии афинских монетных магистратов эпохи эллинизма // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. и сообщений. СПб., 2001. С. 29–31.

Архий. Имена с корнем ἄρχ-, бесспорно, имеют аристократический характер. Может быть, следует сопоставить с ЛИ Архиад, зафиксированным (правда, в позднюю эпоху) в роде Евмолпидов.

Габрон. Известные носители этого рода принадлежат к роду Евпатридов¹⁶.

Гиппоник. Начиная с VI в. до н. э. одно из наиболее популярных имен в прославленном жреческом роде Кериков.

Дамон. Имя известного музыканта и советника Перикла в V в. до н. э. Дамон, хотя название его рода неизвестно, происходил из аристократических слоев. Об этом говорит, во-первых, сочетание его имени и патронимика – Дамон, сын Дамонида (подобное чередование схожих имен типа Каллий – Каллиад, Мегакл – Мегаклид и т. п. было свойственно знатым семьям¹⁷), а во-вторых, тот факт, что он породнился с Периклом, взяв в жены его родственницу Агаришту из рода Алкмеонидов¹⁸.

Диний. Имя, зафиксированное в V в. до н. э. в семье, к которой принадлежали стратег Клеиппид и его сын – известный демагог эпохи Пелопоннесской войны Клеофонт. Эта семья, судя по всему, не принадлежала к самой верхушке аристократии; тем не менее она тоже была весьма почтенной, и считать Клеофонта лицом низкого происхождения нельзя¹⁹.

Диокл. Имя из ономастикона рода Евмолпидов, восходящее к персонажу элевсинской мифологии²⁰.

Каллиад. Имя, характерное для рода Кериков.

Каллий. Одно из самых популярных имен в среде того же рода.

Лисимах. В классическую эпоху имя бытовало в семье знаменитого политика Аристиды «Справедливого», породнившегося с Кериками (Plut. Aristid. 25).

Мильтиад. Вряд ли нуждается в сколько-нибудь подробном комментарии. Имя из рода Филаидов.

Нестор. Имя с наибольшей вероятностью могло употребляться в каком-либо из «иммигрантских» аттических знатных родов, претендовавших на происхождение от пилосских Нелеидов (Нестором звали самого знаменитого из царей – героев пилосского легендарного цикла). Из числа таких родов в Афинах известны Кодриды, Писистратиды, Алкмеониды и Пеониды. Наиболее вероятна идентификация носителей имени Нестор как Кодридов: в хорошо изученном именнике Алкмеонидов этот антропоним не зафиксирован, о Пеонидах

¹⁶ Никитский А. В. Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т. 13. С. 601–614.

¹⁷ Ш. Бренне отмечает, что имена на -δης имеют патронимическое происхождение и сами по себе указывают на знатность их носителей (Brenne S. Op. cit. S. 65).

¹⁸ См.: Wallace R. W. Charmides, Agariste and Damon: Andokides 1. 16 // Classical Quarterly. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 328–335.

¹⁹ Vanderpool E. Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.

²⁰ Молчанов А. А. Антропонимическая традиция... С. 196–197.

нет практически никакой информации, а Писистратиды (во всяком случае, их основная ветвь) были изгнаны из полиса в 510 г. до н. э. (хотя, безусловно, не исключен переход имени по женской линии).

Никодем. Имя эпонимного архонта 483/482 г. до н. э. (Arist. Ath. pol. 22. 7). В эту эпоху архонтами, как правило, еще не становились незнатные граждане.

Сократ. В V в. до н. э. так звали не только знаменитого философа, но и полководца эпохи Перикла, неоднократно занимавшего пост стратега (Сократ из Анагирунта).

Тимократ. По данным острака в Афинах V в. до н. э. фиксируется аристократическая семья, в которой было употребительно имя Тимократ, а наряду с ним – имена Аристотель, Кидрокл, Аристехм. На последнее обратим особое внимание. Это древний аристократический антропоним, известный еще с архаической эпохи. В частности, так звали эпонимного архонта 621/620 г. до н. э. (Arist. Ath. pol. 4. 1), при котором ввел свои законы Драконт.

Фемистокл. Прославленный саламинский герой принадлежал к роду Ликомидов, к его боковой ветви (Plut. Them. 1). Однако впоследствии его имя в результате матримониальных контактов перешло в род Кериков²¹, и именно к этому роду принадлежали те носители данного антропонима, которые зафиксированы в эллинистическое время.

Филин. Имя из ономастикона семьи Клеиппида – Клеофонта. В частности, Филином звали брата демагога Клеофонта. Это лицо не упоминается в нарративной традиции, но относительно недавно стало известно из надписей на остраке²².

В числе имен из анализируемого нами перечня, об аристократическом характере которых нельзя безоговорочно утверждать, следует назвать ЛИ Антифан²³, Дионисий, Симон, Харий²⁴. Таковых явное меньшинство.

Имеющийся материал позволяет делать определенные выводы. Так, сразу бросается в глаза, что достаточно значительное количество эллинистических монетных магистратов принадлежало к роду Кериков (во всяком случае, их доля наиболее велика). То же можно сказать, хотя и в несколько меньшей степени, о другом жреческом роде – Евмолпидах. Зафиксированы монетарии из родов Филаидов, Евпатридов, Кодридов, возможно, Ликомидов. Семья Клеиппида –

²¹ Молчанов А. А. Антропонимическая традиция... С. 195.

²² Raubitschek A. E. Philinos // Hesperia. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71.

²³ В V в. до н. э. так звали отца демагога Гипербола. Впрочем, совпадение с именем эллинистического монетного магистрата может быть и чисто случайным. Гипербол был изгнан из афинского полиса остракизмом, а затем убит олигархами на Самосе (Thuc. VIII. 73. 3). Неизвестно, чтобы в Афинах осталось после него какое-нибудь потомство.

²⁴ Впрочем, имя Харий носили несколько «кандидатов» на остракизм как в начале, так и в конце V в. до н. э. Это тоже, может быть, не случайное совпадение.

Клеофонта, которая в классическую эпоху еще не могла соперничать на равных с этими древними родами, к эллинистическому периоду, судя по всему, значительно повысила свой статус, «поравнялась» с ними, и ее представители тоже становились монетными магистратами, то есть принадлежали к верхнему слою политической элиты.

Значимы и, так сказать, негативные результаты сопоставления. Иными словами, небезынтересно узнать, членов каких аттических родов мы не находим среди монетариев. В их числе совершенно не отмечены лица из славного в VII–V вв. до н. э. рода Алкмеонидов, а также из того рода (название неизвестно), к которому принадлежал оратор Андокид. Оба факта вполне объяснимы; более того, их следовало ожидать. Род Алкмеонидов в IV в. до н. э. захирел и сошел с политической сцены²⁵, а род Андокида просто физически прекратил существование: оратор, не имевший братьев и оставшийся бездетным (Andoc. I. 148), оказался его последним представителем.

Наблюдения такого рода могли бы быть продолжены и далее конкретизированы. В своей совокупности они позволяют (безусловно, с известной осторожностью) подвести следующий итог. Ономастика афинской аристократии между V и II вв. до н. э. в целом претерпела достаточно существенное обновление, что должно свидетельствовать об изменениях в ее составе. Однако определенный, неширокий, но стабильный круг знатнейших семей сумел практически полностью сохранить свои генеалогические традиции и регенерировать былую политическую роль. Речь идет прежде всего о роде Кериков и о некоторых других, тесно связанных с этим последним родственными и брачными узами²⁶. Нам думается, что здесь не мог не сыграть роли институциональный фактор: в руках рода Кериков на протяжении веков находилась одна из важнейших религиозных магистратур – должность дадуха (факелоносца) в элевсинском культе Деметры. Среди сложных и противоречивых перипетий истории эллинистических Афин это семейство жрецов высшего ранга выступало неким оплотом стабильности, являлось чем-то вроде сакрального «сердца» афинского полиса.

²⁵ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 215–216.

²⁶ Ср. анализ этих сюжетов в работе: Молчанов А. А. Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н. э. – V в. н. э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141–150. Мы благодарны А. А. Молчанову, любезно ознакомившему нас с материалами этого исследования еще до их публикации.

Раздел IV

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО, СЛОВЕСНОСТЬ: НА СТЫКЕ СФЕР

ДРЕВНЕЙШИЕ АФИНСКИЕ МОНЕТЫ (WARPENMÜNZEN): ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ*

Первые шаги монетного дела Афин по сей день являются для историков-антиковедов и нумизматов предметом острых дискуссий. До перехода к чеканке ставших столь широко известными «сов» в афинском полисе выпускались монеты, за которыми в исследовательской литературе устойчиво закрепилось в известной мере условное, но ставшее тем не менее общепринятым обозначение *Warpenmünzen* (т. е. «гербовые монеты»; по вопросу о правомерности такого обозначения см. ниже). Был, правда, в развитии науки этап (конец XIX в.), когда в историографии возобладала была точка зрения, согласно которой эти монеты в действительности нужно соотносить не с Атикой, а с Эвбеей¹ (на чем особенно настаивал такой авторитетный специалист, как Б. Хед). Но на сегодняшний день эти представления всецело отошли в прошлое; ныне, кажется, все согласны с тем, что речь идет именно о древнейшей афинской чеканке².

К категории *Warpenmünzen* относятся монеты, представляющие собой, несомненно, единую серию³ (причем достаточно короткую⁴), имеющие черты принципиального сходства как по фактуре, так и по основному номиналу. Как правило, это дидрахма; имеются ее фракции – драхма, обол, гемиобол, тетартеморий⁵. На последнем этапе появляются тетрадрахмы. При этом *Warpenmünzen* сильно, можно сказать, абсолютно разнятся изображениями на л. с. С точки

* Впервые опубликовано в: Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 43–51.

¹ Например: *Head B. V.* *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxf., 1887. P. 301 ff.; *Head B. V.* *Catalogue of Greek Coins. Attica – Megaris – Aegina (A Catalogue of Greek Coins in the British Museum)*. L., 1888. P. XII; *Fritze H. von.* *Die Münztypen von Athen im 6. Jahrhundert v. Chr.* // *Zeitschrift für Numismatik*. 1897. Bd. 20. S. 142.

² *Kroll J. H.* *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton, 1993. P. 5.

³ *Зюгаф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 61; *Kraay C. M.* *The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology* // *Numismatic Chronicle*. 1956. Vol. 16. P. 45; *Jenkins G. K.* *Ancient Greek Coins*. 2 ed. L., 1990. P. 25. В некоторых случаях прослеживается использование реверсных штемпелей, связывающих различные типы л. с.

⁴ *Radnoti-Alföldi M.* *Antike Numismatik. Teil 1*. Mainz, 1978. S. 84.

⁵ *Kraay C. M.* *Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen* // *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt. 1989. S. 201.

зрения этих последних выделяют 15 типов данных монет (дидрахм)⁶, и прежде всего следует их перечислить⁷: 1) амфора; 2) «трискелес» – три человеческие ноги, расходящиеся из единого центра; 3) жук-скарабей; 4) астрагал (конская бабка); 5) голова быка в фас; 6) сова влево; 7) стоящий конь влево; 8) протома коня влево; 9) протома коня вправо; 10) задняя часть коня вправо; 11) колесо с перекладинами-распорками; 12) обычное колесо с четырьмя спицами; 13) такое же колесо, но с подпорками на концах каждой спицы; 14) голова Горгоны; 15) на л. с. – тот же тип, но на о. с. в одной из четвертей, на которые разделен вдавленный квадрат, небольшой символ – голова льва⁸ в фас (на вышеперечисленных 14 типах никаких изображений во вдавленном квадрате на о. с. нет). Вокруг части типов л. с. – линейный ободок, который, возможно, символизирует щит. Тетрадрахмы данной серии подразделяются на два типа; на л. с. у обоих голова Горгоны, на о. с. в одном случае голова льва в фас во вдавленном квадрате, в другом – голова быка в фас, тоже во вдавленном квадрате. На серебре более мелких номиналов отмечают также и другие изображения: глаз, лягушку, яблоко, лист⁹; в каком соотношении находятся они с типами основных номиналов – вопрос, пока не имеющий однозначного ответа.

Наиболее углубленно в мировой историографии проблемами Wappenmünzen занимался Ч. Селтман; именно он с предельной детализацией разработал концепцию, трактующую их как «гербовые монеты». Фундаментальная монография Селтмана «Афины, их история и чеканка до персидского вторжения»¹⁰ была для своего времени классической; однако ныне, работая с ней, необходимо учитывать, что изложенные в ней взгляды (это особенно касается проблем датировки) отражают представления, характерные для определенного этапа

⁶ См. их перечень в работе, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает современный уровень изучения Wappenmünzen и в первую очередь должна быть рекомендована всем, кто желает ближе познакомиться с проблемой: *Kroll J. H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society Museum Notes. 1981. Vol. 26. P. 1–32.* См. также последнюю по времени из известных нам работ о Wappenmünzen, в которой выводы Дж. Кролла получают дальнейшее развитие: *Dawson S. The Athenian Wappenmünzen // Scholia. 1999. Vol. 8. P. 71–77.*

⁷ Перечисляем, исходя не из возможной хронологической последовательности (эта последняя небесспорна и требует отдельного рассмотрения), а группируя друг с другом схожие изображения.

⁸ Или пантеры, как считают некоторые; во всяком случае, какого-то крупного хищника из семейства кошачьих.

⁹ *Regling K. Wappenmünzen // Wörterbuch der Münzkunde. B., 1930. S. 734.* Впрочем, нет безоговорочной уверенности в афинском происхождении всех без исключения этих мелких номиналов, в принадлежности их к серии Wappenmünzen.

¹⁰ *Seltman C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.*

развития наших знаний об афинском монетном деле – этапа, который на сегодняшний день можно считать уже пройденным. По мнению исследователя, типы *Wappenmünzen* в большинстве своем – это не что иное, как гербы знатнейших аристократических родов Атики.

Гипотеза Селтмана была вначале встречена учеными с большим энтузиазмом. Однако начиная с 1960-х гг. она начала подвергаться строгой и во многом справедливой критике¹¹. Указывалось, что в ней слишком много умозрительного, не находящего прямой опоры в материале источников. Так, Селтман в значительной мере произвольно соотнес то или иное изображение на монетах с тем или иным афинским знатым родом¹². Кроме того, сильные сомнения вызывают и сам факт наличия у аристократии античного греческого полиса родовых гербов в собственном смысле слова, и сама категория «родовой чеканки»¹³.

В настоящее время концепцию Селтмана в чистом виде, пожалуй, уже никто не разделяет¹⁴. Соответственно, неизбежной становится задача альтернативных интерпретаций. Такие интерпретации, конечно, появились; некоторые из них совершенно отрывают изображения на *Wappenmünzen* от круга символов, связанных с аристократическими родами, что, на наш взгляд, тоже неправомерно. Так, Р. Хоппер¹⁵ полагал, что интересующие нас монеты лучше рассматривать в религиозном и праздничном контексте, что следует видеть в

¹¹ *Hopper R. J. A Note on Aristophanes, Lysistrata 665–70 // Classical Quarterly. 1960. Vol. 10. No. 2. P. 242–247; Forrest W. G. The Tradition of Hippias' Expulsion from Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1969. Vol. 10. No. 4. P. 282 ff.; Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 56 ff.*

¹² *Hemmerdinger B. Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594) // Quaderni di storia. 1984. Vol. 10. Fasc. 19. P. 166.*

¹³ *Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 33–61; Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Lille; P., 1976. P. 817.*

¹⁴ Разве что в отечественной историографии вплоть до самого последнего времени можно было найти работы, в которых к мнению Селтмана апеллируют как к последнему слову в науке, как к чему-то неопровержимо доказанному. Например: *Залюбовина Г. Т. Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984. С. 16; Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003. С. 370. Обратим внимание на то, что упомянутые работы написаны историками, а историки вообще зачастую лишь с большим опозданием оказываются осведомлены о серьезных изменениях точек зрения в нумизматической литературе (впрочем, справедливо и обратное суждение: случается, что ученые-нумизматы опираются на устаревшие тезисы историков).*

¹⁵ *Hopper R. J. Observation on the Wappenmünzen // Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson. Oxf., 1968. P. 16–39. Ср. также: Jenkins G. K. Op. cit. P. 25; Rebuffat F. La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 37–39.*

них, скорее всего, семантику Панафинейских игр. Но отнюдь не все из вышеперечисленных изображений могут быть без натяжек трактованы подобным образом. Что общего с Панафинейями у скарабея или трискелеса? Есть также мнение, что эти изображения просто выражали идеалы аристократического общества, без соотнесения с конкретными родами или индивидами¹⁶. Но это звучит слишком абстрактно и никак не помогает решить проблему. Особняком стоит высказанная относительно недавно точка зрения М. Викерса¹⁷, согласно которой на *Warrenmünzen* представлены типы аттических фил. Впрочем, на экзотических построениях Викерса нам еще придется специально остановиться несколько ниже.

В последнее время, насколько можно судить, многие исследователи начинают в осторожной форме возвращаться к некоторым положениям гипотезы Селтмана (естественно, модифицируя их)¹⁸. И это представляется закономерным и оправданным. Монеты, о которых идет речь, несомненно эмблематичны. Отмечалось¹⁹, что все перечисленные изображения (как, впрочем, и многие другие) встречаются также в чернофигурной вазописи VI в. до н. э., и не где-нибудь, а на щитах воинов. Причем по крайней мере некоторые из этих типов в нарративных источниках ассоциируются, пусть косвенно, с конкретными аристократическими родами (например, с Алкмеонидами)²⁰. Итак, если перед нами все-таки эмблемы, то что это за эмблемы?

Нам представляется наиболее перспективным видеть в изображениях на *Warrenmünzen* знаки магистратов, ответственных за чеканку (точка зрения, которую наиболее последовательно развил Дж. Кролл²¹). Параллели этому в древнегреческом монетном деле можно найти в изобилии²². Даже если оставаться в рамках чисто афинского материала и не привлекать монеты

¹⁶ Lévêque P., Vidal-Naquet P. Op. cit. P. 33 ss.

¹⁷ Vickers M. Early Greek Coinage, a Reassessment // Numismatic Chronicle. 1985. Vol. 145. P. 31.

¹⁸ Например: *Daverio Rocchi G.* Aristocrazia genetica ed organizzazione politica arcaica // *Parola del passato*. 1973. Vol. 28. Fasc. 148/149. P. 92 ff.; *Radnoti-Alföldi M.* Op. cit. S. 83; *Hemmerdinger B.* Op. cit.; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 86; *Молчанов А. А.* Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики) // *Signum*. 2005. Вып. 3. С. 17 сл.

¹⁹ *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 62.

²⁰ Подробнее по проблеме см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позд-неархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 144–145; *Нефёдкин А. К.* Развитие эмблематики на древнегреческих щитах // *ВДИ*. 2002. № 3. С. 120–122.

²¹ *Kroll J. H.* From Wappenmünzen... P. 9. Ср. также: *Kurz K.* Zum griechischen Kontext des römischen Münzwesens // *Listy filologické*. 1983. Vol. 106. Fasc. 3. P. 181.

²² В целом по проблеме см.: *Furtwängler A.* Griechische Vieltypenprägung und Münzbeamte // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 1982. Bd. 61. S. 5–29.

из других полисов, аналогии имеются. В качестве таковых следует в первую очередь привести знаки магистратов на монетах «нового стиля», выпускавшихся в эллинистических Афинах²³. Различие заключается в том, что на этих монетах магистрат ставил свой знак в виде символа-дифферента, дополнительного по отношению к основному типу. Что же касается *Wappenmünzen*, то на них, в эту очень раннюю эпоху античного монетного дела, общеполисная эмблематика Афин еще не получила никакого отражения²⁴; соответственно, место основного типа занимали именно знаки магистратов. Если можно так выразиться, тип каждого нового выпуска одновременно играл роль дифферента, позволяя отличать друг от друга монеты, чеканенные в разные годы.

Анализ магистратских символов на афинском серебре «нового стиля»²⁵ демонстрирует, что должностные лица обладали достаточной свободой в выборе эмблемы. При этом выборе они могли руководствоваться самыми различными соображениями, единой системы не было. Знак магистрата мог действительно иметь протогеральдический характер, но часто в нем находила воплощение не эта, а иная информация: например, аллюзия на какие-нибудь славные деяния предков данного гражданина или «обыгрывание» его имени по принципу ребуса²⁶. В каких-то случаях конкретная интерпретация того или иного символа просто затруднительна на нынешнем уровне развития науки. В любом случае, ясно: что, с одной стороны, перед нами индивидуальная эмблематика, но, с другой стороны, она имеет такой характер, что через нее, в опосредованной форме, может проявляться, в числе прочего, и эмблематика родовая (стараясь сформулировать важный тезис как можно более осторожно и взвешенно). Следует полагать, аналогичным образом дело обстояло и в эпоху архаики.

Одним из сильнейших аргументов против трактовки изображений на *Wappenmünzen* как эмблем знатных родов традиционно является следующий. Если

²³ Важнейшим трудом по этим монетам и поныне остается книга: *Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens*. N. Y., 1961 (хотя следует учитывать, что предложенная М. Томпсон хронология выпусков монет «нового стиля» была впоследствии подвергнута серьезной критике и ревизии). В отечественной историографии см.: *Стрелков А. В.* Афинские серебряные монеты «нового стиля» // *Монеты и медали*. 1996. [Вып. 1.] С. 14–40.

²⁴ Хотя в принципе она, скорее всего, уже существовала в архаическую эпоху, увязываясь в основном с символикой богини Афины, но отражалась в то время еще не на монетах, а на других артефактах (например, на панафинейских амфорах или на тех же щитах). См.: *Молчанов А. А.* Исследование полисных эмблем в античной письменной традиции: историко- numismaticкие подходы // *Signum*. 2000. Вып. 2. С. 27 сл.

²⁵ См. каталог этих символов: *Thompson M.* Op. cit. P. 600 ff.

²⁶ В связи с этим обращает на себя внимание идея Дж. Кролла о том, что магистратами, отвечавшими за чеканку *Wappenmünzen*, могли в разные годы быть тиран Гиппий и его брат Гиппарх. Отсюда – изображение коня или его частей на некоторых типах этих монет. См.: *Kroll J. H.* From *Wappenmünzen*... P. 9.

датировать эти монеты периодом тирании Писистрата, как чаще всего делают, действительно приходится признать, что время их выпуска было, мягко говоря, не самым подходящим для проявления аристократических амбиций. Ведь при Писистрате многие афинские аристократы (Алкмеониды, Филаиды и др.) оказались в опале или даже в изгнании²⁷. Однако, чтобы оценить, в какой степени этот аргумент является весомым, необходимо подробнее остановиться на вопросе о датировке Wappenmünzen, проследив основные точки зрения по данному вопросу и динамику их эволюции²⁸. Прежде всего необходимо оговорить неразрывную связь двух проблем: хронологии Wappenmünzen и времени начала чеканки «сов». От решения первой из них напрямую зависит решение второй, и наоборот. Будем исходить из двух представляющихся достаточно очевидными и как будто бы никем теперь не оспариваемых положений: во-первых, Wappenmünzen – афинские монеты, во-вторых, хронологически они непосредственно предшествовали «совам».

Автор первого специального монографического исследования о монетном деле Афин Э. Бёле²⁹ считал, что Wappenmünzen начали выпускаться во второй половине 560-х гг. до н. э. При этом он связывал их с деятельностью Солона, но не с тем ее периодом, когда проводились знаменитые реформы, а со временем после возвращения законодателя из десятилетнего путешествия³⁰. Это несколько озадачивает: из источников неизвестно, чтобы Солон осуществлял какие-либо политические или экономические меры в эту последнюю пору своей жизни. Что же касается первых «сов», то они, по мнению Бёле, были отчеканены после изгнания Писистратидов в 510 г. до н. э. Следует отметить, что этот последний тезис представляется весьма перспективным и хорошо коррелирует с наиболее современными точками зрения (см. ниже).

Однако уже вскоре подход к хронологии ранней афинской чеканки коренным образом изменился в сторону ее резкого «удревнения». Переломной стала здесь позиция Б. Хеда, решительно связавшего выпуск первых «сов» с Солоном³¹ (Wappenmünzen Хед, как мы уже видели, вообще не считал афинскими монетами). Настолько велик был авторитет выдающегося английского нумизмата,

²⁷ Kroll J. H. From Wappenmünzen... P. 2.

²⁸ Для точек зрения до середины XX в. см. полезный историографический обзор в работе: Kraay C. M. The Archaic Owls... P. 43 ff.

²⁹ Beulé E. Les monnaies d'Athènes. P., 1858. P. 15 ss.

³⁰ Возрождение аналогичной точки зрения см.: Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 113.

³¹ Head B. V. Historia numorum... P. 311; Head B. V. Catalogue... P. XX. Во втором издании своей капитальной «Historia numorum» (Oxf., 1911. P. 368) Хед более осторожен и менее категоричен, но все-таки допускает, что некоторые, наиболее архаичные «совы» относятся ко времени Солона.

что после него все обсуждение рассматриваемого здесь вопроса пошло совершенно иными путями. Со временем выявилась необходимость последовательной ревизии и «омоложения» его датировки, поскольку она явно неверна³². В исследовательской литературе поступательно сменяли друг друга несколько основных датировок: 1) Wappenmünzen начали чеканиться при Солоне, первые «совы» – при Писистрате³³; 2) Wappenmünzen – при Писистрате, первые «совы» – при Гиппии³⁴; 3) Wappenmünzen – при Гиппии, первые «совы» – после его свержения, около 510 г. до н. э.³⁵ Эта последняя точка зрения выдвинута в самых новых работах по интересующей нас проблематике; она в наибольшей степени соответствует современному уровню развития науки и нам также представляется (с некоторыми непринципиальными оговорками) стоящей ближе всего к истине.

Приходится отметить и тот факт, что была предпринята попытка еще сильнее «омолодить» как Wappenmünzen, так и ранние «совы»³⁶. Развивающий эту идею М. Викерс известен больше всего многочисленными работами, направленными на радикальный пересмотр без серьезных к тому оснований всей

³² Хотя и впоследствии можно было встретить работы, авторы которых считали Солон инициатором выпуска «сов», а Wappenmünzen, соответственно, относили к досолоновскому времени. Например: *Cahn H. A. Zur frühattischen Münzprägung // Museum Helveticum. 1946. Vol. 3. Fasc. 3. P. 138; Hemmerdinger B. Op. cit. P. 165 ss.* Но эта точка зрения все более становилась анахронизмом.

³³ *Seltman C. T. Op. cit. Passim* (Селтман отстаивает весьма сложную и запутанную схему, в которую входит «досолоновская» чеканка по эгинскому весовому стандарту монет с изображением амфоры, далее выпуск серии Wappenmünzen, начиная с Солона, а затем, при Писистрате, параллельное появление первых «сов»); *Зограф А. Н. Указ. соч. С. 30.*

³⁴ *Kraay C. M. The Archaic Owls... P. 44 ff.; Kraay C. M. The Early Coinage of Athens: a Reply // Numismatic Chronicle. 1962. Vol. 2. P. 417–423* (допускается датировка Wappenmünzen с 570-х гг. до н. э.); *Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins... P. 56 ff.; Kroll J. H. From Wappenmünzen... P. 30; Kroll J. H. The Greek Coins... P. 5; Kroll J. H., Waggoner N. M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 329 ff.; Welwei K.-W. Athen: vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Grosspolis. Darmstadt, 1992. S. 199; Reden S. von. Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; Rebuffat F. Op. cit. P. 38.* Нетрудно заметить, что эта точка зрения представлена наибольшим количеством работ. Однако за время ее существования наблюдается определенный «дрейф» датировок Wappenmünzen – от самого начала правления Писистрата к более поздним его периодам.

³⁵ *Radnoti-Alföldi M. Op. cit. S. 85; Dawson S. Op. cit.* Есть и промежуточные точки зрения. См., например: *Wallace W. P. The Early Coinages of Athens and Euboea // Numismatic Chronicle. 1962. Vol. 2. P. 23–42; Sear D. R. Greek Coins and their Values. Vol. 1. L., 1997. P. 181:* Wappenmünzen появились около 545 г. до н. э., то есть при Писистрате, а «совы» – около 510 г. до н. э. Последняя дата очень близка к истине, но слишком уж большой хронологический отрезок отводится для довольно короткой серии Wappenmünzen.

³⁶ *Vickers M. Op. cit.*

хронологии афинской чернофигурной и краснофигурной керамики. Эта его «новая хронология» неоднократно и сурово критиковалась авторитетными специалистами как проявление экстремизма в науке³⁷. Столь же по-экстремистски, рубя сплеча серьезнейшие проблемы, к сожалению, подошел Викерс и к нумизматической тематике. Он полагает, что *Warpenmünzen* начали чеканиться в самом конце VI в. до н. э., в период демократических реформ Клисфена, а типы этих монет являются символами десяти новых афинских фил, созданных реформатором взамен четырех старых, ионийских. Что же касается «сов», то их выпуск, согласно хронологическим выкладкам Викерса, начался только после 480 г. до н. э.

Вполне естественно, что в аргументации Викерса сразу же был замечен целый ряд настолько слабых мест, что они сводят на нет все значение его построений. Так, отмечалось³⁸, что исследователь, искусственно подгоняя число типов *Warpenmünzen* к числу клисфеновских фил, совершенно неоправданно редуцировал эти типы с 15 до 10. Для этого он «закрыв глаза» на различия между тремя различными изображениями колеса на монетах, сочтя, что перед нами – один тип, а не три, как в действительности. Так же он поступил с изображениями протомы коня (влево и вправо), сведя эти два типа к одному. Наконец, он совершенно исключил из серии *Warpenmünzen* монеты с головой Горгоны, что уже совсем недопустимо. Одним словом, материал нумизматических источников оказался безжалостно принесен в жертву чисто априорным, умозрительным гипотезам. Есть, наконец, и факт, который самым своим существованием полностью разрушает все конструкции Викерса. В архиве Персеполя найден отпечаток реверса афинской тетрадрахмы-«совы», использованной в качестве печати при скреплении глиняных табличек. Памятник заведомо раньше 480 г. до н. э. (он относится к рубежу VI–V вв. до н. э.) и демонстрирует, что «совы» к тому времени уже чеканились и даже попадали в далекую персидскую столицу³⁹. Всё говорит о том, что к теории Викерса следует относиться так, как она того заслуживает, – как к очередной попытке дилетанта произвести «научную сенсацию» – и не относиться к ней слишком серьезно.

Итак, если исходить из того, что начало чеканки *Warpenmünzen* падает на первые годы правления Гиппия или (чрезмерная точность здесь неуместна) на самые последние годы тирании Писистрата, это ставит рассматриваемые монеты во вполне приемлемый исторический контекст. Как известно, Писистрат

³⁷ Например: *Cook R. M.* The Francis – Vickers Chronology // *Journal of Hellenic Studies*. 1989. Vol. 109. P. 164–170; *Williams D.* Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // *Revue archéologique*. 1996. № 2. P. 227–252.

³⁸ *Dawson S.* Op. cit. P. 73.

³⁹ *Root M. C.* Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage // *Numismatic Chronicle*. 1988. Vol. 148. P. 8–12.

в конце своей жизни начал, а Гиппий продолжил в значительно более интенсивных формах дело примирения с афинскими аристократическими родами⁴⁰. Представители Алкмеонидов, Филаидов, Кериков и др. занимали в это время даже высший пост эпонимного архонта⁴¹. Соответственно, они не имели существенных препятствий для манифестации своей символики, как индивидуальной, так и родовой.

В данной связи уместно, подходя уже к концу работы, коснуться вопроса о том, какие именно магистраты ставили свои знаки на Wappenmünzen. Когда обычай таких знаков после долгого перерыва возобновился в Афинах (в эллинистическую эпоху, на монетах «нового стиля»), за чеканку монет, насколько можно судить, отвечали какие-то специальные должностные лица⁴². В науке их условно называют «монетными магистратами» или «монетариями», хотя, строго говоря, мы не знаем, как они назывались на самом деле, и вообще достоверная информация о них чрезвычайно скудна. Предлагались различные точки зрения по вопросу об идентификации этой магистратуры, но ни одна из них не получила безоговорочного признания.

Размышляя о том, как в этом отношении могло обстоять дело во второй половине VI в. до н. э., необходимо принимать в расчет следующие соображения. Архаическая эпоха истории афинского полиса была временем, когда система полисных магистратур получила еще весьма слабое развитие: ведь это – очень ранняя ступень ее эволюции. Лишь позже, в период классической демократии, появилось много самых различных должностных лиц с чрезвычайно дробными обязанностями, когда прерогативы каждого из них ограничивались некой узкой, конкретной сферой государственного управления. До того, то есть на интересующем нас хронологическом отрезке, наблюдаем принципиально иную картину: весьма малое количество магистратов, каждый из которых обладал широким кругом полномочий. По сути дела, с абсолютной степенью уверенности можно говорить только о существовании постоянно действующей коллегии девяти ежегодно сменявшихся архонтов во главе с архонтом-эпонимом⁴³. Кстати, и режим тирании Писистратидов скорее препятствовал, чем способствовал

⁴⁰ Есть даже мнение, что серия Wappenmünzen была выпущена в ознаменование этого примирения: Грант М. Указ. соч. С. 86.

⁴¹ Об этой политике подробнее см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 154–156.

⁴² Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 240 сл.; Суриков И. Е. К просопографии афинских монетных магистратов эпохи эллинизма // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. и сообщений. СПб., 2001. С. 29–31.

⁴³ Ср. слова Фукидида (I. 126. 8) об архаических Афинах: «В те времена большая часть государственных дел была в ведении девяти архонтов».

созданию новых полисных должностей. Можно сделать ответственный вывод: для Афин VI в. до н. э. мы вряд ли имеем право предполагать наличие особой должности монетного магистрата.

С другой стороны, такое значимое событие, каким стало введение (впервые в афинской истории!) собственной чеканной монеты, должно было рассматриваться властями как дело первостепенной государственной важности, и контроль над процессом, скорее всего, был поручен должностным лицам самого высокого ранга – таким, которые следовали непосредственно за верховным правителем. С наибольшей степенью вероятности можно утверждать, что это были именно архонты-эпонимы. Писистратида в годы своей тирании, как известно, заботились о том, чтобы на этом посту стояли их сторонники (Thuc. VI. 54. 6).

Если наше предположение верно и 15 типов Wappenmünzen соответствуют 15 архонтам периода правления Гиппия, это открывает немаловажные перспективы. Можно попытаться с новых позиций ответить на вопросы о конкретной атрибуции изображений и об историческом контексте перехода от Wappenmünzen к «совам». Но это могло бы стать темой отдельной работы.

О МОНЕТНОМ ДЕЛЕ АФИН КОНЦА ПЕРИОДА АРХАИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДА ОТ WAPPENMÜNZEN К «СОВАМ»)*

Более десятилетия назад мы опубликовали на страницах «Античного мира и археологии» статью о Wappenmünzen¹, которая, к сожалению, и по сей день остается, кажется, единственной в отечественной историографии работой, специально посвященной этим древнейшим афинским монетам². В статье, которая только что упоминалась, мы не имели возможности подробно рассмотреть вопрос о времени и причинах прекращения этой весьма интересной и неординарной серии; потому-то к данному вопросу теперь и обратимся.

Как известно³, непосредственно после Wappenmünzen с их разнообразием типов⁴, отражавших аристократические ценности, в Афинах начали выпускаться монеты единого, принципиально нового типа («голова Афины – сова», ΑΘΕ), т. е. знаменитые «совы» (некоторые наши нумизматы с этакой вульгарной фамильярностью называют их «совками»), однако нам такое словоупотребление отнюдь не близко). Как же происходил переход и в силу чего он случился?⁵

* Впервые опубликовано в: Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов, 2019. С. 12–18.

¹ Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 43–51. В этой работе приводятся и достаточно обильные ссылки на зарубежную литературу по данной проблематике, которые мы здесь в основном постараемся не повторять, а указывать в дальнейшем будем прежде всего те важные работы, которые стали нам доступны уже после выхода упомянутой статьи.

² Даже если брать не только Афины, но и весь греческий мир, перед нами одна из самых ранних серебряных чеканок (более древними являются только чеканки Эгины и, возможно, Коринфа). Подчеркиваем, что электровые чеканки, среди которых есть и еще более ранние, мы в данной работе вообще не затрагиваем.

³ Мысли, излагаемые здесь, мы ранее конспективно привели в тезисах докладов: Суриков И. Е. От Wappenmünzen к «совам»: в поисках исторического контекста // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. и сообщений. СПб., 2007. С. 10–12; Суриков И. Е. О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. и сообщений. М., 2009. С. 7–9.

⁴ 15 типов дидрахм, 2 типа тетрадрахм (о последних подробнее см. ниже).

⁵ Из конкретных работ по данной проблематике нам были особенно полезны: Kroll J. H. From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society Museum

Переход от *Wappenmünzen* к «совам» явился событием большого значения, кардинальным реформированием всей системы чеканки. И вполне естественно, что вопросы о времени и конкретных обстоятельствах этого перехода, о его историческом контексте представляются весьма важными.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой *Wappenmünzen* выпускались в Афинах исключительно или почти исключительно в правление тирана Гиппия (527–510 гг. до н. э.), старшего сына знаменитого Писистрата. «Совы» же, как известно, имеют самую непосредственную связь с классической афинской демократией, установившейся в результате реформ Клисфена 508–507 гг. до н. э.⁶, но невозможной без предшествующего свержения тирании в 510 г. до н. э. Из этого и будем исходить в дальнейшем.

Сразу приходят на ум два возможных ответа на вопрос об интересующем нас здесь переходе. Либо это произошло сразу после изгнания Гиппия и ликвидации афинской тирании, что в восприятии современников было «освобождением» государства. Либо – второй вариант – данный факт следует связывать с деятельностью Клисфена, с рождением демократического государственного устройства в Афинах. Оба переворота имели огромное историческое значение.

Notes. 1981. Vol. 26. P. 1–32; Dawson S. The Athenian *Wappenmünzen* // Scholia. 1999. Vol. 8. P. 71–77. В целом для осмысления причин начала древнегреческого (в том числе, естественно, и афинского) монетного дела наиболее важны монографии: Servet J.-M. *Nomismata: État et origines de la monnaie*. Lyon, 1984; Seaford R. *Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy*. Cambridge, 2004; Schaps D. M. *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor, 2004. Полную, весьма полезную сводку афинской чеканки вплоть до конца эпохи эллинизма см. теперь в: Flament C. *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique* (с. 550 – с. 40 av. J.-C.). Louvain-le-Neuve, 2007. Оговорим тут же, что ни одна серебряная чеканка в Балканской Греции или в какой-либо иной части эллинского мира не может датироваться ранее чем 560 г. до н. э. (год прихода к власти Креза в Лидии, сопоставим Herod. I. 94 и Herod. I. 86; «ревизионистская» передатировка Креза Р. Уоллесом (Wallace R. W. Redating Croesus: Herodotean Chronologies, and the Dates of the Earliest Coinages // *Journal of Hellenic Studies*. 2016. Vol. 136. P. 168–181) не имеет серьезных оснований, как мы показываем в: Суриков И. Е. Монеты Креза и их датировка (по поводу одной недавней гипотезы) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. М., 2017. С. 3–6.

⁶ Построения М. Викерса, относящего начало «сов» к периоду после 480 г. до н. э. (Vickers M. Early Greek Coinage, a Reassessment // *Numismatic Chronicle*. 1985. Vol. 145. P. 1–44), оказались заведомо опровергнутыми, когда в архиве Персеполя был найден отпечаток реверса афинской тетрадрахмы-«совы», использованной в качестве печати при скреплении глиняных табличек. Памятник относится к рубежу VI–V вв. до н. э. и демонстрирует, что «совы» к тому времени уже чеканились и даже попадали в далекую персидскую столицу (Root M. C. Evidence from Persepolis for the Dating of Persian and Archaic Greek Coinage // *Numismatic Chronicle*. 1988. Vol. 148. P. 8–12).

Причем если для нас, с хронологической дистанции в две с половиной тысячи лет, более важным выглядит второй, «клизфеновский» переворот, поскольку он направил судьбы Афин и всей Греции по совершенно новому пути, то для афинян рубежа VI–V вв. до н. э., пожалуй, было наоборот: более акцентированно воспринималось изгнание тирана, а в Клизфене видели лишь одного из видных аристократических лидеров. В любом случае несомненно, что создание принципиально нового типа монетной чеканки обязательно должно быть связано с каким-то исключительно значимым событием истории полиса, как бы «маркировать» его.

Для решения вопроса, как представляется, имеет определенное значение еще вот какое обстоятельство. Между *Warrenmünzen*, базовым номиналом которых была дидрахма, и «совами», система которых основывалась на тетрадрахме, четко прослеживается промежуточная, переходная стадия: тетрадрахмы серии *Warrenmünzen*. Эти редкие типы относятся к самому концу чеканки «гербовых монет», и главное, что бросается в глаза на данном, последнем этапе их выпуска – отказ от прежнего большого разнообразия изображений, использование лишь очень небольшого их набора. Известно только две разновидности тетрадрахм-*Warrenmünzen*. У обеих на л. с. голова Горгоны, а на о. с. в одном случае голова льва во вдавленном квадрате, в другом – в таком же вдавленном квадрате голова быка. Дидрахмы этой стадии подразделяются на два или, скорее, три вида: с головой Горгоны на л. с. и вдавленным квадратом без изображений на о. с., с головой Горгоны на л. с. и вдавленным квадратом с небольшим символом – головой льва – на о. с., а также, судя по всему, с головой быка на л. с. и вдавленным квадратом без изображений на о. с.

В свете наших общих представлений о переходе от *Warrenmünzen* к «совам» вырисовываются два варианта интерпретации последовательности и датировки стадий перехода. Первый вариант: дидрахмы-*Warrenmünzen* выпускаются Гиппием вплоть до его свержения в 510 г. до н. э., после ликвидации тирании появляются тетрадрахмы-*Warrenmünzen* и соответствующие типы дидрахм, наконец, в ходе реформ Клизфена начинается чеканка «сов», теперь уже всецело на базе тетрадрахмы. Второй вариант: дидрахмы-*Warrenmünzen* выпускаются Гиппием приблизительно до 514–513 гг. до н. э. (разнообразие их типов прокламирует примирение тирана с аристократическими родами Аттики), после заговора Гармодия и Аристогитона и ссоры Гиппия с аристократами он переходит к выпуску тетрадрахм-*Warrenmünzen*, сильно редуцировав разнообразие типов.

Смена базового номинала, может быть, связана с так называемой монетной реформой Гиппия, о которой речь пойдет чуть ниже. Наконец, после свержения тирании базовый номинал остается прежним, «гиппиевским» (тетрадрахма), но радикально меняется тип, вводятся «совы», дабы подчеркнуть

важность свершившегося события. Этот второй вариант представляется нам более вероятным. На наш взгляд, об этом свидетельствует, помимо прочего, появление на «совах» легенды АΘΕ, что должно было продемонстрировать «освобождение» Афин и их суверенитет.

Мы закономерно выходим на интересный пассаж из 2-й книги «Экономики» Псевдо-Аристотеля (компилятивного перипатетического трактата, составленного в основном в III в. до н. э.⁷), в котором сообщается о своеобразной монетной реформе, проведенной афинским тираном Гиппием Писистратидом (правил в 527–510 гг. до н. э.). В месте, о котором идет речь (Ps.-Arist. *Оес.* II. 1347a4 sqq.), рассказано о ряде предпринятых Гиппием акций фискального характера, среди которых вот такая: «Ту монету, которая ходила у афинян, он объявил негодной и, установив стоимость ее, велел возвращать ему; а когда они были собраны для перечековки, он выдал то же серебро» (пер. Г. А. Тароняна).

Нарочитая неясность выражений неизвестного автора трактата (видимо, он сам имел о реформе довольно смутное понятие) долгое время приводила к тому, что данному свидетельству источника не придавали особенного значения, не находили подходящего контекста, в который его можно было бы вписать. Правда, уже давно была высказана верная в своей основе идея, что истинная суть реформы в следующем: Гиппий уменьшил стоимость монеты в два раза при сохранении ее веса⁸. Эта точка зрения была оспорена, в том числе таким авторитетным специалистом, как Ч. Селтман⁹. Однако приводившиеся контраргументы теперь уже не кажутся столь сильными, как ранее, поскольку со времен Селтмана была принципиально пересмотрена вся хронология ранней афинской чеканки (да и не только афинской, а архаической греческой в целом¹⁰).

⁷ См.: Жебелев С. А. «Аристотелева» «Экономика» // ВДИ. 1937. № 1. С. 114–125.

⁸ Например: Hill G. F. *Ancient Greek and Roman Coins*. Chicago, 1964. P. 41.

⁹ *Seltman C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge, 1924. P. 78.

¹⁰ Этот пересмотр – плод усилий целого ряда ведущих нумизматов второй половины XX в. (в результате вся история раннегреческого монетного дела имеет теперь совершенно иной облик, нежели имела, скажем, век назад, на момент выхода второго издания классического компендиума Хеда (*Head B. V. Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. 2 ed. Oxford, 1911), когда говорили о «монетах времён Гигеса» и т. п.). Не будем перечислять всю имеющуюся литературу по проблеме, поскольку не раз делали это в своих предыдущих работах; укажем только, что наибольший вклад в новое решение вопроса принадлежит К. Крэю (см. главным образом его итоговый труд: *Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976), а также весьма полезна статья: *Kroll J. H., Waggoner N. M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina* // *American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340. В отечественной научной литературе та же позиция возобладала относительно недавно; ключевую роль сыграла работа: *Коваленко С. А., Толстиков В. П.*

По мнению Селтмана (а он, конечно, классик, но теперь уже «устаревший классик», равно как и Хед; увы, в науке, в отличие от литературы, порой даже классика устаревают), реформа Гиппия заключалась, собственно, в том, что были отменены т. н. *Warrenmünzen* и после этого чеканились только «совы»¹¹. Но, во-первых, в источнике ясно сказано, что выданы были те же самые монеты, без перечеканки¹². Во-вторых же – и это самое главное, – теперь уже вполне ясно, что именно при Гиппии-то *Warrenmünzen* и чеканились: их производство началось либо в начале его правления, либо в самом конце правления его отца Писистрата, а прекратилось только после свержения тирании. Первые «совы» с наибольшей вероятностью могут быть датированы временем около 510 г. до н. э.¹³

В связи с этим необходимо обратить внимание на действительно очень важное обстоятельство. За несколько лет до прекращения выпуска *Warrenmünzen* происходят два существенных изменения: крупнейшим из чеканившихся номиналов вместо дидрахмы становится тетрадрахма и резко уменьшается прежнее разнообразие изображений на монетах (почти единственным типом, появляющимся в двух-трех несколько разнящихся вариантах, выступает теперь ранее не встречавшаяся в этом качестве голова Горгоны).

В рамках системы, в которой каждый тип серии *Warrenmünzen* соответствует архонтскому году¹⁴, перемены должны относиться ко времени около 513 г. до н. э. С другой стороны, по независимым данным, монетная реформа Гиппия пришлось тоже на конец его правления. Тогда произошли два важных для политики этого тирана события. Во-первых, персы захватили Пангейские серебряные рудники во Фракии, ранее принадлежавшие Писистратидам. Это не могло не ухудшить финансовое положение последних¹⁵; отсюда – и комплекс фискальных мер Гиппия, описанных Псевдо-Аристотелем. Во-вторых, не менее важно, что тогда же начался конфликт тирана с аристократами, вызванный известным заговором Гармодия и Аристогитона.

1. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 3. С. 31–59. Да и мы об этом писали (Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 186 сл.).

¹¹ *Seltman C. T.* Op. cit. P. 77.

¹² *Kroll J. H.* Op. cit. P. 19.

¹³ *Dawson S.* Op. cit.

¹⁴ Подробнее см.: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты...

¹⁵ *Raven E. J. P.* Problems of the Earliest Owls of Athens // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson* / Ed. by C. M. Kraay, G. K. Jenkins. Oxford, 1968. P. 57; *Hammond N. G. L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // *Chiron*. 1980. Vol. 10. P. 53–69; Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху / Пер. с англ. М., 1998. С. 93.

Учет всех перечисленных фактов в сочетании с вышеприведенным свидетельством из «Экономики» позволяет предложить следующую реконструкцию – парадоксальную, но, кажется, не содержащую внутренних противоречий и, соответственно, имеющую право на существование. Монеты, которые принято считать ранними дидрахмами серии *Warrenmünzen*, в действительности представляют собой тогдашние *драхмы*. Кстати, драхму куда естественнее, чем дидрахму, встретить в роли базового номинала чеканки. В таком случае речь следует вести о «тяжелой» драхме, приравненной к статеру.

Гиппий же, действительно не осуществив никакой перечеканки (как и сказано у Псевдо-Аристотеля), раздал населению собранные у него монеты, но уже в качестве дидрахм. Тогда же он впервые в афинской истории выпустил тетрадрахму, более того, сделал ее базовым номиналом (эту черту унаследовало афинское монетное дело и после свержения тирании, был только введен новый единый тип «голова Афины – сова»). Старые «драхмы-дидрахмы», разумеется, продолжали хождение и после Гиппиевой реформы, но на новых монетах, чеканившихся после нее, прекратилась манифестация аристократических символов и появилась голова Горгоны, имевшая, как давно замечено¹⁶, характер апотропея. Поссорившись с аристократами и небезосновательно ощущая себя в опасности, Гиппий явно старался (в том числе и подобными религиозно-магическими действиями) оберечь свою власть от новых покушений.

Как известно, это ему не удалось, и в 510 г. до н. э. афинская тирания оказалась свергнутой (в основном усилиями спартанского войска, но эмигранты из Аттики, противники Писистратидов¹⁷, тоже оказали помощь), в связи с чем – повторим вновь и вновь – были выпущены «совы»; эти последние, с присущей им легендой АΘΕ (т. е. Ἀθη[ναίων], «[монеты] афи[нян]»), демонстративно манифестировали принцип республиканской полисной государственности, свободной от власти тиранов. В дальнейшем «совы», естественно, эволюционировали по облику¹⁸, однако в целом всегда оставались легко узнаваемыми и на протяжении веков являлись одним из главных символов Афин.

¹⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 57, 61.

¹⁷ Особенно, конечно, лидеры рода Алкмеонидов (см. к вопросу: Robinson E. W. Reexamining the Alcmeonid Role in the Liberation of Athens // *Historia*. 1994. Bd. 43. Ht. 2. S. 363–369; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 150 сл.).

¹⁸ В связи с некоторыми важнейшими этапами их эволюции см.: Starr C. G. *Athenian Coinage 480–449 B.C.* Oxford, 1970; Thompson M. *The New Style Silver Coinage of Athens*. New York, 1961.

ПОПЫТКА ТОРГОВЫХ САНКЦИЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ: МЕГАРСКАЯ ПСЕФИСМА ПЕРИКЛА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ*

Весьма распространенным явлением в современной международной жизни являются, как известно, разного рода экономические санкции, в том числе в форме торговых эмбарго. Они активно применяются группами стран и международными организациями как средство давления на то или иное государство. Механизм действия таких санкций в понимании их инициаторов предельно прост: поскольку «политика есть концентрированная экономика», ухудшение экономического положения подвергшейся санкциям страны, падение благосостояния населения заставят ее правительство пойти на требуемые уступки в политической сфере.

Оставляя сейчас в стороне вопрос о принципиальной этической допустимости подобного рода мер как таковых (хотя нельзя не отметить, что в любом случае такая допустимость уже а priori более чем сомнительна, поскольку за «грехи» правительства приходится расплачиваться народу), перейдем собственно к античной эпохе. В Древней Греции политика отнюдь не считалась концентрированным выражением экономики, отношения между этими двумя сферами жизни мыслились куда более сложными, опосредованными, непрямыми. Соответственно, при весьма насыщенной и богатой событиями международной жизни крайне редко приходится сталкиваться со случаями использования экономических мер в политических целях. В Греции классической эпохи нам известен лишь один такой случай, по крайней мере, если иметь в виду относительно крупные масштабы. На этом случае мы и остановимся.

Конец 430-х гг. до н. э. Внешнеполитическая обстановка в Балканской Греции переживает период напряженности. Противостояние Афинской архэ и Пелопоннесского союза достигает апогея. Еще действует заключенный в 446 г. до н. э. Тридцатилетний мир, но, в сущности, идет балансирование на грани войны: недостает лишь обоюдоприемлемого *casus belli*. Как всегда в таких случаях бывает, в конце концов искомый повод появляется, и не один – несколько инцидентов в конечном счете приводят к началу военных действий. Особое место в ряду этих инцидентов заняла принятая народным собранием Афин

* Впервые опубликовано в: Торговля и торговец в античном мире: Доклады «круглого стола». М., 1997. С. 29–41.

псефисма (или серия псефисм), посредством которой Афинская архэ ввела торговое эмбарго, направленное против соседних Мегар.

Источники о мегарской псефисме, в общем, немногочисленны, но достаточно содержательны. Это – и довольно подробные пассажи Аристофана, Фукидида, Плутарха, и более краткие сообщения Диодора (по всей вероятности, пересказывающего Эфора), Аристодема, схолиастов, лексикона «Суда», и мимоходом сделанные упоминания у Андокида, Эсхина, Евсевия. Литературу об этой внешнеполитической акции можно назвать даже обильной. Ее, естественно, не могли обойти вниманием авторы общих работ по истории Афинской морской державы и Пелопоннесской войны (Дж. де Сент-Круа, Д. Кэген, Р. Мейгс, Э. Бадян и др.); существуют и специальные работы, посвященные мегарской псефисме¹. В отечественной историографии можно упомянуть небольшую статью А. И. Доватура²; затрагивал вопрос о псефисме также В. М. Строгецкий (в контексте вопроса о предпосылках Пелопоннесской войны)³. Впрочем, в указанных работах рассматривались почти исключительно политические аспекты проблемы, что вполне естественно ввиду их общей тематики. В рамках настоящего «круглого стола» целесообразно подробнее остановиться на собственно экономическом, торговом аспекте. Однако без некоторых предварительных замечаний общего характера, видимо, не обойтись.

Хронологические проблемы, связанные с псефисмой, кажется, не имеют принципиального значения⁴. Между летом 433 г. до н. э. и летом 432 г. до н. э. – так можно определить хронологический промежуток, в рамках которого она была принята. Определить же более точную дату внутри этого годовичного отрезка, судя по всему, не стоит даже и пытаться при имеющемся состоянии источниковой базы – разве что будет найден текст псефисмы с указанием притания, на что рассчитывать не приходится. Точка зрения некоторых исследователей, относящих документ к более раннему времени, за какое-то количество лет до возникновения непосредственных предпосылок войны, вряд ли имеет под собой достаточные основания.

¹ Например: *French A.* The Megarian Decree // *Historia*. 1976. Bd. 25. Ht. 2. S. 245–249. Указания на новую литературу о псефисме см. в работе: *Bresson A.* Aristote et le commerce extérieur // *Revue des études anciennes*. 1987. Vol. 89. No. 3/4. P. 235 ss.

² *Доватур А. И.* Фукидид и мегарская псефизма Перикла // ВДИ. 1982. № 1. С. 129–134.

³ *Строгецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // ВДИ. 1984. № 4. С. 114–123; *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 173–184.

⁴ Сводку мнений исследователей по данному вопросу см. в: *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca; L., 1981. P. 257.

Характерно, что в общественном мнении классической Греции мегарская псефисма запечатлелась как едва ли не главная причина Пелопоннесской войны. В наиболее эксплицитной форме это видно у современника событий Аристофана (Aristoph. Ach. 515 sqq.; Pax 605 sqq.; комедиографу следует, прямо цитируя его, Плутарх – Plut. Per. 30). Можно, конечно, делать скидку на комические гиперболизации и aberrации у Аристофана. Но остается фактом, что и у более поздних авторов мы наблюдаем ту же картину. Андокид (Andoc. III. 8) и Эсхин (Aeschin. II. 175) совершенно мимоходом, как о чем-то само собой разумеющемся, замечают, что Пелопоннесская война началась из-за мегарян. То же в более подробной форме мы находим и у Эфора (Diod. XII. 39), и у Аристодема (Aristod. FGrHist. 104. F1. 16. 1), и у Евсевия (Euseb. Chron. Sync. p. 489, 3 Schoene). Схолиаст к Аристофану заявляет, что из-за псефисмы «вся Эллада, придя в движение, сотворила войну» (Schol. Aristoph. Pax 609). Особняком стоит мнение Фукидида, не уделяющего мегарской псефисме важного места в ряду причин и предпосылок войны. Как неоднократно и убедительно было показано⁵, в данном случае историк сознательно полемизирует с общепринятой традицией, противопоставляя ей собственную концепцию более глубинных причин Пелопоннесской войны.

В целом создается впечатление, что мегарская псефисма действительно шокировала Грецию, была воспринята как нечто беспрецедентное и в этом смысле внесла весьма значительный вклад в нагнетание антиафинских настроений и в конечном итоге – в развязывание войны. Псефисма повлияла на современников и в ряде других отношений. Так, в известном трактате Псевдо-Ксенофонта, составленном в первый период Пелопоннесской войны, то есть вскоре после принятия псефисмы, уже прямо указывается (Ps.-Xen. 2. 3; 2. 11–12) на возможность применения Афинами торговых санкций, в том числе и против непокорных союзников.

Коснемся вопроса о том, следует ли говорить об одной или о нескольких псефисмах, рассмотрев свидетельства источников. В «Ахарнях» Аристофана (Aristoph. Ach. 515 sqq.) совершенно очевидны аллюзии на две разные акции. Вначале – запрещение торговли мегарскими товарами (а не торговли мегарян!) на аттическом рынке. Неясно, имело ли это запрещение формальный, официальный характер. Но, во всяком случае, упоминаются какие-то сикофанты, выискивающие на рынке мегарские товары и конфискующие их. Высказывалось предположение⁶, что псефисма такого рода могла быть принята еще до Тридцатилетнего мира, в 446 г. до н. э., а после заключения мирного договора ею не пользовались, хотя, по обычной афинской практике, отменена она не была, и, соответственно, в конце 430-х гг. до н. э. ее применение возобновилось.

⁵ Например: *Доватур А. И.* Указ. соч.; *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf., 1972. P. 203.

⁶ *Meiggs R.* Op. cit. P. 430.

Впрочем, это – не более чем догадка; сказать что-то определенное по данному вопросу сложно.

Вторая акция, упомянутая в «Ахарниях», – это уже собственно псефисма Перикла, содержание которой комически переиначивается: «...что мегарянам не следует оставаться ни на земле, ни на агоре, ни на море, ни на небе» (Aristoph. Ach. 533–534). Интересно, что комедиограф почему-то говорит о псефисме во множественном числе – νόμοι (Aristoph. Ach. 532). В другом месте у Аристофана (Aristoph. Pax 609) упоминается одна «мегарская псефисма», но только она и необходима по контексту. Об одной псефисме идет речь и у Фукидида (Thuc. I. 139. 1), но, как не без основания предполагает Э. Бадян⁷, здесь не обходится без умолчания историка о некоторых событиях.

Об одной псефисме говорят также Эфор (Diod. XII. 39. 4) и Аристодем (Aristod. FGrHist. 104. F1. 16. 1). Подробен и интересен рассказ Плутарха, называющего целых три постановления о мегарянах (Plut. Per. 29–30). Первое запрещало им доступ на рынки и в гавани Афинской архэ (Плутарх не упоминает имени инициатора псефисмы). Затем появляется постановление Перикла, «справедливое и мягкое», об отправлении к мегарянам глашатая с обвинением их в присвоении пограничного священного участка. Глашатая Антемокрит был убит (о его гибели сообщают и другие авторы – [Demosth.] XII. 4; Paus. I. 36. 3; Harpocr. s.v. Ἀνθεμόκριτος, – что позволяет принять данное известие как достоверное). Под влиянием этого события по инициативе некоего Харина была принята третья псефисма, предполагавшая крайне жесткие меры – вечную вражду с мегарянами, казнь каждого из них, кто ступит на аттическую землю, опустошение дважды в год мегарской хоры. О псефисме Харина больше ничего не известно. Если она действительно имела место (а в этом многие сомневаются, считая, что Плутарх допустил здесь нередкую у него дубликацию одного события), то ее принятие должно относиться либо уже к началу военных действий, либо ко времени непосредственно перед ним⁸. Кстати, в другом месте (Plut. Mor. 812d) Плутарх замечает, что за спиной Харина и в этом случае стоял Перикл.

Схолиаст к Аристофану, кажется, знает только «основную» псефисму Перикла (Schol. Aristoph. Pax 605; но ср. Schol. Aristoph. Pax 246, где, возможно, восстанавливается имя Харина⁹. Евсевий (Euseb. Loc. cit.) говорит о нескольких постановлениях (στίλλαι), лексикон «Суда» – об одном, связывая его с Периклом (Suid. s.v. Ἀσπασία).

Итак, противоречивые сообщения источников не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о количестве псефисм. Но в целом с гораздо большей

⁷ Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore; L., 1993. P. 144–145.

⁸ Kagan D. Op. cit. P. 261.

⁹ Kirchner I. Prosopographia Attica. Vol. 2. B., 1903. P. 429.

вероятностью можно утверждать, что псефисм было несколько, что ужесточение мер против Мегар шло постепенно, по нарастающей: вначале – запрет на торговлю мегарскими товарами, затем – на появление самих мегарян в Афинской державе, наконец, практически прямое объявление войны (но эту последнюю меру нельзя уже назвать экономической).

Что касается передачи самого содержания «основной» псефисмы, расхождения между античными авторами минимальны (хотя они все же есть: видимо, в источниках оказались-таки смешанными несколько разных постановлений). В большинстве свидетельств упор делается в основном на личности мегарян, а не на мегарские товары. И тем не менее сделанная Аристофаном яркая зарисовка поисков мегарских товаров (именно товаров, а не торговцев) заставляет предположить, что либо в оригинальном тексте псефисмы товарам уделялось большее внимание, либо было, действительно, отдельное от нее постановление в форме чисто торгового эмбарго, без указания на принадлежность торговцев¹⁰. Характерно, что далее по тексту «Ахарнян», когда сикофант застает у Дикеополя мегарского торговца, он пытается именно конфисковать его товар, а не арестовать мегарянина.

На совете Пелопоннесского союза в Лакедемоне мегаряне заявляли, что направленная против них псефисма является нарушением Тридцатилетнего мира (Thuc. I. 67. 2; Plut. Per. 29. 4). Этот момент представляет сложность для истолкования. Вряд ли в мирном договоре была какая-либо статья о гарантии свободной торговли между подписавшими его сторонами¹¹. Поэтому многие исследователи отрицают правомерность обвинений со стороны мегарян, считая, что, во всяком случае, «буква» Тридцатилетнего мира нарушена не была¹². Даже Э. Бадян, в принципе полагающий, что нарушение имело место, говорит о невозможности определить, в чем конкретно оно заключалось¹³.

Однако, думается, такая возможность все же есть. Не случайно Фукидид (Thuc. I. 67) поставил рядом жалобы мегарян и эгинетов: и те и другие обвиняют афинян в нарушении положений договора. Эгина как ближайший к Мегарам член Афинской архэ, несомненно, вела с ними активную торговлю (в экономическом положении этих двух полисов вообще было много общего). Мегарская псефисма афинян, запретив эту эгино-мегарскую торговлю, наносила удар по экономике не только Мегар, но и собственного союзника Афин. Здесь-то, кажется, и лежит ключ к разгадке. С достаточной долей уверенности можно

¹⁰ Bresson A. Op. cit. P. 235; Badian E. Op. cit. P. 145.

¹¹ Наличие такой статьи постулирует В. М. Строгеецкий (*Строгеецкий В. М.* Полис и империя... С. 157), но в подтверждение своего взгляда он ссылается именно на мегарский инцидент (*petitio principii*).

¹² Meiggs R. Op. cit. P. 203; Kagan D. Op. cit. P. 266.

¹³ Badian E. Op. cit. P. 145.

утверждать, что Тридцатилетний мир предусматривал «автономию» союзных полисов – членом как Афинской, так и Пелопоннесской лиги. В понятие автономии, безусловно, входила свобода любого из этих полисов торговать с кем ему будет угодно. А мегарская псефисма, как следует из ее формулировок, имела обязательную силу на территории всей Афинской державы, запрещая каждому ее члену (а отнюдь не только Афинам) поддерживать коммерческие и какие бы то ни было отношения с мегарянами. Таким образом, имело место прямое нарушение Афинами автономии союзников (в частности, той же Эгины): им предписывалось, с кем можно, а с кем нельзя вести торговые операции. Следовательно, мегарская псефисма была нарушением не только «духа», но и «буквы» Тридцатилетнего мира.

Странное впечатление производят попытки некоторых исследователей «оправдать» афинян, выставить мегарскую псефисму мягкой, умеренной, «центристской» мерой¹⁴. Афины, по их мнению, пошли «всего лишь» на экономические санкции, хотя могли бы и попросту начать войну с Мегарами (кстати, не будем забывать, что именно войной всё и закончилось). Была ли данная мера столь уж мягкой? Следует ли столь скептически, как это иногда делается, относиться к словам Аристофана (Aristoph. Ach. 535), что из-за псефисмы мегаряне «медленно умирали голодной смертью» (ἐπείνων βᾶδην)?

Предоставим слово самому Аристофану – современнику событий, вне сомнения, хорошо разбиравшемуся в реалиях своей эпохи. Сцена из «Ахарнян» (Aristoph. Ach. 739 sqq.). После заключения Дикеополем «сепаратного мира» на импровизированный рынок около его дома приходят два торговца – беотийский и мегарский. Какой контраст! Беотиец является с огромным мешком, набитым самыми разнообразными товарами. А когда Дикеополю приходится расплачиваться, выясняется, что, в общем-то, беотийцу ничего не нужно, поскольку в Беотии есть всё и ни в чем нужды она не терпит. В конце концов хватают подвернувшегося под руку сикофанта, сажают его в мешок, и беотиец отправляется с ним на родину.

А вот – прибытие мегарянина. Этот обессиленный от голода человек приходит, в сущности, без товара. Он... приводит двух дочерей, чтобы продать их и тем избавить от голодной смерти. Дикеополь начинает расспрашивать мегарянина, и выясняется, что в Мегарах трудности буквально со всем – и с хлебом, и с солью, и с чесноком... И это при том, что несколько раньше (Aristoph. Ach. 521) чеснок и соль упоминаются в качестве типично мегарских товаров. Мегарянин уходит, удовлетворившись за свой товар ничтожным вознаграждением – связкой чеснока и меркой соли (Aristoph. Ach. 813).

¹⁴ Kagan D. Op. cit. P. 267–268; ср. также: Ste. Croix G. E. de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972.

В «Мире» того же Аристофана представители воюющих городов вытягивают из пещеры богиню мира. Мегаряне участвуют в этом предприятии весьма пассивно, поскольку они обессилены голодом (Aristoph. Pax 483). Итак, в Афинах 420-х гг. до н. э. были общим местом тяжкие страдания и даже голод мегарян по причине наложенного на них эмбарго, испытываемая ими нужда даже в тех продуктах, что традиционно составляли статью их экспорта. Не следует, конечно, списывать со счетов регулярные набеги афинян на хору Мегар в начале Пелопоннесской войны, которые внесли свою лепту в «добывание» мегарской экономики. Однако переоценивать роль набегов, думается, не следует. Опыт других полисов, в частности тех же Афин, показывает, что от разорения врагами сельской местности (особенно если о таковом становилось известно заранее) оправлялись довольно быстро. Это было вполне обычное, в какой-то степени даже банальное явление, чего нельзя сказать о торговом эмбарго.

Причины плачевного состояния Мегар после введения направленных против них мер достаточно очевидны. Прежде всего – это уже сам тот факт, что громадная по греческим меркам Афинская держава всей своей тяжестью нанесла экономический удар по одному, отдельно взятому полису. Любой полис, даже и богатый собственными ресурсами, почувствовал бы себя после таких санкций, мягко говоря, некомфортно. К Мегарам же это относится в особенной степени в силу ряда факторов.

Во-первых, Мегары как раз, насколько известно, были очень бедны собственными ресурсами. Это еще в IV в. до н. э. подчеркивает Исократ, отмечая, что мегаряне не имеют «ни земли, ни гаваней, ни серебряных рудников», возделывают «скалистую почву» (Isocr. VIII. 117). То, что Мегары, несмотря на всё это, достигли экономического процветания и числились среди богатых полисов Эллады, произошло прежде всего благодаря транзитной, посреднической торговле между Пелопоннесом и афинской Эгеидой, в которой преуспевали мегаряне¹⁵. Торговля в Мегарах играла очень большую роль, в ряде отношений являясь основой экономики. И вот по этой-то основе теперь наносился удар, тем более серьезный, что, судя по всему, запретительные меры касались не только мегарского экспорта, но и импорта, во всяком случае, со времен собственно Перикловой псефисмы.

Во-вторых, несомненным фактом является ярко выраженная ориентация мегарской торговли именно на афинский рынок. Мегарянин в «Ахарнях» Аристофана (Aristoph. Ach. 729–730) восклицает: «Афинский рынок, радость ты мегарская! / Мы по тебе скучали, как по матери». Может быть, не следует называть Мегары экономическим сателлитом или придатком Афин, но сам

¹⁵ French A. The Growth of the Athenian Economy. L., 1964. P. 118; Bresson A. Op. cit. P. 233.

факт их афинской ориентации, кажется, невозможно отрицать. И Мегарам в высшей степени трудно было бы переориентироваться на своего западного соседа – Коринф, поскольку, ввиду принадлежности этих двух полисов к одному типу, коринфская экономика не могла не быть очень схожа с мегарской. Коринфяне, собственно, имели и нужду, и избыток в том же, в чем и мегаряне. В таких условиях взаимовыгодного торгового баланса получиться не могло; могла возникнуть лишь конкуренция, в ходе которой Мегары неизбежно были бы экономически подавлены более мощным Коринфом.

В-третьих, среди членов Афинской архэ были и мегарские колонии Византий и Халкедон – процветающие полисы, занимавшие исключительно выгодное географическое положение. Нам практически ничего не известно об экономических связях Мегар с их колониями, зато мы очень хорошо знаем о подобного рода связях применительно к Коринфу. Экономические (да и не только экономические) контакты коринфских колоний со своей метрополией были чрезвычайно активными. В высшей степени вероятно, что это положение мы по аналогии можем распространить и на соседние к Коринфу, близкие ему по многим параметрам Мегары. А теперь посредством торгового эмбарго Мегары отрезались от собственных апойкий, что тоже должно было наносить по ним серьезный удар¹⁶.

Подчеркнем, что мегарская псефисма была акцией именно экономической, а не политической, вопреки тому, что об этом заявляет Перикл у Фукидида (Thuc. I. 144. 2). Перикл уподобляет псефисму спартанским ксенеласиям, давая таким образом понять, что афиняне не совершили ничего беспрецедентного. Однако аналогия с ксенеласиями неуместна¹⁷. В случае афино-мегарских отношений изгонялись не просто «физические лица»; запрет накладывался на мегарские товары, на торговлю. Видимо, даже сами афиняне понимали экстраординарность такой акции. С Периклом (или, во всяком случае, с его точкой зрения) полемизирует Дикеополь у Аристофана (Aristoph. Ach. 541 sqq.).

По вопросу о целях мегарской псефисмы существует немало различных мнений. Можно сразу отбросить чисто экономическое объяснение санкций¹⁸. Никакой экономической выгоды от запрещения мегарской торговли Афины получить не могли. Напротив, псефисма ударяла не только по мегарянам, но и по афинским же союзникам, игнорируя их торговые интересы¹⁹. Таким

¹⁶ French A. The Megarian Decree... P. 247.

¹⁷ Badian E. Op. cit. P. 144.

¹⁸ Неубедительно у Брессона (Bresson A. Op. cit. P. 243): с помощью псефисмы афиняне пытались блокировать доступ мегарянам, а через них – всем пелопоннесцам к корабельным лесам Северной Эгеиды.

¹⁹ Meiggs R. Op. cit. P. 203.

образом, целью эмбарго была не экономическая выгода, а экономическое давление в политических целях²⁰, т. е. именно то, что подразумевается акциями подобного рода и в современной международной практике.

Но если цель санкций лежала в политической сфере, то в чем конкретно ее следует искать? Высказывалось мнение, что имела место попытка с помощью экономического давления привлечь Мегары к себе, вновь втянуть их в орбиту влияния Афинской архэ²¹. Конечно, в преддверии большой войны такой плацдарм на западе от своих границ был Афинам просто необходим. Но могли ли афиняне достигнуть этой цели такими средствами? Нет, не могли и, думается, не стали бы и пытаться. Эмбарго могло озлобить Мегары, еще дальше оттолкнуть их от Афин, но никоим образом не привлечь их.

Другие трактовки цели санкций (если оставить в стороне чисто личностные – месть Перикла мегарянам за оскорбление Аспасии и т. п.; к этому нельзя относиться серьезно – Перикл был слишком рациональным и дальновидным политиком, чтобы позволить себе разминиваться на личную месть) сводятся к тому, что это была демонстрация силы, сознательная провокация, возможно, даже первый акт еще не начавшейся войны. Модификацию этого взгляда предлагает Д. Кэген: по его мнению, таким образом Перикл пытался развязать локальный вооруженный конфликт с Коринфом, вполне посильный для Афин, без участия Спарты и общепелопоннесских сил. В таком случае, замечает Кэген, Перикл просчитался²².

Трудно сейчас судить, просчитался ли Перикл, но ясно одно: экономические санкции были наложены на Мегары не с целью предотвращения прямых военных действий (как вводятся санкции в наши дни), а, напротив, с целью их развязывания. Только таким образом трактуя их цель, мы можем признать, что цель эта была достигнута. В противном случае никакой цели санкций обнаружить вообще не удастся, если не переходить в сферу иррационального.

И действительно, не может быть превратным мнение подавляющего большинства античных авторов, согласно которому именно принятие мегарской псефисмы и последующий отказ афинян отменить ее сделали войну неизбежной. Напомним, что в ходе второго спартанского посольства в Афины в 432 г. до н. э. «прежде всего и совершенно определенно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарянах» (Thuc. I. 139. 1). Не следует видеть здесь чистую риторику: судя по всему, спартанцы отнюдь не были столь уж решительно настроены на войну, и уступка

²⁰ French A. The Growth... P. 120.

²¹ Точки зрения на цель санкций подробно рассмотрены у Кэгена (Kagan D. Op. cit. P. 262 ff.).

²² Ibid. P. 268.

афинян в этом вопросе могла бы весьма существенно снизить напряженность²³. Но уступки не последовало...

Рассмотренный инцидент позволяет, как нам представляется, внести новый штрих в характеристику экономических санкций как средства внешне-политической борьбы. Они в гораздо большей степени пригодны для развязывания войны, нежели для ее предотвращения или прекращения. Они отнюдь не способны снять напряженность и противоречия; напротив, они ведут лишь к их возникновению, развитию и нагнетанию, хотя бы и в скрытой, подспудной форме. Экономические санкции – не только мера несправедливая, несправедливая; это еще и мера, не позволяющая достичь позитивных результатов, пусть даже и предполагаемых ими. Некоторые жесткие формы санкций воспринимаются прямо как агрессия, как акт войны (и это тем более оправданно, что современные военные теоретики говорят о войнах «нового поколения», характеризующихся уменьшением места собственно военных действий и переходом к иным, в том числе экономическим и информационным методам²⁴).

Р. Мейггс называл мегарскую псефисму «крайним проявлением афинского империализма»²⁵. Кажется, нечто подобное можно сказать обо всех мероприятиях такого рода.

²³ Badian E. Op. cit. P. 155.

²⁴ Например: Кургуинян С. Е. Седьмой сценарий. Ч. 1. М., 1992. С. 157.

²⁵ Meiggs R. Op. cit. P. 203.

КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МАГИСТРАТУР: ПРОБЛЕМЫ, НОРМЫ И АНОМАЛИИ

Система магистратур¹ являлась обязательным, неотъемлемым элементом государственного устройства любого античного полиса². При этом, к сожалению, о древнегреческих магистратурах известно несравненно меньше, чем о римских. А вплоть до конца XIX в. недостаток данных о них ощущался еще более остро: все-таки очень много ценного материала принесла аристотелевская «Афинская полития», опубликованная в 1891 г. И поскольку этот труд рассказывает о конституционной истории одного конкретного полиса, Афин, то не удивительно, что и в историографии греческие магистратуры изучаются чаще всего (и наиболее системно) на примере именно этого полиса. Так, для первой половины XX в. весьма ценна вторая часть монографии У. Каршtedта по публичному праву Афин, специально посвященная именно магистратурам³, а на сегодняшний день наиболее полным компендиумом по данной проблематике является книга Р. Девелина⁴ (в которой, правда, в большей степени делается аспект на просопографическую, нежели на институциональную сторону вопроса).

Особенно важна для нас вторая часть «Афинской политии» (Arist. Ath. pol. 42–68), которую часто называют «систематической», в отличие от первой, «исторической». Кстати, различие между этими частями по манере изложения, по стилю настолько велико, что даже высказывалось предположение о реальном написании текста этих двух частей двумя разными лицами (естественно, под общим руководством Аристотеля)⁵.

¹ Оговорим сразу, что в наиболее многочисленной ныне англоязычной литературе (в отличие от немецкой, французской, итальянской, русской) термины «магистрат», «магистратура» неупотребительны; полисные должностные лица в ней фигурируют обычно просто как *officials*. Так, например, и в главе о магистратах из недавнего обобщающего труда о древнегреческих органах управления: *McAuley A. Officials and Office-Holding // A Companion to Ancient Greek Government. Oxf., 2013. P. 176–190.*

² *Davies J. K. Democracy without Theory // Herodotus and his World: Essays from a Conference in Memory of G. Forrest. Oxf., 2003. P. 325.*

³ *Kahrstedt U. Studien zum öffentlicher Recht Athens. Teil 2: Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart, 1936.*

⁴ *Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge, 1989.*

⁵ *Whitehead D. 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 25–38.* Понятно, что Аристотель не мог в одиночку написать более полутора сотен «Политий»,

Итак, во второй части трактата мы находим как бы «моментальный срез» государственного устройства демократических Афин последнего периода их истории – как раз тогда (330–320-е гг. до н. э.) в них жил и работал Стагирит. Представляется необходимым привести из нее ряд наиболее информативных выдержек, относящихся к должностным лицам⁶.

«...Народ выбирает поднятием рук по одному из каждой филы в качестве софрониста...» (Arist. Ath. pol. 42. 2). Софронисты – должностные лица, руководившие воспитанием эфэбов; выражение «по одному из каждой филы» – это разъяснение будет важно и для дальнейшего изложения – показывает, что всего софронистов избиралось десять. «...Есть десять казначеев Афины. Избираются они жребием по одному из каждой филы...» (Arist. Ath. pol. 47. 1). «Далее, есть десять полетов. Избираются они жребием по одному из каждой филы» (Arist. Ath. pol. 47. 2). Полеты («продавцы») – финансовые магистраты, далее в трактате очерчивается круг их обязанностей (заключать арендные контракты, продавать с аукциона имущество осужденных и т. д.). Несколько далее перечисляемых магистратур также являются финансовыми. «Затем есть десять аподектов, избираемых жребием по филам» (Arist. Ath. pol. 48. 1). «Еще избирают⁷ члены Совета из своей среды десять логистов...» (Arist. Ath. pol. 48. 3). «Далее, они избирают жребием эвфинов, по одному от каждой филы...» (Arist. Ath. pol. 48. 2). Прерогативой эвфинов было принимать отчеты. «Всадников заносит в списки учетная комиссия (οἱ καταλογεῖς) – десять человек, избираемых народом поднятием рук» (Arist. Ath. pol. 49. 2).

«Кроме того, по жребию избираются в качестве заведующих ремонтом храмов десять человек...» (Arist. Ath. pol. 50. 1). «Далее, избираются⁸ десять астиномов» (Arist. Ath. pol. 50. 2). Астиномы, если пользоваться максимально общими выражениями, следили за порядком и чистотой в городе. «Избираются по жребию также десять рыночных надзирателей (ἀγοράνομοι)...» (Arist. Ath. pol. 51. 1). Функции агораномов ясны из их названия – надзирать за правильностью торговли (кроме хлебной, для которой были отдельные магистраты, о них см. ниже). «Еще избираются по жребию десять надзирателей за мерами (μετρονόμοι)...» (Arist. Ath. pol. 51. 2). «Далее, хлебных надзирателей (σιτοφύλακες), избирающихся по жребию, раньше было десять – пять для Пирея и пять для города⁹, – теперь же их двадцать для города и пятнадцать для Пирея» (Arist. Ath. pol. 51. 3).

хотя и издал их все под своим именем. В действительности над ними работала большая группа сотрудников перипатетической школы.

⁶ «Афинская политика» цитируется в переводе С. И. Радцига.

⁷ В оригинале – «избирают жребием».

⁸ Опять же из контекста видно, что речь идет об избрании жребием.

⁹ То есть города Афин.

Ситуация с ситофилаками, контролировавшими хлебную торговлю и в особой степени боровавшимися с необоснованным завышением цен на хлеб (Lys. XXII. 16), как видим, достаточно интересна. Вначале численность их коллегии являлась стандартной, а впоследствии была увеличена. Из контекста свидетельства ясно, что произошло это во времена, относительно недалекие от написания самой «Афинской политики», то есть, видимо, уже в IV в. до н. э.¹⁰ Это согласуется с наблюдением, сделанным в фундаментальной монографии П. Гарнси о «хлебной проблеме» в античности¹¹: вопреки традиционным представлениям, нехватка зерна в Афинах начала ощущаться достаточно поздно – не в архаический период, а, самое раннее, в V в. до н. э., в реально же серьезную угрозу превратилась только в следующем столетии. Тогда-то и возникла необходимость прибегнуть к аномальной мере в отношении этой коллегии.

«Далее, избирают по жребию десять портовых попечителей (ἐμπορίου δ' ἐπιμελητάς)» (Arist. Ath. pol. 51. 4). «Еще назначают по жребию коллегию одиннадцати (τοὺς ἑνδεκά)» (Arist. Ath. pol. 52. 1). Эта известная коллегия имела в основном пенитенциарные полномочия, и о ней еще будет сказано ниже в связи с тем, что она представляет собой одну из наиболее рельефных аномалий, отклонений от базовой нормы. «Затем избирают по жребию и пятых докладчиков (εἰσαγωγέας)... каждый для двух фил» (Arist. Ath. pol. 52. 2). Данные магистраты имели дело с некоторыми частными исками.

«Еще избирают по жребию следующих должностных лиц: пять строителей дорог (ὁδοποιούς)...» (Arist. Ath. pol. 54. 1). «Далее, десять логистов¹² и при них десять синегоров» (Arist. Ath. pol. 54. 2). «По жребию избирает народ еще десять иеропеев» (Arist. Ath. pol. 54. 6). «Кроме того, народ избирает по жребию еще других десять, так называемых “годовых”» (Arist. Ath. pol. 54. 7). Здесь перед нами начинается перечисление религиозных должностных лиц, отвечавших за различные святыни. Характерным образом именно среди этой группы магистратов появляются архонты, которые к аристотелевским временам уже имели в основном сакрально-ритуальные полномочия.

«Что же касается так называемых девяти архонтов... в настоящее время избирают по жребию шестерых фесмофетов и секретаря к ним; кроме того, архонта, царя и полемарха – одного из каждой филы по очереди» (Arist. Ath. pol. 55. 1). «...Народ избирает по жребию еще десять афлофетов по одному

¹⁰ На рубеже V–IV вв. до н. э. ситофилаков было еще десять (Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 224).

¹¹ Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1989. P. 105, 273.

¹² Этих логистов не следует путать с магистратами того же названия, упоминавшимися выше (Arist. Ath. pol. 48. 3). О тех сказано, что они избираются только из числа членов Совета Пятисот, а эти, судя по всему, – из общей массы афинских граждан.

от каждой филы» (Arist. Ath. pol. 60. 1). Афлофеты ведали состязаниями на празднике Панафиней.

«Избирают поднятием рук также и на все военные должности, в том числе десятерых стратегов – прежде по одному от каждой филы, а теперь из всего состава граждан» (Arist. Ath. pol. 61. 1). «Поднятием рук избирают еще десятерых таксиархов – по одному из каждой филы» (Arist. Ath. pol. 61. 3). Коллегия таксиархов подчинялась стратегам, и каждый ее член во время военных действий руководил контингентом, призванным от соответствующей филы. «Поднятием рук избирают и двух гиппархов из всего состава граждан. Они командуют всадниками, причем каждый берет себе по пяти фил» (Arist. Ath. pol. 61. 4). Меньшее количество гиппархов по сравнению с командовавшими пехотой стратегами, оговорим сразу, обусловлено наверняка тем, что в Афинах (как и в большинстве греческих полисов классической эпохи) роль кавалерии была относительно незначительна в сравнении с ролью гоплитской фаланги (хотя служить в коннице было престижно). «Далее, поднятием рук избирают десятерых филархов – по одному от филы...» (Arist. Ath. pol. 61. 5). Филархи занимали такое же положение в конной части армии, какое таксиархи – в пехотинской.

В другом месте «Афинской политики» указывается для V в. до н. э., что должностных лиц, исправлявших свои обязанности на территории афинского полиса, было до семисот человек (ἀρχαὶ δ' ἑνδημοὶ μὲν εἰς ἑπτακοσίους ἄνδρας, Arist. Ath. pol. 24. 3). Эта очень крупная цифра если и преувеличена, то ненамного, а в IV в. до н. э. принципиально ничего не менялось, разве что в сторону дальнейшего «раздувания штатов» (о новых финансовых должностях поздней классики, замещавшихся аномальным способом, речь еще пойдет далее).

В любом случае, из вышеизложенного предельно понятен общий принцип, манифестирующийся в подавляющем большинстве случаев. Избирались (всегда на годичный срок, причем, как правило, без права переизбрания¹³) двумя основными способами – либо жеребьевкой (κλήρωσις), которая, кстати, решительно преобладала¹⁴, либо, реже, открытым голосованием путем поднятия рук (χειροτονία)¹⁵ – коллегии из десяти магистратов. Что самое главное – все члены таких коллегий были равны друг другу по объему полномочий и абсолютно взаимозаменяемы. В коллегиях не было единого главы, «председателя».

¹³ В «Афинской политике» специально оговорено, что только «военные должности можно занимать по несколько раз, а из остальных ни одной нельзя занимать вторично» (Arist. Ath. pol. 62. 3).

¹⁴ Жеребьевка считалась наиболее демократичным видом избрания (Mulgan R. G. Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 539–560).

¹⁵ Тайное голосование с использованием баллотировочных предметов (как псефы, остраконы и т. п.) для избрания магистратов не использовалось. Ср.: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 193, 453.

Такой порядок был впервые применен в Афинах в ходе демократических реформ Клисфена в конце VI в. до н. э., которыми, в частности, были оформлены десять новых аттических фил (по которым часто и проходило избрание – один магистрат от каждой филы, как мы видели из вышеприведенных цитат); в дальнейшем он неуклонно соблюдался. Уже при самом Клисфене была учреждена первая коллегия этого типа – коллегия стратегов (Arist. Ath. pol. 22. 2). Данный институт, обозначивший собой определенную парадигму, был ярко демократичным по своей природе, ему даже сообщало некоторую необычность то обстоятельство, что все десять стратегов были равноправны, должность «первого стратега», верховного главнокомандующего, отсутствовала, а в военной сфере, вообще говоря, желательно единоначалие. Впрочем, в литературе подчеркивается¹⁶, что подобное развитие закономерно в контексте становления демократии, стремившейся поставить военное дело под контроль полиса, коллектива граждан¹⁷.

В результате, когда при войске находились одновременно несколько стратегов (например, в Марафонской кампании 490 г. до н. э. – все десять), командование в их среде ротировалось на поочередной основе, что могло порождать проблемы. Первоначально предполагалось, что над всеми десятью стратегами есть высший начальник, архонт-полемарх (Arist. Ath. pol. 22. 2). Однако уже к той же Марафонской битве выяснилось, что фактически роль полемарха скорее номинальна, да и в дальнейшем, на протяжении V в. до н. э., шло последовательное ограничение его функций¹⁸, так что ко временам Аристотеля этот магистрат уже вообще не имел реальных военных прерогатив (Arist. Ath. pol. 58).

В V в. до н. э. классическая афинская демократия последовательно и всё более полно реализовывала свои формы (даже некоторые жреческие должности были включены в систему выборных¹⁹). Отметим еще, что каким бы ни был конкретный способ избрания той или иной коллегии магистратов – жеребьевка или голосование, – это не влияло на охарактеризованный выше принцип

¹⁶ Wheeler E. L. The General as Hoplite // *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. L., 1993. P. 132–133; Bogna A. Democracy and the Generals: The Problem of Civilian Control over the Military and Autonomous Generals in Fifth-Century Athens. M. A. Thesis. Fresno, 2006. P. 10 ff.

¹⁷ Контроль граждан над магистратами вообще был актуальной проблемой как для греческих полисов, так и для Рима. См. статью итальянского исследователя А. Маффи со сравнительным анализом данных, содержащихся у Платона и у Цицерона: Maffi A. Il controllo sui magistrati nei progetti costituzionali di Platone e di Cicerone // *Tradizione romanistica e Costituzione*. T. 1. Napoli, 2006. P. 425–433.

¹⁸ Об этом процессе см.: Hammond N. G. L. Strategia and Hegemonia in Fifth-Century Athens // *Classical Quarterly*. 1969. Vol. 19. No. 1. P. 111–144.

¹⁹ Об этом процессе см.: Aleshire S. B. The Demos and the Priests: The Selection of Sacred Officials at Athens from Cleisthenes to Augustus // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxf., 1994. P. 325–337.

равноправной коллегиальности. А вот для IV в. до н. э. можно наблюдать уже несколько иную ситуацию. Появились уже магистратуры, применительно к которым принцип равноправной коллегиальности соблюдался не всегда или не соблюдался вообще. Речь идет о нескольких чрезвычайно важных финансовых должностях²⁰, которых следует коснуться с некоторой степенью детальности, поскольку они стали новым, оригинальным явлением в политической жизни Афин.

Прежде всего упомянем коллегию заведующих теориконном. Так называемый зрелищный фонд (τὸ θεωρικόν или τὰ θεωρικά) в действительности был значительно шире по функциям, чем предполагает его наименование. Из него «осуществлялось финансирование практически всех отраслей экономики государства»²¹. Пожалуй, следует оговорить, что речь все-таки нужно вести преимущественно о мирных, невоенных отраслях, а для военных имелся особый пост, о котором будет сказано чуть ниже.

Теорикону и коллегии заведующих им (οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν) придается небольшое значение в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 43. 1; 47. 2). Указывается, что коллегия была выборной путем голосования, а не по жребию; данное обстоятельство само по себе привлекает к себе внимание, поскольку, как мы видели выше, такого рода должности существовали в Афинах лишь в незначительном меньшинстве, а в основном магистраты занимали свои посты в силу жеребьевки.

Этим, однако, необычность ситуации не исчерпывается. Были и нюансы еще более серьезные: применительно к должности заведующего теориконном вопиюще нарушались два базовых принципа афинской магистратуры: принцип равноправной коллегиальности и принцип годичного срока. Οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν избирались на четыре года (!), «от Панафиней до Панафиней», как пишет Аристотель (имеются в виду Великие Панафиней). Кроме того, случалось, что эти полномочия вручались одному человеку, а если даже избиралась коллегия, то кто-то один из ее числа резко выделялся среди остальных, на практике руководя всеми делами фонда. Именно такой была ситуация с выдающимся финансистом 350-х гг. до н. э. Евбулом, которого иногда даже считают²², – на наш взгляд, без достаточных оснований – учредителем теорикона.

²⁰ О которых см.: *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v. Chr. // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 1995. S. 557–571; *Rhodes P. J.* The Organization of Athenian Public Finance // *Greece & Rome*. 2013. Vol. 60. No. 2. P. 203–231; *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 267 сл.

²¹ *Цымбал О. Г.* Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э. (К проблеме кризиса греческого полиса). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 22.

²² Например: *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 173.

Теорикон не был единственным государственным финансовым фондом; в известной мере конкурирующим с ним институтом являлся военный, или воинский, фонд (τὰ στρατιωτικά). Он имел большое количество черт сходства с теориконом. Заведующий данной организацией назывался «казначеем воинских сумм» – ὁ ταμίης τῶν στρατιωτικῶν (Arist. Ath. pol. 43. 1; 47. 2; 49. 3). Он также избирался голосованием, а не жребием, и тоже на срок в четыре года («от Панафиней до Панафиней»), а не в один. Кроме того, данное должностное лицо, как видим, эксплицитно было *sine collegis*.

Высшим проявлением наблюдаемой здесь тенденции стало создание в 330-х гг. до н. э. по инициативе одного из ведущих афинских политиков, Ликурга, поста верховного распорядителя финансами. Строго говоря, данная должность²³ (сам же Ликург ее сразу и занял) официально называлась, судя по всему, ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει, что можно понимать просто как «отвечающий за управление». Она объединила в себе главенство над отдельными ранее существовавшими денежными фондами (такими, как военный и зрелищный). Эту «супермагистратуру» занимал один гражданин, *sine collegis*, избранный путем голосования, и занимал ее в течение четырех лет, – правда, без права переизбрания²⁴.

О. Г. Цымбал совершенно справедливо ставит появление новых политических институтов в контекст кризиса полиса²⁵. А применительно к кризисной эпохе резонно и замечание другого специалиста: «Теперь, когда времена были трудными, управление финансами государства могло превратиться в управление самим государством»²⁶. В случае с Ликургом именно так и получилось, он едва ли не достиг на определенное время такого положения в Афинах, какое занимал век назад Перикл.

Налицо отклонение от клисфеновских демократических принципов – но, значит, сама жизнь потребовала такого отклонения. Большая концентрация власти в финансовой сфере в руках носителей новосозданных магистратур – это черта, тесно связанная с процессом поступательной профессионализации управления, в целом характерным для IV в. до н. э. Теперь стало считаться, что лучше передать финансы в ведение специалистов, чем оставлять их под

²³ О проблемах, связанных с ней, см.: *Lewis D. M. Selected Papers in Greek and Near Eastern History*. Cambridge, 2002. P. 212–230.

²⁴ Или, во всяком случае, без права немедленного переизбрания. Относительно Ликурга нет полной ясности: занимал ли он официально должность ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει один срок (336–332 гг. до н. э.) или два срока (336–332 и 328–324 гг. до н. э.). В любом случае он реально контролировал эту должность на протяжении двенадцати лет (посредством того, что на ней находился если не он сам, то кто-либо из его сторонников).

²⁵ *Цымбал О. Г.* Указ. соч. *Passim*.

²⁶ *Schaps D. M. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Ann Arbor, 2004. P. 137.

контролем демоса, народного собрания, которое далеко не всегда с должной ответственностью подходило к делу, подчас руководствуясь сиюминутными интересами.

Появившиеся на этом этапе в Афинах должностные лица нового типа – именно такие, которые характеризовались чуть выше, – фактически относятся к промежуточной стадии между магистратом и бюрократом. Они, правда, пока еще избирались народом и перед ним же были подотчетны. Но некоторые ранее не встречавшиеся особенности (более длительный срок пребывания в должности, отступления от принципа коллегиальности) делали этих лиц куда менее доступными контролю со стороны гражданского коллектива.

* * *

Возвратимся к вопросу об общем характере клисфеновской системы коллегиальных магистратур. Нельзя не заметить, что она имеет черты определенной искусственности – как и весь соответствующий политический порядок (начиная с создания десяти новых аттических фил, не имевших исторических корней), порожденный волевым решением Клисфена²⁷ (или афинского демоса, как считает Дж. Обер, склонный минимизировать личную роль Клисфена в событиях 508–507 гг. до н. э.²⁸). Возможно, именно из-за этой искусственности ее и пришлось корректировать, когда ситуация существенно изменилась.

Сравнение с процессами и событиями более ранней эпохи показывает, что органически, постепенно выраставшая система магистратур архаического полиса²⁹ имела во многом иной вид. Если брать те же Афины, для доклисфеновского времени известно крайне небольшое количество полисных должностей.

Период архаики был временем, когда система магистратур получила еще весьма слабое развитие: ведь это – очень ранняя ступень ее эволюции. Лишь позже, в период классической демократии, появилось много самых различных должностных лиц с чрезвычайно дробными обязанностями, когда prerogatives каждого из них ограничивались некой узкой, конкретной сферой государствен-

²⁷ Впрочем, есть мнение (*Siewert P. Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982*), что реформатор руководствовался не только (и, может быть, не столько) абстрактными соображениями (которые выдвигаются на первый план в несколько «наивной» трактовке Геродота, *Herod. V. 66–69*), но и нуждами военной организации государства.

²⁸ *Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 32–52.*

²⁹ Понятия «архаический полис», «классический полис» используем здесь не в хронологическом, а в стадийно-типологическом смысле (о соответствующей типологии см. подробнее: *Дементьева В. В., Суриков И. Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010. С. 10 сл.*).

ного управления. До того же наблюдаем принципиально иную картину: весьма малое количество магистратов, каждый из которых обладал широким кругом полномочий.

По сути дела, с абсолютной степенью уверенности можно говорить только о существовании постоянно действующей коллегии девяти ежегодно сменявшихся архонтов во главе с архонтом-эпонимом³⁰, казначеев да еще некой коллегии колакретов, о которой известно крайне мало (она также имела полномочия в сфере финансов). Собственно, в «Афинской политике» сказано так: «...Все вообще должности он (Солон. – *И. С.*) предоставил исправлять гражданам из пентакосиомедимнов, всадников и зевгитов – должности девяти архонтов, казначеев, полетов, одиннадцати и колакретов» (Arist. Ath. pol. 7. 3). Кстати, по вопросу о большой древности коллегии полетов у нас есть сомнения, а вот коллегия Одиннадцати, судя по всему, восходит к действительно ранним временам (о чем см. ниже).

Некоторые атавизмы старой, архаической системы сохранились в эпоху классической демократии, и выглядели они тогда резким контрастом на фоне новых общих принципов. Прежде всего, бросалась в глаза необычная численность старинных коллегий, которые, как правило, состояли не из десяти человек. Яркий пример – та самая коллегия Одиннадцати (οἱ ἑνδεκα). Почему в ней было такое странное количество членов – и поныне остается загадкой, попытки разгадать ее³¹ пока не представляются достаточно убедительными.

Еще более интересный случай – коллегия архонтов. Институту архонтата в Афинах и его формированию мы ранее посвятили специальную работу³², поэтому, дабы не повторяться, здесь лишь вкратце суммируем наиболее значимые ее выводы.

К моменту, когда афинские магистратуры стали годичными (683/682 г. до н. э.)³³, существовала коллегия, состоявшая из трех архонтов: эпонима, басилея (царя) и полемарха. Несколько позже (Arist. Ath. pol. 3. 4) к ним было

³⁰ Ср. слова Фукидида (Thuc. I. 126. 8) об архаических Афинах: «В те времена большая часть государственных дел была в ведении девяти архонтов». По всей видимости, именно архонты первоначально ведали и монетной чеканкой в Афинах, когда она началась во второй половине VI в. до н. э. (см. к проблеме: Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 43–51).

³¹ Например, Burgess S. J. The Athenian Eleven: Why Eleven? // Hermes. 2005. Bd. 133. Ht. 3. S. 328–335.

³² Суриков И. Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.

³³ Это год пребывания в должности Креонта, первого годичного архонта-эпонима. О его архонтате см.: Cadoux T. J. The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // Journal of Hellenic Studies. 1948. Vol. 68. P. 70–123.

добавлено шесть архонтов-фесмофетов, что увеличило численность коллегии до девяти человек. Когда конкретно это случилось? Ясно, что в VII в. до н. э., и притом не позже 621 г. до н. э., когда вводились законы Драконта: последний занимал именно пост фесмофета (Paus. IX. 36. 8). Можно даже еще немного уточнить *terminus ante quem*: Фукидид говорит о *деяти* архонтах применительно к мятежу Килона (Thuc. I. 128. 9)³⁴, который имел место, по нашим расчетам³⁵, в 636 г. до н. э. При Солоне, видимо, произошло изменение в способе избрания архонтов, но для нашего контекста этот вопрос иррелевантен³⁶. Далее, в ходе клисфеновских реформ в коллегиях был добавлен десятый член – секретарь фесмофетов (хотя, что интересно, ее официальным названием и в дальнейшем продолжало оставаться «девять архонтов», οἱ ἐννέα ἄρχοντες).

Подобное «округление» было осуществлено, скорее всего, для того, чтобы сделать старую коллегия магистратов хотя бы в каком-то отношении подходящей на новые, демократические. Однако в остальном она продолжала отличаться от них – прежде всего тем, что коллегиальность архонтов не была равноправной и они не были взаимозаменяемыми, кроме разве что фесмофетов. Остальные же три члена коллегии воспринимались как более высокие по рангу, и у каждого был свой определенный круг прерогатив, отличавший его от «коллег».

В начале V в. до н. э. шла в известном смысле борьба за первенствующее положение в государстве между старой коллегией архонтов и новой коллегией стратегов³⁷. Разумеется, о такой борьбе следует говорить *cum grano salis* – должности не могут бороться между собой, борются люди, политики, а из ведущих политиков этого времени достаточно многие занимали за свою жизнь как пост архонта, так и пост стратега. Как бы то ни было, верх оказался за коллегией стратегов, которая оттеснила коллегия архонтов на второй план.

³⁴ Ср.: Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 71–77: сразу после подавления мятежа фесмофеты осуществили запись закона о наказании за попытку установления тирании (его текст см.: Arist. Ath. pol. 16. 10).

³⁵ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 33–36.

³⁶ Странный эксперимент начала 570-х гг. до н. э. (о нем см.: Figueira T. J. The Ten Archontes of 579/8 at Athens // Hesperia. 1984. Vol. 53. No. 4. P. 447–473), когда однажды были избраны десять архонтов (Arist. Ath. pol. 13. 2), как бы его ни трактовать (а вопрос этот спорный), конституционных последствий не имел, продолжения и развития не получил.

³⁷ Основные ее моменты освещены в: Badian E. Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. Vol. 5. P. 1–34.

И это, наверное, закономерно: она в большей степени соответствовала новым порядком. Кроме того, на должность стратега можно было избираться неоднократно (практически без ограничения числа переизбрания), а архонтом стать гражданину разрешалось только один раз³⁸, что исключало возможность делать карьеру на данной стезе.

Впрочем, рассуждая о карьере политических деятелей, совершенно необходимо оговорить, что в древнегреческих полисах, в отличие от Рима, не сложилась «лестница» магистратур, не было понятия *cursus honorum*. В поздней Римской республике существовало четкое представление, что эдил выше квестора и т. д. И никак нельзя было начать карьеру, скажем, сразу с должности претора. А с другой стороны, трудно представить себе консуляра, избирающегося в преторы. Теоретически, возможно, это и допускалось, не будучи законодательно запрещенным, но должно было восприниматься как серьезный ущерб знаменитому римскому достоинству (*dignitas*)³⁹.

А в тех же Афинах аналогичные вещи были вполне в порядке вещей. Так, Анит, видный политический деятель рубежа V–IV вв. до н. э. (больше всего известный как обвинитель на процессе Сократа), в 410 г. до н. э. занимал пост стратега⁴⁰, а в 388 г. до н. э. стал ситофилаком⁴¹. Ясно, что это было, строго говоря, в любом случае определенное «понижение статуса».

Другой пример возьмем из биографии куда более знаменитой фигуры – Аристиды, прозванного Справедливым. В 490 г. до н. э. он избран стратегом, в 489 г. до н. э. архонтом-эпонимом, в 479 г. до н. э. вновь стратегом⁴² (и в дальнейшем занимал эту должность неоднократно). Словом, всё говорит за то, что для афинян вообще не стоял вопрос, какой магистрат «главнее» – архонт или стратег.

³⁸ Тут, правда, тоже есть нюанс: относится ли запрещение переизбрания ко всей коллегии архонтов или только к конкретным магистратурам в ее составе? Иными словами, могло ли лицо, побывавшее эпонимом, потом стать, допустим, полемархом или фесмофетом (или наоборот)? Вопрос неясен (см. о нем: *Forrest W. G., Stockton D. L. The Athenian Archons: A Note // Historia. 1987. Bd. 36. Ht. 2. S. 235–240*), но, кажется нам, и непринципиален: всё равно реально влиятельной из архонтских должностей уже в период поздней архаики была только должность эпонима.

³⁹ О котором (в сопоставлении с греческими представлениями о достоинстве) см.: *Смышляев А. Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 73–93; Суриков И. Е. Термины достоинства в древнегреческом и латинском языках: рождение категории в двух первых европейских цивилизациях // Новое литературное обозрение. 2018. № 151. С. 27–42.*

⁴⁰ Его деятельность на этом посту оказалась скандальной, подробнее см.: *Lenfant D. Anytos et la corruption massive de juges dans l'Athènes démocratique // Historia. 2016. Bd. 65. Ht. 3. S. 258–274.*

⁴¹ *Develin R. Op. cit. P. 217.*

⁴² Данные см.: *Ibid. P. 56, 57, 65.*

Следует отметить также вот какой нюанс. К проблеме магистратур имеет самое прямое отношение институт эпонимата. Имеем в виду эпонимов годов. Эпонимные магистраты – как связанные с важными календарными функциями – играли значительную роль в античных полисах, по крайней мере, до введения летосчислений по эрам. Нетрудно заметить, что принцип эпонимата напрямую противоречит норме равноправной коллегиальности магистратур, поскольку тот член коллегии, который является эпонимом, уже этим выделяется из среды остальных.

Здесь также напрашивается сопоставление между эллинскими и римскими реалиями. В Риме, как известно, имел место уникальный двойной эпонимат, когда год обозначался именами обоих действующих консулов. Как с этим обстояли дела в греческом мире? По интересующему нас вопросу имеется ценнейшая серия больших статей Р. Шерка⁴³, которые в совокупности фактически представляют собой полноценную монографию. Ученый свел воедино весь имеющийся материал по теме, как нарративный, так и эпиграфический. Из этого материала видим, что у греков порой встречаются коллективные эпониматы (в основном в достаточно позднее время, так что нельзя исключать прямого или опосредованного влияния римской практики), но в целом более распространена афинская модель, в рамках которой эпоним каждый год был единственным.

Это и не удивительно: коллегиальный эпонимат, вообще говоря, не очень удобен. Два эпонима (как римские консулы) – еще куда ни шло, но коллегии из двух членов в греческих полисах чрезвычайно редки. А коллегия из десяти членов (стандартная численность для демократических Афин, как мы видели) на практике совершенно не годилась в качестве эпонимной, поскольку гражданам было бы крайне трудно запомнить имена всех входивших в нее лиц (а они, подчеркнем, каждый год были новые).

Поэтому логично, что в афинском государстве даже после того, как коллегия стратегов по объему реальных полномочий намного превзошла коллегию архонтов, эпонимная функция не перешла к стратегам, а осталась за более древними архонтами: ведь применительно к последним равноправной коллегиальности не наблюдалось, из них с легкостью выделялся один (собственно

⁴³ *Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities: I // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 83. S. 249–288; Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities: Mainland Greece and the Adjacent Islands // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1990. Bd. 84. S. 231–295; Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities III // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1991. Bd. 88. S. 225–260; Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities IV // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 93. S. 223–272; Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities V // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. Bd. 96. S. 267–295.*

архонт-эпоним), а стратеги все были равны. В Спарте пошли по несколько иному пути: один из членов коллегии эфоров, состоявшей из пяти человек, являлся эфором-эпонимом⁴⁴

Постепенно, впрочем, даже в афинской коллегии стратегов стал намечаться отход от норм равноправной коллегиальности, приведший в конце концов едва ли не к полному их забвению. Впервые изменения такого рода, выражавшиеся в дифференциации функций стратегов (ранее не практиковавшейся), проявились, видимо, уже на последнем этапе Пелопоннесской войны⁴⁵. Довольно важной, этапной вехой стали события 407 г. до н. э., когда, в полное отступление от нормального порядка избрания стратегов, афиняне назначили единоличным главнокомандующим Алкивиада (Xen. Hell. I. 4. 20; Plut. Alc. 33). Как официально называлась его должность – на сей счет между источниками существуют разногласия. Плутарх определяет ее как «стратег-автократор» (αὐτοκράτωρ στρατηγός), и обычно считается, что он ближе к истине. Однако же Ксенофонт, который был современником и очевидцем происходящего, дает несколько иную формулировку – «гегемон-автократор» (ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ)⁴⁶. В дополнение к нему были избраны еще всего лишь два стратега (Xen. Hell. I. 4. 21), которые подчинялись Алкивиаду и, похоже, были им рекомендованы.

Этот порядок, конечно, был экстраординарным, порожденным специфическими условиями тяжелой войны, и продержался он всего лишь несколько месяцев, до опалы и отставки Алкивиада, после чего был вновь заменен нормальным. А вот перемены, имевшие место в следующем столетии, в основном в мирное время, являлись уже более органичными, будучи вызваны отмечающимися нами выше процессами усугубления профессионализации, специализации в управлении государством. Разные стратеги теперь получали неодинаковый круг полномочий. Опять же исчерпывающую картину деятельности коллегии для второй половины IV в. до н. э. встречаем в «Афинской политике» (Arist. Ath. pol. 61. 1):

...Поднятием рук дают им (стратегам. – *И. С.*) определенное назначение: одному – для гоплитов, и он командует ими, когда они выступают в поход; одному

⁴⁴ Sherk R. K. The Eponymous Officials of Greek Cities: Mainland Greece... S. 241 ff.

⁴⁵ Jordan B. A Note on the Athenian Strategia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1970. Vol. 101. P. 229–239.

⁴⁶ С. Я. Лурье переводит как «провозглашен архистратегом всех войск с неограниченными полномочиями», что, несомненно, представляет чрезмерную вольность. Термин «архистратег» он, к сожалению, просто придумал; такой магистратуры в Афинах не существовало *никогда*. Перед нами лишнее свидетельство того, что нужно всегда работать с греческими текстами в оригинале, а не в переводах, иначе постоянно сохраняется опасность сделать ложные выводы.

для всей страны (ἐπὶ τὴν χώραν), и он охраняет ее... Двоих назначают для Пирея, в том числе одного – в Мунихию, другого – в Акту (укрепленные местности в Пирее. – И. С.)... Далее, одного назначают для симморий⁴⁷... Остальным дают назначение сообразно с текущими обстоятельствами.

Таким образом, только половина коллегии работала «по-старому».

В Афинах римского периода наблюдаем и вовсе иную ситуацию: существует один стратег («стратег для гоплитов»), который ведает обучением эфетов и осуществляет контакты с Римом. Он становится одним из важнейших должностных лиц государства, и есть даже мнение, что он перенимает эпонимную функцию у первого архонта, хотя Р. Шерк не согласен с этим и называет его «ложным эпонимом»⁴⁸.

Совершенно невозможно отрицать для позднего времени наличие воздействия римских практик на греческие магистратуры⁴⁹. Влияние это, подчеркнем, следует искать даже не столько в видоизменениях каких-то конкретных коллегий, сколько в общей переакцентировке подхода. Для древнегреческих полисов архаики и ранней классики характерен эгалитарный принцип⁵⁰, согласно которому каждый гражданин заведомо компетентен в любой сфере государственной деятельности, никаких специальных знаний для этого не требуется, – иными словами, не нужно быть профессионалом. Видный политолог У. Рансимен, прекрасно знакомый с античным материалом, уже довольно давно высказал мысль, что именно это и погубило полисы Эллады: даже самая крайняя греческая олигархия была намного эгалитарнее, «демократичнее», нежели римская

⁴⁷ В IV в. до н. э. был изменен порядок комплектования афинского флота: в условиях всеобщего обеднения гражданам стало трудно исполнять индивидуально затратную литургию триерарха, и триерархия стала возлагаться на группы (симмории), см.: *Бондарь Л. Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 136 сл.

⁴⁸ *Sherk R. K.* The Eponymous Officials of Greek Cities: I... S. 274.

⁴⁹ См. об этом влиянии для эпох позднего эллинизма и ранней Империи: *Fröhlich P.* Les magistrats des cités grecques: image et réalité du pouvoir (IIe s. av. J.-C. – Ier s. apr. J.-C.) // *Idéologies et valeurs civiques dans le Monde Romain: Hommage à Claude Lepelley.* P., 2002. P. 75–92.

⁵⁰ Это настойчиво подчеркивается очень многими исследователями (например: *Morris I.* Equality and the Origins of Greek Democracy // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources.* Oxf., 2004. P. 45–74; *Long R. T.* Aristotle's Egalitarian Utopia: The *Polis Kat' Euchen* // *The Imaginary Polis.* Copenhagen, 2005. P. 164–196; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 22–48; *Raaflaub K. A.* Perfecting the "Political Creature": Equality and "the Political" in the Evolution of Greek Democracy // *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations.* Oxf., 2013. P. 323–350; *Farenga V.* Liberty, Equality, and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic.* Oxf., 2015. P. 101–112).

республиканская полития, а это препятствовало эффективной концентрации власти⁵¹.

С другой стороны, в западной научной литературе последних лет всё более настойчиво подчеркивается, что греческому принципу эгалитаризма противостоял римский принцип иерархизма⁵². Его постепенно начавшее сказываться влияние на греков налицо, и оно действовало в совокупности с шедшей изнутри и чем дальше, тем больше ощущавшейся необходимости профессионалов у власти (о которой говорил уже Сократ).

⁵¹ *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 347–367.* О том, что выводы Рансимена во многом сохраняют значимость и поныне, см.: *Davies J. K. State Formation in Early Iron Age Greece: The Operative Forces // Defining Citizenship in Archaic Greece. Oxf., 2018. P. 52 ff.*

⁵² Ср. обзоры современных точек зрения: *Махлаюк А. В., Суриков И. Е. Эллада и Рим sub specie comparationis // ВДИ. 2016. Т. 76. № 2. С. 477–489; Суриков И. Е. Специфика древнегреческого государственного права в сравнении с римским // Древнее право. 2016. № 1 (33). С. 8–44.*

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ В АНТИЧНОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ДВУХ СФЕР*

Для нас совершенно несомненно, что специфика политогенеза в каждом конкретном социуме находится в определенном соотношении со спецификой функционирования письменности в том же социуме (имеются в виду тип письма, сферы его применения, степень распространенности). Говоря пока в самой общей форме, обратимся хотя бы к такому примеру.

Отнюдь нельзя считать чисто случайным совпадением по хронологии тот факт, что в античной Греции абсолютно в одно и то же время имели место два чрезвычайно важных явления: с одной стороны, формирование государственности в уникальной по мировым масштабам полисной форме, с другой же стороны – появление и распространение алфавитной письменности, тоже вещи для тех времен абсолютно беспрецедентной.

Можно данный тезис даже конкретизировать путем сопоставления диахронного развития двух процессов. В IX в. до н. э. оба они, так сказать, «балансируют на грани возникновения»: в сфере политогенеза протополисы еще не оформились в полисы, но уже близки к тому, а в сфере письменности греческий алфавит тоже еще не сложился, но всё к тому идет (возможно, его появление следует-таки отнести к самому концу этого столетия, см. ниже); во всяком случае, с письмом финикийцев, которое потом легло в основу их собственного, в некоторых регионах Эллады (например, на Крите¹) греки уже сталкиваются.

Далее, в VIII в. до н. э. начинается процесс становления полиса², и в том же столетии памятники греческой алфавитной письменности уже однозначно зафиксированы, но пока они еще весьма редки. Во всяком случае, в первой половине века; но и это закономерно: «старт» процесса формирования полиса

* Впервые опубликовано в: Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 22–40.

¹ См.: *Coldstream J. N. Geometric Greece: 900–700 BC.* 2 ed. L.; N. Y., 2003. P. 405; *Stampolidis M. C., Kotsonas A. Phoenicians in Crete // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer.* Edinburgh, 2006. P. 337–360.

² *Snodgrass A. M. Archaic Greece: The Age of Experiment.* Berkeley, 1981; *Starr C. G. Individual and Community: The Rise of the Polis 800–500 B.C.* Oxf., 1986; *Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State.* Cambridge, 1989; *Hall J. M. A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE.* 2nd ed. Oxf., 2014.

в развитых регионах тогдашней Греции (как Афины, Аргос, Коринф) относят как раз к периоду около 750 г. до н. э.³

Наконец, в VII в. до н. э. полис (пока как архаический полис⁴) уже вполне сложился, и опять же совершенно не случайно, что тогда же в греческом мире начинает несравненно более широко употребляться письменность, причем для самых разных целей – от фиксирования законов и вплоть до досужих «туристских» надписей на достопримечательностях в духе «Киса и Ося были здесь» (да, это не шутка; см. наш комментированный перевод того, что понаписали греки в начале VI в. до н. э. на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле, на юге Египта⁵).

Кстати, возвращаясь к вопросу о конкретном времени появления алфавита, попробуем данный момент несколько уточнить и прояснить (формулируемые ниже положения ранее частично высказывались нами в тезисной форме⁶). Если еще в фундаментальном труде Л. Джеффери⁷ однозначно утверждалось, что интересующее нас событие следует относить ко второй половине VIII в. до н. э., то теперь ясно, что его надлежит несколько «удревнить».

Здесь необходимо отметить, что хотя только что упомянутый труд является в полной мере классическим и среди литературы о греческой письменности поныне не имеет себе равных по богатству приводимого источникового материала (главная заслуга Джеффери – в исключительно скрупулезном изучении локальных и диалектальных вариантов букв в ранних эллинских надписях),

³ *Morris I.* Op. cit.; *Kōiv M.* Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003; *Суриков И. Е.* Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

⁴ См. к типологии: *Суриков И. Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 14 сл.

⁵ *Суриков И. Е.* Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции. СПб., 2014. С. 232

⁶ *Суриков И. Е.* Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции? // Восточная Европа в древности и средневековье: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249; *Суриков И. Е.* Письменность и политогенез в античном греческом мире: сравнительный анализ трех разнохарактерных вариантов (Атика, Крит, Кипр) // Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 272–277; *Суриков И. Е.* «Неведомый благодетель»: к вопросу о появлении алфавита // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 36–40.

⁷ *Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxf., 1963.

но с точки зрения концептуальной оригинальности нам наиболее импонируют сделанные позже выкладки Б. Пауэлла. Последний вначале опубликовал интереснейшую статью «Почему был изобретен греческий алфавит?»⁸, а затем развил свою аргументацию в монографии «Гомер и происхождение греческого алфавита»⁹. Немалое место занимает интересующая нас проблематика и в его общих работах о гомеровском эпосе¹⁰.

Тем временем была открыта древнегреческая надпись, которая ныне признается самой-самой ранней¹¹; ее датируют самым началом VIII в. до н. э. или, может быть, даже рубежом IX–VIII вв. до н. э. Сам Б. Пауэлл считает наиболее приемлемым временем появления алфавита первые десятилетия VIII в. до н. э.

Он – решительный приверженец теории моногенеза в спорах о происхождении греческого алфавитного письма. Иными словами, он настаивает, что алфавит – не продукт долгих трудных усилий многих поколений (как полагала, например, та же Л. Джеффери), а дело ума и рук некоего конкретного человека (в связи с этим он и припоминает известное выражение великого Виламовица о «творце алфавита» – *ein unbekannte Wohltäter*, «неведомый благодетель»¹²).

Правда, относительно личности этого конкретного человека нам трудно согласиться с Пауэллом. Его «кандидатура» на роль творца алфавита – эвбейский герой Паламед. Но не будем забывать о том, что Паламед – мифологический персонаж, участник Троянской войны. А война эта имела место не позже первой четверти XII в. до н. э., и, соответственно, если у Паламеда имелся исторический прототип, он должен был жить именно тогда. Но для тех времен об алфавите еще не может быть и речи.

Вообще говоря, Б. Пауэлл в своих работах очень многое пишет как бы «в пику» Джеффери. В частности, эта последняя не считала, что греческий алфавит – первый в мире, поскольку признавала западносемитские письменности (в том числе финикийскую, непосредственную предшественницу греческой) тоже уже алфавитными. Однако Пауэлл, опираясь на наблюдения И. Гельба¹³, четко демонстрирует, что письменности западных семитов в действительности представляли собой не алфавит, а финальную, наиболее совершенную стадию

⁸ Powell B. B. Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8. No. 2. P. 321–350.

⁹ Powell B. B. *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge, 1991.

¹⁰ Powell B. B. *Homer and Writing* // *A New Companion to Homer*. Leiden; N. Y.; Köln, 1997. P. 3–32. Powell B. B. *Homer*. Oxf., 2004. P. 1–61.

¹¹ О ней см.: Ridgway D. Greek Letters at Osteria dell'Osa // *Opuscula Romana*. 1996. Vol. 20. P. 87–97.

¹² Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Homerische Untersuchungen*. B., 1884. S. 289.

¹³ B: Gelb I. J. *A Study of Writing*. Chicago, 1963; есть русский перевод: Гельб И. Е. *Опыт изучения письма*. М., 1982.

слогового письма (силлабария). В них знак денотирует сочетание «конкретный согласный плюс любой гласный» (например, b^* , g^* , d^* и т. п.).

В результате, например, у финикийцев было 22 знака, и это может восприниматься (несколько превратно) как «алфавит из одних согласных». Греки же ввели специальные знаки для гласных, что было воистину прорывом. Только письменность, имеющая знаки (буквы) для каждого звука использующего его языка, может считаться в полном смысле алфавитной.

Еще один принципиальнейший тезис Б. Пауэлла: если для Джеффри, как и для подавляющего большинства других специалистов, главной причиной введения греками алфавита является экономическая (необходимость ведения купеческих записей), то Пауэлл это интенсивно отрицает, настаивая на том, что алфавит был создан для записи поэм Гомера. Парадоксальная, но глубоко импонирующая идея! Впервые она была высказана в середине XX в. видным антиковедом Г. Уэйд-Гери¹⁴, но скорее мимоходом и без детальной системы доказательств, а Пауэлл как раз такую систему и предлагает. Не будем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку планируем посвятить ему отдельное исследование. Лишь вкратце отметим два момента.

Во-первых, среди самых ранних древнегреческих надписей (VIII и начало VII в. до н. э.) очень велик процент стихотворных, причем сделанных именно эпическим гекзаметром, а вот хозяйственных документов нет вообще. Во-вторых, вернемся к проблеме введения гласных. Для купеческих записей они, строго говоря, не нужны, и ведь обходились же веками финикийские торговцы без гласных, не ощущая ни малейшего дискомфорта. А вот греческую поэзию с ее метрикой и просодией, основанными на различении долгих и кратких гласных, просто нельзя было адекватно фиксировать в письменном виде без наличия особых букв для гласных звуков. Прочитаем из новейшей работы: «Эпос Гомера, безусловно, не мог бы быть записан в его существующей форме без использования алфавитного письма»¹⁵.

Что касается конкретного региона появления греческого алфавита, то, если говорить в самом общем виде, ясно, что он с неизбежностью должен относиться к зоне ионийских диалектов. Например, заметим, со своей стороны, что только этим может объясняться отсутствие у греков букв для $[\bar{a}]$ и $[h]$ (последний звук позже обычно передавался посредством *spiritus asper*, но, например, в староаттическом алфавите для него использовалась *эта*). Дело в том, что именно в ионийских диалектах $[\bar{a}]$ переходил в $[\bar{e}]$, а $[h]$ элиминировался в результате т. н. псилосиса.

¹⁴ Wade-Gery H. T. The Poet of the Iliad. Cambridge, 1950.

¹⁵ Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: The Rise of the Greek Alphabet // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. 2015. Vol. 58. No. 1. P. 27.

Если же попытаться уточнить вопрос – Б. Пауэлл не сомневается, что нужно искать корни алфавитной письменности где-то в ареале деятельности эвбейцев (тем более что их диалект как раз относился к ионийским). В X–VIII вв. до н. э. именно Эвбея шла, так сказать, в авангарде всей Эллады¹⁶. Эвбейские мореходы, с одной стороны, первыми из эллинов после «темных веков» возобновили плавание к восточному побережью Средиземного моря, где процветали западносемитские письменности. С другой стороны, они первыми же в ту эпоху начали плавать и на запад в Италию. Оговорим в связи со сказанным, что именно из Италии, из Лация, происходит самая ранняя греческая алфавитная надпись, о которой упоминалось выше, – ΕΥΑΙΝ, т. е., видимо, εὐλίπ(ος). В ту весьма давнюю эпоху у итальянских берегов из греков бывали только эвбейцы, чуть позже основавшие в соседней с Лацием Кампанией свои первые колонии.

Одним словом, против «эвбейской» локализации происхождения алфавита, на наш взгляд, трудно что-либо возразить. Тем не менее таковые возражения раздавались. В частности, чуть позже Б. Пауэлла собственные концептуальные построения на ту же тему предложил Р. Вудард¹⁷.

Этот исследователь датирует появление греческого алфавита несколько более ранним временем, нежели Пауэлл, а именно второй половиной IX в. до н. э. Такой хронологии действительно нельзя полностью исключать, а вот относительно места, где произошло это событие, мы решительно не можем согласиться с Вудардом. Он считает, что в данной связи следует говорить не об Эвбее или каком-либо из основанных эвбейцами поселений, а о Кипре.

Подобное предположение представляется нам неприемлемым, и вот почему. Об особенностях ситуации с письменностью на «острове Афродиты» будет подробно говориться ближе к концу настоящей главы. Пока же вкратце отметим следующее. У греков-киприотов имела хождение не алфавитная, а слоговая письменность, причем, что особенно интересно, они оказались привержены ей даже тогда, когда у эллинов Эгеиды уже возник алфавит, и не перешли на него, а продолжали упорно пользоваться своим силлабарием вплоть до рубежа эпох классики и эллинизма.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы киприоты изобрели алфавитное письмо, но не для себя самих, а для других, – так сказать, «на экспорт», – для собственных же нужд удержали письмо более примитивного

¹⁶ Суриков И. Е. «Молчат гробницы»? Археология античной Греции. М., 2017. С. 86 сл., 119 сл.

¹⁷ См. прежде всего монографию: Woodard R. D. *Greek Writing from Knossos to Homer: A Linguistic Interpretation of the Origin of the Greek Alphabet and the Continuity of Ancient Greek Literacy*. Oxf., 1997; ср. также: Woodard R. D. *Phoinikēia Grammata: An Alphabet for the Greek Language // A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxf., 2010. P. 25–46.

и неудобного типа. Попытка Р. Вударда объяснить постулируемый им феномен фактически сводится к набору общих фраз и совершенно не выглядит убедительной¹⁸.

В высшей степени характерен, в частности, вот какой факт. Эгейские греки, как только изобрели алфавит, сразу же, уже в VIII в. до н. э., начали записывать гексаметры. Киприоты этому примеру отнюдь не последовали – ни тогда, ни позже. Известна всего лишь *одна-единственная* кипрская силлабическая надпись, содержащая гексаметрические строки¹⁹, и это, между прочим, как раз такого рода исключение, которое только подтверждает правило: упомянутый памятник с предельной ясностью демонстрирует, насколько все-таки малоприспособна силлабика для передачи античной поэзии. Да и в целом отмечалось²⁰, что пути эволюции систем письменности в Греции как таковой и на Кипре были принципиально разными.

* * *

Итак, эвбейские города (Левканди, затем Эретрия и Халкида) являлись в период самой ранней архаики наиболее развитыми во всем греческом мире, и в то же время с наибольшей степенью вероятности следует признать именно Эвбею (или, точнее, зону деятельности ее жителей) родиной алфавита. Таким образом, определенная корреляция уже налицо.

Можно ли придать сделанному наблюдению обобщающий характер? В категоричной форме – скорее нет. Сразу хотим подчеркнуть: пожалуй, нельзя усматривать в имеющемся материале прямой и однозначной зависимости по принципу «чем развитее регион – тем употребительнее в нем письменность». Тем не менее, если подходить к проблеме более тонко, все-таки и на конкретном уровне можно уловить некую системную связь между особенностями политогенеза и особенностями письменной традиции. Далее как раз на этом мы и остановимся, проведя сопоставительный анализ трех очень не похожих друг на друга примеров.

1. Аттика. Территория афинского полиса относится, судя по всем данным, к тем регионам, в которых алфавитная письменность получила распространение весьма рано. В распоряжении ученых есть аттические надписи VIII в. до н. э., в том числе, например, самая ранняя сохранившаяся греческая надпись

¹⁸ Ср. критику: *Gates C. Greeks in the East: A View from Cilicia // Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art & Museology. Proceedings of the International Round-Table Conference June 2005, St.-Petersburg, Russia. Oxf., 2010. P. 45*

¹⁹ *Powell B. B. Homer and the Origin... P. 110 ff.*

²⁰ *Sherratt S. Visible Writing: Questions of Script and Identity in Early Iron Age Greece and Cyprus // Oxford Journal of Archaeology. 2003. Vol. 22. No. 3. P. 238.*

на камне, относящаяся к концу этого столетия; она, впрочем, плохо сохранилась, и смысл ее невразумителен²¹.

В подавляющем же большинстве первые памятники греческой эпиграфики представляют собой граффити на керамике. В том числе и тот, который Б. Пауэлл назвал «самой знаменитой из ранних греческих надписей»²². Это т. н. Дипилонская надпись, именуемая так потому, что она была найдена близ Дипилонских ворот в афинском Керамике, квартале гончаров. Точнее, в будущем Керамике, поскольку в VIII в. до н. э. эта зона еще не была жилой и использовалась для некрополя.

Интересующее нас граффито, сделанное на ойнохое позднегеометрического стиля (направление букв – справа налево, как часто в древнейших греческих надписях), ныне надежно датируется 730-ми гг. до н. э.²³ Оно содержит гекзаметрический отрывок (одну полную строку и начало второй), который имеет смысл привести:

hos vuv orxeston panton atalotata paizei | to tode

Для большей легкости восприятия преобразуем староаттические написания в привычные ионийские:

Ὅς νῦν ὀρχηστῶν πάντων ἀταλώτατα παίζει,
τοῦ τόδε...
Кто ныне из плясунов резвится всех веселее,
Этот тому...

Явно имеется в виду, что самому резвому танцору достанется в награду надписанный сосуд. Гекзаметр не окончен, и далее следует несколько букв, в совокупности не дающих смысла. В любом случае ясно, что перед нами надпись частного характера (именно таковые, а не официальные, безусловно преобладали почти во всех греческих центрах на первом этапе функционирования алфавитной письменности), и практически нет сомнения в том, что она имеет отношение к симпозиальной тематике.

Удивляться столь раннему появлению алфавита в Аттике не приходится, если признавать эвбейский приоритет в изобретении самого этого новшества. Афины как минимум с начала I тыс. до н. э. поддерживали тесные связи с находившейся совсем неподалеку Эвбеей; в частности, на эвбейцев повлияли аттические протогеометрические и геометрические вазописные стили, и не исключено, что в тот период афинские расписные сосуды развозили по разным местам именно эвбейские торговцы²⁴.

²¹ Текст см.: *Jeffery L. H.* Op. cit. P. 401; *Powell B. B.* *Homer and the Origin...* P. 150.

²² *Powell B. B.* *Homer and the Origin...* P. 158.

²³ Текст см.: *Jeffery L. H.* Op. cit. P. 401; *Powell B. B.* *Homer and the Origin...* P. 159.

²⁴ *Coldstream J. N.* Op. cit. P. 384.

Позже, в VI в. до н. э., Афины в результате реформ Солона встали в полном смысле слова на путь «модернизации»²⁵. В результате данный полис с какого-то момента начал сильно отличаться по своей государственной инфраструктуре от всех остальных. Особенно сильно это ощущалось в V–IV вв. до н. э., когда функционировала классическая афинская демократия. В тот же период и судьбы письменности в Афинах были, в общем-то, тоже иными, нежели в каком-либо другом месте Эллады.

Письменных памятников, происходящих из Афин, сохранилось, как известно каждому, чрезвычайно много. Речь идет о памятниках практически всех возможных категорий. Если говорить о древнегреческой нарративной традиции, то ведь «львиную долю» в ней (во всяком случае, если говорить о доэллинистическом времени, а только оно нас здесь и интересует) занимают сочинения афинских авторов (афинских если не по месту рождения, то, по крайней мере, по факту многолетнего пребывания в «городе Паллады» – вспомним Анаксагора, Протагора, Лисия, Аристотеля, Эфора, Феопомпа – да имя им легион).

Если говорить об эпиграфических памятниках, перед нами аналогичная ситуация – ни из какого иного центра не имеется столь же много лапидарных надписей, сколь из Аттики. Вспомним хотя бы о знаменитых декретах (псефисмах) афинского народного собрания, которые являются воистину украшением любого издания лучших образчиков греческой эпиграфики. Не случайно в обобщающем труде о псефисмах в эллинических государствах²⁶ материал из Афин занимает наиболее видное место. Постановления экклесии, в огромном количестве выставленные повсюду на территории города (особенно в общественных местах, таких как агора и ее окрестности) и потому легко доступные для ознакомления каждому желающему, выполненные часто стойхедоном, что придавало им особую стройную красоту, являлись одним из главных зримых символов величия, мощи и свободы демократического афинского полиса.

Есть, правда, точка зрения (ее наиболее убежденно, из работы в работу отстаивает Ч. Хедрик²⁷), согласно которой они именно только символом и были. По мнению Хедрика, большинство афинских граждан якобы не могли прочесть

²⁵ О значимости солоновской деятельности для этого процесса см., например: *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W. Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007. P. 49–82; Dmitriev S. The Birth of the Athenian Community: From Solon to Cleisthenes. L.; N. Y., 2018. P. 128–167.*

²⁶ *Rhodes P. J., Lewis D. M. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.*

²⁷ *Hedrick C. W. Writing and the Athenian Democracy // The Birth of Democracy. Athens, 1993. P. 7–11; Hedrick C. W. Writing, Reading, and Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 157–174; Hedrick C. W. Ancient History: Monuments and Documents. Oxf., 2006; ср. также: *Thomas R. Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World. Cambridge, 1991. P. 33–50.**

надписи общественного характера. Тем более что стойхедон вообще трудно читается: ведь в нем не делалось разрывов между словами. Эти надписи, таким образом, вырезались не для того, чтобы их читали, а с чисто символическими целями. Но тут перед нами явно утрированное суждение. Изготавливать монументальные эпиграфические памятники, размером порой в сотни строк, и при этом предназначенные не для чтения, а для чего-то другого? Это отдаст абсурдом.

Кроме того, действительно массовое распространение грамотности в Афинах подтверждается большим процентом надписей частного характера (даже уже в архаическую эпоху). А уж самым блестящим свидетельством, говорящим о том же, является обилие таких уникальных и в то же время характерных памятников малой эпиграфики, как остраконы для остракизма²⁸, каковых на сегодняшний день открыто более десятка тысяч, и это лишь малая толика от того их количества, которое наличествовало в V в. до н. э. Само учреждение процедуры остракизма – голосования надписанными черепками – не могло не исходить из той предпосылки, что *каждый* гражданин достаточно грамотен, чтобы нанести такую надпись. А кто умеет писать, тот, естественно, умеет и читать.

Относительно же того, что стойхедон трудно читать, – этот тезис вопиюще субъективен. Из того, что его с трудом читает современный ученый, отнюдь не вытекает, что над ним так же мучился древний грек. В рамках любой письменной культуры достаточно легко читать те формы письма, к которым представители данной культуры приучены с детства, и, соответственно, нелегко – те, к которым они не приучены. Европейцу, изучающему, скажем, арабский язык, с немалыми усилиями дается его алфавит, а сами арабы, естественно, понимают его знаки без каких-либо проблем, но, с другой стороны, надо думать, испытывают аналогичные сложности при овладении латиницей. В древнерусской письменности, как известно, тоже не было разрывов между словами, но это ни в коей мере не мешало широкому распространению грамотности во всех слоях населения, что красноречиво демонстрируют хотя бы новгородские (а теперь уже и не только новгородские) берестяные грамоты. Вряд ли Хедрику что-либо известно об этих документах, иначе он, возможно, задумался бы о том, как в Древней Руси (общество которой было, конечно, и традиционным, и аграрным) был возможен такой высокий уровень грамотности. Не нужно мерить все цивилизации меркой европейского средневековья, в котором грамотность была действительно уделом лишь сословия духовенства. Ведь там сложилась уникальная историко-культурная ситуация двуязычия, когда живые, разговорные языки не имели письменности, а единственным письменным языком была мертвая латынь.

²⁸ О них наиболее подробно см. в нашей книге: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

Развитая демократия (а вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что классическая афинская демократия была развитой) немыслима без массовой грамотности. Участие в политической жизни, занятие магистратур, которое в V–IV вв. до н. э. было доступно всем членам гражданского коллектива афинского полиса, предполагало владение в тех или иных пределах искусством чтения и письма. Неграмотность служила предметом шуток, высмеивания в комедиях и т. п. (например, Aristoph. Equ. 188 sqq.²⁹). Отнюдь не случайно, что в надписях на остраконах мы находим большое разнообразие. Используются различные направления письма, от обычного до бустрофедона, буквы различных алфавитов (староаттического, ионийского). Все это свидетельствует о широком распространении грамотности в различных слоях населения, не только в кругу элиты. И пусть порой надписи выглядят неуклюже, встречаются ошибки и фальстарты – дело здесь не только (пожалуй, даже не столько) в малограмотности, но и в трудности процарапывания букв на глиняных черепках. А самое главное – сколько бы ошибок ни делали те или иные граждане, писать они всё же умели. Пусть их грамотность находилась на невысоком уровне, но называть их неграмотными всё же никак нельзя.

По заслуживающему доверия свидетельству Платона (Plat. Apol. 26de), в Афинах второй половины V в. до н. э. существовали книжные лавки, в которых можно было купить (и недорого) сочинения Анаксагора. Нужно полагать, что ради одного Анаксагора торговлю устраивать бы не стали, и, значит, наряду с ним продавались произведения и других авторов – философов, историков, поэтов. А коль скоро это так, стало быть, эта продукция находила спрос среди афинских граждан. Теперь зададимся несложным вопросом: многие ли из наших современников готовы читать – ну, пусть не архаичного Анаксагора, а хотя бы кого-нибудь из современных мыслителей, Хайдеггера например? Ответ, думается, ясен, и ответ этот явно не в нашу пользу. Не так-то и далеко ушли мы от греков (и еще неизвестно, в какую сторону), чтобы позволить себе смотреть на них свысока. В демократическом полисе, каким были Афины, интеллектуальная жизнь буквально бурлила (а иначе и быть не могло), захватывая отнюдь не только элиту, но и широкие слои гражданства. Ярko демонстрирует это аттическая трагедия Эсхила, Софокла, Еврипида, которая ставила глубочайшие этические, религиозные, философские проблемы и при этом была в полном смысле слова массовым жанром³⁰. Это было бы вряд ли возможно без повсеместного распространения грамотности.

²⁹ Ср.: Burns A. Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 3. P. 385.

³⁰ Иначе как безответственным не можем назвать утверждение Р. Уоллеса, что афиняне V в. до н. э. якобы «не понимали» свою драматическую поэзию (Wallace R. W. Speech, Song

Граждане классического афинского полиса представляли собой в некотором отношении, так сказать, «социум писцов»³¹. В высшей степени закономерно, что именно в Афинах, на Агоре, существовал Метроон³² – самый знаменитый для доэллинистического времени архив, то есть помещение, специально приспособленное для хранения письменных документов.

2. *Крит*. Полисы самого южного и самого крупного острова Эгеиды, напротив того, характеризовались, по резкому контрасту с Афинами, олигархическим, даже крайне олигархическим характером государственного устройства³³. Не случайно, например, такой враг демократии, как Платон, видел именно в критских политических режимах один из главных образцов для создаваемой им модели утопического идеального государства, и в его итоговом труде «Законы» место действия – как раз Крит³⁴. Последний, впрочем, отличался от Кипра, о котором речь пойдет чуть ниже³⁵, прежде всего тем, что критские полиитии были хотя и олигархическими, иерархичными, но все же республиканскими, а кипрские – монархическими.

Соответственно, у критян и с письменностью наблюдается весьма специфическая ситуация. Остров часто считался в литературе одним из возможных «мест рождения» греческого алфавита³⁶, но это все-таки представляется сомнительным, да и алфавитных надписей VIII в. до н. э. на нем, кажется, пока не обнаружено.

Однако несомненен приоритет Крита в одной конкретной сфере – в юридической эпиграфике. Речь идет о законах и сводах законов; тексты такого характера начинают появляться именно в данном регионе эллинского мира ранее, нежели в каком-нибудь ином³⁷. В частности, самый древний закон происходит именно с Крита, из города Дрероса. Он датируется второй половиной VII в. до н. э. и гласит следующее³⁸:

and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. P. 204).

³¹ Ср.: Суриков И. Е. Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // *Вестник РГГУ*. 2013. № 17 (118). С. 181–204.

³² О нем см.: Sickinger J. P. *Public Records and Archives in Classical Athens*. Chapel Hill; L., 1999. P. 114 ff.

³³ Willetts R. F. *Aristocratic Society in Ancient Crete*. L., 1955.

³⁴ Effenterre H. van. *La Crète et le monde grec de Platon à Polybe*. P., 1948.

³⁵ Анализ различий см. в: Peltenburg E., Iacovou M. *Crete and Cyprus: Contrasting Political Configurations* // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus*. L., 2012. P. 345–363.

³⁶ Jeffery L. H. *Op. cit.* P. 310.

³⁷ Gagarin M. *Writing Sacred Laws in Archaic and Classical Crete* // *Sacred Words: Orality, Literacy and Religion*. Leiden; Boston, 2011. P. 101–111.

³⁸ Переводим по тексту, приведенному в: Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscription to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. P. 2.

Бог...³⁹ Следующее постановил город: если кто-то исполнил должность косма, ему десять лет не занимать должности косма. Если же он займет должность косма, то, что бы он ни присудил, он должен отдать в двойном размере, и он пожизненно теряет свои права на эту должность, и занятие им этой должности вменяется ни во что. Об этом должны принести клятву косм, представители демоса и двадцать от города.

Перед нами – реалии типичной аристократической республики: запрещается одному и тому же лицу часто становиться космом (таково было название высшего магистрата в критских полисах). Цель принятой меры предельно ясна: воспрепятствовать концентрации власти в руках одного человека (несомненно, представителя высшей политической элиты) во избежание перерастания этой его власти в монархию.

Крит и в дальнейшем славился своим законодательством. Закономерно, что именно на нем была составлена самая большая, воистину гигантская древнегреческая надпись правового характера – свод законов из Гортины (т. н. «Гортинская правда»⁴⁰). Последний, правда, относится уже к классической эпохе.

Дж.-П. Вильсон в связи с социумами типа критского говорит о «писцовой грамотности» (*scribal literacy*), которая определяется так: «Грамотность фактически ограничивается небольшой группой специалистов, для которой умение писать является специализированным (и иногда передающимся по наследству) мастерством»⁴¹. Это значительно ближе к древневосточным обществам, чем та ситуация, которая была налицо в тех же Афинах. С указанным обстоятельством напрямую связано другое – на Крите публичные надписи (особенно законы) преобладают над частными⁴², даже в чисто количественном отношении. В Афинах всё в точности наоборот, больший контраст трудно себе представить.

Для иллюстрации данного положения дадим в сопоставлении некоторые цифровые данные⁴³. Для хронологического отрезка, охватывающего вторую

³⁹ Далее вроде бы прочитывается слово, которое вообще-то обозначает «губительное», но такое значение сюда никоим образом не подходит. Мейгтс и Льюис переводят «добрый», со знаком вопроса.

⁴⁰ О ней см.: *Gagarin M. The Rule of Law in Gortyn // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 173–183; Davies J. The Gortyn Laws // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 305–327.*

⁴¹ *Wilson J.-P. Literacy // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 561.*

⁴² К частным письменным документам относятся, например, письма. Совсем недавно появилась интересная монография (*Sarri A. Material Aspects of Letter Writing in the Graeco-Roman World 500 BC – AD 300. B.; Boston, 2018*), в которой феномен античного письма (ἐπιστολή) рассматривается именно как компонент культуры письменности.

⁴³ По: *Wilson J.-P. Op. cit. P. 560.*

половину VI в. до н. э., известны следующие эпиграфические памятники из Аттики: 101 посвящение, 66 надгробных надписей, 32 граффити, 531 дипинти (все это надписи частного характера) и при том 4 закона. А вот соответствующие данные для того же хронологического отрезка на Крите: 2 посвящения, 1 надгробная надпись, 4 граффити, 0 дипинти – и при том 16 законов! Иными словами, законов в два с лишним раза больше, чем всех остальных надписей, вместе взятых. Цифры говорят сами за себя. Но, может быть, данный период являет собой исключение? Что ж приведем данные для предыдущего, охватывающего первую половину VI в. до н. э. Аттика: 35 посвящений, 12 надгробных надписей, 63 граффити, 45 дипинти – и при этом 0 законов. Крит: 0 посвящений, 0 надгробных надписей, 0 граффити, 0 дипинти – и при этом 7 законов. Как видим, перед нами не какие-то случайные соотношения, а устойчивая тенденция.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов фактор неполной (мягко говоря!) сохранности памятников. Так, в Афинах в первой половине VI в. до н. э. был принят знаменитый свод законов Солона. Если бы какие-то его фрагменты дошли до нашего времени, то цифры в вышеприведенной аттической статистике были бы иными. Но, увы, таких фрагментов нет в распоряжении ученых, и солоновские законы приходится реконструировать по упоминаниям и цитатам в письменных источниках⁴⁴.

Однако же приходится исходить из того, что утраты коснулись в примерно равной пропорции всех основных сфер эпиграфики. Соответственно, числовые данные, которые мы имеем, следует считать в целом репрезентативными, и их сравнение дает основания для достаточно далеко идущих выводов. Письменная культура критян со всей очевидностью характеризовалась такими чертами, как дисциплина и законопослушание.

3. *Kunp.* Ситуация же в эллинских полисах «острова Афродиты» и вовсе совершенно беспрецедентна. С одной стороны, с точки зрения государственных структур на Кипре мы имеем положение, не встречающее близких параллелей у других греков: в государствах данного региона вплоть до начала эпохи эллинизма сохранялась традиционная царская власть⁴⁵. Это, подчеркнем, воис-

⁴⁴ Наиболее авторитетные из таких реконструкций: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966; *Leão D. F., Rhodes P. J.* The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary. L.; N. Y., 2016.

⁴⁵ *Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21; *Евдокимов П. А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 76–118.

тину уникальный феномен, ибо древнегреческий полис в целом уже с архаического периода конституировал себя как подчеркнуто республиканская организация. Повсюду монархии были рано ликвидированы, а на Кипре – нет, там они удержались.

Цари городов греков-киприотов отличались необыкновенным консерватизмом. Они на протяжении многих столетий сознательно придерживались древних традиций, весьма напоминающих те реалии, которые, в частности, отражены в гомеровских поэмах. «Эпический стиль жизни» этих басилеев ярко проявился, в числе прочего, и в тех роскошных погребениях, которым они подвергались после кончины⁴⁶.

Перейдем теперь к сфере письменности. И тут тоже встречаем необычное положение. Из всех греков только киприоты вплоть до начала эллинистического времени не перешли на алфавит, а пользовались силлабарием. Кипрское слоговое письмо и сделанные им эпиграфические памятники были в свое время детально изучены в классическом труде О. Массона⁴⁷, а о современном состоянии проблемы самое лучшее, наиболее полное представление дает недавно вышедшая коллективная монография⁴⁸.

Рассматривать данный круг вопросов надлежит в общем эгейском и – шире – восточносредиземноморском контексте⁴⁹. В результате получаем следующую картину. Силлабарии бытовали на Кипре уже во II тыс. до н. э. Ранее в науке употреблялись термины «кипро-минойское письмо» или даже «линейное письмо С». Ныне же можно считать установленным, что речь следует вести не об одной, а о нескольких параллельно существовавших системах слоговой письменности, хотя родственных друг другу, но имевших и различия. Все они произошли в конечном счете от крито-минойского линейного письма А, а использовались для передачи слов догреческого субстратного «этеокипрского» языка.

Казалось бы, в том, что именно на основе этих кипро-минойских письменностей возник, в свою очередь, кипрский силлабарий I тыс. до н. э., употреблявшийся уже греками острова, никаких сомнений априори быть не должно. Однако же этот тезис долгое время фигурировал в литературе всего лишь как «весьма вероятная гипотеза», и причиной тому – нередкая в науке проблема

⁴⁶ См., например, на материале из Саламина Кипрского – крупнейшего греческого центра на острове: *Karageorghis V. Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman*. L., 1969.

⁴⁷ *Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté*. P., 1961.

⁴⁸ *Syllabic Writing on Cyprus and its Context* / Ed. by P. M. Steele. Cambridge, 2013.

⁴⁹ В связи с этим контекстом см.: *Morpurgo Davies A. Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World* // *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxf., 1986. P. 51–76; *Morpurgo Davies A., Olivier J.-P. Syllabic Scripts and Languages in the Second and First Millennia B.C.* // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus*. L., 2012. P. 105–118.

«недостающего звена»: не прослеживался континуитет, не удавалось опознать «промежуточных» между двумя письменностями памятников, которые относились бы к периоду «темных веков».

Но на сегодняшний день можно смело говорить, что этой проблемы больше не существует: искомые надписи стали известны. И пусть они буквально единичны – дело не в количестве: в любом случае они позволяют ответственно утверждать о прямой, непосредственной связи кипрских слоговых письменностей двух тысячелетий. Наиболее показательна т. н. надпись Офельта⁵⁰, относительно которой даже среди специалистов нет единого мнения: то ли это самый поздний кипро-минойский текст, то ли самый ранний кипро-силлабический. А стало быть, он является в полной мере переходным. Упоминаемое же в нем имя Офельт, бесспорно, является греческим⁵¹.

Как нам представляется, сохранение эллинами-киприотами слогового письма и как бы игнорирование алфавита, уже вполне развитого у греков Эгеиды, – явление аналогичного порядка, что и сохранение ими монархий, то есть проявление того же консерватизма, о котором говорилось выше. Не случайно также время ликвидации кипрских греческих царств и отказа от силлабария фактически совпадает. Весь этот набор фактов опять же однозначно производит впечатление взаимосвязанных элементов целостного комплекса, говорит о корреляции сфер политического и культурного менталитета.

⁵⁰ О ней см.: *Egetmeyer M.* From the Cypro-Minoan to the Cypro-Greek Syllabaries: Linguistic Remarks on the Script Reform // Syllabic Writing on Cyprus and its Context. Cambridge, 2013. P. 107–131.

⁵¹ *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G. E. Benseler. Ht. 2: Α – Ω. Braunschweig, 1911. S. 1099; *Fraser P. M., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 1: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987. P. 355.

АТТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ*

Политическая история Афин V в. до н. э. – тема, насколько можно судить, неисчерпаемая. Огромная, парадигматическая роль афинского социокультурного универсума для всех последующих эпох истории человечества обусловила колоссальный интерес исследователей к самой блестящей эпохе в жизни самого блестящего греческого полиса. И тем не менее, несмотря на почти необозримое количество специальных работ, посвященных данной проблематике, многие важнейшие, основополагающие связанные с ней вопросы и по сей день далеки от однозначного и убедительного разрешения. Путем споров, дискуссий, порой смелых гипотез, изживая упрощающие и модернизаторские тенденции, наука движется к более верному, более сложному и многостороннему образу афинского и в целом древнегреческого социума.

Для специалиста, занимающегося указанным периодом, первостепенную значимость имеют источники, современные событиям, т. е. относящиеся к V в. до н. э. Уже к свидетельствам IV в. до н. э. (ораторы, Аристотель), не говоря о более поздних, мы не можем относиться с той же степенью доверия, поскольку их авторы, не будучи непосредственными очевидцами описываемых событий, вынуждены были черпать информацию из предшествующей письменной и устной традиции, при этом зачастую пользуясь категориальным аппаратом собственной эпохи, во многом чуждым реалиям ранней классики (как, например, дихотомия «демократы – олигархи»). Наш обостренный интерес к ранним, наиболее аутентичным источникам оттеняется их явным дефицитом. Собственно исторические произведения – труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта – при всей их ценности имеют в высшей степени фрагментарный характер, они как бы «высвечивают из тьмы веков» лишь отдельные эпизоды афинской истории. На этом фоне особенно остро встает проблема поиска дополнительных источников того же времени, содержащих хотя бы косвенные данные, которые позволили бы восполнить имеющиеся пробелы.

Одним из таких источников, важность которого уже достаточно общепризнана, является древняя аттическая комедия, в первую очередь пьесы Аристофана, переполненные злободневными политическими реминисценциями. В несравненно меньшей степени оценено по достоинству значение трагедии,

* Впервые опубликовано в: Античный вестник: Сб. науч. трудов. Омск, 1999. Вып. 4–5. С. 187–193.

в частности произведений Эсхила и Софокла, как источника по истории политической борьбы в Афинах. Однако, по нашему глубокому убеждению, важность этих авторов нельзя недооценивать.

Со времен Ф. Ницше, в сознательно заостренной форме поставившего вопрос о трагедии как о квинтэссенции всех основных сторон «эллинского духа», не нуждается в доказательстве утверждение, что сочинения афинских трагедографов – не только шедевры литературы и искусства мирового значения, но и величайшие памятники религиозной и философской мысли своей эпохи. К сожалению, роль трагедии как памятника общественно-политической мысли и поныне оценена в значительно меньшей степени. Существует еще некоторое предубеждение против трактовки тех или иных драм в конкретно-политическом смысле¹.

На наш взгляд, задача поиска конкретных политических аллюзий в конкретных трагедиях не является бесперспективной и тем более некорректно поставленной. Представление о некоем «чистом искусстве» в классической Греции является плодом определенной модернизации. Все жанры литературы этой эпохи проникнуты политической проблематикой. В полной мере это относится и к трагедии. Хотя в ней, в отличие, скажем, от комедии, эта проблематика обычно не эксплицируется в открытых суждениях «от автора», – нет никакого сомнения, что Эсхил и Софокл как афинские граждане имели вполне определенную точку зрения на разворачивавшиеся перед их глазами события афинской истории и что эта позиция драматургов должна была так или иначе проявляться в их произведениях. Ряд указаний источников ясно показывает, что трагедия воспринималась самими афинянами в контексте политической борьбы: мифологические образы драм вызывали злободневные ассоциации (Plut. Aristid. 3: Амфиарай – Аристид, 467 г. до н. э.; ср. Aeschyl. Sept. 592–594); состязания трагических поэтов использовались ведущими политиками в собственных целях (Plut. Cim. 8: Кимон и Софокл, 468 г. до н. э.).

Нет никаких оснований, признавая за аттической трагедией право на постановку и решение «вечных» вопросов человеческого бытия, при этом отказывать ей в непосредственной политической актуальности. В том-то и заключается уникальность данного жанра, обеспечившая ему мировое признание, что он смог в грандиозном синтезе слить воедино проблемы религии, философии, политики, повседневной жизни, соединить высокое с преходящим и разрешить этот синтез на высочайшем уровне. Трагедия, в представлении самих древних, была школой гражданского воспитания. Она уделяла внимание всем без исключения проблемам бытия и заслуживает не только религиозно-философской, но и конкретно-политической интерпретации. Не случайно один из современных

¹ Ср.: Meier C. Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988. S. 132.

западных исследователей называет трагедию своего рода «экспериментальной политикой»².

Соотношение мифа и политики в трагедии в наибольшей степени рассматривалось на материале драм Еврипида³. Нас же интересуют в этом ракурсе прежде всего произведения более ранних авторов, так сказать, «досократиков». Еврипид уже в древности снискал репутацию «философа на сцене» по той причине, что у него философия, в том числе и политическая, впервые стала эксплицитной: персонажи начали вступать в дискуссии, высказывать разного рода сентенции, выражающие взгляды автора, и т. п. В этом отношении Еврипид действительно противостоит старшим трагедиографам, у которых как философская, так и политическая тематика звучит на имплицитном уровне. Это создает дополнительные сложности для исследователя, но они, в принципе, не являются непреодолимыми.

Обратимся к конкретному материалу. Интересна, прежде всего, фигура *Фриниха*. Его трагедия «Взятие Милета» (поставленная в 493/492 г. до н. э.) являет собой один из редких примеров драмы на современный (не мифологический) сюжет. Среди связанных с нею перипетий характерны два обстоятельства: штрафные санкции, наложенные на драматурга по инициативе коалиции Алкмеонидов и «друзей тиранов», занимавшей в то время ведущее положение в Афинах и не желавшей роста антиперсидских настроений в городе (Herod. VI. 21; Strab. XIV. 635), и архонтат Фемистокла, в который была поставлена трагедия. Связь Фриниха с этим политиком выраженной антиперсидской ориентации зафиксирована еще 16 лет спустя, в 476 г. до н. э., когда Фемистокл был хорегом при постановке фриниховских «Финикиянок» (Plut. Them. 5). Связи драматурга и хорега были, как правило, крепче нежели простое случайное совпадение; они знаменовали личную и политическую близость.

Эсхил, по утвердившемуся в отечественном антиковедении мнению, был по политическим взглядам в целом выразителем интересов традиционно настроенных аристократических кругов, недовольных нарастающей демократизацией афинского полиса⁴. В то же время в западной литературе имеет

² Vickers M. Alcibiades on Stage: Thesmophoriazusae and Helen // Historia. 1998. Bd. 38. Ht. 1. S. 64–65.

³ В отечественной историографии: Радциг С. И. Миф и действительность в греческой трагедии // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1962. № 2. С. 114–127; Ярхо В. Н. Миф и политика в древнегреческой трагедии // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 209–214.

⁴ Лурье С. Я. Политическая тенденция трагедии «Эвмениды» // ВДИ. 1958. № 3. С. 42–54; Радциг С. И. К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Эвменидах» // ВДИ. 1968. № 2. С. 29–41; Кориунков В. А. Эсхил и Ареопаг // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1989. Вып. 2. С. 95–98.

значительный вес точка зрения, согласно которой Эсхил являлся приверженцем умеренно-демократической группировки, концентрировавшейся вокруг Алкмеонидов, в частности – вокруг Перикла⁵. Однозначно зафиксированные давние личные связи Эсхила и Перикла, возможно, были унаследованы ими от предков (ср. Castor FGrHist. 250. F4 – последним афинским пожизненным архонтом, правившим в 755/754–754/753 гг. до н. э., был некий Алкмеон, сын Эсхила). В 472 г. до н. э. Перикл выступал хорегом при постановке «Персов» Эсхила (IG. II². 2318. 9–11).

В 467 г. до н. э. Эсхил поставил тетralогию «Фиваида» (из нее сохранились «Семеро против Фив»), бесспорно, содержащую политические реминисценции (Plut. Aristid. 3). Согласно весьма импонирующей нам гипотезе Л. Поуста⁶, драма была направлена на оказание поддержки Периклу (ассоциация Этеокл – Перикл), подвергавшемуся в начале своей политической карьеры нападкам оппонентов в связи с родовым проклятием предков («Килонова скверна»). Предпринимались попытки конкретно-политической интерпретации эсхиловского «Прометея»⁷.

Ни у кого не вызывает сомнений открыто злободневная, политическая направленность последней сохранившейся трилогии Эсхила – «Орестей», особенно ее завершающей части – «Эвменид» (458 г. до н. э.). Помимо живого отклика как минимум на два события современной ему действительности – заключение союза Афин с Аргосом и реформу Ареопага, – в трагедии, по аргументированному мнению многих авторитетных исследователей, имеет место ряд прямых аллюзий на историю Алкмеонидов и «Килонову скверну» (Aeschyl. Eum. 1–20, 443–453, 657–666 и др.) с прежней целью – оправдать Перикла перед широкой аудиторией, защитить его от обвинений⁸.

Распространенное мнение, согласно которому Софокл примыкал к кружку Перикла, насколько можно судить, нуждается в пересмотре. Несомненно, что, во всяком случае, в начале своей деятельности Софокл пользовался

⁵ Smertenko C. M., Belknap G. N. Studies in Greek Religion. Eugene, 1935. P. 25–27; Plassart A. Eschyle et le fronton est du temple delphique des Alcéméonides // Revue des études anciennes. 1940. Vol. 42. P. 293–299; Mazzarino S. Eschilo, Pericle e la storia dell'Areopago // Rivista di cultura classica e medioevale. 1960. Vol. 2. Fasc. 3. P. 300–306.

⁶ Post L. A. The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly, 1950. Vol. 44. No. 4. P. 49–52.

⁷ Лурье С. Я. «Скованный Прометей» Эсхила и афинская демократия // Античное общество. М., 1967. С. 291–300 (необходима, впрочем, корректива: в оценке, которую дает С. Я. Лурье, стоило бы «поменять знаки» – Зевс скорее не Кимон, а Перикл, тем более что ассоциация «Перикл – Зевс» обычна, например, для древней комедии).

⁸ Подробнее см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37–39.

поддержкой Кимона (Plut. Cim. 8), как Эсхил – Перикла. В. Эренберг посвятил монографию⁹ доказательству того, что, по крайней мере, в религиозно-философской области Перикл и Софокл были антиподами. В отличие от Эсхила – «революционера» в религиозных вопросах, – Софокл был характерным представителем традиционного благочестия, что с особой силой сказывалось на его неизменно пиетическом отношении к Дельфам. Но это неизбежно должно было противопоставить его Периклу и в политической сфере, так как в течение Пентеконтаэтии отношения между Афинами и Дельфами, не в последнюю очередь благодаря Перикловой политике, неуклонно ухудшались, что привело в 431 г. до н. э. к полной поддержке Дельфийским оракулом действий Спарты в Пелопоннесской войне. Думается, не случайно и участие Софокла (уже в преклонном возрасте) в 413–411 гг. до н. э. в олигархической коллегии пробулов (Arist. Rhet. 1419a26).

Будучи активным политиком (он – эллиноتامий, дважды стратег), Софокл не чуждался обращения к политическим событиям в своих драмах, в том числе и в знаменитейшей из них – «Эдипе-царе» (поставленном, по наиболее вероятной датировке, около 429 г. до н. э.). В условиях общеизвестных перипетий этого времени (первые годы войны, эпидемия, недовольство Периклом, его отстранение от должности, наконец, смерть его в том же 429 г. до н. э.) Софокл уже в первых строках трагедии (как и Эсхил в «Эвменидах») задает контекст, вызывающий вполне определенные ассоциации, – описание чумы в Фивах (Soph. Oed. Rex 1–30). Ассоциация «Эдип – Перикл» подкрепляется обращением жреца к Эдипу (Oed. Rex 33): ἀνδρῶν πρῶτος; ср. πρῶτος ἀνὴρ – так античные авторы (например, Thuc. I. 139. 4) характеризуют положение Перикла в Афинах. В дальнейшем цепь ассоциаций продолжается. Финал драмы – крушение всех надежд Эдипа, его вынужденное признание правоты оракула (Дельфийского!) – вызывает в памяти тяжелую предсмертную болезнь Перикла, кончину его детей, опалу, духовный кризис в конце жизни¹⁰. На лексическом уровне слова ἄγος, ἐλαύνειν и производные от них, исключительно часто употребляемые Софоклом в отношении Эдипа (Soph. Oed. Rex 28, 98, 100, 255, 263, 402, 418, 656, 805, 921, 1261, 1426), – реминисценция выдвинутого спартанцами в 432 г. до н. э. требования (Thuc. I. 126. 2) – τὸ ἄγος ἐλαύνειν τῆς θεοῦ, причем имелся в виду именно Перикл.

Итак, даже малая толика материала, приведенная нами (круг примеров можно было бы расширять), демонстрирует ценность аттической трагедии как

⁹ Ehrenberg V. Sophocles and Pericles. Oxf., 1954.

¹⁰ Ср.: Schachermeyr F. Sophokles und die perikleische Politik // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 359–378; Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991. P. 249–256; Fornara C. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 2.

источника по истории политической борьбы в раннеклассических Афинах. Использование этих текстов, – безусловно, со всеми необходимыми мерами предосторожности, во всеоружии филологической подготовки и с максимально возможным учетом исторического контекста – могло бы положить начало интересному и перспективному направлению в историографии Древней Греции¹¹.

¹¹ Работа подготовлена на основе доклада, прочитанного на конференции Российской ассоциации антиковедов «Формации и цивилизации» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, июнь 1994 г.).

ФРИНА, ОБНАЖЕННАЯ ГИПЕРИДОМ, ИЛИ РИТОРИКА ЖЕСТА В АНТИЧНЫХ АФИНАХ (К ВОПРОСУ О НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДИСКУРСА)*

Быв в связи с гетерой Фриной, он (Гиперид. – *И. С.*) вступился за нее, когда ее привлекли к суду за святотатство (ἀσεβείν κρίνομένην). Он сам подтверждает это в начале своей речи. Когда ее вот-вот уже должны были осудить (μελλούσης δ' αὐτῆς ἀλίσκεσθαι), Гиперид, выведя ее на середину и порвав одежды, показал ее грудь (παράγαγὼν εἰς μέσον¹ καὶ περιρρήξας τὴν ἐσθῆτα ἐπέδειξε τὰ στέρνα τῆς γυναικός), и, когда судьи увидели красоту этой женщины, они оправдали ее (καὶ τῶν δικαστῶν εἰς τὸ κάλλος ἀπιδόντων ἀφείθη) (Ps.-Plut. Vit. X or. 849e; перевод Л. М. Глускиной).

Цитата, которой мы начинаем данную главу², взята из достаточно интересного памятника – «Жизнеописаний десяти ораторов»³ Псевдо-Плутарха. Этот трактат, по солидарному мнению ученых, ошибочно попал в корпус Плутарховых «Моралий», а в действительности херонейскому мудрецу не принадлежит. Тем не менее сочинение почти современно ему и, во всяком случае, было создано во II в. н. э. С этим текстом уже были знакомы (и пользовались им), например, Флавий Филострат, Гермоген Тарсийский. Сам же автор текста, кто бы им ни был, явно активнейшим образом опирался на недошедший труд «О десяти ораторах» Кекилия (Цецилия) Калактийского, грекоязычного уроженца

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2018. Т. 78. № 3. С. 519–544. В основу исследования легли доклады, прочитанные автором в апреле 2017 г. на конференции «Современные методы изучения культуры – IX» (Отделение социокультурных исследований РГГУ) и в декабре 2017 г. на конференции «Историк и текст», посвященной 80-летию ВДИ (Институт всеобщей истории РАН). Автор глубоко благодарен чл.-корр. РАН Н. П. Гринцеру: высказанные им замечания и ценные рекомендации помогли существенно улучшить текст. Разумеется, за оставшиеся в нем недостатки несет ответственность только автор.

¹ Важность категории εἰς μέσον у греков постоянно подчеркивает в своем классическом труде Ж.-П. Вернан (*Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988), видя в ней едва ли не главную черту типично полисной организации политического пространства: власть не «вверху», а «в середине» (Там же. С. 151).

² Мы обязательно ее приводим, когда читаем студентам курс риторики.

³ Имеется в виду так называемый канон десяти (величайших) аттических ораторов (о котором см. хотя бы: *Worthington I.* The Canon of the Ten Attic Orators // *Persuasion: Greek Rhetoric in Action.* L.; N. Y., 1994. P. 244–263).

Сицилии, одного из крупнейших теоретиков риторики, работавшего в Риме в эпоху Августа⁴.

О ком в вышеприведенном пассаже идет речь – тоже совершенно ясно. Кто же не слышал о Фрине, «прекраснейшей из гетер»? Гиперид – также фигура достаточно известная: один из самых видных ораторов и политиков Афин второй половины IV в. до н. э.⁵ Как мастера красноречия античные критики его ставили действительно весьма высоко, среди греков – чуть ли не на второе место после Демосфена (во всяком случае, с точки зрения выразительности). Вот классический пассаж, принадлежащий большому знатоку (Цицерону): «У Исократы изящество, у Лисия простота, у Гиперида остроумие (*асумен*), у Эсхина звучность, у Демосфена сила» (Cic. De or. III. 28; перевод Ф. А. Петровского). Сказано настолько исчерпывающе, что, кажется, и прибавить нечего.

Не явился ли проявлением того самого гиперидовского остроумия пресловутый запоминающийся жест – публично раздеть красавицу Фрину? Главное в том, что он был совершенно неожиданным. Случалось, что мужчины в ходе судебного заседания рвали на груди одежду, дабы продемонстрировать раны, полученные в боях за отечество, и тем самым прибегали к эмоциональному воздействию на дикастов. Но обнажать женщину *в публичном месте*? И это в ту эпоху, когда даже скульптурные изображения обнаженного женского тела только-только начали практиковаться (с «Афродиты Книдской» Праксителя, натурщицей для которой, кстати, послужила, похоже, именно Фрина, Athen. XIII. 591a) и всё еще воспринимались крайне неоднозначно⁶. Естественно, в аттической вазописи классической эпохи нагие женщины (по большей части как раз гетеры) появляются регулярно; однако эти сцены характеризуются

⁴ О вкладе Кекилия в развитие как греческой, так и римской риторики, о его роли как одного из крупнейших представителей аттицизма см.: O'Sullivan N. Caecilius, the "Canons" of Writers, and the Origins of Atticism // Roman Eloquence: Rhetoric in Society and Literature. L.; N.Y., 1997. P. 27–41.

⁵ См.: Cooper C. Hypereides, Aristophon, and the Settlement of Keos // Epigraphy and the Greek Historian. Toronto, 2008. P. 31–56 – в связи с эпиграфическими данными касательно некоторых аспектов его политической деятельности, а именно его конфликта с одним из «старейшин» афинской политической элиты – Аристофонтom (этого последнего знают мало, а он заслуживал бы специальной работы уже, по крайней мере, в связи с тем, что оставался «непотопляемым» на протяжении как минимум пяти десятков лет – с 400-х до 350-х гг. до н. э.; см. сводку данных об Аристофонте в: Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 37).

⁶ В жесте Гиперида мы, безусловно, видим, помимо прочего, еще и попытку воздействовать на эстетические чувства аудитории (см. также ниже в связи с возможной в данном контексте идеей *ἐπόπτεια*). О связи риторики и эстетики см.: Cascardi A. J. Judgment: Arts of Persuasion and Judgment: Rhetoric and Aesthetics // A Companion to Rhetoric and Rhetorical Criticism. Oxf., 2004. P. 294–308.

не общественным, а частным контекстом. Причем в двояком смысле: во-первых, упомянутые дамы изображены в домашней обстановке (а кто же может запретить ходить дома хоть нагишом?), во-вторых же, расписные сосуды, в отличие от статуй, стоявших на улицах и площадях, являлись атрибутом не общественного, а сугубо частного пространства, употребляясь в основном на симпозиях, где эротика была более чем уместна. Но в суде, то есть, по сути, перед лицом демоса?!

Тем не менее, хотя анонимный греческий автор римского времени, похоже, не детально разбирается в тонкостях аттического судебного процесса IV в. до н. э. и, возможно, допускает какие-то неточности в мелочах, в целом историчность самого эпизода вряд ли следует подвергать сомнению. О нем есть сообщения и в других источниках, причем в некоторых деталях отличающиеся от вышецитированного, так что, как выясняется, вся история была несколько сложнее, чем представляется на первый взгляд; но на этом мы подробнее остановимся ниже. Пока же отметим: Гиперид, таким образом, выступил новатором в том плане, что он в какой-то особо подчеркнутой, сугубо демонстративной форме использовал в своем выступлении формат невербального языка, языка жестов. Хотя он, конечно же, был не первым, кто использовал его в принципе.

В контексте неориторики второй половины XX в., начиная с Х. Перельмана и льежской «группы μ », невербальные риторические жанры становятся вполне актуальными. Ведь не случайно же бельгийцы окрестили свое направление не только «неориторикой», но и «общей риторикой» (*rhétorique générale*), то есть позиционировали его как дисциплину, освещающую с риторической точки зрения буквально «всё и вся». Уж если говорят о «риторике рекламы» (ею, кстати, активно занимался покойный Умберто Эко), о «риторике кинематографа», о «риторике музыки», о «риторике архитектуры», даже о «риторике поступка»⁷, то риторика жеста никак не должна остаться вне сферы внимания исследователей, в том числе специалистов по античности, когда жест был как-то особенно рельефен⁸.

К проблеме невербальной коммуникации (которая, безусловно, включает в себя в качестве одного из основных элементов язык жестов) ныне, безусловно, прослеживается интерес⁹. Поднималась эта проблематика и на античном материале, – в частности, применительно к Геродоту (да и не только к нему)

⁷ Именно так (Пешков И. В. Введение в риторику поступка. М., 1998).

⁸ Так, марристы трактовали древнегреческую скульптуру как «застывший язык жестов».

⁹ *Burgoon J. K., Humpherys S., Moffitt K. Nonverbal Communication: Research Areas and Approaches // Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. Bd. 1. B.; N.Y., 2008. S. 787–812.*

об этом уже довольно давно писал Д. Латейнер¹⁰, один из видных специалистов в области творчества «отца истории» (к его статье мы напомним еще обратиться в дальнейших строках с большей детализацией).

Иногда в данной связи говорят также о «риторике тела»¹¹, о «языке тела»¹² или даже о «политике тела»¹³. Рассматривается соответствующий материал чаще всего в связи с историей театра, древнегреческого и римского¹⁴, иногда в аналогичном контексте употребляют вместо терминов «жест» или «тело» термин «движение»¹⁵. Как бы то ни было, античный театр совершенно однозначно был связан именно с жестикуляцией, поскольку мимика в его рамках была недоступна (в связи с тем, что актеры выступали в масках¹⁶).

¹⁰ Lateiner D. Nonverbal Communication in the *Histories* of Herodotus // *Arethusa*. 1987. Vol. 20. Fasc. 1/2. P. 83–119.

¹¹ Crowley S. Body Studies in Rhetoric and Composition // *Rhetoric and Composition as Intellectual Work*. Carbondale; Edwardsville, 2002. P. 177–187; Schirren T. Rhetorik des Körpers (actio I) // *Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung*. Bd. 1. B.; N.Y., 2008. S. 669–679.

¹² См. сборник «Язык тела в греческом и римском мирах» под редакцией Дугласа Кейрнса, а в нем прежде всего статьи, близко относящиеся к интересующей нас здесь тематике: Clarke M. On the Semantics of Ancient Greek Smiles // *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 2005. P. 37–54; Llewellyn-Jones L. Body Language and the Female Role Player in Greek Tragedy and Japanese Kabuki Theatre // *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 2005. P. 73–106; Cairns D. Bullish Looks and Sidelong Glances: Social Interaction and the Eyes in Ancient Greek Culture // *Body Language in the Greek and Roman Worlds*. Swansea, 2005. P. 123–156.

¹³ Florence M. The Body Politic: Sexuality in Greek and Roman Comedy and Mime // *A Companion to Greek and Roman Sexualities*. Oxf., 2014, P., 366–380.

¹⁴ Robert F. *Ἡερσὶν αὐτὰς λαλεῖν* (Luc., *Salt*. 63): rhétorique et pantomime à l'époque impériale // *Discorsi alla prova: Atti del Quinto Colloquio italo-francese Discorsi pronunciati, discorsi ascoltati: contesti di eloquenza tra Grecia, Roma ed Europa*. Napoli, 2009. P. 225–257; Dutsch D. Towards a Roman Theory of Theatrical Gesture? // *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden; Boston, 2013. P. 409–431 (со специальными наблюдениями о «римской теории театрального жеста»); Florence M. *Op. cit.* Заходит в данной связи речь и о «театральности вне театра» (Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // *Antiquitas aeterna*. 2005. Т. 1. С. 155–190).

¹⁵ Например: Stewart E. *Greek Tragedy on the Move: The Birth of a Panhellenic Art Form c. 500–300 BC*. Oxf., 2017.

¹⁶ McCart G. Masks in Greek and Roman Theatre // *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre*. Cambridge, 2007. P. 247–267; Wiles D. The Poetics of the Mask in Old Comedy // *Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin*. Oxf., 2008. P. 374–392; Varakis A. Body and Mask in Aristophanic Performance // *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London*. 2010. Vol. 53. No. 1. P. 17–38 (со специальными наблюдениями о роли движений тела в условиях театра масок).

Во избежание дальнейших недоразумений, очевидно, не лишним будет сразу определить наше понимание самой категории жеста. Мы трактуем ее максимально широко; иными словами, для нас, в сущности, «риторика жеста», «язык тела», «невербальная коммуникация» – это в известной мере синонимы. Думаем, что имеем право на подобную точку зрения, поскольку провести четкие разделительные границы между названными понятиями чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Так, Д. Латеинер свою вышеупомянутую статью¹⁷ озаглавил «Невербальная коммуникация в “Истории” Геродота», но если в нее внимательно вчитаться, то становится ясным, что автор преимущественно рассматривает именно разного рода жесты, а не что-либо иное.

Более того, жест в нашем широком понимании может включать в себя (хотя, конечно, не обязательно включает) даже и вербальные элементы, но только в качестве вспомогательных, второстепенных, а главное место в нем все-таки обязательно занимает движение. Обозначенным подходом обуславливается то, что приводимые ниже конкретные примеры достаточно разнородны. И, подчеркнем, имеют вполне выборочный, порой иллюстративный (но, надеемся, всё же репрезентативный) характер, ибо исчерпать всю полноту релевантного материала в ограниченных рамках работы никоим образом не удастся.

* * *

В классической теории риторики наличествует учение о пяти этапах разработки речи. В связи с четырьмя из них (приводим традиционные латинские термины по Цицерону и Квинтилиану) в контексте данной работы проблем не возникает. *Inventio* – «нахождение», *dispositio* – «расположение», *elocutio* – «выражение», *memoria* – «запоминание».

Остановимся на пятом – «произнесении» («исполнении»). В литературе обычно приводят два латинских термина – *actio* и *pronuntiatio*, воспринимая их как, в общем-то, синонимы. В действительности они являются не в полной мере таковыми, и совершенно справедливо в одном из недавних фундаментальных трудов по риторике между ними проводится различие¹⁸. *Pronuntiatio* относится к голосу (как и следует из этимологии слова), к его модуляциям и интонациям; *actio* же – также и к «языку тела», то есть в конечном счете к пресловутым жестам. Кстати, латинский термин *actio* оказывается прямым соответствием греческому ὑπόκρισις, а этот последний обозначает прежде всего именно актерскую игру.

¹⁷ *Lateiner D. Op. cit.*

¹⁸ *Schirren T. Op. cit.; Meyer-Kalkus R. Rhetorik der Stimme (actio II: pronuntiatio) // Rhetorik und Stilistik: Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. Bd. 1. B.; N. Y., 2008. S. 679–688.*

Подчеркнем: наш только что высказанный тезис отнюдь не следует воспринимать как некий категоричный постулат. Мы, повторим, лишь полагаем (и в этом мы не одиноки, см. предыдущее примечание), что *actio* и *pronuntiatio* – не вполне совпадающие категории (это, кажется, достаточно мягкая формулировка), но, конечно, ни в малейшей мере не намерены их *противопоставлять*. Ибо это было бы в корне неверно.

Так, в «Риторике» Аристотеля о жестикуляции речь не идет, однако же ὑπόκρισις неоднократно упоминается. Правда, чаще применительно к театральным реалиям, но изредка – и применительно к выступлениям ораторов. Приведем пример. Arist. Rhet. II. 1386a32 sq.: «...Люди, воспроизводящие что-либо наружностью, голосом, костюмом и вообще игрой (ὅλως ὑποκρίσει), в сильной степени возбуждают сострадание...» (перевод Н. Платоновой).

Пожалуй, наиболее взвешенным будет следующее суждение: термин *actio* шире по значению, нежели термин *pronuntiatio*. Последний относится преимущественно к голосу, первый же – и к телодвижениям, и к голосу. Таким образом, *actio* включает в себя *pronuntiatio*, но не тождественно ему – в том плане, что объединяет в себе аспекты невербальные (жесты) и вербальные; нас же в рамках данной работы интересуют именно невербальные.

А теперь вернемся к эпизоду с обнажением Фрины¹⁹. О нем, помимо Псевдо-Плутарха, достаточно подробно рассказывает также несколько более поздний автор – Афиней. Последний вначале (Athen. XIII. 590d–f) дает описание, в основных деталях не расходящееся с тем, которое было приведено выше:

Эвфий привлек ее к суду по уголовному обвинению, но суд ее оправдал (κρινομένην δὲ ὑπὸ Εὐθείου τὴν ἐπὶ θανάτῳ ἀπέφυγεν)... Фрину защищал (συνάγορεύων) Гиперид²⁰; так как речь его не имела успеха и судьи явно склонялись к осуждению (οὐδὲν ἦν τε λέγων ἐπίδοξοί τε ἦσαν οἱ δικάσται καταψηφιοῦμενοι), то он, выведя Фрину на видное место, разорвал на ней хитон и обнажил

¹⁹ Недавно по данному сюжету появилась ценная работа: O'Connell P. Hyperides and *Epropteia*: A New Fragment of the *Defense of Phryne* // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2013. Vol. 53. P. 90–116. В ней, в частности, высказывается весьма интересное мнение, что в речи Гиперида в защиту гетеры существенную роль должна была играть идея священного созерцания (ἐπόπτεια). Этот термин однозначно имеет религиозные коннотации, а конкретно – связан с Элевсинскими мистериями: эпоптами называли мистов высшей степени посвящения. Таким образом, жест оратора, видимо, должен был трактоваться в контексте содержания речи; он, несомненно, напомнил дикастам о скандальном и в то же время эффектном поступке Фрины, раздевшейся и купавшейся в Элевсине. Ср. Нагросс. s.v. ἀνεπτόπτευτος; s.v. ἐπωπτευκότων (со ссылками как раз на речь Гиперида «В защиту Фрины»).

²⁰ Таким образом, согласно этому свидетельству, Гиперид был у Фрины синегором, дополнительным «оратором-помощником». Впрочем, сама обвиняемая не могла выступать с речью перед дикастами, будучи женщиной, да еще и из сословия метэков.

ее грудь (παρὰ γαγῶν αὐτὴν εἰς τοῦ μφανὲς καὶ περιορίζας τοὺς χιτωνίσκους γυμνά τε τὰ στέονα ποιήσας), и этим зрелищем придал такую ораторскую силу своим заключительным стенаниям (τοὺς ἐπιλογικοὺς οἴκτους ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐπερρητόρευσεν), что судьи ощутили суеверный страх перед этой жрицей и служительницей Афродиты (δεισιδαίμονησαί τε ἐποίησεν τοὺς δικαστὰς τὴν ὑποφήτιν καὶ ζάκορον Αφροδίτης) и, поддавшись состраданию, не обрекли ее на казнь (μὴ ἀποκτεῖναι). А после этого оправдания было постановлено, чтобы никакой судебный защитник не смел возбуждать жалость в судьях и чтобы никакой обвиняемый или обвиняемая не были выводимы напоказ (μηδὲ βλέπόμενον τὸν κατηγορούμενον ἢ τὴν κατηγορουμένην κρίνεσθαι). В самом деле, тело Фрины было особенно прекрасно там, где оно было скрыто от взгляда. Потому и нелегко было увидеть ее нагой: она носила хитон, облегающий все тело, и не бывала в общих банях. Но на многолюдном празднестве Посидоний в Элевсине она на глазах у всей Эллады сняла одежду и, распустив волосы, вошла в море (перевод Н. Т. Голинкевича).

Но чуть ниже (Athen. XIII. 591e–f) Афинея в связи, видимо, с тем же процессом приводит выдержку из Посидиппа, представителя новой аттической комедии (Posidipp. fr. 12 Kock; перевод Н. Т. Голинкевича):

Тогда никто не мог сравниться с Фриною
Из нас, гетер. И ты хоть и не видела
Суда (ἀγῶν') над ней, но слышала, наверное:
Она казалась пагубою гражданам,
И приговор грозил ей казнью смертною
(τὴν ἡλιαίαν εἴλε περὶ τοῦ σώματος),
Но, обойдя весь суд и тронув каждого,
Она, рыдая, вымолила жизнь себе
(καὶ τῶν δικαστῶν καθ' ἓνα δεξιουμένην
μετὰ δακρύων διέσωσε τὴν ψυχὴν μόλις).

В оригинале, как видим, Фрина не просто обходит дикастов, а пожимает каждому из них руку. В любом случае, не думаем, что этот пассаж противоречит цитированному выше; по крайней мере, сам Афинея никакого противоречия здесь не подмечает. Скорее всего, они взаимно дополняют друг друга. Ходила ли гетера по рядам судей с обнаженной грудью или уже одевшись (либо это происходило вообще еще до «жеста» Гиперида, ранее) – данный вопрос приходится оставить открытым.

Укажем еще на краткое упоминание о защите Фрины у знаменитого римского ритора Квинтилиана:

Уверяют, что и Фрина не красноречию Гиперида, впрочем, превосходному, но своей телесной красоте одолжена была своим спасением; ей стоило только

обнажить оную перед судьями (et Phrynen non Hyperidis actione quamquam admirabili, sed conspectu corporis, quod illa speciosissimum alioqui diducta nudaverat tunica, putant periculo liberatam) (Quintil. Inst. or. II. 15. 9; перевод А. Никольского).

Тут вроде бы получается, что гетера не была обнажена своим защитником, а обнажилась сама²¹, что несколько не стыкуется с основной ветвью античной традиции о рассматриваемом событии. Впрочем, не является ли нестыковка кажущейся, так ли уж она принципиальна? Квинтилиан, повторим, очень краток, и главное в его суждении – показать, что важнейшим «оправдательным аргументом» для Фрины послужила не столько *actio* Гиперида (под *actio* в данном случае нужно понимать, полагаем, всё поведение нашего оратора на процессе, включая как вербальные, так и невербальные составляющие), сколько ее неимоверная красота. И это понятно: увидев перед собой обнаженную уродливую (или просто заурадной внешности) женщину, дикасты, конечно, не смягчились бы.

* * *

Цицерон как минимум дважды приводит известную формулировку Демосфена, которым он столь восторгался.

Демосфен, говорят, на вопрос, что важнее всего в красноречии (*quid in dicendo esset primum*), ответил: «Во-первых – исполнение²², во-вторых – исполнение, в-третьих – исполнение» (Cic. De or. III. 213; перевод Ф. А. Петровского)²³.

²¹ Ср. схожее свидетельство – Sext. Emp. Adv. math. II. 4: «Далее, Фрина, когда она, несмотря на старания своего защитника Гиперида, должна была получить осуждение, разорвав тунику, бросилась с обнаженными грудями к ногам судей (*καταρρηξάμενη τοὺς χιτῶνίσκους καὶ γυμνοῖς στήθεσι προκυλινδομένη τῶν δικαστῶν*) и достигла, говорят, гораздо большего в убеждении судей своей красотой, чем ораторство защитника» (перевод А. Ф. Лосева).

²² *Actio*. самого этого слова в данной фразе нет, но из предшествующего контекста ясно, что речь идет именно о нем.

²³ Далее у Цицерона следует не менее характерный пассаж о том, как впоследствии Эсхин рассказывал своим ученикам на Родосе, почему он со своей великолепной речью против Ктесифонта все-таки проиграл процесс Демосфену. Он прочитал им речь своего противника, максимально используя голосовые модуляции (*suasissima et maxima voce*), а затем оговорил: «Насколько вы бы еще больше восторгались, если бы слышали его самого (*si audissetis ipsum*)!» Цицерон резюмирует: «Этим он ясно показал, как много значит исполнение, полагая, что если исполнитель не тот, то и речь уже не та (*quantum esset in actione, qui orationem eandem aliam fore putarit actore mutato*)». Причем, подчеркнем, Эсхин ведь и сам слыл одним из самых артистичных аттических ораторов, Демосфен даже обзывал его «актеришкой» (тригонистом).

Ведь даже люди, лишенные дара слова, благодаря выразительному произнесению (*actionis dignitate*) нередко пожинали плоды красноречия, а многие люди речистые из-за неумелого произнесения (*deformitate agendi*) слыли бездарными. Поэтому недаром Демосфен утверждал, что и первое дело, и второе, и третье есть произнесение (*Demosthenes tribuerit et primas et secundas et tertias actioni*). И если без произнесения нет красноречия, а произнесение и без красноречия имеет такую силу, то бесспорно, что его значение в ораторском искусстве огромно (*Cic. Or. 56*).

Употребление лексемы «произнесение» (так в русском переводе М. Л. Га-спарова, в котором мы привели цитату из трактата «Оратор») наводит на ложную ассоциацию с голосом, с речью, а ведь тут речь идет именно о жестикуляции (в самом широком смысле). Возможно, лучше говорить об «игре» (актерской игре). Ведь, как отчасти упоминалось выше, как *ὑπόκρισις* (ср. *ὑποκριτής*, «лицемер», тот, кто примеряет «лица»-маски, т. е. актер²⁴), так и *actio* (ср. *actor*) именно это и означают²⁵.

Высказывание Демосфена, приводимое Цицероном по-латыни, известно и на древнегреческом: ...ἐρομένου αὐτόν τινος τί πρῶτον ἐν ῥητορικῇ, εἶπεν ὑπόκρισις· καὶ τί δεύτερον ὑπόκρισις· καὶ τί τρίτον ὑπόκρισις (*Ps.-Plut. Vit. X or. 845b*). Это из Псевдо-Плутарха, а Плутарх как таковой в жизнеописании величайшего афинского оратора прямо указывает, что он пользовался уроками актерского мастерства (пресловутой «игры»). Началось, дескать, с того (*Plut. Demosth. 7*; перевод С. П. Маркиша), что молодой Демосфен в красноречии не преуспевал, а его приятель, актер Сатир, убедил его, «сколько стройности и красоты придает речи “игра” (ὅσον ἐκ τῆς ὑποκρίσεως τῷ λόγῳ κόσμον καὶ χάριτος πρόσσεστι)», в результате чего Демосфен в дальнейшем «учился актерской игре и укреплял голос (πλάττειν τὴν ὑπόκρισιν καὶ διαπονεῖν τὴν φωνήν)». Обратим внимание, что и тут две эти вещи разнесены: голос отдельно, игра отдельно; стало быть, последняя должна относиться именно к жестикуляции (а у ораторов, конечно, еще и к мимике, поскольку они, в отличие от актеров, не надевали масок).

В другом месте той же биографии Плутарха есть, впрочем, и вот какое наблюдение: «Собственная его “игра” приводила народ в восторг (τοῖς μὲν οὖν πολλοῖς ὑποκρινόμενος ἤρεσκε θαυμαστῶς), но люди образованные, знатоки – и среди них Деметрий Фалерский – находили ее низменной, пошлой

²⁴ Естественно, этимология слова *ὑποκριτής* совсем иная («отвечающий»), она восходит к ранней стадии формирования афинского театра, когда один актер «отвечал» хору, то есть вступал с ним в диалог. Но довольно рано данная лексема приобрела и переносное значение «притворщик».

²⁵ О связи риторики с актерским мастерством в античности см. также: *McDonald M. Rhetoric and Tragedy: Weapons of Mass Persuasion // A Companion to Greek Rhetoric. Oxf., 2007. P. 473–489.*

и бессильной» (Plut. Demosth. 11; перевод С. П. Маркиша). Характерно, что в качестве критика «игры» Демосфена упомянут здесь Деметрий Фалерский (лично его знавший) – выходец из школы Аристотеля, этого певца умеренности. В «Риторике» Аристотеля о жестикуляции, как отмечалось выше, ничего не говорится (а, с другой стороны, о модуляциях голоса упоминается в начале 3-й книги трактата).

Но вот что пишет Цицерон об идеальном ораторе:

Движениями он будет владеть так, чтобы в них не было ничего лишнего. Держаться он будет прямо и стройно, расхаживать – изредка и ненадолго, выступать вперед – с умеренностью и тоже нечасто; никакой расслабленности шеи, никакой игры пальцами, – он не будет даже отбивать ритм суставам... А какое достоинство (*dignitatem*), какую привлекательность изобразит его лицо... При этом должно избегать всякого излишества, всякого кривляния, зато искусно владеть взглядом (Cic. Or. 59–60; перевод М. Л. Гаспарова).

У Цицерона, вообще говоря, мало общего с Аристотелем – куда меньше, чем с Платоном (ориентируясь именно на этого последнего, он и свои главные политико-юридические трактаты назвал «*De re publica*» и «*De legibus*», и к диалогической форме изложения постоянно обращался). Но Платон риторику откровенно третировал²⁶, и позднему Цицерону (а «Оратор», из которого взята предшествующая цитата, – одно из последних его сочинений), чувствуется, ближе, чем раньше, стал Стагирит (со взглядами которого он в полной мере ознакомился, поскольку был одним из первых, кто работал с пропавшими аристотелевскими трудами, обнаруженными в малоазийском Скепсисе, доставленными в Афины, а затем перевезенными Суллой в Рим²⁷). В мышлении Цицерона (как, наверное, и любого представителя римской элиты) весьма важное место занимала категория достоинства (*dignitas*)²⁸. В Греции для этой категории адекватного соответствия нет²⁹, но зато у греков была характерная категория уместности, приличия (*τὸ πρέπον*, Dion. Hal. De comp. verb. 20).

В том числе и некоторые жесты осуждались как совершенно неуместные, неприличные, не соответствующие духу благородства. В качестве демонстративного нарушителя сложившихся норм выступлений перед народом чаще всего выступает Клеон – этот едва ли не главный «антигерой» древнегреческой

²⁶ Gagarin M. Probability and Persuasion: Plato and Early Greek Rhetoric // Persuasion: Greek Rhetoric in Action. L.; N. Y., 1994. P. 46–68.

²⁷ Об использовании Цицероном этих трудов Аристотеля см.: Ruschenbusch E. Die Zwölftafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 3. S. 250–253.

²⁸ О которой см.: De Filippi M. Dignitas tra repubblica e principato. Bari, 2009.

²⁹ Суриков И. Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. М., 2015. С. 300–301.

традиции, «самый неистовый (βιαιότατος) из граждан» (Thuc. III. 36. 6) и даже чуть ли не сумасшедший (μανιώδης, Thuc. IV. 39. 3)³⁰.

Клеон «первый начал кричать на трибуне, и ругаться, и говорить перед народом, подвязав гиматий (περιζωσάμενος), тогда как остальные говорили благопристойно (ἐν κόσμῳ)» (Arist. Ath. pol. 28. 3; перевод С. И. Радцига). Пространнее, как всегда, Плутарх:

Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распушенностью и презрением к долгу³¹, которые вскоре погубили всё (καὶ τὸν ἐπὶ τοῦ βήματος κόσμον ἀνελών καὶ πρῶτος ἐν τῷ δημηγορεῖν ἀνακραγῶν καὶ περισπάσας τὸ ἱμάτιον καὶ τὸν μηρὸν πατάξας καὶ δρόμῳ μετὰ τοῦ λέγειν ἅμα χρῆσάμενος, τὴν ὀλίγον ὕστερον ἅπαντα τὰ πράγματα συγγέασαν ἐν χερείᾳ καὶ ὀλιγωρίᾳ τοῦ πρέποντος ἐνεποίησε τοῖς πολιτευομένοις) (Plut. Nic. 8; перевод Т. А. Миллер).

Похоже, что Клеона и долго после этого воспринимали как образчик такого «нового стиля», радикально контрастировавшего со стилем политиков предыдущих поколений – всех этих Солонов, Мильтиадов, Кимонов... Весьма характерен пассаж из речи Эскина против Тимарха (политика из окружения Демосфена), которого обвинитель уличил (и с успехом) в крайне безнравственном поведении³²:

А как скромны были раньше знаменитые ораторы (οὕτως ἦσαν σώφρονες οἱ ἀρχαῖοι ἐκείνοι ῥήτορες): Перикл, Фемистокл, Аристид... То, что у всех у нас вошло теперь в привычку, – выступая, держать руку снаружи (τὸ τὴν χεῖρα ἔξω ἔχοντες), – это казалось им тогда чем-то дерзким (θρασύ τι), и они остерегались

³⁰ Об изображении Фукидидом Клеона см.: Woodhead A. G. Thucydides' Portrait of Cleon // *Mnemosyne*. 1960. Vol. 13. Fasc. 4. P. 289–317 (весьма влиятельная статья, вызвавшая дискуссию: Pritchett W. K. The Woodheadean Interpretation of Kleon's Amphipolitan Campaign // *Mnemosyne*. 1973. Vol. 26. P. 376–386; Spence I. G. Thucydides, Woodhead, and Kleon // *Mnemosyne*. 1995. Vol. 48. Fasc. 4. P. 411–437); Biles Z. P. Thucydides' Cleon and the Poetics of Politics in Aristophanes *Wasps* // *Classical Philology*. 2016. Vol. 111. P. 117–138. Автор этой последней статьи в связи с Клеоном говорит о «поэтике политики», а нам кажется, что в данном контексте следовало бы рассуждать о «риторике политики».

³¹ Пожалуй, все-таки «к приличиям» (в оригинале τοῦ πρέποντος).

³² В связи с речью Эскина против Тимарха см.: Olding G. Myth and Writing in Aeschines' *Against Timarchus* // *Politics of Orality*. Leiden; Boston, 2007. P. 155–170; Bultrighini U. Dal Menone alla Contro Timarco: strategie del conformismo // In ricordo di Dino Ambaglio: Atti del convegno. Università di Pavia, 9–10 dicembre 2009. Pavia, 2011. P. 57–77; Spatharas D. Sex, Politics, and Disgust in Aeschines' *Against Timarchus* // *The Ancient Emotion of Disgust*. Oxf., 2017. P. 125–139.

(εὐλαβοῦντο) это делать. Я думаю, что могу показать вам прямое, вещественное доказательство этого. Я уверен, что все вы в свое время бывали на Саламине и видели там статую Солона. Вы сами можете подтвердить, что на площади у саламиниян водружена статуя, изображающая Солона держащим руку под плащом (ἐντὸς τὴν χεῖρα ἔχων). Это, граждане афиняне, живое воспроизведение манеры и позы, с которой Солон выступал перед афинским народом. Обратите же внимание, граждане афиняне, насколько Солон и те мужи, о которых я упомянул немного ранее, отличались от Тимарха. Ведь они стыдились даже руку держать снаружи при выступлении (ἡσχύνοντο ἔξω τὴν χεῖρα ἔχοντες λέγειν), а этот не когда-то там раньше, но буквально на днях, сбросив плащ, голый, словно борец³³, бесновался в народном собрании (ῥίψας θοῖμάτιον γυμνὸς ἐπαγκρατίζεν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ) (Aeschin. I. 25–26; перевод Э. Д. Фролова).

Не думаем, что Тимарх на самом деле разгуливал нагишом по экклесиастерию; скорее всего, здесь перед нами риторическое преувеличение, а в действительности он попросту приспустил гиматий с плеч еще сильнее, чем до него Клеон. Что же, парадоксальным образом приходится говорить даже об элементах стриптиза в политике демократических Афин? Похоже, что так; не следует, в конце концов, забывать о том, что античные греки доэллинистического времени эстетически ценили прежде всего обнаженное *мужское* тело (а на репутации Тимарха как лица, проституированного – в самом прямом смысле – с юных лет, Эсхин и построил всю свою систему аргументов).

Возвращаясь к античности, отметим, что, в общем-то, применительно к Афинам в источниках выстраивается следующая парадигма: консервативные политики сдержанны в своих жестах, радикальные же политики в жестах, напротив, развязны³⁴. Речь идет о жестах не только в прямом, узком, но также и в самом широком значении слова. Вернемся к тому же Клеону:

Афиняне... охотно шутили над его легкомыслием и сумасбродством (εἰώθεσαν αὐτοῦ τὴν κοφύτητα καὶ μανίαν φέρειν μετὰ παιδιᾶς). Как-то раз, говорят, было созвано народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе

³³ В оригинале Тимарх сравнивается даже не с борцом, а с панкратиастом – представителем еще более brutального вида спорта.

³⁴ Естественно, необходимо подчеркнуть условность этой парадигмы, этой оппозиции (в том числе и в плане жестикуляции) «консерваторы – радикалы». Она отражает прежде всего представления античных авторов, хотя, строго говоря, мы не взяли бы утверждать, что она совсем никак не соотносится с реальной действительностью. При обсуждении первоначального варианта данного исследования коллеги указывали нам, что в таком случае непонятно куда «приписать» Перикла, который плакал, защищая на суде Аспасию (это, бесспорно, тоже жест). По нашему глубокому убеждению, Перикл – политик-радикал, прямой предтеча Клеона. Это уже потом его стали воспринимать как консерватора – по контрасту с демагогами следующего поколения (такими, как Клеон, Клеофонт и т. п.).

в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове (ἐστεφανωμένον)³⁵ и предложил перенести собрание на завтра. «Сегодня мне некогда, – сказал он, – я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам». С хохотом (γέλᾶσαντας) афиняне встали со своих мест и распустили собрание (Plut. Nic. 7; перевод Т. А. Миллер).

Превзошел Клеона в этом отношении один из его преемников-демагогов – скандально известный Клеофонт. Он однажды на последнем этапе Пелопоннесской войны, когда спартанцы после поражения при Аргинусах предлагали заключить мирный договор на весьма приемлемых для Афин условиях, «явился в народное собрание³⁶ пьяный и одетый в панцирь (ἐλθὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεθύων καὶ θώρακα ἐνδεδυκώς) и помешал заключению мира» (Arist. Ath. pol. 34. 1; перевод С. И. Радцига). Здесь следует указать на наиболее демонстративный жест Клеофонта – появление в одном из ключевых для государственного бытия полиса мест, в экклесиастерии, частично вооруженным, причем в момент заседания народного собрания. Это само по себе являлось грубейшим нарушением всех и всяческих норм: во второй половине V в. разгуливали по гражданскому пространству с оружием разве что какие-нибудь периферийные этолийцы (Thuc. I. 5. 3)³⁷. Однако Клеофонт, похоже, в тот момент чувствовал себя совершенно безнаказанным, ибо был кумиром демоса. Впрочем, вскоре (в 404 г. до н. э., в период осады Афин и переговоров со Спартой об условиях мира) этот знаменитый демагог был-таки казнен, причем это стало следствием его очередного «жеста» – «он не явился в ряды гоплитов, желая отдохнуть (οὐκ ἦλθεν εἰς τὰ ὅπλα ἀναπαυσόμενος)» (Lys. XIII. 12). Иными словами, один из лидеров государства совершил прямое дезертирство, и при этом в какой-то предельно демонстративной, даже, можно сказать, издевательской форме.

³⁵ Венки – атрибут праздника, пирушки с друзьями, но уж никак не официального мероприятия. Таким образом, Клеон нарочито подчеркнул неформальный характер своего появления.

³⁶ Относительно недавно столь видный исследователь, как М. Хансен, высказался в пользу той идеи, что афинское народное собрание на самом деле называлось (вопреки общепринятому ранее мнению) не ἐκκλησία, а δῆμος, термин же ἐκκλησία означал заседание народного собрания (Hansen M. H. *The Concepts of Demos, Ekklesia, and Dikasthion in Classical Athens* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2010. Vol. 50. P. 499–536). Мы с этим, пожалуй, солидаризируемся.

³⁷ В Великой Греции рано сложился рассказ о том, как Залевк (или Харонд), задумавшись, вошел на агору с мечом и, обнаружив это, немедленно этим же мечом себя заколол, дабы понести наказание за нарушение закона. Анекдот, конечно; однако же весьма характерный анекдот.

* * *

Выше отмечалось, что «отчаянность» жестикуляции, которую приписывали политикам-радикалам, отчасти ассоциировали с манипуляциями с гимнастикой, с частичным обнажением тела. Понятно, что древнегреческая одежда в силу некоторых своих особенностей (отсутствие рукавов) действительно мешала мужчинам и (особенно) женщинам совершать интенсивные жесты руками (а в жестикуляции – если брать ее в узком смысле – и вправду задействованы в первую очередь руки).

Но о женщинах в рамках данного исследования речь больше уже не пойдет (кроме мужчин, переодетых в женщин, см. ниже). Вернемся к теме «жесты и демократичность». Из афинских политиков середины VI в. до н. э. в качестве «наиболее демократичного» (δημοτικώτατος) Аристотелем отрекомендован Писистрат³⁸ (Arist. Ath. pol. 13. 4). А ведь вся история жизни того же Писистрата чуть ли не целиком состоит из жестов разного рода. История о том, как он сам себя изранил, чтобы получить отряд телохранителей, вообще стала одним из популярных топосов античной традиции (например: Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 14; Diod. XIII. 95. 6; Plut. Sol. 30; Polyae. Strat. I. 21. 3; Diog. Laert. I. 49–50), хотя вот именно она у нас как раз вызывает серьезные сомнения в плане своей достоверности³⁹.

С другой стороны, вовсе не вызывают таких сомнений свидетельства о въезде Писистрата в Афины на колеснице в сопровождении рослой девицы, избравшей богиню (Herod. I. 60)⁴⁰, или о его «необычайном» (οὐ κατὰ νόμον, Herod. I. 61) половом общении со своей третьей супругой – юной Кесирой,

³⁸ Долго ждали специальной монографии о Писистрате. Наконец Б. Лейвелл после «пролегомена» (Lavelle B. M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, с. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993) выпустил таковую (Lavelle B. M. Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and “Democratic” Tyranny at Athens. Ann Arbor, 2005). И очень характерно, что уже в подзаголовке этой книги фигурирует «демократическая» тирания.

³⁹ Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 185–186.

⁴⁰ К трактовке этого эпизода см.: Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 40–50 (наиболее убедительная интерпретация, вводящая данный жест Писистрата в общекультурную традицию тогдашних эллинов); Boardman J. Herakles, Peisistratos, and the Unconvinced // Journal of Hellenic Studies. 1989. Vol. 109. P. 158–159 (менее убедительная интерпретация, ввиду своей чрезмерной конкретности, отождествления Писистрата именно с Гераклом, в то время как мыслимые ассоциации у зрителей могли быть и шире); Андреев Ю. В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 3–7 (совсем неубедительная интерпретация, ничем серьезно не аргументированная «привязка» Писистрата к аргоскому Диомеду).

дочерью Мегакла из рода Алкмеонидов⁴¹, или об изъятии им (после третьего прихода к власти в 546 г. до н. э.⁴²) оружия у афинян.

Этот последний эпизод Аристотелем (Arist. Ath. pol. 15. 4; перевод С. И. Радцига) описан так:

...отобрал Писистрат оружие у народа следующим образом. Устроив смотр войска у Тесейона, он пробовал обратиться к народу с речью и говорил недолго. Когда же присутствующие стали говорить, что не слышат, он попросил их подойти к преддверию Акрополя, чтобы могли лучше слышать его. А в то время как он произносил свою речь, люди, специально получившие такое распоряжение, подобрав оружие, заперли его в ближайшем здании – Тесейоне – и, подойдя, знаком сообщили об этом Писистрату. Окончив говорить о других делах, он сказал и об оружии – что по поводу случившегося не надо ни удивляться, ни беспокоиться, но следует возвратиться по домам и заниматься своими делами, а о всех общественных позаботится он сам (ἀπελθόντας ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι τῶν δὲ κοινῶν αὐτὸς ἐπιμελήσεσθαι πάντων)⁴³.

Может возникнуть вопрос: почему люди сложили оружие? А ответ на самом деле предельно прост. Комплект вооружения гоплита был очень тяжел, достигая в совокупности 26 килограммов (греческий талант), а то и больше. Далее, поскольку полисное ополчение совпадало с гражданским коллективом, устроенный Писистратом смотр войска органично «перетек» в народное собрание. Гражданам теперь не было никакого резона без нужды держать на себе нелегкое бремя, и, естественно, каждый, сняв оружие и доспехи, положил рядом. Ну, а потом получилось так, как и описано у Аристотеля⁴⁴: тиран, замислив хитрость, намеренно говорил негромко и издали. Люди, чтобы лучше слышать, подошли к нему ближе; при этом оружие с собой, конечно, никто

⁴¹ При определении имени этой жены Писистрата опираемся на старую, но полезную работу: *Shear T. L.* Koisyra: Three Women of Athens // *Phoenix*. 1963. Vol. 17. No. 2. P. 99–112. Менее убедительными нам представляются генеалогические построения в: *Lavelle B. M.* Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1989. Vol. 30. No. 4. P. 503–513.

⁴² Именно так! В свое время Ю. Г. Виноградов, занимаясь проблемами хронологии основания Херсонеса Таврического (*Vinogradov J. G.* Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 397–419), зачем-то внес ненужную неясность в этот вопрос, утверждая, что якобы третий приход Писистрата к власти состоялся в 529/528 г. до н. э., и ошибочно ссылаясь при этом на статью Ф. Хайдбюхеля (*Heidbüchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Attis // *Philologus*. 1957. Bd. 101. Ht. 1/2. S. 70–89); а между тем в указанной статье написано прямо противоположное.

⁴³ Прямая корреляция с Herod. I. 62 (в связи с битвой при Паллене): κελεύοντες καὶ ἀπιέναι ἕκαστον ἐπὶ τὰ ἑαυτοῦ.

⁴⁴ См. для пояснения также пассаж: *Polyaen.* I. 21. 2.

не понес, и оно осталось там, где лежало. Ведь не могли же афиняне предположить, что, пока они внимают Писистрату, за спинами у них его подручные тихонько соберут и спрячут «бесхозные» мечи, копья, щиты...

В одной из предыдущих работ⁴⁵ автор этих строк с сомнением отнесся к сообщениям источников о названном эпизоде. Однако ныне мы должны признать, что достаточных оснований для скептицизма по данному поводу нет, и скорректировать свою точку зрения. В целом подобного рода поступок хорошо укладывался в общую политическую линию Писистрата, которую Аристотель (Ath. pol. 15. 4) кратко, но метко характеризует вышеприведенными словами, вложенными им в уста самого тирана: ἀπελθόντας ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι τῶν δὲ κοινῶν αὐτὸς ἐπιμελήσεσθαι πάντων. Возможно, не лишним будет уточнить, что понимание «общественного» (κοινόν) являлось в условиях полиса необычайно широким. Оно, в частности, было шире понятия «политического» и включало последнее в себя⁴⁶. «Общественное» объединяло все виды коллективной деятельности, в сущности, всю сферу публичной жизни, которая в полисе (во всяком случае, для граждан) имела существенный приоритет над частной сферой. Κοινόν – это, помимо политики, также и религия, и военное дело, одним словом, всё, что относится к уровню полиса, а не ойкоса. А теперь эту публичную сферу брал (официально, если и не фактически) в свои руки единоличный правитель.

С другой стороны, мы, корректируя свой взгляд по конкретному вопросу о разоружении афинян Писистратом, при этом не отказываемся от своих прежних слов более общего характера:

Сообщается, что некоторые тираны предпринимали попытки разоружить гражданский коллектив. Но такие акции никогда не могли быть в полной мере эффективными. Во-первых, отсутствовал должный аппарат контроля (типа полиции, бюрократии и т. п.), который позволял бы правителю убедиться в том, что гражданине, раз сдав оружие, так и продолжают оставаться без него. Не мог же тиран закрыть все оружейные мастерские! Во-вторых, разоружение граждан означало фактическую ликвидацию полисного ополчения, а это делало государство в высшей степени уязвимым в случае любых внешних конфликтов⁴⁷.

Поэтому считаем, что вышеописанное мероприятие Писистрата следует относить скорее опять же к числу символических жестов, которые так любил этот деятель и которые позднейшими античными авторами, стоявшими уже на чисто рационалистических позициях, односторонне воспринимаются как хитроумные политические трюки. Символизм акции по разоружению граждан

⁴⁵ Суриков И. Е. Античная Греция: политики... С. 193.

⁴⁶ Schmitt-Pantel P. Collective Activities and the Political in the Greek City // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 199–213.

⁴⁷ Суриков И. Е. Античная Греция: политики... С. 161.

акцентируется еще и тем, что в рассказах о ней, содержащихся в нарративной традиции, фигурируют храмы. Причем здесь между двумя основными источниками – Аристотелем и Полиеном – есть определенное разногласие. Согласно первому, оружие было заперто в Тесейоне; второй же называет в данной связи храм Агравлы. Нам кажется, что именно эта вторая версия более аутентична, поскольку в содержательном плане она являет собой *lectio difficilior*, то есть труднее поддается объяснению.

Агравла (Аглавра), одна из чисто аттических мифологических героинь, воспринималась одновременно как «ипостась» Афины (богиня имела, наряду с другими эпиклезами, также и эпиклезу Аглавра). Согласно мифу об Аглавре и ее сестрах, дочерях царя Кекропа, Афина вручила им на хранение своего приемного сына Эрихтония в корзине, настрого запретив заглядывать туда. Девушки, однако, нарушили запрет. За это богиня наслала на них безумие, и они бросились со скалы. Впоследствии Аглавра почиталась в Эрехтейоне, там же, где стоял древний палладий. Излишне специально оговаривать, что Эрихтоний и Эрехтей – мифологические «дублиеты». Особенно интересно то обстоятельство, что Афина, поскольку по ее вине погибли царевны, вынуждена была пройти культовое очищение. Она совершила омовение в море, и именно в честь этого события был учрежден упоминавшийся нами выше праздник Плинтерии.

Солон, который был в преклонных годах, когда к власти приходил Писистрат, как раз тогда же совершил тоже крайне характерный жест. Известно, что престарелый Солон в 561 г. до н. э., когда возникла опасность установления тирании, встал с оружием у дверей своего дома (Arist. Ath. pol. 14. 2; Plut. Sol. 30; ср. Diog. Laert. I. 50). Иногда эту традицию считают анекдотической⁴⁸. Однако она обладает всеми чертами внутренней цельности и непротиворечивости, а также хорошо соотносится с законом Солона о стасисе⁴⁹. Судя по всему, законодатель совершил символический поступок, демонстрируя, что он выполнил собственный закон и сделал всё, что мог. Жест, заметим, выходит сдержанным, даже весьма сдержанным; это в какой-то степени может восприниматься даже как «отсутствие жеста», как некая статичная поза. Пассивность можно, безусловно, отчасти списать на возраст⁵⁰, хотя другая сторона того же эпизода – пресловутая умеренность: Солон античная традиция долго не считала радикалом⁵¹, «отцом

⁴⁸ Например: Семенов А. Ф. Солон во всеоружии // Гермес. 1908. Т. 2. № 1. С. 23–25.

⁴⁹ Суриков И. Е. Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторический контекст // Вестник истории, литературы, искусства. 2009. Т. 6. С. 239–252.

⁵⁰ Ср. античный топос о сдержанности всего поведения стариков: Arist. Rhet. II. 1389b13 sqq.

⁵¹ Хотя есть мнение, что в действительности он как политический деятель был радикальнее, чем обычно полагают. См., например: Gottesman A. Solon's Fox: Poetry and

афинской демократии» он был провозглашен достаточно поздно (в основном усилиями ораторов IV в. до н. э.⁵²).

Впрочем, когда Солон был помоложе, он тоже подчас решался на нетрадиционные жесты. Наиболее хрестоматийным является следующий. По сообщениям целого ряда авторов – Демосфена (XIX. 252), Плутарха (Sol. 8 sqq.), Полиена (I. 20. 1), Юстина (II. 7. 9 sqq.), Фронтин (Strat. II. 9. 9), Элиана (Var. hist. VII. 19) и Диогена Лаэртского (I. 46 sqq.), Солон инициировал войну Афин с Мегарами за Саламин, для чего написал пронизанную боевым духом элегию (Sol. fr. 2 Diehl), а затем сам возглавил афинские вооруженные силы в этом конфликте и добился перехода спорного острова под афинское владычество⁵³.

В связи с этим эпизодом хотелось бы обратить внимание на некоторые значимые детали. Прежде всего, для того, чтобы продекламировать свою «саламинскую» элегию на афинской Агоре, Солон притворился сумасшедшим⁵⁴. Сам этот факт сомнений не вызывает, а вот его интерпретация, предлагаемая вышеназванными античными авторами (кстати говоря, в большинстве своем довольно поздними), кажется, некорректна: якобы афиняне до того были измучены длительной борьбой с Мегарами за Саламин, что законодательно запретили кому-либо из граждан поднимать вопрос о ее возобновлении.

Помимо того что само издание подобного закона вызывает серьезные сомнения (другие аналогичные случаи нам неизвестны), данная версия никак

Revolution in Archaic Athens // *Pomoerium*. 1998. Vol. 3. P. 19–25; *Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge, 2005.

⁵² *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; *Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99; *Carey C.* Solon in the Orators // *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. B.; Boston, 2015. P. 111. Впрочем, ныне вопрос о Солоне как основоположнике демократии вновь активно обсуждается (*Leduc C.* La représentation «aristotélicienne» de la *politeia* de Solon: la politique «dans» le domestique // *Ktema*. 1998. Vol. 23. P. 415–422; *Tsigarida I.* Solon – Begründer der Demokratie? Bern, 2006; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007; *Lewis J. D.* Solon the Thinker: Political Thought in Archaic Athens. L., 2006; *Sagstetter K. S.* Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant? Diss. Univ. of Pennsylvania, 2013). Впрочем, историография буквально по всем вопросам, связанным с Солоном, колоссальна (за последние несколько десятков лет о нем одних только монографий вышло, наверное, больше, нежели о любом другом античном афиняnine), и здесь в наши планы не входит ее сколько-нибудь обильно цитировать.

⁵³ К контексту эпизода (в котором фигурирует, как увидим далее, и вышеупомянутый Писистрат) см.: *Frost F. J.* Solon and Salamis, Peisistratos and Nisaia // *Ancient World*. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 133–139.

⁵⁴ См. об эпизоде: *Irwin E.* The Transgressive Elegy of Solon? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 40 ff.

не объясняет поведение Солона. Он симулировал психическое заболевание для того, чтобы избежать наказания? Однако в древнегреческом праве столь ранней эпохи, несомненно, не существовало еще понятие невменяемости, освобождающей от кары. Иными словами, если бы Солон действительно нарушил закон, он был бы наказан, и не спасло бы никакое сумасшествие (тем более что быстро выяснилось бы, что сумасшествие это – мнимое).

Очевидно, причину симуляции следует искать в чем-то ином. Как нам представляется (мы, разумеется, отнюдь не настаиваем на безусловной верности этого предположения, выдвигаем его чисто в порядке гипотезы), Солон подобным демонстративным, символическим жестом⁵⁵ подчеркивал необычность своего поведения в тот момент. Сograждане, хорошо знавшие Солона, не могли представить себе, чтобы он в нормальном состоянии прибегнул к «риторике ястреба»⁵⁶. Не надень он, пусть на краткое время, маску притворного безумия – афиняне просто не поняли бы его, он слишком далеко отошел бы от их ожиданий по поводу того, что из уст этого политика можно услышать⁵⁷.

Война Афин с Мегарами за Саламин, в которой не только словом, но и делом отличился Солон, не была гоппитской войной, и исход ее решался не в столкновениях фаланг. Она велась на море; более того, главную роль в этом затянувшемся⁵⁸ вооруженном конфликте сыграли неоднократно использовавшиеся вначале Солоном, а затем Писистратом военные хитрости, *μηχαναί*. Об одной из них особенно настойчиво, с некоторыми расхождениями, повторяют источники. Приведем основные свидетельства, поскольку, как увидим, они имеют самое непосредственное отношение к теме нашей работы, хоть на первый взгляд это и не бросается в глаза.

⁵⁵ О важности символических форм поведения в архаической Греции см. в программной статье: *Connor W. R. Op. cit.*

⁵⁶ В произведениях Солона, несмотря на раннее время их создания, присутствуют уже, как убедительно показала М. Нуссия, элементы достаточно изощренной риторики: *Noussia M. Strategies of Persuasion in Solon's Elegies // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 134–155.* Разумеется, исследовательница вполне отдает себе отчет в том, что применительно к архаической эпохе следует говорить скорее о «проториторике»: риторика как таковая появляется в V в. до н. э., прежде всего в связи с интеллектуальной деятельностью Горгия (*Romilly J. de. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, MA, 1975. P. 1 ff.; Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485.*

⁵⁷ О том, какое малое воистину место занимает «военная риторика» в поэзии Солона, см.: *Суриков И. Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010. С. 27–54.*

⁵⁸ Судя по всему, с рубежа VII–VI вв. до 560-х гг. до н. э. См.: *Суриков И. Е. Античная Греция: политики... С. 119, 182.*

Плутарх (Sol. 8; перевод С. И. Соболевского):

Солон поехал морем вместе с Писистратом на Колиаду. Там он застал всех женщин приносящими жертву Деметре по древнему обычаю. Он послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарянам, если они хотят захватить афинских женщин из лучших домов, как можно скорее ехать с ним на Колиаду. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда Солон увидал, что корабль отчаливает от острова, он велел женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, приказал надеть их платья, головные уборы и обувь, спрятать под платьем кинжалы, играть и плясать у моря (*τὰς μὲν γυναικὰς ἐκποδὼν ἀπελθεῖν ἐκέλευσε, τῶν δὲ νεωτέρων τοὺς μηδέπω γενειῶντας ἐνδύμασι καὶ μίτραις καὶ ὑποδήμασι τοῖς ἐκείνων σκευασμένους καὶ λαβόντας ἐγχειρίδια κρυπτὰ παίζειν καὶ χορεύειν προσέταξε πρὸς τῇ θαλάττῃ*), пока неприятели не выйдут на берег и пока афиняне не завладеют кораблем. Между тем, обманутые их видом мегаряне, пристав к берегу, наперебой стали выскакивать из корабля, приняв их за женщин. Ни один из них не спасся; все погибли. А афиняне поплыли на Саламин и овладели им.

Полиен (I. 20. 2; перевод О. Ю. Владимирской):

Была война у афинян и мегарцев за Саламин. Солон отплыл к Колиаде; там женщины устраивали праздник в честь Деметры у самого моря. Солон отправляет перебежчика, чтобы он сообщил мегарцам: «Если к Колиаде вы поплывете, то захватите афинских женщин, пляшущих в хороводе; но не медлите». Мегарцы верят обману. Итак, они поплыли; Солон же приказывает, чтобы женщины ушли. А безбородых юношей, наряженных в женские одежды, надевших венки и вооруженных скрытыми под одеждой кинжалами, он поставил на морском берегу играть и водить хороводы (*Σόλων δὲ τὰς γυναικὰς ἀναχωρῆσαι κελεύει, μειράκια δὲ ἀγένεια ταῖς τῶν γυναικῶν ἐσθῇσι κεκοσμημένα, στεφάνους περικείμενα, κρυπτοῖς ἐγχειρίδιοις ὠπλισμένα παρὰ τὴν ἡῖονα παίζειν καὶ χορεύειν ἔταξεν*). Мегарцы, обманутые видом безбородых юношей и женской одеждой, сойдя с кораблей, попытались схватить этих будто бы женщин, а они, обнажив кинжалы, вместо женщин оказались очень даже мужчинами: врагов убили, на корабли взошли, Саламином овладели.

Юстин (II. 8. 1–5; перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского):

Между тем мегаряне не забыли о войне, которую начали против них афиняне и, боясь, как бы не показалось, что они, мегаряне, воевали без всякого успеха, садятся на корабли, намереваясь захватить афинских женщин ночью во время элевсинских таинств. Афинский вождь Писистрат, узнав об этом, сажает в засаду юношей и приказывает женщинам справлять празднество, как обычно, с шумными кликами, даже и тогда, когда враги приблизятся, чтобы те не догадались,

что замысел их открыт. Когда мегаряне, ничего не подозревая, сошли с кораблей, Писистрат напал на них и их уничтожил. Затем он тотчас же на захваченных кораблях поплыл в Мегары, посадив кое-где между воинами женщин, чтобы их сочли за пленниц. Когда мегаряне узнали свои корабли как по их наружному виду, так и по тому, что увидели на них ожидаемую добычу, они выбежали к гавани встретить их. Писистрат перебил мегарян и едва не захватил город.

Фронтин (Strat. II. 9. 9; перевод А. Б. Рановича):

Афинянин Писистрат захватил флот мегарцев, на котором те подплыли ночью к Элвсину, чтобы захватить занятых исполнением мистерий афинянок. Отомстив им жестоким избиением, он посадил на эти самые захваченные суда афинских воинов и поместил на виду несколько почтенных женщин, якобы пленниц. Мегарцы, обманутые видимостью, толпою вышли навстречу, думая, что это их корабли возвращаются, да притом с успехом, и, безоружные, вновь были разгромлены.

Элиан (Var. hist. VII. 19; перевод С. В. Поляковой):

Солон, стоя во главе афинян во время войны за остров Саламин, отбил два мегарских корабля, отдал их под команду афинян, передел воинов в одежду, снятую с врагов, и, достигнув Мегар, перебил в городе много народа, так как мегарцы не распознали военной хитрости и потому не вооружились.

Как видим, за много веков, прошедших между афино-мегарской войной и временем жизни всех пяти процитированных писателей, эпизод, о котором идет речь, стал передаваться со значительными вариациями, что, конечно, порождает ряд проблем. Неясно даже, Солону или Писистрату нужно приписывать данную стратегию; источники в этом отношении не согласны друг с другом. Впрочем, вполне вероятно, что ближе всех к истине Плутарх, ставящий в своем рассказе имена этих двух государственных мужей рядом. Доподлинно известно из гораздо более достоверных авторов (Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 14. 1), что Писистрат, как и Солон, участвовал в войне с Мегарами (несомненно, уже на ее последнем этапе) в качестве полководца; собственно, именно это и стало первой причиной возрастания влияния будущего тирана. Солон и Писистрат, находившиеся, кстати, в родственных отношениях, долгое время действовали в политике как союзники. Не будет ничего невероятного в предположении, что описанную военную хитрость против мегарян задумал Солон, а Писистрат ее непосредственно воплотил в жизнь.

Из приведенных свидетельств наименее достоверным представляется сообщение Элиана. В нем, судя по всему, имеет место контаминация двух событий: интересующего нас, с переодеванием, и другого – с захватом мегарского корабля. О последнем подробнее также повествует Плутарх (Sol. 9), который, со своей стороны, не смешивает эти эпизоды.

Остальные четыре рассказа четко группируются по двум парам: Плутарх и Полиен, Юстин и Фронтин. Два первых совпадают между собой до деталей, два вторых – тоже, а вот друг от друга эти пары существенно отличаются. Несомненно, следует говорить о двух конкурирующих традициях. И более аутентичной из них представляется, бесспорно, та, которая отразилась у Плутарха и Полиена. Другая традиция, представленная Юстином и Фронтином, содержит как минимум одну очень грубую ошибку, серьезно подрывающую доверие и ко всей излагаемой ими версии. А именно: стратегема, главную роль в которой играет попытка захвата женщин, никак не может приурочиваться к Элевсинским мистериям, в которых участие не ограничивалось по половому принципу, а только к какому-то чисто женскому празднеству. Несомненно, речь может идти только о Фесмофориях, поскольку в первый день Фесмофорий обряды происходили как раз на мысе Колиаде, в Фалерской гавани⁵⁹.

Что же главное в наиболее достоверных свидетельствах? Мотив, связанный с *переодеванием мужчин-воинов в женщин*. И думается нам, что здесь с большим основанием следует говорить не столько о банальном трюке, направленном на обман противника, сколько об актуализации некоего архаичного ритуала⁶⁰. Смутные отголоски этого, кстати, прослеживаются и в сообщениях менее достоверных, искажающих факты. В них появляются то женщины (но без переодевания), то переодевание (но без женщин), а Плутарх и Полиен дают наиболее полную и внутренне согласованную картину.

Принимая на себя женское обличье, но при этом оставаясь воинами, молодые афиняне как бы уподоблялись Афине – в одном лице женщине и воину. Припоминается, кстати, интересная параллель. Древний кумир Афины раз в год, во время праздника Плинтерий раздевали и омывали. Вскоре после этого происходило главное афинское торжество в честь этой богини, в ходе которого статуе подносили новый пеплос. Всё это факты хорошо известные, а нам хотелось бы только заметить, что для омовения статую отвозили на берег моря, хотя чисто утилитарной надобности для такой поездки совершенно не существовало: вполне можно было бы омыть статую и в храме. У моря, как мы помним, разыгрался и упоминавшийся выше эпизод с переодеванием. Причем

⁵⁹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 132.

⁶⁰ Для реконструкции, следующей ниже, мы здесь приводим аргументацию наших тезисов лишь в сокращенном, неполном виде, поскольку подробно развернули их в другом месте (Суриков И. Е. Воительница Афина...); было бы и бессмысленно и неэтично полностью повторять самого себя, поэтому тут мы ограничились «выжимкой», а для детальных, системно построенных доводов, на которые мы опираемся, отсылаем желающих к только что упомянутой работе.

он имел место в той же Фалерской гавани, в которой происходило омовение статуи Афины⁶¹.

Целый ряд деталей различного характера начинает связываться в единую цепочку... Ключевым в ней оказывается представление, что афинский полис спасаем от внешних врагов женщиной-воином, богиней Афиной. Соответственно, для достижения успехов на полях сражений нужно не столько самим проявлять храбрость и доблесть, сколько добиться помощи от божественной покровительницы. Сделать это можно было, конечно, несколькими способами; в частности, в рамках мифолого-магических представлений (с характерными для них сложными ассоциативными связями по смежности, сходству или даже противоположности) одним из вполне резонных средств воздействия на божество мог быть именно такой: чтобы пришла на подмогу богиня-воин, мужественная и мужеподобная женщина, мужчины-воины должны посредством переодевания принять женское обличье, причем сделать это в том же месте, где обычно «купается», обнажившись, сама Афина.

Между прочим, ассоциативную связь между мотивами купания Афины и смены пола встречаем мы совсем в другом – фиванском мифологическом цикле, в связи с легендами о пророке Тиресии. По одной из версий, он увидел как-то раз купающуюся Афину и был за это ею ослеплен; по другой – ударил палкой спаривающихся змей и в наказание стал на семь лет из мужчины женщиной, а потом – опять мужчиной⁶². Похоже, здесь произошло раздвоение базовой мифологемы, в которой Тиресия покарали временным ношением женского облика за лицемерие купания Афины.

Кстати, в другом месте⁶³ мы отмечаем, что как в стихах Солона, так и в его законодательстве ярко отразилась подчеркнуто маскулиная гендерная идеология. В стихах афинского мудреца женщина практически и вовсе не присутствует. В его же законах она очень даже присутствует, но в каком качестве? Иными словами, какую «сверхзадачу» несут солоновские меры, относящиеся к «слабому полу»? Уж точно не улучшить положение этого последнего. Напротив – сделать его (при всей важности выполняемых им функций) как можно более незаметным⁶⁴. Позиция Солона уже предвосхищает позицию Перикла: та женщина самая лучшая, о которой всего меньше говорят мужчины

⁶¹ Латышев В. В. Указ. соч. С. 142.

⁶² Ярхо В. Н. Тиресий // Мифологический словарь. М., 1990. С. 528.

⁶³ Суриков И. Е. Гендерный аспект поэзии и законодательства Солона // Scripta antiqua. Т. 5. М., 2016. С. 233–266.

⁶⁴ См., например, в связи с законодательством Солона о погребениях: Blok J. H. Solon's Funerary Laws: Questions of Authenticity and Function // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 197–247.

(Thuc. II. 45. 2)⁶⁵. Как поэт-законодатель в целом ряде других отношений выступил в качестве деятеля, заложившего фундамент классической афинской демократии⁶⁶, так он стал и первым ярким представителем ее гендерной идеологии – по своему характеру⁶⁷, повторим, маскулинной и даже гипермаскулинной.

А в то же время в эпизоде с захватом Саламина постоянен, как мы видели, в сообщениях источников этот самый мотив гендерной инверсии с неизменным переодеванием, своеобразным «трансвестизмом». Ниже мы еще вкратце вернемся к данному эпизоду.

* * *

Д. Латеинер, автор упоминавшейся выше большой статьи о невербальных способах коммуникации в труде Геродота, выделяет следующие пять видов таковых⁶⁸: ритуализованные жесты, обуславливающие социальное поведение индивида (оплакивание, погребение, молитвы, но также и столь простые, повседневные формы, как танцы, пиры и т. п.); неформальные, но вполне сознательные жесты, как кивок головой в знак согласия или отстранение от чрезмерно приблизившегося собеседника; невольный «язык тела», не обусловленный напрямую сознанием, имеющий место в кризисных ситуациях (в качестве при-

⁶⁵ О маргинализации женщин в Афинах см.: *Cagriota D.* Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // *Periclean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 2005. P. 89–102; *Pomeroy S. B.* Women and Ethnicity in Classical Greece: Changing the Paradigms // *A Companion to the Classical Greek World*. Oxf., 2006. P. 350–366; *Patterson C.* Other Sorts: Slaves, Foreigners, and Women in Periclean Athens // *The Cambridge Companion to the Age of Pericles*. Cambridge, 2007. P. 153–178; *Balot R. K., Atkinson L. M.* Women and Slaves in Greek Democracy // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxf., 2015. P. 389–404. О том, как свое отношение к женщинам Перикл проявлял в своей законодательной деятельности (имеется в виду закон о гражданстве 451/450 г. до н. э.), см.: *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // *Past & Present*. 1997. No. 155. P. 3–33; *Blok J. H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170 (особенно важная работа!); *Coşkun A.* Weitere Überlegungen zu den Voraussetzungen und Folgen des Perikleischen Bürgerrechtsgesetzes: Nataralisierung und Epigamie im Klassischen Athen // *Klio*. 2013. Bd. 95. Ht. 2. S. 391–404.

⁶⁶ См. детальный анализ его вклада: *Ste. Croix G. E. M. de.* Athenian Democratic Origins and Other Essays. Oxf., 2005. P. 73 ff.; *Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Op. cit. P. 49 ff. В связи конкретно с областью семейного права см.: *Lape S.* Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form // *Classical Journal*. 2002/2003. Vol. 98. No. 2. P. 117–139.

⁶⁷ Об этом характере (с диахронным анализом) см.: *Суриков И. Е.* Динамика гендерной ситуации в аристократических и демократических Афинах // *Адам и Ева*. 2007. № 14. С. 87–112.

⁶⁸ *Lateiner D.* Op. cit. P. 85–87.

мера Латейнер приводит истерический смех «женихов» Пенелопы, когда Одиссей расстреливает их из лука, но нам, вообще говоря, не казалось бы нужным выделять такие положения в отдельную категорию, мы охотнее присоединили бы их к следующей); жестикуляция на уровне подсознания (Латейнер упоминает здесь слезы, а нам вот еще приходят в голову конвульсии корчащегося на дыбе...); использование предметов как знаков невербальной коммуникации (Одиссей в одежде нищего) – этот пункт тоже представляется нам избыточным.

В целом чрезмерно сложную классификацию, приведенную выше, мы бы упростили, сократили с пяти до трех градаций: 1) жесты сознательные и ритуализованные; 2) жесты сознательные, но неритуализованные, индивидуальные; 3) жесты бессознательные. В связи с «риторикой жеста» в данной работе шла речь в основном о жестах второй категории, ибо лишь ими могла проявлять себя личность (все люди в равной мере одинаково отдают последний долг умершему или кричат при пытках, коль скоро уж такое пришло...). Надеемся, нам удалось показать: в рамках культуры сознательных неритуализованных жестов жесты более умеренные соотносились с политической позицией, которая представлялась также более умеренной, жесты несдержанные – с радикальной позицией. Когда молодой Алкивиад отрубил хвост своей великолепной собаке (Plut. Alc. 9), он уже, так сказать, делал этим некую «заявку»⁶⁹.

В начале этой главы речь шла о Гипериде, политике чрезвычайно радикальном (по сравнению с ним даже Демосфен или Ликург были, так сказать, образцами «умеренности»). О «жесте», завершившем его жизнь, сообщается в вышеупомянутых «Жизнеописаниях десяти ораторов» Псевдо-Плутарха:

Когда его привезли в Коринф к Антипатру и подвергли пыткам, он сам откусил себе язык, чтобы не выдать никаких тайн своего государства (βασιανίζόμενος, διέφαγε τὴν γλῶτταν, ὥστε μηδὲν ἐξειπεῖν τῶν τῆς πόλεως ἀπορρήτων)... Гермипп же говорит, что Гиперида привезли в Македонию, отрезали язык (γλωττομηθῆναι) и бросили без погребения... Другие говорят, что Гиперид умер в Клеонах, куда его увезли вместе с остальными, что там ему отрезали язык (γλωττομηθῆναι)... (Ps.-Plut. Vit. X or. 849bc; перевод Л. М. Глускиной).

Честно говоря, трудно представить, как можно откусить собственный язык (хотя его можно заглотить). Тем не менее этот жест является достаточно популярным топосом в древнегреческой традиции, обычно в контексте борьбы с тиранией. Его приписывали, например, философам Зенону Элейскому (при пытках он «наконец отгрыз себе язык и выплюнул его тирану в лицо», ἀποτραχόντα τὴν γλῶτταν προσπύσαι αὐτῷ, Diog. Laert. IX. 27; перевод

⁶⁹ Ср. совершенно превратную трактовку этого эпизода в: *Зберовский А. В.* Демократические традиции политической культуры Древней Греции VIII–V веков до н. э.: исследование философии культуры и политики античных демократий. Красноярск, 2014. С. 166.

М. Л. Гаспарова) и Анаксарху Абдерскому. Последний менее известен; он жил во времена Александра Македонского и как-то приехал ко двору своего врага Никокреонта, последнего царя Саламина Кипрского⁷⁰. Тот начал его пытаться. «А когда Никокреонт приказал вырезать ему язык, то он, говорят, сам его откусил и выплюнул тому в лицо (κελεύσαντος δὲ τοῦ Νικοκρέοντος καὶ τὴν γλῶτταν αὐτοῦ ἐκμηθῆναι, λόγος ἀποτραγόντα προσπτύσαι αὐτῷ)» (Diog. Laert. IX. 59; перевод М. Л. Гаспарова).

В биографии Демосфена Плутарх как таковой (т. е. не Псевдо-Плутарх) всё же пишет об урезании Гипериду перед смертью языка (ὑπερείδου δὲ καὶ τὴν γλῶτταν ἐκμηθῆναι ζῶντος λέγουσι, Plut. Demosth. 28), а не о том, что он сам себе его откусил. Но отметим еще, что в том же жизнеописании содержится подробный рассказ о предсмертном жесте (на этот раз, судя по всему, действительно вполне достоверном), который был совершен самим Демосфеном⁷¹. Последний в 322 г. до н. э. укрывался в храме (на Калаврии) от преследователей, но, когда понял, что ему не уйти, принял яд, который хранил при себе в своем каламе. И притом не упустил случая сыграть перед тем свою последнюю «игру» (обратим внимание, насколько насыщен словами с ὑποκρι-соответствующий пассаж, Plut. Demosth. 28–29), вдоволь поиздевавшись над прибывшим взять его македонским агентом Архием – то ли бывшим актером, то ли бывшим оратором, как чрезвычайно характерно оговаривает Плутарх.

Когда автор этих строк в 2017 г. делал доклад на ту же тему в РГГУ, доцент Д. И. Антонов в ходе дискуссии после выступления поставил вопрос так: можно ли считать жестами поступки, которые совершались не в *риторических*, то есть не в демонстративных, а в ситуативных, функциональных целях? Иными словами, не смешиваем ли мы две разные материи? Мы тогда ответили (и теперь по-прежнему хотели бы на этом настаивать), что одно другому не противоречит: в жесте, поступке вполне могут сочетаться прагматическая сторона со стороной символической. Так, взятие Солоном Саламина при помощи юношей, переодетых в женщин, с одной стороны, конечно, является стратегемой; с другой же стороны, выше отмечалось, что тут ощущаются и аллюзии на некий древний ритуал (подчеркнем, именно символизированные аллюзии на ритуал, а не воспроизведение ритуала, так что этот жест неправомерно относить к категории «ритуальных»). Или: Демосфен покончил с собой, дабы его не подвергли перед казнью жестоким пыткам, если он живым попадет в руки врагов, – это прагматика. А вот театрализация им самоубийства – это уже символика, риторика жеста.

⁷⁰ О котором см.: Christodoulou P. Nicocréon, le dernier roi de Salamine de Chypre: Discours idéologique et pouvoir politique // Cahiers du Centre d'Études Chypriotes. 2009. Vol. 39. P. 235–238.

⁷¹ Об эпизоде со смертью Демосфена см.: Worthington I. Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxf., 2013. P. 335 ff.

Раздел V

АНТИФОНТ: ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

НАРРАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРАТОРА АНТИФОНТА*

Афинский оратор Антифонт, сын Софила, из дема Рамнунт (ок. 480 – 411 до н. э.) был весьма заметной и яркой фигурой в общественной и культурной жизни Греции V в. до н. э. Он принадлежал к крупнейшим представителям античного ораторского искусства. Впоследствии Антифонт был включен в канон 10 великих древнегреческих ораторов (наряду с Демосфеном, Лисием, Исократом и др.)¹, причем из этой «десятки» он является самым ранним автором (и единственным, чья деятельность целиком разворачивалась на протяжении V в. до н. э.)². Кроме того, Антифонт являлся крупным политическим деятелем афинского полиса, идеологом олигархии, главой одной из влиятельных гетерий. Уже на закате своей карьеры, в 411 г. до н. э., он выдвинулся в государстве просто-таки на ведущее место. Антифонт стал одним из лидеров олигархического переворота, приведшего к власти известный режим Четырехсот³, а после установления этого режима играл в нем, по некоторым сведениям, фактически первенствующую роль. После свержения Четырехсот оратор смело и честно встретил свою судьбу. Он предстал перед судом по суровому обвинению в противозаконном захвате государственной власти и произнес великолепную, поразившую современников речь в собственную защиту (от этой речи, к сожалению, дошли лишь незначительные фрагменты). Однако участь Антифонта, разумеется, была предрешена. По сообщениям ряда источников, на которых мы подробнее остановимся ниже, он был приговорен к смерти и казнен.

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphontea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта») в: *Studia historica*. М., 2006. Т. 6. С. 40–68.

¹ Разумеется, по своему ораторскому мастерству Антифонт не может быть поставлен на один уровень с Демосфеном; но этот факт ни в коей мере не должен являться оправданием для невнимания к Антифону. Ср.: *Scheidweiler F. Antiphons Rede über den Mord an Herodes // Rheinisches Museum für Philologie*. 1966. Bd. 109. Ht. 2. S. 338.

² Ораторы из «канона десяти», стоящие ближе всего по времени к Антифону, – Андокид и Лисий. Но они только начали свою деятельность в V в. до н. э., в самом его конце, а в основном она проходила уже в следующем столетии. Творчество всех остальных представителей этого канона уже целиком приходится на IV в. до н. э.

³ См. наиболее фундаментальное исследование об этом режиме: *Hefner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt a. M., 2001.

В античности было известно 60 речей Антифонта (правда, 25 из них, то есть почти половину, наиболее авторитетные филологи исключали как неподлинные). На сегодняшний день сохранившееся наследие этого оратора включает 15 речей, причем это наследие довольно сложно структурировано. Во-первых, мы имеем 3 речи, написанные для реально имевших место судебных процессов: «Против мачехи» (речь I), «Об убийстве Герода» (речь V) и «О хоревте» (речь VI). Во-вторых, памятники, сохранившиеся в корпусе Антифонта под номерами II–IV, – это так называемые «Тетралогии». Насколько можно судить, они представляют собой риторические упражнения-образцы, предназначенные для использования в школе ораторского искусства. Каждая «Тетралогия» – комплекс из четырех речей (двух обвинительных и двух защитительных), якобы произносимых на некоем вымышленном суде. Перед нами – редчайшие для классической Греции примеры таких упражнений, дошедшие до нас, произведения уникального жанра. Высказывалось мнение, что «Тетралогии» в действительности не принадлежат Антифону⁴, но оно, насколько нам представляется, не имеет под собой по-настоящему серьезных оснований.

Все речи Антифонта – как реально произнесенные, так и учебные – принадлежат к одному и тому же, судебному роду красноречия. Более того, они в высшей степени близки и по тематике. Насколько можно судить, Антифонт – и как логограф, и как ритор-преподаватель – специализировался преимущественно на той сфере права, которая была связана с делами об убийствах⁵. И уж эту сферу он стремился изучить максимально скрупулезно. Достаточно упомянуть в данной связи, что в трех «Тетралогиях» для целей обучения автором придуманы процессы, на которых обвиняемому инкриминируется соответственно умышленное убийство, неумышленное убийство и убийство, которое по законам считалось неподсудным ввиду особых обстоятельств. Иными словами, предметом систематического рассмотрения становятся все три основных вида убийства, какие различало афинское право. Об убийствах идет речь и во всех остальных речах интересующего нас оратора.

Произведения Антифонта представляют собой ценный источник по различным сторонам истории классической Греции. В частности, наиболее детально в них отражен материал по афинскому праву (особенно уголовному), правосознанию, законодательству, судопроизводству (последнее особенно важно,

⁴ Например: *Mühl P. von der: Zu Unechtheit der antiphontischen Tetralogien // Museum Helveticum. 1948. Vol. 5. Fasc. 1. P. 1–5. Аргументы в защиту подлинности «Тетралогий» см.: Zuntz G. Once Again the Antiphontean Tetralogies // Museum Helveticum. 1949. Vol. 6. Fasc. 2. P. 100–103.*

⁵ *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. 293.* Такая узкая специализация для афинского оратора была явлением редким, но не исключительным. Например, Исей специализировался по наследственному праву.

поскольку судебная система и судебная практика Афин для V в. до н. э. изучена несравненно хуже, чем для следующего столетия). Значительная роль Антифонта в политической жизни, его взгляды как идеолога олигархии привлекают внимание к его речам, также как к памятникам общественной мысли такой кризисной эпохи, какой было время Пелопоннесской войны и антидемократических переворотов в афинском полисе.

Обратим внимание еще и на то, что Антифонт был одним из первых на греческой почве (и, пожалуй, первым на афинской) теоретиком и практиком публичного (особенно судебного) красноречия, мастером риторики как науки и искусства. Он оказывается, по сути, важнейшим (наряду с Горгием⁶) представителем первого этапа в становлении античного ораторского мастерства. Помимо прочего, этот автор – самый ранний афинский прозаик, чьи сочинения сохранились⁷. Учеником Антифонта традиция единодушно называет великого историка Фукидида, который, как мы увидим, дал восторженный отзыв о своем учителе.

Перечисленные обстоятельства демонстрируют, что всестороннее изучение как деятельности, так и наследия Антифонта весьма актуально для антиковедения. К отечественной науке об античности это относится в особенной степени. Дело в том, что в ней Антифонт находится в совершенно незаслуженном пренебрежении. Корпус его сочинений даже до сих пор не переведен на русский язык, и это, конечно, чрезвычайно прискорбно.

От V в. до н. э. дошли в целостном виде, а не в отрывках произведения, в общем, очень немногих греческих авторов, которых можно в прямом смысле слова пересчитать по пальцам. Это – поэты Пиндар, Вакхилид, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, прозаики Геродот, Псевдо-Ксенофонт, а также Фукидид и Андокид, которые находятся скорее уже на рубеже V–IV вв. до н. э.⁸ Вполне естественно, что каждый из этих немногочисленных авторов – буквально на вес золота. Разумеется, все они давно переведены на русский язык; для некоторых существует даже по несколько хороших переводов. Осталось одно исключение,

⁶ Роль Горгия в становлении древнегреческой риторики постоянно подчеркивается (например: *Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485*), в то время как роль Антифонта остается несколько «в тени».

⁷ Самым первым афинским прозаиком Ф. Якоби назвал мифографа и историка Ферекида (*Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S. 116 ff.*; о Ферекиде см. также: *Ruschenbusch E. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82. Ht. 2. S. 335–343*). Но от трудов Ферекида дошли лишь очень незначительные фрагменты. Современником Антифонта был анонимный автор Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики» (кстати, Антифонта нельзя исключать из числа возможных «кандидатов» на авторство этого памфлета).

⁸ Очевидно, V в. до н. э. следует датировать также некоторые, самые ранние трактаты Гиппократова корпуса.

и это именно Антифонт. По парадоксальному стечению обстоятельств он на сегодняшний день является тем единственным автором V в. до н. э., чье русско-го перевода пока не существует⁹. Причины этого нам непонятны; первого выдающегося афинского оратора как будто просто забыли. Перевод корпуса речей Антифонта является насущной необходимостью.

Антифонт и вообще не повезло в российской историографии. Практически нет посвященных ему исследований. Насколько нам известно, едва ли не единственным, кто специально занимался им в нашей стране, был В. К. Ернштедт — еще в XIX в.¹⁰, да и его Антифонт интересовал с сугубо филологической, даже палеографической точки зрения. У С. Я. Лурье есть ряд работ о софисте Антифонт, которого он не отождествлял с оратором Антифонтом¹¹. Кстати, этот вопрос — о тождестве или различии этих двух лиц — и поныне остается дискуссионным, ему посвящена на Западе достаточно обильная литература¹². Но мы здесь не будем касаться данного сюжета, поскольку он может и должен быть рассмотрен отдельно. Возможно, анализ информации, содержащейся в источниках, который мы планируем предпринять в настоящем исследовании, позволит сделать какие-то предварительные наброски к такому рассмотрению.

В целом в зарубежном антиковедении работ об Антифонт, безусловно, больше, чем в отечественном, но все-таки тоже не очень много: этот оратор и политик не принадлежит к историческим деятелям, вызывавшим у историков

⁹ Издавалась на русском языке только третья «Тетралогия» Антифонта, в издании: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. С. 431–437 (переводчик — С. П. Кондратьев). Для этого перевода характерны большие стилистические достоинства, но в то же время он содержит ряд неточностей.

¹⁰ *Jernstedt V. Observationes Antiphontaeae* // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 198. С. 1–29; *Ernstedtm B. K.* Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. 202. С. 113–136; Ч. 203. С. 151–192. Эти статьи (первая на латинском языке, вторая на русском) представляют собой чисто филологические интерпретации и замечания по поводу ряда пассажей в речах.

¹¹ *Лурье С. Я.* Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925; *Luria S.* Antiphon der Sophist // *Eos*. 1963. Vol. 53. Fasc. 1. P. 63–67. Из той же общей посылки о двух Антифонтах исходит и статья: *Luria S.* Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // *Hermes*. 1926. Bd. 61. Ht. 3. S. 343–348.

¹² См., например: *Avery H.* One Antiphon or Two? // *Hermes*. 1982. Bd. 110. Ht. 2. S. 145–158; *Pendrick G.* Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus // *Hermes*. 1987. Bd. 115. Ht. 1. S. 47–60; *Pendrick G.* The Ancient Tradition on Antiphon Reconsidered // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1993. Vol. 34. No. 3. P. 215–228; *Gagarin M.* The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1990. Vol. 31. No. 1. P. 27–44. Среди перечисленных авторов есть как «унитарии» (Эйвери, Гагарин), так и «разделители» (Пендрики).

живой интерес. Есть несколько исследований общего характера¹³, а также статьи, посвященные отдельным связанным с Антифонтom вопросам: хронологии его сохранившихся произведений¹⁴, его осуждению после свержения режима Четырехсот¹⁵. Отдельную категорию составляют работы об отдельных речах Антифонта, написанные филологами; их мы не будем здесь даже указывать, поскольку к биографическим вопросам они не имеют прямого отношения, а именно эти последние интересуют нас прежде всего.

В силу всего вышесказанного нам представилось уместным, дабы привлечь внимание российских ученых к фигуре Антифонта, рассмотреть основные проблемы его жизни и деятельности в серии статей. Ныне вниманию читателей предлагается первая из этих статей. В ней мы рассмотрим и проанализируем вещи наиболее первичные и основополагающие: нарративную традицию об Антифонтe, ее складывание и эволюцию. Иными словами, в работе будет содержаться в основном фактологический материал, и его сводка позволит в дальнейшем уже делать какие-то наблюдения и выводы концептуального характера. Свидетельства будут приводиться в хронологическом порядке; такой способ изложения представляется нам наиболее естественным и потенциально результативным.

* * *

Самое раннее упоминание об Антифонтe мы встречаем еще при его жизни, более того, еще до основных событий, ставших «пиком» деятельности этого политика. Аристофан в комедии «Осы» (поставлена в 422 г. до н. э.) говорит о симпози, на котором присутствовал главный герой пьесы Филоклеон (Aristoph. Vesp. 1300–1301):

Компанья Фриниха в гостях была: Гиппилл,
Ликон и Лисистрат, Фуфраст и Антифонт...¹⁶
Καίτοι παρῆν Ἰππύλλος, Ἀντιφῶν, Λύκων,
Λυσίστρατος, Θούφραστος, οἱ περὶ Φρύνιχον.

¹³ В том числе небольшие монографии: *Solmsen F.* Antiphonstudien: Untersuchungen zur Entstehung der attischen Gerichtsrede. В., 1931; *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984. См. также энциклопедическую статью, давнюю и довольно краткую, но все же содержащую главные сведения о биографии и наследии оратора: *Thalheim L.* Antiphon // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 1. 1894. Sp. 2527–2529.

¹⁴ *Dover K. J.* The Chronology of Antiphon's Speeches // *Classical Quarterly*. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 44–60.

¹⁵ *Ferguson W. S.* The Condemnation of Antiphon // *Mélanges Gustave Glotz*. P., 1932. T. 1. P. 349–366.

¹⁶ Перевод Н. Корнилова.

Этот маленький, всего в две строчки, пассаж позволяет тем не менее сделать несколько немаловажных замечаний. Обратим внимание, прежде всего, на то, что в цитированном отрывке рядом стоят имена Антифонта и Фриниха – другого видного лидера Четырехсот. Это, безусловно, не случайно: между двумя политиками, как видим, существовала близость уже задолго до олигархического переворота, в 420-х гг. до н. э. Далее, несмотря на то что Антифонту на момент постановки «Ос» было уже под шестьдесят, он фигурирует в комедии не как самостоятельная политическая фигура, а только как один из членов гетерии Фриниха (οἱ περὶ Φρύνιχον – техническое выражение)¹⁷. Однако из этого не следует делать вывод, что Антифонт занимал в общественной жизни полиса незначительное место. Как мы увидим ниже, он сознательно держался несколько в тени, не афишировал своего подлинного влияния и – по крайней мере, внешне – оставался на «вторых ролях» до тех пор, пока не пришло время решительных действий. Потому-то он и не позиционировал себя в качестве руководителя собственной гетерии; к таким людям всегда было привлечено пристальное внимание общественного мнения, а как раз такого внимания Антифонт не хотел. Он предпочитал находиться в положении незримого «мозгового центра» гетерии. Точно так же поступали и некоторые другие политики более раннего времени: Мнесифил при Фемистокле в 480-х гг. до н. э.¹⁸, Дамонид (или Дамон) при Перикле в 460–450-е гг.¹⁹

Первые посмертные упоминания об Антифонте (рубеж V–IV вв. до н. э.) тоже очень ненадолго отстоят от времени его жизни и деятельности и принадлежат авторам, которые еще застали его живым, – Фукидиду и Лисию. Свидетельства Фукидида имеют исключительное значение; их, по-видимому, следует вообще признать самыми важными во всей нарративной традиции об ораторе-олигархе. Ключевой пассаж (Thuc. VIII. 68. 1–2) необходимо привести полностью:

...Вдохновителем всего этого переворота, разработавшим план его осуществления уже с давних пор (ἄπαν τὸ πρᾶγμα ξυνθεῖς ὅτῳ τρόπῳ κατέστη ἐς τοῦτο

¹⁷ Строго говоря, нет стопроцентной уверенности в том, что перечисленные здесь лица – Антифонт, Лисистрат и др. – тождественны тем, кто назван οἱ περὶ Φρύνιχον; возможно, что эти последние находятся с названными ранее участниками в сочинительной связи, но это менее вероятно. Отметим еще, что в оригинале Антифонт стоит на втором месте, в переводе – на последнем. Впрочем, этому вряд ли стоит придавать принципиальное значение: скорее всего, такая расстановка в обоих случаях вызвана метрическими соображениями.

¹⁸ Frost F. J. Themistocles and Mnesiphilus // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20–25.

¹⁹ О проблеме Дамона-Дамонида см.: Raubitschek A. E. Damon // *Classica et mediaevalia*. 1955. Vol. 16. P. 78–83; Ritoók Z. Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // *Wiener Studien*. 2001. Bd. 114. S. 59–68.

καὶ ἐκ πλείστου ἐπιμεληθείς), был афинянин Антифонт. Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор (τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀρετῇ τε οὐδενὸς ὕστερος καὶ κράτιστος ἐνθυμηθῆναι γενόμενος καὶ ἃ γνοίῃ εἰπεῖν). В народном собрании и в суде он выступал неохотно (ἐς μὲν δῆμον οὐ παριῶν οὐδ' ἐς ἄλλον ἀγῶνα ἐκούσιος οὐδένα), ибо в народе его репутация красноречивого оратора вызывала подозрение. Тем же, кому приходилось вести дело в суде или в народном собрании, прибегая к его советам, он мог лучше всякого другого оказать помощь (πλείστα εἰς ἀνὴρ, ὅστις συμβουλευέσασαί τι, δυνάμενος ὠφελεῖν). Позднее, после свержения олигархии (когда правительство Четырехсот оказалось в опасности и его сторонники подверглись народному мщению) Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего времени²⁰.

Привлечем внимание к некоторым нюансам этой яркой характеристики. Фукидид не называет себя эксплицитно учеником Антифонта (этот факт становится нам известным из более поздних авторов); возможно, он не желал афишировать свои тесные связи со столь одиозной фигурой. В то же время, однако, в целом оценка Антифонта историком выглядит исключительно высокой; это почти панегирик. Мало о ком в труде скупого на похвалы Фукидида можно встретить столь однозначно положительный, безоговорочно хвалебный отзыв. Весьма интересным представляется свидетельство о том, что Антифонт был способен и готов помогать (ὠφελεῖν) согражданам в различных делах в суде и народном собрании. Вне сомнения, речь здесь идет о том, что Антифонт занимался ремеслом логографа. Правда, из приведенного пассажа нельзя извлечь информацию о том, делал ли он это за плату, как логографы последующего времени²¹, или же по соображениям идейной и личной близости, помогая только членам своей гетерии.

В другом месте (VIII. 90. 1–2) Фукидид рассказывает, что, когда внутри руководства Четырехсот произошел раскол на «крайних» и «умеренных» олигархов (последних возглавил Ферамен), Антифонт остался на стороне «крайних» (которые в конечном счете потерпели поражение). Он был убежденным сторонником скорейшего заключения мира с лакедемонянами «на любых скольконибудь приемлемых условиях» (παντὶ τρόπῳ ὅστις καὶ ὅπως οὖν ἀνεκτός). В конце концов Антифонт вместе с Фринихом встал во главе афинского посольства в Спарту, направленного именно с этой целью.

²⁰ Фукидид цитируется в переводе Г. А. Стратановского.

²¹ О становлении профессии логографа в Афинах см.: *Lavency M. Aspects de la logographie judiciaire à l'époque de Lysias // L'Antiquité classique. 1957. Vol. 26. № 1. P. 125–135.*

Этим исчерпываются сведения Фукидида об Антифонтe. Бросается в глаза, что историк не рассказывает собственно о самом осуждении оратора на смерть и его казни. Из текста Фукидида следует только, что Антифонт произнес на своем процессе блестящую защитительную речь, а чем закончился процесс – об этом ничего не говорится. Перед нами – одно из знаменитых «загадочных умолчаний» Фукидида²². В чем причина данного умолчания? Считал ли Фукидид казнь Антифонта чем-то всем известным и потому не нуждающимся в специальном упоминании? Или же он планировал написать об этом, но не успел, поскольку его труд, как известно, остался незавершенным?²³ В «Истории» изложение доводится до низложения Четырехсот и установления фераменовского режима Пяти тысяч (411 г. до н. э.), а вот до ликвидации этого последнего и полного восстановления демократии в Афинах (410 г. до н. э.) повествование не дошло. А между тем есть возможность, что суд над Антифонтom состоялся не в 411, а именно в 410 г., то есть только тогда, когда демос снова взял всю полноту власти в свои руки²⁴. Или же есть какая-то иная причина, по которой Фукидид не сообщает о казни Антифонта? Вопрос приходится оставить открытым.

А вот у современника Фукидида – Лисия – речь заходит как раз об этом самом судебном процессе Антифонта. Двенадцатая речь Лисия, направленная против Эратосфена, одного из «Тридцати тиранов», и произнесенная в 403 г. до н. э., является одним из лучших источников об олигархических переворотах в Афинах в конце V в. до н. э., но при этом, естественно, весьма тенденциозна (Лисий сам пострадал от олигархов и имел все основания ненавидеть их лидеров). Обвиняя Эратосфена, автор речи в одном месте подробно останавливается также на деятельности Ферамена – одной из виднейших фигур в правительствах Четырехсот и Тридцати – и старается изобразить эту деятельность в максимально черных красках (благо Ферамен действительно пользовался в Афинах крайне неоднозначной репутацией). Порицая Ферамена, Лисий (XII. 67), в частности, так говорит о его поведении после свержения режима Четырехсот:

Желая показать свою верность вашей демократии, он выступил с обвинением против своих близких друзей, Антифонта и Архептолема, которые, по его обвинению, и были казнены (Ἀντιφῶντα καὶ Ἀρχεπτόλεμον φιλτάτους ὄντας αὐτῶν

²² Нам неоднократно, в различных контекстах приходилось писать об этих умолчаниях, перечисляя важнейшие из них. См., например: Суриков И. Е. Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Казань, 2002. С. 44.

²³ Наиболее детальную аргументацию положения о незавершенном характере труда Фукидида см. в монографии: Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

²⁴ Эту возможность рассматривает У. Фергюсон, но, впрочем, отвергает ее как маловероятную. См.: Ferguson W. S. Op. cit. P. 349 ff.

κατηγορῶν ἀπέκτεινεν), и дошел в своей подлости до того, что одновременно, из верности к ним, он вас сделал рабами, а, из верности к вам, предал на погибель (ἀπώλεσε) своих друзей²⁵.

Упомянутый здесь Архептолем – еще один видный лидер Четырехсот, которого судили одним процессом с Антифонтом. Этот коротенький, всего в одну фразу, пассаж вызывает тем не менее ряд недоуменных вопросов. Во-первых, из него вроде бы следует, что Ферамен был обвинителем в суде над Антифонтом. А между тем другие данные, как мы увидим ниже, свидетельствуют, что это не так. Во-вторых, несколько смущает употребление Лисием причастия настоящего времени: κατηγορῶν ἀπέκτεινεν. Уместнее в данной ситуации было бы аористное причастие: κατηγορήσας ἀπέκτεινεν, дословно – «обвинив, убил». А при имеющейся конструкции получается – «обвиняя, убил». Или «убивал»? Дело в том, что ἀπέκτεινεν в равной степени может быть как аористом, так и имперфектом от ἀποκτείνω. Что, если перед нами imperfectum de sonatu?²⁶ Тогда придется перевести: «обвиняя, пытался убить» (т. е. пытался добиться смертного приговора).

Из писателей того же поколения еще у Андокида (I. 15) появляется имя Антифонта. Рассказывая о «религиозной истерии», воцарившейся в Афинах в 415 г. до н. э., в связи с делами о повреждении герм и профанации мистерий²⁷, когда полисным властям поступило множество доносов – как обоснованных, так и чисто клеветнических, – Андокид упоминает Антифонта в числе лиц, на которых поступили такие доносы (на него донес метэк Тевкр). Впрочем, нет полной уверенности в том, что имеется в виду именно оратор, будущий идеолог Четырехсот. Имя Антифонт было в Аттике достаточно распространенным.

В «Меморабиях» Ксенофонта среди действующих лиц, собеседников Сократа, встречаем «софиста Антифонта» (Ἀντιφῶντα τὸν σοφιστήν). Его спорам с Сократом посвящена целая глава произведения (Хен. Мем. I. 6). Как уже говорилось выше, в настоящей главе сложный вопрос о тождестве или различии Антифонта-софиста и Антифонта-оратора рассматриваться не будет. Однако, поскольку свидетельство Ксенофонта представляет значительный интерес, мы все же решили проанализировать содержащийся в нем материал, но выносим этот анализ в приложение.

Чем дальше во времени от описываемых событий, тем сильнее они начинают забываться, тем больше путаницы начинает вкрадываться в источники. Так,

²⁵ Перевод С. И. Соболевского.

²⁶ Об этом значении имперфекта см.: *Соболевский С. И.* Древнегреческий язык. СПб., 2000. С. 294.

²⁷ Об этих событиях см. наиболее подробно: *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974.

историк Феопомп писал в труде «Филиппика» о том, что Антифонт якобы был казнен «Тридцатью тиранами» (Theopomp. FGrHist. 115. F 120). Но здесь перед нами недоразумение: Феопомп смешал Антифонта-оратора с другим афинянином по имени Антифонт, который, по сообщению Ксенофонта (Hell. II. 3. 40), во время Пелопоннесской войны снарядил для полиса две триеры, а впоследствии действительно погиб от рук Тридцати.

Однако в рамках сократической традиции еще долгое время сохранялись аутентичные воспоминания об Антифонте. Он упоминается в диалоге Платона «Менексен» (236a). Этот диалог, как известно, от начала до конца пронизан иронией, представляя собой пародию на принятый в афинском полисе обычай торжественной надгробной речи. Именно в ироническом смысле следует понимать следующую реплику Сократа, в которой фигурирует интересующий нас оратор: «Но и любой обученный хуже меня, например, тот, кто учился музыке у Лампра, а риторике – у Антифонта из Рамнунта, был бы вполне в состоянии превознести афинян перед афинянами»²⁸. При имени Антифонта специально указан демотик, во избежание сомнений, что речь идет именно об Антифонте-ораторе, а не о ком-либо другом.

Чтобы корректно оценить данный пассаж, необходимо знать: чуть раньше Сократ говорит, что самого его музыке обучал Конн (кифарист, не пользовавшийся популярностью и имевший репутацию низкоквалифицированного, в отличие от прославленного Лампра), а риторике – Аспасия (упоминание женщины в качестве преподавательницы ораторского искусства, естественно, могло в классической Греции вызвать только улыбку). Платон устами Сократа здесь иронизирует. Имена Лампра и Антифонта поставлены рядом именно потому, что оба были выдающимися мастерами своего дела. Кстати, это первое в традиции (и поэтому важное) эксплицитное указание на то, что Антифонт обучал риторике²⁹.

Есть данные об Антифонте и в сочинениях Аристотеля, ученика Платона. В «Афинской политике» о нем заходит речь, как и следовало ожидать, в контексте рассказа о перевороте Четырехсот (Arist. Ath. pol. 32. 2):

Руководящая роль в этом деле принадлежала главным образом Писандру, Антифону и Ферамену, людям, которые не только были благородного происхождения, но еще и пользовались репутацией выдающихся по уму и образу мыслей (ἀνδρῶν καὶ γεγενημένων εὖ καὶ συνέσει καὶ γνώμῃ δοκούντων διαφέρειν)³⁰.

Слова Аристотеля о «благородном» (собственно, «хорошем») происхождении Антифонта не нужно понимать в том смысле, что оратор принадлежал к верхушке афинской аристократии. Дем Антифонта – Рамнунт – был

²⁸ Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн.

²⁹ Об Антифонте как учителе см.: Avery H. Op. cit. P. 157.

³⁰ Перевод С. И. Радцига.

не городским, а сельским³¹, находившимся весьма далеко от Афин, на северо-восточной окраине Аттики. Нам представляется наиболее вероятным, что Антифонт был выходцем из того слоя локальной элиты аттических демов, существование которого в афинском полисе V в. до н. э. мы продемонстрировали в специальной статье (где для него предложено условное название «демотевты»)³² и который, как мы надеемся показать в будущем, именно к концу этого столетия стремительно выдвинулся на первый план в политической жизни.

Тот же Аристотель в другом трактате – «Евдемовой этике» (1232b7 sqq.) упоминает об интересном эпизоде из последних дней жизни Антифонта. Уже после его осуждения некий Агафон (известный трагический поэт?) похвалил его защитительную речь, Антифонт ответил: «Человек, великий духом (μεγαλόψυχος), будет больше заботиться о том, что думает один, но дельный, чем о том, что думают многие, но первые попавшиеся»³³. Иными словами, похвала со стороны одного Агафона была для него важнее, нежели осуждение со стороны демоса. Насколько можно судить, Аристотель рисует здесь поведение Антифонта не без симпатии, выводя его как образец величия духа (μεγαλόψυχία). Антифонт упоминался еще в одном произведении Аристотеля – «Дидаскалии» (fr. 624 Rose), но оно не дошло до нас, а контекст названного фрагмента (сохраненного Гарпократионом) неясен.

Как известно, Аристотель в своих разработках по истории Афин активно опирался на труды аттидографов³⁴. Утрата сочинений, принадлежавших к аттидографической традиции, весьма прискорбна практически в любом отношении, в том числе и для нашей тематики. Нет сомнения, что в «Аттидах» разбирался, помимо прочих событий, и переворот Четырехсот, затрагивалась в связи с этим деятельность Антифонта. Но, увы, что конкретно о нем писали афинские историки-«краеведы» – мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем. Известно только, что самый поздний из аттидографов – Филохор, писавший уже после Аристотеля (в первой половине III в. до н. э.), – что-то говорил об Антифонте в связи с постройкой при олигархическом режиме укрепления Ээтионии (Philoch. FGrHist. 328. F 72)³⁵. Почерпнуть какую-либо содержательную

³¹ Кстати, к сельским демам принадлежали и остальные видные лидеры Четырехсот. См.: Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Century B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 39.

³² Суриков И. Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

³³ Здесь и далее отсутствие указания на переводчика при цитатах из источников означает, что перевод принадлежит нам.

³⁴ Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13–20; Chambers M. Aristotle and his Use of Sources // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 39–52.

³⁵ Более подробный рассказ об Ээтионии см. у Фукидида (VIII. 90. 3–5).

информацию из этого коротенького фрагмента (сохраненного опять же Гарпократионом) не удастся.

Современником Филохора, тоже работавшим в начале III в. до н. э., был македонянин Кратер, один из первых в мире историков-эпиграфистов. Он составил «Собрание постановлений» (Ψηφισμάτων συναγωγή), труд, представлявший собой сводку важных законодательных актов греческих полисов. Труд Кратера тоже не дошел до нашего времени, однако известно (об этом сообщает тот же вездесущий Гарпократион, s.v. Ἀνδρῶν), что в нем содержался текст псефисмы об осуждении Антифонта. Этот уникальный документ имеет колоссальное значение для нашей тематики; он приводится у более позднего автора (Псевдо-Плутарха) и будет разобран нами в соответствующем месте. А пока отметим лишь, что, по данным Кратера, обвинителем, разработавшим псефисму против Антифонта, был Андрон (а не Ферамен, как можно понять из цитировавшегося выше свидетельства Лисия), причем этот Андрон сам являлся одним из членов правительства Четырехсот.

После времени Филохора и Кратера и вплоть до второй половины I в. до н. э. в нарративной традиции об Антифонте обнаруживается хронологическая лакуна – весьма значительная, продолжительностью более двухсот лет. Упомянем интересное обстоятельство: изучая в свое время нарративную традицию об афинском институте ostracism, мы обнаружили в ней точно такую же лакуну, причем приходящуюся ровно на тот же самый хронологический отрезок³⁶. Думается, это не случайное совпадение. Полагаем, что аналогичная лакуна на том же месте «всплывет» и при исследовании многих других вопросов истории классической Греции. Здесь вряд ли место подробно рассуждать о причинах появления этого «провала». Дело, конечно, и в общей плохой сохранности исторических сочинений III–II вв. до н. э. Но нам представляется, что можно говорить и о более конкретном обстоятельстве, повлиявшем на источниковую ситуацию, а именно о временном выпадении из научного оборота библиотеки Аристотеля – Феофраста с накопленным в ней огромным фактологическим материалом³⁷. Но это – тема для отдельного исследования.

Как раз в I в. до н. э. аристотелевская библиотека была в буквальном смысле слова извлечена из-под спуда, что существенно способствовало активизации историко-юридических разысканий. В конечном счете библиотека, как известно, оказалась в Риме. В связи с этим знаменательно, что следующий по времени античный автор, у которого мы встречаем упоминание об Антифонте, –

³⁶ Суриков И. Е. Античная нарративная традиция об институте ostracism // *Studia historica*. 2002. Вып. 2. С. 63.

³⁷ Ср.: Суриков И. Е. Первые шаги европейского права: формирование аутентичной нарративной традиции // *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения*. М., 2005. Ч. 1. С. 38.

автор не греческий, а римский. Это Цицерон, прекрасно изучивший греческую литературу. Впрочем, справедливости ради нужно указать, что практически ничего принципиального нового мы из свидетельства Цицерона (Brut. 12. 47) не получаем. Говоря о развитии искусства красноречия в Греции, римский оратор касается деятельности Горгия, который мог сочинить «похвалу и порицание на одни и те же предметы (*singularum rerum laudes vituperationesque*)». И далее следует: «Несколько подобных произведений написал и Антифонт Рамнунтский – тот самый, который, по надежному свидетельству Фукидида, всех на свете превзошел, защищая себя в суде по уголовному делу»³⁸.

Таким образом, здесь присутствует прямая ссылка на Фукидида. Что же касается произведений Антифонта, в которых восхваляются и порицаются одни и те же предметы, – здесь, несомненно, имеются в виду «Тетралогии», построенные именно таким образом. Впрочем, еще вопрос, насколько можно их сопоставлять с аналогичными, на первый взгляд, разработками Горгия. Горгий мог писать речи на парадоксальные сюжеты («Похвала Елене» и т. п.), но целью его было, насколько представляется, блеснуть парадоксализмом как таковым, плюс еще наглядно продемонстрировать применение своих общетеоретических – релятивистских и агностических – установок. Цель же Антифонта в «Тетралогиях» была значительно более конкретной и практичной: привить своим ученикам в риторической школе навык произнесения как обвинительных, так и защитительных речей.

Диодор Сицилийский (XII. 80. 1) упоминает некоего Антифонта, который был архонтом-эпонимом в Афинах в 418/417 г. до н. э. Ответ на вопрос о тождестве этого магистрата с Антифонтом-оратором вряд ли когда-нибудь будет дан. С одной стороны, хронологическая близость может свидетельствовать в пользу их отождествления. Но, с другой стороны, как уже отмечалось выше, имя Антифонт было распространено в афинском полисе в эту эпоху. К тому же ни в одной из античных биографий Антифонта (к их анализу мы еще перейдем в дальнейшем) не указывается, что он был архонтом, хотя факт столь высокого карьерного взлета, если бы он действительно имел место, вряд ли ускользнул бы от внимания биографов.

А теперь мы переходим к писателю, у которого содержится уже несколько более значительная информация об Антифонте. Это – младший современник Цицерона и Диодора, знаменитый ритор и историк Дионисий Галикарнасский. Поселившись в Риме, он получил там хорошие возможности заниматься историей и теорией ораторского искусства (как мы полагаем, не в последнюю очередь благодаря библиотеке Аристотеля – Феофраста). В числе главных произведений Дионисия – цикл монографий о выдающихся мастерах греческого красноречия: Лисии, Исократе, Исее и др., в том числе об историке Фукидиде.

³⁸ Перевод И. П. Стрельниковой.

Характерно, что такой же работы об Антифонте у Дионисия не было. Создается впечатление, что последний не слишком высоко ставил мастерство Антифонта. В одном месте (*De Isaeo* 20) он характеризует стиль этого оратора как суровый (αὐστηρόν) и архаичный. Кстати, и все остальные упоминания Антифонта у Дионисия даются исключительно в стилистическом контексте. При этом галикарнасский ритор то сближает друг с другом стили Антифонта и Фукидида (*De compos. verb.* 20), то, наоборот, акцентирует различия между ними (*De Thuc.* 51; 53). Впрочем, заниматься стилистическими вопросами мы здесь не будем, поскольку в рамках данной главы Антифонт интересует нас не как автор, а прежде всего как практический деятель. А каких-либо биографических сведений о нем Дионисий Галикарнасский не дает.

* * *

Мы добрались в нашем изложении до рубежа н. э. Как видим, пока содержательного материала скорее немного, но уже скоро он польется буквально потоком. Перед тем как нас захлестнет этот «поток», необходимо должным образом подготовиться к подобному обороту событий: сделать небольшую паузу и попытаться определить, где и как в последний период эллинизма сохранялась и формировалась традиция об Антифонте.

Как нам представляется, можно назвать два таких центра. Об одном из них — Риме, где к услугам ученых была аристотелевская библиотека, — уже говорилось. Вторым являлась бесспорно, Александрия Египетская с характерными для нее интенсивнейшими филологическими штудиями. Именно александрийские грамматики эллинистического времени скрупулезно занимались составлением канонов классических авторов прошлого. В числе прочих появился и «канон десяти ораторов», в состав которого входил Антифонт. Александрийцам, безусловно, был прекрасно доступен (в гораздо большей степени сохранности, чем ныне) корпус сочинений этого автора, с которым они и работали. Но вот имелись ли в их распоряжении в столь же большом количестве аутентичные данные по биографии Антифонта? Вряд ли: для этого нужно было ехать в Рим. Комбинированная работа в этих двух центрах давала наиболее эффективные результаты.

Этот тезис верен и в целом, и в частности. Характерный пример: александрийский филолог I в. до н. э. Трифон³⁹ перебрался в Рим. И, очевидно, не случайно, что именно у Трифона (*De trop.* p. 201 West) впервые в античной нарративной традиции мы встречаем эксплицитное упоминание исключительно важного для нас биографического факта: Антифонт был учителем

³⁹ Так называемый Трифон I (так его обозначают, чтобы отличать от других филологов — носителей того же имени, возможно принадлежавших к одной семье).

(διδάσκαλος) Фукидида. Впоследствии этот факт начинает фигурировать уже в ряде источников, что нам еще предстоит увидеть. Трифон, как и Дионисий Галикарнасский, причисляет Антифонта к представителям сурового (αὐστηρόν) стиля.

Однако чаще александрийские ученые, конечно, не ехали в Рим, а оставались у себя дома штудировать тексты литературных памятников, что позволяло им высказывать в основном стилистически мотивированные суждения.

Весьма примечательно, что из двух греческих авторов, чьи изыскания на рубеже эллинистической и римской эпох в наибольшей степени определили дальнейшее формирование нарративной традиции об Антифонте⁴⁰, один как раз принадлежал, если можно так выразиться, к «александрийскому» (стилистическому), а другой – к «римскому» (биографическому) направлению. Произведения обоих, в которых говорилось об Антифонте, до нас не дошли (и это едва ли не самая прискорбная утрата в контексте данной работы), однако они служили предметом постоянного использования, цитирования и ссылок для более поздних писателей, что позволяет нам со значительной степенью уверенности говорить об основном содержании этих работ.

Первый из двух авторов, о которых идет речь, – прославленный своей нечеловеческой работоспособностью Дидим Халкентер – был типичнейшим представителем александрийской учености. Из колоссального количества трудов Дидима (до 4 тысяч) сохранились жалкие крохи; в этих сохранившихся произведениях упоминаний об Антифонте нет. Однако в том, что Дидим писал о нем, сомневаться не приходится. Его взгляды на этого оратора отразились, в частности, у такого авторитетного писателя, как Гермоген Тарсийский, чьи свидетельства будут рассмотрены ниже. Наиболее важным представляется то, что Дидим первый в античной филологической науке высказал предположение, что Антифонт-оратор и Антифонт-софист – не одно и то же лицо, а два разных⁴¹. Именно с него начинается дискуссия по проблеме их (его) идентичности. Можно с большой вероятностью утверждать, что к выводу о различии двух Антифонтов Дидима привело не появление в его распоряжении каких-то новых, ранее неизвестных биографических данных. Такие данные если и можно было бы где-то найти, то в Риме, а там Дидим не работал. Нет, он, судя по всему, выдвинул свой «разделительный» тезис только на основе стилистического изучения произведений Антифонта (Антифонтов?) – ораторских речей и теоретических трактатов.

⁴⁰ Именно в эту эпоху, в «век Августа», произошло резкое увеличение внимания к наследию Антифонта. По наблюдению У. Шиндель, его речи читались с нарастающим интересом; не случайно Антифонтом занимались Дионисий Галикарнасский, Дидим, Кекилий (*Schindell U. Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen, 1979. S. 3*).

⁴¹ *Gagarin M. Op. cit. P. 34 ff.*

Второй автор, чей вклад в нарративную традицию об Антифонте особенно велик, — Кекилий (Цецилий)⁴² Калактийский, действовавший в Риме в эпоху Августа. Кекилий являлся ритором и теоретиком риторики, активно занимавшимся предшествующей историей ораторского искусства. Ему, в частности, принадлежал трактат «О десяти ораторах», в которых не только давался стилистический разбор сочинений этих корифеев красноречия, но и приводились биографические сведения о них, в том числе и об Антифонте. Трактат не сохранился, но позднеантичным, да еще и византийским исследователям он был вполне доступен. Именно информация, собранная Кекилием, легла в основу практически всех написанных в дальнейшем полноценных жизнеописаний оратора Антифонта (с этими жизнеописаниями нам уже очень скоро предстоит познакомиться). И прежде всего данными Кекилия воспользовался автор самой ранней из таких биографий, известный как Псевдо-Плутарх.

Впрочем, прежде чем говорить о Псевдо-Плутархе, необходимо кратко коснуться самого Плутарха. У этого последнего находим два упоминания об Антифонте, кратких, но достаточно значимых. В биографии Никия (Plut. Nic. 6), там, где говорится о деятельности этого полководца в 420-х гг. до н. э., констатируется его постоянная боязнь оказаться в немилости у демоса. Как мотивация этого приводится настороженное отношение афинян к своим политическим лидерам, проявившееся в осуждении Перикла, ostracизме Дамона⁴³, а также в «недоверии многих к Антифону из Рамнунта (τῇ πρὸς Ἀντιφῶντα τὸν Ῥαμνούσιον ἀπιστίᾳ τῶν πολλῶν)». Если трактовать это свидетельство именно в том контексте, в котором оно помещено, оказывается, что уже в 420-х гг., задолго до переворота Четырехсот и своего выдвижения на лидирующие позиции в полисе, Антифонт был «на подозрении» у демоса, то есть в нем видели политика потенциально влиятельного, но до поры до времени сознательно находящегося в тени и скрывающего свою истинную силу.

В биографии Алкивиада (Plut. Alc. 3) Плутарх приводит информацию из произведения Антифонта «Поношения Алкивиада», которое, судя по всему, представляло собой не речь в собственном смысле слова, а политический памфлет, содержащий личные инвективы против Алкивиада⁴⁴. В передаче

⁴² В русскоязычных работах он фигурирует то как Кекилий, то как Цецилий, причем последнее написание встречается чаще (см., например: *Чистякова Н. А.* Трактат «О возвышенном», его автор, время и содержание // *О возвышенном*. М., 1994. С. 92 сл.). Однако, поскольку речь идет не о римлянине, а о чистокровном греке, уроженце Сицилии, написание Кекилий представляется нам предпочтительным, и в дальнейшем мы будем его придерживаться.

⁴³ Остракизм Дамона с наибольшей степенью вероятности следует отнести к 430-м гг. до н. э. См.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 160.

⁴⁴ О традиции памфлета-инвективы в Афинах этой эпохи см.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах... С. 437.

Плутарха, Антифонт в данном сочинении рассказывает об Алкивиаде довольно-таки гнусные вещи: якобы тот еще мальчиком однажды убежал из дома к одному из своих любовников, чем едва не опозорил собственных опекунов – Перикла и Арифрона, а в другой раз в палестре ударом палки убил одного из своих сопровождающих. Биограф, впрочем, глубокомысленно прибавляет: «Не следует, однако, верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нисколько не скрывал своей ненависти (δι' ἔχθραν ὁμολογῶν) к Алкивиаду»⁴⁵.

Трудно сказать, когда конкретно был написан памфлет Антифонта против Алкивиада⁴⁶. Во всяком случае, это произошло тогда, когда вокруг личности и деятельности Алкивиада уже велась острая полемика в афинском общественном мнении – в 410-х гг. до н. э. Апогея полемика достигла в 411 г. до н. э., в связи с готовящимся олигархическим переворотом. Ведь намечался он как будто именно ради примирения с Алкивиадом, но в действительности большинство лидеров влиятельных гетерий были против его возвращения и в течение правления Четырехсот не допустили-таки опального полководца в полис. Фукидид (VIII. 68. 3) эксплицитно указывает, что один из главных лидеров олигархов – Фриних – был крайне враждебно настроен по отношению к Алкивиаду. Антифонт и Фриних, как мы видели выше, давно уже находились в политической близости. Поэтому уже а priori закономерно было бы предполагать, что Антифонт, мягко говоря, не был другом Алкивиаду. Свидетельство Плутарха, опирающееся на аутентичные данные самого Антифонта, полностью подтверждает это предположение.

А теперь – о Псевдо-Плутархе. Так принято называть неизвестного автора II в. н. э., чей труд «Жизнеописания десяти ораторов» ошибочно попал в рукописный корпус Плутарха. Открывается труд именно биографией Антифонта⁴⁷, как самого старшего из десяти канонизированных мастеров классического греческого красноречия. Эта биография представляет собой древнейшее из сохранившихся жизнеописаний Антифонта, хотя и отделенное от него рядом столетий; поэтому в ней неизбежны и случаи путаницы, и неточности, и прямые фактические ошибки, в том числе грубые, что, однако, не отменяет ее источниковедческой значимости, поскольку наряду с недостатками мы вправе рассчитывать на обнаружение в данной биографии также и ценного материала.

⁴⁵ Перевод С. П. Маркиша.

⁴⁶ С. Я. Лурье считал, что это то же самое произведение, которое из других авторов известно под названием «Политик» (*Luria S. Eine politische Schrift... S. 343 ff.*). Но это – лишь догадка, и у нас нет уверенности, что она зиждется на достаточно надежных основаниях.

⁴⁷ В корпусе Плутарха: Mor. 832b–834b.

Поэтому мы разберем принадлежащее Псевдо-Плутарху жизнеописание Антифонта достаточно подробно, местами цитируя его дословно. Автор в очень значительной мере опирается на изыскания Кекилия, нередко прямо ссылаясь на него.

«Антифонт был сыном Софила и принадлежал к дему Рамнунту», – начинается биография. Затем отмечается, что образование будущий оратор получил у отца, который был софистом и которого якобы посещал (φοιτῆσαι) в образовательных целях также Алкивиад. В этом месте – целый ряд грубых анахронизмов. Таковым является уже определение Софила (о котором ничего больше не известно) как софиста. Поскольку Антифонт родился около 480 г. до н. э., то рождение его отца должно приходиться, самое позднее, на конец VI в. до н. э., а пик деятельности, соответственно, на первую половину V в. до н. э. Для этого периода ни о каких софистах речи еще быть не может. Впрочем, позднеантичные авторы употребляли термин «софист» весьма расширительно. Абсолютно неуместно в данном контексте и упоминание Алкивиада, родившегося около 450 г. до н. э. Ни один сколько-нибудь достоверный источник не упоминает о каком-либо ученичестве Алкивиада у Софила. Отношения же Алкивиада и Антифонта, как мы упоминали выше, были весьма враждебными.

Псевдо-Плутарх ссылается также на мнение «некоторых» (τινες), утверждающих, что своим ораторским талантом Антифонт был обязан собственному природному дарованию. Далее следует набор довольно бессвязных сведений: о том, что Антифонт уклонялся от политической деятельности; что он организовал некое общение (διατριβή), под которым, по всей видимости, следует понимать школу с обучением риторике; что он спорил с Сократом, но не из вражды к нему, а, так сказать, «из любви к искусству» (οὐ φιλονεικῶς ἀλλ' ἐλεγκτικῶς), причем дается прямая ссылка на «Меморабилии» Ксенофонта. Из последнего, кстати, ясно следует, что для Псевдо-Плутарха Антифонт-софист, упоминаемый Ксенофонтом, и оратор Антифонт из Рамнунта – одно и то же лицо.

Затем находим в биографии исключительно важную информацию: Антифонт составлял для желающих из числа граждан речи для судебных процессов. Оговаривается, что, опять же по словам «некоторых», именно он первый стал этим заниматься (πρῶτος ἐπὶ τοῦτο τραπεῖς). Из этого буквально следует, что Антифонт был первым логографом, «изобретателем» данного ремесла. И, в принципе, нет каких-то фактов, которые противоречили бы такому выводу, не позволяли бы принять его. Судебные логографы более ранние, чем Антифонт, действительно неизвестны.

Это вполне сознает и Псевдо-Плутарх. Он специально отмечает, что ни от кого из предшественников и даже современников Антифонта (будь то Фемистокл, Аристид или Перикл) не дошло ни одной судебной речи, поскольку

не в обычае было таковые писать. А самые ранние лица, занимавшиеся написанием таких речей (названы в данной связи Алкивиад, Критий, Лисий и Архин⁴⁸), действовали тогда, когда Антифонт был уже стариком.

По словам биографа, Антифонт первым открыл и ораторское искусство (ῥητορικὰς τέχνας), что выглядит уже явным преувеличением. Он был сообразителен (ἀγχίνους) и носил даже прозвище Нестора. Далее следует ссылка на Кекилия, на его книгу (σύνταγμα), специально посвященную Антифону. Кекилий в передаче Псевдо-Плутарха свидетельствует о том, что Антифонт являлся учителем Фукидида, из-за чего последний и восхваляет его в своей «Истории». Далее идут несколько характеристик стиля Антифонта (тоже, несомненно, взятых из Кекилия), на которых мы здесь не будем останавливаться.

В биографии отмечается, что Антифонт родился во время Греко-персидских войн (κατὰ τὰ Περσικά) и был немного моложе софиста Горгия, а дожил до свержения демократии олигархическим режимом Четырехсот, в организации которого он сам принимал участие. Всё это вполне достоверные данные, а после этого следует опять какая-то путаница: Антифонт был триерархом двух кораблей, был и стратегом, одержал победы в многочисленных сражениях, заключил для Афин важные военные союзы, предоставлял для воинов гоппитские доспехи, укомплектовал экипажем шестьдесят триер, постоянно отправлялся послом в Спарту... Из приведенной информации вырисовывается какая-то совершенно грандиозная фигура. Однако ценность почти всей этой информации (за исключением указания о посольстве в Спарту и, может быть, еще о триерархии на двух кораблях) – нулевая. Пассаж, во-первых, содержит в себе внутренние противоречия, во-вторых же, решительно не согласуется с тем, что известно из более достоверных источников. О каких многочисленных победах может здесь идти речь?!

Затем Псевдо-Плутарх рассказывает о том, как после свержения Четырехсот Антифонт вместе с еще одним лидером олигархов, Архептолемом, был предан суду (указан и тип судебного процесса – исангелия⁴⁹). Ему был вынесен обвинительный приговор; он был подвергнут наказанию, положенному

⁴⁸ Из них только Лисий вошел в историю как великий оратор-логограф. Впрочем, ничто не препятствует признать, что, по крайней мере, Критий и Архин на каких-то этапах своей карьеры тоже подвизались в области судебного красноречия.

⁴⁹ Об исангелии см.: Hansen M. H. *Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians*. Odense, 1975; Rhodes P. J. *Εισαγγελία in Athens* // *Journal of Hellenic Studies*. 1979. Vol. 99. P. 109–114; Carawan E. M. *Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167–208; Bearzot C. *Anomalie procedurali ed elusione del 'nomos' nei processi per alto tradimento: 'eisangelia' e 'asebeia'* // *Contributi dell'Istituto di storia antica* (Milano). 1996. Vol. 22. P. 71–92.

изменникам (самых слов «смертная казнь» в тексте нет), оставлен без погребения и предан вместе с потомками гражданскому бесчестью (атимии).

И снова вслед за достоверной информацией начинаются какие-то странные вариации. Как указывает биограф, некоторые считают, что Антифонт был казнен Тридцатью. Следует ссылка на речь Лисия в защиту дочери Антифонта (до нас не дошедшую)⁵⁰ и на Феопомпа. Выше, говоря о Феопомпе, мы уже указывали причину данного недоразумения: оратор Антифонт оказался спутан с другим Антифонтом, триерархом. Псевдо-Плутарх, кстати, и сам видит это недоразумение и даже шутит: как Антифонт, уже мертвый, мог снова оказаться в живых при Тридцати? Тут же находится и объяснение: при Тридцати был казнен некий Антифонт, сын Лисидонида, о котором упоминает еще Кратин в комедии «Бутылка». А при этом упоминается еще одна версия о смерти Антифонта: он был казнен на Сицилии Дионисием Старшим. Здесь, конечно, имеется в виду драматург Антифонт, работавший в начале IV в. до н. э.

Таким образом, можно убедиться, что смешение различных носителей пространственного имени Антифонт, начавшееся уже при Феопомпе, к римской эпохе, ко времени жизни Псевдо-Плутарха (и, очевидно, уже Кекилия) достигло своего апогея. Впоследствии это смешение так и будет переходить от автора к автору. Чаще всего Антифонта-оратора будут путать именно с Антифонтом-драматургом, хотя, откровенно говоря, мы вообще не находим, что бы между ними могло быть общего (разумеется, кроме имени).

Биограф передает, что от Антифонта к его времени сохранилось 60 речей, но 25 из них Кекилий отвергает как неподлинные. Отмечается, что комедиограф Платон в комедии «Писандр» высмеивает Антифонта за сребролюбие. Вообще, разбирая текст жизнеописания, можно заметить, насколько нелогично, сбивчиво и отрывочно его построение. Вот и сразу после сказанного вторгается информация, что Антифонт сочинял трагедии – «и сам, и с тираном Дионисием». Ясно, что эта информация на самом деле относится к драматургу Антифону, а не оратору.

А далее – опять чрезвычайно интересный пассаж, из которого следует, что Антифонт является едва ли не первооткрывателем психотерапии. Он, по словам Псевдо-Плутарха, изобрел «искусство беспечальности» (τέχνην ἀλυπίας), леча от печали подобно врачам: в Коринфе, близ агоры, оборудовал какое-то здание, написал на нем, что может словом исцелять скорбящих, и,

⁵⁰ Псевдо-Плутарх отмечает, что у Антифонта была дочь, которую получил в жены (насколько можно понять из контекста, как эпиклеру) Каллесхр. Тождествен ли этот Каллесхр отцу Крития? О дочери какого Антифонта идет здесь речь? На эти ответы мы вряд ли когда-нибудь получим ответ: а жаль: информация весьма интересная, возможно свидетельствующая о родственных связях Антифонта, но использовать ее невозможно из-за путаницы в источнике.

действительно, расспросив каждого клиента о причинах горя, утешал его. Позже, однако, он счел, что подобное ремесло недостойно его, и обратился к риторике. Имплицированный интерес данного свидетельства очевиден, но его ценность сильно снижается тем, что мы не можем даже с уверенностью сказать, действительно ли его следует относить именно к Антифону-оратору.

В биографии Антифонта перечисляются его речи, которые признавались в древности лучшими. В их числе названы следующие: «О Героде» (то есть «Об убийстве Герода», дошедшая до нас речь) и ряд других, которые к нашему времени сохранились лишь фрагментарно: «Против Эрасистрата»⁵¹ о павлинах», «Об исангелии» – речь, произнесенная Антифоном в свою защиту в 411 г. до н. э., на суде после свержения Четырехсот (другие авторы чаще называют ее «О перевороте»), против стратега Демосфена в процессе типа *ὑγραφή παρὰ νόμων*⁵², а также речь против некоего Гиппократы. Относительно этого последнего в рукописной традиции разбираемого памятника сказано дословно следующее: *Ἰπποκράτους τοῦ ἱατροῦ στρατηγοῦ*, то есть имеет место явная порча текста. Никак не можем согласиться с К. Довером, считающим, что это – речь против знаменитого врача Гиппократы Косского⁵³. С какой бы стати его было называть стратегом? На наш взгляд, слово *ἱατροῦ* – ошибочная вставка какого-то переписчика, а в изначальном тексте было просто *Ἰπποκράτους τοῦ στρατηγοῦ*. Иными словами, здесь имеется в виду, конечно, стратег Гиппократ. Это личность достаточно известная в афинской истории, племянник Перикла (сын его брата Арифрона), погибший в сражении при Делии в 424 г. до н. э.⁵⁴

И наконец, самая важная в источниковедческом отношении часть биографии Антифонта находится в ее конце. Это дословно процитированная Псевдо-Плутархом псефисма о суде над Антифоном. Псефисма, как указывает автор, была принята в архонтство Феопомпа и приводится со ссылкой на Кекилия. Нет сомнения, что это тот самый документ, который, как упоминалось выше,

⁵¹ Этот Эрасистрат, скорее всего, тождествен с отцом политика Феака, бывшего некоторое время соперником Алкивиада.

⁵² Об этом процессе ближе ничего не известно, но он в любом случае должен быть одним из первых, если не первым зафиксированным в Афинах процессов этого типа. О *ὑγραφή παρὰ νόμων* см.: Hansen M. H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974; Суриков И. Е. Остракизм в Афинах... С. 403 сл. Упоминаемый здесь стратег Демосфен, – несомненно, тот самый, который в 425 г. до н. э. захватил Пилос, а в 413 г. до н. э. погиб на Сицилии, один из лучших афинских полководцев своего времени.

⁵³ Dover K. J. Op. cit. P. 53.

⁵⁴ О Гиппократе, сыне Арифрона, см.: Суриков И. Е. К интерпретации имени Арифрона на остраке // ВДИ. 2000. № 4. С. 75 сл.

сохранил Кратер (имя обвинителя – Андрон – совпадает). Таким образом, перед нами аутентичный и чрезвычайно важный памятник⁵⁵, заслуживающий того, чтобы быть помещенным здесь полностью:

Совет постановил в двадцать первый день притании. Демоник из Алопеки был секретарем. Филострат из Паллены был эпистатом. Андрон внес предложение. Относительно тех людей, которых стратеги изобличают как бывших послами в Лакедемон на зло городу афинян, причем они от войскаплыли на вражеских кораблях и шли через Декелею, – Архептолема, Ономакла и Антифонта: схватить их и представить в суд, чтобы они понесли наказание. Пусть же их представят туда стратеги и лица из числа членов Совета, которых стратеги пожелают избрать себе в помощники, числом до десяти, чтобы судебный процесс состоялся в присутствии подсудимых. Пусть же фесмофеты вызовут их в суд на завтрашний день и введут; когда же будет выслушан вызов в суд, их должны обвинить избранные синегоры, стратеги и другие, кто пожелает. К чему же их приговорит суд, то и сделать согласно закону, который имеется относительно лиц, совершивших измену.

При этой псефисме Псевдо-Плутархом сохранен и приговор:

Признаны виновными в измене: Архептолем, сын Гипподама, из Агрилы, в присутствие обвиняемого; Антифонт, сын Софила, из Рамнунта, в присутствие обвиняемого⁵⁶. Приговорили передать их коллегии Одиннадцати, конфисковать их имущество и посвятить десятину из него богине; дома их разрушить до основания и поставить на развалинах сторожевые камни⁵⁷, а на них написать: АРХЕПТОЛЕМА И АНТИФОНТА, ИЗМЕННИКОВ. Демархи же должны предъявить их имущество и не позволить хоронить Архептолема и Антифонта в Афинах или на любой территории, подвластной афинянам. Предать бесчестью Архептолема и Антифонта, и их потомство – как законное, так и незаконнорожденное⁵⁸; и если кто-нибудь даст гражданские права кому-либо из потомков Архептолема и Антифонта, то давший сам должен быть лишен гражданских прав. Записать это постановление на медной плите и поставить там, где находятся постановления о Фринихе.

⁵⁵ Его значение подчеркивается в работе: *Ferguson W. S. Op. cit. Passim.*

⁵⁶ Обратим внимание, что на этом этапе из документа исчезает имя Ономакла. Может быть, ему удалось скрыться от суда? Это маловероятно: в таком случае он всё равно значился бы в приговоре, но с оговоркой «в отсутствие обвиняемого». Остается предположить, что Ономаклу удалось на суде оправдаться и ему не был вынесен обвинительный приговор.

⁵⁷ Так называемые ὄροι. О семантике ὄρος как «сторожевого камня» см.: *Wade-Gery H. T. Horos // Mélanges Gustave Glotz, P., 1932. Vol. 2. P. 877–887.*

⁵⁸ Имеется в виду лишение гражданских прав, наложенное на потомство осужденных.

* * *

Биография, которая только что была нами подробно рассмотрена, является, пожалуй, самым значительным свидетельством об Антифонтe. При всем том мы видели, что ее источниковедческое значение сильно подрывается немалым количеством недостоверной информации и откровенной путаницы. Впрочем, к другим источникам об Антифонтe, относящимся к позднеантичному и византийскому времени, констатация тех же недостатков должна быть применена не в меньшей, если не в большей мере.

Лексикографы II в. н. э. – Юлий Полидевк и Валерий Гарпократион – неоднократно цитируют Антифонтa для иллюстрации той или иной глоссы. Интересно, что они не проводят никакого различия между Антифонтom-софистом и Антифонтom-оратором: дают цитаты как из речей, так из философских трактатов, сохранявшихся в их время под именем Антифонтa, и убеждены в принадлежности тех и других одному человеку.

Особенно важен этот факт применительно к Гарпократиону, у которого, по подсчету М. Гагарина, содержится 99 цитат из Антифонтa – очень большое количество. Этого лексикографа никто не смог бы упрекнуть в поверхностности и дилетантизме. Он был, пожалуй, крупнейшим в свое время знатоком классических аттических ораторов. А Антифонтom, в дополнение ко всему, Гарпократион занимался специально, написав о нем (не дошедший до нас) труд «О фигурах речи у Антифонтa». Были знакомы Гарпократиону и выкладки Дидима, считавшего, что оратор Антифонт и софист Антифонт – два разных лица. Коль скоро лексикограф проигнорировал точку зрения маститого александрийского эрудита и продолжал быть убежденным в единстве личности Антифонтa, значит, у него были на то серьезные основания и аргументация Дидима не показалась ему доказательной⁵⁹.

Благодаря Гарпократиону до нашего времени сохранилось немалое количество выдержек из погибших сочинений Антифонтa, названия ряда его речей – уже они представляют значительный интерес, поскольку позволяют в известной мере судить о содержании этих памятников. Именно Гарпократион донес до нас и информацию о том, что псефисму Андрона против Антифонтa включил в свой сборник Кратер.

Переходим теперь к Гермогену Тарсийскому (рубеж II–III вв. н. э.) – одному из виднейших позднеантичных теоретиков риторики и литературных критиков⁶⁰. Он касался Антифонтa в трактате «Об идеях» (II. 11–12). Начинает он соответствующий пассаж с констатации того факта, что, по мнению «многих»

⁵⁹ Ср.: *Gagarin M. Op. cit.* P. 39–40.

⁶⁰ О Гермогене Тарсийском и его историко-культурном значении см.: *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* М., 1996. С. 267 сл.

(οὐκ ὀλίγοι), в том числе грамматика Дидима, Антифонов было несколько, в том числе два носителя этого имени, подвизавшихся на ниве софистики (οἱ σοφιστεύσαντες). То же, по словам Гермогена, следует и из исследования (ἀπὸ ἱστορίας). Впрочем, если он и проводил какое-то собственное исследование об Антифоне, то это, несомненно, было стилистическое, а не биографическое исследование.

Из двух разделяемых Гермогеном Антифонов один характеризуется как оратор, от которого дошли речи – об убийствах (φονικοί), политические и т. п. Другой же назван гадателем и снотолкователем, автором произведений «Об истине», «О согласии», «Политик». Гермоген рассматривает стиль этих двух постулируемых писателей по отдельности. Впрочем, полной уверенности в том, что это именно два писателя, у критика все-таки нет. Он постоянно колеблется и отмечает наличие доводов как в пользу такого разделения, так и против него.

С одной стороны, стилистические особенности вроде бы свидетельствуют о двух разных Антифонах: так, стиль произведения «Об истине» сильно отличается от стиля речей. Но, с другой стороны, Фукидид был учеником Антифонта-оратора, и с этим согласны все. А между тем стиль «Истории» Фукидида мало похож на стиль речей Антифонта и в то же время весьма близок к стилю трактата «Об истине». Таково суждение Гермогена; в наше время проверить его уже практически невозможно, поскольку от труда Антифонта «Об истине» дошли лишь незначительные отрывки. Но в любом случае стилистический критерий вряд ли уместен по отношению к произведениям разных жанров. Вполне естественно, что, даже если Антифонт был один, он должен был писать ораторские речи и философские трактаты отнюдь не в одинаковом стиле. И Гермоген – один из лучших представителей позднеантичной риторики, которая к его времени уже детально разработала учение о жанрах и стилях, – не мог этого не понимать. Поэтому он вынужден оговорить: неважно, было ли два Антифонта или же один автор этого имени, писавший двумя разными стилями, – в сочинении по вопросам стилистики в любом случае их надлежит рассматривать как двух. Именно так Гермоген и поступает. Его стилистические оценки мы здесь анализировать не будем, поскольку они иррелевантны для темы данной работы. Отметим лишь, что Антифонта-оратора, или Антифонта из Рамнунта, критик считает «изобретателем и родоначальником» политического рода произведений. Это важный и ответственный тезис!

Диоген Лаэртский (II. 46), рассказывая о Сократе, кратко отмечает, что с ним спорил «гадатель Антифонт». Ссылается он на не сохранившуюся третью книгу Аристотелевой «Поэтики», но первоисточником данной информации, безусловно, являются «Меморабилии» Ксенофонта. Иными словами, Антифонт-гадатель, упомянутый здесь, тождественен Антифону-софисту, выведенному у Ксенофонта.

Автором той же эпохи (рубеж II–III вв. н. э.) был биограф Флавий Филострат – второй представитель знаменитой семьи писателей Филостратов. Помимо своего главного произведения, пространной «Жизни Аполлония Тианского», он оставил после себя также «Жизнеописания софистов» – сводку довольно кратких биографий, среди которых фигурирует и биография Антифонта (Flav. Philostr. Vit. soph. I. 15). Сведения, приводимые в этом памятнике, в очень значительной степени совпадают с информацией, содержащейся у Псевдо-Плутарха. Из этого, впрочем, не вытекает с неопровержимостью, что последний был источником Филострата. Нам представляется даже более вероятным, что оба автора независимо друг от друга опирались на один общий первоисточник, а таким с наибольшей долей вероятности было сочинение Кекилия.

Написанная Филостратом биография Антифонта начинается амбивалентным оценочным суждением: «Не знаю, следует ли назвать Антифонта из Рамнунта хорошим или дурным». И далее перечисляются доводы в пользу той и другой оценки. С одной стороны, Антифонт «очень много раз был стратегом, очень много раз побеждал, усилил афинский флот, укомплектовав экипажем шестьдесят триер, имел репутацию способнейшего из людей по искусству речи и познаниям». За это он достоин похвалы. С другой стороны, он «сверг демократию, поработил народ афинский, переметнулся на сторону спартанцев (ἐλακώνισε) – сперва тайно, а потом и явно...».

Обратим внимание на крайне интересное обстоятельство. То, что здесь говорится в порицание Антифону, соответствует исторической действительности. А вот то, что Филострат приводит ему в похвалу – все эти многочисленные стратегии, победы и пр., – представляет собой чистый миф, как мы отмечали выше. Создается впечатление, что на каком-то этапе наряду с традицией, направленной против Антифонта, в античной литературе начала оформляться противостоящая ей, если так можно выразиться, «проантифоновская» традиция. А поскольку противопоставить фактам ей было по существу нечего, ее представители начали активно прибегать к разного рода измышлениям, дабы обелить Антифонта.

В целом на всем протяжении биографии ощущается, что Филострат по отношению к Антифону – все-таки уже очень поздний автор, отделенный от него многими веками. Будучи при этом писателем достаточно ответственным и не «легковесным», Филострат старается не делать категоричных суждений «сплеча», в случае наличия противоречащих друг другу мнений предпочитает дать оба. Например: «Одни говорят, что Антифонт изобрел риторику, до него не существовавшую; другие же – что она была изобретена уже ранее, а он ее усовершенствовал. И мудрым он стал, по мнению одних, самостоятельно, а по мнению других – приобрел мудрость от отца».

Отец Антифонта Софил назван в биографии учителем риторики, у которого якобы учились многие влиятельные люди, и в том числе сын Клиния (т. е. Алкивиад, что, как мы уже видели, практически невозможно по хронологическим соображениям). И далее следует в основном уже известная нам информация, почерпнутая, по всей вероятности, у Кекилия: о том, что Антифонт носил прозвище «Нестор», о том, что, по свидетельству комедиографов, он продавал за деньги судебные речи (иными словами, был логографом). Нужно сказать, что комические поэты едва ли не первыми подмечали все новые, необычные явления в жизни Афин. И если, как можно считать, Антифонт действительно первым обратился к ремеслу судебной логографии, не удивительно, что это привлекло их внимание.

В качестве основной версии смерти Антифонта Филострат уже однозначно выдвигает казнь по приказу Дионисия Сиракузского. Оратор Антифонт, таким образом, уже безнадежно смешан с трагедиографом Антифонтосом. Именно по этому поводу биографом рассказан известный анекдот: на вопрос тирана, какая медь самая лучшая, Антифонт ответил: «Та, из которой отлиты статуи Гармония и Аристогитона», что и стоило ему жизни. Здесь Филострат даже делает морализаторское замечание, можно сказать, на пустом месте: дескать, в Сиракузах Антифонт порицал тирана, а в Афинах сам поработил народ.

Завершается биография довольно расплывчатой характеристикой произведений Антифонта. Впрочем, Филострат замечает, что среди них есть как судебные речи, так и «софистические» сочинения, например трактат «О согласии». Иными словами, этот биограф считает Антифонта-оратора и Антифонта-софиста одним лицом.

В этот же период упоминания об Антифонте начинают встречаться и у раннехристианских авторов. Так, Климент Александрийский (Strom. I. 16. 79) считает, что Антифонт первым начал составлять школьные речи, изобрел риторические обороты и стал за плату заниматься логографией. Представление о значимости Антифонта как некоего *πρώτος εὐρετής*, почти «культурного героя», как видим, со временем возрастает. Насколько мы можем судить, этому способствовало, помимо прочего, следующее обстоятельство. В александрийском каноне десяти великих ораторов Антифонт шел первым. Уже это заставляло лиц, знакомых с каноном, видеть в нем родоначальника ораторского искусства, каковым он все-таки не был.

Оставляем без специального рассмотрения несколько кратких и не приносящих ничего нового для нас упоминаний об Антифонте у таких авторов поздней античности, как Ориген, Лонгин, Либаний, Сопатр. Из анонимных схолиастов отметим автора схолий к Фукидиду (IV. 135), который уже совершенно однозначно говорит о том, что великий историк был учеником Антифонта. Перейдем в завершение к литературе византийского времени, которая

в отношении Антифонта продолжает античную традицию. Из византийских источников наиболее подробно об Антифонте говорится в двух: в «Библиотеке» патриарха Фотия и в словаре «Суда».

* * *

У Фотия Антифону посвящена целая рубрика (Phot. Bibl. cod. 259), где анализируются его речи, а также приводятся и биографические сведения о нем. Из более ранних авторитетов Фотий постоянно ссылается на Кекилия и опирается, несомненно, в первую очередь именно на него. Вполне естественно, что высокоученый константинопольский патриарх, большой знаток риторической техники и сам великолепный стилист, в первую очередь подробно разбирает литературные достоинства произведений Антифонта, но мы как раз опускаем этот пространный пассаж и переходим к биографической части.

От Антифонта до времени Фотия сохранялось еще 60 речей, но подлинными из них признавались только 35, а остальные 25, со ссылкой на мнение того же Кекилия, отвергались. Учился Антифонт у своего отца Софила, а сам, в свою очередь, был учителем Фукидида. Он спорил с философом Сократом. Антифонт первым начал составлять судебные речи для дикастериюв, до него этим никто не занимался. Он же первым и составил учебник ораторского искусства. Фотий приводит ряд сведений, полностью совпадающих с тем, что мы уже встречали у Псевдо-Плутарха и других писателей: о том, что Антифонта прозвали Нестором, о том, что комедиографы высмеивали его за корыстолюбие, о том, что он избрал «искусство беспечальности», о том, что он написал речь против «врача Гиппократы», о том, что он был немного моложе софиста Горгия, а дожил до переворота Четырехсот, в котором сам принял участие.

Далее по традиции излагаются разные версии смерти Антифонта: то ли он был казнен демосом после свержения Четырехсот, то ли «Тридцатью тиранами», то ли Дионисием Сиракузским (добавлена необычная подробность: якобы уже в старости Антифонт был послом к Дионисию и именно в ходе этого посольства сказал вышеупомянутую сентенцию о том, что лучшая медь – это та, из которой отлиты статуи Гармония и Аристокитона)... Снова и снова мы встречаем в источниках разноречивые сведения о том, как же погиб оратор, – и это при том, что имелся аутентичный, сохраненный Кратером документ, вынесенный ему приговор. Невольно приходится задуматься: а так ли всё просто со смертью Антифонта? Но это могло бы стать темой отдельного исследования.

Наконец, приводим и данные словаря «Суда». Под рубрикой «Антифонт» в нем имеются три статьи, которые гласят следующее: первая: «Антифонт – афинянин, гадатель, эпический поэт и софист; носил прозвище “Словесный

повар» (Λογογράφος)». Вторая: «Антифонт, сын Софила, – афинянин из дема Рамнунт; учитель его неизвестен, но все же он является зачинателем судебного рода красноречия после Горгия; говорят, что он был учителем Фукидида; прозвище же его было “Нестор”». Третья: «Антифонт – афинянин, снотолкователь, написал сочинение о толковании снов». Таким образом, как мы видим, византийский лексикограф, в отличие от большинства авторов, занял не «унитаристскую», а «разделительную» позицию по отношению к Антифону. В этом его предшественниками были Дидим и Гермоген (последний, впрочем, как мы видели, не имел полной уверенности по этому вопросу). Отличие же в данном случае заключается в том, что в «Суде» разделение идет еще дальше, чем у предшествующих писателей: выделяются уже даже не два, а три афинянина Антифонта: софист (он же гадатель), оратор и снотолкователь.

Оратор Антифонт упоминается в «Суде» еще в нескольких местах, но ничего нового из них мы не узнаём. В статье «Фукидид» говорится, что Фукидид был учеником Антифонта. А в статье «Рамнунт» указывается, что Антифонт происходил из этого дема.

Настало время подводить определенные итоги, которые, как вполне понятно, на этом этапе работы над материалом могут быть только предварительными. Как можно видеть и как представляется вполне естественным, те свидетельства о жизни и деятельности Антифонта, которые близки или относительно близки к нему по времени, являются более достоверными, но при этом, как правило, более краткими. Позже, уже спустя несколько столетий, информация количественно возрастает; появляются достаточно подробные биографии оратора. Однако в этих поздних источниках наряду с ценными сведениями (об Антифоне как об учителе Фукидида, как о первом логографе), наряду с цитированием исключительно важных документов (псефисма Андрона против Антифонта и приговор суда) появляется и немало недостоверного; возникает путаница относительно разных носителей имени Антифонт. Да и в целом картина становится более неясной. Поздние источники должны поэтому анализироваться критически и обязательно коррелироваться с более ранними свидетельствами, на предмет выявления эксплицитных и имплицитных противоречий. В целом поле для работы имеется; ряд ключевых событий жизни Антифонта традиция, как нам представляется, помогает существенно осветить. Естественно, в интересах такого освещения должны привлекаться и сочинения самого оратора – как полностью дошедшие речи (в которых, впрочем, ввиду их специфики практически нет биографических данных: они писались для судебных процессов по заказу различных клиентов), так и фрагменты речей несохранившихся, среди которых есть политические. Обращение к фрагментам Антифонта автор этих строк мыслит как одну из своих дальнейших первоочередных задач.

Приложение. Антифонт в «Меморабиях» Ксенофонта

В одном из главных произведений Ксенофонта – «Меморабиях» (в переводах на русский язык этот трактат фигурирует обычно как «Воспоминания о Сократе») в числе одного из действующих лиц, собеседников Сократа, выступает «софист Антифонт». Ксенофонт (Мем. I. 6) излагает спор, который как-то завел Антифонт с философом, «желая отвлечь от Сократа его собеседников (βουλόμενος τοὺς συνουσιαστὰς αὐτοῦ παρελθεῖναι)»⁶¹. Антифонт упрекает Сократа в том, что тот, занимаясь философией, при этом живет очень скудно, ест плохо, одевается бедно. Один из ключевых аргументов: «Денег ты не берешь, а они доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее». Соответственно, Сократ, по мнению Антифонта, учит не счастливой жизни, а несчастной. В ответ на это Сократ произносит длинную речь, главное содержание которой – оправдание его пренебрежения материальной стороной жизни. Заключительным аккордом рассуждений философа звучат слова:

Похоже, Антифонт, что ты видишь счастье в роскошной, дорого стоящей жизни; а по моему мнению, не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству – это быть очень близким к совершенству.

В другой беседе с Сократом ксенофоновский Антифонт, если так можно выразиться, бьет в ту же точку, но с другого прицела: раз Сократ не берет денег со своих учеников, значит, он сам ни во что не ставит свои знания. Ведь бесплатно отдают только то, что действительно ничего не стоит. Сократ отвечает: «Кто продает свои знания за деньги кому угодно, тех обзывают софистами; а кто, заметив в человеке хорошие способности, учит его всему хорошему, что знает, и делает своим другом, про того мы думаем, что он поступает, как следует доброму гражданину». Наконец, последний вопрос Антифонта к Сократу у Ксенофонта формулируется так: «...почему он, думая, что других делает способными к государственной деятельности, сам не занимается ею, если правда, что умеет». Понятно, что философ и на этот вопрос дает удачный ответ: Ксенофонт был учеником Сократа и, естественно, изображал своего учителя побеждающим во всех спорах.

Какие сведения об Антифонте, выведенном у Ксенофонта, мы можем почерпнуть из приведенного материала? Этот человек имеет учеников, то есть фактически возглавляет школу. Более того, он заботится о расширении своей школы, пытаясь переманивать учеников от других учителей, как от того же

⁶¹ Трактат Ксенофонта цитируется в переводе С. И. Соболевского.

Сократа. Антифонт берет со своих учеников плату, причем считает это вопросом принципиальным, снова и снова обращаясь к нему в беседах с Сократом. Последний, судя по всему, представляется Антифону неким нарушителем «корпоративной этики», поскольку плату с учеников не берет; и Антифонта это откровенно раздражает. Важным моментом представляется и то, что Антифонт упрекает Сократа за то, что тот не участвует в политической жизни; из этого недвусмысленно вытекает, что сам Антифонт в ней участвует.

Из всего сказанного Ксенофонтом об Антифоне нет ничего, что препятствовало бы отнесению этой информации к оратору Антифону из Рамнунта (хотя обычно ее к нему не относят). Вопрос о тождестве или различии Антифонта-оратора и Антифонта-софиста, повторим еще раз, настоятельно нуждается в специальном рассмотрении.

АНТИФОНТ-ОРАТОР И АНТИФОНТ-СОФИСТ: ДВА ЛИЦА ИЛИ ВСЕ-ТАКИ ОДНО?*

Данная работа является прямым продолжением статьи¹, в которой наша задача заключалась в том, чтобы свести воедино данные источников, подвергнуть их первичной критике и интерпретации. Теперь на основе проделанной предварительной работы мы можем уже перейти к построениям концептуального характера. Сказанным обуславливается в дальнейшем наша частая апелляция к статье «Antiphontea I». Поскольку в ней источниковый материал был приведен в достаточно полном объеме, это в известной степени освобождает нас здесь от повторного цитирования соответствующих свидетельств; в нужных местах мы просто будем отсылать читателя к названной статье.

Вопрос, вынесенный в подзаголовок, в отечественной историографии представляется уже решенным в пользу разделения двух названных персоналий. И действительно, такой выдающийся исследователь, как С. Я. Лурье, еще в 1920-х гг. посвятивший книгу софисту Антифонт², уже тогда занял именно такую позицию и затем последовательно ее придерживался³. По его мнению, два Антифонта были не просто разными людьми, но в чем-то даже полярно противоположными друг другу, представителями противостоящих политико-идеологических течений. С одной стороны, оратор Антифонт из Рамнунта – консерватор и реакционер, один из лидеров антидемократического лагеря; с другой стороны, софист Антифонт – выразитель радикально-демократических, даже «анархических» взглядов.

Справедливости ради следует отметить, что от внимания С. Я. Лурье не укрылись и определенные сложности, порождаемые «разделительным» подходом. Так, он заметил, что некоторые фрагменты, приписываемые традицией Антифонт-софисту и воспроизведенные в издании Дильса – Кранца как принадлежащие именно ему, на самом деле слабо коррелируют с демократической

* Впервые опубликовано (под заголовком «Antiphontea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно?») в: *Studia historica*. Т. 7. М., 2007. С. 28–43.

¹ *Суриков И. Е.* Antiphontea I: нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. 2006. Вып. 6. С. 40–68.

² *Лурье С. Я.* Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

³ См., в частности: *Luria S.* Antiphon der Sophist // *Eos*. 1963. Vol. 53. Fasc. 1. P. 68–80. В этой статье различение двух Антифонтов проводится весьма четко.

общественной позицией⁴. Лурье нашел, как ему казалось, простой выход из сложившейся ситуации: предположил, что в традицию вкралась путаница, а поставленные им под вопрос фрагменты на самом деле принадлежат Антифону-оратору; следовательно, последний также писал не только речи, но и политические трактаты. Однако, между прочим, этот, казалось бы, незначительный нюанс уже в известной степени подрывает построения «разделителей». Ведь если оба Антифонта являются авторами политических трудов, то как вообще проводить четкое различие между ними? Получается, что это можно делать только при помощи достаточно субъективного критерия – представлений того или иного ученого о том, что соответствует «духу» одного Антифонта, а что – «духу» другого, что является демократическим, а что – нет. Да при этом нужно еще и априорно предполагать отсутствие какой-либо эволюции во взглядах обоих писателей, постулировать, что Антифонт-оратор, так сказать, родился олигархом, а Антифонт-софист – демократом и «анархистом».

Как бы то ни было, несмотря на указанные серьезные проблемы, в целом убеждения Лурье относительно идентичности двух Антифонов остались непоколебленными. Хотя, строго говоря, он не снабдил свою концепцию понастоящему детальной и общеубедительной аргументацией, а излагал ее скорее в тезисной форме, но его точка зрения безусловно возобладала в отечественном антиковедении – по той простой причине, что, кроме Лурье, у нас никто за весь советский и постсоветский период Антифоном специально не занимался.

Разумеется, совсем иначе обстоят дела в зарубежной историографии по данной проблеме. Творчество Антифонта, его жизнь и деятельность на Западе пусть и не слишком интенсивно, но все-таки изучались и изучаются целым рядом ученых. Уже поэтому единой точки зрения на тождество или различие оратора Антифонта и софиста Антифонта нет. Можно говорить о существовании «антифоновского вопроса», аналогичного знаменитому «гомеровскому вопросу», хотя имеющего, конечно, значительно меньшие масштабы. Линия «водораздела» в этом «антифоновском вопросе» проходит точно так же – между «унитариями» и «разделителями». И если в первой половине XX в. возобладала последняя, то затем перевес начал постепенно склоняться на сторону «унитариев»⁵. Нельзя сказать, чтобы «разделители» сдавали свои позиции без боя: так, в относительно недавнее время Дж. Пендрик посвятил несколько

⁴ *Luria S.* Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // *Hermes*. 1926. Bd. 61. Ht. 3. S. 343–348.

⁵ См. оценку тенденций эволюции «антифоновского вопроса» в работе «унитария» Х. Эйвери: *Avery H.* One Antiphon or Two? // *Hermes*. 1982. Bd. 110. Ht. 2. S. 145–158.

статей доказательству тезиса о двух Антифонтах⁶. Однако не оставляет впечатление, что основная аргументация представителями этого направления давно уже исчерпана и они главным образом повторяют в тех или иных комбинациях уже выдвигавшиеся доводы.

«Унитарные» же взгляды были в 1990 г. со всей возможной фундированностью изложены и подкреплены М. Гагариным в работе «Античная традиция об идентичности Антифонта»⁷. Это исследование без преувеличения является самым крупным за последние десятилетия вкладом в изучение «антифонтонского вопроса». Игнорировать выкладки Гагарина уже ни для кого невозможно; остается ими пользоваться, что мы и будем делать самым активным образом.

Обращаясь собственно к рассматриваемому вопросу, подчеркнем: при его решении никак не могут иметь обязательной силы субъективные критерии вроде чисто стилистических. Вполне естественно, что речи Антифонта-оратора написаны в одном стиле, а фрагментарно сохранившиеся философские трактаты, которые принято относить к Антифонт-софисту, – в другом. В данном обстоятельстве нет ровно ничего удивительного, и оно ни в малейшей мере не может говорить в пользу существования двух авторов Антифонтов. Ведь перед нами произведения различных литературных жанров, а жанр обуславливает стиль, что прекрасно понимали уже многие античные критики.

Характерна в этом смысле позиция Гермогена Тарсийского. Он рассматривает стиль двух Антифонтов по отдельности, но полной уверенности в том, что это разные писатели, у Гермогена все-таки нет. Он постоянно колеблется и отмечает наличие доводов как за такое разделение, так и против него. С одной стороны, стилистические особенности вроде бы свидетельствуют о необходимости различения: так, стиль произведения «Об истине» отнюдь не сходен со стилем речей. Но, с другой стороны, Фукидид был учеником именно оратора Антифонта, о чем имеются многочисленные свидетельства⁸. А между тем стиль «Истории» Фукидида мало похож на стиль речей Антифонта и в то же время весьма близок к стилю трактата «Об истине». Таково суждение Гермогена⁹ (De id. II. 11–12), и, соответственно, он вынужден оговорить: вообще

⁶ *Pendrick G. Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus // Hermes. 1987. Bd. 115. Ht. 1. S. 47–60; Pendrick G. The Ancient Tradition on Antiphon Reconsidered // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1993. Vol. 34. No. 3. P. 215–228.*

⁷ *Gagarin M. The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990. Vol. 31. No. 1. P. 27–44.*

⁸ Об этом факте, помимо свидетельств, указанных в статье «Antiphonthea I», см. также: Marcellin. Vita Thuc. 22 (это сообщение было нами упущено в вышеназванной работе).

⁹ Разумеется, проверить это суждение мы ныне уже не можем, поскольку от труда Антифонта «Об истине» дошли лишь незначительные отрывки. Но нет оснований оспаривать мнение выдающегося позднеантичного риторика.

не важно, было ли два Антифонта или же один автор этого имени, писавший разными стилями, – в сочинении по вопросам стилистики в любом случае их надлежит рассматривать как двух. Очень серьезная и принципиальная уступка «унитариям» со стороны «разделителя»!

В любом случае различие двух Антифонов по стилистическому критерию исходит из той молчаливо принимаемой предпосылки, будто бы высокообразованный афинский прозаик V в. до н. э., один из видных деятелей культуры своего времени был, как в цепи, закован в жесткие стилевые рамки и не мог в различных произведениях пользоваться тем или иным стилем *ad libitum*. А это крайне уязвимый ход рассуждений.

Примерно то же самое приходится сказать об аргументе «разделителей», который идет от общественно-политических взглядов (см. выше, в связи с изложением точки зрения С. Я. Лурье). Тут исследователи опять же субъективно, исходя из собственных априорных представлений, берутся судить, что мог, а что не мог написать идеолог олигархического движения. Наверное, лучшей иллюстрацией слабости подобного подхода может служить ситуация с другим олигархом и интеллектуалом – Критием, младшим современником Антифонта и его, можно сказать, *alter ego* – до того он похож во всех отношениях на оратора из Рамнунта.

Убежденный лаконофил и враг демократии, Критий в своей политической деятельности, бесспорно, был консерватором и реакционером. Но в то же время его резонно причисляют к младшему поколению греческих софистов V в. до н. э. Более того, античная традиция устойчиво включала Крития в канон самых знаменитых «безбожников»¹⁰, основанием для чего служила написанная им драма «Сизиф», в которой дается радикально-атеистическая теория происхождения религии. Данному факту предлагались самые различные объяснения, на которых мы здесь останавливаться не будем¹¹, но вне зависимости от объяснений факт остается фактом, то есть налицо противоречие, причем точно такое же, как и с Антифоном. Почему бы тогда не попытаться «разделить» Крития, предположив, что на самом деле было два афинянина, носителя этого имени: политический деятель-олигарх¹² и радикальный

¹⁰ Из многочисленных работ об античном «каноне безбожников» особенно полезной представляется статья: *Winiarczyk M. Wer galt im Altertum als Atheist? // Hermes. 1979. Bd. 107. Ht. 2. S. 157–183.* В ней даны наиболее полные ссылки на свидетельства источников по всем конкретным персоналиям.

¹¹ Из объяснений такого рода см., например: *Sutton D. Critias and Atheism // Classical Quarterly. 1981. Vol. 31. No. 1. P. 33–38; Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 262–263; Фролов Э. Д. Критий, сын Каллестхра, афинянин, – софист и тиран // ВДИ. 2003. № 4. С. 67–89.*

¹² Кстати говоря, судя по всему, занимавшийся и составлением речей (см.: *Суриков И. Е. Antiphonthea I... С. 57*), что дает еще одну параллель с оратором Антифоном.

софист? Собственно говоря, этот последний тезис мы смело можем перевести из области возможного в область действительного. Некоторые представители позднеантичной доксографии (Симпликий, Иоанн Филопон) именно так и поступали: утверждали существование двух Критиев, не тождественных друг другу¹³. М. Гагарин совершенно верно отмечает, что благодаря такой искусственно созданной псевдотрадиции и мы могли бы быть введены в заблуждение, поверив ей, если бы о Критии до нас не дошли достаточно детализированные сообщения современников – Ксенофонта, Платона, Лисия и др. Об Антифонте ранних свидетельств значительно меньше, и они более скудны по содержащейся информации – тем легче было более поздним авторам впасть в аберрацию.

Именно к свидетельствам источников, проливающим свет на «антифоновский вопрос», нам теперь и предстоит обратиться, поскольку именно они должны быть поставлены во главу угла. Как формировалась традиция о двух Антифонтах и насколько она соответствует действительности? Попытаемся это выяснить. Предварительно необходимо подчеркнуть, что на самом деле, конечно, Антифонов было не два и тем более не один, а гораздо больше. Личное имя Антифонт было весьма распространенным в Афинах во второй половине V в. до н. э., т. е. именно на том хронологическом отрезке, который интересует нас. Известен целый ряд носителей этого имени, в том числе и среди деятелей культуры. Но в контексте данной работы важно совсем иное: были ли среди этих лиц два, которые могут быть корректно противопоставлены друг другу как «Антифонт-оратор» и «Антифонт-софист», или же такое противопоставление оказывается надуманным?

Самые ранние (и тем самым наиболее ценные) из упоминаний Антифонта в источниках (Aristoph. Vesp. 1300–1301; Thuc. VIII. 68. 1–2; VIII. 90. 1–2; Lys. XII. 67) ни дают ни дальнейшего повода для такого противопоставления. Во всех указанных местах речь идет об одном Антифоне, и это – Антифонт из Рамнунта, оратор и политик. Первым автором, с которого, как иногда считается, идет традиция, разделяющая двух Антифонов, является Ксенофонт. Конкретно указывают в этой связи на его «Меморабилии». Правда, в них фигурирует тоже только один Антифонт, которому посвящена целая глава трактата (Xen. Mem. I. 6). Но это действующее лицо бесед Сократа эксплицитно обозначено как «софист Антифонт». «Разделители» делают акцент на то, что подобный эпитет добавлен Ксенофонтом для правильной идентификации данного конкретного Антифонта, во избежание смешения его с каким-то другим носителем того же имени. С кем же? Ну конечно, с Антифонтом-оратором, Антифонтом из Рамнунта.

¹³ Gagarin M. Op. cit. P. 38.

Исключительно убедительно опровергает эту аргументацию М. Гагарин¹⁴. Он отмечает, что если целью Ксенофонта было действительно такое различие, то он выбрал, мягко говоря, далеко не лучший способ для его проведения. Термины «оратор» (ὁρῳός) и «софист» в классических Афинах отнюдь не противопоставлялись друг другу, напротив, фактически выступали как синонимы. Многие ведущие софисты (Горгий, Протагор, Фрасимах и др.) одновременно были и риторам; собственно говоря, именно они внесли (особенно Горгий) главный вклад в формирование древнегреческой риторики¹⁵.

Соответственно, если бы Ксенофонт описывал какого-то другого афинского интеллектуала Антифонта, отличного от Антифонта-оратора, и хотел бы подчеркнуть именно это, он никак не прибег бы к выражению «Антифонт-софист», поскольку подобное словоупотребление только усугубило бы путаницу, вместо того чтобы ее снять. В распоряжении Ксенофонта был гораздо лучший, к тому же общепринятый способ: назвать демотик упоминаемого им лица. Всё сразу стало бы на места, поскольку демотик оратора Антифонта – «из Рамнунта» был, несомненно, хорошо известен тогдашним читателям.

В то же время несомненно, что автор воспоминаний о Сократе добавляет к имени Антифонта эпитет «софист» все-таки именно в идентификационных целях, чтобы от кого-то его отличить. От кого же? М. Гагарин считает, что от упоминаемого тем же Ксенофонтом (Hell. II. 3. 40) триерарха Антифонта, который был казнен «Тридцатью тиранами». Но такой ход рассуждений совершенно не обязателен. В Афинах второй половины V в. до н. э. было, как мы уже отмечали выше, более чем достаточно других Антифонтов, например архонт-эпоним 418/417 г. до н. э. Антифонт, старший (единоутробный) брат Платона – Антифонт, сын Пирилампа, упоминающийся в платоновских диалогах, и др. Софистом никто из них не был, и, скорее всего, Антифонт, фигурирующий в «Меморабиях», назван так просто для того, чтобы сразу и однозначно отделить его от всех остальных Антифонтов (но только не от Антифонта-оратора!).

Мы, со своей стороны, исследовав пассаж Ксенофонта об Антифонте¹⁶, пришли к выводу, что из всего сказанного в нем нет ничего, что препятствовало бы отнесению этой информации к оратору Антифону. Перед нами предстает человек, участвующий в политической жизни и, что главное, имеющий учеников. Антифонт-оратор, бесспорно, занимался преподаванием. Правда, представители «разделительного» направления в «антифоновском вопросе» отрицают это, считая, что преподавал только Антифонт-софист, но не Антифонт из Рамнунта. Для этого им приходится отвергать как недостоверную даже

¹⁴ Gagarin M. Op. cit. P. 31–33.

¹⁵ Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485.

¹⁶ Суриков И. Е. Antiphontea I... С. 67–68.

устойчивую традицию, согласно которой последний являлся учителем Фукидида¹⁷. Для подобной гиперкритики нет сколько-нибудь серьезных оснований; более того, достаточно вспомнить, что в наследии оратора Антифонта есть так называемые «Тетралогии» – речи на вымышленные сюжеты, составленные, несомненно, в учебных целях (а в каких еще?). Странно было бы, если бы он не преподавал, но при этом зачем-то составлял учебные тексты. Итак, в «Меморабиях» Ксенофонта мы не находим ровно никакого материала, который позволял бы говорить об Антифонт-ораторе и Антифонт-софисте как о двух разных лицах.

Двинемся дальше. Чем больше проходило времени после смерти Антифонта, тем, естественно, обильнее становилась почва для различных недоразумений, разрешению которых отнюдь не способствовала упоминавшаяся выше распространенность этого имени. Так, на рубеже V–IV вв. до н. э. появился еще один деятель культуры по имени Антифонт – драматург, известный более всего тем, что он подвизался при дворе сиракузского тирана Дионисия Старшего и якобы даже помогал ему писать трагедии; по некоторым сведениям, он был в конце концов казнен Дионисием¹⁸.

В свете вышесказанного не удивительно, например, что уже историк Феопомп (FGrHist. 115. F 120) дает неверную информацию об ораторе Антифонтe, смешивая его с триерархом того же имени, погибшим от рук «Тридцати тиранов». Впрочем, Феопомпу, который не являлся афинским уроженцем, ошибиться было не так уж и сложно. Авторы, которые жили в Афинах постоянно или, по крайней мере, долго, подобной путаницы не допускают. Так, у Платона (Menex. 236a) и Аристотеля (Ath. pol. 32. 2; Eth. Eud. 1232b7 sqq.; fr. 624 Rose) фигурирует именно оратор Антифонт, и его фигура не сливается ни с какой другой. Пресловутый «Антифонт-софист» в источниках IV в. до н. э. вообще не появляется, равно как и в источниках III в. до н. э. (Филохор, Кратер). Из II в. до н. э. никаких упоминаний Антифонта вообще не дошло¹⁹, а в I в. до н. э. ситуация в основном остается прежней (Цицерон, Дионисий Галикарнаский и др.)²⁰ говорят только об одном Антифонтe – ораторе из Рамнунта), но в то же время именно в этом столетии как раз и рождается «антифонтонский вопрос», впервые возникает идея о «двух Антифонтах». Иными словами, это случилось примерно через 400 лет после времени деятельности Антифонта, что само по себе заставляет насторожиться. Одно из двух: либо внезапно появились какие-то новые, неизвестные ранее (и при этом достоверные!) биографические данные, позволившие «разделить» Антифонтов (но откуда бы им

¹⁷ Например: *Pendrick G. Once Again...* S. 47 ff.

¹⁸ См.: *Суриков И. Е. Antiphontea I...* С. 58 сл.

¹⁹ О возможных причинах см.: Там же. С. 51.

²⁰ А позже – и Плутарх.

появиться?), либо это разделение стало плодом умозрительных, чисто логических соображений, основывавшихся прежде всего на анализе стиля произведений Антифонта. Второй ответ представляется несравненно более вероятным.

Отцом «антифонтковского вопроса», судя по всему, следует признать знаменитого александрийского филолога Дидима Халкентера. Именно на него в первую очередь ссылаются позднейшие авторы, в той или иной мере призывавшие к разделительному направлению. Из колоссального даже по античным меркам (до 4 тысяч книг!) наследия Дидима до нашего времени не дошло почти ничего; не сохранился и тот его труд, в котором он писал об Антифонте. Соответственно, открытым остается вопрос: по каким же все-таки основаниям Дидим «разделил» Антифонта? Впрочем, ответ на этот вопрос с довольно значительной долей уверенности можно дать. Выше мы упоминали другого представителя «разделительного» направления – Гермогена Тарсийского. Этот последний, говоря о двух Антифонтах, ссылается на Дидима, а также указывает, что то же самое следует ἀπὸ ἱστορίας (De id. II. 11). Последнее выражение надлежит, разумеется, понимать не в том смысле, что информация почерпнута из какого-то исторического труда, а в том смысле, что Гермоген провел собственное исследование по сему предмету²¹. Кстати говоря, коль скоро он оказался вынужден такое исследование проводить, значит имевшиеся в его распоряжении аргументы, выдвинутые Дидимом, не очень-то его удовлетворяли. Строго говоря, не вполне удовлетворительными получились и результаты собственной ἱστορία Гермогена. Как мы видели, он пришел к условному различению двух Антифонтов – просто для удобства раздельного изучения стилей произведений разных жанров. Позиция очень шаткая; надо полагать, если бы Гермоген мог ее усилить, он, несомненно, сделал бы это. Он обязательно привел бы действительно сильные аргументы Дидима, если бы таковые наличествовали. Но ничего подобного мы не имеем; значит, таких аргументов он не нашел – ни у Дидима, ни где-либо еще. Из сказанного, на наш взгляд, однозначно вытекает, что доводы, которыми пользовался Дидим, были чисто стилистическими и, следовательно, согласно одной из базовых посылок, принятых в данной работе, они не могут иметь решающей силы.

Дидим, как его передает Гермоген, «разделял» Антифонта следующим образом. Всего Антифонтов было несколько (с этим абсолютно очевидным фактом никто не спорит), и двое из носителей этого имени подвизались на ниве интеллектуальной деятельности (οἱ σοφιστεύσαντες). Один охарактеризован как оратор, от которого дошли речи – об убийствах, политические и т. п. Другой же назван гадателем и снотолкователем, автором произведений «Об истине», «О согласии», «Политик». Таким образом, здесь мы видим довольно примитивное разделение, по принципу даже не столько стилистическому, сколько

²¹ Ср.: *Gagarin M. Op. cit.* P. 34–36.

чисто жанровому: речи приписаны Антифону-оратору, а трактаты – некоему «другому» (ἕτερος) Антифону, которого позже начнут называть Антифонтом-софистом. Гермоген, следуя в стилистической характеристике Дидиму, впадает даже в забавное недоразумение. О «другом» Антифоне он заявляет, что это – писатель не политический, несмотря на то, что сам же несколькими строками ранее указал на принадлежность ему трактата «Политик».

Обратим внимание на то, что «другой» Антифонт у Гермогена (а следовательно, по всей вероятности, уже у Дидима) назван, помимо прочего, «гадателем и снотолкователем» (τεράτοσκοπος καὶ ὄνειροκρίτης). Снотолкователь Антифонт упоминается уже Цицероном (*De div.* I. 39; II. 144), причем оценивается весьма высоко, как один из крупнейших специалистов в своей области. Может быть, этого Антифонта, Антифонта-гадателя, следует отличать от Антифонта-оратора, и дихотомия должна принять именно такой вид? Кажется, отрицательный ответ на этот вопрос позволяет дать свидетельство Диогена Лаэртского (II. 46), который, рассказывая о Сократе, кратко отмечает, что с ним спорил «гадатель Антифонт». Ссылается он на не сохранившуюся третью книгу Аристотелевой «Поэтики», но первоисточником данной информации, несомненно, являются «Меморабилии» Ксенофонта. Иными словами, Антифонт-гадатель, названный здесь, тождественен Антифону-софисту, выведенному у Ксенофонта (это признавал и С. Я. Лурье). Но ксенофоновского Антифонта-софиста, как мы видели выше, нет никаких оснований противопоставлять Антифону-оратору.

Итак, констатируем со всей ответственностью: теория о «двух Антифонтах» возникла скорее по недоразумению и в силу формального подхода к текстам, чем на почве каких-то реальных фактов. Конечно, по недоразумению – не значит на пустом месте: свою роль, бесспорно, играла распространенность имени Антифонт в классических Афинах, которая могла вызывать путаницу. И этой путаницы становится в источниках (уже в римскую эпоху) чем дальше, тем больше.

Особенно велик был вклад в изучение Антифонта, сделанный ритором и грамматиком Кекилием Калактийским, преподававшим в Риме в эпоху Августа. Его сочинение «О десяти ораторах», к сожалению, тоже не сохранилось. Но именно информация, собранная об Антифоне Кекилием, легла в основу практически всех написанных в дальнейшем жизнеописаний оратора Антифонта. Особенно активно данными Кекилия пользовался автор самой ранней из таких биографий, известный как Псевдо-Плутарх. Это неизвестный автор II в. до н. э., труд которого «Жизнеописания десяти ораторов» еще в древности по ошибке попал в рукописный корпус плутарховских «Моралий». Труд открывается именно биографией Антифонта, как самого раннего из «десятки» канонизированных мастеров классического греческого красноречия. Данное

произведение для нас особенно интересно, поскольку оно в наиболее полной мере отражает точку зрения Кекилия – едва ли не самого крупного авторитета из числа тех, кто писал об Антифонте. Поэтому рассмотрим его подробнее под углом «антифоновского вопроса».

Псевдо-Плутарх (и, следовательно, Кекилий) занимает ярко выраженную «унитарную» позицию. Можно сказать, даже утрированно-унитарную. Здесь мы имеем диаметрально противоположность, например, взглядам Дидима. Если последний «разделяет» Антифонов, то у Псевдо-Плутарха тенденция обратная: слить в одно лицо всех интеллектуалов классической эпохи, носивших имя Антифонт. В результате выходит, что один и тот же Антифонт был не только оратором, преподавателем риторики, логографом, оппонентом Сократа, дипломатом, политиком-олигархом, участвовавшим в перевороте 411 г. до н. э. (всё это действительно относится к Антифону из Рамнунта), но также и триерархом, казненным «Тридцатью тиранами», а заодно и драматургом, ставшим жертвой тирана Дионисия (а вот это уже явная путаница с другими носителями имени Антифонт). Одним словом, из всего этого текста можно сделать какой угодно вывод, но только не вывод об Антифонте-ораторе и Антифонте-софисте как двух отдельных лицах.

Очень похоже на псевдоплутарховскую биографию Антифонта его же жизнеописание, принадлежащее перу Флавия Филострата. Оно, как можно утверждать практически без каких-либо сомнений, тоже опиралось на труд Кекилия. Филострат приводит об Антифонте практически те же сведения, что и Псевдо-Плутарх, с некоторыми (впрочем, минимальными) вариациями. Он точно так же путает Антифонта-оратора с Антифонтом-драматургом. С другой стороны, оратор Антифонт и софист Антифонт для Филострата выступают как одно лицо: отмечается, что среди произведений Антифонта есть как судебные речи, так и «софистические» сочинения, в числе которых специально назван трактат «О согласии».

Чтобы уже закончить с нарративными текстами об Антифонте, восходящими к Кекилию, сделаем скачок через несколько веков и обратимся к «Библиотеке» патриарха Фотия²², в которой Антифону посвящена целая рубрика (Phot. Bibl. cod. 259). Фотий постоянно ссылается на Кекилия и берет информацию в первую очередь именно у него. Не удивительно поэтому, что здесь мы находим всё те же сведения, что у Псевдо-Плутарха и Филострата, и те же квипрокво. В целом по отношению к личности Антифонта Фотий также является «унитарием».

Охарактеризовав «кекилиевскую» линию, возвратимся к писателям поздней античности. Лексикографы II в. н. э. – Юлий Полидевк и Валерий Гарпократион – неоднократно цитируют Антифонта для иллюстрации той или иной

²² К общей оценке этого труда см.: *Wilson N. G. Scholars of Byzantium. L., 1996. P. 89–119.*

гlossы²³. Весьма важно, что они не проводят никакого различия между Антифонтом-софистом и Антифонтом-оратором, дают цитаты как из речей, так и из философских трактатов, сохранявшихся в их время под именем Антифонта, и убеждены в принадлежности тех и других одному автору. Особенно большое значение для интересующего нас вопроса имеет позиция Гарпократиона. Этого лексикографа никто не смог бы упрекнуть в поверхностности и дилетантизме. Он был, пожалуй, крупнейшим в свое время знатоком классических аттических ораторов, скрупулезно занимавшимся их словоупотреблением. А Антифонтом, в дополнение ко всему, Гарпократион занимался специально, написав о нем (не дошедший до нас) труд «О фигурах речи об Антифонте» (Περὶ τῶν Ἀντιφῶντος σχημάτων, Suid. s.v. Ἀρτοκρατίων). Иными словами, он знал, о чем писал, и не позволил бы себе безответственных суждений. Более того, Гарпократиону были знакомы и выкладки Дидима – основоположника «разделительного» направления. Коль скоро лексикограф проигнорировал точку зрения маститого александрийского эрудита и по-прежнему не сомневался в «единстве» личности Антифонта, значит, у него были на то серьезные основания (а он, в отличие от нас, располагал полными текстами философских сочинений Антифонта) и аргументация Дидима не показалась ему убедительной.

И вот, наконец, перед нами тот памятник, в котором «разделительная» позиция в «антифоновском вопросе» сформулирована с наибольшей четкостью. Памятник этот весьма поздний – известный энциклопедический словарь X в. «Суда». Под рубрикой «Антифонт» в нем имеются три статьи, которые имеет смысл привести *in extenso*. Первая гласит: «Антифонт – афинянин, гадатель, эпический поэт и софист; носил прозвище “Словесный повар” (Λογομάγειρος)». Вторая: «Антифонт, сын Софила, – афинянин из дема Рамнунт; учитель его неизвестен, но всё же он является зачинателем судебного рода красноречия после Горгия; говорят, что он же был учителем Фукидида; прозвище же его было “Нестор”». Третья: «Антифонт – афинянин, снотолкователь, написал сочинение о толковании снов»²⁴. Таким образом, анонимный автор словаря продолжает линию Дидима и Гермогена, но идет в этом направлении еще дальше, выделяя уже даже не двух, а трех афинян по имени Антифонт: софиста (он же гадатель), оратора и снотолкователя. Разумеется, все эти выкладки (к тому же никак не аргументированные) сами по себе не могут служить аргументом в пользу чего бы то ни было. Словарь «Суда» отделен от классической эпохи дистанцией почти в полторы тысячи лет, и в целом разного рода путаницы

²³ По подсчетам М. Гагарина, у Полидевка 48 цитат из Антифонта, у Гарпократиона – 99. См.: *Gagarin M. Op. cit.* P. 39, 42.

²⁴ Оратор Антифонт упоминается в «Суде» еще в нескольких местах, но ничего нового из них мы не узнаем. В статье «Фукидид» говорится, что Фукидид был учеником Антифонта, а в статье «Рамнунт» указывается, что Антифонт происходил из этого дема.

в нем более чем достаточно²⁵. Данные этого источника могли бы усиливать раз-
ве что «аккумулирующий» эффект, добавляя еще одного (не особенно автори-
тетного) представителя к числу «разделителей» в «антифоновском вопросе».

Но, кстати, значительной ли вообще получается «аккумуляция» такого
рода? Тут время уже подытожить проделанное нами рассмотрение источников
об Антифонтe с точки зрения его идентичности. Нетрудно заметить, что пода-
вляющее число античных (и византийских) авторов стоит в отношении Анти-
фонта на позициях унитаризма. А кто принадлежит, так сказать, к противопо-
ложному лагерю? Здесь мы можем назвать лишь несколько имен, причем из их
числа должен быть исключен такой ранний автор, современник событий, как
Ксенофонт: он, как мы видели выше, не противопоставлял Антифонта-софи-
ста Антифонт-оратору. Остаются, по сути дела, три и только три автора. Это:
Дидим, чье сочинение не дошло; Гермоген, опирающийся на того же Дидима,
да к тому же еще и не уверенный в верности «разделительного» взгляда; на-
конец, автор «Суды», свидетельство которого обладает, вообще говоря, ничтож-
ным весом.

Вот и вся «разделительная» традиция, которой противостоит несравненно
более мощная «унитарная». Выбор, как нам кажется, вполне очевиден – имен-
но в пользу этой последней. Более чем естественно признать, что один и тот
же Антифонт – Антифонт из Рамнунта – был и оратором, и софистом, а также
и снотолкователем. Отличать от него следует (если говорить о деятелях культу-
ры) только Антифонта-драматурга, который действовал несколько позже.

Но возможно ли, чтобы один человек подвизался в столь разнообразных
областях интеллектуальной деятельности? Не видим в этом ничего невероят-
ного: подобного рода универсализм был в принципе характерен для софистов,
более того – являлся предметом их законной гордости. Эти мыслители-энци-
клопедисты ставили себе в заслугу как раз широту своих интересов и занятий,
свое «многознание» (πολυμαθία). Можно припомнить в данной связи извест-
ный эпизод с софистом Гиппием Элидским (Plat. Hipp. min. 368b–d). Вот как
рассказывает эту историю Платон (словами Сократа, обращенными к самому
Гиппию):

Ты говорил, что, когда однажды прибыл в Олимпию, все твое тело было укра-
шено изделиями твоих собственных рук, и прежде всего начал ты с перстня, ска-
зав, что это вещь твоей работы, поскольку ты владеешь искусством резьбы по
камню; и другая печатка оказалась твоим изделием, а также скребок и флакончик
для масла – будто ты сработал их сам; потом ты сказал, что свои сандалии на рем-
нях ты собственноручно вырезал из кожи, а также скроил свой плащ и короткий
хитон. Но что уж всем показалось весьма необычным и знаком высокой мудрости,

²⁵ Ср.: *Gagarin M. Op. cit.* P. 42.

так это твое заявление, будто ты сам сплел свой поясок для хитона, хотя такие пояса обычно носят богатые персы. Вдобавок ты заявил, что принес с собою поэмы, эпические стихи, трагедии и дифирамбы и много нестихотворных, на разнообразный лад сочиненных речей. И по части тех искусств, о которых я только что говорил, ты явился превосходящим всех остальных своим знанием, да и самым искусным в науке о ритмах и гармониях, а также в правописании; и то же самое во многих других искусствах, насколько могу я припомнить... Да! Я совсем было позабыл о твоей преискусной памяти: ты ведь считаешь себя в этом самым блистательным из людей.

В словах Сократа (Платона), несомненно, сквозят ирония и некоторая недоверчивость. Однако серьезных оснований для недоверия на самом деле нет. Разумеется, не в похвалу Гиппию то, что он кичился и хвастался своими многогранными умениями. Но он, бесспорно, действительно имел определенную квалификацию в самых различных областях, – как видим, от глиптики до мнемотехники. В этом отношении Гиппий был типичнейшим представителем движения софистов. Почему же отказывать другому софисту – Антифону – в том, что он мог и составлять судебные речи в качестве логографа, и писать философские трактаты, и толковать сны?

Кстати, о тематике его философских трактатов. Произведения «О согласии» и «Политик», как явствует уже из заглавий, были посвящены этико-политическим проблемам философии; а оратор Антифонт, как прекрасно известно, был активным участником политической жизни²⁶ и, кроме того, будучи логографом, не мог не интересоваться человеческими характерами, вникая тем самым в проблемы этики. Что же касается труда «Об истине», то он относится уже к сфере гносеологии, и в нем вынесенная в заглавие проблема наверняка решалась в специфически софистическом, релятивистском духе.

Вообще, именно со времен софистов в бурно развивающуюся древнегреческую мысль властно вторгаются два новых круга проблематики: этика (в широком смысле, включая политику) и гносеология. Более ранним поколениям эллинских философов эти вопросы были, как известно, скорее чужды²⁷.

²⁶ С. Я. Лурье считал поэтому, что трактат «Политик» следует приписывать не Антифону-софисту, а Антифону-оратору (*Luria S. Eine politische Schrift... S. 343 ff.*). По мнению ученого, это произведение должно быть отождествлено с известным из других источников (например, *Plut. Alc. 3*) сочинением оратора Антифонта «Порицания Алкивиада» (*Ἀλκιβιάδου λοιδόρια*). Это очень уязвимая точка зрения, в пользу которой вряд ли можно привести серьезные аргументы.

²⁷ Строго говоря, первую правильную гносеологию мы находим у элеатов. Эта школа, стоящая на стыке архаического и классического мышления, завершает собой досократовскую натурфилософию и является прямым переходным звеном от нее к ранней софистике. Такой крупнейший софист, как Горгий, в целом ряде отношений является выучеником

Релятивистская гносеология софистов и их же релятивистская этика были самым непосредственным образом взаимосвязаны. Это – одна сторона медали. Другая заключается в том, что как раз в период «софистической интеллектуальной революции» происходит (во многом благодаря тем же софистам!) и зарождение судебной риторики: она начинает преподаваться, пишутся учебные пособия, появляется ремесло логографа. Перед специалистами в этой области вставали два – тоже взаимосвязанных – вопроса: вопрос об истинности содеянного (необходимо доказать / опровергнуть некоторые факты, а для этого – познать их) и вопрос о характере содеянного, о его оценке, в широком смысле – об этосе. Иными словами, перед нами те же гносеология и этика.

Не беремся рассуждать о том, развитие в какой из двух сфер было первичным, а в какой – вторичным. Важно уже то обстоятельство, что софистов-теоретиков и риториков-логографов заботили, в общем-то, аналогичные темы. На разных уровнях интеллектуальной жизни, но занимались они, в сущности, одним и тем же. Почему бы интеллектуал софистической эпохи, каким был Антифонт, не мог вести разработку гносеологии и этики (включая политику) как на конкретных жизненных примерах (судебные речи), так и в максимально абстрактной форме (философские трактаты)? Это представляется только естественным. И, во всяком случае, никаких априорных возражений против подобной постановки вопроса, на наш взгляд, быть не может.

Говоря об этике, мы настойчиво подчеркиваем: включая политику. Собственно политические речи оратора Антифонта (хотя именно они вызывали особенное восхищение современников), как известно, не дошли до нас; лишь от некоторых сохранились фрагменты, на основании которых нелегко вынести целостное суждение. Тем не менее и в речах, которые по основной тематике не имеют к политике прямого отношения, вполне обнаруживаются политические обертоны. Так, отмечалось, что в речи «О хореуте» обвиняемый, которого защищает Антифонт, – влиятельный гражданин, исполнявший хорегию, в ходе которой умер один из участников хора мальчиков, что и послужило поводом для разбирательства, – явно принадлежал к той же, что и Антифонт, политической группировке²⁸. Другой пример – речь «Об убийстве Герода». В ней интересен сам взаимный выбор логографа и подзащитного – выбор, который должен объясняться симпатиями или иной близостью. Ответчик, обвиняемый в убийстве Герода, не является афинским гражданином: он – митиленинин.

элеатов. Его тезис об отрицании бытия непосредственно вытекает из парменидовского тезиса об отрицании небытия, будучи, так сказать, его «перевертышем». А уже этот тезис порождает – и не может не породить – весь дальнейший ход релятивистских рассуждений.

²⁸ Freeman K. The Mystery of the *Choreutes* (Antiphon or. 6) // Studies in Honour of G. Norwood. Toronto, 1952. P. 85. О политическом характере речи см. также: Erbse H. Über Antiphons Rede über den Choreuten // Hermes. 1963. Bd. 91. Ht. 1. S. 17 ff.

А сам убитый Герод, напротив, был афинянином, клерухом на Лесбосе²⁹. Таким образом, Антифонт защищает в Афинах выходца из союзного полиса – члена Архэ. Ситуация вполне объяснимая, если учитывать олигархические взгляды оратора. Хорошо известно, что антидемократическая оппозиция в Афинах еще со времен Перикла сделала одним из ключевых пунктов своей борьбы заступничество за союзников, подвергавшихся чрезмерной эксплуатации со стороны государства-гегемона.

Очевидно, имеет смысл остановиться хотя бы в двух словах на соотношении софистической деятельности Антифонта и его олигархической позиции. Ведь здесь тоже может крыться предлог для возражений против наших построений, для указаний на некое (на наш взгляд, кажущееся) несоответствие. Софисты в большинстве своем придерживались демократической, а не олигархической ориентации. Это, кстати, было вполне разумно с их стороны: они не могли не понимать, что полис, управляемый демократией и декларирующий свободу слова, представляет гораздо более удобную почву для их «проповеди», нежели олигархическое государство. Более чем закономерно, что главным притягательным центром софистического движения были Перикловы Афины с их «просвещенной демократией». Становясь защитником олигархии, мог ли софист не понимать, что он «рубит сук, на котором сидит»?

Отвечая на этот вопрос, мы не будем даже прибегать к расхожей параллели с Критием, который как раз был и софистом, и олигархом. Остановимся на другом. После Перикла³⁰ на смену «просвещенной демократии» как-то уж очень стремительно пришла «непросвещенная». Лидер ее радикального крыла – Клеон – откровенно заявлял: «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться умнее законов» (Thuc. III. 37. 3–4). Лидер ее умеренного крыла – Никий – хоть и не позволял себе подобных высказываний, но думал, без сомнения, точно так же; во всяком случае ему гораздо ближе было общество гадателей и прорицателей, чем общество интеллектуалов. Не может не броситься в глаза резчайший контраст с Периклом, который мог провести целый день в беседе с Протагором на довольно абстрактную тему – о принципах причинности (Plut. Pericl. 36).

²⁹ Однажды была предпринята попытка доказать, что это не так и что Герод – тоже гражданин Митилены (*Roussel P. Remarques sur un discours d'Antiphon* (Περὶ τοῦ Ἡρώδου φόνου) // *Mélanges Gustave Glotz*. P., 1932. Vol. 2. P. 813–822). Но эта попытка оспорить общепринятое мнение не производит впечатления убедительной.

³⁰ А точнее – уже в самые последние годы его жизни (хотя и явно вопреки его воле). Вспомним псефисму Диопифа, судебные процессы Анаксагора, Аспасии и др.

Создается впечатление, что афиняне, вызвав из бутылки джинна релятивизма, теперь сами испугались практических последствий этого поступка. Яркое свидетельство тому – комедия Аристофана «Облака». Началась самая настоящая реакция: отношение к софистам и прочим «безбожникам» радикально ухудшилось, прошел ряд судебных процессов, направленных против них. Соответственным образом изменилась и позиция интеллектуалов. Афинскую охлократию периода Пелопоннесской войны большинство их уже не могло поддерживать. Тем более что и в политическом отношении государство, оказавшееся «в плену у демагогов», неуклонно катилось в пропасть. Не будем забывать о том, что переворот 411 г., одним из главных деятелей которого стал Антифонт, в сущности, был отчаянной попыткой любой ценой спасти положение и предотвратить крах. Кстати, режим Четырехсот, в отличие от режима «Тридцати тиранов», не имел репрессивного и террористического характера.

В связи со сказанным более чем естественным представляется предположить, что и взгляды Антифонта претерпели эволюцию в связи с изменением общей ситуации. И действительно, политиком-олигархом он стал довольно поздно, в пожилом возрасте, – скорее всего, только в 410-х гг. до н. э. и, во всяком случае, не раньше конца 420-х. Иными словами, произошло это именно в период нарастания охлократических тенденций в полисе. Тогда же, в конце жизни, вступил он и на стезю логографа, причем своими судебными речами, судя по всему, поддерживал членов гетерии, в которую он входил³¹ (этот вопрос заслуживает специального исследования, и мы надеемся в будущем такое исследование осуществить). Что же касается собственно философских трактатов Антифонта («Об истине», «О согласии»), то есть произведений, которые создали ему репутацию софиста, то они были созданы раньше³².

Подводим итоги. Афинянин Антифонт из Рамнунта был человеком широких интеллектуальных интересов. Его привлекали к себе и философские, и риторические проблемы. Он примкнул к движению софистов и на первом этапе своей творческой биографии создал труды на этические и гносеологические темы; тогда же были написаны и «Тетралогии» – речи-упражнения для

³¹ Фукидид (VIII. 54. 4) как раз применительно к рассматриваемому здесь времени отмечает, что одной из главных задач гетерий была взаимопомощь ее членов на судебных процессах (ἐπὶ δίκαις).

³² Х. Эйвери датирует их предположительно 430-ми или 420-ми гг. до н. э. (Avery H. Op. cit. S. 157). Вторая из этих датировок представляется нам весьма маловероятной: это первое десятилетие Пелопоннесской войны, когда афинскому гражданину было не до философских трактатов на абстрактные темы. Гораздо вероятнее 430-е (а то и 440-е) гг. – спокойное и благоприятное для интеллектуальных исканий время Перикловой «просвещенной демократии».

риторической школы, в которой он преподавал³³. В послеперикловскую эпоху и в его деятельности, и, судя по всему, в его взглядах произошли изменения. Он занялся политикой, вступил в состав гетерии, подвизался на ниве логографа. Будучи противником радикальной демократии, в 411 г. до н. э. он выступил в роли одного из лидеров свергнувшего ее переворота.

Из этой точки зрения мы в дальнейшем и будем исходить, исследуя жизнь и творчество Антифонта. Чрезвычайно интересно было бы произвести детальное сопоставление его философских произведений с речами. Очень даже вероятно, что определенные расхождения между этими двумя категориями сочинений будут иметь место. Но, учитывая сказанное выше о возможности эволюции взглядов автора (а особенно в такую напряженную, богатую всяческими коллизиями эпоху), такие расхождения меньше всего следует объяснять, прибегая к «разделительной» теории, искусственной и не опирающейся на надежные свидетельства источников. Существуют, как нам кажется, и более плодотворные пути разрешения возникающих проблем.

³³ О ранней датировке «Тетралогий» (440-е гг.) см.: Zuntz G. Once Again the Antiphontean Tetralogies // *Museum Helveticum*. 1949. Vol. 6. No. 2. P. 103; Dover K. J. The Chronology of Antiphon's Speeches // *Classical Quarterly*. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 59; Avery H. Op. cit. S. 157.

СУДЬБА ОППОЗИЦИОННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: АФИНИЯНИН АНТИФОНТ – ОРАТОР, СОФИСТ, ПРАВОВЕД, ПОЛИТИК*

Данная работа призвана подвести определенные итоги осуществлявшемуся нами на протяжении ряда лет изучению различных аспектов проблематики, связанной с личностью, деятельностью, творчеством Антифонта¹. И чем больше мы им занимались, тем более рельефно вырисовывались перед нами два обстоятельства: насколько все-таки это была крупная, примечательная фигура в афинской общественной жизни и общественной мысли V в. до н. э. (сопоставимая по масштабу, скажем, с Сократом) и насколько она незаслуженно недооценена (можно сказать, находится в пренебрежении).

Для обоснования сказанного приведем хотя бы несколько характерных фактов. Антифонт – первый, самый ранний по времени представитель плеяды десяти великих аттических ораторов (единственный из них, чья жизнь целиком пришлась на V в. до н. э.). Уже этого, полагаем, немало – того, что перед нами один из крупнейших мастеров древнегреческого красноречия². Но сказанным отнюдь не исчерпывается уникальность Антифонта.

* Впервые опубликовано в: ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.

¹ См.: Суриков И. Е. Antiphoneta I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. М., 2006. Вып. 6. С. 40–68; Суриков И. Е. Antiphoneta II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. М., 2007. Вып. 7. С. 28–43; Суриков И. Е. Antiphoneta III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // *Studia historica*. М., 2008. Вып. 8. С. 67–95; Суриков И. Е. Antiphoneta IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // *Studia historica*. М., 2009. Вып. 9. С. 1–27; Суриков И. Е. Antiphoneta V: Философские фрагменты Антифонта // *Studia historica*. М., 2010. Вып. 10. С. 25–65; Суриков И. Е. Antiphoneta VI: Важнейшее в мировой историографии исследование об Антифонте // *Studia historica*. М., 2011. Вып. 11. С. 257–275; Суриков И. Е. Antiphoneta VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // *Studia historica*. М., 2012. Вып. 12. С. 33–60; Суриков И. Е. Antiphoneta VIII: «Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н. э. // *Studia historica*. М., 2013. Вып. 13. С. 41–67; Суриков И. Е. Этопия в судебных речах Антифонта // Мнемон. СПб., 2013. Вып. 12. С. 99–126.

² Как выразился один современный критик, «Антифонт, – естественно, не Демосфен, но то, что он создал, заслуживает всяческого внимания» (*Scheidweiler F. Antiphons Rede über den Mord an Herodes // Rheinisches Museum für Philologie*. 1966. Bd. 109. Ht. 4. S. 338).

Он являлся не только практиком, но и теоретиком риторики – одним из первых на древнегреческой почве и, безусловно, первым на афинской. Таким образом, интересующий нас автор оказывается важнейшим (наряду с Горгием) представителем начального этапа в становлении античного ораторского искусства³. Его перу принадлежал трактат «Риторическое искусство» в трех книгах (к сожалению, сохранились лишь фрагменты⁴). Отметим еще, что Антифонт первым в Афинах открыл постоянно действующую риторическую школу. Достойно упоминания и то, что одним из его учеников был великий Фукидид, впоследствии в «Истории» давший наставнику восторженную оценку (Thuc. VIII. 68. 1–2). В литературе отмечалось⁵, что влияние ранних произведений Антифонта («Об истине», «Тетралогии») на стиль Фукидида совершенно несомненно (это было подмечено уже в античности). Кроме того, Антифонт изобрел ремесло логографа (сочинителя судебных речей по заказу, обычно за плату⁶) и первым в Афинах подвизался на этом поприще.

Читатель, возможно, уже заметил, насколько часто нам приходится прибегать к обороту «сделал то-то или то-то *первым*». Антифонт был воистину первопроходцем в достаточно многих отношениях. Помимо прочего, он, похоже, первым начал писать прозу на аттическом диалекте. Строго говоря, назвать его первым афинским прозаиком нельзя; в качестве такового на пару десятилетий раньше выступил Ферекид, генеалог и историк. Но последний использовал еще ионийский диалект, следуя принятой в то время традиции⁷. Антифонт и тут тоже стал новатором!

Кроме того, от Ферекида дошли лишь незначительные, разрозненные фрагменты, а от Антифонта в нашем распоряжении находятся полностью сохранившиеся сочинения: три судебных речи, составленных им в качестве логографа («Против мачехи», «Об убийстве Герода», «О хоревете»), а также три так называемые «Тетралогии» – это литературные памятники совершенно особого рода, и на них нам далее неоднократно придется останавливаться.

³ Роль Горгия в становлении древнегреческой риторики постоянно подчеркивается (например: *Romilly J. de. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, MA, 1975. P. 1–22; Wardy R. Rhetoric // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000. P. 465–485*), в то время как значение Антифонта фактически оставляется в тени.

⁴ Их русский перевод см.: *Суриков И. Е. Antiphon IV... С. 21–22.*

⁵ *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002. P. 88 ff.*

⁶ О логографах см.: *Lavency M. The Written Plea of the Logographer // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 3–26.*

⁷ *Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S. 116 ff.; Ruschenbusch E. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82. Ht. 2. S. 335–343.*

Именно «Тетралогии», датируемые 440-ми гг. до н. э.⁸, являются самым ранним (по крайней мере, из числа целиком дошедших) памятником аттической прозы. По сути дела, это единственное древнегреческое прозаическое произведение⁹, которое у нас имеется от периода Пентеконтаэтии¹⁰, да и самое древнее вообще! От всей предшествующей прозы эллинов у нас имеются лишь фрагменты.

Впрочем, уникальность «Тетралогий» – отнюдь не только в столь раннем сроке их создания. Этот труд стоит совершенно особняком, не имеет сколько-нибудь близких параллелей во всей античной греческой литературе. Перед

⁸ Zuntz G. Once Again the Antiphontean Tetralogies // *Museum Helveticum*. 1949. Vol. 6. Fasc. 2. P. 103; Avery H. One Antiphon or Two? // *Hermes*. 1982. Bd. 110. Ht. 2. S. 157; Gagarin M. Antiphon... P. 179. Ср.: Dover K. J. The Chronology of Antiphon's Speeches // *Classical Quarterly*. 1950. Vol. 44. No. 1/2. P. 59 (с некоторыми колебаниями). Существует, правда, и скептическая точка зрения, согласно которой «Тетралогии» попали в корпус Антифонта по ошибке, а на деле принадлежат перу какого-то другого, неизвестного нам писателя, причем даже не афинского (Mühl P. von der. Zur Unechtheit der antiphontischen Tetralogien // *Museum Helveticum*. 1948. Vol. 5. Fasc. 1. P. 1–5; Carawan E. The Tetralogies and Athenian Homicide Trials // *American Journal of Philology*. 1993. Vol. 114. No. 2. P. 266–267; Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998. P. 171 ff.). В таком случае их обычно относят к гораздо более позднему времени – к первой половине IV в. до н. э. Однако данное воззрение на сегодняшний день является скорее маргинальным. Рядом исследователей были высказаны весьма убедительные, практически неопровержимые доводы в пользу антифонтовского авторства (Gagarin M. The Prohibition of Just and Unjust Homicide in Antiphon's Tetralogies // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1978. Vol. 19. No. 4. P. 291–306; Gagarin M. Antiphon... P. 52 ff., 103 ff.; Zinsmaier T. Wahrheit, Gerechtigkeit und Rhetorik in den Reden Antiphons: Zur Genese einiger Topoi der Gerichtsrede // *Hermes*. 1998. Bd. 126. Ht. 4. S. 398–422). Особенно важны наблюдения М. Гагарина о корреляции в идеях между «Тетралогиями» и философским трактатом «Об истине» (из него в нашем распоряжении имеются довольно пространственные и репрезентативные фрагменты; см. о них, с русским переводом: Суриков И. Е. Antiphontea V...), в принадлежности которого Антифонт сомневаться нет никаких оснований.

⁹ «Тетралогии» следует рассматривать именно как единое, целостное произведение, части которого органично связаны между собой. Эта оговорка, полагаем, не покажется излишней. В *Corpus Antiphonticum* «Тетралогии» присутствуют как три отдельные «речи» (II, III, IV), по какой-то случайности «спрятанные» между речами (I, V, VI), которые Антифонт написал в качестве логографа для реально проходивших судебных процессов. Отсюда, полагаем, и некая абберрация, подчас препятствующая специалистам увидеть в «Тетралогиях» единый текст совершенно иного характера.

¹⁰ Геродот начал писать свою «Историю» в период Пентеконтаэтии, но продолжал работу и в начале Пелопоннесской войны, и уж, во всяком случае, опубликован труд (в неоконченном виде) был не ранее 420-х гг. до н. э. См. к проблеме: Суриков И. Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 271 сл.

нами три цикла речей (в каждом две обвинительные и две защитительные, итого четыре, отсюда и название «Тетралогии» – как бы «Четырехречия»), написанных для *вымышленных*, никогда реально не проходивших судебных процессов. Иными словами, в них действуют фиктивные действующие лица и разворачивается придуманная фабула. Данная особенность сама по себе беспрецедентна для 40-х гг. V в. до н. э. Ничего подобного до Антифонта не создавалось – и уж, во всяком случае, в прозе-то точно¹¹.

Дискуссионным является вопрос о цели написания «Тетралогий». Обычно считается, что они были составлены Антифонтom как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства¹². Однако относительно недавно Майкл Гагарин в книге, которая на сегодняшний день является, безусловно, лучшим исследованием об Антифонте¹³, выдвинул и убедительно обосновал иную идею¹⁴: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю риторическую форму, – по сути своей философское произведение в духе софистов.

Известно, что величайший представитель софистического движения, Протагор, писал (к сожалению, не сохранившиеся) «антилогии» – речи, направленные друг против друга, с аргументацией в пользу полярно противоположных точек зрения. Это вообще считалось «высшим шиком» для софистов – в ходе одного «сеанса» максимально убедительно доказать и максимально убедительно опровергнуть какой-либо тезис. В той же – типично софистической – манере созданы и «Тетралогии» Антифонта. В данном плане они стоят в одном ряду еще и с трактатом «Двойкие речи» (Δισσοὶ Λόγοι), созданным ближе к концу V в. до н. э. каким-то анонимным софистом, а также отчасти, возможно, с сочинением Продика «Геракл на распутье» (Xen. Mem. II. 1. 21 sqq.)¹⁵. Более того, к той же традиции относится, по большому счету, даже и «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта¹⁶. В какой-то степени Антифонт даже развил, усовершенствовал данный жанр: в «Тетралогиях» не по две речи, как в обычных

¹¹ Если и создавалось кем-то из софистов (например, Протагором), мы об этом ровно ничего не можем ответственно сказать, а гадать бессмысленно.

¹² Carawan E. Rhetoric... P. 171 ff.; Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. Wiesbaden, 2011. S. 139 ff.

¹³ Характеристику этой работы см.: Суриков И. Е. Antiphontea VI...

¹⁴ Gagarin M. Antiphon... P. 103 ff. Ср. схожие аргументы, но не столь тщательно разработанные, в несколько более ранней работе: Eucken C. Das Tötungsgesetz des Antiphon und der Sinn seiner Tetralogien // Museum Helveticum. 1996. Vol. 53. Fasc. 2. P. 73–82.

¹⁵ На последнюю параллель наше внимание обратил Н. П. Гринцер, за что мы ему глубоко благодарны.

¹⁶ На «диалогичный» характер этого последнего сочинения редко обращают внимание, считая обычно его направленность чисто олигархической. На самом деле ситуация

«антилогиях», а по четыре. Это обстоятельство, однако, не кажется столь уж принципиальным: всё равно в каждой из «Тетралогий» автор предоставляет слово двум (а не четырем) сторонам, носителям двух точек зрения.

Впрочем, как нам представляется, по-своему правы обе стороны – и Гагарин, и представители традиционной точки зрения. Считать «Тетралогии» Антифонта памятником философской мысли представляется вполне правомерным (кстати, опять же получается, что они представляют собой самый ранний полностью сохранившийся античный философский трактат, пусть даже и «замаскированный» под что-то иное). Тем не менее перед нами также и риторически отточенный текст, а кроме того, несомненно, немаловажный памятник юридической мысли¹⁷. Кстати, Х. Барта называет Антифонта «первым европейским правоведом»¹⁸, но вот это, пожалуй, уже преувеличение. Таковым все-таки был скорее Протагор, хотя и вклад Антифонта в развитие правовой теории у греков тоже невозможно отрицать. Для нас он очевиднее, поскольку от Протагора мы имеем только фрагменты, а дошедшее наследие Антифонта обширнее.

Оговорим еще, что в многогранной деятельности софистов правовое мышление было самым тесным образом слито с философским. Точнее будет сказать так: юридическая мысль тогда еще не получила права на самостоятельное существование (впрочем, у эллинов она не получила этого права и позже, и специалистов-юристов в Древней Греции не было¹⁹) и развивалась в рамках этических учений, которые всегда являются частью философии. Интерес же к этике (а стало быть, и к праву) особенно обострился как раз в софистический век, что стало одним из результатов «поворота философии к человеку», связываемого именно с софистами.

Антифонт и софисты – отдельная интереснейшая тема. И опять же долгое время напрасно пренебрегавшаяся. Не то чтобы по данному вопросу совсем ничего не писали. В частности, даже и в отечественной историографии С. Я. Лурье (единственный исследователь, до автора этих строк специально занимавшийся у нас Антифонтom²⁰) рассматривал его в контексте софистиче-

сложнее, на что справедливо указано, например, в работе: *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. №3. С. 14–27.

¹⁷ О наличии в «Тетралогиях» как философских, так и юридических идей подробнее см.: *Суриков И. Е.* *Antiphonēa VIII...*

¹⁸ *Barta H.* «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. 1. Wiesbaden, 2010. S. 49.

¹⁹ О возможных причинах этого см.: *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 11 сл.

²⁰ Правда, еще в XIX в. некоторые вопросы, связанные с ним, затрагивал В. К. Эрнштедт (*Jernstedt V.* *Observationes Antiphonēae* // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Т. 198. С. 1–29; *Ernstedt B. K.* Об основах текста Андокида, Исея, Динарха,

ского движения²¹. Но, как правило, его признавали лишь одним из сугубо второстепенных участников этого движения. Соответственно, в важнейших исследованиях о софистах ему было уделено очень мало места: у Гатри – меньше десятка страниц²², у Керферда – и вовсе парочка²³. А он и в этом отношении заслуживает куда большего внимания.

Достаточно сказать хотя бы о том, что «Тетралогии» Антифонта – самое большое софистическое сочинение, дошедшее до нашего времени. Ведь, в сущности, что еще имеется в нашем распоряжении из наследия софистов? Лишь разрозненные фрагменты из трудов нескольких крупных представителей их движения – Протагора, Продика, Гиппия, Горгия и др.; от Горгия, кроме того, две довольно кратких речи; плюс парочка небольших анонимных произведений («Двойные речи», «Аноним Ямвлиха»). И поэтому «Тетралогии», если рассматривать их в контексте старшей софистики, могут, как нам представляется, дать новую интересную информацию о самом этом явлении, достаточно серьезно скорректировать некоторые стереотипы, существующие в восприятии философии софистов.

Но в том-то и дело, что обычно «Тетралогии» в связи с деятельностью софистов *не* рассматривались! Причиной такого пренебрежения явилось исключительно долго господствовавшее в науке ошибочное мнение о том, что было два античных писателя, которых следует отделять друг от друга: «Антифонт-оратор» (автор судебных речей и «Тетралогий») и «Антифонт-софист» (автор философских трактатов «Об истине», «О согласии» и др., сохранившихся лишь фрагментарно). Представителем софистического движения считали только второго, а первого ему противопоставляли как идеологического оппонента, даже антагониста. Наиболее ярко подобная позиция выступает как раз у С. Я. Лурье. Для него софист Антифонт – крайний демократ и, более того, первый в истории мировой мысли анархист, а оратор Антифонт (Антифонт из Рамнунта) – реакционер и сторонник олигархии.

Здесь мы выходим на так называемый антифонтовский вопрос, имеющий сходство со знаменитым «гомеровским вопросом» в том отношении, что спор также идет между «унитариями» и «разделителями». Но если в вопросе

Антифонта и Ликурга // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Т. 202. С. 117–136; Т. 203. С. 151–192), но это были вопросы чисто филологические (текстология, рукописная традиция).

²¹ Лурье С. Я. К хронологии софиста Антифонта и Демокрита // Греко-римский сборник. Пг., 1918. С. 2285–2306; Лурье С. Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925; Luria S. Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // Hermes. 1926. Bd. 61. Ht. 3. S. 343–348; Luria S. Antiphon der Sophist // Eos. 1963. Vol. 53. Fasc. 1. P. 68–80.

²² Guthrie W. K. C. The Sophists. Cambridge, 1977. P. 285–294.

²³ Kerferd G. B. The Sophistic Movement. Cambridge, 1981. P. 50–51.

об авторе или авторах «Илиады» и «Одиссеи» этот спор, наверное, будет продолжаться вечно, без реальных шансов на безусловную победу какой-либо из сторон²⁴, то проблема одного или двух Антифонтов, на наш взгляд, все-таки в принципе решается и, кажется, на этот момент в основном довольно убедительно решена.

«Антифоновскому вопросу» мы в свое время посвятили специальную работу²⁵, и нет никакого смысла здесь ее подробно пересказывать. Поэтому сформулируем лишь несколько кратких замечаний. В первой половине XX в. «разделители» решительно преобладали среди ученых, занимавшихся Антифонт. Плоды этой ситуации можно наблюдать по сей день: в каталогах библиотек Антифонт-оратор и Антифонт-софист числятся как два разных автора, аналогично – в электронном TLG и в *Année philologique* Марузо.

Затем, однако, положение начало постепенно меняться. И главный вклад в это внес, безусловно, уже знакомый нам М. Гагарин. В высшей степени весомыми доводами ему удалось буквально «переломить» ход обсуждения проблемы. В частности, в исключительно удачной статье «Античная традиция об идентичности Антифонта»²⁶, а затем в упоминавшейся выше монографии²⁷ он со всей возможной фундированностью изложил и подкрепил «унитаристские» взгляды. Американский исследователь сосредоточил свою аргументацию на двух основных моментах. С одной стороны, он убедительно продемонстрировал: представление о двух не тождественных друг другу Антифонтах базируется, в сущности, лишь на неуверенных суждениях нескольких позднеантичных и византийских филологов (Дидим, Гермоген Тарсийский, «Суда» – и только), при том, что подавляющее большинство авторов античности знали только одного Антифонта²⁸. К тому же мнение трех перечисленных писателей

²⁴ До недавнего времени казалось, что «унитарии» одерживают верх, а взгляды таких ученых, как Л. С. Клейн (*Клейн Л. С. Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998), начинают уже выглядеть занятой экзотикой, анахронизмом. Однако в 2000-е гг. гомеровским эпосом всерьез занялся такой авторитетный специалист, как Грегори Надь, и в ряде работ (итоговая: *Nagy G. Homer the Preclassic*. Berkeley, 2010) нарисовал образ «Гомера», творящего начиная с бронзового века и вплоть до времен Писистратидов (то есть, естественно, чисто условной, фиктивной фигуры). Такой тотальной деконструкции личность основателя европейской литературы, наверное, еще не подвергалась.

²⁵ *Суриков И. Е. Antiphontea II...*

²⁶ *Gagarin M. The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1990. Vol. 31. No. 1. P. 27–44. В том же духе см.: *Wiesner J. Antiphon, der Sophist, und Antiphon, der Redner – ein oder zwei Autoren? // Wiener Studien*. 1994/1995. Bd. 107/108. Ht. 1. S. 225–243.

²⁷ *Gagarin M. Antiphon...* P. 38 ff.

²⁸ В частности, такой ранний автор, как Ксенофонт, вопреки распространенному мнению, не противопоставлял Антифонта-софиста Антифонт-оратору. Подробнее см.: *Сури-*

исходило только из стилистических критериев и уже поэтому выглядит искусственным и надуманным.

Дело в том, что при использовании стилистических признаков в качестве доказательств необходимо принимать во внимание также и жанровые различия: жанр во многом диктует стиль (а в античности это проявлялось в еще гораздо большей степени, нежели в наши дни²⁹). Антифонт писал философские трактаты, судебные речи, уникальные в жанровом отношении «Тетралогии»; его перу принадлежали и пособие по ораторскому искусству, и политический памфлет («Поношения Алкивиада»), и даже сонник... Удивительно было бы как раз, если бы он во всех этих сочинениях пользовался одними и теми же стилистическими средствами.

Кроме того (и здесь перед нами вторая линия аргументации М. Гагарина), все-таки прослеживается значительное стилистическое и языковое (а также и идейное) сходство между «Тетралогиями» и трактатом «Об истине», написанными примерно в одно время, в 440-е гг. до н. э.³⁰ Эти памятники отличаются уникальным языком; особенно бросается в глаза экстраординарно усложненный синтаксис (использование вычурных и в то же время сжатых фраз), красивый своеобразной суровой красотой, но в то же время делающий смысл подчас труднопознаваемым. Такой же язык мы во всей греческой литературе классической эпохи встретим *только* у Фукидида³¹, ученика Антифонта (и сам этот факт уже в высшей степени характерен!). Стиль же судебных речей интересующего нас писателя много проще, и это вполне понятно: в них он обращался к массовой аудитории судей, рядовых граждан, а философские произведения и «Тетралогии» предназначал для внимательного чтения узким кругом коллег-интеллектуалов.

Нельзя сказать, чтобы «разделители» сдавали свои позиции совершенно без боя: так, в относительно недавнее время Дж. Пендрик посвятил несколько статей доказательству тезиса о двух Антифонтах³², а затем отстаивал ту же

ков И. Е. Antiphonthea I... С. 67–68. Наверное, необходимо здесь сделать оговорку о том, что существовал еще драматург Антифонт (рубеж V–IV вв. до н. э.), и это тоже вносило лишнюю путаницу в позднейшую нарративную традицию.

²⁹ См. хотя бы: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 263.

³⁰ А в то же время, между прочим, еще один философский труд Антифонта – «О согласии» – имеет серьезные отличия как по стилю, так и по взглядам от трактата «Об истине», поскольку он был написан позже (ср.: *Altheim F.* Staat und Individuum bei Antiphon dem Sophisten // *Klio*. 1926. Bd. 20. Ht. 3. S. 257; *Farrar C.* The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 113).

³¹ За что и порицает великого историка последовательный аттицист Дионисий Галикарнасский на всем протяжении своего эссе «О Фукидиде».

³² *Pendrick G.* Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus // *Hermes*. 1987. Bd. 115. Ht. 1. S. 47–60; *Pendrick G.* The Ancient Tradition on Antiphon Reconsidered // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1993. Vol. 34. No. 3. P. 215–228.

точку зрения в своем издании философских фрагментов «Антифонта-софиста»³³. Однако не оставляет впечатление, что ныне «разделительная» позиция является уже «вчерашним днем», стала редким, маргинальным явлением. Основная аргументация представителями этого направления давно уже исчерпана, и они главным образом повторяют в тех или иных комбинациях уже выдвигавшиеся (и уже опровергнутые) доводы.

Например, такой: возможно ли, чтобы один человек подвизался в столь разнообразных областях интеллектуальной деятельности? Мы, со своей стороны, не видим в этом ничего невероятного: подобного рода универсализм был в принципе характерен для софистов, более того – являлся предметом их законной гордости. Эти мыслители-энциклопедисты ставили себе в заслугу как раз широту своих интересов и занятий, свое «многознание» (πολυμαθία). Можно припомнить в данной связи известный эпизод с софистом Гиппием Элидским (Plat. Hipp. min. 368b–d). Вот как рассказывает эту историю Платон (словами Сократа, обращенными к самому Гиппию):

Ты говорил, что, когда однажды прибыл в Олимпию, все твоё тело было украшено изделиями твоих собственных рук, и прежде всего начал ты с перстня, сказав, что это вещь твоей работы, поскольку ты владеешь искусством резьбы по камню; и другая печатка оказалась твоим изделием, а также скребок и флакончик для масла – будто ты сработал их сам; потом ты сказал, что свои сандалии на ремнях ты собственноручно вырезал из кожи, а также кроил свой плащ и короткий хитон. Но что уж всем показалось весьма необычным и знаком высокой мудрости, так это твоё заявление, будто ты сам сплел свой пояс для хитона, хотя такие пояса обычно носят богатые персы. Вдобавок ты заявил, что принес с собою поэмы, эпические стихи, трагедии и дифирамбы и много нестихотворных, на разнообразный лад сочиненных речей. И по части тех искусств, о которых я только что говорил, ты явился превосходящим всех остальных своим знанием, да и самым искусным в науке о ритмах и гармониях, а также в правописании; и то же самое во многих других искусствах, насколько могу я припомнить... Да! Я совсем было позабыл о твоей преискусной памяти: ты ведь считаешь себя в этом самым блистательным из людей.

В словах Сократа (Платона), несомненно, сквозят ирония и некоторая недоверчивость. Однако серьезных оснований для недоверия на самом деле нет. Разумеется, не в похвалу Гиппию то, что он кичился и хвастался своими многогранными умениями. Но он, бесспорно, действительно имел определенную квалификацию в самых различных областях, – как видим, от глиптики до мнемотехники. В этом отношении Гиппий был типичнейшим представителем движения софистов. Почему же отказывать другому софисту – Антифону –

³³ *Antiphon the Sophist. The Fragments* / Ed. by G. Pendrick. Cambridge, 2002.

в том, что он мог и составлять судебные речи в качестве логографа, и писать философские трактаты, и толковать сны?

Также иногда со стороны «разделителей» звучит следующее соображение: можно ли примирить политические взгляды «Антифонта-софиста» и «Антифонта-оратора», которые традиционно рисовались как полярно противоположные? А Антифонт, между прочим, был не только крупной фигурой интеллектуальной жизни своего времени, но и активным участником политической борьбы. В самом конце своей карьеры он даже побыл (пусть недолго) в положении одного из правителей афинского государства. Здесь самое время перейти к деятельности Антифонта как политика. Для этого придется вкратце реконструировать его биографию, – исходя, разумеется, из посылки о том, что оратор и софист были одним лицом³⁴.

* * *

Антифонт, сын Софила, из аттического дема Рамнунт, родился около 480 г. до н. э. (κατὰ τὰ Περσικά, Ps.-Plut. Vitae X от. 832f; указание на τὰ Περσικά в узком смысле адресует именно к походу Ксеркса на Элладу в 480 г. до н. э.). Отец интересующего нас персонажа, Софил, в некоторых источниках именуется софистом, что, конечно, является анахронизмом для первой половины V в. до н. э. Тем не менее не приходится сомневаться, что Софил являлся высокообразованным человеком и постарался сделать таким же своего сына (в источниках отмечается, что учителем Антифонта был именно его отец); иначе вряд ли наш герой оказался бы в числе ведущих интеллектуалов своего времени.

Исходя из даты рождения, легко можно заметить, что детство и юность будущего ратора и философа (470–460-е гг. до н. э.) пришлось на период функционирования умеренной, патерналистской модели демократии, внедрявшейся Кимоном³⁵. А вот на пору возмужания Антифонта (450-е гг. до н. э.), напротив, падает серия далеко идущих реформ, осуществленных по инициативе Перикла, которые повели к резкой радикализации демократической политической системы Афин³⁶. Эти реформы завершились к 450 г. до н. э. – как раз тогда, когда Антифонт достиг зрелости и началась его (впоследствии бурная) деятельность.

³⁴ Отчасти мы будем опираться на выкладки М. Гагарина (*Gagarin M. Antiphon...* Р. 170 ff.) – но именно только отчасти. Мы в свое время провели и самостоятельное про-сопографическое исследование о том политическом круге, в котором вращался Антифонт (*Суриков И. Е. Antiphontea III...*).

³⁵ *Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии.* М., 2008. С. 223 сл., 355.

³⁶ Об этих реформах см.: *Суриков И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии.* СПб., 2008. С. 111 сл. Только за счет их игнорирования немецкий исследователь В. Вилль, крайне негативно настроенный по отношению к Периклу, пытается отрицать

Первоначально деятельность эта была чисто интеллектуальной³⁷ и проходила, повторим уже не в первый раз, в рамках софистического движения. Из всего видно, что с идеями софистов Антифонт познакомился в достаточно молодом возрасте и как-то сразу проникся ими, поскольку они открывали начинающему талантливому автору весьма широкое поле для дальнейшей разработки. В 440-е гг. до н. э. он написал «Тетралогии» и трактат «Об истине», в 430-е гг. до н. э. – трактат «О согласии».

Сопоставляя эти два философских сочинения, каждый увидит, что они весьма различны по направленности: первый («Об истине») предстает в куда большей степени радикальным, смелым, даже циничным. Чего стоит хотя бы высказывание: «...человек может пользоваться справедливостью с наибольшей выгодой для себя, если при свидетелях будет высоко ставить законы, а в отсутствие свидетелей – требования природы³⁸» (Antiph. fr. 44 DK)³⁹. Иными словами, в случае, когда никто не видит, требования законов можно и не соблюдать?

Ничего подобного не найдем мы в труде «О согласии», он гораздо более отвечает принципам какого-то конформизма, «примирения с действительностью» (даже и само название вроде бы говорит об этом). Из данного трактата, в частности, происходит фрагмент, начинающийся характерным суждением: «Нет для людей ничего хуже безвластия (*ἀναρχίας*)» (Antiph. fr. 61 DK). Нужно сказать, что видеть анархиста (как делал С. Я. Лурье) в человеке, который предельно негативно высказался об анархии⁴⁰, вряд ли приемлемо. Кстати, мыслитель, написавший произведение, главная мысль которого – необходимость согласия, единомыслия (*ὁμόνοια*), предполагающего повиновение за-

крупную историческую роль последнего (*Will W. Perikles. Reinbek, 1995; Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003*). К критической оценке построений Вилля см.: *Суриков И. Е.* Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // *Studia historica. М., 2005. Вып. 5. С. 171–179.*

³⁷ Если Антифонт уже в 440–430-х гг. до н. э. как-то участвовал в политике, – например, входил в состав одной из многочисленных группировок-гетерий (что, вообще говоря, вполне допустимо), – то никаких прямых данных об этом у нас нет. Впрочем, мы должны правильно представлять себе эти тогдашние группировки. Их члены, собравшись, с равным жаром обсуждали чисто политические и чисто философские проблемы (ср. *Plut. Pericl. 36*). Вообще говоря, удивительным обществом были эти Афины времен «великого проекта»... О «великом проекте» см.: *Суриков И. Е.* Очерки об историописании... С. 60 сл.

³⁸ В данном фрагменте у Антифонта особенно акцентированно звучит проблематика «закон – природа» (*νόμος – φύσις*), вообще активно разрабатывавшаяся в рамках софистического движения (*Kerferd G. B. Op. cit. P. 111–130; Long A. A. Law and Nature in Greek Thought // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 412–430*).

³⁹ Все цитаты из Антифонта приведены в нашем переводе.

⁴⁰ *Eucken C. Op. cit. P. 82.*

конам (Antiph. fr. 44a DK), – уже по одному этому вряд ли может признаваться анархистом и даже демократом: как анархия, так и демократия исключают единомыслие.

Подчас предлагается считать, что перед нами именно диахронная эволюция взглядов данного автора, начавшего «скатываться» от последовательного демократизма к иной позиции – более консервативной и даже (со временем) реакционной, антидемократической, олигархической⁴¹. В свое время и мы однозначно полагали именно так⁴²: стать противником демократии Антифонта подвигли ярко выраженные охлократические процессы⁴³, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны. Впрочем, позже мы подвергли некоторой ревизии свои первоначальные взгляды⁴⁴, усомнились, был ли вообще Антифонт когда-нибудь демократом. Во всяком случае, вопрос более сложен, чем кажется на первый взгляд. Через несколько строк мы к нему вернемся, а пока констатируем: М. Гагарин, со своей стороны, акцент делает не на изменении воззрений Антифонта, а на то, что два трактата, о которых идет речь, имели неодинаковые цели и предназначались для разных, так сказать, «референтных групп»: «Об истине» – для единомышленников, «О согласии» – для более широкого круга читателей⁴⁵. Это, безусловно, тоже во многом правомерно.

Но, повторим, не предвзяты ли вообще попытки вычитать из произведений Антифонта демократические убеждения? Ключевым здесь является самый крупный и важный философский фрагмент нашего автора (Antiph. fr. 44 DK; выше он уже упоминался, не следует путать его с фрагментом 44a DK, имеющим совершенно иную направленность). Он был открыт на одном из оксиринхских папирусов (Р. Оху. XI. 1364) и опубликован в начале XX в. Будучи, таким образом, введен в научный оборот⁴⁶, он произвел сильное впечатление на исследователей своим радикализмом, что и создало Антифону репутацию «крайне левого». Однако, если внимательно прочесть данный пространственный отрывок, становится ясно: самое главное, что в нем можно найти, –

⁴¹ Farrar C. Op. cit. P. 113.

⁴² Суриков И. Е. Antiphontea II... С. 41–42.

⁴³ Даже обскурантистские. Ср. позицию Клеона в Thuc. III. 37. 3–4 (см. к характеристике этой его речи: Harris E. M. How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3.37–50) // Classical Quarterly. 2013. Vol. 63. No. 1. P. 94–109). Вспомним о судебных процессах против философов-«безбожников» (Анаксагора, Диагора, Протагора). Такому рафинированному интеллектуалу, как Антифонт, вряд ли могло уютно житься в подобное время.

⁴⁴ Суриков И. Е. Antiphontea V... С. 61–62.

⁴⁵ Gagarin M. Antiphon... P. 93 ff.

⁴⁶ Кстати, одним из первых на его публикацию откликнулся как раз С. Я. Лурье (Лурье С. Я. Новый оксиринхский отрывок // Греко-римский сборник. Пг., 1918. С. 1597–1619).

это неприкрытый цинизм, который, надо полагать, все-таки не тождествен с демократизмом взглядов?

В частности, Антифонт здесь осуждается

...и те, которые, пострадав, будут защищаться, а сами не начнут первыми; и те, которые будут оказывать благодеяния родителям, даже если те плохо с ними обращаются; и те, которые дают другим обвинять себя, а сами не обвиняют. И в этих поступках можно найти много враждебного природе; и они подразумевают, что нужно больше огорчаться, хотя можно меньше, и нужно меньше радоваться, хотя можно больше, и нужно претерпевать зло, хотя можно не претерпевать.

Многим тут видится явное созвучие, например, с рассуждениями Калликла в «Горгии» Платона. Прототипом этого «сверхчеловека», призывающего не обращать внимания на общепринятые нормы, называли и Алкивиада, и Крития... Представляется, как минимум, допустимым, что при создании образа Калликла Платон мог иметь в виду также и Антифонта.

Относительно же Калликла все согласны в том, что он изображен автором «Горгия» как выученик софистов (или просто софист), опасный человек, предтеча тирании и т. п.⁴⁷, но уж отнюдь не как сторонник демократии. Напротив, от таких-то людей и исходит угроза для демократического устройства.

Цинизм, кстати говоря, весьма характерен и для такого памятника, созданного в 420-е гг. до н. э. олигархической мыслью (и в то же время, как отмечалось выше, имеющего отношение к софистической традиции), как «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта. Ее неизвестный автор имеет с Антифонтom ряд общих черт. Оба – олигархи, вынужденные жить в условиях демократии, причем становящейся все более радикальной, видящие бесполезность борьбы⁴⁸ (в начале Пелопоннесской войны никто еще не мог догадываться, что спустя не столь уж и долгое время сложится благоприятная почва для антидемократических переворотов) и, соответственно, обреченные волей-неволей вырабатывать некий *modus vivendi* с ненавистным демосом.

⁴⁷ См. хотя бы: *Saxonhouse A. W. Freedom, Tyranny, and the Political Man: Plato's Republic and Gorgias, a Study in Contrasts // A Companion to Greek and Roman Political Thought. Oxf., 2009. P. 353–366; Edmonds R. G. Whip Scars on the Naked Soul: Myth and Elenchos in Plato's Gorgias // Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Leiden; Boston, 2012. P. 165–185; Rowe C. The Status of the Myth of the Gorgias, or: Taking Plato Seriously // Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths. Leiden; Boston, 2012. P. 187–198.*

⁴⁸ В эпоху Перикла и даже вплоть до Сицилийской экспедиции в Афинах «не было олигархов», – утверждает Э. Бадиян (*Badian E. The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. P. 81*). Олигархи, конечно, все-таки были даже и тогда, но они как бы затаились, понимая, что живут в не лучшее для них время.

В результате их позиция не могла не приобретать циничный оттенок. В качестве единственного «плюса» демократии, хоть как-то примирявшего с ней, представляла перед этими мыслителями ее эффективность. Отсюда – коллизия между двумя известными высказываниями: «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным» (Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 1); «Но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они удачно сохраняют демократию» (Ps.-Xen. Ath. pol. 3. 1).

Подобный подход предельно логичен именно для софистов: не признавая в большинстве своем абсолютных ценностей, будучи релятивистами и прагматиками, какой иной критерий могли они считать наиболее приемлемым, если не эффективность? Подобный утилитаризм взглядов (например, эстетических) с ними разделял даже и Сократ⁴⁹; уйти от утилитаристских крайностей удалось лишь Платону, но это была уже совсем другая эпоха.

По ходу Пелопоннесской войны как раз эффективность афинской демократии становилась все более проблематичной; в особенной степени это показали события, связанные с Сицилийской экспедицией 415–413 гг. до н. э., после громкого провала которой (а ведь мероприятие, в стратегическом плане дельно и логично задуманное, могло бы иметь и успешный исход, если бы не грубейшие тактические просчеты⁵⁰) возникли серьезнейшие сомнения в том, способно ли вообще тогдашнее демократическое устройство, приобретшее черты власти демагогов посредством манипуляций безответственным демосом-охлосом⁵¹, конструктивно решать какие-либо встающие перед государством задачи. В результате те, кто долго терпел эту политическую систему, в 411 г. до н. э. поднялись на ее свержение; среди них был и Антифонт.

К вопросу о возможной эволюции его позиции – как в плане теоретических взглядов, так и в плане практических действий – мы вскоре вновь вернемся, а пока обратим внимание еще вот на какой нюанс. Весьма позитивное впечатление на всех поклонников прогресса производило в вышеупомянутом папирусном фрагменте из трактата «Об истине» то, что в нем провозглашается принципиальное единство «эллинов» и «варваров»:

...По природе все рождены во всём подобными, и варвары, и эллины. Судить же об этом позволяют естественные потребности всех людей: ведь они у всех

⁴⁹ Согласно Сократу, прекрасно то, что полезно (Xen. Symp. 5. 5–7).

⁵⁰ См.: Суриков И. Е. Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // *Antiquitas aeterna*. 2007. Вып. 2. С. 30–39.

⁵¹ К проблематике демоса и охлоса см.: Картюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 100 сл.

удовлетворяются с помощью одних и тех же способностей, и в этом отношении никто из нас не определяется как варвар или эллин... Ибо мы все и вдыхаем воздух через рот и нос, и смеемся, радуясь умом, и плачем, печальясь, и слухом воспринимаем звуки, и видим оком⁵² с помощью зрения, и руками работаем, и ногами ходим... (Antiph. fr. 44 DK).

Подобная гуманность, достаточно резко контрастирующая с точкой зрения подавляющего большинства греческих писателей классической эпохи, тоже как-то располагала к Антифону и побуждала вопреки очевидности делать из него поборника демократии, «левого». Но это – характерная модернизаторская аберрация. На деле же как раз у приверженцев народовластия в Афинах демократизм убеждений органично уживался с шовинизмом. У Еврипида, наиболее демократично настроенного из великих аттических драматургов, встречаем строки, недвусмысленно уделяющие эллинам роль господ, «варварам» – роль рабов (Eur. Iph. Taur. 1400 sq.).

И как раз олигархам в меньшей степени, нежели демократам, был свойствен этот шовинизм. Во всяком случае, это проявлялось, например, в отношении к союзникам по Афинской архэ. Хорошо известно, что противники радикальной, империалистической демократии строили свою пропаганду в значительной степени на упреках демагогам в том, что те превращают Афины в «город-тиран». Соответственно, они часто брали на себя защиту интересов союзных полисов и их граждан от чрезмерного произвола со стороны державного демоса. В полной мере относится сказанное и к Антифону, о чем свидетельствуют его фрагментарно сохранившиеся речи «О форосе линдийцев», «О форосе самофракийцев»⁵³ и полностью дошедшая «Об убийстве Герода» (о ней см. ниже).

Итак, похоже, что в рядах убежденных сторонников демократии (во всяком случае, периклова и постпериклова толка) Антифонт никогда не значился. С другой стороны, это не означает, что «диахронная» версия не имеет никакого права на существование. Просто ее нужно иначе сформулировать. Не Антифонт, преобразившийся из «демократа» в «олигарха», нас будет интересовать, а «олигарх» Антифонт, чьи взгляды со временем становились, во-первых, все более крайними и оппозиционными существующему демократическому режиму, во-вторых же, все более интенсивно претворялись в активные действия.

⁵² У Антифонта употреблено именно возвышенное, поэтическое выражение τῇ αὐτῇ. Впрочем, это слово можно понимать и как солнечный свет, но тогда менее ясной становится грамматическая конструкция фразы.

⁵³ Русский перевод соответствующих фрагментов см.: Суриков И. Е. Antiphontea IV... С. 12–13, 16–17. В целом о фрагментах судебных речей Антифонта см.: Mészáros T. Some Thoughts on the Fragments of Antiphon // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 193–200.

Как уже отчасти говорилось выше, между трактатом «Об истине», написанном в 440-е гг. до н. э., и трактатом «О согласии», датированном с наибольшим основанием 430-ми гг. до н. э., есть идейные различия. Если с мыслями, высказываемыми в первом из этих сочинений, мог бы, полагаем, без натяжек согласиться любой представитель интеллектуальной демократической элиты, второе должно было производить не вполне похожее впечатление. Уж слишком силен в нем акцент на началах дисциплины, порядка, безусловного повиновения законам.

Но и согласие, во всяком случае, представляется величайшим благом для городов, и чаще всего в них советы старейшин и лучшие мужи увещивают граждан сохранять согласие; и повсюду в Элладе существует закон – гражданам клясться, что они будут в согласии, и повсюду приносят эту клятву. Я же считаю, что это заключается не в том, чтобы граждане присуждали победу одним и тем же хорам, или восхваляли одних и тех же флейтистов, или предпочитали одних и тех же поэтов, или радовались одному и тому же, а в том, чтобы они повиновались законам. Ибо когда граждане им следуют, города становятся более сильными и богатыми; а без согласия ни городом невозможно хорошо управлять, ни домохозяйство хорошо вести (Antiph. fr. 44a DK).

Все это явно должно было напоминать читателям/слушателям⁵⁴ Антифонта не афинские, а спартанские реалии⁵⁵. Можно в данной связи упомянуть еще и похвалу воспитанию, звучащую в том же трактате:

⁵⁴ Традиционно считается, что в V в. до н. э. литературные произведения писались еще для восприятия слухом, а не зрением. В целом это так; но, кажется, именно Антифонт первым стал отходить от этого правила (ср.: *Gagarin M. Antiphon...* P. 103 ff.; *Суриков И. Е. Antiphontea VI...* С. 260–261. Прим. 13), и, кстати, впоследствии по тому же пути пошел лучший из его учеников – Фукидид (Thuc. I. 21–22; см. в связи с этим: *Morrison J. V. Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9*). Ранние произведения Антифонта – «Об истине» и «Тетралогии» – очень трудные тексты (и с точки зрения содержания, и с точки зрения языка); их надо было именно читать, а не слушать, чтобы понять в полной мере. Напомним, кстати, что Антифонт являлся и первым логографом, а с этим ремеслом связана необходимость именно читать, ведь клиенты логографов заучивали написанные теми речи наизусть, а это можно сделать только путем чтения.

⁵⁵ См. ярчайшую характеристику спартанского повиновения законам: Herod. VII. 104. Ср. также аргументированный отзыв Платона (устах Сократа, современника Антифонта) о Спарте как самом богатом государстве Греции (Plat. Alc. I. 122d–123a); в том, что оно является также и самым сильным, вообще никто не сомневался вплоть до времен Эпаминонда. В процитированном фрагменте имеются и другие спартанские аллюзии, например упоминание о «советах старейшин» (γερονσίαι) – орган с таким названием существовал именно в Спарте. Можно даже заметить, что само название трактата Антифонта «О согласии» (Περὶ ὁμόνοιας), несомненно, коррелировало в уме соответствующим образом настроенных читателей со спартанскими ὁμοιοί.

Воспитание, считаю я, – первое из того, что есть в людях: ибо, когда правильно сделают начало хоть какого-нибудь дела, вероятно, что и конец будет правильным. Ведь и какое посеют в землю семя, такие и всходы следует ожидать. И, когда посеют в юное тело благородное воспитание, тело живет и цветет на протяжении всей жизни, и ни дождь, ни засуха этого не отнимут (Antiph. fr. 60 DK).

Опять же, в связи с этим не могло не припоминаться спартанское общество, в котором (во всяком случае, согласно взглядам, весьма распространенным в Греции, в том числе и в Афинах) наибольшее развитие получила система воспитания, направленная всецело на приобретение будущими гражданами всяческих доблестей.

Одним словом, в рассматриваемом произведении Антифонт зарекомендовал себя как акцентированный лаконофил. Отметим еще, что в трактате «О согласии» звучат нотки нескрываемого пессимизма. Например: «Вся жизнь удивительным образом подходит для порицания, милейший, и ничего в ней нет большого, великого и священного, а всё мало, слабо, кратковременно и перемешано с великими печальями» (Antiph. fr. 51 DK). Перед нами тоска ностальгирующего оппозиционера, жалобы на то, что жизнь в целом измывчала... Не удивительно, что человек с подобным подходом выступил теоретическим разработчиком переворота 411 г. до н. э., целью которого было возвращение к «порядкам прошлого», к временам Клисфена и Солона.

В годы Пелопоннесской войны (скорее во второй половине ее первого десятилетия) Антифонт начал проявлять себя и в политической жизни (получается, уже в достаточно зрелом возрасте – под шестьдесят⁵⁶). Аристофан в «Осах», поставленных в 422 г. до н. э., упоминает его как одного из членов гетерии Фриниха (οἱ περὶ Φρύνιχον, Aristoph. Vesp. 1300–1301) – в будущем лидера переворота 411 г. до н. э., возглавившего установившийся в его результате олигархический режим Четырехсот⁵⁷. Похоже, что у Антифонта, как говорится, кончилось терпение – в связи с окончательным наступлением «эры демагогов» после смерти Перикла – и он решил, что пришла пора бороться с деструктивными тенденциями не только в теории, но и на практике.

Правда, еще какое-то время он предпочитал держаться несколько в тени, не афишировал своего подлинного влияния и, – по крайней мере, внешне – оставался на «вторых ролях» до тех пор, пока не пришло время решительных

⁵⁶ Современники прозвали Антифонта Нестором. Нестор, как известно, – самый красноречивый герой «Илиады», но ведь также и самый пожилой.

⁵⁷ О Фринихе см.: Westlake H. D. Phrynichos and Astyochos (Thucydides VIII 50–51) // Journal of Hellenic Studies. 1956. Vol. 76. P. 99–104; Schindel U. Phrynichos und die Rückberufung des Alkibiades // Rheinisches Museum für Philologie. 1970. Bd. 113. S. 281–297; Hammond N. G. L. The Meaning and Significance of the Reported Speech of Phrynichus in Thucydides 8, 48 // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977. P. 147–157.

действий. Потому-то он и не позиционировал себя в качестве руководителя собственной гетерии⁵⁸; к таким людям всегда было привлечено пристальное внимание общественного мнения, а как раз такого внимания Антифонт не хотел. Ему удобнее было находиться в положении незримого «мозгового центра» группировки. Точно так же поступали и некоторые другие политики более раннего времени: Мнесифил при Фемистокле в 480 г. до н. э.⁵⁹, Дамонид (или Дамон) при Перикле в 460–450-е гг. до н. э.⁶⁰

Именно тогда – не ранее конца 420-х гг. до н. э.⁶¹ – наш герой стал и первым логографом. Его сохранившиеся судебные речи датируются в исследовательской литературе с некоторыми расхождениями⁶², однако в целом их хронология не выходит за пределы конца 420-х – 410-х гг. до н. э.

С какой целью Антифонт взялся работать для клиентов? Логографы последующего времени, IV в. до н. э., делали это в основном ради заработка; их профессия являлась весьма прибыльной⁶³. Нельзя, конечно, исключать подобной же мотивации и в случае с интересующим нас персонажем. Деньги, судя по всему, были ему небезразличны. По сообщению Ксенофонта (Мем. I. 6), он брал деньги со своих учеников и настойчиво упрекал Сократа за то, что тот не поступает так же⁶⁴. Очевидно, «босоногий мудрец» представлялся Антифону нарушителем «корпоративной этики», занимающимся, так сказать, демпингом, что откровенно раздражало нашего героя. Далее, указывается, что комедиограф Платон как раз примерно в то же время высмеивал Антифонта

⁵⁸ О гетериях и их лидерах см.: *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С. 217 сл. (со ссылками на предшествующую литературу).

⁵⁹ *Frost F. J.* Themistocles and Mnesiphilus // *Historia*. 1971. Bd. 20. Ht. 1. S. 20–25.

⁶⁰ О проблеме Дамона-Дамонида см.: *Raubitschek A. E.* Damon // *Classica et mediaevalia*. 1955. Vol. 16. P. 78–83; *Ritoók Z.* Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // *Wiener Studien*. 2001. Bd. 114. S. 59–68; *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 158–161.

⁶¹ *Avery H.* Op. cit. P. 157; *Gagarin M.* Antiphon... P. 180.

⁶² В связи с их датировкой см. также: *Dover K. J.* Op. cit.; *Freeman K.* The Mystery of the *Choreutes* // *Studies in Honour of G. Norwood*. Toronto, 1952. P. 85–94; *Schindel U.* Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons. Göttingen, 1979. S. 6; *Heitsch E.* Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden, 1980. S. 3; *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984. S. 32, 90.

⁶³ Впрочем, относительно знаменитейшего из логографов – Лисия – С. Мансури в недавно вышедшем исследовании замечает, что тот руководствовался не только материальными, но и идейными побуждениями (Лисий был убежденным демократом). См.: *Mansouri S.* Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 99 ss.

⁶⁴ *Morrison J. S.* The Truth of Antiphon // *Phronesis*. 1963. Vol. 8. No. 1. P. 35.

за сребролюбие (Plato Com. fr. 103 Kock)⁶⁵. Впрочем, драматурга мог задевать уже сам тот факт, что кто-то начал обогащаться путем составления речей (речи ведь писались логографами, полагаем, в любом случае не бесплатно), придумав совершенно новый, ранее не существовавший источник дохода.

С другой стороны, не сомневаемся, справедливо и утверждение Фукидида (VIII. 68. 1) о том, что Антифонт своим искусством красноречия помогал единомышленникам. Похоже, что его деятельность как логографа можно трактовать в том числе и как форму участия в политике. Характерно, что из трех его сохранившихся судебных речей в двух присутствуют политические мотивы. Нет таковых только в речи I «Против мачехи» (или, во всяком случае, мы теперь не в состоянии их в ней обнаружить)⁶⁶.

В речи V «Об убийстве Герода», самом большом по размеру и лучшем в художественном отношении из имеющихся в нашем распоряжении произведений Антифонта, эти мотивы скорее подспудны. Клиент Антифонта – молодой митиленин Евксифей – обвиняется в убийстве афинянина Герода, клеруха в Митилене⁶⁷; согласно нормам аттического права, обвинителями выступают родственники Герода, то есть тоже афинские граждане.

Политической подоплекой речи является то, что после митиленского восстания 428–427 гг. до н. э. афиняне негативно относились к митиленианам⁶⁸,

⁶⁵ Интересно, что делал он в это в политической комедии под названием «Писандр», заглавный герой которой впоследствии выступил, вместе с Антифонтом и Фринихом, одним из организаторов переворота 411 г. до н. э. Датировка ее неясна; одни исследователи относят ее к 422 г. до н. э., другие же более осторожно считают, что точнее, чем «до 411 г. до н. э.», время ее постановки определить нельзя. См. к вопросу: *Kraus W. Platon (2) // Der Kleine Pauly. Bd. 4. Stuttgart, 1970. S. 905.*

⁶⁶ Эту речь высоко оценивал великий Виламовиц (*Wilamowitz-Moellendorf U. von. Die erste Rede des Antiphon // Hermes. 1887. Bd. 22. S. 194–210*); впоследствии, однако, ее стали считать едва ли не самым слабым произведением Антифонта, и только в последнее время раздались голоса в пользу ее «реабилитации» как памятника ораторского искусства и правовой мысли (*Carawan E. Rhetoric... P. 216 ff.; Gagarin M. Antiphon... P. 146 ff.*). В отечественной литературе об этой речи (а также о речах V и VI) см.: *Суриков И. Е. Antiphontea VII...; Суриков И. Е. Этопея...*

⁶⁷ В результате внимательного прочтения речи присоединяемся к преобладающей точке зрения, согласно которой Герод был именно афинским гражданином, а не митиленским. Противоположное мнение см.: *Roussel P. Remarques sur un discours d'Antiphon (Περὶ τοῦ Ἡρόδου φόνου) // Mélanges Gustave Glotz. T. 2. P., 1932. P. 813–822.*

⁶⁸ См. в связи с этим: *Wassermann F. M. Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1956. Vol. 87. P. 27–41; Wassermann F. M. Die mytilenaische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 477–497; Debnar P. A. Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // Rheinisches*

на чем и пытаются «сыграть» противники Евксифея. Последний не мог принимать личного участия в мятеже, поскольку был тогда еще подростком, отец его – один из именитых митиленян, человек на момент процесса уже пожилой – оказался каким-то образом причастен к этим делам. Хотя к иску об убийстве данный факт не имел ровно никакого отношения, родственники Герода припомнили и о нем (нападки на родителей и родственников противника были вообще распространенным приемом в судебных речах⁶⁹). В результате обвиняемый вынужден оправдываться не только за себя, но и за отца:

...Прежде, чем случилось отпадение митиленян, отец делом показывал свою приверженность к вам (афинянам. – *И. С.*). Когда же весь город, отпав, принял дурное, ошибочное решение, поневоле со всем городом провинился и мой отец. Итак, мыслями своими он даже и при таких обстоятельствах всё равно был за вас, но уже не мог в этой ситуации проявлять ту же приверженность к вам. Ибо у него не было возможности легко покинуть город: ведь многое его там удерживало – и дети, и имущество. А, с другой стороны, оставаясь в городе, не под силу ему было отстаивать свое мнение (*Antiph. V. 76*).

Обращает внимание на себя то, что Антифонт защищает в суде гражданина союзного полиса против обвинителей-афинян. Это выглядит логично вытекающим из его общей позиции (о ней говорилось выше), которая была, в сущности, принципиальной позицией афинских противников радикальной демократии в целом, – начиная, как минимум, с Фукидида, сына Мелесия (*Plut. Pericl. 12*). Она заключалась в том, чтобы противостоять империалистическим тенденциям, бороться с нарастанием кровавого насилия со стороны Афин по отношению к союзникам. Напомним, что у Антифонта было несколько речей, написанных с целью снижения форо́са для отдельных городов, входивших в Архэ.

Наиболее силен политический подтекст в речи VI «О хоре́вте»⁷⁰. Здесь клиент нашего логографа (имя этого человека, к огромному сожалению, неизвестно) – немолодой уже афинянин, знатный и богатый, входящий в состав политической элиты и, судя по всему, даже принадлежащий к числу наиболее видных государственных деятелей своего времени, причем придерживающийся консервативных взглядов, позиционирующий себя врагом демагогов (таким образом, он был соратником самого Антифонта).

Museum für Philologie. 2000. Bd. 143. Ht. 2. S. 161–178; *Schmitz T.* The Mytilene Debate in Thucydides // *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. B.; N. Y., 2010. S. 45–65; *Harris E. M.* Op. cit.

⁶⁹ *Суриков И. Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *Древнее право*. 1999. № 2 (5). С. 40–41; *Кудрявцева Т. В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 231.

⁷⁰ *Erbse H.* Über Antiphons Rede über den Choreuten // *Hermes*. 1963. Bd. 91. Ht. 1. S. 17.

На этого гражданина была наложена литургия: его назначили хорегом⁷¹, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хоревтов одному из них дали какое-то лекарство (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорегу в неумышленном убийстве. Подзащитный Антифонта в своей речи заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его противников – демагогов Филина, Аристиона, Амπεлина и др., ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением и они хотели от него избавиться.

Из упомянутых в предыдущей фразе лиц наиболее интересен Филин. Эпиграфические данные (надписи на остраконах для остракизма) позволили установить, что он был родным братом гораздо более известного демагога – Клеонфонта⁷², одного из трех (наряду с Клеоном и Гиперболом) «великих демагогов», действовавших в Афинах на протяжении Пелопоннесской войны. Оба брата – и Клеонфонт, и Филин, – разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У последнего была и особая речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов⁷³ (Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim).

Таким образом, можно видеть, что политическая «составляющая» в деятельности Антифонта постепенно нарастала. Прекрасно известно, чем это закончилось. События 411 г. до н. э., свержение афинской демократии⁷⁴ («... вдохновителем всего этого переворота, разработавшим план его осуществления уже с давних пор, был афинянин Антифонт», Thuc. VIII. 68. 1); кратковременное – на протяжении буквально нескольких месяцев – пребывание бывшего оратора-софиста в роли вначале второго, после Фриниха, а затем (когда Фриних был убит) даже и первого лица в государстве; ликвидация олигархии Четырехсот, отдача Антифонта под суд⁷⁵ (что интересно, он не бежал из полиса,

⁷¹ О хорегии см.: *Бондарь Л. Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 15 сл.

⁷² *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Raubitschek A. E.* Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71; *Суриков И. Е.* Острака и афинская просопография // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. История*. 2004. № 1 (3). С. 59–60.

⁷³ Их русский перевод см.: *Суриков И. Е.* Antiphontea IV... С. 18–19. Фрагменты, к сожалению, малоинформативны. В речи в какой-то связи много говорилось о жеребьевке, а также упоминалась радикально-демократическая (или, скорее, демагогическая?) инициатива Филина – «сделать всех фетов гоплитами».

⁷⁴ Редкий случай совершенно бескровного переворота (при всей его масштабности, между прочим, это был первый в истории Афин случай, когда демократия была свергнута). См.: *Taylor M. C.* Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // *Journal of Hellenic Studies*. 2002. Vol. 122. P. 91–108.

⁷⁵ По счастливой случайности до нас дошла псефисма о суде над Антифонтом, и даже с приложенным текстом смертного приговора (Ps.-Plut. Vitae X or. 833e–834b). Это очень

подобно большинству других лидеров павшего режима, а предпочел честно предстать перед дикастами, хотя и не мог не понимать полную безнадежность своего дела⁷⁶); его «лебединая песнь» – блистательная защитительная речь «О перевороте», которая не спасла его от осуждения, но произвела сильнейшее впечатление на современников (Thuc. VIII. 68. 2; Arist. Eth. Eud. 1232b7 sqq.)⁷⁷; казнь с бесчестьем.

* * *

Итак, рассмотрение взглядов и деятельности Антифонта приводит нас к тому же выводу: перед нами не два разных человека – демократ и олигарх, – а идейная эволюция одного и того же лица, интеллектуала-софиста, постепенно становившегося все более активным оппозиционером по отношению к правящей демократии. И эволюция эта, кстати, выглядит весьма логичной в свете общего «дрейфа» тогдашней софистической мысли.

В связи с вопросом о политической позиции софистов существуют две основные точки зрения. Одна традиционна (восходит, пожалуй, к Дж. Гроту⁷⁸) и заключается в том, что эти философы всегда последовательно придерживались демократических позиций⁷⁹. Вторую относительно недавно выдвинул Р. Уоллес⁸⁰, утверждающий, что в развитии софистического движения было два

ценный источник по политической борьбе в 411 г. до н. э. (*Ferguson W. S. The Condemnation of Antiphon // Mélanges Gustave Glotz. T. 1. P., 1932. P. 358*).

⁷⁶ Как правильно показывает М. Гагарин (*Gagarin M. Antiphon... P. 162–164*), Антифонт, защищаясь в суде, пытается доказывать свою невиновность с помощью логических аргументов, апеллирует к разуму, а не к эмоциям. Можно ли представить себе что-либо более бесполезное (и даже вредное) в выступлении перед коллегией афинских дикастов? Но Антифонт, судя по всему, было важнее отстоять свою невиновность, чем остаться в живых, и это рекомендует его как весьма принципиального человека. Более того, М. Гагарин с полным основанием указывает на аналогию с другим (куда более известным) процессом, имевшим место через 12 лет. Наверняка читатели уже догадываются, о чем и о ком идет речь. Добавим, что параллель между «делом Антифонта» и «делом Сократа» до Гагарина никем не была в должной мере подмечена.

⁷⁷ Русский перевод сохранившихся фрагментов речи см.: *Суриков И. Е. Antiphon-tea IV... С. 5–8*.

⁷⁸ *Grote G. A History of Greece: From the Time of Solon to 403 B.C. L.; N. Y., 2001. P. 408 ff.* (очередное переиздание классического труда).

⁷⁹ Один из последних примеров манифестации данного мнения: *Gagarin M. Antiphon... P. 11*.

⁸⁰ *Wallace R. W. The Sophists in Athens // Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens. Cambridge, MA, 1998. P. 203–222; Wallace R. W. Plato's Sophists, Intellectual History after 450, and Sokrates // The Cambridge Companion to the Age of Pericles. Cambridge, 2007. P. 215–237*.

этапа, а рубежной датой выступает 430 г. до н. э., после которого взгляды софистов становятся менее демократичными и, соответственно, отношение к ним со стороны афинской демократии – менее благожелательным.

Нам представляется более близким к истине именно это последнее мнение. Более чем закономерно, что главным притягательным центром софистического движения были Перикловы Афины с их «просвещенной демократией». Но после Перикла⁸¹ на смену этой «просвещенной демократии» как-то уж очень стремительно пришла «непросвещенная». Лидер ее радикального крыла – Клеон – откровенно заявлял: «Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. Ведь те желают казаться умнее законов» (Thuc. III. 37. 3–4)⁸². Лидер ее умеренного крыла – Никий – хоть и не позволял себе подобных высказываний, но думал, без сомнения, точно так же; во всяком случае, ему гораздо ближе было общество гадателей и прорицателей, чем общество интеллектуалов. Не может не броситься в глаза резчайший контраст с Периклом, который мог провести целый день в беседе с Протагором на довольно абстрактную тему – о принципах причинности (Plut. Pericl. 36).

Создается впечатление, что афиняне, вызвав из бутылки джинна релятивизма, теперь сами испугались практических последствий этого поступка. Яркое свидетельство тому – комедия Аристофана «Облака». Началась самая настоящая реакция: отношение к софистам и прочим «безбожникам» радикально ухудшилось, прошел ряд судебных процессов, направленных против них. Соответственным образом изменилась и позиция интеллектуалов. Ясно, что охлократические и обскурантистские тенденции, наметившиеся в Афинах в период Пелопоннесской войны, никоим образом не могли приветствоваться такими рафинированными интеллектуалами, как представители софистического движения (одним из которых был Антифонт). Тем более что и в политическом отношении государство, оказавшееся «в плену у демагогов», неуклонно катилось в пропасть. Не будем забывать о том, что переворот 411 г. до н. э., одним из главных деятелей которого стал Антифонт, в сущности, был отчаянной попыткой любой ценой спасти положение и предотвратить крах. Кстати, режим Четырехсот (выросший «изнутри»), в отличие от режима «Тридцати тиранов» (откровенно навязанного Лисандром), не имел репрессивного и террористического характера.

⁸¹ А точнее – уже в самые последние годы его жизни (хотя и явно вопреки его воле). Вспомним псефисму Диопифа, судебные процессы Анаксагора, Аспасии и др. (см.: Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 86 сл.).

⁸² См. в данной связи интересную статью: Wassermann F. M. Post-Periclean Democracy...

В работе Т. Саундерса (одной из немногих, где предпринимается попытка соотнести Антифонта с другими мыслителями V в до н. э.) наш автор определен как «консервативный фундаменталист», уникальный для греческой общественной мысли⁸³. Мы бы, пожалуй, поспорили буквально со всем в этой формулировке. Прежде всего, сильно преувеличено суждение об уникальности взглядов Антифонта: весьма близок к нему Критий (тоже софист или, по меньшей мере, ученик софистов – и в то же время выраженный олигарх-лаконофил), да даже и Сократ не так далек, как может показаться на первый взгляд⁸⁴ (он тоже был и лаконофилом, и, в общем-то, сторонником олигархии). Далее, у Антифонта очевидным образом был скептический, ищущий ум, что чуждо любому фундаментализму, охотно довольствующемуся имеющейся суммой знаний и воззрений.

Наконец, самое главное. Можно ли называть Антифонта и таких людей, как он, – интеллектуальных оппозиционеров системе афинской демократии – консерваторами? Позволим себе серьезно усомниться в этом. Да, для нас привычны такого рода ассоциации: «демократы – революционеры, радикалы»; «противники демократии – консерваторы, охранители». Но эти стереотипы, сложившиеся в совершенно иную эпоху (конкретно – в эпоху буржуазных революций в Европе Нового времени) мало применимы к древнегреческому демократическому полису в пору его расцвета. В Афинах V в. до н. э., о которых здесь идет речь, всё было в точности наоборот. Консерваторами и охранителями, сторонниками существующего порядка являлись как раз приверженцы демократии – постольку, поскольку именно демократию представлял собой этот существующий порядок⁸⁵. Олигархи же, противники демократического режима⁸⁶, напротив, освоили нишу оппозиционных радикалов, революционеров-ниспровергателей, стремящихся изменить status quo. Антифонт среди этих последних занимал одно из виднейших мест.

⁸³ *Saunders T. J.* Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 1977/1978. Vol. 78 P. 230.

⁸⁴ Подробнее см.: *Суриков И. Е.* Сократ и «Тридцать тиранов» // *Scripta antiqua.* 2011. Т. 1. С. 193–205. Сократа, конечно, тоже нужно рассматривать всецело в контексте софистического движения (пожалуй, не было бы софистов – не было бы и Сократа; ср.: *Kerferd G. B.* *Op. cit.* P. 155; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 265), хотя его участие в этом движении было весьма *sui generis*. Тем не менее попытки «лобового» противопоставления» Сократа софистам (как в: *Туманс Х.* Сократ и софисты: проблематизация интеллектуального творчества // *Мнемон.* 2011. Т. 10. С. 335–362) уже не представляются безусловно оправданными.

⁸⁵ Эта идея подробнее развита нами в: *Суриков И. Е.* Солнце Эллады... С. 119 сл.

⁸⁶ Не раз уж делали нам замечание, что нельзя писать «демократический режим». Режим-де может быть олигархическим, тоталитарным и т. п., а со святым понятием демократии грубое слово «режим» не сочетается. Вот как!

Он был революционером не только как политик, но и как мыслитель. Как удачно подметил один современный ученый⁸⁷, Антифонт, активно подчеркивающий приоритет «природы» перед «законом», под этой самой «природой» (φύσις), в сущности, разумеет сам феномен *жизни*, которая для нашего автора выступает единственной фундаментальной ценностью. Его философскую систему (постольку, поскольку о ней можно ответственно говорить) можно воистину назвать «философией жизни», и Антифонт оказывается отдаленным предтечей... Фридриха Ницше. Мы, со своей стороны, не сомневаемся, что Ницше, с эпатажем позиционировавший себя как нигилиста, «философствующего молотом», не без симпатии прочел бы антифонтовский фрагмент 44 DK с откровенно звучащими в нем нигилистическими нотками, если бы был еще жив на момент публикации названного фрагмента.

Революционером был Антифонт и в ряде других областей интеллектуальной деятельности, будь то ораторское искусство (напомним: первый логограф!) или правовая сфера⁸⁸. Иными словами, перед нами вновь и вновь вырисовывается единая, целостная личность, чьи проявления на различных поприщах были органично и последовательно связаны друг с другом. О личности этой можно было бы еще долго говорить (по большому счету, Антифонт заслуживает монографии), но ограниченные рамки данного исследования заставляют нас прерваться. Вскоре последует выполненный нами первый перевод всех целиком сохранившихся произведений Антифонта на русский язык.

⁸⁷ *Furley D. J. Antiphon's Case against Justice // The Sophists and their Legacy. Wiesbaden, 1981. P. 90.*

⁸⁸ Антифонт находил удивительные, парадоксальные решения для некоторых юридических коллизий (подробнее см.: *Суриков И. Е. Antiphon VII...; Суриков И. Е. Antiphon VII...; Суриков И. Е. Этопея...; Gagarin M. The Nature of Proofs in Antiphon // Classical Philology. 1990. Vol. 85. No. 1. P. 22–32*). Отмечалось также (*Barta H. «Graeca non leguntur»?.. Bd. 2. Teil 1. S. 130 ff.*), что в своих «Тетралогиях» (особенно во второй) он впервые, наверное, во всем мире очень близко подошел к юридической категории несчастного случая, в целом чуждой античному мировосприятию. Х. Барта даже утверждает, что Антифонт эту категорию открыл, но это, пожалуй, уже преувеличение.

АНТИФОНТ – ПЕРВЫЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОЗЕ ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ВЫРАЗИТЕЛЬ КОЛЛИЗИИ «ЧЕЛОВЕК/ТЕКСТ»*

Любой античный автор для нас – одновременно человек *и* текст¹. Причем если как текст он воспринимается нами непосредственно, подлежит исследованию, скрупулезному разбору и т. п., то античный автор как человек – это уже ракурс куда более проблематичный, этого человека нужно еще найти (или, выражаясь корректнее, реконструировать), а затем научиться вступать в правильный диалог с ним (сказанное относится вообще к любому человеку прошлого²) и, задавая ему вопросы, уметь расслышать именно его ответы, а не навязывать ему свои собственные, надуманные в контексте наших сегодняшних проблем.

Теперь мы и будем искать (т. е. реконструировать, но отнюдь не «деконструировать» в русле модной постмодернистской парадигмы) одного такого человека. Но кто же есть этот самый Антифонт, применительно к которому мы позволили себе в заголовке главы столь радикальную формулировку? В России об Антифонте даже мало кто слышал. Есть античные авторы (Геродот, Фукидид, Платон, Аристотель, Демосфен, Исократ...), которых знают все (или, по крайней мере, многие) образованные люди. Антифонт к таковым явно не принадлежит, он незаслуженно забыт³. Даже и на Западе о нем

* Впервые опубликовано в: Люди и тексты: исторический альманах. 2018. № 11. С. 11–49. В основу исследования лег доклад, прочитанный автором в феврале 2017 г. на заседании семинара «Люди и тексты» Центра истории исторического знания ИВИ РАН.

¹ Мы здесь говорим именно об *античных* авторах, поскольку только они относятся к сфере нашей прямой компетенции. Можно ли данную формулировку распространить и на всех авторов вообще – об этом не нам судить.

² Ср. чеканные формулировки А. Я. Гуревича (*Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 7–9*), сделанные применительно к человеку средневековья, но относящиеся, конечно, отнюдь не только к нему. Наш долг перед трудами Гуревича, оговорим сразу, колоссален; в частности, его «главная» книга, «Категории средневековой культуры» (*Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984*), в весьма значительной степени повлияла на нашу книгу о категориях древнегреческой культуры (*Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012*).

³ Часто даже его имя искажают в «Антифон» (именно так он значится в каталогах многих библиотек). На самом деле антифон – это один из видов церковных песнопений.

пишут мало⁴, а в отечественной историографии до последнего времени не писал практически никто⁵. Более того, в России читатели, не владеющие древнегреческим языком, не могли даже прочесть сочинений Антифонта, поскольку они не были переведены на русский. Мы поставили себе задачей ликвидировать эту досадную лакуну и, соответственно, опубликовали выполненные нами переводы полностью сохранившихся текстов данного автора⁶ и фрагментов его недошедших произведений⁷, а также посвятили ряд статей этой крупной фигуре⁸.

Однако почему же все-таки мы именуем эту фигуру крупной и *незаслуженно* забытой? Приведем некоторые основания, в силу которых мы делаем это. Во-первых, Антифонт являлся учителем Фукидида. Именно прямым, непосредственным учителем, в отличие от Геродота, которого будущий историк Пелопоннесской войны, самое большее, несколько раз видел и слышал в Афинах. Тема «Фукидид и Геродот», тем не менее, постоянно обсуждается в антиковедческой литературе, а тема «Фукидид и Антифонт» – почти никогда. А ведь

⁴ Лучшее из всего, что на этот момент написано об Антифонте, – монография американского ученого М. Гагарина (*Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002*).

⁵ Исключение – работы С. Я. Лурье (*Лурье С. Я. К хронологии софиста Антифонта и Демокрита // Греко-римский сборник. Пг., 1918. С. 2285–2306; Лурье С. Я. Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М., 1925; Luria S. Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // Hermes. 1926. Bd. 61. Ht. 3. S. 343–348; Luria S. Antiphon der Sophist // Eos. 1963. Vol. 53. Fasc. 1. P. 68–80*), но этот исследователь (в русле представлений своего времени) отделял друг от друга оратора Антифонта и софиста Антифонта, что неоправданно, как будет сказано ниже.

⁶ *Антифонт. Речи / Вступит. ст., пер. с др.-греч. и коммент. И. Е. Сурикова // ВДИ. 2015. № 1. С. 228–253; 2015. № 2. С. 243–268; 2015. № 3. С. 250–261.*

⁷ *Суриков И. Е. Antiphonthea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // Studia historica. 2009. Вып. 9. С. 1–27; Суриков И. Е. Antiphonthea V: Философские фрагменты Антифонта // Studia historica. 2010. Вып. 10. С. 25–65.*

⁸ Все эти статьи здесь перечислять неуместно, их около полутора десятков; укажем только на важнейшие (*Суриков И. Е. Antiphonthea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // Studia historica. 2006. Вып. 6. С. 40–68; Суриков И. Е. Antiphonthea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // Studia historica. 2007. Вып. 7. С. 28–43; Суриков И. Е. Antiphonthea VIII: «Тетралогии» Антифонта в контексте древнегреческой юридической и философской мысли V в. до н. э. // Studia historica. 2013. Вып. 13. С. 41–67; Суриков И. Е. Речи Антифонта как источник сведений об уголовном праве Афин классической эпохи // Древнее право. 2014. № 1 (29). С. 10–35; Суриков И. Е. Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33*). В них же приводятся и ссылки на литературу вопроса, посему мы, не желая их дублировать, в данной главе делаем ссылочный аппарат достаточно облегченным.

именно Антифонт научил Фукидида тому удивительному, концентрированно-напряженному стилю изложения, из-за которого оба слывут крайне трудными для перевода древнегреческими авторами⁹.

Не случайно Фукидид с высокой степенью пиетета отзывался об Антифонте:

Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников¹⁰, человек глубокого ума и выдающийся оратор. В народном собрании и в суде он выступал неохотно, ибо в народе его репутация красноречивого оратора возбуждала подозрение. Тем же, кому приходилось вести дело в суде или в народном собрании, прибегая к его советам, он мог лучше всякого другого оказать помощь. Позднее... Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего времени (Thuc. VIII. 68. 1–2).

Каждый, кто читал Фукидида и знает, насколько скупой этот выдающийся мастер историописания (влюбленный, похоже, лишь в самого себя) употребляет какие-либо позитивные суждения по адресу других авторов (в основном с его стороны раздается по их адресу только уничтожающая критика), может в полной мере оценить всю весомость вышецитированного панегирика.

В сущности, уже и этого было бы достаточно, чтобы весьма высоко оценить Антифонта, привлечь к нему внимание, которого он заслуживает, но это ведь только начало («во-первых»). Поэтому продолжим.

Во-вторых, Антифонт являлся одним из крупнейших представителей софистического движения в древнегреческой философской мысли второй половины V в. до н. э. В эллинской философии этого периода он предстает фигурой, вполне сопоставимой по масштабу с такими мыслителями, как Протагор и Горгий. Если же говорить о софистах, которые были афинскими уроженцами, то среди них Антифонт, бесспорно, просто первый, как по времени, так и по уровню¹¹.

В-третьих, Антифонт – первый аттический прозаик. Это не означает, конечно, что он – первый аттический (афинский) автор. Таковым является

⁹ См. прекрасный пример из Фукидида у Ф. Ф. Зелинского (*Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. 2: Древний мир и мы. 3-е изд. СПб., 1911. С. 56*): φιλοκαλοῦμεν μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας (с характерной ремаркой: «тут уже у переводчика руки опускаются»).

¹⁰ Излюбленный Фукидидом прием литоты. Имеется в виду, что данными качествами Антифонт превосходил современников.

¹¹ Если, конечно, не относить к софистам Сократа (есть и такая точка зрения: Kerferd G. B. *The Sophistic Movement*. Cambridge, 1984. P. 155).

Солон¹² (первая половина VI в. до н. э.), но Солон слагал свои стихи на ионийском диалекте. Эсхил, Софокл уже в большей степени «аттикисты», но это по-прежнему поэзия. В прозаическом жанре до Антифонта писал только Ферекид (это тоже весьма примечательная фигура¹³, она заслуживает отдельного рассмотрения, которое, конечно, не может быть здесь предпринято). Столь авторитетный специалист, как Феликс Якоби, называл Ферекида¹⁴ «первым афинским прозаиком»¹⁵. Однако следует оговорить, что первый *афинский прозаик* и первый *аттический прозаик* – не одно и то же, хотя часто топонимы «Афины» и «Аттика» употребляются как взаимозаменяемые синонимы. «Афинский прозаик» – прозаик, живущий и пишущий в Афинах; «аттический прозаик» – прозаик, пишущий на аттическом диалекте (и неважно, где жил этот автор¹⁶). Ферекидом мы в последнее время занимались достаточно углубленно, анализировали и переводили его сохранившиеся фрагменты; у нас осталось однозначное впечатление, что этот автор писал еще на ионийском диалекте, следуя древнейшей традиции историописания¹⁷.

Антифонт, по сути дела, произвел переворот в древнегреческой прозе, и именно ему следовал Фукидид своим напряженным, глубоким, вдумчивым, столь трудным для перевода на любой современный язык стилем (стиль и язык «Истории» Фукидида находят себе параллель, даже если брать весь массив античной литературы, *только* в «Тетралогиях» Антифонта и дошедших

¹² О Солоне написано очень много, мало о каком деятеле древнегреческой истории и культуры существует столь же обильная литература. Имеет смысл, пожалуй, указать здесь недавний фундаментальный труд (*Noussia-Fantuzzi M. Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden; Boston, 2010*), содержащий полный текст дошедших стихотворений Солона с обширным комментарием.

¹³ Ферекид оказал весьма значительное влияние на Геродота (*Ruschenbusch E. Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82. S. 335–343*).

¹⁴ Речь идет об историке Ферекиде Афинском (работавшем в первой половине V в. до н. э.), которого не следует путать с Ферекидом Сиросским, «протофилософом» VI в. до н. э. (к их различению см., например: *Перевалов С. М. Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 316–317*).

¹⁵ *Jacoby F. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S. 116 ff.*

¹⁶ Так, Ксенофонт именно вне Афин создал труды, которые снискали ему славу лучшего го аттического прозаика.

¹⁷ Которая у эллинов ведет начало из Милета, равно как и философская традиция. Кстати, эти две традиции на самом первом этапе своего существования, вообще говоря, были весьма близки друг к другу, и Гекатей Милетский – первый историк – был в чем-то конгениален Анаксимандру Милетскому – первому философу (Фалес не в счет, он представляет собой иную традицию, традицию «мудрецов», σοφοί). В частности, и Анаксимандр и Гекатей тщательно работали над географическими картами.

отрывках его же философских трудов). Полагаем, не без влияния своего учителя великий историк Пелопоннесской войны прибегнул и к аттическому диалекту, опять же нарушив тем сложившийся обычай (до него все историки писали по-ионийски – не только непосредственный предшественник Геродот, но и Гекатей, и Акусилай Аргосский, и Харон Лампсакский, и Ксанф Лидийский, и пр., и пр.). Фукидида, собственно, можно назвать первым историком-ритором (его позицию в связи с введением вымышленных речей в историческое повествование см.: Thuc. I. 22. 1; аналогичная позиция у Саллюстия, которого можно назвать самым близким последователем Фукидида на римской почве и даже в какой-то степени «Фукидидом Рима»), и это, несомненно, именно потому, что его наставником являлся ритор.

В-четвертых, Антифонт – один из крупнейших мастеров античного красноречия. В эллинистическую эпоху александрийскими филологами, большими любителями систематизации, был сформирован «канон 10 великих ораторов». В сей перечень вошли: Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Демосфен, Эсхин, Ликург, Гиперид, Динарх. Как видим, и здесь у Антифонта – хронологический приоритет: он самый ранний в перечисленной «десятке» и единственный, чья жизнь целиком пришлась на V в. до н. э. (остальные действовали в основном в IV в. до н. э., годы же жизни Антифонта можно определить как ок. 480 – 411 г. до н. э.).

В-пятых, Антифонт был первым, кто открыл в Афинах постоянно действующую риторическую школу (именно ее выпускником стал вышеупомянутый Фукидид) и для нее написал первое же в Афинах пособие по риторике – «Риторическое искусство в трех книгах» (от этого труда, к сожалению, сохранилось лишь несколько фрагментов: Antiph. fr. 71–76 Blass – Thalheim).

В-шестых, Антифонт выступил как первый в истории логограф. Логографами в античной афинской судебной практике именовались писатели («подкованные» в юридическом¹⁸ и риторическом плане), готовившие речи по заказу, для клиентов, которых ожидала тяжба (дело в том, что в Афинах, в отличие от Рима, отсутствовал институт адвокатуры и тяжущийся должен был лично выступать в защиту своих интересов¹⁹). Гражданин, получив от логографа

¹⁸ Австрийский историк права Х. Барта даже называет Антифонта «первым европейским правоведом» (*Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. 1. Wiesbaden, 2010. S. 49*). Но это, нам кажется, уже «перебор». Основоположника европейского права нужно искать среди более ранних софистов. С бóльшим успехом на эту роль подошли бы, например, Протагор или Горгий.

¹⁹ В IV в. до н. э., правда, дозволялось использовать синегоров – дополнительных ораторов, говорящих в пользу тяжущегося (в пределах отведенного на его выступление времени). Но для V в. до н. э., времени жизни и деятельности Антифонта, сведений о синегорах нет.

заказанную речь, заучивал ее наизусть (читать выступление «по бумажке» тогда еще не было принято) и произносил ее в суде как бы от себя. Соответственно, профессия логографа была, так сказать, не существующей официально, но притом весьма востребованной, престижной и доходной. Крупнейший из логографов, Лисий, занял прочное место в «каноне 10 ораторов»; великий Исократ в молодости подвизался на стезе логографа, а такие фигуры, как Демосфен и Гиперид, не прекращали заниматься этим ремеслом даже тогда, когда стали ведущими политиками, лидерами государства. Изобретателем же самого ремесла логографа, повторим, следует считать именно Антифонта.

В-седьмых, этот последний являлся, помимо всего прочего, еще и виднейшим политическим деятелем своего времени. В политике он придерживался (по крайней мере, в последние годы жизни) ярко выраженной антидемократической ориентации. В ходе «бескровного» олигархического переворота 411 г. до н. э.²⁰ к власти пришло так называемое правительство Четырехсот, в котором «первую скрипку» играл Фриних, а «вторую» – близкий к нему (Aristoph. *Vesp.* 1300–1301) Антифонт, которого можно назвать «мозгом», «креативным лидером» смены режима, идеологом переворота²¹. Когда же Фриних был убит в результате покушения, лидером афинского полиса стал именно Антифонт, – правда, ненадолго, буквально на несколько месяцев; он был к тому времени человеком уже достаточно пожилым, приближавшимся к своему семидесятилетию.

А когда в том же 411 г. до н. э. олигархия Четырехсот была свергнута и заменена более мягкой олигархией Пяти Тысяч (в следующем же году демократия в Афинах была восстановлена в полном объеме, но это событие уже выходит за хронологические рамки нашей работы), Антифонт был отдан под суд по обвинению в государственной измене²². Что интересно, сохранился даже текст приговора (Ps.-Plut. *Vit.* X or. 834a-b):

Признаны виновными в измене: Архептолем, сын Гипподама, из Агрилы, в присутствии обвиняемого; Антифонт, сын Софила, из Рамнунта, в присутствии

²⁰ Действительно обошедшегося совершенно без жертв, поскольку в тот момент большинство демоса «качнулось» в сторону олигархии (*Taylor M. C. Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // Journal of Hellenic Studies. 2002. Vol. 122. P. 91–108*).

²¹ Именно это констатирует Фукидид: «...Вдохновителем всего этого переворота, работавшим план его осуществления уже с давних пор, был афинянин Антифонт» (Thuc. VIII. 68. 1).

²² Измена была вменена ему по той причине, что Антифонт в то время, когда правил Афинами, вел переговоры со Спартой с целью прекратить Пелопоннесскую войну и заключить мир.

обвиняемого. Приговорили передать их коллегии Одиннадцати²³, конфисковать их имущество и посвятить десятину из него богине; дома их разрушить до основания и поставить на развалинах сторожевые камни²⁴, а на них написать: АРХЕПТОЛЕМА И АНТИФОНТА, ИЗМЕННИКОВ. Демархи же должны предъявить их имущество и не позволить хоронить Архептолема и Антифонта в Афинах или на любой территории, подвластной афинянам. Предать бесчестью Архептолема и Антифонта, и их потомство – как законное, так и незаконнорожденное²⁵; и если кто-нибудь даст гражданские права кому-либо из потомков Архептолема и Антифонта, то давший сам должен быть лишен гражданских прав. Записать это постановление на медной плите и поставить там, где находятся постановления о Фринихе.

Таким образом, Антифонт (вместе с каким-то Архептолемом, ничем особо не отличившимся) был не просто казнен, а казнен с посмертным обезличиванием, с запретом погребения тела (самая высшая мера наказания из применявшихся в античных греческих полисах, более суровая, нежели обычная смертная казнь). Были ли у него альтернативы? Вполне. Многие лидеры олигархического режима Четырехсот после его ликвидации элементарно бежали из Афин и таким образом сохранили себе жизнь. А Антифонт предпочел остаться и предстать перед судом; это, полагаем, тоже что-то говорит о нем как о человеке. Его блистательная речь, произнесенная в свою защиту на судебном процессе и исключительно высоко, как мы видели, оцененная Фукидидом²⁶, все-таки не помогла ему: уж слишком велико было возбуждение против «предателей»-лаконофилов.

* * *

Надеемся, нам удалось показать, что Антифонт – и как автор текстов, и как человек, – по меньшей мере заслуживает внимания. Он долгое время казался фигурой меньшего масштаба, чем следовало бы, поскольку в историографии господствовала идея о «двух Антифонтах»: Антифонте-ораторе, писавшем речи, а также занимавшемся политикой в антидемократическом, олигархическом духе, и Антифонте-софисте, крупном представителе древнегреческой философии V в. до н. э., причем настроенном радикально-демократически.

²³ Коллегия магистратов, отвечавших в Афинах за исполнение вынесенных судом приговоров, в том числе и смертных. О ней см.: *Burgess S. J. The Athenian Eleven: Why Eleven? // Hermes. 2005, Bd. 133. S. 328–335.*

²⁴ Так называемые ὄροι. О семантике ὄρος как «сторожевого камня» см.: *Wade-Gery H. T. Horos // Mélanges Gustave Glotz. P., 1932. Vol. 2. P. 877–887.*

²⁵ Имеется в виду лишение гражданских прав, наложенное на потомство осужденных.

²⁶ Об этой речи см.: *Ferguson W. S. The Condemnation of Antiphon // Mélanges Gustave Glotz. P., 1932. Vol. 2. P. 349–366.*

Именно из подобных представлений исходил С. Я. Лурье, на работы которого мы ссылались выше (Лурье, в частности, считал Антифонта «первым анархистом»), но и на Западе было не иначе. Плоды этой ситуации можно наблюдать по сей день: в каталогах библиотек Антифонт-оратор и Антифонт-софист числятся как два разных автора, аналогично – в электронном TLG и в *Année philologique* Марузо.

Затем, однако, положение начало постепенно меняться. И главный вклад в это внес, безусловно, уже знакомый нам М. Гагарин. В высшей степени весомыми доводами ему удалось буквально «переломить» ход обсуждения проблемы. В частности, в исключительно удачной статье «Античная традиция об идентичности Антифонта»²⁷, а затем в упоминавшейся выше монографии²⁸ он со всей возможной фундированностью изложил и подкрепил «унитаристские» взгляды. Американский исследователь сосредоточил свою аргументацию на двух основных моментах. С одной стороны, он убедительно продемонстрировал: представление о двух не тождественных друг другу Антифонтах базируется, в сущности, лишь на неуверенных суждениях нескольких позднеантичных и византийских филологов (Дидим, Гермоген Тарсийский, «Суда» – и только), при том, что подавляющее большинство авторов античности знали только одного Антифонта²⁹. К тому же мнение трех перечисленных писателей исходило только из стилистических критериев и уже поэтому выглядит искусственным и надуманным.

Дело в том, что при использовании стилевых признаков в качестве доказательств необходимо принимать во внимание также и жанровые различия: жанр во многом диктует стиль (а в античности это проявлялось в еще гораздо большей степени, нежели в наши дни³⁰). Антифонт писал философские трактаты, судебные речи, уникальные в жанровом отношении «Тетралогии»; его перу принадлежали и пособие по ораторскому искусству, и политический памфлет («Поношения Алкивиада»), и даже сонник... Удивительно было бы как раз, если бы он во всех этих сочинениях пользовался одними и теми же стилистическими средствами.

²⁷ *Gagarin M. The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990. Vol. 31. P. 27–44.* В том же духе см.: *Wiesner J. Antiphon, der Sophist, und Antiphon, der Redner – ein oder zwei Autoren? // Wiener Studien. 1994/1995. Bd. 107/108. S. 225–243.*

²⁸ *Gagarin M. Antiphon... P. 38 ff.*

²⁹ В частности, такой ранний автор, как Ксенофонт, вопреки распространенному мнению, не противопоставлял Антифонта-софиста Антифону-оратору. Подробнее см.: *Суриков И. Е. Antiphon I... С. 67–68.* Наверное, необходимо здесь сделать оговорку о том, что существовал еще драматург Антифонт (рубеж V–IV вв. до н. э.), и это тоже вносило лишнюю путаницу в позднейшую нарративную традицию.

³⁰ См. хотя бы: *Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 263.*

Кроме того (и здесь перед нами вторая линия аргументации М. Гагарина), все-таки прослеживается значительное стилевое и языковое (а также и идейное) сходство между «Тетралогиями» и трактатом «Об истине», написанными примерно в одно время, в 440-е гг. до н. э.³¹ Эти памятники отличаются уникальным языком; особенно бросается в глаза экстраординарно усложненный синтаксис (использование вычурных и в то же время сжатых фраз), красивый своеобразной суровой красотой, но в то же время делающий смысл подчас труднопони­маемым. Такой же язык мы во всей греческой литературе классической эпохи, как уже и отмечалось выше, встретим *только* у Фукидида³², ученика Антифонта (и сам этот факт уже в высшей степени характерен!). Стиль же судебных речей интересующего нас писателя много проще, и это вполне понятно: в них он обращался к массовой аудитории судей, рядовых граждан, а философские произведения и «Тетралогии» предназначал для внимательного чтения узким кругом коллег-интеллектуалов.

Итак, какие же сочинения дошли от Антифонта, целиком или в отрывках? Мы, повторим, исходим из (полагаем, ныне вполне доказанного) тезиса о том, что Антифонт-софист и Антифонт-оратор – одно лицо.

Главные философские трактаты нашего автора, «Об истине» и «О согласии», увы, сохранились лишь фрагментарно. Посему имеет смысл здесь сосредоточиться на тех произведениях, для которых мы располагаем полным текстом; они составляют собой корпус речей Антифонта³³.

Кстати, сколько этих речей? Единого мнения на сей счет нет, даже в справочниках можно встретить разногласия. В одних читаем, что дошло 6 речей, в других – что 15. Как ни парадоксально, обе точки зрения имеют право на существование – по причине, которая сейчас будет объяснена.

В антифоновском корпусе речи I, V, VI – это действительно судебные речи, произносившиеся в ходе реально имевших место процессов. Все они были написаны Антифонтom, когда он выступал в роли логографа, то есть речи произносили иные лица, клиенты. Подробный пересказ содержания этих речей здесь вряд ли уместен, поскольку, во-первых, он содержится в наших более ранних работах об ораторе (ссылки на них приводились выше), во-вторых, в конце

³¹ А в то же время, между прочим, еще один философский труд Антифонта – «О согласии» – имеет серьезные отличия как по стилю, так и по взглядам от трактата «Об истине», поскольку он был написан позже (ср.: *Altheim F. Staat und Individuum bei Antiphon dem Sophisten* // Klio. 1926. Bd. 20. S. 257; *Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge, 1989. P. 113).

³² За что и порицает великого историка последовательный аттицист Дионисий Галикарнасский на всем протяжении своего эссе «О Фукидиде».

³³ Лучшие издания: *Antiphon. Discours* / Éd. par L. Gernet. P., 1965; *Antiphontis orationes et fragmenta* / Post F. Blass edidit T. Thalheim. Stutgardiae, 1982.

концов, теперь имеется полный русский перевод этих памятников раннего афинского красноречия, так что с ними сможет при желании непосредственно ознакомиться даже читатель, не владеющий древнегреческим языком. Поэтому ограничимся самым кратким изложением того, о чем в них идет речь. Сразу оговорим, что все три случая относятся к процессам по делам об убийстве.

Речь I «Против мачехи» произносится юношей (имя неизвестно), едва достигшим совершеннолетия. Он обвиняет собственную мачеху в том, что она отравила его отца, своего мужа. Точнее, организовала отравление, и в кульминационном отрезке речи идет весьма яркий, патетический рассказ о том, как исполнительнице был вручен яд (причем ее уверили, что это приворотное зелье), как она добавила его в вино двум ни в чем не подозревающим мужчинам, как они от этого скончались и т. п.

Речь VI «О хоревете» является уже не обвинительной (κατηγορία), а оправдательной (ἀπολογία). В данном случае клиент Антифонта – некий знатный и богатый афинский гражданин среднего или даже пожилого возраста, представитель элиты полиса, причем, несомненно, влиятельный политический деятель консервативной ориентации, враг радикальных демагогов. Тут перед нами явно единомышленник нашего оратора, и, скорее всего, Антифонт написал для него речь даже не ради заработка, а с целью поддержать «своего». Особенно досадно, что имя этого политика тоже не сохранилось.

Суть коллизии обвиняемый (то есть Антифонт его устами) излагает следующим образом. Он был назначен хорегом; иными словами, на него была наложена одна из литургий – общественных повинностей, с помощью которых афинский демос привлекал состоятельных граждан к трате своих личных средств на государственные надобности³⁴. Говоря конкретно, нашему герою было поручено подготовить для выступления на одном из празднеств хор мальчиков. Он, будучи занят политическими играми (в частности, в тот момент он затевал тяжбу против нескольких видных демагогов и готовился к судебному процессу), препоручил непосредственные занятия с хоревами (членами хора) своим доверенным лицам.

В результате случилась трагедия. Одному из мальчиков обучающие дали выпить какое-то снадобье – по всей вероятности, для улучшения качества голоса, – а он от этого скончался. Родственники умершего подали в суд на хорега по обвинению в неумышленном убийстве, а тот, соответственно, заказал оправдательную речь Антифону. Последний построил защиту просто блистательно. Во-первых, он указал на то, что лично хорег к смерти мальчика никак не причастен: он вообще отсутствовал в тот момент, когда мальчику было дано снадобье. Во-вторых, он раскрыл политическую подоплеку всего дела,

³⁴ О хорегии как типе литургии см.: Бондарь Л. Д. Афинские литургии V–IV вв. до н. э. СПб., 2009. С. 15–81.

продемонстрировав, что родственники умершего мальчика были подкуплены демагогами, которые таким образом хотели устранить хорега, представлявшего для них опасность³⁵ (за неумышленное убийство наказанием являлось пожизненное изгнание с территории государства – с лишением, естественно, гражданских прав).

Кстати, в высшей степени странно звучащей для нашего уха является формулировка обвинения: организация неумышленного убийства. Вроде бы какой-то абсурд, поэтому необходимы пояснения. Речь могла идти только о *неумышленном* убийстве, ведь никто не стал бы утверждать, что мальчика отравили намеренно. Но смерть имела место, а значит, и преступление налицо (в древнегреческом праве неумышленное убийство также считалось преступлением), а коль скоро есть преступление, то должен быть налицо и преступник. С другой стороны, как говорилось выше, snadobье давалось мальчику в отсутствие хорега; иными словами, он не мог считаться исполнителем преступления; стало быть, приходилось назвать его организатором одного.

Если бы процесс о хоровте проходил в наши дни, характеризующиеся, понятно, наличием куда более развитых правовых систем, чем древнегреческая³⁶, очевидно, была бы применена формулировка «преступная халатность». Действительно, гражданин, которому поручалась подготовка хора, в это время чрезмерно увлекся политикой, ему было не до хоровтов, и он «перекинул» свои обязанности на других людей, чего делать быть не должен. В итоге погиб ребенок, и отвечать должен тот, кто допустил столь пагубное небрежение, т. е. хорега.

Но, повторим и подчеркнем, мы в Афинах V в. до н. э.; еще не родились римские юристы, которым предстояло провести тщательную, казуистически-утонченную систематизацию самых разнообразных правовых ситуаций. Участники древнегреческого судебного процесса исходили из тех категорий, которые имелись в их распоряжении, и не следует спрашивать с них слишком строго.

Наконец, переходим к речи V «Об убийстве Герода». Это самое большое по объему из сохранившихся произведений Антифонта; по уровню, по качеству

³⁵ Красочно описывается, как старший брат покойного то подавал жалобу, то отзывал ее, то снова подавал (с явным намеком на то, что он никак не мог договориться о цене с «заказчиками»-демагогами). Здесь нужно оговорить, что, согласно нормам аттического права, дела об убийствах относились к частноправовой сфере, и только родственники умершего могли возбудить иск (*Mélèze Modrzejewski J. La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3–16*).

³⁶ О неразвитости древнегреческого права см.: *Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 7–24*.

данную речь, как правило, оценивают весьма высоко. На сей раз известно имя клиента нашего оратора – Евксифей. Он человек достаточно молодой (хотя не юноша), уроженец и гражданин крупного полиса Митилены на острове Лесбос, входившего в состав Афинской морской державы, то есть подчиненного афинянам. Евксифей был обвинен в убийстве Герода, афинского гражданина, являвшегося клерухом в Митилене³⁷, и опять же выбрал своим логографом Антифонта³⁸.

Вот как этот последний излагает суть дела. Евксифей отправился из Митилены на корабле навестить отца, который в тот момент жил в городе Эносе на северном побережье Эгейского моря. Получилось так, что среди пассажиров этого судна находился также и Герод. Он, исходя из контекста, являлся профессиональным работником и вез во Фракию рабов.

Кораблю нужно было вначале обогнуть Лесбос (Митилена располагается в южной части острова), и в какой-то момент нормальному плаванью воспрепятствовала буря. Капитан был вынужден причалить в некой пустынной гавани; поблизости не было никаких населенных пунктов. Был вечер, шел сильный дождь, все на судне мокли. Вдруг заметили, что поблизости пришвартован другой корабль, который, на счастье (а кому-то на несчастье), имел над палубой навес. Разумеется, наши путешественники перешли туда, дабы переждать ненастную ночь, и там их радушно приняли.

Что же произошло дальше? «А когда мы перешли на другое судно, мы там пили (ἔπινεν)», – откровенно сообщает Евксифей (Antiph. V. 23). И пили, чувствуется, крепко. Из некоторых оборотов рассказа приходится заподозрить, что как Герод, так и сам Евксифей были в ту роковую ночь сильно пьяны. Евксифей довольно смутно припоминает происшедшее.

В какой-то момент, глухой ночью, Герод зачем-то ушел с корабля на берег; никто не обратил на это особого внимания. Но, когда наступило утро и всем пора было отплывать, Герода нигде не обнаружили. Его искали в окрестностях, даже послали гонца в Митилену, предполагая, что Герод, не помня себя, взял да и ушел пешком домой. Он, однако, так и не нашелся (ни тогда, ни позже),

³⁷ О статусе клерухов и клерухий см.: *Culasso Gastaldi E.* Cleruchie? Non cleruchie? Alcuni riflessioni sugli insediamenti extraterritoriali di Atene // In ricordo di Dino Ambaglio. Pavia, 2011. P. 115–146.

³⁸ Известно, что афинские олигархи V в. до н. э., негативно относившиеся к империалистическому расширению Афинской морской державы и «закручиванию гаек» в ней, нередко выступали в защиту малых полисов, входивших в это военно-политическое объединение, против их чрезмерного ущемления. Например, у того же Антифонта были речи (сохранившиеся только в отрывках) «О форосе линдийцев» и «О форосе самофракийцев», в которых он настаивал на снижении ежегодной подати, взимавшейся афинянами с Линды (на Родосе) и Самофракии.

то есть, строго говоря, человек пропал без вести (и уместно ли вообще в таких случаях ставить вопрос об убийстве, ведь он мог просто «по пьяному делу» полезть купаться и утонуть).

Как бы то ни было, корабль Евксифея в связи с прекращением бури отбыл далее по маршруту следования, в Энос, и Евксифей вынужден был отплыть, задерживаться ему не было никакого резона (в речи, кстати, подчеркивается, что перед тем он принимал самое активное участие в поисках Герода, и даются ссылки на показания свидетелей³⁹). Тем временем в Митилене родственники пропавшего развили бурную деятельность; они возбудили судебный процесс, заявляя, что Герод убит, а убит-де не кто иной, как Евксифей. Придумана была целая история о том, как вслед за Геродом с судна сошел Евксифей, умертвил его на суше, а труп затем утопил в море.

Евксифей в своей оправдательной речи, написанной Антифонтom, решительно отрицает всё это, буквально «криком кричит»: в ту ночь я вообще не покидал корабль! Но кто мог это подтвердить? В сошедшейся случайной компании все были пьяны, и вряд ли хоть один из собутыльников заметил, кто выходил на берег, а кто нет.

Далее обозначается еще вот какой нюанс. Когда рабов, следовавших с покойным Геродом, вернули в Митилену (везти их во Фракию теперь уже никакого смысла не было, коль скоро отсутствовал хозяин), его родственники применили к ним следственную пытку. Здесь нужно оговорить, что, согласно нормам аттического (и древнегреческого в целом) права, пытать свободных на строго запрещалось, а вот рабов при допросе, при снятии свидетельских показаний, пытать было не только можно, но и *обязательно*.

Именно так! Перед нами некий юридический парадокс, связанный, вне сомнения, с тем, что у раба не признавалось наличие полноценной личности. Получить показания с раба разрешалось только посредством пытки, поскольку считалось, что иначе он, ввиду своей «рабской природы», правду ни за что не скажет⁴⁰.

³⁹ В связи со свидетельскими показаниями в афинском суде см.: *Mirhady D. C. Athens' Democratic Witnesses // Phoenix. 2002. Vol. 56. P. 255–274; Thür G. The Role of the Witness in Athenian Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 146–169; Humphreys S. C. Social Relations on Stage: Witnesses in Classical Athens // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 140–213.*

⁴⁰ О следственной пытке (βάσσανος) рабов в Афинах см.: *Gagarin M. The Torture of Slaves in Athenian Law // Classical Philology. 1996. Vol. 91. P. 1–18; Mirhady D. C. Torture and Rhetoric in Athens // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 247–268; Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 219–224; Суриков И. Е. Antiphon VII: Судебная пытка рабов в речах Антифонта // *Studia historica*. 2012. Вып. 12. С. 33–60.*

Однако же родственники Герода, похоже, допустили серьезнейшие нарушения. А именно: вообще говоря, раба, конечно, следовало пытаться в присутствии представителя противной стороны (то есть стороны также заинтересованной) – ибо иначе его можно было бесконтрольно заставить сказать вообще что угодно.

Именно так и получилось. Пользуясь тем, что Евксифей отсутствует (он, напомнил, навещал отца в Эносе), обвинители с особой интенсивностью «взяли в оборот» одного из рабов, находившихся на корабле с Геродом. Его усиленно заставляли признаться в том, что он был не только свидетелем, но и соучастником преступления, помогал убийце Евксифею избавиться от тела. Раб вначале отрицал всё это, но пытки становились более и более суровыми, а в то же время ему давали обещание отпустить его на волю, если он скажет то, что нужно.

В результате он сказал «то, что нужно», но был не только не освобожден, а напротив – убит. Подчеркнем: как раз здесь никакого правонарушения не наблюдается. Господин имел над рабом полную власть, вплоть до распоряжения его жизнью, и ни перед кем не давал отчета в случае его убийства. Но данный случай слишком уж «прозрачен»: родственникам Герода явно нужны были свидетельские показания, но, напротив, совершенно не был нужен давший их свидетель: ведь он мог кому-нибудь рассказать, каким образом добились его «откровений», или вообще отречься от них.

Соответственно, свидетеля устранили еще до того, как Евксифей вернулся в Митилену из Эноса, от отца; в связи с этим-то клиент Антифонта особенно возмущается на протяжении всей речи, подчеркивая, что никак не следовало решать столь важный вопрос, имеющий к нему самое прямое отношение, не дождавшись его возвращения. Претензии носят, конечно, этический, а не юридический характер (повторим, никому не запрещалось приватно делать со своим рабом что угодно – пытаться, убить, освободить...), но, несомненно, аргументация Евксифея должна была прозвучать для присяжных достаточно сильно⁴¹.

К глубокому сожалению, сохранившийся текст речей Антифонта не сопровождается комментариями, в которых указывались бы результаты соответствующих процессов (кто выиграл, кто проиграл). Но в данном случае, думается, у Евксифея были большие шансы одержать победу, оказаться оправданным.

* * *

Теперь перейдем к оставшимся трем памятникам, которые в антифонтонском корпусе значатся как II, III, IV. Они значительно более загадочны. Это так называемые «Тетралогии». Если судебные речи, о которых шла речь выше,

⁴¹ Иную интерпретацию процесса об убийстве Герода (нас не убедившую) см.: *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998. P. 314 ff.*

датируются концом 420-х и 410-ми гг. до н. э., то «Тетралогии» были созданы гораздо раньше, в 440-х гг. до н. э. И именно их, судя по всему, следует признать самыми ранними памятниками прозы на аттическом диалекте. Или, может быть, вернее будет сказать – *самым ранним памятником*, поскольку мы глубоко убеждены в том, что «Тетралогии» уже по задумке автора представляли собой некую целостность, единый взаимосвязанный текст.

Безусловно, среди исследователей есть и гиперкритики, полагающие, что данным автором являлся вообще не Антифонт, а какой-то неизвестный по имени писатель, работавший в IV в. до н. э. Согласно данной точке зрения, в антифонтовский корпус «Тетралогии» попали ошибочно. Однако аргументация, приводимая в ее пользу, выглядит несостоятельной. Вышеупомянутый М. Гагарин со всей детализированностью показал (как и у нас упоминалось выше): «Тетралогии» по своему стилю, языку, синтаксису коррелируют отнюдь не с прозой IV в. до н. э., а с беспрецедентно сложной прозой Фукидида⁴², да еще с фрагментарно дошедшими философскими трудами самого же Антифонта. И больше ни с чем.

Подчеркнем снова и снова: Фукидид со своей афористичной лапидарностью, напряженной сентенциозностью действительно крайне труден, особенно по контрасту с очень простым Геродотом. Труден, оговорим, не в плане понимания, а в плане адекватной передачи понятого, то есть именно в стилистическом ракурсе. Потому-то переводы Фукидида с древнегреческого на другие языки все в известном смысле «хромают», причем отнюдь не по причине слабостью компетентности переводчиков (среди них были весьма высококвалифицированные филологи, например в России – Ф. Г. Мищенко, Г. А. Стратановский), а постольку, поскольку крайне трудно «выразить невыразимое». Справедливо отмечалось⁴³, что это должно быть связано с подчеркнuto письменным характером фукидидовского трактата. Если «История» Геродота изначально мыслилась как текст устный, зачитываемый перед слушателями⁴⁴, то Фукидид эксплицитно выступил против подобной установки (Thuc. I. 22. 4), его текст воспринимать на слух очень нелегко.

И подобную «письменную» установку историк Пелопоннесской войны, как для нас совершенно ясно, заимствовал у своего учителя Антифонта. Последний, напомним, первым освоил ремесло логографа. А логограф, составляющий речь

⁴² Фукидида нельзя считать автором IV в. до н. э., хотя есть большая вероятность, что его (незаконченный) труд увидел свет в начале этого столетия. Создавалась «История» все-таки на протяжении последней трети V в. до н. э.

⁴³ Morrison J. V. Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9.

⁴⁴ По тематике «Геродот и устная история» см.: Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; Murray O. Herodotus and Oral History // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2007. P. 16–44.

для клиента, обязательно должен был представить ее в записанном виде (иначе как клиент будет ее заучивать?). Скажем, такой мастер красноречия предшествующей Антифонту эпохи, как Перикл, в записи речей еще не нуждался (полагаем, самое большее, набрасывал какие-то краткие заметки), поскольку сочинял их для себя. Соответственно, от Перикла не дошло ни одного сколько-нибудь странного аутентичного текста. А от Антифонта, первого логографа, уже дошли (хотя он был всего лишь на какие-нибудь 14–15 лет моложе Перикла).

Впрочем, речи, которые Антифонт написал как логограф, все-таки намного проще, нежели «Тетралогии». Первые адресовались афинским дикастам (судьям-присяжным), людям в массе своей крайне незамысловатым – небогатым пожилым гражданам. А для какой читательской аудитории предназначались «Тетралогии»? К этому вопросу мы еще вернемся, а пока дадим конспективную характеристику текстов, о которых идет речь.

Они представляют собой, если так можно выразиться, имитации судебных процессов. Как проходили такие процессы в Афинах? Перед лицом судилища вначале речь говорил истец (обвинитель), за ним – ответчик (обвиняемый). Потом – опять истец, следом – вновь ответчик. После этого судьи голосованием выносили приговор – обвинительный или же оправдательный.

Ровно по обрисованной модели написаны все три «Тетралогии». Каждая из них – комплекс из четырех речей: речь истца, речь ответчика, вторая речь истца, вторая речь ответчика. Впрочем, читая их, всегда надлежит помнить, что перед нами именно выдуманные процессы, в действительности никогда не имевшие места.

Суть «Первой тетралогии» (речь II в корпусе Антифонта) заключается в следующем. Ночью на одной из улиц найден труп гражданина, убитого некой группой людей, когда он возвращался домой из гостей. Ввиду позднего времени его сопровождал раб, который тоже подвергся нападению и получил смертельные раны, но на момент обнаружения был еще жив. Он, перед тем как скончаться, успел еще сказать нашедшим, что узнал одного из нападавших, и назвал его имя. Против названного лица и возбужден процесс по обвинению в умышленном убийстве (тем более что, как было известно, этот человек был одним из врагов убитого).

Сделаем здесь небольшое отступление и подчеркнем, что, в сущности, Антифонта можно считать и основоположником детективной литературы, таким античным «Конан Дойлем». Каждая из его «Тетралогий» – это своеобразный «роман в речах» (ведь бывает же «роман в письмах», так почему же не быть «роману в речах?») на сугубо криминалистическую тему. Эти памятники каждый сможет прочитать с большим удовольствием для себя – если его, конечно, не отпугнет достаточно архаичный стиль ранней аттической прозы.

Вернемся к «Первой тетралогии». Обвиняемый в ней защищается весьма искусно, делая упор на то, что все улики против него имеют косвенный характер. Прежде всего, он указывает: не он один был врагом убитому, у того имелись и иные недоброжелатели, так почему же заподозрили именно его? Относительно опознания рабом обвиняемый возражает: раб не был допрошен по полагающейся процедуре, с применением пытки (о которой см. выше).

Перед нами очередной парадокс. Естественно, раба, который находился «при смерти», нельзя было допросить с соблюдением всех формальностей. Но главное для ответчика – в том, что они не были соблюдены (не важно почему), а суть процессуального права именно в том и состоит, чтобы формальности всегда соблюдались.

После долгого препирательства, в конце своей второй речи, ответчик вдруг делает «коронный ход». «Я передаю на пытку всех рабов и рабынь, которые у меня есть. И если окажется, что в ту ночь я не спал дома, а куда-то выходил, – тогда согласен, я убийца» (Antiph. II. 4. 8).

Таким образом, он объявляет, что у него есть алиби (а коль скоро это так, то любые подозрения с него, понятно, заведомо снимаются)! И готов подтвердить это алиби, предлагая для пытки всех своих рабов и рабынь. Почему же, если этот человек имел алиби, он так долго молчал о нем и привел соответствующий довод чуть ли не в последний момент, почти перед самым приговором? Ведь если бы он сделал это уже в начале суда, а лучше – еще до процесса, позиции обвинения были бы сразу же полностью разрушены. Вот очередной предмет для дискуссий.

М. Гагарин полагает, что автор «Первой тетралогии», Антифонт, вводит мотив алиби в конце, имея определенную цель. А именно: он хочет показать, что в тех судебных процессах, в которых прения сторон основываются на слабых, косвенных доводах (здесь перед нами как раз такой случай), один настоящему сильный аргумент может внезапно коренным образом изменить весь ход дела⁴⁵. Мы вполне солидаризируемся с ходом мысли американского исследователя, но только хотели бы дополнить его еще одним соображением: обвиняемый у Антифонта противопоставляет собственное поведение поведению обвинителей, причем, разумеется, к вящей своей пользе. Те, дескать, опираются на показания одного-единственного раба, причем полученные неправильным образом, без пытки. А сам он готов предоставить для допроса *всех* своих рабов, причем для допроса по всей форме – с положенной пыткой.

Перейдем теперь ко «Второй тетралогии» (речь III в корпусе Антифонта). Теперь перед нами иск о неумышленном убийстве. В Афинах дела об умышленных убийствах разбирал суд Ареопага, дела о неумышленных – суд

⁴⁵ Gagarin M. Antiphon... P. 114 ff.

Палладия⁴⁶, то есть процесс проходил бы в этом последнем, если бы он реально имел место. Но, как справедливо констатирует М. Гагарин⁴⁷, действие «Тетралогий» Антифонта происходит не Афинах, а в некоем вымышленном «Софистополе», который живет по своим, особым законам.

Юноши на стадионе тренируются, метая копья. Внезапно на поле выбегает мальчик, и одно из копий попадает в него, что приводит к летальному исходу⁴⁸. Отец мальчика начинает судебный процесс против того юноши, чье копье оказалось роковым. Тот – тоже несовершеннолетний, и за него выступает его отец.

В категориях права нашего времени, произошел несчастный случай. Никакого злоумышления однозначно не было. Никто ни в чем не виноват. Однако в аттическом праве категории «несчастный случай» просто не существовало, кто-то должен был быть признан виновным, если уж произошла насильственная смерть; соответственно, было предъявлено обвинение в неумышленном убийстве (которое влекло, напомним, весьма серьезное наказание – пожизненное изгнание).

Отец убитого, будучи обвинителем, выступает первым и сразу же подчеркивает, что отнюдь не настаивает на умышленном характере убийства. А вот на том, что все-таки имело место убийство, пусть неумышленное, он, напротив, решительно настаивает.

Далее берет слово представитель ответчика, т. е. отец юноши, метавшего копье. Он полностью отвергает все обвинения, подчеркивая: как вообще его сыну можно что-либо инкриминировать, коль скоро он не совершил никакого преступного деяния? Юноша делал всё так, как было ему предписано, в нужный момент совершил бросок, а тут выскочил этот мальчик, и ничего поправить было уже нельзя... Категории «убийство по неосторожности» в аттическом праве опять же не было, но если бы и была, подчеркнем, к данному случаю даже она не относится: в момент броска мальчика на поле еще не было, он появился тогда, когда предотвратить уже ничего было нельзя. Тренирующийся бросил копье в тот сектор, куда ему указали, он не допустил никакой ошибки.

⁴⁶ В связи с этими судебными органами см.: *Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora, Vol. 28).* Princeton, 1995. P. 43–50.

⁴⁷ *Gagarin M. Antiphon...* P. 57.

⁴⁸ У Антифонта в каждой речи – смерть, с этим приходится примириться. Специализировался ли данный оратор именно на речах об убийствах? Обычно именно так и считают, но у нас это вызывает сомнения. Фрагменты недошедших речей Антифонта показывают (Суриков И. Е. *Antiphontea IV...*), что он писал о чем угодно, вплоть до павлинов (речь «Против Эрасистрата о павлинах», *Antiph. fr. 57–59 Blass – Thalheim*). Сохранившийся корпус речей Антифонта, видимо, обязан тому, что некий интеллектуал эллинистического, александрийского времени заказал себе папирусный список тематического характера.

Так кто же является виновником смерти мальчика, если не юноша, которого в ней обвиняют? Отец погибшего в своей второй обвинительной речи делает, между прочим, крайне интересное замечание. В ответ на постоянные замечания представителя противоположной стороны о том, что «не был бы он убит, если бы стоял спокойно, а не бегал туда-сюда» (Antiph. III. 2. 5), в какой-то момент он отвечает: «Ведь мальчика в тот момент позвал педотриб⁴⁹, чтобы он подносил копьеметателям копия, и он из-за распушенности того, кто метал, наткнулся на его враждебное оружие» (Antiph. III. 3. 6). Противник же парирует: «Что же касается причины, по которой он побегал: если он сделал это, позванный педотрибом, то педотриб и есть его убийца, а если он пошел под удар по собственному побуждению, то сам он себя и погубил» (Antiph. III. 4. 4).

Между прочим, тут перед нами нюанс, который, хотя и звучит в речах обеих сторон лишь как-то вскользь – и, стало быть, не рассматривается в качестве сколько-нибудь важного, – в наше нынешнее время привлек бы к себе куда большее внимание. Более того, пожалуй, по нормам современного права именно педотриба-то в конечном счете и признали бы виновным, коль скоро он дал мальчику распоряжение, приведшее к его гибели (разумеется, если бы удалось доказать, что он это действительно сделал). Но тяжущиеся во второй «Тетралогии» Антифонта совершенно не настроены сие доказывать (или опровергать), им это вообще не интересно, они заняты полемикой друг с другом.

Их понять можно; другое дело, что современное судопроизводство и не оставило бы решение столь важного вопроса на усмотрение частных лиц. Было бы проведено следствие, которое с максимальной тщательностью рассмотрело бы все возможные версии о виновнике, в том числе и ту, в которой таковым является педотриб. Однако прекрасно известно, что никаких следственных органов в античных Афинах не существовало. В результате то, что мы ныне определяем как следственные действия, осуществлялось самими тяжущимися – в процессе их подготовки к процессу. Фактически одновременно шли два альтернативных «следствия», и, разумеется, люди, которые их вели, действовали «кто во что горазд», а суд добытые материалы никак не проверял⁵⁰.

Вопрос о педотрибе, таким образом, во «Второй тетралогии» фактически опущен, суть этого произведения – в ином. В определенный момент представитель обвиняемой стороны объявляет виновником смерти мальчика... Кого бы вы думали? Самого этого мальчика!

⁴⁹ Педотриб – это, выражаясь современным языком, тренер.

⁵⁰ Одна из черт, побудивших Г. Тюра, крупнейшего в Европе специалиста по древнегреческому праву, назвать афинскую систему судопроизводства тупиковой (*Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321–331*).

И этот мальчик, если бы стоял на месте, как вам ясно, не был бы убит. Но он по своей воле вышел на путь полета копья, и тем яснее обличается, что умер он по собственной ошибке: не был бы он убит, если бы стоял спокойно, а не бегал туда-сюда (Antiph. III. 2. 5).

Здесь перед нами интересный ход мысли: преступник, сам себя покаравший, погибнув от копья. Преступление и наказание, таким образом, сошлись в одном акте, и, стало быть, дело нужно закрыть. Преступник совпал с жертвой.

Вообще говоря, во «Второй тетралогии» ставится важный вопрос о причинности (тут уместно указать, что древнегреческая лексема αἰτία имела два значения – «причина» и «вина»; поэтому она регулярно употреблялась не только в философских, но и в юридических текстах). Те проблемы, которые ставятся в данном памятнике, судя по всему, вызывали самый жгучий интерес в Перикловых и Антифоновых Афинах. Приведем хотя бы вот такую цитату:

...Когда какой-то пентатл (пятиборец. – И. С.) нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл... потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником (αἰτίου) этого несчастья⁵¹, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания (Plut. Pericl. 36).

Сходство описанного тут эпизода с тем, который берет Антифонт для своей «Второй тетралогии», настолько бросается в глаза, что, естественно, абсолютно все специалисты, занимавшиеся «Тетралогиями», обращали на это внимание (так что и ссылок приводить не имеет смысла). Сразу оговорим, что однозначно решить иногда ставящийся вопрос – не повлиял ли случай, упомянутый Плутархом, на выбор Антифонтом сюжета для этой «Тетралогии»? – не представляется возможным, поскольку нет никакой ясности ни с хронологией визитов Протагора в Афины⁵², ни с точным временем написания Антифонтом «Тетралогий».

⁵¹ Здесь вносим поправку в перевод С. И. Соболевского, которым мы в целом пользуемся. У него в данном месте: «...этого несчастного случая» (в оригинале – τοῦ πάθους). Однако в афинском праве V в. до н. э., как уже и говорилось выше, не было такой категории, как «несчастный случай». С. И. Соболевский (1866–1965) был замечательным филологом, но в его времена переводчику античных текстов не обязательно было задумываться еще и о корректной передаче юридической лексики, а нам ныне, увы, приходится это делать.

⁵² То посещение им Афин, которое столь ярко описано в диалоге Платона «Протагор», обычно датируют 432 г. до н. э. (или даже более поздним временем). Однако это было уж точно не первое прибытие великого софиста в «город Паллады». Он, как известно, был привлечен Периклом еще к основанию Фурий, которое имело место в 444–443 гг. до н. э.

Переходим, наконец, к третьему из этих литературных памятников («Третья тетралогия» – речь IV в корпусе Антифонта). Два человека, молодой и пожилой, находясь в состоянии опьянения, поссорились и вступили в драку. Старик в результате получил серьезные травмы, обратился к врачу, но это ему не помогло и через какое-то время он скончался. Родственники умершего возбудили судебный процесс об убийстве.

Обвиняемый строит свою защиту на двух пунктах. Во-первых, настаивает на том, что драку начал не он, что первый удар нанес старик, будучи пьяным и выступив, таким образом, зачинщиком. Таким образом, он сам лишь оборонялся, а следовательно, не виновен. Не виноват же я в том, что моложе и сильнее, утверждает он. И подчеркивает, что наносил удары только руками, не прибегая ни к какому оружию.

Во-вторых, подчеркивает ответчик, смерть наступила не непосредственно в результате побоев, а стала следствием плохого лечения.

...Если бы человек от ударов тотчас скончался, тогда он погиб бы от моей руки – да и то по справедливости: тем, кто начинает, справедливо в ответ пострадать не так же, а больше и сильнее. А на самом-то деле он умер много дней спустя, препорученный негодному врачу, и именно из-за негодности этого врача, а не от ударов. Ведь другие врачи предсказывали ему: если он будет так лечиться, как тот ему предписал, то он погибнет, хотя болезнь его излечима. Он был погублен вами – его советниками⁵³ – и тем навлек на меня нечестивое обвинение (Antiph. IV. 2. 3–4).

Таким образом, виновен врач? Сторона обвинения во второй речи делает на это следующее замечание: существует закон, согласно которому врач неподсуден, если его пациент умер. Действительно, в Афинах подобную ситуацию относили к категории оправданных (дозволенных) убийств, не влекших за собой ответственности⁵⁴. Врач, обратим внимание, вообще никак не привлечен к процессу – даже в качестве свидетеля.

Ибо истец также утверждает (и, нельзя возразить, справедливо): ведь не было бы никакой необходимости обращаться к врачу, если бы до того не произошло избиение. В очередной раз приходится пожалеть о том, что Антифонт не сопровождал свои «Тетралогии» комментарием о результатах процессов. Действительно интересно было бы знать, кто выиграл это непростое дело (напомним и подчеркнем – воображаемое).

⁵³ В данном случае второе лицо относится не к судьям, как обычно, а к обвинителям.

⁵⁴ Почти исчерпывающий перечень таких случаев см.: *Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. 2. Chicago, 1938. P. 203.*

* * *

Мы переходим к завершающей части исследования, отразившего некоторые интересные коллизии истории, права, литературы классических Афин. Обратимся к вопросу: что же такое все-таки представляют собой «Тетралогии» Антифонта, на кого они рассчитаны?

На протяжении многих десятилетий в мировой историографии господствовала точка зрения, согласно которой перед нами учебные, дидактические тексты. Ведь известно, что Антифонт преподавал судебную риторику. Соответственно, и предполагается, что «Тетралогии» – образцы для учеников. Автор этих строк и сам так долго считал, пока не приступил к переводу данных памятников. Но уж когда пришлось войти с ними «в прямое соприкосновение» – сразу же стало ясно: для учебных целей они слишком уж сложны (какую бы сторону ни брать: стилистику, лексику, синтаксис, аргументацию). Это как если бы в современной школе принялись первокласснику объяснять о котангенсах или логарифмах. Дело заведомо бесполезное.

Не выиграл бы процесс начинающий оратор, выпускник школы Антифонта, если бы он принялся развивать подобные хитросплетения мысли перед афинскими дикастами – гражданами, как отмечалось выше, в массе своей простыми и необразованными, к тому же пожилыми и уже в силу возраста не вкусившими «софистической премудрости» (блестящий образ афинского присяжного создал Аристофан в «Осах», и этот образ относится как раз к антифоновской эпохе). Слушатели просто не поняли бы выступающего, тем более не оценили бы его приемы. Далее, для обучения преподаватель выбирает обычно наиболее типовые примеры, которые окажутся в жизни реально пригодными для учащихся, а сюжеты «Тетралогий» с этой точки зрения несколько экзотичны. Наконец, противоречат традиционным взглядам и хронологические соображения: выше упоминалось, что «Тетралогии» были созданы в 440-х гг. до н. э.; в то время Антифонт еще и оратором-логографом не был, и риторическую школу не открыл, а занимался написанием философских трактатов.

Посему мы глубоко приветствовали и сочли абсолютной, оправданным суждение Майкла Гагарина (проводящееся, в сущности, на всем протяжении его вышеупомянутой монографии «Антифонт-афинянин»), согласно которому «Тетралогии» – это, как ни парадоксально, тоже философский трактат, написанный в рамках Старшей софистики второй половины V в. до н. э.⁵⁵ Данное произведение (а нам хотелось бы настаивать на том, что «Тетралогии» – именно единое произведение, имеющее внутреннюю целостность и взаимосвязанность,

⁵⁵ О софистическом движении этого времени см.: *Guthrie W. K. C. The Sophists. Cambridge, 1977; Kerferd G. B. Op. cit.* К сожалению, в обоих указанных исследованиях, в целом чрезвычайно важных, роль Антифонта в когорте софистов явно недооценена.

проникнутое общей системой приемов и логических ходов) ориентировано было автором не на молодежь, изучающую искусство красноречия в судебных и политических целях, а на коллег, на философски мыслящих интеллектуалов.

Правда, тогда неизбежен вопрос: а почему философский труд имеет какую-то иную форму, как бы маскируется? Но ведь такая «маскировка» на самом деле очень часта в истории мировой философии, в рамках которой постоянно приходится иметь дело не только с трактатами в классическом стиле (как у Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля и пр., и пр.), но и с сочинениями куда менее традиционными. Пожалуй, последние со времен Шопенгауэра и Ницше даже преобладают, и, скажем, «Логико-философский трактат» Витгенштейна в 1921 г., когда он вышел, выглядел неким сознательно допущенным анахронизмом.

Но даже если мы вернемся в античность – то сразу же приходят на ум диалоги Платона, глубочайшие по содержанию и при этом в большинстве своем изящно-беллетристические по форме⁵⁶. Платон, субъективно будучи горячим ненавистником софистов, тем не менее объективно очень многому у них научился. Например, тому же диалогизму в подаче материала, который характерен, в частности, и для «Тетралогий» Антифонта.

Ведь в каждой из них, подчеркнем, отстаиваются две противоположные точки зрения, и в пользу обеих приводятся максимально убедительные аргументы. Подобное построение дискурса, вообще говоря, считалось «высшим шиком» для представителя софистического движения, именно от этого слушатели просто «млели»: когда софист в публичном выступлении вначале выдвигал один тезис и безукоризненно доказывал его, а потом выдвигал полярный по отношению к нему тезис – и доказывал его столь же безукоризненно.

В таком подходе, собственно говоря, и заключается главное зерно релятивизма софистов – этих предшественников современных мыслителей-постмодернистов: ими «гетерогенные программы истины»⁵⁷ были провозглашены еще во времена Перикла и Сократа. Протагор, крупнейший представитель Старшей софистики, прославился, помимо всего прочего, еще и тем, что представил публике т. н. «Антилогии» – пары рассуждений как раз с противоположными интенциями. Они, к сожалению, до нас не дошли, но нет никакого сомнения в том, что «Тетралогии» Антифонта написаны как этакое усложняющее продолжение «Антилогий» Протагора.

⁵⁶ Термин «беллетристический» применительно к античности употребляем в широком смысле, как и в той нашей статье, которая была опубликована в предыдущем выпуске альманаха «Люди и тексты» (Суриков И. Е. У истоков исторической беллетристики в античной Греции: от Гомера до Ксенофонта // Люди и тексты: исторический альманах. Вып. 10: Историческая беллетристика. М., 2017. С. 106–131).

⁵⁷ Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 30.

Подводя итоги, поставим вопрос ребром: почему мы так претенциозно озаглавили данную главу, есть ли для этого основания? Мы считаем, что есть; соответственно, необходимы пояснения.

Можно говорить о текстах, ассоциированных с автором, и о текстах, диссоциированных от автора. Первые нам несравненно ближе. У любого, если он не идиот, при упоминании «Войны и мира» неизбежно всплывет в памяти имя Л. Толстого, при упоминании «Мертвых душ» – имя Гоголя и т. д. Но преобладание авторских текстов, текстов, связанных с конкретным человеком, наблюдалось далеко не всегда. Более того, для самых ранних этапов развития словесности оно как раз отнюдь не характерно.

Так, в цивилизациях Древнего Востока, до греков, решительно преобладали анонимные литературные памятники. Не то чтобы авторских не было вообще. Таковые встречались, например, в Египте (наиболее известна автобиографическая повесть Синухета – вельможи, подвергшегося опале, а потом прощенного). Но именно они являлись исключениями.

А часто авторство, даже если оно указано, следует признать мнимым, фиктивным. Кто написал вавилонский «Эпос о Гильгамеше»? На глиняных табличках, сохранивших это произведение, стоит имя: Син-леке-уннинни, заклинатель. Но ясно, что это отнюдь не «месопотамский Гомер», а просто человек, продиктовавший писцу текст, который он помнил наизусть. Древнюю эпическую поэму, отнюдь им не сочиненную, восходящую еще к мифам Шумера. Да и сам он уж точно не мыслил себя ее автором.

В Персии составлялись царские хроники в форме надписей, авторами которых объявлялись сами цари⁵⁸. И начинались они в подобном духе: «Говорит Дарий-царь, царь царей, великий царь, царь четырех стран света...» и прочая, и прочая, и прочая. Однако опять же не вызывает сомнений, что непосредственно венценосцы над хрониками не работали, это делали люди из их административного аппарата.

В ветхозаветной традиции Пятикнижие устойчиво приписывается Моисею. А в то же время в нем говорится о смерти Моисея. Не мог же основатель иудаизма рассказать о собственной кончине! Мы, подчеркнем, привели лишь несколько вполне тривиальных примеров, но даже и они однозначно демонстрируют имевшую место ситуацию.

Античные греки, в резком контрасте с ней, создали резко подчеркнутую авторскую традицию. Автор стремится буквально с первых же строк текста

⁵⁸ Наиболее известна Бехистунская надпись Дария I (хотя были и другие). О ней и о соотношении содержащихся в ней сведений с данными труда Геродота см. в монографии Дж. Болсера (*Balcer J. M. Herodotus and Bisitun. Stuttgart, 1987*). У Болсера фигурирует «Биситун», так соответствующий топоним обычно транскрибируют на Западе, а у нас принято писать «Бехистун».

демонстративно обозначить себя, ассоциировать себя с этим текстом⁵⁹. Для любого из лирических стихотворений архаического периода зафиксировано имя поэта, который его сочинил. Некоторые из лириков специально вводили в свои стихи так называемую σφραγίς, «печать», под каковой подразумевалась определенная устойчивая формула, характерная только для данного автора. Например, для Фокилида Милетского это – постоянно встречающееся выражение «И это принадлежит Фокилиду», для Феогнида Мегарского – регулярное упоминание его юного друга Кирна⁶⁰. В древнегреческой литературе «размытость границ авторства немыслима», справедливо замечает в данной связи С. С. Аверинцев⁶¹.

Тот же принцип от поэтов переняли первые греческие прозаики, в частности самые ранние историки. Очень показательно будет привести начальные фразы их трудов.

Гекатей, «праотец истории»:

Гекатей Милетский говорит так: я пишу нижеследующее так, как мне представляется истинным; ведь сказания эллинов и многочисленны, и смехотворны – такими они мне кажутся (Hecat. FGrHist. 1. F1).

Геродот, «отец истории»:

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом (Herod. I. prooem.)⁶².

Фукидид, традиционно признаваемый величайшим античным историком:

Фукидид, афинянин, описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных

⁵⁹ Сказанное, разумеется, не означает, что у греков не было фиктивного авторства. Было, но либо на самых ранних ступенях развития их цивилизации (несомненен случай Гомера; Г. Надь (*Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2002) считает, что и Гесиод – фикция), либо на ее глубоком закате, когда появились разные «Диктисы», «Дареты», орфическая «Аргонавтика», «письма Фаларида», «письма Фемистокла» и т. п. В своей «полдень», в классическую эпоху, греки были максимально честны в плане авторства.

⁶⁰ Так пытались уберечься не от плагиата, как нам казалось бы, а от «плагиата наоборот», более характерного для античности, когда автор выпускал не чужие вещи под своим именем, а свои вещи под чужим именем.

⁶¹ *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 29. Отметим, что знаменитая статья Аверинцева «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность”», которую мы здесь процитировали, и в целом исключительно полезна для уяснения подходов к принципу авторства на Востоке и в античности.

⁶² Пользуемся переводом Г. А. Стратановского, хотя он не оптимален. Главное для нашего контекста даже и в нем вполне просматривается.

действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле (Thuc. I. 1. 1).

Каждый из этих пассажей мог бы стать (и, естественно, становился) предметом отдельного исследования: столь много в них тонких нюансов, заслуживающих обсуждения. Но мы здесь сосредоточимся только на тех местах, которые были в тексте намеренно выделены курсивом. Каждый из трех вышеуказанных ранних греческих историков в первых же строках своего труда эксплицитно называет себя. Это ли не проявление выраженного авторского начала? Кстати, следующий представитель этой плеяды, Ксенофонт, подобной традиции отнюдь не следует, его «Греческая история» начинается так: «Через несколько дней после этого (sic!) прибыл из Афин Фимохар с несколькими кораблями» (Xen. Hell. I. 1. 1).

Парадоксальность приведенного «взрывного» начала, конечно, несколько смягчается, если учитывать, что Ксенофонт выступил как один из «продолжателей Фукидида»⁶³. Таковых в первой половине IV в. появилось несколько (помимо Ксенофонта – Феопомп, Кратипп, т. н. Оксиринхский историк). Соответственно, он начал с того места, на котором остановился не дописавший свой труд ввиду кончины Фукидид. В наши дни в таких случаях, естественно, поступают иначе: пишут подробное предисловие с оговорками «Работа покойного коллеги осталась незавершенной, поэтому мы позволили себе...» и т. д.

Впрочем, нам кажется, нужно учитывать еще и тот нюанс, что Ксенофонт, обладавший прекрасным, легко узнаваемым стилем («аттической пчелой» называли его античные критики), возможно, сам настолько понимал эту свою «узнаваемость», что не считал необходимым представляться. Как говорится, *ex ungue leonem*. Но это лишь предположение.

Возвращаемся к Антифону. Он на вышеописанном фоне выступает рельефным исключением. Ни в одном из его произведений мы не найдем упоминания его имени. Он как бы абстрагируется, отстраняется от собственных текстов. Сие, полагаем, опять же как-то связано с тем, что Антифонт изобрел ремесло логографа. Логографу просто приходилось диссоциироваться от создаваемого им текста, дабы, так сказать, «не засветиться» (ведь никогда не афишировалось, что речь, произносимая участником судебного процесса, составлена не им самим).

Тот же Антифонт первым начал писать тексты от лица вымышленных персонажей⁶⁴ (имеем в виду «Тетралогии»), и это на самом деле стало великим для

⁶³ Nicolai R. Thucydides Continued // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 693–719.

⁶⁴ Первым, во всяком случае, среди прозаиков. В поэзии к подобному приему, кажется, чуть раньше него прибегли авторы древней аттической комедии.

греков открытием: оказалось, что автор может быть отделен, отчужден от своего текста.

Ксенофонт, упоминавшийся ранее, выступил в данном плане как непосредственный последователь Антифонта не только в «Греческой истории», но и, скажем, в «Анабасисе». Повествование о походе отряда греческих наемников Кира Младшего в сердце Персидской державы создано Ксенофонтом, с одной стороны, глубоко лично. Он выводит там и себя в качестве одного из ключевых действующих лиц. Но, с другой стороны, пишет о себе всегда в третьем лице, как бы со стороны. В результате уже в античности появилась гипотеза, согласно которой Ксенофонт издал «Анабасис» не под своим именем, а под псевдонимом Фемистоген Сиракузский (Plut. Mor. 345e) – чтобы создавалась иллюзия вящей объективности. Но в дискуссии по данному сюжету мы здесь входить не будем.

Явно подражал Ксенофонт Цезарь, когда в своих «Записках о галльской войне» и «Записках о гражданской войне» тоже писал о себе в третьем лице. Но не будем уходить в римскую литературу, ибо более чем достаточно примеров и из греческой. Берем такую колоссальную фигуру, как Платон, – и тоже обнаруживаем «диссоциированного» от текста автора. Величайший из учеников Сократа никогда не делает себя одним из персонажей написанных им диалогов, в которых главным действующим лицом выступает как раз Сократ. Невозможно представить, что Платон не слушал беседы Сократа, так почему же он ни разу не вывел себя в числе собеседников? Он как будто скрывает свою личность. Даже в «Федоне», повествующем о последнем дне Сократа, Платона среди присутствующих нет, хотя, как мы небезосновательно полагаем⁶⁵, не мог он пропустить казнь учителя.

Итак, начиная с Антифонта, в Афинах появляются «диссоциированные» авторы. Упоминались выше Ксенофонт, Платон; можно было бы присовокупить их современника Лисия, величайшего из греческих логографов⁶⁶. А были ли у Антифонта в данном плане предшественники?

Если таковых и можно назвать, то разве что «с натяжкой». Ибо к ним можно отнести только поэтов, драматургов. Они действительно диссоциировались от собственных текстов, причем порой демонстративно. Приведем автоэпитафию Эсхила, которую он написал еще при жизни:

Евфорионова сына Эсхила Афинского кости
Кроет собою земля Гелы, богатой зерном;
Мужество помнят его Марафонская роща и племя
Длинноволосых мидян, в битве узнавших его.
(ap. Athen. XIV. 627c)

⁶⁵ Суриков И. Е. Сократ. М., 2011. С. 324 сл.

⁶⁶ Интересные пассажи о Лисии см. в: Mansouri S. Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 99–126.

Таким образом, великий трагедиограф в тексте, который должен был запечатлеть память о нем, ни словом не намекает, что он вообще что-то сочинял, и сосредоточивается только на том эпизоде, который, видимо, считал главным в своей жизни, – на Марафонской битве с персами. Хотя прославился он, конечно же, не участием в ней, а своими литературными заслугами.

В чем причина? Нам думается, в том, что всегда почетнее быть в числе прославляемых, нежели в числе прославляющих, стать Ахиллом, а не Гомером. Каждый хочет остаться в памяти потомства сам по себе, а не как певец кого-то другого, не как автор каких-либо текстов. В этом – проявление свойственной эллинам идеи героизма⁶⁷. Антифонт к поэтам, конечно, никак не принадлежал, но, выступая – впервые среди прозаиков – в роли «диссоциированного» автора, он, быть может, имел в виду именно героический идеал? Вспомним, что он пошел на позорную и одновременно в чем-то почетную смерть.

⁶⁷ О которой см. недавний фундаментальный труд: *Tumans H. Varoņi un varonība Senajā Grieķijā*. Rīga, 2015.

ЭТОПЕЯ В СУДЕБНЫХ РЕЧАХ АНТИФОНТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

Эдуард Давидович Фролов, юбилею которого посвящен этот сборник, внес большой вклад в ознакомление отечественного читателя с памятниками древнегреческого красноречия классической эпохи. Так, он переводил на русский язык речи Андокида¹, Исократа², Эсхина³, Динарха⁴. Соответственно, нам представляется более чем резонным посвятить текст, предназначенный для юбилейного сборника, также проблемам, связанным с эллинским ораторским искусством.

Как известно, в эллинистическую эпоху в Александрии был составлен «канон десяти ораторов» – то есть таких, которые признавались самыми «великими из великих». Из этой десятки почти все переведены на русский язык. Говорим «почти», поскольку есть одно исключение: Антифонт⁵.

Подобная ситуация представляется в чем-то парадоксальной. Ведь Антифонт – самый ранний из «канона десяти», единственный из них, кто жил

* Впервые опубликовано в: Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сб. статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. С. 99–126.

¹ Полный перевод корпуса речей Андокида впервые появился в книге: *Фролов Э. Д.* Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964. См. также издание: *Андокид.* Речи, или История святотатцев (с приложением параллельных свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н. э.) / Пер. и коммент. Э. Д. Фролова. СПб., 1996.

² *Исократ.* К Демонику. К Никоклу. Никокл / Вступит. ст., пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1965. № 3. С. 211–236; *Исократ.* Эвагор / Вступит. ст., пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1966. № 4. С. 233–247; *Исократ.* Против софистов / Вступит. ст., пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1968. № 1. С. 227–234; *Исократ.* Об упряжке / Вступит. ст., пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1968. № 4. С. 197–208.

³ *Эсхин.* Против Тимарха / Вступит. ст., пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1962. № 3. С. 217–252.

⁴ *Динарх.* Речи / Пер. и коммент. Э. Д. Фролова // ВДИ. 1962. № 2. С. 187–213.

⁵ Еще совсем недавно приходилось говорить о двух исключениях (Антифонт и Исей). Однако недавно в ВДИ опубликован перевод речей Исея, выполненный Г. А. Тароняном. Опубликованного перевода наследия Антифонта на русский не имелось на момент первоначальной публикации данной статьи. Ныне такой перевод, выполненный нами, существует (увидел свет тоже на страницах ВДИ).

и действовал еще в V в. до н. э. Более того, он, кажется, остается единственным автором V в. до н. э. (а авторов этой эпохи, от которых целиком дошли сочинения, и вообще-то можно, так сказать, по пальцам пересчитать), по сей день не представленным в русском переводе⁶. Заметим еще, что Антифонт являлся весьма колоритной фигурой, сыгравшей немалую роль как в интеллектуальной, так и в общественной жизни Афин и Греции в целом. Он был не только оратором, но и философом, представителем движения софистов, а также активно участвовал в политической борьбе, в частности в 411 г. до н. э. стал одним из лидеров олигархического переворота Четырехсот⁷.

Все вышеизложенные соображения и побудили нас приступить к комментированному переводу корпуса речей Антифонта, тем самым ликвидируя существующую прискорбную лакуну (ныне мы как раз занимаемся реализацией этой задумки), да и в целом всерьез заняться творчеством этого античного писателя. В частности, в данной работе нам хотелось бы рассмотреть один из соответствующих сюжетов, а именно тот, который обозначен в ее заголовке.

Как известно, этопия (ἡθοποιία), возникшая вместе с ремеслом логографа⁸, представляла собой «искусство... составлять речь так, чтобы она казалась сочиненной самим клиентом... Каждая речь для другого лица должна не только содержать полное и точное изложение фактов и толкование законов для судей, но также по характеру, форме, выбору слов строго соответствовать умственному развитию и социальному положению клиента»⁹. Иными словами, этопия – это необходимое для логографов (поскольку они писали свои речи не для себя, а для других) умение всякий раз примениться к «нраву» (ἦθος) того, для кого речь составляется и кто будет ее непосредственно произносить.

⁶ Издавалась на русском языке только третья «Тетралогия» Антифонта, в издании: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. С. 431–437 (переводчик – С. П. Кондратьев). Для этого перевода характерны большие стилистические достоинства, но в то же время он содержит ряд неточностей.

⁷ Последним по времени (и, пожалуй, наиболее фундаментальным) монографическим исследованием об Антифонте является: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002. На русском языке см. серию наших статей об Антифонте, и в частности: *Суриков И. Е. Antiphonthea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта* // *Studia historica*. М., 2006. Т. 6. С. 40–68; *Суриков И. Е. Antiphonthea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно?* // *Studia historica*. М., 2007. Т. 7. С. 28–43.

⁸ В целом о специфике работы логографа см.: *Lavency M. The Written Plea of the Logographer* // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 3–26.

⁹ *Соболевский С. И. Лисий и его речи* // *Лисий*. Речи. М., 1994. С. 40, 42.

Непревзойденным мастером этопеи всегда (уже начиная с античных критиков) считался и поныне считается Лисий¹⁰. И это приводит к тому, что в науке анализируются с точки зрения этопеи преимущественно и чуть ли не исключительно его речи, а сочинения других афинских ораторов в данном плане остаются почти совершенно не изученными. А нам хотелось бы в данном ракурсе посмотреть также и на наследие Антифонта – на предмет уяснения, присутствует ли этопея и в его речах? И если да, то как и в чем она проявляется?

Собственно, уже а priori ясно, что ответ на первый вопрос, скорее всего, будет положительным. Дело в том, что Антифонт являлся первым логографом и изобретателем самого этого ремесла¹¹. Иными словами, до него никто не писал речи для других, а он взялся за это дело. И, соответственно, ему было просто необходимо хотя бы в какой-то мере отражать в речах характеры своих клиентов. Но априорными суждениями ограничиваться никак не хотелось бы, и далее последует анализ конкретного релевантного материала.

* * *

От Антифонта до нас полностью дошли шесть произведений. Три из них – так называемые «Тетралогии» – здесь рассматриваться не будут, поскольку они не являются судебными речами, а представляют собой либо школьные риторические упражнения¹² (ведь Антифонт, в числе прочего, еще и преподавал ораторское искусство), либо труды философского характера¹³, созданные в софистическом духе и сопоставимые, например, с несохранившимися «Антилогиями» Протагора. Как бы то ни было, ясно, что они, являясь по форме речами, тем не менее не предназначались для произнесения в суде. Следовательно, искать в «Тетралогиях» этопею бесполезно; в них автор концентрируется на ином – на максимально отточенной аргументации некоторых парадоксальных тезисов.

Остаются три речи: «Против мачехи» (речь I), «Об убийстве Герода» (речь V) и «О хоревете» (речь VI). К ним нам и предстоит обратиться, поскольку они как раз являются судебными и составлены Лисием именно в качестве логографа. Разумеется, о каждой из этих трех речей существует исследовательская литература¹⁴. Но нам она мало чем может помочь. В имеющихся

¹⁰ См. хотя бы: *Usher S.* Lysias and his Clients // Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007. P. 27–36.

¹¹ *Gagarin M.* Antiphon... P. 2 ff.

¹² *Carawan E.* Rhetoric and the Law of Draco. Oxf., 1998. P. 171 ff.; *Barta H.* «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. Wiesbaden, 2011. S. 139 ff.

¹³ *Gagarin M.* Antiphon... P. 103 ff.

¹⁴ См., в частности, в связи с речью «Против мачехи»: *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Die erste Rede des Antiphon // Hermes. 1887. Bd. 22. S. 194–210; *Carawan E.* Op. cit. P. 216–

работах интересующие нас памятники рассматриваются по большей части либо с правовой точки зрения, как ценный источник по функционированию в демократических Афинах древнего законодательства об убийствах, восходящего еще к Драконту, либо в контексте роли Антифонта в политической борьбе его времени. А если и проводится филологический анализ речей, то вопросы, связанные с этопеей, всё равно, как правило, не затрагиваются или почти не затрагиваются.

Таким образом, не исключено, что нижеследующие строки представят собой первый опыт специального исследования данного сюжета. Естественно, что такое исследование (равно как и полученные в его ходе результаты) пока может быть только предварительным, особенно если принимать во внимание ограниченный объем нашей небольшой работы.

Напомним, чему конкретно посвящены три упомянутых произведения. Речь «Против мачехи» (высоко оценивавшаяся Виламовицем, но в настоящее время обычно признаваемая едва ли не самым слабым сочинением Антифонта, хотя, по мнению М. Гагарина¹⁵, столь негативный вердикт о ней неправомерен) – обвинительная. В данном случае клиент Антифонта – совсем юный афинянин, только что достигший совершеннолетия¹⁶. Он обвиняет собственную мачеху в том, что она отравила его отца, своего мужа.

Остальные две речи – защитительные. «Против Герода» – самое большое из полностью сохранившихся произведений Антифонта и, как считается, одно из лучших в его наследии. Здесь клиент Антифонта – митиленянин Евксифей, который обвиняется в убийстве некоего Герода – то ли также гражданина Ми-

250; *Gagarin M. Antiphon...* P. 146–152. В связи с речью «Об убийстве Герода»: *Roussel P. Remarques sur un discours d'Antiphon* (Περὶ τοῦ Ἡρώδου φόνου) // *Mélanges Gustave Glotz*. P., 1932. T. 2. P. 813–822; *Scheidweiler F. Antiphons Rede über den Mord an Herodes* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1966. Bd. 109. Ht. 4. S. 319–338; *Erbse H. Antiphons Rede* (or. 5) über die Ermordung des Herodes // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1977. Bd. 120. Ht. 3/4. S. 203–227; *Schindel U. Der Mordfall Herodes. Zur 5. Rede Antiphons*. Göttingen, 1979; *Gagarin M. Antiphon...* P. 152–161. В связи с речью «О хореуте»: *Vollgraff W. Observations sur le sixième discours d'Antiphon* // *Mnemosyne*. 1948. Vol. 1. P. 257–270; *Freeman K. The Mystery of the Choreutes* (Antiphon or. 6) // *Studies in Honour of G. Norwood*. Toronto, 1952. P. 85–94; *Erbse H. Über Antiphons Rede über den Choreuten* // *Hermes*. 1963. Bd. 91. Ht. 1. S. 17–35; *Heitsch E. Recht und Argumentation in Antiphons 6. Rede*. Philologische Erläuterungen zu einem attischen Strafprozeß. Wiesbaden, 1980; *Carawan E. Op. cit.* P. 251–281; *Gagarin M. Antiphon...* P. 139–146; *Barta H. Op. cit.* S. 142 ff. Разумеется, этот перечень является выборочным, а не исчерпывающим.

¹⁵ *Gagarin M. Antiphon...* P. 146 ff.

¹⁶ Есть мнение, что он был незаконнорожденным (*Carawan E. Op. cit.* P. 216 ff.), но нам оно не представляется убедительно аргументированным.

тилены, то ли афинского клеруха в этом городе¹⁷ (пожалуй, последнее всё же чуть вероятнее). В любом случае, слушание дела происходит в афинском суде. Подсудимый Евксифей, для которого написана апология, постарше, чем пасынок из предыдущей речи, но тоже является человеком еще достаточно молодым или, самое большее, средних лет (на момент судебного процесса у него еще жив отец).

Наконец, речь «О хоревете» написана для некоего знатного и богатого афинянина (к сожалению, имя его неизвестно), явным образом принадлежащего к политической элите, причем, судя по всему, придерживающегося консервативных взглядов (таким образом, он был единомышленником самого Антифонта). Перед нами умудренный опытом зрелый муж, возможно, даже пожилой.

На этого гражданина была наложена литургия: его назначили хорегом, и он должен был подготовить хор мальчиков для выступления на одном из празднеств. В ходе обучения хореvтов одному из них дали какое-то снадобье (очевидно, чтобы улучшить голос), от которого мальчик скончался. Родственники умершего обвинили хорега в убийстве. Обвиняемый же в своей речи заявляет, что процесс имеет чисто политическую подоплеку: иск возбужден по наущению его врагов – демагогов Филина¹⁸, Аристиона и др., ибо незадолго до того хорег выступил против них с серьезным обвинением и они хотели от него избавиться. Что же касается смерти мальчика, подзащитный Антифонта подчеркивает, что инцидент с лекарством произошел в его отсутствие и без его ведома; следовательно, лично он ни в чем не виновен.

Итак, приступим к разбору речей на предмет наличия / отсутствия этопеи. Для этого потребуется приводить достаточно пространные цитаты из них. Цитаты даем в нашем переводе, поскольку иного не существует.

Речь «Против мачехи» начинается так (это вступление, *exordium*¹⁹, в котором автором речи всегда ставилась задача прежде всего добиться от слушателей внимания и сочувствия):

¹⁷ См. к вопросу: *Roussel P.* Op. cit. P. 813 ss.

¹⁸ Филин был братом гораздо более известного Клеофонта (о них см.: *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Raubitschek A. E.* Philinos // *Hesperia*. 1954. Vol. 23. No. 1. P. 68–71). Оба брата-демагога, разумеется, принадлежали к числу врагов Антифонта. У оратора была и специальная речь «Против Филина», от которой сохранилось лишь несколько фрагментов (*Antiph. fr. 61–64 Blass – Thalheim*; русск. пер. см. в: *Суриков И. Е.* *Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий)* // *Studia historica*. Т. 9. М., 2009. С. 1–27).

¹⁹ На русском языке об этой и других аналогичных риторических категориях см., например, в информативной статье М. Л. Гаспарова «Античная риторика как система» (*Гаспаров М. Л.* *Избранные труды*. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 556–586).

Я, со своей стороны, еще молод и неопытен в тяжбах; страх и недоумение охватывают меня в связи с этим делом, граждане! С одной стороны, как я не буду преследовать в судебном порядке убийц моего отца, если он сам поручил мне это? С другой стороны, преследовать-то приходится тех, с кем меньше всего подобало бы вступать в раздор, – собственных единокровных братьев²⁰ и их мать.

(2). Ведь судьба и сами эти люди вынудили меня вчинить иск против тех, кому прилично было бы стать мстителями за умершего, а обвинителю – помощниками. Но теперь происходит противоположное этому: ибо сами они являются моими противниками и убийцами, как говорим и я, и обвинительное заявление.

(3). Прошу вас, граждане: если я докажу, что их мать умышленно, обдуманно совершила убийство нашего отца и до того уже не однажды, а многократно была поймана с поличным как замышляющая его смерть, – накажите ее. Заступитесь, во-первых, за ваши законы, полученные вами от богов и предков, и вынесите, подобно им, обвинительный приговор; заступитесь, во-вторых, за самого умершего, а заодно и за меня – ибо я один ему остался помощником.

(4). Ведь вы оказываетесь моими родственниками, – поскольку те, кому следовало бы стать мстителями за умершего и моими помощниками, стали умершему убийцами, а против меня выступают как противники. К кому же пойти за помощью или где найти прибежище, кроме как у вас и у справедливости? (Antiph. I. 1 sqq.).

Обратим внимание, далее, на несколько мест из основной части речи. Обвинитель жалуется на то, что противная сторона отказалась выдать ему рабов для пытки с целью дознания, что на самом деле произошло²¹. Формулировки, которые он использует, – следующие:

Итак, относительно этих вещей вполне ясно: они избегали того, чтобы разуть в точности то, что произошло. Ведь они знали, что проявится-то зло, имеющее прямое отношение к ним, и рассудили: лучше о нем умолчать и не расследовать его. Но вы-то не так думаете, граждане, – я это твердо знаю! – и вы всё сделаете ясным. Вот что сказал я предварительно. А о том, что произошло, попробую рассказать вам истинно. И пусть ведет меня сам ход процесса (Antiph. I. 13).

²⁰ Интересы обвиняемой (сама она, будучи женщиной, не имеет права выступать в суде) отстаивает ее родной сын – от того же отца. Таким образом, получается, что фактически тяжущимися сторонами являются два единокровных брата: довольно своеобразная ситуация.

²¹ О судебной пытке рабов в Афинах см.: *Gagarin M.* The Torture of Slaves in Athenian Law // *Classical Philology*. 1996. Vol. 91. No. 1. P. 1–18; *Mirhady D.* Torture and Rhetoric in Athens // *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxf., 2007. P. 247–268; *Кудрявцева Т. В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 219–224.

Затем клиент Антифонта (то есть, собственно, Антифонт его устами) рассказывает о том, при каких обстоятельствах его отцу был дан яд. Это, по его словам, произошло, когда тот обедал в гостях у своего друга.

Впрочем, рассказ об обеде, пожалуй, был бы длинноват, чтобы мне его излагать, а вам – слушать. Но я попытаюсь изложить вам остальное как можно короче, а именно – как было дано зелье. Когда отобедали, чем подобало, эти два человека – один принеся жертву Зевсу Ктесию и угощая другого, другой же – намереваясь отплыть и пируя у своего друга, – они совершали возлияние и возлагали на алтарь ладан за свое здоровье (Antiph. I. 18).

Далее говорится о том, что наложница хозяина, действовавшая по наущению обвиняемой, влила отраву в вино двум пирующим.

Немного спустя юноша вновь апеллирует к судьям:

Итак, посмотрите, насколько справедливее будет моя просьба к вам, чем просьба брата²². Я, со своей стороны, побуждаю вас стать мстителями на вечные времена за человека умершего, подвергшегося обиде; а мой противник вовсе не будет просить у вас за умершего, который достоин получить от вас и сочувствие, и помощь, и заступничество – ведь он был лишен жизни безбожно и бесславно, до добавляющего срока, к тому же теми, кому менее всего пристало это делать.

(22). Нет, он будет просить об убийце, будет просить у вас о вещах незаконных, нечестивых, невозможных, неслыханных ни богами, ни вами...²³ о вещах, в отношении которых сама убийца не сможет себя убедить, что она не совершила злодеяния. И вы будьте помощниками не убийц, а тех, кто был умышленно убит, притом убит такими людьми, от руки которых им менее всего пристало умирать! Теперь уже в вашей власти вынести правильное решение по этому вопросу; сделайте же это!

(23) Он будет просить у вас о собственной матери, которая жива, которая коварно и безбожно умертвила человека; он будет стараться убедить вас, чтобы она не несла наказание за свое преступление. А я вас прошу ради моего умершего отца, чтобы она в любом случае понесла наказание! Ведь вы являетесь и называетесь судьями именно для того, чтобы преступники несли наказание» (Antiph. I. 21 sqq.).

Наконец, завершается речь следующим пассажем (в заключении, *regatio*, как и во вступлении также требовалось заручиться благорасположением судей):

Удивляюсь я все-таки дерзости брата и его намерению принести клятву за свою мать: дескать, он хорошо знает, что она ничего такого не совершала. Ибо как

²² Имеется в виду тот самый единокровный брат обвинителя, который выступает в качестве защитника обвиняемой.

²³ В тексте лакуна.

кто-либо может хорошо знать дела, в которых он сам не принимал участия?²⁴ Ведь никогда те, кто замышляет убийство близких, не задумывают и не готовят его при свидетелях. Напротив, они стараются сделать это как только можно скрытно, чтобы ни один человек не узнал.

(29). А те, против кого злоумышляют, ничего не знают до тех пор, пока уже не столкнутся с самим злом; тогда-то они понимают, в каком несчастье оказались. Тогда они, если имеют возможность и время перед смертью, созывают и друзей и родственников своих, и свидетельствуют, и говорят им, по чьей вине они гибнут, и поручают отомстить за них обидчикам.

(30). Именно это и мне, когда я был мальчиком, поручил отец, страдая от тяжелой, смертельной болезни²⁵. А если им это не удастся, то они пишут письма, призывают своих домашних в качестве свидетелей и объявляют, кем они убиты. Вот и отец мне, еще в юности моей, это объявил и написал²⁶ – мне, граждане, а не своим рабам.

(31). Итак, это мне сообщено, и тем оказана помощь и умершему, и закону. Теперь ваша задача – самим обдумать остальное и вынести справедливый приговор. Считаю, что и подземным богам это безразлично, поскольку и им нанесена обида (Antiph. I. 28 sqq.).

Что здесь бросается в глаза? Очевидным образом – заискивающий, просительный тон, в котором обвинитель обращается к судьям. Несмотря на то что он, казалось бы, «в своем праве»²⁷, он не требует, а именно просит. Не случайно в речи мы и встречаем глаголы с соответствующим значением (δέομαι, αἰτέομαι). Удивляться этому не приходится: напомним, обвинитель – юноша, а в греческом полисном мире одним из основополагающих принципов поведения являлось уважение к старшим. Правда, как раз в период Пелопоннесской войны эта система отношений начала меняться²⁸ (что отразилось, в частности, и в комедиях Аристофана, вспомним хотя бы коллизии между Стрепсиадам и Фидиппидом в его «Облаках»). Но о полном сдвиге в ценностях говорить всё же нельзя. И уж во всяком случае Антифонт прекрасно понимал, что его клиент, будучи молодым человеком, в большей степени может

²⁴ Отравление (или то, что обвинитель называет отравлением, – по словам же защиты, обвиняемая хотела лишь дать разлюбившему ее мужу приворотное зелье) произошло несколькими годами ранее, когда оба фигурирующие здесь брата были еще подростками.

²⁵ Отец обвинителя умер от яда не сразу, а проболел еще какое-то время.

²⁶ То есть и устно объяснил, и дал письменное распоряжение.

²⁷ По мнению Э. Кэрзуэна, мачеха и лица, ее представлявшие, и не думали отрицать, что зелье было дано. Они только настаивали на том, что намерения убить не было (Carawan E. Op. cit. P. 216 ff.), а это, конечно, весьма шаткая позиция.

²⁸ См. к проблеме: Strauss B. S. Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War. L., 1993.

снискать благорасположение дикастов (в основном, как прекрасно известно, пожилых граждан), если будет в своей речи проявлять подчеркнутое почтение к ним.

Перейдем теперь к речи «Об убийстве Герода». Перед приведением соответствующих цитат необходимо оговорить вот какой нюанс. Обычно в случае убийства родственниками жертвы возбуждался (согласно законам Драконта²⁹) иск, влекший за собой процесс *díktē fónou*. Дело в таком случае разбиралось Арэопагом (если убийство было умышленным). Однако на сей раз обвинители предпочли действовать иным путем, а именно арестовали Евкисфея, подозреваемого в совершении преступного деяния, посредством процедуры *ἀπαγωγή*, применявшейся против так называемых злодеев (*κακοῦργοι*)³⁰. И обвиняемый предстал перед коллегией гелиеи.

Под категорию «злодеев» действительно попадали некоторые убийцы, а именно те, которые не следовали налагавшимся на них по законам Драконта ограничениям (например, появлялись на агоре). Но в данном случае ничего подобного не было. Соответственно, Антифонт на протяжении всей речи регулярно настаивает на том, что допущено серьезное процедурное нарушение, в результате чего решение суда не может иметь законной силы.

²⁹ Об этих законах (и соответствующих процедурах) см.: *Ruschenbusch E.* ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // *Historia*. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 129–154; *MacDowell D. M.* Athenian Homicide Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963; *Stroud R. S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968; *Gagarin M.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981; *Humphreys S. C.* A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 17–45; *Boegehold A. L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton, 1995. P. 43–50; *Carawan E.* Op. cit.; *Schmitz W.* «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // *Klio*. 2001. Bd. 83. S. 7–38; *Barta H.* Op. cit. S. 77 ff.; *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 27–52; *Суриков И. Е.* Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11. С. 5–25.

³⁰ Об этой процедуре на русском языке см., например, в старом, но сохраняющем свое значение справочнике: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 228 сл. В мировой же литературе см. прежде всего: *Hansen M. H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C. Odense, 1976. О процедурных особенностях конкретно данного дела см. в предисловии М. Гагарина к речи «Об убийстве Герода» в издании: *Antiphon & Andocides / Transl. by M. Gagarin & D. M. MacDowell*. Austin, 1998. P. 49–50.

Вот вступление к речи:

Хотел бы я, граждане, чтобы способность говорить и опытность в делах были у меня такими же, как мое несчастье и обрушившиеся на меня беды! А теперь в делах я опытен далеко не так, как нужно, а в словах слишком слаб, чтоб себе помочь.

(2). Ведь в чем мне надлежало пострадать из-за неподобающего обвинения – в том опыт мне нисколько не помог. А в чем мне надлежит спастись благодаря истине, рассказав, как всё было, – в том мне вредит мое неумение говорить.

(3). Ибо многие люди из числа неспособных говорить, чьи истинные показания сочли не заслуживающими доверия, из-за этого самого погибли – они не смогли доказать истину. А многие из числа способных говорить, чьи ложные показания сочли заслуживающими доверия, таким образом спаслись – из-за того, что солгали. Итак, с неизбежностью, если кто-то неопытен в судебных тяжбах, он больше зависит от слов обвинителей, чем от самих дел и от истины вещей.

(4). Итак, я, граждане, не буду просить у вас выслушать меня, как просят многие тяжущиеся, которые самим себе не верят, а от вас заранее ждут чего-то плохого. Нет, естественно, от добрых мужей и без всякой просьбы можно ожидать выслушивания обвиняемых, как и обвинителей выслушивают, хоть они о том и не просят.

(5). А я вас прошу вот о чем: с одной стороны, если я своим языком совершу какую-нибудь ошибку, проявить ко мне снисхождение и считать, что причина ошибки – неопытность, а не преступность; с другой же стороны, если я скажу что-нибудь верное – приписывать это истине, а не моему красноречию. Ведь несправедливо ни согрешившему на деле спастись благодаря словам, ни правильно поступавшему на деле погибнуть из-за слов. Ведь одно дело – погрешность языка, другое дело – грешный настрой ума...

(7). Да я и сам вижу, что даже люди весьма опытные в тяжбах говорят намного хуже самих себя, когда окажутся в какой-нибудь опасности; а когда они делают что-нибудь, не подвергаясь опасности, то выглядят гораздо лучше. Итак, граждане, эта моя просьба и законна, и благочестива, и находится в вашем праве не меньше, чем в моем; а теперь я буду оправдываться по каждому пункту обвинения (Antiph. V. 1 sqq.).

Безусловно, здесь тоже налицо *captatio benevolentiae*, как и в памятнике, рассматривавшемся ранее. Евксифей и упоминает о своей неопытности, и не жалеет добрых слов по адресу судей... И всё же его тон – отнюдь не такой униженно-заискивающий, как у юноши из речи «Против мачехи». Данный клиент Антифонта держит себя в большей степени «на равных» по отношению к присяжным: подчеркивает, что не просит их выслушать его, поскольку это и так их прямой долг, а также постоянно говорит, что истина, правота – на его стороне.

Перейдя к основной части речи, Евксифей в весьма эмоциональном пассаже останавливается на процедурной стороне дела:

Ведь, прежде всего, я являюсь ответчиком в процессе об убийстве, при этом подвергшись доносу как злодей; но такого еще ни с кем никогда не случилось в этой земле! А в том, что я не злодей и не подпадаю под закон о злодеях, – сами же эти люди³¹ мне в том стали свидетелями. Ибо против воров и грабителей направлен этот закон, а они не доказали, что я имею какое-то отношение к ворам или грабителям. Таким образом, они именно сам арест сделали для вас законнейшим и справедливейшим поводом оправдать меня.

(10). Опять же, они, со своей стороны, говорят, что убить – это великое злодейство. И я, со своей стороны, с этим согласен: величайшее! Равно как и совершить святотатство или изменить своему государству. Однако о каждой из таких вещей существуют отдельные законы. А мне, во-первых, устроили суд вот здесь, на агоре, хотя другим, являющимся ответчиками в делах об убийстве, именно здесь специальным объявлением запрещают находиться. Далее, они сделали так, чтобы суд определял мне меру наказания (хотя, согласно закону, убийца в возмездие сам должен умереть); но сделали они это не для того, чтобы мне помочь, а в своих собственных интересах, и притом оказали меньшее почтение умершему, чем того требует закон. А из-за чего они так поступили – это вы узнаете из дальнейшего изложения³².

(11). А затем – я полагаю, что вы все это знаете, – все суды разбирают дела об убийствах под открытым небом³³, и не ради чего иного, как ради того, чтобы, с одной стороны, судьи не входили в одно помещение с теми, у кого руки нечисты, а с другой стороны, чтобы обвинитель в деле об убийстве не оказывался под одной кровлей с убийцей. А ты³⁴, с одной стороны, преступая этот закон, совершил враждебные действия по отношению к другим. С другой стороны, тебе требовалось принести величайшую и сильнейшую клятву³⁵, призвав погибель на себя, на свой род и на свой дом; ты должен был поклясться, что будешь обвинять меня не в чем ином, а только в самом убийстве, что я его совершил. Тогда я, даже если бы сделал много зла, был бы осужден не из-за этого, а только по самому предмету рассмотрения; равным образом, если бы я сделал много хорошего, это хорошее меня не спасло бы.

(12). Это-то ты и нарушил, сам для себя изобретя законы; и вот, сам обвиняешь меня, не принеся клятвы, и свидетели дают показания против меня, не принеся клятвы, хотя им нужно принести одинаковую с тобой клятву, прикоснуться к жертвам и только после этого свидетельствовать против меня. Кроме того,

³¹ Обвинители.

³² Интересно, что это свое обещание говорящий в дальнейшем так и не выполняет.

³³ Имеются в виду именно афинские суды по делам об убийствах – Ареопаг и суды эфетов.

³⁴ Обращение к главному обвинителю.

³⁵ Клятва приносилась бы, если бы процесс, как положено, разбирался в Ареопаге. В гелиее же таких клятв от тяжущихся сторон не требовалось.

ты настаиваешь, чтобы судьи разбирали дело об убийстве, поверив свидетелям, не приносившим клятвы, — хотя ты сам, нарушив установленные законы, сделал этих свидетелей не заслуживающими доверия. И опять же, ты считаешь, что судьи должны предпочесть твое беззаконие самим законам!..

(17). Вот еще что: я, граждане, был заключен в тюрьму самым незаконным образом из всех людей. Ведь, хотя я желал, согласно закону, представить трех поручителей, эти люди так устроили, что мне не было позволено это сделать. А ранее всегда, если кто-нибудь из чужеземцев желал представить поручителей, — никто из них никогда не заключался в тюрьму. Однако должностные лица, ведающие злодеями, используют один и тот же закон — этот самый. Так что и он, будучи общим для всех остальных, только мне одному не смог помочь.

(18). Ведь этим людям была от того следующая польза: чтобы я, прежде всего, не мог сам хлопотать о своих делах и оказался неподготовленным; затем, чтобы я претерпел телесные страдания; да чтобы и друзья мои стали более склонны ложно свидетельствовать в их пользу, чем истинно — в мою. Позором окружили и меня самого, и моих близких на всю жизнь!

(19). Вот так-то я, лишенный защиты ваших законов и справедливости, вступаю в процесс; однако я, тем не менее, со своей стороны, даже и в таких условиях попробую показать, что невиновен. Хотя, конечно, тяжело тотчас изобличить давние клеветы и злоумышления: ведь чего человек не ожидал, от того он не может остережся (Antiph. V. 9 sqq.).

Как видим, обвиняемый говорит с большой живостью; он, в частности, регулярно меняет «адресата» своей речи, обращаясь то к судьям, то к обвинителям; соответственно, последние фигурируют у него то в третьем, то во втором лице. Затем Евксифей столь же живо, в деталях рассказывает об обстоятельствах происшедшего. Он и Герод случайно оказались пассажирами на одном корабле, шедшем из Митилены в Энос на северном берегу Эгейского моря. Однако, когда судно еще огибало Лесбос, ввиду разразившейся бури пришлось сделать вынужденную остановку в какой-то бухте; там и заночевали. Шел дождь, и плывшие на судне перешли на пришвартованный рядом другой корабль, поскольку на нем имелась крыша или навес.

«А когда мы перешли на другое судно, мы там пили», — откровенно сообщает Евксифей (Antiph. V. 23). Ночью Герод пропал, и утренние поиски не принесли никакого результата. По вопросу о том, как произошло исчезновение, тяжущиеся стороны выдвигают кардинально различающиеся версии. Обвиняемый заявляет, что сам он лег спать и вообще не сходил с корабля на берег, а вот Герод куда-то ушел и не вернулся. Приняв активное участие в безуспешных поисках пропавшего, Евксифей затем отбыл в Энос. Обвинители же — родственники Герода — настаивают на том, что он был убит на суше Евксифеем, а труп утоплен в море. Вот характерный фрагмент из рассказа подсудимого.

...На следующий же день, когда выяснилось, что человек пропал, его искали и другие – но и я ничуть не меньше; и если кому-то из других дело казалось странным – то и мне в той же мере. И именно я предложил послать вестника в Митилену³⁶, и по моему совету он был послан.

(24). Причем никто не хотел отправляться – ни из числа тех, кто был на судне, ни из числа тех, кто плыл с самим Геродом; и я уж был готов послать собственного слугу. Уж точно я не посылал сознательно доносчика против себя самого! А когда пропавший не отыскался ни в Митилене, ни в каком-либо другом месте, нам предстояло плыть дальше; и все остальные суда отбывали, и я тоже отправился в море. Свидетелей этого я вам предоставляю...

(26). Но они³⁷ говорят, будто этот человек погиб на суше: я-де бросил ему в голову камнем – я, который вообще не сходил с судна! И они это точно знают; но как пропал человек – об этом они не могут сказать ни одного правдоподобного слова. Ведь ясно, что это, вероятно, произошло где-то вблизи гавани: с одной стороны, потому, что человек был пьян, с другой – потому, что он сошел с судна ночью. Во-первых, его уже ноги не держали; во-вторых, не похоже, чтобы у ушедшего ночью была какая-либо причина совершать дальний путь.

(27). А этого человека два дня искали и в гавани, и за пределами гавани, но не обнаружили ни очевидца, ни крови и никакой другой улики. И это я еще снихожу до их доводов, хотя я предоставил свидетелей того, что не сходил с судна... (Antiph. V. 23 sqq.)

Евксифей, напомним, является гражданином не афинского, а союзного полиса, – стало быть, с точки зрения афинян, «человеком второго сорта». А к тому же именно на митиленян в Афинах были особенно раздражены, поскольку незадолго до того, в начале Пелопоннесской войны, крупнейший город Лесбоса поднял крупное восстание, которое лишь с трудом удалось подавить³⁸. Однако Евксифей вовсе не предстает запуганным, униженным человеком. Он – выходец из знатной и богатой семьи, и он ведет себя с дикастами как равный с равными. Обвиняемый (точнее, конечно, Антифонт его устами) демонстрирует, например, неплохое знание афинской истории.

³⁶ Чтобы сообщить родственникам Герода о его пропаже и удостовериться, не оказался ли он дома.

³⁷ Опять обвинители.

³⁸ См. в данной связи, например: *Wassermann F. M.* Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1956. Vol. 87. P. 27–41; *Wassermann F. M.* Die mytilenaiische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 477–497; *Debnar P. A.* Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // RhM. 2000. Bd. 143. Ht. 2. S. 161–178; *Schmitz T.* The Mytilene Debate in Thucydides // Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie. B.; N. Y., 2010. S. 45–65.

Например, еще и по сей день не найдены те, кто убил Эфиальта, вашего согражданина. Поэтому если бы кто-нибудь требовал от его сотоварищей предположений, кто были убийцы, а если они таких предположений не сделают, обвинял бы их в убийстве, — нехорошо бы это было. Далее, убийцы Эфиальта, во всяком случае, не попытались скрыть труп и таким образом riskовать обнаружить дело — подобно тому, как я, по словам этих людей, не взял себе сообщника, замышляя убийство, а взял его для скрытия тела (Antiph. V. 68).

Речь идет о том самом знаменитом Эфиальте, который в 462–461 гг. до н. э. провел в Афинах реформу Ареопага, а затем был убит при невыясненных обстоятельствах³⁹. Всё же Эфиальт по масштабам своей деятельности — отнюдь не Кимон, не Перикл, и информированность об обстоятельствах его кончины, по идее, должна была вызвать у дикастов симпатию к Евксифею: дескать, перед нами — «свой», а не какой-то чужак, не знакомый с нашими делами.

Обращает на себя внимание еще и то место из речи «Против Герода», где обвиняемый говорит о своем отце:

Но мне следует сказать и в защиту отца. Хотя, конечно, гораздо более подобало бы, чтобы он говорил в мою защиту, поскольку он — отец. Ведь он намного старше моих дел, а я намного моложе того, что им было сделано. И если бы я в нашей тяжбе засвидетельствовал против обвинителя что-либо, что я знаю не точно, а лишь по слухам, то он сказал бы, что я творю против него нечто невиданное.

(75). А в то же время он, принуждая меня оправдываться относительно тех дел, о которых я, будучи намного моложе, знаю только с чужих слов, не считает, что тем самым творит нечто невиданное! Но всё же, конечно, я — в той степени, в какой я это дело знаю, — не допущу, чтобы перед вами несправедливо злословили моего отца. Хотя я, пожалуй, могу ошибиться, неправильными словами передав вам его правильные дела, — но все-таки нужно рискнуть.

(76). Ведь прежде, чем случилось отпадение митиленян⁴⁰, отец делом показывал свою приверженность к вам. Когда же весь город, отпав, принял дурное, ошибочное решение, поневоле со всем городом провинился и мой отец. Итак, мыслями своими даже и при таких обстоятельствах всё равно был за вас, но уже не мог в этой ситуации проявлять ту же приверженность к вам. Ибо у него не было и возможности легко покинуть город: ведь многое его там удерживало — и дети,

³⁹ Не все исследователи даже считают, что загадочная смерть Эфиальта — результат убийства. См. к этой проблематике: *Stockton D. The Death of Ephialtes // Classical Quarterly*. 1982. Vol. 32. No. 1. P. 227–228; *Roller D. W. Who Murdered Ephialtes? // Historia*. 1989. Bd. 38. Ht. 3. S. 257–266.

⁴⁰ Восстание Митилены против афинского владычества в начале Пелопоннесской войны, о котором говорилось выше.

и имущество⁴¹. А, с другой стороны, оставаясь в городе, не под силу ему было отстаивать свое мнение...

(79). Несправедливо, чтобы мой отец один нес наказание за то, что он совершил вместе со всем городом, причем в большей степени по принуждению, а не намеренно. Ведь тогдашнее преступление стало для всех митиленян навеки памятным: ибо они этим поменяли большое счастье на большое несчастье и увидели, как их родина была разорена⁴². А тем частным обвинениям, которые обвинители клеветнически возводят на моего отца, не верьте: ведь всех их интриги против меня и него – из-за денег. И многое способствует тем, кто хочет поживиться чужим: отец мой слишком стар, чтобы помочь мне, а сам я слишком молод, чтобы суметь надлежащим образом постоять за себя.

(80). Но помогите мне вы, и не учите сикофантов иметь большую силу, чем вы сами! Ведь если они, входя к вам, будут делать что хотят, то урок будет заключаться в том, что нужно им угождать, а вашего суда избегать. А если они, входя к вам, будут считаться негодяями, которым ничего не положено, то честь и сила будут вашими, как и подобает по справедливости. Итак, помогите и мне, и справедливости (Antiph. V. 74 sqq.).

В конце процитированного пассажа тон обвиняемого восходит до высокого пафоса. Евксифей просто-таки требует от судей, чтобы они не связывали между собой два вопроса, не имеющих друг к другу никакого отношения, – митиленское восстание и его конкретное дело. Завершает же речь он следующим образом:

И, право, если уж необходимо в чем-то ошибиться, то более благочестиво будет несправедливо освободить, нежели не по справедливости погубить. Ведь первое – только ошибка, а второе – еще и нечестие. На кого нужно обращать особенное внимание – так это на тех, кто хочет совершить неисправимое дело. Ибо в деле исправимом меньше значит ошибка даже для тех, кто поддался гневу и поверил клевете: ведь можно еще, передумав, принять правильное решение. А вот в делах неисправимых только хуже передумывать и решать, если уж совершена ошибка. Случалось уже некоторым из вас раскаиваться после того, как они погубили людей. Однако раз уж вам случалось раскаиваться из-за того, что вас обманули, уж точно, во всяком случае, следовало, разумеется, обязательно погибнуть тем, кто вас обманывал, конечно!..⁴³

⁴¹ Тут есть некоторая риторическая передержка. В тот момент, когда шел процесс об убийстве Герода, отец Евксифея, будучи митиленянином, проживал тем не менее в Эносе. Почему-то теперь его уже ничто не удерживало на родине.

⁴² Митилена после своего восстания, естественно, была подвергнута жесткому наказанию со стороны Афин.

⁴³ В последнем предложении – экстраординарное обилие эфатических частиц, что и мы попытались отразить в переводе.

(93). А вы будьте уверены, что я ни за что не прибыл бы в этот город, если бы знал за собой что-либо подобное⁴⁴. Но теперь вот прибыл, веря в справедливость – ничто более нее не достойно помочь человеку, не знающему за собой никакого нехорошего поступка и никакого нечестия по отношению к богам. Ведь в таких обстоятельствах уже и душа спасла вместе с собой истощенное тело⁴⁵, желая страдать за то, что она ничего дурного за собой не знает. А тому, кто за собой что-то знает, это самое и является первым врагом: тело еще держится, а душа его предает, считая, что это ей в наказание за нечестие. А я, ничего такого за собой не зная, прибыл к вам...

(95). Уж точно очень легко представить ложные свидетельства против человека, являющегося ответчиком в процессе, где речь идет о смерти. Ведь если только они тотчас вас убедят меня казнить, вместе с моим телом погибнет и возможность отомстить. Ибо и друзья уже не захотят мстить за погибшего; а если и пожелают – чем лучше от этого будет тому, кто уже мертв?

(96). Поэтому теперь оправдайте меня! А в процессе по поводу убийства⁴⁶ эти люди, принеся положенную клятву, будут меня обвинять, и вы вынесете мне приговор согласно наличным законам. И тогда уж, если мне придется что-то претерпеть, у меня не будет повода говорить, что я гибну вопреки законам. Об этом-то я и молю вас, не пренебрегая вашим благочестием, но и себя не лишая справедливости: ведь в вашей присяге и мое спасение содержится. Примите во внимание то из сказанного, что вам угодно, и оправдайте меня (Antiph. V. 91 sq.).

Евксифей не просит (помилования у судей) – нет, он скорее требует (соблюдения законности в его деле). Сравнивая общий тон двух рассмотренных речей, сразу видим, что если в речи «Против мачехи» этот тон – униженное заискивание, то здесь мы сталкиваемся с чем-то совсем другим: с благородным возмущением.

Наконец, речь «О хоревте». Напомним, здесь обвиняемый и клиент Антифонта – видный политик, человек немолодой. Начинает он так:

Для того, кто является человеком, приятнее всего, граждане судьи, чтобы его жизни не угрожала никакая опасность, и в молитве⁴⁷, пожалуй, можно попросить вот о чем: даже если и нагрянет опасность, то пусть по крайней мере будет так (а я считаю, что в подобном деле это главное), чтобы сам человек сознавал свою

⁴⁴ Евксифей имеет в виду, что, хотя его официально вызвали на суд в Афины, он при желании легко мог бы скрыться. Это, бесспорно, соответствует действительности.

⁴⁵ Обвиняемый намекает на свой арест, который, по его мнению, был безусловно противозаконным.

⁴⁶ Евксифей,помним, настаивает на том, что нужно прекращать возбужденный вопреки нормам процесс против него как против «злодея» и возбуждать правильный процесс, основанный на законах Драконта об убийстве.

⁴⁷ Вступление к речи воспринималось в некотором смысле как молитва богам.

невиновность. Нет, если уж и несчастье случится, пусть случится оно без порока и позора, по вине случая, а не преступления.

(2). И законы, которые приняты об этих делах, всеми могут быть восхвалены как прекраснейшие и благочестивейшие из всех принятых законов. Ведь так получается, что они – самые древние в нашей стране⁴⁸; стало быть, они всегда гласят одно и то же об одном и том же, а ведь это – лучший признак того, что законы составлены хорошо; ибо время и опыт показывают людям, что не является хорошим. Так что не подобает вам на основании слов обвинителя исследовать законы – хороши они или нет. Напротив, вы должны на основании законов исследовать их⁴⁹ слова: доказывают ли они вам что-либо согласно с истиной и законами или же нет.

(3). Итак, мой судебный процесс имеет величайшее значение и для того, кто подвергается опасности, и для того, кто обвиняет. Но я, со своей стороны, считаю, что и для вас, судей, очень важно выносить правильные решения в делах об убийствах, – прежде всего ради богов и благочестия, а затем и ради вас же самих. Ведь этот процесс вот о чем: если в нем не будет вынесено правильное решение, он окажется сильнее справедливости и истины (*Antiph. VI. 1 sqq.*).

Здесь перед нами в очередной раз новый тон; на этот раз участник процесса обращается к судьям не «снизу вверх», как в речи «Об убийстве мачехи», и даже не «на равных», как в речи «Об убийстве Герода», а очевидным образом «сверху вниз». Невозмутимо, даже несколько утомленно (образ афинского политика, уставшего от дел) обвиняемый разъясняет дикастам некие элементарные истины. В том же духе он и продолжает:

7. Я же, граждане, придерживаюсь не такого мнения относительно защитительной речи, какого обвинители придерживаются относительно речи обвинительной. Ибо они говорят, что преследуют меня судебным порядком ради благочестия и справедливости, однако свою обвинительную речь целиком построили на началах клеветы и обмана – а ведь это несправедливейшая для людей вещь. Не то чтобы они, изобличив меня в каком-то преступлении, справедливо желают меня наказать; нет, они клеветают, чтобы я, даже если ничего преступного и не совершал, был наказан и изгнан из нашей страны.

(8). А я желаю прежде всего отвечать по самому делу и изложить перед вами всё, что произошло. Затем я намереваюсь оправдаться относительно других вещей, в которых эти люди меня обвиняют, если вам приятно будет это слушать. Ведь я считаю, что мне это принесет честь и пользу, а обвинителям и клеветникам – позор.

(9). Вот что ужасно, граждане: если я совершил какую-либо несправедливость по отношению к городу – будучи ли хорегом или при каких-нибудь иных обстоятельствах, – пусть им будет позволено, доказывая и всюю изобличая, покарать врага и помочь городу; но пока еще никто из них не оказался в состоянии уличить

⁴⁸ Речь идет, разумеется, о тех же самых законах Драконта.

⁴⁹ Обвинителей.

этого человека⁵⁰ в несправедливости – ни малой, ни большой – по отношению к вашему народу. А в этом процессе, хотя они обвиняют меня в убийстве, а соответствующий закон гласит, что в обвинительной речи нужно говорить строго по делу, – они мошенничают, сочиняя против меня лживые речи и клевета, будто я враждебен городу. А если уж нанесен вред городу, то полагается официальное обвинение, а не частная месть; а они говорят, что пострадал город, но при этом считают возможным возбуждать по такому вопросу частный иск.

(10). Однако эти обвинения не заслуживают ни милостивого отношения, ни доверия. А именно: во-первых, конечно, если тот, на которого город, потерпев какой-то ущерб, уже налагал наказание, теперь сам выступает с обвинением, такой человек не заслуживает милостивого отношения со стороны города. Во-вторых, кто вчиняет иск по одному делу, а в обвинительной речи говорит о другом, – тому, нужно полагать, подобает скорее не доверять, чем доверять. А я-то примерно знаю ваше мнение: вы не можете ни осудить, ни оправдать на основании чего-либо иного, кроме самого рассматриваемого дела. Ведь это и благочестиво, и справедливо... (Antiph. 7 sqq.).

Начав рассказывать о сути дела, обвиняемый далее замечает:

Вот так я исполнял обязанности хорега. А если я тут что-то лгу ради оправдания, обвинитель в следующей речи имеет право уличить меня в том, в чем ему угодно. Но на самом деле всё так и есть, граждане! Многие из этих людей, стоящих вокруг⁵¹, точно знают все описанные дела; они слушают служителя, принимающего клятвы, и думают обо мне и о том, что я отвечаю. Мне бы хотелось и их заставить считать, что я соблюдаю клятву, и вас, говоря правду, убедить оправдать меня... Понятно, обвинять и оговаривать позволено любому желающему: ведь каждый сам в этом волен. Однако я считаю, что от их слов не может стать случившимся то, что не случилось, и не может стать преступником тот, кто не совершал преступления: тут дело решают справедливость и истина. Ведь когда дела делаются тайно и замышляется убийство, свидетелей быть не может, и в таких случаях неизбежно приходится предпринимать расследование на основании самих слов обвинителя и защищающегося. При розыске приходится относиться к тому, что говорится, с некоторым подозрением, а при вынесении приговора по таким делам – руководствоваться скорее предположениями, чем твердым знанием. А тут, прежде всего, сами обвинители признают, что смерть мальчика случилась без всякого умысла или предварительной подготовки; а, кроме того, дела-то все происходили совершенно явно, в присутствии многих свидетелей, взрослых и детей, свободных и рабов... (Antiph. VI. 14, 18–19).

⁵⁰ Хорег имеет в виду себя. Необычный способ выражения (посредством третьего лица), возможно, знаменует иронию.

⁵¹ Это – граждане, наблюдающие за судебным процессом в качестве зрителей. О них см., например: *Lanni A. M. Spectator Sport or Serious Politics? oí περιεστηκότες and the Athenian Lawcourts // Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 183–189.*

Ниже хорег указывает, что представители противоположной стороны прибегают к «двойным стандартам»:

Но знаю я еще и вот что, граждане: что, если бы присутствовавшие тогда свидетели⁵² стали давать показания против меня, в пользу обвинителей, эти люди воспользовались бы именно их свидетельствами как главнейшими и объявляли бы, что они-то и есть самое надежное доказательство [– свидетели, дающие показания против меня]⁵³. Однако сами свидетели показывают: то, что я говорю, – правда, а то, что они говорят, – неправда. И обвинители подучивают вас не доверять свидетелям, раз они дают показания в мою пользу, а говорят, что вам следует верить их, обвинителей, собственным словам, хотя эти слова я изобличил бы во лживости, даже если бы говорил без свидетелей (Antiph. VI. 28).

Итак, я считаю, что на основании сказанного и предъявленного, граждане, справедливо было бы вам вынести мне оправдательный приговор, а также что все знают: это обвинение не имеет ко мне никакого отношения. А чтобы вы еще лучше это узнали, – для этого я скажу пространнее и докажу вам, что эти обвинители – самые злостные нарушители клятв и самые большие нечестивцы из всех людей, что они достойны того, чтобы их из-за этой вот тяжбы ненавидел не только я, но и вы все, и остальные граждане (Antiph. VI. 33).

В этом же духе речь и завершается:

Но могут ли быть более дерзкие или более склонные к беззаконию люди? В чем они сами себя не смогли убедить – в том они хотят убедить нас. И в чем они сами же меня оправдали своими делами – за то предлагают вам меня осудить. Другие люди изобличают слова, опираясь на дела, а эти стараются, опираясь на слова, сделать дела не заслуживающими доверия.

(48). Но если бы я ничего другого не сказал и не доказал и свидетелей не представил бы, а продемонстрировал бы вам только одно – что эти люди, когда получали деньги за выступление против меня⁵⁴, обвиняли и объявляли о запрещениях, а когда не оказалось того, кто им должен был деньги дать, общались со мной и беседовали, – уже этого самого было бы достаточно, чтобы вы, услышав, меня оправдали, а их считали самыми злостными клятвопреступниками и нечестивцами из всех людей.

(49). Ибо какую тяжбу они не начнут, или какой суд не обманут, или какие клятвы не дерзнут нарушить – они, которые и теперь, получив за выступление против

⁵² То есть очевидцы того, как мальчику было дано лекарство и как он от этого умер.

⁵³ Слова, помещенные в квадратных скобках, некоторыми издателями исключаются как позднейшая вставка. Видимо, таковой они и являются (и, во всяком случае, ничего нового к смыслу фразы не прибавляют).

⁵⁴ Хорег настаивает, что обвинители были подкуплены демагогами, его политическими врагами.

меня тридцать мин от пористов, полетов, практоров и помощников секретарей⁵⁵ (те им, а не секретарям, стали помощниками!), изгнав меня из булевтерия, принесли такие клятвы, что я, будучи пританом и узнав, какие страшные, ужасные вещи они творят, пожаловался в Совет и указал, что нужно при расследовании доискаться до истины дел?⁵⁶

(50). И теперь эти люди несут наказание – и сами, и те, кто за них поручился, [и те, у кого положены деньги на хранение]⁵⁷, – и содеянное стало ясным, так что и они не захотят с легкостью отрицать, да и не смогут: так уж у них сложились дела (Antiph. VI. 47 sqq.).

Даже невооруженным взглядом видно, что общий тон этой последней речи – не униженное заискивание, как в речи «Против мачехи», и не благородное возмущение, как в речи «Об убийстве Герода», а спокойная уверенность. Обвиняемый не сомневается, что победа в процессе у него «в кармане». Судей он нисколько не боится (или, по крайней мере, хочет создать у них такое впечатление).

Ощущается и разница в лексике. Если юноша, возбуждивший иск против мачехи, постоянно просит (глаголы $\delta\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$, $\alpha\iota\tau\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$), то в выступлении хорега мы этих глаголов не найдем. Он не снисходит до того, чтобы просить. Зато нередок у него глагол $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ с основным значением «учить, наставлять». Иными словами, именитый гражданин разговаривает с присяжными в учительном тоне. Заметим здесь, что в речи «Об убийстве Герода», занимающей с этой точки зрения промежуточное положение, встречаются как глагол $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, так и глаголы $\delta\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$, $\alpha\iota\tau\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$.

Подчеркнем: мы лишь очень кратко осветили отдельные аспекты затронутой темы. Однако даже самый беглый анализ некоторых мест из судебных речей Антифонта с полной ясностью показал: этот оратор уже в полной мере пользовался приемами этопии. Работая для разных клиентов, он обращался к неодинаковым стилистическим и лексическим средствам, всякий раз выбирал оптимальную речевую стратегию, в максимальной степени соответствующую характеру, возрасту, социальному положению своего «подзащитного». А поскольку Антифонт – первый логограф, то, похоже, появляется возможность назвать его изобретателем судебной этопии как таковой.

⁵⁵ Второстепенные финансовые магистратуры в Афинах. Хорег изобличал занимавших их лиц в казнокрадстве, за что, по его словам, и стал жертвой судебного обвинения.

⁵⁶ Получается, что этот клиент Антифонта, будучи весьма влиятельным гражданином с обширными связями, в определенной степени задействовал «административный ресурс», чего он тут и не скрывает.

⁵⁷ Место в квадратных скобках иногда исключается как позднейшая вставка, хотя прямых оснований к этому нет. О каких деньгах идет речь – не вполне ясно; возможно, что о взятке, которая, по словам хорега, была обещана его обвинителям.

Научное издание

Игорь Евгеньевич Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ:
МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
Opuscula selecta III

2-е издание

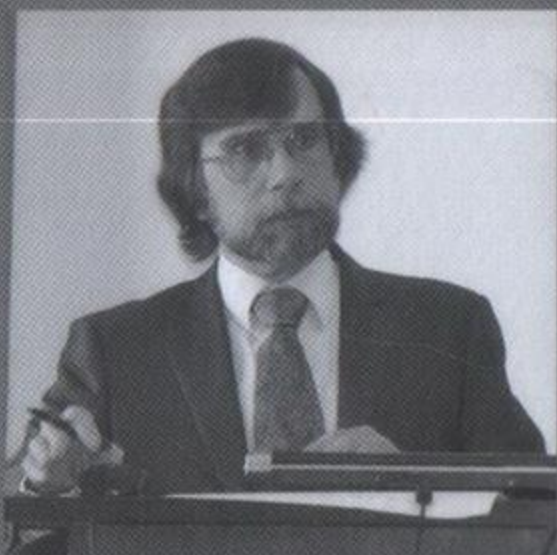
Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.12.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 55,47. Тираж 400. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

Игорь Евгеньевич Суриков
(р. 1965) — специалист по истории
и культуре античной Греции.
Доктор исторических наук (с 2004 г.).
Главный научный сотрудник Инсти-
тута всеобщей истории РАН,
профессор факультета культуроло-
гии РГГУ. Автор более 500 опу-
бликованных работ, в том числе
более 30 книг.

